ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Томъ 6 и 7.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ VI.

Азіатская Россія.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ

Элизе Реклю

Том VI.

Азиатская Россия

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
С.-ПЕТЕРБУРГ.

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подьяческая, 39.

Том VI. АЗИАТСКАЯ РОССИЯ

Глава I Общий взгляд на Азию

I

Из всех материков, называемых обыкновенно «частями света», Азия по своей величине самая значительная: она составляет почти ровно третью часть всей поверхности суши, взятой в целом, превосходит своими размерами площадь, занимаемую Америкой, и на треть больше Африки; Европа, на которую можно смотреть отчасти, как на простой полуостровной придаток Азии, равняется немного более, чем пятой части её. Выразив величину Азии в числах, получим, что поверхность континентальной Азии, без Каспийского моря и восточных уездов Пермской губернии равна 39.034.200 кв. верстам, а вместе с островами Японскими, Филиппинскими и Зондским архипелагом—41.690.040. кв. в.

Но если, при такой обширности территории, Азия занимает первое место между другими частями света, то, в прочих отношениях, как например: в богатстве полуостровных форм, в величине береговой линии, в количестве закрытых морей и в распространенности морского климата во внутренней части континента, она, во всяком случае, значительно уступает маленькой Европе. Азия не может дать, подобно Европе, своим обитателям очень важного—географического единства. Разъединенная высокими плоскогориями, бывшими днищами морей, на области совершенно различные, она лишена дождей на громадных протяжениях, что, вместе с сухостью воздуха вообще, холодом, разреженностью вдыхаемой атмосферы, служит большим препятствием для свободного передвижения народов; кроме того, склоны противулежащих гор не соединены здесь между собою теми естественными дорогами, какими служат в Европе долины Альп. Азия могла быть родиной нескольких местных цивилизаций, но Европе, её наследнице, надлежало слить их все вместе и создать ту высшую культуру, которая может быть воспринята всеми народами на земном шаре.

Сравнительно с другими материками, Азия преимущественно страна плоских возвышенностей. Если бы вся суша погрузилась одновременно в воды океана, то в то время, когда другие «части света» давным бы давно совсем исчезли—или же указывали о своем существовании только островками, верхушками гор—центральная часть Азии, с окаймляющими ее горными кряжами, все бы еще, словно цитадель, высоко поднималась над поверхностью волн. Азиатские плоскогория и пространство, которое они ограничивают, образуют, так сказать, среди континента другой континент, и при том совершенно отличный от окружающего, с иными климатом, флорою, фауною и людьми. Эти-то плоскогория, поднимающиеся в некоторых местностях на несколько тысяч футов, дают Азии, в общем, наибольшую высоту над морским уровнем, сравнительно со всеми другими материками Старого и Нового Света. Гумбольдт определил среднюю высоту Азии в 350 метров; между тем как Крюммель, основываясь на картах новейших исследователей, полагает возможным принять вместо 350 метров—500[1]: средняя же высота Европы выразится тогда лишь $^2/_3$ от этого числа.

Азия богаче береговыми извилинами, нежели Африка и Южная Америка: в особенности же южная часть её, где берега выдаются в виде полуостровов, омываемых заливами, и островов, разбросанных по соседним морям; но зато вся срединная часть материка, заключающая в себе плоскогория и пустыни, представляет поразительное однообразие в очертаниях. Эта поверхность, ограниченная с юга могучим Гималаем, Дапзангом и Каракорумом, почти со всех прочих сторон окружена еще другими горными цепями; на западе от нее отделяются различные хребты, изрезывающие Памир; на северо-западе Тянь-Шань; на севере—Алтай, а

1 „Versuch einer vergleichenden Morfologie der Meerestraume”

на востоке и северо-востоке—несколько горных кряжей, отделяющихся один от другого речными долинами. В целом, эта местность, столь отличающаяся от окраин Азии и заключающая в себе Тибет, Китайский Туркестан и степь Гоби, имеет вид громадной трапеции, постепенно съуживающейся по направлению к западу. У юго-западного угла её поднимается горный узел, образуемый пересечением Гималая и Каракорума;—здесь центр тяжести всего материка. Три больших равнины и три плоскогория расположены в перемежку, в виде радиусов одного колеса вокруг этого горного узла, имеющего, однако, высоту меньшую, чем многие другие массивы Азии: можно подумать, что вследствие явления интерференции, высоты опустились здесь в этой точке их скрещения. Три низменных области, расходящиеся радиусами от центрального узла, суть: равнина Татарии—с северо-запада; бассейн Тарима—с востока и, наконец, впадины, по которой текут Ганг и Инд,—с юга и юго-востока. Три плоских возвышенности, соприкасающиеся между собою почти в центре Азии:—Памир, Тибет и Иран. Последнее плато начинается сначала простою горною цепью Гиндукушем, отделяющею долины Инда и Аму-Дарьи; впрочем этот отросток слишком короток и самые возвышенности, примыкающие к нему, далеко не так высоки и обширны, как Тибет; но они имеют еще более правильную геометрическую форму: плоскогорие Иран, включающее в себе большую часть Афганистана, Белуджистана и Персии, представляет собою трапецию, две стороны которой, северная и южная, почти совершенно параллельны.

Северо-западная часть Иранского плоскогория, направляясь в Курдистан, Армению и Малую Азию, сливается там с другими горными массами, господствующими над Черным и Средиземным морями. Таким образом почти через весь азиатский материк тянется одна сплошная цепь, цельная на западе и раздвоенная на востоке, отделяя северный скат от южного и оставляя лишь несколько горных проходов, послуживших воротами, через которые пролегли исторические дороги. В самой средине восточной Азии, в том самом месте, где сплошная цепь раздваивается, Куэн-Лунь образует продолжение цепи Гиндукуш и других гор западной Азии; это самый высокий на земле хребет, если не по своим вершинам, то по своей массе, и тянется с запада на восток, вероятно, на протяжении 42-х градусов, т.е. на 3.557 верст[1]; хребет этот составляет половину всей континентальной оси, более правильную, чем та, которая идет по направлению к Европе. Всю эту цепь, тянущуюся от восточной части Куэн-Луня до Тавра, в Анатолии, можно бы назвать «Диафрагмой», хотя греки и употребляли это название только для гор северного Ирана. Европа также имеет свою диафрагму, или преграду, образуемую Пиренеями, Севеннами, Альпами, Схаром (Skhar) и Балканами, которая продолжается почти до самых кряжей западной Азии; но в этой европейской «Диафрагме», где собственно говоря, мало настоящих плоскогорий, есть множество широких ущелий, удобных проходов и даже полных перерывов цепи, что так облегчает переселение с одного склона на другой.

Цепи гор, ограничивающих плоские возвышенности Азии, или поднимающихся среди них, замечательны своей правильностью направлений, а хребты некоторых горных групп совершенно параллельны между собою. Гималай, в том месте, где поднимается «Лучезарная Гора», или Гауризанкар,—кульминационная точка земного шара,—поворачивает на север от Индустана в форме кривой, образуя совершенно правильную дугу круга, центр которого находится в Средней Азии, и именно в степи Гоби. Вся Гималайская система, а равно холмы Терай в Индустане, Дапзанг, Каракорум и все прочия цепи южного Тибета следуют, на север и юг от главного хребта, по параллельной ему кривой. Куэн-Лунь, этот позвоночный столб континента, а вместе с ним и множество второстепенных хребтов, входящих в состав его, тянутся по тому же самому направлению. Очевидная параллельность горных цепей встречается в большей части горных систем Сибири, Китая, Индустана, Индокитая, Ирана и Передней Азии. Вообще же, если не брать в рассчет бесчисленные мелкие искривления цепей, можно сказать, что горы Азии имеют два главных направления: с востока-юго-востока на запад-северо-запад, каковы Алтай, Тарбагатай, западный Гималай, горы Ирана и Кавка-

1 F. von Richthofen, „China", I.

за,—и с востока на запад, вернее: с востока-северо-востока на запад-юго-запад, каковы большая часть сибирских гор, Тянь-Шань и хребты, отроги которых теряются в плоскогориях Памира. В некоторых местах цепи, имеющие различные направления и представляющие собой кривую, выпуклая сторона которой всегда обращена к югу[1], пересекаясь между собою, образуют кое-где спутанные узлы, нарушающие общую правильность горной системы. Точно также и хребты, служащие продолжением Гималаи и Дапзанга, направляясь к востоку от Памира, встречаются с кряжами, расположенными правильными параллельными рядами к Тянь-Шаню и Алтаю; может быть скрещивания их образовали те высоты у Кизыл-Ярта и Тагармы, которые вздымаются на восточной окраине Памира. У китайцев они еще в глубокой древности были известны под одним общим названием Цунг-Линга или «Луковых гор», по той, вероятно, причине, что на их склонах растет дикий чеснок, усиливающий собою опасность переходов, делая уступы скользкими. Этой группой заканчивается тот воображаемый хребет Болор, которому Гумбольдт приписывал первостепенную роль в орографическом строении Азии[2]. Если рассматривать строение континента, пренебрегая частностями, и придерживаться только резких очертаний, то можно заметить, что Китайская Империя защищена со всех сторон цепями гор и плоскогорий, направление которых согласуется с горными хребтами, стоящими отдельно, и которые вместе с тем образуют в общем, при посредстве Памира, острый угол, обращенный к западу и касающийся Гиндукушем западных плоскогорий.

Азия, как и Европа, раскинута более по направлению с запада на восток—географический факт, оказывавший очень сильное влияние на развитие человечества. В то время, как Европа и Азия вместе занимают в западно-восточном направлении более половины земной окружности и всего только четверть той же окружности по направлению с севера на юг, Новый Свет, сжатый между океанами Атлантическим и Великим, тянется в направлении, обратном с Азией: от арктического полюса почти к антарктическому, т.е. на протяжении более чем одной трети всей окружности нашей планеты. Вследствие полного контраста в общем расположении двух континентальных групп, флора, фауна и народы представляют подобный же контраст. В Азии виды легко могут распространяться в западно-восточном направлении, переходя с одного края континента на другой, следуя по градусу той же широты или же только слегка уклоняясь в сторону, чтобы пользоваться горными проходами там, где плоскогория мешают их движению. От равнин Оксуса и до западного прибрежья Средиземного моря, а также вплоть до Атлантического океана, народы могли перемещаться на всем этом протяжении, не встречая надобности приспособляться к иному климату и почти не замечая в нем резких перемен. Отсюда, начало общей цивилизации и взаимное влияние, распространяемые на громадном пространстве. Протяжение континента по направлению хода солнца содействовало заранее смешению всех рас Европы и Азии через скрещивание, и следовательно установлению, мало по-малу, некоторого единства в обеих частях Старого Света, тогда как Америка оставалась преимущественно страною разнообразий. Переселяясь с севера на юг и с юга на север, народы, а равно животные и растения, могли двигаться только по очень ограниченному пространству; к препятствиям, происходящим во многих местностях от резких переходов равнин к плоскогориям, здесь еще присоединяется разница в широтах. Местные цивилизации развивались в благоприятных тому местностях, но ни одна из них не имела большого влияния на другую; почти повсюду племена оставались без взаимной связи, враждовали между собою, или же совсем не имели понятия друг о друге. Каким образом, например, эскимосы могли соединиться в одну общую культуру с краснокожими, а эти последние—с мексиканцами, гватемальцами, с племенами муиски, квичуа, аймари, гварани и патагонцами?[3] Только через посредничество Европы народы Северной и Южной Америки могли получить толчек, вдвинувший их в общечеловеческую колею.

1 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

2 „Asie centrale";—„Fragments asiatiques".

3 Carl Ritter, „Asien".

Благодаря положению обеих половин Америки в различных полушариях, европейцы различных климатов, португальцы, испанцы, итальянцы, французы, шотландцы и шведы, оставляя Старый Свет, могли направляться на север или на юг, по ту или по другую сторону экватора, в страны, климат которых сходен с климатом их родины и в различных поясах основывать «Новую Францию», «Новую Испанию», «Новую Шотландию», «Новую Англию» и проч. Если бы люди не могли перекочевывать из Азии в Европу по направлениям, параллельным экватору, или только слабо отклоняясь от этого направления, то они никогда бы не создали того прогресса, который дал им возможность переходить с севера на юг и приспособляться к берегам Нового Света, расположенным в направлении, обратном первобытному движению народов.

II

Азия вообще недостаточно исследована, и большую часть местностей, нанесенных уже на наши карты, путешественникам приходилось посещать лишь украдкой; но она еще менее известна в глубине своих недр. Передняя Азия, Сибирь и некоторые из горных групп, отделяющих ее от центральной Азии, а также Индустан, Трансгангетия и Китай—местности, разведанные и изученные геологами по формациям, расположенным, впрочем, в том же порядке, как и европейские. Кристаллические породы, древние сланцы и палезоические пласты входят, главным образом, в строение сибирских гор. Вероятно также, что Куэн-Лунь и Каракорум принадлежат к древнейшим образованиям континента, между тем, как Гималай, где новейшие напластования покоятся на кристаллических массах, происхождения более позднего: он приподнялся уже во время вторичного и третичного периодов[1]. Можно судить о силе колебаний, происходивших в этой части земного шара, по тому факту, что эоценовые слои были подняты, около Лега. на высоту 15.000 футов.

Местности, где расплавленные породы, выходя из недр земли, разливались на её поверхности, занимают в Азии очень значительную часть континента. Возвышенности вулканического характера поднимаются в Сиаме и Пегу; а половина полуострова Индустана покрыта вулканическими породами. Грязевые, а также и горячие источники клокочат на вершинах глинистых конусов, у прибрежья Мекран и в окрестностях Гилменда; угасшие вулканы поднимаются в юго-западном углу Аравии и у Бабель-Мандебского пролива, равно как и на африканском берегу, в Эфиопии; Геджас и Синайский полуостров имеют также свои древние потоки лавы, а Сирия, в Джебель-Гауране, хранит еще остатки «ада»; в Малой Азии виднеются еще свои «опаленныя» Каппадокия, «Флеграйские поля», подобные итальянским, и огнедышащие горы Гассандаг и Арге: в Армении Арарат, Алагёз и Абул величественно поднимаются над другими вершинами; гигант Кавказа, Эльбрус, есть также древний вулкан, а по обоим концам Кавказского хребта открываются до сих пор еще кратеры, извергающие грязь и нефть. Наконец, Демавенд, поднимающийся гордо у южных вод Каспийского моря, есть также «огненная гора», еще неокончательно угасшая.

Северные кряжи высот, которые, под различными названиями, отделяют Туркестан и Сибирь от Китайской империи, должны быть разсматриваемы, как звенья той цепи, прерывающейся в нескольких местах, которая, направляясь от южной оконечности Африки к Новому Свету, образует громадный полукруг у океанов Индейского и Тихого[2]. Другой же полукруг, как известно, может быть описан на континентах: это «огненный круг», намеченный еще Леопольдом фон-Бухом. Начинаясь с вулканов Новой Зеландии, он морем приближается к берегам Азии, проходит через острова Филиппинские, Японские, Курильские и направляется к американскому берегу, именно к Алеутским островам, и затем, продолжая идти на юго-восток, заканчивается почти у Магеланова пролива. В азиатской части этой дуги и в связанных с нею кривых, еще дымящиеся вулканы, или дремлющие, считаются сотнями; но

1 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

2 Carl Ritter, „De la configuration der continents et des leurs fonctions dans l'histoire"; „Revue germanique", t. VIII.

из кратеров, находящихся на восточном берегу континента, производят извержение и поныне, лишь вулканы Камчатки, соединяющие кривую Курильских и Алеутских островов. В некоторых частях внутренней Азии видны также скопления остатков огненного происхождения и следы потоков лавы из вулканов, угасших во второй половине третичного периода или, во всяком случае, много столетий тому назад. Известно, что Гумбольдт любил обозначать в своих описаниях[1] древние вулканы, отмеченные в китайских хрониках: один из этих вулканов, Пе-Шань, действовал еще не далее как в VII столетии нашей эры, и «наполнял воздух огнем, дымом и раскаленными каменьями». Существование этих кратеров было оспариваемо, и путешественники считали возможным предполагать, что собственно горения залежей каменного угля принимались прежде за вулканические извержения; но вопрос о них теперь уже разъяснен окончательно[2]. На юг от Урумчи, почти у восточного края Тянь-Шаня, Столичка встретил вулканическую местность, замечательную своими потоками базальта, вулканическими конусами и их выщербленными кратерами. На запад от Иркутска громаднейшие потоки лавы наполнили долину одного из притоков Оби, и два кратера виднеются над поверхностью этих потоков. Видны также еще другие жерла вулканов в долине Иркута и, кроме того потоки лавы, далее к востоку, в бассейне Джиды, около Селенгинска, точно так же, как и на плоскогории Витим, близ северо-восточного угла Байкала. Лавы и базальты разливались также и в горах, прилегающих к Охотску. Следы недавних извержений в Сибири видны почти на всех горах и террасах, граничащих с северо-запада с Монгольским плоскогорьем[3].

С исчезновением морей соленой воды, наполнявшей прежде громадные впадины в центральной Азии, прекратилась и деятельность вулканов. Во всяком случае, существует еще на юг от Айгуна, в восточной части континента, в верстах 850 от моря, вулканическая область, где извержения происходили в 1721 и 1722 годах. Подробные отчеты о них, сделанные китайскими учеными, на которые указал г. Васильев, не оставляют никакого сомнения относительно факта недавних извержений; строения кратера, потоки лавы, выброшенные каменья, обломки и проч., наконец, целые облака пара, выделение сернистого газа из трещин, доказывают, что извержение происходило в таком же виде, как и в обыкновенных приморских вулканах. Даже самое название огнедышащей горы: Уйюн-Холдонги, т.е. «Десятихолмие», указывает, кажется, на то, что почва разверзалась не раз и выбрасывала конусы из обломков[4]. Озера и степные болота, еще недостаточно высохшие на плоскогориях, может быть, отчасти объясняют образование этих вулканических душников.

Колебания уровня почвы, давшие теперешнюю форму континенту Азии, продолжаются и по сю пору, и настолько быстро, что на большей части морского побережья наблюдатели не успели даже констатировать их с тех пор, как приложены научные методы к изучению явлений природы. Нет, например, сомнения, что северные берега Сибири поднимаются мало-помалу над уровнем океана, так как острова, удаленные от берега еще в половине предыдущего столетия, совершенно соединились с материком и при том не песчаными отмелями, но горной породой, образующей дно[5]. Подобного же рода явления были замечены на западе Азии у берегов морей Черного и Эгейского: здесь также континент не перестает подниматься из воды со времени населения этих стран цивилизованными народами. Побережье Аравии, омываемое Красным морем, тоже поднялось, чему служат доказательством появившиеся из-

1 „Asie centrale":—„Fragments asiatiques";—„Tableau de la Nature", etc.

2 Так называемые каменноугольные пожары были причиной тому, что Бай-Шань (Пе-Шань) и еще некоторые горы Средней Азии принимались за действовавшие вулканы; ошибочность этого взгляда доказана была лишь в самое недавнее время изысканиями проф. Мушкетона. (См. его „Les volcans de l'Asie centrale", в „Bull. de l'Acad, Imper. des sciences", Oct. 1876:—Доклад (его же) в „Русск. Геогр. Обществе", октябрь, 1881). *Прим. перев.*

3 Kropotkin, „Рукописныя заметки".

4 Васильев, „Известия Русского Геогр. Общества", 1855;—Семенов, „Добавление к Землеведению Азии Карла Риттера", т. 1.

5 Middendorff, „Sibirische Reise".

под воды коралловые рифы. Известны также следы происходящего и в настоящее время подъема на берегах Мекрана и Малабара, на Цейлоне, в английской Бирмании, в Восточном Китае, у устьев Амура и в Камчатке.

Несколько труднее заметить понижение берегов, и потому до сего времени имеются достоверные данные только относительно немногих точек азиатского побережья. Часть берегов Сирии, Большой Рин между устьями Инда и полуостровом Куч, берега Фокиана, Тонкина и Кохинхины понижаются в текущий период времени. А также и части, лежащие вне материка—архипелаги Лакедивский и Маладивский—указывают на понижение их уровня: атоллы, т.е. кольцеобразные рифы, медленно погружаются с своими коралловыми диадемами, хотя полипы и поднимают их с года на год, поддерживая над поверхностью волн. Но полипы были не в силах так быстро возводить своих надстроек, например на рифах Шагоса, и этот остров совсем исчез под водою.

III

Могучий рельеф азиатских плоскогорий, заходящих своими вершинами в те пределы атмосферы, где воздух вдвое разреженнее, нежели в равнинах, чрезвычайно изменяет нормальный климат континента. Уже вследствие того, что Азия, взятая в целом, гораздо больше Европы и протяжением и массивностью форм, она менее подвержена влиянию моря и должна получать сравнительно гораздо меньше влажности, нежели наш маленький материк, полуострова которого разветвляются между Атлантическим океаном и Средиземным морем. Центральная же часть Азии, почти вполне окруженная горами, задерживающими ветры, приносящие дожди и снега, орошается еще беднее, чем остальная часть континента. Однако склоны плоских возвышенностей, лежащих у самого берега, а также и горные кряжи, задерживают не всю влагу, приносимую ветрами: горные потоки и реки текут по склонам гор, обращенных к внутренней части Азии. Некоторые из этих речек, проходя через целый ряд поперечных долин, пробивают себе дорогу к океану, но большая часть их не могут выносить долгого пути: будучи слишком маловодными, они или высыхают, едва отойдя от своих истоков, или образуют водоемы несколько ниже того места, где берут начало; или же наконец попадают в ту глубокую впадину, которая простирается с юго-запада на северо-восток, между системами Тянь-Шаня, Алтая и Куэн-Луня.

Прежде, когда еще воды, стекавшие во внутрь ограды, окружающей плоскогория, были гораздо изобильнее, обширное море, почти такой же длины, как Средиземное, но уступавшее ему в ширине, наполняло почти всю нижнюю часть этой громадной азиатской впадины. Это «Высохшее море», или Ган-Гай, как называют его китайцы, находилось, как можно предполагать, почти на 5.000 футов выше теперешнего уровня океана, а глубина его вод достигала местами 400 сажен, как это видно из некоторых изысканий, произведенных новейшими путешественниками[1]. Ган-Гай,—древние контуры которого можно еще распознавать там и сям, занимал, между Тибетом и хребтом Тянь-Шань, весь теперешний бассейн Тарима: между Тянь-Шанем и Алтаем он врезывался заливом, которому Рихтгофен дал название «Джунгарского бассейна»; на западе он соединялся с бассейном Шамо, где ветер теперь рябит лишь песок, проливом, усеянным островами, расположенными в том же направлении, как и Тянь-Шань. Теперь это днище «Высохшего моря» разделено небольшими порогами на вторичные впадины, занятые руслами рек, частью теперь уже совершенно высохших, а также болотами и более или менее выветрившимися солончаками, последними остатками того, что было некогда средиземным морем Азии.

Общее бесплодие почвы, как в этой впадине, так и в окрестных плоскогориях, недостаток влажности в воздухе, резкие переходы от жары к холоду—все это делает внутренние области замечательно похожими одна на другую, несмотря на их различное географическое положение и на разницу к широтах. Волнистые степи краснозема, тянущиеся в области Алтая и

1 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

придающие иногда всему пейзажу вид огромной жаровни[1], глинистые плоскогория с их мрачным, серым колоритом, похожия на море густой грязи, местности с менее печальными видами, попадающиеся там и сям, пустыни, с их песчаными буграми, похожими скорей на гигантские волны, гонимые ветром, наконец, равнины, усеянные булыжником и обломками кварца, кремней, яшмы, карнеоля, аметиста, мелкая масса которых обращена уже в пыль и развеяна ветром,—все это в своей совокупности представляет крайне однообразное целое, но оно тем грандиознее, чем проще очертание линий. По этим громадным плоскогориям, с их бесконечными пространствами потянутого рябью песку, простирающимися от одного горизонта до другого, словно по волнующемуся морю в период пассатных ветров, караваны бредут по нескольку дней, иногда и недель, встречая везде на пути крайне бедную картинами природу, с её неизменным видом уныния и величия. Точно также, спускаясь с плоскогорий в низменности закрытого бассейна, нельзя заметить никакой перемены: степи плоскогорий, раскинувшихся на высоте $4^1/_2$ верст над уровнем океана, и равнина, заместившая собою «Высохшее море», пустынные земли Тибета и северной части Гоби, отделенные друг от друга пространством в 18 градусов широты, представляют тот же характер и то же однообразие; кое-где лишь встречаются оазисы с пресной водой, составляющие контраст своей роскошной растительностью с окружающими их скалистыми горами и степями плоских возвышенностей. Виды местных растений очень многочисленны, как в низинах, так и на высотах: вблизи текучих вод не встречается иных деревьев, кроме ив и тополей. Пастухи, кочующие со своими стадами с равнин на пастбища плоскогорий, взбираясь иногда на вышину 13—19.000 футов, не замечают там почти никакой перемены природы, несмотря на то, что подъем на горные поляны очень велик. Какая разница с Европой,—где так силен контраст между роскошными равнинами Ломбардии и утесами Альп!

Название «Центральная Азия» дано неудачно русскими той части континента, которая соприкасается с Европой, и которая принадлежит к той же самой арало-каспийской впадине, как и половина России, орошаемая Волгой и её притоками. По мнению Рихтгофена, это название следует удержать специально за Ган-Гаем и всею тою частью Тибетской возвышенности, воды которой испаряются, не имея стоков. В самом деле, эта часть континента отличается от всех других окраин Азии той очень важной особенностью, что продукты, происшедшие от разрушения плоскогорий и гор действием атмосферных влияний, оставались в самом-же бассейне, между тем как за её рубежем горные обломки постепенно уносились в море: там главное направление—центростремительное, тогда как здесь, т.е. вне пределов внутреннего бассейна, оно есть центробежное. Но на раздельном хребте, один склон которого обращен к Китаю, а другой к Каспийскому морю, т.е. к плоскогорью Памир, имеются также свои замкнутые котловины, воды которых не стекают в низменности. Афганистан и Иранское плоскогорие равным образом имеют свои отдельные бассейны, свои озера и болота, лишенные стоков. В западной части континента, в Малой Азии, также находятся скопления воды—соленые озера, не имеющие сообщения с морем, несмотря на относительное изобилие выпадаемой влаги в этой части Азии, окруженной почти со всех сторон морями. Наконец, вдали от гор и плоских возвышенностей, равнины Сирии, Аравии и Индии представляют собою обширные пространства, воды которых не стекают в моря. Вся арало-каспийская впадина, отделенная от Черного моря лишь небольшою выпуклостью, в 100 футов высоты, есть замкнутый бассейн или, вернее, собрание различных между собою бассейнов, в роде «Высохшего моря», с которым она, повидимому, когда-то соединялась посредством проливов Джунгарии, и величественными воротами которых были «Геркулесовы столбы»—вершины Тянь-Шаня, Тарбагатая и Атлая[2]. В геологическую эпоху, предшествовавшую современной, Каспийское море, Аральское, Балкаш и множество других озер меньших размеров, постепенно отделились одни от других, так же, как различные озера и топи Ган-Гая; но обе эти впадины—одна на западе, а другая в центре Азии, сильно различаются между собою:

1 Костенко. „Путешествие в Памир"

2 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

первая гладью своих равнин, вторая—могучим рельефом окружающих ее гор.

Если взять вместе те области Азии, которые не получают настолько достаточного количества воды, чтобы она, поднявшись выше преград, окружающих впадины, могла достигнуть моря, то получилась бы поверхность, равная почти Европе, т.е. около девяти миллионов квад. верст. Эти местности, слишком бедные влагою, продолжают собою, проходя чрез Аравийский полуостров, полосу тех пустынь или областей, недостаточно орошаемых, которые тянутся во всю ширину африканского материка, между берегом Средиземного моря и Суданом. Таким образом через весь Старый Свет пролегает вкось безводная полоса, касающаяся Европы лишь у её юго-восточной части, занимающая почти половину Азии и такую же часть Африки. Историческими данными доказано, что в течение последних 4.000 лет, большая часть Азии была подвержена высыханию. В отдаленную от нас эпоху, область, в которой теперь находятся болота Лоб, была занята обширным внутренним морем Ли-Гай или «Западным морем», составлявшим значительную часть Ган-Гая. Но постоянное высыхание этой местности не позволяло долее удерживать за бассейном Тарима название «Западное море», и оно было перенесено на Каспий. При посредстве ирригации удалось создать еще кое-где маленькие оазисы, но, вообще, без толку пропадающие земли тянутся на громадных пространствах. Целые государства исчезли, множество городов засыпано песком, а некоторые местности, прежде удобные для путешествий, теперь более не могут быть посещаемы, по причине полнейшего отсутствия воды и растительности. Территории, бывшие населенными еще в то время, когда путешествовал по ним Марко Поло, на юг от Лоб-Нора, теперь совсем недоступны[1]. Точно также и вне больших азиатских бассейнов, на горах и плоскогориях южной Сибири и Монголии, явление постепенного высыхания еще очевиднее, особенно в западных частях. На восток от Байкала, прежняя масса воды, занимавшей углубления плоских возвышенностей и террас, раздробилась на бесчисленное множество озер, болот и прудов, образующих легко меняющийся лабиринт. От Байкала и до Амура и от Аргуни до Хингана, местность усеяна болотами, относящимися к эпохе, когда эта страна имела тот же вид, который представляет теперь Финляндия[2].

На восток от замкнутого бассейна западного Китая, ручьи и реки размыли громадные овраги, обнаружив геологическую природу древних степей. На некотором пространстве, превосходящем величиною Францию, территория северного Китая покрыта желтоземом, слой которого достигает местами 1.600—2.000 фут. толщины. В провинции Шен-Зи воздух почти всегда наполнен этой желтой пылью; мельчайшие пылинки поднимаются вихрем и покрывают дороги, деревья, дома, нивы, путешественников; желтый цвет считается священным: цвет плодородного желтозема—это цвет цивилизации, созданной здесь плугом земледельца[3]. Страна «Желтой земли», или Гоанг-Ту, дала свое название реке Гоанго, которая, протекая по ней, несет свои осадки в Гоанг-Гай или Желтое море. Эта почва, размывки которой, уносимые реками, засаривают бухты и заливы китайского побережья, есть почти то же самое, что у немецких геологов известно под именем лёса (залегающего в долинах Рейна и Дуная), и которому приписывается аллювиальное или ледниковое происхождение. Желтозем очевидно не произошел путем напластований водных осадков, так как в нем отнюдь не видно слоистости; он не содержит в себе речных раковин, а исключительно лишь остатки земноводных моллюсков. Во всей своей толщине желтозем пронизан вертикальными ходами, с различными разветвлениями, оставленными, очевидно, корешками многочисленных растений, поверх которых постепенно накоплялась наносная пыль; каждый из этих маленьких вертикальных ходов окружен трубочками из углекислой извести, защищающими эти ходы от разрушения. Вода проливных дождей, падая на этот грунт, впитывается пористой почвой; но в местах, где дороги утоптаны ездой, связь между частичками глины настолько плотнеет, что вода долгое время застаивается в грязных лужах на поверхности земли. По Рихтгофену,

1 Johnson, „Journey to Jlchi, Journal of the R, Geogr, Soc“, 1867.—F. von Richthofen, „China”.

2 Kropotkin, „Рукописныя заметки”.

3 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

теория которого основана на долгих наблюдениях и подкреплена сильными доводами, тот желтозем, которым покрыта немалая часть Китая[1], есть не что иное, как глина, нанесенная из степей когда-то ветрами в эти закрытые бассейны плоскогорий.

Эта громадная масса пыли образовалась через разрыхление горных обломков атмосферными деятелями и размывание их силою просачивающейся воды. В толще Гоанг-Ту промыты шахты, там и сям открываются подземные галлереи, глинистые своды которых постоянно рушатся. Вода также образует овраги с их отвесными стенами, разветвляющиеся до бесконечности. Во многих местах плоскогорие, на котором находишься, кажется совершенно ровным, горизонтальным, а между тем оно разбито на множество отдельных площадок, соединенных лишь узенькими перемычками, что ставит в совершенную невозможность ориентироваться и даже в положение, ведущее, при отсутствии проводника, к неминуемой гибели. Разрушение пород всего более происходит постоянно в западной стороне, в горных породах Монгольской плоской возвышенности, где однообразные местности отделяются друг от друга мысами и бастионами, которые, удаляясь, все постепенно понижаются: в некоторых долинах рек торчат лишь их отроги в виде стен, укреплений, замков с башнями или отдельных башенек. Не одна из этих глыб была обращаема в цитадель, с готовыми ходами, расположенными этажами и с скрытыми гротами, в которых можно было укрываться и защищаться. Но за то какие сильные перемены произошли в той части страны, которая когда-то была также голой пустыней, а теперь, став местностью хорошо орошенною, дает изобильные урожаи: Гоанг-Ту есть по преимуществу страна земледельческая, и её поля, с зеленью, рисующейся на желтом фоне, обновляют каждый год свою производительную силу, не нуждаясь в удобрении—желтозем сам служит удобрением для пограничных с ним полей. Было время, когда большой реки Гоанго не существовало, её бассейн образовался мало-по-малу размыванием в краях тех ложбин, что вели к плоскогорию, впадина которого заключала в себе Ган-Гай. То же самое можно сказать и о притоках верхней Зунгари, прорезавших, далее к востоку, часть плоской возвышенности Кингама и смывших обломки[2]. Происходит ли то же самое на юг от Китая с реками Тибетской возвышенности и состоит ли почва этой страны также из желтозема, еще ни один путешественник не мог подтвердить этого; но есть некоторые достоверные указания на то, что эта догадка верна и что геологические явления в этой стране вполне схожи с теми, которые существуют в верхнем бассейне Гоанго. Можно думать, что вообще все географические пояса восточной Азии передвинулись к западу; овраги «Желтой земли» все далее врезываются в плоскогория; источники Гоанго и её притоков отодвигаются дальше и дальше в глубь континента; самый берег моря был когда-то ближе к востоку: так Япония и Курильские острова являются, вероятно, остатками того, что было некогда берегом Азии[3]. Понятно, что это понижение берега принадлежит к довольно отдаленной геологической эпохе.

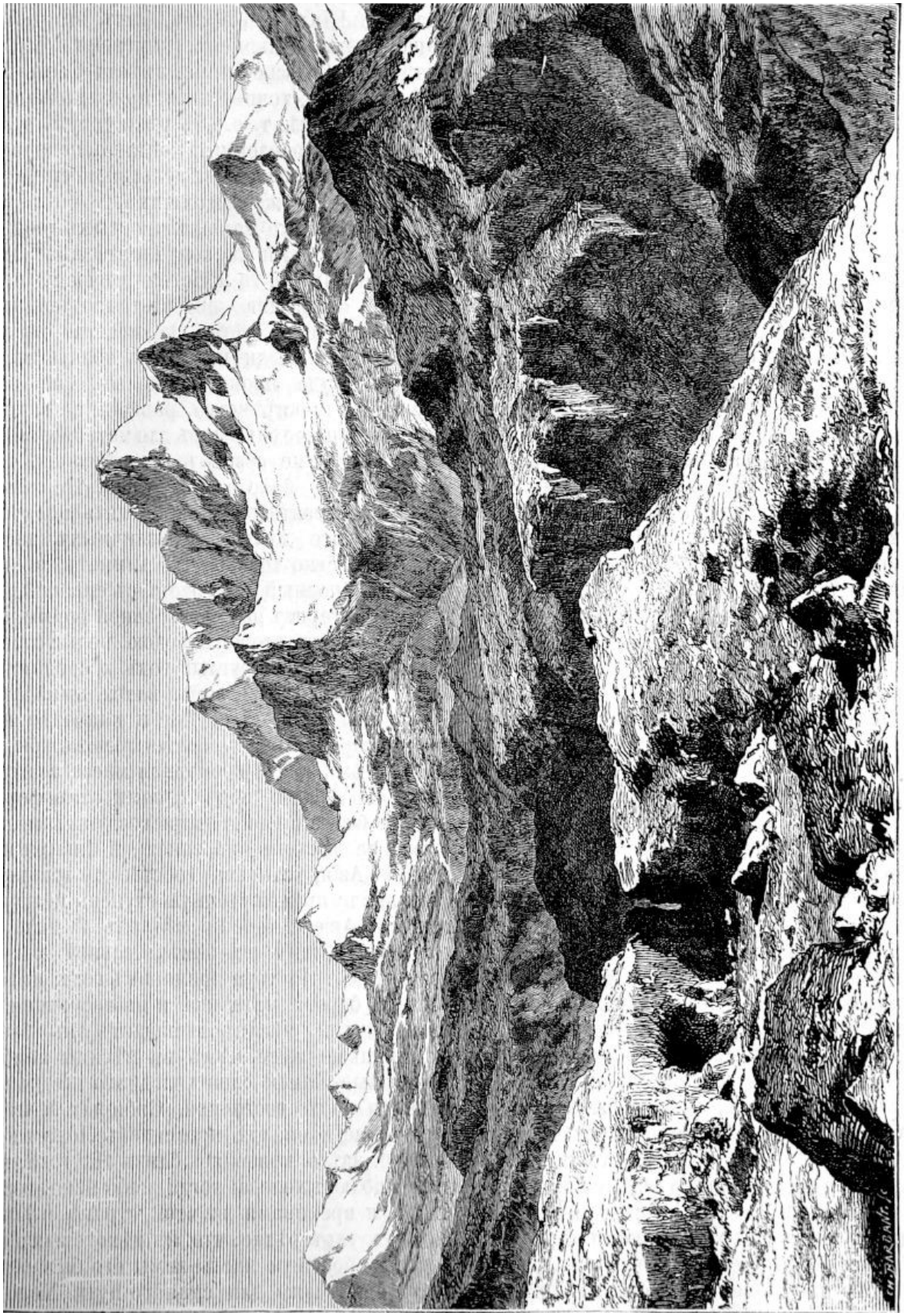
На северном склоне азиатского материка воды направляют свое течение к океану в виде трех больших рек Оби, Енисея и Лены; но они свободно несут свои волны только известную часть года. В этих холодных областях, где владычествуют полярные северо-восточные ветры, под широтой, граничащей с ледовитым океаном, реки не имеют судоходного значения, так как плавание по ним может продолжаться всего три-четыре месяца в году. Кроме того, громадные долины этих рек, текущих в тундрах, где нет ни городов, ни деревень, где вообще нет культуры, делают самое плавание крайне затруднительным и долгим. Путешествия из Европы к устьям этих больших сибирских рек начались не ранее 1600 г., в царствование Бориса

1 В Туркестанском крае сев.-западныя предгория Тянь-Шаня покрыты громадными отложениями леса, которые, по их обширному развитию и мощности, а также и агрономической роли, мало в чем уступают желтозему Китая. Кроме того, во многих других местностях, соседних с Туркестаном, встречаются образования этой иловатой и тонкой известково-песчанистой глины—образования, справедливо называемые некоторыми геологами культурной формацией. (См.: Романовский „Материалы для геологии Туркестанскаго края“;—Middendorff, „Ferghana“, и др.). *Прим. пер.*

2 Kropotkin, „Рукописныя заметки”.

3 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

Годунова; но несколько лет спустя, одного запрещения со стороны русского правительства было достаточно, чтобы остановить всю торговлю с сибирским берегом[4], и только в 1869 году, благодаря норвежцам Карлсену и Иогансену, суда снова направились к Оби и Енисею.



Гималайская горная цѣпь.

Что касается до Лены, то по ней в первый раз, в 1878 г., поднялось судно, на котором совер-

4 „Отечеств. Записки", 1877 г. №№ 10 и 11.

шил свою кампанию Норденшильд. Торговые сношения с этих пор были установлены между Европой и Азией посредством лиманов сибирских рек; но этот результат, как свидетельство победы над враждебной стихией, долго еще не будет иметь важности с экономической точки зрения, так как эти северные страны остаются без населения и промышленности. Можно сказать, что хотя реки Сибири и впадают в открытое море, но это так же бесполезно для населения, как если бы они текли в закрытом бассейне: льды и мрачные, пустынные берега отделяют их от остального мира. Река Амур вливается в Охотское море на востоке континента и течет в климате более благоприятном, нежели реки, направляющиеся к Ледовитому океану; устье Амура остается открытым в течение полугода и все-таки, до настоящего времени, недостаток населения в этом речном бассейне делает его, как естественную дорогу материка, глухим захолустьем. Таким образом, добрая половина Азии, с её впадинами, долинами рек, доступ в которые затруднителен, лишена тех преимуществ, которыми пользуются большая часть других стран, при помощи рек.

От залива Печели до Персидского залива, как в умеренной полосе, так и на тропических полуостровах, почва Азии почти везде отлично орошена, и некоторые из рек, протекающих по этим местностям, не только считаются одними из самых важных на земном шаре по своей длине и массе воды, но также и по той пользе, которую они приносят судоходству и ирригации.

Большие реки склона, обращенного к Великому и Индийскому океанам, расположены группами, очень схожими между собою, как заметил давно еще Карл Риттер. Гоанго и Янцекианг, обе берут свои начала в горных массах, расположенных одна подле другой, и текут сперва в противуположные стороны, а потом, описав каждая громадный изгиб, сближаются снова: часто уклоняясь то к северу, то к югу от полуострова Шан-Тунга, Гоанго приближался к устью соседней реки, и еще не дальше как в половине настоящего столетия он впадал в море неподалеку от устья Янцекианга. Главная река Индокитая берет свои истоки с тех же гор: это могущественный Меконг, который, по вычислениям Франсиса Гарнье, по своей массе воды, после Амазонской, Конго и Лаплаты, есть самая значительная река на земном шаре. Салуэн и Иравади также берут свои истоки в той же части Китая, которая могла бы назваться «матерью вод». Брамапутра, имя которой означает «святость», и Ганг, воды которого считаются еще более священными, обе берут свои начала друг возле друга в Гималае, но на противуположных склонах, и соединяются потом общею дельтою, образованною их наносами. Инд и Сатледж, хотя и соединяют свои воды на довольно далеком расстоянии от их общего устья, но могут быть рассматриваемы, как парные реки, сходные с Гангом-Брамапутрой, так как походят на них в своем верхнем течении. Отправляясь почти из одного общего пункта, эти, самые многоводные в Индии, четыре реки, текут сначала по направлениям, настолько противуположным одна к другой, что их крайния точки местами отстоят друг от друга на расстоянии 2.200 верст, но потом снова соединяются по-парно. Ганг с Брамапутрой на востоке и Инд с Сатледжем на западе:—это четверо животных индусской легенды: слон, олень, корова и тигр, бегущие с вершины священной горы в равнины Индустана. Две реки, текущие в Персидский залив, также между собою близнецы, пользующиеся как библейской, так и исторической известностью, они берут свои источники в одной и той же части гор, но вскоре удаляются друг от друга, затем сближаются и продолжают свой путь вместе, сообщаясь естественными каналами: потом подходят к общей дельте, снова разъединяясь, как это было во времена Александра, или же соединяясь в одну реку, носящую название Шат-эль-Араба, как это есть в наше время. Наконец, внутренний бассейн Татарии, Аральское море, имеет Сыр-Дарью и Аму-Дарью, точно также принадлежащие к парной системе, т.е. обе реки текут в одинаковом направлении и когда-то, повидимому, даже соединялись общей дельтой, посредством русл, теперь уже высохших.

Так как дело самых простых географических открытий на континенте Азии далеко еще не окончено, то и гиетометрические наблюдения, к сожалению, недостаточно полны; направление и сила ветра, количество выпадаемых дождей были измерены только в тех странах,

куда проникла европейская наука; громадные пространства, равные по величине почти Европе, до сих пор для метеорологов—области, если не совсем неизвестные, то все же еще очень мало разведанные. Невозможно даже приблизительно определить количество выпадающего дождя в различных частях Азии; известно только, что климат её представляет полный контраст с европейским. Европа, материк почти островной формы, окружен со всех сторон водою, пользуется выпадающей влагой круглый год, а средняя разница между количеством влаги, выпадающей в месяцы наиболее сухие и наиболее влажные, не превосходит более как в три раза. Между тем как громадная масса азиатского материка лежит под слоями атмосферы с гораздо более правильными воздушными течениями, на восток от западной Сибири и Передней Азии, которые, собственно говоря, составляют промежуточную ступень между Европой и Азией, течение ветров и выпадение дождей следуют с замечательной регулярностью, соответствуя временам года: на всем южном берегу материка и на восточном, в самый сухой месяц выпадает в 50—60 раз меньше воды, чем в месяцы наиболее дождливые. Зимою слои холодного воздуха скопляются над восточной Сибирью и именно в той части её, где протекает Лена с притоками: здесь, колеблясь близ Якутска, находится полюс холода; тогда небо ясно, воздух чист и временами в этой стране снег выпадает так редко, что в некоторых местностях большую часть зимы его бывает недостаточно даже для санного пути. Холодный воздух, направляясь на восток и на юг, приносит с собою всегда прекрасную и сухую погоду. Летом происходит явление обратное, как это видно на карте г. Воейкова, имеющей, впрочем, значение не более как подготовительной работы: та часть Сибири, где барометр указывает зимою наибольшее давление, есть вместе с тем поверхность материка, над которой летом висит наиболее легкий слой атмосферы; в это время морской воздух, направляясь сюда одновременно с океанов Индийского и Великого, чтобы заполнить собою разреженную атмосферу, приносит с собою облака и дожди. По всему берегу, начиная от Красного моря и до Охотского, в этот период воздушного отлива к восточной Сибири[1] владычествует муссон, приносящий дожди.

Очень вероятно, что обе Индии, лежащие по ту и по сю сторону Ганга, вместе с островами Суматрой, Явой, Борнео и с архипелагами, к ним прилегающими, получают более половины всей той влаги, которая, в виде облаков, разносится по всему азиатскому материку. В этих странах, островных и полуостровных, защищенных с севера Гималаем и его восточными продолжениями и предоставленных вполне действию тропических лучей, морской воздух приносится насыщенный парами, разражающимися ливнями при малейшем соприкосновении облаков со склонами холмов или гор. В летнее время вся южная часть азиятского континента, нагревающаяся гораздо сильнее, чем море, привлекает к себе, как к очагу, массу воздуха, висящего над Индийским океаном: образуется ветер, несущий дождь—южный муссон. Насыщенный влагой из громадного парового котла, называемого Индийским океаном, муссон проходит с проливным дождем по берегам Малабара, Трансгангетии и затем разбивается о выступы Гималая и других хребтов, окаймляющих с юга китайские плоскогорья. По дождевым облакам, которые дробятся, зацепляясь за откосы нижних вершин, отчетливо видно, что морской ветер не поднимается выше 5.000—6.000 фут и часто, поднявшись на эту высоту, он встречается с другими воздушными течениями. В низменностях этот дождь падает такими страшными ливнями, что производит целый потоп: жители умеренного пояса не могут представить в своем воображении ничего подобного. Годичное выпадение воды в 20, 30 и 40 футов—не особенная редкость в некоторых частях Индустана. В Шерра-Пондже, на горах Кассия, у которых протекает нижним течением Брамапутра, в год выпадает до 50 футов воды: иногда там бывают такие проливни, что в несколько часов грунт покрывается слоем воды более чем в 20 и 28 дюймов; такова и долина Инда, где в один дождь выпадает столько воды, сколько в иной долине Франции, далеко не бедной дождями, за целый год. Солнечный зной и обилие воды дают тропической Индии все необходимое для воспроизведения самой роскошной растительности, какая только может украшать землю.

1 Voyeikov, „Die atmospharische Circulation“, „Erganzugsheft”, № 38; „Petermanns Mittheilungen”.

IV

Благодаря извилистым берегам и неправильностям рельефа, все страны южной Азии, за исключением безводных Ирана и Аравии, отличаются тем разнообразием видов, которого нет в других частях континента. Правда, по очертаниям своих берегов вся Передняя Азия, т.е. Анатолия, Армения, Сирия, Аравия, долины Тигра и Ефрата, имеет много общего с структурою Европы: она также окружена морями, глубоко врезывающимися внутрь материка и заранее указывающими пути к торговле и к передвижению народов; но на востоке множество плоских возвышенностей и горных масс, заходящих своими вершинами за пределы умеренного пояса, и в особенности сухие ветры, господствующие в этой части Старого Света и дующие то с африканских пустынь, то из Центральной Азии, лишают необходимой влаги большую часть внутренних стран материка. Природа развертывает свои красивые пейзажи, украшенные бесконечным разнообразием дикой или культурной растительности, только в местах низменных, пользующихся естественным орошением или ирригационными каналами. Рядом с чудными лесами Мазандарана, воспетыми персидским поэтом Фирдуси, как рай с вечной весною, стоят голые скалы плоскогорий, покрытые редким кустарником; холодные утесы Кавказа высоко поднимаются над морем зелени мингрельских долин, прячущих в волнистостях хребта непроходимые чащи деревьев, перепутанных лианами; сыпучие пески Аравийской пустыни сразу прерываются у полей Вавилонии, прославленных Геродотом более двух тысяч лет тому назад за их удивительное плодородие[1].

На восток от бесплодной Аравии расположены два больших полуострова Индии и множество островов, которые, по богатству растительности, яркой окраске цветов и красоте животных, вероятно самые очаровательные места на земле: это волшебные острова арабских сказок, где песок—рубины и сапфиры, где деревья разливают в воздухе аромат, возвращающий силу и здоровье, где птицы, разукрашенные бриллиантовыми перьями, ведут разговоры с мудростью, недостающей многим людям. Некоторые из этих островов, разбросанных среди голубого моря, лежат, впрочем, на пути, посещаемом ураганами: кроме того они страдают от землетрясений и потоков клокочущей лавы, часто заливающей поля. Но морской воздух, насыщенный парами, наносится со всех сторон и скоро исправляет разрушенное, восстановляя великолепие зелени и цветов.

Сравнивая между собою континенты, швед Торберн Бергман, еще столетие тому назад, заметил, что полуостровные части материков почти все обращены к югу, таковы: Аравия, Индустан, Индокитай. Но гомология не ограничивается отдельными частями материков; то же самое видно на всей суше, взятой в целом, оканчивающейся к югу тремя массами правильной формы: Южной Америкой, Африкой и Австралией, и кроме того, каждый из северных континентов, Европа, Азия и Сев. Америка, заканчиваются к югу тремя полуостровами. В этом отношении, сходство гораздо полнее между Европой и Азией, нежели между обоими континентами Старого Света с Сев. Америкой, у которой полуострова Калифорнии и Флориды уже как бы атрофированы, а промежуточный полуостров был превращен в перешеек поднятием порогов центральной Америки. Нужно заметить также, относительно полуостровов Старого Света, что аналогичные из них, по своим характерным очертаниям, расположились в соответственном географическом порядке. Так напр. Аравия, которая по своей форме почти четыреугольна, соответствует Испании, у которой тот же замкнутый контур и та же незначительная извилистость береговой линии. Индустан можно приравнять к Италии: он более богат изгибами, нежели Аравийский полуостров и, так же, как Италия, отделяет от себя с южной стороны большой остров. Наконец, полуостров Индукитай, как и Греция, омывается морем, на котором рассеяно много островов и островков. Архипелаги Азии и Европы, как и соответствующий им архипелаг Америки—Антильский, имеют каждый из них свой вулканический очаг и свои потоки лавы. Но только на одном из этих трех архипелагов, на азиатском, находится наибольшее число кратеров, производивших самые сильные извержения; в этой области, с возникшими вновь землями, произошли на наших глазах

1 Carl Ritter, „Iran“; Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden”. 23

очень важные геологические перемены, и ее можно бы рассматривать в целом как нечто вроде перешейка между Азией и Австралией; однако Уолесом указана очень точно граница между этими двумя частями света, и ее не трудно определить, замечая разницу на растительных и животных видах, живущих по ту и по сю сторону демаркационной линии[1]. В вулканической цепи южных островов Зондского Архипелага, Бали, напр., принадлежит к азиатской группе, между тем как Ломбок, удаленный от него не более как на 40 верст, относится уже к группе австралийской.

По замечательной аналогии, восточный берег Азии, как и южный, имеет три полуострова, обращенных с севера на юг: Камчатку, Корею и Сахалин. Последний есть остров только по виду, в действительности же это полуостров, и своими подводными порогами, мешающими проходу больших кораблей, соединен с сибирским берегом[2]. Есть ли все это простое совпадение и не нужно ли видеть скорей действие закона в таком расположении земель? Трудно сомневаться в существовании этого закона, но причину такого правильного расположения суши нельзя будет объяснить раньше, чем узнают внутреннее строение нашей планеты. От состояния внутренней массы должны зависеть в особенности внешния формы той наружной коры, на которой развивается история народов.

Географическое сходство не менее поразительно, если от полуостровов Азии перейти к островам, расположенным на её юго-восточной стороне. Так, например, остров Суматра есть, очевидно, полуостров Малакки, вдвое больший по величине и соединенный, так же, как и Малакка, с Индукитаем, но посредством перешейка, отчасти уже опустившагося—Андаманскими и Никобарскими островами. Несколько островов, в том числе Суматра, Ява и весь ряд мелких островков, служащих их восточным продолжением, расположены правильным рядом на расщелинах почвы, которые связывают их с внутренней расплавленной массой. Но отличительною чертою островов, раскинутых правильными рядами на юго-западе Азии и на её восточных морях, служит форма их берегов, вытянутых в виде кривой линии, составляющей часть окружности. Начиная с северо-западной оконечности Суматры и до самого Флореса, берега островов, обращенных к Индийскому океану, развернуты в виде дуги правильного круга. То же самое можно сказать и относительно берегов Борна, Паловена, Люсона и Формозы, окаймляющих с востока Южно-Китайское море. Восточным берегом Кореи начинается третья кривая, идущая к островам Лиу-Киу. Японский архипелаг вместе с Сахалином образует еще одну кривую, которая встречается, у острова Иессо, с пятой кривой, составленной Курильскими островами, направляющимися к Камчатке. Наконец далее, цепь Алеутских островов, примыкая одним концом к Камчатке, другим соединяясь на американском берегу с полуостровом Аляской, расположилась в виде ограды у Берингова пролива. Радиусы кругов, образуемых различными кривыми, мало разнятся между собою: средняя величина их 1.700—1.900 верст. Но самое побережье материка, пред которым развертываются правильные дуги этих островов, можно рассматривать тоже как дуги: берег При-Амурской области, берега Китая между Китайским морем и Тонкинским заливом, затем берега Кохинхины до самого устья Меконга, имеют контур округленный, как-бы очерченный циркулем. Если бы уровень Тихого океана поднялся на 1.500—2.000 футов, то приморская горная цепь русской Манчжурии, Сикота-Алин, преобразовалась бы в архипелаг, подобный Японскому, а низменная долина рек Амура и Зунгари обратилась бы в море, похожее по очертанию берегов на цепь Курильских островов. На западе, хребет Хинь-Гань имеет форму кривой, параллельной ряду Курильских островов; но он состоит из пород более древнего образования.

V

Очень вероятно, что в Азии живет около двух третей населения всего земного шара; но эта масса разместилась далеко неравномерно на громадной территории этого континента.

1 „Malay Archipelago“.

2 Oscar Peschel, „Geographische Homologien”, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

Обитатели его распределились, сообразно условиям почвы и климата; можно сказать, что густота населения прямо пропорциональна количеству выпадающих дождей: там, где есть недостаток во влажности, а следовательно и в растительности, там и население редко. Более $^1/_{10}$ Азии—песок, скалы, тундры—абсолютно области необитаемые, а в некоторые из таких местностей еще ни разу не проникал караван. На $^4/_5$ континента, число жителей, по рассчету на квадратную версту, не достигает и двух десятков. На остальную часть, т.е. на $^1/_5$, приходится Индия, некоторые части Индукитая, бассейны Янцекианга и Гоанго, Япония, Люсон и Ява, где скучены народы Азии, дающие её населению громадный численный перевес над жителями всех других стран земного шара. Более половины всего людского рода приютились на юге и востоке Азии, на поверхности, которая равняется не более как $^1/_{16}$ всей суши. Эта скученность населения—явление аналогичное тому, которое представляется в Западной Европе, т.е. на совершенно противоположной окраине Старого Света.

Изолированные друг от друга плоскогориями, высокими горами, безводными пустынями, народы Азии должны были, весьма естественно, более различаться между собою, нежели европейцы. Последние, к какой бы нации ни принадлежали, как бы ни была сильна их национальная вражда и соперничество, всегда сознают, что они и их противники принадлежат к одному человеческому обществу, а переходы от одних племен к другим, от иберийцев к кельтам, от славян к финнам, от турок к албанцам и проч., с помощью скрещиваний, сгладились уже во многих местностях и помеси стерли резкость контрастов, существовавших в прежнее время между различными расами. Между тем скрещивание племен в Азии далеко не так полно, чтобы сближать расы. На севере, конечно, этнологические переходные ступени очень многочисленны, напр. между турками и монголами, русскими и финнами; на западе семиты и иранцы основали также национальности и народности, в которых очень трудно отыскать их первоначальные элементы. Без сомнения, в Азии уже не существует вполне чистокровных рас и нигде, кроме, может быть, Андаманских островов, не найдется чистых потомков племени, существовавшаго тысячи лет тому назад[1].

Зато какой резкий контраст между народами в других частях континента! Различные племена, известные отчасти под общим названием туранцев, отчасти под именем финно-татар, составляют, в большинстве случаев, отдельные группы, совершенно отличающиеся от остальных народов своеобразным взглядом на вещи и образом жизни. На севере Старого Света самоеды[2], остяки и другие сибирские племена составляют собою одну из наиболее характерных под-рас. На востоке, манчжуры и тунгузы, а на западе киргизы и татары—представители тюркской ветви. На монголов и бурятов можно смотреть, преимущественно как на типы расы монгольской, называемой также, за неимением лучшего названия, желтой расой. На южных плоскогориях жители Тибета составляют равным образом самостоятельную ветвь, тогда как бассейны восточных рек заняты громадной китайской нацией, более или менее смешанной; превосходя численностью все другие нации в свете, китайцы резко различаются своим миросозерцанием и нравами от всех других людей. На юго-востоке от них—малайцы, составляющие одно из крупных расовых подразделений, на некоторых из Зондских островов и на полуострове Малакке, по своему характеру представляют контраст со всеми другими жителями Азии. Точно также арабы, живя внутри своего полуострова, едва-ли имели возможность смешиваться с кем-либо из соседей, и вместе с евреями относятся к расе семитической, так хорошо сохранившей свой первоначальный тип. Наконец, индийские племена представляют как-бы ряд независимых наслоений: они хотя и живут в одной и той же стране, но разделены между собою на враждебные роды и касты, и развивались независимо одни от других, не смешиваясь ни кровью, ни понятиями. Священные поэмы индусов рассказывают нам, как «благородные» племена боролись против своих единоплеменников «низшей» расы, у которых была черная кожа и приплюснутый нос, а также против аназикосов или

1 Topinard, „Anthropologie".

2 Следовало бы изменить правописание слово „самоед"; название это взято с финскаго языка и буква ять в нем более чем неуместна. *Прим. перев.*

безносых людей, наконец против духов и обезьян. Теперь борьба окончилась, но кастовый закон стоит между старинными врагами, как духовная преграда.

Разсмотренное в общем население страны, в южной и восточной стороне континента, принадлежит к культурным нациям, несмотря на то, что области северные, сравнительно пустынные, были еще недавно населены исключительно дикими племенами, и кочевое население, находящееся еще в том переходном состоянии к цивилизации, которое считается варварским, бродит до сих пор в равнинах и плоскогориях Средней Азии. Тем не менее, вследствие одного из тех странных, так сказать, миражей, которые так многочисленны в истории народов, высокие горы центральной Азии были часто принимаемы за колыбель человеческого рода, и влияние наивных россказней отражается еще на многих серьезных научных сочинениях. Казалось весьма естественным, что эти горные вершины были, якобы, резиденцией богов, а также и первых людей, созданных ими; переселение народов должно было, почему-то, следовать течению рек, спускаясь по их резвым потокам, сбегающим с областей снега в виде прозрачной струи. Индусы смотрят на блестящую диадему горы Меру, поднимающуюся на севере, как на место, откуда разлились первые лучи света на их праотцев. Арарат, в Армении, гордо поднимающийся своими снеговыми конусами над другими горными хребтами и долинами, считался также у многих народов вершиной, на которую общий прародитель человечества впервые вступил ногой после потопа. Наконец, нагорие, образующее водораздел между восточною Азиею и западною и называемое совершенно основательно «Маковкою Земли», было также почитаемо, как месторождение народов, распространившихся потом по западной Азии и Европе. На эти необитаемые плоскогория смотрели как на колыбель тех бесчисленных миллиардов людей, которые со времен происхождения арийцев жили на запад от Памира.

Ныне иллюзии эти рассеялись, и не в областях снега люди думают отыскивать следы своих предков. Понятно, что география преданий и мифов очень важна и может послужить историкам ценными указаниями, но она обманывает тех, кто думает исключительно руководствоваться ею. Источником цивилизации, которою так гордятся теперь европейцы, был вовсе не центр Азии, с её высокими обнаженными плоскогориями и почти-что пустынными долинами. Кроме своей собственной страны, так счастливо расположенной, Европа обязана большею частью своей цивилизации бассейну Нила, окраинам Азии, земле Оксуса и Яксарта, долинам Кавказа, Малой Азии, Сирии, Вавилонии, Аравии, Персии, Индустану и Китаю.

Без образования, переданного нам народами Азии, без ремесл, завещанных нам предшественниками, без фрукт и растений, которые они научили нас возделывать, без подмоги, которую мы имеем в лице животных, прирученных ими, мы находились бы еще в глубоком варварстве. Все наши европейские языки, исключая басского,—азиатского происхождения, все они принесены арийцами, финнами и татарами, и наши словари свидетельствуют, как много заимствовано нами у восточной цивилизации. И именно в ту пору, когда у нас не существовало еще летописей, влияние Азии на варварские племена Европы было очень значительно. Когда наши предки, греки, владея уже письменностью и связанные с прошлым преданиями, переходившими из века в век, могли дать полный отчет о своем существовании, они развивались совершенно самобытно, независимо от других народов; действительно, они жили собственной жизнью и подвергали переработке и изменениям все, что приходило к ним из чужих стран. Но до этой эпохи самостоятельности, откуда же пришел первый толчек, как не из Азии, прошедшей уже в то время известную эру цивилизации? Разве сравнительное изучение языков не показывает, что большая часть европейских идиомов связана с азиатской речью, из которой развились также зенд и санскрит; а раскопки доисторических могил не свидетельствуют ли, чем наши неведомые праотцы были обязаны Азии? Кто научил их искусству плавить медь, приготовлять сплавы для бронзы, а позднее ковать железо? Кто принес в Европу драгоценные камни, нефрит[1], золотые браслеты и ожерелья? Язык, рели-

1 Минерал, сходный с лучистых камнем, и по составу подходящий к роговой обманке; главное месторождение нефрита находится в Китае; в древности этому довольно редкому минералу приписывали целеб-

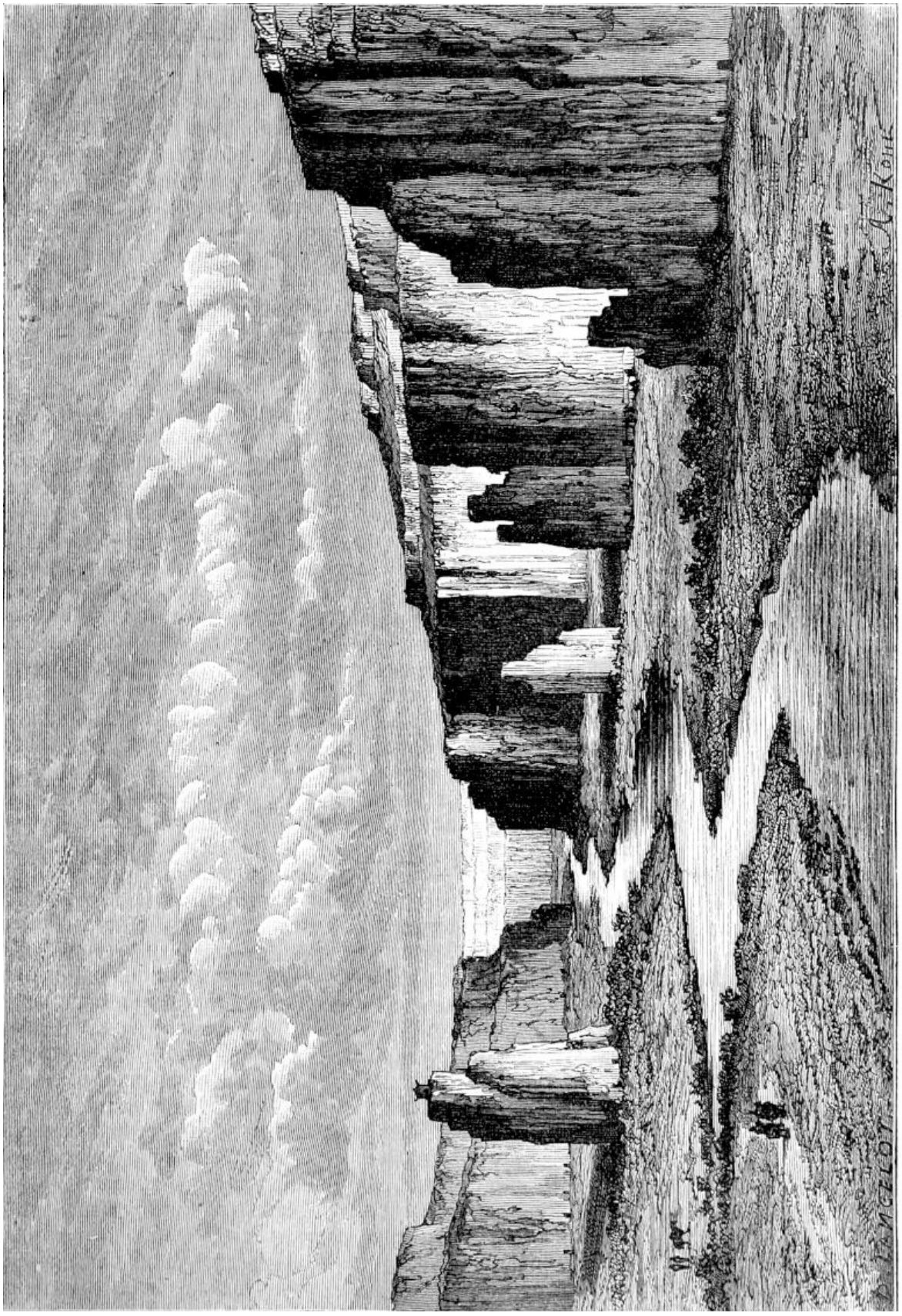
гия, обычаи, инструменты, домашния животные, культурные растения—все это принесено с Востока и, может быть, поэтому всегда, помимо приветствия благодетельного светила, наши праотцы благоговейно обращали свои взоры к священному Востоку? Не ради ли этого, так сказать, инстинктивного чувства признательности они требовали, чтобы их хоронили, повертывая головой к востоку?

В начале нашей истории, после того как Европа одержала первую победу в Азии, разрушивши город Трою, эллинская цивилизация развивалась на полуострове, лежащем в западной части Малой Азии, равно и в самой Греции. Европа начиналась тогда, можно сказать, на восток от Ионического моря, в стране, размытой водою на острова и полуострова, носящей и по своим географическим условиям европейский характер. Через посредство городов восточной Ионии, мы, преемники греков, получили в наследство науку, переданную им народами Азии, халдеями, ассирийцами, мидянами и персами. Науки их не погибли в целом и, благодаря своим соседям, малоазиатским грекам, их цивилизаторское значение сохранилось для остального мира. Самое название «Азия», прилагаемое теперь к материку, который составляет более половины всего Старого Света, повидимому, греческого происхождения: прежде оно прилагалось только к небольшой части азиатского берега, у Ионического моря, исторически принадлежавшего Европе. Хотя название это толковалось различно и происхождение его было отыскано в нескольких языках, но очень вероятно, что древние авторы, с Гомера и Геродота, обозначали им только аллювиальную равнину Эфеса; потом оно распространилось на долину Каистра, затем на Малую Азию и, наконец, на весь материк. Подобно этому, имя одного маленького племени, жившего на юг от Средиземного моря, перенесено было на ливийскую провинцию, а затем и целый континент стал называться Африкой.

Переработавши языки, идеи и религии, заимствованные из Азии, еще в доисторические времена переселения народов, Европа, так сказать, возмужала, не переставая однако и после этого обращаться к той стране, откуда она взяла столь многое из того, что вошло в её интеллектуальную и нравственную жизнь. Чувство благоговения, вызываемое прошлым, придало священный характер историческим местностям и долгое время в умах людей поддерживалась жизнь, реально там уже прекратившаяся. Историческая жизнь в бассейне Ефрата и в долинах Ливана была отодвинута на задний план; Афины, потом Рим сделались центром тяжести всего мира, и несмотря на это маленькая Иудея, стоявшая вдали от исторического движения, произвела религию, распространявшуюся мало-по-малу на весь западный мир. Христианская вера взяла свое начало в Галилейском округе, в еврейской деревушке Вифлееме, близ Назарета, хотя апостолы и положили потом в Риме тот краеугольный камень, на котором должна была основаться Церковь. Конечно, в своем развитии христианство связано с иудейским народом, так сказать, своей вещественной генеалогической основой, нельзя отрицать, что Иудея была исходным пунктом христианского движения и что именно евреи тогда, как и в наше время, странствуя и торгуя, переносили из города в город новую религию.

ные свойства при болезнях почек, через что он и получил, будто-бы, название „почечного камня". Хотя можно думать и наоборот, т.е. самая почковидная форма минерала дала повод употреблять его для симпатического лечения, на которое древние были столь падки. Впрочем. вообще очень сомнительно, чтобы древние пользовались нефритом (nefrites) исключительно как лечебной специей: всего вероятнее, что им дорожили как „переживанием", остатком времен каменного веки, когда этот минерал действительно мог считаться не только полезным, но даже драгоценным в силу пригодности к выделке различных вещей, в том числе и орудий, так как в нем прочность соединена с очень слабой хрупкостью. Может быть этот минерал обладает еще какими-нибудь качествами, неизвестными нам, но, во всяком случае, на него можно смотреть отчасти как на реликвию древнейшего культа, которую очень часто клали в могилы вместе с покойником, благодаря чему этот камень служит в настоящее время как бы вехами, или путеводной нитью для археологических изысканий, и с помощью которой можно будет определить географический ход и район древней цивилизации. Хотя нужно заметить, что часто, при раскопках курганов, вместо нефрита находят сходственные с ним минералы, как напр. змеевик и проч.: зависело ли это от неумения древних точно различать сходные между собой минералы, или же на химическую разность не обращали внимания, или же, наконец, еще в седой древности практиковались уже фальсификации? *Примеч. перев.*

Уже арабские географы средних веков указали на факт, замечательнейший в истории, что все высшие культы в человечестве, за исключением буддизма, черпали свои начала в западной Азии[1]. Не говоря уже о различных арийских религиях, начиная с ведизма и до по-



Берегъ «Желтой земли» въ провинціи Шанъ-Си.

литеизма греков, которые, вероятно, также выросли на пространстве между Олимпом, Вифинией и Памиром, иудейство, парсизм, христианство и ислам—продукты этих стран древ-

1 Renan, „Langues semitiques. Monotheisme des races semitiques“.

него мира, прилегавших к пустынным берегам Красного моря и Каспийского. Могущественные проявления человеческого духа обнаруживались ритмически в созидании этих религий; они проявлялись не только в связанные между собою эпохи, но и с интервалами, равнявшимися почти шести столетиям: точно волны одна за другой, чередою, разбивались о берег морской. Впрочем, все эти религии по своим началам имеют между собою очень много родственного; все они подчинялись лишь влияниям местностей, которые от берегов Красного моря и до Каспия представляются замечательно сходными по своим существенным чертам: несмотря на разницу в деталях, пустыни Аравии, Палестины, Халдеи и Персии, все они одинаково походят друг на друга своим величественным однообразием. Уже удалившись от своих исходных пунктов и распространяясь под иными климатическими условиями, а вместе с тем и приспособляясь к образу мыслей различных между собою народов, все религии, в особенности же христианство, принимали характер совершенно отличный от других культов общего с ними происхождения.

Буддизм также пытался распространиться в западных странах Азии, и там, где находится долина Бамьяна, через которую шел главный путь древних народов, из Индустана в Переднюю Азию, сохранились его следы. У этих исторических ворот Гиндукуша, на высоте 8.500 футов, один буддистский царь, владевший бассейном верхнего Оксуса, велел высечь в скале две колоссальные статуи, помещенные в нишах, через которые проходили богомольцы[2]. Другие религиозные памятники также относятся к эпохе распространения этого культа на север и северо-запад; но буддизм мог окончательно упрочиться только на восток от Памира и Тянь-Шаня. Монголы, китайцы, тибетцы охотно встречали индийских миссионеров и, если не вполне усвоили себе их учение, то приняли имя буддистов, формулы и обряды новой религии. Буддизм, смешанный с различными суевериями, распространен в Китае, Тибете, Монголии и у многочисленных племен, живущих на пространстве между Байкалом и берегами Каспия; эта религия—самая значительная по числу своих последователей. Географически, христианство стало религией образованных народов Европы и Нового Света; между тем как влияние его в Азии ничтожно и, кроме армян, несториян, маронитов и нескольких новообращенных племен в азиатской России, единственные христиане по религии или по имени—переселенцы из Европы. Что касается до магометанской религии, развившейся южнее, нежели иудейство и христианство, то она распространилась на громадное пространство и в особенности далеко на юг и на восток от христианских владений. Аравия, родина ислама, стала мусульманской страной, равно как и Палестина, в которой развились иудейство и христианство. Почти вся западная Азия, до самого Гиндукуша, принадлежит разным магометанским сектам; в Индустане почитатели пророка более многочисленны и могущественны, чем где бы то ни было: их власть простирается далеко на Китай и на Зондский архипелаг. Север Африки был также обращен в ислам арабами, и даже внутри этого континента, мусульманская религия была всегда в полном своем развитии. В Европе она исповедуется только османлисами Турции, затем татарами и разными инородцами России. Ислам был изгнан огнем и мечем из всей южной Европы, но влияние его на европейскую цивилизацию было далеко не бесследно. Мавры были в продолжение некоторого времени воспитателями западных наций, и, не напрасно для прогресса наук и искусств, армии крестоносцев сражались два века против сарацин, чтобы собственно завладеть «Святою» землею, родиной Авраама и Иисуса.

VI

Если смотреть сверху вниз на драму всемирной истории, то она есть не что иное, как ряд беспрерывной борьбы между Европой и Азией, с различными лишь переменами. Почин в этом деле принадлежит Азии: она первая выслала в Европу земледельцев, создала религиозные мифы, принесла письменность. Поворот к наступательным действиям начался для Европы еще в те легендарные времена, к которым относится мифическое сказание о походе

2 „Voyage de Moorcroft, Burnes, Masson“.

Аргонавтов; но первая большая победа со стороны Европы, которой собственно и открывается европейская история, это—когда свободные граждане Афин одержали победу над полчищами рабов Дария и Ксеркса. Тогда обнаружилась разница между цивилизациями Греции и Востока. Греки понимали—и мы, их питомцы, поняли в один из знаменательных для нас дней,—что истинная цель жизни поддерживать и расширять свободу, не щадя живота. Те моменты, когда целый народ показывал себя достойным борцем за свое дело, остаются самыми славными в истории человечества. Те поля битв, на которых происходили лишь простые бойни для полумиллиона жертв, всегда забываются, между тем как Фермопилы, Платея, Марафон и Саламин становятся навсегда памятными.

После тех побед, которыми так торжественно началась история современного человека, Европа должна была не без борьбы охранять свое возникающее превосходство. Александр, конечно, победил в самое короткое время почти всю западную Азию, и его имя, как полубога, раздается еще и по настоящее время на Кавказе, в Бактрии, у подножия Алтая и даже за Байкалом; но если македоняне проникли с оружием в руках в самое сердце Азии, то через это они сами стали азиатами и, присоединив Грецию к Азии, тем содействовали лишь довершению планов Дария и Ксеркса. Если Рим, в свою очередь, высылал против Востока свои победоносные армии, то он был сам впоследствии еще более порабощен религией, вышедшей из Палестины, будучи охвачен азиатскими понятиями и нравами; даже самый центр империи был перенесен туда, куда его словно тянула притягательная сила азиатского материка—на Босфор. В ту пору, когда цивилизованные народы юга, арийцы и семиты, ревностно распространяли свое нравственное влияние на Востоке, движение среди варварских племен западного континента и Азии вызывали перетасовку рас, если не в западной Европе, то на равнинах России. Лишь только Римская империя была поколеблена, как восточный мир стал давить Европу тем гнетом, от которого она не освободилась и через 1.000 лет. Алане, авары, разные племена Кавказа, гунны, печенеги, куманы, мадьяры, финны, а затем наконец татары, монголы, входили в Европу через её степные пространства; один из этих пришлых народов даже основал в Карпатах целое государство, существующее и поныне. А с южной стороны, арабы, пробираясь по берегам Средиземного моря, вошли в самую внутрь Галлии; их единоверцы—турки завладели Балканским полуостровом и сделали столицей своей империи тот город, который был вторым Римом. В продолжение нескольких столетий можно было опасаться, что европейский мир должен будет исчезнуть под наплывом волн, нахлынувших с Востока.

Одно из самых удивительных явлений в истории—это почти внезапное возникновение, в начале XIII века, монгольской империи, самой громадной из когда-либо существовавших. Численность кочевых народов восточной Азии, включая сюда даже самых миролюбивых из них, не могла простираться свыше 4 или 5 миллионов душ. Климатические условия и почва не могли заметно измениться со времени средних веков, и потому можно заключить, что в эпоху наплыва монголов в Европу, в азиатских степях было почти то же самое число жителей, что теперь; общее количество людей, способных носить оружие, в той части Азии, не могло превосходить полумиллиона. Сколько же было этих воинов, соединившихся в полчища, чтобы отправиться на наживу, не опасаясь гибели при переходах через бесплодные пустыни? Несомненно, что орды кочевников не могли сформировать тех несметных армий, о которых говорят летописи средних веков[1]. Ужас и страх, нагнанные на побежденных, преувеличили численность победителей; беглецы воображали, что толпы нападающих должны быть несметны, для того чтобы этим объяснить собственное внезапное поражение. Восточные страны были для них какой-то «лабораторией, где приготовляли людей»; хотя, однако, известно, что европейские страны, будучи гораздо плодороднее и пользуясь более счастливым климатом, производили население в большем изобилии. В действительности, победы

1 И все же при определении численнаго состава орд, нахлынувших в Европу, нельзя, повидимому, брать в рассчет только одних кочевников Азии, кроме их, во многих местностях Средней Азии существовало и оседлое население, как это доказывают развалины многолюдных городов, ирригационных каналов и проч. *Прим. перев.*

монголов зависели не столько от численности воинов, сколько от быстроты передвижений, от внезапных атак и единства действий, тогда как население европейских стран, занятых неприятелем, было разбросано, без связи, неспособное сопротивляться всей массой, в силу своих земледельческих привычек, удерживавших их в деревнях. Войско, высланное Чингис-Ханом из Самарканда, в погоню за султаном Аладином, и состоявшее всего из 20.000 человек, в три года прошло победителем через Хоросан, Персию, Армению, Грузию, Кавказ, Крым, Поволжье и вернулось назад к своему повелителю[1].

Чтобы достигнуть равнин Китая, монголам стоило только спуститься с своих бесплодных плоскогорий в долины, по которым текут притоки Гоанго. Несколько дорог были однако заграждены от них Великой стеной, за которой были расположены счастливые южные страны; им оставалось только избрать для своей цели проход, лежащий в западной части Азии, там, где по близости начинались владения европейцев; но не все, однако, могли достигнуть его. Во время больших передвижений племен, множество воинов были оттесняемы на запад другими ордами, рассеивались в Кашгарии, окруженной непроходимыми для армии горами, содействуя увеличению помесей или, так сказать, этнологических осадков, образовавшихся в проходах центральной Азии. Тем не менее выходцы, составлявшие ядро массы, хорошо знали настоящие проходы по преданиям, и, следуя дорогой, через древние морские проливы Джунгарии, пробрались к южному подножию Алтая. В этих проходах, потоки человеческих волн, подобно морю, бушевавшему здесь в былое время, устремились в равнины западной Сибири, чтобы оттуда направиться одним в Европу, другим в Персию, Индию, захватывая попутно не только народов своей расы, т.е. татар и монголов, но также и толпы побежденных, которые покидали опустошенные земли, отправляясь искать свою долю в победах и грабежах. Раз вышедши из центральной Азии, ни одна орда не возвращалась уже более на родные пастбища. Указывают, впрочем, на один пример,—это с астраханскими калмыками, которые в 1770 году пытались уйти туда, чтобы ускользнуть от власти России; но только не многим из них удалось добраться до страны своих предков, к подножию Алтая. Теперь там, в центре Монгольской империи, где прежде происходила такая сумятица, господствует тишина, и Джунгарские ворота представляют собою глухую пустыню. Население, которое жило на север от Китая и когда-то столь буйное, стало теперь совершенно мирным; может быть это можно приписать политике Китая, заинтересованного распространением учения Ламы в Монголии, которое смогло, по крайней мере в частях, прилегающих к китайским владениям, изменить воинственный народ в монашествующий[2].

Следы древних переселений еще не уничтожились. Смешанность фауны и флоры, которая заметна на границе двух континентов[3], может быть приравнена и к населению, живущему в естественных пределах той впадины, которая была когда-то покрыта морем, разделявшим два континента. Самоеды и лапландцы могут быть еще рассматриваемы, как азиаты, хотя они и занимают западное положение территории, вместе с другими племенами, живущими в центральной части Европейской России, т.е. с чувашами, мордвой, черемисами и прочими инородцами, сильно напоминающими своими обычаями азиатских остяков, которые однако живут довольно далеко от них, как и просвещенные русские, которыми они окружены. Башкиры, татары, киргизы и калмыки живут себе в Европе точно так же, как и в своих родных странах. Но если некоторые азиатские племена проникли через Скандинавию до самых берегов Атлантического океана, то европейские народы стали в свою очередь производить вторжение в Азию: славяне стоят уже твердой ногой на берегах Великого океана и в Закавказье. Эгейское море и Мраморное не образуют этнологических границ: напротив, воды этих морей омывают как берега Греции, так и Анатолии, где греки более многочисленны, нежели турки, живущие в той части европейского континента, которая была отнята у них.

1 Григорьев, „Русское обозрение", 1876, т. IV. № 4

2 F. von Richthofen, „China" I.

3 Северцев, „Извест. Русс. Геогр. Общ." 1877. т. XIII.

Азиаты, бывшие когда-то инициаторами, представляют теперь перед лицом Европы элемент варварский. Хотя к западной цивилизации примешивается и много дурного, но можно сказать, что Европа,—континент специально «арийский»,—есть воспитательный очаг для народов Азии. Общее движение культуры прежде распространялось с востока на запад, следуя ходу солнца; в настоящее же время лучи европейской жизни расходятся во все стороны: в Азию, Африку, Новый Свет и Австралию. Скоро минет уже четыре века, как перевес Европы в деле воспитания всего мира окончательно установлен; путешествия и открытия, постепенно знакомившие с очертаниями материков, позволили европейцам в то же время установить прочно свое влияние в странах, открытых ими. Конечно, всюду, где высаживались европейские мореплаватели впервые, они давали доказательства своей высшей цивилизации, было ли то избиение туземцев, обращение их в невольничество или обманы и развращение их тысячами способов. Ненавистью и поражениями друг друга начинались отношения между человеческими расами: они сильно боролись перед тем, как ознакомиться друг с другом, как с равными представителями человечества.

Цивилизаторское влияние Азии на Европу исходило с различных частей материка; точно также и европейское веяние дает себя чувствовать в Азии с разных пунктов, при посредстве приморских стран: сначала одни португальцы ступили ногой на берега Индустана, Индукитая и Малайского архипелага; потом испанцы, голландцы, англичане и французы учредили свои конторы или свои укрепления по берегам и на островах. Кипр—остров английский, Малая Азия, по крайней мере фиктивно, считается под протекторатом Англии, и её же агенты распространяют свое покровительство также по Белуджистану, Афганистану, а может быть и Персии; некоторые пункты на аравийском берегу, а также и на персидском, прямо или косвенно, принадлежат Великобритании; она же присматривается уже ко всему побережью Оманского залива; полуостров Индустан, остров Цейлон, часть Индукитая—английские владения или владения их данников. Порядочный кусок Индии, по ту сторону Ганга, находится во владении или же в некотором подчинении у французов; Голландия, Англия и Испания разделили вместе с местными султанами архипелаг, соединяющий Азию с Австралией. Из восточных государств Япония быстрее всех прониклась влиянием европейских идей и ввела у себя соответственные преобразования; в приморских городах Китая построились целые кварталы, населенные европейцами и американцами. Наконец вся северная часть континента находится под властью России, самой обширнейшей державы на земном шаре: в конце XVI века казаки покорили для своего царя всю Сибирь с её различными племенами, а также и пушными зверями, составлявшими предмет их охоты. Можно считать, что более чем половина поверхности Азии и треть её населения подчинены европейским государствам. Более подробные сведения дают следующие числа, определяющие численность населения и величину территорий, подчиненных прямо или косвенно европейцам:

	Пространство кв. кил.	С населением душ.
Русские владения заним.	17 002.403	23.045 560
Английския ,,	5.519.756	296.854.691
Голландския ,,	2.045.694	34.392.700
Французския „	705.620	22.974.U00
Испанския „	298.772	7.030 000
Португальск. „	19.980	881.000
Итого	25.592.220	385.377.951[1]

Следовательно в Азии почти столько же нехристиан, сколько в Европе католиков и протестантов различных вероисповеданий, взятых вместе, включены добровольно или силою в круг европейской политики.

VII

На островах и в приморских странах, где европейцы учредили свои конторы или колонии, движение во внутрь материка все более и более увеличивается посредством торговли и

1 F. Umlauft, „Statistiches Taschenbuch", 1897. F. Juraschek, „Geogr.—Statist. Tabellen", 1897.

политики, хотя собственно дело открытий еще далеко не закончено. В центральной части Азии есть еще обширные пространства, где путевые линии новейших путешественников, измерявших пройденный путь и описавших его в общих чертах, еще до сих пор не пересеклись. В местностях, уже посещенных ими, много пунктов остались неизвестными, а сколько фактов требуют подтверждения, сколько еще можно увидеть новых местоположений и городов, сколько бы народов нужно лучше изучить!

Известно, что древние, корабли которых не рисковали пускаться в Индийский океан, к «стране шелка», вели торговлю, хотя и с затруднениями, с Серикой, посредством дорог, которые никогда не были известны западным полководцам и по которым древние купцы водили свои караваны. Вероятно невозможно отыскать их точные маршруты у греческих писателей; но главный склад товаров был в городе Бактре, и легко возможно, что путь, упоминаемый у Птоломея, шел на восток, в верхнюю равнину Оксуса и пересекал южную часть Памира, а оттуда спускался по одному из притоков Эхардеса или теперешнего Тарима в бассейн, известный в наше время под именем Кашгарии; желательно бы также отыскать Каменную Башню, о которой упоминают купцы древности, в Таш-Кургане или «Холме из каменьев», находившемся на берегу одного из притоков Ярканда, на плоской возвышенности Сириколь, т.е. на одном из восточных спусков Памира[1]. Китайцы, в начале нашей эры, будучи еще на вершине своего военного могущества, победили западную Татарию, и в то время, когда их войска следовали через проходы, расположенные на север от Тянь-Шаня, купцы и богомольцы их же национальности держались более крутой дороги, шедшей через «Маковку Земли». Гиуэн-Цанг, знаменитейший из китайских пилигримов, рассказывает о своем путешествии с такими подробностями, что можно бы было по ним составить его маршрут на карте Памира; возвращался же он в свое отечество через ту же верхнюю долину Оксуса, по которой он выбрался на плоскую возвышенность. Что касается до Марко Поло, то этот, отправившись из Бактрии, следовал по пути, вероятно, мало разнящемуся от того, по которому ходили его греческие предшественники, и прошел в северо-восточном направлении через всю «гладь Памира, который считается самым высоким местом на земле». Из Ярканда он обогнул степь Гоби, чтобы войти в самый Китай, около истоков Гоанго. В продолжение последних шести столетий не было еще ни одного путешественника, который тоже пересек бы континент с запада на восток и мог бы с ними сравниться в этом отношении, так как позже многие проходили только часть его пути. Кроме того, Марко Поло, будучи важным сановником Китайской Империи, посетил почти все провинции этого государства, восточный Тибет и проник в Бирманию через те малоизвестные страны, которые отделяют Юн-Нан от Индукитая. Своими увлекательными повествованиями о Китае, его городах и островах, Марко Поло, более чем кто-либо другой из путешественников, мог развить страсть к открытиям: это он показал Колумбу призрак, преследовавший последнего в его плаваниях по западным морям[2].

Когда Марко Поло проходил через пустыни Памира, другой путь из Европы в Монголию лежал севернее и был уже пройден множеством купцов, монахов и посланников. В половине XIII столетия, центр тяжести Монгольской империи, которая простиралась тогда от Южного моря до Черного, находился вблизи Алтая, и очень естественно что большая торговая дорога шла прямо к Каракоруму, столице этого громадного государства; орды монголов и татар, следуя этой дорогой, прошли к северу от Тянь-Шаня, в долину Яксарта; по ней прошли также План де-Карпин и Рубрук, посланные Людовика IX. Европейские искатели приключений толпились тогда у императорского шатра, и сношения Запада с империей Востока были так многочисленны, что думали даже основать кафедру монгольского языка в Парижской Сорбонне[3].

1 Rowlinson, „Journal of the R. Georg. Soc.“, 1872; Paquer, „Le Pamir“.

2 Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

3 Abel Remusat „Rapports des princes chretiens avec le grand empire des Mongols“, Memoires de l'Institut. Acad. des Inscript., tome VI.

Но могущество монголов вскоре пало, Каракорум перестал быть столицей и развалины его очутились в пустыне. Тем не менее дорога из Китая через северную сторону Тянь-Шаня и ворота Джунгарии, была всегда известна купцам. Пеголотти, а вслед за ним и другие, проходили по ней в XIV веке и вероятно, она считалась очень важной в экономическом отношении, если промышленники долгое время не обращали внимания на великое открытие—океанический путь. Когда дороги в Индию, вокруг мыса Доброй Надежды, и в Новый Свет стали хорошо известны, когда стало очень легким делом отправляться, не подвергаясь никакой другой опасности, кроме бурь, на острова, богатые золотом, жемчугом и пряными кореньями, тогда только негоцианты начали забывать пустыни далекой Азии, отделявшие их от богатых рынков Китая. Длинные и опасные дороги Татарии, Джунгарии и Монголии были оставлены, и только в настоящее время снова принимаются за дело, начатое Марко Поло. В наше время лиц, отправляющихся в подобные экспедиции, очень много: они вооружены всем, что может дать наука, и пользуются со стороны туземцев тем почтением, которое последние оказывают могущественным европейским нациям. Круг неисследованных местностей, с каждым шагом путешественника, из года в год, все более и более съуживается. Таинственная область Памир описана уже в общих чертах; северный и западный Китай исследован уже по всем направлениям. Но некоторые местности Тибета все еще представляют собою неведомые страны, и очень важные географические задачи не будут разрешены до тех пор, пока европейские исследователи не посетят эти места. Можно сказать, что Азия не имеет еще географического единства по отношению к истории человека, так как центральные части её неизвестны в деталях движения народов и торговые сношения продолжают производиться океаническим путем и через приморские страны.

Необходимым следствием постепенных открытий внутри материка и прогресса в торговле будет сообщение Азии той географической цельности, которой ей теперь не достает, и, в силу равновесия со всем остальным миром, в ней должны будут произойти перемены. Не далеко то время, когда сети европейских железных дорог будут продолжены в Азию и соединят города Босфора и Индустана, когда ливни прямого сообщения пройдут от берегов Вислы до берегов Инда, и путешественники будут отправляться толпами в области, теперь неизвестные, напр. в Восточный Тибет, в котором, наверно, увидят некоторые из наиболее грандиозных явлений, касающихся жизни нашей планеты: там находятся, недалеко друг от друга, истоки некоторых очень важных рек, спадающих с высочайших на земном шаре плоскогорий в низменности, может быть, в виде чудных водопадов или горных потоков, низвергающихся в ущелья, в сотни и тысячи футов глубиною. Индия и Китай—две страны, где население наиболее скучено, войдут в непосредственное сношение; Калькутта и Шанхай проведут на встречу друг другу торговые дороги.

Все эти экономические перевороты значительно поднимут многие из тех городов, которые или обеднели или совсем исчезли, после того как сухопутные дороги были оставлены ради дорог океанических, более определенных и менее затруднительных. Невозможно, чтобы не возродились снова большие города в таких местностях, как Бактрия и Согдиан, там, где главные дороги, что пойдут из Средней Европы и Индии, будут пересекаться с теми, которые поведут в Месопотамию, Сирию и Египет. Самарканд, Бактр и Герат поднимутся снова на месте древних развалил или же поодаль от них, но в местности, пользующейся теми же географическими преимуществами. То же самое можно сказать и относительно долины реклизнецов Тигра и Ефрата и о Вавилонии и Ниневии, так как, благодаря исключительному благоприятному положению, которым пользуется эта местность, ее пересекут все те дороги, что пойдут к морям Черному, Средиземному, Каспийскому и к заливам Персидскому и Аравийскому. Но кроме тех городов, которые снова «возникнут из праха», вырастут в Центральной Азии еще новые города; с проведением иных путей сообщения, в плоскогориях и пустынях, разделявших прежде народы, образуются сами собой новые жизненные пункты, новые центры тяготения для народов. Где построятся эти громадные столицы, которые будут служить общей метрополией для китайцев и русских, для индийцев и европейцев? На этот вопрос пока еще нельзя ответить, так как его решение поставлено в зависимость не только от

климата и почвы, но и от политического соперничества. Азия—это поле битв, на котором в будущем произойдут решительные стычки в истории человеческого рода.

Европейское влияние на население Азии все ростет, и этот обширный континент все бо-

Колоссальные идолы въ Баміанской долинѣ.

лее и более становится в некоторых отношениях в простую зависимость от маленького полуострова, примыкающего к её западной оконечности. Могущество Европы сказывается здесь влиянием двух соперничествующих держав—Англии и России, которые так сильно

разнятся между собою по традициям, политическому положению и своим интересам. Россия владеет северной областью, Англия—южной; различные мелкие народы и там и здесь, пытаясь поддержать свою независимость, все более и более втягиваются в сферу влияний этих больших государств. На крайнем Востоке Япония блюдет свою политическую автономию и начинает соперничать с Европой административными нововведениями. Китайцы же не расстаются ни с одной из своих национальных особенностей, и власть их уменьшилась только со времени наплыва в Азию иностранцев в благодаря трактатам, навязанным им на их же собственной территории. Поднебесная Империя, заключающая в себе, можно полагать, третью часть населения всего земного шара и пятую часть в одном только бассейне Янцекианга, тяготится уже массою своих обитателей; но этот полу-миллиард душ, толпы которых могут одним своим натиском подавить армии, владеет еще той силой, которую дают ему промышленность, труд, терпение; их здравый смысл, твердо установленные привычки и неутомимая настойчивость делают их страшными для конкуррентов. Кроме того, сравнительно с индусами, они пользуются еще важными преимуществами, зависящими от тесной родственной связи между расами и прочного национального союза, при которых им не страшны ни внутренний междуусобицы, ни племенная ненависть, ни партии, ни касты. Помимо всего этого, они своей трезвостью и умеренным образом жизни легче, чем другие народы, способны приспособляться к климатическим условиям самых разнообразных стран: это раса, которая и возобновляется, и держится резнею. В вопросе о преобладании в Азии задеты не только Англия и Россия, как это многие полагают, но также и Китай, который обещает, рано или поздно, быть сильным противником в борьбе за свое господство. Даже более: китайская нация не может избегнуть столкновения с белым населением Европы и Америки в основных вопросах цивилизации и нравов, прежде чем она не сделается деятельным и сознательным соучастником в этих вопросах. Это неизбежное столкновение приостановит на время умственный прогресс человечества, пока общность идей и взглядов и пока исходные пункты, подкрепленные наукой, не позволят снова двинуться вперед[1].

Столкновение этих трех враждебных держав еще замедлено громадностью пространства, отчасти занятого пустынями, разделяющими их. Если Китай легко доступен с моря, то за то вполне защищен с суши: там, где он соприкасается с русскими владениями, лежат области, скорее пустынные, чем населенные; а по другую сторону китайской границы, порубежное русское население так малочисленно, что не может производить на Китай никакого политического давления. Между «Срединным Цветком» Янг-Це и английской Индией раздельную полосу составляют не пустыни, а горные области, совсем еще неисследованные. В западной же части континента, промежуточная полоса, отделяющая владения русских и земли их данников от английской Индии, простирается в ширину на несколько сот верст, и народы, живущие на этой полосе, сохраняют еще свою политическую независимость: они храбро сопротивляются с той и другой стороны английским и русским нашественникам, стремящимся завладеть стратегическими пунктами на их территории. Государственные люди, мнения которых имеют авторитетное значение, утверждают, искренно или с целью провести противника, что промежуточная полоса будет всегда неприкосновенна для обеих соперничествующих держав и что передовые посты, выдвигаемые в Туркестане и в Индии, нисколько не грозят в будущем встречею у ворот Гиндукуша или у истоков Мургаба.

В военном отношении Китай далеко уступает другим двум державам. Хотя он благоразумно воспользовался последним двадцатилетием внешнего мира, чтобы преобразовать свою армию, пополнить арсеналы, отлить пушки, построить броненосцы, но сомнительно, чтобы он, вне своих владений, мог помериться силой с одной из европейских держав. Кроме того, китайское правительство, с господствующим в нем этикетом и порабощенное традициями, очень трудно выдвинуть на тот новый путь, на который влечет история; оно, конечно, не соглашается, чтобы иностранцы пользовались богатством почвы и торговыми выгодами в ущерб коренному населению. Принимая к себе иностранцев с почтением, требуемым догово-

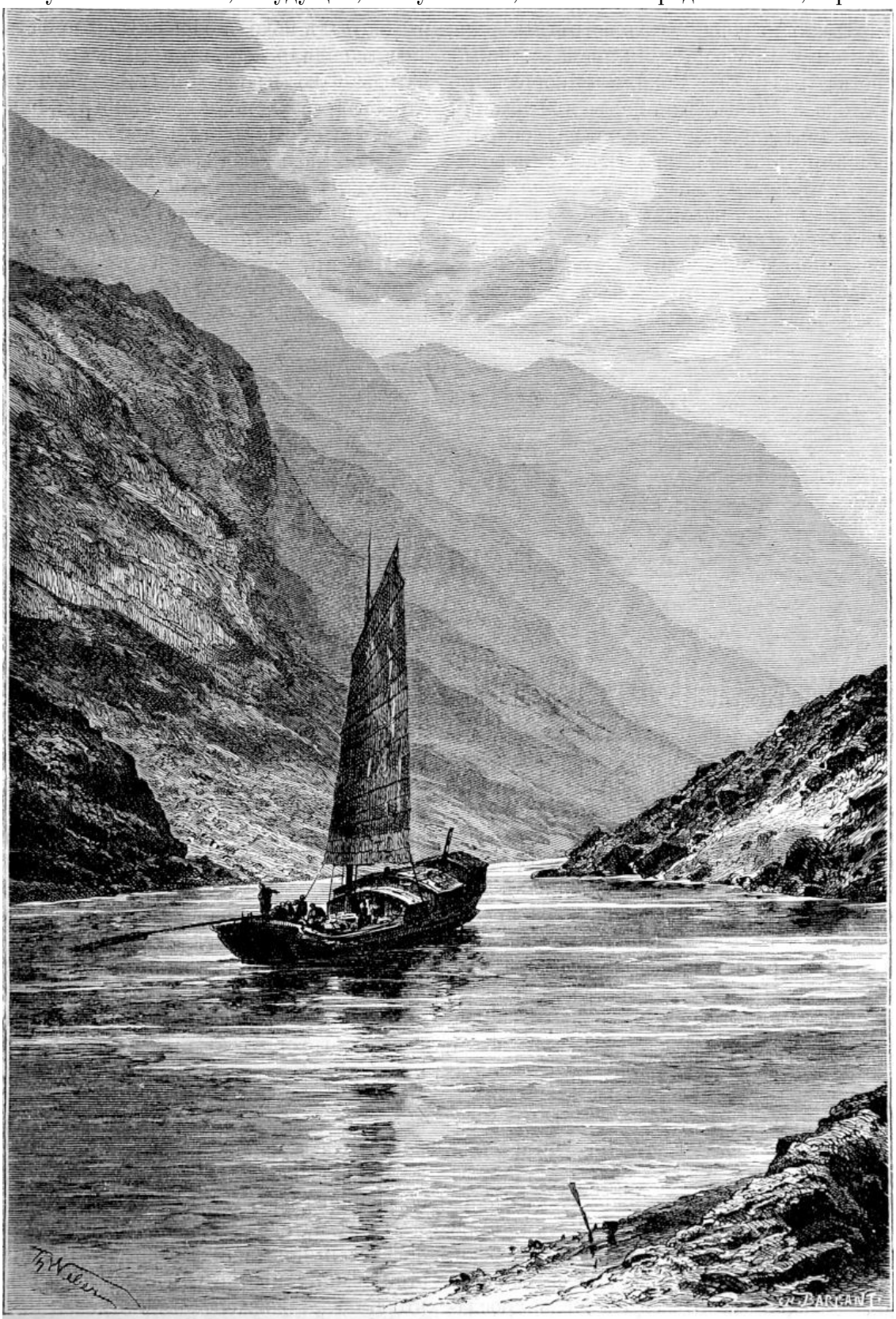
1 Letoureau, „Encyclopedie nouvelle".

рами, китайцы в то же время умеют оградить свои экономические интересы. Они охотно, последовательно и не торопясь пользуются всеми открытиями и усовершенствованиями, которые заносятся к ним, но любят прилагать их у себя сами, отстраняя мало-по-малу своих учителей. Благодаря европейцам, у которых они обучились некоторым искусствам, китайцы стали теперь гораздо могущественнее против того времени, когда они впервые открыли им к себе доступ. Соблюдая свое высокое положение, которым пользуются с незапамятных времен и которое создано условиями самой почвы, и не потрясая исторических основ народной жизни, они могут поставить себя в иные условия, приняв вызов на борьбу цивилизации с цивилизацией же, с торговыми народами, заставившими их открыть устья своих рек пушечными выстрелами. С материальной стороны, Китай обладает той значительной силой, которую ему дает численность населения. В Манчжурии, на Формозе и в центральной области, китайцы мало-по-малу побеждают территории культурой, и часто даже в чужих краях, куда они уходят, однако, без своих семейств, пользуются численным перевесом. Их отечество набито битком, и китайский народ уходит оттуда в Индию, что по ту сторону Ганга, на Зондский архипелаг, в Австралию, на Сандвичевы острова и в Соединенные Штаты.

В противуположность Китаю, Англия не может бороться за свою власть в Азии целой народной массой. У неё нет никого, кроме наемников там, где находится её главная резиденция,—на восточном континенте. Но все же завоеванная англичанами территория есть для них опорная точка, которая дает страшную силу как для сопротивления, так и для нападения. Кроме того, она формирует армии в своей империи, где скучена более чем шестая часть населения всего земного шара, и собирает в виде налогов с индусских крестьян сумму настолько значительную, что ей не приходится обращаться к бюджету метрополии. Без сомнения, англичане не могут рассчитывать на преданность порабощенных и даже их слишком презирают, чтобы требовать этого; очевидно также, что наступят времена, когда жители Индустана настолько разовьются, что сбросят с себя английское ярмо, но, кажется, что это время наступит еще не скоро. Конечно, Англия теперь сильнее укрепилась в Индии, чем до восстания сипаев в 1857 г., но все же, войска её набраны из туземцев, которые составляют главную часть её армии, и администрация может успешно действовать только благодаря индусам же или «eurasiens», т.е. метисам, занимающим все низшие должности. Здесь нет еще иной власти, кроме власти англичан: кое-где формировалось общественное мнение, но оно остается лишенным всякой власти в стране, где расы и касты разбили ее на множество разнохарактерных обществ: общая разрозненность подчиняет их власти немногих. Англичане, принадлежащие почти все без исключения к богатому и господствующему классу, не держат у себя даже прислуги, принадлежащей к их расе, так как этот род занятий унижает-де британскую спесь: а они здесь живут как боги, витая в высшем мире над порабощенной толпой, которая их ненавидит, но трепещет.

Для Англии очень важная задача, независимо от всяких перемен во внутренней политике, не только поддерживать свое владычество в Индии, но и соединять легкими и быстрыми путями два центра своей громадной империи, «в которой солнце никогда не заходит». Ей недостает, как государству, географической связи, так как между её владениями находятся большие пробелы. Дорога от Лондона до Калькутты, как для флота, так и для армии, далеко не гарантирована: можно бояться нападения с фланга, если Россия завладеет Дарданеллами и верхним бассейном Ефрата, или, если поставить казачьи гарнизоны по крепостям Афганистана. До настоящего времени Англия, благодаря скорости своих пароходов, имеет большое преимущество перед Россией в борьбе за власть: английские войска могут гораздо скорее проплыть расстояние, отделяющее Темзу от Инда, нежели слабые отряды русских экспедиций успеют пройти пустынными берегами Каспийского моря к оазису Мургаба. Что бы ни говорили карты, а Англия, повидимому, гораздо ближе к Индии, нежели Россия к верховьям Оксуса. Средиземное море принадлежит британскому флоту, Суэцкий канал может быть закрыт для прохода судов других наций, если того захочет Англия; точно также, она властвует на Красном море и на Аравийском берегу, равно как в Персидском заливе и на берегу Мекрана. Но морских путей недостаточно, надо завладеть также и сухопутными. Она не

может располагать той дорогой, которая идет из Европы через Остенде и Салоники в Константинополь, без союза с другими державами; в Азии же она стремится проторить себе прямые пути. Захвативши, в будущем, Малую Азию, как нечто в роде ипотеки, и располагая



Верховье Янтцекіанга.

островом Кипр, Англия будет хозяйничать в крайнем углу Средиземного моря, у самого изгиба Ефрата; а с востока она завладеет прочными позициями в Мекране и в Белуджистане, и вступит в союз с государями западной Азии; затем, с помощью денежных поддержек,

постепенно преобразует их в своих вассалов, не входя в издержки и опасности по управлению народом, так как она в этом отношении пользуется теми громадными преимуществами перед Россией, которые дают ей её капиталы, её пути сообщения построятся быстро. Город Кандагар, откуда английские гарнизоны могут наблюдать за целым Афганистаном, будет постепенно соединен железной дорогой, менее чем в 1.000 километров длиною, с остальными дорогами Индии; половина расстояния, отделяющая Александретту от Калькутты, будет пройдена английскими локомотивами. Подобные стремления разве не предрешают политическую судьбу Азии?

Более медленные в своих движениях,—так как еще не преодолели окружающие их естественные препятствия,—русские, рассматриваемые как военная держава, имеют, сравнительно с своими противниками, англичанами, преимущество другого рода. Территория, занимаемая ими, не раздроблена на отдельные части: русские владения от берегов Лапландии и до самого Памира представляют страну, географически совершенно цельную; никакая другая держава, союза который надо было бы добиваться, не лежит между центром империи и её самыми отдаленными владениями у Оксуса. Кроме того, большая часть населения побежденных территорий состоит из русских, и с году-на-год их элемент возрастает с помощью земледельческой колонизации. Туземные же элементы так ничтожны, что русскому правительству нечего бояться восстаний, и славяне, предки которых скрещивались с различными инородцами, не относятся высокомерно к прежним владельцам страны; полное слияние между ними невозможно по причине различия в нравах, а у магометан, кроме того и религиозных предразсудков, но тем не менее православный народ и магометане-татары далеко не то, что индусы и англичане, принадлежащие к двум совершенно различным породам. Национальная связь между народами Азиатской России столь же легко осуществима, как и в Европейской России, тогда как совершенно немыслимо, чтобы властвующие англичане и их подданные, индусы, могли слиться в одну нацию. Несомненно также, что русские, в будущем, подобно англичанам, проложивши свои железные дороги и ряды колодцев в пустынях Азии, будут еще теснее связаны материально с азиатской частью империи. Сети железных дорог, которые все более и более изрезывают в настоящее время Азиатскую Россию, будут продолжены к самому порогу Гиндукуша, и военные силы государства тогда могут быть собраны в несколько недель на границы земель, которые подчинятся влиянию Англии. Плоскогорие Иран и долины верховьев Тигра и Ефрата представляются особенно слабыми пограничными пунктами в этом отношении. Высматривают ли уже обе державы эти слабые пункты или нет, пытаются ли они ускорить или отсрочить момент столкновения, но они неизбежно должны будут встретиться лицом к лицу. Все маленькия промежуточные государства раздробятся под напором с двух сторон, под влиянием притяжения; интригами между обеими империями, соперничествующими в влиянии, политическими, религиозными и торговыми заговорами, начинается скрытно та война, которая рано или поздно должна будет вспыхнуть.

Глубокие перевороты приготовляются в центре Древнего мира. Те страны Азии, на которые цивилизованные люди верно или ложно смотрят, как на место своего происхождения, должны будут стать театром крупного политического столкновения между двумя могущественнейшими государствами Европы. Каков бы ни был исход борьбы, можно считать, что как западная Азия, так и Индия будут окончательно во власти западной цивилизации и, что с того времени все нации Европы и Азии будут поставлены в условия развития, содействующие пользованию взаимным прогрессом. Благодаря повороту западной культуры на восток, в людях увеличится сознание своего единства: политические перевороты подготовляют миру общую судьбу, с равноправным решением вопросов, касающихся жизни народов.

Глава II Кавказ

I. Горы Понто-Каспийского перешейка

Кавказские горы в прежнее время часто причислялись к европейскому континенту. Крутой подъем их на северо-восточном прибрежье Понта Евксинского давал греческим морякам повод думать, что за этими горами начинается Азия; между тем как коммерсантам, основывавшим свои колонии на северном берегу Понта, напротив, казалось, что Кавказ ограничивал с юга обширные равнины Скифии. Еще географы тех времен задавались вопросом: были ли естественной границей между обеими частями света, русло и болота Фаза, в Колхиде, или же Киммерийское ущелье и река Танаис[1]. Традиции заставляли наших предков, эллинов, часто обращать свои взоры к этим горам, более высоким, чем их оба Олимп,. Этна, Гемус и даже Альпы. Греческие мифы связывают историю эллинского полуострова с этими отдаленными от него горами, в которых греки, будто бы, отыскали первые начала своей цивилизации, с берегами Колхиды, столь прославленной походом Аргонавтов за Золотым Руном, символизующим богатство всей природы, равно как и науку, промышленность и торговлю. Греки пытались также найти в этих горах Азии свое национальное происхождение—Девкалиона, который населил Грецию и был сыном Прометея, титана, вдунувшего божественную искру в уста человека, и прикованного к одной из скал Кавказа. Тот же, так сказать, предрассудок, которого, вероятно, не чужд и миф о Прометее, привел некогда и ученых к тому, что они окрестили именем, принадлежащим жителям Кавказа, всех белых людей Европы и Америки, как бы свидетельствуя таким образом инстинктивное почтение европейских народов к горам, поднимающимся на рубеже Азии. Воображали также, что эта гористая местность, как предполагаемая земля наших предков, всегда была населена представителями самой чистой расы, и говорили с таким самодовольством о их красоте, стройности и грации, что точно этими телесными превосходствами обладали все народы белой расы. Название «кавказская раса», как синоним белой расы, арийской, индо-европейской, не совсем еще исчезло из обыденного языка.

После путешествий Палласа и других исследователей, описавших действительный рельеф этой страны, нельзя уже сомневаться в том, что Кавказ должен быть отнесен к Азии[2]. Он вполне отделен от Европы глубокой впадиной, в которой видны теперь воды Маныча, частью стоячия, частью медленно текущие, но в геологический период, предшествовавший настоящему, наполнявшие собою понто-каспийский пролив. На юге, система кавказских гор, сохраняя характер отдельной цепи, соединяется с горами Малой Азии посредством поперечного высокого хребта, и, следовательно, Кавказ составляет, таким образом, передовую горную массу азиатского континента. Равным образом, судя по истории своих обитателей, Кавказ составляет часть азиатского мира. До самого вступления русских, жители Закавказья, грузины, мингрельцы, армяне, курды и турки имели сношения главным образом с югом, именно с Персией и Анатолией, с которыми они то вели дружбу, то враждовали. Что касается жителей собственно Кавказа, то они сравнительно более многочисленны на южном склоне, обращенном к орошенным, плодородным и населенным равнинам. Сторона же, обращенная к Европе, очень бедна деревнями, а низменности, простирающиеся у подножья гор, в некоторых местах—настоящие пустыни. Завладев Кавказом, русское правительство соединило административно эти азиатские земли, и центр тяжести для всего Кавказа определился у южной подошвы Кавказских гор; здесь сосредоточены военные силы русской Империи, предназначенные для действий в Передней Азии. Еще недавно добрый кусок турецкой территории был присоединен силою оружия к Закавказью, и южная половина Кавказа, самая многолюдная, почти так же расширилась, как и северная; она даже больше, если, согласно

1 Herodote, „Histoires“, livre IV, 45.

2 Humboldt, „Asie centrale“;—Carl Ritter, „Asien“ I, p. 16

административному подразделению, к ней причислять Дагестан, расположенный однако к северу от Кавказского хребта.

Следующие данные подробнее знакомят с пространством и численностью населения Кавказского края.

	Поверхность (по Стрельбицкому) кв. верст	Население 1891-92 гг.	Плотность населения на кв. версту
Предкавказье:			
Ставропольская губ	52.234	695.366	131
Терская область	61.016	798.898	131
Кубанская „	82.909	1.551.319	187
Черноморский округ	6.454	36.179	56
Закавказье:			
Кутаисская губ	32.046	1.048.940	328
Тифлисская „	35.644	1.058.431	297
Эриванская „	24.449	703.511	288
Бакинская „	34.530	768.536	223
Елисаветпольская губ.	38.773	793.969	205
Дагестанская обл	26.147	609.380	233
Карская обл	16.381	214.471	131
Закатальский округ	3.544	74.448	211
Итого	414.128	8.353.448	202

Очень мало найдется горных цепей с таким замечательно цельным характером, как Кавказ или Кок-каф и Кафдаг, как называют его татары и турки, составляющий звено, «цепи, опоясывающей мир», говоря словами восточной мифологии[1]. Если смотреть на него с Моздокских степей или Екатериноградской станицы, то по мере приближения к нему, он кажется каким-то громадным валом с тысячами блистающих зубьев. Поэты называют Кавказ «Горою», выражая этим словом понятие о громадном хребте, как об одной сплошной и грозной горе, тянущейся от одного моря до другого, на пространстве более чем 1.000 верст. Кавказ также называют «Большим» в отличие от неправильной цепи «Малого Кавказа», или, вернее, Анти-Кавказа, который поднимается с южной стороны Закавказья, по ту сторону бассейна Куры. Конечно, Кавказ вполне заслуживает прозвище Великого. Моряк, плавающий у восточных берегов Черного моря, русский, татарин, приближаясь к нему со стороны степей, видят как горы, подернутые дымкой, мало-по-мало увеличиваются, едва заметно выделяясь сквозь облака и испарения болот, скрывающие очертания их контуров, затем начинают обрисовываться выступы, на которых видны снег, леса и овраги, а вскоре и совсем застилают собою горизонт: их вершины заходят в полосу облаков, ветров и бурь, и закрывают собою солнце в продолжение целого полудня, угрожая долине обвалами и снежными глыбами; по склонам их шумно сбегают потоки, водопады и ручьи. Русские, привыкшие к виду равнин и холмов, поражаются видом этих вершин, которые кажутся им принадлежащими к совершенно другой природе, нежели та, которую они видели в своем отечестве, и еще недавно они удивлялись большему: в долинах этих гор жили люди, которым приходилось сражаться в течение многих поколений и которых поэзия окружила чарами, всегда связанными с доблестью и красотой. Русская литература сохранила глубокие следы того влияния, которое производили на зрителя кавказская природа и войны с этими горцами. Пушкин воспел красоту этих гор, а Лермонтов, кроме того, описал предания и обычаи их жителей; сцены, нарисованные им в романе «Герой нашего времени», игравшем большую роль в умственном развитии русской молодежи, взяты из жизни на Кавказе. Сколько людей, лучших людей, отправлялись умирать на Кавказ, подобно Лермонтову, преследуемые при жизни и тем более чтимые по смерти.

Главное направление Кавказского хребта—с юго-востока на северо-запад, с очень слабыми уклонениями в сторону. В общем, этот хребет следует тому же направлению, как и горы

1 Klaproth, „Tableau du Caucase".

Персии, большая часть горных цепей Малой Азии и другие горные системы азиатского материка. Геологическим происхождением Кавказ обязан тем же условиям, которые подняли и скомкали в ряды складок большую часть Старого Света. Между прочим, кавказская гряда отличается тем, что не выделяется резко своим рельефом над окружающими ее землями. С правильностью, не имеющей примеров, она продолжается по обе стороны скалистых уступов, в виде глинистых пригорков, вулканического характера, извергающих из себя грязь, горячую воду и проч. По обеим сторонам цепь заканчивается низменными полуостровами, подверженными действию подземной силы и вдающимися в море: с запада—полуостров Тамань, а с востока—Апшеронский. Первый едва отделен от Керченского полуострова, связанного с Крымом, между тем как второй вдается в Каспийское море и оканчивается вулканическими островками, за которыми хребет идет далее в виде порога, резко разграничивая впадину, заполненную Каспийским морем на части северную и южную. По обеим сторонам этого порога, лот опускается на 1.300 фут глубже, чем на линии, служащей продолжением Кавказских гор. На восточном берегу Каспия, мыс, с которым соприкасается под-каспийский порог, несколько на север от Красноводского полуострова, есть исходная точка для всех тех гор, пригорков, скал и обрывистых утесов плоскогорий, которые служат точным продолжением линии Кавказского хребта до самой долины Мургаба, лежащей между Мервом и Гератом[1]. Посредством этих высот и тех, что расположены в северном Афганистане, система Кавказских гор связана с хребтом Гиндукуш.

Как и Пиренеи, на которые он походит по своему направлению, гребню и положению между двумя морскими бассейнами, Кавказский хребет можно рассматривать как бы разделенным на два неравных по длине отрезка: та самая выемка, которая образует естественную границу между западным Кавказом и восточным, если и не расположена в самой средине цепи, то находится на равном расстоянии от обоих морей: это та промежуточная впадина в цепи, по которой проходит главный военный путь из Европейской России в Тифлис. В меридиональном направлении у самого прохода хребет так съужен с обоих боков, что расстояние между противуположными равнинами менее 100 верст, между тем как далее, к востоку и к западу, горная масса занимает пространство значительно большее: в западном Кавказе ширина хребта, взятая по направлению с севера на юг, вдвое, а в восточном—в два с половиной раза шире, нежели в части, прилегающей к грузинской дороге[2]. Западная половина хребта не только гораздо шире, чем средняя часть его, но вместе с тем и самая высокая: в этой части горной системы поднимаются главные вершины, превосходящие высотою Монблан, т.е. высочайший пункт в Европе. Главных вершин шесть: Эльбрус (18.522 ф.), Коштан-тау, Дих-тау, Казбек (16.533 ф.), Ушба и Агишау; их высота в метрах:

Эльбрус—5.646 метр.; Коштан-тау—5.211 метр.; Дих-тау—5.185 метр.; Казбек—5.045 м.; Ушба (Безоч-мта)—5.027 (?) м. Агиш-тау или Адиг-тау—4.876 (?) м.

Дагестан, т.е. «Горная страна» преимущественно, образующий существенную часть восточного Кавказа, ниже, чем западный Кавказ; но зато он неровен, скомкан, самый хребет разветвляется на множество извилин, которые, расходясь лучами в разные стороны, превращают долины в настоящий лабиринт. Прежде когда-то, Понто-Каспийские горы считались гораздо более высокими. По Аристотелю, верхушки Кавказа были освещаемы солнцем четыре часа спустя после того, когда в равнинах легла уже тень. Еще в половине XVII столетия некоторые писатели определяли высоту наиболее поднятых точек в 75 верст[3].

Прежние географы полагали, что цепь составлена из одного цельного, непрерывного хребта; но исследования Абиха, Ходзько и других геодезистов, которые прошли эту страну, производя измерения высот, доказывают, что главный рельеф этой цепи есть составной. Главная цепь почти везде составлена из двух, а местами даже из трех и четырех хребтов параллельных между собою или почти параллельных и связанных там и сям в горные узлы;

1 Abich, „Memoires de l'Academie de St. Petersbour". 1863

2 Семонов, „Геогр. Стат. Словарь Росс. Империи".

3 Riccioli, „Geographia reformata".

строение этой части хребта напоминает Кордильеры Андов; хотя, конечно, промежутки, заключенные между параллельными хребтами Кавказа, не так велики, как плоскогорий Андов с окаймляющими их хребтами, и имеют большею частью форму котловин или вытянутых воронок, в которые стекает первоначально вода, направляющаяся отсюда дальше, через ущелье, размытое в одной из стен, окружающих котловину. Главным хребтом можно считать тот, который служит водораздельной преградой между речными системами, хотя он во многих местах не так высок, как хребты, идущие вблизи его. Так, например, Эльбрус расположен на север от Главного хребта, в одном из боковых кряжей. Можно сказать, что, в орографическом отношении, самая высокая точка Кавказа есть Коштан-тау; эта гора, на которую, заметим, еще никто не взбирался, находится на хребте, разделяющем два склона, и есть самая высочайшая гранитная вершина Кавказа. Между истоками Кубани и Адайкохом, расположенным в 160 верстах далее к востоку, в водораздельном хребте нет ни одной щербины, ни одного перевала, который бы лежал ниже, чем на 10.000 футов высоты. Первый уступ в хребте, который находится ниже этого уровня, именно на высоте 9.365 футов, есть Малисонское ущелье, расположенное как раз у одного из крутых перерывов в главном хребте, в том месте, откуда начинается поперечное звено, соединяющее его с горами Зикары. На восток от этого прохода, проломы, на высоте в 7.000—10.000 футов, очень многочисленны. Генеральные съемки на Кавказе, давно уже оконченные, позволили достаточно полно воспроизвести на картах точный рельеф гор, их котловины, гребень и проч.; но другие работы по исследованию Кавказа далеко еще не выполнены; много интереснейших местностей остаются не описанными. После 1868 года на Казбек и Эльбрус взбирались англичане Фрешфильд, Мур и Тукер, имевшие проводником француза Девуасу из Шамуни: кроме их еще некоторые другие предприниматели выполнили подвиг подобного же рода, и снег большей части вершин не раз был утоптан ногой смельчака; но на долю членов «Альпийского Клуба» еще осталось не мало таких мест, куда стоит взобраться, особенно в западном Кавказе.

Северный склон хребта значительно отличается от южного; южный более обрывистый, сравнительно с северным, спускающимся к степям Маныча; расстояние от Главного хребта и до низменной равнины, орошаемой Курою, вдвое больше, чем от того же хребта до полей, раскинутых у Сулака и Терека. Подобная же разница заметна между обоими склонами и в западной части хребта: по одну сторону его впадина, по которой течет Рион, а по другую— покатость, спускающаяся постепенно к Кубани. Но эта, покатая сторона склона отличается страшной неровностью: недалеко от гребня, склон прерывается уступами, идущими от параллельных хребтов, а спустившись несколько ниже, он опять сталкивается с линиею высоких известковых террас, напоминающих собою откос вала; этот вал идет о-бок с Главным хребтом от Каспийского моря до Черного и во многих местах он как-бы стушевывается, но у дуги, образуемой верхним течением Терека, его профиль заметен совершенно отчетливо. Образуется таким образом как бы одна громадная долина между предгориями юрской формации и главной цепью[1]. Наклон этого откоса, обращенный к степям, очень незначителен, между тем как со стороны хребта, площадки обрываются сразу, образуя глубокия пропасти. Потоки, вытекающие из котловин, пробираются по этим террасам «Черкесского Кавказа»[2], известным под общим названием «Черных Гор», не иначе как глубокими клюзами, с ревом соскакивая со скалы на скалу: есть стены, почти отвесные, вышиною более чем в 3.000 футов. Но тем не менее, эти-то террасы, с их оврагами, размываемыми водами горных потоков, для черкесов гораздо важнее, нежели высокие горы, так как на них расположены их луга и леса, разбитые на отдельные участки, при чем каждый уголок имеет свое название; между тем как большая часть вершин остаются безъимянными; еще недавно жителям равнин известны были только две вершины: Эльбрус и Казбек[3].

Правильность Кавказа не ограничивается только его общим рельефом: ее можно просле-

1 Ходзько, „Зап. Кавк. Отд. Русс. Геогр. Общ“, т. VI, 1864 г.

2 K. Koch, „Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus“.

3 Kupffer, „Voyage dans les environs du mont Elbrous“.

дить и в геологическом строении, по крайней мере на северном склоне. Главный хребет состоит существенным образом из кристаллических пластов, залегающих в некоторых местах на граните и мало-помалу уменьшающихся в массе по направлению с запада на восток. Поперечное звено, Сурам, который служит, так сказать, перемычкой, соединяющей Кавказ с Анти-Кавказом, также образован из кристаллических пород; но с этой стороны геологические слои лежат далеко не так правильно, ровно, как на северном склоне. По правую и по левую стороны главного хребта, уступы его склонов состоят главным образом из известняков и кварцовых наслоений, относящихся к векам юрскому, меловому и эоценовому; а далее, к северу, плиоценовые и новейшие слои, залегая в степях, покрывают собою формации, предшествовавшие им. Долины Уруха, Терека и Бакзана сходны между собою по преобладающим напластованиям. Потоки, берущие начало в бесплодных и диких котловинах, образованных из гранита, текут потом по мергелю и песчанику, в небольших долинах, на которых рассеяны многочисленные аулы, а затем скопляются в желобинах с известковыми стенами, над которыми видны леса и пастбища. Далее идут степи, где потоки соединяются уже с Тереком[1]. На половине цепи, там, где она наиболее съужена, между Дагестаном и западным Кавказом, врезывается нечто вроде геологического залива, вдающагося в долину верхнего Терека; в этом месте обширное, совершенно горизонтальное плоскогорие песчаника, принадлежащего к третичному периоду, вклинивается в меловые напластования. Действие на магнитную стрелку обнаруживается всего сильнее в этой части Кавказа, и именно: между Владикавказом—у северной подошвы и Душетом—на южном склоне хребта, стрелка компаса склоняется на 38 сек. к промежуточным пластам[2].

Порфиры, выброшенные из глубины, поднимают свои утесы на высотах Кавказа за пределы снеговой линии. Лава, уже более позднего периода, обнажена в центральной части цепи и, главным образом, на южном склоне; на севере, высочайшая вершина Кавказа—Эльбрус—есть древний вулкан, действовавший, вероятно, в ту эпоху, когда Черное и Каспийское моря соединялись Манычем, т.е. в конце третичного периода или же в начале следующего; Эльбрус заканчивается вершиной подковообразной формы, которая, как полагают взбиравшиеся на нее, есть ни что иное, как частию разрушенный уже кратер. Казбек—это трахитовый конус, а вершины «Красных Гор», группирующихся на юг от этого великана, представляют собою вулканы. Путь, по которому протекает Арагва, проходит у столбчатого базальта[3]. Вулканическая деятельность еще не совсем прекратилась на Кавказе: она проявляется не только по обеим оконечностям цепи, заканчивающимся сопками (грязевыми вулканами), но и в виде огневых, а также и нефтяных источников, очень многочисленных и выходящих из подземных озер, расположенных симметрично по обеим сторонам хребта. Теплые источники Кавказа—самые изобильные, какие только известны: большая часть их, как кажется, не связаны с вулканическим центром, расположенным под Кавказским хребтом; они идут вдоль по линии преломления горных пластов[4], параллельно оси гор или, вернее, по направлению с востока на запад.

Колебания уровня почвы, вероятно, вулканического происхождения, происходят промежутками в долинах Аракса и Куры. Кроме того, правильные поднятия почвы происходят на двух крайних концах Кавказского хребта. Скалистые утесы, стоящие у ворот Петровска, в Дагестане, носят следы продолжительных ударов волн на высоте около 300 футов, и след, гораздо высшей, чем арало-каспийский порог Маныча. В Абхазии, следы изменения уровня морского берега вполне очевидны. На высоте почти 500 футов видны морские террасы, когда-то бывшие берегом и совершенно похожия на те, которые омываются до сих пор Черным морем. Источники, вытекающие из болот, которыми пропитана почва на этой высоте, содержат в себе виды тех же ракообразных, mysis и бокоплавов gammarus, которые водятся

1 E. Favre, „Memoires de la Societe Helvetique des Sciences naturelles“, t. XXVII, 1876.
2 Стебницкий, „Известия Русск. Геогр. Общ.“, Т. IV, 1870, п. 1.
3 Dubois du Montpereux, „Voyage autour du Caucase”.
4 Abich, „Beitrage zur Kenntniss der Thermalquellen in den Kaukazischen Landern”.

по настоящее время в Черном море, чем и объясняется их прежняя связь с морем, если только присутствие этих животных на возвышенной местности нельзя приписать тому, что икра означенных раков могла быть занесена туда птицами, на их перьях, хвосте или ногах. Небольшое озеро Абрау, близ Новороссийска, заключает в себе также полу-морскую фауну, приспособившуюся мало-по-малу к пресной воде. Можно допустить, что колебания почвы, приподнявшие эти озера, происходили во время четвертичного периода, но несомненно, что и в новейшую эпоху эта местность еще претерпевает изменения в уровне. Развалины построек, которые видны на аллювии близ Сухум-Кале, выше и ниже поверхности моря, доказывают, что уже в исторический период почва опускалась в глубину морских волн, затем опять поднялась и теперь опускается снова[1]. Остатка одной крепости до сих пор покрыты на 15-20 футов водою, и одну большую стену нашли даже на глубине около 5 сажен. Море постоянно выбрасывает, после бурь, монеты, кольца и другие предметы древности. Прибрежные жители, которые имеют привычку после каждой большой бури осматривать берег, нашли однажды в песке золотую корону. Следовательно, в этом районе происходило или постепенное оседание, или же местный обвал[2]. Подобное же явление происходит и в порте Баку: близ берега видны еще остатки какого-то здания.

Передовые предгория Кавказа не настолько высоки, чтобы скрывать собою от жителей равнин главный хребет: с Ставропольской степи, на расстоянии около 200 верст, виден Эльбрус, точно белый шатер, стоящий одиноко на горизонте. С каждой верстой, путешественник, держащий путь на юг, видит беспрестанно, как эта гора все растет на фоне неба, в то время, как по обеим сторонам её не видно ни одной точки, указывающей на существование хребта. Наконец, открывается главный хребет, с его величественным, суровым, почти страшным видом, с вершинами, покрытыми снежной диадемой, и испещренный снежными лавинами; но в нем нет той прелести и разнообразия, как в Альпах: он гораздо уже, очертания его проще и однообразнее, нежели у массивов Альп. Горы Кавказа спускаются обрывисто, а гребень имеет вид заостренных зубьев: отвесный бок Веттергорна, в бернских Альпах, может служить типичным образчиком характера Кавказских гор[3]; между прочим, на Кавказе нет таких больших водопадов, как в Альпах: его горы давно проточены водами, текущими в привычных ложах[4].

Недостаток отдельных горных масс и больших промежуточных долин лишает Кавказ озер, подобных тем, которые имеются в Альпах; нет также таких водоемов, какие попадаются в горах Швейцарии и Тироля. Что касается до озер пресной воды, которые расстилались в былое время у подошвы гор, в равнинах обоих склонов, то они опустели еще со времен ледникового периода. Одно из таких древних озер, современное вулканическим изверженим, происходившим в этой стране[5], замещено теперь полями Владикавказа и Алагира, в долине Терека. Другое озеро, не менее обширное, лежало на юге, в бассейне Карталии, между Сурамом и Мцхетом, и исчезло с того времени, когда разорвана была преграда, сдерживавшая воды Куры. Вся долина Алазана и его притока Айрычая, который встречает на пути продольную впадину, открывающуюся на юг от цепи, была также наполнена водою, и озеро не могло найти себе иного выхода, как только через клюзы[6], открывающиеся под прямым углом в предгориях Кавказа. Все речные долины, по которым спускается Кубань с притоками, Зеленчук, Лаба, Белая, а также Кура особенно у бассейна Ахалцыха, служили резервуарами озерных вод[7]; относительно этой страны можно сказать то же, что и относительно многих других, что «все её реки— это ущемленные озера»[8]. Анти-Кавказ, как обширное горное

1 Прендель, „Записки Новороссийского Общества", т. V, 1879, № 2.
2 Чернявский, „Известия Русск. Геогр. Общ.", т. XIII, 1877, № 5.
3 Douglas Freshfield, „Travels in the Central Caucasus".
4 Otto Krummel, „Globus", 1879, № 7.
5 Abich, „Trummer und Gerollablagerung".
6 Клюзами (cluse) геологи называют род поперечных долив с отвесными стенами. *Прим. перев.*
7 Стебницкий, „Известия Кавк. Отд. Русск Географ. Общ.", т. V, 1877-1878.
8 Kropotkin, „Notes manuscrites".

плато, или, скорей, собрание неправильных горных масс с осями, направленными под различными углами, представляет, вследствие этого, гораздо больше замкнутых впадин и своими озерами отличается от понто-каспийской цепи.

Хотя Кавказ и выше Альп, но на вершинах его сравнительно менее снега и льда; это зависит не только от того, что он занимает более южное положение, или вследствие иных климатических условий, но также отчасти и потому, что его гребень очень узок, и в нем нет тех котловин, где бы тающий снег мог скопляться и образовывать ледники[1].

На Кавказских горах снеговая линия сильно колеблется в различных частях хребта, находясь в зависимости от географической широты, открытой местности, обилия снега и дождей, направления и силы ветра и положения горы относительно всей горной массы. Разность высот снеговой линии на Кавказе равна не менее, как 6.000 фут.; по Радде, на западных боках Гариболо, звена, идущего на юг от Пассис-Мта, линия снега начинается на высоте 8.250 фут, между тем по Парроту, на северо-западном склоне Большого Арарата она не спускается ниже 14.250. Гора Алагез, в Предкавказье, достигающая 13.500 фут. высоты, летом совершенно лишена снега. На самом Кавказе, натуралист Рупрехт, взбиравшийся на высоту 12.500 футов, на южном склоне гор, не встретил ни одной лавины, но это могло случиться лишь в восточной части хребта, у Каспия, на склоне же, обращенном к Черному морю, влажные ветры покрывают снегом ту сторону хребта, которая обращена довольно часто к югу. В некоторых высоких долинах бассейна Риона количество выпадающего снега, во время зимы, определяют не менее как в 16—23 фута[2]. Если взять среднюю высоту снеговой линии в различных частях хребта, то можно определить ее для южных склонов Кавказа в 9.500—11.500 футов, с повышением в этих пределах по направлению с востока на запад. На противоположной стороне цепи, т.е. обращенной к степям Маныча, получится другой ряд точек, для линии постоянного снега, с 10.800—12.800 футов[3]. Таким образом средняя граница вечных снегов на Кавказе почти на 2.000 футов выше, чем в Пиренеях, расположенных однако на одной с ним широте. Столь заметную разность можно приписать чрезвычайной сухости воздуха в продолжение целого года, по крайней мере на северных скатах, и знойности кавказского лета[4]. Пространство, занятое постоянно снегом, начинается от Оштека (или Оштена), в западном Кавказе, и продолжается до Казбека; а далее за ним, к востоку, белеют в течение круглого года только отдельные вершины[5]. По Морицу Вагнеру, сумеречное зарево в горах Кавказа не отличается тем блеском и силой, как в Альпах, по причине сравнительно меньшего количества снега[6].

Метеорологические станции, устроенные в различных пунктах на Кавказе, дают возможность измерять, приблизительно, уменьшение той степени влажности, в зависимости от которой находится постепенное повышение линии вечных снегов, по направлению с запада на восток, т.е. по мере того, как влажный ветер удаляется от Черного моря и приближается к восточному Кавказу, где более преобладают ветры континентальные. В части Кавказа, обращенной к Черному морю, выпадают влаги в форме снега и дождя, почти втрое больше, нежели в центральной части[7], и в 6-8 и даже 10 раз больше, судя но наблюдениям, нежели в бассейне Куры и на Апшеронском полуострове; в бассейне нижней Куры случается, что в течение целого полугода не выпадает ни одной капли дождя. Влияние влажных ветров Черного моря не простирается дальше гор Меска и Сурама, соединяющих, на восток от Кутаиси, главный хребет с массами Предкавказья. Что касается до Каспийского моря, то оно доставляет очень малое количество дождя и снега восточному нагорию цепи. Конечно, континен-

1 F. Favre, „Glaciers de la chaine du Caucase", Bibl, univers. 1869.
2 G. Radde, „Reisen in Mingrelischen Hochgebirge".
3 Стебницкий, „Изв Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ." т. V, 1877-1878.
4 Ходзько, „Изв. Русск. Геогр. Общ.", 1877, № 5.
5 Stebnitzkly, „Mittheilungen von Petermann", 1875.
6 „Der Kaukasus"
7 Stebnitskiy, „Mittheilungen von Petermann", 1875.

тальный северо-восточный ветер приносит с собою некоторое количество водяных паров, но он почти всецело оставляет их на первых же выступах Кавказа, у подножья Дагестана. Каждый путешественник мог заметить, что, отправляясь из Владикавказа или из Алагира, в дождливый день, он находил, приближаясь к высотам хребта, необыкновенно прекрасную погоду; при спуске же с гор, происходит обратное: оставляя воздух сухим и небо ясным, попадаешь под слой серых облаков, в влажную атмосферу[1].

Хотя летния жары, вместе с сухими ветрами, и приподнимают общий уровень снеговой линии на Кавказе на высоту значительно большую, чем в Пиренеях, но из этого, однако, нельзя заключить, что температура в горах Кавказа выше, чем в Пиренеях или Альпах; хотя казалось бы весьма естественным, что в Кавказских горах, благодаря их южному положению, температура должна бы быть выше, но холодные северо-восточные ветры, не умеряемые ветрами теплыми, с юго-запада, которые задерживаются плоскогориями Малой Азии, значительно понижают нормальную температуру Кавказа. На Кавказе и в Швейцарии, климат почти одинаков, но в последней далеко не бывает таких резких переходов, как на Кавказе. Например, метеорологические станции в Швейцарии показывают разницу между летнею и зимнею температурою в 18 или 19 градусов, между тем как в Пятигорске, в 1876 году, она равнялась 27 градусам.

Соотношения между высотой данной местности, температурой и количеством выпадающей влаги видны из следующих данных, заимствованных у Воейкова, Стебницкого и Статковского:

	Высота над уровнем моря	Температура	Температура на уров. моря	Выпадение дождей	Период наблюдений
Зап. Кавказ					
Кутаис	152	14°,86	—	2,398	5
Сочи	5	14°	—	2,098	3
Поти	8	14°,87	—	1,760	4
Редут-Каде	6	14°,44	—	1,608	22
Новороссийск	20	12°,41	—	0,762	2
Предкавк., центр, и вост. Кавказ:					
Владикавказ	684	8°,07	14°,17	0,920	5
Алагир	639	8°,05	14°,16	0,972	22
Пятигорск	505	9°,37	13°,73	0,548	5
Ставрополь	58	8°,62	13°,30	0,677	9
Дербент	2	13°,06	—	0,370	2
Сурам	730	10°,62	14°,61	0,558	25
Закавказье					
Тифлис	409	12°,67	14°,73	0,471	25
Баку	8	14°,50	—	0,238	10
Елизаветполь	445	12°,89	15°,18	0,209	25
Аралых	833	11°,40	15°,52	0,152	22
Шемаха	679	11°,13	15°,20	0,380	25
Шуша	1.368	8°,81	15°,58	0,528	22
Александрополь	1.291	5°,35	15°,13	0,316	25

От недостатка снега зависит малое число ледников. На вершинах, покрытых снегом и в особенности вокруг Эльбруса, они, однако, довольно многочисленны, и можно было бы пройти по льду на расстоянии около 200 верст, именно между Джуман-Тау и Кальтбером, над долиной Ардона. Ледник, который спускается ближе других к равнине—это Кальчидон или Караган, простирающийся от Адайкоха до горной долины Уруха: Фрешфильд видел в Швейцарии только один ледник, равный длиною этому—Алечский. В среднем Кавказские реки, берущие начало из ледников, не заходят истоками за пределы высоты 950 футов, и следовательно их граница на несколько сот футов выше, чем в Швейцарских Альпах; в противуположность снеговой линии, пределы речных истоков на северном склоне хребта лежат гораздо ниже, чем на южном; причиной этому обрывистость южного склона и покатость се-

1 Statkovsky, цитированное сочинение.

верного, спускающагося длинными долинами к степи. Но и на южном склоне Кавказа есть несколько прекрасных ледников, особенно в долине верховьев Ингура, занимаемой Вольной Сванетией. В восточной части цепи другие ледники, впрочем мало известные, спускаются с

Видъ горы Казбекъ со станціи Казбекъ.

Тебулос-Мта и соседних с ним вершин. Есть также ледники и в горах Богоса; крайний из них, вилообразный, виден с вост. на Шах-даге[1]. Явные следы, оставленные движением

1 Абих, „Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ.“ Т. VII.—Стебницкий, „Изв.“ т. V 1877-1878

древних ледников, доказывают, что в кавказской цепи так же, как и в других горных системах Европы, ледяные потоки спускались в долины гораздо ниже и главным образом по северному склону: около входа в долины Малки, Баксана, Терека, видны эрратические глыбы, остановившиеся на небольших высотах, вдающихся мысами в равнины. Ермоловский камень, что близ Дарьяльского ущелья, у северного выхода из него, имеет около 14 саж. в длину и 582 куб. сажени в объеме. В самом Владикавказе и верстах в 7 к северу, находятся эрратические камни до 27 футов длиною. В Сванетии, деревни, расположенные в настоящее время в двух верстах от ледников, построены из каменьев, занесенных прежними ледниками[1]. В новейшую эпоху известны следующие движения ледников: с 1849 по 1875, т.е. за двадцать пять лет, Баксан поднялся с 7.350 на 7.630, а Бассинги, за время 1861—1873 годов, с 6.580 на 7.000 футов.

В наше время наиболее известный ледник на Кавказе, чаще других попадающийся на глаза путешественникам, это Девдораки (или Девдаравки), один из тех восьми, которые спускаются с Казбека; он виден в 5 верстах на запад от долины, по которой течет Терек недалеко от военно-грузинской дороги, идущей из Владикавказа в Тифлис. Нижняя часть этого ледника бывает причиною внезапных наводнений, остававшихся долгое время необъясненными. Проход Амелишка, служащий стоком и открывающийся в нижней части ледника, слишком узок, чтобы пропустить всю массу напирающего льда. У выхода, вследствие запруды, образуется как-бы гигантская плотина, поднимающаяся свыше, чем 650 фут. между стенами прохода: когда напор скопившейся массы становится слишком сильным, то преграда прорывается, и вся вода, лед, каменья низвергаются в овраг, идущий от Амелишки, и запруживают течение Терека своей мутной массой, ничем уже не напоминающей ледник. С 1776 года этот Девдораки обрушивался шесть раз, как и ледник Гитроз в Альпах. Последний обвал, случившийся в 1832 г., загромоздил устье Терека почти на две версты в ширину и более чем на 300 футов в вышину. Течение реки, задерживавшееся в прежние разы на несколько дней[2], приостановилось в этом году всего лишь на восемь часов, прежде чем пробилось под сводами этой массы, заградившей ей путь: масса льда, которая была определена в 650 миллионов куб. футов, вполне растаяла только лишь по истечении двух слишком лет[3]. Ледник начинает снова скользить в долину: за тринадцать лет, протекших с 1863 по 1876 г., он успел подвинуться вперед на 230 метров, в то время когда все другие ледники, наблюдаемые на Кавказе Абихом, отодвинулись, как и Альпийские, за тот же период времени, назад. Среднее движение этого ледника определяют в 10 сант. в день, между тем как средняя скорость движения «Ледяного моря» на Монблане считают в 30 сантиметров. Г. Статковский полагает возможным устранить впредь обрушивание Девдораки, расширив стены оврага Амелишки и таким образом облегчив проход льду: тогда ледяной поток, в силу своей упругости, будет плавно двигаться в этом ущелье и стаивать более равномерно, не врываясь в долину Терека, расположенную наискось ко рву, по которому скользит Девдораки.

Вот, по Абиху, границы главных Кавказских ледников в 1876 году:

Улухат (на зап. от Эльбр.)—2.659 мет.; Кичкинаколь—2.384 мет.; Баксан (на восток от Эльбруса)—2.325 мет.; Терсколь—2.625 мет.; Ирик—2.552 мет.; Урух-дон (на восток от Эльбруса)—2.610 мет.; Сев. Пасис-Мта—2.565 мет; Южн. Пасис-Мта 2.245 мет.; Псекан-Су—2.210 мет.; Адул—2.225 мет.; Черек—2.059 мет.; Бисинги—2.130 мет.; Це-дон—2.004 мет.; Кальчи-дон—1.739; Тетнульд (ист. Ингура)—1.954 мет.; Степан-Цминда (на в. от Казбека)—2.898 мет.; Девдораки (на север от Казбека)—2.239-2.311 (?) мет.; Богос—2.659 метров; Билинги—2.428 мет.; Шаг-даг—3.163 мет.

Если предельная линия ледников лежит на Кавказе выше, чем в Альпах (хотя, однако, средняя температура в обеих орографических системах почти одна и та же), то и лесные по-

1 E. Favre, „Ouvrage cite“

2 Klaproth, „Voyage au Caucase et en Georgie“

3 Abich, Statkovskiy, Stebnitzky, Khatissian, etc.

роды ростут гораздо выше на понто-каспийском хребте: на высоте более 7.600 футов[4], встречаются еще деревья, а над ними азалии и рододендроны с их яркими цветами, небольшие кусты волчняка с деревянистыми стеблями, целые ковры кислицы с её ярко-зелеными листьями и, наконец, различные растения альпийских пастбищ. Полоса деревьев много выше на северном склоне, чем на южном, и это зависит, конечно, от большей степени влажности, так как северный склон, если и получает сравнительно меньше дождя, за то и теряет через испарение гораздо меньше. Местами гребень хребта резко отделяет чащу лесов, расположенных к северу, от пастбищ, обращенных к югу. Известно, что в горах средней Европы из деревьев, растущих наиболее высоко, попадаются приземистые сосны с их вечнозеленой листвой; а в горах Сибири—лиственница, кедр или betula nana; на Кавказе же последними представителями лесных пород являются березки, с их чахлой листвою. Большие леса, расположенные этажами на покатостях склонов, смешаны между собою в пропорции, зависящей от количества теплоты и влажности, требуемой различными видами деревьев; главным образом попадаются береза, хвойные, клен, липа, ясень, граб, бук, дуб и каштан. Самшит, служащий весьма ценным подельным материалом и вывозимый особенно в Англию, откуда потом уже расходится по всей Европе, растет в некоторых лесах густыми, непроходимыми чащами; весь берег Черного моря между Поти и постом св. Николая покрыт самшитом[5], распространяющим в воздухе сильный запах. Из кустарников, преимущественно кавказских, azalea pontica—один из красивейших цветов наземной флоры. Это удивительное растение, кроваво-красные листья которого осенью составляют такой резкий контраст с темной зеленью елей, занимает полосу не менее чем в 5.900 футов по отвесу, между передовыми выступами гор и склонами, лежащими на 6.600 футах высоты. В некоторых частях хребта азалия исчезает, уступая место рододендрону. Рассказывали в старину, хотя повторяют нередко и теперь, что мед из азалии ядовит и что люди, испробовавшие его, будто бы мгновенно пьянеют, а иногда доходят даже до состояния бешенства. Это, так сказать, поверье, переходящее из века в век, удостоверенное еще Клапротом[6], совершенно ошибочно или основано на каких-либо совершенно исключительных случаях, как утверждают это множество путешественников. В Кабарде, где есть собственники, владеющие тысячами ульев, не знают ничего подобного о вредных качествах меда из азалий[7].

На южных откосах дикий виноград вьется вокруг деревьев и, смешиваясь с лианами, образует ряды фестонов. Очень вероятно, что Кавказ есть родина винограда: здесь, по еврейскому преданию, один из патриархов, приготовив из него вино, первый познал его опьяняющие свойства. Полагают, что и орех, ростущий в долинах Имеретии, есть также местного происхождения. Ни в какой другой стране нет такого обилия различных сортов фруктовых деревьев, как здесь; в Карталии, на юго-запад от Казбека, есть множество сортов деревьев, однако еще очень мало известных, и не улучшенных культурою, но кисловатые плоды которых могут быть превращены современем в превкусные фрукты[5]; Кавказ есть преимущественно страна фруктовых деревьев; взять, напр., леса Мингрелии, которые еще не опустошены европейскими купцами, столь изобильные растительностью, и сады её, где столько роскошных цветов и плодов, которым западные садоводы легко бы могли придать самый тонкий вкус. Но, направляясь далее к востоку, где становится уже заметным переход от влажных берегов Чернаго моря к безводному прибрежью Каспия, растительность все уменьшается, леса попадаются все реже и реже, по мере приближения к восточному концу хребта; самые деревья становятся мельче и более редкими; степной ветер сжигает траву и солнечные лучи скользят по голым утесам. Некоторые из растений, привезенных из России,

4 Gustav Radde, „Reisen im Mingrelischen Hocbgebirge".

5 В настоящее время, из описаний кавказского лесничего, г. Марграфа, не видно, чтобы чащи самшита (Buxus semrerviv.) были „непроходимыми"; местами они совершенно истреблены различными предпринимателями, снабжающими самшитом иностранные рынки. *Прим. перев.*

6 Voyage au Caucase et en Georgie".

7 Lamberti, „Relatione della Colchide", 1661.

5 Koch, „Reise durch Russland nach dem Kaukasiches Istmus".

плохо прививаются на Кавказе, не смотря на то, что их рассаживают на различных высотах, имеющих ту же температуру, которой он пользовались на родной почве. Русские солдаты успешно разводят различные европейские овощи в крепостных огородах в долинах Сванетии, зато возлюбленная березка, напоминающая им далекую родину, остается всюду хилым деревцом[1].

Культурные растения, так же, как и дикия, ростут на отлогостях Кавказских гор гораздо выше, чем в Альпах, благодаря продолжительному и жаркому лету. В местности, которую современем, вероятно, пересечет туннель кавказской железной дороги, имени между бассейнами Ардона и Лиахвы, все деревни, приютившиеся на высоте более чем двух верст над уровнем моря, окружены полями ячменя. Около деревни Колота в Осетии, крайняя граница ячменя, определенная съемками, находится на высоте 8.100 футов; южнее, ближе к Алагозу, ячмень сеют даже на высоте 8.200 футов[2]. Пшеница ростет еще на 6.500 футах и, следовательно, более чем на 3.200 фут. выше, чем в Альпах; кукуруза—до 2.900 футов, а виноград нередко дозревает в Осетии, около деревни Курта, и след. на высоте 3.580 футов: лучший виноград Кахетии, в долине Алазана, собирают на 2.500 футах[3].

Очень много лесов на Кавказе совсем исчезли, чтобы уступить свое место полям, но большая часть пустырей не заняты пашнями, фруктовыми садами или виноградниками. В самых богатых лесных уездах истребление лесов производится крайне варварскими приемами: не дают себе даже труд заняться вырубкой деревьев, а, согласно обычаю, вероятно с целью оздоровления местности, зажигают деревья, рискуя иногда при этом истребить целый лес; или же, например, в тех случаях, когда не хватает для домашних животных сена, наламывают обыкновенных веток, с листвой или с почками и дают их вместо корму. Во многих местах, где еще недавно были непроходимые леса, теперь уже не видно ничего, кроме мерзости запустения. То же самое можно сказать даже и о склонах высоких гор, где также леса быстро уничтожаются.

Несмотря на опустошения, производимые на Кавказе, большая часть диких животных, которые водились там еще в отдаленные исторические эпохи, встречаются и до сих пор. Серны, а также вид каменного барана, тур, часто попадаются в горных долинах; точно также стада буйволов, описываемых неверно под именем aurochs, бродят еще в лесах, у подошвы Эльбруса, в местности, орошаемой притоками Кубани: их грива не так роскошна, как у литовских зубров, а шерсть передней части туловища не так густа, как у американских бизонов[4]. Кавказский медведь, который, как говорят, менее страшен, нежели русский, попадается не свыше как на высоте 5.000 футов, т.е. на границе фруктовых деревьев, и вместе с волком и рысью водится в лесах Абхазии; геолог Прендель встретил одного из них на расстоянии менее десяти верст от Сухум-Кале[5]. У подошв гор, в чащах лесов, на равнинах, рыщет дикий кабан; в особенности же он любит камыши по берегам рек и прудов. Тигр, забегающий сюда, как полагают, из Персии, попадается очень редко, и то лишь исключительно в низменной части Закавказья, так как он никогда не проникает в горные долины. Леопарда тоже редко можно встретить в равнине нижней Куры, а еще реже леопарда встречаются здесь гиена и шакал; этот последний забегает иногда в леса, расположенные на северных склонах хребта. По своей фауне и флоре Закавказье подходит к подтропической Азии, тогда как на самом Кавказе или вернее Предкавказье, животные и растительные виды принадлежат к европейским. В этом отношении впадина Маныча не есть еще граница, так как по обеим сторонам её, подчиненным влиянию одного и того же климата, существует одна и та же флора и фауна[6].

---

1 Von Seidlitz, „Russische Revue", 1878. № 1.
2 G. Radde, „Mittheilungen von Petermann", 1876, № 4.
3 Statkovsky, „Problemes de la climatologie"
4 G. Radde, „Mitteilungen von Petermann". 1868, №2.
5 „Зап. Новороссийск. общества", 1879 г., № 2.
6 Северцов. „Изв. Русск. Геогр. Общ." 1879 г., № 2; Kolenati, „Bereisung Circassiens".

Хорошо орошенные поля Закавказья могли бы прокормить число жителей, равное населению Франции, и вероятно, что они были таковыми две тысячи лет тому назад. Долины северного склона Кавказа и берега рек, стекающих по ним, также настолько плодородны, что могли бы удовлетворить нуждам многих миллионов людей. Однако Кавказ, в общем, населен гораздо слабее, чем равнины России. В северной части Кавказа преобладают степи, так что жители в этой части территории не могут далеко отходить от рек. В Закавказье равнины, лежащие по нижнему течению Аракса и Куры, остаются пустынными, по причине их крайне нездорового климата; наконец, в горной области, все пространство, находящееся поверх полосы лесов, есть пустыня, занятая скалами, пастбищами, снегом: там никого не видно, кроме пастухов и охотников. Самая высокая деревня на Кавказе—Куруш, в горах Дагестана, у одного из истоков притока реки Самур находится на высоте 8.070 футов, т.е. на высоте, почти равной той, на которой построен Сен-Бернардский дом в швейцарских Альпах; но вершины хребта поднимаются еще на 7.000—10.000 футов над этими последними жилищами кавказских горцев.

Самая здоровая полоса на Кавказе лежит между 2.400 и 6.600 футов над морским уровнем; в этих пределах обыкновенно жители Тифлиса, Эривани и Елизаветполя устраиваются на летнее время. Самое наилучшее место для дач—это высота в 4.000 футов; на этой линии ростет еще виноград, шелковица, южные злаки, при чем здесь можно дышать чистым и прохладным воздухом, веющим с ледников[1]. Татары, в своих знойных долинах, начинают собирать кукурузу с половины мая, отсылая в это время свои семейства и стада в горы; вместе с тем они торопятся, чтобы и самим отправиться вслед за семействами и возвратиться в долины не ранее как ко времени сбора винограда. В деревнях же в знойное время остаются лишь несколько человек, занятых поливкою полей кукурузы и риса[2]. Между тем, более густое население Закавказья не живет в здоровых областях предгорий; оно наиболее скучено в долинах, по которым текут обильные реки и где проходят главные пути сообщения; население равнин легко может быть удвоено, стоит только возобновить ирригационные каналы, когда-то заброшенные, и снова приспособить их для орошения полей всей местности, лежащей между Араксом и Курою. По древним хроникам Закавказье было прежде в шесть раз населеннее теперешнего. Когда в первой половине XIII столетия завладел этой страной Батый, то он заставил каждого десятого мужчину служить в своей армии и набрал таким образом восьмисот-тысячное войско; население страны состояло из 16 миллионов душ[3],—столько же, вероятно, было и в эпоху Страбона.

В начале нынешнего столетия торговые сношения в этой стране настолько уменьшились, что пути между Черным морем и Каспийским, по которым ходили еще греки, римляне, генуэзцы, были совершенно забыты. В 1823 году, может быть в первый раз в течение нескольких столетий, были отправлены товары из Редут-Кале в Баку, и на эту новость смотрели, как на нечто необыкновенное[4]. Даже и до сих пор сообщение между противуположными склонами хребта довольно затруднительно. Железная дорога еще не пересекла цепь, и только один колесный путь соединяет обе половины Кавказа, проникая через хребет. Этот путь, часто повреждаемый, а иногда местами совсем разрушаемый обвалами снега или камней, и проходящий на восток от Казбека, через Дарьяльское ущелье, во все времена служил большой дорогой для переселений и войск. Путь через Дарьял, известный в древности под именем «Кавказских ворот», действительно походил на ворота, вход в которые был защищен крепостями, замененными впоследствии русскими укрепленными постами. В восточной части цепи, вдоль по берегу, лежащему между скалами и Каспием, проходит второй путь, более удобный как для полководцев, так и для переселенцев, направлявшихся из Азии в Европу или обратно; но и этот путь мог быть заграждаем там и сям, на мысах, а один из прохо-

1 G. Radde, „Die Vortrage uber den Kaukasus“, „Erganzunschaft zu Petermann's Mittheilungen“.
2 Statkovsky, „Problemes de la climatologie du Kaucase“.
3 Von Haxthausen, „Transkaukasia“.
4 Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale”, t. 1.

дов, устроенных на крайнем звене Дагестана, так же, как и Дарьяльское ущелье, представлял «укрепленные ворота» или Дербент, давшие свое название сторожевому городу, лежащему в этой части берега. Что касается пути, идущего по берегу Чернаго моря, в западном Кавказе, то он потерял значение большой исторической дороги еще во времена римской эпохи. Путь этот, проходивший по берегу и соединявший обе половины империи Митридата, еще до сих пор сохранил на себе остатки в нескольких местах в виде военно-межевых знаков, считающихся у абхазцев «обителью гномов»[1]. Но со времен могущества Византии, этот путь был покинут. В продолжение многих веков путь по западному берегу Кавказа, проложенный между горами и морем, на протяжении 370 слишком верст, был очень труден и слишком часто преграждался естественными препятствиями; кроме того, прежде он был защищаем воинственными племенами, и нужны были целые армии, чтобы пробраться через их грозные ущелья. Но у этих негостеприимных берегов море было свободно, и различные народы Запада: греки и генуэзцы, русские и турки, из которых одни вели с населением Кавказа торговлю, другие войну, имели все выгоды, чтобы пользоваться морем как для перевозки товаров, так и солдат. Генуэзские пути, от которых сохранились еще и доселе некоторые следы, шли не вдоль берега, а через горы и соединяли внутренние части страны с гаванями Черного моря.

Не без борьбы приходилось различным народам перебираться с одного склона хребта на другой. Неприятель поджидал его в ущельях, и остатки сильно пораженных пришельцев должны были искать убежища где-нибудь в хорошо защищенных горных долинах, вдали от своих братьев по языку и расе. Всякое значительное переселение народа, переходившего через хребет, принуждено было, так сказать, процеживаться сквозь ряд ущелий и оставлять среди гор новых приблудков. «Кавказ—гора языков», говорит Абульфеда, описывая собственно Дагестан, а персы и теперь еще повторяют его слова. Страбон говорит, что греческие купцы, торговавшие с гаванью Диоскуриас, на берегу Понта Евксинского, встречали там «если не триста различных народов, как думают некоторые авторы, мало заботящиеся об истине, то не меньше семидесяти племен, говорящих различными языками»[2]. Плиний также указывает, что на рынках Колхиды объяснялись на ста тридцати наречиях. И теперь еще, как и во времена Страбона, считают в этой стране не менее как семьдесят языков и диалектов; но, как показал Услар, известный кавказский лингвист, на каждое местное наречие путешественники и купцы смотрели как на особый язык; в действительности же, все кавказские наречия могут быть сгруппированы в несколько небольших семейств[3]. Так, например, тридцать предполагаемых наречий Дагестана можно свести к пяти. Несколько древних диалектов принадлежали господствовавшим в этой обширной стране могущественным народам, от которых теперь не осталось никого, кроме очень небольших групп, затерявшихся в горах. Один геолог сравнивает их с эрратическими камнями, с затерявшимися обломками гор, ныне исчезнувших.

Кавказ, который своими скалистыми утесами, снегами и ледниками, так величественно заканчивает собою однообразие беспредельных равнин России, разнится не менее резко своим населением, расою и языками от славянского мира, простирающагося от берегов Черного моря до Ледовитого океана, кажущагося столь цельным в глазах иностранцев, и в сущности также состоящего из разнообразных элементов. Русские проникают мало-по-малу с одного склона на другой в долины Кавказа, и число жителей, принадлежащих к племенам народа-победителя, можно определить не менее как в 1.400.000, что составляет почти $^1/_4$ всего населения. Больше всего они живут в той части Кавказа, которая граничит с собственно Россией, т.е. в Кубанской области и Ставропольской губернии. Точно также в самом Закавказье они составляют один из наиболее важных этнографических элементов, в особенности в городах и военных пунктах. Там и сям разбросанные казачья поселения, или колонии

1 Чернявский, „Извест. Русск. Географ. Общ." 1877, № 5.
2 „Geographie, livre" X1, 16.
3 „Известия Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ." t. V 1877-1878.

ссыльных сектантов, дают славянской расе перевес над другими. Между тем, многие из туземных племен совсем исчезли с Кавказа, будучи частью истреблены, частью высланы, а частью добровольно бросили Кавказ; в то же время как другие группы, населяющие эту страну, мало-по-малу уменьшались, борясь за существование с пришлыми русскими, эти последние не переставали быстро распространяться, захватывая все далее и далее пограничные земли на северном склоне и сливаясь мало-по-малу с колониями, разроставшимися по южную сторону хребта, по направлению к северу. Вот приблизительные численные отношения между различными национальностями, живущими на Кавказе, по данным 1891—1892 г. В 1892 г. Русских—2.481.547; Поляков—11.180; Чехов—920; Болгар—106; Немцев—22.856; Румын—1.206; Греков—57.707; Эстов—2.382; Персов—12.687; Татов—124.683; Тальминцев —50.510; Курдов—100.043; Осетин—164.445; Армян—954.612; Цыган—725; Евреев—45.666; Айсоров—2.272; Грузин—383.582; Тушинов—5.624; Пшавов—9.155; Хевсуров—6.560; Ингилойцев—8.727; Имеритин—423.201; Гурийцев—76.095; Аджарцев— 59.516; Мингрельцев и Лазов—214.811; Сванетов—14.035; Кабардинцев и др. черк. пл.—161.953; Чеченцев— 195.917; Абхазцев—60.444: Ингушей—28.003; Лезгин и вост, горцев— 596.829; Турок— 70.226; Татар—1.139.659; Карапапахов—24.134; Карачоевцев—25.000; Туркменов—19.000; Ногайцев—61.560; Турменов-таракямов—8.893; Кумыков—108.836; Калмыков—12.314.

Известно, что не легко и не скоро удалось завоевать Кавказ, и дело покорения тянулось два века. Сначала русские построили ряд укреплений на северном Кавказе, которые были постоянно охраняемы казаками, готовыми при малейшей тревоге вскочить на седла. Владения же русских в Закавказье вначале представляли нечто совершенно отдельное, не имевшее никакой связи с остальной Россией: но мало-по-малу давление победителей усилилось: все племена, жившие в равнинах, были окончательно подчинены, а горцы постепенно принуждены были, с году на год, все более съуживать поле своих военных действий. Русские располагали не только обоими морями, чтобы окружить горную местность и помогать своим союзникам или подданным, каковыми были мингрельцы, имеретины и грузины, против горцев, но еще с первых войн располагали также и той брешью, которая лежит между долинами Терека и Арагвы. В 1796 году четыре сотни русских проникли в Дарьяльское ущелье; в 1784, в 1795, 1796 и 1799 они уже пользовались этой дорогой; в начале XIX столетия, когда Грузия была присоединена к империи, было приступлено к постройке вдоль Терека и Арагвы военной дороги, соединившей Закавказье с равнинами севера. С тех пор Кавказ был разрезан как бы на два различных ломтя. Пушкин описывает свое путешествие в 1828[1] по этому, все еще опасному пути. Путешественники, купцы, рабочие должны были дожидаться военного конвоя, который сопровождал их от одной крепостцы до другой, в положенное время. Двигались по этому пути медленно, среди облаков пыли, не смея отставать от всадников и от телег с их потерянными ободьями, при чем в продолжение дня проходили обыкновенно не более 15 верст. Но армии и обозы вступали в «ворота», и самые воинственные горные племена очутились разделенными друг от друга. Этот первый путь предшествовал тому, что был потом проложен через Мамисонское ущелье, между долинами Терека и Риона, а за ними были устроены и другие пути, которые, если и не пересекали хребта, то проходили по боковым долинам, расчищая леса, в которых прятались горцы, устраивавшие засады против русских. «Если бы я мог, говорил Шамиль, то окропил бы священным елеем деревья моих лесов и смешал душистый мед с грязью моих дорог, ибо эти леса и эта грязь составляют мою силу». Но рытвины и топи далеко еще не исчезли, леса перестали быть непроходимыми, горы уже не недоступны и население порабощено. В одном стихотворении Лермонтова говорится, что гордый Казбек сначала с презрением смотрел на карлов, идущих с северных равнин, чтобы взять его приступом; но когда он их увидел поближе, вооруженных заступами, кирками и топорами, производящих окопы и вырубающих леса, он вздрогнул до самого основания,—он понял, что час его пробил.

1 „Поездка в Эрзерум“.

Кавказ, рассматриваемый по отношению рельефа земной коры, вод, распределению жителей, разделен на несколько различных областей, ограниченных естественными пределами, что облегчает описание этой страны по отдельным частям, хотя и связанным между собою более или менее общими чертами. Весь западный Кавказ, который выдается острием у входа в Азовское море, с обоими его склонами, населенный русскими, составляет отдельную естественную область вместе с бассейном Кубани и соседними степями. Средний Кавказ, где смешанное население живет в своих лачугах, построенных среда пастбищ и по берегам рек, есть тоже область, географически отдельная от прочих, точно так же, как и весь восточный Кавказ, где ютятся племена, известные под общим названием «горцев». Бассейн Терека, равнины и озера Кумы, составляющие остатки уже на половину высохшего древнего моря, представляют полный контраст с гористою областью. На юг от хребта, бассейн Риона и Чоруха, в части страны, завоеванной у турок, заселен людьми одинакового происхождения и составляет собою также отдельную часть Кавказа, с довольно резкой этнической границей. Но далее от них, на восток, там, где поля орошаются Курою, в обитателях нет уже цельного характера и грузины живут в этой местности в перемежку с татарами; тем не менее, с географической точки зрения, эта страна есть нечто цельное и самостоятельное. Можно сказать то же самое и про долину Аракса, с её населением, состоящим из армян и татар.

II. Западный Кавказ, бассейн Кубани, абхазцы, черкесы, Черноморские казаки.

К западу от горного узла, в котором царит Эльбрус, цепь превращается в приморский хребет, так круто обрывающийся своим склоном у берегов Черного моря: его откос продолжается глубоко под водою, так как не далеко от берега, на глубине версты, а по Чернявскому[1] даже 3.600 метров, лот еще не касается дна[2]. Угол склона между главным хребтом Западного Кавказа и морским берегом можно считать, в 8 градусов,—наклон очень значительный, если при этом принять в рассчет террасы, спускающиеся одна за другою по склонам.

Часть прибрежного хребта, граничащая с Эльбрусом, довольно высока и на её вершинах, поднимающихся на 9.800—11.800 футов, лежит постоянный снег. Но здесь, как и в центральной части Кавказа, главный хребет сопровождают параллельные меньшие хребты, образующие с ним и с поперечными к ним звеньями, большие продолговатые впадины, заканчивающиеся слабыми спусками к побережью, а крутыми обрывами к стороне главного хребта; по тропинкам, проложенным через цепь и идущим долинами, параллельно хребту, достигают перевала, а затем уже для того, чтобы перейти через цепь, остается только обогнуть вершины. Недалеко от Эльбруса начинается линия вечных снегов; сначала идет Джуман-тау, тянущийся в виде кровли, а за ним, выделяясь среди других вершин, Марух, сверкающий своей снежной маковкой; еще далее, величественный Оштен (или Оштек)—высочайшая точка горной массы Фишта—расположившийся почти на половине приморской части хребта, довольно резко выделяясь среди окрестных вершин своим снежным гребнем, заканчивает вместе с тем своей конечной пирамидой наиболее высокую часть хребта. Со стороны моря в северо-западном направлении, на горизонте виднеется его профиль, быстро понижающийся и похожий на зубья пилы. С 9.800 футов он спускается на 6.500, потом 5.000 и наконец на 3.200, отделяясь местами глубокими ущельями. Последний пункт хребта, который можно считать еще горой, есть Идокопас, на юго-восток от порта Новороссийск. Далее же идут холмы, покатые стороны которых сливаются уже с аллювием Таманского полуострова. Сообщение между обоими склонами производится посредством тропинок, идущих ступеньками, но

1 „Изв. Русск. Геогр. Общ.“, 1877. № 5.

2 Ссылка неточна: у Чернявского сказано: „Известно пока, что глубина Черного моря принимается a priori до 3.600 метров, но уже не вдалеке от Кавказского берега есть глубины в 2.000 метров“. *Прим. перев.*

и ими почти некому пользоваться: военное местечко Сухум-Кале не соединено непосредственно с Кубанской областью какой-нибудь стратегической дорогой. Пока состоится устройство шоссейного пути, ожидаемого в 1883 году, приходится еще путешествовать по песчаному берегу, усеянному щебнем. Во время сильных волнений на море, пешеходы и всадники должны пробираться по линии индоевропейского телеграфа, то взбираясь на скалы, то опускаясь в долины рек или реченок, стекающих в море.

Вот между прочим высота различных точек в западном Кавказе (в метр.) Охтен (Фишта) —2.852; Охтен Марух—3.500; Охтен Нахар—2.931; Сангаро—2.400; Псегаско—1.888; Идокопас—735.

Хотя береговой климат очень влажен, но реки, впадающие в Черное море, слишком коротки, чтобы быть полноводными: это, по большей части, реки, которые питаются ливнем, выпадающим на склоны высот. Только немногие из рек южной долины (Кодор, Бзыбь и Мзымта) имеют некоторое значение, благодаря параллельности главного хребта с боковыми звеньями, между которыми они берут свои истоки. Большая часть горных долин носит на себе следы древних озер, которые высохли, пробив себе выход в ущелье или же в подземные водоемы. Целые реки вытекают из пещер, размывая пласты юрского известняка; таков, например, Мычиш, который большею частью изображается на картах как длинная, ровная, независимая река, между тем как он, в действительности, есть не что иное, как рукав Бзыби, который течет под слоем горы Псхув и выходит наружу, пробиваясь между рядами скал, невдалеке от моря: скрытую часть его русла определяют почти в три версты. Около Гагров, у берега, бьет обильный подводный ключ. Река Пицунда, соседняя с Бзыбью, представляет тоже интересное явление; она изменила свое течение уже в историческую эпоху; прежде текла на юг, теперь же течет на север от местечка Пицунды[1].

Реки Абхазии не могут приносить иной пользы, кроме как для орошения садов, лежащих у моря,—садов, редких по красоте,—в местах, которых не касались бедствия войны; пальмы смешиваются с европейскими деревьями, а в тенистых аллеях растут в изобилии розы и жасмины. Но большая часть вод, стекающих с гор, застаиваются в топях, по выходе из долин, и настолько заражают воздух, что десятая доля населения обречена на болезни. Папоротники, которые покрывают толстым слоем большую часть полянок на Абхазских горах, также отчасти способствуют развитию болезней в этом вообще нездоровом климате. Эти папоротники, в несколько аршин вышины, растут так густо и так переплетаются между собою, что трудно бывает проложить себе дорогу между их стеблей и листвой; когда они вянут, то, подгнивая у корня, своими сплетениями над землей образуют как бы своды, под которыми скопляются газы, развивающиеся в гниющих остатках растений. Дожди, падающие на эти скопления, не могут испаряться: даже на склонах гор почва болотистая и гниющая; вблизи мест, поросших папоротником, воздух зловонный, почти негодный для дыхания, и жители ближайших к ним деревень страдают лихорадками. Поэтому абхазцы, избегая соседства с болотистыми местами, должны были селиться или в лесах, или на голых плоскогориях[2]. Везде, где русские позаботились об истреблении папоротниковых зарослей, там местный климат значительно улучшился[3]. В полосе, лежащей между низкими местами, заросшими папоротником, и горными пастбищами, находятся прекрасные леса пихты, дуба, каштана, смешанные с самшитом и лещиной.

Эта часть берега Черного моря, простирающаяся почти на 400 верст длины, у подножья западного Кавказа станет современем для русских-северян вторым Крымом, страною дач и садов, когда нездоровость климата уничтожится. Но, во всяком случае, абхазский берег, хотя расположен южнее, чем Крым, и имеет более жаркий климат, реже затемняемый туманами, но он однако тем уступает крымскому, что не защищен от непогоды, за исключением разве

1 Чернявский, „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ 1877. № 5.

2 Титов, „Опыт медицинской географии“.

3 Statkovsky, „Climalologie du Caucase“, Владыкин, „Путеводитель по Кавказу“.

местностей, лежащих на южном склоне боковых цепей. Масса морской воды, с температурой сравнительно возвышенной, заполняющая собою те бездны Черного моря, что начинаются у самого берега, сильно содействует согреванию воздуха, поддерживая его до конца ноября на 14-15 градусах; средняя температура зимних месяцев в Сухуме колеблется между 7°,3 и 8°,5. Осенью и весною здесь дуют с страшною силой юго-западные ветры и заносят иногда с плоскогорий Анатолии зимний холод; во время таких ветров плавание в этой части моря делается крайне опасным, так как здесь нет защищенных гаваней. Абхазский берег зато вполне защищен от северо-восточных ветров, полярных токов воздуха, идущих по Каспию и Куме; хотя, в своей северной окраине, западный Кавказ уже не настолько высок, чтобы помешать проходу этих холодных ветров. Бора—как итальянские и греческие моряки, плавающие по Черному морю, назвали северо-восточный ветер, напоминающий им подобный бич того же имени[1] в Триестском заливе—налетает шквалом с холмов, отделяющих Новороссийск от степей, и страшно волнует море. В 1848 году, 12 января, все суда, стоявшие на Новороссийском рейде, были или унесены в открытое море, или выброшены на берег; одно из них, покрытое брызгами волн, мгновенно замерзавшими на бортах и на палубе, вследствие тяжести образовавшагося на нем льда, пошло ко дну со всем экипажем[2].

Весь северный склон береговой цепи принадлежит к бассейну Кубани (Куман—у ногайцев, Кубин—у абхазцев). Эта река, первые истоки которой берут свои начала с ледников Эльбруса, принимает потом в себя каждую речонку, каждый ручей, стекающий с долин западного Кавказа, исключая, разумеется, тех небольших потоков, которые испаряются в степях, прежде чем успевают достигнуть до главной реки. Она, по своему полукружному направлению, напоминает французский Адур; Кубань, так же, как и эта река, служит геологической границей между гористой частью страны и поверхностью, занятой тем родом степей, которые известны во Франции под именем «ландов». Наполняясь трижды в год весенними дождями, осенними ливнями и тающими снегами летом, Кубань принимает вид большой реки, и берега ее, отдаленные друг от друга на 75-100 сажен, расширяются во время половодья более чем на версту, и местами глубина достигает более десяти футов; тогда как во время низкой воды, именно в августе, сентябре и октябре, она не бывает глубже $3^1/_2$ футов, а в исключительные, впрочем, года случается, что её северный рукав у самой дельты совсем высыхает[3]. Попытки учредить правильное судоходство по Кубани долго не имели успеха; пороги, водяные поросли в нижнем течении, а выше песчаные отмели часто задерживали суда; однако с 1873 года пароходы, идущие из Керчи, поднимаются на Кубани до самой Тифлисской станицы, отстоящей всего в 25 верстах от Ростово-Владикавказской железной дороги: на её верховьях же могут плавать лишь плоскодонные барки[4]. Инженеры предлагали прорыть судоходный канал, который бы, огибая устье Кубани, соединял её верхнее течение с морем[5]. По другому проекту предполагалось направить часть Кубанских вод в Куму, с целью поднять земледелие в степях, по которым течет эта река.

Верстах в 50 от морского берега, Кубань, несущая в море средним числом 1.120 куб. метр. воды в секунду[6], разделяется на два рукава, которые в свою очередь также разветвляются. Главный северный рукав, Протока, направляется к лиману Ахтари, заливу Азовского моря, а южный, более многоводный, Кара-Кубань, входит в болота Туманского полуострова, снова раздваивается на юг от Темрюка и затем вливается частью в Азовское, а ча-

1 Название bora, по всей вероятности, происходит от Boreas. *Прим. перев.*

2 Фон-Врангель, „Метеорологический сборник Академии Наук“, т. V. № 4, Statkovsky, „Climatologio du Caucase“.

3 В июле 1846 года, разлив Кубани во многих местах доходил до 20 верст, были затоплены все прибрежные аулы, вместе с запасами хлеба и сена. (См. Н. Дубровин, очерк Кавказа и народов, его населяющих).

4 Длина Кубани—около 680 верст; расстояние же от устья до Тифлисской станицы 400 верст. *Прим. перев.*

5 Фон-Бурмейстер, „Известия Русск. Геогр. Общ.“ 1847, т. III, № 4; „Известия Кавказск. отдела”, т. III.

6 Данилевский, „Зап. Русск. Геогр. Общ.“ т. II. 1869.

стью в Черное посредством так называемого *богара* или протока, часто перемещающагося и свободнаго лишь для судов, сидящих в воде не глубже как на два фута. От одного устья до другого, от южного рукава Кубани до Протока у Ахтари, по прямой линии, будет не менее 100 верст, но если следовать по береговому пути, то это расстояние по крайней мере удвоится. Дельту Кубани, имеющую в общем, вид треугольника, можно бы приравнять к дельте Нила если не по величине, то по форме: она занимает пространство около 6.000 кв. верст. Осадки, образовавшие ее, не уносились в открытое море, как это происходит с реками: Волгой, Роною, Миссисипи, но отлагались в самом лимане, у песчаной отмели, отделяющей его от Азовского моря и более древней по происхождению, нежели дельта. Содержание осадков в воде доходит средним числом до 1:480, и наносы быстро заполнили бы весь лиман, если бы вода не увлекала их с одной стороны в Азовское море, а с другой прямо в Черное. Засаривание лимана еще нельзя считать полным, особенно в северной части, где лиман разделяется на множество отдельных прудов, отделенных один от другого параллельными бортами, окаймлявшими ложа древних рек[7].

В низовьях река часто изменяла свое течение; острова и протоки перемещаются так часто, что описания старинных авторов стали совершенно непонятны: переменились и направления реки и самые названия. Еще в конце XV столетия Кубань несла в Азовское море массу воды сравнительно гораздо большую. Но с того времени она перемещалась со стороны, в сторону и всякое новое половодье изменяет её направление. На всем Таманском полуострове, усеянном болотами и *ериками* или ложными реками, т.е. остатками половодья, сообщающимися с морем, находят сухия балки и обнаженные берега, на коих видны следы последовательных наслоений и изменений уровня реки. Хотя полуостров имеет в ширину около 40 верст, но часто случается, что озера и реки, переполняясь водою, преобразовывают его в совершенный остров, подобный тому, каким он был прежде когда-то. Вообще же весь полуостров ничуть нельзя считать низменностью: он состоит из пяти рядов холмов, идущих параллельно и поднимающихся местами более чем на 500 футов; эти ряды отделены между собою промежутками, покрытыми наносной почвой и служившими когда-то проливами; и теперь еще часть их занята плавнями. Вытянутая форма полуострова по направлению с востока на запад, расположение его озер и песчаный остроконечник указывают, что полуостров Тамань есть как бы спуск горной цепи, заканчивающейся у Азовского моря.

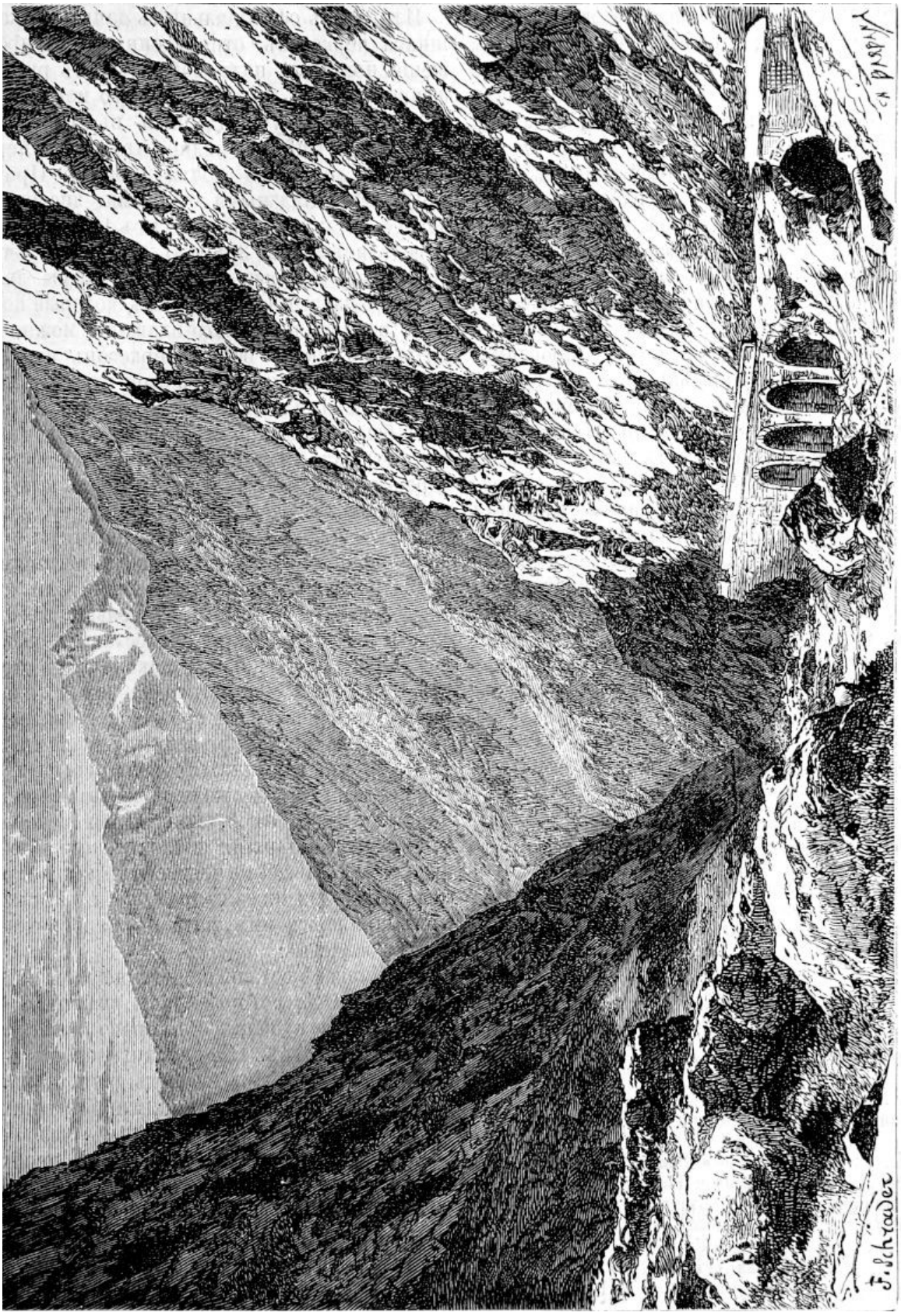
По Абиху, сопки, грязевые вулканы[3] этого полуострова были в прежнее время деятельнее, чем теперь. Они расположены в ряд, составляющий продолжение горной цепи, или параллельны её оси. На этой же линии, служащей продолжением хребта, недалеко от города Темрюка, в 1799 г. возник действующий вулканический островок; он был всего сажен 200 в окружности, извергал черноватую грязь на высоту 14 футов над уровнем Азовского моря и скоро исчез; но на месте его появился другой, в 1814 г., который тоже держался лишь некоторое время над поверхностью волн[4]. Маленькие вулканические пригорки на полуострове Тамань, извергающие грязь, одни из самых замечательных на земном шаре; они представляют собою целый ряд переходных явлений, начиная с простых сопок и кончая настоящими вулканами; малороссийские казаки назвали некоторые из них «пеклом». В 1799 году островок Темрюк, по свидетельству туземцев, извергал пламя и дым, а Куку-Оба или «Синий холм» находящийся верстах в 10 к северо-западу от Тамани, зимою 1794 года открыл кратер и с пламенем выбрасывал куски замерзшей земли на расстояние около версты. Прочия вулканические вершины полуострова извергают каменья и глинистую грязь; в этой грязи находят корни камыша, остатки водорослей и других водяных растений: вулканические источники очевидно сообщаются с лиманом и с морем. Говорят, что во время бурь в грязевых колодцах слышен какой-то шум. В прежнее время, в массе глины, выбрасываемой кратерами, и

7 Данилевский, там же.

3 Или „плевки“—как их называют местные жители. *Прим. перев.*

4 Von Bauer, „Bulletin de l'Academie des Sciences de S-Petersbourg“, tome V, 1863, Abich.

вблизи этих маленьких вулканов, находили множество обломков греческих и скифских глиняных изделий. Паллас, желая объяснить присутствие этих обломков, спрашивает: не имели ли древние обыкновения бросать сосуды и другие предметы в жерла вулканов, в виде при-



Дарьяльское ущелье.

ношений.

Нефтяные источники полуострова и севернаго склона западной части Кавказа вытянуты

в ту же линию и в том же направлении, как и сопки. Область третичной формации, в которой глина и мергель заключают в себе столь ценный материал, как нефть, занимает поверхность не менее 1.300 кв. верст, продолжаясь кроме того довольно далеко под лиманами. Вода Темрюкского озера содержит в себе небольшую приметь нефти, что не мешает однако благоденствовать в ней щукам, окуням и другим рыбам; в озере ловится также много раков, имеющих впрочем несколько горьковатый вкус[1]. Почва, столь богатая нефтью, буравлена пока только там, где изобильные источники минерального масла разливаются на поверхности, или где они выходят наружу в виде газов; вообще же до сих пор еще не получено тех блестящих результатов, на которые рассчитывали прежде. В 1866 году начались работы, в «нефтяной долине» или Куда-ко, на земле, подаренной Императором одному из сановников; первый колодезь давал в день до 800 ведер петроля; но почти все это добро пропало без проку: резервуар был устроен в высохшем ложе реки, подверженном действию ливня. Впрочем эти колодцы вскоре иссякли;—три раза их углубляли и наконец совсем оставили[2]. В 1870 году были вырыты шесть других колодцев, дававших в сумме 13.820 ведер ежедневно, или 62.000 тонн в год; немедленно после бурения, начинал лить источник нефти на высоту 50 футов над уровнем почвы. Если бы эту «область нефти» эксплоатировать «по-американски», соединить берег Анапы с р. Кубанью железной дорогой, то из такой богатой местности можно бы было вывозить более трех с половиною миллионов ведер очищенного петроля ежегодно[3].

Едва-ли найдется в Старом Свете страна, где бы так часто менялось население, вследствие войн, убийств и выселений, как в бассейне Кубани и западном Кавказе. Никакая страна не заслуживает так верно названия «страны крови», даваемого другим местностям, опустошенным битвами, как эта. С половины нынешнего столетия племена и нации исчезли из долин, замкнутых с востока Эльбрусом, а люди другой расы заняли покинутые пепелища своих предшественников. Историческая цепь этого народа здесь сразу прерывается; его предания, язык и наречия безвозвратно потеряны, так как большая часть изгнанников повымерла, а среди уцелевших и рассеявшихся остатков племени, вряд-ли можно отыскать ту целость идей и нравов, того, что составляло как бы душу их родины. От хозяев страны остались только географические названия, более или менее исковерканные непривычным языком чужеземцев.

Еще в прошлом столетии черкесы занимали большую часть степей северного Кавказа; они владели пастбищами к северу от Кумы, добывали соль из озер Манычской впадины[4]. В 1859 году Паули насчитывал их в западном Кавказе более полумиллиона, а в 1864 г., в конце войны, после которой вся горная область была окончательно покорена, число туземцев определяли еще в 300.000 душ. В настоящее время они перестали существовать как самостоятельное население страны, живут в разброс, оставаясь в стране на исключительных условиях, и скоро на всем Кавказе совсем не останется чистых представителей черкесской национальности. Абхазцы, жившие на берегу моря и в южных долинах, также почти исчезли несмотря на то, что их, как номинально подчинившихся России с 1810 года, щадили более, нежели черкесов. В 1864 году абхазцев было около 150.000, а в 1877 году, перед последней Восточной войной, число их уменьшилось на треть: более 20.000 душ эмигрировали после того, как турки принуждены были оставить укрепленное местечко Сухум. Некоторые долины совершенно лишились своих прежних обитателей и пустеют в ожидании русских: о туземцах напоминают лишь кладбища, осененные рощами дикой сливы, груши и яблони,

1 Pallas, „Voyage on Crimee“.
2 Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus“.
3 Романовский, „Оффициальный отчет 1879 г.“.
4 Klaproth, „Voyage au Caucase et en Georgie“.

переплетенных виноградною лозою[1].

Побежденные еще при императоре Николае, черкесы или адиге[2], жившие исключительно на северном склоне Кавказа, в долинах верхних притоков Кубани[3], не пожелали подчиниться власти победителей и вместо того, чтобы поселиться в низменной равнине, как им было то предложено, предпочли совсем выселиться из страны, всей массой: только 70.000 согласились остаться на сделанных им условиях. Так счастливо отделавшись от подобных врагов, русское правительство старалось содействовать «исходу» несчастных туземцев, облегчив им дорогу; прокламацией наместника, объявленной в 1864 году, после окончательного поражения горцев, всем адиге было приказано в течение месяца «очистить долины», под страхом быть объявленными военнопленными. Приказ был выполнен, и более $^4/_5$ адиге, понукаемые русскими войсками, занимавшими в это время долину за долиной[4], покинули свое отечество и направились искать убежища в европейской Турции, в Анатолии, на Кипре и в других местах Оттоманской империи. С 1-го января по 10 июля 1864 г. всех горцев, переселявшихся в Турцию, было вывезено из портов:

Тамани—27.337 душ; Анапы—16.452 д; Новороссийска—61.995 д.; Туапсе—63.419 д. Сочи—46.754 д.; мыса Адлера—20.731 д. Из прочих портов—21.350 д. Итого—256.067 душ.

Из этих оффициальных данных, касающихся черкесов, отправленных, в продолжение полугода, под наблюдением русских офицеров из портов Черного моря во временные депо, учрежденные в Требизонде, Самсуне и Синопе, видно, что число переселенцев достигало почти 260.000. Прочими также оффициальными отчетами, число всех черкесов, эмигрировавших с 1858 по 1864 г. определяется в 398.000 человек. Считая еще тех, которые ушли с Кавказа до или после большого исхода, и тех, которые поумирали во время морского плавания, можно принять, что число всех черкесов и вообще кавказцев, покинувших свои горы, не менее как в полмиллиона. Само собою понятно, каков был процент смертности, сколько этих несчастных страдальцев погибло во время перевозки на баржах через море, а потом, в шалашах, раскинутых на берегу, от недостатка необходимой пищи, непогоды и дурного обращения. В некоторых местностях более половины выходцев поумирали с голоду или от болезней, несколько месяцев спустя после того, как они оставили свою дорогую родину. Прибывши наконец в страну, где им была предоставлена земля, изгнанники очутились среди враж-

1 „Сборник известий о Кавказе“, т. I

2 Слово „адиге“ у всех племен этого народа означает остров. *Прим. перев.*

3 Из прилагаемой таблички видно, как (приблизительно) изменились численные отношения между различными племенами черкеской национальности в промежуток между 1835—1858 гг. Из племен перечислены только главнейшие, при чем блуждавшие границы их территорий определены при помощи рек, а порядок расположения в столбце указывает на соседства.

	Между реками	Число душ	
		в 1835	в 1885 г
Большая Кабарда	Тереком и Малкой	24.000	24.272
Малая Кабарда	Тереком и Сунджей	6.000	12.735
Абреки ила бегл. кабардинцы	в дол. мол. и бол. Зеленгура	4.000	4.707
Шапсугу	Шипса и Сун	200.000	160.000
Натухаджи	Низ Кубани и Черн. моря	60.000	20.000
Абадзехи	Схагуаше и Пшишь	9.000	6.521
Бзедухи	по Кубани до Пшишь		14.000
Кемгуй (Темирго)	Кубанью и Схагуаше	11.000	8.168
Беслевейцы	в Кубанской котл.	25.000	5.115
Мохошевцы	Чехурадж и Шеде	5.000	5.000
Убыли	на сев. от Абх. у Черн. моря	19.000	25.000
		527.000	315.550

(См. „Русс. Вестн.“, 1842 г.;—Верже, „Кавк. Календ“, 1858 г.;—Дубровин, „Очерки Кавказа“;—Ильин. Карта Европейской России.

4 „Кубанские Ведомости“, 1867 г. № 39;—Dulaurier, „Revie de deux Mondes” 15 dec 1865: 1-e Janvier, 1866.

дебного населения, чужого им по языку, религии, нравам. Приученные к постоянным войнам, они и на новом месте продолжали держаться военных приемов и грабежей, захватывая мечом то, что, будучи мирными земледельцами, добыли бы плугом. Изгнание черкесов было не только бедствием для них самих, но и для тех, с кем пришлось им жить в непосредственном соседстве.

На Кавказе остались очень не многие адиге, собственно те, которые, так сказать, ценою порабощения купили себе право остаться в своем отечестве. Но на адиге очень долгое время смотрели как на тип других кавказских племен, еще не эмигрировавших, и влияние их на сих последних было слишком значительно, чтобы не видеть необходимости изучить этот народ таковым, каким он был до 1864 г., в те времена, когда он своим энергическим сопротивлением русским приобрел себе славу героев, поставив себя на-ряду с самыми доблестными нациями на земном шаре. Предания джигитов, патриархальная простота нравов, физическая красота, изящность бесспорно делали черкесов первыми между остальными кавказцами, и их именем часто называли всех других горцев. К несчастию, они жили только войною, и многие этимологи объясняют самое слово «черкес» в смысле «грабитель», «бандит», «разбойник большой дороги». Тем не менее, название нации может быть произведено от Kerketes, упоминаемых у Страбона[1]. Язык адиге грубый, гортанный, с произношением затруднительным для всякого иностранца. Говорят, что кроме обыкновенного языка, в военных действиях черкесы употребляли особенный жаргон[2].

Адиге принадлежат, вероятно, к той же ветви, как и грузины, лезгины, чеченцы и прочие народы Кавказа, о которых неизвестно достоверно, принадлежат ли они к арийцам или же, быть может, представляют смесь других рас. Они большею частью красивы, стройны, с тонкой талией и широкоплечи; лицо овальное, чистое, с блестящими глазами и окаймлено густыми черными, иногда каштановыми или светлыми, волосами. Их привычку держаться прямо и откидываясь назад приписывают матерям, которые грудных детей привязывают плашмя к доске. У мужчин и женщин тучность или какой-либо другой физический порок считается позором; те, у которых есть таковой, удерживаются от посещения общественных празднеств и народных собраний[3]. Зная, что красота есть неотъемлемая принадлежность их расы, черкесы женятся редко на женщинах другой крови. Их своеобразный нарядный костюм, который они носят с такой ловкостью, сделался национальным костюмом всех вообще горцев, а также и русских казаков; даже миролюбивые евреи до сих пор одеваются в черкеску, украшенную патронами, впрочем совершенно для них бесполезными.

У черкесов, как и албанцев Пинда, с которыми они имеют большое сходство, кровавая месть есть высший закон. Кровь за кровь; и убийца должен быть наказан, если он, по меньшей мере, не выкупит свое преступление, или если ему не удастся украсть ребенка из семейства своего врага, воспитать его, как собственного сына и затем возвратить его в родительский дом. Подлог лошади изменением тавра, так же как и убийство, требует кровавого возмездия[4]. Вражда между семьями продолжается иногда на целые поколения; но тем не менее черкесы отличаются от своих соседей сванетов тем, что смотрят с презрением на их каменные жилища и живут в деревянных хижинах легкой постройки, рассчитывая при обороне только на силу своих мускулов. Надо заметить, что кровомщение никогда не совершается на глазах женщины: одного мановения её руки достаточно, чтобы остановить убийство. Но в то же время муж или отец столь священной особы, могут убить ее самое, не отдавая никому отчета. Следуя древнему обычаю, молодой человек похищает силою девушку, на которой он хочет жениться. Молодая черкешенка вперед знает, что ей придется оставить родительский дом, уступить притворной или действительной силе, или быть проданной в чужие края; но

1 „Geographie". livre, XI chap. II; Klaproth, „Tableau du Caucase".
2 Reinegga, Klaproth, etc.
3 Bodenstedt, „Die Volker des Caukasus".
4 Colenati, „Bereisung Circassiens"

сила обычая такова, что лишение отечества и гаремная жизнь обыкновенно ничуть не страшат ее. Девушки уверены в том, что, по издавна сложившемуся взгляду, они в чужих краях сделаются законными супругами разных вельмож, благодаря своей красоте, изящным манерам и поэтическому языку. В то время, как другие женщины Востока были не что иное, как рабы, черкешенки оставались людьми свободными, и это делало их еще более привлекательными. Что касается мальчиков, то их чаще всего воспитывали не сами родители, но аталыки или воспитатели, которые выбирались из людей, обладавших физическими и нравственными достоинствами: мужеством, вежливостью, красноречием, умением управляться с оружием, с конем. Родители не доверяли своей нежности и, боясь портить собственных детей, давали им другого отца, поручая ему сделать из них хороших наездников, бойцов и охотников, научить их выражаться языком простым, красноречивым и поэтическим. Когда воспитание молодого человека считалось оконченным, он опять вступал в свою семью, не переставая, однако, относиться к аталыку, как к своему истинному отцу. Встарь, посредством фиктивной кражи,—остатка варварских обычаев—аталык завладевал ребенком: он похищал его через три дня после рождения, в присутствии однако семи свидетелей, обязанных клятвою подтвердить впоследствии подлинность юноши[1]. Благодаря тем заботам, какие прилагались черкесами к воспитанию молодых людей, их народ стал «самым просвещенным на земле»[2].

Гордясь своей свободой, адиге не были однако равны между собою. Они разделялись на три сословия: на князей и дворян, потерявших свое значение во время междоусобиц[3], и на простых крестьян-воинов; но все они разделялись на тлеуши, или «братства», члены которых были преданы друг другу до самой смерти; эти братства играли не малую роль в борьбе с русскими[4]. В равнинах в особенности дворяне пользовались властью, а в некоторых местностях им удавалось даже установить в своих поместьях правеж вроде феодального; но их крестьяне убегали к горным черкесам, и дворяне тщетно пытались вернуть их назад. Через это происходила беспрестанная вражда, и некоторые из дворян, терпевших поражения, прибегали не раз к иноземной помощи[5]. Кроме трех свободных классов, были еще рабы, состоявшие из военно-пленных или беглецов, и употреблявшиеся для работ. Воля свободных людей, выраженная в народных собраниях, становилась законом, а князья, как и дворяне, были не более, как исполнителями этой воли. Священники, принадлежавшие также к господствующему классу, пользовались слабым влиянием, так как религия черкесов, а равно их соседей, была чрезвычайно смешанного характера: они были одновременно и язычниками, державшимися старых богов, и христианами или магометанами, по обрядовой стороне; как язычники, они поклонялись Шибле, богу грома, войны и правосудия[6]; ему после победы приносили в жертву лучшую овцу из своего стада. Они чтили деревья, пораженные молнией, и преступник мог находить под ними надежное убежище. Они считали, что боги воздуха, воды, леса, фруктовых деревьев, животных и всякой твари, одухотворены веянием Великого Духа, и имели свой культ: всему приносилась особая жертва, хотя бы в виде нескольких капель напитка, торжественно вылитого из кубка. Чтобы умилостивить волны и вызвать у них милосердие к родственникам «на море сущим», мать, жена, или невеста моряка задаривали ручьи, журчавшие у гор: течением уносило их приношения в Черное море, которое отвечало на это завыванием ветра и поднятием облачка[7].

Такова была религия древних черкесов: но еще до второй половины XVIII столетия князья и дворяне считались большей частью христианами, преклоняли свои колена в церквах,

1 Reineggs, „Beschreibungen des Caukasus"; K. Koch, „Reise durch Russland nach Caukasien".

2 Bell, „Journal d'une residence en Caucasie".

3 Люлье, „Записки Кавказского отдела", т. IV, 1857.

4 Koch,—Bell, etc.

5 Люлье, там же.

6 Помимо Шибле у них был еще Созерис, бог земледелия, обилия и домашнего благосостояния, отчасти соответствующий по идее и по празднествам в честь его, древнерусскому Яру. *Прим. пер.*

7 Bodenstedt, цитированное сочинение.

развалины которых видны там и сям на вершинах холмов[1]. Шейк Мансур обратил почти всех своих земляков в секту магометан-суннитов, за что был сослан на Соловецкие острова, где и кончил свою жизнь среди ледяных покровов Белого моря. Влияние крымских ханов было направлено к тому же: из среды черкесов все более и более появлялось горячих последователей ислама по мере того, как развивалась в них ненависть к русским-христианам, завладевшим их родиной. Но в то же время некоторые практические стороны магометанства, и в особенности многоженство, не были введены в этой стране, как общепринятые—древние нравы стояли за семью. Воин стыдился даже видаться с женою в присутствии товарищей, и, если браки не держались совсем в секрете, то во всяком случае отнюдь не считалось удобным говорить о них. В религиозном рвении черкесов и других горцев западного Кавказа нельзя сравнивать с честными татарами из племени Карачай, или «Черный поток», которые занимали южные долины Кубани, на запад от Эльбруса, на территории, где, как говорит легенда, жили прежде френги, т.е. франки, или европейцы[2]: эти карачаи—мусульмане преимущественно[3]. Они занимаются большею частью торговлей и служат посредниками между различными племенами, живущими на разных склонах гор.

Абхазцы, сохранившие еще название абазов, под которым они были известны грекам, называют себя обыкновенно абзуа, что значит собственно «народ»[4]; до времени больших переселений они занимали почти весь южный склон Кавказа, между долинами Ингура и Бзыби, и переходили не раз за главный хребет, чтобы завладеть землями черкесов. Они говорят языком, похожим на язык адиге[5], но по внешнему виду и по нравам замечается сильный контраст между этими двумя народами. Абзуа ростом меньше, чем черкесы, их кожа смуглее, волосы темнее; черты лица большею частью неправильны, выражение лица грубое и дикое. Они далеко не так красивы, как их соседи: рабы из их племени, мужчины и женщины, освобождались за половину той цены, которую стоили черкесы[6]. Они не такие ловкие наездники, как их соседи, но как и эти последние любили жить мечом: долгое время их занятием были разбои на море; до того времени, когда Черное море еще не принадлежало русским, их суда, ходившие под веслами и под парусами и экипаж которых состоял из 200-300 человек, отваживались нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Босфора. В прежнее время многие из них отправлялись в Египет, чтобы продаться там в солдаты и в рабство. В отряде мамелюков и в самом Каире, среди жителей было очень много таких, которые родились в горных долинах Абхазии[7]. Как и черкесы, абхазцы делились на военные группы, имевшие своих князей, дворян и свободных людей, возлагавших на рабов все трудные земледельческие работы. У некоторых абхазцев деньги были неизвестны до прихода русских: денежной единицей считалась обыкновенно корова, а телята процентами; случилось, что к концу нескольких лет, небольшой заем нужно было уплачивать целым стадом. Только в 1867 году, этот первобытный прием был заменен тем, который принят всеми цивилизованными народами[8]. Абхазцы, подобно черкесам, все еще остаются язычниками по своим понятиям и некоторым обрядам; исповедуя ислам, они удерживают некоторые следы древне-христианского культа; они чтут кресты и церкви, едят свинину, делают приношения

1 Песни, сказки и предания черкесов указывают,что христианство было принято ими во время Юстиниана. Георгий Интериано, посетивший восточный берег Черного моря в 1550—1557 годах, пишет о черкесах, как о христианах; но спустя немного лет, именно около 1576 г., доминиканец Иоанн Лукский уже сообщает, что между черкесами стало развиваться магометанство. (См. Н. Дубровин, „Очерк Кавказа"). *Прим. пер.*

2 K. Koch, „Reise nach Caucasien".

3 G. Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge".

4 По Дубровину, собственно чеченцы, а не абхазцы, называют себя „народом" (Нахле). *Прим. пер.*

5 Klaproth, „Tableau du Caucuse".

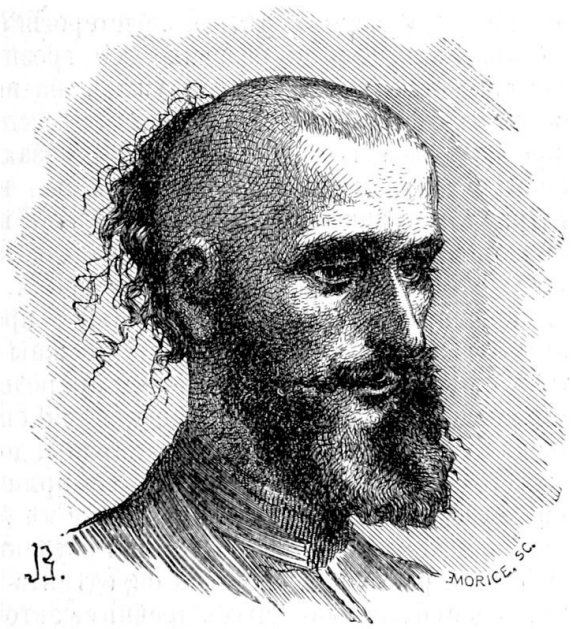
6 Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale".

7 Reineggs, „Beschreibung des Caucasus".

8 Грабовский, „Сборник сведений о кавказских горцах", вып. 4.

в храмы в виде вкладов, панцырей, оружия или одежды; еще до сих пор церковь, построенная, как гласит легенда, апостолом Павлом, на одном из выступов Маруха, служит местом стечения богомольцев[1]. Но более всего чтимый ими храм—дремучий лес; они любили подвешивать на ветках дуба свои приношения и произносить здесь клятвы. Прежде на ветвях священных деревьев они помещали гробы своих мертвых: они полагали, что взрыв газов, развившихся в трупе, заставляет злых духов на-веки уважать покой мертвецов; почтение к мертвым доходило до крайностей: места погребения содержались гораздо лучше, чем жилища живых[2].

И по сие время несколько тысяч абхазцев живут еще в горных долинах южного Кавказа[3], между тем как адиге уже перестали существовать, как народ, на противоположном от них склоне. Карачаи,—единственные туземцы в горах, которые устояли против волн, нахлынувших из России. Всюду, кругом их, территории когда-то независимых горцев уже заняты другой народностью; несколько беглых русских семейств, которые поселились когда-то у абхазцев[4], были, так сказать, авангардом будущих завоевателей. Жители Кавказа смотрели прежде на юг, как на страну цивилизации, и Грузия в особенности дарила их оружием, дорогими тканями, литературным языком; теперь же они принуждены обращать свои взоры на север, откуда им шлют пока лишь одни указы, армии и переселенцев. Великороссы, малороссы, казаки, принадлежащие к этим обеим славянским семьям, принимают участие в переселениях, которым правительство придавало преимущественно военный характер, организуя земледельческие поселки на военную ногу. Можно сказать, что теперь весь западный Кавказ стал уже русской землею. Колонии чехов, основанные на землях черкесов, мало-по-малу сливаются с русским населением. Число славянских поселенцев на земле адиге давно превосходит число горцев, владевших ею.



Абхазецъ.

На севере от горной области, равнины низовьев Кубани и полуостров Тамань суть местности, где следовали наиболее частые перемены населения различных рас, не связанных между собою промежуточными помесями. Что это, например, были за люди, оставившие после себя долмены, всюду рассеянные на полуострове Тамань и в соседних с ним местностях[5], но нигде на самом Кавказе[6]? Эти памятники отличаются от других, находимых в разных странах, своим круглым отверстием с лицевой стороны, настолько широким, что в него может пройти голова ребенка. Неизвестно, какому бы народу можно приписать эти памятники, относящиеся к железному веку[7], так как история Кубани простирается в глубь времен всего

1 Kolenate, „Bereisung Circassien".

2 Wakgoutcht, „Traduction de Brousset".

3 Абхазия разделялась: на собственно Абхазию или Абсне (от Гагр по берегу моря до р. Ингура), Цебельду (по верхов. р. Кодера и в дол. р. Дал), Самузаркань (по берегу моря, между рр. Галидагой и Ингурмом), и проч. В половине тридцатых годов, всех абхазцев насчитывали около 128.000 душ. В 1865 г. в округах Сухумском, Бзыбском, Абживском и Цебельде было 17.990 душ обоего пола. *Прим. пер.*

4 K. Radde, цитированное сочинение:—Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase".

5 Ланд, „Сборник известий о Кавказе".

6 Dubois du Montpereux, „Voyage autour du Caucase";—Berge, „Русское Обозрение", 1874, № 11; Bell, „Journal d'une residence".

7 Bell, цитированное сочинение

веков на десять, т.е. не долее той эпохи, когда хазары и половцы, остатки которых поселились в Венгрии под именем куманов, владели или же только проходили по земле, на которой в ту пору находились эллинизованные города Кимрийского Босфора. Около конца X-го столетия, русская колония Тмутаракань, довольно отдаленная от ядра славянских наций, была уже прочным поселком на полуострове Тамань и поддерживала связь с прочими группами русских выходцев, живших в Крыму. Из летописей видно, что русские из Тмутаракани боролись с яссами и косогами, предшественниками черкесов. Камень с надписью, найденный около Тамани и перенесенный теперь в С.-Петербургский эрмитаж, свидетельствует о состоянии цивилизации у древне-русских обитателей этой местности: на этом камне указано расстояние между Керчью и Тмутараканью, измеренное по льду зимою 1068 года. Но эти первые славянские колонии не были настолько сильны численностью, чтоб могли удержаться среди враждебного населения. Татары, пришедшие под предводительством монгольских вождей, завоевали эту землю одновременно с занятием Крыма. В начале 18-го века здесь снова поселились русские: то были казаки, предпочитавшие уйти в подданство крымского хана, нежели подчиниться власти Петра Великого. К этим казакам некрасовцам, названным так по имени их главы, Некрасова, присоединилось еще очень много раскольников, пришедших сюда из разных концов России; вскоре вся страна снова была всецело населена русскими, которые обработывали почву, занимались рыболовством на берегах рек и озер, разводили отличный украинский скот, распространившийся отсюда потом даже в Закавказье. Но тем не менее эти промышленные поселенцы не нравились правительству, и в 1777 году они вынуждены были искать убежища сначала у черкесов, зачем в Турции, в её азиатских и европейских владениях; большая часть их затерялась потом среди мусульманского населения. После них ногайские татары, выселившиеся из Крыма, в числе двух тысяч семейств, поселились в станицах, оставленных некрасовцами: но, в свою очередь, они должны были покинуть эту страну и уйти в степи на запад от Дона.

С тех пор страна эта стала принадлежать русской империи, а земли её были розданы по усмотрению императрицы Екатерины и всемогущего Потемкина. Несчастные нижнеднепровские казаки, ушедшие сначала в Турцию, после того как им разрешено было вернуться в Россию, должны были выносить на себе всю тяжесть сражений и вылазок, а по окончании войны, когда Потемкин основался на берегах Буга, их принудили покинуть свои деревни и земли, отведенные им в Новороссии, и идти на поселение в болотистые пустыни, на правый берег Кубани. Пришедши сюда в 1793 г. в числе 17.000 воинов, и следовательно по меньшей мере 30.000 душ, они были так же хорошо приняты черкесами, как и их предшественники; но вскоре черноморцы не замедлили войти с своими соседями в столкновение и из друзей превратились в победителей. Война, которая свирепствовала между ними и прежними владельцами земли, была, так сказать, войной нечаянных нападений. Казаки построили форты в стратегических пунктах, караульные башни и укрепленные станицы по всей линии Кубани: труднее всего им было бороться с неприятелем, таившимся в камышах реки и при всяком удобном случае нападавшим врасплох; но казаки сами умели набрасываться на врага внезапно, как тигр, подстерегший добычу,—в их среде развились те грозные пластуны, которые наводили ужас на неприятельские аванпосты во время войн России[1]. Сражаясь постоянно с черкесами, казаки в конце концов усвоили их приемы, нравы и обычаи, и даже опытный глаз не всегда мог сразу отличить казака от кавказского горца.

В то же время, когда шла у них война с черкесами, продолжавшаяся семьдесят лет, они должны были еще бороться и с враждебной природой, которую победить окончательно удастся еще очень не скоро. Города, деревни, каналы, дороги—все было уничтожено, когда они пришли в эту страну: не осталось ничего кроме бесформенных развалин, впоследствии изученных археологами, пытавшимися определить места городов, упоминаемых древними авторами. Большая часть местностей в этой стране могла заселяться лишь медленно; в то

1 Короленко „Черноморские казаки".

время, как в степях недоставало воды, в других местах её было в изобилии, а низменности нередко и совсем затоплялись. На Кубанской дельте, где лихорадки постоянны, процент смертности очень велик, а в некоторые годы он значительно превышает число рождений. Средним числом, третья часть детей, рождающихся в этой стране, умирает очень рано: возраст от 3 до 5 лет переживает не более как половина детей[1].

На узком карнизе Кавказского склона, обращенного к Черному морю, нет населенных городов: эмиграция лишила страну большей части её обитателей, продолжительные войны разорили поля, недостаток путей не позволяет снабжаться съестными припасами извнутри страны, почти все рейды плохо защищены, климат морского прибрежья нездоров. Все это препятствует тому, чтобы пользоваться замечательными выгодами этого берега, долженствующего со временем сделаться одним из самых оживленных мест в Старом Свете. Даже Сухум-Кале, охраняющий вход в южную часть этой страны и претендующий на название города, есть незначительное местечко, несмотря на то, что он служит главным пунктом военного округа, несмотря на свой превосходный порт, глубокий и хорошо защищенный от ветров; на его месте, как полагает большая часть русских археологов, стоял греческий город, называвшийся у милетцев Диоскуром, тридцать два века тому назад, а позднее известный под именем Севастополя. Казалось бы более естественным, конечно, искать Диоскур южнее, у тех мест, где находится деревня Изгаур или Искурия[2], но по близости её и около мыса почти не находят древних развалин; между тем как один греческий город с улицами, площадями, фундаментами зданий, виден на нескольких футах глубины в порте Сухума[3]; а повсюду в окрестностях уцелели еще остатки каналов, дорог и древних построек, а также развалины греческих памятников[4], служившие у турок материалом для постройки в 1787 году крепости Сухум, разрушенной вместе с городом в войну 1877 года. Даже в лучшие годы торговля Сухум-Кале, ввозная и вывозная, не достигала более нескольких сот тысяч рублей. В 1876 году в порте было всего 997 судов, вместимостью 232.750 тонн. Прибрежные жители удачно занимаются ловлей дельфинов: в 1872 году их было поймано, на одном только Сухумском рейде, до 3.800 штук. К северу от города видны остатки боевой стены, которая, как говорят, была когда-то длиною в «шестьдесят тысяч шагов»[5], и построена в V веке для защиты приморского города от абхазцев.

Местечко Пицунда, древний Pythius византийцев, было также важным городом, как свидетельствуют это окрестные развалины: византийский храм, обновленный русским правительством, был построен, как полагают, Юстинианом в 551 г. В пицундском монастыре умер Хризостом, находившийся в ссылке. Уголок, служивший византийцам местом для ссылок, генуэзцы впоследствии обратили в торговый и самый оживленный пункт морского прибрежья: сюда именно стекались итальянские купцы и миссионеры, оставившие после себя столько следов своего пребывания в виде сторожевых башен, оружия, монет[6]. Судя по преданиям туземцев, из иностранцев самое заметное влияние на цивилизацию страны оказали генуэзцы или «джиновы». Им также принадлежало оружие, украшенное французскими и латинскими изречениями, которое находили довольно часто в горах, около половины этого столетия[7].

За Пицундой следуют древние крепости Гагры, Адлер или Ардилер (Ардувач) и еще некоторые другие. Далее идет якорная стоянка Туапсе, где виден всего один дом, стоящий у

1 Ланд, „Сборник сведений о Кавказе", т. III.

2 Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase";—Muller, „Edition des Geographies minores";—E. Desjardin,— „Notes manuscrites".

3 Чернявские, „Извест. Русск. Геогр. общ." 1877, № 5.

4 Предшественниками милетцев, основавшихся здесь не ранее 8-го в. до Р. Х., были финико-ассириане (см. Курциус, „Греция"). *Пр. пер.*

5 Lamberti, „Relatione della Collchide".

6 Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase".

7 Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale".

берега; хотя современем появится здесь большой, торговый город, так как рейд Туапсе очень глубок и отлично защищен[1]; уже работают над постройкой пути, который пересечет Кавказ на север от Туапсе и затем спустится у Екатеринодара, пройдя через термальную станцию Ключевая. Первый приморский город, лежащий почти у крайнего пункта Кавказа, Новороссийск или Суджук, благодаря своему рейду, ведет некоторую торговлю: в 1876 году в его порте было 486 судов вместимостью 177.400 тонн; его рейд подвержен буре, равно как и соседняя с ним бухта Геленджик, служившая во время войны с черкесами местом высадки русских войск.

Рейд Анапы еще менее надежен, и лоцмана советуют морякам быть всегда готовыми сняться с якоря; в 1876 году, число судов, заходивших в порт, не превышало 476, с вместимостью в 156.950 тонн. Анапу, бывший турецкий город, русские завоевали три раза, а в 1860 году, главный административный пункт полуострова Тамань был из него временно перенесен в Темрюк. В то время Темрюк был простой казачьей станицей, с домиками, расположенными на холме, высотой в 250 футов, среди узкого перешейка, разделяющего два пруда, сообщающихся с Кубанью. В его соседстве расположены, в виде пяти отдельных групп, главные грязевые вулканы полуострова Тамань: всех сопок насчитывается здесь более сотни, при чем, между ними есть много таких, которые постоянно меняют свои места. За последние несколько лет, грязью, выбрасываемой этими вулканами, стали лечиться от ревматических болей. Деревенька Тамань, давшая полуострову свое имя, кроме того, что лежит у самого пролива, против Керчи и Еникале, не имеет никаких других преимуществ; прилегающий к ней берег низок и доступен только для плоскодонных судов. Далее от неё, на северо-восток, находится крепость Фанагория, построенная из остатков греческого города того же имени, от которого сохранились еще несколько развалившихся стен и гробниц, хотя и менее ценных, нежели те, что находятся на противоположном от неё берегу[2].

Станицы, построенные казаками в степи, орошаемой Кубанью и её притоками, со времен основания их пользуются теми преимуществами перед поморскими пунктами, что лежат на перекрестке естественных степных дорог. Некоторые из этих местечек оживлены торговлею и могли бы считаться настоящими городами, если бы дома их не были разбросаны на таком громадном пространстве. В Кубанской области насчитывается не менее 146 станиц, имеющих свыше 2.000 жителей,—цифра громадная, если принять во внимание краткость периода, в который совершалась колонизация. В продолжение одного только 1872 года, население Кубанской территории поднялось с 672.000 душ на 733.000; в то время как нормальный прирост населения не превосходит шести или семи тысяч душ, эмиграция сразу повысила его не меньше как на 54.000[3]. Понятно, что быстрое заселение края не могло не отразиться бедственно на многих переселенцах, расположившихся на болотистой почве, или выбиравших места для своих поселков на авось. В числе собственников, владеющих лучшими участками, находятся и высокопоставленные лица; с 1860 по 1870 г. в Кубанской обл. и Ставропольской губ. было роздано более 120.000 участков[4].

Казаки не делят свою землю на отдельные собственности. «Вместе мы ее завоевали, говорят они, вместе защищали, вместе и владеем ею». Община решает каждый год, какая часть полей должна быть занята той или другой культурой; огороды—единственная частная собственность казака. Но офицеры, уже переставшие быть выборными своих братьев-казаков, получили от правительства вместе с чинами и участки земли или хутора, которые должны были еще более вызвышать значение этих чинов. Еще во времена Екатерины разные начальствующие лица получали «в вечное и наследственное владение» хутора, как бы частную собственность. Примеру высших лиц следовали многие офицеры казачьих общин, и вокруг,

1 Карганов, „Зап. Кавк. Отд. Русс. Геогр. общ.", 1873-1874.
2 Gortz, „Archeologieche Topographie der Halbinsel Taman".
3 Васильчиков, „Землевладение и земледелие".
4 Чаславский, „Крестьянские переселения".

их станиц построились хутора, куда уже не могли проникать стада, принадлежащие общине. В 1842 г. правительство разделило всю землю между чинами, придерживаясь иерархического порядка, именно: генералам было роздано по 1.500 десятин, штаб-офицерам по 400, обер-офицерам по 200 и простым казакам по 30. Участки простых казаков, составляющие общинную собственность, очутились также разделенными на мелкие куски, и напрасно крестьяне протестовали против такого дележа почвы, столь противного их интересам[1]. В последнее время разные сектанты, и в особенности шалопуты, начинают сильно разростаться в малорусских селениях: круговая порука придает им особенную силу и возможность процветать там, где другие гибнут[2].

На выветрившихся долинах, пересекающих известковые террасы, обращенные крутизной своей к Кавказу, находятся самые плодородные земли, вследствие чего тамошния деревни в настоящее время населены более чем где-либо.

Самая главная из станиц, расположенных у подошвы кавказских подгорий—Майкоп, бывшая прежде важным стратегическим пунктом и сборным местом для войск, предназначавшихся к отправке через хребет; в качестве рынка, снабжающего съестными припасами прилегающую к нему местность, Майкоп занимает видное место между другими городами Кавказа. В самой долине Кубани процветают также и торговые местечки и станицы: Батал-пашинская, Николаевская, близ которой разрабатываются Каракентские угольные копи, Ладовская, Усть-Лабинск, Екатеринодар. Этот последний казачий город сделался главным пунктом Кубанской области и ведет довольно значительную торговлю; сюда съезжаются до 25 тыс. крестьян на сентябрьскую ярмарку, где продается одних мануфактурных товаров средним числом на два миллиона рублей[3]. В Екатеринодаре есть также несколько фабрик; расположившись у верховья реки, он снабжает съестными продуктами порты Черного моря: Новороссийск, Анапу и кроме того Ейск, порт, лежащий на юг от Таганрога у песчаной стрелки, омываемой желтоватыми волнами Азовского моря. В 1848 году Ейск еще не существовал. Основанный по указанию моряка Трифонова, он начал застраиваться почти с американской быстротой, благодаря раздаче земель, освобождению от налогов, свободной торговле и обильному улову рыбы, доход от которой простирается средним числом до 200.000 руб. В первые десять лет его существования, число жителей достигло 20.000. Его развитие было задержано после того, как он был лишен своих льгот, но все же Ейск остался самым многолюдным городом на Кавказском прибрежье, и несколько соседних станиц сравнительно с ним не более как деревни. Около семисот каботажных судов приходят ежегодно на его рейд, чтобы нагрузиться зерном, шерстью, льняным семенем; но эти суда не могут подходить к самому берегу, так как только в 3-х верстах от него начинается глубина едва на 14 футов. Несмотря на это, напр. в 1876 г., в его порте находилось 1.439 судов, вместимостью в 167.420 тонн.

Ставрополь, главный город той губернии Кавказа, которая по своему протяжению уступает по величине только Кубанской области, лежит уже вне бассейна реки Кубани, хотя воды, орошающие его, направляются в Азовское море, через посредство Егорлыка, Зап. Маныча и Дона. Расположенный более чем на 2.000 футах высоты, на одной из террас, упирающихся в подножье Кавказа, Ставрополь, в эпоху своего основания, т.е. в 1776 или 1777 г., был не более как «Номер Восьмой», и неизвестно даже, с какого времени он стал называться греческим именем—«городом Креста»; долгое время он не имел иного значения, кроме стратегического, в ряду тех десяти крепостей, которые охраняли равнины Предкавказья, на промежутке между дельтой Дона и городом Моздоком. Занимая довольно большое пространство на нескольких пригорках, отделяющихся друг от друга глубокими оврагами, он сделался одним из самых чистеньких городов в России: проточной водою орошается множество садов,

1 Попка, „Черноморские казаки, их частная жизнь и боевая". —Dragomanov, „рукописные заметки".

2 Благовещенский, Линтварев и Марграф, „Сборник сведений о Кавказе", IV, 1878.

3 „Известия Кавказского Отдела", III.

славящихся превосходными фруктами, а клочки чернозема на Ставропольской террасе, так же, как и чернозем Малороссии, дают земледельцам обильные урожаи.

Типы кавказскихъ евреевъ.

На север от Ставрополя, в долине Егорлыка и еще другого притока Маныча, Средн. Егорлыка, раскинулась группа многолюдных деревень; жители их большею частью уже не казаки, а крестьяне, выходцы из средних губерний России. Самые поселки их называются не

станицами, а селами, так что самим названием определяется существенная разница между прежними деревнями бассейна Кубани и теми, что вновь в бассейне Егорлыка.

Вот перечень городов, станиц и деревень Зап. Кавказа, имеющих более 5.000 жителей:

Кубанская область: Екатеринодар—65.453; Ейск—35.715; Майкоп—36.921; Темрюк (город) 22.170; Ново-Покровская (станица) 7.000; Пашковская—6.000; Ново-Михайловская—6.550; Старо-Минская 6.250; Ладовская—6.175; Ново-Троицкая—6.150; Петровская—6.050; Ивановская—5.950; Старо-Щербиновская—5.900: Уманская—5.650; Успенская—5.600; Темиргоевская—5.420; Ильинская—5.400; Баталпашинская—5.320.

Черноморский округ: Григориполисская (станица)—5.300; Анапа—5.200; Бекешевская—5.100.

Ставропольская губерния: Ставрополь—11.404; Белаглинское (село)—11.220; Безопасное—6.805; Краснополяна—6.500; Ладовская балка—6.200; Ново-Дмитриевское—5.800; Донское—6.775; Ново-Георгиевское—5.600; Средне-Егорлыкское—5.450; Кугульта—5.400; Песчаноокопская—5.300; Сандата—5.200; Медвежье—5.150.

III. Центральный Кавказ, бассейны Кумы и Терека

Между Эльбрусом и Казбеком, следовательно на протяжении 170 верст, главный хребет настолько высок, что вершинами своими и ледниками, скользящими в котловинные и в горные долы, заходит далеко за пределы снеговой линии. Местами, прибрежные звенья сливаются с вершинами хребта и образуют те горные массивы, которые, так ярко блистая своими ледяными вершинами, высоко поднимаются над остальными горами. Эльбрус с его контрфортами составляет одну из самых массивных частей Кавказа: татары называют его Ял-буз, или «Ледяная грива», а черкесы смотрят на него как на «Святую Гору», на «Вершину Блаженных» и считают, что снежная вершина Эльбруса есть «трон Властелина вселенной, царя духов»[1]. Адиш, Каштан-тау и Дих-тау сгруппированы возле этого пункта и выдвигаются мысами за пределы главного хребта. Далее к востоку Адай-Кох, Дзеа-Кох и соседния с ними горы представляют другую группу величественных вершин. Несколько дальше от этой группы с её снежными вершинами и ледниками, к востоку, цепь прерывается глубокой брешью, через которую протекают воды Ардона; но вскоре эта брешь замыкается хребтом Зикари, идущим параллельно оси главного хребта. Масса Зилла-Кох поднимается на юг от впадины, размытой потоками, т.е. между массивами Тепли и теми, что заканчиваются в восточной части куполом Казбека или «Главой». Этот купол—Мкинвари, как называют его грузины, Урс-Кох, или «Белая гора», как называют его осетины, а также «Пик Вифлеема или Христа»[2]. Казбек еще более почитаем, нежели Эльбрус, благодаря своему положению у ворот Кавказа, называемых теперь Дарьяльским ущельем: здесь же находится отделенный ледником от горных полян[3] знаменитый грот, с которого отшельники, с помощью железной цепи, могли подниматься к «колыбели Иисуса Христа» и к «шатру Авраама».

Средняя высота Кавказского хребта между Эльбрусом (5.646 метр. 18.572 ф.) и Адайкохом (4.646 м. 15.239 ф.) равна 3.800 (12.500 ф.) метрам, а высота некоторых промежуточных точек:

Зикари (10.265 ф.) 3.129 метр. Зилга-Кох (12.538 ф.) 3.853 м. Тепли (13.523 ф.) 4.202 м. Мамисон (9.387 ф.) 2.862 м. Крестовая гора (7.323 ф.) 2.263 м. Беш-тау (4.592 ф.) 1.400 м.

Контрфорты и террасы, которыми спускается снежный хребет, образуюсь различные звенья «Черных гор», а затем развертываются в виде громадного полукруга у Кабардинской равнины и поднимаются потом снова на севере, в виде массы Беш-тау, заканчивающейся

1 Kolenati, „Die Bereisung des Caukasus". Bodenstedt, „Die Volker des Caukasus"

2 Муромцев, „Изв. Русск. Геогр. Общ." 1872, № VIII.—Хатисьян;—Slatkovsky. „Climatologie du Caucase".

3 Klaproth, „Tableau du Caucase".

полуостровной формой. Воды, стекающие по этому амфитеатру, как и альпийские потоки, соединяющиеся на полях Пиемонта, образуют многоводный Терек, по Кавказу стремительно несущийся к Каспию. Между тем как воды, стекающие с выступов, наиболее выдвинутых, не соединяются с Тереком, а направляются в степи, образуя к северу Калаус, и к северо-востоку Куму.

Калаус, в верхней долине которого находится несколько деревень с оседлым населением, по своему характеру есть настоящая степная река. Весною, когда тают снега, Калаус широко разливается по низменным частям равнины; летом же, во время жаров, он мельчает по мере того, как удаляется от холмов, на которых берет свое начало и, наконец, совсем высыхает, не достигнувши впадины Маныча, этого остатка от существовавшего когда-то понто-каспийского пролива. Известно, что эта незначительная река, периодически совсем высыхающая, представляет собою замечательное явление своим раздвоением к Каспийскому морю и вместе с тем к Черному[1]. Калаус входит в впадину Маныча у самого водораздела, и во время половодья небольшая горка заставляет его разделяться на два потока, из которых один сливается с Манычем Дона, а другой направляется к дельте Кумы. Крутые берега его, заключающие в себе ложе в 4-5 верст шириною, доказывают, что эта река была когда-то гораздо многоводнее; но её русло, по которому могли бы течь Рона или Нил, занято теперь медленно текущей речкой, пробирающейся от одного болота к другому и поросшей камышами. Напрасно надеялись некогда на то, чтобы, пользуясь водами Калауса, соединить каналом оба моря; эта река слишком маловодна, и течение её слишком неправильно, чтобы она могла служить судоходным целям.

Бассейн Кумы обширнее, чем бассейн Калауса, а воды её стекают с более высоких холмов и даже настоящих гор, на которых снег сохраняется в продолжение нескольких месяцев в году. Сойдя с высокой долины, Кума является уже многоводной рекой, в которую собираются реченки, спадающие с западных прибрежных хребтов и мало-по-малу увеличивают её; но, принявши в себя последний постоянный приток, верстах в 235 от Каспийского моря, она начинает постепенно уменьшаться и, извиваясь, уходит в степь; там часть её воды испаряется, а остальная часть, разделившись направо и налево, течет дальше, орошая луга ногайских татар и калмыков. Бывает не редко, что в 95 верстах от того места, которое было прежде устьем этой реки, последняя капля воды уходит из своего ложа в сторону, вследствие плотин, настроенных туземцами[2]. Прежде, когда воды в бассейне Кумы было значительно больше, дельта её начиналась там, где теперь река уже перестала существовать. Северный рукав её направился к западному Манычу, ложе которого замещено теперь озерами и прудами Гайдука, расположенными в форме ожерелья. Оба другие рукава Кумы, определяющие свое направление лужами, лужицами и ручейками, тянутся почти параллельно к бухте Каспийского моря, называемой до сих пор еще Кумским Прораном, т.е. водосливом реки Кумы. Во время сильных и исключительных половодий река сносит плотины, построенные ногайцами, и временно наполняет свое прежнее русло; так, например, было в 1879 г., когда в «водосливе» показались снова желтые воды Кумы, и прибрежные жители, как говорят, пытались удержать ее в новом ложе. Но в ту пору, когда дуют ветры восточный и сев.-восточный, господствующие здесь большую часть года, то происходит явление противоположное: вода из бухты входит в прежнее ложе реки Кумы и гонит перед собой стояния воды болот; таким образом, под напором ветра обратное течение проникает иногда довольно далеко во внутрь материка[3]. Так заканчивает свое течение река, не уступающая величиною Гаронне, но которая течет в полосе, где атмосфера много суше, чем в западной Франции. Кума, равно как и Калаус, не имеет достаточно воды, чтобы могла питать собою понто-каспийский канал. Кроме того, невозможно было бы воды верхней долины провести к водораздельному хребту, не прорезав степь каналом верст во 100 длиною. Пристань Серебряковская, у устья

1 Bergstrasser, „Mittheilungen von Petermann", 1859.
2 Bergstrasser, „Mittheilungen von Petermann", livraison citee.
3 Pallas, „Voyage pendant les annees 1793 et 1794".

Кумы, недоступна для судов, сидящих в воде более двух футов. Те же суда, которых углубление более чем четыре фута, должны становиться на якорь в расстоянии почти 7 верст от берега[1].

Терек совсем не таков, как Маныч или Кума, которые высыхают, не достигнув моря. Его главные источники берут свое начало на высоте около 8.200 футов, в котловине, окруженной ледниками; еще не успев выйти из областей снега и горных полян, Терек уже является могучей рекою. Соединившись с другими потоками, он огибает с восточной и южной стороны массивы Кавказских гор, среди которых возвышается Казбек, а затем, пройдя через целый ряд бассейнов и ущелий, выходит на равнину через скалистые ворота, расположенные у входа в город Владикавказ. У основания громадного откоса, состоящего из вулканических извержений, наполнивших древнее озеро, Терек соединяется с несколькими потоками или *донами*, которые стекают с соседних долин с такой же быстротой, как и сам Терек, и точно также катя булыжник, образующий длинные полуостровки, отодвигающие потоки все более и более к низовьям: Гузель-дон, Фиаг-дон, Ар-дон или «Бешеная река» присоединяются также в главной реке, а за ними Урух, выходящий из ущелья, глубиною в несколько сот футов, где он течет под тенью ветвистых деревьев, растущих на скалистых уступах. Черек, Баксу и другие реченки также сливаются с Тереком, присоединившись предварительно к р. Малке, т.е. к самому большому из притоков Терека, получающего свои воды с снежных вершин Эльбруса. Обширные ложа высохших рек, направляющиеся к северу, дали Палласу и другим путешественникам повод думать, что некогда Малка соединялась с Кумою и текла вместе с нею в впадину Маныча; голыши, приносимые потоком, изменили течение реки и направили ее в Терек. Может быть даже, что и эта река текла когда-то прямо на север, к понто-каспийскому проливу, и что, обходя контрфорты Дагестана, она мало-по-малу со временем потечет в Каспий прямою дорогою[2]. Еще до слияния с Малкой, Терек несет воды более 500 куб. метр. (17.650 к.ф.) в сек. Выйдя совсем из горной области, он замедляет свое течение и направляется извилинами к Каспийскому морю[3]; после чего он принимает еще одну очень важную реку, протекающую по Чечне, быструю Сунджу, в которую вливаются изобильные серные источники: Мельчиги—большой горячий ручей, образуемый пятью обильными источниками, вода которых столь горяча, что даже в нескольких верстах от выхода она не годна для питья[4].

Ниже впадения реки Сунджи, Терек, теряя много воды в отводных каналах и через испарение, остается все же достаточно полноводным, чтобы образовать громадную дельту и вливаться в море многочисленными рукавами. Эти рукава, постоянные или временные, часто во время наводнений перемещаются, и сравнительное значение их меняется с каждым столетием: один из таких рукавов есть «Старый Терек», который был когда-то гораздо важнее, чем «Новый Терек», заменивший его массою своей воды. Не считая наносных полуостровов, которые почти удвоивают длину береговой линии, сама дельта вдоль по берегу занимает около 115 верст, а ложа некоторых рукавов, частью исчезнувших, повидимому, соединяют ее с устьями соседних рек: с одной стороны с Кумою, с другой—с Сулаком. К западу от дельты теперешнего Терека можно еще распознать прежний берег Каспия, а также заметны параллельные ряды бугров, совершенно похожих на те, которые, вне всякого сомнения, образовались чрез понижения уровня вод в ту эпоху, когда Каспийское море отделилось от Черного. По Бэру[5], аллювий Терека гораздо быстрее покрывает прибрежье Каспия, нежели Волга. Морские бухты совершенно заполнены речными наносами, и рыболовные станции, находившиеся в 1825 г. на берегу, тридцать лет спустя, отодвинулись на 15 верст во внутрь матери-

1 Петриченко, „Сборник сведений о Кавказе" II, 1872.
2 Pallas, „Voyage pendant les annees 1793 et 1794",—Reinegge, „Beschreibung des Kaukasus".
3 Вся длина Терека, от устья до истоков—около 450 верст. *Прим. пер.*
4 Берже „Чечния и чеченцы".
5 „Kaspische Stutien".

ка. Весь берег между Кумою и Тереком с 1841 г. отодвинулся к востоку на 1-2 версты[1]. Но все эти новые местности, завоеванные у моря, еще плохо осушены и крайне нездоровы. В июле и в августе местные рабочие и садоводы жалуются на то, что у них в это время голова точно «вспухши»,—они становятся жертвой болотной лихорадки и всякого рода галлюцинаций[2].

Количество воды, которое несет Терек, совершенно достаточно, чтобы иметь возможность провести канал к цепи, разделяющей оба Маныча, и таким образом проложить водный путь от Каспийского моря к Черному: таков проект инженера Данилова. По всей вероятности, однако, этому дорого стоющему предприятию еще долго придется ждать осуществления. Вода Терека и его притоков служит теперь только для ирригации полей, прилегающих к берегу. Канал Эристова, питаемый Малкой, пересекает равнину в южной части бассейна и, пройдя 220 верст, соединяется с Тереком. Казаки прорыли его по собственному почину, захватив таким образом те земли, которые правительство не имело в виду предоставлять им. Другой канал, Курский, на север от предыдущего, идет также от Малки; на нем устроено 19 мельниц; во время высокой воды этот канал предоставляет из себя реку в 150 верст длиною. Третий канал, к северу от притока Сунджи, орошает собою около 100.000 десятин земли. Умело направленные воды кавказских рек, с их плодоносной глиной, могут быть проведены далеко на север и северо-восток, и богатейший кабардинский бассейн станет современем страной преимущественно земледелия и садоводства; очень немного нужно, чтобы земля стала плодороднее и лучше орошена; нет недостатка и в рабочих руках; чего недостает здесь,—это—науки и свободной инициативы.

Кабардинцы, или как они сами называют себя: кабертай, населяют почти весь южный склон центрального Кавказа, между Эльбрусом и Казбеком. Они этнологически очень близкие родственники черкесам или адиге, почти совершенно исчезнувшим на Кавказе; красивые, стройные и гордые, как адиге, любящие, подобно им, войну и борьбу, они с трудом привыкают к мирным привычкам земледельческой жизни; от своих прежних соседей, черкесов, они различаются только лишь по языку, да и тот похож на язык адиге по обилию свистящих и гортанных звуков. Их князья считают себя происходящими от арабов, что может быть отчасти объяснено желанием новообращенных мусульман связывать свое происхождение с народом, из среды которого вышел Магомет. Во всяком случае, разницу, которую замечают при взгляде на кабардинского князя и на простого воина, можно просто приписать иному образу жизни, а также влиянию скрещивания с чужеземцами. Этот народ, по всем вероятиям, пришел с северо-запада, может быть даже из Крыма, оттесненный оттуда к берегам Терека сначала ногайскими татарами, а затем русскими. Кабардинцы сохранили кое-что из кочевой жизни: они гораздо более заняты коннозаводством и овцеводством, нежели обработкой пашень. Их земли до сих пор есть общинная собственность, точно так же, как луга и леса; каждый имеет право на полосу земли до тех пор, пока он обработывает ее сам; в противном случае земля поступает тотчас же обратно в общину кабардинцев. У них, кажется, более чем у всех других кавказских племен, смелая кража считается доблестью,—при том однако условии, чтобы совершалась за пределами своей деревни и своего племени[3] и чтобы вор оставался не пойманным; иначе он делается предметом всеобщих шуток и насмешек. Вопреки требованию русских властей, похищение невесты считается для молодого человека делом весьма почетным: за несколько дней до свадьбы, жених прокрадывается в комнату поджидающей его молодой девушки и увозит ее. Когда он возвращается с нею, чтобы вымолить прощение, то может вперед рассчитывать на одобрение его поступка со стороны всех тех, кто чтит еще древние обычаи[4].

Собственно кабардинцев считается около 62.000; на их территории живут еще, впрочем,

1 „Зап. Кавказ. Отд. Русск. геогр. общ.“ т. VI.

2 „Кавказский календарь“ 1880 г.

3 Габровский, „Сборник сведений о кавказских горцах“. вып. IV.

4 Bell, „Journal d'une residence en Circ ssie“.

и другие разноплеменные народы. В прежнее время кабардинцы считались главным племенем в Предкавказье; но они были покорены раньше других горцев, так как по географическому положению их страна представляла местность, открытую для нападений со всех сторон. Достаточно было русским перейти несколько небольших рек, чтобы вступить на территорию Кабарды, а затем открылась долина Терека, прорезывающая с севера на юг всю Кабарду и служившая естественной дорогой для завоевателей. Укрепления и посты, учрежденные на некотором расстоянии один от другого, вдоль по реке, разделили равнину на две разные половины: Большую Кабарду, на западе, и Малую Кабарду—на востоке; здесь же между двумя склонами Кавказа, была проложена главная военная дорога, которой русские были обязаны прочным установлением своего могущества. Кроме того, самое расположение Кабардинских деревень, раскинутых линией вдоль берега реки, еще более лишало их возможности защищаться от нападений. В 1763 г. кабардинцы приняли для виду крещение, отправившись в русские владения, и поселились в степи, по среднему течению Терека. В начале этого столетия более 40 тысяч кабардинцев ушли из-под власти русских и направились к туркам, на Кубань, где им было оказано убежище и дана земля, на которой еще и до сих пор живут потомки «беглых кабардинцев». Но ядро этого племени осталось в бассейне верхнего Терека, и кабардинская молодежь продолжает до сих пор поступать в царскую армию. Из среды молодых людей императоры любили формировать превосходных «черкесов», так ловко гарцующих на своих сильных и неутомимых лошадях во время парадных смотров. Они одеваются в красивый изящный костюм, который носят с особенной ловкостью; он состоит из огромной шапки или «папахи» и черкески, украшенной патронами и стянутой в талии. По возвращении на родину, они уже не принадлежат своему народу и гордятся не своей свободой, чем гордились их предки, а своим порабощением. Кроме того, торговля кабардинцев с русскими и продолжительные пребывания в их стране чужеземцев более и более изменяют их древние нравы. К тому же разноплеменное население в их стране нарушает цельность их расы. Татары, уруспевцы, балкары и ногайцы, группируясь в общины, управляемые старшинами, живут тут же отдельными деревнями. По селам бродят евреи, отыскивая желающих получать их никогда неоплатные ссуды. Лучшие земли захвачены там и сям немецкими поселениями, и даже так называемая «шотландская» колония, к северу от Пятигорска, совершенно онемечена. Что касается до городов, растущих с каждым днем, то они стали исключительно русскими. Территория, к северу от Малки, давно уже была вполне русской и занята казаками, предки которых пришли в эту страну еще во времена Иоанна Грозного.

Осетины также многочисленны в бассейне Терека, как и кабардинцы, но они почти не встречаются в равнине и живут исключительно в долинах той части горной области, которая граничит с запада Адайкохом, а с востока Казбеком. Впрочем их аулы рассеяны не только среди пастбищ и ущелий северного склона,—две пятых осетинского населения живет на южном склоне, в долине притоков Риона и Куры, берущих свое начало с откосов Зикары и Брутсабзели; осетины занимают также часть Триалетских гор, лежащую к югу от равнины Куры[1]. Из самой точной переписи видно, что число осетин достигает более 164 тыс. душ. Они составляют одну из самых значительных национальностей на Кавказе; но не своему могуществу они обязаны своей известностью, а скорей тем различным теориям, которыми ученые пытались объяснить происхождение и родственные связи этих горцев. Кто они: алане, как это предполагают некоторые этнологи, после того как были собраны ценные указания относительно этого предмета у историков Византийской империи и средних веков? Или чистые представители «арийцев» Кавказа, а может быть даже сородичи германцев или же скорей персов? Весьма возможно также, что осетины прежние азы, родственные тем, которые переселились в Скандинавию, как думает г. Вивьен де-Сен-Мартен?[2] Или, не семиты ли они

1 N. von Seidlitz, „Carte ethnologique du Caucase". 1880

2 Klaproth, Kohe, Koch.

отчасти, как утверждает это Пфафф[1]. Судя по разнообразию их типов и физиономий, варьирующих от идеально красивых до отвратительно безобразных, можно думать, что осетины—национальность смешанная; она заключает в себе грузин, армян и кабардинцев. В Дигории, на северном склоне, несколько благородных родов несомненно татарского происхождения; на юге, в долине Лиахвы или Ливах-дона, многие аристократические семейства произошли от грузин. Если не обращать внимания на множество исключений, то в общем смело можно сказать про осетин, что по красоте они стоят гораздо ниже всех других племен Кавказа. Осетины большею частью, как по чертам лица, так и по фигуре, угловаты, неуклюжи, у них совершенно нет того чарующего взгляда, того благородства в лице, той стройной походки, которыми отличаются черкесы и кабардинцы. Между ними блондинов больше, нежели брюнетов; у некоторых из них глаза голубые, точно у скандинавов, между тем как у других, особенно у тех, которые напоминают собою евреев, торгующих подержанными вещами, говорящих, как они, таким же вкрадчивым голосом, глаза обыкновенно черные или карие[2].

Но к какой бы расе Европы или Азии ни причисляли этот народ, достоверно лишь то, что их язык принадлежит к одному из наречий арийской ветви. Самих себя осетины называют иронами, что напоминает Иран или Персию, а свою страну они называют Иронистаном. В дигорском наречии много примешано татарских и черкеских слов: но диалект, на котором говорят в горных долинах и который сохранил еще свою чистоту, отличается богатством корней, сходных с корнями языков индо-европейских, греческого, латинского, славянского и немецкого[3], хотя он более груб, чем тот, которым говорят в равнине. Пытались отыскать в нравах осетин некоторые иного рода данные, указывающие на их родство с западными нациями. У иронов, напр., имеются кровати, столы, сиденья—чего нет у других горцев; они по-европейски приветствуют друг друга, целуются и жмут руку так же, как и цивилизованные народы Запада; наконец,—важное указание, касающееся пьянства—они молотят рожь точно так же, как германцы, приготовляют из неё хмельной напиток и изготовляют пивные кружки точно такой же формы, какая употребляется у крестьян северной Германии. Путешественники указывают также на сходство жилищ южных осетин и имеретинцев с фермерскими хижинами в Альпах: это деревянные домики, крытые дранью, на которую накладывается тяжелый булыжник[4]; но в горных долинах, где лесу мало, они живут в каменных башнях, построенных еще в глубокой древности, и из которых многие уже представляют развалины.

Вообще же осетины не делают особенной чести индо-европейской расе, слывя представителями Кавказских племен. Физически они стоят ниже своих соседей-горцев и, точно также, не могут быть сравниваемы с ними по благородству, сознанию собственного достоинства и мужеству, хотя Фрешфильд и называет их джентльменами Кавказа. В прежнее время они занимались, подобно некоторым другим горским племенам, тем, что охотно продавались тому, кто больше платил: осетины поступали солдатами на службу Византии, Грузии и Персии, которые посылали в горы агентов для набора рекрут; наемники возвращались домой только для того, чтобы прокутить вырученные деньги.

Военные привычки настолько деморализовали осетин, что они в конце концов могли заниматься только одним грабежем; особенно они почитали, да чтут еще и теперь, бога разбоев, Саубарега, который, сидя на черном коне, охраняет бандитов в их экспедициях и указывает им путь[5]. Будучи не прочь при случае убить или ограбить, не подвергаясь большой опасности, они, как известно, были слишком осторожны, когда им приходилось, защищая свою свободу, вступать в бой с русскими, и когда исход битвы казался им сомнительным.

---

1 Recherhes sur les populations primitives du Caucase".

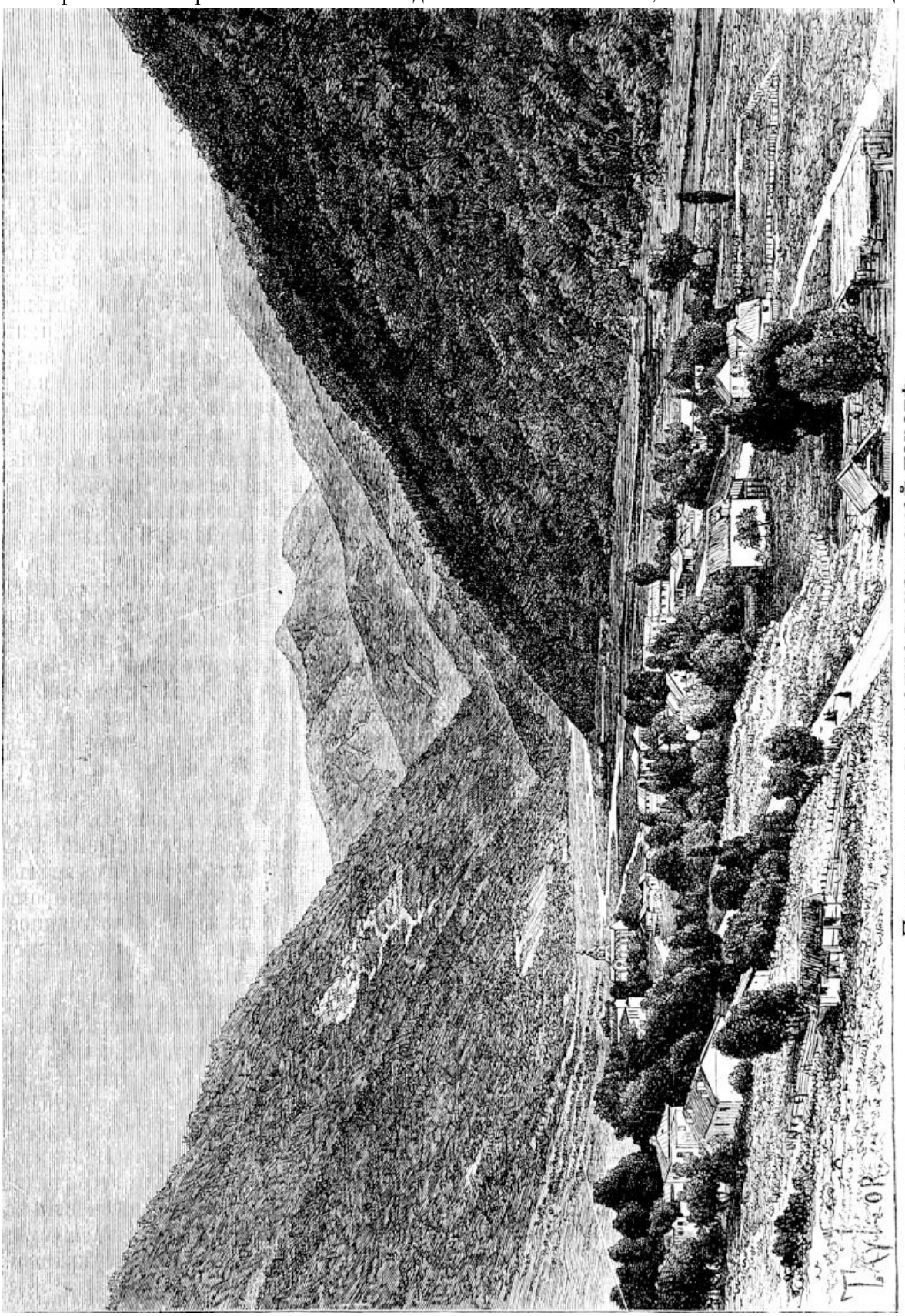
2 У осетин сохранилось не мало легенд о подвигах древних нартов, почитаемых народом за святых: нартами они называют израильтян, живущих будто бы в нынешней Имеретии. *Прим. пер.*

3 Klaptoth, Sjogren, Rosen, etc.

4 Koch, „Wanderungen im Oriente";—фон-Зейдлиц, „Русское Обозрение". 1878, № 1.

5 Пфафф, см выше.

Владея долинами центрального Кавказа и следовательно располагая самыми важными стратегическими пунктами в горах, они, однакож, оставили западных черкесов и дагестанских лезгин сражаться порознь и быть побежденными. Вместо того, чтобы занять в священной



Пассанауръ на военно-грузинской дорогѣ.

войне первое место, как казалось того требовали обстоятельства, они медлили решением принять участие в битвах до того времени, когда победа уже окончательно склонилась на сторону русских. Нищета отдала их в руки эксплоататоров разных национальностей и в под-

чинение княжеским родам, между которыми встречается даже одна венгерская фамилия[1]. Чтобы положить конец спорам о земельной собственности, русское правительство объявило все земли в долине собственностью государства. Большая часть осетин считались мусульманами, теперь же они называют себя христианами и чтут св. Николая не меньше, чем и пророка Илью. Впрочем, как известно, они в продолжение последних десяти веков трижды меняли свою религию. Будучи тысячу лет тому назад христианами, они затем обратились в ислам, а после, двести лет спустя, в царствование царицы Тамары, они снова возвратились к своей прежней вере. При новых политических переменах, происшедших в XV столетии, они во второй раз приняли магометанство, за исключением лишь тех, которые жили в соседстве с грузинами. Вопреки исповедываемому ими теперь христианству, они не только придерживаются многоженства, но, кроме того, их первая жена смотрит на детей, прижитых с остальными женами, как на своих рабов. Кроме оффициальной религии и остатков мусульманства, они удерживают следы и язычества. На Св. Неделе осетины несут хлеб и масло в священные леса и там в гротах, в часовнях, бывших некогда христианскими, приносят на жертвенник свои приношения и едят баранов, закланных в жертву. Наиболее чтимыми памятниками осетин, служат их «саппады» или древние гробницы, осьмиугольной формы, вышиной от 9 до 12 футов, оканчивающиеся пирамидальной крышей, с проделанным в ней отверстием. В некоторых осетинских и черкесских деревнях эти саппады так многочисленны, что могли бы образовать настоящий некрополь. С половины последнего столетия эти памятники запрещено сооружать вновь, по той причине, что выходящие из них газы заражают воздух[2].

После кабардинцев и осетин, из «инородцев» бассейнов Кумы и Терека, ногайские татары—наиболее многочисленны; почти все они кочуют в восточной части степей, по берегам Каспийского моря и тех соленых озер, что зимой наполняются дождем, а летом осушаются солнцем и ветром. Эти ногайцы, потомки прежних владетелей Крыма, и родственные тем, которых можно видеть еще разбросанными там и сям по берегу Кубани, суть истинные азиаты: они живут в войлочных кибитках, как и их бедные соседи, ставропольские и астраханские калмыки; когда же им приходится менять пастбища, то кладут своих детей в корзины, привешивают их к бокам верблюдов, женщины влезают на горб животного, и караван, отправившись в путь, переходит таким образом через пустыни;—сцены средней Азии повторяются на западном берегу Каспийского моря, который, впрочем, в степной полосе мало отличается от восточного берега. Нужно однако сказать, что район этой кавказской Азии мало-по-малу съуживается по мере того, как монгольское население оттесняется русским; еще пол-столетия тому назад ногайцев на Кавказе было до 79 тысяч[3]; с того времени это число значительно уменьшилось[4]. По чертам лица, фигуре и походке большая часть ногайцев выглядят монголами; плоское лицо, широкий нос, выдавшиеся скулы, маленькие и косые глаза, высокий лоб и редкая борода указывают вместе с тем на помесь их с калмыками. Они кротки и приветливы, но упорно держатся закоренелых приемов, враги всяких перемен, и обрусение их идет только по берегам рек, где рыбный промысел и земледелие ставят их в постоянное сношение с русскими, или же когда бедность заставляет их работать в качестве наемников у армян и казаков. В 1865 году насчитывали до двадцати ногайских деревень, по постройкам походивших на русские[5]. Унылые, как вообще монголы, они с грустной иронией производят свое имя от слов, обозначающих: «ты будешь несчастен!»[6]. В окрестностях Кизляра живут также несколько тысяч туркменов. Одна легенда, заключающая в себе смутный

1 Красновский, „Записки Кавк. Отд.“ VII, 1860.—В Дигории существует предание, что несколько веков тому назад, венгерец Бадель, родоначальник баделят, принес с собою в Дигорию ружье, оказавшее осетинам большие услуги в войнах, за что был осыпан почестями, распространившимися и на его потомство. *Прим. пер.*

2 Фон-Зейдлиц, „Русское Обозрение“ 1878. № 2

3 Koch, „Reise durch Russland und die Kaukasischen-Isthmus“.

4 Мовес. „Зап. Кавк. Отд.“ т. VII, 1866 г.

5 „Зап. Кавк. Отд.“ т. VII, 1866 г.

6 Kolenati, „Bereisung des Kaukasus“.

геологический намек относительно подводной части Каспийского моря, гласит, что эти туркмены пришли сюда сухим путем из азиатских степей чрез Красноводск и Апшеронский полуостров[1].

Самый большой город в бассейне Кумы, Пятигорск, расположен у южной подошвы Машука, у выдавшейся мысом горной массы Бештау. Этот пятиглавый порфировый конус, окруженный меловыми рифами, поднимающийся среди степей, вместе с прилегающими к нему вершинами гор Лисицы, Верблюда, Змеи, служил во все времена сборным пунктом для степных кочевников[2]. Пятигорск находится в одной из тех местностей на Кавказе, где наиболее теснятся различные племена, кабардинцы, ногайцы, казаки; ныне же он стал, кроме того, сборным пунктом для русских, приезжающих сюда из разных губерний, а равно и для других европейцев. В самом деле, Пятигорск, в качестве лечебной станции, с её изобильными серными водами, пользуется у врачей и у больных громадной репутацией по своим целебным свойствам: один этот город имеет столько же посетителей, сколько целые сотни других станций, с их 700 различными минеральными источниками Кавказа, перечисленными у Ходзько. Группа лечебных вод Пятигорска, включая сюда и источники, бьющие в его окрестностях, не далее, как верстах в 40 от города, представляют собою полную серию минеральных вод, рекомендуемых новейшей терапевтикой[3]. Двадцать источников в самом Пятигорске, температура которых колеблется между 29 и 47 градусами Цельзия, и которые дают вместе средним числом 10 литров в секунду, представляют образец сернистых вод. Верстах в 20 на северо-запад, по ту сторону горной массы «Пятигорья», расположенной островком, станция Железноводск, самое название которой показывает на характер её вод, имеет двадцать отдельных источников, различающихся между собою температурой и содержанием угольной кислоты; но количество выбрасываемой ими воды находится в зависимости от землетрясений. На запад, в той же долине, где и Пятигорск, возле деревни Эссентуки, находятся двадцать других источников,—холодных и щелочных, содержащих йод и бром, и пробивающихся сквозь слой мергеля. А еще далее, в самом, так сказать, ядре гор, бьет величественный фонтан, которому черкесы дали название Нарзан, т.е. «Напиток богатырей», и известный теперь под именем менее поэтическим, но более точным—Кисловодск; этот источник, которому нет равного по качеству, дает ежедневно более 1.500.000 литров воды (18 в секунду) и 5.400 куб. метров угольной кислоты. Стена в несколько верст длиною, окружавшая гроты и гробницы, преграждала некогда вход к священному источнику[4]: до сих пор еще кое-где видны её остатки. Из других ключей, не приносящих пока еще пользы, одни содержат хлор, другие магнезию, морскую соль и проч., между тем как озера и пруды, оставшиеся в степи, вследствие отступления моря, как и лиманы Черноморья, заключают в себе солоноватую грязь и микроскопические водоросли.

Пятигорск раскинут на громадном пространстве, в долине р. Подкумок, южном притоке Кумы, а средняя высота города на 1.550 футов выше уровня нездоровой атмосферы равнин; его громадные бульвары, парки и сады еще более содействуют оздоровлению города. Гостиницы, роскошные дома, крытые галлереи, блестящие магазины, в которых продаются персидские и бухарские ковры и тысячи предметов, привезенных из Тулы, а также с заводов Франции и Англии, придают Пятигорску вид европейского лечебного города, вроде Карлсбада, Киссингена, Виши; но этот русский город гораздо новее перечисленных: до 1830 года он не существовал даже и по имени. В конце прошлого столетия, больные приезжали сюда купаться «под выстрелами черкесов». Русские вельможи, для лечения этими водами, отправлялись сюда под охраной доброй сотни всадников и прислуги, конвоировавших их экипажи,

1 Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus“.
2 Fawre, „Memoires de la Societe helvetique des Sciences naturelles“, т. XXVII, 1876.
3 Jules Francois, „Comptes rendus de l’Academie des Sciences“, seance du 29 mai 1876. ,
4 Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase”

палатки, провизию, и жили во все время лечения бивуаком, неподалеку от источника[1]. В настоящее время введены приспособления: над подземными озерами и колодцами устроены ванны; но зато теперь не видно более собственно геологической работы самих источников. Громадные туфовые ряды, отлагавшиеся источниками, и так удивившие Палласа, почти все закрыты постройками или развалинами, и самая пропасть, которую наполняет на 75 футах глубины небольшое дымящееся озеро, потеряла уже свой прежний страшный вид; теперь купающиеся сходят в нее туннелем, и воркующие голуби, которые прежде гнездились в нишах колодца, совсем исчезли. Говорят, что эта бездна разверзлась около 1774 года, и что в то же самое время почва на довольно большом пространстве[2] дала трещину. Эсентуки и прочия станции для купаний, принадлежащих к группе Пятигорска, окружены, правда, бесплодными степями, но зато красоту этих мест, которой нельзя не восхищаться, составляют массивы величественного Эльбруса с его ледниками, лесами, горными потоками. С юрасового хребта Бермамут, который поднимается на 8.500 футов высоты, на юго-западе от Кисловодска и его прекрасных лесных чащ, гигант Кавказских альп является во всем своем величии; Бермамут одна из гор Кавказа, на которую взбираются гораздо чаще, чем на все другие.

Георгиевск, лежащий на северо-восток от Пятигорска, но в том же самом речном бассейне, был до 1824 года главным городом Предкавказья. Уступивши затем Ставрополю свою роль главного административного пункта, Георгиевск стал простой деревушкой; он сохраняет еще свое значение, как место, куда свозятся земледельческие продукты бассейна Кумы и как станция Кавказской железной дороги. Благосостоянию этого города содействуют немецкия колонии. Вниз, по течению Кумы и её западных притоков, идут несколько старинных казачьих станиц; некоторые из них, как напр. Отказное, Александровская, Благодарное и Прасковея, сделались уже городами и важными сельскохозяйственными центрами. На восток от Прасковеи на обоих берегах Кумы, стоял когда-то известный город Мадьяр или Мадьяры. Случайное совпадение названий дало некоторыми писателям повод думать, что этот город был столицей венгров; но это название татарского происхождения, означающее «здание», «дворец», принадлежало, как кажется, одному из главных городов Хозарской империи[3]. Он был построен татарами-кипчаками, и различные документы, открытые недавно, доказывают, что еще в половине четырнадцатого столетия Мадьяр был цветущим городом и часто посещался русскими купцами; арабский географ Абульфеда описывает его под именем Ку-Мадьяра. Во время Палласа, в нем было еще тридцать два неразрушенных дома; теперь же виднеются лишь несколько остатков башен и груда развалин, покрывающих обширное пространство; валяющиеся всюду обломки кирпича глазурованы в персидском вкусе. Здесь же найдено несколько надписей, приписываемых татарским мусульманам[4], и медалей, выбитых, как видно, в Сарае, на Волге. Армянская деревня Святой Крест построена среди его развалин: в окрестностях видно множество курганов. На восток, вдоль Кумы следуют земледельческие поселки, но по мере удаления от реки, встречаются лишь кочующие ногайцы и калмыки.

Главный город Кабарды, а в то же самое время и самый значительный город в бассейне Терека, имеет очень громкое название—Владикавказ; у туземцев же, осетин, он называется не иначе как Капкай, т.е. «Горные Ворота». Он и в самом деле находится у подошвы Черных Гор, у входа в высокие ущелья, через которые пробегает Терек; город лежит на высоте 2.300 футов и как центральная крепость Кавказа, стерегшая главный военный путь, проходящий мимо, в продолжение всей Кавказской войны, с 1784 г., был очень важным стратегическим пунктом; со времени же покорения горцев, он ростет еще и как торговый город. Чистенький и изящный Владикавказ есть один из тех городов, которые обязаны своим возникновением почве и которые быстро возрождаются снова, если их разрушает война или пожар. Влади-

1 G. Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus".
2 Pallas, „Second voyage."
3 Klaproth, „Voyage au Caucase".
4 Von Baer, „Beitrage zur Kenntniss der Russischen Reisen", 4 vol.

кавказ есть ворота, через которые равнины европейской России сообщаются с Закавказьем, и преддверие в переднюю Азию. Жизнь в нем однако пока еще имеет сдержанный характер, так как преобладающий элемент в городе чиновники и военные; в 1874 году число мужчин вдвое превосходило число женщин.

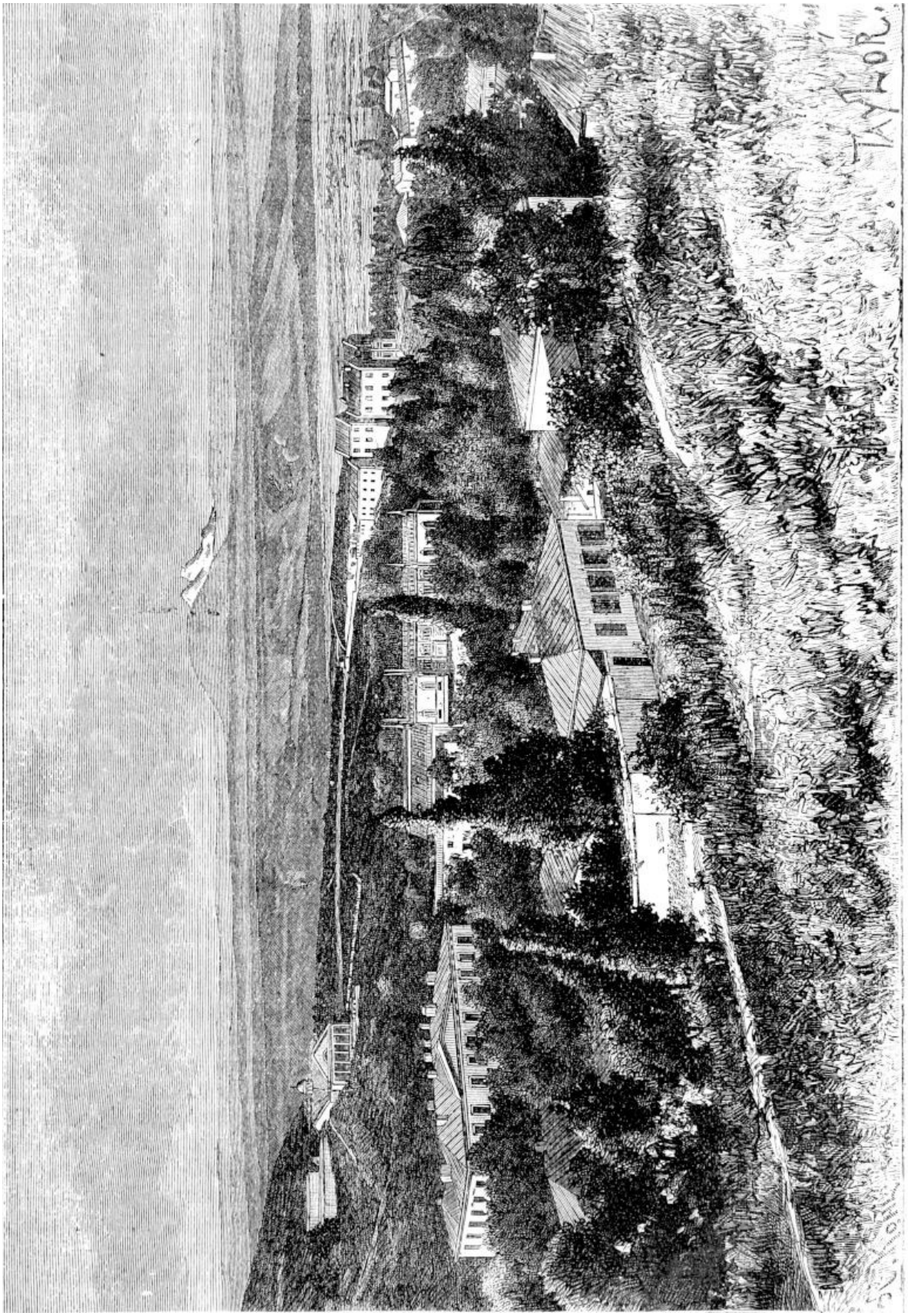
Недавно еще военная дорога, проходящая чрез Кавказские альпы, из Владикавказа в Тифлис, была несколько раз повреждаема в даже разрушаема сильным разливом бурного Терека; снежные обвалы и камни преграждали ему выходы из ущелья; известно также, что Девдоракский ледник постоянно грозит обрушиться на эту дорогу и покрыть ее грудой обломков; средним числом она блокируется каждые 17 дней в году, на расстоянии около 14 верст[1]. Будет однако необходимо предпринять очень крупные работы, когда придется соединять Владикавказ с Тифлисом железной дорогой, если только верно, что уже решено, несмотря на все препятствия, представляемые природой, попытаться проникнуть через горы долиной Терека. Но где будет начинаться туннель? Железная дорога, проходя ниже теперешней шоссейной, должна будет встретить горы близ деревни Коби, известной своими углекислыми водами, и появиться снова на открытой местности, пройдя 16 верст под горным хребтом? Или железный путь свернет к востоку, чтобы прорезать горы туннелем меньшей длины, спустившись по южному склону долиной Малой Арагвы? Решат ли инженеры направить дорогу западнее, в долину Ардона? Если да, то в этом случаи путь пойдет на северо-запад от Владикавказа, в верхнюю долину Ардона, через ворота или ущелье Алагиря, города, окруженного фруктовыми садами и служившего прежде пунктом для ссыльных, пройдет вблизи руд сребородного свинца Садона, до сих пор еще не обогатившагося этим сокровищем, и поднимется постепенно через брешь в главной цепи, до туннеля, длиной в $4^1/_2$ версты, который придется прорыть в хребте Роки, на восток от водораздельного хребта Зикари. Верхняя долина Ардона лежит у обоих склонов Закавказья—здесь именно находится, с точки зрения путей сообщения, центр Кавказа: проезжающие будут иметь возможность очень удобно направляться отсюда в Грузию и бассейн Куры через перевал Роки, доступный только для всадников, а с другой стороны в Имеретию и бассейн Риона, через Мамисонский перевал. Кроме того, допускают еще восточное направление пути, который соединит Грозное и Нижний Терек, долины Арагвы, через Аргун и туннель, прорытый на запад от горы Барбало. Благосостояние Владикавказа и других городов обоих склонов зависит главным образом от окончательного выбора направления, по которому пройдет Закавказская железная дорога. Впрочем очень вероятно, что цепь будет обойдена с востока железной дорогой, которая соединит города Петровск, Дербент и Баку, прежде чем рискнут пробить горы ради прямого пути[2].

Ниже Владикавказа, по Тереку, в том месте, где в прежнее время черкесы держали брод, т.е. недалеко от слияния Малки с Тереком, в самом центре Кабарды, у большой дороги, находится Екатеринодар. Основанный Потемкиным в 1778 г.—как одна из крепостей Кавказской линии,—он семь лет спустя был сделан главным городом по управлению Кавказом. Но в 1790 году, Екатеринодар потерял значение главного города, и с тех пор он не что иное, как простая казачья станица. Политический и торговый центр этой местности—Моздок или «Черный лес», город происхождения сравнительно древнего, так как основав еще в 1759 г. владетелем Малой Кабарды, которого неудачная война заставила покинуть свою страну; Моздок служил местом убежища для кабардинцев, бежавших из долины Терека, осетин и чеченцев с гор, армян и грузин из Закавказья. Почти до последнего времени, выходцы из Армении, в числе нескольких тысяч, были преобладающим населением в Моздоке: благодаря им этот город, в котором болотные миазмы заставили жителей переместиться со времени своего основания на 7 верст в сторону, стал главным рынком Предкавказья; сюда съезжаются и станичные казаки и горцы из Дагестана, земледельцы из Кабарды, и кочевые ногайцы с

1 „Записки Кавказск. Отдела", VII. 1866.

2 В настоящее время железнодорожная сеть в крае составляет свыше 2.103 в.; Владикавказская жел. д. с ветвями в Новороссийск, Кисловодск и Петровск—1.136 в. и Закавказская с ветвями на Поти, Кутаис, Тквибули и Сураханы—967 в.

низовьев Терека и Кумы. Чтобы содействовать развитию этого города, военная дорога из Ставрополя в Тифлис, распоряжением правительства, была проведена через Моздок; но с постройкой железного пути, город потерял те торговые выгоды, которыми он пользовался,



Видъ Пятигорска съ горы Машукъ.

благодаря прихотливому повороту столбовой дороги. С тех пор Моздок пользуется лишь своими естественными преимуществами, служит биржей для торговых сделок между различными местными национальностями и как пункт для своза земледельческих продуктов из ко-

лоний, лежащих по среднему течению Терека. На берегах Терека виднеются еще до сих пор три разрушенных города, Татар-пут, Джулат и неизвестные еще развалины, стены и рвы которых приписываются легендой хромоногому Тимур-Хану[1].

Грозный, дома которого группируются вокруг крепости Грозная, в настоящее время, служит главным естественным пунктом для всей долины Сунджи, долины, может быть самой плодородной во всем Предкавказье; его минеральные воды, сделавшиеся известными с половины прошлого столетия, посещаются очень многими, но нефтяные колодцы в его окрестностях не имеют большого промышленного значения. Многочисленные деревни и местечки, между которыми более других выдается Урус-Мартан, разбросаны в равнине Грозного и по окрестным холмам. Далее, на восток, лежит магометанский город Аксай с его садами, раскинувшимися в обильно орошенной местности, воды которой теряются в топях нижнего Терека и Каспийского прибрежья.

Кизляр древнее Моздока, так как о нем упоминается еще в хрониках 1616 года; в нем, как и в Моздоке, находили приют беглые всех наций и в особенности армяне, мало-по-малу завладевшие всей местной торговлей. Положение Кизляра, у самого основания дельты, весьма выгодно отзывается, если не на жизненных удобствах, то на торговле и земледелии: Терек с своими рукавами, которые сдерживаются боковыми плотинами, не всегда достаточно прочными, снабжает прибрежных жителей вполне достаточным количеством воды, необходимым для ирригации земель. В 1861 г. насчитывали вокруг Кизляра более 1.250 садов, поставлявших из рынки России различные фрукты и овощи. Кизляр известен также в восточной Европе своими виноградниками, на которые, в урожайные годы, спускаются гурьбами сборщики винограда из Дагестана. Кизлярское вино вывозится через маленькую соседнюю пристань, Брянск, и служит русским промышленникам для фабрикации портвейна, мадеры, хереса и прочих вин, пользующихся известностью. На Нижегородской ярмарке продается этого вина более 400.000 ведер ежегодно.

Следующие города бассейна Кумы и Терека имеют более 5.000 т. жителей:

Ставропольская губерния: Пятигорск (1897 г.)—48.523 жит.; Прасковея (местечко)—8.000; Александровская (слобода)—7.400; Благодарное (село)—6.050; Отказное (село)—5.150 жит.

Терская область: Владикавказ (1897 г.)—14.147 жит.: Кизляр (1897 г.)—6.774; Грозный—15.735; Моздок—8.380; Урус-Мартан—6.900; Аксай—5.000 жит.

IV. Дагестан. Восточный Кавказ.

В массивах восточного Кавказа нет таких гигантских вершин, как Казбек и Эльбрус, но зато в общем они своим рельефом представляют значительно большую выпуклость, поднимающуюся над равнинами. Открытые бреши между вершинами сравнительно выше, а боковые цепи настолько раздвинули эту горную часть Кавказа, что она занимает собою до двух градусов широты. Среди этих гор, различных по высоте и направлению, представляются более разнообразные виды, нежели у подошвы западных колоссов; в большей части долин видны кругом на горизонте горы, покрытые снегом или лесными чащами. Спутанность отдельных цепей долгое время покровительствовала горцам против русских: последние могли проникнуть в лабиринт горных долин не иначе, как пробравшись по пропастям извилистого ложа реки, или же идя на риск по неизвестным горным тропинкам и подвергаясь скрытой засаде туземцев. Известно, что последние решительные битвы происходили в Абхазии, но зато в Дагестане дольше всего велась борьба на смерть против славянских завоевателей.

Гору Борбало, с которой берут начало потоки, стекающие в четыре большие реки, в Терек, Сулак, Куму и её большой приток Алазан, рассматривают обыкновенно как рубеж

1 Берже, „Русское Обозрение", 1874, № 11.

западного Дагестана. К этому горному узлу подходит главная боковая цепь Анди, и здесь, сливаясь с главным хребтом, образует вместе с ним треугольник восточнаго Кавказа. Можно, впрочем, смотреть на Дагестан как на громадное плато, изрытое долинами; на высотах их глубина лежит всего лишь на несколько сот или тысяч футов ниже уровня хребта. По Абиху, весь горный Дагестан есть не что иное, как система складок, состоящая из пластов осадочного, юрскаго, мелового и третичного, сцепления между которыми прерваны и рассечены трещинами[1]. Подобно тому, как на западе Эльбрус, находящийся на одной из боковых цепей, поднимается высоко вне среднего хребта, точно также и в цепи Анди возвышаются над всеми другими кульминационными точками восточного Кавказа Тебулос-мта, 15.000 футов высоты, и еще несколько других пиков или «мта», достигающих 13.150 ф.. между тем как собственно главный-то, позвоночный, хребет заходит за пределы 10—11.500 футов. Впрочем, хребет постепенно поднимается к востоку, и на юг от Самура, множество других еще точек заходят за линию вечных снегов, таковы: Сари-даг, Вицыри, Базардьюз, Тхван-даг и Баба-даг на продольном хребте, и Алахун-даг, Шалбуз-даг или восточный Эльбрус и Кизыл-кайя в северных боковых массивах. Но восток от Баба-даг горы начинают быстро понижаться по направлению к Каспийскому морю, и на Апшеронском полуострове они уже не что иное, как холмы. Почти все названия гор или турецкия или грузинские.

Укажем на различные высоты восточного Кавказа:

Главный хребет: Борбало (10.781 ф.) 3.287 метр.; Сари-даг (11.982 ф.) 3.656 м.: Вицыри (12.733 ф.) 3.882 м.; Базардьюз (14.699 ф.) 4.182 м.; Тхван-даг (13.740 ф.) 4.189 м.; Баба-даг (11.915 ф.) 3.633 м.; Атешга (Апшерон) (905 ф.) 276 метр.

Цепь Анди: Тебулос-мта (14.760 ф.) 4.500 м.; Качу (14.012 ф.) 4.271 метр.; Диклос-мта (13.717 ф.) 4.182 метр.

Восточные массивы: Алахун-даг (11.752 ф.) 3.583 метр.: Шаг-дат (13.947 ф.) 4.252 м.; Шалбуз-даг (13.933 ф.) 4.248 м.; Кизыл-кайя (12.231 ф.) 3.729 метр.

Несколько потоков, сбегающих с предгорий Дагестана, впадают в Терек через посредство его южного притока, Сунджи; Сулак же получает почти весь избыток воды, которая падает на горы в виде дождя, и состоит из четырех речек, носящих у татар название Койсу. Подобно Тереку и Ардону, эта река перед тем как выйти через величественное ущелье в равнину, течет сначала по Черным горам, и затем уже, повернув на восток, направляется к Каспию. Сулак так же, как и Терек, с помощью наносов, все более и более выдвигает свое устье в море и во время половодья даже образует временную дельту, при чем его воды смешиваются отчасти с водой Терека в громадной бухте Аграхан, похожей, в сущности, скорее на пруд, нежели на морской залив. Рассчитывая углубить фарватер, Петр Великий хотел изменить течение Сулака, отведя его в сторону посредством канала, но эта работа не принесла, как многие другие предприятия подобного рода, начатые Петром, никакой пользы: разливы реки разрушили оплоты, а грязь засорила судоходный канал. Оросительные канавки, прорытые несколько лет назад, имели больший успех. Количество земли, орошаемое нижним Сулаком, доходит до 55 тысяч десятин[2].

Южнее Сулака в Каспийское море впадает еще несколько рек, которые по большей части представляют собою простые ручейки, пробивающиеся между булыжником. Единственная важная река—Самур: по выходе из горы, он разветвляется на несколько рукавов, которые беспрестанно меняют свои места среди песку и голышей. Можно сказать, что Самур и все другие реки, текущие по равнине Кубы, образуют одну общую дельту, и, меняясь своими ложами, сообща покрывают наносами берег Каспийского моря. Эти потоки, стремительно ниспадающие на рыхлую почву, ими самими нанесенную, можно сравнить с fiumi и с fiumare восточного склона Апеннин, меняющими постоянно свое течение; там и сям находятся прежния их русла, ложные реки и пруды, оставленные реками. Местность у низовьев Самура, водная система которой еще не установилась, есть одна из самых нездоровых на Кавказе.

1 „Зап. Кавказ. Отд. Р. Г. О", т. IV. 1864.

2 „Зап. Кавказ. Отд.", т. IV. 1864.

В 1868 году, по окончании войн, разоривших долины Кавказа, русское правительство предприняло перепись горных туземцев; число их доходило до 908.000; в 1872 году насчитывали их 995.000, из которых почти половина, именно 478.000, приходилась на Дагестан. Чеченцы и лезгины северного склона, между Кабардой и Каспийским морем, взятые вместе, составляют в настоящее время не менее 670.000 душ[1]. Это население подразделяется на несколько отдельных племен, различных по происхождению, религии, нравам, языку; теперь однако уже доказано, что большая часть наречий, на которых говорят в этой области Кавказа, в сущности не что иное, как только различные patois, принадлежащие к одной и той же лингвистической ветви. Один из таких языков Дагестана употребителен лишь в деревне Инух, расположенной в юго-западной части страны и состоящей из тридцати домов; при том этот столь мало распространенный язык, как и большая часть дагестанских наречий, за исключением нескольких аварских документов, писанных арабскими буквами, совершенно лишен литературы.

Между населением восточного Кавказа насчитывается около 196.000 чеченцев, подразделяющихся между собою на двадцать разных групп и говорящих различными наречиями. Известные отчасти под именем мисджегов, как их называют лезгины, их восточные соседи, или кистин, как их называют грузины, чеченцы занимают весь западный Дагестан, расположившись на восток от осетин и кабардинцев, и на предгориях, спускающихся в равнины[2]. Протекающая по их территории Сунджа делит страну на Малую Чечнию или низменную, и Большую Чечнию—горную. Чеченцы равнины и гор, как известно, сражались с наибольшим ожесточением против русских; в прошлом столетии Дауг-Бег и Омар-Хан, а в текущем Хази-Молла, а за ним Шамиль, группировали вокруг себя чеченцев, которые, как магометане-сунниты и более пламенные последователи своего культа, нежели их единоверцы, черкесы и абхазцы западного Кавказа, боролись с той энергией, которую придает фанатизм, соединенный с любовью к свободе и с страстью к битвам. Однако они вынуждены были уступить, и с 1859 года в Чечне, самой плодороднейшей и здоровой местности Предкавказья, живут только побежденные, русские подданные. Крепость Грозная, существовавшая с 1819 года и сделавшаяся теперь городом Грозным, была построена победителями на берегах Сунджи, между обеими территориями чеченцев,—угрозы этой крепости не оставались напрасными. Так же, как и черкесы, горные чеченцы продолжают покидать свои родные аулы: те из них, которые не соглашались селиться в равнине, в окрестностях Моздока и других городов, лежащих по Тереку и Куме, уходили в Турецкую Армению по сотне и по две семейств, конвоируемые русскими солдатами. По месяцу и по два эти несчастные плелись, в сопровождении своих стад, по пути из Владикавказа, через Тифлис, в Александрополь. На турецкой территории ожидали их другия бедствия: там недоставало для них земли, через что происходили кровавые стычки между ними и их новыми соседями. Их перемещали по несколько раз с одного места на другое, и на кладбищах в каждом месте ссылки оставалась не малая часть эмигрантов[3].

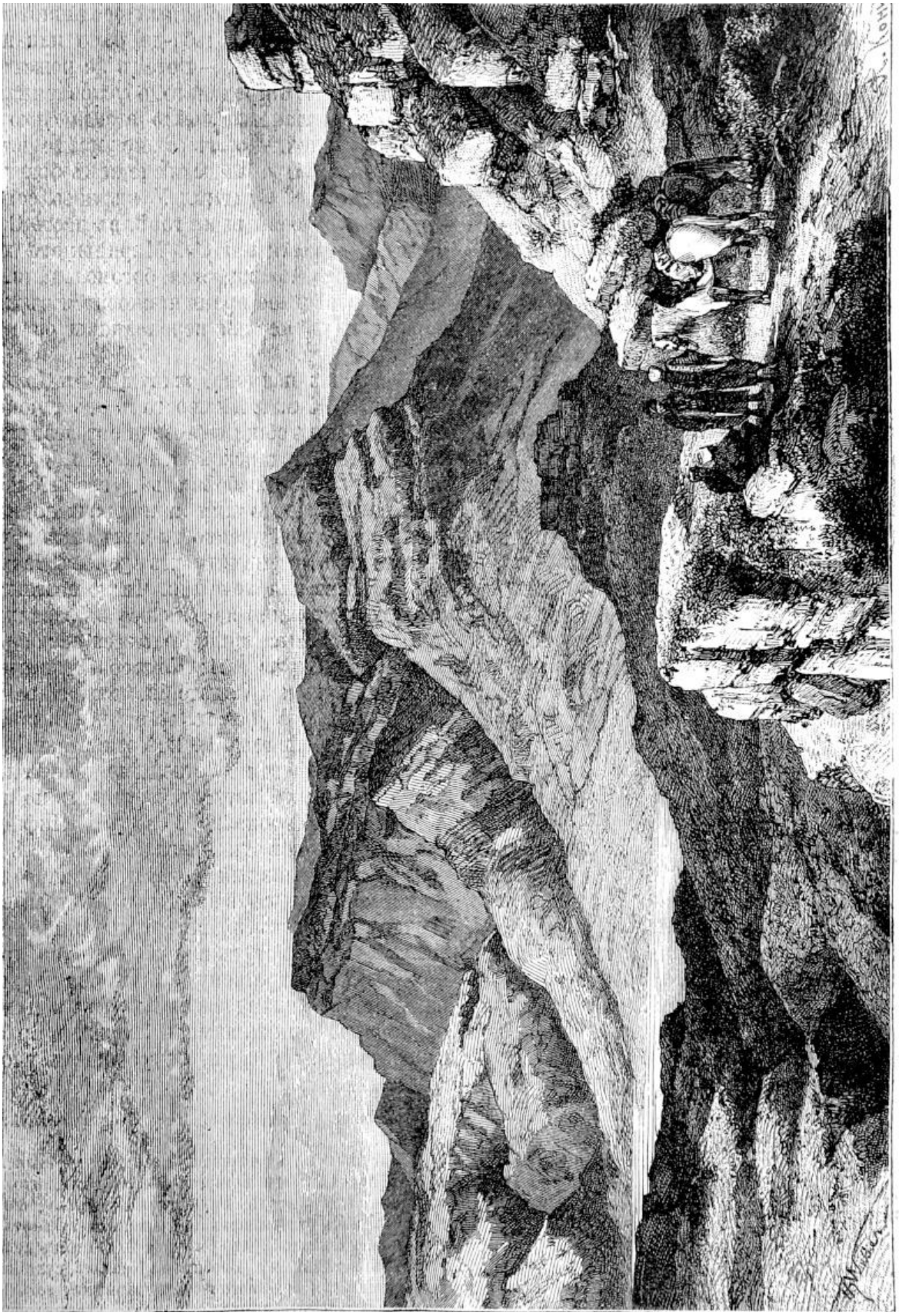
Жители Чечнии во многом похожи на черкесов: они на вид такие же гордые, стройные, изящные, любят богатую одежду и носят ее с такой же ловкостью. Нос у них большей частью орлиный, взгляд беспокойный, почти злой; но тем не менее они великодушны и всегда сохраняют свое достоинство в речи и в обхождении; они могут убить, но не оскорбить. Их женщины, отличающиеся стройностью и грацией, одеваются в красивые платья, обрисовывающие их талию, и широкия панталоны из розового шелка; ноги у них обуты в желтые чевяки, а руки украшены серебряными браслетами; суконная накидка, ниспадающая на плечи, скрывает отчасти и прическу. Жилища чеченцев, по большей части, настоящие берлоги —холодные, сырые, мрачные, некоторые сакли по-просту вырыты в земле, а иные сплетены

1 N. von Seitlitz, „Carte ethnographique du Caucase 1880“.

2 Местные условия содействовали процветанию в их стране скотоводства, но двух-летнее истребление сена (в 1840 и 1841 г.) русскими войсками, вызванное стратегическими соображениями, совершенно убило эту промышленность (См. Дубровин, „Очерк Кавказа“). *Прим. пер.*

3 Vivien de Saint-Martin, „Annee geographique“ 1866.

из веток или сложены из камней, грубо наваленных в кучу. Издали их аулы, гнездящиеся на отвесных скалах или на откосах, напоминают собою эрратические камни, остановившиеся на краю пропасти. До покорения русскими, большая часть горцев жила общинами и



Гора Гунибъ.

управлялась народными сходами, подобно тем, какие существовали когда-то в швейцарских кантонах. Другие же общины подчинялись наследственным ханам, основавшим свою власть еще в эпоху нашествия магометан. Наконец, все они одинаково подчинялись *адату* или

обычному праву.

Страшные для жителей равнины, как грабители и разбойники, дагестанские горцы, в особенности чеченцы, быть может из всех других воинственных народов, во время священной войны против русских, выказали в себе самые блестящие качества свободных людей: «мы все равны!» любили они повторять; и в самом деле, у них не было рабов, за исключением пленников и сыновей этих последних. Да и те, пленные, часто женились на дочерях своих владельцев и становились таким образом равноправными членами семьи[1]. Гордость чечен доходила до фанатизма, их гостеприимство, хотя и не без примеси некоторых странностей, было безгранично. Встречая путешественника, они целой кавалькадой стремглав спускались с своего аула, и, на лету, помахивая ружьями и пистолетами, салютовали чужеземцу выстрелами, а затем, мгновенно остановившись в десяти или пятнадцати шагах от него, приветствовали почтительным «селям-алекум!» В подобных обществах правосудие отправляется «кровавым законом», и, не смотря на русский кодекс, их древний обычай остается единственным уставом, который они чтут. Убийство, грабеж и кража с насилием могут быть искуплены только смертью, или же, по меньшей мере, виновный должен отпустить волосы на голове и не брить их до тех пор, пока потерпевший не согласится выбрить его собственноручно и оба не дадут перед Кораном клятву в братстве[2]. Случается также, что по случаю больших празднеств, законы о мести приостанавливают свою силу[3]. Если, напр., горец замечает, что у него украдена лошадь,—он вооружается, завертывается в белую шерстяную материю, употребляемую для саванов, берет монету для уплаты священнику с тем, чтобы этот помолился об усопшем, и затем отправляется отыскивать пропавшее животное. Но обыкновенно укравший уже успел сбыть краденую лошадь, продавши ее в какой-нибудь отдаленный аул. При виде прежнего владельца лошади, готового биться с ним на смерть, новый владелец возвращает животное и, в свою очередь, надев саван и заплативши священнику, отправляется отыскивать продавшего украденное животное. Может быть такой-то и есть вор? Тогда призывают священника, и завязывается смертельный бой; если же продавший был также обманут, то и ему теперь надлежит отправляться в поиски, надев на себя ужасные символы, обозначающие борьбу на смерть. Таким образом эти визиты одного к другому оканчиваются лишь смертью виновного, если только вор не был чужой, приходивший с другаго склона гор[4]. Другой обычай, у ингушей[5], свидетельствует о том, до какой степени сильна у них вера в бессмертие души: если накануне свадьбы один из обрученных умирает, то брачная церемония через это не приостанавливается: мертвый соединяется узами с живым,—свадьба-де рано иди поздно совершится на небе,—и отец не может уж отступиться от приданого, обусловленного заранее. Христианство имело всегда свою долю последователей, но тем не менее все чеченцы—сунниты, за исключением брагунов, живущих по Сундже. У кистин есть три церкви, построенные на горе, в честь Св. Георгия, Богородицы и Св. Марины; эти храмы очень часто посещаются богомольцами, про чем в известное время приносятся в жертву бараны. Их церкви переполнены останками животных[6].

Почти все племена, живущие в долинах восточного Кавказа, на восток от чеченцев, известны под общим названием лезгин, названием, по татарской этимологии, равнозначущим слову «разбойник», «грабитель»: но, как кажется, это имя принадлежало народу еще в глубокой древности, так как грузины и армяне с незапамятных времен называли их лек'ами

1 Берже, „Чечня и чеченцы“. Globe, „Societe de Geographie de Geneve“, 1861.

2 Берже, там же.

3 Reineggs, „Beschreibung des Kaukasus”.

4 Kennan, „Bulletin of the Geographica American Sociely”.

5 Ингуши—племя чеченцев, занимавшее низменности. Между прочим они интересны еще тем, что прежде почитали нечто вроде мумий, или скелетов, принадлежавших, как утверждает предание, народу нарт, Назргана, и остававшихся будто бы более 2.000 лет до прихода русских нетленными. Вообще на Кавказе, судя по этнографическим и археологическим данным, есть не мало легенд и вещественных остатков, указывающих на долговременное пребывание в этой стране израильтян. *Прим перев.*

6 Берже, там же.

или лекс'ами. Число лезгинских племен постоянно изменялось в зависимости от войны и выселений; Коленати насчитывал их 55, а Верже—51; Комаров, придерживаясь общих подразделений, на своей этнографической карте Дагестана отметил границы владений 27 племен[1]. Все эти мелкия народности имеют свои собственные диалекты, полные гортанных звуков, трудных по произношению для европейца. Услар и Шифнер[2] группируют все эти диалекты, относя к аварскому языку главные наречия западного Дагестана, а также наречия Дарго и Куры, в восточном Дагестане. Но горцы отдаленных местностей не могут понимать друг друга и прибегают к третьему языку: у священников и купцов, принадлежащих к западным племенам, таким языком служит арабский; в восточной же части, во всеобщем употреблении турецкий жаргон Азербейджана. Самое замечательное из лезгинских племен, пользовавшееся славою храбрейших и составляющее почти пятую часть всех лезгин, есть племя аваров, живущее на восток от их ближайших соседей, чеченцев. Следует ли на них смотреть как на братьев тех аваров, которые основали громадную империю на Дунае и над которыми торжествовал Карл Великий. Большая часть писателей признает это предположение правдоподобным[3]. Между, тем, по Комарову, имя аваров, обозначающее на турецком языке жителей долины, «беглецы», «бродяги»— происхождения новейшего.

Ногайскій мальчикъ.

В Дагестане слишком мало пахатной земли, чтобы все полумиллионное население могло жить обработкой полей и скотоводством. Однак они хорошие земледельцы: их сады, окруженные стенами, тщательно орошенные, содержатся в совершенстве и доставляют зерно, фрукты, овощи; но, несмотря на это, они должны или уходить в чужие страны или заниматься грабежом, чтобы пополнять средства, необходимыя для существования. Расположившись по обоим склонам хребта, они могли спускаться на север, на долины Терека или Сулака или на юг, в плодородную Грузию. Не менее отважные, нежели чеченцы, но еще более твердые и неутомимые, лезгины имели за собой ту невыгоду, что были разбиты на множество племен, существовавших независимо и часто враждовавших одно с другим; кроме того, среди их молодежи было принято, как некогда у албанцев и швейцарцев, поступать наемниками к мелким окрестным князькам; силы страны обрушивались против её самой в беспрестанных войнах. В битве, лезгины не были так благородны, как черкесы: последние отпускали пленников, не причиняя им никакого вреда, между тем как лезгины рубили им правую руку и относили в свои жилища, как трофеи[4].

Только во время последних войн все лезгины соединились, чтобы общими усилиями бороться против России за свою независимость и веру. Между лезгинскими племенами указывают на дидо, живущих в верхней долине андийского Койсу, как на имеющих особую религию и слывущих между соседями поклонниками дьявола[5], умилостивляющими бога зла посредством жертвоприношений. Все же остальные лезгины—мусульмане. Хотя они большие

1 „Зап. Кавк. Отд " VIII, 1873.

2 Melanges asiatiques, divers memoires"; „Bulletin de l'Acad. de Sc. de S.-Petersbourg; divers memoires", „Изв. Кавк. Отд." V, 1878.

3 Klaproth, „Tableaux historiques de l'Asie".

4 Gambra, „Voyage dans la Russie meridionale".

5 Carla Serena, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", 1880.

охотники до вина и табаку и удерживают многое из христианства и язычества, тем не менее, все же ревностные сунниты и, благодаря лишь преданности своей религии, они смогли забыть вековую вражду с одноплеменными родами и народами, ради священной войны или газавата. Сгруппировавшись вместе с чеченцами вокруг своего соотечественника Кази-Мулла, а потом его питомца Шамиля (Самуила), из племени Койсу-бу, они не один раз прогоняли русских до самых крепостей в равнине, и случалось, что эти последние должны были покидать свои военные поселения и отдельные гарнизоны, слишком далеко забравшиеся в горы. Сила лезгин происходила от стремления к увлекавшему их равенству. Подвиги легендарного героя лезгин, Хаджи-Мурада, начались войной против аварских ханов. Но мало-помалу учредилась аристократия из наибов или правителей, которые захватили власть и через своих мюридов или «учеников» распоряжались полновластно вооруженными силами. Толпы горцев, постепенно порабощенные своими руководителями, перестали сражаться против русских с прежней энергией. Отрезанные с трех сторон, окруженные фортами, теснимые точно железным кольцом, подступавшими со всех сторон колоннами, видя свою страну исчерченною дорогами, по которым двигались горные пушки, они вынуждены были прекратить войну, после того как половина их пала от ядер, болезней и голода[1]. Когда сдался Шамиль, в 1859 г., при нем оставалось из его приверженцев не более четырехсот человек.

После покорения снова загорелась старинная родовая ненависть. Лезгинский Дагестан, из всех других областей Кавказа сделался главным местом кровавых столкновений и убийств. Средним числом на каждые триста человек приходится один убитый или раненый ежегодно. Округ Кайтаго-Табасеран на запад от Дербента пользуется печальной известностью и насчитывает в своей среде более убийц, чем в какой бы ни было другой провинции русской Империи[2]. Но зато в самим близком соседстве с этими людьми, способными ежеминутно браться за кинжал или ружье, живут тихие ухбуканы, кубичи или кубачи, задача которых не сражаться, а снабжать лишь оружием всех окрестных горцев. Необходимые для всех, они и уважаются всеми, и их нейтралитет никогда не был нарушаем. В прежнее время они изготовляли кольчуги, теперь же занимаются, главным образом, выделкой ружей и кинжалов; они умели также лить и небольшие пушки. Кроме того ухбуканские ткачи приготовляют сукна. Какого происхождения этот небольшой промышленный народ, затерявшийся между земледельцами и пастухами? Кубичи называют себя: «френги» или «френки», т.е. франками, европейцами, но они ни по виду, ни по своему языку, принадлежащему к группе дарго, не оправдывают, этого названия[3]. Они европейцы лишь по той смышленности, с какою усвоили себе промышленные приемы, будучи обучены им, вероятно, беглыми, или, быть может, они переняли искусства у бывших рабов, или же, наконец, у путешественников. Ухбуканы очень малочисленны: в 1867 г. их было не более двух тысяч душ, обитавших в 400 домах. Несколько лезгинских общинных федераций или магалов представляют также, благодаря общей солидарности и свободе каждого, замечательное благосостояние; такова федерация из пяти общин, называемая Даргилярской или Дарго, в которой прежде устраивались, в равнине возле Акуша, большие народные собрания, вроде швейцарских landsgemeinden. Этот магал давал прибежище эмигрантам всех национальностей и их округ был самым населенным во всем Дагестане[4].

Прибрежье Каспийского моря, как историческая дорога для армий и народов, проходивших из Азии в Европу или из Европы в Азию, задерживало у себя часть победителей или отсталые группы, принадлежавшие всем национальностям, какие только следовали по этой дороге с военными или торговыми целями. На этой узкой береговой полосе живут монголы, семиты, арийцы и турки, а еще далее от них, на север, ногайцы, раскинувшие свои шатры в степях, прилегающих к Сулаку. Начиная с этой болотистой низменности и вплоть до Дер-

1 Владыкин. „Путеводитель по Кавказу".
2 Комаров, „Сборник сведений о Кавк. горцах".
3 Klaproth, „Tableau du Caucase".
4 Фон-Зейдлиц, „Известия Кавк. Отд." т. V. 1877, Koch, „Vanderungen im Oriente".

бента вся береговая часть занята преимущественно татарами-кумыками, числом более 50.000 душ; подвигаясь все далее к северу, они оттесняют в боковые долины местное население, принимая однако в свою среду множество армянских торговцев. Другие татары, родственные живущим в Закавказье, занимают место южнее, в равнинах Кубы, содействуя этнографическому преобладанию в этой стране тюркского элемента. Все жители побережья, к какой бы они расе ни принадлежали, говорят на языке «Френков», т.е. турецким наречием Азербенджана. Но персы, таты или таджики, происходящие от победителей, владевших этой страною еще во времена сасанидов, сохранили свой язык и нравы. Они живут еще отдельной колонией у Дербента, но наиболее многочисленны между Кубою и Бакинским заливом. Евреи, разбросанные там и сям в горах, очевидно пришли из Персии вместе с татами, так как они говорят между собою персидским языком, а их женщины носят иранский костюм; кроме того они сами считают Персию своим отечеством[1]. Все евреи, живущие в Кубе, точно так же, как и их бакинские и шемахинские сородичи, поселились в этой стране с незапамятных времен, и полагают, основываясь на свидетельствах армянского историка Моисея из Хорена, что они происходят от израильтян, эмигрировавших в Персию более 2500 лет тому назад, после первого разрушения Храма Салманасаром[2]. В их обыденном, персидском, языке примешано много древне-еврейских слов и халдейских названий, не употребительных у других евреев; имена, которые они дают своим детям при рождении, относятся ко временам Судей и изъяты из употребления более двадцати пяти веков. Впрочем большая часть кавказских евреев были принуждаемы прежде к принятию христианства и смешались таким образом с остальным населением; весьма вероятно, что очень немногие из них сохранили свою национальность; через смешение они становились осетинами, лезгинами, грузинами и в особенности татарами. Множество деревень, известных под именем Джут-Кенд'а или «жидовского города» населены исключительно жителями, называющими себя татарами[3].

В стране горцев совсем нет городов. Часто в лезгинских аулах собираются одновременно тысячи горцев, созываемые их главою по случаю празднества или битвы; но обыкновенно все население рассеяно по деревушкам, среди скал или пастбищ. Хунзак, бывшая столица аварских ханов, лежащий у одного из притоков Койсу, представляет теперь не более как развалины, у которых расположена русская крепость; Гимры, находящийся повыше слияния Аварского Койсу с Андийским, тесно связан с воспоминаниями о войнах за независимость: здесь умер Кази-Мулла, родился Шамиль. Ведено, в Чечне, раскинутый на высокой террасе, воды которой стекают в Терек, представляет собою довольно большую деревню, укрепленную небольшим русским фортом, заменившим собой цитадель Шамиля. Недалеко от нее поднимается «гора» Гуниб, верхняя терраса которой, занимающая поверхность в 90 кв. верст, служила последним убежищем пророка. Гуниб известен у русских под именем «Горы Гитары» и назван так по форме скал; против неё поднимается другая гора, с утесистыми уступами, точно гигантская песчаная глыба, еще более странная, и напоминающая собою «Саксонскую Швейцарию».

Город Темир-Хан-Шура, в земле кумыкских татар, расположен, если не в равнине, то во всяком случае в долине, широко открытой по направлению к Каспийскому морю, и лежащей на высоте всего 1.530 фут. Озеро, или вернее пруд, давшее городу свое название, теперь уже высохло; тем не менее здесь существуют местные лихорадки, так так дожди в этой местности столь ничтожны, что не могут образовать правильных стоков воды, которая застаивается в низких местах. Как для Темир-Хан-Шуры и больших местечек, лежащих одно к юго-западу—Казанит, и другое к югу—Губден, так равно и для всей страны кумыков, гаванью служит город Петровск, бывший во время войны с горцами важным стратегическим пунктом в качестве порта, снабжавшего провиантом. Рейд Петровска один из менее плохих

1 Комаров, „Зап. Кавк. Отд. Р. Г. О.", т. VIII, 1873 г.

2 У Мегасфена, писавшего в конце IV-го или в начале III века до Р. Х., находится известие о том, что Навуходоносор переселил часть пленных евреев—или иверийцев, как он называет их—на восток от Черного моря. (См. Прот. Пятого Археол. Съезда в Тифлисе). *Прим. перев.*

3 Черный, „Горные евреи"; фон-Зейдлиц, „Русское Обозрение" 1879, № 12.

на Каспийском море. Благодаря изгибу берега, укрепленного каменным оплотом, суда защищены от ветров западного и южного, и имеют здесь хорошую якорную стоянку: глубина рейда с его песчаным дном в полуверсте от берега достигает 20 фут. Петровск построен недавно, но он, как порт, вытеснил своего южного соседа, Тарки, в котором, как говорит Гамба, в начале этого столетия, было 12.000 жителей, состоявших почти исключительно из татар[1], и который теперь не что иное как незначительное местечко, или пригород Темир-Хан-Шуры. Петровск оживлен торговой деятельностью, и большая часть судов, идущих из Астрахани в Баку, пользуются здешней якорной стоянкой; этим однако не удовлетворяется еще честолюбие негоциантов г. Петровска: они смотрят на Петровск, как на крайний пункт Кавказской железной дороги и, можно сказать, что современем он займет на этой линии то же место, что и Ростов, но лишь на противоположном конце понто-каспийского перешейка. В окрестностях Петровска из нескольких колодцев добывается нефть. Земледелие стало развиваться в этой стране после того, как владельцы громадных пространств необработываемой земли согласились уступать крестьянам, на оброчных условиях, сначала две пятых, а потом половину своих земель.

Узкий проход, остающийся между концом Табасеранской цепи и морем, охраняется городом Дербентом или Дербендом, построенным, как гласит легенда, царями индийскими или Александром. Но он вовсе не принадлежит к такой далекой древности, так как построен, вероятно, в конце пятого или в начале шестого века персидским царем из династии Сасанидов: Масуди приписывает основание этого города Хозрою Амуширвану. Этот, единственный в своем роде, укрепленный город, заключен между двумя параллельными стенами, прикрытыми башнями, спускающимися с гор к морю и украшенными надгробными плитами, надписи на которых послужили предметом изучения для историков; дома и базар, расположенные в этом наклонном параллелограмме, образуют собственно одну улицу, длиною около 3-х верст. Самое название города обозначает большие укрепленные ворота, или «Железные ворота»,—по-арабски и по-турецки: Баб-ельХадиб и Демир-Хапыси; называют его также и Баб-ель-Абубом, что значит «Ворота Ворот». Все путешественники средних веков говорят, что стена выходила далеко в море, и при том, по одним источникам на милю, а по другим всего на полмили[2]. Теперь не видно даже следов этой подводной стены, что объясняют местным поднятием берега: между городом и теперешним берегом тянется длинная полоса земли, которая по виду кажется поднятою со дна[3]. На запад от крепости Нарын-Кале, охраняющей город с вершины горы, выдающейся мысом, стены защищены точно также башнями, расположенными на некотором расстоянии одна от другой, и идут вдоль по горному хребту, спускаясь во рвы и поднимаясь на горные склоны, вплоть до отдаленных пиков. Если верить туземцам, эта стена, не имеющая, впрочем, важного стратегического значения, тянулась когда-то с своими башнями через весь Кавказский хребет, от одного моря до другого; такой вал, конечно, мог защищать все равнины, расположенные у восточной подошвы Кавказских гор: на расстоянии 28 верст от Дербента можно различать еще его остатки. Дважды взятые русскими, знаменитые ворота Азии стали принадлежать им окончательно по договору 1813 г., но город, как пост, выдвинутый мусульманами-шиитами против суннитов севера, до сих пор сохранил свой азиатский вид. Впрочем, очень мало русских городов, которые могли бы сравниться в промышленности с этим персидским городом, приходящим однако в упадок, если только верно, что в 1825 году в нем было 26.000 жителей, т.е. вдвое более чем в настоящее время[4]. Вода Рубаза проходит через водопровод длиною в 15 верст, орошая около полутора тысяч садов, засаженных фруктовыми деревьями различных сортов, а также виноградом, хлопком, мареной, шафраном и табаком. Прежде марена играла очень важную

1 Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale".

2 Christ Burrough, „Hakluyt's collection of the early voyages", I.

3 С X-го в. (по Р. Х.) и по новейшее время море отступало от берега, как это можно заключить из старинного плана г. Дербента, не менее как в 200 сажен, обнажив таким образом часть стены, скрывавшейся под водою. (См. „Зап. Кавк. Отд. II.—Пятый Арх. Съезд в Тифлисе"). *Прим. перев.*

4 Von Eichwald. „Reise auf dem Kaspischen Meere und in dem Kaukasus".

роль в торговле Дербента: в 1861 г. её вывезено на сумму более чем миллион рублей. Как и Петровск, Дербент имеет у себя нефтяные колодцы и ломку асфальта. Порт его, обнесенный набережной, иногда замерзает.

Менее живописная Куба по численности населения и промышленности походил на Дербент. Расположенная у верхушки вулканического конуса, размытого потоками или чайями, спадающими с Шах-Дага и с соседних гор, Куба населена, подобно Дербенту, мусульманами-шиитами, занимающимися преимущественно садоводством. Тысячи евреев живут в нем торговлей. Город, к сожалению, лежит в лихорадочной местности; в 1825 году Кубу даже пытались перевести в более здоровое место, лежащее на расстоянии 12 верст к северо-западу. Но жители не последовали примеру, поданному чиновниками, и эти последние возвращаются в старый город, где они, впрочем, живут больше зимою. В горах находится община Крыз, состоящая из пяти деревень. Главный город долины Самура—Ахты, построенный среди гор, у слияния двух незначительных рек.

Следующие города и местечки восточного Кавказа имеют более 4.000 жит.:

Дагестан: Дербент—13.775 ж.: Губден— 5.500 ж.; Ахты—5.650 ж.; Казанищи—4.400 ж.; Тарки—4.100 ж.; Темир-Хан-Шура—17.335.

Бакинская губерния: Куба—15.117 ж.; Крыз—4.800 ж.

V. Бассейны Ингура, Риона, Чоруха

Мингрелия, Имеретия, Сванетия, Лазистан

Эта часть Закавказья, недавно увеличенная куском территории, которой владели турки, с давних времен была исторически связана с Европой. Еще греки построили сто двадцать мостов через Фазис и проложили прекрасный колесный путь через горы, между городом Сарапанесом или теперешним Шарапаном и долиной р. Куры. Кроме римлян, впоследствии, эту страну посещали генуэзцы; они здесь имели свои города и конторы; турки, завладев побережьем этой страны, сделались вместе с тем как-бы хозяевами Константинополя и наследниками византийских императоров. Европейское влияние отразилось также и на религии местных жителей, которые почти все были христианами еще с первых веков церкви, между тем как в восточной части Кавказа, где царит еще азиатский дух, татары, персы и горцы исповедуют магометанство в той или другой форме. Но если бассейны Ингура и Риона по своей истории были наиболее европейскими сравнительно с другими частями Кавказа, то все же они оставались долгое время вне движения новейшей цивилизации, а некоторые округа горной страны обретаются и по сю пору в полнейшем варварстве. С этой областью, древней Колхидой, очень немногие страны в свете могут поспорить в великолепии растительного мира, естественном плодородии почвы и в прочих богатствах природы, но тем не менее она очень малолюдна, едва-ли, при одинаковом пространстве, она хотя в половину так населена, как Франция. Можно также сказать, судя по приблизительным данным, что и вновь присоединенная территория, Лазистан, населена еще реже, и число душ на квадратную версту в ней еще менее.

Бассейны Ингура и Риона совершенно отделены друг от друга Кавказским хребтом, Анти-Кавказом и промежуточною горною цепью Меск. От Абхазии до страны лазов горы идут правильным полукругом, в котором самая низшая точка, исключая морского побережья, есть Сурамский перевал, достигающий 3.015 футов высоты. Горные кряжи, параллельные Главному хребту, разбивают в свою очередь этот громадный полукруг на местности, замкнутые почти вплотную и кое-где образующие как-бы свои маленькие отдельные мирки.

Долина верхнего Ингура, составляющая по административному делению округ Вольной Сванетии, есть тип подобного закоулка, совершенно отдельного от остального Кавказа; она представляет из себя продольную впадину, заключенную между двумя параллельными хреб-

тами; её высота доходит до 6.500 футов. К северу от неё тянется Главный хребет, почти сплошь испещренный снегом, с несколькими ледниками, спускающимися в верхних котловинах: на юге находится другой хребет, еще более правильный и с остроконечными вершинами, тоже покрытыми вечными снегами. Ледники Труйбера сталкивали свои передния морены в местность, расположенную не более как в двух верстах от сванетской деревни Джабеши, в общине Мужал: эта деревня, как и многие другие, построена на обломках, занесенных сюда древними потоками льда[1]. Потоки берут свои начала в ледниках Адиша, главным образом, в трех пунктах: с Тетнульда, напоминающего савойский Мон-Блан, с Ушба или двурогого «Чудовища», с Нуам-Куам, а также с других гор Главного хребта и с боковой цепи Корилдаш; эти потоки, образующие Ингур, соединяются в углублении впадины, занятой Вольной Сванетией, ограниченной поперечной преградой, на юг от массивов Эльбруса. Чтобы выбраться из горной долины, Ингуру необходимо пробиться через узкий проход между скал: он низвергается в пропасть и течет сначала на юго-запад, затем на юг, по ущелью длиною в 75 верст. Это ущелье, средняя ширина которого не более $2^1/_2$—5 сажен с его гранитными или сланцевыми откосами, поднимающимися на 650—1.300 футов, посещается очень редко, и то лишь в последнее время; однако эта клюза представляет из себя целый ряд восхитительных пейзажей, благодаря пышной растительности, окаймляющей берег Ингура, и небольшим обломочным конусам, находящимся у слияния маленьких притоков; вообще это ущелье,—единственное на Кавказе, по благородству очертаний и разнообразию видов. До военных экспедиций в 1858 г. не было ни одной дороги, проникавшей в его теснины: Сванетия сообщалась с Мингрелией лишь опасной тропинкой, проторенной в горах, на высоте около 10.000 футов[2].

В ущельях Риона и его верхних притоков, нельзя уже встретить тех величественных видов, какие на Ингуре, хотя в каждом из них есть свои восхитительные места. Обе главные реки бассейна, Рион и Цхенис (Цхенис-цхали, т.е. Река Лошади), в которых прежде когда-то находили золотой песок[3], берут свои начала с ледников Пасис-мта или «Горы Пазис»,—название, очень похожее на Фаз и Фазис, данное греками реке, известной в наше время под грузинским названием Риона или Риони: в этом совпадении имен хотели видеть нечто этимологически родственное. Отделенные от своих истоков цепью Гариболо, Рион и Цхинис все более и более расходятся в стороны: первая орошает собою княжескую Сванетию и Мингрелию, а вторая страну Ратша и Имеретию. Квирила, стекающая с восточных долин, и Хани—с южной стороны гор, по клюзе, напоминающей в миниатюре ингурскую, соединяются друг с другом, потом с Рионом в плодородной равнине, простирающейся на юг от Кутаиса. В этой местности начинался древний залив, который мало-по-малу был покрыт заносами Риона и некоторых других рек, спадающих с амфитеатра окрестных гор: несколько холмов—остатков прежних островов,—поднимаются среди наносной почвы покрывающей всю равнину; крайние горные выступы являются закругленными и притупленными у подошвы потоками, извилистое течение которых чрезвычайно изменчиво. В 70 верстах от устья, деревни расположены всего лишь на высоте 40 футов. Болота, трудно осушаемые по недостатку склона, окаймляют на большом расстоянии судоходную часть Риона, но густые поросли камыша, и целый пласт водных растений, а также леса и кустарники скрывают эти болота от взгляда; вокруг их не видно ничего, кроме маленьких озер, остатков того моря, которое прежде покрывало всю эту страну.

У морского берега часть древнего морского залива еще сохранилась до сих пор в виде озера, удержавшего по сю сторону свое греческое название: Palеogtom («Старое Устье»); полагают, что оно было еще в эллинскую эпоху бухтой, в которую вливались воды Фазиса. По Бахушту, грузинскому писателю прошлого столетия, Палеостом соединялся с морем протоком, посредством которого суда, проникнув в теперешнее озеро, могли находить в нем убе-

1 Fawre, „Memoires de la Societe helvetique des Sciences naturelles".

2 Бакрадзе, „Записки Кавк. Отд.", т. VI. 1846.

3 Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale",—Radde, „Votrage uber den Kaukasus".

жище[4]. В местах наиболее глубоких, лот опускается на 9 саж., но почти всюду илистые и плоские берега этого озера идут далеко под водою в виде мелей; вода мутная и содержит много органических остатков. Фауна Палеостома отчасти еще морская и хотя вода в нем отнюдь не солоноватая, но в ней находят тех же баланов, нереид и немерт, что и в воде Черного моря[5]. Песчаная гряда отделяет это озеро от моря и тянется правильной линией далеко к северу. Воды Риона, точно так же, как и Ингура и всех других рек, текущих к мингрельскому прибрежью, должны были прорваться через эти дюны, прежде чем они пробились к морю; реки увеличивают с каждым годом новой полосою наносов берег, лежащий вне естественной плотины. Дельта Риона, так же, как и дельта реки По и большей части рек, которые впадают в море через промоину, образовавшуюся в береговом кордоне, начинают свою дельту вне такого кордона: воды должны соединиться, не дойдя до ограды, чтобы проникнуть через нее сообща. Среднее количество воды, которое несет Рион, определяют в 967 куб. метров[6]; но почти наверное известно, что эта цифра была слишком преувеличена, так как по ней выходит, что на весь речной бассейн в 13.820 кв. верст (15.760 кв. кил.) выпадает дождя около 2 метров (1,95 метра): хотя в некоторых местах и выпадает влаги вдвое более показанного числа, но нужно принять в рассчет испарение и в особенности громадное количество воды, поглощаемой богатой растительностью Мингрелии. По свидетельству Страбона, Рион и его приток, Квирила, были судоходными до самого Сарапанеса, лежавшего в 140 верстах от теперешнего устья; между тем как в наше время суда останавливаются у Орпири, проходя всего две трети прежнего расстояния[7]. Из карты, изданной в 1738 году Александром, князем Имеретии, видно, что большие барки могли подниматься по реке почти до самого Кутаиси, но это указание не пользуется однако доверием[8]. Во время низкой воды, с июля по декабрь, глубина достигает едва лишь 20-30 дюймов.

Горы, образующие водораздел между Рионом и бассейном Куры, на юге и на юго-востоке тянутся непрерывной горной цепью от Меска или Сурама, соединяясь на западе с береговой цепью Лазистана. Даже обок с главным хребтом эти горы кажутся довольно величественными: некоторые вершины покрыты зеленью у подошвы, а выше лесами и горными пастбищами, достигают и даже переходят за высоту 8.200 футов, не касаясь однако ни одной точкой линии вечного снега. На западе, последняя гора этой цепи, называемая обыкновенно Аджарским или Ахалцыхским хребтом, заканчивается всего в версте от берега, омываемого Черным морем. Главные высоты этой цепи суть: Ненис-Цкаро, главн. верш. (на юг от Кутаиса) (9.450 ф.) 2.884 метр. Нагебо, на восток от Ненис-Цкаро (8.594 ф.) 2.620 метр. Сагатло, на восток от Нагебо (8.141 ф.) 2.482 метр. Чехатай, первая гора с западной стороны цепи (3.306 ф.) 1.008 метр.

С аллювиальных равнин, по которым пробегает Рион, высоты Аджара имеют вид горной цепи; но если смотреть на них с южной стороны, то они кажутся не более как шероховатой каемкой, обрамляющей плоскогорие, на котором в беспорядке разбросаны горы с округленными вершинами, разделенное на неправильные части долинами, образовавшимися через размывание потоками. С любой из подобных вершин, раскинутых в стране лазов или Лазистане, недавно присоединенная к России местность представляется волнистою, напоминающей бушующее море. На северо-восток от Артвина и на юго-восток от Батума, в горной массе Карч-Шаль есть вершина, достигающая 11.257 футов высоты, но за исключением её никакой другой пункт в земле лазов не превышает высотою гор, тянущихся оградой с северной стороны, эти последние поднимаются, в среднем, на 8.300 футов и след, более чем на 1.950 фут. заходят за наиболее предельную полосу лесов. Гора Арзиани, именем которой часто называют всю горную возвышенность, находящуюся на восток от нижнего бассейна Чороха

4 „Description geographicue de la Georgie, publiee par Brosset"

5 Tcherniawsky, cite par Oscar Peschel, „Probleme der vergleichenden Erukunde".

6 Radde, „Das Relief der Kaukas s Lander".

7 Длина рек этого района (в верстах) Рион—320 Цхенис—150, Квирила—120, Хови—100, Ингур—150; что касается до Палеостома, то он занимает в окружности не более 25-30 верст. *Прим. перев.*

8 „Военно-статистическое описание Кутайской губернии", 1838 г.

или Чоруха, по виду совершенно похожа на древний вулкан: в доисторическую эпоху лава разливалась здесь из многих соседних с нею вершин[1]. Утесы из черного базальта представляют сильный контраст с прекрасными лугами, флора которых, простирающаяся чуть не до

Типы и костюмы мингрельцевъ.

самых вершин, почти та же, что и в западной Европе. В долине фруктовые деревья и лесные

1 Казбек, „Три месяца в турецкой Грузии".

породы не менее роскошны, чем на склонах южного Кавказа. Лазистан—это земной рай; большая часть горцев умеют выбирать для своих деревень места, свидетельствующие о их любви к природе: с каждой из их деревень открывается прекрасный вид на цветущие луга, обрывистые скалы, горные потоки, водопады, рощи и живописно разбросанные хижины[1].

Все реки, стекающие с гор Арзиани по направлению к западу, сливаются с Чорухом через посредство р. Аджара или Имаршеви. Южнее, другие реки, текущие уже по русской территории, вливаются также в Чорух, хотя большая масса воды этой реки течет еще по турецким владениям. Главная река страны берет свое начало на юг от Требизонта и Понтийской цепи и, приняв здесь первые притоки, направляется параллельно берегу Черного моря и верхней долине Ефрата. В этой местности Малой Азии горы, плоскогория, долины—все вытянуто в правильные линии, имеющие юго-западное и северо-восточное направление. Пройдя около 280 верст, Чорух принимает в себя р. Туртум, а с ним р. Олты и направляется прямо к Черному морю по глубокой клюзе, пересекающей береговую горную цепь. По выходе из ущелья, эта река, подобно Риону, образует наносную равнину, выдвигающуюся за нормальную линию морскаго берега и защищающую с западной стороны батумский рейд, которому также угрожают заносы. Немного уступая Риону по массе воды, Чорух. однако, менее судоходен в своей верхней части, нежели мингрельская река; его течение слишком быстро. В 1875 году, когда эта страна принадлежала еще туркам, около 200 каиков, вмещавших в себе средним числом груз в три тонны, спустились по реке от Артвины до Батума в восемь часов: между тем как для того, чтобы подняться в верх по реке, требовалось от четырех до пяти дней[2].

По климату Закавказье, как известно, принадлежит к полосе умеренного пояса, наиболее благоприятной для растительности; растения отличаются удивительным разнообразием и красотою форм. Благодаря обильным дождям и защите от сухого северо-восточного ветра, представляемой Кавказским хребтом, различные садовые и лесные породы ростут на южных склонах гор гораздо выше, нежели в других странах, пользующихся той же самой температурой. Так, например, орех ростет в Сванетии на высоте более чем в 5.400 фут.; он осеняет своими ветвями совместно с другими плодовыми деревьями, струистые воды Ингура, чуть пониже ледника Труйбер; горцы северного склона приходят по осени целой гурьбою собирать здесь различные плоды, за которыми им пришлось бы ходить слишком далеко, если бы они направились в бассейн Терека[3]. Белая шелковица и виноград ростут в Сванетии даже на высоте 3.280—3.600 фут., а Рупрехт, в долине верхнего Риона, видел хлопчатник, ростущий на 2.090 фут. высоты.

В общем, в отношении растительности, западная сторона Закавказья походит более на приатлантическую Францию и среднюю Европу, нежели на прибрежье Средиземного моря. Хотя по некоторым чертам мингрельская флора кажется принадлежащей к обеим полосам. Индигоноска, не составляющая, однако, до сих пор предмета промышленности, ростет на берегах Риона рядом с хлопчатником; из зерновых же растений преобладает здесь кукуруза; говорят, что в Лазии попадаются даже чайные деревца[4]; камфарное дерево также акклиматизовано в этой местности[5]. Во время цветения, гранатовые деревья, ростущие дико целыми лесами, придают стране вид громадного сада. Но зато эквалиптус, столь полезный для улучшения климата в лихорадочных местностях, не может рости в Закавказье: не потому, чтобы средняя температура была для него недостаточной,—эквалиптус отлично ростет в Лигурии, где годовая температура ниже,—но потому, что он не может вынести крайностей кавказской

1 G. Radde, „Mittheilungen von Petermann", 1875, № 2.
2 Казбек, там же.
3 G. Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge".
4 Казбек, „Три месяца в турецкой Грузии" Radde, „Vier Vortrage, uber den Kaukasus".
5 Rupreht, „Mittheilungen von Petermann", 1862,

зимы[1]. Оливковое дерево, разведенное греками и генуэзцами на южном берегу Тавриды, серебристая листва которого блестит так на откосах, спускающихся к Алупке и Ялте, пока не привилось еще окончательно на берегу Мингрелии[2]. В половине текущего столетия, в Поти, у дельты Риона, произрастали довольно успешно лимоны, но одна суровая зима погубила их в-конец; с того времени это дерево перестало составлять принадлежность закавказской флоры, что, кажется, может служить указанием на полное изменение местного климата. Избыток влажности представляет невыгодную сторону береговой местности, между тем как другие части этой страны страдают иногда обратным, т.е. излишней сухостью. Средняя температура Кутаиси (14°.85) на полтора градуса выше, чем она должна быть, судя по климату приморских городов. Причина такой аномалии тот сухой, палящий и порывистый восточный ветер, что дует так часто в долине Риона, губя растения и расслабляя до изнеможения людей и животных. Чтобы защитить себя от этого бича, закрывают все окна в домах и окружают себя водой, налитой в плоскую посуду, с целью сделать вдыхаемый воздух более влажным. Направляясь с востока на запад, этот ветер мало-по-малу слабеет: в Поти он уже не так неприятен, а в Редут-Кале совсем не ощутителен[3]. Более слабый ток воздуха направляется с запада, и, сменяя собою восточный ветер в долине Риона, приносит с собою обыкновенно дождевые тучи с Черного моря.

Мингрельцы и другие жители западного Закавказья владеют слишком раскошными лесами, чтобы могли научиться дорожить деревьями. В равнине, кругом, вблизи жилищ, можно видеть деревья с обломанными верхушками и громаднейшие прутья, срезываемые ради потехи. Многие породы, ценные по своим нежным плодам, стали быстро исчезай с того времени, как явились сюда на поиски за дорогими деревьями иностранные купцы, и в особенности французы; орех, украшавший собою прежде большую часть пейзажей Закавказья, исчез в низинах страны почти всюду, где только проложены дороги. Уничтожение лесов мало-по-малу изменяет вид горной местности, и однако расчищенные места распахиваются редко: разработка земли, производится по-старому и на старых же, насиженных местах. Здесь, на родине винограда, редко где производят хорошее вино. Виноградные лозы, оставленные на произвол, тянутся гирляндами по стеблям молодого вяза, дуба или ольхи, покрывая до самой верхушки своею листвой, словно сеткой, деревья в 80 футов вышины. Туземцы не любят затруднять себя собиранием винограда на такой высоте: они обирают только нижние гроздья, предоставляя остальное птицам небесным. Сколько покинутых нив сплошь поросли папоротником. Масса построек исчезла в зелени, и сам владелец, после нескольких лет отсутствия, не может распознать своих мест!

Бассейны Ингура и Риона, эти страны прекрасных деревьев и ярких цветов, славятся, между прочим, и домашними животными. В вольной Сванетии, говорит Радде, разводят «лучший домашний скот в свете»[4]. Обе породы местных быков одинаково превосходны: одна —малорослая, веселая, резвая, другая же отличающаяся силою, солидностью и статностью— это украинская порода, введенная в долину Ингура закавказскими купцами-татарами. Очутившись в новом климате, на богатых пастбищах, с их высокой и сочной травою, украинский скот изменил цвет шерсти; его масть по оттенку и по рисунку часто походит на тигровую. В горных долинах лошадей очень мало, но они также замечательны по своей силе и грации. Ослы и мулы из Сванетии продаются татарами втрое и вчетверо дороже, нежели те, что вывозятся из равнин. Овцы и другие мелкие домашния животные тоже отличаются красотой и отличным качеством получаемых от них продуктов. Копченая свинина из Ратши, в верхней долине Риона, ценится гастрономами, а местные каплуны не менее жирны и сочны, нежели из Бресса или Манса.

В низших местах, где болота своими миазмами порождают лихорадки, влияние малярии

1 Statkovsky, „Problemes de la climatologie du Caucase".
2 Dubois du Montpereux, „Voyage autour du Caucase"
3 Statkovsky, ouvrage cite.
4 „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge"

так же гибельно для животных, как и для людей; это факт очень известный на всем Кавказе. Крестьяне, живущие в болотистых местностях Мингрелии, не могут охранить от неё даже своих кур, разводимых на дворах. Торопов не сомневается, что лихорадки могут быть причиной падежей[1].

Известно, как благодетельно климат и почва той части западного Закавказья, которая лежит выше уровня болотистой местности, действовали на благосостояние человека, на развитие его сил и красоты. Но не нужно, однако, думать, что все жители этой страны принадлежат к одной чистой расе. Между ними заметно громадное разнобразие в типах, и особенно сильно бросается в глаза разница у мингельцев между блондинами и брюнетами; у первых—высокий лоб и овальное лицо, у вторых же лоб ниже и фигура шире, но те и другие красивы и статны. Еще во времена давно минувшие, восточные берега Черного моря посещались странствующим людом и неприятелем различных рас, и очень многие из чужеземцев, остававшихся в здешней стране, дали начало отраслям новых родов. Арабы, убегавшие от господства турок, и даже негры, содействовали образованию помесей. Но как бы ни были многочисленны эти помеси, их разнообразные элементы послужили основанием к произведению прекрасного и оригинального типа. В низменных частях Мингрелии и в особенности на ближайших предгориях, вплоть до высот в 3.330—4.000 футов, почти все обитатели их очень красивы: достаточно однодневной прогулки в Зугдиди или в другой подобный же маленький городок у нижнего Риона или нижнего Ингура, чтобы убедиться в том, что никакая другая человеческая раса не имеет более красивых представителей[2]. Но зато в самом, так сказать, ядре гор, где борьба за существование была очень трудной и часто гибельной, жители уж не так красивы; там и сям попадаются фигуры положительно безобразные, в особенности между женщинами; зоб и кретинизм встречаются довольно часто у сванетов и всего более в верхней долине Цхенис—тут есть целые семейства, состоящие из кретинов[3]. Когда поднимаются по берегу Ингура от кукурузных полей к горным пастбищам, покрытым пеленою снега, то наблюдают изменения во внешности обитателей, аналогичные с теми, какие можно заметить, направляясь от прекрасных итальянских озер к ущельям кантона Вале.

Сванеты, живущие в долине верхнего Ингура и по верхнему Цхенису, очевидно, народность смешанная, хотя их этнографическая основа—грузинская, равно как и язык. Они составляли когда-то могущественную национальность, прославленную Страбоном[4], и еще в XV столетии занимали долину верхнего Риона. Остатки этого народа происходят, главным образом, от беглых, которые вследствие дурного обращения, притеснений владельцев или бедствий войны, уходили из равнин Мингрелии и конечно не могли нигде находить для себя лучшего убежища, как в горах, этих естественных крепостях. Сванеты, поселившиеся в горах, в соседстве с ледниками, были там почти недоступны; Ингур, во время половодья, запирал их долины, а перевалы гор в продолжение восьми месяцев в году были загромождены снегом, так что к ним могли пробираться только самые отважные смельчаки; кроме того, верхнюю Сванетию окружали горные поляны, превращенные частыми войнами в совершенные пустыни. Сванеты же бассейна Цхениса менее отделены от остального мира: высота местности, занимаемой ими, не превышает нескольких сот футов, а окружающие их горы не представляют обрывистых утесов и доступ в их ущелья менее затруднителен. Сванеты этих долин, будучи прикреплены к земле своими князьями, вынесли на себе самое тяжелое феодальное иго; они назывались сванетами-дадьян, по имени одной княжеской древне-грузинской фамилии, владевшей ими. Их трудно по виду отличить от соседних с ними имеретин, тем более, что, как и эти последние, они говорят настоящим грузинским языком. Сванеты дадишкальяны, живущие в западной части бассейна верхнего Ингура, бывшие тоже закрепощенными, происхождения татаро-кумыкского; по уничтожении крепостного права,

1 Торопов, „Опыт медицинской географии Кавказа".
2 Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus".
3 Radde, „Reise im Mingrelischen Hochgebigre".
4 „Geographie", livre XI, chap. 2.

русское правительство откупало их у владельца как рабов. Несколько солдат, занимающих постои, являются здесь единственными представителями русской власти; но сванеты-дадишкальяны не имеют с ними никаких других отношений, кроме продажи спиртных напитков. Восточные общины верховьев Ингура, с населением в 1.120 жителей, долгое время сохраняли полную независимость и хотя они присягнули России в 1853 году, но часто и теперь еще продолжают называться «вольными»[1].

Во многих отношениях они действительно свободны, хотя и подчинены русскому государю, и одна «мятежная» деревня, по распоряжению властей, уничтожена не далее как в 1876 году. У вольных сванетов или «бывших вольных сванетов», как называют их оффициальные документы[2], нет ни господ, ни начальства; их священники не пользуются никакой властью. На общинных собраниях все горцы имеют равный голос, и важные вопросы решаются единогласно; в случаях, когда имеется хотя бы один голос против постановления, или если кто-либо из вотирующих приходит в собрание после решения дела, то вопрос поднимается снова и вотируется до тех пор, пока не состоится полного согласия, чего достигают, впрочем, всегда. Но община не касается частных распрей, которые обыкновенно решаются законами возмездия, равно как и споры между двумя враждующими деревнями. Ни в каком другом месте Кавказа не господствует так кровавая месть, как в Сванетии; редко можно встретить лицо, не бывшее убийцей[3]: отец бросает ружейную пулю в люльку новорожденного[4]. Все дома, расположенные по берегу верхнего Ингура, представляют собою настоящие крепости, способные выдержать осаду: все они гнездятся на скалистых выступах и охраняются четыреугольной башней, вышиной в 65-80 футов, с которой приближающийся враг еще издали может служить хорошим прицелом. Входные двери в эту бойницу помещаются во втором или в третьем этаже, куда можно войти только по бревну, с высеченными на нем ступеньками и заменяющему собою наклонную лестницу.

Наследственная вражда и убийства были причиной значительной убыли населения в долине Джабе-Шеви; но оно все же оставалось довольно многочисленным, и сванеты принуждены были уходить к своим соседям. Еще во время своего военного могущества, их молодежь отправлялась на завоевания, и не раз они грабили равнину; так, например, в конце XIV века, они дошли до самого Кутаиса и сожгли этот город[5]. Еще немного лет тому назад сванеты практиковали у себя детоубийство, с целью уменьшать в семействе число детей: мальчики пользовались предпочтением, тогда как большая часть девочек должны были гибнуть. Во время голодовок, горцы продавали своих уже взрослых детей и подростков, цены на которых колебались между 200-350 руб.[6]. Теперь эти горцы бродят у постоялых дворов, в поисках за поденной работой. Что касается до небольшой мелочной торговли с населением, живущим в нижней долине, то она предоставлена евреям из деревни Лахамули. Эти евреи отличаются от своих братьев по происхождению воинственными привычками: они исповедывают христианскую веру и считают себя сванетами, несмотря на то, что горцы верхнего Ингура не только не женятся на их дочерях, но даже брезгают есть с ними за одним столом.

«Вольных сванетов» и «сванетов княжеских» по последней переписи было более 14.000. Составляя один из христианских народов Кавказа, они выделяют себя из среды своих единоверцев, ставя себя выше других: они считают, что их предки были крещены самим Иисусом Христом; их религия развивалась довольно своеобразно, смешиваясь с остатками более

1 Стоянов, „Записка Кавк. Отд.“, т. X, 1876 г.

2 „Списки населенных мест Кавказа“, 1879 г.

3 Radde, цитированное сочинение.

4 Berniville, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, juillet 1872.

5 Из грузинских летописей известно, что Сванетия первоначально входила в состав Грузинского царства и управлялась эристами; затем она подчинялась Имеретии, а позже, когда Мингрелия стала независимою, Сванетия подпала власти Дадианов. Что касается до верхних сванетов или „вольных”, то они еще раньше мингрельцев освободились из-под власти имеретинского царя и, уничтожив у себя князей и дворян, оставались с того времени независимыми. *Прим. перев.*

6 Bodenstedt, „Die Volker des Kaukasus”.

древних культов. Склепы их церквей, обыкновенно небольших строений, едва вмещающих в себе десяток прихожан, и вокруг которых собираются толпы народа, наполнены рогами тура и каменного барана—предметами очень чтимыми. Священники или «папи» образуют особенную касту, в которой сан передается от отца к сыну: но они не пользуются никакими иными правами, кроме того, что не подлежат кровомщению. Настоящая религия сванетов—их обычаи. У местных женщин не принято, как у грузинок верхней долины Риона, заботли-

Типы сванетовъ.

во скрывать свой рот и подбородок, но во время пения гимнов или народных песен, они закрывают рот платком, для того-де, чтобы помешать диаволу войти в него. Точно также и сванет, отправляющийся в путь по важному делу, хранит молчание, или, если он твердит молитву, то никто не должен слышать его голос: малейшее вырвавшееся слово может навлечь бурю[1]. Суеверия их аналогичны с теми, которые встречаются у норвежских рыбаков, у

1 Бокрадзе, „Зап. Кав. Отд.“, 1864, т. VI; Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge”; Bodenstedt, цити-

бурят и американских охотников.

Долина верхнего Риона, известная под именем Ратши, более обширна и многолюдна, нежели обе западные долины Цхениса и Ингура, а потому она всегда служила главной дорогой для пастухов, купцов, равно как и для войск, желавших пробраться из равнин Грузии в долину Терека. Население Ратши, как почти все жители Кутаиской губернии, по своему происхождению и языку—грузины; они цивилизованнее, чем их соседи, сванеты, и имеют более сношений с иноземцами. Однако, они слишком многочисленны для занимаемой ими территории, их выси негодны для полевой культуры, вследствие чего обитатели принуждены тысячами переселяться в более низменные места. Они очень трудолюбивы, не расточительны и по большей части возвращаются в свои места с заработком. Плотники и пильщики, встречающиеся в Имеретии и Мингрелии, почти все из Ратши.

Грузины верхнего Риона известны более под именем имеретин, т.е. «людей с другой стороны», так как горная цепь Сурам разделяет собою ядро этой расы. Имеретией же называлось, при перемещения политических границ, то все западное Закавказье, то лишь горная половина этой страны: под Мингрелией обыкновенно подразумевают низменность, заключающую в себе аллювиальную равнину и береговую полосу. Влияние климата, с его влажностью и обилием миазмов, не могло не отразиться на обитателях; сложилось мнение, что мингрельцы большею частью народ нерадивый и в особенности в болотистых местностях, но переселенцы из их же племени, живущие в сухом климате Тифлиса, напротив, отличаются деятельностью[2]. Конечно, безжалостные опустошения, производившиеся набегами, постоянные междуусобицы и, сверх того, полное порабощение крестьян своими господами,—все это могло вселить только отвращение к труду: к чему задавать себе труд обработывать почву, если продукты труда пойдут в чужие амбары и скотные дворы? Эта несчастная страна испытала на себе все формы рабства. Рабы могли владеть, в свою очередь, рабами, и таким образом, эти последние, именно рабы-каторжники, были одновременно собственностью двух господ. До 1841 года, в числе рабов были даже священники. В сравнительно недавнее время, князья Мингрелии отбирали свою дань у подчиненных самолично: в сопровождении своих придворных, гостей, слуг, сокольничих, с лошадьми и собаками, они отправлялись к своим вассалам и жили у них до тех пор, пока не истощались для гостей все запасы провизии; затем князья отправлялись почтить своим присутствием другого несчастного, и, переезжая таким образом с одного пира на другой, приводили в разорение хозяев. Никакая женщина не могла быть уверена, что она останется в своей семье, в особенности если она была красива; господа завладевали женщинами, продавали детей. Слишком слабые, чтобы сопротивляться, мингрельцы скрывали дома свои в густой зелени, избегая встречи с господином, чем отличались от гордых обитателей гор, группировавших свои башни-бойницы в одну сплошную цитадель[3]. Было несколько мятежей, особенно сильных в 1857 и 1858 годах, с целью освобождения забранных в плен женщин и отмены колод, надевавшихся владельцами на шеи своих рабов, но и эти восстания были подавлены и погашены кровью[4]. Рабство в Мингрелии уничтожили три года спустя после того, как оно было отменено в Империи, но поборы с крестьян не вполне прекратились, и дети рабов еще не усвоили себе нравов свободных людей. На плодороднейших полях Имеретии и Мингрелии жители остаются нищими, подобно бедным ломбардцам, живущим также на чрезвычайно богатой земле, питаются почти исключительно отварной кукурузой или пшеном, кушаньем, напоминающим итальянскую polenta; их обыкновенный костюм—рубашка в лохмотьях, подвязанная веревкой или ремнем, и вместо шляпы на голове—кусок сукна, укрепленный под подбородком тесемкой. Не зная ремесл, жители могут уходить в город только в качестве носильщиков или чернорабочих. Жилище мингрельца—грязная деревянная лачуга или шалаш; несколько тощих животных, коз

рованное сочинение.

2 Statkovsky, „Problemes de la climatologio du Caucase“.

3 G. Radde, „Reisen im Mingrelischen Hochgebirge“.

4 Бороздин, „Записки Кавк. Отд.“, VII, 1866.

и свиней бродят вокруг полей кукурузы, плохо возделанных, плохо огороженных; и тут же в грязных лужах отдыхают буйволы. Хотя и видны успехи в этой стране, благодаря изобильному производству кукурузы, но этот рай Закавказья есть одна из тех стран, которые отлично доказывают, как слабо местная производительность зависит непосредственно от естественных богатств страны. Иные люди, обрабатывая гранитные скалы, пользуются большим благосостоянием, нежели мингрельцы, еле перебивающиеся на своих тучных, аллювиальных землях!

Лазы Аджара и Чоруха, жившие еще недавно неподалеку от русской политической границы Закавказья, приходятся братьями по языку и по крови мингрелам и грузинам; те же

Мингрелка.

из их сородичей, что живут еще в Турции, вплоть до Требизонда и далее, являются более или менее смешанными; но множество названий доказывает, что грузины в прежния времена жили даже и во внутренней части Малой Азии[1]. Еще Розен, посетивший Лазию в 1844 г., доказал, что наречие местных жителей очень близко подходит к грузинскому языку[2]; между говором, который слышен у бывшей русской границы, а также на берегах Чоруха, и настоящим мингрельским языком из окрестностей Зугдиди, где до сих пор еще сохранилась древняя народная поэзия, разницы почти нет[3]; но в языке жителей западного берега есть значительная примесь турецких и греческих слов. Что касается до нравов аджар и других горцев Лазистана, то они походят и в этом отношении на имеретин. Как те, так и другие, чтут седины и любят гостеприимство в широких размерах; они очень сдержанны, хотя вместе с тем и любопытны; как и большая часть кавказцев, они любят роскошь и живописный костюм, но вместе с тем их нельзя упрекнуть в лености, как это часто делали лица, недостаточно знакомые с ними[4]; их поля хорошо возделаны, дома содержатся чисто. Женщины в Лазии красивы, хорошо сложены и замечательны своей храбростью. Очень многие из прибрежных лазов покидают свои места; одни поступают в матросы, и их фелуки, с тех пор как прекращены морские грабежи, плавают по портам Черного моря; другие—направляются в большие многолюдные города, где занимаются различными ремеслами: им издавна принад-

1 Hyde Clarke. „Ausland", 1870, № 51
2 „Ueber die Sprache der Lasen".
3 Цагарелли, „Изв. Русск. Геогр. Общества" 1878, № 1.
4 Осман-Бей, „Изв. Русск. Геогр. Общества", декабрь, № 1874.

лежит монополия в торговле кухонными принадлежностями из латуни[1]. И прежде Константинополь был городом, к которому они направлялись преимущественно, а с тех пор, как их земля присоединена к России, лазы-мусульмане тысячами выселяются на турецкую территорию. Константинопольское правительство съумело привлечь к себе это население, урезавши власть бегов, бывших прежде полу-независимыми, и капризы которых были единственным законом для их подданных. Очень вероятно, что теперь лазы-христиане станут знакомиться больше с Тифлисом и русскими портами Черного моря.

Турецкий режим не мог не отразиться на лазах, и они в некоторых отношениях разнятся с мингрелами, жившими в пределах русских владений. Три века тому назад все грузины верхней долины Аджара были христианами; во многих деревнях видны еще церкви, построенные в византийском стиле и доселе хорошо сохранившиеся. Некоторые общества обратились к мусульманству не далее как в конце XVIII века, хотя до сих пор еще между ними известно много таких семей, которые остаются христианами по сущности, а мусульманами только по виду, и таких, которые соединили обе религии, не ведая сами, где кончаются догматы их прежней веры и где начинается новое учение. Вместе с религией введен был в эту страну и турецкий язык; грузинская речь недавно совсем исчезла в городах и больших деревнях,— ее можно слышать только в глухих деревушках. Колонии армян, рассеянные по всей стране лазов, также совершенно забыли свой родной язык и говорят исключительно по-турецки[2]. В настоящее время русский язык вытесняет мало-по-малу турецкий как из Батума, так и из других городов, а христианство снова изгоняет ислам. В этой стране уже попадаются славяне: путешественник Казбек встретил здесь несколько русских семейств, происходящих от беглых, покинувших свое отечество из нежелания отбывать воинскую повинность.

Долине Риона, торговое значение которой поняли еще аргонавты, и в которую тридцать веков спустя, отправились генуэзцы в поиски за тем же «Золотым руном», снова суждено принять на себя значительную коммерческую роль; прошло уже несколько лет, как вдоль этой долины пролегла железная дорога, соединив Черное море с Тифлисом, этот первый участок того железного пути, который современем будет вести в Индию. Но где был путь, по которому ходили прежде греческие купцы? Где был тот город Колхиды, который считался их главным рынком? Смутные предания, между которыми многие, вероятно, заимствованы из классической литературы, ссылаются на экспедиции греческих героев и на развалины в этой стране, в которых признают «дворцы Язона». Шарапан, ныне простая деревня, лежащая у слияния рек Квирилы и Дзирулы, Поти-Тифлисской железной дороги, кичится тем, что она построена на месте того страшного леса, через который должен был проникнуть мифический персонаж, чтобы завладеть Золотым руном. На юго-восток от Кутаиси, у входа в ущелье Хани, существуют другие развалины, расположенные амфитеатром на склонах одного холма: это остатки Багдада, города, бывшего у турок важным укрепленным местом. В прошлом столетии его жители, почти исключительно мусульмане, были изгнаны, но Багдад и до сих пор еще остался довольно большой деревней.

Кутаис, главный город губернии, заключающей в себе самую значительную часть западного Закавказья, занимает очень удобное положение, у перекрестка трех долин, по которым текут Рион, Квирила и Хани, соединяющаяся с Квирилой; здесь же находится начало аллювиальной равнины, которая простирается до самого моря. Прикрытый передовыми выступами предгорий, он хорошо защищен от северного ветра, хотя эта же защита в летнее время часто бывает причиной удушливой жары; впрочем, прохладные воды Риона, протекающего через город, питают роскошную растительность его садов и парков. Существовал ли Кутаис три-четыре тысячи лет тому назад, как гласит об этом предание, и был ли он родиной Медеи,

1 Казбек, „Три месяца в Турецкой Грузии".— Radde und Siewers, „Mittheilungen von Petermann" 1875, № 2.

2 Казбек, там же.

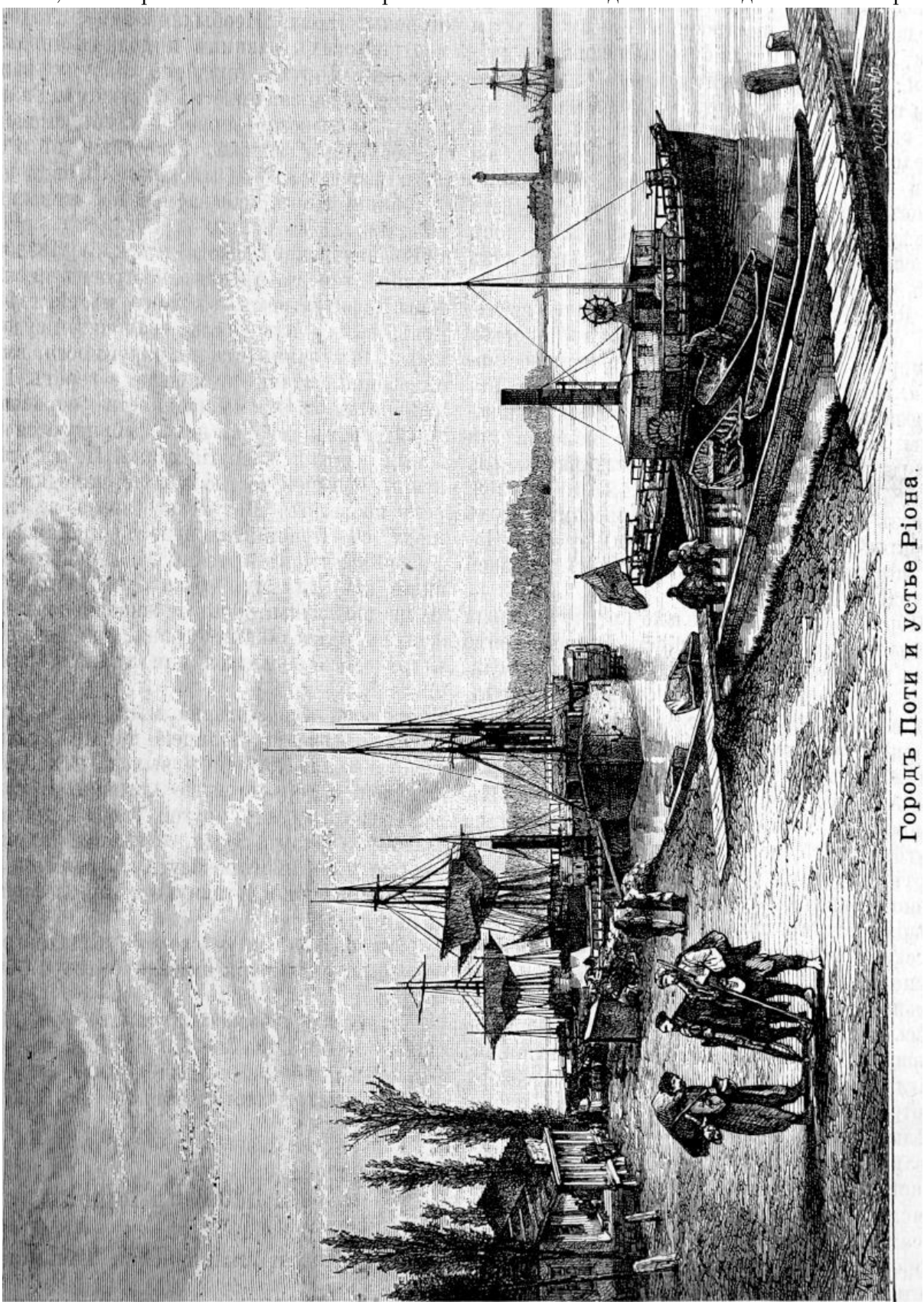
это еще вопрос; несомненно лишь то, что он основан во времена глубокой древности,—так как еще Прокоп упоминал о нем под именем Кататисион'а,—и он не переставал появляться в истории, то как столица Грузии, то как один из важных городов Кавказии, и всегда как укрепленное место, из-за которого спорили цари. Но самый город перемещен: главный квартал его находится пониже акрополя, на террасах, занимающих правый берег реки, а улицы теперешнего Кутаиса тянутся вдоль по равнине, окаймляющей левый берег. Здание наиболее замечательное в городе—остатки собора, построенного Багратидами, в начале XI столетия, на скалах, занятых акрополем: начатый архитекторами армянскими, законченный греческими и приноровленный к местному вкусу, этот храм послужил моделью для всех других церквей в этой стране; развалины его до сих пор еще служат очень ценным памятником грузинского искусства[1]. В последнее время Кутаис быстро разросся: с 4.000 т. жителей население поднялось до 12.000, благодаря торговле и успехам местной промышленности; выделка шляп пользуется особенной известностью[2]. Залежи каменного угля Тквибулы, известные и слегка разрабатываемые еще с половины текущего столетия, не играют до сих пор важной промышленной роли, хотя находятся менее чем в 30 верстах, на северо-восток, от Кутаиса, в горах Накерала, и залегают толщью в 40-65 футов[3]; в этой местности находят также род черного янтаря, из которого выделывают браслеты и другие вещицы, служащие для украшения. С 1879 года, в верхней долине Квирилы начата разработка марганцевой руды, количество которой определяют в несколько миллионов тонн[4]. Несколько выше городка Они, главного торгового пункта верхней долины Риона, находится станция углекисло-железных источников, Уцера, привлекающая к себе ежегодно тысячи купающихся.

Хони, на северо-запад от Кутаиса, у входа в долину Цхениса, служит рынком, где княжеские сванеты сбывают свои продукты; еще ниже, неподалеку от слияния Цхениса с Рионом, находится другое населенное местечко, Кулахи. Эта часть Кавказа наиболее населенная[5].

Орпири, пристань на Рионе, у слияния его с Цхенисом, есть село, в котором живут скопцы, по большой части очень зажиточные, и когда-то организованные на военную ногу для доставки съестных припасов. Торговля в селе уменьшилась со времени проведения железной дороги. Что касается до двух портов Черного моря, Редут-Кале и Поти, то купцы тщательно избегают посещать их, боясь лихорадки, а моряки также обходят их, по причине плохой якорной стоянки. Редут-Кале, имя которого так странно составлено из двух однозначущих слов,—одно французское, другое турецкое,—есть жалкая деревушка, основанная русскими в текущем столетии; она имела еще некоторое значение, как место высадки войск, несмотря на свои невыгодные стороны, так как в её соседстве по нижнему течению Ингура, находятся богатые селения, между которыми особенно многолюдны Зюглиди, Джвари и Цаленджиха, разбогатевшие через шелк-сырец; климат Редут-Кале, впрочем, менее вреден для здоровья нежели других приморских городков; тем не менее он почти совсем оставлен ради города, лежащего южнее—Поти, расположенного у устья р. Риона или Фазиса, от которой и произошло турецкое название Поти-кале-фашь иди «Замки Фазиса». Дома его, окруженные палисадниками, построены на сваях, вдоль реки, в нездоровой, болотистой местности, и раскинуты на пространстве, достаточном для большого города: два раза в год разлив Риона превращает Поти в полуостров. Рейд находится далеко от города, и порт, построенный у самого устья реки, недоступен для судов среднего углубления. Были предприняты дорого-стоющия работы по углублению порта: в подражание тому, что сделал инженер Гартлей для песчаной отмели Сулина, у устья Дуная, продолжены были в море оба берега реки посредством молов, проложенных по морскому дну; вместе с тем желали защитить вход для судов

1 Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase“.
2 Freshfield, „Central Caucasus”.
3 Gustav Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus”.
4 Meounarguia, „notes manuscrites”.
5 Стебницкий, „Известия Кавказского Отд.”. V. 1877.

от сильного северо-восточного ветра, сделав мол с северной стороны гораздо длиннее. Но до сих пор успели только снести песчаную отмель, а в последнее время эта борьба с морем, как кажется, и совершенно оставлена. Порт Риона остается годным лишь для вывоза зерна и



Городъ Поти и устье Ріона.

шелка-сырца; моряки принуждены выжидать благоприятного момента для выхода в море; ввоз также незначительный. В 1876 г. вывоз равнялся 4.721.000 рублей, а ввоз—1.209.000: средним числом в год ввозится на 600.000—1.000.000 рублей. Навигация закрыта в Поти, в

среднем, 205 дней в году[1].

Порт Батум, значительно предпочитаемый предыдущему и находящийся от него менее чем в 50 верстах, на юго-запад, присоединен к Российской империи со времени последней войны. Стремление завладеть им, как якорной стоянкой, составляло одну из побудительных причин похода русских в Малую Азию; хотя они и были отбиты перед Батумом, но турки, проигравшие сражение на другом поле, должны были уступить этот порт, которого русское правительство так давно добивалось. Впрочем, с торговой точки зрения, Батум принадлежал гораздо более русским, нежели туркам. В батумский порт, располагающий 65 футами глубины, заходили большие одесские пароходы, чтобы выгружать здесь на небольшие суда товары, предназначавшиеся для Поти. Батум, под влиянием Англии, объявлен, по Берлинскому договору, порто-франко, что не помешало ему однако сделаться хорошо укрепленным городом: как гавань, он не имеет неудобств речных пристаней, отделенных от моря песчаными отмелями; но полуостров, образованный наносами Чоруха в Черное море, с западной стороны, к несчастью, беспрестанно увеличивается, загораживая песчаными мелями доступ на якорную стоянку, которая уже настолько уменьшилась в размерах, что не может вмещать в себе более двенадцати больших судов. Ничего нет легче, как соединить, в будущем, порт с рекою судоходным каналом, прорывши его в низменной равнине; такой канал, вместе с железной дорогой, откроют, так сказать, двойной вход в Батум: один со стороны Чоруха, другой со стороны Риона. Необыкновенное плодородие мингрельских равнин и долин Ливана в бассейне Чоруха придаст Батуму важное коммерческое значение в будущем. Главные продукты вывоза—зерновой хлеб, хлопок и превосходные яблоки, известные в России под названием «крымских», и наконец, дельфиний жир, добываемый из животных, пойманных в бухте.

Во внутренней части русского Лазистана главный город, Артвин, построен на склоне горы амфитеатром, в том месте, где Чорух, выйдя из клюзы, становится судоходным; он занимает в окружности, вместе с своими садами, не меньше 8 верст. Главный предмет промышленности—окраска материй; кроме того в нем фабрикуются шелковые изделия и другие ткани. Почти все его купцы, большей частию армяне, находятся, через посредство Батумского порта, в сношениях с Константинополем и Марселем. Говорят, что в Артвине лазы наиболее красивы: все дети их могли бы служить образцами для скульпторов и живописцев. Быть может нет таких стран, где бы меньше встречалось больных или хилых, как в Лазии[2].

На юг от Артвина, местечко Ардануч, бывшее некогда столицею царства, расположено на плоскогории у выхода из Адского Ущелья, а гораздо выше Артвина, в самом ядре гор, стоит другой город, принадлежавший туркам, Олти, служащий главным торговым этапом между Ардаганом и Эрзерумом: подобно Артвину, это города, фруктов и цветов.

Из городов и местечек западного Закавказья, следующие имеют более 4.000 жителей:

Кутаиссная губерния: Кутаис—32.023; Зугдиди—5.450; Кулахи—5.350; Джвари—4.850; Цаленджиха— 4.450; Хони—4.000.

Батумская область: Батум—26.162; Артвин—16.456.

VI. Бассейн Куры

Грузия и Закавказская Татария

На Куру и Аракс можно смотреть как на реки-близнецы, независимые друг от друга, они почти равны по длине, берут начало в одной и той же местности, но остаются разделенными между собой, как в верхнем, так и в среднем течении, плоскими возвышенностями и высо-

1 Петровский, „Древняя и Новая Россия", 1879 г. № 3.

2 K. Koch, „Wanderungen im Oriente".

кими горными цепями. Во времена Страбона[1] эти реки имели отдельные устья, а в настоящее время они соединяют свои течения невдалеке от Каспийского моря, всего на 20 футах высоты, среди низменной равнины, которая, по своей пустынности, однообразию и глади, напоминает морскую поверхность. Как области этнографические, оба бассейна, Куры и Аракса, сильно различаются между собою. Положим, как тот, так и другой бассейн населен татарами, но зато по верхнему и среднему течению северной реки живут грузины,—давшие этой реке название Мтквари,—а берега южной реки заняты главным образом армянами. С точки зрения политической, Кура принадлежит всецело Российской Империи, тогда как истоки Аракса берут начало на турецкой земле, а своим правым берегом среднего течения с впадающими в него притоками с юга, он принадлежит персам.

Название грузинской реки: Кура или Кур, мало различается от греческого названия; «Kuros» или «Koros», переделанного французами в Cyrus; один из её истоков бьет ключем и известен у турок под именем «коралловой воды» или «Жемчужного источника». Эта река течет по воронковидной котловине, бывшей в древности озером и окруженной со всех сторон высокими горами; во время таяния снегов эта котловина преобразовывается в озеро, или, по меньшей мере, в болото. Выйдя из впадины через клюзу, Кура пробирается у восточной подошвы Арзианской горной цепи, затем круто поворачивает, течет через целый ряд ущелий, по выходе из которых мало-по-малу спускается с плоскогорий и пробивает себе брешь в горах, окаймляющих эту плоскость. Эти горы суть: с запада—Аджар, а с востока Триалеты, служащие продолжением Аджара и спускающиеся постепенно в равнину, к Тифлису. В нижней части этого ущелья, идущего в виде просеки между Ацхуром и Боржомом, на протяжении 23 верст, Кура низвергается быстрым потоком с высоты, имеющей в общем 535 футов. Выйдя на равнину Карталинии, она поворачивает на восток и, следуя подошве Триалетских гор, принимает в себя все небольшие притоки, текущие в долинах этих гор. В той местности, где Кура берет свое начало, только две или три вершины превосходят высоту 9.850 футов, большая часть высот не достигает этой высоты и не сохраняет снега в продолжение лета.

Почти все плоскогория, с которых берут свои начала верхние притоки Куры, очень неровны и походят на горный лабиринт, но между Ардаганом и Ахалцыхом, те плоскогория, которые тянутся по восточной стороне долины Куры, принимают уже характер настоящих плато. Если принимать в рассчет только выдающиеся пункты хребта, можно сказать, что это плоскогорие есть настоящая горная цепь, которая проходит через всю страну, отделяя Аракс от Куры. Средняя высота этой цепи над уровнем Черного моря определяется в 6.600 футов; но собственно в правильной части плоскогория возвышаются лишь притоки и удлиненные холмы с едва заметной покатостью и вовсе не имеющие вида гор. Впадины этих однообразных плоскогорий наполнены озерами, из которых вода, выливаясь через край, течет частью в Аракс, частью в Куру; но между этими озерами есть и такия, которые не имеют стоков, и вода в них мало-по-малу становится солоноватой: множество глубоких впадин давно наполовину повысохли, и только небольшие болота указывают на существовавшие в древности на их месте озера. Один вид страны ясно свидетельствует о том, что здесь был когда-то огромный озерной бассейн, заливы которого разветвлялись по ущельям окрестных гор. На восток от этого моря действовали некогда вулканы. Двойной ряд вершин с кратерами тянется на восток от Ахалкалаки и в общем имеет вид цепи, направляющейся с севера на юг, перпендикулярно к хребту Триалетских гор. Один из вулканов, Самсар, заканчивается овальным кратером почти в три версты длиною; поток его лавы простирается на северо-запад, на большую часть плато. Большой Абул и Малый Абул, имеющие общее основание, напоминают формой оба конуса Арарата; с их трахитово-порфирных вершин можно видеть, обернувшись к западу, весь Кавказский хребет, Эльбрус и Тебулос-мта.

Другие вершины вулканов, извергавшие когда-то расплавленные каменья, расположены в виде полукруга, у которого, точно в воронке, расположилось прекрасное озеро Торопован,

1 „Livre XI“, chap. IV;—Von Baer, „Kaspische Studien“

заключающее в себе остатки озерной фауны[1] и напоминающее собою обширный кратер, наполненный водою[2]. С высоты этих черных гор, с зияющими внизу расселинами, выщербленными гребнями хребтов, глубокими пропастями и потоками словно и по сю пору клокочущей лавы, представляется величественное зрелище, с несколько, однако, зловещим оттенком: пастухи, бродящие вблизи, стараются избегать этой местности,—в ней «царят злые духи». Извилистые долины Куры, с их тенистыми рощами и журчащими ручейками, резко отличаются от безжизненных плоскогорий и их широких ложбин, размытых рекою; кроме того, там и сям река должна была пробиваться через узкия ущелья между потоками лавы, из которых одни выстроились колоннами, другие поднялись в виде обрывистых утесов и столбов, а на некоторых вершинах виднеются развалины замков[3]. Взятые вместе, эти вулканические массивы, равно как и Триалетские горы, соприкасающиеся с ними и с гористыми террасами, поднимающимися на запад от Тифлиса, составляют как бы начало Малой Азии, вдающейся сюда мысом, и служат для всей страны как бы огромной лабораторией ураганов: почти все бури с градом, в Карталинии, разрешаются на склонах Триалетских гор[4], на узкой полосе, занимающей около 95 верст в длину. Частые градобития заставили некоторые уезды в этой местности совершенно покинуть земледелие и заняться извозом. Другая полоса бурь и градобития простирается у подошвы гор, у Елисаветполя. Еще Вахушт, в своей Географии Грузии, говорит о частых бурях в стране и указывает на то, что они мешают развитию шелководства, так как гром служит главной причиной смертности шелковичных червей.

Вот, между прочим, главные высоты в верхнем бассейне Куры:

Казиль-гийдук (истоки Куры—(10.200 ф.) 3.109 метр.; Большой Абул (вулкан)—(10.960 ф.) 3.341 метр.; Самсар—(10.830 ф.) 3.302 метр.; Годореби—(10.470 ф.) 3.192 метр.; Эмлекли—(10.015 ф.) 3.053 метр.; Койретын-даг (на зап. от Куры)—(9.965 ф.) 3.038 метр.; Арджеван (Триалетские горы)—(9.060 ф.) 2.762 метр.; перевал Канлы (между Курой и Чорухом)—(9.000 ф.) 2.468 метр.; перевал Коджор (между равн. Ахалц. и Тифлиса)—(4.335 ф.) 1.321 метр.

Соединившись с Арагвой, которая несет почти столько же воды, сколько и сама Кура, эта последняя поворачивает на юг, потом на юго-восток, но вообще придерживаясь направления Главного хребта, точно так же, как и её оба притока, Иора и Алазан, по выходе их из горных ущелий. Соединившись с Курою, эти два притока делают ее уже настоящей рекой, а недалеко от её низовьев, там, где Куру пересекает путь, идущий из Елизаветполя в Баку, она несет на себе пароходы, сидящие в воде около 4 футов[5]; только недостаток населения мешает пользоваться этим судоходным путем, более чем в 700 верст длиною, считая расстояние до самого устья Куры. В настоящее время река в своем нижнем течении не приносить иной пользы, кроме рыбного промысла, так как рыба в её водах размножается чрезвычайно сильно. В промысловых местах Сальян, где река разветвляется, у дельты, на несколько рукавов, ловится столько рыбы за-раз, сколько нигде, вероятно, на земном шаре[6]: десятки тысяч красной рыбы и сотни тысяч разной другой рыбы, меньшей ценности, вылавливается ежегодно рыбаками концесионерной компании. Не взирая на административные беспорядки, государство получает дохода с этих промыслов не менее 120.000 рублей. Судя по описанию Палласа, кажется, что в водах Куры лет сто тому назад рыбы было еще больше: тогда вылавливали до 15.000 осетров в один день. Случалось, что в продолжение суток осетры запружи-вали реку, почти сплошной двигающейся массой, несмотря на то, что Кура имеет не менее 70 сажен ширины и 72 фута глубины. Г. Данилевский замечает, что пароходство содействовало уменьшению рыбы в Куре. Бывает, что пароход встречает у входа в реку целые стаи

1 Байер, „Сборник сведений о Кавказе", I, 1871.
2 Абих, „Записки Кавказ. Отдела", VIII, 1872.
3 Dubois de Montpereux, „Voyaue autour du Caucase".
4 Абих, „Записки Кавказ. Отдела", 1879, т. X, кн. 3.
5 „Сборник сведений о Кавказе", 1872, т. II.
6 Von Bauer, „Kaspische Studien".

осетров, тысячами и миллиардами входящих в Куру, для метки икры, и испуганные рыбы, убегая из реки, удаляются в море[1].

Кура, соединившись с Араксом, несет 676 куб. метров воды в секунду; эта восточная река Закавказья содержит сравнительно с своим бассейном гораздо меньше воды, нежели Рион, текущий в западной стороне Закавказья. Меньшее изобилие дождей и большая испаряемость на склоне, спускающемся к Каспийскому морю, объясняют эту разницу. Большая часть бассейна Куры состоит из настоящих пустынь, совершенно лишенных ирригации, но все же, после дождей, настолько богатых травою, что пастухи-татары в весеннее время выгоняют сюда свои стада, пасущиеся летнее время на горных пастбищах. Вообще в Грузии, между реками Курой и Иорой, и между Иорой и Алазаном, простираются каменистые степи,

Типъ татарина.

не имеющие постоянного населения. Кроме верховьев трех притоков Куры, с их низменными тенистыми берегами, вся остальная местность,—камни и глина,—представляет повсюду печальное зрелище полнейшей засухи. В прошлом столетии татары возделывали рис на левом берегу Куры, на север от Елизаветполя, но набеги лезгин принудили их покинуть свои поля, от которых ныне уцелели лишь остатки ирригационных каналов, проведенных от Иоры; стада диких коз бродят по опустевшим пажитям; на правом берегу Куры громадные пространства покрыты полынью и другими растениями пустырей. Татарские пастухи, живущие здесь, устраивают себе в земле настоящие логовища, чтобы укрываться в них зимою от холодного ветра, гуляющего по голым плоскогориям Карайяза: несколько подпор, укрепляющих землянки и выходящих концами наружу, служат единственным указанием на существование подземной деревни. С первых же дней весны, татары с радостью покидают свои грязные жилища, наполненные всякими гадами, и уходят буковыми лесами, на юг, в долы Гокчайя[2]

В этих местах цивилизация отодвинулась назад: пастушеской жизни здесь предшество-

1 „Сборник сведений о Кавказе", 1872, т. III.

2 N. Von Seidlitz,—„Mittheilungen von Petermann" 1830,—„Notes manuscrites".

вало земледелие. Впрочем, нужно сказать, что даже зимою, т.е. в то время, когда уровень реки очень низок, Кура вместе с Араксом дают лишь 194 куб. метра в секунду, но летом, след. в то время года, когда влага наиболее необходима, массу воды, которую можно было бы утилизировать, определяют более чем 1.000 куб. метров в секунду[1]. Единственные значительные работы по ирригации, которые были предприняты тифлисскими инженерами для изучения гидрологии р. Куры, состоят в сущности из нескольких соединенных канав, названных «Мариинским каналом»; этот канал проходит через степь Карайяза (Черный глаз), между Курой и Иорой; к несчастью, местность, выбранная для опытов, оказалась очень нездоровой, и земледельцев, рискующих своей жизнью, является сюда очень немного. Кроме того, инженеры, из страсти к линейке и компасу, проводили желоба с геометрической точностью, не обращая внимания ни на склоны, ни на выпуклости, тогда как местные земледельцы, сооружая свои каналы, относились к неровностям почвы гораздо серьезнее.

В южной стороне восточного Кавказ между Нухой и Шемахой, татарское население, сохранившее в своем владении земли, поучает русских новичков, каким образом вода, которой пользуются умеючи, может превращать пустыни в сады; каждый поток, спускающийся с Главного хребта на равнину, останавливают у выхода из ущелья запрудами, разделяющими его на множество мелких рукавов, из которых каждый в свою очередь наполняет оросительные канавки или желоба, и дробится до тех пор, пока не используется последняя капля воды. В общем все эти каналы и канавки, выходя из горнаго прохода, чтобы оросить эту громадную площадь, имеющую вид полукруга, походят на артериальную систему, которая, разветвляясь по всему организму, несет с собою кровь и жизнь. Вода, предназначенная для орошения, не достигает русла Куры. Но воды этой же реки, проведенные в боковые каналы, могли бы идти навстречу небольшим потокам и превращать, таким образом, степь в плодородные нивы. Некоторые из неорошенных степных пространств опасны для проходящих по ним караванам, по недостатку фуража и ядовитым травам, растущим в этих степях; от здешнего полыня гибнут лошади. В 1722 г., когда армия Петра Великого проходила через эти степи в Шемаху, артиллерия лишилась всех своих лошадей. Сто лет спустя то же самое несчастие постигло армию генерала Цицианова.

Часть степей Карабага и Ширикума, занимая пространство, имеющее форму треугольника, заключенного между Курою и Араксом, а также степь Муган, начиная с правого берега Аракса и низовьев Куры вплоть до самого подножья гор Талыша, были прежде возделанной и населенной равниной. Канал, вырытый 15 столетий тому назад, проходил через степь Карабага и через многолюдный город Билган, разрушенный впоследствии Чинхис-ханом. Когда, двумя столетиями позже, Тимур велел вырыть снова канал, город выстроился опять и существовал еще до прошлого столетия. На восток от Аракса, находят следы многочисленных каналов, проведенных от реки и направляющихся на восток через равнину; но заметно, что возобновление этих каналов не могло бы восстановить прежнюю возможность пользования водой: понизился ли средний уровень реки, или же берега её покрылись наносным слоем, но оросительные каналы очутились на уровне высшем, нежели сама река[2]. Один из таких каналов, проследованный Тороповым, имеет не менее 140 верст длины, а по сторонам его находятся громадные груды развалин существовавшего там довольно большого города[3]. Остатки постоялых дворов (каравансараев) и засоренных водоемов доказывают также, что дорогой, теперь уже оставленной, когда-то пользовались множество путников. Могильные курганы разбросаны там и сям по равнине; на всем полуострове, образованном слиянием Аракса с Курою, тянутся многочисленные ряды окопов, прерываемые кое-где сторожевыми холмами и прикрытиями. Некоторые из этих окопов, нарушающих однообразие степи, идут на протяжении 10 и 15 верст: народ, построивший подобные укрепления для защиты своей территории, располагал, конечно, иными естественными источниками богатства, нежели ка-

1 Beliy et Hubb, „Observatin faites de 1860 a 1869“.
2 Statkovsky, „Climatologie du Caucase”.
3 Торопов, „Кавказский календарь, 1869”.

мыш, солончаки и песок. Население страны стало уменьшаться со времени нашествия монголов, в начале тринадцатого столетия; в ту пору жители, не желавшие вступать в полчища Батыя, покидали свои города и поля, искали убежища в горах. Ирригационные каналы запустели и покрылись тиной; воды Аракса и Куры стали заливать во время половодья все впадины, мимо которых они протекали в прежнее время, и образовали нездоровые и болотистые скопления воды; получились настоящие озера, как например, Махмуд-чаласи, в местах наиболее низких и заполняемых теми реченками, которые очень слабы, чтобы добраться до моря. Вследствие испарения исчезли многие озера, и от них остались лишь солонцы, окруженные как бы красным поясом желтокорня и других растений солончаковых почв; в этой местности, где прежде повсюду протекали оросительные воды, пастухам теперь приходится довольствоваться вырытыми колодцами, в которых еле сочится солоноватая вода. Местами пространства покрыты бесконечным сереньким чернобыльником, а кой-где попадается еще delphinium с его голубыми цветками[1]. И все же было бы сравнительно легко сделать почву плодородной; при земледельческих сооружениях, практикуемых в Ломбардии и в Фландрии, она могла бы прокормил не меньше двух миллионов людей. Исследования, произведенные в 1860 году, с целью ввести ирригацию, показали, что здесь, в низменной равнине, давно покинутой, находится около двух миллионов десятин орошенной земли. Довольно большое пространство в степи покрыто черноземом и недостает только воды, чтобы сделать этот край одной из житниц Передней Азии. Даже и без орошения, почва у подошвы гор Талыша настолько еще влажная, что позволит возделывать громадные поля зерновыми растениями, могущими служить предметом значительного вывоза в Закавказье; раскольники, живущие здесь богатыми деревнями, стали вести большую торговлю с тех пор, как им была дана свобода передвижения в пределах страны. Ни в какой другой части Кавказа не привилась так хорошо колонизация, как здесь.

Прежде опасались, что вторичной разработке почвы может сильно препятствовать нездоровость климата, зависящая, как и в французском Комарге, от разложения органической материи действием лучей палящего солнца; но эта нездоровость, кажется, была преувеличенной. Страшный летний зной, которому приходится иногда подвергаться в этих равнинах, выразился в легенде, повествующей о ядовитых змеях, покрывающих собой эту равнину и преграждающих в нее доступ. Плутарх говорит, что армия Помпея, опасаясь быть съеденой, отступила при виде множества этих гадов; наконец, еще не так давно, в 1800 г., русские, с генералом Зубовым во главе, проходившие зимою через эту степь, видели землю, сплошь покрытую окоченевшими гадюками[2]. Даже дикия животные, как говорят, не осмеливались переходить через эту степь. Однако Торопов и другие путешественники указывают на то, что, напротив, пресмыкающиеся, змеи и скорпионы очень редки в степи Муган, а пастухи, бродящие здесь, ничуть их не боятся и даже роются в земле, отыскивая трюфли, которых здесь очень много. Если поверие относительно змей есть не более, как выдумка, то черепах водных и сухопутных во всех влажных местах здесь особенно много. Иногда в степи попадаются стада диких коз, скачущих вдали по равнине. Птицы вьются целыми тучами вокруг болот и текучих вод, у дельты.

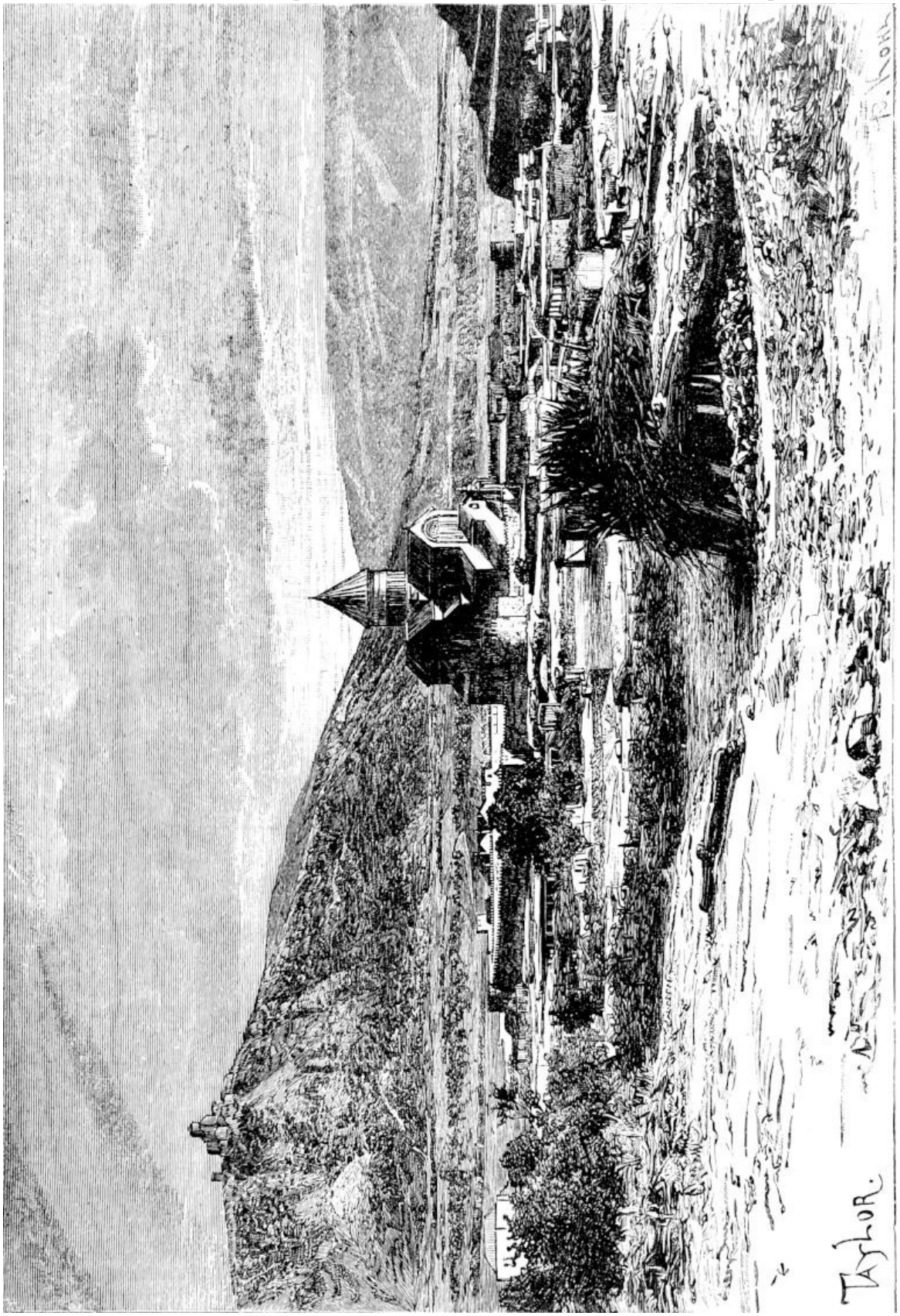
Кура может, современем, содействовать возобновлению земледелия в своем бассейне не только своими водами, но также и илистыми осадками, которые теперь уносятся в Каспийское море. Эта река, подобно Риону, беспрестанно завладевает морским берегом, и её изжелта-красноватые волны, более легкия, чем соленая вода, врезываются далеко в море. С 1829 по 1862 г., т.е. в период тридцати трех лет, приращение континента, как показывают сравнительные карты, равнялось 120 кв. верст, след. около 4 кв. верст ежегодно[3]. Главное течение реки точно также пробивается через кордон дюн, служащих нормальной линией берега; выйдя за эту черту, река разделяется на два рукава, образуя при сем полуостров, примыкаю-

1 Фон-Зейдлиц, „Русское Обозрение". 1879.

2 Gamba, „Voyage dans la Russie meridionale", II.

3 Von Bauer, „Kaspische Studien";—„Кавказский календарь 1869".

щий к матерой земле островками и наносными отмелями. Акуша, западный рукав дельты, разделяется в свою очередь на несколько вторичных рукавов, из которых каждый вдается далеко в залив Кизыл-Агач. Кроме того, заметно, что к сторонам дельты примыкает множе-



Мцхеть, бывшая столица Грузіи.

ство континентальных язычков, очевидно наносного происхождения и образованных блуждавшими рукавами Куры; волны, гонимые с северо-востока полярным ветром, направляясь к суше, сглаживали неправильные очертания морского берега, заполняя их аллювием, и

придали берегу закругление в форме серпа, обращенного вогнутой стороной к суше. Остров Сари, расположенный на юго-запад от крайней оконечности этого полуострова, увеличивается подобным же путем; те же самые волны приносят к нему землистые частички и отлагают их на песчаном берегу островка. Весь берег Ленкорани получил также прирост, благодаря частичкам земли, приносимым к нему волнами, с размываемой дельты Куры. Таким же образом образовался и тот ряд болот, что раскинут у подножья предгорий Иранской возвышенности. В этих нездоровых местностях комары кружатся над землей такими густыми роями, что татары принуждены пристраивать у своих жилищ павильоны, или вышки в роде сторожевых будок, довольно, впрочем, живописных, где они обыкновенно проводят ночь, чтобы избегнуть нижних слоев атмосферы, наполненных насекомыми.

Горный округ Ленкорань, которым Россия завладела у своей соседки, как бы в виде залога, или ипотеки, принадлежит географически Персии, и есть не что иное, как кайма из горных террас, поднимающихся на юг от Каспийского моря, с господствующим среди них вулканом Савалан. Пробираясь по склонам гор, лежащих в их территории, русские войска достигли горных проходов, расположенных на высоте 6.309—6.600 футов, откуда им уже не представлялось никаких затруднений выбраться и на Иранскую плоскую возвышенность. В этой стране, орошаемой обильно дождями, приносимыми с Каспийского моря муссоном, дующим правильно с севера, флора и фауна разнятся с кавказскими; в этой пограничной области, где водятся тигры, пышные леса могут быть отнесены отчасти к тропическим; но лесные породы, ростущие на высоте большей, чем 660 футов, и покрывающие склоны Талыша вплоть до 6.000 футов высоты, во всяком случае, принадлежат скорее к флоре средней Европы[1]. Очень мало таких стран, где бы разница в флоре была так ощутительна, как здесь между склонами гор Талыша и степью Муган, на которой, в её безводной части, встречается не более пяти растительных видов[2]. Конечно, дожди на цоколях Иранского плоскогория вчетверо обильнее, чем в степях, и среднее количество дождей выпадающих в Баку, равно всего 0,34 метра, тогда как в Ленкоране эта величина определяется в 1,33 метра[3]. Если смотреть на эту область со стороны этнографической, то она лежит вне Кавказа и всецело принадлежит к персидской территории.

На север от Куры, в стране, сохранившей еще со времен персидской эпохи, свое прежнее название—Ширвана,—несколько холмов, отделенных равниною, повидимому, составляли прежде часть горной системы Кавказа; размываемые постоянно водою во время продолжительного геологического периода, они отделились от контрфортов Кавказа и остались среди степи, на расчищенной вокруг них местности, как свидетели минувшего. Эта область была подвержена не только изменениям медленными действиями воды, но не редко была потрясаема и действием подземной силы. Землетрясения здесь часты; город Шемаха в особенности сильно страдает от них, несмотря на то, что дома в нем строятся очень низкими и приспособленными к сопротивлению колебаниям почвы; в 1669 году, когда этот город был самым многолюдным во всем Закавказье, одно сотрясение, длившееся всего лишь несколько секунд, превратило его в груду обломков, и 8.000 душ погибло под его развалинами. Местная хроника гласит, что деревня Лача, лежавшая на юг от Шемахи, была совершенно поглощена разверзнувшейся почвой, со всеми своими жителями и стадами. В мае 1859 г. новое землетрясение, которому, к счастью, предшествовали, за час времени, легкия колебания и подземный гул, разрушило Шемаху и промышленную деревню Боскал; большая часть жителей, вместе с властями, покинули город, а Губернское Правление было переведено в Баку. В 1872 г. земля еще раз поколебалась под Шемахой. Исследованиями Абиха доказано, что действие подземных сил распространяется в этой местности с северо-запада на юго-запад, по продолжению оси Кавказских гор, и что самый город мало удален от центра сотрясений[4].

1 Schneider, „Dresden Geographische Cesellschaft“, nov. 1879.
2 Торопов, там же.
3 N. Von Seidlitz, „Historische ethnographische Skizze des Gouv. Baku”
4 „Записки Кавк. Отд. Русс. Геог. Общ.“, т. V. 1862.

Бывали случаи, что из глинистой или каменистой массы со взрывом вдруг начинала извергаться нефть, сопровождая извержение дымом и пламенем; остатки одного из подобных взрывов, виденных ботаником Кохом в равнине, лежащей южнее Шемахи, покрывали собою поверхность, имевшую около версты в окружности, при чем соленая вода, отзывавшаяся на вкус нефтью, заполняла собою трещины, образовавшиеся в почве[1].

Апшеронский полуостров[2], составляющий восточное продолжение Кавказской цепи, а с ним и весь берег до самого устья Куры, служат ареной непрерывной вулканической деятельности: извержения газа и горячей воды, источники нефти, вулканы, выбрасывающие грязь и даже лаву, свидетельствуют о постоянном подземном брожении в этой местности, расположенной полукратером вокруг Бакинского залива. Казалось бы, что силы, приподнявшие Кавказский хребет, стремятся в этом месте продолжить его через Каспийское море[3], между тем известно, что уже в новейший период здесь происходили местные понижения, как доказывают это постройки в порте Баку, погрузившиеся в воду, и остров Наргин, который, как говорит предание, был прежде частью материка[4]. Ханыков показал, что с X столетия и по днесь, берег Каспийского моря у восточной оконечности Кавказа был подвержен попеременным колебаниям[5]: приподнявшись на 60 футов выше теперешнего уровня берега, он спустился потом на $16^1/_2$ футов, после того поднялся снова и затем опустился опять. Как Апшеронский полуостров, так и различные острова, служащие его продолжением с восточной стороны, очевидно приподняты с морского дна одним подземным толчком, неравно, однако, распределившимся, ибо самый рельеф почвы представляет ряд многочисленных складок, в виде куска скомканной материи, происшедших несомненно от бокового нажатия. На полуострове находятся вулканы, выбрасывающие грязь, и конусы их достигают следующей высоты: Бос-даг 1.180 футов, Осман-даг 1.305 и Кирики 512 фут. Все впадины в почве заполнены болотами. Что касается конечной части полуострова, то она, как и песчаная дельта Куры, была, так сказать, срезана волнами в форме серпа. Св. остров, «Святой остров», называемый также Палагайем, на север от оконечности Апшерона, принял подобную же форму. Этот остров, как и другие прилегающие к нему, происхождения вулканического: один из них, Кумани, поднялся со дна в 1864, а другой, Лозы, имел в 1876 году три извержения и выбрасывал каменья, долетавшие до мыса Алата, на континенте[6]. Вокруг полуострова резвятся многочисленными стаями тюлени, но за-то рыбы здесь очень мало, что объясняют присутствием в воде газов и нефти.

Во многих местах Апшеронского полуострова достаточно слегка пробить верхний слой почвы, чтобы из неё стал выходить горючий газ; маленькая искра причиняет целый пожар, который может прекратить только сильная буря или проливной дождь. Бывает иногда, что пламя появляется произвольно, и нередко в бурную ночь виднеется зарево, отражающееся на боках холмов. Даже среди моря нефть бьет ключом и разносится далеко волнами в виде пленки, поддернутой радужными цветами. Около мыса Шихова, на юг от Баку, извержение газа производит такой сильный водоворот, что моряки принуждены бросать якорь, во избежание опасности[7]. Стоит только кинуть в подобный поток зажженую паклю, как газ мгновенно воспламеняется и на поверхности воды начинают распространяться сверкающие волны. В других местах подземные силы не ограничиваются извержением газа, петроля и асфальта, но приподнимают морское дно; еще недавно заметили один островок, появившийся около Баку. Легенда о Прометее, похитившем огонь, быть может, имела в народном вообра-

1 „Wanderungen im Oriente“.

2 Название этого полуострова происходит от персидских слов: abi-cherin (пресная вода), и далее, вероятно, по той причине, что изобильный источник таковой воды находится у самого мыса, лежащего против Св. Острова. (Березин, фон-Зейдлиц).

3 Абих, „Записки Кавк, отд.“ VI, 1864.

4 Eichwald, „Reise auf den Kaspischen Meere und in den Kaukasus“.

5 „Записки Кавк. отдела“, т. II.

6 „Известия Кавк. отдела” IV, 1876,—Лосенко, „Русское Обозрение”, 1879, №10.

7 Абих, „Записки Кавк. отдела Русск. Геогр. Общества”, т. VI, 1864.

жении некоторую связь с появлениями пламени на холмах и водах Баку.

Главный источник горючего газа находится в четырнадцати верстах на северо-восток от Баку, близ деревень Балахан и Сурахан, на берегу одного довольно большого соленого пруда. Эта местность, известная под названием Атеш-га, стала знаменитым как священное место у огнепоклонников. Кажется однако, что это святилище поклонников огня, в его теперешнем виде, существует не так давно, как это обыкновенно полагают: начало основания его относится к XVII столетию, к той эпохе, когда множество купцов из Индии посещали дворы татарских ханов в Дербенте, Шемахе и Баку. «Храм огня»—очень скромное помещение, занимающее, как бы из милости, угол на одном громадном заводе, служащем для обработки петроля и асфальта; завод снабжается непосредственно газом, выходящим из земли и имеющим значение не более, как горючего материала. Исполняющие роль священнослужителей не имеют никакого понятия об их настоящей религии: на алтаре, рядом с изображениями Сивы, стоят сосуды, относящиеся к парсийскому культу, русские иконы Николая Чудотворца, образ Богородицы, католическое распятие, и всем этим реликвиям воздается равное почитание[1].

Промышленное значение этого колосального «завода», устроенного самою природой на Апшеронском полуострове и Св. острове, значительно возросло за последние годы. Продажа нефтяных участков земли принесла государству более 3-х миллионов рублей. Нет ничего проще устройства обжигательных печей в этой стране: достаточно зажечь газ, выходящий из трещин в слоях известняка, чтобы камни стали мало-по-малу обжигаться до желаемой степени. В частных домах и на соседних заводах пользуются этим газом для топлива, освещения и кухни; свет, получаемый от Балаханского газа, далеко не так силен, как свет от обыкновенного уличного, так как он менее богат углеродом. Поднятием своим на поверхность земли нефть обязана напору этого газа, проталкивающего ее через слои песку и булыжника, залегающих под поверхностью наружного пласта третичного образования; поднимаясь с глубин, нефть увлекает с собою большое количество песку, который, скопляясь вокруг отверстий, образует конические пригорки, вышиною до 50 футов. До сих пор не видно, чтобы 700 нефтяных колодцев, вырытых в окрестностях Баку, до глубины 260-330 футов, были бы близки к истощению: из них получается пять шестых всего петроля, добываемого на Кавказе; с 1870 по 1878 г. производство более чем удесятерилось: построена целая флотилия пароходов и парусных судов для перевозки этого продукта. Но неопытность людей, занимающихся нефтяным промыслом, служит причиною громадных потерь; так, например, одно время Балаханский источник, дающий ежедневно 4.800 тонн, в продолжение месяца бил «в пустую», за неимением готовых резервуаров для собирания нефти[2]. Многие из бакинских пароходов отапливаются минеральным маслом.

Нефтяной промысел на Кавказе распределялся в 1871 г. следующим образом:

В Терском округе было 172 источн., давших—29.930 пуд.; в Дагестане было 127 источн., давших—12.749 пуд.; в Кубанской обл. было 14 источн., давших—97.890 пуд.; в Тифлисской г. было 99 источн., давших—69.347 пуд.; в Бакинской губ. было 285 источн., давших—1.138.023 пуд. Итого 697 источников, давших 1.372.149 пуд.

В 1878 г. один только Бакинский нефтяной промысел дал 19.536.020 пуд., при чем экспорт равнялся 9.894.994 пудам, или 162.000.000 килограммов (по Лисенко). Добывание соли имеет для Баку также некоторое значение: в 1876 году её добыто здесь 7.300 тонн.

В центральной части Закавказья, равно как и в западной, численный перевес населения лежит на стороне грузин или картвел, потомков тех иберийцев, о которых упоминает Страбон. Изображения, находимые в гробницах, представляют тот же тип и даже ту самую прическу, какие можно видеть и у теперешних обитателей страны: в этом отношении ничего не изменилось за протекшие две тысячи лет. Владея страной в самые отдаленные историче-

1 De Gobinean, „Les Religions et les philosophes dans l'Asie centrale".

2 Абих, „Записки Кавказского Отдела", X. 1876.

ские времена, грузины сохранили до сих пор, если не свою независимость, то во всяком случае этнографическую цельность и наречия, имеющие по своему происхождению общие начала. Прежде они владели территорией более обширной, и несмотря на то, что их страна подвергалась в различные эпохи нашествиям персов и мидян, армян, монголов, турок, и наконец славян, грузины до сих пор еще занимают все земли от равнин Куры до Требизонда и от Эльбруса до Арзиани, следовательно, пространство, равное почти Франции. Из всех народов Кавказа грузины, в числе, превосходящем миллион душ, сгруппировались наиболее тесно, и среди их населения чужеземцев встречается менее, чем где-либо. Тифлис, главный город всего Закавказья, расположен в Грузии.

Как политическое государство, Грузия имела свой период процветания и военной славы[1]. Особенно в XII веке, в царствования Давида «Возстановителя» и Тамары, картвелы господствовали над всеми другими странами Кавказа: имя Тамары осталось популярным от Черного моря до каспийского. Во всех горных долинах имя её послужило предметом бесчисленных легенд и народных песен; большая часть рассеянных всюду развалин слывет за остатки её дворцов или крепостей; как правительница, она в народном изображении стоит на-ряду с Александром и как святая—с св. Георгием и пророком Ильей. Но период могущества Грузии длился недолго; вслед за нашествием Чинхис-хана наступил ряд беспрерывных войн и междуусобиц. Борьба прекратилась лишь в 1802 году, когда Грузия стала оффициально русской провинцией, будучи и до того времени фактически таковою. Географическое положение Грузии не позволяло её населению сплотиться в одну целую нацию и поддерживать свою независимость. Большая часть картвелов жили в раввине, а условия почвы и климата заставляли их, как земледельцев, рассеиваться по деревням. Они окружены со всех сторон горами, обитатели которых, живя в своих тесных, холодных и бесплодных долинах, бросали завистливые взгляды на равнину, и всегда, когда представлялся удобный случай, спускались в нее на грабеж. Кроме того, грузинская территория разделена на три части, совершенно разграниченные между собою горами и лесами: на востоке—долина Куры, в центре—долины Риона и Ингура, а на западе—Чоруха; все эти три части—местности, географически различные между собою, и весьма естественно, что население каждой из них жило особой политической жизнью. При том, владения грузин представляли по форме слишком длинную полосу, вытянутую по направлению с востока на запад, и вследствие уже одного этого условия, раздробление всей нации на различные народности было почти неизбежным.

Картвелы или собственно карталины, сохранившие еще название, принадлежавшее целой нации,—это грузины, живущие на восток от Сурама, в равнине озерного происхождения, центр которой есть Гори, а крайняя точка Мцхет, древняя столица Карталинии. В восточной части картвелы смешиваются с тифлисскими грузинами, и название последних часто употребляется как общее для различных народностей Грузии. Кахетины, занимающие самую восточную часть Грузии, живут в долине Иоры и Алазана. На запад от Сурама, долины Риона, Цхениса и низовье Ингура населяют имеретины и мингрельцы; гурийцы занимают северный склон Аджарских гор, а по другую сторону этой стены и отчасти в бассейне Чоруха живут лазы. Наконец, сванеты и еще кое-какие племена приютились, словно в крепостях, в горных долинах Кавказа. Карталины различных семей не вполне могут понимать друг друга, вследствие примеси чужеземных слов, вошедших в местные идиомы; тем не менее от Требизонда и до Тифлиса все наречия чрезвычайно между собою схожи; у грамотных карталинцев единство языка поддерживалось с помощью письменности, издававшейся на грузинском языке. Карталинская литература существует не позже, как с десятого века: начавшись с перевода Библии, мало-по-малу она разросталась благодаря религиозным сочинениям, поэтическим произведениям, песням, драмам и научным книгам, а в настоящее время обогатилась переводами иностранных сочинений и периодическими изданиями[2]; но дальнейшая об-

1 Еще в первом веке по Р. Х., когда парфяне овладели Арменией, то император Нерон, за содействие, оказанное грузинским царем в изгнании парфян, подарил ему часть Армении, граничившей с Грузией. *Прим. перев.*

2 Лучшие историка, поэты, переводчики св. писания, были родом из Верхней Карталинии. *Прим. пер.*

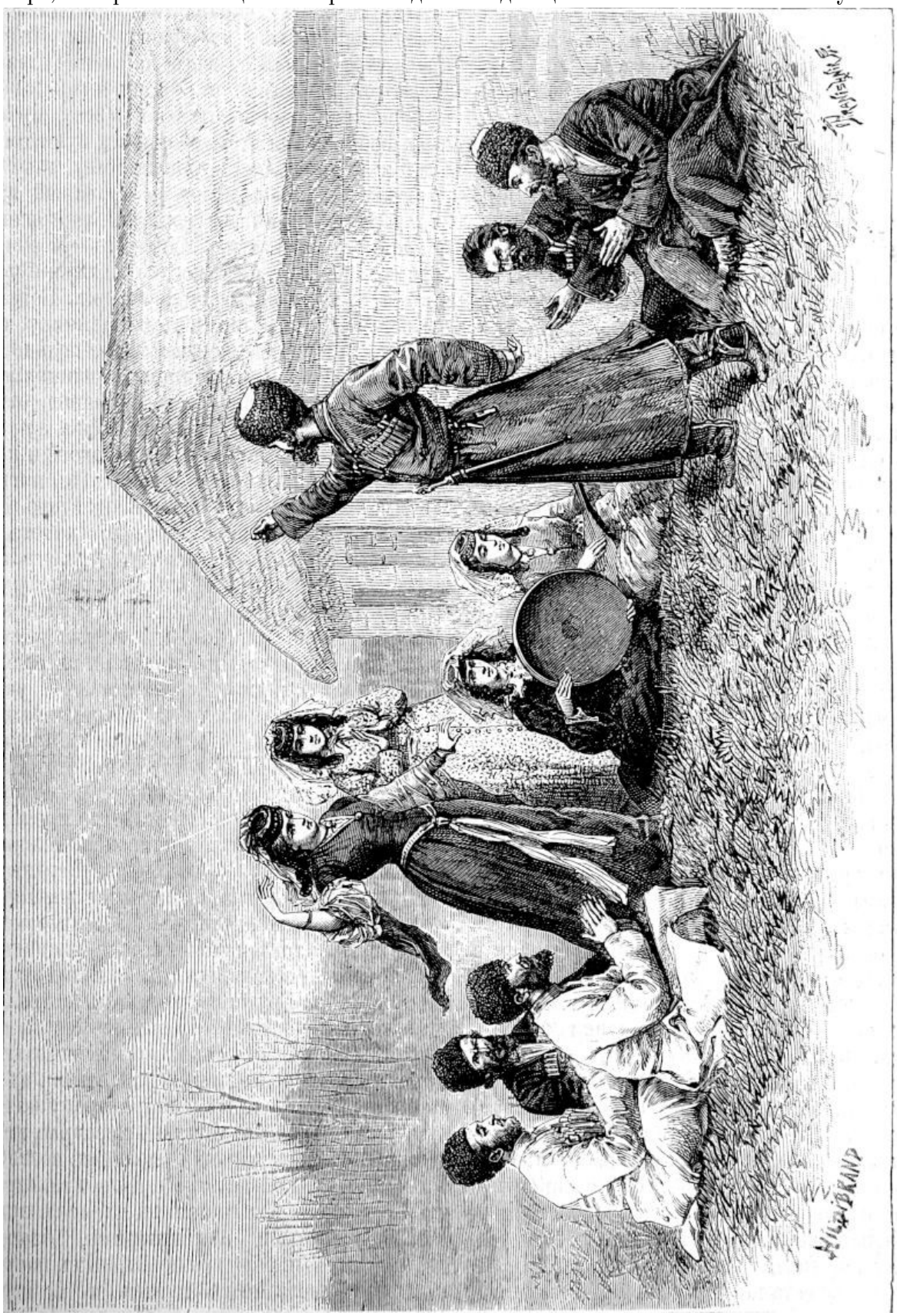
работка языка и умственное развитие нации были приостановлены крайними мерами, вызванными в видах централизации. С 1807 года грузинские архивы и ценные памятники литературы, находившиеся в Тифлисе, были перевезены в С.-Петербург. Употребление картвельского языка заменено языком победителей и изучение русской речи стало обязательным во всех школах страны. На грузинский язык, причисляемый одними авторами к индо-европейскому корню, а другими—к группе алтайских наречий, можно смотреть, как на язык, занимающий самостоятельное место: таково мнение Клапрота[1], поддерживаемое Цагарелли, грузинским филологом, так тщательно изучившим грамматику своего языка[2]. Грузинский язык, подобно басскому в Европе, есть остаток того языка, который был прежде в употреблении в Азии на значительно большом пространстве и который не имеет никакого родственного отношения к диалектам арийскому, семитскому и уральскому. Что касается до грузинского алфавита, употреблявшагося еще в X веке, если еще не раньше, то он так же, как и армянские буквы, взят из арамейского алфавита, через посредство пельви и зенда[3].

За исключением большей части лазов, обратившихся в мусульманство, все карталины христиане, православного вероисповедания, и считают своим патроном св. Георгия Победоносца; обыкновенно полагают, может быть и основательно, что по имени этого святого и самая страна стала называться Георгией, откуда, с местного произношения, получилось русское: Грузия. На севере от Риона и Куры, св. Георгий почитается более всех других святых; между тем как на юг от этих рек и в стране, занятой армянами, культу св. Марии всюду предшествовала Ма или Мая, богиня плодородия почвы и покровительница жатвы[4]. Грузины стойко держались своей религии и, несмотря на свой кроткий характер, энергически выдерживали религиозные преследования со стороны турок и персов, во времена нашествий. Византийская архитектура грузинских церквей, введенная из Армении[5], приняла в средние века оригинальный характер и особенно развилась в X и XI столетиях, в эпоху национального могущества. До сих пор еще видны принадлежащие к этому времени великолепные куполы, колокольни и своды чрезвычайно грациозной и легкой постройки. Даже в долинах гор, наиболее удаленных, встречаются, к удивлению, церкви, с замечательно выдержанным стилем, расположенные большею частью на холмах, среди тенистых рощ, что придает им еще более красивый вид. Почти все церкви были приспособлены к тому, чтобы они могли одновременно служить и крепостями: в подземельях, о существовании которых трудно даже и подозревать, местное население находило себе убежище во время войн. В Кахетии, в скалах Караязской степи, раскинувшейся в долине Йоры, находится много пещер, служивших прежде церквами или монастырями, и вырытых, как говорят, в IV веке[6]. Во всех горных местностях Карталинии крестьяне указывают на пещеры, вьющиеся лабиринтом, в которых жили пещерные люди. Попадаются также, в числе нескольких сот, какие-то странные башни, напоминающие собою сардинские nuraghi; первоначальное назначение их остается неизвестным, хотя каждый такой памятник имеет свою легенду.

Способ постройки грузинских жилищ держится в течение двух тысяч лет; целые деревни состоят из ям, вырытых в земле или в скалах и прикрытых грудой хвороста или же глиняной крышей, на которой так любят возседать женщины, пользуясь вечерней прохладой. В большей части грузинских городов множество зданий до сих пор еще покрывают, следуя обычаю, не кровлей, а слоем битой глины, фута в 2 толщиною, с слабой покатостью, только что необходимой для стока воды в отверстия, устроенные в низеньких стенках, окаймляющих террасу. Густая трава, в которой обыкновенно преобладает lepidium vesicarium, из семейства крестоцветных, растет на этой земляной крыше, напоминающей собою воздушные

1 „Voyage au mont Caucase et en Georgie“.
2 О грамматике грузинского языка.
3 Lenormann, „Intrroduction a un memoire sur la propagation de l'alphabet phenicien dans l'ancien monde”.
4 „Русское обозрение”, 1878, № 11.
5 Dubois de Montpereux, „Voyage author du Caucase”.
6 Берже, „Русское обозрение”

сады; но летом трава на площадках увядает, и, чтобы уничтожить ее, прибегают к огню; выжигание производится обыкновенно в ночное время, что придает странному зрелищу вид пожара, быстро скользящего по кровлям домов и длящегося всего несколько минут. С гигие-



Типы и костюмы имеретинцевъ.

нической стороны, эти площадки избитой глины гораздо предпочтительнее европейских крыш: они поддерживают в жилье более равномерную температуру, умеряя ее летом и сохраняя лучше зимою: только из неуместной подражательности, тифлисские баре строят

свои дома в западном стиле.

Грузины, живущие в бассейне Куры, так же как и их западные соседи имеретины, мингрелы и лазы, вполне заслуженно славятся своей красотой; у них роскошные волосы, большие глаза, белые зубы, нежный и чистый цвет лица, стройная и гибкая талия, маленькие и сильные руки; но вместе с тем, они кажутся не так красивы, как картвелы черноморского прибрежья, а их женщины почти всегда раскрашены, вялы, непривлекательны, взгляд их и улыбка не озарены мыслью. У большей части грузин цвет лица красный, почти багровый, причиняемый, конечно, неумеренному употреблению вина; при всяком удобном случае грузины берут кубок с вином, и, произнося татарские слова: алла верди, т.е. «это дар божий!», опоражнивает его в честь друзей[1]. Кахетины в особенности гордятся вином, которое производит их земля, грузинское Эльдорадо, и пьют его в большом количестве; до той поры, пока не посетил эту страну oidium (род грибка), разоривший виноградники, средней порцией деревенского рабочего было не менее двух кружек в день. Их вино,—единственный почти напиток, употребляемый в этой стране, может, как полагают, поспорить подчас с лучшими сортами Запада; один из предметов, так часто бросающихся в глаза в Кахетии, это—бурдюки из бычачьей или свиной шкуры, с торчащими оконечностями, привешанные обыкновенно у дверей лавок, или перетаскиваемые в телегах и вздрагивающие при каждом толчке, точно живые. Для того чтобы кожа сохранила свою гибкость, ее иногда сдирают с живой твари, а после этой варварской операции шкуру смазывают нефтью, что придает вину неприятный запах, с которым, впрочем, иностранец свыкается очень скоро.

Несмотря на плодородие почвы и относительно слабую населенность, сельские жители по большей части очень бедны и обыкновенно располагают всего лишь одной жалкой лошаденкой, шелудивыми коровами и овцами, с шерстью, похожей на войлок. Подобно имеретинам и мингрелам, хотя и в меньшей степени, грузины испытали на себе крепостное право. С 1864 и 1866 г. они были наконец освобождены от прикрепления к земле: крепостное состояние уничтожено в различных губерниях Закавказья тремя и даже пятью годами позже, чем в остальных областях Российской империи; но помещики, оставаясь крупными собственниками, не скоро отвыкли относиться к крестьянам как к животным, и подчинять их своему капризу, а нравы, привитые народу рабством, до сих пор еще не успели стереться. Большинство грузин неряшливы и беспечны, но зато они веселы, общительны, прямодушны, что заставляет забывать их непривлекательные качества; в общем грузины считаются менее развитыми, нежели другие кавказцы; в школах, где им приходится учиться вместе с татарами и армянами, они стоят, по способности к изучению иностранных языков, по наукам и легкости изложения, ниже других[2]; но это, может быть, происходит от разницы в подготовке между теми и другими детьми: грузины принадлежат к сельскому населению, между тем как армяне—к горожанам. Воровство—порок почти неизвестный между грузинами и армянами, живущими в Грузии. В судебные учреждения в Тифлисе сравнительно очень редко поступают жалобы о кражах, и еще реже в подобных случаях преступниками оказываются туземцы. Надо заметить однако, что многие из них занимаются воровством в несколько иной форме— незаконной торговлей. Царь Вахтанг, издавший свод законов для своей страны, не питал, кажется, особенного доверия к честности своего народа: «Я составил этот кодекс, писал он, но в Грузии никогда не произносились справедливые приговоры,—да никогда и не будут произносить их»[3]. Кроме тех варварских наказаний, которые употреблялись прежним грузинским правительством, русские ввели еще в этой стране карательную меру, наиболее унизительную—телесное наказание. «Наказать по-русски» стало синонимом—«высечь розгами»[4].

Одна из черт, наиболее замечательных в грузинском народе, это их любовь к песням и

1 Koch, „Wanderungen im Oriente"
2 Bodenstodt, „Die Volker des Kaukasus"
3 Reineggs, „Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus".
4 Владыкин, „Путеводитель по Кавказу".

танцам. Грузины не обладают большими музыкальными способностями, и их язык, обильный гортанными и свистящими звуками, едва-ли создан для мелодий, но, тем не менее, они могут петь под звуки дайры (бубен или трехструнной балалайки), по целым дням. Они, можно сказать, способны сопровождать напевом каждое свое движение. Выпалывая поля кукурузы, или исполняя другие полевые работы, мужчины, расположившись правильными группами, поют в несколько голосов песни, соответствующие роду работы, и по мере того, как подвигаются вперед, понижают голос; ускоряя движения, ускоряют и такт. Дойдя до конца борозды, рабочие сразу останавливаются и затем снова, напевая в такт, возвращаются назад, следуя в пении тому же порядку. Суровые помещики, наехавшие к ним из пасмурной России, думали было сначала прекратить это пение, но потом уступили: работа без веселых песен плохо спорилась у имеретинских поденщиков.

Обязанность справлять многочисленные праздники, похожие на французские «freries и ducasses», обычай возвел на степень закона. Пешком, верхами, в скрипучих арбах, все население переносится на место празднества, избирая для этого сборным пунктом почитаемый храм или дубовую рощу, так как грузины любят природу и красивый кругозор. Песни и танцы, угощения, торговля, выполнение религиозных обрядов—все идет своим чередом; но самое богослужение исполняется с особенным увлечением. Богомольцы подходят с пением к священнику, чтобы тот снял с их шеи железное кольцо, свидетельствующее о временном подчинении своему святому, а затем, освободившись от колец, приносят жертвоприношение в виде барана или быка, предназначенного для празднества. Часто при этом, кидаясь в ноги молящимся, появляется невеста «белого Георгия», одетая в белом: тот, кто хочет проникнуть в церковную ограду, должен переползти через нее или же перепрыгнуть[1]. Случается нередко, что армяне и татары-мусульмане, пришедшие на праздник с торговыми целями, невольно заражаются религиозным пылом грузин и принимают участие в их пении и обрядах[2]. За религиозными танцами следует обыкновенная пляска и игры, принимающие иногда характер сражений: победители завладевают кушаками побежденных, одевают на себя их громадные бурки, а на голову напяливают величавые папахи. Прежде подобные битвы устраивались и на улицах Тифлиса, в память изгнания персов, при чем воинственный азарт заходил мало-по-малу так далеко, что на месте празднества всегда оставалось несколько трупов.

Восточная Грузия, равно как и западная, в этнографическом отношении богата малодоступными областями, которые заняты горцами, еще очень недавно открывшими к себе свободный доступ. По одну сторону их живут сванеты, а по другую—хевсуры, пшавы, тушины. Самые высокие долины восточного Кавказа, в соседстве с Борбало, служили приютом для беглых всех племен и наречий, впоследствии изменивших, благодаря долгому пребыванию среди горных пастбищ и снегов, если не свой тип, то во всяком случае, внешний вид, и сгруппировавшихся в небольшие народности. Чеченцы, лезгинцы, грузины, и даже евреи, говорит предание, вошли в состав новых племен; но главный элемент, преобладающий в этих группах, набирался с юга, и грузинский тип попадается на глаза путешественнику чаще других[3]. Исповедывание ими христианской религии указывает также на то, что среди этих народцев влияние грузин было преобладающим. На северном же склоне гор общепринятый язык происхождения чеченского.

Гора Борбало заслуживает внимания, как центр, из которого реки расходятся во все стороны в виде лучей, и в то же время как этнографическая грань. На восток от неё, орошаемая двумя речками, образующими Андийский Койсу, находится Тушетия, на юг—Алазан, протекающий по Кахетии; по берегам его живут отчасти тушины, но главное население состоит преимущественно из грузин, разместившихся в долине реки; на юго-запад—истоки Иоры, а также восточные притоки Арагвы, пробегают по земле пшавов. На запад и северо-запад, на

1 „Кавказ“, 1878, №№ 229 и 230; „Русское Обозрение“, 1878, №11.

2 Дубровин, „Вестник Европы“, 1868, апрель и май.

3 В разговорном языке пшавов, тушин и хевсуров, а также в их книгах священного писания, сохранялись следы древне-грузинского языка. *Прим. пер.*

обоих склонах гор центрального Кавказа, живут хевсуры, или «ущельный народ». Вообще же нет определенных границ для владений этих племен; они часто меняют местность, уходя с своими стадами на пастбища, исстари принадлежащие им, или же приобретаемые удачными военными экспедициями.

Пшавы, живущие пониже других, на высоте всего 3.300 футов и следовательно в непосредственном соседстве с грузинами долин, более цивилизованы, нежели напр. хевсуры, и говорят грузинским языком; численность их начинает постепенно увеличиваться с тех пор, как они стали жить в мире с своими соседями и доставлять свои припасы на тифлисский рынок. Тушины, менее многочисленные и слишком стесненные в своих диких долинах, окруженных со всех сторон снежными горами, пользуются славой самых умных и самых промышленных горцев в этой части Кавказа. Большая часть мужчин принуждены уходить из дому месяцев на шесть в году, подобно савоярам и овернцам, и во время своих дальних путешествий сталкиваться с различными национальностями, живущими в долинах, с их идеями, более широкими и духом, более предприимчивым; некоторые тушины обладают замечательными познаниями и говорят на нескольких языках; их собственный язык крайне груб, беден гласными буквами и очень богат согласными, девять свистящих и восемь гортанных звуков, из которых каждый сочетается различным образом с предыдущими или последующими буквами так близко, что нужно было изобрести для обозначения их специальные знаки[1].

Хевсуры, оставаясь изолированными в зимнее время и даже вполне отделенными друг от друга главным Кавказским хребтом, до сих пор еще невежественны и почти совершенные варвары; но по некоторым своим племенным чертам, они самый интересный народ в Азии. Они не так смуглы, как тушины, и очевидно смешанной расы: они отличаются фигурой, цветом глаз и волос, и формой черепа; физиономии по большей части дикия, взгляд свирепый. Между ними множество крайне сухощавых, а головы их похожи скорей на черепы мертвецов, оживленных с помощью чуда. Хевсуры редко так статны, как черкесы: у них ноги и руки слишком велики и без всякой пропорции с туловищем. Земля, на которой они живут, снабдила их железными мускулами; им приходится карабкаться по самым обрывистым скалам, имея на себе тяжелую ношу; часто можно видеть, как они возвращаются из Владикавказа, и, пробираясь по снегу и каменьям, тащат на своих плечах по кулю соли, весом около трех пудов. Но, чтобы спуститься с горы, по снежному склону, они никогда не прибегают, как осетины, к «природным» салазкам, а предпочитают спускаться на свернутой бурке. Они прямо спускают с горы не только свой багаж, но и животных, связавши им предварительно ноги[2].

В горных долинах Борбало, насчитывали:

	По Радде	По Зейдлицу
Пшавов	7.475	9.155
Хевсуров	5.845	6.560
Тушин	5.100	5.624
Всего	18.420	21.339

Хевсуры и пшавы, по некоторым своим обычаям, не успевшим еще исчезнуть, несмотря на усилия русских чиновников и священников, походят на краснокожих и других диких народов Нового Света и Африки. Так например, их женщины уходят рожать где-нибудь в отдаленной лачуге или пещере без всякой посторонней помощи, даже со стороны мужа. Последний в это время бродит вокруг жалкого помещения больной и если слышит мучительные крики, при трудных родах, то старается ружейными выстрелами ободрить несчастную. По окончании родов, маленькия девочки, уведомленные отцом, тайком пробираются в сумерки или на рассвете к больной, чтобы принести ей хлеба, молока и сыру. Родильница, считающаяся нечистой, должна оставаться в продолжение месяца в своем шалаше, который

1 Anton Schiefuer, „Bulletin de l'Academie de S. Petersbourg", t. XII, 1856.

2 Казбек, „Три месяца в Турецкой Грузии".

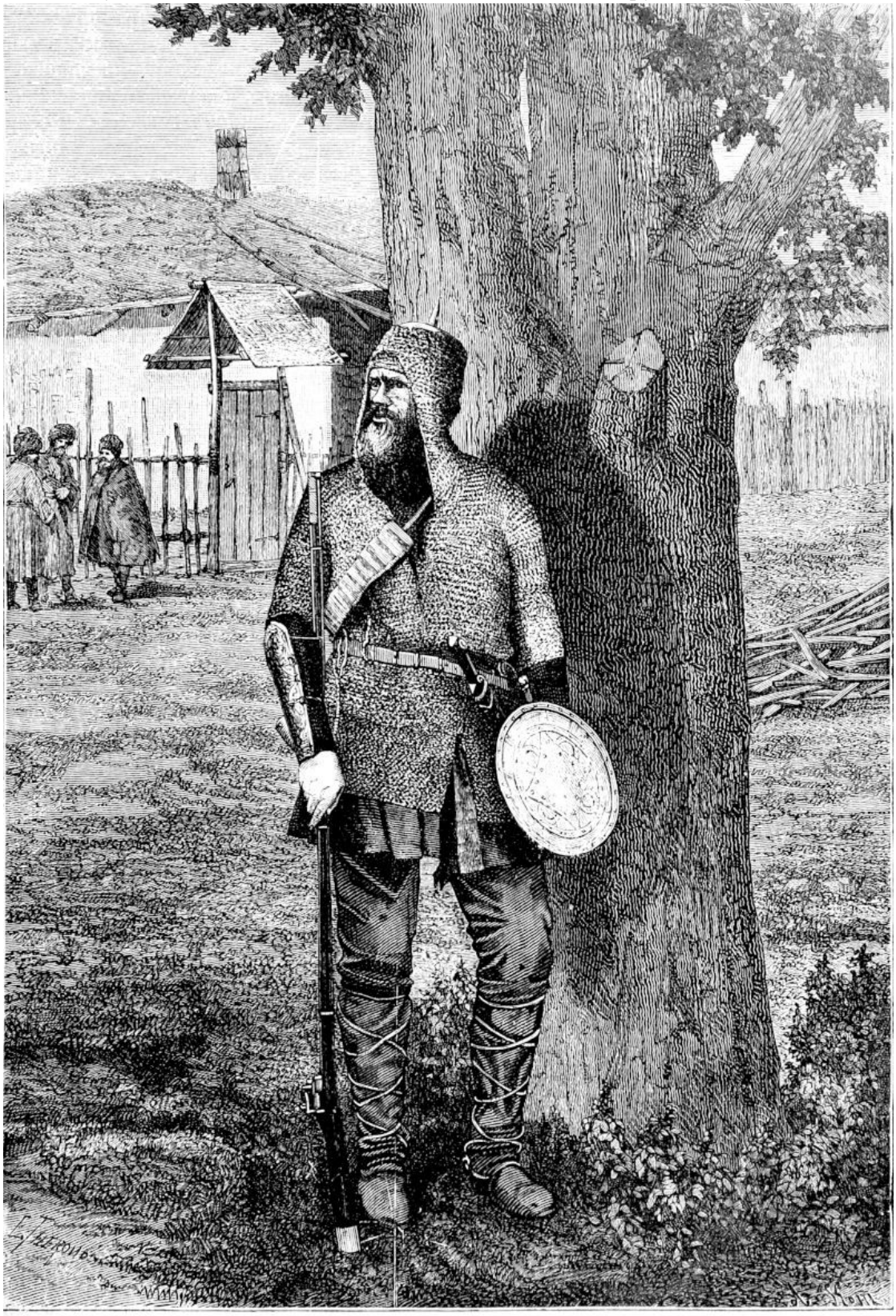
по уходе её сжигается. На отца в тех случаях, когда у него родится сын, сыплятся поздравления и устраивают на его счет пирушку, в которой однако хозяин не должен принимать участия. Обычай хевсуров требует, чтобы в семействе никогда не было более трех детей. Для женщины считается стыдом родить раньше, чем через четыре года после замужества, или снова иметь ребенка в промежуток более краткий, нежели три года; девушка-мать обязана лишить себя жизни. Трудные условия для существования в этой стране, стужа и холода, объясняют указанные предосторожности, принимаемые хевсурами; но по крайней мере они не прибегают к детоубийству, как это делали прежде сванеты западного Кавказа. Кроме того хевсуры очень любят своих детей, хотя их обычай и запрещает ласкать их при посторонних. Мальчиков обыкновенно окрещивают названием какого-нибудь дикого зверя, напр.: Медведь, Лев, Волк, Пантера или другим каким-либо именем, символизирующим будущие доблести ребенка; девочкам же дают имена нежные: Роза, Жемчужина, Блестка, Солнышко и проч...

Большая часть браков решаются предусмотрительными родителями еще в то время, когда их дети качаются в люльке; тем не менее молодой человек исполняет все формальности похищения невесты, которая давним давно предназначена ему; когда свадьба уже совершена и закончена пирушкой, молодые обязаны несколько недель или месяц не видаться друг с другом при посторонних. Разводы здесь довольно часты, и кроме того очень многие хевсуры следуют примеру магометан, вводя у себя многоженство. Прежние обряды при погребении теряют свою силу. Встарину запрещалось оставить кого-нибудь умереть в доме: умирающий должен был закрыть глаза, имея пред лицом своим солнце или звезды, и чтобы последний его вздох смешался с веянием ветерка. Стоя перед покойником, родные должны были выражать сначала радость, а затем уже давать волю слезам, рыданиям и печальным припеваниям. Если умирал ребенок, которого не успели окрестить, то его нужно было потереть пеплом.

Гордясь тем, что они христиане, хевсуры исповедуют, однако, свою религию довольно оригинально: главный бог их—бог войны, а из прочих богов и ангелов они особенно почитают Мать земли, Ангела Дуба и Архангела собственности[1]; подобно магометанам, они празднуют пятницы, не едят свинины, питают отвращение к петухам, почитают священные деревья, приносят жертвы духам земли и воздуха. Их священники лечат больных, кропят народ кровью животного, приносимого в жертву, предвещают будущее, варят церковное пиво; они же завладели всеми богатствами страны, заключающимися в ценных алмазах, старинных медалях и серебряных чеканных сосудах. Однако хевсуры с сожалением лишают себя и свои жилища всяких украшений, так как они, в противоположность тушинам, одевающимся в черное, любят носить одежду ярких цветов, украшенную бахромою и блестками. Они, может быть, единственный народ на земле, сохранивший привычку носить на себе кольчуги, наручи и каски, подобно рыцарям средних веков; но в прежнее время все народы Кавказа имели при себе это вооружение. Не далее, как в конце прошлого столетия чеченцы-ингуши носили еще кольчугу и щит[2]. Странствуя в этих горах и замечая неожиданно перед собой людей, закованных в латы, путешественник может принять их за потомков крестоносцев, и множество авторов действительно задавались вопросом, не происходят ли хевсуры от рыцарей, загнанных сарацинами в долины Кавказии[3]. Закон кровавой расправы принуждает хевсуров одеваться в броню. Всякий, намеревающийся мстить, или опасающийся мщения, берет с собой все свое оружие, необходимое как для защиты, так и для нападения: кольчугу, щит, кинжал, шашку и ружье; руки закрывают перчаткой, заканчивающейся железным острием, —оружие, которым наносят те страшные удары, следы от которых виднеются на лице почти всякого мужчины в этой стране[4].

1 F. Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus".
2 Sallas, „Second Voyage en Russia".
3 Зиссерман, „Кавказ". 1851.
4 F. Radde, „Die chewsuren und ihr Land".

Татары хотя далеко не так многочисленны в бассейне Куры, как грузины, но занимают, однако, почти всю остальную часть этого бассейна, начиная от самого Тифлиса. В некоторых уездах они живут сплоченным населением, не смешиваясь с другими народами; эти татары



Вооруженіе хевсуровъ.

—турки, утратившие название своей расы, но представляющие собою несравненно меньшую помесь, нежели османлисы Турции; византийцы и арабы соединяли их под общим названием хазаров, вместе с теми племенами, которые жили по берегам Дона и Волги. Между тата-

рами встречаются всякие типы, начиная с самых благородных и кончая самыми грубыми; но вообще, они вряд-ли менее красивы и стройны, нежели их соседи картвелы; лица почти у всех серьезные и строгие. Закавказские татары, рассматриваемые как народ, обладают такими нравственными качествами, каких не имеется у других жителей Кавказа; только между ними, оставшимися свободными, можно встретить такую редкую искренность, такую честность, стоящую вне искушений, и удивительно радушное и утонченное гостеприимство. Большая часть их очень деятельны, и, как скотоводы, земледельцы, садовники и ремесленники, стоят выше других местных племен. Также и по образованию, во многих уездах они стоят выше русских, будучи большею частью грамотны: многие между ними хорошо пишут по-турецки—«на языке падищахов»: очень часто встречаются татары, знающие, кроме своего языка и туземных наречий, еще два литературных языка: арабский и персидский, один семитский, другой—арийский.

Татары в некотором отношении являются цивилизаторами Кавказа, и их язык, собственное наречие Адербейджана, служит для взаимных сношений между различными народами Кавказа; исключая армян и русских, всех туземцев, в какой бы они расе ни принадлежали, принимают обыкновенно за татар[1], что, конечно, указывает на отсутствие национального типа. Наверное албанцев Страбона, этих людей «искренних и по возможности избегающих всякого торгашества» и столь прославленных географом Амазии, можно встретить между татарами, населяющими в настоящее время эту страну. Точно также между ними можно встретить, судя по названиям деревень, представителей воинственных народов, производивших свои набеги на южную Европу—куманов и печенегов; несколько здешних местечек носят арабские названия[2]. Татарам недостает только инициативы, чтобы пользоваться в стране большим влиянием: в некоторых местностях они очень много терпят от ростовщиков и подчинения господству армян. По своим нравам татары низовьев Куры, Ширвана и Баку похожи больше на черкесов, нежели на турок[3]. Хотя религия разрешает им многоженство, но они редко пользуются этим правом; их женщины вообще работают свободно, без принуждения и ходят с открытым лицом. Наконец, замечательной чертой тюркского населения Закавказья может служить его крайняя веротерпимость. Шииты здесь преобладают, но они ничуть не притесняют мусульман-суннитов; у татар Закавказья между обеими сектами совсем не существует той свирепой вражды друг к другу, которая встречается в других мусульманских странах. Они пользуются той же терпимостью и со стороны христиан; во многих деревнях с смешанным населением поочередно выбирают старшин как из среды армян, так и из татар, во избежание недовольства с чьей-либо стороны. У самой персидской границы, где шииты еще до сих пор выполняют свои религиозные процессии со всей торжественностью, христиане не только без опасения могут присутствовать на этих церемониях, но даже и принимают в них участие. Так, например, в г. Шуше, военные музыканты разыгрывают различные арии, а казаки гарцуют на своих лошадях, на похоронных процессиях, изображающих смерть Гассана и Гусейна; между тем как главные участники в этой церемонии идут перед толпой и оплакивают мучеников из семьи пророка и, увлекаемые фанатизмом, наносят себе мучения жестокими истязаниями. Во главе процессии идут «шрамовники», обрекшие себя на истязания, укутанные в саваны. Идя в такт с музыкой, они наносят себе по голове удары обнаженной шашкой: кровь струится из пораненных мест, и острое лезвие все продолжает бередить раны; вскоре маска из запекшейся крови начинает покрывать все лицо, на котором можно различить только белки их глаз, мечущих свирепые взгляды, и белые зубы, виднеющиеся из-под страдальческой улыбки. Другие правоверные втыкают себе заостренные лучины в прорезы, сделанные на обнаженном черепе, привешивают замки к скулам и к ушам, продевая их в тело, укрепляют два обнаженных меча по сторону плеч, так чтобы с каждым движением туловища острие вонзалось в тело; навешивают на руки, на грудь, на поясницу

1 Фон Зейдлиц, „Русское Обозрение", 1879 г. №12

2 Фон Зейдлиц, тоже.

3 Татары были переселены в Грузию персидским шахом в 1480 г. *Прим. пер.*

цепочки и зеркала, прикрепляя их к телу железными пристежками. Часто эти несчастные падают от потери сил или обливаясь кровью, между тем как дервиши и муллы, роль которых более легкая, продолжают идти дальше, возбуждая толпу пением, молитвами и вскрикиваниями[1].

Другие приверженцы секты шиитов живут в некоторых пунктах восточной части Закавказья о-бок с татарами:—это древние владельцы страны, персы и таты, известные в Туркестане под именем таджиков, выделившиеся здесь сплоченными группами. Живут они в окрестностях Баку, но распространены и дальше, на северной стороне Кавказского хребта, почти до самой Кубы. Почти весь округ Ленкоран, у персидской границы, по своему населению, состоящему из татишей, принадлежит также Ирану; эти последние находятся в полудиком состоянии и занимают гористую часть этой местности. Живя долгое время в глуши, между горными вершинами и болотами нижней Куры, они не могли так цивилизоваться, как другие народы восточного Закавказья. Их язык, на который однако не следует смотреть как на простое местное наречие, развивался в параллель с другими иранскими диалектами и в некоторых отношениях походит на афганский[2]. Иранцы, таты, и татиши, взятые как группа, стоят на очереди после грузин и татар по занимаемому ими пространству, но армяне, группирующиеся больше в городах и особенно в Тифлисе, более многочисленны, и их влияние гораздо значительнее. Кроме этих первостепенных племен в бассейне Куры, нужно принять еще во внимание небольшие племена монголов, этих жалких остатков прежних властителей, живущих теперь более или менее смешанными с татарами, на левом берегу Алазана, между Сигнахом и Закаталами. Осетины, а также и греки, вызванные сюда в 1829 году, чтобы заместить собою татар, наконец, русские и немецкие земледельцы, пришедшие в эту страну, частью как ссыльные, частью по собственной охоте, дополняют собою оседлое население восточного Закавказья.

Русские сектанты, поселенные здесь в 1838, 1840 и в последующих годах, на южном склоне Кавказского хребта,—большею частью молокане и духоборцы, пришедшие сюда с реки Молочной, что в Таврической губернии. И те, и другие, благодаря господствующему у них согласию, пользуются гораздо большими удобствами жизни, нежели их соседи, татары и грузины; но вместе с тем, это же благосостояние и нравственная изолированность заставляют их держаться раз установившейся рутины; во многих отношениях они уступают другим славянским колониям. Духоборцы, лишенные почти все какого-либо образования и знающие лишь на память несколько религиозных песен, уважаются всеми за чистоту нравов. Молокане более образованы, более утонченны, занимаются охотно торговлей, но менее любимы своими соседями; одна из их колоний, в окрестностях Тифлиса, почти исключительно завладела извозом. Что касается до немецких колонистов, поселившихся так же, как и русские сектанты, недалеко от Тифлиса и Елизаветполя, то они остаются совершенно отдельными от окружающего населения. Они трудолюбивы, хорошие земледельцы, и земли, отданные им в 1817 году, т.е. в то время, когда они прибыли сюда из Вюртемберга, они преобразовали в настоящие сады; но они считаются не очень гостеприимными: путник с трудом может добиться у них ночлега или утолить голод[3]. Нельзя не заметить, что за два поколения швабские колонисты замечательно как изменились физически, под влиянием среды. Хотя они совсем не смешивались с своими соседями грузинами, армянами и татарами, но большая часть их имеет уже темные волосы, черные глаза, овальное, с правильными чертами, лицо и красивую стройную талию. Они уже более не походят на своих родственников, оставшихся в родной стороне.

Город, лежащий у самых верховьев Куры и 20 лет тому назад присоединенный к России —крепость Ардаган; он построен в горной котловине, отличающейся плодородием, у южной

1 Verestchtaglin, „Tour du monde“, 1869.
2 Dorn, „Ueber das Puschtu“; фон-Зейдлиц, цитированное сочинение
3 Verestchaghin, „Tour du monde”, 1869.

подошвы того горного мыса, на котором стоит крепость Рамазан. Русские, занявши эту местность в 1877 году, завладели вместе с тем самыми важными проходами, ведущими в долины Чоруха и Аракса. Но Ардаган с восточной стороны не соединен еще хорошими путями с остальным Закавказьем, и вулканическая область. пересекаемая Курою, представляет большие препятствия для торговли. В стене одного из тех ущелий, по которому протекает Кура, пониже Ардагана, находится знаменитый монастырь Вардзия или Вардзиш (замок Роз), высеченный в рыхлой скале, состоящей из вулканического пепельного туфа, прослоенного черной вулканической окалиной. Подземный городок, содержащий в себе бесчисленное множество келий, расположенных этажами и соединяющихся между собой корридорами и галлереями, окаймляя пропасть, лежит почти на 200 футах над уровнем Куры. Залы служили церквями, в которых до сих пор еще виднеются остатки стенной живописи; в других же залах были устроены, так называемые, летние и зимние дворцы царицы Тамары[1].

На восток от этих ущелий, крепость Ахалкалаки, построенная у слияния двух притоков Куры, приобретает все более и более важное значение, несмотря на свое расположение на плоскогории в 5.500 футов высоты, открытом доступу ветров и покрытом снегом по целым месяцам, но богатом черноземом. Русские сектанты сделали город Ахалкалаки значительным рынком. Ахалцых, «Новая крепость», или Акиска, бывшая в прежнее время турецким городком Ак-гиссар («Белой крепостью»),—также военный город, охраняющий несколько дорог, идущих от русской границы; но в мирное время он служит преимущественно торговым центром, и армяне, со времени выселения отсюда турок вместе с тысячею евреев, составляют почти все местное население, занимающееся торговлей, а еще больше контрабандою; главная промышленность этого города—выделка серебряных изделий. Прежняя крепостная мечеть переделанная в церковь, одно из прекраснейших зданий на Кавказе. Во времена турецкого господства Ахалцых был главным рынком грузинских рабов, которых дагестанские лезгины, не обращая внимания на русских, находили средство захватывать в плен в равнине[2].

Расположившись на высоте более чем в 3.300 футов и построенный отчасти на той скале. у подножия которой протекает Посков, небольшой приток Куры, Ахалцых окружен голыми горами с их желтоватым оттенком; но равнины, окружающие его, представляют красивейшие местности, с раскинутыми на них развалинами монастырей и церквей в чисто-грузинском стиле. Окрестности Ахалцыха обладают одними из самых богатых теплых источников на Кавказе. На юго-восток от него, пониже Вардзии, минеральные воды Аспинца, бьющие ключем у самого берега Куры, на северо-запад от термальных солевых вод Аббас-Тумана, привлекают к себе множество купающихся и расположены в одной из тенистых и живописнейших долин на Кавказе. Далее на северо-восток, в одной из боковых долин Куры, источники Цинубани, самые изобильнейшие в целой стране, дают около 175 литров воды в минуту. Наконец, если спускаться от Ахалцыха к Тифлису и следовать по берегам Куры, то придется пройти через великолепный горный проход, у которого, на высоте 2.625 футов, расположен Боржом, город, усердно посещаемый купающимися и дачниками. Для богачей и вельмож Боржом— это летний Тифлис: дворцы и виллы построились в соседстве с развалинами, служащими доказательством, что до XVI века эта страна была гораздо населеннее; здесь воздух чист и прохладен, вода в изобилии; в лесах, покрывающих склоны гор, для охотников найдутся еще серны и дикия козы. Среди елей на высоте 7.880 футов, к общему удивлению, попадаются остатки укрепленного замка грузинской постройки, охранявшего когда-то горный путь между Ахалцыхом и Кутаисом.

Сурам хорошо известен путешественникам: расположенный на спуске железной дороги, ведущей из Поти в Тифлис, он служит местом невольной приостановки; это небольшое, но очень торговое местечко, по виду очень похоже на большое русское село. Высоко над его домами, на уединенной скале стоит укрепленный замок, владелец которого, желая сделать его

1 Dubois de Montpereux, „Voyage author du Caucase".—Max von Thielmann „Streifzuge im Kaukasus"

2 K. Koch, „Wanderungen im Oriente".

недоступным, как гласит легенда, может быть, впрочем, очень близкая к действительности, положил под первый камень единственного сына бедной вдовы; в одной из народных баллад, распеваемых на вечеринках, передается разговор матери с её единственным сыном[1]. Сурамом заканчивается с запада Карталинская равнина, в которой вода древнего озера заместилась обильно-плодородной почвой. Железная дорога, проходящая через Сурам, обогащена с 1890 г. туннелем, самым значительным в России (дл. 3 в 374 с.) Наибольший подъем или склон на железной дороге—0,045; наименьший радиус кривизны—60 саж. Туннель этот, находящийся между ст. Малита и Михайлово, построен для увеличения провозоспособности Закавказской железной дороги, которая, вследствие трудности движения через перевал, была слишком недостаточна[2]. Горы Меск, покрытые когда-то лесами, теперь уже во многих местах обнажены, и восточный ветер, спускающийся со склонов этих гор в долину Кутаиса, стал более резок и сух.

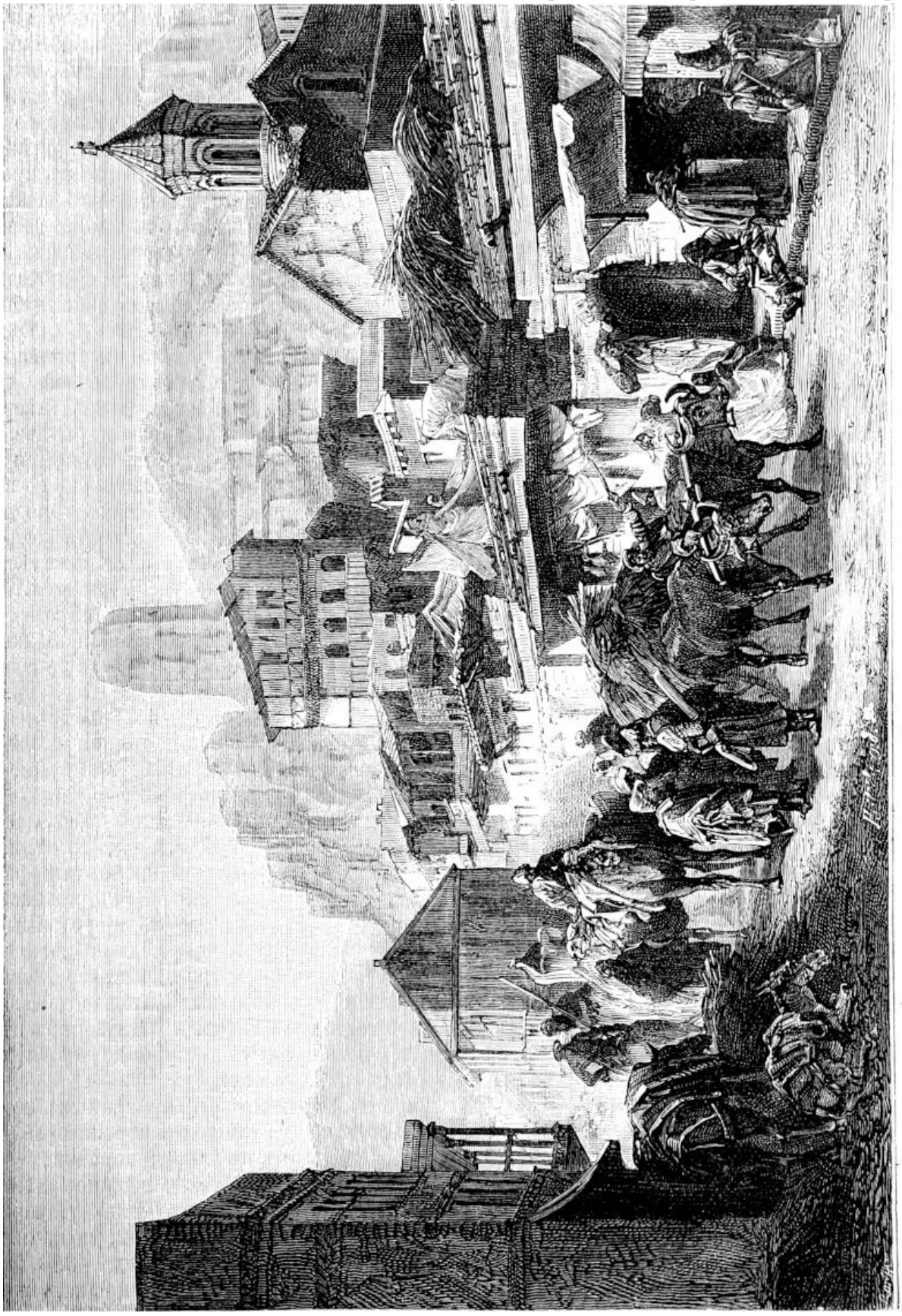
Гори, главный город этой местности и, так сказать, этнографический центр Грузии, расположен, почти-что на средине существовавшего здесь в древности озера, недалеко от слияния Куры с её притоками Лиахвы и Меджуда, направляющимися сюда из Осетии. Этот город построился у подошвы одной небольшой горы, с красующейся на её вершине цитаделью, и вместе с тем в такой прекрасной местности, что может стать со временем садом Тифлиса, благодаря обилию воды, годной для ирригации. Но местные жители не умеют еще извлекать выгоду из своей плодородной земли и превосходного климата; они однако доставляют в Тифлис много вина, служащего более крепким напитком, нежели вино кахетинское, а здешняя пшеница считается лучшей в Закавказье.

На восток от Гори тянутся отроги, состоящие из третичного рухляка, круто обрывающиеся у берега Куры; к северу же они мало-по-малу спускаются скатами, покрытыми обломками разрушенных скал. На вершине одного из этих отрогов, верстах в восьми от Гори, находится город пещерных людей (троглодитов), Уфлис-цихе или Уплос-циха; он не менее интересен, чем монастырь Вардзия, и посещается гораздо чаще, так как лежит не далеко от Тифлиса и железной дороги. Скала Уфлис-цихе, вышиной в 650 футов, состоящая из наслоений, различных по плотности, вся изрыта, изрезана, выдолблена, высечена, с вершины до основания, и представляет пирамидальную груду, имеющую вид построек: остается только снять легкую каменистую оболочку, чтобы город появился на свет со всеми своими башнями и куполами[3]. Очень вероятно, что грубые троглодиты были первыми обитателями Уфлисских гротов, но зато люди, жившие в этих пещерах после них, уже были знакомы с роскошью и искусствами; в подземных залах этого древнего города находят остатки греческой, римской, арабской и византийской архитектуры.

Мцхет (или Мцхета), построенный у входа в тот горный проход, который когда-то был заполнен водами озера, находившагося на месте Карталинии, в настоящее время есть не более как деревушка, не имеющая никакого значения; но в IV и V столетиях, Мцхет был столицей грузинских царей. Этот город на самом деле занимает очень важное положение в центре Закавказья, так как дорога из Дарьяльских Ворот, у которых проходит Арагва, пересекается в Мцхете с тем путем, который идет от Чернаго моря к Каспийскому, через долины Риона и Куры. Разрушенная столица переместилась недалеко от Мцхета, даже по соседству с ним, так как, действительно, всего в 20 верстах от него стоит главный город Грузии и всего Кавказа; она переместилась более к югу, чтобы несколько удалиться от осетин, этих очень опасных соседей[4], тысячу лет тому назад. Устои одного моста через Куру, построенного римлянами и относящагося к эпохе преследования Митридата Помпеем, уцелели, как говорят, до 1841 г. Но Мцхет владеет более замечательным памятником своего прошедшего—соборной церковью, основанной царем Мирианом в 328 году, хотя с того времени она часто ре-

1 Von Haxthaysen, „Transkaukasia";— Max von Thielmann, цитированное сочинение.
2 Фабрициус, „Русское Обозрение".
3 Dubois de Montpereua, „Voyage author du Caucase".
4 Пфаф, „Воспоминание об осетинах".—N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann", 1880.

ставрировалась и была даже перестроена; но все же она долгое время служила «Saint Denis»[1] для грузинских царей и первых сановников государства. Другая Церковь в Мцхете относится также к IV столетию. Высокий курган в окрестностях города был недавно раско-



Тифлисъ.

пан.

1 В церкви Св. Дениса короновались французские короли. *Прим. перев.*

Тифлис, главный город на Кавказе и вместе с тем самый большой город в Азиатской России, не дальше как в XV столетии состоял всего из небольшой группы домов, построенных на берегу Куры, скользящей по скалистому ущелью и занимающей своим руслом не более семи сажен ширины. Не было ни одного места в долине более удобного для постройки прочного моста через Куру, чем здесь, но, вместе с тем, это составляло единственное преимущество Тифлиса; деревушка не могла расти, пока не была поставлена на степень политического центра и не сделалась пунктом, в котором сходились все дороги Закавказья.

Грузинское название Тифлиса,—Тфилис или Тфилис-Калаки, обозначающее «Теплый город»,—происходит несомненно от теплых сернистых вод с температурой в 45°, бьющих близ Куры, в расщелине Тсавкиси, струясь сквозь порфир и сланец. Можно также приписать название «теплый город» той действительно невыносимой жаре, заносимой сюда с голых раскаленных скал, окружающих бассейн, в котором лежит этот город, расположенный на высоте 1.200 футов над уровнем моря. Повсюду вокруг Тифлиса видны лишь склоны холмов или сланцевых гор, с их желтым или серым оттенком, лишенные лесов, покрывавших их в прежнее время; точно также и верхний, растительный слой земли был снесен ветрами и дождями и исчез таким образом с большей части утесов. С тех пор как русские сделались хозяевами страны, они сильно опустошили леса в окрестностях Тифлиса: но они производили истребление лесов только в оврагах, низменных местах и островках, орошаемых Курою; сероватая масса, выдающаяся мысами на 1.300 и 1.600 футов выше уровня города, повсюду застилает горизонт. Повыше квартала, бывшего древним городом Грузии, стены, бастионы и разрушившиеся башни нарушают однообразие горизонта. Между тем как на обоих берегах быстрой Куры, соединенных тремя мостами, с висячими над водой галлереями, нисенькими домиками, с крышами, раскрашенными в разные цвета, церквями с их колокольнями, заканчивающимися восьми-гранными пирамидами, все это вместе составляет живописную картину. Но между тем внешний вид этого азиатского Тифлиса остается угрюмым; сероватый оттенок кирпичных и деревянных построек производит на путешественника какое-то тяжелое впечатление[1]. Почти половина домов во время переписи 1874 г. была крыта землею, что придавало им вид лачуг и производило странный контраст с рядом стоящими большими зданиями[2]. На северо-запад от старого города идут, правильно выстроившись, новые улицы, с их тяжелыми домами, церквами, казармами, дворцом, в стиле, завезенном сюда русскими; на широком бульваре, по которому после захода солнца толпится публика, видны магазины, обставленные со всей роскошью больших европейских городов. А еще далее к северу, главным образом на левом берегу Куры, вокруг вокзала железной дороги, город постоянно увеличивается. Тифлис развертывается все более и более на северном берегу, по направлению к Мцхету, чтобы в широкой равнине искать побольше света и воздуху, которых ему не достает.

По разнообразию жителей Тифлис есть истинная столица Кавказии. Хотя она и лежит в этнографических пределах Грузии, но тем не менее этот город не есть чисто грузинский: в 1803 году, из 2.700 домов только четыре принадлежали грузинам[3]. Армяне составляют самый большой процент тифлисского населения; они составляют треть всех жителей, тогда как ни русские, ни грузины не составляют и пятой части, если даже при этом считать в числе грузин мингрельских и имеретинских носильщиков и водовозов, этих «овернцев» Тифлиса, следующих пешком за своей лошадью, везущей бурдюки, из которых свищет вода.

Жителей Тифлиса, сгруппированных по национальностям, на основании переписи 1876 г. можно расположить в таком порядке:

Армян—37.308, грузин вообще—21.623, русских—19.574, немцев—2.005, татар и турок—2.310, персиян—1.692, поляков— 1.592, евреев—1.115, греков—388, осетин—293, французов —267, прочих жителей—1.354.

1 Венюков, „Рукописныя заметки".

2 Фон Зейдлиц, „Русское Обозрение".

3 Владыкин, „Путеводитель во Кавказу".

В пансионах, казармах, госпиталях и тюрьмах находилось 14.473 души[1].

В Тифлисе очень много приезжих и пришлых холостых людей, пребывающих в городе лишь временно. Средним числом население горожан состоит почти из $^2/_3$ мужского пола, именно: мужчин 97.576, а женщин 54.788. Этим объясняется отчасти та нравственная испорченность, на которую указывают все путешественники. Вся эта бессемейная толпа наполняет собою улицы, но в особенности же толпится около базара, на котором можно видеть купцов всех рас и костюмов, соответственно роду выставляемых ими товаров: оружие, кубки, ковры, шелковые изделия, русские и английские материи, «articles de Paris» и проч. Армяне очень искусные ювелиры и занимаются отделкой в оригинальном вкусе различных драгоценных камней. Базар—главный и истинный центр Тифлиса, если не в геометрическом смысле, то во всяком случае в торговом. Тифлисские бани—другой центр, средоточие общественной жизни для русских, армянских и грузинских женщин: здесь они занимаются своим туалетом, уборкой и раскрашиванием волос. В городе нет замечательных памятников, но зато имеется богатый естественно-исторический музей, а во дворце находится прекрасный рельефный план Кавказского хребта. Между многими учеными обществами, основанными в Тифлисе, Географическое Общество, как отделение С.-Петербургского, издает документы и записки, очень ценные для географии и этнографии Кавказа; Медицинское Общество печатает также очень полезные издания. Кроме этих двух Обществ, нужно упомянуть еще о третьем, которое ставить своей целью собирание древних рукописей, писанных на закавказских наречиях.

Задыхаясь в этой жаровне, в которой расположен Тифлис, жители пользуются всяким случаем подышать чистым воздухом и толпятся в окрестных садах и парках. Можно встретить тысячи гуляющих в аллеях ботанического сада, расположенного у западной стороны старинной крепости, в верхней части оврага, с его теплыми источниками, и в прекрасном городском саду, устроенном в центре города, с его тенистыми аллеями белых акаций, спускающимися к Куре. Во время летней жары, служащие, а также богатые купцы, в сопровождении трактирщиков и торговцев отправляются толпами за город к виллам и трактирам, расположенным в горах. Главный «сенаториум» окрестностей Тифлиса—городок Коджоры, дома которого разбросаны на высоте от 4.350 до 4.950 фут., по склонам горы, лежащей на запад от Тифлиса, и в котором грузинские цари имели свою летнюю резиденцию; здесь же видны еще остатки древних лесов. Манглис, Белый Ключ и другие деревеньки раскинуты дальше, в самом сердце Триалетских гор, покрытых до сих пор еще густыми лесами. Множество ломок алебастра снабжают Тифлис известью, необходимой для построек[2]. На юг от города видны расщелины и кратеры вулканов, выбрасывавших прежде потоки лавы, имеющие вид огромных ступенек над плодородными нивами Сомхета, орошаемыми одним из притоков Куры. Эта местность была долгое время во владении Орбелиани, княжеской фамилии китайского происхождения, которая, сопутствуемая различными восточными племенами[3], покорила и завладела этой страной двадцать три века тому назад, и которая существует еще и по настоящее время. Различные развалины Сомхета свидетельствуют о минувшем могуществе фамилии Орбелиани.

Следуя на юго-восток от Тифлиса, большая дорога, спускающаяся в долину и к подошве гор, поднимающихся на юге, пересекает собою несколько рек, довольно опасных во время разлива, но зеленеющие берега которых образуют точно оазис среди безводных земель. У одной из таких рек, орошающих сады Анненфельда, поднимается знаменитая колонна Шамхор, о которой упоминает еще Абул-Феда, в тринадцатом веке. Удивительно красивый по гармоничному сочетанию пьедестала, фундамента, фризы, капители и конечной колонки, этот минарет имеет более 180 футов высоты; но он сильно обветшал и наклонился, а куфическую надпись, сделанную на фризе, уже совершенно невозможно прочесть. Этот памятник,

1 По последней переписи в Тифлисе 152.364 жит.

2 Фон-Зейдлиц, „Русское Обозрение", 1880, № 2.

3 Saint-Martin, „Discription de l'Armenie";—Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase".

стоящий точно маяк среди окрестных развалин, полей и степей, относится, вероятно, к девятому столетию[1]. Бассейн Шамхора, воды которого протекают у деревни этого же имени, есть самый важный пункт на Кавказе по своим минеральным богатствам. Здесь в котловине, среди порфировых гор, почти на 5.000 футов над морским уровнем, находится завод Кедобек для добывания медной руды из соседних с ним рудников. Это промышленное заведение, купленное в 1863 г. немецкими инженерами, требует постоянно более тысячи рабочих—персиан, татар, армян и греков,—и добывает средним числом от восьми до десяти тысяч тонн шести-процентной руды, изделия из которой покупаются отчасти правительством для артиллерийского ведомства. Завод располагает сетью железных дорог и 12.800 десятинами земли и леса, вообще отлично устроенных; один из минных колодцев находится уже на глубине около 2.000 футов[2]. В 1877 г. на заводе добыто до 53.000 пудов меди, стоимостью в 530.000 рублей. Залежи квасцов, не менее богатые, чем в Толфе близ Чивита-Веккии, занимающие поверхность в 30 квадр. верст, находятся возле Соглыка, в бассейне Шамхора[3]; по различным остаткам, найденным в минах, видно, что этими залежами пользовались еще во времена римской эпохи: в 1878 году из них добыто 7.800 пудов квасцов. Равным образом, в этой части Елизаветпольского округа добывается железо и кобольт.

В 200 верстах на юго-восток от Тифлиса находится древний город Ганджа, бывший столицей ханства того же имени, известный теперь у русских под именем Елизаветполя, и губернского города. Он существует с XI столетия; но прежний город стоял на несколько верст в сторону от теперешнего: до сих пор еще видны развалины, приписываемые одной легендой, лишенной всякого основания, городу, построенному Александром Великим[4], который никогда, как известно, и не был в бассейне Куры. Недалеко от Елизаветполя, несколько на юго-восток, на полях, через которые протекает Тертер, перед слиянием с Курою, стояла древняя столица Агвании или Албании, Партав, на месте которой находится теперь деревня Барда или Бердайя[5]; этот город был разрушен в первой половине X века «руссиками», «народом диким и странным»,—как говорят о них арабские авторы—пришедшим к ним с севера Каспийским морем[6]. Эта страна была прежде гораздо населеннее, судя по остаткам жилищ; большая дорога, идущая отсюда на запад, долиною Тертера к плоскогорию Гокча, прежде оцепляла города и деревни от низовьев Куры и до бассейна верхнего Аракса. Самый город Елизаветполь, построенный в конце XVI столетия на теперешнем месте, был прежде гораздо значительнее: всюду видны остатки многих разрушенных зданий и прекрасная персидская мечеть, построенная Шах-Абазом, большая часть домов, из которых почти все не имеют окон, это глиняные мазанки, сохраняющиеся бесконечно долго, благодаря сухости климата, и вместе с развалинами, придающие городу какой-то ветхий вид. Жилища окружены прекрасными деревьями, в особенности чинарами; город,—это большой сад, имеющий верст двадцать в окружности, и тем не менее он не пользуется здоровым местоположением; весь чиновный люд переселяется на лето южнее, в горы, покрытые лесом, в Геленендорф, в Хаджи-Кенд и на берега живописного «Синего озера» (Гёк-гёль). Елизаветполь страдает, к сожалению, одним видом проказы, известной под местным названием «годовик», так как эта болезнь продолжается около года, не поддаваясь излечению никакими средствами; полагают, что эти поражения кожи, оставляющие после себя на лице отвратительные следы, аналогичны с «Алепской язвой». Может быть эту специальную болезнь можно приписать двадцати двум кладбищам, находящимся в соседстве с городом, прилегающим к садам и примешивающим трупные останки к воде ирригационных каналов, проведенных из реки Ганджи[7]. Воды последней, разветвляясь по сотням садов, не всегда достигают Куры. Благодаря Елиза-

1 K. Koch, „Wanderungen im Oriente";—Dubois de Montpereux, цитированное сочинение
2 N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann". 1880.
3 Radde, „Vier Vortage Uber den Kankasus".
4 Gamba, „Voyago dans la Russie meridionale", t. II.
5 Проценко, „Кавказский календарь", 1880.
6 Kunik;—Moses Kagankavatzi; Dorn d'Olsson, „Peuples du Caucase".
7 Statkovsky, „Problemes de la climatologio du Caucase".

ветпольским татарам, занимающимся почти исключительно земледелием или садоводством, швабским колонистам в Геленендорфе, пришедшим сюда в 1816 году, а равно духоборцам, населяющим несколько окрестных деревень, страна эта славится своими фруктами и овощами; здесь ростут превосходнейшие вишни в Закавказье; кроме того здесь занимаются главным образом производством табаку и хлопка, разводят также тутовое дерево, воспитывают шелковичных червей, изготовляют телеги по образцу неуклюжих экипажей, вывезенных из Швабии, и имеют также несколько ткацких фабрик. Армяне, которые относительно городского населения несколько малочисленное татар, служат торговыми посредниками.

Шуша, самый большой город в Елизаветпольской губернии, населен также армянами и татарами, столь разнящимися как по роду деятельности, так и по нравам. Построенный почти на 2.500 футах высоты, на мелафировой террасе, расположенной у горной долины и окруженной, кроме того, амфитеатром гор, Шуша один из тех городов Кавказа, климат которых наиболее суровый. Он мало похож на города равнин: его улицы широки и вымощены плитняком, дома построены не из кирпича или из битой глины, а из тесанного камня, добытого из того же пласта, на котором стоит город; укрепленные здания с башнями и подземными выходами придают Шуше вид средневекового европейского города[1]. Армянские купцы очень деятельны, ведут прямые сношения с торговыми домами в Тифлисе, Москве, Марсели, занимаются преимущественно торговлей шелком и владеют несколькими фабриками шелковых тканей. На север от Шуши находится Джанятагский конский завод, основанный с целью сохранить породу лошадей карабагских; он еще с прошлого столетия стал приходить в упадок. Что касается до медных руд в горах, расположенных несколько западнее, то они приносят лишь небольшую пользу.

По другую сторону бассейна Куры, Телав, бывшая столица Кахетии и резиденция «царя царей» в XI веке, теперь не более как уездный город: он оставался долгое время простой деревней, довольно, впрочем, живописной, благодаря развалинам крепости, раскинутым на вершине скалы, в долине Алазана. Важность этого города, как рынка, наиболее посещаемого оптовыми виноторговцами, все более ростет; но отсутствие хорошего сообщения с Тифлисом, исключая той дороги, что идет через перевал Гомбори, и колесного пути представляет для города большое неудобство, тем более, что он осужден на долгое время оставаться вне сети железных дорог. Сигнах, расположенный, как и Телав, на высоте более двух тысяч фут, на возвышенности к югу от долины Алазана, начал свое существование с крепости или, в переводе его названия с татарского языка, «места убежища»; мало-по-малу он сделался торговым городком, и армяне, привлеченные сюда торговлей винами, составляют теперь преобладающее население города. По другую сторону долины, у южной подошвы главного Кавказского хребта, некоторые города, с их орошенными полями служили для защиты против лезгин; таковы: Белоканы и Закаталы. Последний, как город, сам менее важен, нежели его южный пригород Талы, окруженный садами. Нуха, построенная точно также у подошвы Главного хребта, еще в половине прошлого столетия, была простой деревушкой: в её крепости, построенной в 1765 году татарским ханом Гусейном, находится дворец в персидском стиле, необыкновенно оригинальной красоты и служащий центром различных кварталов города, с его широко раскинутыми предместьями, оросительными каналами и окрестными рощами, в которых раздаются трели многочисленных соловьев. Нуха населена преимущественно мусульманами-суннитами, занимающимися главным образом шелководством и выделкой шелковых тканей; этот город—самый важный торговый центр по вывозу шелку-сырца; одна компания шелководов во время крепостного права[2] владела двадцатью восемью деревнями. С тех пор, как болезнь шелковичных червей произвела сильные опустошения в западной Европе, в Нуху каждый год наезжают сотни французских и итальянских купцов, чтобы добывать яичек шелковичного червя.

Шамахи, или Шемаха, как говорят русские, уездный город прежней провинции Ширван,

1 Verestchaghin „Tour du Monde", 1869.

2 „Kelenati. Bereisung Hoch-Armeniens und Elizavetpol".

был прежде самым большим центром в Закавказье, и полагают, что в XVII столетии в его стенах находилось не менее ста тысяч жителей, но после того он много пострадал от землетрясений и еще больше от людской жестокости. Его опустошил Петр Великий, а затем Надир-Хан. Лишенный степени губернского города в пользу Баку, он все же остался самым многолюдным пунктом в целой губернии. Подобно соседнему с ним городу Лагичу, расположенному несколько северо-западнее, в долине, начинающейся у Баба-дага, Шемаха обогатилась мануфактурной промышленностью. Татарские женщины приготовляют шерсть, красят ее и ткут из неё прекраснейшие ковры, подражая персидским образцам. В некотором отношении эта работа, требующая терпения и вкуса, может быть поставлена выше подобных же произведений французской фабрикации, как по красоте рисунка, так и по богатству красок и дешевизне; «эти ковры самые лучшие и самые прочные во всей Азии[1]». Гранаты без семячка, получаемые из шемахинских садов, пользуются известностью на Востоке[2].

Баку, губернский город восточной провинции Закавказья, имеет совершенно азиатский вид. Его нисенькие дома с плоскими крышами, высокие минареты, дворец ханов, окружающие его желтоватые холмы и голубые воды залива придают ему типичный вид восточного города. Одна старинная башня, имеющая вид усеченного конуса, стоит совершенно уединенно на берегу моря: это—«башня Молодой Девушки», построенная, вероятно, для караульной службы, а в теперешнее время превращенная в маяк. Вместе с воротами ханского дворца, украшенными великолепными арабесками, эта башня служит единственным интересным памятником древности в Баку. Город грязен, улицы кривые и пыльные; в 1878 году Баку не был еще освещен: город нефти не имел ни одного фонаря. Высшее начальство по ночам сопровождали казаки с зажженными факелами[3]. Баку имеет важность для торговли только как порт всего Закавказья, прилегающего к Каспийскому морю. Не менее пятидесяти судов, экипаж которых составляют по большей части татары, постоянно видны на его глубоком рейде, совершенно защищенном окрестными холмами, расположенными полукругом, островками и подводными мелями; пароходы могут бросать якорь на 20 футах глубины и в нескольких саженях от берега. Благодаря своему привилегированному положению между другими портами Каспийского моря, Баку легко может стать наиболее важным торговым пунктом в сношениях с Персией, а через посредство Астрахани, с бассейном Волги и всей остальной Россией. Хотя Баку находится еще только в ожидании железных дорог, из которых одна, идя по берегу Каспия, соединит его с Ставрополем, а другая, пройдя долину Куры, соединит с Тифлисом, но уже как порт, он занимает после Астрахани, самое бойкое место в пределах внутреннего моря. В 1877 году 654 судна, с общей вместимостью в 100.200 тонн, вели торговые сношения с Персией, а число каботажных судов в бакинском порте, в том же году, достигло 1.818: что касается до предметов ввоза и вывоза, то первые оцениваются в 879.060 рублей, а вторые—в 1.279.620. Но промышленность самого города сводится почти к нулю: обработка нефти и её смолистых продуктов производится вблизи «огненных источников», в Балаханах и Маштаги. Бакинские рыбаки занимаются и ловлей тюленей.

Сальяны или Сальян, городок, расположенный у дельты Куры, недалеко от того места, где эта река раздваивается на рукава, пользуется теми выгодами, которые доставляют ему рыбная ловля и плодородие садов. Оффициально он считается простым местечком, но тем не менее это единственный настоящий город закавказского прибрежья, на юг от Баку. Ленкоран или Ленкоруд, хотя и лежит при море у персидской границы, но как порт не пользуется теми преимуществами, которыми располагает Баку. Название города происхождения татарского, обозначающее «якорная стоянка», и тем не менее суда, открытые действию ветра и волн, должны останавливаться в трех верстах от берега. Жизнь в Ленкоране подвержена риску, по причине тех скоплений воды или протоков, которые рассеяны вдоль берега, и известных под названием мурд-аб или «мертвых вод»: во всей этой местности свирепствует ли-

1 K. Koch, „Wanderungen im Oriente".
2 Reneggs, Klaproth. etc.
3 „Вестник Европы". 1879.

хорадка. В болотах охотники ловят сетями бесчисленное множество уток и иных болотных птиц. Вместе с возделыванием риса, введенным в этой сырой местности, сюда была перенесена чуть ли не вся индейская флора, чрезвычайно интересная для ботаников[1].

На юг от Ленкорана, маленький порт Астара, расположенный на песчаной косе, у устья реки того же имени, пользуется едва-ли не большими преимуществами, нежели Ленкоран, как по своему климату, так и по более удобному доступу для судов; здесь же находится русская таможня, а по другую сторону реки начинается персидская территория. Астара особенно известна своими сушеными фруктами, чернильными орешками, сырым хлопком и разными припасами, привозимыми в этот город персами, которые получают в обмен бумажные ткани, железные и медные изделия, в том числе и самовары. Годичная торговля в Астаре простирается до миллиона рублей.

Следующие из городов бассейна Куры и восточного Закавказья, имеют более 5.000 жителей:

Карская область: Ардаган—21.660.

Тифлиская губерния: Тифлис—152.364; Ахалцых—15.788; Сигнах—9.250; Телав— 8.698; Гори—10.277.

Бакинская губерния: Баку—108.048; Сальяны—9.050 Маштаги—5.075.

Елизаветпольская губерния: Шуша—27.143; Нуха—24.180; Елизаветполь—32.798.

Округ Занаталы: Талы—5.950; Белоканы—5.550.

VII. Русская Армения

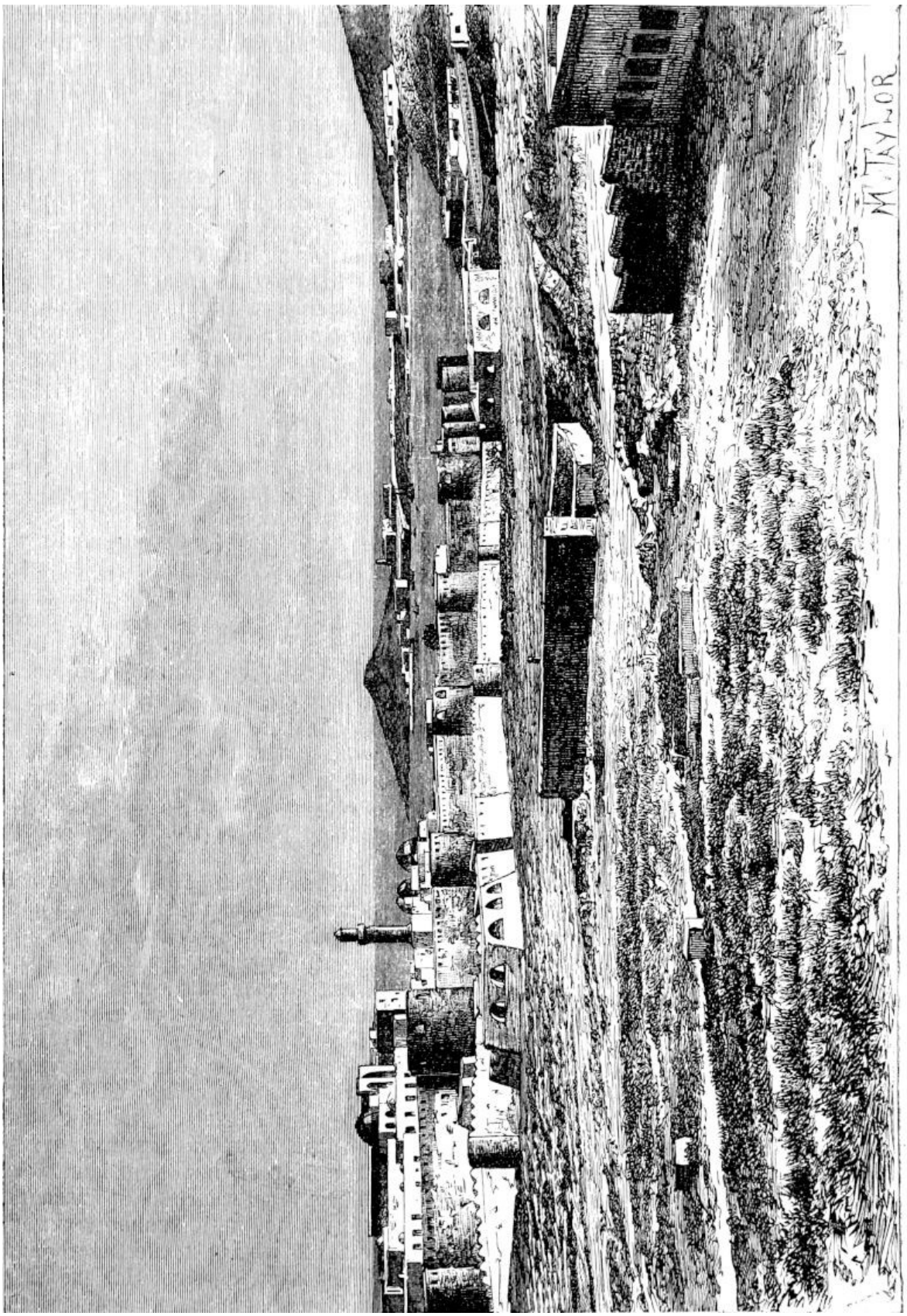
Арарат, Алагез, Гокчайское плоскогорие и бассейн Аракса

Бассейн Аракса, взятый в общем, отличается географическим единством: это широкая полоса, имеющая вид полукруга, идущего на север от Иранского плоскогория и обращенного своей выпуклой стороной к югу. Высокие горы, с их могущественными контрфортами, опоясывают этот бассейн почти со всех сторон, кроме части, прилегающей к Каспийскому морю и занятой аллювиальной равниной, образованной наносами Аракса и Куры. Реки-близнецы протекают по местностям, этнографически неоднородным. На берегах Куры живут армяне, грузины, татары; в равнине Аракса—армяне, курды, отчасти татары, одни о-бок с другими; не несомненно, что собственно армяне составляют здесь преобладающий элемент, и при том не только по степени своей культуры и влиянию на остальное население, но также и по своей численности. В политическом отношении, бассейн Аракса является точно также раздробленным: верховья его принадлежат Турции, правый берег примыкает большею частью своего течения к Персидской территории, а добрая половина этого бассейна принадлежит России, завладевшей на нем самыми благоприятными стратегическими пунктами, позволяющими ей во всякое время спуститься в долину Ефрата. Россия имела в виду приобрести также истоки этой реки с её верхними притоками, до самого Диадина, но, под влиянием Англии, должна была съузить эти пределы и удовольствоваться тем, что ей было уделено, не взирая на Сан-Стефанский договор, Берлинским конгресом. Знаменитая гора Арарат, этот исполин Анти-Кавказа, и Эчмиадзинский монастырь, религиозная столица армян и центр этой национальности, находятся на русской территории.

На север от истоков Аракса, горы, северный склон которых спускается к Черному морю, изрезаны оврагами и долинами, а их контрфорты и неправильные звенья, каковы: Керечидаг, Соганлы-даг, Чилдир-даг и проч., сливаются на север от Карского бассейна, на плоскогории, занятом озерами, заканчиваясь на востоке вулканами Абулом и Самсаром. Эти спутанные звенья чрезвычайно затрудняют сообщение между противоположными склонами, несмотря на то, что они далеко не достигают той высоты, как массивы Кавказа или Анти-

1 Фон Зейдлиц, „Русское обозрение", 1879.

Кавказа; самая высокая вершина Казил-Даг или «Красная гора», находящаяся между бассейном Аракса и озером Чалдыром, имеет высоты всего лишь 10.200 футов, а след., лежит ниже идеальной линии вечных снегов. На юг от истоков Аракса площадь, занимаемая горами, съуживается, но вместе с тем становится выше и встречается с водораздельным хребтом, идущим по направлению с запада на восток, между долиной Аракса и той, которая идет параллельно Ефрату или Мураду; несколько вершин с угасшими кратерами, расположенных в



Видъ города Баку.

ряд на этой вулканической цепи, достигают высоты более чем 9.850 футов. Перли-даг, находящийся на средине цепи, и Чингил, на её восточной оконечности, около перевала, ведущего из равнины Эривани в Баязет, оба достигают почти 10.500 футов высоты.

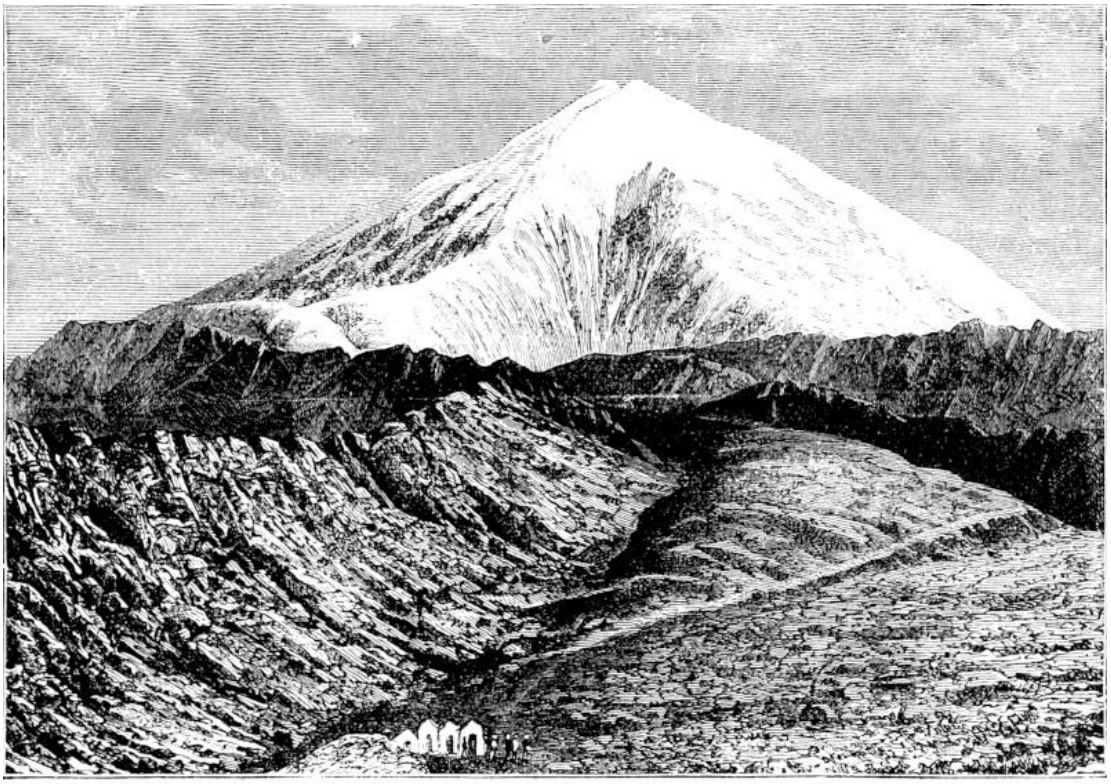
Несколько ручейков, стекающих в Аракс, указывают своим названием «Тузла-су», на характер воды, которая перед выходом на поверхность проходит через залежи соли[1]. На север от Перли-дага в равнине, с третичным напластованием, кроме трахитового конуса Текелти-даг, находится еще гора Кульп,—одна из самых громаднейших масс каменной соли, какие только известны; не вдалеке от неё Аракс, еще не приняв в себя западный Арпачай, проходит через узкое ущелье с базальтовыми стенами. Окружающие холмы лишены растительности и состоят из глины и мергеля различных цветов, красного, синего, зеленого и серого, что придает местности какой-то странный, пестрый вид. Соленосная гора, образованная из таких же разноцветных слоев, идет на восток с слабым подъемом, между тем как на западе она прерывается сразу, обрывисто, всего на расстоянии каких-нибудь полутора верст и заканчиваясь тремя крутыми уступами; в её обнаженных стенах видны прожилки соли, белого, розового и зеленоватого цвета, отделенные слоями глины, заключающей в себе бесчисленные кристаллы селенита, блещущие на солнце. Самый верхний пласт соли, толщина которого равняется, в среднем 50 футам, никогда еще не был эксплоатирован солепромышленниками; точно также не обращается никакого внимания на самый нижний слой, отчасти выщелоченный: разрабатывают только средний пласт, толщина которого колеблется между 100 и 210 футами; яма, вырытая с лицевой стороны уступа, тянется вглубь более чем на полверсты (600 метр.). Ломка соли в Кульпе, вероятно, может считаться, вне Китая, одной из самых древнейших. Армяне рассказывают, что сюда приходил Ной запасаться солью, и даже могут указать место, где патриарх начал свою работу. В части рудника, уже заброшенной, рабочие нередко находят молоты и каменные ломы, относящиеся к той эпохе, когда еще не знали употребления металлов. Эти орудия рудокопов, прикреплявшиеся к ручке посредством ремня, сделаны из диорита, т.е. из такой горной породы, которая не встречается ни в одной из окрестных гор и, вероятно, приобреталась путем торговли с отдаленными странами. Хотя способы добывания и улучшились с тех пор, но все же они остаются крайне грубыми, а недостаток дорог ограничивает деятельность Кульпинского рынка Тифлисской и Эриванской губерниями. Среднее количество добываемой соли поднялось за последние сорок лет, начиная с 1835 года, с 4.000 на 16.300 тонн[2].

Гора Арарат, «исторический центр Армянского плоскогория» и центральный пик цепи тех плоскогорий и возвышенностей, которые тянутся через Старый Свет, начинаясь у мыса Доброй Надежды и оканчиваясь у Берингова пролива[3], поднимается на восточном продолжении вулканической цепи между Араксом и Ефратом; но её коническая масса, белеющая от снега и испещренная черными прожилинами, так высоко поднимается над другими горами, что она кажется стоящею как бы во главе кортежа, а холмы и плоские возвышенности простираются у её подножья точно равнины. Самое имя Арарата происхождения, вероятно, арамейского и равнозначуще выражению «особенно высокий»; армянское же название—Мазис, которое и есть настоящее имя горы, так как она находится на армянской земле, обозначает «большой» или «величественный»[4]. Турки дали название Арарату Агридаг или «скалистая гора» (Арги-даг, гора Ковчега), между тем как персы называют ее Ког-и-ну или «Гора Ноя»[5]. Весьма естественно, что на эту величественную гору, единственную по своей славе, более гордую, чем оба Олимпа эллинов, жители долины Ефрата смотрели как на божественную вершину и что, по восточным мифам, с её священной верхушки сошли люди и животные, чтобы населить собою мир. Армяне до сих пор еще показывают издали точное

1 K. Koch, „Wanderungen im Oriente".
2 G. Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus".
3 Cari Ritter, „Erdkunde, Asien", vol. X.
4 Vivien Saint Martin. „Recherches sur les populations primitives du Caucase".
5 Cari Ritter, volume cite.

место, на котором остановился ковчег Ноя после «сорокадневного плавания над вершинами самых высоких гор». «Духи, вооруженные огненным мечем, охраняли этот священный корабль, зеленый, как дерн холмов»[1].

Если смотреть на Арарат из Нахичевани, то он кажется одной конической массой, поднимающейся на северо-западе; из Баязета он виден на юге, а из Эривани—с севера; с двух последних пунктов, он представляется в виде двух различных гор, стоящих по линии направления Кавказского хребта. Большой Арарат поднимает свою двуглавую вершину к северо-западу от Малого Арарата, отделяющагося от своего соседа глубокой впадиной, в общем же обе горы, вместе с их контрфорсами, занимают между двумя равнинами, Баязета и Эривани, пространство около 900 кв. верст. Высота Арарата и прилегающих к нему возвышенностей следующая:



Араратъ съ сѣверо-восточной стороны.

Большой Арарат—5.610 метр. (16.925 ф.); Малый Арарат—3.596 м. (11.695 ф.); промежуточный перевал (по Абиху)—2.705 метр. (8.872 фут.); Баязет (крепость)—2.043 метр. (6.700 фут.); Эчмиадзин—765 метр. (2.827 ф.); Эривань—985 м. (3.130 фут.)

Склоны Арарата почти со всех сторон очень пологи и напоминают Этну; но местами потоки лавы и очень глубокий снег, становящийся рыхлым в продолжение летнего времени, делают восхождение очень трудным для путешественника. Армяне рассказывают различные чудеса, которыми были часто останавливаемы их пастухи и нечестивцы, пытавшиеся взобраться на гору «Матери-Мира»; а неудачные попытки Турнефора и Морье еще более утвердили их в этом. Но когда Паррот[2] вполне удачно достиг вершины, в 1829 году, они единодушно отрицали, чтобы такой подвиг мог быть исполнен, продолжая попрежнему держаться своих мнений и набрасывать некоторую тень подозрения на уверения этого ученого, пока другие, вслед за Парротом, не выполнили эту задачу с таким же успехом. В 1850 году г. Ходзько провел целых пять дней на вершине, ради своих работ по триангуляционной съемке Кавказа. Отсюда он визировал Савелян, отстоящий на 329 верст на юго-восток, и Эльбрус, на расстоянии 413 верст к северо-западу, и сносился посредством гелиотропов с

1 James Greagh, „Armenians, Koords and Turks“.

2 „Reise zum Ararat”

другими астрономами, находившимися на Акдаге, среди Гокчайского плоскогорий.

На высоте 11.400 футов (3.475 метр.) горные склоны сплошь покрыты растительностью, но на 12.300 фут. (3.750 м.) семейство злаков уже прекращается; на 13.000 ф. (3.950 м.) и до самой линии постоянных снегов, встречается не более разновидностей в флоре, чем на высотах европейских Альп[1]. Виды, ростущие на высотах Арарата, все очень похожи или однородны с теми, что встречаются на Альпийских вершинах, но они не так многочисленны, как на этих последних. Так, например, из 49 разновидностей, ростущих на Фаульгорне, здесь, на соответственной полосе, найдено всего лишь 31, что, без сомнения, можно приписать большей сухости воздуха на горах Армении[2]. Что касается до фауны этих гор, с которых, по восточным мифам, сошли все существующие животные, то она сравнительно очень бедна: волк, гиена и, пожалуй, еще пантера, встречающаяся в лесах у горной подошвы, по близости Аракса: на склонах самого Мазиса встречается только тур, каменная куница и один вид зайца; не видно даже летучих мышей.

Хотя Арарат всего на три градуса широты южнее Перинеев, но он гораздо выше свободен от снега. Линия вечных снегов начинается, по Вагнеру, на высоте 13.840 фут. (4.220 м.) и на 14.330 ф. (4.370 м.) по Парроту, а следовательно она здесь более чем на полторы версты выше начала снеговой линии в Пиренеях. Это зависит от открытой местности, на которой стоит Арарат, вследствие чего он предоставлен всей силе солнечных лучей, отражаемых прилегающей к нему плоской возвышенностью, и влиянию ветров, содействующих испарению влаги; вот почему этот громадный вулкан показывает свои обнаженные утесы из черной лавы менее чем на 3.280 футов ниже своей верхушки; но зато в оврагах, которыми изборождены его бока, снег лежит гораздо ниже; рассказывают даже, что в одном месте, в нижней части, он покрыт сплошь снегом, точно зубчатым воротником. В большей части его ущелий снежные лавины принимают кристаллическое строение и превращаются в настоящие ледники,—единственные в Армении,—спускающиеся ниже 9.850 футов (3.000 метр.) высоты; главным из них, в северо-западной части горы, считается ледник св. Иакова, воронка которого образована наверное предшествовавшими извержениями Арарата и похожа на ту, что находится в небольшой долине Гель-Бове, у склона Можнибелло[3]. В минувшую геологическую эпоху ледники Арарата спускались гораздо ниже: это видно по остаткам глетчеров и по следам, оставленным ими на поверхности трахитовых скал, в виде шлифовки и шрамов. В некоторых местах волнистые поверхности стен так отлично отесаны продолжительными прохождениями льдов, что блестят точно металл, отражая солнечные лучи с ослепительной яркостью[4].

Факт очень любопытный: Арарат, несмотря на громадное количество снега, который покрывает его конечную пирамиду, и которым засыпан его кратер, совершенно не дает воды; натуралист Вагнер мог найти только два ручья у подошвы этой могучей горы, да и те были не более, как небольшие струйки, журчащие между каменьями. В то время, как соседния горы, одинакового вулканического происхождения, дают целые потоки воды и наполняют ею обширные и глубокия озера,—склоны Арарата остаются сухими и знойными. Во время засух, они необитаемы по недостатку растительности и влаги; пастухи не гоняют туда своих стад; редко встречаются там и дикия животные; даже птицы избегают этой горы с её чернеющими утесами, с блеклой растительностью. Здесь царит полнейшая глушь, точно среди песчаной пустыни. Вода, образующаяся от таяния снегов, или падающая в виде дождя, исчезает в трещинах почвы, под слоями пепла и лавы, и скопляется, вероятно, или в подземных озерах, или же, скорей, стекает в скрытые реки.

Эти подземные воды, которые в соприкосновении с слоями, лежащими в недрах земли и их высокой температурой, превращаются в пары, объясняют, может быть, страшное извер-

1 G. Radde, „Записки Кавказ. Отд. Русс. Геогр. Общества", т. I № 2.
2 Statkovsky, „Problemes de la climatologie du Caucase".
3 Abich, „Beitrage zu Kenntniss des Russishen Reiches".
4 Moritz Wagner, „Reise nach dem Ararat".

жение, происходившее в 1840 году: один древний кратер, расположенный пониже монастыря св. Иакова, вдруг снова разверзся; густой пар поднялся вверх выше вершин Арарата, распространяя в воздухе запах серы; послышались глухие подземные раскаты, и затем гора стала выбрасывать из трещин громадное количество каменьев, из которых многие достигали весом до пяти тонн: в почве образовались трещины, открывшие выход парам, и со дна реки Аракса стали бить клокочущие горячие ключи. Монастырь св. Иакова исчез под развалинами, равно как богатая и многолюдная деревня Аргури, которую армяне считали самой древней на земле. Действительно, название Аргури в переводе означает «виноградная лоза», а легенда добавляет к этому, что в Аргури Ной посадил первую лозу, по выходе своем из ковчега. От извержения пострадали не только две тысячи душ, жившие в Аргури, но и в Эривани, Нахичевани и Баязете тысячи других людей погибли при землетрясении; к счастию, почти все жители в самый момент сотрясения были вышедши из домов, подышать свежим вечерним воздухом[1]. Четыре дня спустя после извержения и землетрясения, новое несчастие разрушило почти все нивы и сады Аргури: вода и грязь, скопившиеся в кратере и образовавшиеся отчасти через таяние снега, прорвали заключавшие их стенки и разлились по склонам горы целыми потоками, затопивши равнину, обратив ее в обширное болото. Извержение, разрушившее Аргури, было самым сильным из тех, которые известны в истории этой горы, хотя Арарат уже и до того времени был несколько раз центром сильных землетрясений. Что касается до уверений путешественника Рейнегса, который, будто бы, видел в 1785 г. дым и пламя, выходившие из вершины Арарата, то это более, чем сомнительно; никто из местных жителей армян не заметил этого явления.

Аллах-ггез (Око Господне), или скорей Ада-гёз, т.е. «пестрая гора»—если только это не есть исковерканное турками армянское название горы: Аракадз[2], стоит против Арарата, по другую сторону равнины, раскинутой у Эривани. Эта вулканическая масса поднимается не так высоко, как Арарат; но если его притупленный конус достигает едва 13.750 футов высоты, то, по своему протяжению и могучим контрфорсам, он превосходит своего гордого противника. На юг и на восток, потоки его лавы спускаются в самую долину Аракса; на запад и на север от него другие потоки лавы, также относящиеся к отдаленному геологическому периоду, разливались по долине Арпачая, у Александрополя; масса извергнутого вещества простирается на сотни верст в окружности. Гора заслуживает названия пестрой, по разноцветным оттенкам окалины, гладко отшлифованным каменьям и обсидианам, между которыми пробивается там и сям зелень и цветы. Три из древних кратеров заполнены маленькими озерами, находящимися вечно в тени, бросаемой окружающими их стенами; но с Алагеза, как и с Арарата, в долину воды стекает очень немного: по временам и эта вода теряется в окалине и пепле. Одно озеро, находящееся на юг от горы, Айгер-гиль, питается подземной водой и само дает начало истокам прекрасной реки Карасу, притоку Аракса, катящей свои воды у подножья старинной цитадели Армавир[3].

Алагез стоит отдельно от прочих гор, как и Арарат; он соприкасается лишь небольшой и вытянутой возвышенностью с горами, обращенными на север от него, именно с теми, что идут параллельно Кавказскому хребту и соединяют таким образом вулканическую цепь плоскогория Ахалкалаки с массивами, расположенными на восток от Эривани, у большого озера Гокчай. Эти горы, Сомхет, Памбак и еще несколько других, вершины которых достигают 8.080—9.850 футов (2.400—3.000 метр.), представляют собою простые кряжи плоскогория, спускающиеся по обеим сторонам длинными скатами, с слабым наклоном к порогам горного прохода. Этек-майданский перевал, находящийся на торговом пути из Тифлиса в Эривань, пересекает эту цепь на высоте 7.120 футов. В этом месте находится северо-западный угол той горной возвышенности, у которой перекрещиваются различные оси Кавказских гор, образуя настоящий горный лабиринт и направляясь с севера на юг, с востока на

1 Moritz Wagner, Abich, Ходзько.

2 Cari Ritter, „Asien", vol. X.

3 Dubois de Montpereur, „Voyage autour du Caucase".

запад, с юго-запада на северо-запад; но господствующее направление остается северо-западо-юго-восточным, параллельным главному хребту. Впрочем хребты, имеют, в среднем, почти одинаковую высоту; они поднимаются на 3.280 футов над тем громадным пьедесталом, каким служит им плато, и только немногие из вулканических конусов достигают сравнительной высоты в 5.000 футов, или 10.000 футов абсолютной высоты. Этим пересечением хребтов равной высоты и объясняется образование среди них обширного озера, наполняющего впадину в плоской возвышенности, которое, превышая на 6.340 футов уровень Черного моря, не имеет других стоков кроме как юго-западной стороны к Араксу, посредством реки Занги, да и то лишь в летнее время. Это озеро—Гок-чай (Гокча) или «Синяя Вода», как называют татары,—Севанга на языке армян. Шардэн был первым европейским путешественником, указавшим на него. А между тем озеро занимает не менее 1.212 кв. верст (1.370 кв. километров) и следовательно в два с половиной раза больше Женевского озера. Его глубина, может быть, и не так значительна, как озера Леман, но все же довольно велика: средним числом она достигает от 118 до 285 футов, но лот отыскивает на линии, идущей вдоль озера, и 360 футов, именно в его самом съуженном месте[1]. В северной части бассейна вода имеет пресный вкус, как и в большей части озер, служащих водоемами, но в его южной части, где вода возобновляется медленнее, она несколько солоноватая; в озере не более пяти видов рыбы: из них можно назвать форель и лосось; но зато, в отношении количества, рыбы вообще очень много. Случается, что за один раз вытаскивают сетью от 1.000 до 2.000 форелей: зимою ловят их, пробивая лед.

Гокчай обязано своим названием прекрасному лазоревому цвету воды. Треугольной формы, несколько съуженное у средины двумя выдающимися с противуположных сторон мысами, оно со всех сторон вполне окружено горами, которые вблизи берега кажутся серыми, за тем мало-по-малу переходят в синеватый фон, через который пробиваются там и сям белые полоски снега. Общий вид этого пейзажа величественный и торжественный, но вместе с тем и унылый. Склоны гор, состоящие из порфира и лавы, почти совершенно обнажены; даже на берегу не видно нигде деревца. От древних городов не осталось ничего, кроме груды развалин, среди которых часто находят множество монет, относящихся ко временам Сассанидов. Деревни приютились в хорошо защищенных уголках, у высоких уступов скал; кое-где видны лачуги, на половину вырытые в земле. В различных местах на плоскогории, раскинуты многочисленные могильные насыпи, называемые гробницами огу или великанов, расположенные или отдельно, или рядами на краю терассы, и похожия на те, которые встречаются на Алагезе и почти на самой вершине Малого Арарата[2]. Почти все поля, раскинутые на плоской возвышенности, давно уже стоят под паром, и страна снова сделалась пустынной; еще недавно, равно как и в эпоху свайных построек, ни одного судна не было видно на волнах этого озера[3]; сами рыбаки не удаляются далеко от берега. В продолжение восьми месяцев плоскогорие покрыто снегом, а зимою, не смотря на жестокия бури, спускающиеся с гор, случается не редко, что озеро покрывается льдом сначала у берегов, а затем мало-помалу и на самой средине. В северо-западном углу Гокчая находится монастырь Севан, знаменитый у армян еще в IX веке; он занимает островок из лавы, т.е. собственно вершину конуса, поднятого со дна озера. Трудно вообразить более печальное место для ссылки, более мучительной скуки, какую навевает этот островок с его черными скалами, лишенными всякой растительности, с его монахами, обреченными на молчание во все время, исключая четырех дней в году. Но деревни, лежащие не вдалеке, на плоскогории, сделались лечебным местом для обитателей нездоровой Эривани. Лихорадки, столь обыкновенные и опасные в равнине Аракса, совсем отсутствуют на плоскогории; воздух здесь чистый и укрепляющий.

На восток от Гокчая и его вулканической ограды, с которой стекают ручьи, наполняю-

1 Семенов, „Словарь Российской Империи". Кесслер. „Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей". т. VII, 1876.

2 Берже. „Русское Обозрение" 1874. № 11.

3 Байерн, „Сборник сведений о Кавказе", I, 1871.

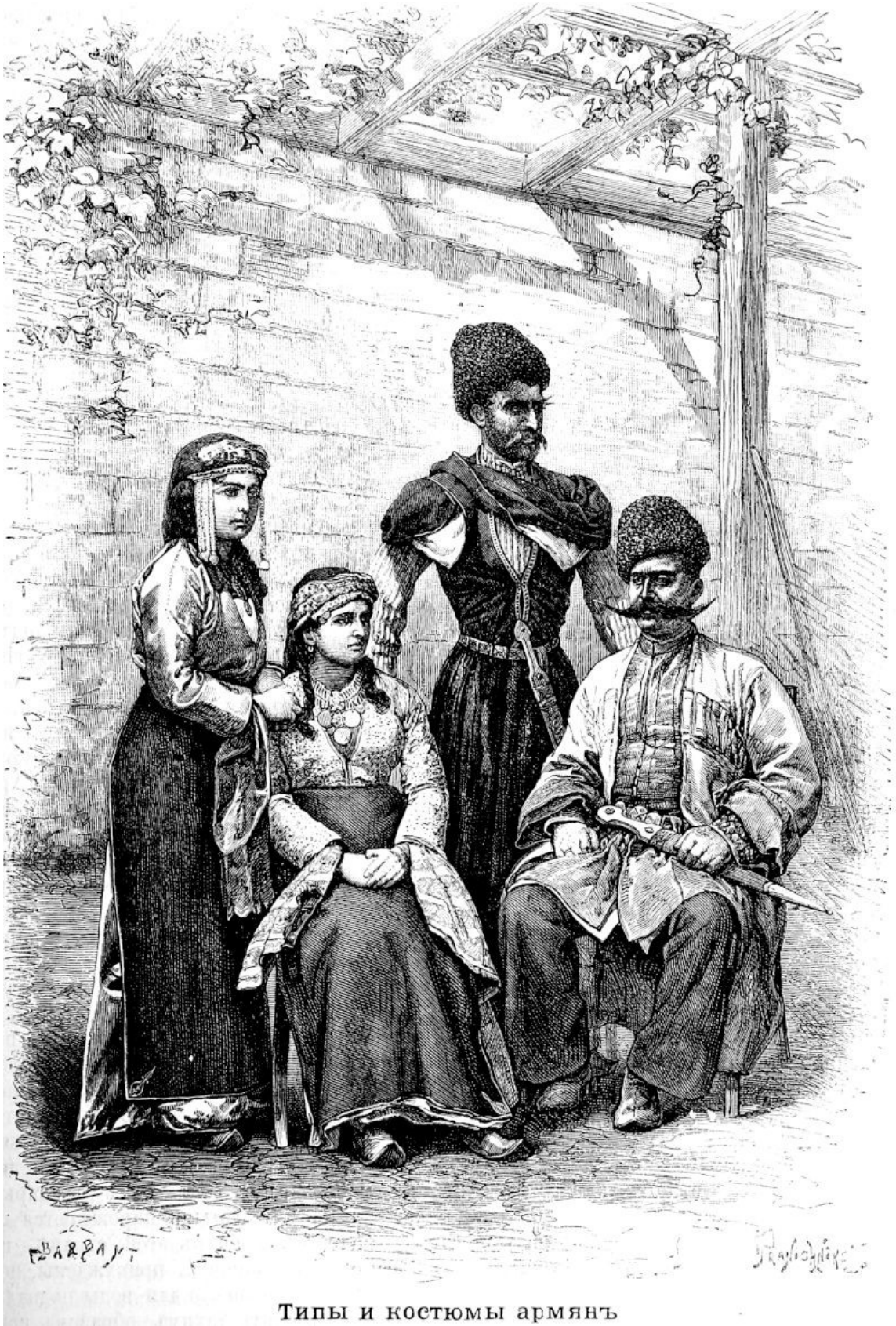
щие маленькия долины, скрещиваются звенья Карабагских гор, известные у грузин под именем Рани, или персидской страны Арран—древней земли Иудеев, и простирают свои лабиринты по направлению с востока на юго-восток. В этой самой области, изрезанной глубокими ущельями, вершины волнистых массивов Гокчая достигают самой большой высоты и если не касаются линии вечных снегов, то тем не менее в обрывах их почти постоянно видны полосы снега. Круглый год сохраняют свои снежные шапки только три или четыре горы: вершина Гемышь 11.270 фут. (или 3.740 метров), с которой текут истоки Тертера, Казанлогдаг, и его южный сосед, Капуджик, который продолжается на юг к городу Ордубату крутыми обрывами, заканчивающимися на вершине остроконечной стеною и обвалившимися у боков откосами. На юг от этих кульминационных точек восточной Армении, по другую сторону ущелья Аракса, поднимаются горы такой же высоты и точно также испещренные полосами снега. Между цепью, в которой царит Капуджик, и горами, идущими у Шуши, открывается бассейн Зангезура, средняя высота которого 3.950 фут. (1.200 метр.) и который, кажется, прежде составлял такую же озерную впадину, как Гокча, но он опустел благодаря двум рекам,—Бергушета и Акеры, соединяющимся вместе, перед впадением в Аракс. В центре этого бассейна поднимается коническая гора Ишкли или Качал-даг, достигающий 9.850 футов (3.000 метр.) вышины. Пепел и окалина выброшенные окрестными вулканами и скопившиеся на дне бывшего озера слоями в несколько сот футов, размыты реками в глубокие овраги. Пемзовые террасы, занятые под посевы зерновых хлебов, оканчиваются над зеленеющими долинами разноцветными утесами, серыми, зелеными, синими и даже ярко-красными; размытые дождями в виде игл и обелисков, они образуют там и сям каменные глыбы, нависшие в виде сводов; это такия же «крытые колонны», какие встречаются и в некоторых местностях Швейцарии. Подобными приспособлениями пользуются крестьяне, устраивая в них свои погреба, стойла и даже самые жилища[1].

Флора гористой страны замечательно как походит на горную флору Европы, и если бы путешественника вдруг перенести с долины Альп на берега одного из притоков Аракса, то он ничуть не заметил бы перемены местности: он нашел бы здесь тот же бук, дуб, осину, те же кустарники в лесах, а между дерном те же цветы[2]. Горные долины, покрытые слоем чернозема, очень плодородны; по причине этого плодородия страна получила название Карабаг, т.е. Черный сад. Но на склонах в лесной полосе, нуждающейся во влаге, где летний зной доходит до 40° Цельсия, почва вообще бесплодна: шалфей и еще несколько душистых трав составляют почти единственные растения лужаек, а представители фауны—пресмыкающиеся: пауки, скорпионы[3] и страшные тарантулы, известные у русских обыкновенно под названием фаланги (phalangium araneoides). Карабагские лошади, считающиеся самыми лучшими и самыми красивейшими в Закавказье, отличаются способностью карабкаться по горам с ловкостью коз.

Аракс, река преимущественно армянская, берет свое начало вне русской территории, на юг от Эрзерума; он получает свои первые воды с вулкана Бингол-даге или «Горы тысячи ручьев», южный склон которого питает несколько притоков Ефрата, а, также и самый Ефрат; Аракс был отчасти известен под именем «реки тысячи озер»[4]. В виде небольшой реченки он проникает в русское Закавказье и затем увеличивается вдвое, принявши в себя Арпачай или Ахуреан, спускающийся с вулканических плоскогорий Александрополя и Алагеза: только благодаря этому притоку, Аракс может орошать большую часть бассейна Эривани, который без него был бы пустыней. Повернув к югу от массивов Гокчайского плоскогория и гор Карабага, Аракс выходит из днища древнего озера через узкое горное ущелье, скользит по порогам в 30-40 сажен ширины, и его клокочущие воды, ударяющиеся то в одну, то в другую сторону берега, между черными, обрывистыми, торчащими словно иглы, скалами, спускают-

1 N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann“, 1880,—„Рукописные заметки“.
2 Moritz Warner, цитированное сочинение.
3 G. Radde, „Vier Vortrage uber den Kaukasus“.
4 C. Koch. „Wanderungen im Oriente”.

ся в среднем по наклону в 16½ на версту и даже в 50 футов, с части ущелья, наиболее наклонной[1]. Ордубат, при входе в Аразбарское ущелье, находится еще на 3.050 фут. (929 метр.) над уровнем Каспийского моря и почти в 100 верстах от равнины, войдя в которую,



Типы и костюмы армянъ

сливается с рекой Бергушед и, вместе с нею, обогнув с южной стороны «Гору храбрых» или Дири-даг, стоящую одиноко в равнине, принимает несколько рек с персидских гор и соеди-

1 Dubois do Moutpereux, „Voyage autour du Caucase".

няется затем с Курой, протекши всего около 750 верст. У подножья «Горы храбрых», названной этим именем разбойниками, которых еще в 1877 году здесь было до 300 человек, река проходит под мостом Худаферин, приписываемым преданием Помпею; но постройка этого моста относится наверно к эпохе, более поздней; повыше находится еще другой мост, который, по мнению туземцев, построен Александром, но, вернее, что он римской постройки[1]. Худаферинский мост, у которого производится довольно большая торговля между русским берегом и персидским, есть вместе с тем и последний на Араксе. Гидравлические работы у его слияния с Курой заброшены. Оросительные каналы, разносившие по полям плодородие, тоже оставлены, что способствовало, вместе с болотами Куры, превращению этой части Каспийского прибрежья в проклятое место. Аракс, как полагают, склоняется все больше к правому берегу, пытаясь снова отделиться от Куры и течь в море независимо, как это было во времена Страбона.

Бассейн Аракса—это одна из тех стран Передней Азии, которая наиболее страдает от крайностей температуры. Климат Эривани еще более невыносим, нежели тифлисский. Так, например, зимою температура до —30° и даже до —33°, а средняя температура января месяца равна —15°; это объясняется отчасти высоким местоположением равнины, находящейся на 3.280 футов над уровнем моря; летния жары, не редко свыше 40°, достигающие даже 44° и 45° (Цельсия), заставляют европейцев искать в это время убежища в тени, в горах. Изнурительные лихорадки и другие болезни очень обыкновенны в Эривани. «В Тифлисе, говорит армянин, не отличить молодого от старика, в Эривани—живые не лучше мертвых!» К счастью, в знойную пору, в равнине Эривани дует по вечерам северо или сев.-сев.-западный ветер, нечто в роде мистраля, с особенной силой срывающийся с гор Алагеза. Этот ветер, происходящий, как и мистраль, от разности в температурах между снежными вершинами и знойной долиной, начинает дуть около пяти часов вечера и продолжается почти до рассвета. В то время, когда свирепствует этот ветер, жители сидят запершись в своих домах, не желая подвергать себя массе пыли и крупного песку, вихрем кружащихся в воздухе. В окрестностях Эривани все тополи, стоящие у дорог и в садах, наклонены на юг-юго-восток[2].

Кроме пирамидальных тополей, насаженных руками людей, обитающих в долинах Аракса, во многих местах, в особенности вблизи городов, другое дерево раскидывает свои ветви над нивами, это нальбанд, вид окулированного вяза (Ulmus campestris suberosa), с его густою листвой, совершенно непроницаемой для солнечных лучей. Нальбанд—одно из красивейших декоративных деревьев, какия где-либо существуют, но он встречается только в русской Армении. Абрикосовые деревья растут во всех садах; крестьяне возделывают рис, хлопчатник, кунжут и клещевинное деревцо; разводят также виноград, из которого получается вино темного цвета, очень богатое алкоголем, и, как дессертное, может быть приравнено к мадере или хересу. Но виноградники эти могут процветать только при том условии, если от зимних стуж лозы прикрывать землею, а в знойную пору поливать их наравне с огородными растениями. Без оросительных каналов в этом климате все погибает; почва не редко высыхает так сильно, что бывает похожа скорее на закаленный кирпич. Но везде, где протекает живительная вода, почва зеленеет и покрывается цветами; среди пустынь нарождаются оазисы. Персиане, живущие в этой стране, проводя оросительные канавки, принуждены, по большей части, устраивать для воды подвалы, чтобы предохранять таким образом испарение этой ценной влаги[3]; персиане являются здесь благодетелями, которым местные жители обязаны своим существованием; не станет воды—не станет людей, которые принуждены будут или бежать отсюда, или погибнуть. Один английский инженер занят, говорят, тем, чтобы провести воды Арпачая на юго-восток и распределить ее каналами по полям Сардарабада, на запад от Эчмиадзина, стоящих теперь пустынными; говорят также, что сотни тысяч эмигрантов, немцев, ирландцев или русских, могли бы поселиться на этой земле, если бы

1 Фон-Зейдлиц, рукописные заметки.

2 G Radde, „Vier Vortage uber den Kaukasus".

3 Von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann", 1800; рукописные заметки.

местность оживить водой. В бассейне нижнего Аракса, точно также, целый народ мог бы существовать на берегах его текучих вод.

В ожидании каналов, долженствующих обновить эти поля, во всей русской Армении земледелие находится по своим техническим приемам на самой первобытной ступени. Армяне, такие ловкие торговцы, оказываются рутинерами как земледельцы, а их соседи татары, как видно, ничуть не служат им примером более опытных хозяев. В большей части уездов, кабаны, живущие стадами среди кустарников и в камышах по Араксу, составляют большое зло для земледелия; они сильно вредят полям, расположенным в соседстве с порослями камыша. Но татары, как добрые мусульмане, питают такое сильное отвращение к этим нечистым животным, что не хотят преследованием их осквернять свои руки. Они не согласны предоставить даже соседям возможность истреблять диких свиней и часто из-за убитого кабана между соседними крестьянами, принадлежащими к различным национальностям, поднимаются жестокия ссоры[1]. Земледельческие орудия армян самого первобытного устройства; до сих пор еще для молотьбы служат грубые волоки, снабженные снизу рядами остроконечных голышей[2]. Археологи могут спросить, вместе с Коннингамом: те каменные стрелы, которых так много находят во всех частях света, не служили ли они, как и у армян, для мирных, чисто земледельческих целей?

Главная нация, населяющая долину Аракса, по численности своей занимает на Кавказе четвертое место, и уступает по своему влиянию только русским; это армяне, или вернее: гай, гайк, гайканы, как они сами себя называют. Название «Армения» происхождения арамейского, обозначающее, вероятно, «высокая страна», есть в то же время название наиболее неопределенное, прилагаемое главным образом ко всей области плоскогорий, с господствующим на них двуглавым Араратом. Следуя политическим превратностям и выселениям, собственно Армения или Гайяздан, т.е. земля, населенная гайками, изменяла свои границы с каждым столетием; в настоящее время она, занимает почти всю долину Аракса, значительную часть бассейна Куры по обе её стороны, затем весь верхний бассейн Ефрата, до слияния его двух верхних истоков, берега озера Ван и несколько кусков персидской земли в бассейне озера Урмия. Центр тяжести армянских владений перемещался все ближе и ближе к северу; он находился прежде недалеко от озера Вана, в равнине верховьев Мурада, т.е. восточного Ефрата; деревня Гайк носит еще до сих пор название национальности. Но территория, подчиненная мусульманам-туркам, не могла оставаться священной землей для армян. Во всех частях света, где только рассеяны армяне, везде они смотрят на гору Арарат и на долину Аракса, как на свое истинное отечество; там до сих пор находится главное ядро их расы, с наименьшей примесью чужого элемента; кроме того, там и язык армянский наиболее чист и наиболее подходит к тому, который употребляется еще при богослужении, но уже вполне исчез из общего употребления еще в конце XIV века.

Когда эта местность была покорена русскими в 1828-1829 гг., то 130.000 армян пришли из Персии и Турции, чтобы под покровительством русской армии поселиться в долине Аракса и Куры и заместить собой курдов и татар, стремившихся в свою очередь уйти на земли, оставшиеся во власти магометан. Во время последней войны, 1877 и 1878 годов, произошло подобное же явление: из Ардаганского округа, в долине верхней Куры, и из Карской области, в бассейне Аракса, почти все мусульманское население поуходило в пределы Турции, а взамен их явились массой армяне. Эти последние пришли из верхнего бассейна Ефрата, с берегов Чоруха, но в особенности из той части турецкой территории, которая должна была по Сан-Стефанскому договору принадлежать России, и которая по Берлинскому конгрессу снова осталась за Турцией. Нет сомнения, что эти переселения народов, встречавшихся на пути, не обходились без убийств, голода и эпидемий; потеря людей была громадна, и теперь еще, несмотря на мирное время, религиозная и расовая ненависть служат

1 Parot,—Petzholdt.

2 Фон Зейдлиц, рукописные заметки.

причиной ужасающих драм; но вообще враждебное население разместилось сообразно естественному влечению.

До сих пор еще нет сколько-нибудь точных статистических данных относительно численности армян в Малой Азии, но весьма вероятно, что их там меньше, чем в русских владениях.

Вот вероятные цифры армян: в Кавказской и Европейской России—934.612. В Турецкой Армении (по Равенштейну)—760.000 В Персидской Армении (по Дюлорье)—150.000 В Европейской Турции—250.000. В других странах—60.000. Итого—2.174.612.

Обыкновенно полагают, что число всех армян доходит до 3-х. а по некоторым авторам до 4-х миллионов[1], но навряд-ли их больше двух. Одна странная особенность, показывающая, насколько армяне рассеяны по разным странам, заключается в том, что их города и они сами гнездятся большими группами вдали от Армении и даже вне азиатского материка: напр., в Константинополе число армян достигает не менее 200.000 душ; Тифлис—второй город гайкан по численности населения, расположен тоже на неармянской земле или, так сказать, в их чересполосном владении. Есть также еще несколько других городов в Закавказье, которых можно по преобладающему населению назвать армянскими.

Прошло много веков, как армяне, лишившись политического единства и национальной независимости, разбрелись по всему Востоку; еще Геродот видел их в Вавилоне. Когда их земля стала добычей победителей, они предпочли «жить иностранцами на чужой земле, нежели быть рабами в своем отечестве». Они переселялись толпами, и в XI веке их видели пробиравшимися в Россию, Польшу, Буковину и в Галицию. Теперь их можно встретить во всех больших торговых городах от Лондона до Сингапура и Шанхая, и всюду они составляют кружки значительных негоциантов. Часто сравнивают армян с евреями, рассеянными также по всему свету, и это сравнение во многих отношениях совершенно верно; гайканы наверно не уступят израильтянам в религиозной устойчивости, в духе солидарности, точно так же, как и в страсти к наживе и торговой оборотливости, но они не так предприимчивы, как евреи, и, в то время когда последних можно встретить на отдаленных концах света единицами, успешно выдерживающими борьбу за существование, армяне могут двигаться лишь более или менее сплоченными группами. Кроме того, большинство армян, остающихся в родной земле, далеко не чувствует того отвращения к возделыванию полей, как евреи; во многих уездах Закавказья почти все хлебопашцы принадлежат к армянской национальности. Известно, что из некоторых деревень Карабага, жители их, гайканы, уходят в отхожие промыслы в качестве каменщиков и плотников[2]. Ни в какой стране на земном шаре нельзя встретить евреев, снискивающих себе пропитание подобным образом.

Во всяком случае очень вероятно, что семитический элемент играл большую роль в складе жизни армянского народа, так как происходили многочисленные переселения евреев и переход их массами из Палестины в Армению[3]. На общий взгляд «потомки Гайка», арийцы, очень близко стоят к персам: но постоянные превратности, сопряженные в продолжение четырех тысяч лет с войнами, покорениями, ссылками, содействовали смешению этих арийцев со всеми соседними национальностями и в особенности с евреями, переселявшимися толпами в горы Армении, как пленники ассирийских завоевателей[4]. Царский род, самый знаменитый, царствовавший в Гайяздане и в Грузии, именно Багратиды, ведет свое начало от евреев, и генеалогия его простирается до Давида, царя-пророка. Между различными поселенцами в Армении, оказывавшими довольно сильное влияние на нацию, указывают на племя мамигонов, которые, вместе с князем Дженасдана, т.е. Китая, вступили в Армению, в Сомхет, в третьем веке по Р. Х. Данные летописцев доказывают очевидным образом, что

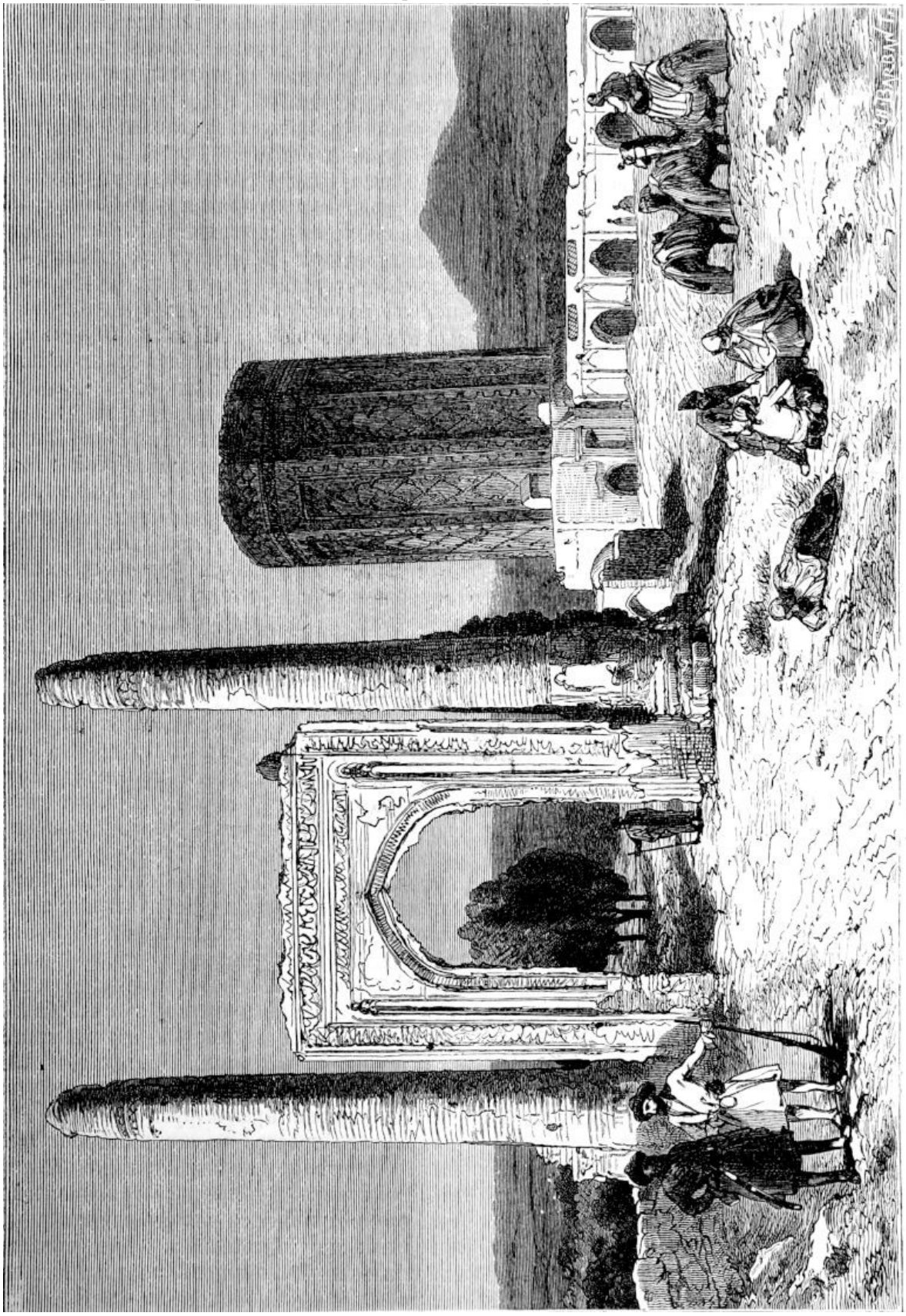
1 Issaverdens, „Armenia and the Armenians".

2 N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann", 1880;—рукописные заметки.

3 Carl Ritter, „Asien", vol. X.

4 До сих пор еще в Закавказье существуют две армянские деревни с населением, говорящим на древнееврейском языке. (См. Мшак, 1881 г.). *Прим. перев.*

большая часть чужеземцев, приходивших сюда, подобно норманнам и варягам, т.е. в качестве полководцев[1], и принимавших на себя обязанность сражаться против друзей и недругов, были иранцы, принадлежавшие, вероятно, к тому же племени, как и таджики в бассейне Оксуса[2].



Видъ у города Нахичевань

1 Saint Martin, „Memoires sur l'Armenien".

2 Schweiger-Lerchenfeld, „Armenien";—Fr. von Gellvaldt, „Central Asie".

Все грамматики помещают язык гайкан в семью арийскую. Он очень схож с зендом: по синтаксису он даже вполне иранский, по составу же слов походит гораздо больше на греческий язык и на славянские; хотя он довольно груб, обилен согласными буквами, но зато по богатству слов и грамматических форм он сходен с ионийским: в нем та же гибкость в образовании слов, та же способность составлять неопределенное наклонение для составных слов[1]. Конечно, современный армянский язык подразделяется на несколько местных наречий, заимствовавших множество выражений из грузинского и турецкого языков; так напр., в долине низовьев Аракса, в особенности там, где армяне окружены со всех сторон татарами, они говорят на жаргоне, в котором преобладает турецкий язык; можно указать также на то, что, например, в Ширване, в южном Кавказе, множество армянских обществ совершенно не говорят на родном языке. Подобные перемены были неизбежны, по причине рассеяния нации; большая часть армян давно уже покинула свою родную отчизну, и те из них, которые живут в Буковине и Трансильвании, даже совершенно забыли язык своих предков. В священном монастыре Эчмиадзине, где речь гайкан ближе всего подходит к их классическому языку, она сохранилась как чистый иранский диалект. Наконец, армянская литература, которая в продолжение двух тысяч лет не перестает все более обогащаться, объясняет историю языка и данныя о его происхождении. В Ванском округе скалы носят на себе армянские надписи, сделанные клинообразной вязью. Из других гайканских документов, писанных греческими и персидскими буквами, видно, что в V веке христианской эры в эпоху полного процветания армянской литературы в те времена. когда еще до трехсот школ были открыты для образования молодых людей, армяне составили свой собственный алфавит, употребляемый и до настоящего времени. В XIV столетии, нашествие Тамерлана сразу положило конец классическому периоду литературы Гайяздана. В настоящее время армяне, столь заботящиеся о воспитании своих детей, всячески стремятся дать им все средства пользоваться образованием: нет такой общины, которая не заботилась бы об открытии или содержании школы; часто даже их деревенские общества принуждены бывают приходить по этому поводу в столкновение с русской администрацией, считающей их не в меру ревностными в деле народного образования, и с собственным духовенством, опасающимся утерять через это часть того влияния, которое перейдет к учителям. Научное и литературное движение сравнительно с численностью армян ведется также довольно энергично, и, кажется, те из них, которые живут в России, печатают книг всего больше. Прежняя армянская литература почти вся состояла из сочинений по богословию, истории, метафизике и грамматике; теперь же она затрогивает все другие вопросы и обогащается переводами образцовых иностранных сочинений. В самом центре Анатолии путешественники встречают гайкан, занимающихся французским языком и интересующихся его литературой; уже в 1854 г. в Европе и Азии было не менее 22 армянских типографий. Их журналы издаются в Тифлисе, Константинополе и других городах, а различные общества в Москве, Вене, Париже и в Венеции занимаются изданием памятников письменности древнего языка. В 1880 году число издававшихся армянских газет и журналов распределялось таким образом: в Константинополе—9, в Тифлисе—5, Эчмиадзине—1, Москве—1, Венеции— 1. Самое знаменитое учреждение армян за границей, —это монастырь, основанный в 1717 году монахом Мехитаром, т.е. «утешителем», на острове Сан-Лазарро, возле канала лагун, по которому гондолы следуют из Венеции в Лидо. В этом здании из розового кирпича, окруженном садами, издаются очень ценные документы; здесь же находится библиотека, заключающая в себе редкия восточные рукописи.

Венецианские мехитаристы, точно так же, как и большая часть гайкан, живущих вне Закавказья и Турции, принадлежат к армяно-унитарианскому вероисповеданию, довольно близкому к римско-католической церкви, удерживая при этом некоторые из своих традиций. Но главная масса армянского народа в равнинах Ефрата и Аракса остается верной древней христианской религии; в городах, где приходится одним сектантам жить о-бок с другими, они очень враждебно относятся друг к другу и даже стараются, насколько возмож-

1 Dulaurier, „Revue des Deux Mondes". 15 avril 1855.

но, избегать торговых сношений. Разница в догматах той и другой секты, т.е. собственно армянской и католической, лежит в понимании естества Иисуса Христа, ада и чистилища, власти соборов, церковной иерархии и различных обрядов; но, так сказать, во внешних формах, как те, так и другие, придерживаются множества различных символов, относящихся к прежнему культу. Армянский народ, окрещенный в начале IV столетия Григорием I «Просветителем», есть первый народ, обратившийся в христианство массой; но, утерявши своих богов, он не забыл своих поверий и переходил к новому культу мало-по-малу: подобные перевороты совершаются лишь медленным путем. Еще и до сих пор, как во времена Зороастра, они устраивают празднество в честь священного огня. В день годового праздника чета новобрачных сожигает в большом медном сосуде все лучшее, что производит земля: разного рода цветы, хлебные колосья вместе с соломинкой, ладон, лавровые ветки и проч. Во всех важных случаях жизни повертываются лицом к солнцу, как бы прося у него ободрения; жених и невеста также обращают к нему свои взоры, призывая его в свидетели своей любви; больные просят у солнца здоровья, умирающие желают бросить в него свой последний взгляд, а мертвых хоронят лицом к востоку[1]. Во время больших праздников армяне приводят в церковь или под священные деревья быков, или баранов[2], украшенных цветами и восковыми свечами, а затем убивают их, сопровождая церемонию песнями и молитвами: это, очевидно, есть не что иное, как приношение жертвы богу Митре, завещанному старой религией новой.

Духовный глава армян—католикос, власть которого зиждется на хранении у себя очень ценных мощей: правой руки мученика Григория. Он избирается высшими лицами Эчмиадзина, если только не был раньше назначен в преемники своим предшественником, после чего ему подчиняются все его единоверцы, исповедывающие григорианство; он назначает епархиальных епископов, избирая их почти всегда из среды монахов, и шлет свои распоряжения Константинопольскому и Иерусалимскому патриархам: последнее условие было очень важно для русского правительства, присоединившего к своим владениям священную гору Арарат и чтимый народом Эчмиадзинский монастырь. Завладевши этим куском земли, столь знаменитым на Востоке, оно в то же время еще более содействовало упрочению авторитета духовного главы более чем двух миллионов людей. Таким образом петербургские власти, не особенно мягко относящиеся к религиям и сектам, удаляющимся от православия, всегда тщательно заботились, чтобы обставить католикоса самыми высокими знаками своего почтения, приобретая таким образом нечто в роде права покровительствовать армянам, живущим в Турции. Конечно, в большей части случаев излишнее рвение в обрусении народов империи, побуждало чиновников употреблять жестокия и притеснительные меры против армян, но все-таки, никакие своеволия губернаторов и политические перевороты не мешали им пользоваться тем значительным влиянием в империи, которое они приобретают, благодаря своему образованию, знанию языков, изворотливости, часто пронырству и, наконец, той замечательной способности, с какою они умеют проникать в официальный мир. Известно, какой долей власти от имени своих повелителей Османлисов пользуются гайканы в Константинополе. В Петербурге они также начинают играть роль, подобную той, которую нередко выполняли ловкие итальянцы во Франции. В Закавказье они мало-по-малу скупают земли и, как собственники, держат в руках своих соседей-татар.

По внешнему виду армяне русского Закавказья отличаются от грузин разве только более крупными чертами лица, более округленным лицом, более короткой и толстой шеей. Очень многие из них скоро тучнеют, и вероятно причиной этому служит их слишком сидячий образ жизни. У армян обыкновенно густые черные волосы, почти всегда украшенные у женщин цветами, глаза большие, черные и томные; по виду они кажутся кроткими, тихими, почти меланхоликами. Хотя очень спокойные по своей натуре, они способны храбро отражать

1 Cirbied, „Memoires de la Societe des antiquairea de France“, t. II, 1820. Bodenstedt, „Die Volker des Kaukasus“. Moritz Wagner, „Reise nach dem Ararat“.

2 N. Von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann,” 1880. Рукописные заметки.

нападения, как это и доказали в начале XVIII столетия, во время семилетней войны за независимость, которую им пришлось выдержать против персов, в горах Карабага, и, кроме того, во многих местных восстаниях против турок. В домашней жизни армяне не носят при себе оружия, между тем как грузины особенно в бассейне Риона любят увешивать себя с ног до головы целым арсеналом пистолетов и кинжалов: как сильно сказываются в этом контрасте национальные характеры! И именно человек миролюбивый, не носящий оружия, предоставленный самому себе, съумел наилучшим образом сохранить свою свободу: армяне не признают дворян, свободно избирают своих начальников, и во все времена умели избавляться от той тяжкой участи раба, какая была и есть еще в настоящее время, хотя и под другим названием, долею большинства грузин. Вообще можно сказать, что малообразованные армяне Аракса обнаруживают в себе замечательные природные способности, и коль скоро им пред-

Армянка.

ставляется возможность учиться, они с удивительной быстротой приобретают знания и превосходят даже славян той изумительной легкостью, с какой им даются языки. «У армянина ум в голове, между тем, как у грузина он только во взгляде». Судя по их литературе, армяне, среди других народов, имеют редкий недостаток— быть слишком тяжелыми, принимать все чересчур серьезно. Гармония стиха трогает их очень мало[1], хотя и у них были превосходные поэты, и даже в наше время их лучшие писатели воспевают природу и отчизну. Армяне особенно любят рассуждать о богословии, метафизике, грамматике и приобрели известность в истории литературы собственно трудами по эрудиции. Некоторые сочинения греческих классиков, считавшиеся безвозвратно потерянными, например, отрывки из Эзопа, Филона, Хризостома, были найдены в древних армянских переводах мехитаристами Венеции и Вены[2].

Почти во всех странах, где живут армяне, они старательно избегают людей другой расы и другого языка. Кроме того, торговые занятия зачастую выделяют их в особый класс: в горо-

1 Bodenstedt, „Die Volker des Kaukasus”

2 Dulaurier, „Revue des deux Monde” 15 apr. 1854.

дах и в большей части татарских и грузинских деревень, они столь же необходимы и столь же ненавидимы и презираемы, как и евреи в восточной Европе. Между тем, без особенного преувеличения, к гайканским крестьянам могут быть применены слова Турнефора: «Армяне лучший и честнейший народ в мире»,—или замечание Байрона: «Добродетели армянина—в нем самом, свои пороки он получил от других». Но что значит мнение света для них, живущих вне общества и среди людей, говорящих другим языком? Армяне, придерживающиеся старины, как земледельцы, так и коммерсанты, живут как бы замурованными в своей семье. Они доселе еще держатся патриархального быта; дед приказывает, дети, зятья и внуки повинуются; женщина, вынужденная молчать, по крайней мере до рождения первого ребенка, носит вокруг шеи и нижней части лица толстую суконную повязку, которая закрывает ей рот: чтобы быть понятой, она должна, подобно немой, объясняться знаками. Сделавшись матерью, она приобретает право говорить вполголоса с женщинами своей семьи; но чтобы разговаривать свободно, она должна достигнуть зрелых лет и даже старости. Все заботы о хозяйстве лежат на ней до появления в доме невестки[1]. Иностранец редко бывает приглашен в армянский дом, и, право, можно много раз пройти через их деревню, сомневаясь даже, обитаема ли она. Постройки и сады, окруженные высокой стеной, совершенно скрыты от взгляда. Нет, ничего угрюмее и безобразнее длинного ряда глиняных стен, носящих у них название деревни, особенно в равнинах, лишенных зелени.

Татары, населяющие низовые берега Аракса, нисколько не различаются по языку, религии и нравам от тюркских племен долины Куры. Цыгане составляют весьма незначительную часть населения Армении. Что касается курдских пастухов, кочующих по близости с Араратом, на склонах Алагеза и по берегам Гокчайского озера, то почти все они живут здесь лишь временно, приходя из Курдистана, Персии и Турции. Среди этих же пастухов насчитывают несколько сотен иезидов, на которых все их соседи смотрят с ужасом, как на поклонников дьявола. Курды образуют значительную часть оседлого населения закавказской Армении, только в округе Зангезур, на юго-восток от Гокчайского озера Двенадцать, тринадцать тысяч курдов этого округа одеваются так же, как и татары, привыкают говорить их языком, и мало-помалу смешиваются с ними[2].

Главным городом в верхней долине Аракса, в части, завоеванной русскими, служит прекрасный Кагызман, скрытый фруктовыми деревьями, яблонями, грушами, сливами, вишнями, абрикосами, персиками, шелковицами, орешниками, вьющимся виноградом. В бассейне Аракса, но собственно только в части долины, орошаемой одним из его небольших притоков, находится знаменитый Карс, столица горной Армении и в то же время самый многолюдный город территории, не очень давно присоединенной к России. Этот город куплен дорогою ценою. Еще в 1828 г. им овладел Паскевич, а в 1855 г. вошел в него Муравьев, взявши город голодом, после долгой осады и бесплодных штурмов; наконец в 1877 году русские снова заняли этот город и окончательно присоединили его к Империи. Еще до войн России с Турцией, Карс выдержал много осад. Как столица Армянского царства, в IX и X столетиях он был разграблен Тамерланом, Амуратом III, персами, и его значение, как сильной крепости, издавна привлекало всех полководцев. В самом деле, он занимает центральное положение между верхними бассейнами Куры, Чоруха, Аракса, Ефрата и господствует над горными проходами и долинами этих рек. Самая местность содействует энергической защите. В этом месте Карс-чай съуживается и, образуя двойной изгиб, одним поворотом примыкает к городу, а другим огибает крепость. С высоты своих черных базальтовых скал, Карс, выстроенный из обломков лавы, в прежнее время мог стойко выдерживать небольшие осады, но, со времен развития артиллерии, он должен был укрепить свои высоты; в войну 1877—78 годов одиннадцать фортов, расположенных по окружности и снабженных окопами, представляли оборонительную линию в шестнадцать верст длиною. Форты вместе со скалами базальта и

1 James Creagh., „Armenians, Koords and Turks".

2 N. von Seidlitz, „Mittheilungen von Petermann", 1880; „рукописные заметки".

абсидиана—единственные интересные предметы в этом черном, печальном городе, лишенном растительности и окруженном голыми скалами. Несмотря на то, что Карс занимает положение на высоте около 6.000 футов, он ведет довольно оживленную торговлю.

Колесный путь, спускаясь на восток, долиной Карс-чай, и соединяясь с тем, который идет от Арпачая, связывает таким образом Карс с Александрополем, т.е. древнюю турецкую крепость с русским укреплением, над которым велись постоянные работы, начиная с 1837 года; до того времени существовала здесь только деревенька Гумры, населенная армянскими выходцами. Александрополь, построенный недалеко от восточного берега Арпачая, в бассейне, находящемся на юг от массива Алагез и менее чем в 200 саженях ниже своего прежнего соперника, окружен полями, значительно лучше обработанными, так как Арпачай или «Река ржи» снабжает их в изобилии водою, необходимою для орошения. Александрополь сделался наследником города Ани, бывшего в десятом и одиннадцатом столетиях резиденцией армянских Багратидов и разоренного сельджуками Альп-Арслана, а затем монголами Батый-хана. В 1319 году, землетрясение докончило разорение города, и жители его рассеялись по всему Кавказу, Крыму, до самой Польши. Развалины покрывают трехугольный мыс, находящийся на правом берегу Арпачая и отделяющийся с запада от плоскогория высохшим рвом, стены которого изрыты гротами и могилами; с северо-востока сильная двойная ограда защищала город с единственной доступной к нему стороны; на самом высоком месте скалы возвышается акрополь. Остатки церквей, мечетей, дворцов в мавританском и в то же время византийском стиле, рассеяны на поверхности скалы; почти все уцелевшие остатки носят армянские надписи; видны также следы стенной живописи, а в пещерах скульптурные изображения, грубо высеченныя из камня. Если верить данным армянских летописей, по всей вероятности преувеличенным, то в Ани было не менее 100.000 жителей, и тысяча церквей возвышали свои куполы над другими зданиями[1].

На юго-восток от Ани, и уже в обширной равнине, отделяющей два колосса Алагез и Арарат, находится другая груда развалин,—Талыш, который, кажется, также был столицею армянского царства; теперь же это маленькая деревушка, гнездящаяся между высокими стенами, башнями и остатками дворцов. Область низовьев Арпачая есть страна развалин. На запад от этой реки, видны еще остатки Пакарана или «Собрание богов»[2]. Несколько далее к югу две столицы, построенные последовательно одна за другой тем же царем Эриваном II, Эрованташад и Эровантагерд, и имевшие, как говорят, 30.000 еврейских и 20.000 армянских домов, находились при слиянии Аракса с Арпачаем; первая стояла на восточном берегу, а вторая на западном. Армавир, другой главный город этого царства, с блуждающей столицей, основанный также Эриваном II, ранее двух вышеупомянутых городов, оставил после себя на холме ничего незначащие развалины, расположенные среди равнины, на берегах канала Кара-су, близ Аракса. Наконец, на юг от реки, на террасе из лавы, отделенной от окружающих холмов глубокими расщелинами, возвышается «черная крепость», Кара-Кала или Кара-Кале, которую Дюбуа-де-Монпере ошибочно принимал за древний Тигранокерт. Очень немногие из старинных замков могут сравниться с суровою прелестью её башен, построенных из красного порфира и черной лавы, и воздвигнутых над пропастями, на глубине которых шумит вода. По армянскому преданию, близ этого места Иов, сидя у своего пепелища, беседовал с тремя поучавшими его друзьями.

Истинный Рим гайкан, Эчмиадзин, находящийся на запад от Эривани, почти среди равнины, есть сам по себе небольшой город. В его соседстве группируются дома маленького города Вагаршабада; сам же Эчмиадзин есть не что иное, как огромный монастырь, выстроенный из битой глины, с церковью, пирамидальной колокольней и боковыми башенками. Четыреугольная ограда, сероватые стены которой лишены даже башен, скрывает собою нижнюю часть зданий. Если и есть что истинно прекрасного в Эчмиадзине, так это его прозрачные воды, цветы, тополевые рощи и фруктовые сады,—жалкие остатки «зеленых садов»,

1 Hamilton, „Asia Minor".—Carl Ritter, „Asien", X—Dubois de Montpereux, etc.

2 Carl Ritter, цитированное сочинение.

виденных в семнадцатом веке Шардэном, Тавернье и Турнефором. Тем не менее Эчмиадзинский монастырь, название которого означает, «Сошел Единородный!» есть столица армянского народа. Здесь именно, согласно легенде, «Единородный Сын» явился в солнечном луче Григорию Просветителю и одним ударом молнии низвергнул в преисподнюю языческие божества. Эчмиадзин стоит на месте города, бывшего столь могущественным в древнее время в Армении. Тут возвышался Ардемет-Кагак, «Город Артемизы» или Анахиты (Армянская Венера), куда со всех сторон стекались верующие на поклонение богине[1]. Сюда же, к подножию Армавирской крепости, ходили совещаться с священными дубами, где жрецы подобно тому, как в Додоне, прислушиваясь к шопоту листьев, колеблемых ветром, предсказывали судьбу[2]. Божества храма изменились, протекло не менее двадцати пяти столетий, а это место в равнине осталось священным. Монастырская библиотека богаче мехитарианской, находящейся в Венеции; она обладает 635-ью старинными рукописями[3], а её типография, самая древняя в Армении, издает журнал и несколько народных армянских книг. На монастырском колоколе видна тибетская надпись с мистическими словами (Om Mani Padmi houm), резюмирующими суть жизни и смерти и всех вечных истин. Таким образом, Армения еще в очень отдаленную эпоху была в сношениях с буддийским миром[4].

Эривань, главный город русской Армении и второй по населению в бассейне Аракса, так как Александрополь превосходит его численностью жителей, построен в северо-восточном углу древнего озерного бассейна, чрез который протекает река Занга, дробящаяся в тысячах ирригационных каналов. Главным образом Эривань населена армянами; между тем как под владычеством персов, преобладающим населением были татары. Построенная при входе в горную долину, ведущую, через Гокчайское плоскогорие, в Тифлис и бассейн Куры, Эривань должна была занимать важное стратегическое и торговое значение; её крепость, возвышающаяся на массивах базальтовых колонн, напоминает о многочисленных военных подвигах. В Эривани, почти сплошь построенной в персидском стиле, есть несколько живописных зданий, прекрасная мечеть, украшенная арабесками и оттененная великолепными вязами; но особенно хороши огороды и фруктовые сады, по которым струятся быстрые воды; отсюда открывается чудный вид на Арарат с его двуглавой вершиной, возвышающийся на юго-западе; но за ирригационной полосой начинаются серые и оголенные поля. Отвратительный климат, с резкими переходами от жары к холоду, пыль, лихорадки вскоре обезлюдили бы город, если бы он не занимал первенствующего положения на границе Персии и Турции, и если бы его сады и соляные копи не составляли значительного предмета торговли. Так, например, в 1876 г. в Эриванском уезде добыто соли 12.890 тонн. Летом все русские чиновники удаляются в горные долины. Семеновка, колония молокан, построенная на Гокчайском плоскогорье, близ верхнего спуска дороги, идущей из Эривани в Тифлис, и в её соседстве, Делижан, лежащий при разделении пути в Александрополь, считаются в числе весьма здоровых станций, как для жителей равнины Аракса, так и для обитателей долины Куры. Самое большое село плоскогорья, Кавар, находится не далее как в 6 верстах на юг от Гокчайского озера; оффициально оно известно под именем Ново-Баязета. Медные руды этого округа более не обработываются.

На восток от Эривани, в долине, находящейся среди вулканических гор, есть развалины города, бывшего также одной из множества армянских столиц. В Баш-Карны или Гарны, который, как уверяют армяне, был построен четыре тысячи лет тому назад, находятся остатки храма греческой постройки, может быть посвященного армянской Венере и называвшагося в честь основателя «Троном Тиридата». В Баш-Карны видны еще остатки дворца и крепостей; но базальтовые колонны, расщелины, в которых бежит поток, скалистые вулканиче-

1 Carl Ritter, „Asien", tome X;—Saint-Martin, „Memoires sur l'Armenie";—Dubois de Montpereux. „Voyage aotour du Caucase".

2 Моисей Хоренский.

3 Morits Wagner, цитированное сочинение.

4 Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase"

ские уступы, голубого, зеленого, красного цветов, как доказательства древних извержений, гораздо замечательнее остатков человеческих построек. Здесь, в самом диком месте этой волнистой области, находится Кегарт, Кергаш, или Айриванк, т.е. «Подземный монастырь», половина которого высечена в туфе и лаве. Среди равнины, там, где воды потока Карны, Карны-чая разветвляются в оросительные каналы перед впадением в Аракс, возвышался Артаксат, построенный генералом Антиоха Артаксиасом, по указанию Ганнибала[1] и бывший армянской столицей до той поры, пока римлянин Корбулон, в царствование Нерона, не разрушил его. Нерония, названная так её основателем Тиридатом в честь «Цезаря», заступила его место, но она сделалась столицею только в конце первого столетия, чтобы быть затем вскоре развенченной в пользу Вагаршабада. Когда, в 370 году, она была разрушена армиею Сапора II, то в её стенах насчитывали более 200.000 тысяч жителей, армян и евреев, которые частью были избиты, частью уведены в плен[2]. Деревня Ардахар, которую можно еще видеть и теперь, есть не что иное, как древняя цитадель Артаксак; повсюду кругом простирается нездоровая равнина, с разбросанными по ней жалкими хижинами. Аракс, некогда протекавший у подножия городской стены, переменил свое ложе и течет в настоящее время почти в 10 верстах южнее, около начала возвышенности, идущей к подошве Арарата.

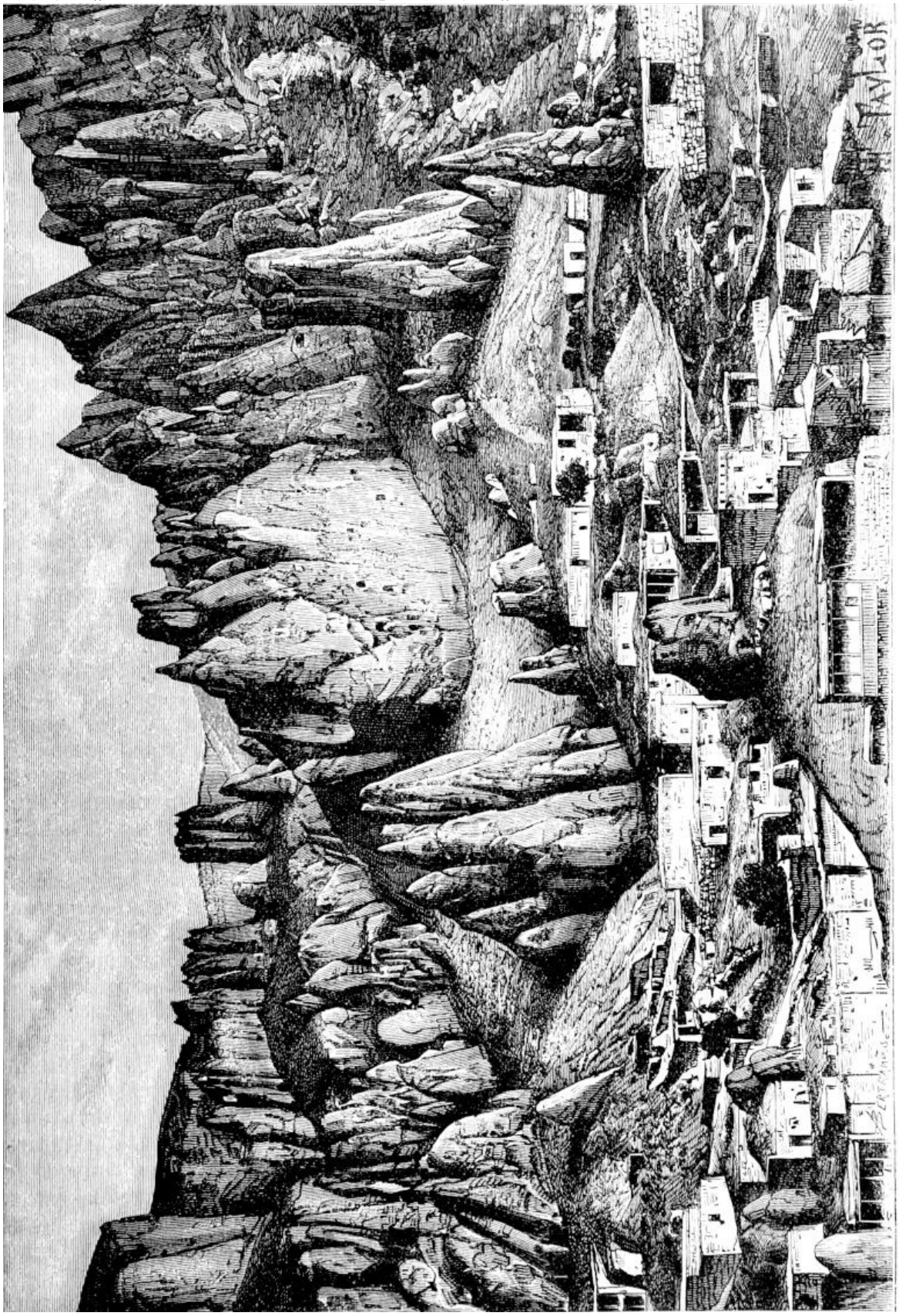
Нахичевань, главный город уезда, раскинувшагося на юго-восток от Арарата, по мнению армян,—древнее Эчмиадзина: предание говорит, что он был построен патриархом Ноем, после насаждения им первой виноградной лозы у предгория Арарата. Самое его название, по-армянски, означает «Первое пристанище», а местные священники показывают могильный курган, под которым, как они говорят, был похоронен Ной. Город этот столь же древний, как и история, описанный еще Птолемеем под именем Наксуаны, несколько раз строился и снова перестраивался; все существующие теперь дома выстроены из камня, добываемого на месте развалин. На главном портале древнего дворца, у которого стоят два высоких минарета, построенных из кирпича, находится подпись на персидском языке, украшенная богатыми арабесками: около этого же места возвышается двенадцатиугольный монумент, называемый «башнею» ханов, вокруг которого также сделана надпись, рельефными буквами, занимающая в длину около 1.480 футов[3]. Хотя Нахичевань есть один из священных городов, почитаемых армянами, однакож он, главным образом, населен татарами, занимающимися садоводством и виноградниками; он много потерял во время персидского владычества, так как до того времени в его стенах помещалось 40 тысяч жителей. Сотни фруктовых садов обильно орошаются окрестными источниками, а также водою, проведенною из Аракса, и ручейками, стекающими с гор Карабага. В соседних скалистых контрфорсах, расположенных на северо-запад, со времен глубокой древности разрабатывают залежи каменной соли, чередующейся с пластами глины, в роде кульпинских, и точно также заключающих в себе каменные орудия, оставленные древними рудокопами. Среднее количество соли, добываемой в Нахичевани, определяют в 4.500 тонн (Густав Радо). Нахичеванские жерновые камни, вытесанные из разноцветного песчаника, очень ценятся во всей Армении.

Нахичеванская таможня есть пункт, через который проходит много товаров, составляющих в этой местности предмет торговли с Персией. Средний вывоз товаров из Нахичевани в Персию, за период 1862-72 годов простирался до 280.000 рублей. Ввоз из Персии в Нахичевань на 1.100.000 рублей.

На юго-востоке от города расположен на берегу Аракса, пограничный пост Джульфа, напротив древнего персидского каравансарая, возвышающагося над скалами из кроваво красного песчаника и стенами древней крепости. В начале семнадцатого столетия в Джульфе было сорок тысяч жителей, и она славилась во всей Армении своею промышленностью и торговлей». Но «Великий» Шах-Абаз нашел нужным превратить в пустыню округ, отделяющий Персию от Нахичевани, и всю территорию, занимаемую турками. Жители Джульфы

1 Ernest Desjardins, „рукописные заметки".
2 Saint-Martin, „Memoires sur l'Armenie".
3 Dubois de Montpereux, „Voyage autour du Caucase"

получили приказание выселиться всей массой; тех, которые не успевала бежать, бросали в реку, а город был зажжен со всех сторон на глазах изгнанников, будущих колонистов Новой-Джульфы, близ Испагани. От старой Джульфы остались только ничтожные развалины



Предмѣстье Жирузи въ Зангезурскомъ округѣ.

и остатки монументального моста, с четырьмя башнями по углам и устоями, омываемыми волнами «буйнаго Аракса»[1]. Самые любопытные памятники в Джульфе—это гробницы об-

1 Pontem indignatus Araxes, „Encide", VII.

ширного кладбища, расположенного на расстоянии почти полутора верст вдоль берега Аракса; некоторые из надгробных статуй отличаются замечательно тонкой работой. Десять семейств, живущих в разрушенном каравансарае,—вот и все, что оставалось в 1854 году от населения Джульфы[1]. Под плитами могильных склепов гнездятся ужасные скорпионы.

Ордубат расположен на Араксе, пониже Джульфы, около того места, где река, пройдя через ущелье Мигри, достигает своей крайней южной точки и обходит с южной стороны Карабагские горы в виде луки. Это самый приятный город во всей Армении; семьдесят источников, бьющих ключом, смешивают свои прозрачные воды с оросительными каналами и поддерживают богатую растительность окружающих садов. Ни в какой другой части Аракского бассейна нет таких высоких и ветвистых деревьев, как здесь, на городской площади сохранился лишенный своей верхушки и полузасохший платан, имеющий в окружности не менее 6 сажен. В окрестностях Ордубата, в садах и на откосах гор, всюду разбросаны дачи. В нескольких верстах на северо-запад, в «Золотой долине», находится деревня Акулиссы, разделенная на две группы домов, в которых живут богатые армянские негоцианты, занимающиеся главным образом торговлею шелком и отдачею под большие проценты своих капиталов, эриванским и тифлисским спекуляторам. Акулиссы, бывший в прошлом столетии значительным городом, был разрушен Надир-Шахом, который методически уничтожал дом за домом до тех пор, пока негоцианты но согласились уплачивать ему требуемый выкуп[2]. Медные руды в окружающих горах в настоящее время не составляют важного предмета промышленности: в 1877 г. добыто было всего 117 тонн чистой меди.

Следующие города в бассейне Аракса имеют население свыше 5.000 душ.

Карская область: Карс—20.946; Кагызман—7.000.

Эриванская губерния: Александрополь—31.594; Эривань (с двумя пригородами)—28.459; Нахичевань—13.710; Новобаязет—8.515; Ордубат—5.500 ч.[3].

Двойной бассейн, Бергушета и Акеры, расположенный между горами Ордубата и Шуши, и образующий административный округ Зангезур, не заключает в себе настоящих городов, а всего лишь несколько значительных местечек, населенных армянами, татарами и курдами. Самое населенное местечко есть Кинзырак; главным административным пунктом считается здесь Джирузи, называемый по-армянски Корыс или «деревнею столбов», вследствие туфовых игл, образовавшихся размыванием водою склона той террасы, на которой построено местечко. Домики с плоскими крышами, расположенные друг относительно друга ступеньками, образуют какую-то странную лестницу, спускающуюся сверху вниз, под которой ютятся жители, расхаживающие подземными улицами. Другие же жилища, погреба, сараи, вырыты в террасах вулканического пепла, а обвалы, поросшие бурьяном, защищают жилье; внизу, по берегам потока, ростут густолиственные вязы, Теперешнее Джирузи нового происхождения: на 980 футах или, вернее, на 5.250 футах абс. высоты, простираются поля, заменившие прежнюю деревню. Летом, когда пятьдесят тысяч кочующих пастухов сгоняют свои стада с окрестных мест на богатые пастбища Зангезура, Джирузи становится на несколько недель торговым пунктом, и толпы народа теснятся тогда на ступенях этого громадного амфитеатра, застроенного лачугами[4].

VIII. Общий обзор и администрация Кавказского края

Русские вовсе не новые пришельцы на Кавказе. Тмутаракань составляла часть Кубанскаго бассейна с конца девятого века, и еще в 914 году «руссики» появились перед Бердой, у подножия Карабагских гор. Более двух сот лет тому назад Стенька Разин разграбил

1 Dubois de Montpereux, „цитированное сочинение".
2 K. Koch, „Wanderungen im Oriente".
3 Сведения по последней переписи 1897 г.
4 N. von Seidlitz, „Mittheilnugen von Petermann" 1880.

Баку, а в 1723 году Петр Великий простирал свои победы до нынешней Персии. Более столетия прошло с тех пор, как Россия ступила твердою ногою в Закавказский край; провинции мало-по-малу присоединились к Империи оружием, покупкой, добровольным подчинением. Сравнительно с большею частью европейских стран, положение Кавказа за последние сто лет было совершенно ненормальным; самая богатая и населенная часть страны, служившая опорным пунктом для армии, и с помощью которой удалось присоединить к империи все Закавказье, принадлежит России еще с начала текущего столетия.

Народонаселение Закавказского края, еще более слабое по численности, чем в Европейской России, после завоеваний быстро увеличилось несмотря на войны, переселения, изгнания массами, несмотря на вредный климат некоторых округов. Переселения казаков и русских крестьян, а также беглых армян, уравновесили собою число покинувших страну, а вместе с этим шло заметное увеличение населения через естественный прирост равномерно по всем округам края, даже у славянских выходцев. В начале военной окупации, Кавказ был «могилой русских». В продолжение года более чем десятая часть их гибла от лихорадок. Но опыт употребления хинина, лучшие гигиенические условия и кое-где осушение болот значительно улучшили положение дел, и в настоящее время смертность русских на Кавказе гораздо менее, чем в самой России.

Так, например, смертность среди войск на Кавказе выражается следующими данными:

В 1837 году один смертный случай на 9 больных. В 1846 году один смертный случай на 17 больных. В 1862 году один смертный случай на 41 больного. Общая смертность в 1864 году 25 на 1.000 больных. Общая смертность в 1872 году 19,86 на 1.000 больных, тогда как, напр., смертность в Московском уезде доходит до 41,11 на 1.000.

Подобное же явление было наблюдаемо в Алжире, где испанские и французские переселенцы не только постепенно попривыкли к климату, но сделали его более сносным. Процент смертности на Кавказе сравнительно с нарождаемостью менее, нежели в других частях Русской империи, и в этом отношении Кавказ занимает даже одно из первых мест между многими странами в свете. По Бунге, цифра смертности в кавказских провинциях не превышает, в среднем, двух третей числа рождений, между тем как в остальной части Русской империи, Франции, Англии, Австрии и даже Германии, процент смертности значительно более. Так:

На Кавказе: на 1.000 жителей рождается—37,9, умирает—25,2; в России: на 1.000 жителей рождается—47,8, умирает—34,7; в Англии: на 1.000 жителей рождается—35,6, умирает —22,7; во Франции: на 1.000 жителей рождается—26,6, умирает—23.

Процент самоубийц на Кавказе довольно высок и статистика указывает на замечательный факт, что число их почти одинаково у обоих полов. В этом видна поразительная разница с Европой, где число мужчин-самоубийц в три, четыре раза превышает женщин-самоубийц. У некоторых кавказских племен, у армян и осетин, женщины чаще, чем мужчины оканчивают жизнь самоубийством. Следует ли искать причину этого контраста в вынужденной немоте армянских женщин и смертельной скуке ежедневной рутины, а также жестокости осетинских мужей? Поэтическому инстинкту кавказских женщин, проявляющемуся в импровизациях, пении, в их страстной дикции, приходится часто сталкиваться с грубым подчинением домашнему рабству[1].

Большая часть кавказских земель, лежащих над полосою хлебных растений, может быть обитаема только пастушескими племенами. Но кроме тех местностей, в которых развитию земледелия препятствуют снега и льды, есть еще довольно обширные пространства, опустошенные самим человеком и легко доступные для восстановления их плодородия: это равнины, страдающие засухой, ирригационные каналы которых давно пришли в негодность, или такие участки земель, которые орошались только близ текущими водами. Обширные равнины Эчмиадзина и Эривани, низовьев Куры и Аракса, не превратились ли в пустыню, по крайней мере хоть частями, с тех пор, как их ирригационные каналы засорились грязью и

1 Сталинский. „Сборник сведений о Кавказе" I, 1871.

камышем? «Месопотамия», образуемая Алазаном, Иорою, Курою, не есть ли безлюдная степь, несмотря на многоводные реки, окружающие ее со всех сторон? Миллионы людей исчезли из Закавказья вместе с сетью оросительных каналов, принадлежавших древним народам, конечно, на отводных каналах, которые скоро будут прорыты, народятся новые миллионы людей. Там, где проходят волны живительной влаги, появляются зародыши городов и растительности. Заселение земли идет о бок с её оздоровлением, поля замещают, болота.

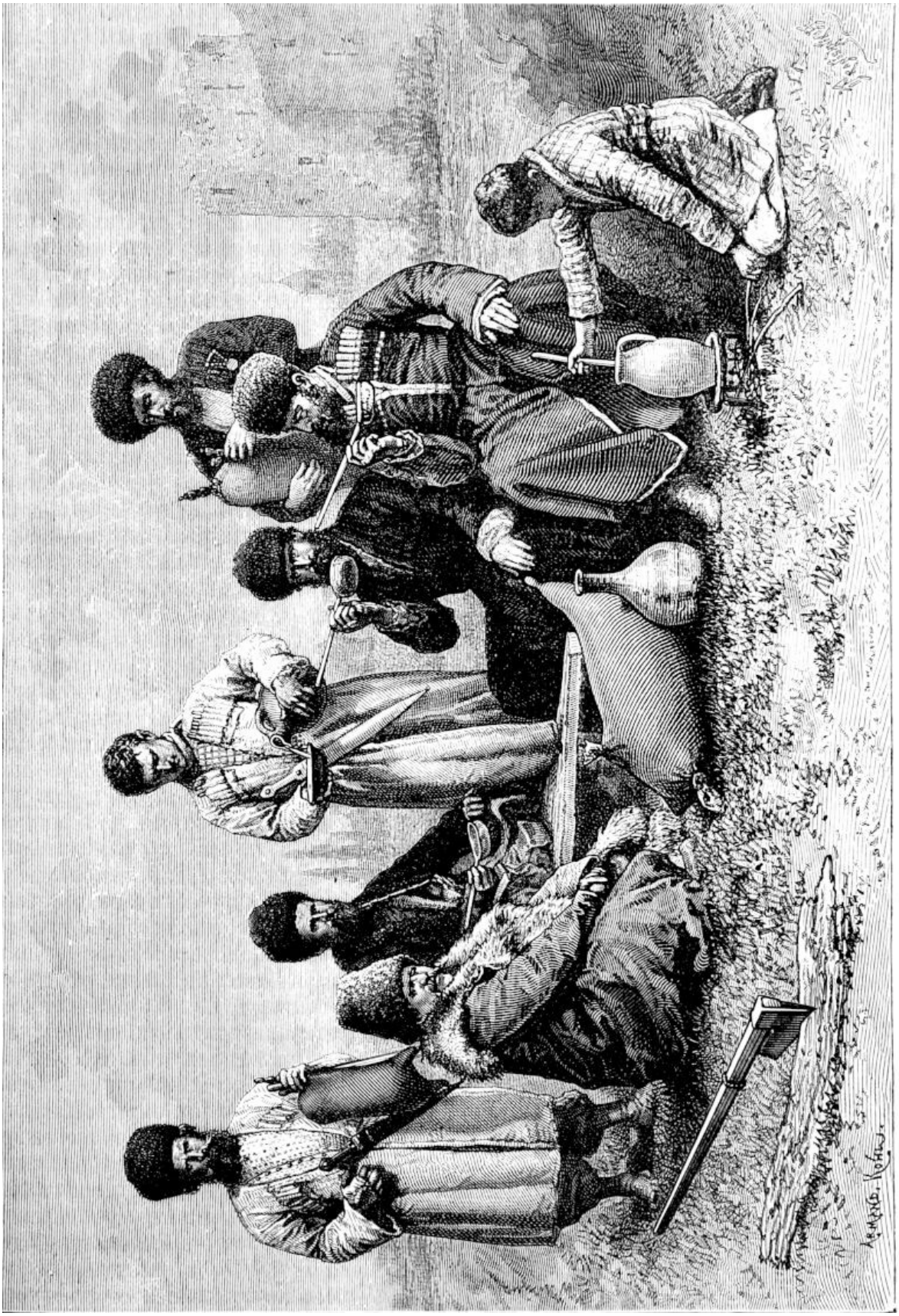
Завладев Кавказом, русское правительство не оставило поземельную собственность в том виде, в каком она существовала прежде, и подвергало ее многочисленным изменениям, часто противоречивым и зависевшим от различных влияний, господствовавших в канцеляриях С.-Петербурга. Сверх того, меры, принятые для владения землей, усложнились самым фактом завоеваний, уничтожением полевой культуры, истреблением аулов, населением и выселением массами, военной и земледельческой колонизацией.

В первый период владычества все основанные колонии были военными. Населенные казаками, которые были одновременно земледельцами и воинами, эти колонии должны были строить деревни и крепости, обработывать поля, рыть каналы, проводить дороги и постоянно наблюдать за неприятелем, грозившим им скрытыми засадами в камышах. Все удивляются громадной работе, исполненной исключительно руками людей, которые, сверх того, очень часто должны были менять по приказу начальников свои места или приемы. Благодаря им, вся западная часть Предкавказья окончательно колонизована; она была бы значительно населеннее, если бы правительство долгое время не противодействовало свободному переселению русских крестьян, покидавших Россию, не говоря уже о миллионах крепостных, которые охотно бы ушли в эту страну, если бы это зависело только от них.

Во всех уже населенных областях Кавказа русское правительство прежде всего старалось заручиться расположением князей, укрепив за ними владение землей, и только во время больших войн с горцами в Кабарде и Дагестане оно иногда, силою обстоятельств, вынуждено было опираться на народ, чтобы поднять его против аристократии; так, например, действовал Ермолов; но эта система скоро была оставлена, и уже в конце царствования императора Николая старались приобрести расположение местной аристократии. Во многих местах, где не существовало крепостного права, русское правительство учредило его, пожаловав князьям значительные поместья. Таким образом, кабардинские князья, некогда пользовавшиеся обширными общинными полями наравне с другими, вдруг, по римскому праву, превратились в крупных собственников, а некоторые из них получили в собственность целые княжества, занимавшие собою до двадцати, пятидесяти и даже сотни тысяч десятин земли; правительство должно было впоследствии выкупать землю у этих владетелей, для того, чтобы или раздать ее казакам или же дать в наделы, после уничтожения крепостного права, крестьянским общинам. Правда, в 1863 году решено было в принципе, что земля целиком будет принадлежать общинам, но на практике поддерживают крупную собственность, и в одной только Кабарде 140 участков, каждый в 550 десятин, были сохранены для людей, могущих быть полезными правительству своими личными услугами или влиянием; сверх того, все офицеры армии получили, вне земель, присоединенных к общине, участки в полную собственность. Что касается лесов и лугов, они остались неразделенными. Таким образом, установился порядок вещей, существующий в России; кроме сословий крупных владельцев, имеющих каждый отдельное поместье, есть сословие крестьян, делящих между собою землю по способу круговой поруки и общинного пользования ею. Средний налог, который крестьяне платят государству, составляет три рубля с семьи.

Рабство, существующее в различных формах в большей части Кавказа, сначала при русском правительстве, возросло, а затем в 1866 году, оно было совершенно уничтожено, хотя и при самых тяжелых условиях для освобожденных. В силу «свободных договоров», освобожденные вынуждены были платить собственникам или двести рублей деньгами, или же шестью годами работы: подростки свыше пятнадцати-летнего возраста были обязаны уплачивать за себя по сто пятидесяти рублей, или же закрепостить себя на десять лет тяжелого тру-

да. Если крепостной имел скот или иную движимую собственность, ее делили на три части, из коих одна доставалась освобожденному. В результате была страшная нищета, особенно в равнинах[1].



Типы и костюмы армянъ.

Одних земледельческих производств Кавказа уже достаточно для того, чтобы они могли

1 „Сборник сведений о кавказских горцах", I, 1868; II, 1869; III, 1870; V, 1871.

служить значительным предметом вывоза. До уничтожения крепостного права земли в Имеретии продавались от 22 до 28 рублей за десятину, в настоящее же время они стоят вдесятеро дороже; земли же в бассейнах Куры и Аракса, подверженные грозам или саранче, возрасли в цене не так быстро. Хлебные растения, произрастающие в изобилии, идут большею частью на производство алкоголя. Кавказ более, чем Бессарабия, Крым и низовья Дона, может считаться в Русской Империи «страною виноделия»: в настоящее время пространство, занимаемое виноградниками, достигает 123.000 десятин, при чем на Закавказье приходится 103 тысячи десятин, дающих около $10^1/_2$ миллионов ведер вина, остальные 20 тысяч десятин расположены в Предкавказье, при чем производство достигает там около 3 миллионов ведер. Но пространство земель, которое кавказские земледельцы могли бы употреблять на возделывание винограда, само собою разумеется, значительно превышает полосу лоз во Франции, и до настоящего времени филоксера очень мало коснулась виноградников Терека и Риона[1]. Самый ужасный бич для виноделов долины Терека есть oidium (грибок). Кавказ снабжает Россию значительным количеством своих столовых вин; особенно хороши кахетинские вина и кроме того кизлярские и низовьев Терека; в Вардзии, Ахалцыхского уезда, виноградную лозу возделывают на высоте около 4.000 футов[2]. Табак становится одной из важных статей производства на Кавказе, так как количество земли, отводимой под возделывание этого растения, достигало в 1876 г. до 3.611 десятин, давших в сумме около 15.000 пудов табаку[3]; вывоз черноморских портов Кавказа заключается главным образом в табаке. Закавказские равнины снабжают хлопком русские бумагопрядильни в значительно меньшем количестве сравнительно со спросом. Во время войны Соединенных Штатов, производство быстро возрасло, и торговля хлопком с Англией доставила кавказским купцам прибыль около двух миллионов рублей; но, быстро разбогатев и рассчитывая на слишком легкую продажу, они не съумели организовать правильным образом отправку продукта, требуемого манчестерскими фабрикантами, и вскоре кавказский хлопок был изгнан из западных рынков. Среднее производство кавказского хлопка простирается до 600.000 пудов. Шемахинский и нухинский шелк-сырец очень ценятся, преимущественно французскими фабрикантами, особенно с тех пор, как шелковичные черви были уничтожены болезнью на юге Франции; восточная область Закавказья—одна из самых важных стран, где только разводится хороший «шелкопряд»; французские прядильщицы были приглашены в различные города Закавказья: Зугдиди, Нуху и Шемаху для обучения туземных женщин искусству разматывать шелк[4]. По колоссальному производству съестных продуктов, овощей и фруктов, Кавказ займет относительно России такое же значение, как Алжир по отношению к Франции. В долине Аракса царствует тропическая жара, и везде, где почва хорошо орошается, жатвы бывают превосходны. На склонах Кавказских гор, вследствие разнообразия в климате, различные культуры могут произростать на весьма близком расстоянии друг от друга. Нужно пройти через Иранское плоскогорье, на юг от закавказских полей, чтобы снова найдти, на берегах Персидского залива, флору Ордубата и Ленкорани.

Между тем, южные округа, с их почта тропической флорой, населены наименее. Кавказское население, столь редкое, что по густоте далеко не может быть приравнено к Франции и к соседним с нею странам, теснится особенно в Мингрельской равнине, климат и растительность которой наиболее походят на западно-европейские: в двух уездах этой равнины на квадратную версту приходится более 40 человек; и замечательно, что именно тут, где мингрельцы селятся особенно близко друг к другу, они гораздо зажиточнее и в значительной степени содействуют обогащению страны продажею избытка своих продуктов; кроме того, крестьяне этой же местности съумели лучше других защитить себя от вторжения армянских

1 Бок, „Русское Обозрение", 1878, № 8.

2 „Сборник сведений о Кавказе", III, 1875.

3 В 1891 г. собрано табаку в Предкавказье—909.902 п., а в Закавказье—148.468 п., а всего—1.058.310 пудов

4 Бороздин, „Записки Кавказского Отдела", № VII, 1866.

купцов, так дорого заставляющих платить им за свое посредничество[5]. После Кутаисского и Сенакского уездов, самые населенные округа Кавказа, расположенные как-бы симметрично на противоположных концах и склонах Кавказского хребта, одинаково обязаны своим благосостоянием садоводству и культуре европейских растений. Сверх того и самая земля здесь распределена лучше, а в некоторых уездах она разбита на отдельные собственности. В Магале, или общине Дарго, каждый из её членов пользуется правом владеть участком земли, годной дли культуры.

Охота и сбор плодов в лесах не могут иметь важного значения с тех пор, как все равнины населены и склоны гор значительно обезлесены; но рыбный промысел, как известно, производится в очень широких размерах у берегов Азовского, Черного и особенно Каспийского морей. Лиманы Ахтари и Ейска, воды Кубани, прибрежья Поти и Батуми, низовья Терека, а в особенности Кура и залив Кизыл-Агач, с его желтоватой водой, очень богаты рыбою, служащей преимущественно пищей жителям Кавказа, а также предметом вывоза в Россию и Персию.

Несмотря на природные богатства кавказской территории, культура находится еще в зачаточном состоянии; во всем, что касается промышленности, придерживаются старинных приемов, за исключением горного дела. Таким образом, Бакинские нефтяные колодцы, Кедабекские медные рудники, Саглыкские квасцовые заводы, около Елизаветполя, а также железный завод Чазаша в долине Болниса, в 75 верстах на юго-запад от Тифлиса, обладают сложными приспособлениями, требуемыми современной наукой; и в то же время рядом с новейшими инструментами видны еще в употреблении и орудия каменного века. Такое положение вещей будет длиться до тех пор, пока Кавказский край не соединят с Европой, Россией и Передней Азией хорошими путями, до тех пор, пока он будет стоять отделенным от них степями и горами, лишенными дорог. Обе половины Кавказа имеют всего только одну железную дорогу; Предкавказье связано с железнодорожной сетью России и Европы Ростово-Владикавказской железной дорогою; Черное море соединяется железным путем с столицею Закавказья; но оба склона Кавказа сообщаются между собою лишь дорогами Военно-Грузинской, проходящей у ледников Казбека, и еще той, что идет через Мамисонский перевал; на востоке, Кавказские горы огибают путь, идущий из Дербента в Баку; но вскоре будет проложен такой же путь с запада, по Абхазскому прибрежью. Большие линии железных дорог, долженствующие современем соединить Владикавказ с Тифлисом, Елизаветград с Петровском и Баку, Грозный, через Астрахань, с Саратовом, Батум с Ростовом, пока еще совсем не входят в планы построек. Приступлено однако к прокладке железного пути от Тифлиса до Баку, который соединит собою два моря—Черное и Каспийское; эта дорога превратит Баку в один из главных рынков Востока, так как, кроме того, этот город будет исходной точкой железных путей Предкавказья, Кахетии и Армении[2]. Более двадцати лет поговаривают о постройке большой международной линии между Европой и Индией, которая пройдет по западному берегу Каспийского моря, через Баку, и поднимется, через Ленкорань и Решт, на Иранское плоскогорье; но осуществление этого проекта, кажется, очень отдалено. На южных и западных границах до Иранского плоскогория или Турецкой Армении (лежащих на юг и на запад от русских владений) можно достигнуть только очень неудобными дорогами; одна лишь военная дорога, построенная собственно для перевозки пушек, а не товаров, соединяет Карс и Эрзерум, и служит продолжением пути, ведущего из Тифлиса в Александрополь и Карс через плоскогория Армении. Ветвь этой дороги спускается на юг, к Эривани, и персидской границе,—к Джульфе.

Вообще теперешнее состояние внешней торговли в Закавказье мало дает надежд на то, чтобы пассажирское и товарное движения по международному пути, проложенному из Кавказа в Малую Азию и Персию, могли бы вскоре оплатить издержки, затраченные на постройку таковой дороги. В 1878 году, вся торговля закавказской территории, как вывозная,

5 Meounarguia, „рукописные заметки“.

2 Фабрициус, „Русское Обозрение“, 1876, № 11.

так и ввозная, достигала всего 12 миллионов рублей, т.е. менее четырех рублей на душу; собственно внешняя торговля Закавказья через посредство Черного и Каспийского морей, а также и сухого пути, выразилась в 1878 г. в следующих цифрах:

	Через Черное море, рубли	Через Каспийское море, рубли	Сухим путем, рубли
Вывезено на	4.575.050	1.349.350	334.300
Ввезено на	1.418.400	1.931.600	2.666.100
Итого	5.993.450	3.280.030	3.000.400

Впрочем, со времени проведения Закавказской и Закаспийской железных дорог и с закрытием беспошлинного транзита через Закавказье, торговля Кавказа значительно расширилась. Ценность товаров, провезенных по Черноморской границе, достигала за 1886—96 гг. последовательно 4,1—9,5 миллионов рублей. Ценность отпуска по той же границе и за то же время определялась в среднем в 36,9 миллионов рублей. Общий оборот внешней торговли по Черноморскому берегу за то же время в среднем составлял 43,7 миллионов рублей. По сухопутной турецкой границе обороты внешней торговли Кавказа не превышают в среднем 0,3 миллионов рублей. По сухопутной русско-персидской границе за то же время в среднем привезено товаров на 4,0 миллиона рублей, а вывезено на 1,0 миллион рублей. Морем из Персии привезено товаров в 1891 г. на 7,6, а отпущено туда на 8,5 мил. рублей.

Число судов заграничного плавания, посетивших черноморские порты в 1889 году, достигало 1.165; в каботажном плавании в те же порты в 1892 г. пришло 4.073 судна и вышло 4.056 судов.

Кавказ лишен пока того материального единства, которое создается обладанием сетью железных дорог и торговыми центрами; еще менее он богат тем нравственным единством, которое является лишь у цельной народности или при полной солидарности национальностей, имеющих общие интересы и одинаковые стремления. Образование распространено еще слишком слабо для того, чтобы молодые люди различных национальностей могли чувствовать то родство, которое дается восприятием одних и тех же идей и фактов[1]. Тем не менее, в этом направлении заметны уже большие успехи, и во многих школах армянин сидит рядом с татарином, русский с грузином. Из учебных заведений на Кавказе можно указать на следующие: фельдшерская школа и женский институт в Тифлисе; гимназии: в Тифлисе, Ставрополе, Владикавказе, Ейске, Эривани, Елизаветполе и Кутаисе. Кроме того Тифлис, Кутаис, Пятигорск, Темир-Хан-Шура располагают прогимназиями; в Тифлисе, Баку и Владикавказе открыты технические школы[2]. Многие богачи, или только достаточные родители, отправляют своих детей учиться за границу; в 1879 году насчитывали не менее 28 армян в различных школах и университете Цюриха. Большим препятствием для общего образования молодых людей Кавказа служить не только различие языков, но также и алфавит. Абхазцы, осетины, горцы Дагестана до тех пор не могли выучиться читать, пока гг. Люлье, Сьегрен, Шифнер, Услар и Загурский не изобрели для них особого алфавита, воспроизводящего значками каждый из пятидесяти различных звуков этих языков. Именно Кавказу необходимо было бы иметь универсальную азбуку, предложенную еще в 1852 году Лепсиусом, и после того в разных формах гг. Беллем, Кудро и многими другими учеными[3].

Известно, что Кавказ страна столь же различных религий, как и наречий. У некоторых

1 В 1881 г. число всех периодических изданий, выходивших в Тифлисе и других городах Кавказского края, доходило до 34; из этого числа на русском языке—24; на грузинским—4; на армянском—5; на азербайджанском—1. *Прим. пер.*

2 В 1892 г. в учебных заведений в Кавказском учебном округе состояло: мужских гимназий—9, прогимназий—2 (учащихся 4.055 ч.), реальных училищ—8 (уч. 2.319 ч), женских гимназий—10 (уч. 3.842 ч.), прогимназий—6 (уч. 759 ч.), учительский институт и 4 учит. семинарии (уч. 363 ч.); городских училищ—36 (уч. 7.052 ч.), горских школ—5 (уч. 595 ч.), ремесленных училищ—7 (уч. 631 ч.). мореходных классов—3 (уч. 109 ч.), мариинских женских училищ—2 (уч. 245 ч.). В том-же году учащиеся во всех этих заведениях распределялись так: русских—51,1%, грузин—19,4, армян—13,7, татар—2,9, горцев—1,8, евреев—1,2, и других национальностей—7,6.

3 Загурский, „Сборник сведений о кавказских горцах“, II, V, 1871.

горных племен существует еще в разных формах язычество. Здесь встречаются также две таких больших магометанских секты, как сунниты и шииты, различающиеся друг от друга стрижкой волос и усов, и различными обрядами: они живут в перемежку общинами в восточном Кавказе, особенно в Бакинской губернии, где в 1873 году насчитывали: шиитов 270.787; суннитов 206.121 душ (Зейдлиц). В стране есть не мало евреев, а также израильтян, обращенных с давних пор в христианство[1]. Православные, армяне-грегорианцы, армяне-униаты составляют между христианами преобладающий элемент; но сектанты также многочисленны, и их гораздо более, чем показывают оффициальные данные. По переписи, сделанной в 1873 г., одних раскольников на Кавказе насчитывали:

В Предкавказьи — 24.722; в Закавказья — 30.024; всего—54.746.

Молокане живут большими колониями преимущественно в Ставропольской губернии, около Тифлиса, на Ахалкалакском плоскогории, в Муганской степи, а в настоящее время они распространяются и во вновь присоединенных территориях.

Распределение населения Кавказа по вероисповеданиям, в %:

Губернии, области и округа	Правосл.	Сектанты	Римско-католич.	Армяно-грегор.	Армяно-католич.	Прот.	Иудеи	Магометане сунниты	Магометане шииты	Язычн.	Прочие испов.
Ставропольская	89,2	1,0	0,1	0,6	—	0,7	0,4	—	6,3	1,7	—
Терская	40,0	4,3	2,8				0,6	—	52,1	0,1	—
Кубанская с Черн. окр	90,7	1,1	1,8				0,3	—	6,0	0,01	—
Тифлисская	61,35	1,53	0,46	22,25	2,00	0,63	0,94	8,43	2,41	—	—
Кутаисская	86,61	0,01	0,07	0,83	0,97	0,12	0,76	10,50	0,13	—	—
Эриванская	0,47	0,48	0,05	55,14	0,87	0,02	0,01	4,44	36,77	1,70	—
Елисаветпольская	0,21	1,05	—	36,33	—	0,27	1,24	25,20	36,28	—	0,42
Бакинская	3,39	2,55	0,16	7,74	—	0,30	1,20	39,54	44,12	—	—
Дагестанская	0,93	—	0,02	0,18	—	0,01	1,46	95,88	1,52	—	—
Карская	14,28	5,56	0,01	20,70	0,45	0,32	—	45,58	6,81	1,18	5,11
Закатальский окр.	5,36	—	0,71				—	93,93	—	—	—

Различие религий и национальностей имело необходимым последствием и различные способы понимания и применения юридических прав. Так, русское правительство, несмотря на все свои усилия, вынуждено было, по крайней мере на время, отказаться от введения всюду общих российских законов, и у горцев-мусульман по настоящее время существуют еще два кодекса,—религиозный кодекс или *шариат*, основанный на Коране, и обычное право или *адат*. Шариат применяется только в религиозных вопросах, семейных и наследственных, между тем как адат решает дела, касающиеся собственности и интересов общины. Суд посредством адата производится публично, на площади, избранными судьями; некоторые деревни приобрели себе известность своим замечательным правосудием, и в сомнительных случаях к ним обращаются как к настоящему апелляционному суду.

Почти все кавказские горцы питают еще враждебное чувство побежденных к победителям, и с гордостью вспоминают время прежней независимости. Среди жителей равнины, одни, как ногайцы, татары, таты, знают, что их братья и единоверцы живут вне границ Русской Империи и считают себя поэтому иностранцами на своей же родине; другие, как например, курдские пастухи, суть не более как кочующие пришельцы, готовые каждый день сложить свои палатки. Грузины считают, что им суждено скорее служить русским, чем быть им равными. Армяне, политически подчиненные, стремятся сделаться господами силой капитала[2]. Славяне-победители, хотя в действительности и многочисленные, пока не съуме-

1 В 1876 г. в Тифлисе евреев-жителей было 673 м. и 472 ж., воинских чинов 141—всего 1,268. *Прим. пер.*

2 Приводим следующие интересные данные, касающиеся движения населения и естественного прироста в Тифлисской губернии:

Во всех городах Тифлисской губ. армяне составляют господствующий элемент; в г. Тифлисе почти половина населения состоит из армян, другая же половина—из грузин (26%) русских (24%) и татар (5%). В остальных городах армяне своей численностью подавляют грузил; так например, в Ахалцыхе армян 93%. Даже в чисто-грузинской местности, в городах Телаве и Сигнахе, население почти исключительно армянское (73 и 89%), тогда как в селениях Телавского уезда на 49.103 жит. приходится армян всего

ли еще соединить политически все эти разрозненные народности. Их преобладание по преимуществу военное, и Кавказ одинаково служит им театром войны и страною колонизации.

С стратегической точки зрения Малая Азия и Персия совершенно открыты для русской армии. Черное море сделалось русским озером. Каспийское море принадлежит России почти всецело, а флот, стоящий в превосходном порте Баку, может по первому сигналу принять войска и доставить их хозяевами на берега Мазендерана. Александрополь и Карс, сильные и хорошо вооруженные первоклассные крепости, достаточно грозны для верхнего бассейна Евфрата, а перевалы, через которые придется переводить солдат и артиллерию, находятся во власти русских. В случае войны с Англией за господство в Передней Азии, Россия займет господствующее положение. Прежде Босфору можно было грозить с севера с двух сторон; теперь он может быть подвержен нападению еще и с восточной стороны. Если Англия владычествует на Средиземном море, то того же нельзя сказать относительно Черного моря: чтобы везти сухопутную кампанию, у неё не найдется столько войск, чтобы помериться силами с русскими в Азиатской Турции, где она сама взяла на себя роль покровительницы, и границы которой,—быть может неосторожно,—она гарантировала. Долиной Ефрата, Россия всегда, по первому желанию, может приблизиться к «святым местам», покоренным некогда крестоносцами, где христиане всех вероисповеданий, католики, православные, протестанты, стремятся занять преобладающее религиозное значение:—не очевидно ли также, что русское влияние будет увеличиваться в этой стране пропорционально населению Кавказа! Во все времена народы, живущие в соседстве с Араратом и Анти-Кавказом, принимали значительное и самостоятельное участие в политических движениях Передней Азии, а теперь эти же народы представляют собою не более как авангард несметной славянской национальности! Против её грозного могущества есть только одна преграда,—это союз свободных народов: но разве можно думать, чтобы армяне, курды, турки бассейнов Тигра и Ефрата, освободившись, соединились друг с другом, забыли свою религиозную ненависть и национальное соперничество?

Кавказские народы не имеют никаких политических преимуществ перед славянским на-

---

лишь 2.869, т.е. 6%; в Сигханском уезде на 74.142 жит—5.567 армян или 7,5%. Сельское армянское население преимущественно сгруппировалось в Ахалкалакском и отчасти в Ахалцыхском, Борчалинском и Тифлисском уездах.

Относительно прироста населения можно заметить, что в г. Тифлисе в самых благоприятных условиях находятся грузины, у которых на 100 жит. средним числом в год приростает 1 человек, у армян—0,8. Для русских, у которых прирост равен всего 0,4%, условия не особенно благоприятны. Но более всего невыгодны условия для татар, у которых на 100 душ вымирает ежегодно 5 человек.

Из уездных городов в благоприятных условиях находятся Ахалкалаки, Телав, Сигнах и Душет,—они дают прирост от 1,3 до 3% в год. В городах же Гори и Ахалцыхе ежегодно вымирает 0,3 до 1,7%.

В селениях Тифлисской губернии—грузин 58%, армян 18%, татар 10%, осетин 9%: на остальные народности приходится 4,7%.

Прирост населения у грузин и армян, в селениях и городах:

	В городах	В селениях.
На 100 жителей приростает у армян	0,7 чел.	1,5 чел.
На 100 жителей приростает у грузин	0,7 „	1,7 „

Громадное влияние оказывает вероисповедание жителей: так, у православных грузин ежегодно приростает 1,7%, а у грузин-магометан всего 0,8%. Татары дают такой же малый прирост, как и русские (от 0,4 до 0,5%). Для русских очевидно вредны местные климатические условия, потому что у них если рождается более чем у всех других народностей (5,3%) зато и умирает громадный процент—4,9%. На татар же действует не местность, а условия жизни, зависящие от их вероисповедания; у них средним числом ежегодно рождается 3 человека, а умирает 2,5 на 100 душ.

В общем прирост населения собственно Тифлисской губернии достигает 1,3%. (См. данные Кавказского Статистического Комитета „о движении населения в Тифлисской губернии“, 1882 г. Кавказский календарь, 1882 г. и проч) *Прим. перев.*

селением Русской империи: лезгины, грузины, армяне и татары, равно как и великоруссы и малороссы, подчинены самодержавной и неограниченной власти царя и одинаково обязаны повиноваться ей «не только словом, делом, но и помышлением». Ни одна из народностей Кавказа не имеет конституции, гарантирующей её права, и большая часть их более или менее покровительствуемы обычаями, одни писаными, другие передаваемыми устно, по преданию. Представителем особы Императора на Кавказе состоит генерал-губернатор или Наместник, которому предоставлена чрезвычайная власть. Что касается прежних царствующих фамилий страны, то они лишены всякой политической власти, получают пенсии, пользуются привилегиями и почестями, благодаря присяге «быть верными и вечными слугами русского царя».

Бюджет Кавказа, составлявший по отчетам в 1878 г. 6.750.000 руб., входит в общий бюджет Империи. Собственно бюджета Закавказья (включая Дагестан), увеличивающагося из года в год, хватило бы с избытком на местные расходы, если бы не удвоивалось, а в некоторые годы не учетверялось бы содержание на границах значительной армии: таким образом с возрастанием издержек увеличивается и дефицит. Бюджет Закавказья в 1870 году достигал 5.358.470 руб., а в 1880 году 8.784.980 рублей (Шавров, «Кавказский Календарь»): при чем:

Общий приход Кавказа в 1878 г. составлял 16.339.703 руб. Расход 71.660.325 руб. Дефицит 55.320.622 руб.

Дефицит этот, колеблющийся между 18 и 40 миллионами рублей в мирное время, возрос до 57 миллионов во время войны. За 10 лет, от 1869 года по 1878, общую сумму расходов определяют не менее 343.131.005 рублей. Во всем Закавказье общая сумма расходов, долженствующих служить развитию страны, как например образованию, постройке дорог, содержанию лесов, колонизации, не превосходит сумму 1.800.000 рублей.

Главные статьи дохода Кавказского края составляет налог на спирт: на Кавказе этот налог составляет более чем половину ежегодного дохода, т.е. 3.520.000 р. из общей суммы бюджета, равной 6.755.000 р.

Административно Кавказ разделен на провинции не одинаковой величины, с их первоначальным устройством, носящим военный характер и разнообразные оффициальные названия: губерния, округ, область и проч. Тифлис, столица обоих склонов, есть в то же время главный административный пункт всего Закавказья: между тем как Ставрополь, так хорошо расположенный, как наблюдательный пункт на плоскогории, обращенном к центральной части цепи, есть главный административный пункт Предкавказья. Дагестан, который должен был бы принадлежать к северному Кавказу, напротив, причисляется к южному. Русские, так долго останавливаемые на своем пути лезгинскими горцами, у подножья первых контрфорсов Кавказа, обозначили границу там, где начиналась для них линия вылазок. Другая географическая странность: Кубинский уезд,— конечно вследствие этнологического и религиозного единства народностей, населяющих оба склона Кавказа в восточной части цепи,—составляет часть закавказской губернии, Бакинской. Дербент или «Ворота» остался политической границей между северным и южным округами Кавказа.

Следующая таблица представляет перечень провинций с подразделением их на уезды и с населением по оффициальной переписи. Что касается областей, лежащих в Закаспийском крае и зависящих административно от военного управления Кавказа, т.е. туркменских земель, еще не вполне подчиненных России, то географически эта страна не может быть отделяема от остальной части арало-каспийской территории.

Таблица административного разделения Кавказского края, с показанием числа жителей и пространства.

	Квадратн. километр	Квадратн. верст	Число душ обоего пола
Сев. Кавказ			
I. Губерния Ставропольская			
1. Уезд Ставропольский (Ставрополь 41.404 ж.)	7.693	6.760	166.205

	Квадратн. километр	Квадратн. верст	Число душ обоего пола
2. Уезд Александровский	11.847	10.410	180.204
3. Новогригорьевский	12.254	10.768	248.444
4. Медвежинский	7.195	6.322	233.760
5. Земли кочующих калмыков, Больше-Дербетовского улуса	5.340	4.692	
6. Земли кочующих туркменов; караногайцев, эдишкульцев и ачикулак-джембулуковцев	24.382	21.425	46.985
Итого	68.711	60.377	876.298
II. Область Кубанская			
1. Уезд Темрюкский (Темрюк 22.170)	10.788	9.480	342.679
2. Ейский (Ейск 35.715)	12.704	11.163	276.636
3. Екатеринодарский (Екатеринодар 65.453)	11.726	10.304	243.927
4. Майкопский (Майкоп 36.821)	16.042	14.096	284.168
5. Баталпашинский	18.143	16.030	218.225
6. Кавказский	16.518	14.515	249.301
7. Закубанский	8.503	7.472	307.837
Итого	94.524	83.060	1.922.773
III. Область Терская			
1. Округ Пятигорский (разделен на уезды Пятигорский №1 и Нальчикский №8)	22.326	19.619	283.127
2. Владикавказский (Владикавказ 44.147)	10.920	9.596	137.833
3. Кизлярский (Кизляр 6.774)	6.736	5.915	99.750
4. Грозненский (Грозный 15.735)	11.112	9.765	227.648
5. Хасав-Юртовский	5.593	4.914	69.230
6. Сунженский	4.305	3.782	115.397
Итого	60.987	53.590	933.485
Всего на Северном Кавказе	224.221	197.027	3.732.556
из коих водная поверхность (озера и лиманы) занимает	2.570	2.258	
Закавказье			
IV. Область Дагестанская			
1. Округ Темир-Хан-Шуринский (Тем.-Х.-Шура 17.335)	6.320	5.553	93.849
2. Гунибский	4.486	3.942	58.594
3. Казикумухский	2.273	1.997	53.665
4. Андийский	3.469	3.048	46.993
5. Аварский	1.481	1.301	37.230
6. Катайго-Табасаранский	3.004	2.640	89.706
7. Кюринский	2.917	2.564	76.549
8. Самурский	5.710	5.018	47.593
9. Даргинский	1.660	1.458	82.463
Итого	29.704	26.102	586.636
V. Округ Закатальский	4.168	3.662	82.168
VI. Губерния Тифлисская			
1. Уезд Тифлисский и Борчалинский (Тифлис 152.364)	10.922	9.598	353.004
2. Душетский (Душет 2.483)	4.077	3.582	69.925
3. Телавский (Телав 8.698)	2.381	2.093	65.149
4. Сигнахский (Сигнах 9.300)	6.152	5.406	100.097
5. Горийский (Гори 10.277)	6.619	5.817	191.656
6. Ахалцихский (Ахалцих 15.788)	2.716	2.386	69.144
7. Ахалкалакский (Ахалкалаки 5.558)	2.703	2.375	73.362
8. Тионетский	4.747	4.195	36.438
Итого	40.344	35.452	958.775
VII. Губерния Кутаисская			
1. Уезд Кутаисский (Кутаис 32.023)	3.333	2.929	223.327
2. Шаропанский (Квирилы 347)	3.126	2.747	157.726
3. Рачинский (Они 626)	2.830	2.487	72.742
4. Лечгумский (Лайлаши 637) и приставство Сванетское	4.611	4.052	50.517

	Квадратн. километр	Квадратн. верст	Число душ обоего пола
5. Сенакский	1.729	1.519	119.184
6. Зугдидский (Хони 421) и заштатный город Редут-Кале (51 чел.)	2.797	2.457	117.623
7. Озургетский (Озургети 700)	2.235	1.964	92.212
Итого (с 7.367 неплат. податей)	20.661	18.155	833.331
VIII. Сухумский отдел			
1. Округ Пицундский	3.687	3.240	11.680
2. Очемчирский	4.682	4.114	80.116
Город Сухум			7.202
Цебельдинское попечительство			1.500
Итого	8.369	7.354	100.498
IX. Округ Черноморский			
1. Округ Новороссийский (г. Новороссийск 15.882)			33.055
2. Туапсинский	7.313	6.426	8.020
3. Сочинский			13.153
Итого			54.228
X. Губерния Елисаветпольская			
1. Уезд Елисаветпольский (Елисаветполь 32.798)	8.809	7.740	162.178
2. Казахский	6.896	6.059	112.468
3. Шушинский (Шуша 27.143)	5.241	4.606	140.740
4. Зангезурский	7.751	6.811	142.064
5. Нухинский (Нуха 24.189)	3.774	3.316	117.062
6. Арешский	3.253	2.859	62.917
7. Джеванширский	5.176	4.548	67.005
8. Джебраилский	3.253	2.859	67.123
Итого	44.153	38.798	871.557
XI. Губерния Бакинская			
1. Уезд Бакинский (Баку 108.048)	4.118	3.619	177.606
2. Кубинский (Куба 15.117)	7.053	6.198	181.515
3. Шемахинский (Шемаха 20.680)	7.345	6.454	123.610
4. Гекчайский	3.591	3.155	109.663
5. Джевадский (Сальяны 10.168)	12.689	11.150	85.065
6. Ленкоранский (Ленкорань 8.687)	5.314	4.669	112.200
Острова	77	67	
Итого (с 11.556 неплат. податей)	40.187	35.312	789.659
XII. Губерния Эриванская			
1. Уезд Эриванский (Эривань 28.459)	3.018	2.652	127.072
2. Нахичеванский (Нахичевань 13.710)	4.365	3.836	100.942
3. Новобаязетский (Ново-Баязет 8.515)	6.148	5.403	123.839
4. Эчмиадзинский	3.806	3.345	124.643
5. Александропол. (Александрополь 31.594)	3.755	3.299	163.435
6. Сурмалинский	3.628	3.188	88.844
7. Шаруно-Даралагезский	3.005	2.640	75.982
Итого (с 8.963 неплат. податей)	27.725	24.362	804.757
XIII. Область Батумская			
1. Округ Батумский (Батум 26.162)	1.436	1.262	85.576
2. Аджарский	2.413	2.120	
3. Артвинский	3.384	2.974	56.456
Итого	7.233	6.356	142.032
XIV. Область Карсская			
1. Округ Карсский	9.622	8.455	114.438
город Карс			20.946
2. Ардаганский	4.469	3.927	65.667
3. Кагызманский	1.608	1.413	59.726
4. Ольтинский	2.887	2.537	31.721
Итого	18.586	16.332	292.498

	Квадратн. километр	Квадратн. верст	Число душ обоего пола
Всего по Закавказью	248.445	218.313	5.516.139
Всего по Кавказскому и Закавказскому край, включая внутренние воды, озера (3.705 кв. в.) и острова (112 кв. в.)	472.666	415.340	9.252.695

Примечание: население показано по переписи 28 января 1898 г.

Глава III Арало-Каспийский склон

РУССКИЙ ТУРКЕСТАН, НЕЗАВИСИМАЯ ТУРКМЕНИЯ, ХИВА, БУХАРА, СТРАНА ВЕРХНЕГО ОКСУСА.

I. Общий взгляд

На запад от Каспийского моря Европа имеет резко определенную границу с Азией: древний понто-каспийский пролив, по южную сторону которого выдвигаются первые плоскогория Кавказа, составляет между континентами как-бы естественный пограничный ров. Но зато на север и на восток от Каспия границы Европы и Азии сливаются в равнине, переходящей мало-по-малу в пригорки и пустыни, пространства песку, глины, в каменистые местности, солончаковые степи и болота. Если и существует с этой стороны какой-либо естественный рубеж между двумя материками, то это та наиболее низменная часть выпуклости, которая проходит между Аральским бассейном и долиной Оби: по обе стороны этой возвышенности рассеяны многочисленные озера, с неопределенными очертаниями—остатки высохших морей, а за этой полосой снова начинается область равнин, простирающаяся до самой подошвы плоскогорий и гор, составляющих часть континентальной цепи.

Таким образом арало-каспийский склон плоскогорий Средней Азии сливается с северо-западной стороны с степями России, между Уралом и Каспийским морем, а с северной стороны он отделяется едва заметно от равнин Оби; со всех же других сторон эта область имеет резко определенные границы. С запада она омывается водами Каспия, с юга—отделена от Персии и Афганистана горной «преградой», которая, начинаясь у юго-восточного угла Каспийского моря, соединяется потом в форме вытянутой кривой с Гиндукушем и Каракорумом. На восток лежит плоская возвышенность Памир, а на северо-восток горы Тянь-Шань и Тарбагатай, с их горными полянами и снежными вершинами. Поверхность Арало-Каспийской области, включая в нее государства, находящиеся под протекторатом России, а также Уахан, Бадакшан, Балх и земли туркменов, занимает более трех миллионов кв. верст и, следовательно, в шестеро превышает величину Франции. Территория более чем в миллион кв. верст, простирающаяся к северу, в бассейн Оби, в административном отношении также присоединена к этому естественному бассейну русского Туркестана и составляет часть одного и того же генерал-губернаторства.

Русский Туркестан, имеющий наклон с северной и восточной стороны к Каспийскому морю, состоит на половину из гористой местности и на половину из низменностей. Разнообразие климатов, фауны и флоры не менее поразительны, нежели геологические образования этого громадного пространства, по одну сторону которого поднимаются горы, высотой в 20—23 тысяч фут, а по другую—низменности, спускающиеся у берегов Каспия ниже морского уровня. Впрочем, есть некоторое сходство между восточной стороной гористой местности и западной частью области низменных равнин. И там, и здесь пределы годичной температуры гораздо шире, чем в Европе или в какой-либо другой стране, соседней с морем; колебания температуры необыкновенны. Так, например, во время холодов, осенью и зимой, в долинах и горах Туркестана господствует полярный северо-восточный ветер; летом же и весною при-

носит с собою жару юго-западный ветер, экваториальный[1]; таким образом в каждое из времен года климат претерпевает резкия противуположности в температуре, что, впрочем, свойственно всем странам, лежащим внутри материка. Вообще, Арало-Каспийский склон, приведенный к уровню моря, находится в июле месяце между изотермическими линиями 20 и 25° Ц.,—температура островов Зеленого Мыса, лежащих на 2.580 верст ближе к экватору. Для января месяца в Аральской области изотермическими линиями будут: 5—15°, т.е. те линии, что проходят через Канаду, южную Гренландию и Шпицберген и, следовательно, через местности, лежащие на 2.800 верст ближе к полюсу,—настолько сильны колебания температуры крайних месяцев в русской Татарии. Но разница между жарким днем и холодным еще более значительна: средним числом она равна 74° между 44° и —25, и даже—30°. В равнине сухость воздуха и недостаток росы также содействуют резкости климата. Часто атмосфера бывает столь слабо насыщена парами, что дыхание становится затруднительным; известны целые годы, в которые дождь ни разу не освежил почву: в 1858 году продолжительность дождей в пустыне Кара-кум не превосходила в итоге четырех часов. Влажность, приносимая юго-западными ветрами, задерживается выступами Памира и долинами Тянь-Шаня, т.е. там, где есть ручьи, потоки и реки; при всем том дожди эти менее обильны, нежели в горах Европы и Индии.

Другая общая характерная черта для русского Туркестана, его гор, долин и равнин,—это постоянное высыхание почвы в течение современного геологического периода. Обе реки-близнецы, Сыр-Дарья и Аму-Дарья, текут с Памира и Тянь-Шаня, почти параллельно одна другой, в озеро, называемое всеми прибрежными жителями Аральским морем; но в предшествовавшую эпоху обе эти реки были значительно многоводнее, и несомненно, что они, соединяясь в одно общее русло, впадали в Каспий. В настоящее время, отделенные одна от другой, они все еще считаются одними из самых больших рек Азии, по крайней мере по длине: обе они имеют в протяжении не менее 2.000 верст; но количество воды, несомой ими, очень незначительно в сравнении с той массой влаги, какую несут в море такия могущественные реки окраин материка, как Обь, Енисей, Лена, Амур, Гоанго, Янгце-Кианг, Меконг, Брахмапутра, Ганг, Инд. Бассейны рек Аму и Сыра обнаруживают на поверхности явные следы постепенного высыхания: всюду видны оставленные ложа рек, частью уже засоренные; множество реченок, которые когда-то достигали главной реки, останавливаются на полдороге и затериваются или в песках, или в солончаковых болотах: мелкие озера высыхали сотнями и тысячами, не оставив после себя ничего кроме пласта соли. Большие озера, внутренния моря, в роде Балкаша и Арала, измельчали, озера плоских возвышенностей, как например Исык-Кул, совсем опустели; многие из них даже совершенно исчезли, как например, те, что заместились равнинами Кульджи и Ферганы. Каждая местность Арало-Каспийского склона, разсматриваемая отдельно, свидетельствует собою общее явление засухи. Посредством постоянного высыхания почвы, большая часть страны преобразовалась в степи и при том не только в равнинах, но и в горах. На Памире, Тянь-Шане и Тарбагатае каждая продольная долина, каждая впадина представляют собою оголенную степь, с растительностью чрезвычайно ограниченной, как числом видов, так и периодам её годичного роста. Климат здесь вряд-ли более благоприятен для растений, нежели в арктических странах, так как развитие местных растений ограничено всего тремя месяцами,—с одной стороны зимними снегами, с другой—летней засухой[2].

В подобной стране, где большая часть местностей настолько подвержены засухе, что становятся непригодными даже для кочевников и их стад, население, конечно, весьма незначительно. Обитатели Арало-Каспийского склона распределены следующим образом:

1 Борщов, „Ботаническая география Арало-Каспийской области“.

2 Grisebach. „Vegetation du Globe“.

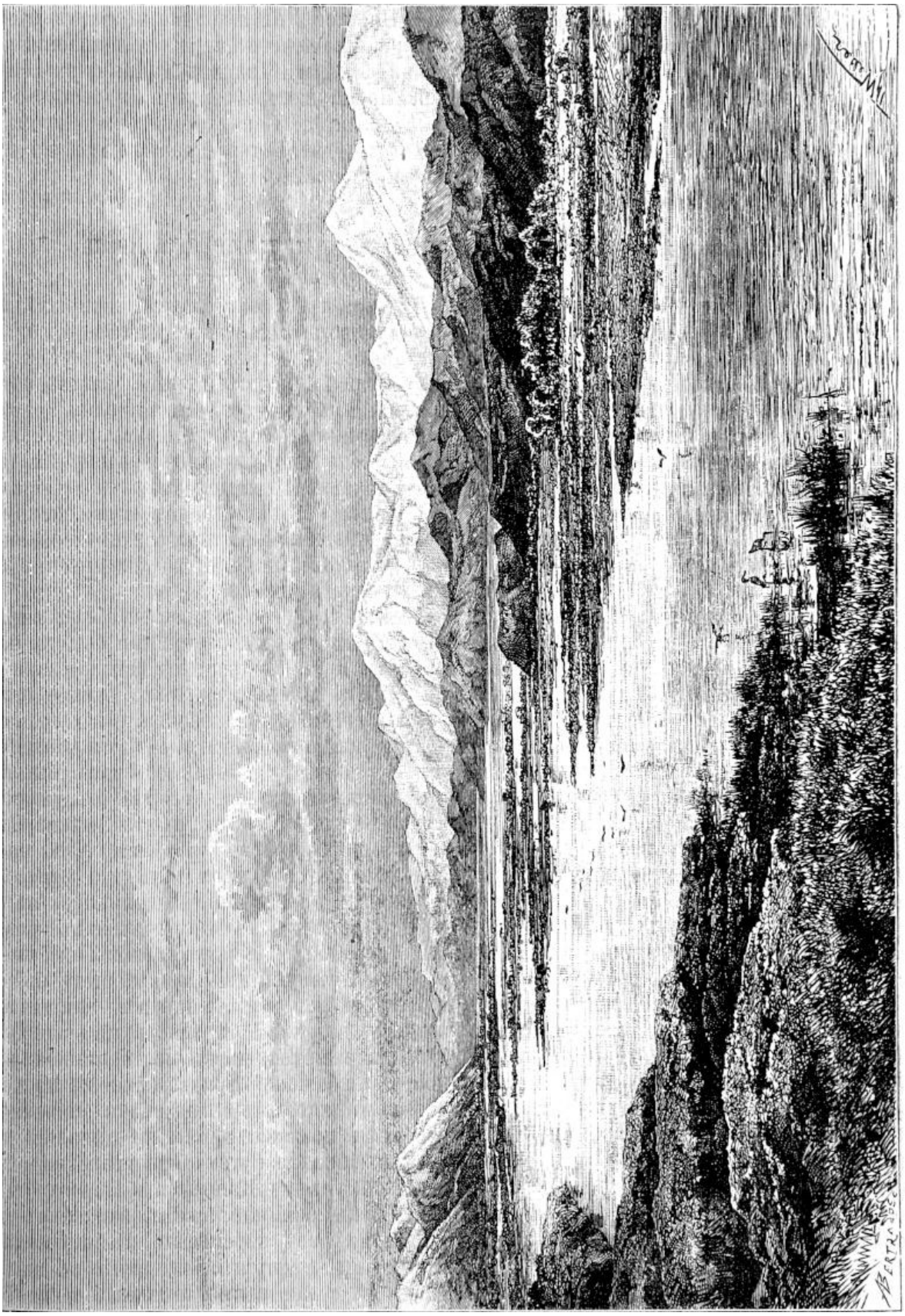
	Поверхность в кв. верстах	Поверхность в километрах	Вероятное население в 1880 г.	Число душ на килом.
В русских владениях от Атрека до Иртыша	3.262.157	3.708.135	4.500.000	1
„ Хиве	50.800	57.800	300.000 (?)	12
„ Бухаре	210.000	239.000	2.150.000	9
„ земле независимых туркменов	228.900	206.500	200.000	1
„ Авганском Туркестане	118.600	135.000	950.000	6
Всего	3.870.457	4.346.435	8.500.000	2

Следовательно, принимая в рассчет даже обильно орошенные долины, где население наиболее густо, видим, что в общем, на арало-каспийском склоне не приходится жителей и двух человек на кв. версту: страна эта в 6—7 раз малолюднее, нежели Кавказский край, несмотря на его громадные пространства, необитаемые земли, на скалы и поверхности, покрытые снегом. Местные предания, исторические данные, равно как и развалины множества городов не позволяют сомневаться в том, что эта область в прежния времена была гораздо населеннее. Число жителей уменьшилось вместе с уменьшением воды. Большие империи, основанные в бассейнах Оксуса и Согдианы, исчезли: очаги цивилизации, так ярко освещавшие весь восточный мир, погасли: просвещенные народы снова обратились почти в варварство, кочевое состояние восторжествовало над земледелием, и попятное движение сказалось очень сильно. Господствующая раса также изменилась: изменение климата, высыхание почвы успешнее, нежели войны, создали в результате замещение части коренных обитателей-арийцев тюрками и киргизами. В горных долинах Памира, от Каратегина до Уахана, живут племена землевладельцев-арийцев, ушедших в горы, вследствие натиска со стороны кочевников, которые, пришедши сюда с северо-востока, заняли равнины. Перемещение изотерм и изохимен уменьшает или увеличивает площадь, занятую растениями, заставляя их спускаться с гор в равнины или подниматься с равнин на горы, превращает пахатные земли в пастбища, расширяя пределы пустынь, и привлекая к ним кочующих татар, отодвигает оседлых арийцев. Войны и убийства ускорили лишь ход, указанный климатом. Но городское население могло оставаться отчасти независимым от среды, благодаря торговле и промышленности: коренная раса, смешанная различным образом, могла существовать до сих пор о-бок с расой, пришедшей с севера. Арийцы и тюрки, или какое бы другое название ни дали им, живут в одних и тех же городах, образуя различные группы, приспособляющиеся к внешним условиям, сообразно склонностям и старинным обычаям. Оксус служит несколько веков не более как политической границею между землями Ирана и Турана, ибо во все времена на север от этой реки, среди туранского населения, жили группы иранцев, рассеянные в виде островов и архипелагов.

В настоящее время народ, говорящий арийским языком, берет верх над остальными племенами. Русские, сильные тем могуществом, которым они пользуются благодаря высшей цивилизации, пренебрегают затруднениями, представляемыми климатом, и завоевывают с успехом громадные пространства, с целью дать тесную политическую связь вновь присоединенным странам Арало-Каспийского склона. Их войска отправлялись туда после того, как страна была изучена натуралистами, послами или купцами. Русские заняли города, издавна существующие, или построили новые, и в различных торговых и стратегических пунктах, казавшихся им благоприятными, положили начало колонизации, именно в горных долинах, указав вместе с тем точные пределы кочевникам. Пароходство по обеим рекам, дороги, а позже и железные пути уменьшат, так сказать, пространство этой страны и позволят таким образом славянскому элементу легко упрочить свое превосходство. Это не более как вопрос времени. В земле таджиков, сартов, узбегов, Ташкент и Самарканд становятся русскими городами, подобно Казани, бывшей прежде в земле татар, чувашей и черемисов.

С половины текущего столетия приобретения русских в Туркестане шли очень быстро, несмотря на то, что не раз из С.-Петербурга предписывались границы как бы с целью положить конечный предел наступательных движений. В общем количество всех земель, завоеванных со времени взятия Ак-Мечети, в 1853 г., равно почти 1.000.000 кв. верст, что превос-

ходит в два раза поверхность Франции[1]. То по произволу честолюбивого генерала, то в наказание туземцев за оскорбление русской власти набегами, присоединяется еще и еще новая провинция к громадным владениям русского орла. Памятен еще циркуляр канцлера Горча-



Цѣпи Алая и Трансъ-Алая.

кова, относящийся к 1864 году, когда дело заключалось в том, чтобы за пределами кочевых народов подчинить России область, населенную земледельцами и с раскинувшимися на ней

1 Венюков, „Территориальные приобретения и уступки России за последние тридцать лет".

городами, и могущую служить для армии опорным пунктом, гласивший, что обстоятельства и интересы России заставляют направить царские войска именно туда и не далее. С того времени русские сильно подвинулись вперед; но, тем не менее, Арало-Каспийский склон далеко еще не весь находится в политической власти России; Хива и Бухара остаются, конечно, только фиктивно независимыми, но на юг от Оксуса находятся еще различные маленькия государства, прилегающие к горам Гиндукуша и существующие самостоятельно, которых ничуть нельзя считать вассалами Империи. Договором, заключенным между Россией и Англией, в 1873 году, из этих государств создана Авганская территория; но эта дипломатическая уловка не мешает русским мало-по-малу распространять свое влияние в этих странах, отделенных от Авганистана громадной стеной Гиндукуша и несомненно составляющих часть Арало-Каспийского склона, как с точки зрения физической географии, так и по населению; пространство, простирающееся на несколько сот тысяч кв. верст, если в настоящее время еще не служит окраиною русской империи, то оно рано или поздно станет ею[1]. На юго-западе, по Атреку, живут различные племена туркменов, из коих в особенности известны текинцы, так храбро сопротивлявшиеся русским, понесшим от них в 1878 г. довольно сильное поражение; но средства русских так велики сравнительно с теми, которыми располагают кочевники-текинцы, что на битву при Денгил-Тепе можно смотреть как на простую случайность, не имеющую никакого серьезного значения в истории, и это небольшое замедление не отсрочит решение судьбы[2]. На всю низменную область, простирающуюся от берегов Каспийского моря и подножья Памира и от подошвы иранских плоскогорий до истоков Оби и Иртыша, можно заранее смотреть как на русскую территорию. Простая горная цепь отделяет ее от страны, расположенной на англо-индейском склоне, в черте, тяготеющей к стране Ганга. Одной стороною Бамьянский перевал обращен к С.-Петербургу, другой—к Калькутте, посматривающим на него то с вожделением, то с боязнью.

На восток от Туркестана соседи русских—китайцы. Обе империи, раскинувшиеся на несколько тысяч верст, соприкасаются своими границами. Плоская возвышенность Памир, Небесные Горы и, далее к востоку, условная пограничная линия, проходящая через Джунгарские Ворота, отделяют русские владения от китайских, оставляя при этом большую часть границы открытою для вторжения. Но чтобы ни говорила молва, а русским совершенно нечего опасаться появления на их границе нового Чингиз-Хана: на их стороне все преимущества оружия, провианта, военных позиций, и еще более того громадного превосходства, которое дает наука в приложении к войне.

II. Памир и Алай

Памир и Тибет, массивы которых встречаются друг с другом на север от Индустана и на восток от Оксуса, суть две горные цепи Азии, хотя, вернее сказать, обе они, взятые вместе, составляют одну континентальную цепь. Расположившись под прямым углом, одна параллельно экватору, а другая по направлению меридиана, они образуют ту «Крышу», тот «Венец мира», или Бам-и-дуниаг'ту, название которого, заимствованное с киргизского, применяется обыкновенно лишь к одному Памиру.

Вместе с своими мысами, выдающимися в виде гор над равнинами Оксуса на западе, и Тарима, на востоке, Памир занимает в центре Азии пространство, равное приблизительно 70.000 кв. верст. Его громадные уступы, выдвигающиеся вместе с контрфорсами верст на 500, образуют как бы западную часть той стены, которая окружает в виде плоскогорий и горных систем Китайскую империю, резко разделяя Азию на две половины и заграждая пути для переселений и военных набегов. Поднимаясь, в среднем, на высоту 13.000 футов над уровнем земли, годной к культуре, в области снегов и горных пастбищ, Памир был бы страной голода и смерти для народов или для армий, которые вздумали бы зайти в него. Од-

1 Венюков, там же,

2 Пророчество автора, как известно, сбылось очень скоро. *Прим. перев.*

нако небольшие караваны путешественников и купцов и небольшие отряды воинов проходили через это плоскогорие не редко. Невозможно, чтобы в прежнее время не пытались пройти кратчайшим путем пространство, отделяющее Оксус от Кашгарии и Европу от Китая. Греки, римляне, арабы, итальянцы и китайцы не раз пересекали Памир, одни с торговыми предприятиями, другие в пылу религиозной страсти, третьи ради завоеваний; но очень немногие из путешественников оставили описания своих маршрутов; все они старались перейти плоскогорие через борозды, лежащие в самой нижней части его. На однообразном пространстве следы путников теряются так же скоро, как и следы корабля в океане. В Памире, имя которого есть синоним пустыни[1], нет ни городов, ни обработанных полей, ничего, что могло бы служить вехами; местности всюду одинаковы, однообразны. Никакие точные указания в древних сочинениях о путешествиях не могут помочь отыскать с достоверностью прежние пути караванов, и только новейшие исследователи, прошедшие разные части его, тщательно наносившие на карту маршруты, дали наконец возможность составить общее понятие о плоскогории и его рельефе. Благодаря им, можно было разобраться в хаосе древней номенклатуры, восстановить географию Азии, стереть различные фантастические цепи гор, нанесенные на карты на-угад... «Меридиональный» хребет Болор, составляющий, по мнению Гумбольдта[2], ось материка, перестал уже существовать на картах, по крайней мере как ряд вершин; точно также Имаюс древних смешивается с громадным плоскогорием Памир. Очень возможно, впрочем, что название Болора или Балора прилагалось в сущности только к области, соседней с Гиндукушем, вероятно к стране, известной в наше время под названием Дардистана[3].

Греческие торговцы, сопровождавшие купцов других наций, может быть китайцев, во втором веке христианской эры, если не ранее этой эпохи, умели отыскивать дороги в Серику или «Страну шелка», через Памир. Основавшись в Бактриане, т.е. в долине среднего Оксуса, и войдя, конечно, при этом в сношения с народами, жившими на восток и север от них, греки принуждены были пользоваться дорогой чрез плоскогорие и, поднимаясь по Оксусу, пробираться возможно дальше узким горным проходом, перед тем как выдти в долину. Так Птоломей, собравший все документы, через географа Марина Тирского, добытые македонянином Маесом Тицианиуом, действительно говорит, что греки направлялись на север в страну Комед. Оттуда дорога шла у подошвы плоскогория через долину Оксуса, вероятно и через его приток Сург-аб[4], направляясь к «Каменной Башне», главному пункту пересечения дороги и остановок после столь продолжительного пути. Где находилась эта башня? Относительно этого вопроса можно делать только предположения, так как остановки купцов могли происходить безразлично в одной из тех бесчисленных впадин, в которых пересекаются несколько дорог и где для вьючных животных находят вдоволь травы и воды. Наконец, пастухи разве не могли, в разные времена, обозначать различные места «Каменными башнями», которые служили им сигналами, межевыми знаками, могильными памятниками? Один из этих многочисленных Таш-Курган'ов или «Каменных груд», расположенный на подъеме в 10.800 футов, у одного из верхних притоков реки Ярканд, у восточной подошвы Памира, стал даже чем-то в роде деревни и главным городом малолюдного Сириколя. Раулинсон предполагает, что это может быть и есть «Каменная Башня» греческих и римских купцов, ходивших в «Страну шелка»[5]. Во всяком случае невероятно, что для того, чтобы отправиться из долины Сургаб в долину Тарима,—древний Эхардес,—караваны шли тропинкой, хотя и более удобной, но которая вела их далеко на юго-восток. Кроме того Таш-Курган и Сириколь, по Гордону, происхождения сравнительно новейшего. До путешествии Федченко, Северцова и других русских исследователей, положивших в области плоскогорий пределы того

1 Северцов, Vlue, Forsyth, Paquier etc.
2 „Asie centrale".
3 Shaw, „Journal of the Geographical Society", 1876.
4 Richthefoen, „цитированное сочинение".
5 „Journal of tbe Geogr. Society". vol. XLII, 1872.

пространства, на котором должна была находиться знаменитая «Каменная Башня», ученые искали ее по всей центральной Азии. Нет пункта, упоминаемого древними, который бы так часто не перемещали на карте с одного места на другое. Предполагали найти его на месте нового города Ташкента или «Каменного Замка», на севере от Яксарта; думали также, что он находился главным образом в Фергане, а Риттер, Гумбольдт и Лассен[1] считали развалины, стоящие на холме «Соломонова Трона», что возле города Ош, за остатки Каменной Башни. Птолемей, сбитый с толку смутными и противоречивыми указаниями купцов, поместил Каменную Башню гораздо далее к северу: по указываемой им широте ее нужно бы было искать в самой Сибири, по ту сторону Тянь-Шаня.

Другим купцам, приходившим с востока, дороги были известны более чем за двести лет до той эпохи, когда римляне проходили через Памир. Китайцы знали о существовании народов, живших на берегах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, а их частые сношения с ними происходили через перевалы Цунг-Линга, или Памира русских географов. Вслед за экспедицией Чанг-Киена, снаряженной около 128 года до Р. Х., торговля стала развиваться очень быстро, и вскоре китайские караваны, из которых иные состояли из нескольких сот человек, отправлялись прямо от берегов Тарима к берегам Сыр-Дарьи в страну Таван; нередко отправлялось до десяти и двенадцати караванов в год и, благодаря этим путешествиям, как полагают, введены в Китае лозы и семена винограда, ореха, гранатового дерева, бобов, огурцов, петрушки, люцерны, шафрана, кунжута[2]. Отправляясь долиной Тарима, китайские купцы должны были искать переход через горы, конечно, в тех местах, где они менее широки: они огибали на северо-восток всю массу Памира и Алайских гор, идя через Терек-даван: но известно также из летописей того времени, что они пересекали Памир на-прямик, через южные перевалы, чтобы соединить этой дорогой земли Оксуса и Кипина или Кабулистана.

Междоусобные войны и большие переселения народов остановили торговое движение, установившееся непосредственно между восточной и западной Азией: но миссионеры и богомольцы-буддисты снова проторили дорогу в Памир. Гиуен-Цанг, знаменитейший из этих богомольцев, рассказывает о своем шестнадцатилетнем путешествии, совершенном им по Центральной Азии, в первой половине VI века, и в его путевых заметках можно отыскать довольно много сходных имен на пути в южный Памир, через Бадакшан, Иахан и страну Сириколь[3]. Это почти тот самый путь, по которому следовал Марко Поло, сопровождавший своего дядю и своего отца во время знаменитого путешествия 1272-1275 г.; однако, кажется[4], что он держал путь несколько севернее и что с места перехода через верхний Оксус он прямо пересек «плоскогорие Памир» по направлению с северо-запада на северо-восток и должен был «объезжать верхом двенадцать дней» эту местность, не встретив за всю дорогу ни жилищ, ни растительности, при чем каждый нес с собою то, что ему было нужно[5]. В 1603 г. католическому миссионеру Гоесу пришлось также проходить через южную часть Памира, вероятно той же дорогой, что и Гиуен-Цангу. После того протекло более двух столетий прежде, чем европейский путешественник снова проник в южный Памир. В 1838 г. англичанин Вуд поднялся по одному из разветвлений верхнего Оксуса до самого Сары-Куля или Куль-Кальяна: вслед за этим начался ряд новых научных исследований. В 1868 году Гайвард посетил юго-восточную часть плоскогорий; индусы, посланные английским топографическим бюро, также прошли как через большой, так и малый Памир: в 1871 г. грек Потагос тоже отправился через южную сторону плоскогорий из Бадакшана в Кашгар. В 1875 г. Форсайт, Гордон, Троттер спустились по плоскогорию до Бадакшана и посетили Шигнан и Рошан, вместе с топографом из Индии, принадлежавшим к их экспедиции.

Что касается до северного Памира, то его перестали посещать со времен китайского вла-

1 Ritter, „Asien“, V; Humboldt, „Asie centrale“, Lassen, „Indische Alterhumer“.
2 Bretschneider, „On the study and value of chinese botanical works“.
3 Stanislas Julien, „Histoire de la vie d'Hiouen-Tsang et de ses voyages“.
4 Paquier, „Le Pamir“.
5 Marco Polo, edition Pauthier, Livre chap. XXXII.

дычества. Арабы, владевшие долиной Сыр-Дарьи, имели интерес отправлять все торговые экспедиции дорогами сравнительно легкими, огибающими с северной стороны массивы Тянь-Шаня; по этим же дорогам ходили и европейские послы, отправлявшиеся ко двору монгольских властелинов. Дело географических исследований в северном Памире было начато лишь благодаря индусу Абдул-Меджиду, который в 1861 году первый прошел через Памир с юга на север, и затем русским исследователям: Федченко, Костенко, Мушкетову, Северцову, Оханину и проч. В настоящее время более $^4/_5$ всей поверхности Памира более или менее известны: промежуток, отделяющий столь важную маршрутную линию г. Северцова 1878 года от пути, пройденного английской экспедицией в 1873 году, равен не более 45—50 верстам. В общих чертах и с приблизительной точностью Памир нанесен уже на карты; до двадцати важных пунктов определены астрономически Бонсдорфом, Шварцем, Скази; высота 2.000 местностей измерена барометром или другими инструментами: ни одна из неисследованных чрезполосных земель не отстоит своей центральной частью более чем на 55 верст от границ областей, уже известных, и можно быть уверенным, что ни одна из горных масс, ни одна сколько-нибудь значительная выпуклость поверхности не избегла взора путешественника[1].

Памир вполне ограничен, как со стороны севера, так и юга горными хребтами, высотой в 6.500—9.850 футов, несмотря на то, что само плоскогорие возвышается на 13.000 фут над поверхностью Туркестанской равнины. С юга, цепь Гиндукуш, продолженная горами, примыкающими к Куэн-Луню, составляет разделительный вал, по другую сторону которого развертывается бассейн Инда. С севера За-Алай и Алай, составляющие географически часть Тянь-Шаня, отделяют Памир от склонов, спускающихся к Сыр-Дарье. Однако плоскогорие, окаймленное двумя рядами гор, имеющих направление зап.-юго-западное и вост.-сев.-восточное, далеко не представляет на всем своем пространстве одинаковую поверхность. Напротив, Памир разделен на множество, так сказать, отдельных «Памиров» посредством ряда высот и даже настоящих гор, глубоких оврагов, по которым воды стекают на запад в р. Аму, на восток—в Тарим, не имея при этом явной водораздельной цепи. Рельеф плоских возвышенностей, исключая горных уступов, представляет колебания не свыше 3.500 футов, вследствие чего климат, ландшафты и незначительная флора плоскогория почти везде одинаковы. Кроме того выпуклости не настолько обрывисты, чтобы затруднять собою киргизских пастухов или путешественника. «По всему Памиру есть тропинки; тысячи дорог перекрещиваются: с проводником можно без затруднений ходить по всем направлениям»[2]. Во всей северной части Памира, расположенной на юг от величественной пограничной цепи За-Алай, нет таких высот, которые поднимались бы выше чем на 1.000—1.650 футов относительной высоты и составляли бы затруднение при переходе через них; всюду пространство это покрыто затверделой глиной и недвижущимися песками[3]. Между Ранг-кулем и Яшил-кулем, в местности, посещенной недавно Северцовым, а также и в центральном Памире, путь настолько удобен, что походит скорей на шоссейную дорогу. В одном месте западного Памира генерал Абрамов перешел без больших хлопот, вместе с артиллерийской батареей, хребет Алай, высоты Кара-Казык или «Черный Кол»,находящийся на одной высоте с вершиной горы Роза[4]. Недоступный в прежнее время для армий, по трудности добывания провианта, Памир не может уже более останавливать военные силы, снабженные хорошим обозом. Но черезз него можно проходить только во время четырех месяцев в году, от июня до сентября; в продолжение $^2/_3$ года, земля покрыта снегом, а ветры слишком суровы, чтобы при них выдержать действие холода.

Горные породы Алая, покрытые на поверхности песком и глиной, состоят из гранита и кристаллических сланцев. Массы гранита, которые образовали бы остов гор, если бы плос-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", 1880.
2 Gordon, „The Roof of te World".
3 Костенко, „Алайская экспедиция 1876 г".
4 Venucov, „Le Globe, journal de la Soc. de Geogr. de Geneve", 1880, п. 1.

когорие было размыто реками, вытянуты как раз в том же направлении, как и главные цепи Тянь-Шаня[1]; в том же направлении выдвинуты в самую равнину западного Туркестана и оконечности горных хребтов, но зато между гранитом места заполнены формациями, более поздними и даже триасовыми. Главный склон Памира обращен к западу и юго-западу; его предельная линия, которая очень извилиста и почти сглажена, находится гораздо ближе к восточной равнине, нежели к низменности Арало-Каспийского склона. На восточной стороне плоскогория поднимается самая значительнейшая вершина—горная Тагарма или Тигальма, называемая, благодаря, конечно, скале, также еще Уй-Таг или Гора-Дом, и Муз-Таг-Ата или «Отец Ледяных гор», так как её снега, покрывающие вершину и ледники, спускаются в окрестные ущелья. Тагарма поднимается, вероятно, не менее как 10.000 фут выше Монблана и тянется далеко на юго-восток контрфорсами Чичиклик, сохраняя высоту 20.000 футов. По Троттеру и Костенко высота Тагармы 25.500 футов, а по Гайварду—21.000. Можно вообще сказать, что восточная окраина Памира, в которой г. Северцов видел не более одного ряда возвышенностей, выдающихся в форме отдельных мысов и поднимающихся то там, то сям, напоминает горный хребет лишь в зачаточном виде и продолжается в направлении от азиатских плоскогорий к центральному горному узлу, параллельными рядами, к Гималайским горам. Тагарма и различные горные массы, направляющиеся наискось к Тянь-Шаню, часто описывались в кашгарском Туркестане под турецким названием Кизыл-Арта или «Красного Перевала»: это Цунг-Линг или «Луковичные горы» китайских авторов.

Плохо защищенный со стороны окраины, с её брешами, Памир часто бывает посещаем ветрами, которые, спускаясь с юго-запада в арало-каспийские равнины, дуют с страшной силой, поднимая вихри снега или пыли. В это время рогатый скот сбивается в кучу, стараясь плотнее прижаться друг к другу, чтобы противиться порывам ветра; отделившееся животное гибнет. У самого Кара-Куля и в песчаных ущельях Кизыл-Арта, камни носят на себе следы штрихов, которые чертит на них песок, постоянно проносящийся над ними с северным ветром[2]. В этих местах воздух вообще очень сух и особенно прозрачен, исключая, конечно, тех случаев, когда целые тучи пыли наносятся ветром из пустыни[3]. Случается, что термометр в тени показывает всего 10° C, тогда как на солнце ртуть поднимается до 70°; путешественник, который держал в руках градусник, принужден был предохранять руки от обжога[4]. Холод и вьюги, случающиеся по Гордону особенно часто в феврале и марте, не составляют исключительного препятствия для путешественника; разница в температуре, зависящая от прозрачности воздуха, есть одна из опасностей, с которыми приходится бороться путешественнику. Часто также путники страдают от «горной болезни», и Гордон говорит об одном из своих сотоварищей, который мог служить «горным барометром» по жестоким головным болям, появлявшимся у него каждый раз, как поднимались на высоту свыше 11.800[5].

Тем не менее Памир бывает временно обитаем. Киргизы с севера из Кокана и Каратегина или с запада из Шигнана бродят по этим степям в летнее время, сопровождая свои стада; путешественники встречали там и сям груды камней, как остатки древних лагерей и гробницы киргизских святых, украшенные бараньими рогами и кусками развевающейся материи. Повыше границы деревьев, между которыми видны низкорослая береза, можжевельник с толстым и стелющимся стволом[6] и колючий кустарник, нет иного материала для топки, кроме деревянистых корней одного вида лаванды[7]; а еще выше не попадаются уже и эти корни, и пастухам приходится носить с собою топливо. Но во многих областях Памира трава на паст-

1 Mouchketov, „Expedition de l'Alai en 1877“.
2 Костенко, „Алайская экспедиция”, 1876;—Коростовцев, „Известия Русск. Геогр. Общества“, 1877, п. 4.
3 Костенко, Michell.
4 Северцов, Венюков.
5 „The Roof of the World“.
6 Костенко.
7 Гордон.

бищах, несмотря на высоту 13.200 ф., так же густа, как на лугах западной Европы, а может быть и более сочна: «это лучшие пастбища в свете, так как тощие лошаденки жиреют на них в десять дней», говорит Марко Поло, и это подтверждают новейшие исследователи и проводники из Ухана. В горной долине Сариколь, на склоне Кашгара, некоторые растения, как напр., рожь и бобы, созревают на высоте 10.150 фут. Но тем не менее параллельные склоны, разделенные между собою низменностями, особенно в северном Памире, по большей части почти всюду совершенно лишены зелени, и трава ростет только во влажных впадинах, на берегу ручейков и озер[1].

Но фауна гораздо богаче, нежели еще недавно предполагали. Экспедиция Северцева в 1878 г. нашла в Памире 112 видов разных птиц, тогда как в европейских Альпах, на той же высоте, насчитывают их не более дюжины. На болотах, окаймляющих озера, видели следы, оставленные сернами, зайцами, оленями, лисицами, медведями, волками, рысями и леопардами. В Большом Памире встречали каменных баранов, подобных тем, которые водятся в Гималаях. Наиболее характерное животное плоскогория—это овца, называемая качкар или архар, ovis Poli или Pallii натуралистов, и достигает $1^1/_2$, аршина вышины и весу 10-11 пудов[2]; качкар отличается своими громадными опущенными рогами, свернутыми в спираль. Прежде это животное было очень обыкновенно на плоскогорьях, так как всюду во множестве находят его рога вместе с черепом, но в настоящее время можно иногда в продолжение нескольких дней не встретить ни одного качкара. Кажется, этот вид овцы вымирает; эпизотия 1869 года почти совершенно истребила расу ovis Poli во всем северном Памире; но Северцов находил их еще там в 1877 году[3]. Медведя также не встречают в этой части плоскогория. Греческий путешественник Патагос видел обезьян мелкой породы в южных горных долинах[4]. Вероятно, тигр не попадается более в Памире, и путешественники смешивали его с леопардом.

На плоскогории, не менее чем на Арало-Каспийском склоне, следы высыхания почвы очевидны, хотя впадины плоскогория Памир вообще не особенно глубоки и сравнительно небольшого дождя достаточно, чтобы вода стала выливаться из них через край, и тем не менее множество озер уже не могут питать свои реки и, оставаясь отныне изолированными в своих узких бассейнах, мало-по-малу, обращаются в резервуары солоноватой или даже соленой воды, как тому может служить примером Сусык-Куль, в полосе южного Памира. Масса соли залегает в центральном Памире, в долине, соседней с Ранг-Кулем или «Козьим озером»,—резервуаром, вода которого еще пресна, благодаря реке, протекающей здесь и вливающейся в один из притоков Оксуса. Во многих местах слои выпарившейся соли, или магнезии, покрывают, точно снег, пространства, когда-то покрытые водою.

Самое большое озеро Памира Кара-Куль или «Черное озеро», названное так по цвету темно-синей воды, в настоящее время, кажется, находится в периоде высыхания. Расположенный немного южнее За-Алая и «Краснаго» перевала или Кизыл-Арта, в Памир-Каргоши или в «Заячьем Памире», Кара-Куль окружен со всех сторон снежными горами, с которых спускаются несколько ледников; его громадная впадина не заполняется, как прежде, водою, и высоты уже не вдвигаются массами в западную часть озера. Глинистая равнина, окружающая его с рассеянными на ней кустарниками и лужами, тянется далеко на несколько верст шириною, до самых подножий гор. Очевидно, что Кара-Куль, занимающий в настоящее время поверхность не менее, чем на 220 кв. верст, был прежде гораздо обширнее и составлял с небольшими окрестными озерами один сплошной бассейн[5]. Повсюду вокруг него видны крутые или отлогие разрыхленные берега, покрытые выпарившейся магнезией, блистающей на солнце ослепительной белизной и конечно в местах, не покрытых завалами песку. Места,

1 Костенко, Коростовец.
2 Северцов, „Тянь-Шань“.
3 Северцов, Костенко.
4 „Bulletins de la Societe d'Anthropologie“, 1889.
5 Мушкетов, „Изв. Географ. Общ.“ 1878 г.

поросшие травою, в которых ютятся дикие гуси, утки и чайки, идут широкой полосой по берегу, а полуострова и многочисленные острова также служат местом их кратковременного пребывания. Главный холм, поднимающийся среди озера, делит его на две половины, северную и южную, примыкая к берегу песчаной косой. Воды, приносимой реками, недостаточно, чтобы заместить убыль от испарения в Черном озере. Дожди здесь очень редки, и почти всегда влага приносится сюда в летнее время тучами, в виде крупного града, а зимою в виде снега. По Костенко, на всех картах Кара-Куль представляется изливающимся то в Оксус, то в р. Кашгар, то наконец в оба эти бассейна разом: это обстоятельство дало повод китайцам сравнить его с двуглавым чудовищем, и назвать его озеро-Дракон. Если и существовал когда-либо сток, достаточно полноводный, чтобы нести воды Кара-Куля в р. Кашгар посредством р. Маркан-су, то его давно уже не стало; что касается до южного стока, соединявшего озеро с Оксусом, то он, вероятно, не вполне еще высох: во время проливных дождей он доставляет еще немного воды через ту брешь, по которой течет Чон-су (Большая река) или Ак-Байтал[1]. Кара-Куль, почти не имеющий стока, мало-по-малу сконцентрировал соли, содержащиеся в его водах: магнезия сообщила последним дотого горький вкус, что животные пьют их только при сильной жажде, но эти воды остаются всегда прозрачными, даже тогда, когда ветры волнуют их до самого дна, и в бассейне несомненно водится рыба, так как летающие над ним соколы и другия хищные птицы от времени до времени быстро спускаются к поверхности озера[2]. По рассказам пастухов, уровень Кара-Куль повышается регулярно каждую пятницу: это странное явление, которому г. Костенко склонен придавать некоторую веру, можно объяснить только действием какого-нибудь сильного перемежающагося источника[3]. Г. Коростовцев тоже говорит о периодичности прибыли воды в «Черном озере», но без указания продолжительности колебаний уровня.

Различные высоты Памира суть: Проход Кизыл-арт, по Коростовцеву—4.272 метр.; Кара-куль, по Костенко—4.020 м.; проход Уз-бель (к югу от Кара-Куля), по Коростовцеву—4.631 метр.; нижняя граница постоянных снегов, по Коростовцеву—4.650 метр.

На севере Памира два параллельные хребта, Алайский и За-Алайский, поднятые—первый диоритами, второй гранитами, ограничивают плоскогорье в виде двойного вала. Тот и другой принадлежат к системе Тянь-Шаня, и геологическое их строение, по словам г. Мушкетова, точно такое же; но будучи явственно отделены от восточного массива Небесных гор проходами Ког-арт и Терек-даван[4], из которых последний служит главным перевалом для караванов, ходящих между Ферганой и Кашгарией, они могут быть рассматриваемы как независимое целое. Западный отрывок Тянь-Шаня, который на западе врезывается своими отрогами в равнины Туркестана, между бассейнами Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, тянется на 700 слишком километр, в длину; так же, как Тянь-Шань в собственном смысле, этот отрывок состоит из различных хребтов, направляющихся—одни от востока-северо-востока к западу-юго-западу, другие от юго-востока к северо-западу, и пересекающихся между собою, на известных расстояниях; но главным направлением остается первое, то-есть направление Алайских и За-Алайских гор.

На северо-восточном углу плоскогорья Памира, два гребня представляют замечательную правильность. Алай или Кичи-Алай, составляющий в то же время водораздельный хребет между бассейном Сыра и бассейнами Аму и Тарима, явственно ограничивает Ферганскую долину своими горами, от 4.000 до 5.000 и даже до 5.500 метр. средней высоты, отделенными одна от другой проходами, неглубоко врезывающимися в массу плоскогорья; один из наименее высоких между проходами, открывающимися на западе от Терек-давана, есть перевал Исфайрам (3.600 метр.), находящийся на одном из «переломов» Алая, то-есть в том месте,

1 Северов, „Экспедиция 1878 года“.

2 Коростовцев, цитир. статья.

3 Костенко, „Экспедиция на Алайские горы, в 1875 г.“

4 Горные проходы Тянь-Шаня носят татарские названия *даван* (дабан), *арт* (ярт), *бель* или *кутал*. *Даваном* называется трудный и каменистый проход; *арт*—это опасный пролом в высокой горе; *бель*—низкий и удобный проход: *кутал* же означает широкое отверстие между невысокими холмами (Федченко).

где цепь круто переменяет направление, поворачивая почти без изгиба к западу. С этого широкого порога, покрытого пастбищами и легко доступного, видны на обширном пространстве только мурава, скалы да снега: ослепительный гребень За-Алайского хребта закрывает вид Памира[1]. С соседнего пригорка можно созерцать колосса За-Алайских гор, белоснежную пирамиду, которой покойный Федченко дал название «Пик Кауфман»; это, вероятно, самая высокая гора всей системы Тянь-Шаня. Другая группа, состоящая из трех равных вершин, почти такой же высоты, как и Гора Кауфман, поднимается над гребнем немного восточнее: это «Гурумди» киргизов[2]. Ни одного дерева не видно на склонах: только изредка, там и сям, встречаются кусты можжевельника; туземцы не знают другого топлива, кроме кизяка, то-есть коровьего кала.

Пространство, заключающееся между Алайским и За-Алайским хребтами, рассматривают как особенное плоскогорье, образующее как бы внешнюю террасу Памира, одну из ступеней, по которым нужно спускаться с этой «Кровли мира» в долину Ферганы. Это не что иное, как высохшее озеро[3], ширина которого, на самом возвышенном месте, не менее 40 километр., и которое тянется в форме широкой аллеи по направлению от северо-востока к юго-западу. Высшая часть этого промежуточного пространства, известная у киргизов под именем Баш-Алай или «Головы Алая», представляет настоящее плато, тип стольких других возвышенных равнин, заключенных между горными цепями центральной Азии: с западной стороны глинистое пространство, там и сям содержащее в почве примесь соли, но представляющее местами богатые пастбища, съуживается и в то же время углубляется, врезывается в толщу горной массы, изменяясь сначала в долину, затем в простое ущелье, где остается место лишь для прохода вод ручья. Эта нагорная степь—земной «рай» киргизов (таков буквальный смысл слова Алай), но рай, который они могут посещать только в продолжение трех или четырех месяцев в году.

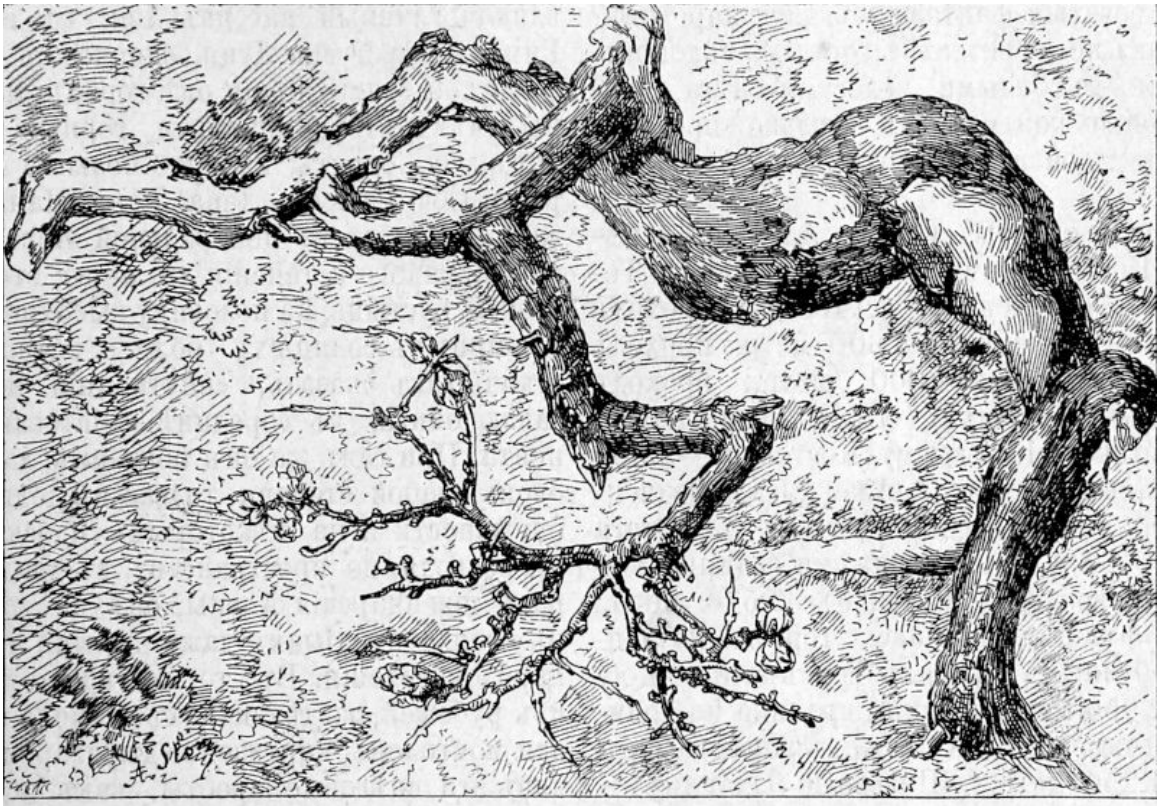
На этом-то едва приметном пороге плоскогорья Баш-Алай, в поперечном направлении к гребням двух горных цепей, и находится линия водораздела: с одной стороны тающие снега стекают к реке Кашгар, с другой—к одному притоку Оксуса. Два потока, берущие начало на Алайском плоскогорье, получили оба одно и то же имя, Кизыл-су (Красная вода), по причине красного цвета их высоких берегов и ложа; большая часть ручьев, спускающихся с гор к этим главным рекам, тоже имеют красноватый оттенок, зависящий, без сомнения, от глин, которые были отложены древними ледниками. Впрочем, ледяные реки и теперь еще висят над долиной «Красных Вод», спускаясь из снежных цирков За-Алайских гор. На северных склонах Алая горные потоки тоже катят во время разливов «кровавые воды», происходящие от глинистых слоев, образовавшихся вследствие размывания пластов триаса[4]. В ручьях, текущих к западной «Красной воде», то-есть к Сург-аб, как ее называют таджики, Федченко открыл один вид форели, рыбу, которая не водится ни в одной реке равнин Туркестана. Быть может, эта рыба сходна с той, которую Гриффит нашел у Бамиана, на другом притоке Оксуса. Перемены климата прогнали эту породу рыб из вод равнины и заставили ее подняться к горным потокам.

К западу от горного прохода Исфайрам и перевала Кара-казык, Алайский хребет, которому в этой области часто дают название Алайтага, поднимается постепенно, сопровождаемый на севере параллельными кряжами, через которые протекают горные ручьи Ферганы. Алай соединен посредством боковых отрогов с этими кряжами и составляет вместе с ними, к северу от истоков Зарявшана, массив высоких гор, превышающий на 2.000 метр. границу постоянных снегов и изливающий огромные ледники в окрестные нагорные долины. С высшего пика этого массива, самой высокой вершины Алая в собственном смысле, спускается на север глетчер, носящий имя «ледника Щуровскаго». С боков хребта Хотур-тау и с сосед-

1 Федченко, „Путешествие в Туркестан“.
2 „Proceedinge of Geoggaph. Society“, 1880.
3 Мушкетов, цитир. статья.
4 Федченко, цитирован. сочинение.

них гор льются многочисленные каскады, частию простые ручейки, рассыпающиеся в пыль на карнизах скал, частию прозрачные снопы воды, ниспадающие с сильным шумом на каменные утесы и образующие широкие потоки. Эти водопады составляют одно из наиболее поразительных зрелищ на Алае, ибо в горах центральной Азии каскады так же редки, как и на скатах Кавказа; вообще в отношении красоты вод алайские Альпы далеко уступают Альпам Европы. Леса, растущие на этих средне-азиатских горах, тоже далеко не имеют того величественного вида, каким отличаются леса европейские: они состоят преимущественно из арчи, особого вида можжевельника (juniperus pseudosabina), который издали похож на кипарис, но у которого ствол более кривой и ветви немного более раскинуты. Леса арчи начинаются на высоте около 1.500 метр., граница же последних деревъ находится выше 3.000 метр.[1]

Хребет Караче-тау, составляющий западное продолжение главной цепи Алая, сохраняет



Ледникъ Щуровскаго.

почти до самого Ташкента, к которому он подходит с южной стороны, высоту более 4.000 метр.; затем он довольно быстро понижается по направлению к Самарканду. Но от этого хребта отделяется под острым углом другой кряж, направляющийся на северо-запад. Эти горы, прерываемые широкими брешами, имеют особое название для каждого из своих отрывков, как-то: Ура-тепе, Джулан, или Саусар-тау, Кара-тау, Нура-тау; с южной стороны их сопровождают еще другие горы в виде стен.

Параллельные хребты, идущие между Алаем и западным Памиром, вообще говоря, выше внешней цепи, и при том они стоят на гораздо более высоком пьедестале. Но горные потоки делят их на многочисленные отрывки; они не только не сливаются с линией водораздела, но даже перерезаны через известные промежутки поперечными долинами, где проходят реки, спускающиеся с полуденной покатости Алая и с противолежащих гор. Так, За-Алайский хребет отделен, на западе, от гор Каратегин глубокой брешью, на пороге которой, в проходе Терс-агар, один и тот же источник с двумя водопадами течет на север к р. Туз-алтын-дара, притоку р. Сург-аб, и на юг к р. Мук-су. Далее на западе и сам Сург-аб отрезывает кусок от

1 Костенко, „Экспедиция на Алай“, в 1876 г.“.

гор Каратегин, чтобы соединиться с более многоводной рекой Мук-су[2], которая берет начало в одной из самых диких местностей Средней Азии. С перевала Терс-агар, откуда видишь у себя под ногами лежащую на тысячу метров ниже верхнюю долину р. Мук-су, взор обнимает обширный амфитеатр гор, которые на северо-востоке примыкают к За-Алайскому хребту. Горы Шельвели и Сандал господствуют своими гребнями над фирновыми полями цирков и над ледниками ущелий; со склонов их боковых отрогов отделяются снежные лавины, которые заваливают течение ручьев и превращают их во временные озера. Река Мук-су образуется из соединения трех маленьких речек: одна из этих речек, которая спускается по долине Балянд-киик, открывающейся на восток, по направлению к озеру Кара-Куль, прикрыта, при выходе, из своего ущелья, боковым ледником, около 2 километров шириною, оканчивающимся кристаллическими стенами, имеющими 60 метр. высоты. Другой глетчер, наполняющий долину Сель-су, еще гораздо значительнее: простираясь в длину по меньшей мере на 15 километров (киргизы же приписывают ему слишком в два раза большее протяжение), он составляет одну из главных ледяных рек центральной Азии; Оханин, первый русский, имевший счастие исследовать эту грандиозную область, дал этому леднику имя путешественника Федченко, который до него так много сделал, чтобы пролить свет на неведомый мир Алая и Памира[3]. От этого величественного массива, быть может равного массивам пика Кауфман и Тагармы, отделяются две цепи—одна, известная под названием гор Дарваз, направляется на юго-запад к большому изгибу Аму-Дарьи, другая, получившая наименование хребта Петра Великого, господствует на юге над долиной реки Сург-аб.

К западу от горного узла Алай-таг, где все параллельные цепи соединяются в одно снеговое плоскогорье, с которого спускаются ледники в окружающие цирки, два параллельные хребта Зарявшанских и Гиссарских гор тоже перерезаны брешами, через которые проходят реки; но уже цепи расходятся в форме опахала; они постепенно понижаются и наконец пропадают в равнине, снова появляясь то тут, то там в виде скал, выступающих на подобие островов среди низменности. Между Самаркандом и Гиссаром некоторые из горных вершин поднимаются еще за предел постоянных снегов, и хотя менее высокие, чем пик Кауфман в За-Алайских горах, они, быть может, кажутся более величественными, благодаря их большей относительной высоте над уровнем соседних равнин и низких боковых отрогов или предгорий. На юго-восток от Самарканда, пик Газрети-Султан, увенчанный блестящей диадемой из льдов, представляется обитателям равнины настоящим царем гор, на что указывает носимое им громкое прозвище. Не видим ли мы как-бы отблеск этих сверкающих снегов в описании алмазных и рубиновых гор, которое нам оставили богатые фантазией сказки народов? И что, как не амфитеатр горных склонов, испещренных белыми полосами снега, придает своим контрастом столько прелести зеленеющим оазисам верхнего Аму и Зарявшана?

Различные высоты системы Алая (по измерениям Костенко, Федченко, Оханина): Терекдаван (Костенко)—3.140 метр.; проход Исфайрам (Федченко)—3.600 метр.; проход Кавук (Федченко)—4.000 метр.; проход Кара-казык (Костенко)—4.389 метр.; Баш-Алай, у истоков Кизыл-су (Костенко)—3.500 метр.; главная вершина Алай-тага (Федченко)—5.800 метр.; средняя высота Алай-тага (Костенко)—4.800 метр.; нижняя граница ледника Щуровского (Федченко)—3.570 метр.; пик Кауфман (За-Алайск. горы) (Федченко)—7.500 метр.; перевал Терс-агар (Костенко)—2.956 метр.; нижняя граница постоянных снегов, на За-Алайских горах (Федченко)—4.250 метр.; Шельвели (Оханин)—7.500 метр.; Сандал (Оханин)—7.500 метр.; Чабдара (Гиссарские горы) (Федченко)—5.580 метр.; Газрети-Султан (Гиссарск. горы) (Федченко)—4.500 метр.

III. Тянь-Шань

Опираясь на большую центральную выпуклость континента, Тянь-Шань образует об-

2 Костенко, „Русское Обозрение“, 1876 г. № 12.

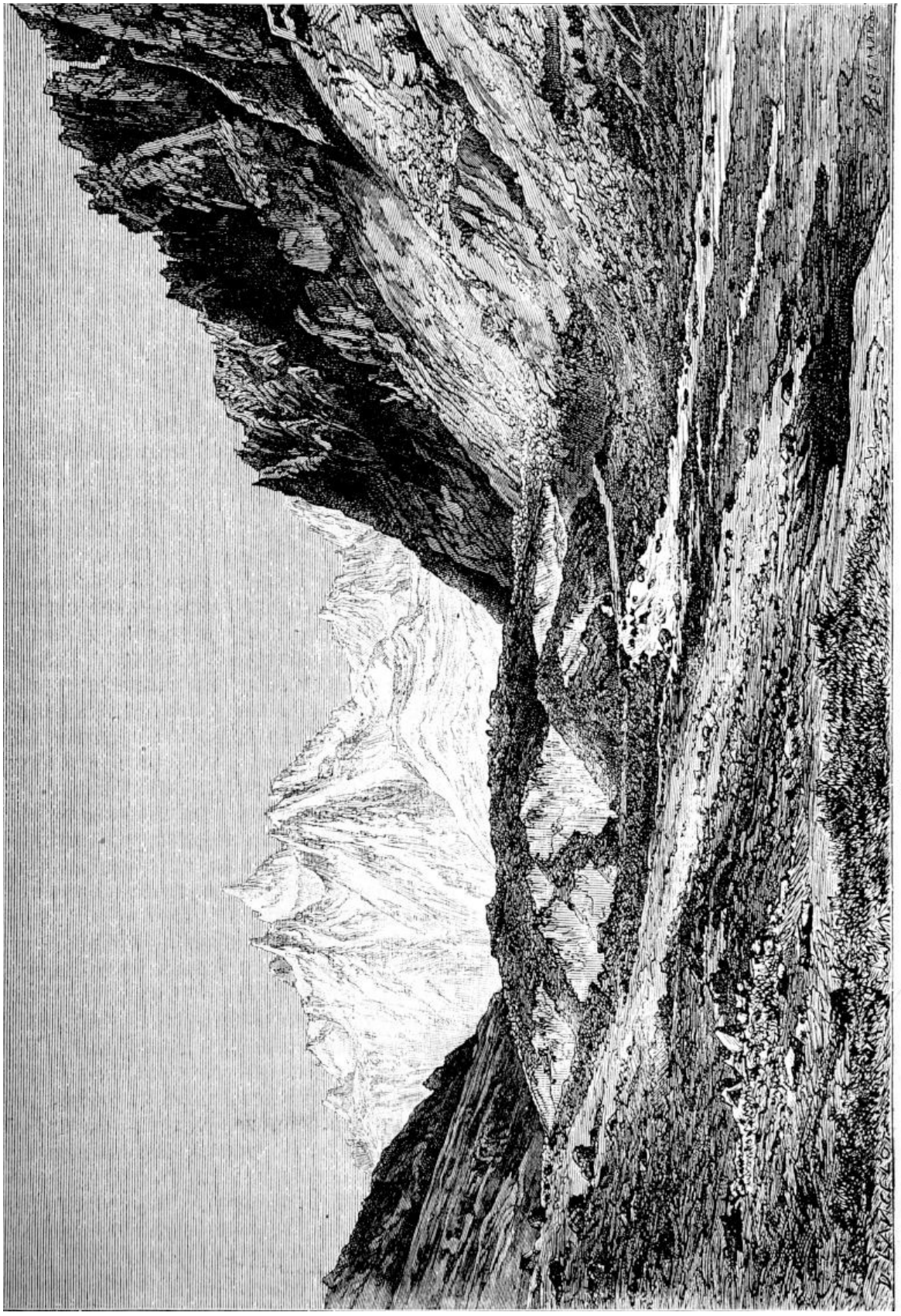
3 „Известия Русск. Географ. Общества”, XVI, 1880 г.

ширную горную систему, самую могучую на северной покатости Азии, как по своему протяжению, длине и высоте своих хребтов, так и по обилию своих снегов, по громадной массе своих ледников. Имя «Небесных гор», данное ему китайцами и удержанное за ним западными нациями, происходил, без сомнения, от высоты его вершин, белые снега которых сливаются с облаками неба. Его многочисленные хребты были одним из главных препятствий для переселений народов, походов завоевателей, торговых сношений, и во все времена исторические пути обходили эти горы на востоке, через проходы Джунгарии. До недавнего времени даже русские, несмотря на свои военные рессурсы и на сознание превосходства своей цивилизации, останавливалась у северного основания Тянь-Шаня, не отваживаясь перейти через эти громады гор: тут высился для них, как неприступная стена, рубеж известного мира. При том же обширные пустыни, «Голодная степь», большие болота, мелководные озера заграждают доступ к этим высоким горным массам. Никакая долина большой реки, за исключением Сыр-Дарьи, не ведет к их проходам, да и самая Сыр-Дарья теряется в замкнутом озере, как и все другие потоки, спускающиеся с Тянь-Шаня. Хотя Небесные горы составляют главный массив Азии к северу от Гималайя и Куэнь-Луня, однако с гидрографической точки зрения они гораздо менее важны, чем второстепенные горные цепи, в которых берут начало большие сибирские реки: Обь, Енисей, Лена. Тянь-Шань весь лежит в области центральной Азии, не имеющей никакого истечения к морю; это массив степей, пустынь, на половину высохших озер, обширных соляных болот, которые образуют, так сказать, «внутренний материк», заключенный в середине азиатского континента. При том же он обитаем, да и то в очень слабой степени, только в долинах его окружности и на некоторых плоскогорьях; превосходя, по пространству, в двадцать пять раз швейцарские Альпы, он не заключает в своих пределах даже десятой части их народонаселения. В то же время это один из рубежей, разделяющих племена и народы; для монголов, киргизов, джунгаров, таджиков эти снеговые хребты, как исполинские валы, служат пределами их отечества, и те же высокие гребни Небесных гор почти везде составляют политические границы между Российской империей и Китаем.

Система Тянь-Шаня, как она представляется нам со времени новейших исследований, составляет, вероятно, по совокупности своего рельефа, выпуклость земной поверхности более значительную, чем все горные цепи Европы, взятые вместе, от восточных Карпатов до Сиерры-Невады. Г. Семенов давал общее имя «Небесных гор» только хребтам, лежащим к северу от Иссык-куля, в области, над которой господствует, с восточной стороны, массив Хан-Тенгри; а Гумбольдт называл так только цепи, которые тянутся между Нарыном и Кашгар-Дарьей; напротив, для китайского писателя Гиуэн-Цанга Небесные горы начинались на восток от массива Хан-Тенгри. Г. Северцов первый призвал географическую связь громадного гористого пространства, продолжающагося от порога Джунгарии до цепей Туркестана. «В течение целых месяцев, говорит этот путешественник[1], я направлялся к юго-западу и постоянно видел возвышающиеся влево громады снежных гор. Пройдя Семиреченский Ала-тау, я созерцаю белый Тальгар и другие вершины Заилийского Ала-тау. Вот цепь Александра, за ней другая цепь, далее опять новые хребты. Небесные горы как-будто продолжаются без конца; всегда видишь зубцы пилы, вырезывающиеся на горизонте, и снега, блистающие на небе!» Тянь-Шань начинается в Монголии простым гребнем скал, поднимающимся над ложем «высохшего моря», по-китайски Хан-хай; но к этому гребню, направляющемуся к западу-юго-западу, примыкает второй, затем три, четыре и более, которые соединены промежуточными плоскогорьями: все эти хребты постепенно повышаются, расширяют свое основание и в конце концов занимают, по направлению с севера на юг, пространство около восьми градусов географической долготы. Около середины Небесных гор ширина плоскогорья, на котором стоят гряды гор, уменьшается постепенно, параллельные хребты убавляются в числе, и наконец, Тянь-Шань, который, впрочем, уже утратил это имя на своей западной оконечности, пропадает в равнинах Туркестана, где последние его следы

1 „Географическое распределение животных".

являются в виде незначительных отрогов, каменистых возвышенностей, окруженных песками и болотами. По направлению от востока к западу различные цепи Небесных гор протянулись вместе почти на 2.500 километров в длину: принимая среднюю ширину массива только



Ледникъ Чуровскаго.

в 400 километр., находим, что общая площадь этой орографической системы равняется приблизительно 1.000.000 квадр. километр., то-есть составляет почти столько же, сколько площадь Франции, соединенной с Пиренейским полуостровом.

Не все хребты Тянь-Шаня имеют нормальное направление от востока-северо-востока к западу-юго-западу, или просто от востока к западу; между ними есть много таких, которые тянутся, параллельно одни другим, от юго-востока к северо-западу или от востока-юго-востока к западу-северо-западу: горы последнего рода были подняты диабазами, тогда как правильные цепи образованы гранитами и сиенитами[1]. По расхождению своих хребтов, Тянь-Шань может быть рассматриваем как резюме общего рельефа Азии; разница только в том, что возвышенности, направляющиеся к северо-западу, имеют гораздо меньшую относительную важность в Тянь-Шане, нежели в совокупности континентального рельефа. Главные цепи системы Небесных гор, те, которые стоят на широком основании и возвышаются до пояса постоянных снегов, тянутся параллельно, от востока-северо-востока к западу-юго-западу, тогда как цепи, идущие наискось к этому направлению, как-то: Кара-тау и Нура-тау, примыкают к системе с внешней стороны, на северной покатости, обращенной к равнинам Туркестана и Сибири: только один из этих хребтов пересекает Тянь-Шань в собственном смысле, именно тот, который господствует на востоке над Ферганской равниной и образует краевую цепь всего центрального нагорья. Наружные цепи расположены в виде опахала, так сказать, вне массы Небесных гор, вследствие чего заключенные между ними равнины принимают треугольную форму. Сыр-Дарья и её притоки, также притоки других рек, теряющихся в степных озерах, сначала текут с востока на запад, в одной из промежуточных долин собственно так называемого Тянь-Шаня, затем, по выходе из главного массива, поворачивают на северо-запад, отклоняемые внешними цепями[2]. В самом сердце системы все долины Небесных гор так же, как долины Алая, Памира и восточной Сибири, принадлежат к весьма древним геологическим периодам, так как пласты триаса и юры отложились там правильно между кристаллическими, девонскими и каменноугольными вершинами главных цепей. Кроме того, там видны огромные слои лесса, имеющие в некоторых местах до 300 метров в толщину и придающие ландшафту своим однообразным серовато-желтым цветом утомительную монотонность[3].

До половины настоящего столетия Тянь-Шань принадлежал к числу наименее известных областей земного шара, и только с большим трудом, при помощи сравнительного изучения китайских документов, европейским географам и ученым: Риттеру, Гумбольдту, Ремюза, удалось различить некоторые черты этой таинственной страны. Но непрерывное поступательное движение русских на сибирской покатости Тянь-Шаня, сношения, которые они завязали с владетелем Кашгарии, когда она была еще независима от Китая, позволили многочисленным путешественникам, геологам или натуралистам обойти массив во всех направлениях, и отныне остается только обозначить точнее разные детали его архитектуры, изучить тщательнее его формации и горные породы, узнать ближе и классифицировать его естественные произведения. С 1856 года г. Семенов начал дело исследования неведомой страны, которое неутомимо продолжали гг. Валиханов, Голубев, Венюков, Северцов, Рейнталь, Проценко, Остен-Сакен, Каульбарс, Мушкетов, Пржевальский, Полторацкий, Регель и другие. В особенности исследования г. Северцова пролили много света на общее геологическое строение, на флору и фауну «Небесных гор». Но многие любопытные путевые записки еще не изданы в свет, многие важные труды по этому предмету спокойно почиют в архивах, хотя остается еще много сомнительных, требующих разъяснений, пунктов, хотя многие горы, выставленные как колоссы того или другого массива, должны будут преклониться перед другими, более могучими, исполинами. С другой стороны, современем должна выработаться и установиться окончательная номенклатура взамен существующего ныне обилия имен татарских, джунгарских, русских, китайских, что ведет только к путанице, так что иногда смешивают совершенно различные и очень удаленные одна от другой горы, или принимают один пик за целую группу вершин. Наконец, предстоит еще произвести точные измерения, кото-

1 Мушкетов, „Известия Русск. Геогр. Общ.", 1878 г.
2 F. won Richtofen, „China".
3 Мушкетов, „ Известия Русск. Геогр. Общества", XIV, 1877 г.

рые должны заменить имеющиеся ныне определения высот, сделанные на основании малонадежных барометрических наблюдений, исходящих из фиктивной средней высоты и простых вычислений, извлеченных из вида растительности и высоты снегов. В некоторых местах, приводимые разными путешественниками высоты гор разнятся между собой на несколько сот и даже на тысячу метров.

Тянь-Шань в собственном смысле,—не принимая в рассчет кряжей и островков скал, находящихся в пустыне Гоби,—начинается на расстоянии около 200 километров к востоку от города Хами (Хамиль) и, постепенно поднимаясь в виде ряда хребтов и вершин, вскоре достигает высоты от 2 до 3 километров. Перевал Кошети (Кошети-даван или Кошети-даба), через который проходит дорога, соединяющая Хами, у южного основания гор, с городом Баркул, на северном скате, лежит уже на высоте 2.734 метров[1]. Продолжаясь в западном направлении, эта горная цепь, вероятно, сохраняет свою высоту и даже, как кажется, образует массив в группе гор Богдо, судя, по крайней мере, по обильным ручьям, питаемым его снегами; но тотчас же за этой группой открывается глубокая брешь, через которую проходит дорога Умруци (Урумчи, Умрици) в Турфан и в Пишан (Пи-чан). Весь этот отрывок Тянь-Шаня окружен узким поясом зелени, питаемым параллельными ручьями, которые берут начало в оврагах и вскоре по выходе из них теряются в песках или разливаются болотами в глинистых местах равнины. Вокруг этой зеленеющей опушки возвышенностей продолжаются, по направлению к западу, два залива некогда существовавшего азиатского средиземного моря, превратившиеся постепенно в «гоби» или пустыни.

Горы Баркуля и Хами, поднимающиеся, как мы сейчас сказали, в виде мыса над окружающими пустынными пространствами, имели капитальную важность во всемирной истории. Подобно молу, разбивающему воду на два течения, этот массив во все времена разделял поток переселений: это межа, поставленная между двумя историческими путями. В то время, как некоторые народы, в своем движении на запад, следовали вдоль полуденного основания этой горной цепи и, вступив в бассейн Тарима, оседали в долинах обширного полукруга Кашгарии, другие народы, и притом гораздо более многочисленные, проходили через узкия ворота пустыни Номин-мингин-гоби (на карте Рафайлова, Найман-минген-гоби на других картах), оставленные природой между Баркульскими горами и передовыми ветвями Алтая, и продолжали свой путь на северо-запад через равнины Джунгарии, где рассеяны озера и болота Улясутая и обширные, наполовину затопленные водой, пространства области Тянь-Шань-пелу, остатки бывшего северо-западного залива «высохшего моря» или Ханхай. Кочуя по пастбищам, окаймляющим эти низменные земли, монголы могли легко обходить на севере всю систему Небесных гор через тот или другой из многочисленных горных проходов, которые открываются на запад к бассейну реки Или, на северо-запад к озеру Балхаш, на север к Черному Иртышу и озеру Зайсан. Среднее возвышение порогов, через которые проходят из Монголии в Сибирь, не превышает, вероятно, 1.000 метров. Высшая точка дороги, направляющейся на северо-запад от города Баркуля, к озеру Улюнгур и к Черному Иртышу, лежит всего только на высоте 765 метров. Что касается цепи, идущей наискось к главному направлению Тянь-Шаня, цепи, которая, по мнению Рихтгофена, направляется на северо-запад, от Баркульского мыса к горам Тарбагатай, то исследования г. Потанина не подтвердили её существования. Правда, что небольшой отрог, примыкающий к крайнему углу Баркульского Тянь-Шаня, тянется на северо-запад, но затем он опять соединяется с главной цепью, к западу от города (Баркуля): это внешняя закраина или стенка древнего озера, которое мало-по-малу испарилось, оставив после себя только маленький озерной бассейн Баркуль, которому соседний город, известный у китайцев под именем Шинси-фу, обязан своим татарским названием. За Баркульскими высотами, в северо-западном направлении, вплоть до долины Черного Иртыша, нет более никаких гор, кроме неправильных возвышений почвы, бывших островов и полуостровов древнего внутреннего моря, отделявшего

1 Карта северо-западной Монголии, составленная Гафайловым.

массивы Алтая от цепей Тянь Шаня[1].

К западу от пролома Урумци и от древнего Турфанского залива, в который вулканы, упоминаемые китайскими писателями, изливали некогда потоки расплавленной лавы, и где, говорят, горели когда-то подземные пласты каменного угля[2], главная цепь Тянь-Шаня, снова поднимаясь до пояса постоянных снегов, принимает имя гор Катун или Катын. Эта цепь, одна из наименее известных частей системы Небесных гор, принадлежит, вероятно, к числу самых высоких цепей и, без всякого сомнения, превышает 5.000 метров: ни один из китайских писателей не упоминает о существовании прохода, который бы перерезывал эту громаду; все караванные дороги обходят ее на востоке или на западе, и озера, простирающиеся по обе стороны этой области Тянь-Шаня, дают повод думать, что снега очень обильны на высотах[3]. При истоках реки Каш, которая берет начало в одном из массивов Катуна и течет на запад к Кунгесу и Или, из цирков гор спускаются обширные ледники, посещенные недавно Регелем[4]. Там система «Небесных гор» состоит уже из нескольких параллельных хребтов. На юг от Катуна тянется другая цепь, перерезанная поперечными долинами или ущельями, через которые проходят потоки, спускающиеся с главного хребта. К западу от одного из этих проломов, через который протекает один приток озера Богла-нор (Бостан-нор, Багараш-куль, Баграч-куль), называемого иначе Карашаром, Тянь-Шань образует четыре параллельных возвышенности, известные, как и соседнее озеро, под многими различными именами, которые еще не заменены правильной географической номенклатурой. Между этими различными цепями, покрытыми вечным снегом, расстилаются на высоте более 2.000 метров, два обширных бассейна, которые были когда-то озерами, а теперь представляют естественные луга: это две «Звезды», Малый Юлдуз и Большой Юлдуз, орошаемые, и тот и другой, реками, спускающимися к озеру Карашар. Здесь в одном из этих громадных луговых цирков, Тамерлан, выступивший в поход против кашгарского владетеля, соединил пять отрядов, которые подвигались разными дорогами через Небесные горы, с целью истребить всех жителей, которых они найдут между озером Зайсан на севере и озером Карашар на юге. Императорский шатер был поставлен в центре равнины, и «разрушитель мира» восседал на золотом троне, блиставшем драгоценными камнями. Вокруг пышного ханского павильона теснились менее высокие, но все роскошно убранные дорогими тканями и разными украшениями, палатки эмиров: почва исчезала под сплошным покровом из разноцветных ковров. По окончании приготовлений к пиршеству, эмиры и князья были допущены, в знак особой милости, к целованию следа шагов своего грозного повелителя; все получили подарки, и воины были «вне себя от восторга»[5].

Эти обширные луга, видевшие Тамерлана во всей его славе, составляют «обетованную землю» для пастухов-номадов; ни в одной долине кочевники не находят более сочной травы для своих стад, более здорового климата, и в летнее время скот их здесь не беспокоят ни оводы, ни комары. Однако, эти великолепные пастбища были совершенно заброшены в 1876 году, во время посещения этой местности г. Пржевальским. Ограбленные в 1876 г. джунгарскими магометанами, кочевники, обитатели обоих Юлдузов, в числе около пятидесяти тысяч человек, принуждены были покинуть край, и одни из них спустились на юго-восток к озеру Карашар, другие направились на северо-запад, чтобы пробраться на русскую территорию, в долину реки Или. Оставшись таким образом единственными хозяевами пустынных горных степей, дикия жвачные животные сделались очень многочисленны в лугах Большого и Малого Юлдуза, и потому здесь лучше, чем где-либо, можно изучить фауну Небесных гор. В этих местах часто встретишь качкара или архара (ovis Poli), стадами в 30 или 40 голов; горная коза, называемая натуралистами capra Skyn (capra Sibirica), тоже странствует по травя-

1 Путешествия Потанина, карта Рафайлова.
2 Регель, „Русское Обозрение“, 1880 г. № 3.
3 Костенко, „Туркестан“.
4 „Русское Обозрение“, 1880 г. № 3.
5 Карл Риттер, „Азия, восточный Туркестан”; Куропаткин, „Англо-русские границы в Средней Азии”.

нистым плато и прыгает по скалам значительными бандами; олень «марал», который в других гористых областях Азии обыкновенно не покидает покрова больших лесов, здесь бродит по горным скатам, поросшим ползучим кустарником, которые окружают оба Юлдуза, и забирается даже в область трав; но ovis Karelini, который, после качкара, может считаться великаном бараньей расы, и аргали, под именем которого часто смешивают разные породы, не встречаются в восточном Тянь-Шане. Хищные животные, в особенности волки и лисицы, очень многочисленны в этой части Тянь-Шаня; медведь «с белыми когтями», ursus leuconyx, обыкновенный в степях Юлдуз, не водится нигде, кроме Небесных гор[1]. Коршун-ягнятник этих гор, который имеет не менее 1 метра 20 сантим. в длину, и у которого расстояние между распущенными крыльями составляет около 3 метров,—страшная птица; он нападает иногда даже на человека, когда видит его на краю пропасти, и ударом крыла старается сбросить его в бездну[2].

Смотря по положению места, по среднему направлению ветров, по степени обилия дождей, склоны гор, в восточном Тянь-Шане представляют замечательные контрасты. Полуденные отлогоски, вообще более крутые и быстро теряющие, через испарение или истечение, небольшое количество дождевой воды, приносимое им облаками, почти все безлесны; напротив, скаты, обращенные на север, гораздо более тенисты; сосновые леса показываются там и сям на поросшей травой покатости, даже на высотах, превосходящих 2.450 метров, верхний предел древесной растительности. Высокая цепь Нарат, или Нара-тау, которая господствует на севере над Малым Юлдузом, и которую перерезывает горный проход на высоте 2.990 метров, представляет поразительным образом эту противоположность между двумя скатами. На северной стороне этих гор леса, ростущие по берегам реки Занмы, одного из подпритоков Или, состоят почти исключительно из «тянь-шанской сосны» и особой породы ясеня, тогда как в более важной долине Кунгеса, а также в большей части бассейнов северного склона гор, фруктовые деревья, в особенности дикая яблоня и абрикосовое дерево ростут огромными лесами и дают превосходные плоды, хотя немного кисловатые на вкус. Дикие кабаны, медведи, олени, косули спускаются массами в долину Кунгеса, чтобы полакомиться плодами, которые в иных местах покрывают почву толстыми слоями, на пространстве нескольких сот метров[3].

Северный хребет Тянь-Шаня под конец сам отделяется от массива Небесных гор, уклоняясь от него в направлении на запад-северо-запад и на северо-запад. Эта цепь принимает последовательно различные названия, как-то: Ирен-хабирган, Боро-хоро, Талки, данные кочевыми племенами, которые бродят со своими стадами по её пастбищам. На север от Кульджинской равнины, которая отделяет ее от Тянь-Шаня в собственном смысле, она соединяется с другими небольшими параллельными цепями в гористое плато, изрытое водами, которое образует род выступа или мыса над равнинами и степями Семиречья. На западе это плоскогорье разветвляется на отроги в форме полуостровов и продолжается отдельными массивами, между которыми текут горные ручьи, теряющиеся в озере Балхаш или в окружающих пустынях. Главный из этих массивов, вершины которого еще превышают 2.500 метров, возвышается на подобие стены между Семиречьем и долиной реки Или: оттого он перерезан многочисленными тропинками, проложенными через его проломы. Имена перевалов, из которых самые замечательные Аламан и Алтын-Имель или «Золотое Седло», употребляются обыкновенно для обозначения различных частей гребня, через который они проходят.

Направление этого отрога, выдвинутого, в виде железка копья, в западные равнины, совпадает с направлением главной оси Тянь-Шаня, то-есть он тянется от юго-запада к северо-востоку. Так же точно орьентирована цепь Джунгарского Ала-тау, которая отделяется от нагорья, образуя острый угол с цепью Ирен-хабирган. Джунгарский Ала-тау представляет с

1 Пржевальский, „Путешествие в Лоб-Нор".

2 Северцов, „Тянь-Шань"

3 Пржевальский, цитиров. сочинение.

северной стороны тип сиерры, по правильности его рельефа, относительной высоте его покрытых снегом остроконечных вершин и однообразным зазубринам его гребня; с юга, напротив, он просто имеет вид приподнятого края плоской возвышенности. Простираясь в длину слишком на 300 километров, эта горная цепь, очень удачно выбранная как политическая граница между Российской империей и Китаем[1], перерезана всего только двумя удобными для сообщения проходами, из которых один называется Тентекским, а другой Лепсинским; но в восточной своей части она заворачивает к югу боковым контрфорсом, через который ведет Каптагайский порог, прославившийся во своей области Небесных гор, благодаря сибирскому ветру, который с страшной силой низвергается в эту брешь, чтобы подняться затем на плоскогорье, вздымая вихри песку и даже гравия[2]. На восток от Джунгарского Ала-тау северная и южная равнины сообщаются посредством возвышенной степи с остатками древнего, некогда покрывавшего их моря. Далее, на китайской территории, горы Барлук, высота которых превышает 1.800 метров, продолжают ось цепи Ала-тау и соединяются с системой Тарбагатая.

Пространство, заключающееся между Джунгарским Ала-тау и «Небесными горами» в собственном смысле, представляет равнину, известную под именем Тянь-Шань-пелу; но эта равнина, некогда морская, постепенно поднимается к западу, чтобы образовать удлиненное плоскогорье, закраины которого составляют Ала-тау на севере, Боро-хоро и Талки на юге. Озеро Сайрам, занимающее один из водоемов этого плато, между лесистых высот, находится всего только на расстоянии 200 метров от горного прохода Талки, в цепи того же имени, у основания крутого склона, вдоль которого прежде следовала китайская так называемая «Императорская» дорога из Пекина в Кульджу, теперь испортившаяся. Площадь этого резервуара слегка солоноватой воды определяют приблизительно в 750 к. километр., а высота его местоположения, которая всего только на какую-нибудь сотню метров меньше высоты пролома Талки, составляет, по Матвееву, 1.800 метр.[3] Впрочем, другие исследователи давали ему более значительную высоту 1.920 и даже от 2.100 до 2.200 метров. Это озеро, как полагают, очень глубокое, получило от монголов название Сери-об-нор, что значит «Большая вода». Туземцы очень боятся его и говорят, что иногда оно яростно бушует в совершенно тихую погоду, когда в воздухе не шелохнет: это происходить, по объяснению их, оттого, что тогда просыпается чудовище, в пучинах вод[4].

В огромной совокупности морщин, параллельных или расходящихся, которые образуют систему Небесных гор, одна из самых величественных горных цепей есть, бесспорно, та, которая высится прямо над равнинами Кульджи, расположенная против крутых скатов Боро-хоро. Эта цепь, Тянь-Шань или Темурлык, явственно ограничена на востоке и западе двумя реками, Текес и Кеген, которые спускаются с гор, лежащих южнее, ибо линия возвышенностей, служащая для разделения вод, меняет место в разных частях Тянь-Шаня: в то время как в восточном Тянь-Шане эту линию образует северный хребет, между Кульджой и Карашаром водораздельной линией становится средняя цепь; затем на западе есть еще третья раздельная гряда, изливающая воды с одной стороны к Сибири и Туркестану, с другой к бассейну Тарима. Река Кеген, которая отделяет цепь Тянь-Шань от западных хребтов, получает свои первые воды с очень высоких массивов и протекает по днам древних, высохших озер, представляющих удобные пути с востока на запад Тянь-Шаня, пути, по которым часто проходили полчища завоевателей. Эти котловины, как и долина реки Текес, сообщаются с бассейном озера Иссык-Куль через горный проход Санташ, лежащий на небольшой высоте: громадный «сан-тас» или груда камней,—откуда и самое имя перевала,—возвышается подле тропинки, как наглядное свидетельство о числе путников, которые, проходя, бросили по камню на священное место, в честь горного духа. Существует легенда, будто Тамерлан, про-

1 Венюков, „Русско-азиатские границы".
2 Костенко, цитированное сочинение.
3 „Туркестанские Ведомости" 1879 г. Алфераки, „Русское Обозрение".
4 Костенко, цитированное сочинение.

ходя через Санташ, дал приказ своим воинам воздвигнуть эту горку, для чего каждый из них должен был принести свой камень и положить его в общую кучу; на обратном пути из похода, оставшиеся в живых люди взяли назад свои камешки и сложили из них вторую кучу, меньше первой: огромная груда камней, которая видна теперь на перевале, указывает, как велико было число погибших на войне[1].

К северу от прохода Санташ, река Кеген вырывается из своей нагорной долины через грозное ущелье, самое страшное, какое путешественники видели до сих пор в Небесных горах. Эта расселина в скалах, на дне которой ревет Кеген, известный здесь под именем Актогоя, а ниже под именем Чарына, имеет от 300 до 500 метров глубины, и стены её во многих местах перпендикулярны или даже переходят за линию отвеса. С главным потоком сливаются три другие меньшие, три ручья Мерке, которые перед тем тоже текут по дну теснин, прорытых через конгломераты кристаллических горных пород, гранита, сиенита, порфира. В наибольшей части ущелья Актогой бежит, ленясь, с камня на камень, и его воды кажутся совершенно белыми на дне ущелья, в других местах они представляются неподвижными и черными, как-будто запертыми в глубоких водоемах; сама скала всегда сырая, темная, как стены колодца. Когда стоишь на дне этой пропасти, то нависшие над головой выступы камня по бокам её совершенно скрывают небо, так что можно подумать, что находишься где-нибудь во внутренности земли. Впрочем, некоторые части ущелья имеют менее угрюмый вид; гранитные крутизны представляют там и сям террасы, откуда выглядывает группа деревьев, составляющая своею зеленью резкий контраст с голой скалой; на скатах, никогда не освещаемых непосредственно солнцем, эти деревья—сосны, тогда как на отлогостях, обращенных к свету, растут бузина и другие мелкие деревца[2].

Чарын, самый большой приток реки Или, сопровождается на западе другой рекой, называемой Чилик, которая тоже протекает через гористую область и разрезывает ее на отдельные массивы; но пространство, заключающееся между этими двумя реками, состоит большею частью не из групп горных вершин, а из возвышенной степи, известной под именем плоскогорья Джаланаш, предполагаемая высота которого всего только 1.200 метров, и которое составляет резкий контраст с окружающими горами совершенным отсутствием древесной растительности, бедностью своей фауны и флоры, похожих на фауну и флору низменных степей.

Две параллельные гряды гор, которые тянутся на севере от бассейна Иссык-Куль, носят обе столь обыкновенное в татарских землях название Ала-тау, или «Пестрых гор». Северная гряда называется Заилийским Ала-тау, а южная—Ала-тау Кунгей. В действительности обе они составляют одну и ту же цепь гранитных высот, перерезанную в продольном направлении долиной с двойным скатом, где отложились известковые пласты, и где текут с одной стороны воды Чилика, с другой—воды Большого Кебина, одного из главных истоков реки Чу. Благодаря соседству укрепления Верного, эти гористые области известны нам лучше, чем другие части Тянь-Шаня. Впереди Заилийского Ала-тау, состоящего главным образом из гранита, но частью также из метаморфических сланцев, известняков и песчаников, идут, со стороны степи, невысокие порфировые горы, усеянные эрратическими камнями, перенесенными туда с большой цепи; остатки морен видны в различных долинах, между прочим у выхода долины реки Тургень, к востоку от Верного: громадный ледник наполнял некогда все верхние цирки, откуда текут воды этого горного потока. Теперь не существует более ни одного ледника на обоих Ала-тау, соседних с Верным; но около центральной их части эти два гребня переходят за предел постоянных снегов, который лежит на высоте около 3.300 метров. Одна вершина Заилийского Ала-тау, триглавый Талгар, и один из его соседей, с западной стороны, пирамидальный пик Алматы, поднимаются на целый километр выше, достигая пояса вечных снегов.

---

1 Семенов, „Mittheilungen von Petermann", 1858 г.; Северцов, „Erganzungscheft zu den Mittheilungen von Petermann", 1870 г.; Костенко, цитированное сочинение.

2 Северцов, „Путешествие на Тянь-Шань".

Южная цепь Ала-тау не имеет вершин, превосходящих 3.600 метров. Как правильный каменный вал, слегка зазубренный понижениями гребня, она возвышается над берегами озера Иссык-Куль своими голыми скалами, ярко блестящими на солнце, тогда как на северном скате виднеются черноватые группы сосен. В этих горах хвойные леса уцелели еще, благодаря большому возвышению их пояса, заключенного между средними высотами 1.750 и 2.600 метров; но лиственные деревья, между которыми преобладала дикая яблоня, были большею частью истреблены непредусмотрительными казаками и другими русскими колонистами страны.

На востоке две параллельные цепи «Пестрых гор», общая длина которых около 250 километр., явственно ограничены горным проходом Санташ и ущельем Актогоя; на западе Буанское ущелье, по дну которого протекает река Чу, резко отделяет их от хребта Александровского. Эта брешь, дикая и мрачная, усеяна огромными каменными глыбами, среди которых высятся порфировые столбы причудливых форм; но она не имеет того дикого величия, каким отличается Актогойская теснина; в одном только месте, при впадении притока Большой Кебин, можно полюбоваться красивым зрелищем водопада, который образует эта река, низвергаясь из расселины горы, черной от растущих по бокам её сосен, в нижнюю равнину, лежащую на 100-120 метр. ниже. После слияния с Большим Кебином, р. Чу, вдоль которой идет бом, или опасная тропинка, иссеченная в виде карниза, на выступах скал пересекает западное продолжение Заилийского Алатау, который в этом месте является уже незначительной гранитной возвышенностью: затем она принимает в себя другой приток Малый Кебин. Там же начинается широкая равнина, разделяющая две отделившиеся от Тянь-Шаня ветви, которые продолжаются далеко и наконец пропадают в степи. Северная отрасль, называемая Кандыль-таш, которая отделяется от Заилийского Ала-тау, направляясь к северо-западу, не может быть названа грядой гор в собственном смысле; это скорее широкий цоколь из плоских возвышенностей, поддерживающий горы, из которых ни одна не достигает границы летних снегов; южная ветвь, другой Ала-тау, известный обыкновенно под именем хребта Александровского, есть настоящая цепь, с белыми, покрытыми снегом, вершинами, которая тянется с востока на запад, на пространстве более 300 километров. Высшая вершина этого хребта, Гамыш, названа русскими «горой Семенова» в честь одного из первых новейших исследователей Небесных гор.

Географический центр всей системы Тянь-Шаня составляет большое озеро, известное у туземцев под именем Иссык-куль или «Теплого озера». Оно со всех сторон окружено горами,—на севере цепью Ала-тау Кунгей, а на юг Ала-тау Терскей: зубчатые стены опоясывающего его громадного амфитеатра образуют овал, имеющий 650 километр. в окружности. Иссык-Куль—самый значительный бассейн в области Небесных гор, а внутри цепи он—единственное большое озеро, которое осталось из многочисленных резервуаров, наполнявших некогда борозды между параллельными хребтами Тянь-Шаня. Но прежде он был гораздо обширнее: старые берега, оставленные его водами на высоте 60 метров над нынешней его поверхностью, на склонах окружающих гор, и в Буамском ущельи, в 50 километр. к западу, показывают прежние уровни озера[1]. Даже в такой короткий промежуток времени, как десять лет, протекших от 1867 до 1877 года, констатировано правильное понижение уровня вод приблизительно на 2 метра[2], понижение, которое свидетельствует о временном или постоянном обсыхании страны. Окаймляющие это внутреннее море плоские берега, шириною от 100 до 400 метров, состоящие по большей части из красноватой глины и усеянные лужами соленой воды, служат другим признаком обеднения страны в отношении влажности. У западного угла озера река Чу изливалась некогда в Иссык-Куль, когда уровень этого бассейна был выше нынешнего, затем опять выходила из него очищенная от своих наносов[3]: подобное же явление мы видим в гидрографии Европы, где, например, р. Арва, в предше-

1 Романовский, „Путешествие 1878 г.", „Известия Русск. Геогр. Общества" XV, 1879 г.

2 Регель „Mittheilungen von Petermann", 1879 г. № 10;— Костенко, цитиров. сочин.

3 К. Риттер, „Азия"

ствующие времена геологической истории, впадала в Леман и вскоре снова выходила из него, но затем она мало-по-малу засорила приносимыми ею землистыми частицами свою собственную дельту, и таким образом русло её отделилось от ложа озерного бассейна. Теперь Арва смешивает свои воды с водами Лемана уже не прямо, а через течение Роны; что касается реки Чу, то она выпускает из себя один исток в Иссык-Куль, тихий ручей Кутемальды[1], но исток очень бедный водой, перемежающийся, текущий только после больших дождей и во время таяния снегов. У киргизов существует предание, что будто-бы обитатели края, желая избавиться от стеснительного для них соседства вод Иссык-Куля, прорыли ручей Кутемальды, чтобы опорожнить озеро, но что, неумело взявшись за дело, они только дали озеру новый приток, вместо желаемого истока. В настоящее время Теплое озеро не имеет истечения, так что воды его теряются только путем испарения. Тем не менее оно в десять раз превосходит Женевское озеро по протяжению: площадь его исчисляется в 5.780 километров.

Высота Иссык-Куля над уровнем моря должна быть около 1.500 метров (1.380 м., по Семенову, 1.615 м., по Голубеву); с конца сентября снега покрывают берега озера, и впадающие в него потоки остаются скованными льдом в продолжение трех месяцев; однако, сам Иссык-Куль никогда не замерзает,—отсюда и произошло данное ему имя Теплого озера»[2],—если только, как утверждает один английский путешественник[3], Иссык-Куль не обязан своим названием теплым ключам, бьющим со дна у берегов и которые делают купанье почти невозможным во многих местах: незамерзание этого бассейна объясняют большой глубиной занимаемой им впадины, где холодные поверхностные воды постоянно заменяются менее студеными жидкими слоями, поднимающимися из глубоких пропастей дна[4]. В монгольском языке «Теплое озеро» называется Темуртунор, по причине железных блесток, приносимых впадающими в него ручьями, и которые употребляются туземцами для выделки оружия. В некоторых местах берега имеют совершенно черный цвет от этих металлических наносов. Вода немного солоновата, что тоже служит признаком постепенного высыхания; но в степях Туркестана эта вода показалась бы пресной, в сравнении с тамошней водой. Рыба водится в этом озере во множестве, но если отдельные виды очень многочисленны, то число видов весьма не велико: до сих пор известны всего только четыре вида. Г. Семенову удалось поймать там только один вид карпа. Удивительно прозрачные,—светло-голубые, как бирюза, у берегов и более темного лазурного цвета по середине озера, над пучинами неизмеренной еще глубины,—воды Иссык-Куля расстилаются широкой скатертью на необозримое пространство, далее, чем круг небосклона; отдаленный берег скрыт кривизной обширной поверхности озерного бассейна, но громады гор высятся за этой выпуклостью, на-половину задернутые при основании легкой дымкой, окрашенной лучами солнца в красноватый цвет, и поднимающие свои остроконечные снеговые вершины к ясному, почти всегда безоблачному, небу. Черты представляющагося взорам ландшафта чрезвычайно просты и тем лучше запечатлеваются в памяти: плоский красный берег, зеленоватые воды, полоса фиолетовых паров на горизонте, лазурные горы, белый гребень, обрисовывающийся на голубом фоне неба, и, в обширном пространстве, вечное безмолвие, ничем не нарушаемая тишина, редко-редко случится увидеть какой-нибудь признак, напоминающий присутствие человека, какую-нибудь хижину, приютившуюся на берегу, какую-нибудь барку, движущуюся по волнам этого внутреннего моря[5]. Только в 1872 году первое судно, достойное этого имени, пустилось по водам озера, но кажется, что берега его прежде были населены многочисленными обитателями: волны иногда выбрасывают костяки, черепы и разные предметы человеческого искусства; г. Колпаковский нашел в воде, на глубине полутора аршин, черепки глиняной посуды и куски железа. По киргизской легенде целый город покоится вечным сном на дне озера, и из

1 Северцов, „Тянь-Шань“.
2 Северцов, цитирован. сочинение.
3 Astbon Dilke, „Valley of the Ili“; „Proceedings of the Geograph. Society“, 1844 г.
4 Семенов, „Записки Имп. Русского Географическаго Общества“, I, 1867 г. Костенко и др.
5 Северцов, цитирован. сочинение.

одного колодца этого города и вылились все воды, наполнившие громадный бассейн[1].

К востоку от Иссык-Куля, этой серединной впадины системы Небесных гор, группируются горы, известные под именем Хан-Тенгри, которые, в этом бесконечном мире Тянь-Шаня, могут быть рассматриваемы как господствующий массив; хотя высшая вершина этих гор, кажется, уступает по высоте главным вершинам За-Алайской цепи, но зато в группе Хан-Тенгри собрано наибольшее число снеговых гор, поднимающихся выше, чем Мон-Блан и Эльбрус; в этой группе тянь-шаньские ледники всего лучше напоминают древний вид страны, когда по ней двигались ледяные реки; здесь же берут начало самые значительные потоки, расходящиеся отсюда к четырем главным точкам горизонта, наконец, тут же открывается важнейший, наиболее посещаемый горный проход между двумя скатами, северным и южным, кульджинским и татарским.

Этот массив Тянь-Шаня составляет часть южной цепи, которая начинается на юге от бассейна Большего Юлдуза, и которая, под разными именами, тянется с востока на запад. За первым хребтом, Кок-тепе, следует другой, Гешик-хаши, далее идет хребет Шалик-тау, за которым высятся горы Музарт-тау, прорезанные широким пролетом, который тоже называется Музартом. Проход, которому предъидущие путешественники приписывали высоту в 4.500 метров, лежит, по Регелю, на целый километр ниже, но с окружающих гор спускаются в этот проход такия огромные ледяные реки, и ветры поднимают там такие страшные вихри и навевают такие сугробы снега, что легко можно было преувеличить высоту порога: скелеты животных, которые погибли, застигнутые снежным бураном, указывают направление, которого должны держаться путники, и свидетельствуют в то же время об опасностях дороги. Морены заграждают долину, и караваны принуждены делать большие обходы по склонам, чтобы обогнуть ледяные массы, толкающие эти каменные валы. Водопад, вырывающийся из-под свода одного ледника, низвергается с высоты крутой стены в долину Музарта, и его воды, сливаясь с текущим по дну ручьем, убегают вместе с ним между скалами. Но самые большие массы кристаллизованной воды, образующие главный ледник, «Mer de glace» Музарта, спускаются с южного склона гор. В трех километрах к югу от прохода, порог которого представляет очень удобную дорогу, вступаешь в цирк, около 6 километров длиною, покрытый сероватыми горками и грудами камней, смешанных с кусками льда. Десять больших глетчеров блестят в корридорах из скал, возвышающихся на 1.200—1.800 метров над амфитеатром морен; напротив перевала поднимается величественная пирамида из розового гранита, высота которой около 6.000 метров. Груды каменных обломков, по которым пробираются узкой тропинкой караваны, лежат на льду: трещины, образовавшиеся в кучах камней, обнаруживают там и сям стены расколовшагося льда[2]. На южной покатости часть тропы всегда загорожена глетчером в 15 метров высоты, где путники должны вырубать ступеньки во льду, и с которого лошадей спускают при помощи веревок; в соседстве, в Мазар-баше, китайским правительством учрежден военный пост из нескольких десятков солдат, для того, чтобы путешественники всегда могли найти проводников и помощь в этом трудном проходе, которым, впрочем, торговые караваны пользуются только при спуске; отправляясь из Аксу в Кульджу, они должны выбрать, на западе цепи, другие перевалы, где могли бы проходить лошади. Зимой переход через Музарт легче, чем летом, потому что трещины тогда прикрыты снегом. Новейшие исследователи гг. Каульбарс, Полторацкий, Шепелев, Костенко, Дильк, Регель переходили через этот хребет, но ни один европейский путешественник не следовал дорогой, идущей по ту сторону перевала, к равнинам Кашгарии.

На запад от Музарта простирается целый мир ледников и высоких горных вершин, которые, так сказать, составляют кортеж массивов Хан-Тенгри, «царя небес». Эта область, которая ожидает своего Вимпера, еще не была описана: ни один путешественник не пытался еще

1 Костенко, цитирован. сочинение; Голубев, „Путешествие 1859 г.“; „Известия Русск. Геогр. Общества", VI, 1870 г.

2 Шепелев, „Известия Русск. Географ Общества”, 1872 г., № 4; Регель, „Mittheilungen von Petermann”, 1879 г. № 10.

взобраться на этот колосс. Известно только, что многие из его ледников, между прочим, тот, из которого вытекает река Сары-Джассы, приток Тарима, не уступают по длине глетчеру Алеч, в Валлисских Альпах. От Музарт-тау до западной оконечности Сары-Джассин-тау, на протяжении слишком 100 километров, снеговой гребень держится на средней высоте более 5.000 метров: все его вершины превышают по меньшей мере на один километр возвышение европейского Мон-Блана, и к югу от этого гребня высится отдельно, изолированный в своем величии, исполин Хан-Тенгри, называемый также Карагель-бас.

Далее, за хаотической громадой высоких вершин за плоскогорьем, изрезанным во всех направлениях верхними притоками Тарима и Сыра, горы опять принимают свое нормальное направление и продолжаются прямолинейно в виде правильных хребтов от востока к западу. Разделенные на параллельные отроги, они образуют огромный массив, который имеет не менее 350 километр. в ширину на севере от Кашгара, и которого краевые цепи, на северной и на южной его стороне, поднимаются гораздо выше, чем средние; как раз по оси этой системы тянется борозда, в которой течет Нарын, главный приток Сыр-Дарьи. Южный хребет, Кок-шаль, удерживает за собой первенство, которое он приобрел вместе с Музарт-тау и Хан-Тенгри; хотя перерезанный по всей ширине, на некотором расстоянии одна от другой, долинами рек, спускающихся на юго-восток в Кашгарию, этот хребет везде сохраняет свою высоту, превышающую 1.500 метр., а многие из его вершин, в массиве Кок-кия поднимаются даже более, чем на 5.000 метр. Эти горы, крутые склоны которых спускаются к китайскому Туркестану, тоже принадлежат к числу наименее известных областей Азии. Однако, около западной их оконечности есть легко доступный и очень удобный для прохода перевал, Туруг-арт (или Тураг-арт), хорошо известный купеческим караванам. В этой области Небесных гор громадный пьедестал в 4.000 метр. высоты, образуемый плоской возвышенностью, поддерживает на себе только голые холмы да отрывочные звенья, между которыми проходят русла высохших рек. Путешественники рассказывают, что им приходилось идти в течение целых часов по грунту из красной глины, не встречая другой растительности, кроме одного вида rheum, растущего там и сям мириадами[1]. С той и другой стороны скат очень отлогий; даже на севере, по направлению к Аксайскому плоскогорью, покатость, по словам г. Остен-Сакена[2], не превышает 200 метр., между порогом и озером Чатыр-куль. Это озеро, где, по свидетельству киргизов, не водится никакой рыбы, есть остаток существовавшего некогда очень длинного внутреннего моря, заключенного между южной цепью и горами, которые образует на севере параллельная гряда Кубергенты, Ак-баша, Кара-койна. Вода не имеет истечения, по крайней мере поверхностного; несмотря на то, она не соленая, даже не солоноватая[3],—явление редкое в замкнутом бассейне, указывающее на то, что, вероятно, исток озера высох в недавнее время. К северу от Чатыр-куля эта цепь перерезана проходом Таш-робат или «Каменный караван-сарай», названным так потому, что прежде там в самом деле существовал каменный постоялый двор для проезжих купцов. Караваны, отправляющиеся из Верного в Кашгар, все проходят через Таш-робат или Туруг-арт, даже зимой, привозя прибрежным жителям Тарима котлы и другие железные изделия русской фабрикации, и приобретая в обмен грубые, но прочные бумажные материи, производимые кашгарцами. На юге от перевала Туруг-арт, в самой долине Тоюна или Тояна, по которой следуют караваны, путешественник Столичка нашел, как он полагает, признаки существования древних вулканов, подобных тем, которые горели некогда в окрестностях Турфана и Пичана, на берегах того же «Высохшаго моря»[4]. Напротив, г. Мушкетов, который недавно объехал эту страну и совершил восхождение на многие её крутизны, отрицает вулканическое происхождение этих гор; по его словам, каменные породы, из которых они состоят, представляют собою авгито-

1 Osten-Sacken, „Sertum tianschanicum".
2 „Voyage dans le Tian-chan. en 1867".
3 Остен-Сакен, цитирован. сочинение.
4 H. Rawlinson, „Meeting of the Geographical Society", 15 июня 1874 г.

вые порфиры и диабазы[1]. Широкие *сырты* или пустынные плоскогорья образуют на юге Тянь-Шаня выступающие террасы, как-бы наружные ступени, на которые опирается масса Небесных гор.

К западу от прохода Туруг-арт, южная цепь опять поднимается на большую высоту, и с одного перевала, находящагося на севере, в одной параллельной цепи, г. Остен-Сакен насчитал не менее 63 пиков, возвышающихся на гребне. Первоначальное направление хребта —с северо-востока на юго-запад, но потом он поворачивает к западу, затем к северо-западу, в том же направлении, как и крайния разветвления северных цепей. Изгибаясь таким образом и пересекая параллельные хребты центрального Тянь-Шаня, массивы поперечной цепи: Кара-теке, Суйок или Суок (то-есть «Холод»), Кара-коль, Яссы-тау, Когарт-тау, Урумбаш, Чичикли,—необходимо должны были задерживать воды в параллельных бороздах внутренних цепей, последствием чего было образование многочисленных озер, теперь уже по большей части вытекших в ущелье, через которое уходят воды Нарына. С этой стороны система Небесных гор совершенно ограничена, так как равнины Ферганы расстилаются у самого основания цепи; но у юго-западного угла Тянь-Шаня в собственном смысле различные массивы направляются к юго-западу, чтобы продолжить Небесные горы Алайским хребтом: здесь громадная сводообразная возвышенность Тянь-Шаня соприкасается с четыреугольной массой Памира, которая ограничивает на западе глубокую впадину или долину, где текут воды Тарима. Еще в начале третичного периода, широкий морской пролив, усеянный горами, выступавшими из воды в виде островов, соединял Фергану и Кашгарию посредством прохода Ког-арт и таким образом совершенно отделял плоскую возвышенность Памира от плоскогорья, несущего на себе горы Тянь-Шаня[2]. Через всю систему Небесных гор тянулась наискось, по направлению от северо-востока к юго-западу, цепь больших озер, обширных внутренних морей, от которых теперь осталось только одно, Иссык-Куль; другие озера, как Кульджинское, Ферганское, засорились в верхней своей части и вытекли в нижней.

На севере от нагорной долина Нарына, главная цепь, одна из самых высоких цепей в системе Небесных гор, есть та, которая получила имя Терской Ала-тау, или Ала-тау «в тени», в отличие от цепи Кунгей Ала-тау или Ала-тау «на солнце»[3], которая высится по другую сторону «Теплого озера», и которой голые, лишенные зелени, скалы ярко блестят, освещенные солнечными лучами: здесь мы видим тот же контраст, какой представляют, например, склоны Bach и Soulane во французских Пиренеях. Терксей Ала-тау, когда на него смотришь с берегов Иссык-куля, является более зеленеющим, чем Кунгей Ала-тау, благодаря влажности его скатов; через устья его долин виднеются вдали сосновые леса и пастбища, расстилающиеся у основания его фирновых полей. Поднимаясь на эти горы, приходится взбираться на древние морены, нагроможденные камни которых обросли мхом, опутаны и скреплены корнями сосен. Усуг-бас, главная вершина цепи, поднимает свою покрытую льдами главу слишком на 5.000 метров, и стены его, напоминающие крутые скаты Веттергорна[4], господствуют еще над большинством других вершин сиенитового гребня. Нарын, главный исток Сыр-Дарьи, берет начало на южном склоне цепи Терксей Ала-тау, посреди торфяных болот прохода Барскаун; другие же, более южные притоки этой реки, выходят из области ледников Ак-Ширяк, к югу от которых текут верхние реки кашгарскаго бассейна Ак-су. Значительная часть области, заключающейся между цепью Терской Ала-тау, на севере, и хребтом Кок-шаль, на юге, образует широкую равнину (или сырт), одетую песчаниками, пестрыми мергелями, гипсами и соляными слоями, усеянную лужами и покрытою травой, да и то редкой и тощей, только на перешейках, отделяющих впадины болот и озер: путешественники, проходящие через эту страшную страну, где нередко бушуют бури и снежные мятели, даже в

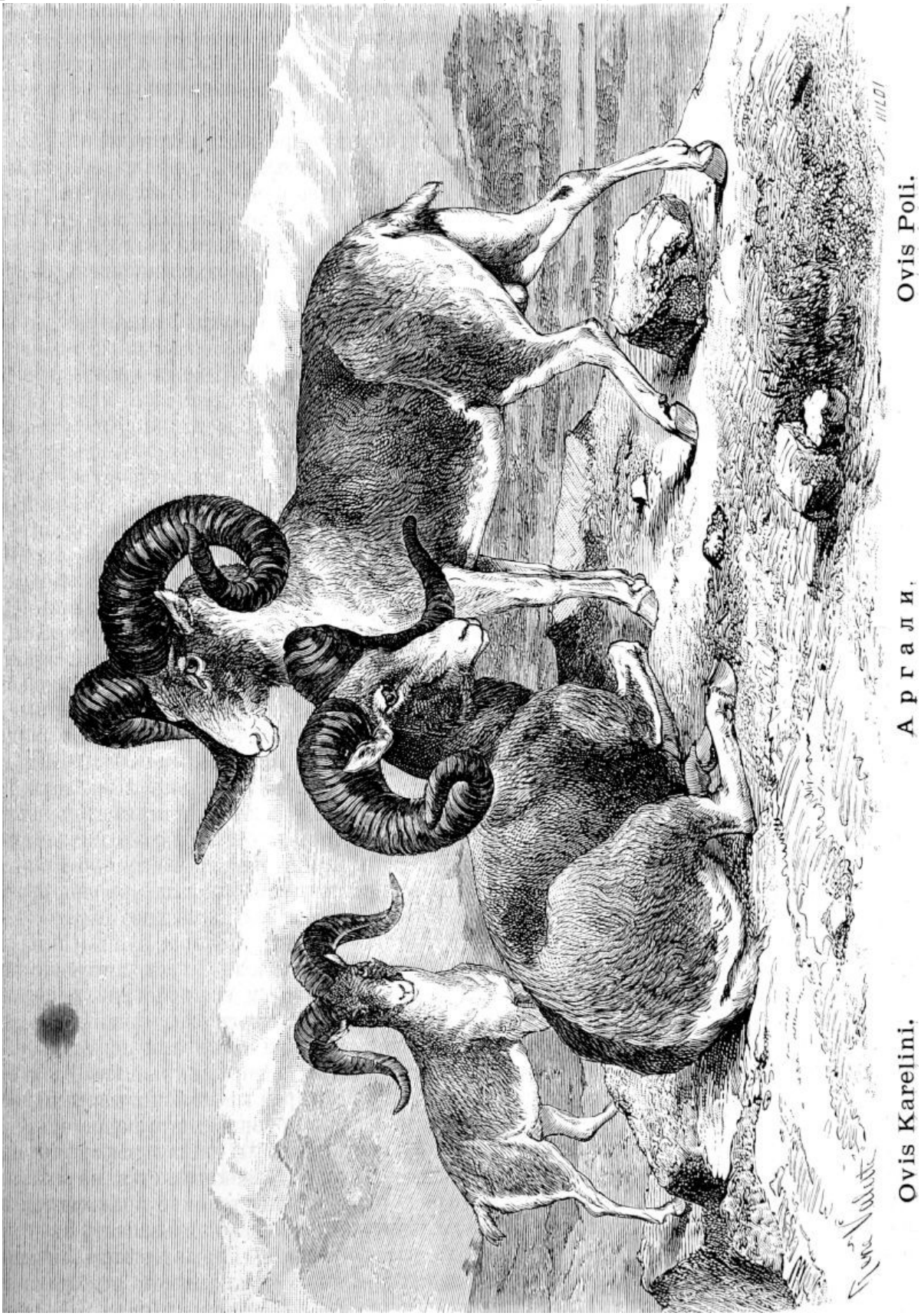
1 „Известия Русск. Географ. Общ.“, XIV, 1878 г.

2 Северцов, „Русск. Географ. Общество”, заседание 16 мая 1879 г.—„Russische revue”, 1879 г., № 9.

3 Северцов, „Путешествие на Тянь-Шань”.

4 Семенов, „Известия Русск. Географ. Общест.”, 1867 г.

июне и в июле, с трудом находят между болотами благоприятное для привала место, где можно разбить палатки. По рассказам киргизов, бывает, что в продолжение всего лета снег не растаивает в углублениях долины, куда со всех сторон спускаются льды[1].



Цепь Ала-тау-Терской продолжается на запад под разными именами, как все параллель-

1 Полковн. Каульбарс, „Записки Русскаго Геогр. Общества", V, 1875 г.

ные цепи, с которыми она соединяется боковыми отрогами. В этой части Тянь-Шаня озерные равнины, быть может, еще более многочисленны, чем в других местах; но самыя озера исчезли, и теперь существует только один бассейн, еще наполненный водой: это Сон-куль, пресноводный резервуар величиной с Женевское озеро, окруженный крутыми хребтами из зеленаго порфира и выпускающий из себя излишек воды через ручей, который течет в Нарын. Между высохшими озерами равнины одна из самых замечательных—долина Кашкар, откуда выходит речка того же имени, главный исток реки Чу. Бассейн Кашкара сообщается с северной равниной через горный проход Шамси, один из самых живописных проходов на тянь-шаньских Альпах, напоминающий, по словам г. Остен-Сакена, ущелье «Tete Noire» в Валлисе, и очень богатый альпийскими растениями. Флора Небесных гор заключает в себе пятую или шестую часть исключительно ей свойственных видов, которые не были известны в других местах, и, по тождеству различных форм, приближается к растительности Тибета и Гималайя[1]. Рододендрон (альпийская роза), это характеристическое растение Альп, не встречается нигде в Небесных горах, ни даже на их контрфорсах[2]. Во всех почти цепях западного Тянь-Шаня, как и в цепях восточного, северные склоны более пологи, чем южные; получая из атмосферы больше дождевой воды, приносимой влажными ветрами, первые, то-есть северные, лесистее противоположных скатов и, вообще говоря, покрыты прекрасными сосновыми лесами.[3] Но как на той, так и на другой стороне горы, водопадов почти совсем нет; г. Остен-Сакен видел только один водопад, хотя он во время своего путешествия, продолжавшагося семь недель, прошел через шесть из параллельных хребтов.

На севере от Кокана, Тянь-Шань, хотя все еще величественно господствующий над разстилающимися у его подножия, обширными равнинами, не может уже, однако, сравняться с колоссальными массивами центральной области Небесных гор. Здесь цепь Талас-тау, у подошвы которой г. Северцов видел остатки ледников морен, достигающие от 750 до 900 метр. высоты[4], отделяется от гор Александра, затем разветвляется на несколько гряд, которые постепенно понижаются и переходят в степи, на юго-западе, на западе, на северо-западе. Горы Чоткаль, которых последний выступ или мыс огибается течением Сыр-Дарьи, ниже Ходжента, по своей флоре и фауне принадлежат уже почти совершенно к области степей[5]. Цепь Талас-тау сохраняет еще довольно большую высоту, до местностей, лежащих на северо-восток от Ташкента, так что ей часто дают имя «Ала-тау» (Пестрые горы), как и другими цепями, которых скалы, раскрашенные в разнообразные оттенки цветов, испещрены чередующимися полосами или пятнами зелени и снега. Что же касается цепи Кара-тау или «Черной горы», последнего разветвления Небесных гор, которое теряется на северо-западе в степях, то она поднимается выше 2.000 метр. только некоторыми отдельными точками своих гребней; но тем не менее она имеет весьма важное значение в географии Туркестана, как водораздельный хребет между бассейнами рек Сыр-Дарьи и Чу[6]; кроме того, это самая важная из всех цепей системы по богатству заключающихся в ней месторождений каменного угля, железа, меди, свинцовой руды, содержащей серебро[7]. Одна из вершин цепей Кара-тау, носящая имя Казык-урт или Казбек, как и колосс Кавказских гор, почитается туземцами как священная гора: это один из тех пиков, о которых население, живущее у подножия высоко поднимающейся каменной громады, говорит как о месте, где остановился Ноев ковчег, когда он стал на твердую землю, по окончании всемирного потопа.

В целом есть очевидный контраст между Тянь-Шанем восточным и Тянь-Шанем западным. Первый гораздо массивнее, менее изрезан на отдельные горы и долины; он сохранил

1 Sertum tianschanicum,—Royle, „Illistration of Himalayan Plants".
2 Северцов, „Journal of the Georgaph. Society", XL, 1870.
3 Остен-Саксен, „Sertum tianschanicum".
4 „Известия Русск. Геогр. Общества", 1865 г., № 1.
5 Регель, „Mittheilungen von Petermann", 1879, № 10.
6 Хорошкин, „Туркестан".
7 Полторацкий, „Записки Русск. Географ. Общества", I, 1867 г.

характер плоскогорья, на котором поднимаются высокие параллельные хребты. Второй делится на горныя цепи, гораздо более обособленныя, разрезан на долины более глубокия: это альпийская область Небесных гор. Очевидно, Тянь-Шань, несмотря на очень древнее происхождение своих горных пород, лучше сохранил, чем Альпы, свой первоначальный вид: он был менее изрыт и источен дождями, снегами и ледниками. В то время, как фирновые поля и ледяные реки покрывали Альпы Европы и даже, до 200 метров высоты, все равнины, расстилающиеся у основания их боковых отрогов, ледники Небесных гор, как кажется, спускались не во все нижние долины, и благодаря этому обстоятельству пояс лесной растительности мог занимать скаты гор, по крайней мере до высоты 750 метров над уровнем морей, которые омывали их подошву. Следствием этого была значительная разница в способе распространения видов флоры и фауны. В то время, как область европейских Альп была колонизована видами, растительными и животными, свойственными лесам окружающей равнины, после отступления льдов, пояс нижнего Тянь-Шаня был родиной, откуда виды постепенно распространились, с одной стороны к верхним склонам, с другой—к обсохшим степям, окружающим возвышенности[1].

История населений Тянь-Шаня тоже объясняется рельефом и географическим положением этих горных цепей. Степи, бывшие озерные ложа, которые окружают Небесные горы, пригодны для земледелия только на незначительной части их протяжения. Пастухи-номады кочуют на большой части этих равнин и не позволяют земледельческим народам селиться в верхних долинах. Они отправляются туда сами летом, гоняя свои стада на горные пастбища. Почти вся страна естественно должна была принадлежать бродячим племенам, которые, следуя традиционному обычаю, перекочевывали от пастбища к пастбищу, от подошвы к вершине гор. Таким-то образом кочевники противоположных покатостей вступали между собою, род с родом, племя с племенем, в сношения соседские и торговые; будучи отделены друг от друга, в зимние месяцы, огромными пространствами в несколько сот верст, они снова сходились летом: мало-по-малу, от одного к другому распространились на всем громадной пространстве Небесных гор, от Кокана до Тянь-Шань-пелу, одни и те же нравы и обычаи, одни и те же понятия, одни и те же верования и религиозные обряды. Тогда как для земледельческих населений противоположных скатов Небесные горы были непроходимым препятствием, они, напротив, манили пастухов-номадов, приглашая их собираться на пастбищах высоких вершин. Но встречи кочевников не всегда бывали миролюбивы; часто они вступали на борьбу между собою из-за обладания травяными плоскогорьями. Не будучи солидарными в отношении своих интересов, они делились на враждебные одна другой группы, и когда какой-нибудь завоеватель являлся у ворот долин, они не устремлялись массами, чтобы отразить общими силами нападение чужеземцев. Вот почему китайцы, монголы, русские могли поочередно овладевать без труда Небесными горами. Привыкшие безпрестанно менять место стоянки, живущие разрозненно, без всякой связи между собою, без привязки к почве, без корней, так сказать, эти пастушеские народцы передвигались при малейшем внешнем давлении, быстро уходили на какое-нибудь другое пастбище; не имея определенного отечества, они не могли, понятно, бороться с той энергией отчаяния, какую выказывали многие оседлые горцы-земледельцы в своих битвах. Чтобы покорить кавказцев, потребовалось сто лет постоянных войн, и целые армии были истрачены в этой непрерывной борьбе, тогда как тут простые сотни казаков в триумфе проехали по долинам бесконечного Тянь-Шаня, не встретив почти никакого отпора со стороны его жителей и едва обменявшись с ними несколькими ружейными выстрелами. Какой исторический контраст между этими двумя системами гор—Кавказом, вокруг которого не переставали тесниться и сталкиваться различные народы, и Тянь-Шанем, которого все нации, за исключением кочевых пастушеских народцев, постоянно избегали, делая для этого длинные обходы! Можно сказать, что по истории своего населения, как и по своим текучим водам, Небесные горы принадлежат к замкнутому бассейну.

1 Северцов, „Распределение животных в Туркестане".

Различные высоты Тянь-Шаня, по определениям Потанина, Костенко, Северцова, Голубева, Регеля, Каульбарса, Остен-Сакена, Матвеева, Пржевальского, Буяновского, Скази:

Восточный Тянь-Шань: Перевал Кошети, по Потанину—2.734 метр.; Катунские горы, по Костенко—4.800 метр.; плато Малый Юлдуз—2.400 метр.; плато Большой Юлдуз—1.800 метр.; проход Нарат (Пржевальский)—2.987 метр.

Тянь-Шань, к северу от Кульджи: Горы Боро-хоро, средняя высота, по Матвееву—1.950 метр.; проход Ситирти, по Матвееву—1.759 метр.; проход Талки, по Матвееву—1.909 метр.; проход Алтын-Имель, по Скази—1.817 метр.; проход Каптагай, по Костенко—1.329 метр.; озеро Сайрам, по Матвееву—1.800 метр.; город Кульджа—630 метр.

Центральный Тянь-Шань: Проход Санташ, по Регелю—2.027 метр.; плоскогорье Джаланаш, по Северцову—1.200 метр.; Хан-Тенгри—7.200 метр.; порог Музарта, по Костенко—3.350 метр.; гора Николая—5.300 метр.; Угус-бас (Терскей-Ала-тау)—5.030 метр.; проход Барскаун—3.600 метр.; проход Заука—3.895 метр.; Сырт верхнего Нарына (Каульбарс)—3.500 до 3.600 метр.; Талгар (заилийский Ала-тау)—4.600 метр.; Алматы (заилийский Ала-тау)—4.200 метр.; о. Иссык-Куль (по Семенову)—1.380 метр.; о. Иссык-Куль (по Голубеву)—1.615 метр.; укр. Нарынское (Каульбарс)—2.063 метр.; Верный—930 метр.

Западный Тянь-Шань: Туруг-арт, проход—3.500 метр.; Кара-бель, проход—3.883 метр.; Суйок, проход—3.870 метр.; Ког-арт, по Буняковскому—3.206 метр.; Таш-робат, по Буняковскому—3.930 метр.; о. Чатырь-куль, по Буняковскому—3.370 метр.; о. Сон-куль, по Буняковскому—2.866 метр.; прох. Шамс (Буняковский)—3.608 метр.; Гамыш или гора Семенова (хр. Александровский)—4.683 метр: Кара-бура (Талас-тау)—3.300 метр.: Мин-Джильке (Кара-тау)—2.100 метр.; Кара-тау—1.650 метр.; город Кокан—393 метр.; город Ташкент—462 метр. Верхний предел деревьев (по Остен-Сакену и Каульбарсу—от 2.700 до 3.000 метр.

IV. Горы Тарбагатай и бассейн озера Балхаш

Пространство, шириною около 400 километ., отделяющее крайние массивы восточного Тянь-Шаня и Джунгарского Ала-тау от горных цепей Алтая, представляет, правда, широкия бреши между Монголией и русской Азией; но рядом с этими горными проходами, игравшими такую важную роль в истории переселения народов и завоеваний, занимающие это пространство плоскогорья и цепи гор образуют, своим общим направлением, род перешейка между двумя системами Тянь-Шаня и Алтая. Центральный массив этого перешейка, массив, который можно сравнить с уцелевшим быком обрушившагося моста, составляет хребет Тарбагатай, имя которого буквально значит «гора тарбаганов» или сурков-байбаков (Arctomys bobac). Имея весьма незначительные размеры в сравнении с двумя громадными выпуклостями земной поверхности, между которыми он возвышается, массив Тарбагатай есть совокупность гор, равняющаяся, по своему рельефу, цепи Пиренеев: длина его, от востока к западу, почти такая же, как длина этой цепи, а главные его вершины не превосходят, по возвышению, пик Нету или Мон-Пердю.

Так же, как Небесные горы, Тарбагатай представляет в расположении своих хребтов две различные оси, из которых одна направляется с северо-востока на юго-запад, а другая тянется к северо-западу. Первое направление, параллельное южному Тянь-Шаню, принадлежит горам Барлук (Барлык) и Ур-кошар (Уч-кошар), которые составляют также самую южную цепь Тарбагатая и которые поднимаются некоторыми из своих вершин в пояс постоянных снегов. Что касается главной цепи Сурковых гор, именно северной, то гребни и вершины её идут в том же направлении, как и северный Тянь-Шань. Два хребта пересекаются около восточной части системы, и там-то, недалеко от места их встречи, над равнинами Иртыша, находятся самые высокие вершины: Сауру (Саур) и Муз-тау или «Гора льдов». Когда созерцаешь эту группу высоких гор с берегов Черного Иртыша или озера Зайсан, пик Сауру, проглядывающий сквозь ветви тополей, сияет блеском белых снегов на голубом фоне

неба и на фиолетовой дымке, которою подернуты нижние скаты; некоторые ледники спускаются даже ниже пояса лесов в овраги гор Сауру и Муз-тау. Но этот центральный массив снеговых высот высится уединенно, и со всех сторон цепь быстро понижается, продолжаясь на запад отрогами хребта Манрак, а на восток отрогами хребта Кара-дыр; на севере легко доступный проход, поднимающийся только на половину высоты снеговых вершин, позволяет китайским мандаринам перебираться, даже в колесном экипаже, с покатости, обращенной к озеру Балхаш, на покатость, спускающуюся к озеру Орхунов, в Монголии[1]. Горные породы, из которых образован хребет Манрак, как кажется, вулканического происхождения[2].

Собственно так называемый Тарбагатай отделен от других цепей невысокими порогами, которые поднимаются не более как на 1.000 метр. над уровнем моря. Идя вверх по течению рек или ручьев, текущих с водораздельной возвышенности, почти не замечаешь, что дорога идет в гору: горы виднеются только вдали; но встречающиеся на пути груды камней, похожия по виду на морены, напоминают о действии, произведенном некогда движением ледников. На запад от этих понижений, Тарбагатай снова повышается мало-по-малу, не переходя, однако, большим числом вершин за границу вечных снегов; на южной покатости белое пятно видно круглый год только на одной горе, Тас-тау, главной вершине Сурковой цепи, окруженной степями и принимающей на свои голые скалы отблеск беловатых пространств, тоже лишенных зелени[3]. Только по берегам потоков почва осенена деревьями, но на северном скате, более возвышенном, очень мало видно древесной растительности. Богатые альпийские луга покрывают зеленым ковром верхние склоны гор и служат местом сходбища для пастухов обеих покатостей.

Хребет Тас-тау, на который совершено было несколько восхождений со времени путешествия Шренка в 1840 г., оканчивается двумя острыми вершинами, из которых одна известна была под именем «Горы знамен» у китайцев, имевших обыкновение каждый год водружать на ней новое знамя. Вершины Тас-тау состоят из глинистых сланцев и доломита. Граниты, сиениты, порфиры тоже составляют значительную часть горных пород Тарбагатая; но кажется, что самые распространенные формации, занимающие там наибольшее протяжение, это—песчаники, известняки и сланцы, принадлежащие к каменноугольному периоду. Залежи каменного угля были открыты на южном склоне горной цепи, близ китайского города Чугучака, и во время посещения края Татариновым, в 1864 году, копи разработывались руками преступников, осужденных на каторгу. Русские исследователи нашли также в оврагах большие куски самородной меди и месторождения железной руды. В северной долине Терс-Айрыка, спускающейся к озеру Зайсан, около сотни китайских искателей золота занимаются собиранием золотого песку, смешанного с древними речными наносами[4]. Некоторые из многочисленных могильных курганов, рассеянных на выступах гор, на перевалах, в равнинах, и туземное название которых, обо или оба (могила, груда камней)—встречается во множестве географических имен страны, заключали много золотых вещей, ради которых киргизы и делают раскопки в этих древних могилах.

Обыкновенно принимают, что хребет Тарбагатай оканчивается у горного прохода Караколь, или несколько западнее, у предгорий, которые господствуют над городом Сергиополем; однако, эта горная система продолжается еще на запад цепью Денгиз-тау или «Озерная гора», которая тянется на север от озера Балхаш и, под конец, сливается с водораздельной возвышенностью, между арало-каспийской покатостью и бассейном Оби. Живописные Аркатские скалы, которые, в виде ряда высот, идут в северном направлении к Семипалатинску, тоже принадлежат к системе Тарбагатая. Все эти горы перерезаны очень удобными для сообщения проходами, которые соединяют противуположные скаты и позволяют путешественникам обходить высокую часть цепи между равнинами двух больших озер: Ала-куль и Зай-

1 Полк. Сосновский, Струве, Потанин, Мирошниченко.
2 Финш, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876“.
3 Шренк; Гумбольдт, „Asie centrale“.
4 Струве и Потанин, „Записки Русск. Геогр. Общества“, т. I. 1867 г.

сан. Однако, всего чаще посещаемый проход,—тот который имел наиболее важное историческое значение, открывается именно в высокой части Тарбагатая, к востоку от хребта Тас-тау: это Хабар-ассу. В течение двух последних столетий кашгарские купцы, отправлявшиеся на ярмарки: Троицкую, Оренбургскую и Ирбитскую, не осмеливались ехать туда прямым путем по берегам Балхаша, из опасения быть ограбленными в дороге; перейдя различные цепи Тянь-Шаня и Джунгарского Ала-тау, они следовали почти по тому-же направлению, которое принимает теперь линия русско-китайской границы, и переваливали через Тарбагатай по проходу Чабар-ассу, чтобы затем спуститься по сибирской покатости[1]. С своей стороны, татары и русские торговые люди, ехавшие из равнин Сибири и восточной России, избрали тот же путь, только в обратном направлении. В некоторых сибирских городах: в Тюмени, в Тобольске, в Таре, в Томске, основались фактории или конторы бухарцев, и существующая в окрестностях Томска колония мусульман (около 300 душ) напоминает еще об этих торговых сношениях прежнего времени. Стеснительные меры русского правительства, в 1745 году, остановили преуспеяние этого края, учредив пограничные таможни, установив даже смертную казнь для тех, кто стал бы производить торговлю ревенем, затем воспретив безусловным образом проезд путешественников[2]. Однако, впоследствии торговые сношения возобновились понемногу. На пороге перевала один богатый киргиз выстроил каравансарай, где и останавливаются проезжающие, почти все сарты, которые служат посредниками торгового обмена между Россией и Китаем. С проходов Тарбагатая видны на северо-западе блестящие водные скатерти озер Сассык-куль и Ала-куль и смутно обрисовывающийся на небе неопределенный, подернутый фиолетовой дымкой, профиль гор Джунгарского Ала-тау.

Различные высоты Тарбагатая суть:

Средняя высота цепи Барлук, по Костенко—1.400 метров; проход Джаирский, по Костенко—1.812; вершина хребта Мус-тау (Сауру)—3.400; самые возвышенные пики хребта Манрак, по Финшу—1.500; проход Чаган-обо, к югу от Сауру—1.427; проход Бургасутай, на востоке Тарбагат.—1.090; проход Хабар-ассу (посредине Тарбагатая) (Мирошниченко)—2.874; Тас-тау, центральный пик Тарбагатая, по Федорову—2.958; Алетский проход, на западе Тарбагатая, по Семенову—1.800; порог Сергиопольской дороги, между Тарбагатаем и Денгиз-тау, по Вальдбург-Цейлю—650; средняя высота Тарбагатая, по Шренку и Семенову—1.800; средняя высота границы вечных снегов на Тарбагатае, по Шренку—2.760; высота границы снегов на Сауру (Сосновский)—3.287; средняя высота цепи Денгиз-тау, по Финшу—1.200; вершины Аркатского хребта, по Шренку—770 метров.

С обеих сторон своего хребта, Памир и Тянь-Шань изливают избыток своих дождевых вод и тающих снегов в замкнутые бассейны; на востоке в бассейн Тарима, на западе в аралокаспийскую котловину. Один только Тарбагатай посылает на восток несколько потоков в Иртыш и составляет, таким образом, по одному из своих склонов, часть океанской покатости; все другие горы Туркестана принадлежат к Средней Азии, по истечению своих вод к внутренним бассейнам. Наибольшая водная масса, естественно, должна вытекать из выпуклой части громадного полукруга плоских возвышенностей и горных цепей, обращенных в сторону дождливых западных ветров. И действительно, в равнинах Туркестана и Семиречья протекают самые многоводные реки, получающие начало в снежных массах водораздельного хребта; там же расстилаются широкой водной площадью самые большие озера, настолько обширные, что туземцы дают им название «морей». Однако, речная и озерная система Памира и Небесных гор далеко не имеет той важности, как подобная же система восточной части Европейской России, где невысокие холмы, болотные пороги, едва приметные волнистые повышения почвы образуют границы гидрографического бассейна. Эта покатость России, по протяжению, уступает равнинам Туркестана; но она имеет Волгу и изливает эту могучую реку в такое море, как Каспийское, тогда как Сыр-Дарья и Аму-Дарья так небогаты водой, что не могут перейти за Арал, куда они впадают, а третья большая река Или теряется в озере

1 Schrenk, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, von Beer and Helmersen, Bd. VII.

2 Потанин, „Записки Русск. Географ. Общества“, т. 1, 1867 г.

Балхаш.

Впрочем, геолическое исследование страны указывает с полной очевидностью на тот факт, что вытекающие с гор реки орошали ее некогда гораздо большим количеством воды. Так, не говоря уже о морях третичного периода, простиравшихся на севере Азии, достоверно известно, что, даже в относительно недавнюю эпоху, Балхаш, развертывающий ныне свой бассейн в виде обширной дуги, на север от центрального Тянь-Шаня, продолжался на 400 километров к востоку и к юго-востоку, вплоть до порога плоской возвышенности, одну впадину которой наполняет озеро Эби-нор, а к западу он простирался на четвертную ширину. Хребет Ала-тау Джунгарский выдвигался тогда, в виде мыса, среди сплошного внутреннего моря, теперь разделенного на особенные водные площади, озера и болота. В настоящее время глинистые низины, солончаковые пространства, сыпучие пески указывают местности, которые некогда были покрыты водами. Еще в исторические времена Балхаш был соединен в один бассейн с Сасык-кулем или «Вонючим озером», Ала-кулем «Пестрым озером» и с Джаланаш-кулем, составляющими его продолжение на востоке. Даже в семнадцатом столетии Балхаш, говорят, наполнял всю впадину, отделяющую его ныне от Аральского моря, если только автор описания Сибири («Чертеж всех сибирских градов и земель») не ошибся, говоря, что это озеро, притоки которого он подробно и точно перечисляет все до единого, выпускало из себя две реки в Арал: Сыр-Дарью и Аму-Дарью (Яман-Дарья, Сарыту)[1]; но этот факт в высшей степени невероятен, ибо некоторые виды балхашской фауны свидетельствуют об изолированности этого озерного бассейна, продолжающейся уже в течение длинного геологического периода[2]. На китайской карте, составленной в половине семнадцатого столетия, по повелению императора Киен-лонга, два юго-восточные бассейна составляли в то время один Пестрое озеро, отделенное теперь от Вонючего озера перешейком в 100 километр. ширины, который иногда затопляется после быстрого таяния зимних снегов[3]. Островной холм Арал-Тюбе, поднимающийся на 190 метров среди озера Ала-куль, не имеет ничего вулканического, хотя Гумбольдт говорит о нем, как об огнедышащей горе, разверзающей свой кратер над поверхностью вод[4]. Все предполагаемые вулканы Семиреченской и Кульджинской страны не что иное, как горящие залежи каменного угля[5].

Еще в наши дни Балхаш очень обширен. Китайцы знают его под именем Си-хай или «Западного моря»,—название, которое, впрочем, применяется у них также к Аралу и к Каспийскому морю. Киргизы окрестных местностей видят в нем Денгиз или просто «Море», как будто и не существует другого моря на свете; но они называют его также Ак-денгиз или Ала-денгиз, то-есть «Белое море» или «Пестрое море», может быть, по причине островов, которые пестрят и оживляют его поверхность[6]. Третий из замкнутых бассейнов Азии, по своим размерам, Балхаш протянулся на пространстве, средняя величина которого исчисляется в 21.800 квадр. километров; но эта цифра только приблизительная, ибо как измерить точным образом площадь озера без резко обозначенных очертаний, без твердых берегов, озера, которого вся южная часть окаймлена низменными берегами, выступающими из-под воды, когда ветер дует с юга, и снова погружающимися в воду, когда ветер повернет на север? Болота продолжают озеро, отмели образуют продолжение твердой земли; целые леса камышей, которые достигают 4 и 5 метров вышины, и в которых мириадами гнездятся птицы и укрываются дикие кабаны, скрывают промежуточный пояс между землей и водой. Зимой, когда киргизские пастухи спустятся с хребта Ала-тау и его предгорий, они в этих же камышах ищут со своими стадами убежища и защиты от страшного северного ветра[7]. Напротив, север-

1 Бабков, „Записки Русск. Географ. Общ.“, т. 1, 1867 г.
2 Проф. Кеслер, „Труды петербургского общества естествоиспытателей“.
3 Веников, Рукописные заметки.
4 „Annales des Voyages“, dec. 1830; К. Риттер, „Землеведение Азии“.
5 Мушкетов, „Записки минералогич. общ.“, II, 1877 г.
6 Голубев; Костенко, „Туркестанский край“.
7 Sporer, „Mittheilungen von Petermann”

ный берег, образуемый крутыми скалами плоскогорья, которое поднимается в виде двойной террасы над поверхностью водной площади, имеет совершенно определенное очертание; даже кое-где утесы его образуют выступы гор, которые подвинулись далеко в озеро в виде мысов. Вдоль этого возвышенного берега воды глубоки, и иссечения его могли бы служить гаванями, еслибы когда-нибудь установилось серьезное судоходство на Балхаше. Но этот бассейн по своему мелководью слишком походит на обширное болото, чтобы он мог когда-либо служить для целей большого торгового движения. Если даже берега его заселятся современем, Балхашу все-таки, кажется, не суждено носить на своих водах других судов, кроме рыболовных барок,—ибо озеро очень богато рыбой,—да перевозочных лодок между двумя противоположными берегами, отстоящими один от другого всего только на несколько километров, в самых узких частях бассейна. Глубина нигде, кажется, не превышает 21 метра, а средняя величина промеров ниже даже 10 метров[1]. Принимая как точную эту приблизительную среднюю глубину, находим, что вместимость Балхаша составляет около 218 миллиардов кубич. метров, то-есть в два с половиною раза превосходит объем Женевского озера, которое, однако, в 36 раз менее обширно по размерам поверхности. Незначительная толщина слоя воды в Балхаше не позволяет этому резервуару противостоять действию мороза: с конца ноября и до начала апреля озеро бывает покрыто ледяной плитой.

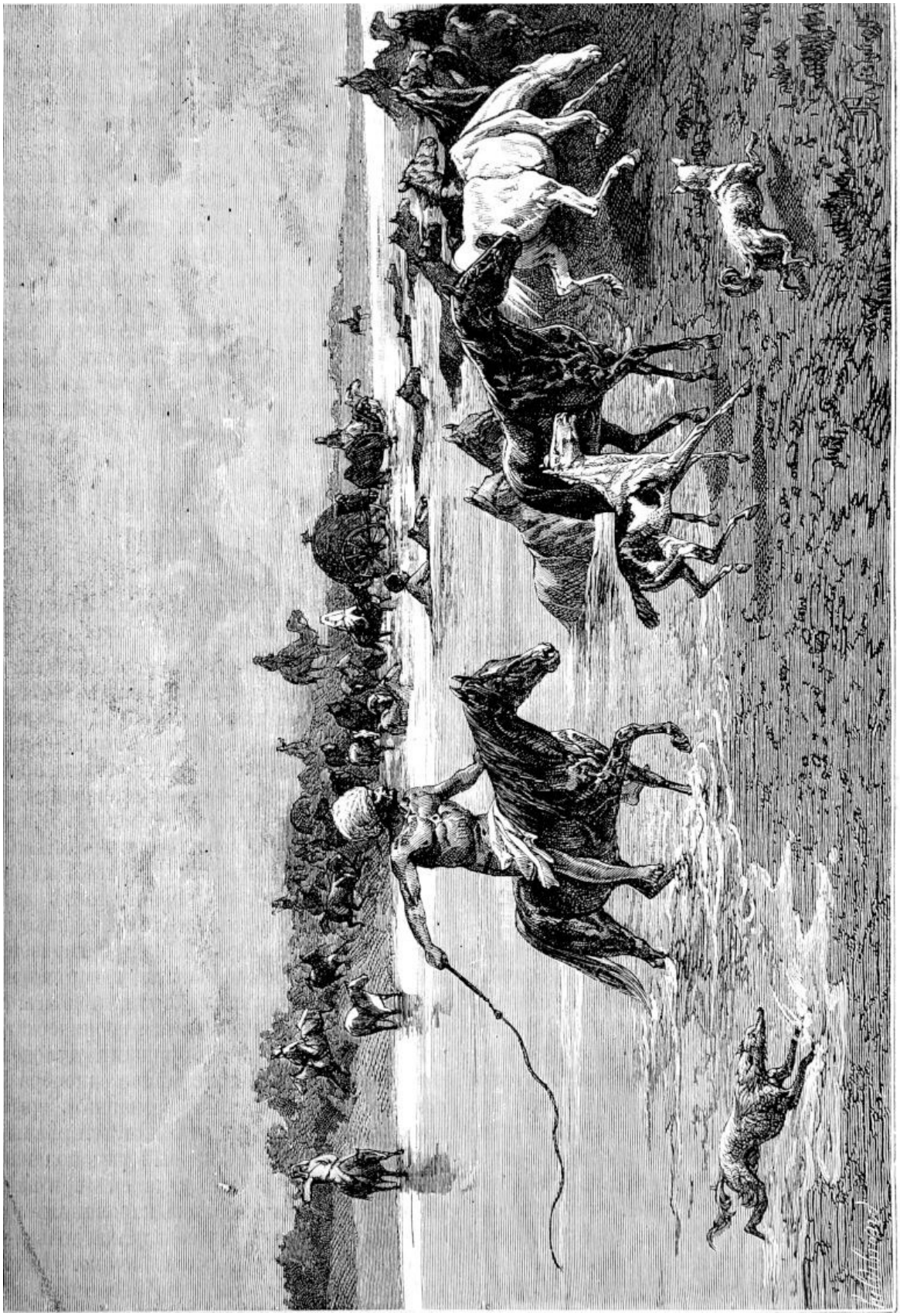
Вода в Балхаше прозрачная, но соленая в наибольшей части бассейна; при устьях реки Или она почти пресная, тогда как около южной оконечности она до такой степени насыщена солью, что животные, пьющие этот рассол, умирают,—откуда и произошло прозвище Ит-ичмез («собака не пьет ее»), данное киргизами этой части озера. Из этого видно, что явление обсыхания страны достигло уже более сильной степени в этом бассейне, чем в бассейне Арала. Интересно было бы сделать сравнительные анализы воды разъединенных ныне озер, которые составляли часть древнего внутреннего моря, для того, чтобы констатировать таким образом различные перемены, происшедшие в содержании жидкости со времени разделения этих бассейнов: вода с её осадками, приносимая реками, и количество дождей постоянно изменяют относительную пропорцию солей, изменяют тем скорее и сильнее, чем озерный резервуар менее значителен. В настоящее время, как видно из рассказов путешественников, Ала-куль—самое соленое из этой группы озер; Сассык-куль, с «вонючей водой», чуть солоновато. Изменяясь в степени солености, различные озера равнины должны были изменяться также в высоте положения, с тех пор, как они не соединены более в одну впадину. Перешейки, разделяющие ныне эти бассейны, могли появиться либо путем образования дюн, либо вследствие внутреннего давления земли, и в каждом озере уровень не перестает колебаться, смотря по обилию снегов, дождей и интенсивности испарения. Принимают, как вероятный факт, но не проверенный точными измерениями, что Балхаш лежит немного выше, чем другие озера; его высоту определяют в 238 метров, тогда как Сассык-куль лежит, будто бы, на 8 метров ниже. Озеру Ала-куль приписывают промежуточный уровень[2]. Находящееся в пределах Монголии озеро Эби-нор, отделенное от Ала-куль обсохшей Чулакской равниной, имеет, по одним, всего только 213 метров высоты (по Матвееву, 256 метр.); напротив, по другим географам, это самый высокий из всех озерных бассейнов севера.

Контраст двух берегов Балхаша происходит главным образом от различия, существующего между двумя покатостями в отношении обилия текучих вод. На всей огромной дуге северного берега, которая развертывается на протяжении около 700 километров, не считая тысячи небольших иссечений побережья, Балхаш не получает ни одного постоянного притока: Токран, который обыкновенно доходит до озера, совершенно иссякает после больших засух. То же самое нужно сказать о временных притоках южного берега, берущих начало в степи и пересыхающих летом, подобно африканским «уади»; но с этой стороны высокие снеговые горы, Ала-тау Джунгарский, центральные цепи Тянь-Шаня в собственном смысле, Ала-тау Заилийский, тоже изливают избыток своих вод в равнину, и этот избыток достаточен для

1 Нифантьев; Костенко, „Туркестанский край“.

2 Северцов, „Тянь-Шань”; Карта Регеля, „Mittheilungen von Petermann”, 1879

того, чтобы большинство местных рек могли достигать озера и приносить ему свои осадки: обширный полукруг низменных земель, который образовали речные наносы в древнем, наполовину засыпанном море, дает мерило могущественного действия этих вод Тянь-Шаня,



Переходъ киргизовъ черезъ рѣку.

проявляющагося в изменении геологического вида страны; можно с уверенностью предсказать, что в близком будущем приносимые реками ил и песок разобьют Балхаш на отдельные бассейны, подобные озерной группе Ала-куля.

Главный приток Балхаша, Или,—большая река, по крайней мере по длине его течения, так как имеет не менее 1.500 километров протяжения. Образуясь из соединения Текеса и Кунгеса, он получает через первую из этих рек ледниковые воды, текущие с горного прохода Мус-арт, тогда как вторая река, Кунгес, сливается с потоками, бегущими с хребта Нарать и с других цепей восточной части Небесных гор. В Кульджинской равнине Или, еще имеющий вид стремительного горного потока, катит быстрые воды в русле, шириною от 200 до 400 метров и глубиною от 1 до 6 метров, над которым постоянно господствует с северной стороны высокий берег, образуемый боковыми отрогами цепи Алтын-Имель. Река судоходна для небольших судов более, чем на половине своего течения; у Илийска, где она меняет направление, чтобы течь на северо-запад, параллельно внешним передовым цепям Тянь-Шаня, течение, более тихое, носит, в период разливов, барки, приходящие из озера, откуда они проникают в реку через порог бара. Ущелье, прорытое в массе порфира, образует границу между средним и нижним течением Или; фигуры Будды и тибетские надписи, иссеченные в скале, как-бы указывают, что здесь некогда процветало дунганское царство. Ниже этой теснины река, уже теряющая много воды испарением, вступает в область дельты, очень обширную в сезон разливов. В это время многочисленные разветвления Или обнимают треугольное пространство слишком в 13.000 квадр. километров; но обыкновенно южное ложе дельты есть единственный рукав, который наполнен водой, и которым река изливается в озеро, и только в соседстве устья Или выделяет из себя несколько боковых потоков из ложных рек, которые, не достигая Балхаша, теряются в болотах.

Из других притоков Балхаша ни один не катит достаточно большого количества воды, чтобы быть судоходным в течение значительной части года, а многие между ними даже бывают отделены от озера в продолжение целых месяцев песчаными стрелками. Каратал, питаемый снегами обоих скатов Джунгарского Ала-тау у западной его оконечности, есть одна из «семи рек», которые заставили дать области, заключенной между Джунгарским Алатау и Балхашем, имя Семиреченского края: но можно бы было с таким же правом дать стране наименование трехреченского, десятиреченского или двадцатиреченского края, смотря по тому, сколько будем насчитывать в ней значительных потоков. Эти семь рек по преимуществу, то-есть те, от которых область получила свое название, суть: Каратал и его приток Коксу, Бийен, Ак-су и Саркан, Баскан и Лепса[1]. Иногда, хотя совершенно ошибочно, к «семи рекам» причисляют Или, тогда как один из сейчас названных потоков хребта Ала-тау исключают из их числа; но эта разница номенклатуры происходит оттого, что административная провинция, Семиреченская область, гораздо более обширная, чем край того же имени, обнимает также течение Или. Каратал, самая длинная, но не самая обильная из семи рек, кажется, имел прежде весьма важное значение для канализации орошаемой им местности: ирригационные канавки виднеются повсюду в прибрежных равнинах, и остатки буддийских строений до сих пор встречаются там и сям на берегах реки. Лепса—самая многоводная из рек, вытекающих с хребта Ала-тау, и болота её устья сливаются с болотами другой реки, Ак-су, в одну обширную дельту с изменчивыми ложами. Эти лепсинские болота составляют последнее, наиболее удаленное на север, место убежища тигров; но эта кошачья порода, которых иногда встречают далее на севере, являются здесь случайно забредшими животными[2]. Река Аягуз, впадающая в Балхаш у западной оконечности озера, тоже иногда причисляется к «семи рекам»; она вытекает из передовых отрогов Тарбагатая, и пески её содержат, впрочем в очень незначительном количестве, блестки золота. На берегах этой реки, теперь почти пустынных, встречаются во многих местах развалины городов, принадлежащих к древней буддийской цивилизации.

Озера Сассык-куль и Ала-куль принимают в себя, как и Балхаш, горные потоки, спускающиеся с хребта Ала-тау; но самый большой приток этого двойного озерного бассейна,

1 Schrenk, „Reisebericht in Baer und Helmesen's Beitrage", Bd. VII;—Семенов, „Географ. Словарь Российской Империи";—Sporer, „Mittheilungen von Petermann", 1868 г.

2 Семенов, цитиров. сочинение.

Чурту, Эмиль или Имель, приходит с востока и собирает свои первые воды в оврагах Тарбагатая. Переменные объемы воды, приносимые этими потоками, оказывают непосредственное действие на очертания и уровень Ала-куля. Хотя эта область частию обсохла, как и все остальное пространство покатости замкнутых бассейнов Азии, однако по временам здесь замечаются обратные явления. Живущие на Ала-куле киргизы рассказывают, что уровень этого озера, после того как он постоянно понижался во времена их дедов и отцов, стал вдруг повышаться и не переставал подниматься с 1850 до 1862 года, затопляя острова и плоские берега. Прибыль вод прорвала, наконец, песчаные стрелки, которые тянулись поперег озера от одного берега до другого, и за которые монголы дали Ала-кулю прозвище Гурге-Нор или «озера с мостом». Быть может, новый период обсыхания снова выдвинул на поверхность эти песчаные косы, и киргизы могут опять начать переходить через озеро по его естественному мосту.

Местности, прежде затопленные, которые недавно покинуты отступившими водами, теперь считаются самыми бесплодными, по причине песков и твердых глин, составляющих наибольшую часть почвы, где, кроме того, находятся еще соляные частицы. Где прежде было озеро, там теперь безжизненная пустыня: никакой растительности не встретишь на берегах бывшего озерного бассейна. Так например, на южной стороне Балхаша легко узнать старые высокие берега, о которые некогда ударялись волны озера. Далее на запад можно проследить контуры высохшего внутреннего моря, которое протяжением было не меньше Балхаша, и от которого теперь остались только лужи, маленькие пруды, да болотистые и солончаковые пространства земли. Это древнее море простиралось на севере западного Тянь-Шаня, от цепи Александровской до внешних предгорий хребта Кара-тау; теперь его заменили пески и глины степи, называемой Муюн-кум или Ак-кум: на востоке и на севере прежний берег довольно ясно обозначен течением реки Карагаты, спускающейся с Александровских гор, и течением Чу, главной реки бассейна, питаемой тающими снегами хребта Терскей-Ала-тау.

V. Покатость Аральского и Каспийского морей

Сыр-Дарья и Амур-Дарья, Арал и Закаспийский отдел

Эти озера, эти болота, эти пересыхающие летом ручьи, эти частые пустыни, избегаемые кочевниками, начинают собою, у основания лесистых скатов Небесных гор, обширную область низменных степей, которая протянулась через весь Туркестан и, перейдя за реку Урал, продолжается во внутрь Европейской России. Почти везде степь представляется как открытое голое пространство, где взор свободно скользит по ровной почве до кривизны земли под горизонтом. Однако, большинство степей только кажутся горизонтальными, в действительности же поверхность их развертывается в виде длинных волн, столь же правильных, как волны тропического моря, вздымаемые равномерным дуновением пассатных ветров; но общее однообразие оттенков мешает глазу различать гребни и промежуточные борозды волнистой равнины, и путешественник, в первый раз попавший в степь, бывает немало удивлен при виде лошадей, всадников, целых караванов, вдруг исчезающих в этих складках почвы, словно они провалились сквозь землю. Отсутствие предметов сравнения, деревьев или зданий, не позволяет зрителю отдать себе отчет об истинном размере возвышений и углублений рельефа, а между тем какой-нибудь незначительный холмик в 20 или 30 сажен вышины, о который некогда ударялись волны моря, высится над равниной, как величественная гора; какой-нибудь обглоданный водами крутой, обрывистый берег, со стен которого осыпается песок в соседнюю лужу, принимает вид грандиозных береговых утесов океана. Утром рефракция световых лучей способствует увеличению размеров всех предметов: орел, стоящий на земле, кажется верблюдом; пучек травы принимает вид дерева. Когда солнце поднимается высоко, воздух, сильно нагреваемый лучами пылающего неба, почти всегда безоблачного, непрестанно дрожит и переливается, как пар раскаленной печи: все принима-

ет волнистую и изменчивую форму. Когда небо покроется облаками, поднимается ветер, приносящий целые тучи горячего песку, под которыми все сливается в красноватый туман[1].

Совершенно однообразную картину представляют эти равнины зимой, когда все пространство покрыто снегом, который по временам поднимают и кружат вихрем жестокие бураны, бушующие на широком просторе степи. Разнообразие различных степей начинает обнаруживаться в первые дни весны, тотчас после того, как выступившие из берегов реки и лужи опять вернутся в свое обычное ложе, и когда киргизы выжгут сухой хворост и старую траву на пастбищах. Молодые растения всходят и развиваются в несколько дней; угрюмая нагота равнин, словно по мановению волшебного жезла, сменяется зеленью и цветами. В эту пору года степь является в своих самых разнообразных видах, вследствие различия грунтов, песков, глин, камней, болот пресноводных или соляных: каждый род почвы обнаруживается своей собственной флорой и фауной; нигде растения и сопровождающие их животные не зависят более близким образом от физических условий обитаемой ими почвы и местности.

Но это богатство и блеск весеннего расцвета степной природы продолжаются недолго. Чрезвычайно неравномерный климат страны, знойный в сезон жаров, леденящий в период холодов, позволяет успешно прозябать лишь небольшому числу растений, выдерживающих крайности температуры. Летний зной сжигает молодые ростки, цветы гибнут под палящими лучами солнца; во многих местах степь, серая, пыльная, опять принимает тот же монотонный вид, какой она имела в продолжение зимы; только осенью, в течение нескольких дней, дожди немного оживляют растительность; кажется, что наступает вторая весна; но вскоре растения снова увядают, и печальный покров зимы расстилается над пустынями. Недостаток текучих вод на земле, редкость водяных паров в воздухе способствуют увеличению однообразия вида, придаваемого стране обширным протяжением её равнин, сравнительно с малым возвышением выпуклостей рельефа почвы. Даже в каких-нибудь двух или трех верстах от больших рек, там, где туземцы еще не выкопали ирригационных каналов, оплодотворяющих землю, находишься уже как-будто среди настоящей пустыни, и, в какую сторону ни посмотришь, везде увидишь продолжающиеся до самого горизонта либо сыпучие пески, либо целые леса тростника, либо соры, болота, наполненные соленой водой, или такиры, глинистые пространства, в которых верблюды вязнут зимой, и которые летом делаются твердыми как камень. Оттого киргизу, который выберет себе уголок земли в степи, нужно много трудов и забот, чтобы совершенно пропитать его водой. При помощи маленьких земляных насыпей он делит свое поле на небольшие квадратные площадки в роде перегородок, устраиваемых в салинах, и, черпая воду из бокового арыка, наполняет последовательно каждый из квадратов; когда почва достаточно напитана влагой, излишек воды выпускается, смотря по скату местности, через отверстия, сделанные в насыпях, разделяющих перегородки поля. По способам земледелия, Туркестан походит на Египет[2].

Пустыни в собственном смысле протянулись на пространстве, которое можно считать равным половине равнины Туркестана, заключенной между порогом Оби и Иранским плоскогорьем. В северной части этого пояса, область, ограниченная нижними течениями рек Чу и Сары-су, известна у туземцев под именем Бек-пак-дала или Бед-пак-дала, то-есть «Вшивой степи»[3], русские же обыкновенно называют ее «Голодной степью». На юг от реки Чу тянутся «Белые пески» (Ак-кум); «Красные пески» (Ки-зиль-кум) занимают большую часть страны, ограниченной с севера Сыр-Дарьей, с юга Аму-Дарьей. Между Сыром и Уралом путешественники должны проезжать через «Черные пески» (Кара-кум). Другая область «Черных песков», еще гораздо более обширная, обнимает почти все треугольное пространство, ограниченное на северо-западе долиной Узбоя, на северо-востоке течением Аму-Дарьи, на юге оазисами, простирающимися у основания Иранского плоскогорья. Многие другие песчаные пустыни, менее значительные, рассеяны в остальной части Туркестана.

1 Левшин, Нешель, Гельмерсен, Вамбери, Каразин и т.д.

2 Grisbach, „Vegetation du globe", trad. Tchihatchev.

3 Красовский, „Область Сибирских киргизов".

Между этими песчаными пространствами, которые, впрочем, все одинаково имеют сероватый цвет, даже те, которые носят название «Черных» или «Красных» песков, мало найдется таких, которые бы больше пугали киргизов, чем Голодная степь, где местами возвышаются *барханы* или песчаные бугры, на ложе из известковых пород или из мергельной глины; дорога из Ташкента в Акмолинск пересекает эту степь, по недостаток воды и пастбищ заставляет караваны делать длинные круги. Летом, в то время, когда в тени палатки термометр поднимается до 36 градусов, температура песку, накаляемого непосредственно солнечными лучами, достигает 47 и 48 градусов; путники, проходящие через Голодную степь, даже после того, как дневная жара спадет, испытывают на подошвах ощущение обжога, а сопровождающие их собаки не могут прилечь отдохнуть иначе, как выкапывая глубокия ямы в почве, чтобы найти там более прохладный слой. Некоторые из южных пустынь еще более страшны в жаркую летнюю пору: во время экспедиции против теккинских туркменов сотни людей погибли от нестерпимого зноя, усиливаемого отражением солнечных лучей от песчаной поверхности, а на верблюдах смертность была еще сильнее. «Черные пески» (Кара-кум) на севере от Аральского моря более доступны, благодаря прорезывающим их параллельным понижениям почвы или оврагам, направляющимся от северо-запада к юго-востоку, между грядами песчаных бугров, высотою от 8 до 10 метров, которые как бы составляют продолжение каменистого хребта Кара-тау. Эти углубления почвы или промежуточные борозды представляют длинные узкия долины, похожия на леды (ledes) французских дюн, и одетые, как и они, мягкой муравой, на которой пасутся стада, да кое-какими деревцами, каковы: ива песков и дикая маслина или джида: эти долины в прежния времена были возделаны, как о том свидетельствуют следы ирригационных каналов (арыков)[1]. Что касается самих барханов, которые почти все тверды, то флора их состоит из растений с очень глубокими корнями, которые ищут влажность, скрытую под сухими слоями верхнего песку. У основания этих горок там и сям бьют из земли ключи чистой воды, производимые просачиванием дождя и снега[2]; в некоторых местах встречаешь целые группы в двадцать или тридцать фонтанов, блистающих серебристой струей между песками. В разных частях степи открыли слои льда, прикрытые пылью, нанесенной ветром, и сохранявшиеся годами несмотря на летния жары[3].

Многие глинистые степи с почвой, пропитанной солью, выступающею в виде налета на поверхность, не менее пустынны, чем пески, и путешественники гораздо больше боятся переходов через эти солончаковые пространства, потому что тут находятся самые опасные топи, где, после малейшего дождя, верблюды вязнут в полужидком соленом иле, а также потому, что вода здесь—большая редкость, и караван всего чаще подвергается опасности страдать от жажды. Местами привала на дорогах обыкновенно служат колодцы; но сколько раз, добравшись до желанной воды, томимые жаждой путники узнают с отчаянием, что колодезь завален трупами животных, превратившими жизненную влагу в яд! Нужно очистить колодезь, вычерпать из него всю воду и ждать целые часы, пока ключ снова наполнит яму, или даже копать новые резервуары. Обыкновенно поиски води продолжают до 4 метров от поверхности почвы, но бывают также раскопки, достигающие 40 метр. глубины[4].

Скудная природная растительность, которую представляет арало-каспийская область, отличается в особенности своими кустами, своими колючими растениями; почва там ни довольно богата, ни довольно влажна, чтобы питать лесную растительность: настоящие леса увидишь только в северо-западной части равнин, орошаемой реками Уралом и Эмбой. Русские повсюду вырубают деревья; киргизы испытывают нечто в роде ужаса, вступая в лес, и чувствуют себя привольно только на широком просторе беспредельного пространства; но для тех и других одиноко стоящие деревья, как они встречаются там и сям среди пустыни, со-

1 Нешель; Гельмерсен, „Beitrage zur Kenntniss des Russichen Reiches“. Bd. XVIII. J. Barande, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“. 1879, № 4.

2 Мейер, цитиров. сочинение; Нешель, цитиров. сочинение.

3 Борщов; Grisebach, „Vegetation du Globe“, trad. Tchihatchev.

4 Хорошкин, Вамбери и т. д.

ставляют своего рода святыню, на которую путник уже издали взирает с благоговением. В «Белых Песках», к северу от Аулие-ата, есть два таких священных дерева, чтимых и посещаемых киргизами. В Тургайской степи тоже есть легендарная ольха, около 6 метров в обхвате, широко раскинувшая свои ветви и дающая приют в своей густой листве гнезду хищной птицы, которую никто не осмеливается трогать из боязни совершить святотатство. Ствол и ветви увешаны приношениями: лентами, конскими хвостами и гривами, медалями; каждый киргиз, проходя мимо этого священного дерева, благоговейно бормочет имя Аллаха[1].

Степи Оренбургского Туркестана представляют некоторое сходство с степями России; но флора их заключает гораздо меньшее число видов, и травы не находят там слоев чернозема, где они могли бы развиваться с такой же силой, как в южно-русских степях. От запада к востоку и от севера к югу Татарии растительность становится все более и более скудной до самого основания горных цепей, где начинается другой, отличный от предъидущего, пояс. На всем пространстве этой арало-каспийской страны, столь же обширной, как вся западная Европа, ботаники открыли до сих пор только 1.152 вида явнобрачных растений[2]; вдали от рек, в открытой равнине, вся растительность состоит из нескольких типических видов, «бурых, как шерсть верблюда», покрывающих монотонные пространства на протяжении сотен и тысяч квадратных верст. В некоторых частях пустыни на встретишь ничего, кроме чернобыльника, растения черноватого цвета, которое, покрывая большие пространства, придает природе невыразимо печальный, угрюмый вид; в других местах, в солончаковых степях, не увидишь никаких растений, кроме красноватых солянок, от которых почва получает кроваво-красный цвет. Флора всего пространства, заключенного между Аральским озером и Каспийским морем, и продолжающагося с севера на юг между Эмбой и Атреком, состоит всего только из 329 видов[3]. Нет такого маленького кантона Франции, который бы не был богаче растениями, чем эта громадная территория западной Азии, подразделяющаяся на области различной растительности, смотря по обилию воды и пропорции солей, содержащихся в её почвах.

В истории земного шара растительность Туркестана представляет собою форму недавнего происхождения. Составляющие ее виды, переселившиеся туда из всех окружающих стран: из русских степей, с Алтая, из Сибири и Персии,—постепенно обогащали почву, по мере отступления вод из обширной равнины. Но все эти иноземные вторжения не могли, конечно, совершаться без того, чтобы не происходило столкновений между видами, и в этой борьбе одерживают верх формы, переселяющиеся с юга. Так, саксаул (anabasis ammodendron) и джида (eleaegnus, дикая маслина), уроженцы Персии, постоянно подвигаются вперед, тогда как тополи, пришельцы с севера, отступают к странам своей первоначальной родины[4]. Любопытно видеть, как все эти растения приспособляются к условиям почвы и климата степей: чтобы лучше сопротивляться ветрам, они приобретают более гибкий ствол, представляют менее значительную поверхность, лишают себя листвы; чтобы уменьшить испарение, они облекаются твердой и толстой корой, настоящей броней черепахи, вместо тонкой верхней кожицы, и сок их. смешивается с соляными веществами; они покрываются жесткими волосами или колючками и выделяют из себя эфирные масла, которые также способствуют ослаблению испарения. Таким-то образом, благодаря этой аккоммодации, вдали от всякой проточной воды могут развиваться деревянистые виды, каков, например, саксаул, похожий на зеленеющий пук прутьев, совершенно лишенный листьев, хотя производящий цветы и плоды; вместо ежегодных концентрических слоев новая древесина ствола образует простые утолщения или бугорки, наростающие на старом дереве или окружающие его сетью. Зерно саксаула отличается такой плотностью, что жар, скрытый под пеплом, тлеет более суток; древесина

1 Полторацкий; „Зап. Русск. Геогр. Общ.“ 1867 г. Noschel, „Beitrage von Baer und Helmersen“, Bd. XVIII.

2 Lehmann, „Reise nach Buhara“, „Beitrage von Baer und Helmenen“, Bd. XVII; Эверсман, Эйхвальд, Карелин, Нешель, Борщов, и т. д.

3 Борщов, „Ботаническая география арало-каспийской области“.

4 Борщов, цитированное сочинение.

его тяжелее воды, и при ударах топора из неё сыплются искры[1]. Травяные степи, лишенные влажности, которая позволяла бы им покрываться дерном, подобным мураве европейских лугов, производят лишь уединенные пучки травы, занимающие не более трети всей поверхности. Время роста и цветения коротко, но зато растения пользуются им с удивительной энергией: при первом пробуждении весны оренбургские степи одеваются в пышный убор из тюльпанов, к которым там и сям примешаны лилейные и касатиковые или ирисовые растения; необозримое пространство представляет сплошной ковер, сотканный из ярких и разнообразных цветов[2]. Но пройдет несколько недель после этого праздника степи—и земля уже опять приняла свой обычный вид, угрюмый и сероватый; растения завяли, засохли, и ветер рассеевает их по бесконечной равнине. Бриза, привлекаемая как-бы собирательным фокусом на раскаленную поверхность почвы, поднимает и кружит перед собой столбы пыли; обломки высохших растений несутся и скачут тысячами и миллионами; свертываемые ветром в клубки, эти «бегуны степей» то катятся по земле, соперничая между собой в скорости, то яростно гонятся друг за дружкой, делая прыжки в несколько аршин: словно живые существа, увлеченные какой-то фантастической скачкой[3].

Фауна Туркестана, как и его флора, отличается поразительным однообразием на обширных пространствах; но, благодаря разнообразию местностей и рельефа почвы, от оазиса до пустыни и гор, животные виды здесь многочисленны: для одной только равнины арало-каспийской покатости совокупность фауны заключает, по Северцову, 17 млекопитающих и 97 птиц[4]. Пресмыкающиеся, змеи, ящерицы, скорпионы заползают во все трещины почвы. Лесные чащи, окаймляющие берега рек, скрывают почти всех четвероногих страны: тигров, барсов, диких кошек, волков, лисиц, кабанов; но в открытой равнине могут жить только соединенные в общества животные, которые быстро проходят большие пространства, в поисках за пастбищами и сырыми местами. Караваны купцов, батальоны солдат, идущие по их следам через закаспийскую пустыню, встречают иногда стада сайг и табуны диких ослов или куланов, которые несутся с громовым шумом, окруженные столбами поднимаемой их копытами пыли, потом вдруг останавливаются в молчании и, постояв немного, снова исчезают, потрясая своим галопом звонкую почву[5]. Свойство климата не позволяет туземцам разводить, вдали от рек и возделанных земель, другие породы животных, кроме вьючного и верхового скота: верблюдов, лошадей, ослов и барана, такого же кочевника, как и его господа, и прокармливающего их своим мясом. Части равнины, где человек мог окружить себя, при помощи земледелия и разведения домашних животных, средой, напоминающей Европу, составляют лишь узенькие оазисы, угрожаемые сыпучими песками и часто опустошаемые саранчей. Но он живет, однако, или по крайней мере кочует по своей стране. Зимой он следует за своим скотом, который ходит всюду отыскивать себе корм под тонким слоем снега, раскапывая его ногой и растапливая его своим дыханием. Летом он располагается на стоянку в соседстве колодцев, у подошвы холмов, где кругозор менее монотонен и растительность более разнообразна, чем среди ровной степи.

Арало-каспийская покатость усеяна озерными пространствами, которые напоминают о древнем внутреннем море Туркестана. Кроме того, в разных местах этой страны, преимущественно на севере и на северо-востоке от Аральского озера, встречаются пропасти или глубокия впадины в форме воронки. Эти воронки, уровень которых находится на довольно большой глубине, даже на 30 метр. ниже окружающей почвы, почти все наполнены солью или соленой водой и содержат морские раковины в глинах и песках, из которых состоят их берега; края некоторых воронок разорваны промоиной, и расходящиеся отсюда размытые рвы указывают направление древнего потока, вылившагося из впадины. Соляные болота,

1 Григорьев, «Записки Русск. Географ. Общ.“, 1861.
2 Grisebach, „Vegetation du Globe”, trad. Tchihatchev.
3 Von Baer, „Caspische Studien”
4 „Распределение животных в Туркестане”.
5 Вамбери, „Странствование лжедервиша в Средней Азии”.

рассеянные на почве степи подле пресноводных прудов и озер, тоже заключают в себе остатки морских организмов, образующие целые слои. Эти раковины сердцевика (cardium), ракушки (mytilus), винтушки (turitella) и других видов, обыкновенных в Аральском море, по-видимому, служат доказательством того, что это озеро прежде простиралось до тех мест, то-есть почти до порога, отделяющего ныне бассейн Оби от арало-каспийской покатости; во всяком случае этот факт представляет сильный аргумент для тех ученых, которые ищут следы древнего морского пролива, соединявшего Каспийское море с Ледовитым океаном[1].

Из рек, впадавших некогда в Аральское море, только две достигают его в наши дни—Сыр-Дарья и Аму-Дарья. Сыр («река» по преимуществу, по Северцову; «желтая» река, по Левшину), Яксарт древних писателей, со времен Александра Македонского, и Шаш или Сигун арабов, зарождается в самом сердце Небесных гор. Один из его истоков выходит из озера на Барскаунском проходе, в горной цепи Терской Ала-тау; другой изливается из болот горного прохода Заука; самый обильный поток выходит, из-под конечной аркады ледника Петрова, которого кристаллическая масса, простирающаяся в длину верст на пятнадцать и перерезанная пятью серединными моренами, наполняет расселину удивительно правильной формы, открывающуюся в горах Ак-ширяк или Ак-таш, почти столь же высоких, как и массив Хан-тенгри. Другой ледник, Ир-таш, менее значительных размеров, очень интересен по форме своего бассейна, загороженного при выходе высокими скалами; по всей вероятности, в прежнее время с вершины этих утесов льды обрушивались в виде кристаллического катаракта еще более грандиозного, чем теперешний водопад, один из самых замечательных, какие представляет нам альпийский мир[2].

Зарождающаяся река еще не приняла имени Сыра; при каждом новом большом притоке она переменяет наименование. При выходе из ледника Петрова она называется Як-таш, затем, начиная от впадения притока Кара-сай, это название изменяется в Тарагай. По принятии другого значительного притока, Кара-коль, и по вступлении в пояс лесов, на высоте 2.900 метров, река получает от киргизов новое имя—Большаго Нарына. Ниже двойного слияния с притоками Улан и Курмекты, Нарын вступает в Капчегайское ущелье, куда еще не мог спуститься ни один путешественник, чтобы посмотреть на катаракты реки; но предполагают, что эти неизвестные водопады должны быть очень красивы и грандиозны, так как разница уровня между верхним и нижним ложем, на пространстве около 43 километров, исчисляется от 900 до 965 метров[3]. По соединении с Малым Нарыном, река, уже спокойная, протекает последовательно через несколько бывших озерных лож, столь многочисленных в западном Тянь-Шане; затем, прежде, чем выйти окончательно из области гор, чтобы вступить в Ферганскую равнину, она должна еще пройти последовательно два диких ущелья. На юг от города Намангана, она принимает в себя приток Кара-Дарью, который смешивает свое мутное течение с чистыми лазурными водами Нарына[4], и с этого-то места главная река принимает, наконец, свое имя Сыр-Дарьи; киргизы обыкновенно считают главной ветвью реки Кара-Дарью или «Черную реку», хотя она катит, вероятно, объем воды, не превышающий пятой части жидкой массы Нарына[5]; но дело в том, что этим притоком гораздо больше пользуются для искусственного орошения почвы: воды его разведены в бесчисленное множество ирригационных каналов или арыков, тогда как северная, то-есть главная ветвь реки остается на всем своем течении диким потоком, еще не приспособленным для служения целям земледелия.

В том именно месте, где Сыр-Дарья приняла вид величественного потока, она уже начинает мелеть, уменьшаться в объеме. В Ферганской равнине и далее, вниз по течению, река,

1 Мейер, „Киргизская степь“, „Материалы для географии и статистики России“; Lehmann, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. XVII. Нешель, Гельмерсен, то же издание: т. XVIII.

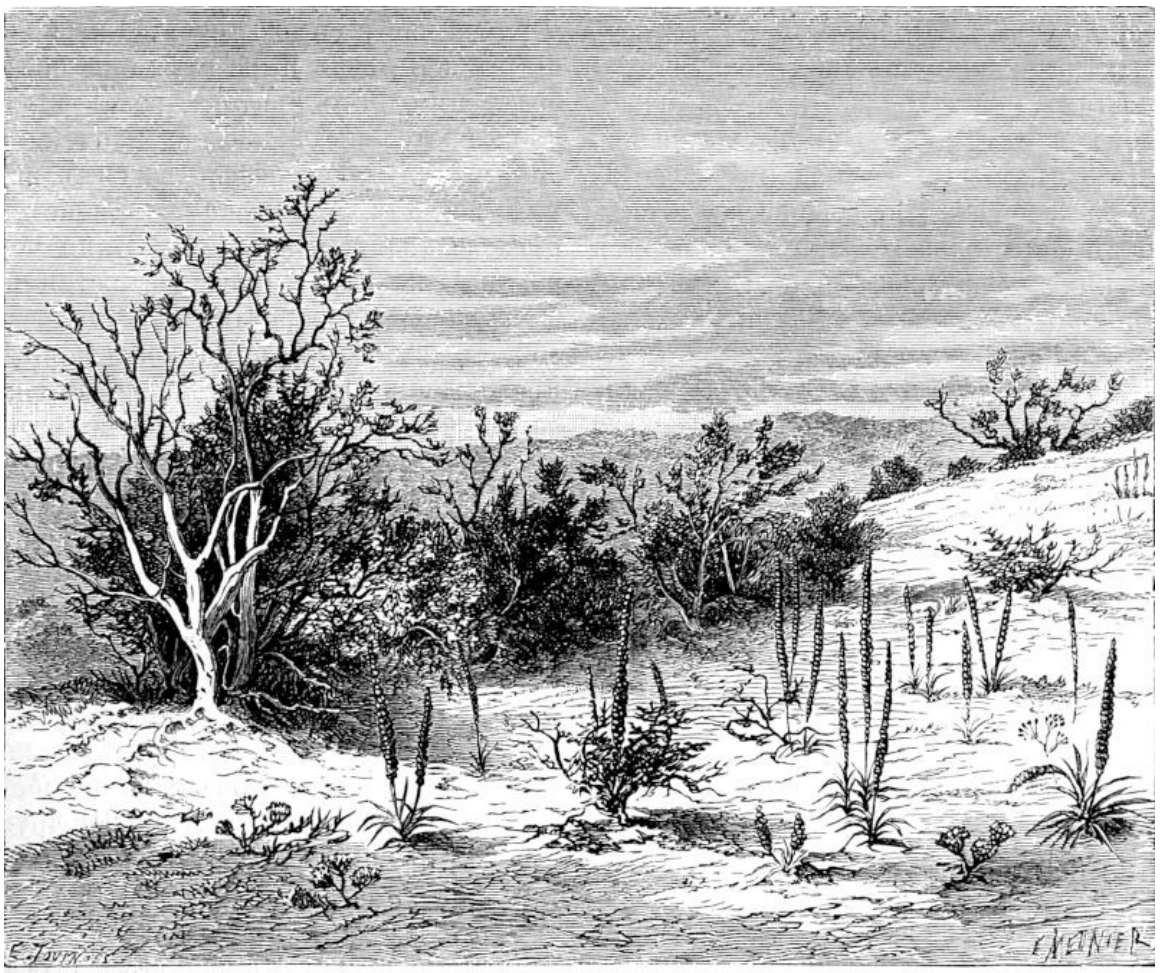
2 Каульбарс, „Зап. Русск. Геогр. Общ.“, т. V, 1875 г

3 Северцов, „Тянь-Шань“.

4 Ch. de Ujfalvy. „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja“.

5 Костенко, „Туркестанский край“,

хотя она получает один за другим несколько притоков, которые все приходят к ней с гор, лежащих на север от неё, катит жидкую массу все менее и менее значительную. В этой-то части течения реки, в обширном амфитеатре плоских возвышенностей и гор, который окружает Фергану, воды, текущие в Сыр-Дарью, приносят наибольшую пользу человеку: большая часть равнины, при помощи искусственного орошения, превращена жителями в цветущий сад, и нет сомнения, рано или поздно, долгие годы мира и спокойного развития промышленности сделают из этой страны вторую Ломбардию. Все пространство треугольной формы, заключающееся между Сыром и Кара-Дарьей, то-есть Икисуараси или «Междуречье», представляет страну возделанных земель, тенистых садов, текучих вод: это самая плодоносная часть всего Туркестана. Различныя реки, спускающиеся с Алай-тага и с других южных гор,



Растительность на Кизылъ-Кумѣ.

тоже делятся на бесчисленное множество арыков, окаймленных по краям тополями и другими деревьями. Но большинство рек края, отводимых справа и слева всеми прибрежными жителями в свои оросительные каналы, истощаются, как и реки северных степей, прежде, чем успеют достигнуть течения Сыр-Дарьи. Песчаные пространства, лишенные необходимой для оплодотворения их почвы воды, образуют там и сям небольшие архипелаги пустынь, и вдоль правого берега Сыр-Дарьи тянется пояс бесплодных и необитаемых земель. Тем не менее Фергана может быть рассматриваема в целом, как прекрасно обработанная, плодоносная страна, как земля зелени и цветов. Климат там неравномерный, но более прохладный летом, менее холодный зимой, нежели в голой степи, где свободно разгуливают полярные ветры. Мягкий голубой цвет составляет общий колорит этой страны: «все там окрашено в бирюзовой оттенок,—говорит путешественник Уйфальви,—небо, камни, оперение воронов и черных дроздов, и даже стены памятников»[1]

Выше города Ходжента, Сыр-Дарья покидает высохшее ложе древнего Ферганского озе-

1 „Bulletin de la Societe d'acclimatation", 1879.

ра, огибая горы Чоктал, и следует, подобно Аму-Дарье, в северо-западном направлении, параллельно хребту Кара-тау. Река, повидимому, протекает теперь севернее, чем она текла прежде. Длинное болото Тусь-кане, которое тянется, в виде кривой, длиною около 200 верст, на север от гор Нура-тау, имеет совершенно вид бывшего речного ложа; тут, вероятно, проходил некогда Яксарт, следуя правильному скату степи, чтобы идти на соединение с Аму-Дарьей, близ горной цепи Шейк-джеили, где видно древнее речное русло[1]. Направление, принимаемое ныне рекой, оставляет ей гораздо меньшую покатость к Аральскому морю. Здесь мы видим явление, сходное с тем, какое представляет нам река Чу: Сыр-Дарья тоже огибает громадным полукругом своего нижнего течения бассейн древнего моря, теперь засыпанного песками. Так же, как песчаные пустыни Ак-кум и Кара-кум, обширные пески Кизыл-кум не что иное, как высохшее морское дно, которое некогда соединялось с нынешним Аральским озером в одно средиземное море. Сыр-Дарьинские пустыни не самые бесплодные в Туркестане: местами они покрыты кустарником, где колючие кусты перемешаны с деревцами разных пород, саксаул, главный представитель лесной флоры туранских степей, растет здесь рассеянными группами и рощицами. Для пользы края, необходимо было бы сохранять это дерево, вместо того, чтобы истреблять его, как это делают теперь, с достойной сожаления непредусмотрительностью, употребляя его как топливо, в особенности на пароходах сыр-дарьийской флотилии.

В этой части своего течения, проходящей через пустынные пространства, Сыр должен был некогда принимать в себя реку Чу, которая в наши дни уже не в силах добраться до него. Чу—главная река бассейна горной цепи Терской Ала-тау и хребта Александровского. Питаемая этой обширной областью высоких гор, поднимающихся до пояса вечных снегов, река Чу катит много воды во всей верхней части своего течения; но ниже впадения в нее речки Кара-гаты она не получает более ни одного притока, разве только после продолжительных дождей, и течение её, по дороге разветвляющееся там и сям, истощается мало-помалу. Точно также Талас, большая река, выходящая из Тянь-Шаня через широкий Аулиеатский пролом, останавливается в нескольких верстах от Чу и теряется в обширных болотах; но копая почву ниже, на продолжении этих рек, находят еще свежую воду на глубине одного или полутора метра, из чего нужно заключить, что вода разливается под землей. Другие болота служат р. Чу резервуарами испарения; около оконечности цепи Кара-тау, там, где этому потоку оставалось бы только сделать поворот к югу, чтобы достигнуть долины Сыр-Дарьи, он разливается, на расстоянии 100 километр, от этой реки, во время своего половодья, в большое болото, Саумаль-куль, откуда уже не может выбраться; а летом он даже не достигает и этого болота[2]. К западу от Чу другая река, бывшая прежде притоком Сыр-Дарьи, тоже теряется в песках степи, пройдя пространство более 800 километр.; это Сары-су, называемый Яман-су в верхнем его течении и Ян-су в том месте, где почва выпивает последние его капли. Он зарождается севернее озера Балхаш, на слегка волнистом плато, образующем водораздельную возвышенность между областью замкнутых бассейнов и Обской покатостью. Другие реки, истоки которых находятся в той же области, иссякают подобным же образом, не будучи в состоянии достигнуть Сыра или Арала; каждая из них имеет свою особенную область, где повторяются в миниатюре те же явления, какие представляют в больших размерах покатости Аральского и Каспийского морей. В одном из этих замкнутых бассейнов, на север от реки Сары-су, центральное озеро состоит из небольшой водной площади, которая, однако, носить громкое имя Денгиз («море»), свидетельствующее, быть может, о более значительном её протяжении в прежния времена. Наконец в северо-западных степях, реки Иргиз и Тургай, спускающиеся с Мараждарских гор и с других цепей холмов, соединяются в целый лабиринт болот, который чуть не каждый день меняет свои очертания, смотря по тому, какая погода—идут ли дожди или стоит засуха. Между реками страны многочисленные Кара-су, то-есть «Черные воды», текущие по торфяному грунту, отличаются от всех дру-

1 Костенко, цитированное сочинение.

2 Копылов. „Русское Обозрение", 1874 г № 4.

гих потоков Туркестана сопротивлением, которое они оказывают морозу. По рассказам киргизов, эти «Черные воды» не перестают течь в продолжение всей зимы в то время, как все другие реки превращаются в ледяные пути[1].

Во всем своем нижнем течении Сыр часто менял русло не только во времена, предшествовавшие истории, но даже в новые века. Султан Бабер, царствовавший над Ферганой в начале пятнадцатого столетия, и который, без сомнения, должен был хорошо знать главную реку своего ханства, утверждает в своих «Записках»[2], что Сигун терялся тогда в песках, не соединяясь ни с каким другим потоком. В настоящее время один рукав реки отделяется от главного потока верстах в 11 ниже форта Перовский: это—Яны-Дарья или Джаны-Дарья, т.е. «Новая река». Вернее, однако, было бы дать ей название «Перемежающейся реки», так как она в разные эпохи то появлялась, то исчезала, смотря по естественным изменениям главного русла и по канализационным работам прибрежного населения. Известно, что в четырнадцатом столетии текла большая река в нынешнем ложе Яны-Дарьи[3]. В 1740 году, во время посещения края Муравиным, там вовсе не было воды; река совершенно высохла. Затем в период с 1760 по 1770 год она опять открылась, кара-калпаки и киргизы тотчас же стали копать каналы на её берегах, для проведения воды на свои земли. В 1820 году Яны-Дарья снова перестала существовать: вход в нее был загражден плотиной, которая и отбросила воды в главное русло Сыра. Впоследствии эта плотина была снесена разливом реки, и Яны-Дарья с 1848 года опять возобновила свое течение в юго-западном направлении[4]. Но она не достигает ни Аму-Дарьи, ни Аральского моря; пройдя около 300 километр., она теряется в озере Кукча (Кукча-денгиз). Однако, по другую сторону этого бассейна испарения можно ясно различить следы прежнего ложа, и Мейер нашел на его берегах кучи высохшего тростника, остатки камышей, подобных тем, которые покрывают болота и берега текучих вод во всех равнинах Туркестана. Это русло старой Яны-Дарьи огибало на юге крутые обрывистые берега глинистого плоскогорья, ограничивающего с восточной стороны Аральское море, и соединяло озеро Кунградское и Дау-кара в области нижнего Оксуса (Аму-Дарьи): бывшая речная долина в этом месте так хорошо сохранила свой первоначальный вид, как будто воды только что покинули ее[5]. Впрочем другие речные русла, сообщавшиеся прежде с ложем Яны-Дарьи, разнообразно разветвляются по направлению к Аральскому морю; но в ту эпоху, когда текли воды во всех этих долинах, орьентированных по большей части с юга на север, между параллельными цепями дюн, уровень Аральского моря был на 15 метров выше теперешнего; по всей вероятности, весь этот речной лабиринт высыхал постепенно, по мере понижения уровня воды во внутреннем море Туркестана[6]. Как бы то ни было, нынешний рельеф страны не позволяет допустить, что будто Сыр-Дарья могла впадать непосредственно в Каспийское море, как это говорят древние писатели. Как мог мореплаватель Патрокл найти устья Яксарта в 2.400 стадиях, то-есть почти в 450 километрах к северу от истоков Оксуса, когда мы знаем, что в этой области, между бассейнами Каспийского и Аральского морей, возвышается плоскогорье Уст-Урт. Без всякого сомнения он видел только бухту, глубоко врезывающуюся в материк, вероятно, Киндерлинскую[7], и этот залив по ошибке был смешан с речным устьем. Сыр не мог быть притоком Каспийского моря иначе, как через Яны-Дарью и Аму-Дарью.

Главный рукав нынешнего Сыра опять делится на две ветви, в небольшом расстоянии вниз от выхода Яны-Дарьи. Оба эти потока тоже изменились как в направлении, так и в объеме жидкой массы, южный рукав некогда был самой обильной рекой из двух; но с тече-

1 Полторацкий, „Записки Русск. Географ. Общества", 1876 г.;—„Bulletin de la Soc. de Geogr.", dec. 1869.

2 Французский перевод Паве-де-Куртеля, т. 1, стр. 2.

3 Herbert Wood, „Journal of the Geograph. Society", 1876;—Брунн, „Плавание вокруг Каспийского моря".

4 Терентьев, „Записки Русск. Географ. Общества"; „Статист.", IV, 1874 г.

5 „Киргизская степь, материалы для географии и статистики России".

6 Herbert Wood, цитирован. мемуар;—Карта нижнего течения Аму-Дарьи, составленная русским генеральным штабом в 1873 г.

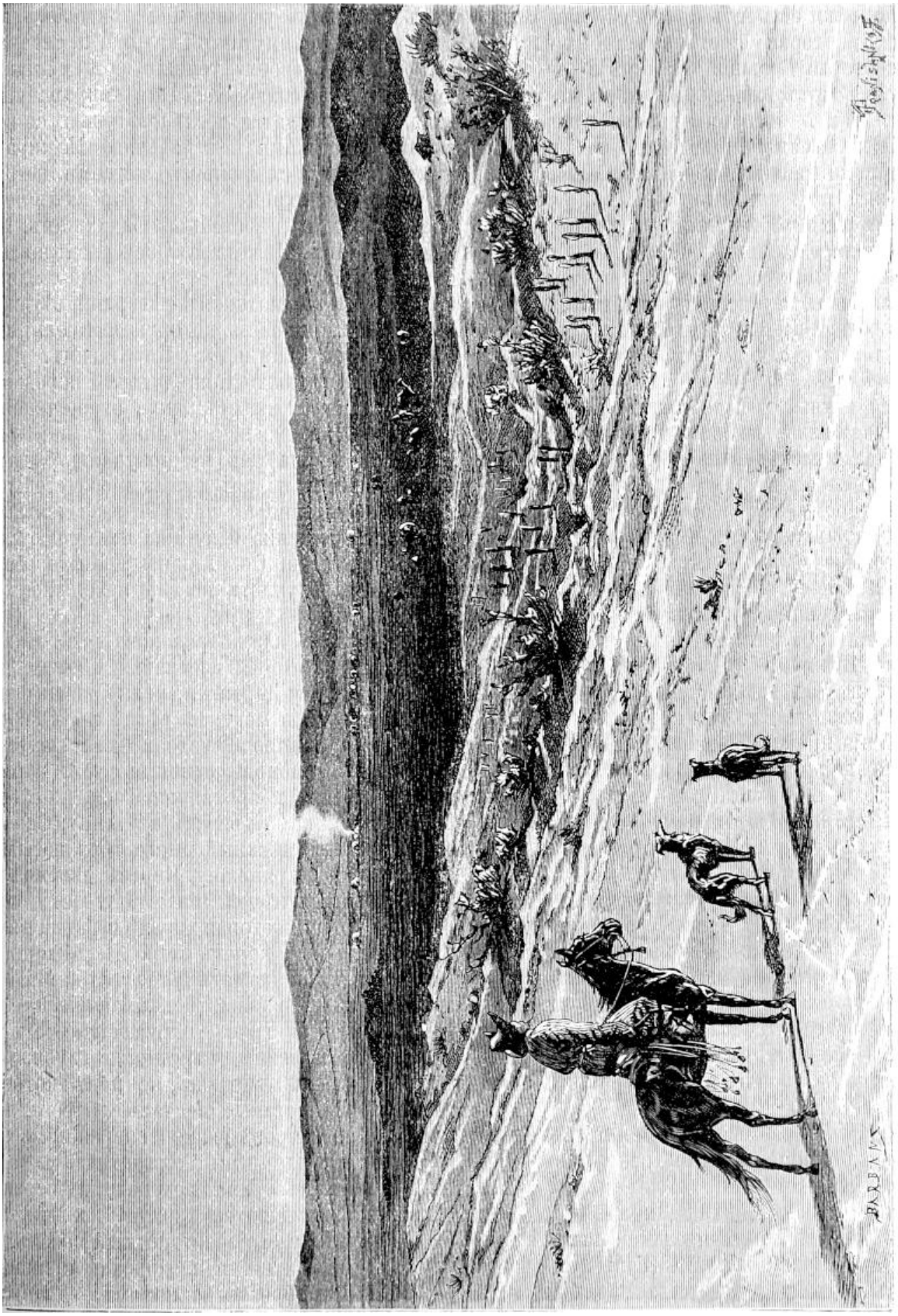
7 H. Kiepert. „Zeitschrift der Gesellchaft fur die Erdkunde", т. IX.

нием времени сток его уменьшился мало-по-малу до того, что, наконец, туземцы дали этой ветви Сыра прозвище Джаман-Дарьи, то-есть «Худой реки»; далее южный рукав опять делится, но только небольшая часть его воды снова соединяется с Сыром, остальная же часть испаряется в болотах. Северная ветвь, Кара-узяк, которая в начале была просто ирригационным каналом, продолжает реку в северо-западном направлении и соединяется с Аралом близ северо-восточной оконечности озера. До сих пор еще не определено точным образом среднее количество воды, приносимое Сыр-Дарьей в это внутреннее море; но, по приблизительному исчислению, оно не превышает половины объема речного стока, каким он найден по измерению у форта Перовского, выше трифуркации реки. За меру низких вод, как показало это измерение, можно принять 885 кубич. метров в секунду, средний же объем протекающей жидкой массы почти втрое больше: но ниже Перовска, по берегам всех рукавов, протоков и ложных рек дельты, расстилаются те обширные болота, где испаряются воды, и которые приметны издали только по волнующимся от ветра лесам камышей. Низменные земли, по которым протекает Сыр-Дарья, очень богаты дичью и по справедливости могут быть названы страной охоты по преимуществу: тут встретишь во множестве всякого зверя—волков, оленей, кабанов, барсуков, диких коз, зайцев; густые поросли, вдоль берега, кишат фазанами: в камышах и на реке гнездится всякого рода водяная птица: цапли, ибисы, журавли, гуси и утки (в том числе красный гусь, в роде фламинго) расхаживают по болотам, отыскивая добычу. Еще около половины настоящего столетия тигр, огромный зверь, ростом разве немного поменьше королевских тигров Индии, тоже рыскал среди сырдарьинских чащей, но в последнее время он стал очень редок в тех местах и даже, быть может, совсем исчез из этой страны; по крайней мере в 1876 году один важный сановник империи, страстный охотник, не мог, несмотря на поиски киргизов и всех солдат местного войска, открыть ни одного логовища тигров[1].

Судоходство на нижнем течении Сыр-Дарьи непостоянно и сопряжено с опасностью. Русские, правда, держат военную флотилию на этой реке, но им стоит большого труда проводить суда через бар, который не имеет даже одного метра (менее полутора аршин) средней глубины; часто пароходы садились на мель, наезжая на песчаные отмели, заграждающие речное ложе: «здесь не пароходы возят пассажиров, а пассажиры тянут на себе пароходы», говорят обыкновенно, когда речь зайдет о плавании по Сыру[2]. Ледяная кора, покрывающая Сыр в продолжение четырех месяцев[3], и, еще более, тучи комаров, обращающие в бегство киргизских судовщиков в летнюю пору, быстрое течение, сталкивающее суда при плавании вверх по реке, недостаток топлива для машин пароходов—все эти неудобства тоже составляют серьезные препятствия установлению правильного судоходства. Не по призыву торговли, а единственно для надобностей военной службы, суда появились на водах Яксарта: до прибытия русских, киргизы имели только плохия барки да плоты, связанные из камыша. При настоящих условиях, и пока течение реки не будет урегулировано при помощи человеческого искусства, вода её может быть утилизируема только для орошения почвы; при разумном употреблении, эта вода прибавила бы к существующему узкому поясу возделанных земель обширные пространства, отвоеванные у бесплодной пустыни. Достоверно известно, что в прежния времена обработанные местности занимали гораздо более значительное протяжение в стране. Двенадцать тысяч арыков, гласит легенда, распространяли жизнь среди песков[4], но большая часть этих живительных артерий засорилась: следы старых оросительных канавок виднеются во многих таких местах, где теперь растет только дикий кустарник, где прогуливаются бугры сыпучего песку; большие города, покинутые жителями, представляют теперь не более, как груды мусора, где ползают разные гады. В этих странах поток воды вызывает к жизни города, запруда обращает их в развалины. Как нам рассказывает ис-

1 Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Societe d'acclimatation“, 1879 г.
2 Терентьев, „Записки Географ. Общества“; „Статистика“, IV, 1874 г.
3 „Туркестанские Ведомости“; „Известия Русского Географ. Общества“, 1873 г., № 4.
4 Herbert Wood, „The Shores of lake Aral“; Костенко, цитированное сочинение.

тория, копать и отводить каналы было главное искусство завоевателя и основателя царства. Обширная сеть канализации, которую теперь приготовляют и которая должна брать у реки 35 куб. метров в секунду для орошения 100.000 гектаров (слишком 90.000 десятин) земли,



Видъ степи Кизылъ-Кумъ.

нет сомнения, будет иметь последствием возрождение народов на берегах древнего Яксарта.

Из двух скатов «Кровли мира» самый обширный, то-есть западный, спускает все свои

воды в Аму-Дарью или «реку» Аму, известную древним под именем Оксуса. Следовательно, от Гиндукуша до Алая, область истоков Оксуса занимает пространство, шириной в 300 слишком километров. Оттуда-то река и получает всю свою жидкую массу: из общей длины её течения, исчисляемой в 2.500 километров, вся нижняя часть, более половины, не имеет притоков.

Что считать главным истоком этой знаменитой реки, которую арабские географы называли Джайхун или Гихон и которую туркмены, живущие на берегах её, до сих пор еще знают под этим именем, желая видеть в ней один из мифических потоков земного рая? В настоящее время еще невозможно ответить окончательно на этот вопрос, ибо сток (объем протекающей воды) различных рек плоскогорья никем не был измеряем, и путешественники, переходившие через эти реки, или следовавшие вдоль их течения, посетили край в разные эпохи и не могли сравнивать своих наблюдений. В 1838 г., когда англичанин Вуд достиг берегов озера Сары-куль (неизвестно, произошло ли это имя от турецкого Сарык-куль, «Желтое озеро», или от Сир-и-коль, по-персидски Сир-и-коли, «Голова горы») или Куль-кальян, которому он, как верноподданный своей королевы, дал название «озера Виктории»,—он не сомневался, что ему посчастливилось найти столь долго отыскиваемый исток древнего Оксуса; но теперь сделалось вероятным, что главная ветвь реки есть Ак-су или «Белая Вода» киргизов, которая берет начало на востоке от плоскогорья Большой Памир и от озера Сары-куль. Этот Ак-су, не то ли же самое, что Вак-шу, о котором говорят уже санскритские писатели[1], и которого название было переделано древними греками в Оксос или Оксус, имя и до сих пор еще употребляемое географами? Если так, то, значит, киргизы тюркского племени кочевали уже по этим плоским возвышенностям гораздо ранее средневековых переселений народов, гораздо ранее завоеваний Александра Македонского, так как имя реки имеет смысл только в их языке[2].

Самая южная из верхних ветвей Оксуса—Сархад или река Малого Памира, долина которой была исследована в первый раз научным образом в 1868 году «мирзой» Суджа, инженером-географом на службе ост-индского правительства. Этот приток Оксуса зарождается в том же понижении почвы, как и Ак-су, но течет в противоположном направлении, к юго-западу, и наконец соединяется у Лангар-кишта с Оксусом Большого Памира,—с тем Оксусом, который жители Бадахшана, считая его главной рекой, называют Джайхуном, и по которому, в новейшие времена, первый поднялся упомянутый англичанин Вуд. Вновь открытое им озеро истока, которое так же часто называют его именем, как и именами озера Виктории и Сары-куль, представляет продолговатый бассейн, уровень которого значительно изменяется по временам года, понижаясь зимой и повышаясь летом, под влиянием тающих снегов. Вуд пробил в одном месте лед, чтобы сделать промер дна, но нашел там только 3 метра глубины; однако, озеро, вероятно, довольно глубоко в соседстве одного мыса на северном берегу. Высоту положения этого бассейна над уровнем моря Троттер определяет в 4.236 метров[3].

Ак-су, называемый Мургабом в одной части его течения, тоже выходит из озера Газ-куль или Ой-куль, которое мирза Суджа принял за исток Сархада; менее широкий и лежащий на менее значительной высоте, нежели озеро Вуда, бассейн Газ-куль часто исчезает под грудами снега, падающими с Ак-таша или «Белого камня» и с соседних гор. Направляясь сначала на восток, как-бы для того, чтобы идти на соединение с Таримом, потом поворачивая к северу, Ак-су принимает в себя на западе воды, спускающиеся к нему с Большого Памира, затем на востоке усиливается притоком, который посылает ему пик Тагарма, и, следуя, в дальнейшем своем течении общему наклону покатости, спускающейся по направлению к западу, соединяется последовательно со всеми горными потоками центрального Памира, затем сливается с южным Оксусом, который, в своем верхнем течении, прошел через область Вахан,

1 Remusat, „Vivien de Saint-Martin“, H. Rawlinson etc

2 Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meer“. Венюков, Рукописные заметки.

3 Гордон, цитированное сочинение.

восточный Бадахшан, Шигнан, Рошан. После того Оксусу, сделавшемуся уже большой рекой, остается еще соединить свой поток с потоком северной ветви, называемой Сург-аб, которую питают снега За-Алайской цепи и гор Каратегин. Далее, Аму-Дарья, по выходе из ущелий передовых плато Памира, имеет лишь второстепенные притоки. Ниже своих данников из западного Бадахшана она не получает более ни одной капли воды из южных областей; там все её естественные притоки разведены арыками для орошения полей или поглощаются песком пустыни. Со стороны правого берега река тоже получает весьма небольшое количество воды.

Зарявшан или Заревшан есть одна из тех рек, которые иссякают прежде, чем достигнут Аму-Дарьи. А между тем она зарождается как могучая река, под сводом громадного Зарявшанского ледника, спускавшагося со склонов одной высокой горы в цепи Алай-таг и протянувшагося, по словам Мищенкова, на 50 верст в длину. Справа и слева, каждый снежный цирк гор посылает свой поток Зарявшану. Через двойной пролом южных цепей, он получает значительную реку, которая проходит на высоте 2.210 метров, через озеро Искандер, названное так в память Александра Македонского; горные склоны, поднимающиеся слишком на 1.000 метров, окружают этот красноводный бассейн, нынешняя глубина которого около 60 метров, но над которым господствуют старые песчаные берега, лежащие на 100 метров выше теперешних берегов. По вступлении в Самаркандскую равнину, Зарявшан,—имя которого по-персидски означает «раздаватель золота» и дано ему, быть может, за его золотоносный песок, или, что более вероятно, за плодородие, приносимое его водами прибрежным полям,—делится на бесчисленное множество ирригационных каналов, которые все вместе оплодотворяют пространство более 458.000 гектаров; но, не доходя 100 километров до Аму-Дарьи, он истощается совершенно. Уже в Бухаре Зарявшан не приносит достаточно воды для орошения полей, вследствие чего жители многочисленных деревень принуждены были переселиться в другие места, выше по реке. Смотря по обилию снегов и дождей, по колебаниям климата, по альтернативам мира и войны, соответствующим деятельной культуре или временному прекращению земледельческих работ, вода спускается более или менее низко в естественных и искусственных руслах Зарявшана, и даже бывает так, что в иных местах излишек вод во время разливов реки уходит в болота[1].

На юг от Аму-Дарьи, другая река, имеющая весьма значительный бассейн, тоже иссякает, далеко не доходя до главной реки, в которую она некогда впадала, и от которой она теперь отделена песчаной пустыней. Этот бывший приток Оксуса, называемый Мервским Мургабом, берет начало среди афганской территории, в горах Гарджистана, соединяется со всеми ручьями, бегущими с северного склона Гератских горных цепей, затем, разветвляясь в равнине, теряется наконец в песках, начинающихся за Мервским оазисом. Гератская река, Гери-Руд, проходящая поперечной долиной или ущельем через краевую цепь Иранского плоскогорья, тоже составляла прежде часть того же бассейна, но подобно тому, как Мервский Мургаб иссякает прежде, чем достигнуть АмДарьи, Гери-Руд, известный в своем нижнем течении под зендским именем Теджен или «Река»[2], пересыхает, не дойдя до Мургаба; оросив сарахские сады, он смачивает пески, образуя мокрый слой почвы, где путники с трудом собирают просачивающуюся капля за каплей солоноватую воду, затем он окончательно испаряется. Летучие пески, переносимые ветром с места на место на севере от двух ирригационных дельт Мургаба и Гери-Руда, совершенно скрыли под собой бывшие речные ложа, так что теперь неизвестно даже, в каком направлении текли воды. Судя по общему скату почвы, спускающемуся от юго-востока к северо-западу, параллельно горным цепям Гюлистана и Туркестана, нужно полагать, что течение этих рек направлялось в ту же сторону, и что они соединялись не с нынешней Аму-Дарьей, но с западным рукавом этой реки, который изливался в Каспийское море; в этом направлении выкопаны и линии колодцев.

Во всей части своего нижнего течения вниз от страны Балх, Аму сохраняет свое нор-

1 Костенко, цитированное сочинение.

2 Карл Риттер, „Азия“; Zimmermann, „Denkschrift uber den Oxus“.

мальное направление к северо-западу. У Килифа, откуда русские начали правильную съемку реки[1], и где еще видны кое-какие следы моста, построенного Надир-шахом, последний выступ Гиссарских гор съуживает ложе, которое имеет в этом месте не более 300 метров в ширину; но в равнине берега раздвигаются на расстояние, средним числом более 700 метров, хотя глубина вод не менее 6 метров и хотя во время разлива скорость течения изменяется от 10.000 до 5.600 метров в час[2]. В некоторых местах река имеет не менее 2 километров в ширину, даже в период мелководья: но в этих частях течения она окружает своими водами низменные острова, где растут ивы, подобные деревьям аллювиальных островов Миссисипи, и lasiagrostis splendens, высокий злак с золотистыми колосьями. Высокие берега Аму-Дарьи, подтачиваемые водами, почти везде довольно обрывисты: глина пустыни, расположенная слоями, которые представляют почти такую же твердость и такой же наружный вид, как сланцы, является там и сям в форме настоящих утесов, напоминающих крутые скалистые берега моря. Прежде чем вступить в низменную область возделываемых земель, которые почти все находятся на левом берегу, река должна даже перерезать в Тойю-бойне (Верблюжий проход), через ущелье в 330 метров шириною, полосу меловых скал, содержащих большое число ископаемых. Путешественники констатировали тот факт, что течение Оксуса идет обыкновенно вдоль правого берега: так же, как в Волге и в сибирских реках, воды и здесь неудержимо повинуются боковому движению, которое им сообщается вращением земли вокруг своей оси[3].

Аму-Дарья катит значительное количество землистых частиц. Вода в ней от присутствия этих осадков почти всегда желтоватая: во время сильных разливов она даже принимает темно-красный цвет, свидетельствующий о примеси наносов Сург-аба и его «кровавых вод». Несмотря, однако, на мутный цвет, вода этой реки имеет приятный вкус: достаточно дать осесть мельчайшим частичкам песку, которыми она наполнена. «Никакая вода не может сравниться с ней», говорят туземцы и путешественники: «даже вода благословенного Нила менее хороша»[4]. Подобно египетской реке, Оксус имеет свои правильные разливы, происходящие от таяния снегов. Половодье начинается в мае, и в конце июля или в начале августа прилив достигает своего высшего уровня. В октябре река уже совершенно вернулась в свое ложе и продолжает понижаться в течение всей зимы: это период мелководья, который продолжается до весенних дождей. Иногда, в холодное время года, поверхность реки, предоставленная действию полярных ветров, замерзает совершенно, и караваны переходят реку по льду, на дороге из Мерва в Бухару[5]. Средняя толщина ежегодной ледяной коры равняется 30 сантиметрам у Нукуса, выше бифуркации нижних потоков.

Начиная с половины 1874 года, водная масса, несомая Оксусом, была правильно измеряема. У Питняка, то-есть непосредственно за «Верблюжьим проходом» вниз по реке, среднее количество стока исчисляется Шмидтом и Дорандтом[6] в 3.570 кубич. метров в секунду (3.328 кубич. метр., по Герберту Вуду). Для всей поверхности бассейна, которая может быть исчисляема приблизительным образом в 300.000 квадр. километров, без рек Зарявшана и Мургаба, эта масса воды представляет годовой жидкий слой толщиною в 30 сантиметров на квадратный метр площади; это избыток дождевой воды над потерей от испарения, избыток значительный, свидетельствующий об обилии снегов на плоской возвышенности Памира. Таким образом, пропорционально поверхности бассейнов истечения Аму-Дарья катит столько же воды, сколько большие реки западной Европы, как, например, Жиронда. По порядку абсолютной важности, из европейских рек только Дунай и Волга стоят выше Аму: меньшая на половину, чем Шат-эль-Араб, эта средне-азиатская река очень близко подходит, по

1 Костенко, „Туркестанский край“.
2 Alexander Burnes, „Travels into Bokhara”.
3 Герберт, Вуд, Богданов и т. д.
4 А. Вамбери. „Странствование лжедервиша в Средней Азии”.
5 Алекс. Борнс, цитированное сочинение
6 „Записки экспедиции на Аму-Дарью”, 4-й выпуск.

объему жидкой массы, к Нилу. При больших наводнениях, каким был, например, разлив 1887 года, она превосходит даже Миссисипи в среднем его течении[1].

Но у Нукуса, то-есть в том месте, где река делится на несколько рукавов перед впадением в Аральское море, она уже катит только половину того объема воды, который протекает по её руслу на «Верблюжьем проходе»: здесь по величине она уже уступает Роне, Рейну, По, Неве, Днепру. По измерениям Шмидта и Дорандта, количество протекающей в секунду воды в Аму-Дарье, у Нукуса, представляет следующие цифры:

Средний объем при низком состоянии воды—976 куб. метр.; средний годовой объем затри года: 1873, 1871, 1875—1.596 куб. метр.; в период половодья—4.537 куб. метр.; во время наводнения 1878 года, по Гельману—27,400 куб. метр.

Это оскудение Аму-Дарьи объясняется тем, что в промежуточном пространстве между Верблюжьим проходом и Нукусом ирригационные каналы, которые все выкопаны на левом берегу, отняли у реки значительную часть её жидкой массы в пользу прибрежных равнин Хивы. Вода вошла в землю, но лишь за тем, чтобы снова явиться на поверхности в форме зелени, в этих группах тополей, ив, кленов и вязов, которые составляют такой приятный контраст с угрюмым однообразным пространством безжизненной пустыни, в рощицах и садах фруктовых деревьев, в полях, засеянных хлебными растениями, и в искусственных лугах. В продолжение ирригационного сезона, то-есть с половины апреля и до конца июля, поля Ховарезма, общее протяжение которых исчисляется в 10.600 квадр. километров[2], поглощают 8 миллиардов кубич. метров воды, то-есть седьмую часть годового стока реки, и общее количество отлагаемого ила составляет 16.660.000 тонн,—масса, достаточная для того, чтобы повышать ежегодно поверхность прибрежных равнин на восемь десятых миллиметра. Пропорция содержащихся в воде землистых частиц изменяется, смотря по высоте разлива, от величины, меньшей одного килограмма до 3.400 граммов или на кубический метр воды[3].

Г. Герберт Вуд вычислил, что количество воды, употребляемое для орошения Хивинского края, превосходит на целую треть то количество, которое было бы строго необходимо. Земледельцы, не зная заранее, какого уровня достигнет разлив Аму-Дарьи, принуждены копать свои каналы таким образом, как будто они предвидят засуху; но так как чрезмерное обилие воды тоже может быть причиной бедствий, то им нужно создавать искусственные озера и болота на всей окружности своих оазисов, чтобы иметь резервуары, куда бы можно было спускать лишнюю воду из арыков. Необходимо, следовательно, каждый год перекапывать оросительные каналы, чтобы очистить их от накопившейся грязи, которая обыкновенно образует слой около 60 сантиметров средней толщины. В августе месяце, как только собранная жатва свезена в житницы, водоотводные каналы запирают при помощи временных запруд и приступают к очистке ложа, при чем выбрасывают грязь по обе стороны арыка, укрепляя таким образом его боковые насыпи. Но в то время, как землистые частицы, приносимые рекой в каналы, убираются каждый год и никогда не задерживают свободной циркуляции воды в ирригационной сети, естественные русла, идущие в направлении к Аральскому морю, засариваются из году в год: в этих руслах отлагаются песчаные мели, изменчивые бары, которые делают плавание по реке трудным и опасным и сообщают совокупности речных вод естественную наклонность разливаться по сторонам в ирригационные каналы, куда их увлекает сила тяжести. Такова одна из главных причин постоянных перемен русла, происходящих в нижней области Оксуса[4].

С геологической точки зрения можно сказать, что истинная дельта Аму-Дарьи есть та аллювиальная равнина, которую река ежегодно оплодотворяет своими водами и осадками. Треугольное пространство, ограниченное Аральским морем и двумя внешними или крайними ветвями Аму, Талдыком на западе и Яны-су на востоке, есть дельта только повидимому,

1 Гельман. „Записки Кавказского отдела географ. общества за 1879 г.".
2 Basiner, „Beitrage zur Kenntniss des Russisches Reiches" Ld. XV,
3 Шмидт и Дорандт, цитированный мемуар.
4 Герберт Вуд, Каульбарс и др.

ибо формации, по которым там протекают речные воды, не были отложены этими водами; это более древние образования, где различные части потока вырыли себе случайные русла, и где среднее падение гораздо значительнее, чем в наносных равнинах: от Нукуса до устьев, на расстоянии 120 километров по прямой линии, общее падение превышает 18 метров[1], тогда как от Нового Орлеана до Мексиканского залива, на протяжении более значительном, падение составляет всего только несколько сантиметров в продолжение низкого уровня вод. Следовательно, эта область нижнего Оксуса не может быть принимаема за дельту разве только в геометрическом значении этого слова; дельты в собственном смысле образуются лишь при впадении каждого из рукавов реки в Аральское море: там, действительно, отлагаются аллювиальные полуострова на отмелях, и потоки Аму-Дарьи разветвляются и беспрестанно перемещаются в этих грязях, которые нанесены ими же самими. Высокие бары, которые поднялись со дна в большей части устьев, преграждая доступ всякому судну, имеющему более метра водоуглубления, и, выше, густые камыши, достигающие 6 и 8 метров высоты, среди которых разливаются воды, не будучи еще в состоянии прорыть себе через эти чащи правильные русла, останавливают всякия другие суда, кроме каюков хивинских рыбаков. Однако, пароход «Перовский», сидящий в воде немного больше одного метра, успел, в 1873 году, проложить себе дорогу через рукав Яны-су, через озеро Дау-кара и через Куван-джерму или «Новый перекоп», и появился перед Нукусом, к великому удивлению туземцев. С той поры судоходство по нижнему Аму никогда не прерывалось, несмотря на препятствия, встречаемые при входе в реку, и на быстрое течение, которое часто пароходы с трудом одолевают. Некогда западный рукав, Талдык, был самый глубокий, но он обмелел и засорился мало-помалу, вследствие естественного стремления реки уклоняться все более и более к правой стороне[2]; подобным же образом другой рукав, Дарья-лык, то-есть «Новый поток», был покинут в западных равнинах, и прежняя столица страны, Кат, расположенная некогда на южной стороне реки, в 20 километрах к западу от нынешнего Аму[3], представляет теперь лишь бесформенную груду развалин. Там и сям, среди мокрых земель и болотистых пространств, поднимаются, на подобие островов, холмы в 50 и даже в 75 и 90 метров высотою; киргизы, свято почитающие память усопших, устроили на этих буграх свои кладбища, и с далекого расстояния видны развевающиеся по воздуху конские хвосты и флаги или значки, украшающие могилы[4].

Большие перемены, происшедшие в течении Оксуса уже в историческую эпоху, принадлежат к замечательнейшим явлениям физиографии, и из всех явлений этого рода, которые были наблюдаемы в новые времена, с ними можно сравнивать только периодические перемещения китайской Желтой реки. Если область нижней Аму-Дарьи не есть настоящая дельта, и если река еще не проложила себе в этой области правильных русл, то это потому, что она течет там только с недавнего времени, быть может, не более трех-сот пятидесяти лет. В самом деле, не далее как в первой половине шестнадцатого столетия Аму был притоком Каспийского моря; но это было лишь временное явление; со времен греческих историков эта река уже два раза переходила от Каспия к Аралу и обратно.

В эпоху Страбона, Оксус, по его словам, «величайшая река всей Азии, за исключением рек Индии»[5], впадал в Каспийское море, и торговое движение, направлявшееся с Понта Эвксинского в Индию, производилось через эту реку, составлявшую тогда продолжение, на восточной стороне Гирканского моря, закавказской долины Куры. После завоеваний Александра Македонского, основания эллинских государств в бассейне Оксуса и географического исследования восточных вод Каспийского моря, произведенного, по поручению Селевка I, мореплавателем Патроклом, кажется по истине невозможным, чтобы могла быть ошибка от-

1 Столетов, Гельман, „Записки Кавказск. отдела географ. общества", 1879.
2 Гербердт Вуд, цитированное сочинение.
3 Ленц; H. Kiepert. „Zeitschrift der Gessellschalt fur Erdkunde", Zb. IX.
4 Левшин; H. Wood, „Journal ot the Geographcal Society", 1875.
5 „География Страбона", кн. XI, 7, 3.

носительно такого важного факта, как течение Оксуса. Но в эпохи первых арабских и турецких писателей эта река, о которой Эдризи говорит, что она «превосходит все реки в мире, как по объему и глубине вод, так и по ширине ложа»[1], уже свернула с прежнего пути на север и изливалась в Аральское море: все арабские документы той эпохи удостоверяют этот факт. В четырнадцатом веке река опять направила свое течение к Каспийскому морю, в сторону которого ее увлекает относительно сильное падение, ибо бифуркация нынешнего ложа и старого русла, ниже Яны-Ургенча, находится на высоте 42 метр. над уровнем Арала, и на высоте 114 метр. над уровнем Каспия; это составляет падение более 14 сантиметров на километр[2]. Новое русло было наполнено в продолжение около двух столетий: но около половины шестнадцатого века, Аму-Дарья, оставив дорогу к Каспию, снова вернулась,—во второй раз уже в исторические времена,—в Аральское море.

Эти попеременные перемещения среднеазиатской реки были оспариваемы очень многими учеными: мало найдется географических вопросов, которые бы подавали повод к таким продолжительным спорам. Отрицали даже, чтобы Оксус тек к Каспийскому морю во времена древних греков; старое русло было приписываемо геологическим временам, задолго предшествовавшим истории человечества; высказывали предположение, что это русло не существует более и не наполнялось ни разу с тех пор, как поднятие почвы под Кавказом и его Закаспийским продолжением будто бы заставило все реки страны перенести свое течение далее к северу. Песчаные бугры, насыпи из обвалившейся глины, заграждающие в некоторых местах впадину бывшего речного ложа, приводились в доказательство давности отступления вод Каспийского Оксуса, а единогласные рассказы туземцев отвергались, как нестоющие внимания, под предлогом, что геологическая очевидность явления должна была сама по себе породить народное предание. Наконец, указывали на различие фаун Каспия и Арала как на доказательство того, что Оксус не переходил попеременно от одного моря к другому: до сих пор известен только один вид рыб, из семейства лососиных, общий обоим бассейнам[3]. Тем не менее, факт перемещения русла Оксуса имеет за собой положительные исторические свидетельства; формальные документы, цитируемые сэром Генри Раулинсоном, Юлем, Бруном[4], не оставляют никакого сомнения на этот счет; итальянские и испанские портуланы (описания и карты морских берегов и пристаней), составленные на основании сведений, сообщенных мореплавателями и торговыми людьми, показывают нам, что западные народы очень хорошо были знакомы с «Ургенджской рекой», то-есть с Аму-Дарьей, и знали ее как приток Бакинского моря, известного в наши дни под именем Каспийского. На одной карте Каталонского атласа 1375 года Сыр и Аму даже соединены в один поток, и этот план согласуется с современными свидетельствами; кроме того, названия Ochus и Amo, находящиеся к югу от главного устья, дают право заключить, что Ургенджская река изливалась в море несколькими рукавами. Мы не можем только определить с точностью время возвращения Аму-Дарьи в Аральское море. В 1559 году, когда английский путешественник Дженкинсов посетил Туркестан, Оксус уже перестал течь в Каспийское море, но он еще орошал равнины на западе от Куня-Ургенджа, и Дженкинсов мог сесть на судно перед этим городом, чтобы отправиться в плавание по реке; наконец, около 1575 года, по свидетельству Абуль-Гази, река, уклоняясь все далее и далее на восток, покинула Ургенджский оазис и устремилась всей своей массой к Аральскому морю. Абуль-Гази, рассказывающий нам об этом событии и о тех значительных переменах, которыми оно сопровождалось в земледельческой промышленности страны, был ургенджским ханом в начале шестнадцатого столетия. Следовательно, не может быть никакого сомнения относительно переворота, который совершился тогда в физической географии Туркестана[5].

1 Henry Rowlinson, „Edinburgh Review“, янв. 1872 г.; „Journal of the Geograph. Society”, passim.
2 Тилло, „Нивеллирование Аральского моря в 1873 г.“.
3 Богданов, „Известия Русск. Географич. Общества“, 1874 г, № 6:—„Русское Обозрение“, 1875 г., ноябрь
4 „Journal of Geograph. Society “,etc.;—„Плавание вокруг Каспийского моря“.
5 Lenz. „Unsere Kenntnisse uber den fruheren Lauf des Amu-Daria“:—Циммерман, Базинер и др.

Когда Муравьев обследовал, в 1819 году, часть прежнего течения Аму-Дарьи к Каспийскому морю, его открытие было встречено с некоторым недоверием, и в возражениях не было недостатка; но Эйхвальд в 1826 году, Карелин в 1836 году, Вамбери в 1863 году, подтвердили описание Муравьева; наконец, в 1871 году, во время приготовления новой русской экспедиции против Хивы, изыскания были возобновлены г. Стебницкпм, от старого устья на 300 километров вверх по долине; после того работа исследования была старательно продолжаема—со стороны Хивы г. Глуховским, а в центральной части прежней реки г. Лупандиным; теперь мы уже имеем подробную карту старого течения Аму-Дарьи. Покинутое ложе, средняя ширина которого не менее километра, так отчетливо сохранило свои очертания, как будто воды только вчера оставили его. Обрывистые берега Узбоя выгрызены в глинистой земле до глубины 20 и 25 метров, и только в некоторых местах песчаные откосы скрыли под собой параллельные слои береговой стены: аллювиальные мели, поднимавшиеся со дна до самой поверхности течения, могут быть сразу узнаны, точно так же, как и острова, рассеянные посреди реки. Самые глубокия впадины бывшего ложа до сих пор еще во многих местах заняты продолговатыми, извилистыми озерами, напоминающими своей формой речные излучины; только большая часть этих резервуаров наполнены соленой водой, окаймленной по краям кристаллами соли, похожими на снег. Гребенчики (деревцо), тростники, ростущие целыми лесами в ложбинах, представляют восхитительное зрелище для путешественника, которому перед тем пришлось странствовать целые недели по страшной, лишенной всякой растительности, песчаной пустыне; там и сям, на берегах пресных вод, он с неописанною радостью видит даже настоящие рощицы, состоящие из тополей и диких маслин (джида). Прежде полагали, что Узбой имел еще другое устье, к югу от острова Челекень, в бухте, называемой заливом Хивинским: г. Стебницкий не отыскал этой речной ветви и даже не думает, чтобы она когда-нибудь существовала[1], но один рукав протекал по южной стороне полуострова Дарджа, который нужно считать истинной дельтой прежнего Оксуса. Туркмены показывают еще план ирригационных каналов в местности, бывшей низовьем Аму-Дарьи[2]. Замечательно, что высохшая река оканчивала свое течение не в равнине, но через ущелье, через ворота гор, между двух вершин, которые, благодаря контрасту с окружающей ровной пустыней, имеют очень внушительный вид; горы эти—Большой Балхан, на севере, и Малый Балхан, на юге. Туземцы прежде называли покинутое русло Оксуса разными именами, смотря по частям его течения, как-то: Лаудан, Дарьялык, Куня-Дарья (Старая река), Узбой, Энгиундж, Деуден: но теперь ему дают общее наименование Узбой, от равнин Хивы до Балханского залива. Оно начинается на востоке, в нынешней дельте Аму-Дарьи, тремя руслами Дарьялыка, Деудана и Тону, из которых два первые соединяются близ «Желтых Камышей» или Сары-Камыш. За этим двойным озером, которое, без сомнения, было обширным озерным бассейном, и вода которого была, до недавних наводнений и предпринятых русскими работ, гораздо солонее морской, Узбой следует в южном направлении, чтобы обойти крутые склоны плоскогорья Уст-Урт; затем он поворачивает к западу, проникает в пролом горной цепи, составляющей продолжение Кавказского хребта на восточной стороне Каспийского моря, и, соединившись с бывшим потоком Ак-там или «Белая Глина», впадает в продолговатый залив Балканский, в южной части Каспийского моря. Общая длина Узбоя, между нынешним течением Аму и его прежним устьем, около 800 километров: долина Оксуса была тогда длиннее на все это расстояние. Развалины городов и деревень, находимые путешественниками на берегах верхнего Узбоя, между дельтой нынешней Аму-Дарьи и озером Сары-Камыш, принадлежат, очевидно, к двум эпохам, соответствующим двум периодам истечения Оксуса к Каспийскому морю. Постройки древнейших городов указывают на несравненно более высокую степень цивилизации и богатства, чем та, о которой свидетельствуют развалины позднейших поселений, во всем похожих, судя по сохранившимся остаткам, на строения современных нам Хивинских городов[3]. По свидетельству туземцев, другой рукав

1 „Journal of the Geogaphical Society", vol. XLIV, 1874 г.

2 Eichwald, „Reise auf dem Kaspischen Meere".

3 Костенко, „Туркестанский край".

Оксуса[1] отделялся от реки вблизи Чарджуя, гораздо выше нынешней дельты, и бежал прямо на запад через равнины, которые впоследствии превратились в пустыню и известны теперь под именем Кара-Кум (Черные пески).

Залив Балханский вдается далеко внутрь материка, и песчаные пространства, солончаковые котловины, обширные болота, находящиеся на протяжении Узбоя, придают ему скорее вид бывшего морского пролива или длинной цепи озер, чем простого речного ложа. Вероятно, что в предшествовавшую геологическую эпоху, прежде, чем сделаться руслом простой реки, ложе Узбоя принимало в себя воды, которые Арал, имевший тогда более высокий уровень, чем в наши дни, посылал непосредственно в Каспийское море, ибо, как мы знаем, высыхание составляет общее явление в замкнутых бассейнах Азии. В те времена, когда притоки Оксуса и Яксарта, теперь пропадающие в песках пустыни, приносили свои воды главному потоку, и когда страна изобиловала лесами, как о том определенно говорит Страбон, и как это повторяют арабские писатели десятого столетия, уровень Арала необходимо должен был превышать горизонт, которого воды его достигают в настоящее время: этот бассейн продолжался в ту эпоху далеко на юг, до подошвы крутых берегов Усть-Урта.

Понятно, что уровень Аральского моря должен был значительно колебаться из века в век, не только вследствие перемен климата, которые влекут за собой увеличение или уменьшение дождей и местной растительности, но также смотря по изменениям течения Аму-Дарьи. Если многочисленные признаки,—и между ними главным образом линии уровня, начертанные водами на западных береговых утесах Аральского моря,—свидетельствуют о более высоком уровне этого озера в предшествовавшую эпоху, то некоторые другие факты доказывают, что было также время, когда Арал не наполнял всего бассейна, в котором он заключен. Его уровень и площадь попеременно увеличивались и уменьшались с тех пор, как человек обитает на его берегах. Его, правда, называют «морем», и до известной степени он заслуживает это наименование, не за глубину, но за большое протяжение; однако, он зависит всецело, в отношении своего питания, от двух впадающих в него рек: пусть Аму и Сыр удалятся от аральской котловины, чтобы направить свои воды в Каспий, и «море Ховарезма» неминуемо должно обмелеть и высохнуть в небольшое число лет. Но Аму-Дарья, как мы видели, уже два раза покидала Арал в исторические времена, тогда как один из рукавов Сыр-Дарьи тоже изливался некогда в Каспийское море через течение Оксуса. Таким образом, не может быть никакого сомнения, что Арал нисходил в разные периоды своей истории до размеров незначительного степного озера.

Впрочем, этот вопрос легко может быть разрешен посредством простого вычисления. Г. Стебницкий исчислял, в 1870 году, поверхность Арала, без четырех главных островов бассейна, в 65.781 квадр. километр.: это площадь, равная восьмой части Франции. Самая впалая часть бассейна, идущая вдоль западных высоких берегов, у основания плоскогорья Уст-Урт, имеет всего только 68 метров в самом глубоком месте; да и этот пояс больших глубин очень узок. Около центра бассейна лот нашел глубину воды, равную 53 метрам; но вокруг этих двух впадин ложе Арала опять повышается неправильно от середины к берегам, и в соседстве прибрежья озеро превращается в простое болото; на обширных пространствах, особенно в восточной и южной части бассейна, рыболовы могут ходить по морю на несколько верст от берега, при чем вода доходит им только до пояса; линия берегов везде неопределенна, изменчива и зависит от ветров, которые заставляют ее отступать или выдвигаться вперед на несколько верст, смотря по их направлению. Взяв среднюю арифметическую величину всех произведенных до сих пор промеров дна, находим, что весь бассейн в целом его объеме, рассматриваемый как имеющий везде одинаковую глубину, должен иметь по меньшей мере 10, по большей мере 15 метров. Если даже принять эту последнюю глубину за истинную, то и тогда общий объем воды в Аральском море достигает едва 1.000 миллиардов кубич. метров (по Герберту Вуду, 942.970.000.000 кубич. метров или 1.233.434.000.000 кубич. ярдов), сле-

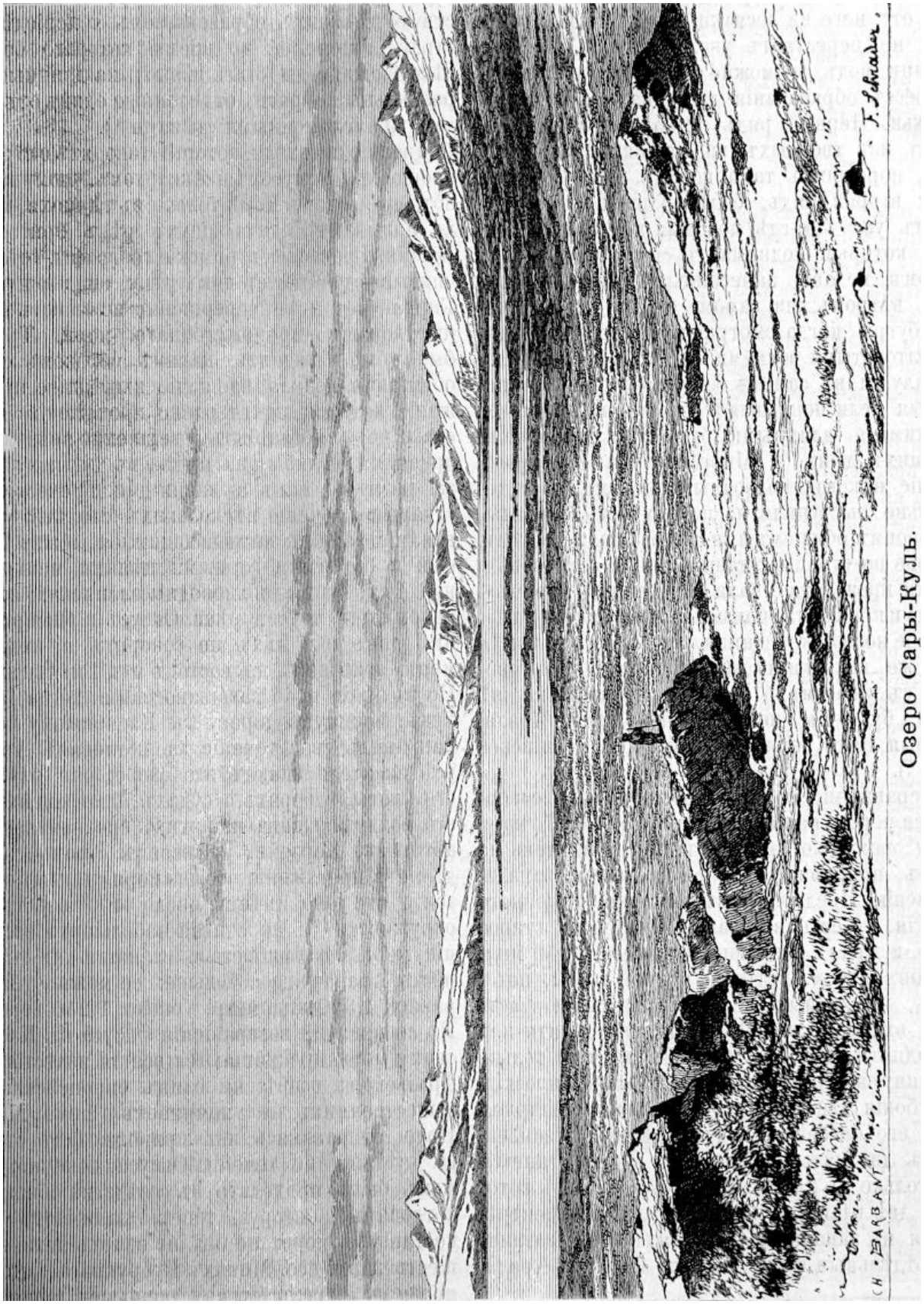
1 Герберт Вуд, цитированное сочинение и „Journal of the Geograph. Society“, 1876 r; — Костенко, цитированное сочинение.

довательно, по вместимости, это море только в одиннадцать раз больше маленького Женевского озера, которое, однако, в 116 раз уступает ему протяжением. Из этого видно, как незначительна относительная важность этого озерного бассейна, который представляет такую красивую фигуру на карте Азии!

Количество воды, которое Аму-Дарья приносит в течение года Аралу, известно; количество же, изливаемое Сыр-Дарьей, не было измерено с такой же точностью; но мы знаем, что оно составляет около 1.200 куб. метров в секунду, и что около половины этой последней реки изливается в озеро. Следовательно, приносимый двумя реками объем воды,—не принимая в рассчет мелких, почти всегда пересохших, притоков, которые от времени до времени вливают в озеро небольшое количество дождевой воды,—равняется приблизительно 2.200 кубич. метрам в секунду. Эта жидкая масса составляет как-раз такой объем, какой отняло бы у озера годовое испарение, равное 1.020 миллиметрам. Но при этом нужно принять во внимание также и дожди, падающие непосредственно в бассейне Арала, которые, впрочем, представляют, по Карлу Шмидту и Дорандту[1], только от 8 до 9 сантиметров в год. Годовое испарение, исчисляемое гг. Шмидтом и Дорандтом в 1.150 миллиметров, уносит ли также и этот внос облаков, и сохраняется ли приблизительно равновесие между прибылью и убылью воды в бассейне? Известно, что со времени прибытия русских в край было уменьшение объема водной массы Арала: испарение получило перевес. Вследствие недостаточности приносимого притоками количества воды, залив Айбугирский, который еще фигурирует на многих картах к западу от устьев Аму-Дарьи, и который в 1848 г. имел метр глубины, был уже в 1870 г. не более как болото, совершенно отделенное от главного озера перешейком, состоящим из ила и заросшим камышами. В 1871 г., во время Хивинской экспедиции, русские географы констатировали тот факт, что соленый залив Айбугир совсем исчез, и что в бывшем его ложе растут деревья: если он иногда и появляется опять, то уже не как залив Аральского моря, а как бассейн, образующийся от разлива Аму-Дарьи; он наполняется теперь только пресной водой. С исчезновением этого залива площадь Аральского бассейна убавилась на порядочный кусок, который можно исчислять приблизительно в 3.500 квадр. километров. Но, одновременно с Айбугиром, сколько других низменных берегов на окружности Арала должны были высунуться из-под воды и таким образом съузить поверхность озерного бассейна? Обширное песчаное пространство, окаймляющее северные берега Аральского моря, представлено на карте Гладышева и Муравина, относящейся к 1740 году, как покрытое водами, и действительно современные нам исследователи доказали, что вода удалилась оттуда в недавнюю эпоху. На скатах береговых утесов, в западной части бассейна, старые линии берега видны на высоте 43 и даже 75 метров над теперешним уровнем вод[2]. В начале нынешнего столетия вода омывала основание холмов, которые теперь находятся почти в 60 верстах от берега[3], и киргизы показывают мечеть, построенную некогда на восточном берегу озера, и которая теперь удалена от него на десятки верст[4]. Песчаная степь не перестает увеличиваться на счет пустыни вод, и можно проследить взором прогресс образования дюн на морском побережьи. Первый ряд песчаных горок состоит из твердых, вполне окрепших холмов, поросших тамариском или гребенником; второй ряд, более близкий к озеру, имеет уже кое-где молодые поросли гребенника, который поднимает свои стебли над песком, недавно нанесенным северо-восточным ветром; на самом берегу моря песчаные бугры, когда смотришь издали, сливаются с желтоватыми волнами; но они растут мало-по-малу, и в самом озере морщинистые песчаные мели покрываются постоянно увеличивающимися длинными бугорками, зачатками будущих дюн[5]. Многочисленные острова, бывшие некогда подводными мелями, последовательно выступили на поверхность, оправдывая своим обили-

1 Цитированный мемуар.
2 Мишенков, „Записки Русск. Геогр. общества", IV, 1871 г.
3 Meyondorff. „Reise nach Bokhar", „Mittheilungen von Petermann", 1878 г. № 8.
4 Герберт Вуд, цитированное сочинение.
5 Северцов, Богданов, „Русское Обозрение", 1875 г., № 8. „Mittheilungen von Petermann", 1878

ем имя озера, Арал-денгиз, которое по-турецки значит: «море островов». Русские прежде называли его «Синим морем», откуда и произошло наименование «Синей орды», которое носили кочевники окрестных мест[1]. Так же, как киргизы и туркмены, они говорили с ужасом о



Озеро Сары-Куль.

какой-то пропасти на дне озера, будто-бы поглощающей воды Арала, которые под землей

1 Левшин, Эверсман и т. д.

утекают в Каспийское море[1].

Несравненно быстрее должна была совершаться перемена в размерах Аральского моря в ту эпоху, когда Оксус, перестав течь на север, направил свой поток на юго-запад, к Каспию. Предположим повторение подобного события, то-есть возвращение Аму в старое русло, и Арал, лишающийся ежегодно 50 миллиардов кубич. метров речной воды, потеряет, в первый же год, двадцатую часть своей вместимости. По прошествии десяти или двенадцати лет, он уже будет иметь только половину своего нынешнего объема, все плоские, неглубокия места дна, то-есть самая обширная часть его бассейна, будут уже сухой землей; через двадцать четыре года вода останется еще только в пяти впадинах ложа, из которых две главные находятся одна в центре, другая в западных областях моря; различные отдельные озера, остатки бывшего Арала, уменьшатся до размеров других денгизов Киргизской степи. Встречающиеся на Арале бугры, подобные тем, которые мы видим и западных берегах Каспия, и тоже перпендикулярные к направлению берега, свидетельствуют, своим образованием, о периоде быстрого истечения, во время которого берег действием воды был изрыт на длинные параллельные овраги, отделенные один от другого промежуточными стенами[2].

Древние писатели, которые говорят о стране, орошаемой Оксусом и Яксартом, упоминают об Аральском море только в те эпохи, когда не называют этих двух рек притоками Каспия. Греческие и римские географы, которые описывают Оксус как реку, впадающую в Гирканское море, совершенно не знают о существовании промежуточного моря. Трудно было бы объяснить, каким образом столь обширная водная площадь, нынешнее протяжение которой почти равно протяжению Эгейского моря, могла быть совершенно неизвестна древним, еслибы она имела в ту эпоху такие же размеры, как в наши дни. Греческие государи в течение нескольких столетий управляли странами, заключающимися между Персией и большими горными цепями центральной Азии; купцы, полководцы эллинского языка переходили через реки Оксус и Яксарт, и ни один из них не говорит о втором море, лежащем на восток от Гирканского. Но в эпоху арабского завоевания, когда Джайхун, покинув дорогу к Каспийскому морю, направил свое течение к котловине Арала, все писатели знают это озеро: они чертят его карты, говорят о судах, плавающих по его водам. Один из этих средневековых авторов, Хорземи, уроженец страны, определяет протяжение этого «моря» таким образом, что оно имеет около 400 верст в окружности[3]; не считая небольших иссечений морского прибрежья, в наши дни окружность Арала втрое больше: ее можно считать равной 1.350 километр. (около 1.250 верст). Но со времени возвращения Оксуса к Каспийскому морю прекращаются всякия известия об Аральском озере: ни один европейский путешественник не упоминает о нем. Марко Поло, отправляясь из приволжских степей в пустыни по течению Оксуса, конечно, должен был проходить в соседстве обширной котловины, которую теперь занимает туркестанское море; но он не знает даже о существовании его. Монах Рубруквис, который прошел через страну непосредственно на севере от впадины, наполняемой ныне Аральским морем, ничего не говорит об этом огромном водном пространстве, он упоминает только о «большой реке, орошающей всю страну по воле жителей, воды которой поглощаются почвой и наконец теряются в болотах, не достигая какого либо моря»[4]. Маршруты путешествия Ибн-Батуты, Пеголотти, от каспийского берега в Ховарезм и в Отрар на Сыр-Дарье, проходят как-раз через пространство, которое в наши дни покрыто площадью вод[5]. Все эти факты дают право заключить с полной уверенностью, что в своих последовательных колебаниях, относительно уровня и объема жидкой массы, Аральское озеро прошло через период почти совершенного высыхания, и что одно время оно нисколько не отличалось от многочисленных озерных бассейнов, разсеянных в степи: оно бывало попеременно то морем, то

1 Левшин, „Описание киргиз-кайсаков".
2 Северцов, „Известия Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 7.
3 Ali-Suavi, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", tome IV.
4 „Recueil de voyages et de memoires, publie par la Societe de Geographie de Paris", tome IV.
5 Henry Rawlinson, цитированное сочинение; Грунн, „Плавание вокруг Каспийского моря".

болотом.

Смотря по альтернативам увеличения и уменьшения Аральского моря, вода его имеет большую или меньшую степень солености: содержание соли возрастает с усилением испарения, умаляется с увеличением приносимой реками жидкой массы. В настоящее время воды Арала, получающего обильную дань от своих притоков, двух больших рек, в очень слабой степени солены, и животные, дикия и домашния, пьют их без отвращения; при том же относительная важность пресноводных потоков, изливающихся в озеро, и изменчивое дуновение ветров разнообразно перемещают водяные слои различной солености, вследствие чего наблюдения, сделанные в разные, даже непосредственно следующие один за другим, года, не дают одного и того же результата, как показывают следующие цифры:

Соленость Аральского моря, по Тейху, летом 1871 г. 12,9000 на 1000; 1872 г. 10,9089; по Гримму 1873 г. 12,2757 на 1000.

Но можно принять, как средний вывод из произведенных до сих пор анализов, что количество солей всякого рода, растворенных в аральской воде, составляет 11 частей на 1000. Пропорция морской соли приблизительно на одну треть меньше в Арале, нежели в Каспии, тогда как гипс содержится там в количестве почти в три раза более значительном, чем в последнем из этих бассейнов, именно:

Морск. соль: в аральск. в., 6,2356 на 1000; в касп. в., 8,9504 на 1000. Гипс: в аральск. в., 1,5562 на 1000; в касп. в., 0,5592 на 1000.

Очевидно, Аральское «море», по составу своей воды, не есть остаток океана: это внутренний бассейн, где содержание солей зависит от свойства почвы окружающих местностей. Что касается фауны Арала, то подробное изучение её началось только в эти последние годы[1]; оно показало, что пресноводные и морские виды живут там рядом один с другим. В целом, однако, пресноводная фауна берет перевес; она не заключает в себе осетров и стерлядей, свойственных Каспию, и вообще, по Кесслеру, в аральских водах ловится только треть видов, найденных в этом море, т.е. Каспийском[2]. Фальк, Георги, Паллас, Эверсман—все говорили о существовании тюленей в Арале, что было бы чертой сходства с фауной Каспийского моря и Ледовитого океана; но путешественник Макшеев доказал, что это ластоногое животное не водится в Арале. Зато в его притоках, Сыр-Дарье и Аму-Дарье, открыли рыб, принадлежащих к роду, который до того времени считался исключительно американским, к роду scaphirhynchus[3].

Многочисленные мели, не только у берегов, но и по средине бассейна, далее внезапные штормы, поднимающие сильное волнение на поверхности озера, наконец, недостаток населения на большей части прибрежья—все это не позволяет судоходству получить действительно важное значение на водах Арала; до сих пор оно приносило некоторую пользу только с военной точки зрения, как средство для перевозки транспортов между дельтой Сыр-Дарьи и устьями Аму-Дарьи; но давно уже явилась мысль связать Аральское море с сетью внутреннего судоходства Европы, восстановив старое течение Узбоя до залива Балханского; еще Петр Великий, восторженный ученик голландцев, только и мечтавший что о прорытии везде каналов, задумал поворотить течение Оксуса к Каспийскому морю, и в 1713 г. дал инструкции в этом смысле несчастному Бековичу-Черкасскому. Даже сделано было начало приведения этого проекта в исполнение, и часть Аму-Дарьи, на этот раз направляемая рукой человека, пошла прежней дорогой, к Каспийскому морю. Во время большого разлива 1878 года, когда города, окруженные со всех сторон водой, превратились в острова, а дороги в каналы, русло Узбоя получало в секунду массу воды, равную 873 кубич. метрам, которая, однако, почти целиком терялась в прибрежных болотах: только небольшой поток в 4 метра достигал озера Сары-Камыш[4]. В 1879 году сток канала, который направили в Узбой, не превышал

1 Богданов, „Русское Обозрение", 1876 г. № 6.

2 „Русское Обозрение", 1875 г., № 4.

3 Богданов, цитированное сочинение.

4 Гольман, „Записки Кавказского Отдела Географ. Общества", т. X, 1879 т.

уже 60 метров в секунду, но при помощи боковых плотин удалось заставить новую реку изливаться в бассейны «Желтых Камышей» (Сары-Камыш). Однако, для того, чтобы восстановить старый Узбой, воды Аму ни в каком случае не следует отдавать этому двойному озеру, ибо уровень нижнего пруда почти на 15 метров ниже уровня Каспийского моря, а чтобы поднять его на достаточную высоту до порога, откуда бы вода полилась в русло Узбоя, для этого нужно бы было наводнять пространство, обнимающее около тысячи квадр. километров. Без сомнения, как показали изыскания г. Гельмана, можно бы было обойти этот озерной бассейн, выкопав искусственный канал; но если бары в устьях Аму-Дарьи останутся на том же месте, если самые течения Сыра и Аму, равно как и неверные, изменчивые фарватеры Аральского моря не будут заменены правильными каналами, то спрашивается—какая может быть польза от восстановления Узбоя: судоходство, которое производилось бы по извилистому потоку, оканчивающемуся с той и другой стороны непроходимыми мелями, всегда оставалось бы ненадежным, зависящим от случая, еслибы даже были сделаны серьезные попытки к созданию его на новой реке. В этих странах, где редкие оазисы осаждаются песками пустыни, вода должна бы быть употребляема до последней капли для орошения прибрежных полей.

Песчаная степь Кара-Кум, или «Черные пески», обширная область треугольной формы, простирающаяся на юг от Аральского моря, между Аму-Дарьей, Узбоем, текинскими горами и Мервским оазисом, есть одна из этих пустынь, которые при помощи искусственного орошения могли бы превратиться в плодоносные равнины, и где находятся остатки многих больших и многолюдных городов. Редкия, проложенные караванами, тропинки проникают в эти пустынные пространства, и путники считают дневными переходами расстояние, разделяющее колодцы, которые к тому же слишком часто оказываются пустыми, без воды, либо просачиваюшими негодную для питья солоноватую или соленую жидкость, там, по выражению Арминия Вамбери, «каждая капля воды есть капля жизни»[1]. Подвижные пески, тщательно обходимые караванами, тянутся в виде бугров, словно волны моря, на обширных пространствах; в других местах, глинистая почва, твердая, как камень, и растрескавшаяся, звенит под ногами лошадей и верблюдов; солончаки с обманчивым тонким грунтом, в котором немало погибло путников и животных, отражаются в воздухе действием миража. Почти везде земля голая; только изредка там и сям попадаются пучки репейника и низких колючих растений. Чащи саксаула редко встречаются в пустыне к югу от Аму-Дарьи, и почти все поросли этого деревца, существовавшие там лет сто тому назад, уже истреблены. Но некоторые из горных скатов, ограничивающих на юго-западе область пустыни, представляются почти зеленеющими, или по крайней мере зеленовато-синими, благодаря влажности, приносимой туда облаками. У основания этих высот бьют из земли ключи, вокруг которых развилась растительность и возникли селения. Пустыня отделена от гор поясом возделанных земель; это атоки или деревни, населенные туркменами племени теке: Ахал-аток на западе, Дерегез-аток в середине, Келат-аток на востоке.

Большой Балхан, на севере прежнего устья Аму-Дарьи, есть главный массив этой горной цепи, которую можно бы было назвать «туркменским Кавказом», так как она составляет продолжение Кавказских гор на восточной стороне Каспийского моря. Этот массив высится почти одиноко, имея с одной стороны пустыню, поднимая с другой стороны свой крутой обрывистый склон высоко над остроконечными вершинами гряды гор Курянын-Кары, которые продолжаются на запад до полуострова в форме удочки, запирая на половину вход в Красноводский залив. На север от Большого Балхана и его западнаго продолжения простирается гористая область, которая далее, в территории, называемой «Закаспийским отделом», сливается с плоской возвышенностью Усть-Урт. На юге, Малый Балхан, менее высокий и менее поражающие резкостью форм, нежели Большой Балхан, и покрытый там и сям зеленеющими полосками тощей растительности, составляет начальную гряду краевой цепи

1 Вамбери. „Странствование лжедервиша в центральной Азии".

Иранского плоскогорья, которая тянется с замечательной правильностью в юго-восточном направлении, и которую соседние туземцы, туркмены на севере и персияне на юге, называют разными именами. Часть этих гор, ближайшая к Малому Балхану, носит название Ку-

Хребетъ Искандеръ-Куль.

рян-даг; за ней следуют горы Копет-даг (Копепет-даг, Кипет-даг) или Даман-и-кох; далее идут горы Гулистана, самые высокие во всей цепи и прерываемые в востоке долинами рек Гери-Руд и Мург-аб. Самое имя Даман-и-кох, означающее буквально «краевая гора», ука-

зывает на положение её относительно Иранского плоскогорья.

Хотя Курян-даг и Копет-даг могут быть рассматриваемы как внешняя закраина южных возвышенных земель, однако, между этими горами и плоскогорьем в собственном смысле остается проход в виде широкой долины, в которой текут воды Атрека. Здесь, как и во всей системе Тянь-Шаня и Алая, происходит пересечение двух хребтов, из которых один направляется с северо-запада на юго-восток, а другой тянется почти по направлению меридиана, и именно, в углу, образуемом этими двумя складками почвы, открывается равнина, впрочем, неправильная и горячая, наклоненная к водам Каспийского моря.

Разные высоты туркменского Кавказа:

Большой Балхан, по Бларамбергу—1.602 метров; Малый Балхан—794; средняя высота вершин Копет-дага—2.250 до 2.300; Кара-даг, на сев. от Мешеда, по Непиру—2.398 метров.

Атрек—большая река, длиною более 500 километров: но в соседстве своего устья он обыкновенно представляет незначительный поток, шириною около десяти метров (14 аршин): отвод воды для орошения полей и непосредственное испарение почти совершенно истощили его; часто в его широком русле остаются только там и сям лужи мутной, иловатой воды, приобревшей солоноватый вкус, тогда как весной, во время большого наводнения, воды его разливаются на пространстве от 2.000 до 2.500 метров в ширину[1]. Далее на юге течет другая река, менее значительная, но устье которой никогда не пересыхает, и которая обильно орошает окрестности Астрабада, в юго-восточном углу Каспийского моря: это Гурген (Гурган, Джорджан,Хурган, Хурген, Веркан, Гиркания, Hyrcania) или «Волчья река». Эта изобилующая рыбой[2] река, длина которой не достигает 200 километров, получила, однако, большую историческую важность, и имя её сделалось именем всей страны Гирканской, с неопределенными пределами: естественной границей Персии считается то нижнее течение этой реки, то низовье Атрека, и, поднимаясь вверх по долинам этих рек, русские могут обойти позиции туркменов в их природных укреплениях на горах Даман-и-кох. Оффициально границей служит Атрек, но до сих пор еще ни один русский путешественник, ни один солдат не проникал в верхния области речного бассейна.

В прежния времена переход через реку Гурген был защищен «Красной стеной» (Кизыл-алан), которая должна была сохранять земледельческие населения Персии от набегов кочевников, проклятых Яджудж и Маджудж, «Гога и Магога», как их называли арабские писатели средних веков. Само собой разумеется, сооружение этой стены, как и постройка всех, теперь лежащих в развалинах, зданий центральной Азии, приписывают «двурогому» Искандеру (Александру Великому), и легенда гласит, что будто целая армия духов, состоявших в распоряжении македонского царя, трудилась над этим валом и воздвигла его в несколько дней. Но нам неизвестно даже, точно ли «Красная стена» греческого происхождения; полагают, что она была построена, как и Дербентские ворота, Хозроем Ануршиваном. Во время сооружения этого памятника уровень Каспия, кажется, был ниже, нежели в наши дни, если только не было после того местного оседания почвы той страны, ибо западный конец стены выдвинут в море на несколько километров. Гюмиш-тепе или «Серебряный холмик», составлявший некогда одну из главных крепостей большой стены, был островом в конце восемнадцатого столетия; но понижение уровня Каспийского моря опять переместило его на твердую землю. От этого укрепления, где нашли только черепки глиняной посуды, оружие и скелеты, погребенные по магометанскому обычаю, стена продолжается на восток, оставаясь на расстоянии, средним числом, 2-х или 3-х километров к северу от Гургена. Остатки её можно проследить до самых истоков реки и даже до Буджнурда, в верхней долине Атрека: следовательно, длина её превышала 350 километров. В настоящее время эта стена «Гога и Магога» есть не более, как ряд пригорков от одного до двух метров высотою и около десяти метров шириною, над которыми через каждую тысячу шагов господствуют развалины ба-

1 „Известия Русск. Географ. Общества", т. VIII, 1872 г. № 3

2 Вамбери. „Странствование лжедервиша в Средней Азии".

шен[1].

Между Аральским и Каспийским морями, ясно ограниченная плоская возвышенность образует большой, каменистый остров между морскими водами и низменными степями, из которых последние некогда были покрыты обширным средиземным морем Туркестана. Плоскогорье это носит киргизское название Уст-Урт, которое обыкновенно, хотя ошибочно, переделывают в Усть-Урт (то-есть как будто «устье Урта» или равнины), тогда как это слово означает «Высокую Равнину», в противоположность Низменной равнине или Аст-Урту киргизов[2]. Эта возвышенная равнина представляет тип террасы, по своему уединенному положению и по обрывистой крутизне своих краев. Неровности её почвы происходят главным образом от действия дождевых и снеговых вод, которые разорвали верхние слои и вырыли воронкообразные углубления, бесчисленные замкнутые бассейны, неимеющие стока ни к Аральскому, ни к Каспийскому морю[3]. Почти везде Уст-Урт ограничен крутым утесом или обрывом, по-киргизски *чинк*, который делал бы плоскогорье неприступным, еслибы края его не были прорезаны то там, то тут оврагами и лощинами; из основания его бьют многочисленные ключи пресной воды, имеющей слегка сернистый вкус. На западе от Аральского моря этот «чинк» высится в виде сплошной стены, поднимающейся в некоторых местах более, чем на 100 метров, и на краю крутых скатов виднеются там и сям какие-то таинственные постройки в форме усеченной пирамиды[4]. Плоскогорье во всей его массе состоит из третичных горных пород и следовательно по своему геологическому образованию, резко отличается от равнин, простирающихся на восток от Арала[5]; самые высокие его выпуклости достигают высоты 200 метров над уровнем этого озера, и следовательно, слишком 250 метр. над уровнем Средиземного моря; но кроме того, небольшая цепь скал, кальцинированных солнцем, Ак-тау или «Белая гора», тянется от юго-востока к северо-западу, на северо-западной оконечности плоской возвышенности, и вдается далеко в Каспийское море, образуя полуостров Мангышлак. Большая часть областей плоскогорья, уже пройденных русскими исследователями, лишена растительности, так что часто путешественники принуждены были питаться в этих пустынях так называемым «земляным хлебом» (Lecanora или Parmelia esculenta),—род лишая, который растет в виде шариков, похожих на разбросанный по земле птичий помет[6]. Однако, там есть много пастбищ в лощинах и оврагах, и южная часть плоскогорья скорее заслуживала бы названия «Поля серн», «Поля куланов» или «Диких лошадей», чем прозвища Кафланкир или «Поля тигров», данного ей туркменами[7]. В кочевом киргизском населении нет недостатка на Уст-Урте; но этому населению часто приходится менять место стоянки. Кратчайший пугь с берегов Каспийского моря к устьям Аму-Дарьи идет от восточной оконечности залива Мертвый Култук и направляется на северо-восток, через плоскогорье Уст-Урт, к Кунграду, на протяжении, по прямой линии, около 415 километров. В первый раз этой дорогой воспользовались русские коммерсанты в 1878 году, и отправленные по ней караваны не встретили никаких препятствий: ни крутых обрывов, ни потоков, ни сыпучих песков; двенадцать колодцев, расположенных на пути следования караванов, содержат годную для питья воду, в количестве достаточном, чтобы напоить двести верблюдов. Эти животные везут телеги, имеющие, средним числом, около тридцати пудов клади. Недавно предложен был проект постройки железной дороги, которая соединила бы Каспийское море с Аральским, следуя вдоль цепи озер и соляных болот, заменивших, вероятно, бывший морской пролив, между заливом Мертвый Култук и аральской бухтой Чернышева.

1 Herbelot, „Bibliotheque orientale“;—Вамбери;— Стебницкий; Эйхвальд; Муравьев; Дольмар; Морган: сэр Генри Роулинсон и др.

2 Левшин, „Описание области киргиз-кайсаков“.

3 Stumm, „Zeilschrift fur Erdkunde“, 1874.

4 Basiner, „Beitrage zur Kenntsiss des Russisches Reiches“, Bd. XV.

5 Барбот-де-Марни, „Русское Обозрение”, 1877 № 3.

6 Паллас, Эверсман, Базинер, Миддендорф.

7 Вамбери. „Странствование лжедервиша в Средней Азии”.

Некоторые из восточных бассейнов Каспия, врезывающиеся далеко во внутренность степей, могут быть рассматриваемы как отдельные озера, составляющие переход между обширным Гирканским морем и солончаковыми болотами, рассеянными в пустынях Туркестана. Один из этих бассейнов, почти независимых от Каспийского моря, есть Кара-богаз или «Черная Пучина», громадный овал которого расстилается на пространстве более 16.000 квад. километров. Ограниченное на западе маленькой песчаной насыпью, это озеро сообщается с морем только через проток, шириной от 200 до 800 метров, имеющий не более одного метра глубины при входе, так что только плоскодонные суда могут проникать в Кара-богаз. Быстрое течение, идущее из Каспийского моря, всегда направляется через этот узкий пролив, со скоростью от 5 до 6 километров в час. Западные ветры ускоряют воздушные токи, дующие в противоположном направлении, замедляют это течение, но никогда оно не движется со скоростью меньшей 2.750 метров в час[1]. Мореходы, плавающие по водам Каспия, туркмены, кочующие по его берегам, были поражены непреклонным, неумолимым ходом этой морской реки, катящей соленую воду, чрез подводные скалы, в залив с неведомыми границами, простирающийся далеко за круг горизонта, и боязнь этого течения в проливе, этой «черной пучины», была причиной того, что исследователи Каспийского моря долго не отважились пускаться на судах в Кара-богаз. Соймонов в 1726 г., Токмачев в 1764 г., ограничились обследованием протока, ведущего в залив; Карелин и Бларамберг в 1836 г. вошли в Кара-богаз, но, проплыв около 36 километров, вернулись, назад; только в 1847 году Жеребцов, первый из исследователей тех мест, смело проник в это внутреннее озеро, чтобы произвести съемку его берегов. «Черная Пучина», так же. как другая предполагаемая бездна Арала, считалась прежде чем-то в роде водоворота, куда, будто-бы, низвергались морские воды, которые затем уходили подземными каналами в Персидский залив или в Черное море. Быть может, смутные слухи о существовании залива Кара-богаз послужили основанием для рассказа Аристотеля по поводу тех пучин Понта Эвксинского, где, будто-бы, клокотали воды Гирканского моря, изливавшиеся туда после продолжительного течения в преисподних ада. Арабские географы Истахри и Якут тоже говорят о каком-то «Черном Кургане» (Сио-кох), подле которого воды, будто-бы, низвергаются в пропасть, образуют водовороты и затем снова выходят в Индийском океане[2].

Существование течения, уносящего соленые воды Каспия в обширный залив Кара-богаз, было объяснено вполне удовлетворительно покойным академиком Бэром. Этот бассейн имеет небольшую глубину, средним числом от 4 до 12 метров; ветры свободно разгуливают в нем по всем направлениям, летния жары дают себя чувствовать во всей их силе, и, следовательно, испарение там весьма значительно: летом над озером всегда стоит туман. Постоянно уменьшающаяся в толщине слоя жидкой массы, постоянно мелеющая вследствие этой потери паров, огромная водная площадь может пополнять свою убыль только благодаря непрерывному приливу новых вод. Тщательные исследования, которые очень удобно могут быть производимы в узком и неглубоком канале, соединяющем Кара-богаз с морем, не обнаружили существования обратного подводного течения, уносящего в Каспий более соленые воды залива. Таким образом этот внутренний бассейн отдает исключительно атмосфере воду, приносимую каспийским течением; но, уменьшаясь от испарения, громадное болото сохраняет соль: оно концентрирует ее, насыщается ею с каждым днем все больше и больше. Теперь, говорят, уже никакое животное не может существовать там; рыбы, увлеченные течением в озеро, становятся слепыми по прошествии пяти дней[3]. Тюлени, прежде посещавшие Кара-богаз, не показываются там более: самые берега его лишены всякой растительности. На глинистом дне начинают уже отлагаться слои соли, и лот, вынутый из воды, тотчас же покрывается соляными кристаллами. Бэр хотел вычислить приблизительно количество соли, которое теряет ежедневно Каспийское море в пользу Аджи-коуссара или «Горького колодца», как

1 Жеребцов, „Von Baer Kaspische Studien"; Петрусевич, „Записки Кавказского Отдела Русского Географ. Общества", т. XI, 1880 г.

2 Rawlinson, „Road to Merv", „Proceedings of the Geographical Society", vol. I, март 1879 г.

3 Семенов, „Словарь Российской империи".

называют туркмены внутреннюю часть озера. Взяв наименее высокие числа для степени солености каспийских вод, ширины и глубины пролива, скорости течения, ученый автор сочинения «Kaspische Studien» доказал, что Кара-богаз получает каждый день 350.000 тонн (около 2.100.000 пудов) соли, то-есть столько, сколько её потребляется во всей Российской империи в течение шести месяцев. Если от действия сильных бурь или вследствие медленного отложения осадков бар при входе замкнется, то «Черная Пучина» быстро уменьшится в протяжении, берега её превратятся в громадные соляные поля, и водная площадь, которая останется в центре бассейна, будет не более, как грязная лужа, покрывающая кристаллическую плиту.

На всех берегах Туркестана, и преимущественно на окружности Мангышлакского полуострова и вблизи мыса Тюк-Караган—или вернее Тюп-Караган, то-есть «Пригорок, поросший акациями»,—встречаются эти резервуары каспийского прибрежья, представляющие все степени соляной концентрации. Один резервуар еще получает от времени до времени воды моря и пока еще отложил на своих берегах только очень тонкий слой соли; в другом, тоже наполненном водой, дно скрыто под толстым слоем розовых кристаллов, похожих на мраморную мостовую: третий обратился уже в компактную массу соли, где блестят там и сям лужи воды, лежащие на метр и более ниже уровня моря; есть, наконец, такие, что потеряли испарением всю наполнявшую их некогда воду, и пласты соли, устилающие их дно, частию уже засыпаны песком. Ащи-сай, между Кара-богазом и полуостровом Мангышлак, есть один из этих высохших бассейнов, наполненных солью; уровень его на 15 метров ниже поверхности Каспийского моря[1].

Цепь болот, солончаковых котловин, небольших озер, соединяет залив Кара-богаз с другим соляным резервуаром, который мало-по-малу отделяется от северо-западного залива Каспийского моря. Да и сам этот залив, называемый «Мертвым» (Мертвый Култук, т.е. «мертвый залив»), есть скорее степное озеро, чем бухта моря. Средняя глубина воды в этом бассейне не превышает 2-х метров, и суда, пускающиеся в плавание по его водам, подвергаются опасности сесть на мель, каждый раз, когда восточный ветер гонит волны к открытому морю. Эта обширная бухта, частию отделенная от Каспия песчаными мысами и отмелями, не получает ни одного постоянного притока, и полное испарение её вод может быть предупреждено только непрерывным приливом жидких масс, приходящих из открытого моря. Но, принося свою дань соленых вод, это морское течение, при содействии дующих с суши береговых ветров, которые увлекают с окружающих степей столбы песку и отлагают его среди залива, постоянно повышает отмели и, таким образом, работает над изолированием Мертвого Култука, над преобразованием его в громадное соляное болото. Однако, гораздо прежде, чем произойдет отделение этой «мертвой» бухты от остального Каспия, рукав, которой она выделяет из себя на юго-запад, к низменности, составляющей продолжение залива Кара-богаз, будет превращен в соляное озеро. Этот морской рукав, Кайдак или Кара-су (Черная Вода) наполняет длинную и глубокую расселину, по краям которой возвышаются крупные скалы, образующие продолжение «чинка» или обрывистого ската плоской возвышенности Уст-Урт. В шестнадцатом столетии, когда степные племена были еще совершенно независимыми от России и стояли с ней на равной ноге, главный рынок, где производилась меновая торговля между Хивой и Московией, был расположен на берегах залива Кара-су. В то время бар, отделяющий этот фьорд от Мертвого Култука, был легко переходим; теперь же он почти неприступен, и русское правительство принуждено было упразднить в 1843 году крепость Ново-Александровск, которую оно построило в 1826 г. на восточном берегу бухты Кара-су. Соленость воды в Мертвом Култуке уже в два раза сильнее, чем в центральном бассейне Каспия, а в бухте Кара-су она почти вчетверо больше и превышает даже соленость Суэзского залива, самого соленого из всех морей, сообщающихся с океаном. Пропорция морской соли доходит в Кара-су почти до 4-х сотых, а все соли, взятые вместе, представляют 57 тысячных

1 Von Baer, „Kaspische Studien".

воды; это значит, что животная жизнь там почти или совсем прекратилась[1].

Вся область, простирающаяся на северо-восток от Каспия и продолжающаяся в виде ряда следующих одно за другим болот, до прибрежных низменностей Аральского моря имеет тот же неопределенный характер, представляя нечто переходное между морем и степными водами: там только и видишь, что «соры», болота, камыши или соляные озера, и когда западные ветры дуют с большой силой в продолжение нескольких дней, равнина снова покрывается водой. До 1879 года русские чиновники, инженеры и сборщики податей обыкновенно объезжали на севере это болотистое и солончаковое пространство, называемое туземцами Теньтяк-сор, и астраханские и гурьевские рыбо-промышленники, пользуясь тем, что начальство никогда не заглядывает в эту местность, отправлялись туда солить наловленную рыбу, чтобы уклониться от платежа установленного налога. Естественные каналы, имеющие некоторое истечение после сильных дождей, соединяют соляные озера этой области с морем, и один из этих каналов судоходен для мелких судов. По берегам болот там и сям бьют из земли нефтяные ключи[2].

Хотя впадающие в Каспий реки текут в море с европейской покатости, и хотя приносимые ими землистые осадки отлагаются преимущественно перед западным берегом, однако, морская впадина гораздо глубже на западной стороне. Против туркменских берегов, между Красноводском и Чикишляром, глубину в 50 метров находят, в море, не ближе, как на расстоянии от 50 до 75 километров от берега, так как по другую сторону бассейна, на таком же удалении от прибрежья, нужно опускать лот на 600 слишком метров. Потопленный берег продолжается от Красноводского полуострова до Мазандеранского побережья, к основанию Ашур-адинской стрелки; длинный и узкий остров Огурчинский, названный так русскими по причине его формы, напоминающей огурец, есть, очевидно, остаток прежнего берега: это ряд дюн, вершина которых постоянно повышалась от наносимого ветром песку, по мере того, как основание их погружалось в море. На севере от Мангышлакского полуострова остров Кулали есть другая цепь песчаных горок, или, вернее сказать, одна большая дюна, имеющая ту характеристическую форму полумесяца, которая замечается в большей части холмов сыпучего песку. Очевидно, Каспийское море подвергалось многочисленным колебаниям уровня со времени отделения его от Понта Эвксинского. Если бугры западного прибрежья Каспия и устьев Волги доказывают, своей формой и своим расположением, перпендикулярным к линии берегов, что в известную эпоху воды моря быстро понизились, то контуры островов Огурчинского и Кулали, вылепленные, так сказать, правильным ударом волн, служат, напротив, указанием на период повышения каспийских вод. С 1830 по 1863 год, непосредственные измерения каспийского уровня, сравненные с нарезками, сделанными Ленцом на одном береговом утесе близ города Баку, свидетельствуют о понижении горизонта вод на 1.20 метра. С другой стороны две триангуляции Кавказа, произведенные в 1830 и 1860 годах, обнаружили понижение кавказского уровня, за этот промежуток времени, на 1,25 метра,—число, почти совпадающее с результатом непосредственного наблюдения. Следовательно, в 1860 году уровень Каспия был слишком на 26 метров ниже уровня Черного моря[3].

VI. Народы, населяющие арало-каспийскую покатость

Хотя эта часть азиатского континента известна обыкновенно под именами Туркестана и Татарии, но она населена не исключительно людьми тюркского племени, и даже коренное население её, вероятно, принадлежит к аравийской семье народов: здесь именно, в центре Старого Света, цивилизованные народы Европы привыкли искать первоначальную родину своей расы. Какова бы ни была степень основательности этого общераспространенного мнения, но во всяком случае обширная равнина, о которой идет речь, может быть названа в эт-

1 Бэр, цитированное сочинение.

2 Мейер и Полонский, „Известия Русского Геогр. Общества", 1880 г.

3 „Известия Русского Географ. Общества", т. XVI, 1880 г.

нологическом отношении страной контрастов; противоположность, которую представляют чудные сады, орошаемые водами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, и страшные пустыни «Красных» или «Черных» песков, повторяется и в самых обитателях этих земель: одни занимаются земледелием и промышленностью: они садоводы, ремесленники и стремятся пользоваться удобствами оседлой жизни; другие, напротив, номады и пастухи: они кочуют со своими стадами в степях, и, чтобы обогатиться, стараются овладеть сокровищами, накопленными их соседями, жителями плодоносных оазисов. Между городами устанавливаются торговые сношения, но между горожанами и кочевниками в прежния времена шла непрерывная война, вызываемая, так сказать, самой природой: пустыня осаждает оазис, а кочующий пастух угрожает оседлому земледельцу. Такая борьба существовала в крае искони-веков и прерывалась только в эпохи иноземных нашествий и завоеваний, которые связывали на некоторое время Арало-каспийскую покатость с другими странами, по которые, вместе с тем, иногда уничтожали всю местную цивилизацию поголовным истреблением жителей. Нигде противоположные элементы не уравновешиваются лучше своей относительной силой: борьба между ними продолжалась из века в век. Нигде также религия не приняла столь ясно выраженного дуалистического характера: здесь, в древней Бактрии, среди роскошного райского сада, окруженного бесплодными песками, возник и развился маздеизм, культ двух главных богов-близнецов и врагов, ведущих между собой непрестанную войну. Ормузд и Ариман имеет каждый свою свиту, свой сонм духов, которые воюют в воздушных пространствах, тогда как на земле, увлекаемой в движении небес, живет в вечной взаимной вражде людской род.

Впрочем, различие между кочевниками и оседлыми жителями, столь редкое в отношении нравов и преданий, гораздо менее значительно с точки зрения племенного происхождения. Иран и Туран—это скорее символические выражения, чем термины, соответствующие фактам реальным и определенным. Между оседлыми и цивилизованными населениями Арало-каспийской покатости примешаны в сильной степени элементы тюркские и даже монгольские; с другой стороны, арийцы, потомки древних пароян и персов, входят некоторой долей в состав бродячих народцев аму-дарьинского бассейна. Смотря по превратностям истории, которые соответствуют в широкой мере колебаниям местного климата, образованные нации земледельцев и пастушеские племена степей поочередно одерживали верх, и чужеземные завоеватели: иранцы, македоняне, аравитяне, монголы, русские—усиливали то один, то другой из враждующих элементов. В настоящее время, благодаря преобладанию славянского племени, арийцы снова взяли перевес; но в стране есть достаточно места для всех, и естественных богатств, хорошо утилизируемых, хватило бы с излишком для жителей всякой расы, иранцев и туранцев. Имеющаяся ныне статистика населения, живущего между Каспийским морем, Иранским плоскогорьем, Памиром, Тянь-Шанем и водораздельной линией Обского бассейна, крайне неполна и неточна, и даваемое ею общее число жителей, 7 миллионов душ (что составит в среднем выводе, по 2 жителя на каждый квадр. километр), есть чисто приблизительное. Еще гораздо более сомнительны будут выводы, если мы захотим определить числовые величины, показывающие распределение народов этой громадной территории по языкам и племенному происхождению. Известно только, что так называемая «туранская» раса имеет здесь наибольшее число представителей: она составляет, вероятно, две трети народонаселения.

Туркмены или туркоманы, которые занимают, как оседлые жители или кочевники, всю юго-западную часть Татарии,—от плоской возвышенности Уст-Урт до страны Балх,—громадную область, пространством около 500.000 квадр. километр., являются, вместе с киргизами, главными представителями тюркской расы на Арало-каспийской покатости. Общее число их определяют приблизительно около миллиона душ [450.000 по Вамбери, вне Персии и Хивы;—980.000, по Вамбери, во всей западной Азии;—1.000.000, по Куропаткину[1]—1.250.000, по Галкину[2]]. Они делятся на многочисленные народцы, подразделяющиеся, в

1 „Туркмения и туркмены“.

2 „Исторические и этнографические материалы“.

свою очередь, на второстепенные племена, которые распадаются на орды, дробящиеся на кланы, роды или группы семейств: завоевывания и переселения до сих пор не перестают соединять и вновь разъединять различные подразделения расы, которые при этом часто меняют и самое имя; но главные деления сохраняются, и различие политического порядка сообщает некоторым из них вполне определенный характер. Между этими туркменами, племена, живущие на плоской возвышенности Уст-Урт и во всей «закаспийской» области, по берегам Кара-богаза и Балханского залива, состоят в русском подданстве; двести тысяч других туркмен зависят косвенным образом, через хивинского хана, от той же державы и сливаются мало-по-малу с сартами и узбеками, которых сады и поля перемешаны с их обработанными землями[1]; большинство иомудов и гокланов—данники Персии, но в течение восьми месяцев в году они кочуют на севере от Атрека и тогда обязаны выбирать себе хана, ответственного перед русским правительством; племя эрсари признает над собой власть бухарского эмира, а племена эль-эли зависят от того или другого из афганских владетелей. Наконец, половина туркмен состоит из племен, непризнающих над собой никакой иноземной власти: это текинцы и сарыки. Салоры, жители страны Мерв, о которых говорят, что они стоят выше всех других туркменских народцев по благородству расы, утратили уже свою независимость: они теперь покорены мервскими текинцами. Текинцы—самые многочисленные и самые храбрые из туркмен: их военный крик: уран! уран! всего чаще раздается в закаспийских степях, и еще недавно они нанесли русским самое кровавое поражение, какое когда-либо приходилось испытать славянским завоевателям в Туркестане. Классификация всех этих племен крайне затруднительна, о чем можно судить по различию исчислений, представляемых разными путешественниками: так, например, по Муравьеву, общая численность туркмен эль-эли, живущих на границах Афганистана, до 100.000 душ;—по Вамбери же, их всего только 15.000 душ.

Главные туркменские племена, по Петрусевичу и др.:

Текинцы мервские—50.000 кибиток или 250.000 чел.; текинцы атокские—30.000 кибиток или 150.000 чел.; эрсари—40.000 кибиток или 200.000 чел.; иомуды—20.000 кибиток или 100.000 чел.; сарыки—20.000 кибиток или 100.000 чел.; гокланы—9.000 кибиток или 45.000 чел.; чодоры—6.000 кибиток или 30.000 чел.; эль-эли—3.000 кибиток или 15.000 чел.; салоры—3.000 кибиток или 15.000 чел.

Большинство туркмен, в особенности те, которые живут по окраинам пустыни, между Атреком и Аму-Дарьей, сохранили характеристические черты своей расы,—широкий лоб, маленькие косо лежащие и острые глаза, небольшой, но резко очерченный нос, довольно толстые губы, оттопыренные уши, черную редкую бороду, короткие и густые волоса[2]. В долине Атрека и во всей гористой области, ограничивающей Иранское плоскогорье, туркмены в сильной степени смешались с иранской кровью. Персидские женщины, которых грабители уводят в неволю во время своих разбойничьих экспедиций, изменяют из поколения в поколение первоначальный тип расы, так что в непосредственном соседстве с иранской границей редко встретишь туркмена, черты которого не напоминали бы персиянина. Но если туркмен утратил свою татарскую физиономию, то он сохранил свой острый глаз, пронизывающий свет как стрела, а также свою гордую и воинственную осанку: этой-то смелостью своей поступи он и отличается, главным образом, от других народов той же расы,—киргизов, каракалпаков, узбеков. Почти все туркмены высокого роста, очень сильного сложения и обладают большой гибкостью членов. Племена внутренних местностей смотрят с некоторым презрением на смешанных туркменов персидской границы, которые и сами вообще согласны с тем, что примесь чужой крови составляет для них упадок, вырождение племени. Каждый прославившийся воин считает долгом иметь по крайней мере одну жену чистой туркменской породы, и дети, родившиеся от этой жены, почитаются детьми более благородного происхо-

1 Галкин, цитированное сочинение.

2 De Bloquevile, „Tour du Monde“, tome, XIII—„Bulletin de la Societe de Geographie“, июль в август, 1872 г.:—Girard de Rialle, „Les Peuples de l'Asie centrale“.

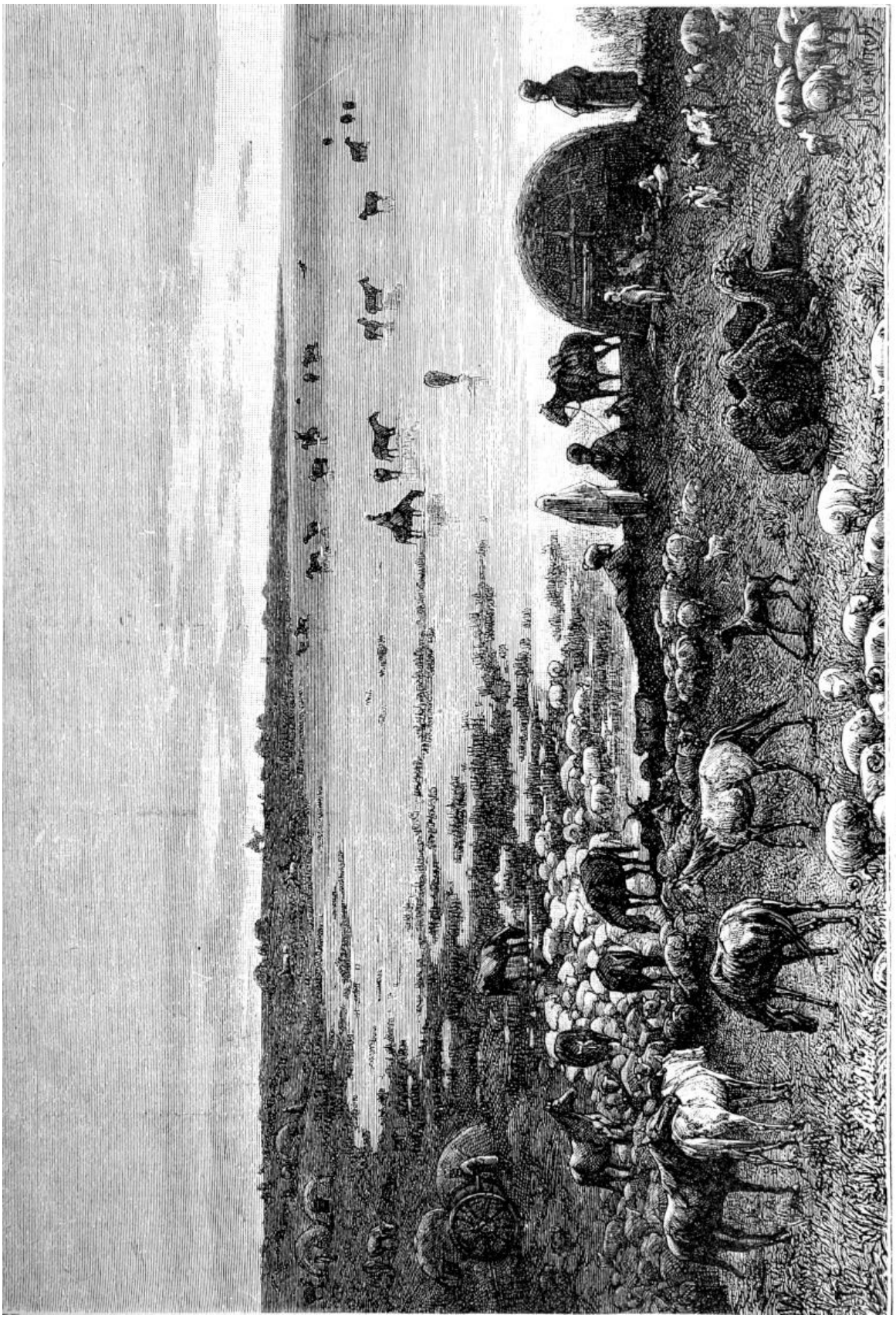
ждения, чем рожденные от других жен.

За исключением жителей Мерва, а также населения нескольких деревень в горах Гулистана, на севере от Мешеда, и населения крепостей или «курганов» в Атоке, все туркмены, кочующие и оседлые, обитают в кибитках, и даже по числу этих разборных войлочных палаток, возвышающихся среди равнины, обыкновенно исчисляют силу племен: средним числом, считают по 5 душ на кибитку. Ковры и подушки составляют всю меблировку этого переносного жилища. Одеяние состоит, для обоих полов, из красной шелковой рубахи, кото-

Туркменка.

рая покрывает все тело, от плечей до лодыжки. Мужчины надевают сверх рубашки чапан или халат, а на голове носят легкую барашковую шапку: этот костюм хорошо защищает их от степного холода, но не выказывает их стройности и ловкости; хотя отличные наездники, они далеко не имеют такой красивой посадки на коне, как русский казак. Женщины обыкновенно не носят другой одежды, кроме длинной рубахи; но когда нужно принарядиться, они повязывают вокруг пояса большую шаль, обувают ноги в красные или желтые сапожки, украшают себя запястьями, ожерельями, серьгами; подобно американским индианкам, они даже продевают себе кольца в перегородку ноздрей; наконец, они привязывают себе на

грудь сумочки или коробочки с амулетами, похожия на патронташ и сопровождающие их движения серебристым побрякиванием. Головной убор их весь унизан и увешан монетами, цветными каменьями, настоящими или поддельными, разными золотыми и серебряными



Берегъ Каспійскаго моря.

украшениями, и имеет иногда такие огромные размеры, что заключенное в нем лицо походит на образ святого, обрамленный ризой. Туркменские женщины не прячут лица под покрывалом, как другие магометанки. «Куда нам бедным жительницам степей, говорят они,

сообразоваться с городскими обычаями!»[1].

Туркмены, живущие в оазисах Даман-и-кох, не имеют никаких властей. «Мы народ без главы, говорят они с гордостью, мы все равны и каждый из нас царь. Нам не надо тени дерева, не хотим мы быть и под сению начальника!» Между ними некоторые личности принимают, правда, титул ак-сакала (буквально: «седая борода»), бая, бия или бея, даже хана; но это просто тщеславие, и никто не думает оказывать такому самозванному главе больше почтения, чем другим воинам, если он не отличается особенными качествами храбрости или добродетели, или если он не успел навербовать себе клиентов продажей хлеба в кредит. Те, которых называют «добрыми», то-есть богачи, люди умудренные опытом, самые неустрашимые бойцы, пользуются большим влиянием, когда дело идет о том, чтобы принять общее решение в пользу войны или в пользу мира; но они не имеют никакой власти, как судьи, и никто не пойдет жаловаться кому бы то ни было по поводу личного оскорбления, покражи имущества или какой-нибудь неправды. Обиженный сам отплачивает обидчику, если может, и порождаемые местью войны продолжаются из рода в род, если только первоначальная обида или неправда не будет заглажена посредством денежного вознаграждения. Вступая в союз друг с другом по своей доброй воле, расходясь по собственному желанию, ответствуя за свои поступки только перед собственной совестью, туркмены повинуются лишь традиционным правилам поведения, передаваемым из поколения в поколение с незапамятных времен. Жизнь в степях, освященная дебом или обычаем и согласующаяся с традиционным кодексом их морали, сделала из них людей свободных, вольницу; но это не мешает им уважать мирного соседа, быть гостеприимными, держать данное слово. Туркмены отличаются от окружающих народов, персиян, афганцев и бухарцев, более строгой честностью и менее испорченными нравами. Только на войне они дают полный простор своей свирепой жестокости; но в обыкновенных житейских отношениях они обнаруживают замечательную честности. У них не заимодавец, а должник хранит у себя росписку в получении занятой суммы, для того, чтобы помнить точную цифру своего долга; что касается кредитора, то ему нечего делать с этим документом[2]. Можно опасаться, как-бы вносимая теперь чуждая «цивилизация» не изменила этой патриархальной простоты нравов.

Туркмены сохранили еще обычай, некогда существовавший у всех народов, который состоит в том, что браку предшествует притворное похищение невесты, воспоминание первобытных нравов. Завернутая в длинное покрывало и держа в руках козу или ягненка, молодая девушка садится верхом на коня, скачет во весь опор и быстрыми поворотами то в ту, то в другую сторону старается уклониться от похитителя, который преследует ее во главе компании друзей. На третий или четвертый день после свадьбы молодая туркменка должна совершить новое притворное бегство, должна уйти к своим родителям, у которых она и остается в продолжение целого года, чтобы дать мужу время наворовать, на своем хищническом промысле, сколько нужно людей и таким образом уплатить условленный калым пленниками[3]; это долг чести, от которого он не может отказаться. Все другие события туркменской жизни тоже сопровождаются старыми символическими обычаями. Так, у них не ограничиваются оплакиванием умерших, но обычай требует еще, чтобы в течение целого года, в тот самый час, когда умер покойник, все его родственники и друзья принимались испускать протяжный вой, не прерывая, впрочем, ни на минуту своих занятий, и бывает так, что они вдруг начинают свои жалобные завывания, продолжая в то же время есть, пить или курить. Если покойный был великий воин, то нужно воздвигнуть могильный курган или ексу над его костями: каждый храбрец племени приносит по меньшей мере семь корзин земли, и таким-то образом выростают в короткое время те горки, вышиною от восьми до десяти метров, которые виднеются там и сям в степях.

---

1 Туркмены-иомуды, „Военный сборник“, янв. 1872 г.;—„Bulletin de la Societe Geographie de Paris“, июль, 1872 г.

2 Вамбери. „Странствование лжедервиша в Средней Азии”.

3 Alex. Burnes, „Travel into Bokhara”.

Все туркмены говорят тюркскими наречиями джагатай, мало различающимися одно от другого, и исповедуют одну и ту же веру, магометанскую суннитского толка, но не все с одинаковым усердием. Самые ревностные из них, вероятно, те, которые живут на персидской границе; они находят в своей религиозной ненависти к шиитам, обитателям соседнего плоскогорья, предлог и оправдание для своих разбойничьих набегов и того тяжелого рабства, в котором она держат своих пленников: правда, что они считают себя также в праве грабить и убивать хивинцев или бухарцев, не из за различия культа, но в силу закона возмездия, который позволяет им мстить за прежния избиения. Еще в тридцатых годах нынешнего столетия они смело пускались в дрянных барках по Каспийскому морю, чтобы ловить невольников на бакинском берегу[1], и в видах пресечения этих хищнических набегов, русское правительство и основало морскую станцию на острове Ашур-аде: их военные суда превратились теперь в рыболовные. Некоторые персидские округи совершенно обезлюдели от туркменских набегов; в других местах, оставшиеся жители запираются в деревнях, которые похожи на крепости, и где караульные днем и ночью стоят на страже, чтобы поднять тревогу при малейшем признаке опасности. На некоторых, слишком открытых для нападения полях, через каждые сто шагов построены башни. Число людей, уведенных туркменами в плен из Персии, в течение одного столетия, определяют в миллион душ; случалось так, что одновременно до 200.000 невольников томились в рабстве в Туркестане[2]. Горе пастухам, которые заберутся в пастбища, соседния с становищами туркменов! Разбойники, спрятавшиеся где-нибудь за холмом или в овраге, скоро отрезывают им отступление и, захватив в плен, гонят их перед собой, закованных в цепи. Целые орды кочевников не имеют другого занятия, кроме разбойничества, торговли персидскими невольниками или войны с другими туркменскими народцами: и чтобы обеспечить себя от нападений этих наследственных разбойников, южные народы принуждены была воздвигать исполинские стены, в несколько сот верст длины, остатки которых и теперь еще видны в юго-восточном углу Каспийского моря. «Где твоя душа?» спрашивает одна женщина у туркменского героя и отвечает: «Твоя душа в твоем мече, твоя душа в золотой стреле»[3]. Грабитель по профессии, «черный» туркмен позволяет себе только один труд и одну заботу—уход за своим конем, его неразлучным товарищем, который выручает его из всех бед и опасностей разбойничьей жизни, который для него дороже жен и детей, и с высоты которого он «не хочет знать ни отца, ни матери»; всякое употребление своих рук для земледельческих работ или для какого-нибудь ремесла показалось бы унизительным: он предоставляет эти занятия женщинам и рабам. Приводить захваченных в плен людей—вот его честь и слава. Когда лихие наездники отправляются среди ночи в аламан или разбойничий набег,—они любят больше мрак, как хищные звери,—ишан или странствующий дервиш не преминет благословить их и призвать милость неба на их благородное предприятие. Попавшиеся в плен старики или больные тотчас же умерщвляются, не только потому, что они не имеют цены, но также потому, что кровь их угодна богу браней; что же касается духовных лиц, то их обыкновенно щадят, в виду того, что они могли бы бросить дурной зарок на своих похитителей.

В прежнее время большинство уводимых туркменами пленников были обречены влачить жалкое существование в вечном рабстве; однако, весьма значительная часть сыновей невольников, а часто также и сами невольники поднимались мало-по-малу, благодаря своему уму, своей ловкости и хитрости, гораздо выше тех, которые их поработили. Очень многие из персиян, проданных на рынках Хивы и Бухары, достигали того, что делались негоциантами, высшими чиновниками, администраторами округов. В ханствах, еще независимых, им обыкновенно даются самые деликатные и наилучше вознаграждаемые должности. Хотя шииты по происхождению, они, однако, усердно исполняют обряды местного вероисповеда-

1 Eichwald, „Reise auf dem Kaspichen Meer“.

2 „Revue des Deux Mondes“, 15 апр. 1880 г.

3 Radlow, „Volksliteratur der Turkischen Stamme“,—Elie Reclus, „Philosopie positive“, март 1878 г.

ния[1]. Со времени уничтожения продажи персидских невольников на базарах ханств, ловля пленников делается только в видах получения выкупа[2]. В былое время некоторые владетельные князьки Хорассана тоже получали очень хорошие барыши, продавая своих собственных подданных.

В эти последние годы разбойничьи промыслы степных хищников много поубавились. Сдерживаемые на западе, на севере и на северо-востоке русскими войсками и флотилиями, вынужденные отныне уважать границы состоящих под покровительством России ханств, Хивы и Бухары, встречая также и со стороны Персии более серьезное, чем прежде, сопротивление, так как они теперь наталкиваются на колонии курдов, которых персидское правительство поселило в долинах гор и, которые храбро защищают свое новое отечество, туркмены волей неволей должны оставлять мало-по-малу свои обычая беспрестанных войн и разбойничьих набегов: из бандитов они делаются садоводами[3]. Гокланы теперь по большей части мирные земледельцы и даже занимаются с успехом шелководством. Уже многочисленные орды текинцев, недавно наводившие страх своими разбойничьими подвигами, стали вести оседлую жизнь, и занимаются прорытием ирригационных каналов, чтобы увеличить площадь своих оазисов. Самая нравственность рода изменилась, и в своих беседах с европейскими путешественниками туркмены упорно отрицают справедливость взводимых на них обвинений в разбойничестве[4]. Прежняя ходячая поговорка: «если разбойники нападут на кибитку твоего отца, помогай им грабить и бери свою долю добычи»[5], не имеет уже смысла в применении к большей части племен. При том же у туркменов переход от кочевого образа жизни к оседлому делается очень легко и просто. Обеднение, ссора с соседями, брак с женщиной из кочующей группы превращают оседлого жителя в кочевника; наоборот, советы или пример друзей, занимающихся возделыванием почвы, потеря верблюдов, какая-нибудь неудача заставляют номада отказаться от бродячей жизни. Сами земледельцы иногда переходят с места на место, когда сила их полей истощится или если местный климат оказывается неблагоприятным для них. Культура некоторых пищевых растений может быть примирима с этой кочевой жизнью. Чтобы получить хлеб, носящий по-латыни их имя, polygonum tartaricum, или гречу, татары выжигают растительность на выбранном пространстве, сеют и собирают жатву через два или три месяца, после чего перекочевывают в другие места. Туркменские скотоводы, перекочевывая регулярно, смотря по времени года, с одних и тех же пастбищ Иранского плоскогория на одни и те же травяные степи равнины, находятся в переходном состоянии между бродячей и оседлой жизнью. Оттого русские и надеются смирить южных кочевников Татарии, как они угомонили уже северных, воздвигая укрепления, господствующие над зимними становищами туземцев. Кроме того, русские устраивают на известном расстоянии один от другого склады съестных припасов, и проводят железную дорогу, направляющуюся от залива Михайловского к оазисам туркменов.

Верблюд и лошадь, неразлучные товарищи кочующего туркмена, естественно, должны уменьшаться в числе, во-первых вследствие войны туркмен с русскими, а во-вторых и потому, что, с распространением в стране земледелия, и воинственные привычки уступят место более мирным нравам; говорят даже, что туркмены добровольно сбывают с рук своих верблюдов, продавая их персиянам, из опасения, чтобы русские не овладели их скотом для перевозки своих военных припасов и провианта. Большинство верблюдов туркменского края одногорбые животные, поменьше ростом и слабее силой двугорбых, но зато выносливее к жаре: они могут делать переходы около 40 верст в день, с кладью от 9 до 12 пудов. Они пасутся на воле, без пут, вокруг кибиток, и некоторые из них даже опять делаются полудикими и уходят далеко вглубь степей, где и остаются целые месяцы. Что касается туркменских

1 Верещагин, „Revue des Deux Mondes“, 1873 г.
2 „Русское Обозрение”, 1879 г., № 8.
3 Стебницкий, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, апр. 1872 г.
4 Нэпир, „Journal of the Geographical Society“, t. XLVI, 1876 r.
5 Гродеков, „От Герата до Самарканда“.

верховых лошадей, происшедших от скрещивания арабской породы с туземными животными, быть может, знаменитыми низейскими конями древних парфян, то они некрасивы на вид, но мало найдется во всем свете равных им по выносливости: рассказывают даже о переездах в 1.000 верст, сделанных в пять или шесть дней подряд, без отдыха; после этого понятна поговорка, что «два дня купца не стоят одного дня вора»[1]. Эти туркменские лошади, очень ценимые русскими офицерами, имеют голову более длинную, грудь более узкую, ноги более мохнатые, чем у чистокровных арабских коней, но они лучше выносят климат, голод и жажду. Говорят, что они происходят от животных, приведенных арабами во время первого завоевания и впоследствии Тамерланом и Надир-шахом. Воспитываемые под кровом кибитки вместе с хозяйскими детьми и ласкаемые рукой женщин, туркменские лошади отличаются необыкновенно кротким нравом и большой смышленостью: все они очень красиво держат голову. Часто можно видеть в бедной изодранной кибитке хозяина и его семью, одетых в лохмотья, тогда как лошадь всегда покрыта хорошим войлоком[2].

Кара-калпаки или «Черные шапки» составляют в географическом смысле переход от туркменов юга к киргизам севера. Остатки могущественной нации, они еще имеют представителей своей расы на огромном пространстве, в Европейской России—в губерниях Астраханской, Пермской, Оренбургской, на Кавказе—в Кубанской области, в Сибири—в Тобольской губернии: переселения добровольные или насильные рассеяли их племена на тысячи верст расстояния одни от других; но, по их преданиям, все они происходят из Ховарезма[3]. Кара-калпаки разбросаны несколькими маленькими группами в долине Зарявшана, но наиболее сплоченную массу они составляют еще в сырых равнинах нижней Аму-Дарьи и на восточных берегах Каспийского моря: там они живут, быть может, в числе 50.000 душ, тогда как во всей Российской Империи их насчитывают около 300.000 человек. На берегах Аральского моря «Черные шапки» (называются этим именем потому, что обыкновенно носят на голове колпаки или высокие шапки из черных барашков) по большей части рослый и сильный народ, с широким плоским лицом, большими глазами, коротким носом, толстым подбородком, широкими руками[4]. Однако, женщины их слывут первыми красавицами в Туркестане. Впрочем, нельзя сказать, что кара-калпаки представляют резко обособленный тип: рассеянные на обширном пространстве, среди различных народов, они, повидимому, разнообразно смешались с другими племенами, а в Татарии они мало-по-малу сливаются с образовавшимся из помесей населением сартов. Кара-калпаки, смирные, кроткие, охотно занимающиеся земледельческими работами, служат, обыкновенно, посмешищем для своих соседей, именно по причине хороших качеств их характера: их тихий, миролюбивый нрав, их природное добродушие доставили им репутацию самых глупых людей на свете; впрочем, им действительно не достает живости и предприимчивости: взгляд у них вялый, без огня, рот почти всегда разинут и нижняя губа отвисла[5]. По всей вероятности, через несколько поколений, этот малочисленный, лишенный энергии народец не будет уже иметь независимого существования в Туркестане.

Многочисленная киргизская нация, заключающая, быть может, два миллиона душ (2.400.000 по Левшину: 3.000.000 по Красовскому), и область которой, столь же обширная, как вся Европейская Россия, простирается от берегов Волги до бассейна Тарима и от низовьев Аму-Дарьи до реки Иртыша, есть, по численности, самая важная между кочевыми расами Азии; но она не имеет этнической связи и дробится до бесконечности: сами киргизы сравнивают себя с «песком морским», который разносится ветром на далекое расстояние, хотя песчаные берега от этого не беднеют; представителей этого племени встречаешь даже на

1 Муравьев, „Путешествие в Хиву".
2 „Военный Сборник". янв. 1872 г ;—„Bulletin de la Societe de Geogr. de Paris", июль 1872 г.
3 Гребенкин, „Русский Туркестан" II, 1872 г.
4 Вамбери, „Sketches of Central Asia"; Girard de Rialle, „Les Peuples de l'Asie centrale".
5 Каразин, „Сцена из страшной жизни в Средней Азии".

границах Тибета и Индостана. Два главные отдела киргизской расы соответствуют рельефу страны. В равнине арало-каспийской покатости и бассейна Оби живут киргиз-кайсаки, самая многочисленная группа; в долинах Тянь-Шаня, Алая и Памира бродят буры, буруты (окончание ут в монгольском языке есть форма множественного числа: бурут, якут, тунгут, тангут[1], или кара-киргизы, «черные киргизы», называемые также киргизами «диких гор» или «дикими горными киргизами» (Дикокаменные киргизы).

Киргизы сами себя называют кайзаками или казаками, хотя наименование «киргиз» или вернее «кргыз» им не безъизвестно, и, если верить их толкованию, это слово значит буквально «Сорок девушек». По их легенде, сходной с легендой многих других народов Азии, они происходят от сорока дев и красной собаки, символа их дикой и бродячей жизни. Они разделяются на следующие четыре орды: «Большую» (Улу-юз), самую древнюю, которая занимает восточную часть Киргизского края, преимущественно на юг от озера Балхаш и в соседстве Небесных гор; «Среднюю» (Урта-юз), племена которой кочуют главным образом в области невысоких холмов, отделяющих бассейн Оби от арало-каспийской покатости; «Внутреннюю» или «Букеевскую», кочующую в Оренбургских степях, и, наконец, «Малую» (Качи-юз), которая владеет западной областью края и простирается далеко в Европейскую Россию; несмотря на свое имя, эта последняя орда самая важная, как по численности, так по степени цивилизации и по роли, которую ей обеспечивают её постоянные сношения с русскими, военными властителями страны. Тщетно русское правительство, со времен Екатерины II, пыталось поставить над Малой ордой хана; все назначаемые правители были свергаемы или умерщвляемы[2]. Так же, как и туркменские племена, федерация или союз, киргизов делится на второстепенные группы, а эти последние, в свою очередь, подразделяются на кланы, часто враждующие между собой, и народы, заключающие, средним числом, от пяти до пятнадцати кибиток. Каждый из этих аулов или маленьких общин живет в полной независимости, не признавая, после власти русских завоевателей, старательно избегаемых, никакого другого начальства, кроме авторитета главы семейства и третейских судей, избираемых ими самими в случае каких-либо споров и несогласий. Русские ограничиваются обложением этих кочевников податью в размере полутора рублей с кибитки, но правительственным чиновникам трудно открыть все становища, в оврагах и лощинах за холмами между барханами, среди непроходимой чащи камышей, по берегам болот, под покровом лесов; да и находимые ими аулы часто покидаются, по причине периодической перемены места жительства кочевников, смотря по времени года. Вот почему оффициальная статистика всегда оставалась ниже действительности, хотя из года в год казна успевала открывать все большее и большее число уклоняющихся от взноса подати. В 1837 году, когда было в первый раз приступлено к сбору подати, русские чиновники нашли только 15.500 кибиток в бывшей области Оренбургских киргизов; в 1846 г. они переписали их уже 67.280, а в 1862 г. число войлочных палаток, где был взимаем налог, простиралось уже до 155.000 слишком[3]. В 1872 году первая оффициальная перепись, произведенная в двух областях, Тургайской и Уральской, не смотря на сопротивление киргизов, насчитала 605.000 кочевников; сверх того Букеевская орда, аулы которой почти все рассеяны на западе от реки Урала, на европейской территории, за-

Богатый киргизъ.

1 Радлов, „Bulletin de l'Academie des Sciences de St.-Petersbourg", t. VI.

2 Левшин, Мейер и др.

3 Мейер, „Киргизская степь". „Материалы для географии и статистики России".

ключает, по разным исчислениям, от 160.000 до слишком 200.000 душ[1]. По последней же переписи 1897 г. в Тургайской области значится 453.123 ч.. а в Уральской—644.001.

Не имея начальников, все киргизы считают себя более или менее принадлежащими к дворянству. Их мелочное аристократическое тщеславие безгранично. Когда два киргиза встретятся, первый вопрос, с которым они обращаются друг к другу, следующий: «Кто были твои семь предков?» И все, даже восьмилетния дети, умеют в ответ перечислить свою генеалогию до седьмого колена по восходящей линии. Те, которые насчитывают ханов между своими предками,—и действительно находятся такие, которые ведут свой род от Чингисхана,—почитаются людьми высшей породы, отличающимися своей «белой костью» от массы «чернокостнаго» народа. Благородные киргизы, которым русское правительство жалует разные привилегии, и которых оно вывело в звание «султанов», не освобождая их, однако, от платежа подушной подати, окружены сбродом теленгутов,— то-есть беглых, чужеземцев, сыновей невольников—которые прежде служили им маленькими армиями во время междоусобных войн, а теперь гоняют стада своего господина и обработывают его поля. Эта челядь в большом презрении у вольных кочевников и не имеет права вступать в какой-либо из кланов или аулов; она считается как-бы особой кастой, непринадлежащей к нации и живет в отдельных станах, вместе с своими господами, султанами, также ненавидимыми массой народа. Бии или «старейшие» представляют собою выборных судей, к которым все охотно обращаются в случае споров; на их суд, вопреки русскому закону, отдают дела, которые должны бы разбираться султанами или русскими чиновниками[2]. «Чернокостные» присвоивают себе коллективное дворянство или благородное происхождение, которое дает им клан, имеющий свой особенный знак, подобный тотему индейцев, и благоговейно сохраняемый из века в век. Каждое племя отличается также особенным криком, который члены его испускают, как призывный клич, в своих празднествах или спорах.

Язык везде один и тот же и представляет лишь незначительные изменения у различных киргиз-кайсацких племен. Он принадлежит к чистому тюркскому корню и очень мало подвергался чуждым влияниям: в нем можно заметить только кое-какие слабые следы монгольского языка и небольшое число слов арабских и персидских, внесенных вместе с магометанской религией[3]. На севере, действие русской речи уже дает себя чувствовать, и даже в некоторых аулах Оренбургской степи киргизы разговаривают между собой по-русски[4]; но поселенцы славянской расы сделали, быть может, больше позаимствований, в обыденной разговорной речи, из идиома побежденных, чем эти последние из диалекта своих победителей. Подобно тому, как во времена монгольского нашествия москвитяне получили от татарских завоевателей слова, относящиеся к политике и администрации, так точно нынешние русские берут в свой язык у покоренных бродячих инородцев выражения, относящиеся к кочевой жизни[5]. По свидетельству Вамбери, из всех киргизских племен кипчаки, принадлежащие к Средней орде, всего лучше сохранили свой первоначальный тип, свои древние нравы и обычаи и чистоту своего языка. Что касается происхождения этой нации, то они еще составляет предмет горячих споров между этнологами, и некоторые ученые даже хотели видеть в киргизах арийских скифов, таких же, как древние обитатели берегов Понта Эвксинского. Как бы ни был решен вопрос о родословии их расы, нынешние киргизы несомненно всего больше походят на монголов и на тюркские и татарские народности, составляющие с ними одну группу по языку. Это крепко сложенные, коренастые люди, с толстой и короткой шеей, широким и невысоким черепом, плоским лицом, выдающимися скулами, приплюснутым носом, маленькими косолежащими глазами, редкой бородой, смуглым, часто грязно-коричне-

1 Тилло, „Известия Русск. Географ. Общества" 1873, № 2. Обручев, Риттих и др.
2 Тилло, „цитированное сочинение"
3 Крассовский. „Киргизская степь".
4 Рамов, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", 28 августа 1863 г
5 Вамбери, „Die primitive Cultur des Turko-tatarschen Volkes".

вым цветом кожи[1]. Дородность составляет очень обыкновенное явление у киргизов Оренбургской степи, и при том она считается у благородного сословия нации чем-то в роде привилегии, прибавляющей важности и придающей более величавый вид. По большей части они обладают огромной физической силой, но крайне ленивы, вялы, неповоротливы и неуклюжи, походка их тяжелая, тем более, что от постоянного сиденья на коне, на котором они проводят половину своей жизни, ноги у них слегка выгнуты дугой. В некоторых племенах, матери даже имеют привычку класть подушки между коленами спеленатым грудным детям, для того, чтобы постепенно выгнуть им ноги и таким образом сделать их более приспособленными для верховий езды[2]. Подобно ногайцам, киргизы часто имеют угрюмый или печальный вид; между ними редко встретишь людей, которые были бы так же предупредительны, приветливы в обхождении, отличались бы таким же веселым характером, как башкиры, или имели бы такой же смелый, неустрашимый взгляд, как туркмены. Большинство их до крайности ленивы и беспечны: ничего не делать—это для них верх блаженства и славы. В киргизских песнях женщины прославляют леность мужчин и свое собственное трудолюбие. Привыкшие к правильному труду, киргизки, вообще говоря, более стройны и ловки, чем их мужья, которых они превосходят также и нравственными качествами. В праздничные дни они любят принарядиться: на голову надевают высокую бархатную или парчевую шапочку, украшенную металлическими бляхами, вышивками и бусами, а косы продолжают до самых пят, при помощи лент и конских грив; они прибегают к румянам и белилам гораздо больше, чем европейские женщины, и даже, чтобы нарумянить себе щеки, натирают их растениями с

Киргизка.

1 Радлов; Вамбери; Верещагин, Girard de Rialle и пр.

2 Левшин, „Описание киргиз-кайсаков”.

едким соком.

Киргизы больших степей, народ вооруженных пастухов, по преимуществу кочевники: какое-нибудь событие, преследование другого племени, худые предзнаменования, сильная буря заставляют их переменить отечество. Так, в 1820 году большая часть астраханских киргизов покинули свои становища, чтобы вернуться в Азию, по простому слуху, что администрация собирается сделать им перепись; они испугались, что последствием этой переписи будет то, что их молодых людей заберут в военную службу и сделают солдатами на двадцать или на тридцать лет. Тщетно русские правители велели выстроить настоящие дома для киргизских «султанов», рассчитывая, что это придаст больше важности последним и будет способствовать возвышению их в мнении народа: хотя очень польщенные оказанной им честью, киргизские «белокостники» продолжали жить по-прежнему под войлочной палаткой, оставляя в своих домах все предметы роскоши, свидетельствующие об их богатстве и цивилизации; только самые жалкие члены нации, те, которые почти низведены на степень рабов среди казацких колоний, соглашаются обитать в деревянных домиках. Киргизы предчувствуют, что оседлая жизнь в домах будет совпадать для них когда-нибудь с потерей свободы[1]. Киргизская юрта, совершенно похожая на калмыцкую и туркменскую кибитку, состоит из простой деревянной решетки, покрытой снаружи красным сукном у некоторых «султанов», белым войлоком у богатых и обыкновенной кошмой у «чернокостных». В каких-нибудь полчаса времени целый аул исчез и направляет путь к другим местам стоянки: к северу —в начале лета, к югу—в первые дни зимы.

Киргиз-кайсаки не имеют того воинственного темперамента, каким отличаются их южные соседи, туркмены. Однако, они долго оказывали сопротивление славянским завоевателям. Они приняли русское подданство в 1731 году; но они думали в то время, что исполняют лишь пустую формальность, когда же поняли, что в мнении русских они утратили свое независимое существование, война началась. Она продолжалась более ста лет с промежутками вооруженного мира[2]. Последнее возмущение имело место в 1870 году, и мангышлакские киргизы разрушили тогда одну русскую деревню и осаждали форт Александровский[3]. Но, по природе, киргиз-кайсаки народ миролюбивый. Чтобы отмстить за обиды, удовлетворить старую злобу или воспользоваться благоприятным случаем для грабежа, они, правда, предпринимают от времени до времени баранты или вооруженные экспедиции, подобные аламанам туркмен, но делается это обыкновенно только для того, чтобы хищнически напасть и ограбить лошадей. Они не употребляют в дело оружия, кроме как против дичи. Страстные охотники, они преследуют и убивают степного волка сначала ударами бича, а потом—хлыстом из железной проволоки[4]. Они умеют дрессировать сокола, коршуна и даже беркута, приучая их ловить дичь; однако, помощь беркута на охоте не безопасна для них самих: бывали случаи, что крылатый хищник, тщетно отыскивая взором с небесной выси волка, лисицу или какое-нибудь другое животное, забившееся в свою берлогу или нору, налетал на своего господина, сшибая его с коня ударом могучих крыльев, вонзая когти в его тело и стараясь выклевать ему глаза[5].

Киргиз-кайсаки называют себя магометанами суннитами, но они по большей части до такой степени чужды всякому фанатизму, что их с таким же правом можно бы было причислить к шаманистам и к язычникам. Между ними встречаются даже такие, которые на расспросы путешественников отвечают, что и сами не знают, к какой религии принадлежат. Когда они впервые вступили в сношения с русскими, они не были мусульманами; в то время не существовало ни одной мечети в киргизских степях, не было ни одного муллы, призывавшего правоверных к молитве. Это сами русские всего более способствовали обращению кир-

1 Левшин, цитированное сочинение.
2 Григорьев, „Русское Обозрение", 1873 г.
3 Загорский, „Русское Обозрение", 1879 г., 5.
4 C. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja".
5 Ибрагимов, „Древняя и Новая Россия", 1875 г., № 9.

гизов в последователей Магомета, предполагая их таковыми. Косвенно, она были обратителями этого народа в магометанскую веру, напоминая ему имя Аллаха во всех своих договорах и условиях, но они имели полный успех в этом отношении только у сановных степняков, да у купцов. Главная масса нации осталась тем, чем она была до русского господства, приняв, впрочем, из религий окружающих народов то, что внушало им страх. Наиболее приверженными к шаманству оказываются те из киргизов, которым всего реже приходилось иметь сношения с русскими[1]. Впрочем, киргизский исламизм состоит главным образом в том, что они ненавидят христиан и последователей Али (шиитов) и считают позволительным обкрадывать, грабить и даже убивать этих иноверцев, но их религиозные обычаи и обряды не имеют никакой связи с предписаниями Корана. Пуще всего боятся они дурного глаза и никогда не забудут украсить разноцветными лентами голову молодого верблюда, чтобы удалить от него пагубные влияния: все у них примета, хорошая или худая,—падение нитки на камень белый или черный; оттенок желтый или красный пламени, которое поднимается, когда на огонь брошено масло, трещины продольные или поперечные, которые образуются на поджариваемых бараньих лопатках и т.д.[2]. Они пробуют заклинать злых духов, делая им жертвоприношения, привязывая к травам, к камышам, к кустам, к кольям, воткнутым в землю, волосы, тряпки или ленты. В горах они вешают также части одежды на ветвях деревьях, осеняющих целебные источники[3]. Собираясь в путь-дорогу или отправляясь в военную экспедицию, на баранту, киргиз пришивает себе сзади, к шапке, один или два мешечка, содержащих писанные молитвы, которые должны дать ему мужество и удачу в предприятии.

Из всех магометанских обычаев всего быстрее было принято многоженство, принято, впрочем, не массой бедных киргизов, неимеющих средств платить более одного раза калым или выкуп за жену, а богачами, которые обладают сотнями и тысячами голов скота. Так же, как у большинства народов, выходящих из состояния варварства, у степняков существует еще, там и сям, в браках обычай притворного похищения; но есть также много киргизов, которые на самом деле похищают молодых девушек, как военную добычу. Чаще всего они отправляются за этого рода добычей к калмыцким народцам Небесных гор и таким образом исполняют древний обычай, по которому всякая невеста должна быть взята не из своего племени и даже нации. По традиции, киргизы—экзогамисты или «чужебрачники», чем и объясняется большое сходство типа этих тюркских племен с их соседями монгольской расы. Из национальных обычаев всего лучше сохранились те, которые относятся к чествованию памяти усопших. Киргизы хоронят своих покойников с плачем и рыданиями и возобновляют траурные церемонии или справляют поминки на сороковой день, затем на сотый день, в конце года и еще по прошествии девяти лет. Близкие родственники бьют себя в грудь и испускают вопли, утром и вечером, в продолжение целого года, перед куклой, одетой в платье умершего. Могильные курганы, которые возвышаются на вершине холмов, украшенные пиками с развевающимися на конце конскими гривами и хвостами, составляют предмет величайшего почитания. Некоторые холмы сплошь усеяны надгробными памятниками всевозможной величины и формы, воздвигнутыми в честь усопших, пирамидами, башенками, куполами, портиками; матери велят представлять на этих памятниках колыбели своих детей, а дети изображают на них кибитку, где трудилась мать. Курганы встречаются также в большом числе в открытой степи: одна из могильных насыпей, возвышающихся на берегу реки Тургай, имеют 32 метра в вышину и 290 метр. в окружности; по сказанию легенды, под этим холмом покоится прах героя или батыря исполинского роста, одного из тех, которые поднимали горы, как простые камни для своих пращей[4]. Проходя или проезжая мимо этих могил, киргизы считают долгом сотворить молитву с коленопреклонением у подножия кургана и оставляют там, для нуждающихся, разные вещи, одежду, съестные припасы, деньги.

1 Левшин, цитированное сочинение.
2 Григорьев, цитирован. статья.
3 Костенко, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", март, 1877 г.
4 Левшин, цитированное сочинение.

Бедные прохожие могут взять себе, как дар от умершего, все, что увидят на его могиле; но они обязаны, взамен того, и сами сделать какое-нибудь маленькое приношение, дабы ни один нуждающийся не вернулся от покойника с пустыми руками[1].

В общем ходе развития человеческих обществ земледелие составляет прогресс в сравнении с пастушеским образом жизни; но относительно киргизов этого нельзя сказать. У этих степняков тот, кто нисходит в состояние хлебопашца, есть уже человек обездоленный, утративший радости жизни и свободу. Еще и в наши дни почти все киргиз-кайсаки магометанской веры—кочевники; те же, которые, по неимению собственного скота, вынуждены обрабатывать землю в соседстве русских поселений, отрекаются от имени кайсаков уже со второго поколения, носят русскую одежду и называют себя христианами; близ укрепленных постов южной Сибири, это они поставляют хлеб русским линейным казакам. На всей окружности киргизского края мелкие русские торговцы держат туземцев в кабале посредством ростовщичьих ссуд, и примеру этих кулаков слишком усердно следуют, во внутренности степей, так называемые «ханы», то-есть богатые киргизы: всякий раз, как слишком суровая зима влечет за собою гибель значительной части скота, среди киргизов происходит эмиграционное движение, направляющееся из территории орд к русским владениям. Между киргизами есть такие богачи, которые насчитывают в своих стадах сотни верблюдов, тысячи лошадей и до двадцати тысяч баранов. У них есть также и крупный рогатый скот, но в меньшем числе; до половины восемнадцатого столетия киргизы еще не вводили этих животных в своих степях, и им стоит большого труда прокармливать их и защищать от холода во время продолжительной зимы. Общее количество домашних животных в киргизской степи определялось в 1872 году, по Тилло, следующими цифрами:

Верблюдов—120.000; лошадей—1.720.000; быков и пр.—600.000; баранов—2.000.000; коз—180.000.

Кучки деревьев, густые камыши, узкие и длинные овраги между песчаных бугров служат убежищами большей части стад во время буранов; но в открытой степи нужно выкапывать большие ямы, куда и укрывается скот от непогоды, или протягивать войлочный забор со стороны ветра. Самые лучшие пастбища всегда приберегаются к зиме: когда земля покроется снегом, лошади начинают разгребать снег копытами и обгладывают верхнюю часть стеблей, затем на то же место пускаются верблюды, которые обрывают траву ближе к земле, наконец, очередь доходит до баранов, которые уже выщипывают растения до самого корня.

Не акклиматизировавшиеся животные гибнут от этой тяжелой жизни, от стужи и бескормицы. Дромадеры туркменской породы не могли быть введены в крае, и только двугорбые верблюды переносят тамошний климат. Бараны все принадлежат к породе овец с курчавой шерстью и жирным хвостом (курдюком); эти животные, когда подростут, делаются обыкновенно такими сильными и такими большими, что дети во время своих игр разъезжают на них верхом. Стада всегда ходят под предводительством нескольких коз, и иногда случается, в начале или в конце зимы, что при переходе через реки, покрытые тонким или хрупким льдом, овцы тонут сотнями, желая следовать за своими легкими проводницами[2]. Что касается киргизской лошади, то она некрасива на вид, но очень крепка, выносliва и неприхотлива; она делает шагом до 80 верст в день,—даже по 100 верст, как говорит г. Костенко,—ест все, что попадется, ложится на голый песок и переносит, без вреда для своего здоровья, все крайности тепла и холода. Во время своих конских скачек или байга, киргизы и калмыки могут легко проскакать около 10 верст в четверть часа, около 20 верст в полчаса, и иные киргизские наездники, меняя лошадей на нескольких станциях, пробегали в тридцать четыре часа около 1.300 верст. Ценные лошади, как-то: карабаир или «полукровный» и аргамак, чистой породы, менее выносливы. Аргамак, столь замечательный блеском своего одеяния, стройнее и выше на ногах, чем чистокровная арабская лошадь; его можно встретить

1 Noschel, „Beitrage zur Kenntniss des Russishen Reiches", Bd. XVIII.

2 Левшин, цитированное сочинение.

только у киргизских «султанов»[1].

Черные или дикокаменные киргизы, известные у туземцев под именем бурутов (буров), менее многочисленны, нежели киргиз-кайсаки, так как общее число их на обоих скатах хребта Тянь-Шаня не превышает 350.000 или 400.000 душ; они мало отличаются, по типу, языку и нравам, от своих соседей, обитателей равнин, и народная легенда даже производит их от выходцев из степных кайсацких орд, убежавших в горы[2]. Однако, эти горные киргизы, очевидно, в более сильной степени смешались с монголами и представляют совершенно тот же физический тип, как и калмыки; почти всех их женщин русские находят безобразными, исключая женщин племени сары-багиш. Они никогда не закрывают лица, и глаза их смело глядят из косо разрезанных век; волосы у них жесткие и твердые, как конская грива; по праздничным дням они носят головной убор вроде туркменского, сплошь увешанный металлическими бляхами и монетами, которые звенят при каждом движении. Грязные и склонные к пьянству, никогда не моющиеся, никогда не вытирающие своих кухонных инструментов и посуды иначе, как пальцами, из опасения «прогнать изобилие» из дома[3], буруты более дики, более невежественны, чем киргизы равнин, но зато они, говорят, более честны и более прямодушны в сравнении с их соседями степняками. Очень униженные теперь, эти дикокаменные киргизы, повидимому, были некогда нацией, гораздо более цивилизованной, чем в наши дни: китайские летописцы говорят о «ки-си-ли-цы», как о народе могущественном и промышленном, который вел деятельную торговлю с отдаленными странами внешней Азии. Но великия переселения народов увлекли далеко на запад и на юг эту ветвь киргизской нации, а те. которые остались на месте, были оттеснены мало-по-малу в горные долины. Потом пришли русские, которые истребили всех киргизов сибирских степей, к востоку от Иртыша, или оставили лишь ничтожные обломки этих инородческих племен, скоро утративших самое имя и слившихся с другими народами. Они сохранили от своей древней цивилизации разные мастерства и умеют строить ветряные мельницы, ковать железо, ткать прекрасные материи[4]. Черным киргизам совершенно чуждо аристократическое тщеславие, так сильно развитое у киргиз-кайсаков, и ни один из этих горцев не претендует на благородное происхождение, не кичится своей «белой костью»; однако, их начальники или манапы, в некоторых племенах, захватили в свои руки обширную, почти неограниченную, власть, и даже присвоили себе право жизни и смерти над своими управляемыми. Память о былой славе не совсем угасла у тянь-шаньских киргизов, и их поэты, их импровизаторы, вокруг которых собирается толпа слушателей в становищах, воспевают еще древних батырей, которые пронзали по тысяче человек одним ударом копья и поднимали одной рукой гору, где заснула их невеста: ничто не было невозможным для этих храбрецов былых времен. Ученые хотели видеть в песнях и былинах кара-киргизов остатки древних эпических поэм, и в некоторых из их воззваний или молитв проходит как бы веяние Вед:

«Всевышний, Царь небесный, ты, который производишь из земли зелень и одеваешь деревья листьями: ты, который покрываешь кости мясом и череп волосами, творец творения, Небо, которое создало звезды.

«Вы, шестьдесят властителей, давшие нам отца, и ты, Пай Онльгуэн, давший нам мать.

«Дайте нам скота, дайте хлеба, дайте главу дому, пошлите нам свое благословение!»[5].

Черные киргизы делятся на многочисленные племена, из которых западные известны под общим именем «Правой» (Он), тогда как восточные народцы, на обоих скатах Небесных гор, составляют так называемую «Левую» (Соль). Киргизы этой последней ветви, то-есть «Левой», находятся в самом близком соприкосновении с тянь-шаньскими калмыками, про-

1 C. de Ujfalvy, „Bulletin de la Societe d'acclimatation", 1879 г.

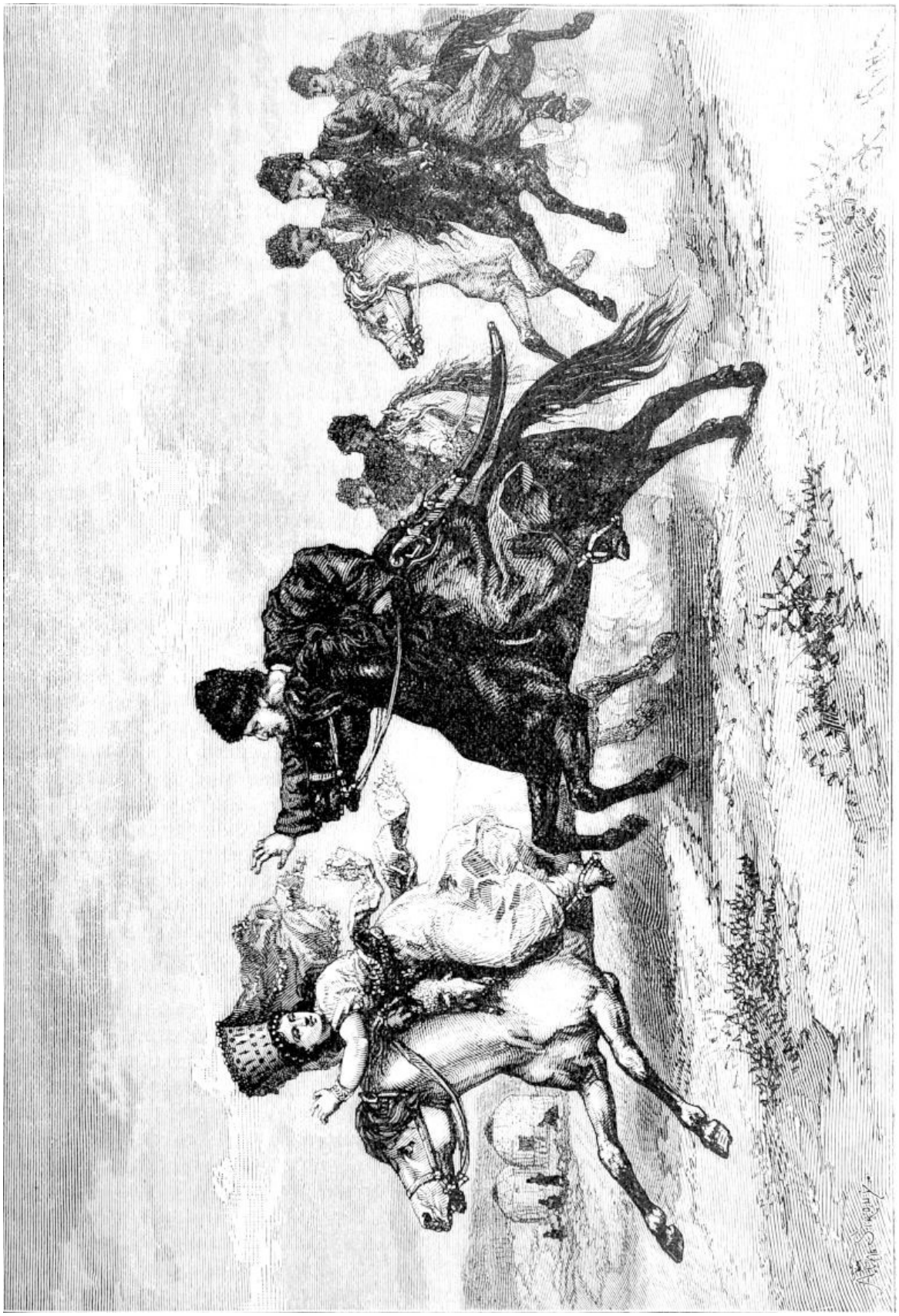
2 Хорошкцн, „Сборок статей, относящихся к Туркестану".

3 Семенов, „Mittheilungen von Petermann", 1859 г., № 3.

4 Валиханов, „Путешествии в 1858 в 1859 годах".

5 Радлов, „Volksliteratur der turkischen Stamme Sibirien"; Elie Reclus, „Philosophie positive".

исходящими частию от тех калмыков, которые ушли в 1771 году из астраханских степей в Джунгарию, и которые потеряли, во время этого исхода, такое большое число своих от голода, холода и битв. Побежденные черными киргизами и другими степными народами в сра-



Туркменскій обычай: догонка невѣсты.

жении, данном в местности к югу от озера Балхаш, калмыки нашли убежище только в восточных долинах Небесных гор, где их поселило китайское правительство, рядом с их соплеменниками, торгами или торгутами, буддистами, как и они, и говорящими наречием, близко

подходящим к их языку. Азиатские калмыки ничем не отличаются от европейских. У них такое же плоское лицо, съуженное в верхней части, такие же узкие и косолежащие глаза, такия же бледные губы, искривленные печальной улыбкой, такое же массивное туловище, поддерживаемое кривыми ногами. Женщины некоторых племен имеют привычку чернить себе зубы[1]. Так же, как киргизы, и даже гораздо чаще, калмыки употребляют быка для перевозки тяжестей и для верховой езды.

Едва-ли найдется народ, среди которого оспа произвела бы более страшные опустошения, чем у тянь-шаньских калмыков: оттого они прокляли самое имя этого бича; у них считается грехом не только говорить, но даже упомянуть о нем каким-нибудь намеком. В зимнюю пору, семья, пораженная страшным недугом, может считаться пропащей семьей: холод, в соединении с болезнью, не пощадит ни одного из обитателей кибитки; все члены семейства, от мала до велика, погибнут, и никогда никакой наследник не явится за получением вещей, оставшихся в зараженном жилище. Чтобы предохранить себя от заразы, калмык, зашедший нечаянно или по ошибке в кибитку, где есть больные оспой, первым делом напивается водкой до опьянения, после чего его родные и друзья, вооруженные ногайками, хлещут его до крови, чтобы прогнать вошедшего в его тело злого духа. В противоположность своим соседям, киргизам, калмыки мало заботятся о своих умерших. Они почти никогда не погребают их, а оттащив мертвое тело на некоторое расстояние от становища, бросают его на песке, отчего нередко случается, что голодная собака приносит в кибитку кусок трупа и пожирает его на глазах родных покойника[2].

В богатой долине реки Или, между Тянь-Шанем в собственном смысле и Джунгарским Ала-тау, главная масса населения состоит из таранчей, земледельческого народа тюркско-татарской расы, но, очевидно, смешанного в сильной степени с арийскими элементами: они происходят от кашгарских колонистов, приведенных в край манчжурскими завоевателями, в половине восемнадцатого столетия; хотя мусульмане по имени, они не знают большей части предписаний своей религии и руководствуются старыми обычаями, предшествовавшими магометанскому шариату[3]; женщины их не закрывают себе лица. Все обитатели этой Илийской страны, за исключением небольшого числа русских гражданского сословия и казаков, пришли с китайской территории, на юге и на востоке. Самые известные из этих пришельцев —дунгане, которые населяют главным образом города бассейна реки Или и составляют нечто в роде авангарда своим единоплеменникам внутренних провинций Китайской империи и округов турфанского и урумцийского. Солоны происходят от тунгузских военных поселенцев, более или менее смешанных, которые пришли в край в прошлом столетии, и которым грозит опасность исчезнуть от неумеренного употребления опиума[4]. Сибо или шибо, которые составляли, вместе с солонами, отдельное войско, подразделявшееся на восемь «знамен» или хошунов, были чистокровные манчжуры, говорившие цивилизованным языком нации[5]; остатки этих племен, сохранившие их имя, сделались туземцами через брачные союзы с калмыцкими женщинами. Между жителями этой страны встречаются также, в небольшом числе, манчжуры и китайцы «хамбинги». Известно, что Кульджинский край есть один из тех, где, во времена нового периода истории, происходили самые ужасные побоища, оканчивающиеся истреблением целых рас народов. Говорят, что в 1858 году манчжуры велели перебить, без различия пола и возраста, всех калмыков, обитавших в Илийской равнине: более миллиона человеческих жизней погибло в этой чудовищной резне. Столетие спустя, новые поселенцы, таранчи и дунгане, которых манчжуры ввели в край на место истребленных калмыков, жестоко отмстили своим господам за пролитые последними потоки крови. Ожесточенная война, в которой не было пощады ни одному пленнику, свирепствовала между посе-

1 Каразин, „Сцены из страшной жизни в Средней Азии".
2 „Туркестанския Ведомости„Туркестанския Ведомости", 1 апреля 1880 г.
3 „Tour du Monde", 1874.
4 Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja"
5 Радлов, „Русское Обозрение", 1873, № 3.

ленцами и их господами в продолжение нескольких лет и окончилась в 1865 году поголовным избиением манчжуров, солонов и сибо; только молодые женщины избегли смерти. Многолюдные города были обращены в груды развалин; если верить рассказам туземцев, около двух миллионов человек погибли в эти страшные годы разрушения. Когда господство китайцев уступило место владычеству таранчей и дунган, в долине Или, еще недавно так густо населенной, оставалось не более 130.000 жителей.

До прибытия русских в бассейны Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, политическое могущество принадлежало, в цивилизованных государствах страны, нации узбеков, тюркско-татарской расы, как киргиз-кайсаки и кара-киргизы, и говорящих также тюркским языком, джагатаем или уйгуром, одним из цивилизованных и литературных диалектов тюркского корня. Как во всех странах, где различные расы или народности живут рядом одна с другой, и где привилегии, политические и социальные, принадлежат одной из них, в Туркестане имя узбеков, как господствующего класса, естественно, составляло предмет честолюбия для всякого, и потому национальность их увеличилась большой частью людей смешанной крови. На миллион узбеков, живущих ныне в Арало-Каспийском бассейне, значительная пропорция, без сомнения, состоит из помеси с иранскими элементами, как это доказывают черты лица, походка и характер. От Ферганы до Хивы и от Хивы до афганских провинций Гинду-Куша, контраст между различными племенами, которые все одинаково именуют себя узбеками, так же велик, как контраст между национальностями, носящими разные названия. Что особенно поражает у большинства узбеков, в жилах которых есть уже примесь персидской крови, это густая растительность на подбородке; даже узбеки, сохранившие татарский тип, плоское лицо и косолежащие глаза, имеют часто такую же величественную бороду, как иранцы[1].

Сартъ.

Узбеки считают себя потомками кочевых племен знаменитой Золотой Орды, получившей это название, как говорят, от золотых листов, которыми обвертывали жерди, составлявшие остов ханской палатки; но, очевидно, в расу их с давних пор примешались элементы монгольские и татарские. Знаменитые уйгуры, давшие им язык, которым они говорят в настоящее время, язык гораздо более приближающийся к татарскому корню, чем турецкий, употребляемый левантинцами, были, вероятно, те из тюрко-татар, которым принадлежала наибольшая доля участия в образовании расы узбеков наших дней[2]: носимое ими национальное название буквально значить «свободный человек», если только оно не происходит от имени одного из их государей, чингис-хановых потомков, который обратил их в магометанскую веру в первых годах четырнадцатого столетия. Таковы, какими мы их видим теперь, то-есть смешанные с различными элементами, турецкими, монгольскими, иранскими,—узбеки представляют еще значительный контраст, с одной стороны с чистыми кочевниками страны, туркменами и киргизами, с другой—с арийцами, совершенно оседлыми. Некогда более цивилизованные, более занимавшиеся земледелием, чем в наши дни, они частию снова вернулись к состоянию номадов; можно сказать, что они и теперь еще полукочевники, и между ними не редкость встретить горожан, которые проводят почти весь год в палатке среди своего сада, и у которых дом служит житницей[3]. Еще разделенные на роды и племена, из которых иные носят то же имя, как киргизские народы, узбеки считают даже принадлежа-

1 Венюков; Уйфальви; Шау; Жирар-де-Риаль и др.
2 Friedrich Muller, „Allgemeine Ethnographie“.
3 Вамбери; Уйфальви; Верещагин и др.

щими к их нации кланы, на которые с таким же правом могли бы иметь притязание черные киргизы: таковы, например, ферганские туруки или тюрки, может быть, близкие родичи тех, которые, под таким же этническим наименованием, получили в передней Азии и в Европе столь важную историческую роль. Между узбекскими племенами старейшим или самым благородным почитается племя мангитов, из которых вышла царствующая фамилия бухарских ханов или эмиров, и которое, вследствие того, пользовалось многочисленными прерогативами[1]. В мусульманском мире узбеки представляют собою наиболее искренний и страстный элемент; между ними меньше встретишь равнодушных к вере, меньше лицемеров, нежели между другими народностями Туркестана. Почти все разбойники, но также почти все «святые» края,—более девяти десятых общего числа,—принадлежат по происхождению к племени узбеков[2]; персияне, таджики, сарты, афганцы, арабы, фигурируют пропорционально в гораздо меньшем числе между «Божьими людьми», несмотря на то, что духовное сословие вербуется почти исключительно из таджиков: в двух тысячах мечетей Зарявшанскаго округа едва ли наберется полсотни мулл, принадлежащих к другим народностям, то-есть не таджиков[3]. Хотя узбеки располагали политической властью в течение столетий, они остались простыми и честными, в сравнении с иранцами, которые составляют массу чиновников и сборщиков податей. Эти иранцы, в насмешку, величают своих господ, узбеков, Югун-келле или «толстыми черепами», в смысле тупоголовых, и это прозвище, кажется, справедливо с двоякой точки зрения, так как у узбеков костяной ящик головы действительно толще, шире и крепче, чем у их соотечественников иранской расы[4]. Чтобы показать, в шутливой форме, контраст характера, существующий между узбеками и таджиками, жители края рассказывают такую историю, что будто одна принцесса обещала свою руку тому из двух претендентов, который пророет оросительный канал через Голодную степь. Узбек добросовестно принялся за дело, начал копать ров для арыка и довел его до водопада, который виден еще и в наши дни; но у него не хватило времени окончить эту гигантскую работу. Таджик не задавал себе такого большого труда. Он поступил гораздо проще: перед назначенным днем, разослал камышевые циновки вдоль песчаной пустыни, и когда принцесса взошла на свою башню, чтобы увидеть вдали серебристую струю вод канала, показал ей работу узбека, блестевшую на солнце. Несчастный соперник, с отчаяния, бросил свой заступ высоко в воздух, и при падении инструмент раскроил ему голову[5].

Утрата политической власти, по всей вероятности, будет иметь следствием все большее и большее сближение узбеков с классом сартов и даже, во многих местах, слияние их в одну нацию. Сарты составляют смешанную расу, как и узбеки, но иранский элемент у них преобладает, и в этом отношении они резко отличаются от тех из узбеков, которые сохранили тюркскую физиономию. Впрочем, имя сартов всего чаще употребляется для обозначения не особенной национальности, а класса, отличающагося родом занятий и нравами. Оседлые жители городов и деревень, за исключением цивилизованных таджиков, называются сартами, без различия происхождения; некоторые писатели подводят даже и таджиков под это общее имя, даваемое всему гражданскому населению Туркестана[6]. «Когда гость приходит к тебе и ест твой хлеб, называй его таджиком; когда он будет далеко, ты можешь сказать, что это сарт»,—так решила местная вежливость. Когда киргиз или узбек-кочевник покидает бродячую жизнь, чтобы поселиться в городе, построит себе там дом и займется торговлей или промышленностью, его дети становятся сартами[7]. Оседлые цыгане, известные под именем мазангов,—в противоположность кочевым цыганам или лули,—называются тем же именем;

1 Ханыков, „Bokhara, its amir and its people".

2 Ханыков; Хорошкин, „Сборник статей, относящихся к Туркестану"; Гродеков. „From Samarkand to Herat". франц. перевод Ш. Марвена.

3 Гребенкин, „Русский Туркестан", часть II.

4 Вамбери, „Sketches of Central Asia"; Girard, de Rialle, цитированное сочинение.

5 Костенко, „Туркестанский край".

6 Гребенкин, „Русский Туркестан"; Schuyler, „Туркестан".

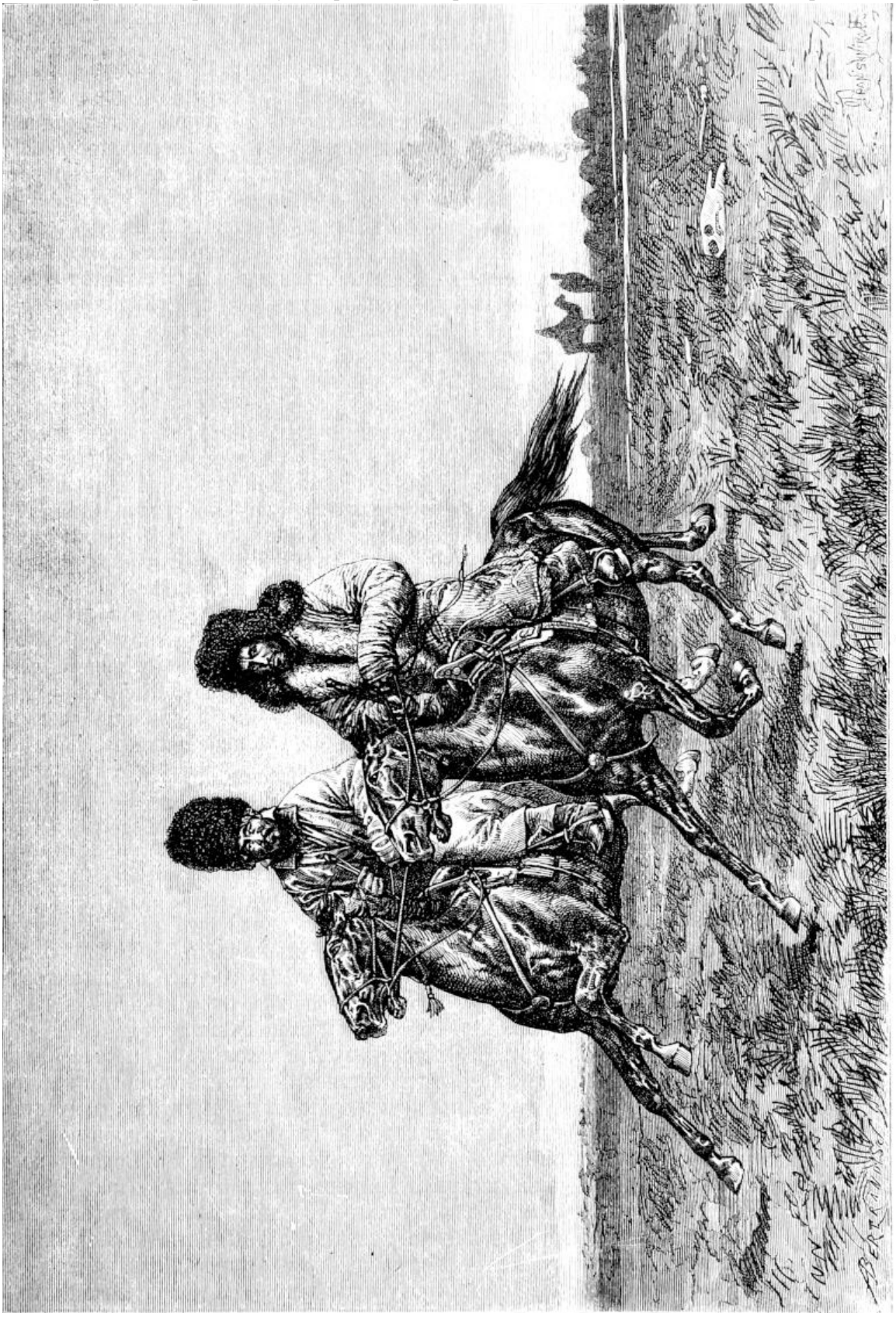
7 Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja"

к сартам же всего скорее можно причислить и курам, то-есть «сброд» окрестностей Ташкента; так называют людей всякого рода и племени: узбеков, киргиз-кайсаков, кара-калпаков, которые поселились в подгородных деревнях, вокруг большого города[1]. Во всей Фергане большинство жителей сами себя называют «курам», из чего видно, что им хорошо известно, что они произошли из смешения различных рас[2]. Впрочем, язык сартов разнится по городам: в Ташкенте, в Фергане, в Кульдже они говорят турецким языком, тогда как в Ходженте и в Самарканде—они употребляют персидский[3]. Представляя собою по преимуществу население смешанной крови в странах арало-каспийской покатости, сарты увеличиваются в числе быстрее, чем другие народности, и этот народ или класс несомненно имеет будущее, несмотря на презрение, оказываемое им людьми благородной расы. Киргизы любят делать игру слов из имени сартов: они называют их сары-ит, что значит «желтые собаки», и киргиз, соглашающийся выдать свою дочь замуж за одного из этих презренных парий, навлекает бесчестие на весь свой род[4]. Унижение, в котором властители страны держали сартов, имело естественным следствием нравственную порчу последних; оно сделало их боязливыми, хитрыми и фальшивыми. Вообще, сарты очень походят на евреев, как по физиономии, так и по характеру, и вполне заслуживают свое наименование, если правда, что оно означает «старьевщик», то-есть торгующий подержанными вещами; но по Лерху, смысл этого названия—просто «горожанин». Они особенно любят производить коммерцию деньгами, в качестве менял, ростовщиков и т.п.; но, как и евреи, они стараются приобрести образование, и ум их гораздо более доступен новым идеям, чем ум узбеков[5]. Хотя сарты очень боятся гор, однако, они мало-по-малу пробираются туда в качестве земледельцев, и покойный Федченко отзывается об их поселениях, как о самых цветущих колониях края. Они имеют обыкновение насаждать вокруг селения деревья, которые скоро разростаются в маленькия рощи. В этом отношении сарты непохожи на киргизов, которые любят, правда, деревья, как защиту для кибиток от солнца и ветра, но которым никогда не придет в голову разводить их самим[6].

Арийская раса представлена в Туркестане преимущественно таджиками, единоплеменниками тех, которые, под именем татов, живут по другую сторону Каспийского моря: слово таджик, означающее «увенчанный», доказывает, что в эпоху, когда раса получила это наименование, власть принадлежала её представителям[7]; она и теперь еще принадлежит им с экономической точки зрения, так как таджики составляют класс имущих,—это спекулянты, купцы, землевладельцы, а узбеки работают в их садах и виноградниках. Во многих странах арало-каспийской покатости они называют себя «парсиван», то-есть персиянами; это, в самом деле, иранцы, мало отличающиеся от иранцев Персии, и наречие, которым они говорят, содержит лишь незначительную примесь выражений турецких, арабских или монгольских. С первого взгляда легко отличить изящного и грациозного таджика от мешковатого, неуклюжего узбека: достаточно сравнить походку того и другого; однако скелет таджика остается более массивным, чем скелет персиянина в собственном смысле; на севере от горного узла Гинду-Куш редко встретишь те тонкия и стройные талии, которые так обыкновенны на Иранском плоскогорье[8]. Что касается типа лица, то он тот-же самый. Характеристические признаки таджиков—длинная голова с высоким лбом, выразительные глаза, осененные черными ресницами, тонкий нос, прямой у большинства, горбатый у некоторых; цвет лица румяный, волоса темнорусые, густые, борода обильно обросшая[9]. Таджики верхней долины

1 Федченко, „Путешествие в Туркестан“.
2 Кун, „Русское Обозрение““ 1876 г., № 4.
3 Костенко, цитированное сочинение.
4 Верещагин, „Tour du Monde”, t. XXX.
5 „Туркестанские Ведомости“, 25 марта 1880 г.
6 Гребенкин, „Русский Туркестан“, часть II.
7 Ханыков, „Об этнографии Персии“.
8 Ибрагимов, „Древняя и Новая Россия”, 1876 года, № 9.
9 Shaw, „Visit to high Tartary Vakrand and Kashghar”.

Аму-Дарьи поразительно похожи на жителей Кашмира. Очевидно, таджики составляют умственную аристократию Туркестана, и все, кто имеет претензию на хорошие манеры в прибрежных городах Сыра и Аму, стараются подражать их языку[1]. Но сколько пороков гнездит-



Киргизскіе наѣздники.

ся на дне этого вежливого, покрытого внешним лоском общества! Сколько есть таджиков, вполне заслуживающих обвинения, несправедливо взводимого против всей расы, о которой

1 Верещагин, „Le Tour du Monde", t, XXV.

говорят, что эти люди без идеала, необузданные любители чувственных наслаждений, существа сладострастные и жестокие, живущие только для наживы, игры и разврата!

Галчи, оседлые горцы, живущие на западном скате Памира, в самаркандском Когистане. в Каратегине, в Вахане, в Шигнане, в Дарвазе, в Бадахшане, тоже арийцы иранского корня, но они лучше таджиков сохранили первоначальную чистоту расы, благодаря тому, что редко берут себе жен из другого племени: подобно тому, как их начальники производят свой род по прямой линии от Александра Великого, они считают себя потомками воинов македонского царя. Характеристические особенности типа галчей,—то-есть «голодных воронов», по их собственному определению смысла этого имени,—«несчастных» или «бедняков», по объяснению таджиков, жителей равнины[1]—составляют: очень широкая голова[2], тонкий и красивый, слегка закривленный нос, резкое очертание губ. Путешественник Уйфальви встречал галчей, похожих, как две капли воды, на крестьян Романьи. Из пяти иранских народцев Когистана четыре говорят родственными наречиями и легко понимают друг друга, тогда как пятый, ягнаубы, населяющие долину того же имени, имеет особенный язык, хотя тоже арийского корни, но совсем непохожий на идиом их соплеменников. Своим прямодушием и простотой галчи составляют совершенную противоположность с лукавыми сартами и таджиками равнины. У них гостеприимство священно, и в каждом из их селений есть особый дом для приема странников. Рабство не существует и никогда не существовало в земле галчей; все жители ее люди вольные и управляются сами собой: их старшины или «белые бороды», обязанные этим титулом уважению, которое они приобрели своей правотой, нелицеприятной справедливостью, должны преклоняться перед решениями народного собрания. Редко случается, чтобы галчи позволяли себе иметь более одной жены, хотя религия разрешает им многобрачие; однако, женщина не считается совершенно равной мужчине: при разделе наследства сыновья получают две трети, а дочери только одну треть.

Таджики верхнего Туркестана, ныне мусульмане, сохранили еще кое-какие остатки древнего культа огня, и это, вероятно, чрез них некоторые обряды или обычаи поклонения пламени распространились от народца к народцу до крайних пределов Сибири. Как во всех странах, где действовало арийское влияние, у таджиков до сих пор справляется праздник огня или солнца, во время которого зажигают костры, подобно тому, как у европейских народов зажигают костры или смоляные бочки на Иванов день, и эти огни так же, как и у нас в Европе, предназначаются к тому, чтобы очищать своим пламенем всех, кто перепрыгнет через них. Больные должны три раза обойти вокруг костра, затем перешагнуть трижды через огонь; если же чающий исцеления слишком слаб, чтобы выполнить эти предписания, то ему нужно по крайней мере пристально смотреть на пламя в то время, как над ним произносят заклинания для того, чтобы прогнать болезнь к «пустыням и озерам»[3]. У горных арийцев, на восток от Самарканда и Бухары, и на юг от Памира, в Вахане и Бадахшане, запрещено дуть на свет, ибо нечистое дыхание человека не должно прикасаться к пламени, чистоте по преимуществу; туземцы приобрели привычку гасить лучины, служащие им светильником, производя течение воздуха маханием руки[4]. Вокруг колыбели новорожденного, вокруг одра умирающего постоянно носят горящий факел. Там и сям на берегах Панджи, южной ветви верхней Аму-Дарьи, встречаются древние башни, сооружение которых приписывают зардушти или «огне-поклонникам»[5]. Многие не арийские племена Туркестана и Сибири соблюдают обычаи, аналогичные обычаям галчей. Так, у некоторых племен никогда не начинают трапезы без того, чтобы не бросить в честь огня кусочка мяса, капли напитка[6].

К прежним народностям и к эмигрантам различных рас, которые были приведены в стра-

1 Юль; Федченко; Уйфальви и др.
2 Ханыков, цитированное сочинение.
3 Ch. de Ujfalvy, цитированное сочинение.
4 Gerden, „The Roof ot the World".
5 Wood, „Journey to the source of the river Oxus"; Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja".
6 Крапоткин, рукописные заметки.

ну войнами, одни как завоеватели, другие как пленники, в текущем столетии прибавились еще славяне всякого рода и племени, великорусы, малоруссы и поляки. Они составляют еще весьма незначительный процент народонаселения, никак не больше десятой части (эмиграция русских в Сыр-Дарьинскую область, в десятилетие с 1867 по 1877 г., по Костенко, 300.000 душ; в Семиреченскую, 44.000, из которых 20.000 казаков), но политическое преобладание расы обеспечивает им влияние гораздо более сильное, чем можно бы было предполагать, принимая во внимание их малое число. Это русские генералы дают приказания, перед которыми все преклоняются; эти русские гарнизоны занимают стратегические пункты края и своими грозными орудиями, блистающими на солнце, могут разрушить крепости и сжечь жилища туземцев. Но до настоящей минуты русские колонисты в собственном смысле играли весьма незначительную роль в деле преобразования страны. Замечено даже, что казаки гораздо более приблизились к киргизам, чем киргизы к русским, по нравам и образу жизни: во многих местах казаки приняли костюм, нравы и обычаи туземцем и, подобно им, живут в войлочных кибитках.

Мулла таджикъ.

Однако, обрусение народов Арало-Каспийской покатости уже началось на некоторых пунктах, и именно в местностях страны, наиболее удаленных от Европейской России. Военных колонистов, казаков, посланных правительством в уединенные, раскиданные станицы Тянь-Шаня и опустошавших своим хищническим хозяйством край, куда они шли против воли, сменили там и сям переселенцы, пришедшие добровольно и занимающиеся завоеванием почвы посредством земледелия. Уже в 1865 году один крестьянин из центральной России, посланный своим обществом в качестве разведчика, поселился на восточном берегу озера Иссык-Куль, и два года спустя к нему присоединилось до сотни его односельчан, вызванных им с родины[1]. С того времени основались новые земледельческие колонии в различных долинах Небесных гор, и земледелие или, вернее сказать, хищничество казака, поочередно зверолова, рыболова, пчеловода, лесоруба, уступило место правильной обработке почвы. Группы русской колонизации, следующие одна за другой по направлению от северо-востока к юго-западу, соединяют долину Иртыша с долиной Нарына, и, без всякого сомнения, эта линия скоро продолжится через Фергану к западным долинам Памира. Русское население образует уже, от Кавказа до Урала и от Урала до Тянь-Шаня, полный полукруг около «инородцев» Туркестана, и с каждым годом этот пояс длиною в несколько тысяч верст, расширяется и продолжается все далее и далее. Киргизы и туркмены, узбеки, сарты и таджики, замкнутые в постоянно увеличивающемся круге славянских поселений, подвергнутся, рано или поздно, той участи, которую испытали приволжские татары, чуваши и мордва.

VII. Государства Арало-Каспийской покатости

1. Бактриана или Афганский Туркестан

Государства и провинции этой области Азии не могут иметь постоянных, точно очерченных границ. На востоке плоская возвышенность, на юге горные хребты, на западе песчаная

1 Северцов. „Тянь-Шань“.

пустыня составляют их естественные пределы, и эти пределы выдвигаются вперед или отступают, смотря по обилию снегов, богатству пастбищ, распространению искусственного орошения, движению переносных песков. Аму-Дарья только частию своего течения служит северным рубежем этим областям Туркестана и отделяет их от Бухары. Между группами населения западного Памира северные считаются тяготеющими к Бухарскому ханству, южные связаны политически с Афганистаном; но за этими двумя государствами обрисовывается на горизонте тень соперничествующих европейских держав, оспаривающих одна у другой обладание Азией. Позади Бухары виднеется Россия, уже обратившая эмира в своего вассала; позади Афганистана выступает фигура Британии, владычицы Индий, и жители спорной страны, хотя пользующиеся полунезависимостью, хорошо знают, что их будущая судьба уже с давнего времени составляет предмет горячего спора между русским и англичанином. Дипломатическая переписка, которой обменялись, в 1872 и 1873 годах, петербургский и лондонский кабинеты, установила даже, временно, что северный предел Афганистана должен обнимать, на севере от естественных границ, образуемых горным валом Гинду-Куша и древнего Паропамиза, земли Вахан, Бадахшан, Кундуз, Хульм, Балх и Меймане. Таким образом, два европейских государства распоряжались судьбой территорий и народов, которые были посещены очень немногими путешественниками, и которых научное исследование предстоит еще сделать. Понятно, что Англия, овладевая стратегическими позициями в областях Афганистана, соседних с индийской границей, старается увеличить размеры этого государства с северной стороны и тем уменьшить объем будущих владений России. Что касается этой последней державы, которая еще далеко не окончила своего дела завоевания и ассимиляции, то она может выжидать. Географически, верхнее течение Аму-Дарьи и вся северная покатость иранского плоскогорья и Афганистана принадлежит к арало-каспийским странам, и возростающее влияние славянской державы непременно должно рано или поздно соединить в одну политическую группу различные части этого огромного бассейна. В продолжение нескольких месяцев в году между афганскими владениями аму-дарьинской покатости и Афганистаном, в собственном смысле, существует полное разобщение; тогда русские армии могли бы свободно проникнуть в северные долины Гинду-Куша, Кох-и-Бабы, гор Гарджистана.

Известно, какое важное значение имели эти страны в истории Азии, и как много народов и армий продефилировали чрез горные проходы индийского Кавказа. Там находятся, на западе от громадного полукруга горных цепей и плоских возвышенностей, замыкающаго Китайскую империю, первые пороги, позволяющие переходить через раздельный хребет между севером и югом континента. Там должны были переходить пилигримы, купцы, переселенцы, воины; там встречались различные цивилизации, с их религиями, нравами и произведениями. Там сходились и пересекались большие международные дороги Азии, тем более важные в прежния времена, что всемирная торговля еще не имела в своем распоряжении морских путей, открытых впоследствии европейскими мореплавателями. Дороги, связывающие непосредственно долину Аму-Дарьи с долиной Инда, имеют, кроме того, над дорогами, открывающимися западнее между Туркестаном и Персией, ту огромную выгоду, что они проходят почти везде через местности, пригодные для земледелия и населенные, избегают больших безводных пустынь: везде местами остановки для путешественников и караванов служат города, а необходимые им съестные припасы доставляют возделанные поля и сады. По краям этих дорог, соединяющих две половины азиатского континента, естественно, должны были возникнуть могущественные города: там царствовали повелители империи, владения которых простирались от берегов Индийского океана до равнин Сибири, и жители сотнями тысяч были собраны в их огромных столицах. Можно заранее рассчитывать на богатую жатву открытий, которую исследователи принесут из этих стран Азии, и которая даст возможность разъяснить многие еще сомнительные пункты всемирной истории. Не там ли же, в центре тяжести азиатского континента, должна гораздо существеннее, чем в Константинополе, разрешиться, наконец, великая проблема политического равновесия между Европой и Азией, известная под именем «восточного вопроса»?

Самое восточное государство в бассейне Оксуса,—если можно дать название государства земле, столь слабо населенной,—есть Вахан, чрез который протекает Сархад или Панджа, нижняя ветвь Аму-Дарьи. Территория Вахана весьма значительна, так как верхнее течение Сархада, от его истока в Малом Памире до большого изгиба Ишкашимского, имеет не менее 250 километров протяжения; но эта область так возвышенна, так холодна, так бедна растительностью, что её редкие жители не могли нигде поселиться, кроме как в нескольких, хорошо защищенных от ветра лощинах, на берегу реки: самая низкая деревушка Вахана лежит на высоте 2.700 метров, а самое возвышенное селение, Сархад, находится на высоте 3.600 метров, следовательно, выше, чем вершина высочайшего пика Пиренейских гор; за Сархадом, еще выше, разбросаны там и сям летния жилища. Тальник и другой низкий кустарник составляют единственную древесную растительность этой холодной долины, и обитатели её, вахи, сеют в своих садах только горох и ячмень; по счастию, они имеют, кроме того, стада курдючных баранов, яков и другого крупного рогатого скота; главное их удовольствие—это охотиться летом на каменного козла, качкаря (ovis Poli), а также на куропаток с помощью прирученных соколов.

Даже в этой дикой горной области, столь удаленной от плодородных равнин, и которая, казалось бы, не представляет ничего заманчивого для завоевателей, войны и рабство смешали расу; вахи или ваханцы—это народ, происшедший от смешения таджиков и узбеков, говорящий одновременно двумя языками—татарским, который их природный язык, и персидским, цивилизованным диалектом, который они употребляют в сношениях с иностранцами[1]. Некоторые из этих горцев в полном смысле слова красавцы, с тонкими чертами лица, отличающими персидский тип; но белокурые волосы и голубые глаза тоже не редкость между ними. В настоящее время вахи магометане шиитского толка, и при том очень искренние и ревностные в своей вере, доказательством чего, между прочим, служит тот факт, что они регулярно посылают десятину своему духовному главе, имеющему пребывание в Бомбее[2]; но тем не менее они до сих пор сохранили, вместе с некоторыми следами древнего культа огня, много нравственных черт, отличающих их от других мусульман; женщина пользуется у них большим уважением, нежели у большинства восточных народов, и, как у киргизов, так и у этого племени, все деньги семьи обыкновенно отдаются на руки жене.

Во время своего путешествия к истокам Аму-Дарьи, в 1838 году, англичанин Вуд определял общее число ваханцев только в 1.000 душ, тогда как тридцать пять лет спустя другой английский путешественник, Форсит, и его товарищи по экспедиции исчисляли население долины в 3.000 человек: эта последняя цифра очень близко подходит к числу, показанному одним документом русского происхождения, по которому в Вахане находится будто бы 550 жилых домов[3]. Народное предание говорит, что прежде этот край был гораздо более населен; с другой стороны, в последнее время колонии ваханцев основались также на восточном скате Памира, в Сириколе и в Кашгарии. Но, очевидно, Вахан обязан своим важным значением не числу жителей, а своему географическому положению на проходе, ведущем с Арало-Каспийской покатости в бассейн Тарима; через Вахан проходит самая удобная дорога Памира, та, по которой в это последнее время, идя, быть может, по следам Марко Поло, следовали путешественники Вуд, мирза Суджа, Поталось, Форсит и Гордон. Относительно легко доступные перевалы, которыми каждый год пользуются горцы, киргизы и ваханцы, ведут на юг, через Гинду-Куш, в Читраль и Канджуд, то-есть в верхнюю долину Инда. Проход караванов, которым доставляют проводников и вьючных животных, и которые подвергаются опасности сделаться предметом разных прижимок и вымогательств и даже рискуют быть ограбленными при удобном случае,—такова главная причина, которая побудила воздвигнуть настоящие оборонительные крепости в печальной долине Сархада. В Кила-Панджа или «Пяти фортах», в нескольких верстах ниже слияния двух горных ручьев Большого и Малого Пами-

1 Gordon, „The Roof ot the World".

2 Gordon, цитированное сочинение.

3 Behm und Wagner, „Die Bevolkerung der Erde", V.

ра, остались две из этих крепостных башен, хорошо сохранявшиеся. Здесь находится резиденция ваханского мира или эмира, называющего себя потомком Сикандара, то-есть Александра Македонского, которого, впрочем, и все другие князьки области гор считают своим предком[1]. Во время посещения Вахана путешественником Вудом, этот край был почти совершенно независим от Бадахщана; после того прежния вассальные отношения восстановились, и ваханский эмир снова сделался данником Бадахшана, а через это государство и вассалом Афганистана. До 1873 года ежегодный подарок, приносимый, в виде дани, сюзерену, состоял из невольников, и чтобы добыть этот живой товар, ваханцы должны были вести против своих соседей непрерывную войну посредством нападений из засады и неожиданных набегов. Этим и объясняется обезлюдение страны и запустение пастбищ Памира, куда прежде летом приходили в большом числе киргизские пастухи со своими стадами.

Бадахшан с 1869 года состоит в васальной зависимости от Афганистана и посылает ему ежегодно дань деньгами в размере около 180.000 франк. и лошадьми в числе 500 голов[2]; но этот край заключен в такия определенные границы с географической точки зрения, что он всегда будет сохранять отдельное политическое существование; он отделен снеговыми горами Гинду-Куша, Читраля и Кафиристана, проломы которых, недоступные для верховых животных, находятся на высоте, превышающей 5.000 метров. Пространство Бадахшана может быть исчисляемо приблизительно в 20.000 квадр. килом. Что касается населения, довольно густого в нижних областях страны, которые спускаются пологим скатом на северо-запад, к Аму-Дарье, то общая численность его, вероятно, не менее 150.000 душ[3]. Почти все бадахшанцы—таджики персидского языка, по большей части магометане суннитского толка; между ними, во внутренности края, поселились в небольшом числе узбеки и другие турки, но в целом раса сохранила красоту иранского типа.

Бадахшан естественно делится на две части—восточную, которая граничит с Ваханом, и через которую протекает Панджа (южная ветвь верхней Аму-Дарьи), поворачивая на север; и западную, которую орошает река Кокча или Кучка, то-есть «Зеленая», подприток среднего Оксуса. С южной стороны протянулся высокий гребень Гинду-Куша, где открываются два пролома: Нускан (5.100 метров высоты), над которым господствуют ледники, и Дора (4.000 метр.), немного менее трудный для перехода. Две половины Бадахшана разделены очень высокой отраслью Гинду-Куша, примыкающей далее на севере к возвышенным плоскогорьям, которые Оксус огибает в своем течении. Горный проход, который обыкновенно избирают путешественники и купеческие караваны, чтобы попасть из бассейна Кокчи в бассейн Панджи и подняться на восток к проломам Памира, лежит на высоте 3.320 метров, по Вуду[4]; часто переход бывает очень труден, не только по причине глубоких снегов, но также по причине восточного ветра, который дует там с страшной силой в продолжение шести месяцев в году, с конца осени до половины весны: это так называемый «ваханский ветер», которого бадахшанцы справедливо боятся пуще всего на свете. Важнейшее поселение этой области—Ишкашим, именем которого иногда называют всю восточную часть Бадахшана; он расположен на южном берегу Панджи или Сархада, в том месте, где эта река поворачивает на север к Шигнану и Рошану, чтобы соединиться с другими реками, образующими Аму-Дарью. Ишкашим находится, следовательно, в точке пересечения естественных путей, перерезывающих страну с запада на восток и с севера на юг. Это селение обязано своим важным значением также соседству рубиновых копей, приобревших всемирную известность со времен глубокой древности; они занимают, в 32 километрах ниже Ишкашима, верхнюю часть крутых утесов, возвышающихся на 360 метров над правым берегом Панджи. Многочисленные подземные галлереи, почерневшие от копоти ламп, на половину наполненные просачивающейся сквозь

1 Вуд, Гардон, Уйфальви и т. д.
2 „Journal of the Geographical Society“, XLII, 1872.
3 Emil Schlagintweit, Niemann, „Mittheilungen von Petermann”, 1873, №5.
4 „Journey to the Source of the river Oxus“.

почву водой, проникают далеко во внутренность гор. Ишкашимские рубины, из которых самыми драгоценными считают камни великолепного бледно-красного или розового цвета, были прежде известны под вульгарным именем *баласа* (rubis-balais, balai или balach), которое произошло от слова Балакшан (Balacian, Балачан, в книге Марко Поло), искаженного названия страны, употреблявшагося некогда европейцами. Вследствие войны, отдавшей эти копи в руки кундузского эмира, этот последний, недовольный тем, что он получал, как ему казалось, слишком мало драгоценных камней, овладела всеми жителями края, в числе пятисот семейств, и велел продать их в рабство. Во время проезда путешественника Вуда в 1838 году, этот округ был еще почта безлюден, и рубиновые копи были совершенно заброшены. С того времени разработка их опять возобновилась, на этот раз в пользу афганского эмира.

Южный Бадахшан тоже обладает копями, прославившимися на всем востоке, месторождениями бирюзы и лазуревого камня или лазурика, которые находятся на северном скате Гинду-Куша, близ истоков Кокчи, в округе Лажурд или Лазурд,—откуда и произошли слова: «лазурик» (lapis lazuli) и «лазурь», «лазурный»[1]. В скалах, состоящих из белого и черного известняка и прорезанных жилами в виде линий, как агат, открываются там и сям отверстия рудников, расположенные без всякого видимого порядка, на высоте 500 метров над уровнем реки; но только немногие копи проникают далеко в толщу горы, по причине частых обвалов галлерей, неимеющих никаких искусственных подпор. Самый драгоценный лазурик находят обыкновенно в самом черном известняке; менее ценятся камни *нили*, прекрасного индигового цвета, *асмани*, светло-синего или голубого цвета, и *сувси*, зеленоватого оттенка[2]. Эксплоатация лазуриковых копей часто прерывалась, то по причине малых выгод, приносимых ими самим рудокопам или их господам, то по случаю войн или внутренних волнений и междоусобий, парализующих промышленность страны; однако, бадахшанские камни все очень хорошо известны купцам бухарским, кабульским и кашгарским. Говорят, что разработка этих копей драгоценных камней дает ежегодно от 500 до 1000 килограммов [от 1.221 до 2.442 фунтов камня][3]. По словам индийского путешественника Пундита Мунфуля, рудокопы работают в галлереях только зимой, летом же они покидают копи, потому что боятся змей. Бассейн реки Кокчи, один из замечательнейших во всей Азии по своим минеральным богатствам, известен обыкновенно под именем Хама-кан, что значит «сплошь усеянный рудниками», ибо, кроме лазуриковых копей, он изобилует также важными месторождениями меди, свинца, квасцов, серы и железной руды, разрабатываемой с незапамятных времен. Лежащие севернее горы и высокая цепь Ходжа-Мохамед, продолжающаяся на север к большому изгибу Аму-Дарьи, тоже содержат медную и свинцовую руду, а воды многих горных потоков катят золотоносный песок; благодаря этим минеральным богатствам, бадахшанцы и приобрели славу лучших кузнецов и мастеров металлических изделий на всем Востоке; но они обязаны этой славой также своим учителям, греческим художникам, ибо в древности Бадахшан составлял часть Эллинской Бактрианы; в индийском музее, в Лондоне, можно видеть серебряную чашу, принадлежавшую к числу сокровищ одного бадахшанского государя и очень любопытную по красоте и отчетливости работы, хотя эта древность относится уже к эпохе упадка греческого искусства[4].

Богатый минеральными сокровищами, Бадахшан есть вместе с тем одна из стран центральной Азии, поставленных в наиболее благоприятные естественные условия в отношении здоровости климата, чистоты вод, красоты тенистых рощ и лесов, плодородия долин. Бадахшанские арбузы и дыни, яблоки, персики, виноград славятся во всех соседних странах. Тамошния лошади замечательны своей крепостью и верностью шага на трудных горных дорогах,—качества, которым они обязаны тем, что кабульский эмир выбрал их, как главную дань, платимую ему этим краем. Бадахшанские бараны доставляют часть шерсти, употребля-

1 H. Vule, „The Book of sir Marco Polo“.
2 Wood, „Journey to the Source of the river Oxus“.
3 Пундит Мунфул, „Journal of the Geograph. Society“, vol. XLII, 1872.
4 H. Vule, цитированное сочинение.

емой для тканья чудесных кашмирских шалей; стада диких свиней бродят во всех малонаселенных местностях Бадахшана. Но обитатели этой страны, так изобилующей естественными рессурсами всякого рода, живут по большей части в крайней бедности[1]; феодальный порядок, затем войны, внесенные кундузскими узбеками в долину Кокчи и сопровождавшиеся грабежем и истреблением населения, наконец, тягостные подати, налагаемые кабульским эмиром и еще увеличиваемые его вассалом,—все это легло тяжелым гнетом на край и довело до нищеты почти всех бадахшанцев. Кроме того, властители страны предавались, до недавнего времени торговле невольниками; ни один путешественник не мог быть уверен в своей личной безопасности, пока не вступил в улицы какого-нибудь города. В силу религиозной традиции, одни только неверные могли быть обращаемы в рабство, но шииты тоже причислялись к неверным, и многие сунниты, подвергнутые пытке, принуждены были выдавать себя за последователей Али. Однако, нужды торговли ставили индусских купцов и евреев вне всякой опасности быть захваченными в плен и проданными в неволю.

Не взирая на войны, тираннию, рабство, бадахшанские таджики описываются в лестных чертах редкими путешественниками, которые отваживались проникнуть в их страну. У бадахшанцев сильно развито чувство равенства, несмотря на различие происхождения и состояния; все они отличаются хорошими манерами, и даже ребенок подходит с важностью к пожилым людям, чтобы засвидетельствовать им свое почтение; женщины, между которыми много белокурых, приветливы, деятельны, хорошие хозяйки, и хотя мусульманки, но пользуются, по крайней мере принадлежащие к бедному классу, полной свободой открывать лицо и разговаривать с мужчинами, знакомыми их семейства. Бадахшанцы очень гостеприимны, скромны, хотя и любопытны в глубине души, имеют веселый нрав, несмотря на важный вид; но их природные качества вполне развиты только в «возмутившихся» округах, то-есть в тех округах, где население сохранило свою первоначальную независимость[2].

Во время путешествия Вуда, главным городом Бадахшана было местечко Джерем или Джурум, состоящее из нескольких раскиданных деревень, которые все вместе имели никак не более 1.500 жителей. Прежняя столица, Файзабад, лежащая верстах в пятидесяти на северо-запад от Джерема, тоже в долине Кокчи, представляла тогда груду развалин, стены крепости еще стояли на одной скале правого берега Кокчи, при выходе реки из горного ущелья, но от самого города оставались только кучи мусора, осененные там и сям деревьями, которые были пощажены пожаром, истребившим город во время нашествия кундузцев, в 1828 году. Сделавшись снова главным городом страны, Файзабад возродился из-под развалин; однако, в 1866 году, в нем насчитывалось всего только 400 домов; по свидетельству кафира Ямшеда, он превосходит, по численности населения, всякий другой город Бадахшана; но жители его уже не той расы, так как обитатели прежнего Файзабада были переселены массами в Кундуз. Западная область края была тоже опустошена завоевателями, а три года спустя, в 1832 году, землетрясение разрушило большую часть уцелевших от кундузского погрома селений; жители были погребены под развалинами строений, дороги завалены обвалившимися с гор скалами, реки запружены грудами каменных обломков[3].

Неизвестно еще с достоверностью, где находился город Бадахшан, который когда-то был столицей государства, и который часто смешивали, совершенно ошибочно, с Файзабадом. Полагают вообще, что он лежал к востоку от нынешней столицы, в равнине Дашт и Бахарак, где сливаются, прежде чем соединиться с Кокчей, три реки, Зардео, Саргилан и Вардож, или Бадахшан; эмир имеет теперь летний дом или дачу на месте, где стоял древний город[4]. Некоторые писатели искали также город Бадахшан в западной области края, где находятся местности, самые знаменитые в религиозной истории страны. Один пик величественной формы, возвышающийся на юге от города Мешеда, святого, как и одноименный с ним

1 Пундит Мунфуль, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLII, 1872.
2 Wood, „Journey to the Source of the river Oxus“.
3 Вуд, цитиров. сочинение;—Alex. Burnes, „Travels into Bokhara“.
4 Файз-Букш, „Yule Journal of the Geograph. Society“, vol. XLII, 1872.

город Персии, известен под названием Тахт-и-Сулиман или «Соломонов Трон», данным по имени одного царя, который удалился на эту высокую гору,—так гласит легенда,—чтобы избегнуть укусов скорпионов, водящихся в равнине; от подошвы до верхушки горы расставлена была живая лестница из людей, которые, передавая пищу из рук в руки, подносили царственному отшельнику приготовляемые внизу явства; несмотря, однако, на эту предосторожность, однажды скорпион, спрятавшийся в гроздях винограда, вонзил царю свое смертоносное жало. Другая гора, Кишм, лежащая на юго-восток от Мешеда, замечательна тем, что некогда персы поддерживали там, как символ очищения для всех людей, «самый священный из всех огней». Путешественник Гардимер говорит, что он видел на этой горе остатки большого храма[1].

Нынешняя столица Бадахшана, по своему положению в самом сердце гор, не может сделаться значительным рынком. Город Рустак, сборный пункт для иноземных купцов, индусов, афганцев, бухарцев, находится уже в равнине, верстах в сорока к востоку от места слияния Кокчи и Аму-Дарьи; в этом городе сходятся караванные дороги, идущие из Кашгара, Читраля, Балха и Гиссара[2]. На Аму и на его больших притоках, Гиссаре и Бадахшане, в настоящее время не существует мостов, да, быть может, не существовало даже в эпохи наибольшего процветания Бактрианы. Для переправы через реку, лошади привязываются к лодкам и паромам и плывут через поток, побуждаемые криками и жестами своих хозяев[3].

На запад от Бадахшана, область, заключающаяся между левым берегом Аму-Дарьи и горами, составляющими продолжение Гиндукуша, тоже зависит, в политическом отношении, от Афганистана, но населения, живущие на противоположных горных скатах, еще ясно различаются между собой. Относительно легко доступные проломы гребня или перевалы, которые позволяют в этой области переходить через раздельную линию высот между бассейном Оксуса и бассейном Сцинда, увлекали потоки народов различных рас к Бактриане, подобно тому, как вода горного озера стремится к выходному ущелью. Здесь проходили в эпоху, предшествовавшую писаной истории, арийские завоеватели, направляясь к Индии; Александр Македонский тоже переправился с войском через Паропамиз или индийский Кавказ, чтобы присоединить Согдиану к своей империи; монголы и родственные им расы следовали тем же путем в противоположном направлении, чтобы спуститься к югу, тогда как, идя по их следам в обратную сторону, иранцы и индусы направлялись к северу через те же горные проходы. Таким образом, здесь встречались лицом к лицу различные расы и народы, ведя между собой борьбу за обладание воротами. На юге, афганские иранцы сохранили преобладание, на севере, узбекские татары, поселившись среди прежнего таджикского населения, завоевали себе политическое первенство, и во всех провинциях, лежащих к западу от Бадахшана, они тоже одерживают перевес численностью[4]; наконец, большая часть горных проходов, в том числе и самый важный из них, Бамианский, находятся во власти шиитских населений, монгольского происхождения, гезаретов, называемых также, но совершенно несправедливо, «варварами», хотя они едва-ли уступят, по степени образованности, узбекам. Близкие родичи калмыков, гезареты перестали говорить своим природным монгольским наречием в начале шестнадцатого столетия; теперешний их язык персидский. Следовательно, несмотря на безпрестанный прилив и отлив людей, с севера на юг от порогов, перерезывающих Гинду-Куш, эта «перегородка» континента осталась одним из главных этнографических барьеров Азии.

Река Кундуз, называемая Ак-Серай в нижней части ее течения, от города Кундуз до слияния с Аму-Дарьей, получает свои первые воды с хребта Кох-и-Баба или «Отца гор»; один

1 „Journal of the Bengal Asiatic Society“, 1853;—H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1872.

2 Костенко, „Туркестанский край“.

3 A. Burnes, цитированное сочинение; Верещагин и др.

4 Гродеков, „From Samarkand to Herat“, франц. пер. Ш. Марвена.

из впадающих в нее ручьев берет начало на знаменитом перевале Хаджи-Как, если не на самом низком, то наименее трудном в цепи «индийского Кавказа»;—перевал, которым пользуются с незапамятных времен большинство путешественников, завоевателей, миссионеров и торговых людей; он открыт в продолжение семи месяцев в году. На восток от этого горного прохода, более известного под названием «Бамианских ворот», которое ему дано по имени ближайшего города, река Кундуз или Сург-Аб течет вдоль северного основания Гинду-Куша, и многие из горных потоков, посылаемых ей снегами большого гребня, тоже бегут по долинам, через которые проложены тропинки, поднимающиеся к другим порогам горной цепи. Индар-Аб, текущий с востока на встречу Сург-Абу и, по слиянии уходящий вместе с ним в равнины, тоже берет начало на пастбищах относительно невысокого горного прохода, называемого Кауак (по Маркгаму, высота его 4.010 метр.), и многие из боковых долин, впадающих в долину Индар-Аба, также ведут к проломам гребня, через которые обыкновенно переваливают кочующие пастухи со своими стадами, чтобы спуститься на юг, через Когистан, в бассейн Инда. Маркгам насчитывает шестнадцать горных проходов в части Гинду-Куша, которая продолжается с северо-востока на юго-запад, на пространстве около 220 километров от перевала Кауак до перевала Хаджи-Как[1]. Когда смотришь с низменности или долины, в которой Индар-Аб и Сург-Аб текут на встречу друг другу, исполинская цепь является во всем своем величии, встает во весь рост, от черноватого основания до белых снеговых вершин; высокий гребень поднимается на 6.000 метров, но в разных местах этой колоссальной стены открываются вырезки в 2.000 метр., даже в 2.500 метров, прерывая там и сям линию вечных снегов, начертанную с замечательной правильностью на скатах хребта, на высоте около 4.500 метров[2].

Через горные проходы Хаджи-Как и Ирак город Бамиан или Бамиян сообщается с долиной реки Гельмунд так же, как с Кабульскими горами, тогда как через третий перевал, называемый Чибрским, он находится в непосредственных сношениях с долиной реки Горбанд, составляющей часть бассейна Инда. Следовательно, Бамиан, так сказать, командует большей частью Афганистана, и его стратегическую важность хорошо понимали во все времена, как о том свидетельствуют развалины укреплений, принадлежащих к различным эпохам, которые, то-есть развалины, тянутся длинным рядом на соседних скалах и теснинах долины: полагают, что этот город был древний Паро-Вами или «Блестящий град», от которого, быть может, получил свое название хребет Паропамиз, а некоторые авторы видят, вместе с Карлом Риттером, в Бамиане «кавказскую Александрию» Alexandria ad Caucasum, основанную могущественным македонцем[3]. Как большая часть городов, построенных в соседстве раздельных возвышенностей для вод и народов, Бамиан приобрел особенную важность в религиозной истории восточных наций. Между развалинами, оставленными монголами, после разрушения Бамиана, в 1220 году, видны многочисленные следы зданий, служивших, как полагают, храмами, а также остатки ступ, религиозных памятников в форме колоколов, которые буддисты оставили после себя во всех странах, куда проникали их миссионеры. Город даже получил прозвище Бут-Бамиан или «Бамиан с идолами», от двух колоссальных человеческих фигур, грубо изсеченных из камня; эти два изображения божества, Силсаль (Сарсаль) и Шамама, называемые также Красным Идолом и Белым Идолом, стоят там, как-будто, затем, чтобы смотреть с высоты своего величия на проходящие у их ног народы; караваны располагаются на отдых в отверстиях, оставленных под полой их мантии. Историограф Тамерлана, Шериф-Эддин, говоря об этих кумирах, которых он называет одного Лат, а другого Мунат, утверждает, что ни один стрелок не в состоянии пустить стрелу так высоко, чтобы она долетела до их головы; по измерениям Борнса, один из идолов имеет 21, а другой 36 метров высоты. Индусы поднимают руки, проходя мимо этих чудовищных богов; но другие бросают в них камнями, а нижняя часть фигур даже была частию повреждена пушечными

1 „Proceedings of the Geographical Society“, 1879, № 2.
2 Wood, „Journey to the Source of the river Oxus“.
3 Carl Ritter, „Asien“, Rd. III, 7 Theil.

выстрелами. Большая часть изваяний и рисунков, которыми были украшены идолы, изчезла; остался только ореол вокруг их голов. Во внутренности колоссальных статуй высечены лестницы и комнаты или гроты; соседния стены гор, состоящие из легко раскапываемой кремнистой глины, перемешанной с мелким булыжником, тоже пробуравлены во всех направлениях. Целый народ мог бы удобно разместиться в этих «двенадцати тысячах» выкопанных ям или пещер, занимающих скаты долины на протяжении около 13 километров; некоторые пригорки изрыты таким множеством глубоких впадин, что походят на пчелиные улья[1]. Часто целые партии рабочих занимаются раскопкой мусора, лежащего кучами в пещерах подземного города, и находят монеты, кольца и другие золотые и серебряные вещи. На скалах горного прохода были открыты клинообразные надписи; но большая часть медалей и монет, принадлежащих уже к мусульманской эпохе, носят куфические надписи. Что касается лежащей статуи Будды, тоже имевшей громадные размеры (не менее тысячи футов в длину), которую видел миссионер Гиуэн-Цанг в седьмом столетии, то новейшие путешественники не отыскали никаких остатков этого колоссального идола[2].

Хотя город Бамиан географически составляет часть Туркестана, так как он находится на берегу реки Сург-Аб, на тысячу слишком метров, то-есть на целую версту ниже перевала Хаджи-Как, его, однако, обыкновенно считают принадлежащим к Афганистану. Это происходит оттого, что путешественники, вместо того, чтобы спускаться к равнинам Кундуза, следуя по течению реки, перерезанной водопадами и сопровождаемой обрывистыми скалами, направляются на север, чтобы перейти последовательно несколько небольших горных цепей, параллельных Гинду-Кушу, которые хотя не достигают границы постоянных снегов, но, тем не менее, составляют весьма серьезные препятствия между возвышенной Бамианской долиной и равнинами, спускающимися к Аму-Дарье. По Гриффиту, высоты горных проходов: Хаджи-Как—3.716 метр.: Ирак—3.932 метр.; высота горного города Бамиан—2.590 метр.

Горный проход Ак-Робат или «Белый Каравансарай», непосредственно на севере от Бамиана и Кара-Котал или «Черный перевал», в «Черных горах» (Кара-Кох), имеют, тот и другой, слишком 3.000 метров высоты, но, тем не менее, обоими можно пользоваться для проезда фургонов и артиллерии. Между этими двумя проходами нужно переходить через небольшой отрог, подъем на который очень труден по причине сильной крутизны его скал, на что указывает самое имя его, Дандан-Шикан, то-есть «разбиватель зубов». На севере от перевала Кара-Котал путешественникам не приходится более переходить через гребни, параллельные Паропамизу, но дорога, идущая по течению реки Хульм, пролегает через страшные ущелья, прерываемые живописными долинами: одна из этих теснин, открывающаяся выше Гейбака, носит название Дура-и-Зиндан, что значит «Ущелье тюрьмы», и на её отвесных скалах, возвышающихся на 300 метров, видны развалины старинных укреплений, доказывающие, что прежние властители края хорошо понимали стратегическую важность этого горного прохода. В целом, все эти горы северного ската индийского Кавказа имеют более приятный, более живописный вид и одеты более богатой растительностью, чем дикия, голые крутизны Афганистана; все склоны их покрыты зеленеющими пастбищами, а гребни и вершины ласкают взор необыкновенной мягкостью линий[3]. Но болотистые равнины, расстилающиеся у подошвы этих гор, в особенности низменная долина реки Кундуз или Ак-Серай, принадлежат к самым нездоровым местностям центральной Азии. «Если хочешь умирать, поезжай в Кундуз», гласят бадахшанская поговорка. Рассказывают, что из ста тысяч бадахшанцев, переселенных насильно в эту страну Мурад-бегом в 1830 году, оставалось в живых, восемь лет спустя, не более шести тысяч человек.

Самый город Кундуз, хотя столица государства, представлял, даже во времена наибольшего могущества Мурад-бега, невзрачную кучку жилищ, состоявшую из пятисот или шестисот глиняных домишек, камышевых хижин и узбекских палаток, разбросанных среди

1 Alex. Burnes, „Traveh into Bukhara“.

2 Yule. „The book of sir Marco Polo“

3 Вуд, цитированное сочинение.

садов, засеянных хлебом полей и болот: эту столицу скорее можно было принять за временное становище грабителей, чем за настоящий город[1]. Талихан, лежащий восточнее, у подошвы горной цепи, которая отделяет Кундуз от Бадахшана, кажется, имел гораздо более важное значение: он в продолжение целых семи месяцев оказывал сопротивление осаждавшим

Бухарскіе таджики.

его полчищам Чингис-хана, и Марко Поло говорит об этом городе, который он называет Тайканом, как о значительном населенном месте и большом рынке, где производилась дея-

1 Пундит Мунфуль; Yule. „The book of sir Marco Polo“

тельная торговля хлебом, фруктами и солью. Соседния соленосные горы, «сплошь из соли», лежат, повидимому, не на юг от Талихана, как говорит знаменитый венецианский путешественник, они находятся на юго-восток и на восток от этого города, именно близ Ак-Булака (Белый источник), в Бадахшане[2]. Идя в этом направлении, путешественники поднимаются к горному проходу Латтабанд, обыкновенной дороге караванов, отправляющихся из Кундуза к Бадахшану и возвышенному Памиру. С этого перевала открывается великолепнейший и обширнейший вид: что особенно поражает взор, с западной стороны, так это величественный конус Кох-и-амбара, возвышающийся всего только на 800 метров над уровнем окружающих равнин, но представляющий замечательную правильность форм. По словам легенды, эта гора была перенесена из Индустана одним святым человеком, и утверждают, в доказательство справедливости этого рассказа, что будто все индийские растения произрастают на её скатах. По крайней мере пастбища её славятся разнообразием и сочностью своих трав, и жители Кундуза, Талихана и Хазрат-имама, городов, лежащих соответственно к западу, к востоку и к северу от Кох-и-амбара, посылают туда свои стада. Лев бродит в равнинах, расстилающихся на север от этих гор[3]; но его не увидишь нигде к северу от Аму-Дарьи; новый Александр Македонский не мог бы теперь забавляться львиной охотой в лесах Трансоксианы, как называлась в древности страна, лежащая за Оксусом.

Население провинции Кундуз исчисляют различно; по приблизительным статистикам, даваемым русскими офицерами[4], оно простирается до 400.000 душ, что составит, для пространства области, равного, как полагают, 28.000 квадр. километров, более 14 человек на квадратный километр. Это, конечно, немного для края, столь богатого плодородными и хорошо орошаемыми долинами, но это огромная пропорция в сравнении с малонаселенностью русских владений, и потому нет ничего удивительного, что русские патриоты смотрят на эту территорию, занимающую такое выгодное положение у ворот Гинду-Куша, как на необходимое дополнение уже принадлежащего России, в большой части пустынного, Туркестана. Без всякого сомнения, если бы беспрестанные войны на афганской границе сменились прочным, продолжительным миром, население Кундуза быстро удвоилось бы, ибо тамошния женщины имеют ввести в каждый дом замечательный дух порядка и бережливости. Путешественники хвалят кундузок как отличных хозяек, и даже женщины соседних провинций признают за ними этот талант. А между тем местные нравы не позволяют кундузскому узбеку оказывать своей жене столько привязанности, сколько он питает к своей собаке. Если предложить мужу продать свою супругу, то он нисколько не обидится; но торговать у него собаченку значило бы нанести ему кровное, самое непростительное оскорбление[5].

Область Хульм или Хулум не так обширна, но не менее густо населена, чем Кундуз, пропорционально пространству, хотя она не столь обильна водой. Река Кундуз или Ак-Серай, питаемая снегами Гинду-Куша и Кохи-бабы («отца гор»), довольно многоводна, по крайней мере настолько многоводна, что течет до соединения с Аму-Дарьей, тогда как река Хульм, берущая начало в предгорьях цепи Кара-Кох («Черные горы»), не имеет достаточной массы вод, чтобы достигнуть главной реки бассейна: она теряется в ирригационных каналах при вступлении её в равнину. Но географическое положение Хульмского края, составлявшего средоточие древней Бактрианы, чрезвычайно важно. В этой области оканчивается дорога в Персию и Индию, идущая через Бамианский порог, здесь находится естественный центр громадного амфитеатра горных хребтов и плоских возвышенностей, который тянется от персидского Мешеда до Бухары через индийский Кавказ, Памир, Самаркандские горы. Выше Хульмского края соединяются все большие реки, которые смешивают свои воды в Аму-Дарье: Ак-Сарай, текущий из Кундуза, и Сург-Аб, спускающийся с Алая и северного Памира; следовательно, к этой области Азии сходятся естественные пути полукруга, имеющего более

2 Юль; Костенко.
3 Burnes, Moor, Croft, Wood, Yule.
4 „Военный Сборник“, т. III.
5 Вуд, цитированное сочинение.

1.500 километров протяжения. Некогда Балх, «матерь городов» (Аму-аль-Булад), был местом пересечения всех торговых трактов страны. После разрушения этого большого города Чингис-ханом, в 1220 году, и обезлюдения части бассейна Аму-Дарьи, центр торговли, впрочем, сильно уменьшившийся, должен был переместиться, но удержался, однако, в той же области. До половины текущего столетия Хульм был самым важным городом древней Бактрианы: населенный почти 10.000 жителей, таджиков по большей части, он производил большую торговлю мехами всякого рода, бараньими, волчьими, лисьими, собачьими и кошачьими. Обширные и тенистые сады, простые и фруктовые, окружают город поясом зелени; самое ложе реки, где вода течет не постоянно, обращено местами в сад. Хульм—город новый, которому в начале дали имя, столь обыкновенное в Туркестане, Таш-Курган или «Каменная крепость; старый Хульм, в расстоянии 8 километров от нынешнего, теперь не более, как куча мусора.

Балх, который в древности пользовался славой, как столица империи и как священный город, место, где проповедывал Зороастр, средоточие эллинской цивилизации в Средней Азии после Александра Македонского и впоследствии один из главных центров буддийской религии, представляет теперь одну обширную руину; на пространстве более 30 километров в окружности везде видишь только груды кирпичей, черепки изразцов и другого мусора, среди которых не возвышаются более, как во времена Марко Поло, остатки мраморных храмов, которые китайский пилигрим Гиуэн-Цанг видел еще, в седьмом столетии, во всей их красе. Несколько узбекских становищ и таджикских деревушек расположились было там и сям в равнине, некогда столь многолюдной, но и те были совершенно покинуты в 1872 году, вследствие свирепствовавшей между жителями той местности холерной эпидемии[1]. «Когда Балх возродится из развалин, говорят туземцы, это будет признаком, что скоро настанет конец свету»[2]. Политический центр афганского Туркестана находится с 1858 года, в Шахт-и-пуле, километрах в двадцати к востоку от древнего Балха; но городское население, цифра которого, по Гродекову, простиралась в 1878 году до 25.000 душ, переселилось немного далее, вокруг мусульманской святыни Мазар-и-Шериф («Могила шерифа»), пользующейся славой даже по ту сторону Гинду-Куша, благодаря чудесам, которые не перестает творить из глубины своего склепа пророк Али. Мазар-и-Шериф, приметный издалека по четырем высоким голубым минаретам, находится еще в пределах области, орошаемой рекой Балх или Дегас, которая получает свои первые воды с гор Кох-и-Баба и Сефид-Кох. В низменной области эта река не более, как обведенный с боков плотинами, но еще быстрый канал, называемый Бенд-и-Барбари или «Плотина варваров», который оканчивается, на север от Балха, после течения более 300 километров, в садах Сиягирда. Там тоже развалины покрывают огромное пространство; когда едешь с берегов Аму-Дарьи, то приходится проезжать через кучи обломков на протяжении 13 километров с севера на юг[3]. Неизвестно, был ли Сиягирд предместьем Балха, или независимым городом.

На западе другие реки, текущие тоже в афганской территории, направляются также к долине Аму-Дарьи, не будучи, однако, в состоянии достигнуть её; но, по крайней мере, воды их приносят ту пользу, что покрывают зеленью оазисы, окружающие города Ак-ча, Сарипул, Шибирхан (Шибирган, Шиберкан), Андхой, которые населены таджиками и другими иранцами, туркменами, но главным образом узбеками. Шибирхан, славящийся своими арбузами, о которых Марко Поло отзывается как о лучших в свете, есть, говорят, самый богатый и самый цветущий из этих городов, благодаря обилию воды, орошающей его фруктовые сады; когда путешественник Ферье посетил Шибирхан, в 1845 году, население его простиралось до 12,000 душ. Сарипул имел, в 1818 году, около 3.000 жителей, но запертый в цирке, или котловине, среди гор, где скопляются миазмы и воздух не освежается ветром, он при-

1 Гродеков, „От Герата до Самарканда“.
2 Alex. Burnes, цитированное сочинение.
3 Гродеков, цитированное сочинение

надлежит к очень нездоровым местностям. В долине, где находятся Шибирхан и Сарипул, не существовало никаких деревьев, кроме суксаула и тамариска, и старожилы не помнили даже времени, когда леса были истреблены. В недавнее время были посажены некоторые деревья, привезенные из Бухары через пустыню.

После Мазар-и-Шерифа самый многолюдный город афганского Туркестана—Андхой: по Вамбери, он имел около 15.000 жителей в 1863 году; но большая часть городского населения жила в палатках, среди развалин города, осаждаемого песками пустыни. Воды горного потока Меймене, или Маймене, протекающие через андхойские сады, уже скудны и солоноваты в этом месте, так что вновь прибывший человек не может их пить: «Соленая вода, жгучий песок, ядовитые мухи и скорпионы,—вот что найдешь в Андхое, как и в аду», говорит одно стихотворение персидского поэта, цитируемое у Вамбери[1]. Андхойские лошади, генеалогию которых жители возводят до коня богатыря Рустема, персидского Геркулеса, славятся во всей Татарии; их посылают даже в Индию; точно также андхойские одногорбые верблюды, особенно та порода их, которую называют нер или нар, отличаются необыкновенно густой шерстью, красотой форм, крепостью членов; но обедневшее население имеет уже очень небольшое число этих драгоценных животных. Прежде андхойцы отправляли также в Персию черный барашек, известный в Европе под именем «астраханской» мерлушки, но эта торговля окончательно прекратилась с тех пор, как город был почти совершенно разрушен в 1840 году афганцами.

Меймене, лежащий в области гор, орошается той же самой речкой Нари, вода которой принимает ниже солоноватый вкус и иссякает в андхойских садах. Населенный преимущественно узбеками, которые пользуются во всем иранском и татарском мире большой славой за свою храбрость, этот город умел долгое время сохранять свою независимость среди соперничествующих притязаний Персии, Бухары, Афганистана; теперь он состоит под верховной властью кабульского эмира, как вассальное владение, в ожидании того времени, когда придут другие хозяева с севера, чтобы сделать из него один из своих аванпостов на пороге Иранского плоскогория. Стратегическая важность Меймене значительна, и некоторые даже хотели видеть в нем один из центров тяжести всей западной Азии: «Герат ключ к Индии, говорит сэр Генри Раулинсон, а Меймене—ключ к Герату!» С другой стороны, г. Гродеков, русский путешественник, который имеет, по этому вопросу, то преимущество над всеми современными географами, что он сам прошел дорогу из Меймене в Герат, утверждает, что этот путь слишком труден, чтобы им можно было воспользоваться для прохода армий. Как бы то ни было, Меймене, главная торговая станция между Гератом и Бухарой, господствует над несколькими горными ущельями, и обладание им имело бы большую цену в борьбе держав, оспаривающих друг у друга господство над Азией: в руках завоевателя все укрепленные, природой или искусством, места составляют «ключи» одно к другому. Недавно Меймене был сам по себе важным городом. В 1863 году, Вамбери определял число его жителей от пятнадцати до восемнадцати тысяч душ, а позднейшие исчисления, русского происхождения, но, вероятно, преувеличенные, говорят о шестидесяти-тысячном населении, собранном в его глиняной ограде: но в 1874 году афганское войско, численностью около 10.000 человек, с двадцатью пушками, явилось под стенами Меймене и приступило к осаде города, взяв уже перед тем Сарипул и Шибирхан. Осада продолжалась шесть месяцев и окончилась избиением 18.000 человек на улицах и в домах; с той поры Меймене представляет не более, как полуразрушенную деревню, и туркмены-грабители нередко делают на нее свои разбойничьи набеги. Что касается всего края, то статистики его народонаселения значительно расходятся между собой: по Вамбери, число жителей бывшего ханства простирается до 300.000, тогда как, по исчислению русских офицеров, оно не превышает 100.000 душ[2]. На ярмарках в Меймене производится значительная торговля лошадьми, сушеными плодами, коврами, которые ткут местные женщины, и евреи, индусы, парсы служат главными посредниками в

1 „Странствование лжедервиша в Средней Азии"

2 Behm und Wagner, „Die Bevolkerung der Erde", 1874 г.; Гродеков, цитированное сочинение.

этой торговле.

В настоящее время Андхойское ханство есть единственное, которое еще сохранило некоторую независимость: все другие ханства, лежащие между индийским Кавказом и течением Аму-Дарьи, подвластны Афганистану. Географические деления страны остались те же самые; деревня Гурзиван и мелкие группы жилищ, рассеянные по долине Дарзаб, в горах, лежащих на юг и на юго-запад от Сарипуля, сохранили еще титул ханства, но утратили всякую самостоятельность. Узбеки этой страны не отправляют натурой воинской повинности, так как их афганские повелители боятся, чтобы они не воспользовались оружием для восстановления своей независимости: но за эту льготу они должны платить тем больше налогов, и бремя рабства для них очень тяжело. По словам г. Гродекова, они с нетерпением ждут прихода русских; но сами ничего не делают для своего освобождения и едва умеют защищаться против туркменских разбойников. Каким образом эти храбрые турки, которые в былое время дрались как львы в бою с врагом, сделались такими смирными и покорными? Ответ не труден: столетнее угнетение превратило их в наследственных рабов[1]. Население афганского Туркестана, но Гродекову и «Военному Сборнику» (том III):

Вахав—3.000 жит. Бадахшан—158.000 жит. Кундуз—400.000 жит. Балх—64.000 жит. Андхой—60.000 жит. Шибирхан, Ак-ча, Сарипул и Меймене—270.000 жит. Гурзиван и Дарзаб—5.000 жит. Всего 950.000 жит.

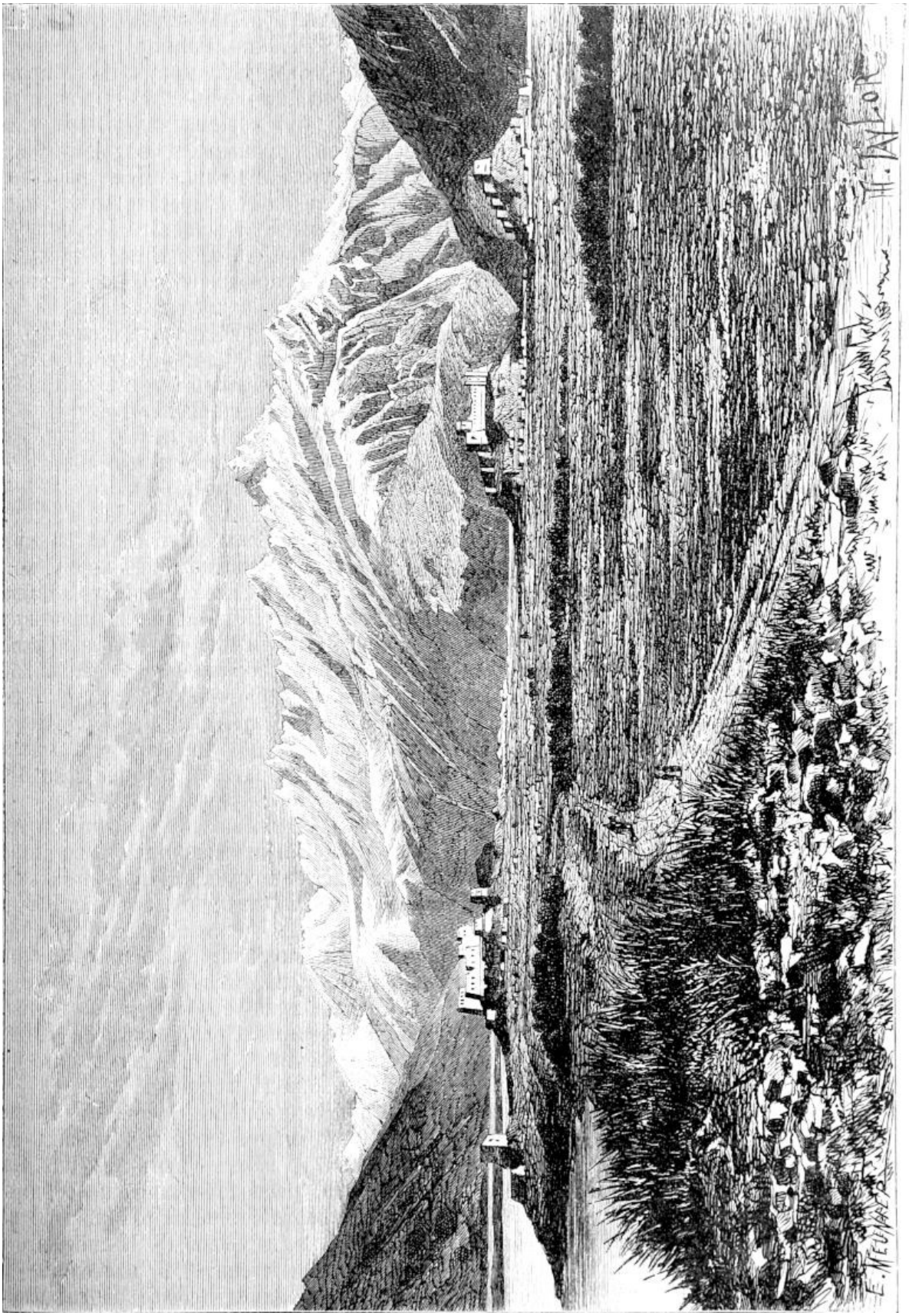
2. Мерв, независимые туркмены

Узкие оазисы, окруженные песками,—вот все, что осталось теперь от «независимой Татарии», которая еще недавно простиралась на такое значительное пространство. В наши дни только один знаменитый город находится вне афганских границ или вне пределов территории, подвластной прямо или косвенно русской державе: но этот город, хотя и не многолюдный, имеет первостепенную политическую важность, благодаря своему географическому положению: это древний город Мерв персиян, Маур узбеков, оспаривающий у Балха титул «матери городов Азии», и некогда гордо величавший себя «царем вселенной» (Шах-и-Джухан). Развалины древнего эллинского города, Антиохии-Маргианы, построенного Антиохом Сотером[2], до сих пор еще видны в соседстве: туземцы называют их Мерв-и-мукан. Во времена арабского могущества, Мерв, как Самарканд и Бухара, сделался одной из главных школ мусульманской науки и литературы, и знаменитый историк Якут изучал источники в его богатых книгохранилищах. Известно, как жестоко поступили дикия монгольские орды Чингис-хана с несчастным городом: его жители, в числе семисот тысяч, говорят, были выведены за город, пересчитаны, как бараны, приведенные на бойню, и затем методически, один за другим, были перерезаны; целые пирамиды трупов возвышались в равнине. Мерв, однако, оправился впоследствии от этого ужасающего погрома; в 1795 году он опять был очень многолюдным местом, когда Мурад, эмир бухарский, разрушил плотину, задерживавшую воды Мургаба в виде искусственного озера, опустошил город и его сады, несмотря на отчаянное сопротивление жителей, в котором женщины принимали участие наравне с мужчинами, и обратил в безлюдную пустыню большую часть страны. Сорок тысяч мервцев, выбранных преимущественно между ткачами шелковых материй и другими ремесленниками, были насильно переселены в Бухару, где потомки их и теперь еще населяют отдельный квартал. Покоренный затем хивинцами, Мерв принадлежит с 1834 года туркменскому племени текке, и его постоянное население состоит из двух или трех тысяч узбеков, тогда как сарыки, салоры, туркмены текке составляют подвижной элемент, приходящий и уходящий, в окрестностях города: это главная опорная точка кочевых обитателей Туркмении, и последние, по сведениям, заслуживающим, как говорит г. Петрусевич, всякого доверия, занимают 50.000 кибиток в Мервском оазисе. Этот пояс возделанных земель, который Антиох, по свидетельству Страбона, велел окружить стеной в 1.500 стадий или 275 километров протяжения, простира-

1 Вамбери. „Allgemeine Zeitung“, 31 авг. 1880 г.

2 Страбон, „География“, книга XI, гл. 2.

ется на 12 километров в ширину и слишком на 125 километр. в длину, с юга на север. Плодородие его славится на всем Востоке; 2.000 туркменских рабочих, по одному на каждую группу из 24 семейств, занимаются каждый год содержанием в исправности оросительных



Кала-Пандж̀ъ на Оксусѣ, фортъ у подошвы Памира.

каналов, чтобы обеспечить успех жатвы. «Посей одно зерно, и у тебя родится сам-сто» гово-

рит пословица, относящаяся к необычайной производительности мервских полей[1]. Стебли сорго, употребляемые в корм верблюдам, достигают толщины обыкновенного бамбука; во время голода, посетившего Персию в 1871 году, цена пшеницы не повысилась в Мерве, хотя этот продукт вывозился в значительном количестве из края к плоскогориям[2]. Несмотря на сырость почвы, воздух там почти всегда сухой и здоровый, но, при малейшем ветре, атмосфера принимает желтый цвет от носящихся в ней туч песку, и тогда почти невозможно дышать. Далее на юг простираются очень нездоровые местности: «Прежде, чем о том узнает Аллах»,— говорит пословица,—«вода Маручака уже отправила человека на тот свет».

В Мервском крае произошли большие перемены с тех пор, как жители его, сделавшиеся более свободными, не имеют более причины опасаться власти династий Хивы и Бухары. Какой дурной славой пользовались некогда мервцы во мнении бухарцев и персиян, можно судить по следующей старинной поговорке, существовавшей в стране: «Если встретишь ехидну и мервца, то прежде всего старайся порешить мервца, а потом уже принимайся за змею»[3]. Опасаясь пускаться на берега Аму-Дарьи для разбойничьих набегов, за которые могли бы наказать русские, вынужденные жить в мире с персами, с курдами гор Даман-и-Кох и с афганцами Гинду-Куша,—мервские люди, предвидя будущее, отказались по большей части от своих прежних нравов воинственных кочевников: грабеж и убийство уже не в такой большой чести у них, как бывало прежде, и даже находятся между мервцами смелые моралисты, которые не боятся говорить, что нет ничего славного убивать своего ближнего. Теперь уже понастроили домов в Мервском оазисе, прорыли ирригационные каналы, и пояс культурных земель увеличился: во время зимы, единственного сезона, когда растительная жизнь может перенести тряску перевозки, караваны привозят фруктовые деревья из Бухары для посадки в оазисе. В крае ведется кое-какая торговля, и купцы из Мешеда и Бухары поселились среди становищ кочевников[4].

Со времени завоевания края русскими в Мервском уезде произошли огромные перемены. Благодаря довольно благоприятным климатическим условиям и плодородию почвы, земледелие здесь с каждым годом развивается, несмотря на недостаточность оросительных средств. В Мервском уезде сеют главным образом пшеницу и ячмень (преимущественно яровые), затем—кунжут, рис, джугары (Sorghum cernuum), кукурузу, и пр. Пшеницы в Мервском уезде собирают до 1.200.000 пуд.; ячменя—750.000 пуд.; риса—48.000 пуд. Из кормовых растений разводят люцерну, а из промышленных—хлопчатник, хотя культура его прививается довольно туго, вследствие недостатка оросительных средств. Впрочем, в 1895 г. чистого волокна собрано до 325.000 пудов. Постепенно в крае вводится также огородничество; но существенное значение имеет бахчеводство; дыни и арбузы разводятся всюду и служат важным пищевым средством. Скотоводство, столь тесно связанное с кочевым бытом туземного населения, составляет здесь важную отрасль сельского хозяйства. В 1891 г. в Мервском уезде насчитывалось крупного рогатого скота—25.894 голов; овец и коз—785.969, верблюдов—15.282; лошадей—18.469; ослов— 10.492. Большая часть скота круглый год держится на подножном корму, хотя суровые зимы очень неблагоприятно отзываются на скотоводстве. Наибольшее значение в местном хозяйстве имеют овцы и верблюды. В 1894 г. шерсти собрано—89.831 п.; на 352.640 руб.; кож продано—43.482 шт. на 26.202 р.; овчин—26.140 шт. на 21.485 р. Шерсть не только вывозят, но употребляют и на месте, для кустарных изделий, которых в 1894 г. вывезено на 65.000 р.

Торговое движение производится главным образом по Закаспийской ж. д. и по колесному пути, проложенному из Мерва в Тахта-базар; но масса товаров перевозится также караванами. В 1895 г. в Мервской уезд пришло 392 каравана, ценностью 508.000 р., ушло же 291 кар., ценностью 363.500 р.

---

1 Alex Burnes, цитированное сочинение.
2 Гродеков, цитированное сочинение.
3 Wolff. „Narrative of mission to Bokhara“.
4 Alex Burnes, „Travels into Bokhara“.

Население края быстро разростается. По последней переписи в Мервском уезде значится населения 119.332, из них 66.711 мужчин и 52.621 женщин.

С присоединением Мервского оазиса в России (4-го марта 1884 г.) возник город Мерв, в 770 в. от Узун-Ада и 574 в. от Самарканда, расположившись по обеим сторонам нижнего течения р. Мургаба, на высоте 823 ф. над уровнем Каспийского моря, среди ровной степи. В настоящее время Мерв представляет собою вполне благоустроенный город с населением (по последней переписи 1897 г.) в 8.727 ч., из них русских 2.600, армян 1.485, персов 960, евреев 545, туземцев 2.070, остальное количество приходится на татар, грузин, поляков, малороссов и пр. По вероисповеданию преобладают магометане, затем следуют православные, и т.д. Вследствие центрального положения между Хивою, Бухарою, Персиею и Афганистаном, этот молодой город может похвалиться своими торговыми оборотами: из Мерва, главным образом по железной дороге, вывозят хлеб в зерне, хлопок, кожу, орехи, шерсть и пр. Климат Мерва континентальный; средняя годовая температура 15,6(Ц.); максимальная—41,2, минимальная—17.8°; осадков около 125 мм.

Между Мервом и Мешедом, туркмены текке и их союзники салоры, так сказать, осаждают персидский укрепленный город Сарахс (Шаракс), лежащий в оазисе, о котором упоминает Страбон под именем Арии, и который орошается и оплодотворяется водами Гери-Руда, или Теджена, гератской реки. Как Мерв и Меймене, это один из тех стратегических пунктов, переход которого во владение военной державы может иметь чрезвычайно важные последствия для судьбы народов Ирана. Сарахс имеет право на титул города, ибо мешедские евреи, ведущие торговлю с туркменами окрестных местностей, выстроили там несколько домов из битой глины; но до недавнего времени постоянные жители обитали исключительно в киргах, деревянных или тростниковых шалашах, обтянутых снаружи войлоком[1]. Равнины окружающего оазиса не менее богаты и плодородны, чем окрестности Мерва. Эти два города оспаривают друг у друга славу быть местом рождения первого землепашца.

К западу от Сарахса, на пространстве более 600 километров туркмены не имеют городов в собственном смысле слова, а только становища на берегах рек, постоянных или временных, и источников, вытекающих из подошвы гор; впрочем, некоторые из этих становищ, окруженные оборонительными стенами, в которых каждая бойница имеет свое ружье, состоят из тысячи кибиток и так же многолюдны, как настоящие города. Насчитывают не менее двух тысяч жилищ в Геок-тепе, который, следовательно, по величине и населенности, превосходит многие значительные города. Недалеко от Геок-тепе возвышаются укрепленные холмы Денгли-тепе или Денгиль-тепе, которые туркмены храбро и с успехом защищали против приступов русских в 1879 году, но которые, однако, были взяты русскими войсками во время второй ахал-текинской экспедиции под начальством генерала Скобелева. От древних парфянских городов не осталось ничего, или, по крайней мере, то, что уцелело от них, ожидает еще путешественников, которые бы описали эти остатки седой старины. Полагают, что город Нисса, где находились гробницы парфянских царей, занимал выход одной долины, у подошвы гор Даман-и-Кох[2]: быть может, он стоял на том месте, где теперь расположен Ниас, на восток от туркменской крепости Кызыл-арват, или вернее Кызыл-робат, то-есть «Красный каравансарай». Английские путешественники Бэкер и Гилле недавно проезжали через эту страну.

3. Бухара

Это среднеазиатское государство, номинально еще независимое, есть одно из тех ханств, которые должны почтительно сообразовать свою политику с волей и предписаниями, исходящими из Петербурга; не имея надобности держать гарнизоны в крепостях и платить жалованье администраторам, Россия, тем не менее, владеет дорогами, которые Бухара открывает ей к порогам Гинду-Куша. С своей стороны, бухарское правительство, покровительствуемое

1 Napier, „Journal of the Geographical Society“, tome XLVI. 1875.

2 H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society“, 1879.

своим могущественным сюзереном, не имеет более причины бояться за свои границы со стороны туркмен или афганцев, и даже целые провинции были присоединяемы к его владениям одним почерком пера. Так, по воле России, многие государства на верхнем течении Аму-Дарьи: Шигнан, Рошан, Дарваз, Каратегин, зависевшие некогда частию от Кундуза, а потом от Бадахшана, отныне включены в состав бухарского ханства, и таким образом русские сделались господами горных проходов Памира. В пределах, которые ему были начертаны в настоящее время, территория этого ханства занимает пространство, почти равное половине Франции и заключает население, как полагают, превышающее два миллиона душ (именно— площадь Бухары 217.674 квадр. версты или 4.498 кв. мили, следовательно на 1 кв. милю пространства средним числом приходится по 550 жителей). Бухара почти всем своим протяжением лежит на правом берегу Аму-Дарьи, откуда и произошло её древнее имя Трансоксиана или Мавераннар, смысл которого тот же самый, то-есть «страна, лежащая за Оксусом». Название Согдиана относилось только к долине реки Согд, нынешнего Зарявшана, разделенной теперь между русскими и бухарцами.

Высшие области бухарского Памира, по которым протекают реки: Панджа, Мургаб и Сургаб, спускающиеся с их снежных долин, почти совершенно пустынны, или посещаются только летом киргизскими пастухами. В центре Памира нет более селений выше Таш-Кургана, и можно проследить течение Мургаба (Ак-Су или «Белая Вода»), на протяжении слишком 200 километров, до пояса вечных снегов и до величественной скалы Ак-Таш или «Белый Камень», не встречая ни одного постоянного поселка. Только на дне западных долин Памира живет оседлое население, и деревни, из которых иные носят название городов, следуют там на некотором расстоянии одна за другой.

Ниже Ишкашимской излучины, в Бадахшане, Сархад или Панджа продолжают течь в северном направлении, до соединения с Мургабом и другими реками западного Памира, которые все вместе образуют Аму-Дарью. В этой-то части бассейна Оксуса основались три государства: Шигнан, выше, Рошан и Дарваз, ниже по течению реки. Со времени средних веков ни одно из этих государств не было посещаемо европейскими путешественниками; однако, между Бадахшаном и долинами верхней Аму-Дарьи существуют частные сообщения; в 1873 году капитан английской службы Троттер мог послать своего помощника из туземцев, Абдул-Субхана, обследовать течение реки Панджи (южной ветви верхнего Аму), на пространстве 160 километров вниз от большого изгиба при Ишкашиме до Уамура, столицы Рошана. С другой стороны, индийский исследователь Субадар-Хайдар-шах, известный обыкновенно под именем или титулом «Хавильдар», поднялся, в 1874 году, по течению Оксуса, от западного Бадахшана до границ Рошана; теперь остается лишь незначительный пробел между путями, пройденными этими двумя путешественниками.

Шганан (Шугнан, Шугдан) и Рошан, которые, вероятно, всем своим протяжением, лежат в поясе высоты, превышающем 2.000 метров, получили от обитателей раввины название Зучан или «Страны двух жизней», имеющее тот смысл, что всякий, кто вступает в эту счастливую землю, кто дышит её здоровым воздухом и пьет её чистые воды, может быть уверен, что проживет два века[1]. Но очень небольшое число людей пользуются этим великолепным климатом. По Вуду, общее число жителей Шигнана и Рошана, которые все иранской расы, не превышало, в 1838 году, тысячи трехсот семейств, из которых триста приходилось на первое и тысяча семейств на второе из этих государств. По Форситу и Троттеру, население значительно увеличилось с того времени, так как оно состояло для обеих областей, в 1873 году, из 4.700 семейств, или приблизительно из 25.000 лиц, что, конечно, еще очень мало для долины протяжением около 200 верст, в которой, кроме того, присоединяются, с восточной стороны, многочисленные боковые долины. Торговля невольниками была, как и в Вахане, причиной обезлюдения страны, и еще очень недавно, несмотря на отмену рабства, оффициально провозглашенную в Кабуле и во всех афганских владениях, в состав которых входили недавно берега Панджа, люди продавались и покупались, как товар, в земле «Двух жизней».

1 Костенко, „Туркестанский край“.

В 1869 году, тамошний властитель торговал своими собственными подданными, чтобы поддержать равновесие своих финансов; в тех местах цена мужчины или женщины колебалась между 300 и 450 фран. и представляла ценность 10 или 15 волов, от 5 до 8 яков или двух киргизских ружей.

Во время путешествия Форсита и его спутников эти два государства имели только одного эмира, резиденция которого находилась в Уамуре (Вамаре), столице Рошана. Главный город Шигнана, Килабар-Панджа, лежащий на левом берегу реки, состоит из 1.500 домов, так что выходит, что он один заключает около трети всего населения обоих государств (?). Уамур и большая часть других селений страны построены на правом берегу, таким образом, что обращены лицом к западу, более освещенному и более теплому, чем сторона, обращенная к востоку.

Дарваз, который следует за Рошаном на берегах Аму-Дарьи, ниже впадения Мургаба и Панджи, тоже населен таджиками, говорящими персидским языком и хорошо сохранившими предания маздеизма, несмотря на то, что они теперь исповедуют магометанскую веру суннитского толка. Главная река начинает в Дарвазе поворачивать к западу, и культурные растения умеренного пояса, даже хлопчатник, показываются в хорошо защищенных лощинах. Главный город Дарваза—Ниб-кумб, иначе Кила-кумб или Калсх-и-Кумб, известный также под именем «Тюрьмы Искандера», так как, по преданию, он основан знаменитым македонским царем, который будто бы построил его с целью запереть в стенах бунтовщиков. Пятитысячный бухарский гарнизон занимает важнейшие места Дарваза, население которого оказало энергическое сопротивление завоевателям. Напротив, жители Куляба и его провинции, которую орошает река Кичисурхан, легко покорились новым властителям.

Область Каратегин, которая отделена от Ферганской долины лишь снеговыми гребнями цепи Алай-таг, представляет собою прекрасную страну высоких гор, ледников, водопадов, простирающуюся на запад от Алайского плоскогорья и орошаемую рекой Кызыл-су или «Красная вода», которая ниже принимает новое имя, Сургаб, а еще далее называется Уакш (Вакш, Вахш). Так же, как в других государствах западного Памира, в Каратегине до сих пор сохранилось древнее арийское население: галчи, хотя обращенные оффициально в магометанскую веру, сохранили свои старые нравы, напоминающие времена Зороастра, и продолжают говорить персидским языком, среди киргизов тюркского языка. Эти горцы народ очень промышленный: они умеют ткать материи, ковать железо, промывать золотоносные пески своих ручьев, добывать каменную соль из своих гор, а летом они ведут довольно большую торговлю с Коканом, Бухарой и Кашгаром; но эти промыслы недостаточны для прокормления жителей. Будучи все земельными собственниками, они не хотят дробить своих земель до бесконечности, и потому молодые люди края уходят массами искать заработков на стороне, в городах равнины; это «оверньяты» Туркестана. Все водоносы в Ташкенте каратегинские уроженцы[1]; но Каратегин посылает также школьных учителей в города Татарии[2]. Покойный Федченко исчислял население, очень густое для страны, имеющей 2.000 метров среднего возвышения, слишком в 100.000 человек, рассеянных в 400 слишком кишлаках, среди фруктовых садов. «Потомок Александра Македонскаго», которого жители Каратегина признают своим шахом, имеет резиденцию в местечке Гарм или Харм, группе из 340 домов, расположенной на правом берегу Сургаба. В соседстве этой столицы вытекают из земли теплые углекислые источники в виде настоящего ручья.

Область Гиссар, к западу от Каратегина, посещенная в 1874 году, в южной её части, путешественником Субадар-Хайдар-шахом, затем исследованная более подробным образом, в 1875 году, русской экспедицией Вишневского, Маева и Шварца,—является отныне на картах совершенно в другом виде, нежели как ее представляли прежние географы. Астрономические съемки, сделанные Шварцем, так сказать, завоевывали для науки страну, где до того времени горные цепи и реки чертились на удачу, по противоречащим один другому расска-

1 Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", июнь, 1878 г.

2 Арандаренко, „Русское Обозрение", 1878 г., № 9.

зам. Теперь мы знаем, что р. Сургаб или Уакш пересекает своим течением восточную часть Гиссара, чтобы соединиться с Аму-Дарьей ниже Газрет-имама, в Кундузе, и что к западу от Уакша территория разрезана на параллельные поясы широкими долинами Кафирнахана, Сурхана, Ширабад-Дарьи, открывающимися между высоких снеговых гор. Ниже Гарма нет ни одного города, кроме Курган-тюбе, лежащего на левом берегу реки; но в некотором расстоянии ниже по течению находятся развалины Лакмана, который, повидимому, был весьма значительным городом: в нем видны еще следы моста через Уакш. Напротив слияния этой реки с Аму-Дарьей стоял другой город, Тахтакуват, о котором туземцы рассказывают разные легенды. Наконец, близ горного прохода Патта-Гиссар. на караванной дороге из Бухары в Мазар-и-Шериф, сохранились обширные развалины города Термез, которые тянутся по берегу Аму-Дарьи на пространстве 26 километров в длину, между рекой Сурхан и руинами другого города, Мия, тоже пустынного в наши дни и приметного издалека по уцелевшему еще высокому минарету. Термез носил прежде таджикское имя Гул-Гула, что значит «Шумный»: происхождение этого названия объясняют так, что гул, стоявший над его многолюдными базарами, слышен был в Бактрах, на расстоянии 90 километров[1]. В развалинах этих городов открыли много драгоценных вещей из золота и серебра, преимущественно древних греческих монет, покупаемых почти исключительно мультанцами, которые увозят их в Индустан. Разработка золотых приисков на берегах Уакша ведется очень деятельно, и некоторые плоские берега, в сезон низкого стояния вод, бывают сплошь усеяны туземными золотоискателями, которые усердно промывают песок, чтобы собирать драгоценные блестки. Как во времена аргонавтов, они употребляют, для промывки, овечье руно, шерсть которого задерживает тяжелый золотой песок, пропуская воду, ил и гравий. Подобно своему предку Язону, греки Бактрианы тоже съумели завоевать себе «золотое руно»[2].

Все города Гиссара: Файзабад, Кафирнаган, Душамбе, Гиссар, Каратаг, Регар, Сари-чуй, Юрчи, Денау, Байсун, Ширабад или «Львиный город», стоят на берегах притоков или подпритоков Аму-Дарьи, и большая часть их построены в области, смежной с вечными снегами и ледниками. Низменные равнины, прилегающие к Оксусу, так же нездоровы, как и равнины, простирающиеся по другую сторону реки в Кундузе, и путешественники. даже туземцы, не могут пускаться в те места, не подвергая опасности здоровье и даже жизнь. Чтобы избегнуть лихорадок и ревматизмов, причиняемых резкими переменами температуры, тамошние жители, как в области гор, так и в равнине, никогда не покидают меховой одежды, даже в самую жаркую пору лета. Гиссар, по прозванию «Веселый» город, который дал свое имя всей стране, выстроился, естественно, вне области лихорадок, в 160 километрах к северу от Аму-Дарьи, в верхней долине реки Кафирнаган, у подножия снеговых гор, за которыми скрывается озеро Искандера (Александра). Население гиссарской столицы, исчисляемое приблизительно в 10.000 душ, занимается главным образом фабрикацией оружия, ножей и разных других металлических изделий, за покупкой которых приезжают киргизы, и которые разносятся пилигримами даже в Персию, в Турцию и Аравию; некоторые из выделываемых в Гиссаре дамасских клинков, с рукоятками из резного золота или серебра, отличаются замечательным совершенством работы, и произведения этого рода, выходящие из европейских мастерских, не могут сравниться с ними по тонкости закалки[3]. Кажется, что в прежнее время Гиссар был гораздо более значительным городом. Эта область Татарии принадлежит уже к тем местностям, где древнее арийское население было вытеснено пришлым финно-татарским элементом: чистокровные арийцы, галчи, сохранились только в горных кишлаках, да некоторые города, как Файзабад, Кафирнаган, населены еще таджиками; но вообще в стране, так же, как в прибрежных равнинах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, сарты и узбеки составляют самую многочисленную часть жителей, так что бухарцы провинцию Гиссар обыкно-

1 Юнов, „Туркестанские Ведомости", 29 апр. 1880 г.

2 Мейендорф, „Путешествие в Бухару"; Юнов, „Туркестанские Ведомости", 18 марта 1880 г.

3 Вамбери, „Странствование лжедервиша в Средней Азии".

венно называют Узбекистаном[1].

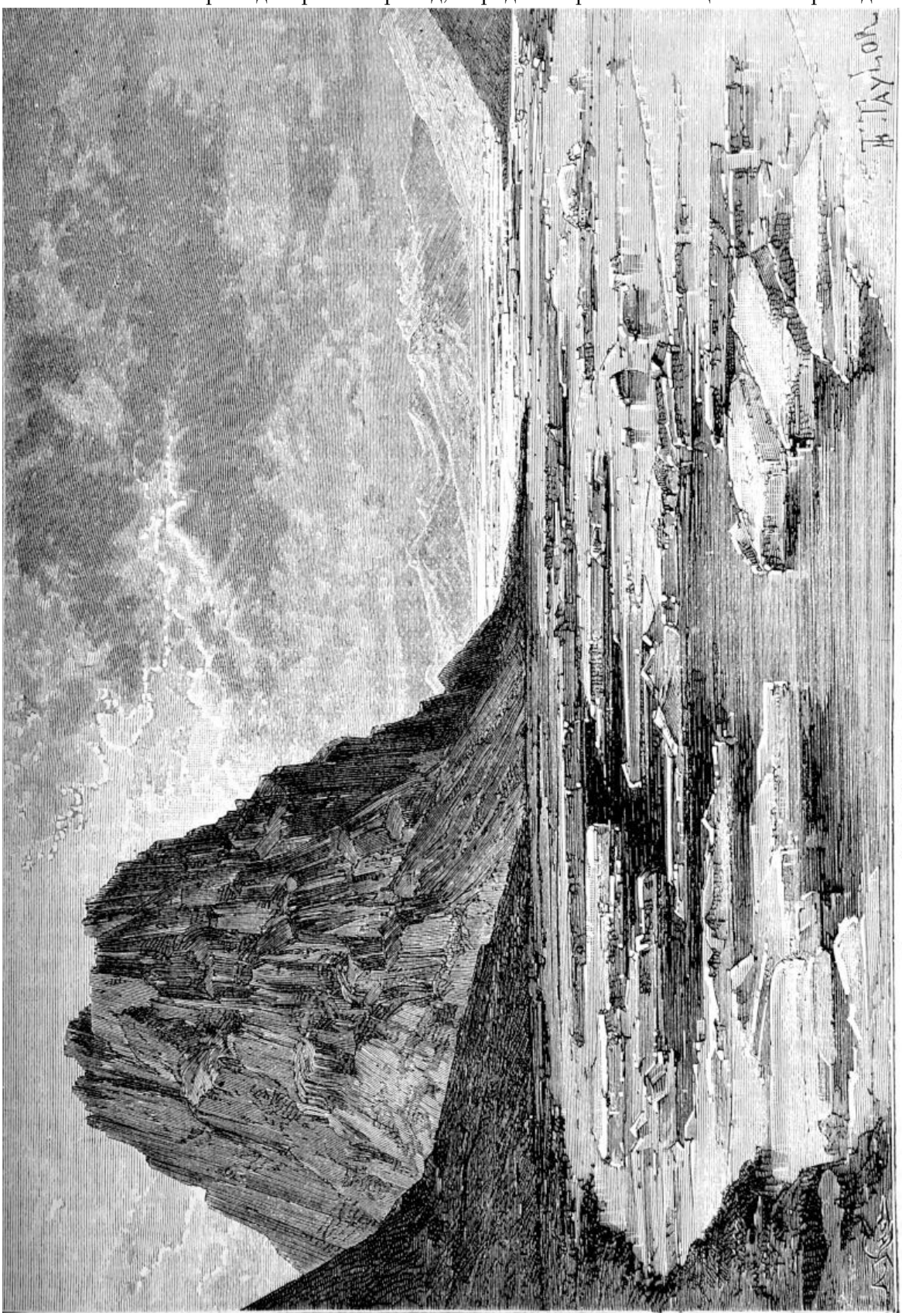
На запад от Гиссарских гор широкия долины, открывающиеся в направлении к Аму-Дарье, орошаются реками, которые соединившись, образуют реку Кашку. В этих долинах основались разные мелкие государства, границы которых постоянно изменялись, сообразно превратностям войн и переменам в политике соседних держав, и часто они даже играли весьма важную историческую роль: не без причины Александр Македонский провел целых три года в этой стране[2]. Шехр-и-себс (Шах-и-сябз, Шарсабид), построенный на берегах ручья, бегущего с горы Хазрети-Султан, у южного выхода одного прохода гор Самарканд-тау, есть одна из тех временных столиц, которые играли значительную роль в истории арало-каспийской покатости. Шехр-и-себс состоит в действительности из двух укрепленных городов, Китаба, выше, и Шехра, ниже по течению речки, окруженных некогда одной общей стеной —теперь уже сильно поврежденной временем—но отделенных один от другого обширными садами, от которых эти два города-близнеца и получили общее имя, Шехр-и-себс, то-есть «город, утопающий в зелени». Шехр, с его девятью десятками мечетей, куполы и минареты которых высоко поднимаются над массой домов, есть больший из двух городов и насчитывает в своих стенах около двадцати тысяч жителей; в меньшем, Китабе, население не превышает пятнадцати тысяч душ. В начале четырнадцатого столетия, на месте нынешнего Шехр-и-себса находилась просто деревня, по имени Кеш, где родился в 1335 году, ребенок, который впоследствии получил прозвище «Хромой», Тимур-ленк или Тамерлан, и сделался страшным бичем Божиим. Грозный властелин Азии хотел было основать в родном селе столицу своей громадной империи и построил там множество больших зданий; но потом он должен был признать выгоды, которые представлял Самарканд, как центральный город, и перенес туда свою резиденцию[3]. От Тамерланова дворца, Ак-серая или «Белаго замка», считавшагося одним из «семи чудес света», остались только башни и два огромных столба из кирпича, которые поддерживали высокий стрельчатый свод входного портика; стены еще блестят своей обшивкой из фарфора, белого и голубого, украшенного арабесками и испещренного надписями на арабском и персидском языках. Предание указывает на одну из этих башен, как на ту самую, с которой, будто-бы, бросились вниз разом сорок придворных, чтобы подхватить бумагу, которую ветер вырвал из рук их повелителя[4].

Население края, который был родиной знаменитого азиатского завоевателя, состоит главным образом из кенегезов, узбеков-суннитов, славящихся во всем Туркестане своей храбростью и стойкостью, столько же, сколько их женщины славятся своей красотой; так что нужно было направить русскую военную экспедицию на Шехр-и-себс для того, чтобы присоединить это маленькое государство к владениям эмира бухарского. Никогда обитатели Шехр-и-себса не терпели у себя невольничества. Река Кашка, протекающая чрез город и орошающая его сады, которые, благодаря этому обильному орошению, производят великолепные плоды, —защищала также жителей против нападений внешнего врага; подвижные плотины, устроенные поперек потока, позволяли наводнить на далекое пространство всю местность, окружающую город и его крепость[5]. Присоединение Шехр-и-себса было для бухарского правительства чрезвычайно важным приобретением в экономическом отношении, ибо долина Кашки производит в изобилии разного рода хлеб, табак, хлопок, пеньку, фрукты и овощи, а горы возвышенной области богаты залежами железной руды; пласты самородной каменной соли, в окрестностях Гиссара, на юго-запад от Шехр-и-Себса, доставляют Самарканду всю соль, которая необходима для его потребления; Гиссар, кроме того, важен, как рынок, где производится большая торговля скотом и земледельческими продуктами.

Одна из южных ветвей Кашки берет начало в области гор, которая некогда пользовалась

1 Мейер, „Известия Русскаго Географ. Общества", 1876 г., № 12.:
2 Ernest Desjardins, рукописные заметки.
3 Записки Бабера, переведен. на франц. язык Паве-де-Куртелем.
4 Хорошкин, „Сборник статей, относящихся к Туркестану".
5 Мейендорф, „Путешествие из Оренбурга в Бухару".

большой славой, как заключающая в себе одно из «чудес света». Это чудо—узкая теснина от 12 до 20 метров шириною и около 3 километров длиною, по которому проходит дорога, ведущая из Балха в Самарканд через Ширабад, город Шехр-и-себс и цепь Самарканд-тау. Во



Скалы Акъ-Ташъ въ долинѣ того же имени.

время прохода буддистского миссионера Гиуэн-Цанга, это ущелье было заперто воротами с двумя створками, скрепленными железной оправой, увешанной колокольчиками, которые

звонили при малейшем движении воздуха[1]. Восемь столетий спустя, Клавихо, испанский посол, отправленный ко двору Тамерлана, тоже проезжал через «Железные ворота», но искусственного препятствия тогда уже не существовало; русские ученые, участвовавшие в гиссарской экспедиции, переходили, в свою очередь, через порог знаменитых ворот, которые теперь обыкновенно называют Бузголахана или «Козья хижина»; однако, ближайший город до сих пор сохранил многозначительное имя Дербента, подобно имени каспийских «Ворот»[2].

Важный город Карши расположен среди обширной равнины, близ слияния двух главных ветвей реки Кашки, которые получают все воды, текущие с гор между городами Шехр-исебс и Дербент. Ограда Карши имеет не менее 9 километров в окружности, и население, живущее внутри этих стен, простирается до 25.000 душ. Этот город хвалится, хотя с меньшим правом, чем Гиссар, хорошим качеством своих ножей и клинков, отправляемых даже в Персию и в Аравию; из других фабрикуемых там металлических изделий замечательны изящные кувшины и медные блюда с очень искусной резьбой и украшенные серебряными инкрустациями[3]; но главный источник богатства дает ему окружающий оазис, где возделывают преимущественно табак. Карши, подобно большинству европейских городов, устроил у себя публичное гульбище или бульвар, который тянется вдоль реки, окаймляя её берег своими аллеями серебристых тополей и красивыми цветниками; на этом гульбище собирается весь каршинский бомонд. Жители Карши славятся во всем ханстве, как люди, обладающие хорошим вкусом, живым и бойким умом и остроумием.

Второй город ханства, как по числу жителей, так и по степени развития торговой и промышленной деятельности, Карши важен как место соединения дорог, идущих из Бухары, из Самарканда, из Гиссара, из Балха, из Меймене. Он находится всего только в сотне километров от Аму-Дарьи, но отделен от неё песками, в которых теряется орошающая его река Качка до последней капли. Переход через главную реку страны, на дороге из Андхоя и Меймене, охраняется укрепленным городком Калиф, перед которым Аму-Дарья, загороженная с одной стороны высокими скалами, имеет только 357 метров ширины; но зато в этом месте встречаются, говорят, большие глубины, в 75 и 100 метров[4]. Ниже по течению, крепостца Карикджи, на правом берегу, и крепость Керки, на левом, защищают другой переход. Вся средняя часть реки, от древней Бактрианы до Хивинского оазиса, была присоединена Россией к владениям Бухары, и это государство взяло на себя обязанность содержать паромы на реке, держать в порядке и ремонтировать караван-сараи на обоих берегах. Население левого берега состоит главным образом из туркменов племени эрсари, которые платят дань бухарскому эмиру, дабы последний защищал их против других кочевников. После Керки, единственный укрепленный город, которым обладает Бухара на западном берегу реки, есть Чарджуй, стоящий на прямой дороге из бухарской столицы в Мерв, напротив того места, где некогда должен был оканчиваться Зарявшан. Чарджуй сделался складочным местом торговли между Бухарой и Хивой.

Овладев Самаркандом и верхней и средней долиной Зарявшана, русские тем самым поставили в полную от себя зависимость столицу Бухары и все другие города, находящиеся на нижнем течении этой реки. Одного сооружения поперечной плотины, которая задерживала бы воды Зарявшана в виде обширного резервуара испарения, было бы достаточно, чтобы иссушить все производительные земли Бухарии в собственном смысле и принудить жителей к выселению. Расширение площади земледелия в Самаркандском крае имеет подобные же следствия, так как теперь требуется более значительное количество воды для искусственного орошения; с тех пор, как русские сделались владельцами Самарканда, как численность населения возрасла и поверхность садов увеличилась, Бухара терпит постоянно усиливающийся недостаток воды, и можно уже констатировать некоторое перемещение жителей из

1 Stanislas Julieti, „Pelerins bouddhistes“.
2 Перх, „Русское Обозрение”, 1875 г.
3 Ch. de Ujfalvy, „Tour du Monde“, 1879 г., № 3.
4 Мейер, „Известия Русск. Географ. Общества”, 1878 г., № 4

нижних в выше лежащие части течения реки. Таким образом, даже не принимая в рассчет огромной несоразмерности военных сил, между славянской державой, которая овладела Самаркандом, и бухарским ханством, самое географическое положение двух стран обеспечивает верхнему краю решительное преобладание над нижним, по течению их жизненной артерии.

Город Бухара, Шериф или «благородная»,—как ее величают на монетах, чеканящихся именем эмира,—не принадлежит к числу красивых городов востока. Хотя местное предание основателем её называет «Двурогаго» Александра (Македонского), она не принадлежит также и к числу древних городов Согдианы. Улицы в ней узкия и кривые; здания ветхия, полуразвалившиеся и покрытые густым слоем пыли; воды лениво движутся в каналах и иногда даже совсем пересыхают; на площадях нет тенистых деревьев, и улицы не кишат уже народом, как бывало в те времена, когда эмир бухарский был могущественнейшим государем арало-каспийской покатости. Главная мечеть бросается в глаза своим высоким минаретом, Манари-Калян в 87 арш. вышиною, верхушка которого, как уверяют бухарцы, находится на уровне почвы Самарканда; но на самом деле, главный город Зарявшана лежит почти на 300 метров выше бухарской столицы (именно, высота местоположения Самарканда 655 метр., Бухары 360 метр.). Прежде сбрасывали приговоренных к смерти преступников с вершины этой священной башни, всходить на которую имели право только муллы и палачи, тащившие своих жертв на казнь.

Впрочем, торговля все еще привлекает на базары «благороднаго» города людей всех рас и народностей востока. По меньшей мере две трети всего городского населения, исчисляемого в 70.000 душ, то-есть в половину той цифры, до которой оно простиралось в тридцатых годах текущего столетия, состоит из таджиков; но узбеки, более или менее смешанные с иранскими элементами, тоже очень многочисленны; киргизы разбирают свои палатки или кибитки на площадях, как будто-бы они находились среди пустыни; мервские туркмены своей гордой осанкой и смелой поступью составляют резкий контраст с иранскими вольноотпущенниками, раболепными и лукавыми; русские начинают тоже появляться в столице ханства, в сопровождении разных авантюристов из других стран Европы; евреи и индусы или «мультанцы», прозванные так по имени города Мультана, который в Татарии считают метрополией Индустана, сидят на базарах, предлагая проходящим свои товары. Почти все индусы, посещающие Бухару,—ширкапурские уроженцы: они имеют на своем красивом смуглом челе красный знак, символ священного пламени.

В восточном мире Бухара пользуется громкой славой, как главный центр мусульманской учености: «Везде в других местах на земле, свет нисходит свыше; но он поднимается из Бухары», засвидетельствовал сам Магомет, когда он был взят на небо: так разсказывают бухарские ишаны и муллы[1]. Как бы то ни было, Бухара есть бесспорно один из тех городов, имя которых должно занять видное место в истории человеческой мысли. Мусульманская образованность несомненно достигла там замечательной степени развития в различные эпохи, с девятого до двенадцатого столетия, затем в четырнадцатом веке, когда город снова оправился от страшного погрома, произведенного дикими полчищами Чингис-хана. Так же, как на другом конце мусульманского мира: в Севилье, в Гренаде, в Кордове, смешение цивилизаций арийской и арабской имело самые счастливые последствия для успехов человеческого знания, и бухарские иранцы, обращенные в исламизм и более или менее подвергшиеся арабскому влиянию, сделались знаменитыми поэтами, писателями, докторами, учеными Трансоксианы. И теперь еще «Город Храмов»,—ибо таков, на монгольском языке, смысл слова Бухара,—есть в то же время город школ; триста шестьдесят мечетей высоко поднимают над массой низких домов свои куполы, башни и минареты; но город имеет, кроме того, более сотни медресе, из которых одна, построенная с большой роскошью на средства Екатерины II, была подарена ею эмиру, которого императрица старалась завербовать к себе в со-

1 Alex. Burnes, „Travels into Bokhara“.

юзники[1]. Дети читают по складам Коран в этих многочисленных школах, которые легко узнать издали по их лакированным кирпичам или изразцам, испещренным надписями религиозного содержания, или по приютившимся под их крышами гнездами аистов, символу мира и гостеприимства. Но внутри рассадников просвещения царствует мертвящая традиция: рутина преподавания убила истинную науку, и в школах теперь уже не обучают ничему, кроме сухих, безжизненных формул. Точно также и мусульманская вера, некогда столь горячая в Бухаре, теперь не более, как ханжество и лицемерие; этот «Рим ислама» есть один из магометанских городов, где под строгостью религиозных правил и обязанностей, под личиной набожности, скрывается всего больше обманов и всяческих гадостей. Все предписания мулл и ишанов разных монашеских орденов исполняются в точности; бухарцы всегда носят на себе, завернутый в чалму, свой смертный саван; они аккуратно читают молитвы и совершают требуемые коленопреклонения; они регулярно ходят на поклонение соседней святыне, гробнице, где погребен Бага-эддин, национальный святой Туркестана; но в то же самое время—вероломство отравляет дружбу, донос служит главным средством правительственной системы, и порок во всех его видах спокойно живет у самым дверей мечетей[2].

Промышленность бухарской столицы, хотя она очень уменьшилась против прежнего времени, все еще значительна. Базары содержат еще, кроме товаров, привезенных из разных европейских стран, много произведений туземной почвы и промышленности. Так, в Бухаре фабрикуют прекрасные бумажные полосатые ткани, известные под именем *аладжи*; гофрированный (с тисненными узорами) кожаный товар, выделываемый бухарскими кожевниками, отличается замечательной гибкостью, и туземные сапожники шьют из него очень красивую обувь. Производство шелковых материй тоже составляет национальную промышленность, и в Бухаре можно купить шелковые платки необычайной тонкости, ткань которых, по выражению одного путешественника, «похожа на паутину»; еще недавно с самых отдаленных окраин Татарии правоверные приходили на бухарский рынок обновлять свой гардероб. Занятие Самарканда русскими и важное торговое значение, которое получил Ташкент, не лишили Бухару её движения, как места обмена, и даже, кажется, заставили обратить к коммерческим спекуляциям инициативу, направленную прежде почти исключительно на войну и политику. Бухара—главный центр товаров между рынками нижегородским и пешаверским. Индия и Афганистан посылают Бухаре: красильные вещества и москотильный товар, различные виды чая, глиняную посуду, разные инструменты и орудия, книги, но преимущественно ткани, известные под названием *кабули* (кабульские), даже когда они привозятся из Англии и не проходят транзитом через Кабул. Персия отправляет сюда тоже ткани, оружие, книги; Мерв поставляет бухарцам оружие и дорогих лошадей; Герат продает им фрукты, шерсть, кожи, тогда так Хива, которая тоже вывозит земледельческие продукты, служит главным посредником России по сбыту в Бухару мануфактурных изделий, вывозимых из губерний волжского бассейна. Русские товары, естественно, встречаются в наибольшем количестве, сравнительно с другими привозными, на бухарских базарах; но продаются они не русскими негоциантами. Бухарские купцы сами ездят за товаром в Нижний-Новгород, в Москву, в Оренбург, и сами отвозят его на главный рынок Зарявшана: в их руках и в руках афганцев, мультанцев (индусов) и евреев сосредоточена вся эта важная отрасль внешних торговых сношений ханства, обороты которой исчисляют в 35 миллионов метал. рублей. В 1876 году в Бухаре был всего только один русский купец; мало того—некоторые отрасли торговли, находившиеся прежде в руках русских, были отняты у них туземцами: зеленый чай, употребляемый бухарцами, представляет годовой груз 5.000 верблюдов, и весь этот товар получается из Афганистана; привоз же черных чаев из России теперь совершенно прекратился[3].

Таким образом, Бухаре пока не грозит опасность быть разоренной торговым соперниче-

1 Григорьев, „Русское Обозрение", 1873 г.

2 Вамбери, „Странствование лжедервиша в Средней Азии"; Herbert Wood, „The Shores of Lake Aral".

3 Петровский, „Вестник Европы", март, 1873 г.; Schuyler, „Turkistan".

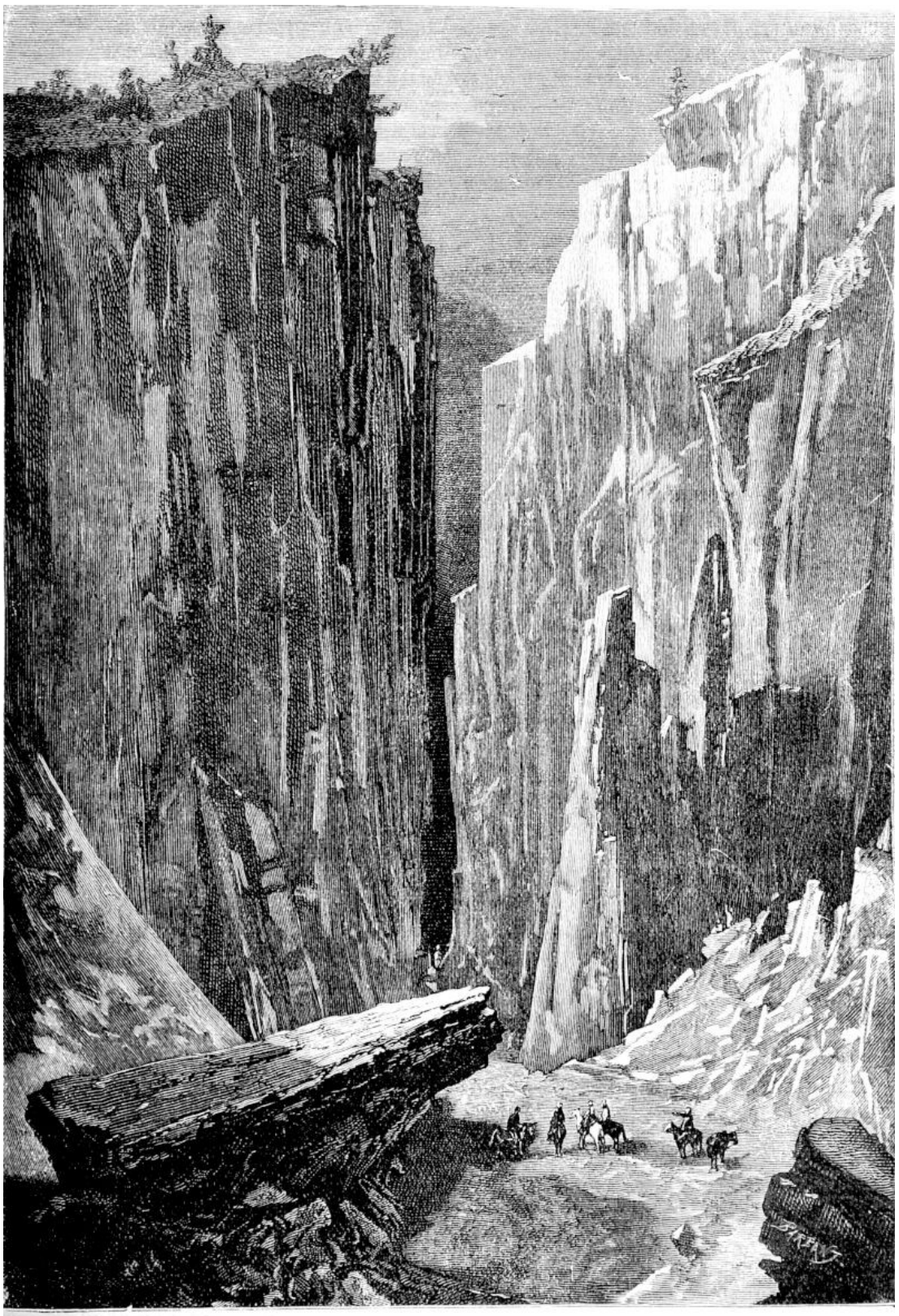
ством Самарканда или какого-либо другого города, занятого русскими; ей грозит, как сказано выше, опасность другого рода, именно—постепенное обмеление и высыхание оросительных каналов, которое имело бы роковым следствием вторжение песков[1]. Дюны с каждым годом все далее и далее проникают в пределы оазиса, засыпают ирригационные каналы и постепенно превращают край в пустыню. Истребление лесов саксаула имело в этой стране такия же следствия, какими сопровождалось некогда обезлесение в области французских ландов; барханы, прежде твердые, как скалы, сделались подвижными, и ветер гонит их на завоевание полей и селений. Кроме того, арыки, отведенные из Сыр-Дарьи, давным давно заброшены, и теперь только кое-где остались от них едва заметные следы. Большая часть песчаных бугров в Бухаре движутся по направлении с северо-востока на юго-запад, под влиянием полярного ветра, который иногда дует в продолжение трех месяцев без перерыва[2], но дюны набегают также и с других точек горизонта, и можно, пожалуй, вычислить наперед, в какой промежуток времени плодородная земля будет покрыта летучими песками. Еще очень недавно богатая территория Варданзди была занесена песком, и жители её принуждены были искать в другом месте каких-нибудь средств к существованию. Другой округ, Ромишан, лежащий к западу от города Бухары, был засыпан песком в 1868 году, и говорят, что шестнадцать тысяч семейств должны были покинуть свои наполовину зарытые в песчаных сугробах дома, чтобы искать счастья на чужбине, в хивинском ханстве; точно также считают десятками тысяч эмигрантов, направившихся к Самарканду и Зарявшанскому округу. Самой столице бухарского ханства грозит серьезная опасность: туземцы ожидают этой катастрофы, как непреложного определения Аллаха, и действительно, если не будут своевременно приняты меры к прикреплению дюн, бедствие станет неизбежным. Так погибли города Хаджуоба, развалины которого видны в 40 километрах на северо-запад от Бухары, и в 32 километрах к западу, знаменитый Байкунд, некогда более важный, чем нынешняя столица. От этого многолюдного города остались только груды мусора, да обломки водопровода[3]. Бухара, угрожаемая песками, страдает также от дурного качества своих вод, вообще это очень нездоровый город, и среди его населения свирепствуют многочисленные болезни. Нарывы и язвы всякого рода очень обыкновенны, особенно у женщин, и говорят, что более половины из тамошних жительниц покрыты шрамами и язвинами или сделались немощными от болезней. В летнее время большое число жителей—целая четверть по словом Бёрнса, только десятая часть, по свидетельству других путешественников,—страдают от болезни ришта, особого паразита, подкожной глисты ритте или струнца медицинского (filaria medinensis), которая развивается в теле человека на ногах или руках, и которую нужно осторожно наматывать, чтобы извлечь из тела, если не имеешь мужества разрезать больную часть. Бухарские брадобреи очень искусно делают эти хирургические операции.

Кроме столицы, многие другие города Бухарии основались в долине Зарявшана, особенно в Миankальском округе, который простирается от Бухары вверх по течению реки до границ русских владений: там деревня следует за деревней, и весь край представляет один сплошной сад. Эта часть Туркестана всего лучше сохранила тот вид, какой, по часто повторяемой местной поговорке, некогда имела вся страна, от Ташкента до Хивы: «от города до города коту надо было только перескочить с крыши на крышу»[4]. Самые значительные города Миankальского округа—Зияуэддин, Яны Курган и Керминех, населенные преимущественно узбеками, которые окружили их превосходно возделанными садами и полями.

Ниже Бухары, Кара-Куль или город «Черного озера», есть главное место роздыха между столицей ханства и Чарджуем на Аму-Дарье. Близ этого места оканчивается, во время разлива, «золотоносная» река (Зарявшан): пруд, носящий еще громкое имя Денгиз пли «море», принимает в себя излишек воды, которая испаряется на солнце, не будучи в состоянии

1 Соболев, „Военный Сборник“, том IV; „Известия Русскаго Геогр. Общества”, том IX, № 8, 1870 г.
2 Хорошкин, „Сборник статей о Туркестане“.
3 Alex. Burnes, цитированное сочинение.
4 Левшин, „Описание киргиз-кайсаков”.

перейти через пояс песков, отделяющий ее от Оксуса. В 1820 году, во время путешествия Мейендорфа в Бухарию, Кара-Куль и его окрестности, вероятно, не терпели такого недостатка в воде, как в наши дни [если правда, что город имел тогда население, простиравшееся до



„Желѣзныя ворота“ на пути изъ Карши въ Дербентъ.

3.000 душ][1]. Теперь такая значительная масса народа неизбежно погибла бы от жажды в этой области песков, где прежде встречались, в виде непрерывной ирригационной сети, оро-

1 „Путешествие из Оренбурга в Бухарию”, Мейендорфа.

сительные каналы, отведенные из трех рек: Аму-Дарьи, Зарявшана и Сыр-Дарьи[1].

Будучи вассальным государством России, бухарское ханство сохраняет собственное управление, и наружные формы правительства остались для виду прежния: но в сущности все изменилось, так как эмир или «глава правоверных», хотя все еще господин над жизнью и смертью своих подданных, должен, однако, принимать в рассчет волю более сильного, чем он,—генерал-губернатора русского Туркестана. Даже на его территории, в пределах ханства, в Кала-Ата, русские построили, в 1872 году, форт, по имени Георгиевский, имеющий назначение наблюдать за прямой дорогой из Ташкента в Хиву. Иностранцы христиане отныне не имеют более причины опасаться заключения без всякаго повода в тюрьму и истязания пытками; евреи, еще недавно терпевшие всевозможные притеснения, теперь не дают себя в обиду, прибегая, в случае надобности, к защите русских, между которыми они находят много единоверцев; невольничьи рынки заперты, или по крайней мере торговля человеческим мясом не производится так открыто, как производилась прежде. Трактат 1873 года, которым была отменена продажа невольников, обеспечивал в то же время русским право свободного судоходства по Аму-Дарье и устройства на её берегах складочных мест для товаров и набережных, или пристаней; он открыл русской торговле города и селения Бухарии, разрешил подданным Белого царя заниматься всякими промыслами и ремеслами, с теми же правами и преимуществами, какими пользуются сами бухарцы, позволил им селиться и приобретать недвижимую собственность повсеместно в пределах ханства. Сверх того, Россия выговорила себе право держать при дворе бухарского эмира постоянного дипломатического агента, на обязанность которого возложено наблюдение за исполнением условий заключенного договора, и, наконец, установлены еще особые правила полицейского характера, которыми воспрещается всякому лицу, к какой бы национальности оно ни принадлежало, переходить с русской территории в бухарские пределы без формального разрешения императорского правительства. Таким образом полицейская власть России проникает далее, чем её оружие, во внутренность азиатского континента: через посредство вассального государства оно может действовать до самых границ Афганистана и Кашмира. Что касается торговых выгод, выговоренных в упомянутом трактате, то русски еще почти не воспользовались ими.

Бухарская армия, сделавшаяся в сущности бесполезной, есть не более, как иррегулярная полицейская стража, состоящая из волонтеров сартов и бывших невольников персиян, проданных туркменами на рынке Бухары. Команда, которой обучал это воинство дезертир казак Попов, сделавшийся главнокомандующим бухарских сил, производится на русском языке, с примесью слов английских и турецких, а мундир солдат представляет отдаленное подражание мундиру индийских сипаев. По последним сведениям, вся бухарская армия состоит из 14.000 человек при 20 орудиях, при чем большая часть приходится на долю пехоты, состоящей из 2 рот гвардии эмира (джилау) и 13 линейных баталионов (сарбаз) пятиротного состава, вооруженных отчасти гладкими, отчасти нарезными курковыми ружьями с ножами-штыками, а также старыми фитильными и кремневыми ружьями. В 1883 г. эмиру подарено, по распоряжению туркестанского генерал-губернатора, 1.000 ружей Бердана. Конница состоит из 20 полков галабатырей и из 8 полков хасабардаров (стрелков), вооруженных фальконетами, по одному на двоих. Артиллеристы составляют одну роту в 300 челов.

4. Хива

Подобно Бухаре, Хива тоже обратилась в вассальное государство, подвластное России; но географическое положение этого ханства ставит его в гораздо более непосредственную зависимость от соседней могущественной державы. Правый берег Аму-Дарьи, воды которой отделяют русские владения от Хивинского ханства, уставлен укреплениями и военными постами, откуда русские солдаты могли бы в один день захватить весь оазис, занять его города, опустошить его сады и поля. Пространство и население этого среднеазиатского государства определяют следующим образом:

1 Иванов, Соболев, „Известия Русск. Геогр. Общества", том IX, № 8, 1870 г.

	Пространство, кв. килом.	Вероятное население, жит.	Килом. население, жит.
Оазис	13.500	300.000 оседл.	22
Степи и пр.	44.300	400.030 кочев.	9
Всего	57.800	700.000	12

Хотя Хивинская земля занимает, оффициально, территорию равную или даже несколько превосходящую десятую долю площади Франции, но наибольшая часть этого пространства состоит из бесплодной песчаной пустыни, и Ховарезм в собственном смысле совпадает с поверхностью орошения нижней Аму-Дарьи: там, где оканчиваются ирригационные каналы, находятся и последние постоянные селения ханства; все оседлое население собрано, так сказать, под пушечным выстрелом русских армий. Однако, России нужно было слишком полтораста лет, чтобы достигнуть господства над этой страной, так хорошо защищенной с южной, с западной и с северо-западной сторон, почти непроходимыми пустынями. Уже в прошлом столетии два раза, в 1730 и в 1740 годах, хивинские ханы признавали над собой верховную власть русского царя, но трактаты, определявшие их подданство, оставались мертвой буквой, и население продолжало все так же враждебно относиться к иностранцам[1]. В 1717 году кабардинский князь Бекович-Черкасский, посланный Петром Великим предложить почетную гвардию хану и таким образом подготовить русское господство, совершил первую экспедицию против Хивинского ханства, которая окончилась полной гибелью отряда[2]. В 1839 году был направлен второй поход против Хивы, тоже имевший неудачный исход: во главе двадцатитысячного войска, сопровождаемого обозом из 10.000 верблюдов, генерал Перовский (оренбургский военный губернатор) пустился через степь Оренбургских киргизов. Но страшные морозы, снежные бураны, недостаток продовольствия для людей и корма для животных, беспрестанные нападения неприятеля заставили его с полдороги вернуться назад среди зимы. Решительная кампания состоялась только в 1873 году: отдельные отряды войск, вышедшие с прибрежья Каспийского моря, из Оренбурга, с Сыр-Дарьи, из Ташкента, приближались мало-по-малу к оазису и вторглись в его пределы одновременно со всех сторон: Хива была взята почти без боя; единственные серьезные битвы были даны не против обитателей оазиса, а против их тогдашних союзников, туркмен каспийской области. И теперь еще от времени до времени приходится посылать маленькия экспедиции против хищников, чтобы воспрепятствовать им делать набеги, с целью грабежа, в поселения нижней Аму-Дарьи.

Между культивированными областями Татарии Хива, по богатству своей растительности и по яркому контрасту своей зелени с окружающими бесплодными пустынями, всего более заслуживает похвал, расточаемых в песнях восточных поэтов. Повсюду в хивинском оазисе вода течет в изобилии, окаймленная тополями, вязами карагач и другими деревьями; поля окружены аллеями из шелковичных дерев; выбеленные известкой домики прячутся в зелени и цветах; соловей, неизвестный почти во всех других оазисах Татарии, поет здесь среди роз. Земля, ежегодно обновляемая отложением речного ила, отличается замечательным плодородием, и земледельческие произведения, в особенности луковичные, разные фрукты, персики, яблоки, гранаты, получаются превосходного качества. Дыни и арбузы с берегов Аму-Дарьи пользуются такой славой, что их знают даже в Пекине, и в прежнее время китайский император требовал известное количество этих плодов в виде дани от своих кашгарских вассалов. Оттого население Хивинского края весьма значительно, по численности, в сравнении

1 Попов, „Сношения России с Хивой при Петре Великом".

2 В собственноручной инструкции, данной Бековичу-Черкасскому Петром Великим, это поручение предложить русскую гвардию хивинскому, а затем и бухарскому хану мотивировано тем, что ханы там „бедствуют от подданных". Причиной печального исхода многообещавшей экспедиции кн. Черкасского было вероломство хана, который, видя, что ему не одолеть русских в открытом поле, притворно заключил мир и просил Бековича следовать за ним в Хиву; не доходя до города, он просил русского военачальника разделить свой отряд на несколько частей, для того, чтобы его удобнее было разместить по квартирам; когда же это было исполнено, ханские чиновники развели части отряда в разные стороны, хивинцы бросились на разъединенных русских и начали их истреблять. Так погиб весь отряд. *Прим. перев.*

с населением других стран Туркестана; оно могло бы удвоиться и утроиться без того, чтобы земля отказалась его прокармливать. Желтая вода реки, разносимая арыками, изливается на почву в чрезмерном изобилии, и эта-то вода, порождая растительность, вызывает и человеческие жизни.

Хива, столица этой земли, известной в древности под именем Хорезма или Ховарезма, смысл которого, говорят, есть синоним слова «Низменная страна»[1], представляет собрание невзрачных глиняных мазанок, между которыми извиваются узкия и кривые улицы,

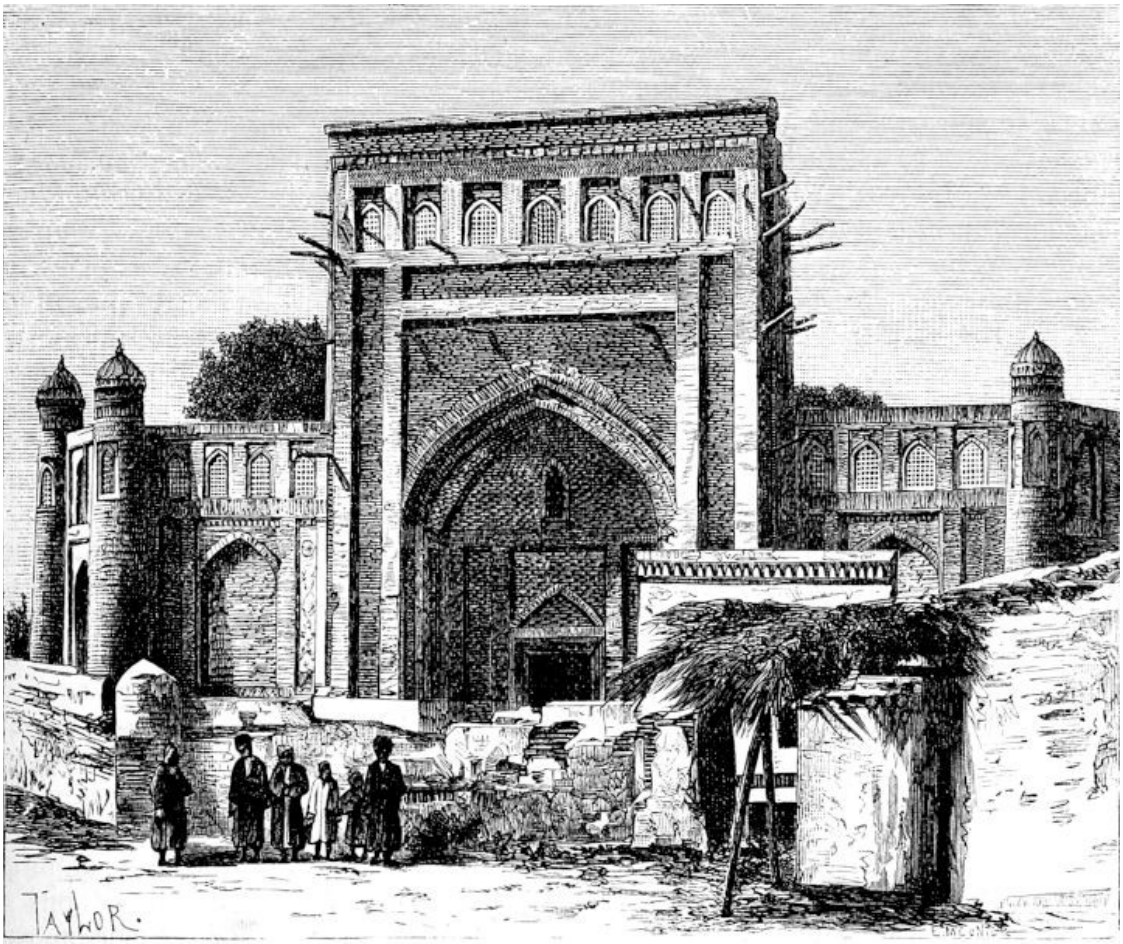
Хива.—Минаретъ.

грязные или пыльные, смотря по времени года. Город окружен невысоким земляным валом, вдоль которого тянутся там и сям лужи вонючей воды, заменяющие ров. Во внутренности Хивы другая земляная стена, высотой от 8 до 9 метров, ограничивает цитадель, то-есть квартал, в котором живут хан и главные чиновники; там же находятся важнейшие мечети и школы, построенные из кирпичей, а не из битой глины как обыкновенные дома; впрочем, ни одно из этих зданий, за исключением мечети, где помещается гробница мусульманского святого Полвана или Пеливала, покровителя Хивы, не замечательно богатством или красотой архитектуры. Западная часть города, усеянная садами, самая приятная: там террасы хижин утопают в зелени, осененные вязами и фруктовыми деревьями; по всем направлениям идут оросительные каналы и тенистые аллеи, а вдали, за зубчатой стеной цитадели, выступает профиль куполов и башен, обрисовывающийся на голубом фоне неба. Кварталы города в

1 Лерх, „Русское Обозрение", 1873 г.

собственном смысле заключают более кладбищ, чем садов; там жилища мертвых рассеяны среди домов живущих[1].

До русской экспедиции 1873 года, Хива была одним из главных невольничьих рынков Азии: там туркмены продавали партии пленников, захваченных или купленных на берегах Каспийского моря, на плоскогорьях Персии, Герата, Афганистана. Невольники, наиболее ценимые за их рабочую силу, были русские: почти все они принадлежали хану или другим знатным особам Хивинского края, и многие из них достигали высших должностей в государстве. Персидские невольники составляли главную массу порабощенного населения. Во время прибытия русских войск в 1873 г., они возмутились во многих местах и разграбили



Хива.—Наружный видъ мечети.

жилища своих господ. Последние прибегли к защите русских генералов, и скоро для усмирения были приняты строгия меры. Затем следовало избиение массами пленников, и, чтобы отнять у переживших эту кровавую расправу всякую возможность к побегу, хивинцы разрезывали им ступни ног или икры и потом засыпали раны рубленым конским волосом. Тогда русский генерал-губернатор, которого невольники встретили, как своего освободителя, решился, наконец, оправдать возлагавшиеся на него надежды; отмена рабства была провозглашена, и русская армия занялась возвращением на родину пленников, которые изъявили желание вернуться в свои семьи; большинство из 37.000 рабов, получивших свободу, отправились в свое отечество, но во время следования между несчастными переселенцами была большая смертность, и, кроме того, немалое число их было перебито туркменами, нападавшими на партии на дорогах, пролегающих через пустыню[2].

Население города Хивы, во время занятия его русскими, исчислялось приблизительно в четыре или пять тысяч душ. Оно состояло главным образом из узбеков, происшедших от

1 Костенко, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", ноябрь 1874 г.; Mac. Gahan, „Campaigning on the Oxus".

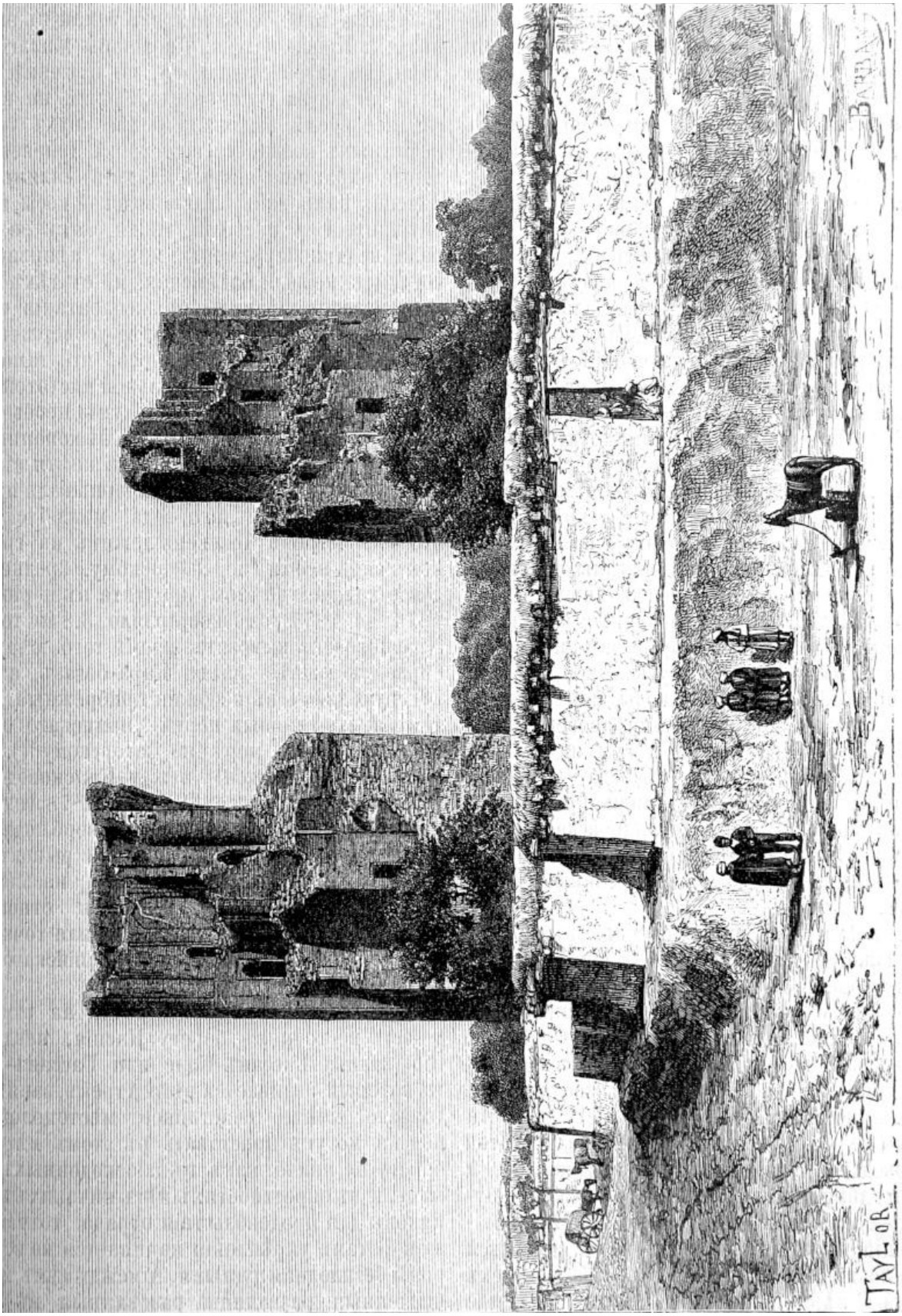
2 Костенко, цитиров. сочинение; Хорошкин; Шмидт, „Русское Обозрение", 1874 г., № 9

смешения с иранской кровью, как о том свидетельствует обилие их бороды, столь скудно обрастающей у большинства туранцев; другие жители—сарты и освобожденные из неволи персияне, говорящие местным тюркским языком. Физиономия большей части хивинцев неприятная, даже резкая и грубая: оспа, глазные болезни, накожные сыпи, неумеренное употребление опиума и хашиша оставили видимые следы почти на всех лицах. Дети, вообще говоря, имеют красивые, миловидные лица, но прелесть черт, живость взгляда исчезают у взрослых, и дряхлость обыкновенно наступает очень рано. Почти у всех хивинцев уши оттопыренные или даже отвислые: высокая персидская барашковая шапка, которую они носят постоянно, зимой и летом, отгибает им уши, по которым их можно узнать с первого взгляда среди жителей других ханств. Только одно духовенство имеет обыкновение носить чалму.

Промышленность и торговля Хивы незначительны по развитию и размерам: главные предметы местного производства—шелковые материи плохого качества, много уступающие бухарским шелковым изделиям, и бумажные ткани, довольно прочные; но почти все ткани привозятся сюда из России, так же, как и другие мануфактурные произведения; впрочем, на хивинских базарах можно найти также, но в малом количестве, английские хлопчатобумажные изделия и зеленый чай, привозимый из Индии через Кабул и Бухару. Главные купцы, ведущие торговлю с Россией, Персией и Афганистаном, поселились не в столице ханства; они имеют пребывание в Ургендже, самом большом городе государства, лежащем в 10 километрах на северо-восток от Хивы, недалеко от левого берега реки; по своему положению, этот пункт, как ближайший к русским населениям сыр-дарьинской области, всего удобнее может служить складочным местом для земледельческих произведений края и европейских товаров; оттого именем ургенджы или ургенчи часто называют безразлично всех хивинских торговцев; в глиняных стенах этого города скучено до 30.000 жителей. Недавно Ургенч называли обыкновенно Яны-Ургенч или «Новый» Ургенч в отличие от Куна-Ургенч, то-есть «Стараго» Ургенча, города, который был опустошен Тамерланом, и перед которым свирепый азиатский завоеватель воздвиг высокую пирамиду из человеческих черепов. Расположенный на северо-запад от Хивы, при рукаве реки, который некогда продолжался Узбоем в направлении к Каспийскому морю, этот город перестал существовать в шестнадцатом столетии, когда Аму-Дарья покинула окружающие ее поля, чтобы перейти далее к востоку. Таким образом города в этой стране возникают или исчезают, возвышаются или приходят в упадок, смотря по изменению речных русл: образуйся в пустыне новая ветвь Аму-Дарьи, и какая-нибудь кучка убогих глиняных мазанок сделается многолюдным местечком; высохни другой поток, и ныне цветущий большой город скоро снизойдет на степень ничтожной деревушки. (Так, знаменитому Кунграду, перед которым проходил Талдык, грозит участь Старого Ургенча, с тех пор, как этот рукав Аму-Дарьи превратился в медленно текущую речку, воды которой теряются среди камышей. Город Ходжейли, стоящий при вершине аму-дарьинской дельты в собственном смысле, напротив крепости Нукус, получил некоторую важность по своей торговле с кочевниками окрестных местностей; говорят, он населен почти исключительно хаджами (ходжи или хаджи—так называется мусульманин, ходивший в Мекку на поклонение гробу Магомета), откуда и произошло данное ему имя.

Хивинский хан, так же, как эмир бухарский и константинопольский султан, есть, в принципе, неограниченный властитель земли и жизни своих подданных; и теперь еще вспоминают с ужасом, как жестоко он пользовался в недавния времена этой властью посредством самых бесчеловечных истязаний и пыток, посредством «клоповника», меча, веревки и кола. Однако, известные пределы были положены его всемогуществу обычаем, и некоторые из выбираемых им высших сановников принадлежат всегда к тому или другому привилегированному классу. Так, «начиб» или духовный глава, звание которого соответствует в религиозной иерархи званию константинопольского шейх-эль-ислама, должен быть избираем между сеидама, то-есть потомками пророка; аталики, или государственные советники, которых хан признает нужным призвать в свой совет, всегда назначаются из узбеков; метер, функции которого соответствуют должности министра внутренних дел, всегда выбирается из сартов, то-есть принадлежит к коренному населению страны. В настоящее время истинный

господин ханства—русский резидент, вооруженный трактатом, подписанным в 1873 году. По этому договору, государь Харезма объявляет себя «покорным слугой императора Всероссийскаго»: он предоставляет русским право свободно торговать в его городах, беспрепят-



Бухара, развалины внутри города.

ственно проезжать и провозить товары через его территорию; он разрешает их судам свободное плавание по Аму-Дарье, обязуется давать земли для устройства товарных складов русских торговцев, принимать на свою ответственность исправное содержание искусственных

сооружений, предпринятых его победителями на течении реки. Он признает, что должники из его подданных обязаны платить долги прежде всего тем из кредиторов, которые принадлежат к русской национальности, и сам он обязуется уплатить русскому правительству, в виде вознаграждения за военные издержки, сумму 2.200.000 рублей, рассроченную на двадцать лет, так что последний годовой взнос должен был быть произведен в 1893 г. Вся его страна, города и деревни служат обеспечением исполнения долгового обязательства, принятого им в отношении победителя. Какая может быть независимость государства, которое подписывает подобный договор? В сущности Хива есть не более, как русская провинция, хотя еще без гарнизона.

5. Русский Туркестан

Часть арало-каспийской покатости, которою Россия овладела непосредственно, не оставив даже тени личной власти прежним государям страны или независимости их народам, имеет гораздо более обширное протяжение, чем область Туркестана, еще свободная или уже поставленная в вассальные отношения к русской державе; но эта часть пропорционально менее населена. Занимая более северное положение, будучи выставлен действию более холодных ветров, русский Туркестан менее богат плодородными землями, и именно те местности, куда направляется славянская колонизация, наиболее удалены от России в собственном смысле: обширные степи, простирающиеся на 1.500 верст в ширину, отделяют эти новые места России от метрополии; укрепления и почтовые станции, связывающие колонии с уральскими и волжскими городами, медленно превращаются в города и деревни.

Между этими территориями с очень редким оседлым населением самая бедная постоянными жилищами—провинция, пространством равная трем пятым Франции (по Стрельбицкому, около 287.850 квадр. верст), которая простирается между Каспийским и Аральским морями, от берегов Урала до берегов Атрека. Этот обширный край, оффициально называемый "Закаспийским отделом», подчинен, в административном отношении главному управлению Кавказа; до сих пор его рассматривали просто как морское побережье, лежащее против бакинского порта, откуда всего удобнее могут быть перевозимы войска и провиант. Единственные постоянные поселения, которые имеют там русские,—крепости и укрепленные лагери, устроенные на пунктах морского берега, наиболее доступных для судов и наивыгоднее расположенных, как центры действия против кочевников внутренней части страны. Некоторые из построенных фортов были покинуты, либо по причине недостатка хорошей воды или нездоровости климата, либо по причине совершенной их бесполезности: многие посты на Мангышлакском полуострове, некогда укрепленные, теперь представляют лишь кучи обломков; но близ форта Александровского, под защитой мыса Тюк-Караган, возникло довольно оживленное рыбачье селение, Николаевск.

Из всех поселений морского прибрежья самое важное—Красноводск, бывший Кызылсу,—построенный при основании полуострова, загибающагося в виде косы (Красноводская коса) на западе залива Балханского. Соседство источников, пастбищ, даже годных к обработке земель, глубоких вод, позволяющих судам приставать к самому берегу и почти никогда не замерзающих, обеспечивают этой красноводской позиции прочную важность, и если предпринятые портовые сооружения будут доведены до конца, торговый город, возникающий в этом месте, может сделаться закаспийским Баку. В 1877 году Красноводск возведен в степень города, хотя население его не достигало тогда даже 500 душ[1]; более пышный, чем многие города русской Азии, он имеет каменные дома, клуб, общества сад; одного только не достает ему—это совершении пресной воды; в ожидания устройства водопровода, жители должны добывать себе годную для питья и варки воду при помощи машин, дистиллирующих морскую воду[2]. Нефтяные ключи, бьющие из земли в окрестностях Красноводска, у подошвы Малого Балхана, не разработываются, по причине опасного соседства туркменских

1 По последней переписи население Красноводска определено в 6.359.

2 Загорский, „Русское Обозрение", 1879 г., № 5.

орд; но в последнее время выкопали более двух тысяч нефтяных колодцев на острове Челекен, который охраняет южный вход в залив Балханский, напротив Красноводской косы; нефть, смешанная с песком, такая, как ее собирали недавно туркмены, менее ценилась в торговле, нежели бакинская: но с тех пор, как введена правильная эксплоатация источников, с применением более усовершествованных способов, оказалось, что тамошняя нефть отличается замечательной чистотой. Изобилие этого минерального продукта необычайно велико: один только колодезь, выкопанный в 1874 году, давал до 160 тонн нефти в день, столько, сколько туркмены начерпывали прежде в продолжение целого года; можно сказать, что весь остров Челекень лежит на громадном слое нефти (по Загорскому, среднее годовое количество этого продукта в периоод с 1874 по 1877 год составляло 3.840 тонн). Красноводск вывозит, кроме того, серу, собираемую южнее залива Кара-богаз, и соль, которую дают в изобилии прибрежные озера Каспия; это главный порт Хивинского оазиса на Каспийском море [по Загорскому[1]]), годовое торговое движение между Красноводском и Хивой в период с 1874 по 1878 год: 32 каравана (5.164 навьюченных верблюда); он заменил Коне-базар, прежний рынок, лежавший южнее, на берегу бухты, называемой Хивинской. В стратегическом отношении Красноводск важен, как опорная точка для русских армий на дороге от Каспийского моря к Мервскому оазису.

Военный пост Чикишлярский, на том же, то-есть восточном берегу Каспия, невдалеке от залива Гассан-Кале или Гассан-кули, в который изливается река Атрек, занимает гораздо менее счастливое местоположение; войска могут приставать в этом месте к берегу не иначе, как в плоскодонных лодках, и в окрестностях нет никаких источников для продовольствия отряда: тотчас же за воротами укрепления начинается во все стороны бесплодная пустыня. А между тем многочисленные развалины, рассеянные в окружающих пустынных пространствах, доказывают, что в прежние времена эта часть страны была покрыта городами и деревьями. В течение веков, возникавшие на разных пунктах прибрежья рынки следовали один за другим в этом юго-западном углу Каспийского моря, где проходит большая историческая дорога, ведущая из Передней Азии к областям Небесных гор и к Китаю. Абускун, на развалины которого теперь указывает Гумиш-тепе (Серебряный холмик), между заливом Гассан-Кале и устьем реки Гюргень, был в одиннадцатом и двенадцатом столетиях, важным торговым городом; говорят, он был разрушен наводнением, вследствие разлива Каспийского моря, который произошел от внезапного наплыва вод Аму-Дарьи, когда эта река опять направила свое течение по старому руслу к Балханскому заливу. Погибшему Абускуну наследовал, как торговый центр, город Ним-мардан, в нескольких километрах к югу от Гюргеня; затем сборным местом купцов сделался приморский город Альгом, стоявший при входе в Астрабадскую бухту. Теперь Ашур-Аде, у оконечности длинного полуострова или косы, ограничивающей Астрабадскую бухту со стороны открытого моря, был бы самым удобным рейдом для всех судов в этих водах Каспия, если бы эта низменная, на половину затопленная земля не отличалась таким крайне нездоровым климатом. На севере от Чикишляра, Ак-Тепе, «Белый Бугор», и Геюк-Тепе, «Зеленый Бугор», господствуют часто над становищами иомудов.

Остатки многолюдных городов, торговля которых поддерживалась некогда привозом товаров через порты каспийского прибрежья, встречаются также и во внутренности страны. Так, в одном из самых плодородных бассейнов, орошаемых рекой Гюргень, находился город того же имени (Джордан), древний Гирканиаполис, то-есть «Волчий город», прозвище которого перешло на всю страну и даже на Каспий, который древние очень часто называли «Гирканским морем». От Гирканиаполиса остались только безобразные кучи обломков среди травы и камышей, да одинокая башня Гумбеттикаус, возвышающаяся на 50 метров над окружающими грудами кирпичей[2]. На расстоянии около 120 километров к северо-востоку от Чикишляра виднеются остатки Маздурана (известного у русских под именем Месториа-

1 Там же.

2 Вамбери, „Странствование лжедервиша в Средней Азии".

на), покрывающие значительное пространство. Персидское его название указывают на положение города между Ираном и Тураном; по легенде, очень распространенной в Персии, один стрелок, одаренный сверхъестественной силой, пустил с берегов Гюргеня стрелу, которая должна была своим падением обозначить границу между двумя империями; стрела упала на то место, где впоследствии выстроился Маздуран[1]. Судя по этим развалинам и по обломкам цитадели, это был один из важных городов Азии; но что особенно дает высокое понятие о могуществе древнего Маздурана,—это водопроводы, которые орошали поля и сады в его окрестностях, и равные которым, по крайней мере по длине, существовали только на полуострове Ганго и в римской империи. Один из этих водопроводов, по сторонам которого находились в некотором расстоянии одна от другой крепостцы, шел через земли, отделяющие Атрек от его притоков Сумбар, пересекал эту реку, затем, оросив Маздуранскую равнину, направлялся к Каспийскому морю, куда и впадал после течения, общая длина которого равнялась 159 километрам[2]. Вероятно, Атрек теперь уже не имеет достаточно воды, чтобы можно было заставить его орошать такое обширное пространство земли.

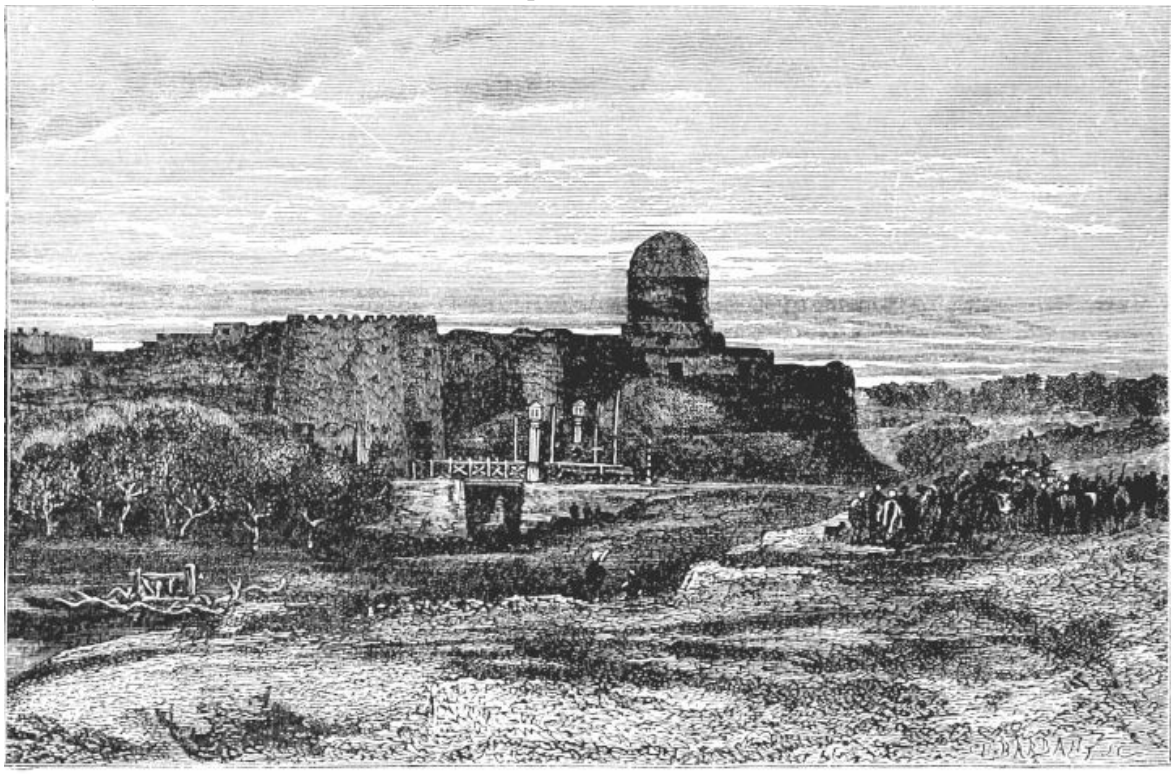
В русских владениях Туркестана, к востоку от Аму-Дарьи, область, наилучшим образом орошаемая, благодаря работам туземцев, это—долина «Золотоносной реки». По выходе из гор, Зарявшан делится на многочисленные ирригационные каналы в окрестностях города Пенджакента, затем, разветвляясь все более и более, так что отведенные из него канавы расходятся по возможно наибольшей ширине территории, он развертывает свою сеть арыков на север от Самарканда, потом поворачивает свои разветвления в юго-западном направлении, чтобы вступить в пределы Бухарского ханства, ниже укрепленного города Катты-Курган, населенного частию арабами. Эти-то несущие плодородие воды Согда, нынешнего Зарявшана или Зерявшана, составляли главное богатство древней Согдианы и заранее предназначали ей роль одной из жизненных стран в истории цивилизации; они дают теперь пропитание почти 300.000 жителей, из которых две трети принадлежат к узбекской расе. По мадзейской легенде, Согд есть второе «благословенное место, сотворенное словом Ормузда»[3].

Самарканд, главный центр этой издревле православной страны, построен если не на том самом месте, где стоял, во времена Александра Македонского, город Марканда, то по крайней мере в соседстве; носимое им имя очень мало изменилось, хотя его приписывают обыкновенно арабу Самару, который овладел городом в 634 году и ввел там Магометову веру; в эпоху китайского господства он был известен под наименованиями Чин и Са-мокянь. Резиденция династии Саманидов, между половиной девятого и началом одиннадцатого столетий, Самарканд сделался «убежищем мира и науки», одним из городов Старого Света, которые наиболее содействовали развитию человеческих знаний. Это был также один из значительнейших городов Азии, по числу жителей, и когда его стены были разрушены полчищами Чингис-хана, в 1219 году, армия, защищавшая город, насчитывала в своих рядах не менее 110.000 человек[4]. После прохода страшного завоевателя, Самарканд имел только четверть своего прежнего населения, то-есть около 25.000 семейств[5], но мало-по-малу он оправился от погрома и сделался средоточием громадной империи Тамерлана, затем он снова был опустошен номадами: в начале восемнадцатого столетия в нем оставался всего только один житель[6]. Развалины древнего Самарканда, уже утратившие всякую форму, рассеяны среди полей и на высотах окрестностей; но самые замечательные памятники, пришедшие в ветхость или совершенно развалившиеся, которые составляют славу города, принадлежат к эпохе Тамерлана и его преемников. Когда подъезжаешь к Самарканду, уже издали видны,

1 H. Rawlinson, „Proceedings of tbe Geographical Society", march 1879
2 Ломакин, „Journal de Saint-Petersbourg", март 1876.
3 Burnouf, „Commentaire sur le Yacna".
4 Соболев, „Записки Русск. Географ. Общества, по отделу Этногр.", IV, 1874 г.
5 Lehmann, „Mittheilungen von Petermann", 1865 г., № 6.
6 О. Палладий, „Труды членов русской духовной миссии в Пекине", том IV.

над линией стен, большие голубые куполы и некоторые минареты его мечетей, дворцы и медрессе, обрисовывающиеся на горизонте гор, белых зимой, фиолетовых или синеватых летом. На северо-востоке возвышаются господствующие над городом и его садами горы Чупаната, где находятся живописные развалины и могила одного святого, покровителя пастухов. У подошвы этих высот разделяются главные ирригационные каналы, «Белая вода» и «Черная вода», Ак-Дарья и Кара-Дарья. Каждый год весной четыре тысячи рабочих трудятся над расчисткой реки Ак-Дарья, русло которой, более возвышенное, скорее засаривается илом.

С тех пор, как бывшая резиденция Тамерлана превратилась в один из областных городов средне-азиатских владений России, русские построили с западной стороны цитадели новый квартал с правильными улицами, расходящимися к окружности в виде ветвей веера; сады, широкия аллеи украшают этот европейский квартал; но нужно пройти лабиринт узких извилистых улиц в магометанской части города, чтобы составить понятие, каков был Самар-

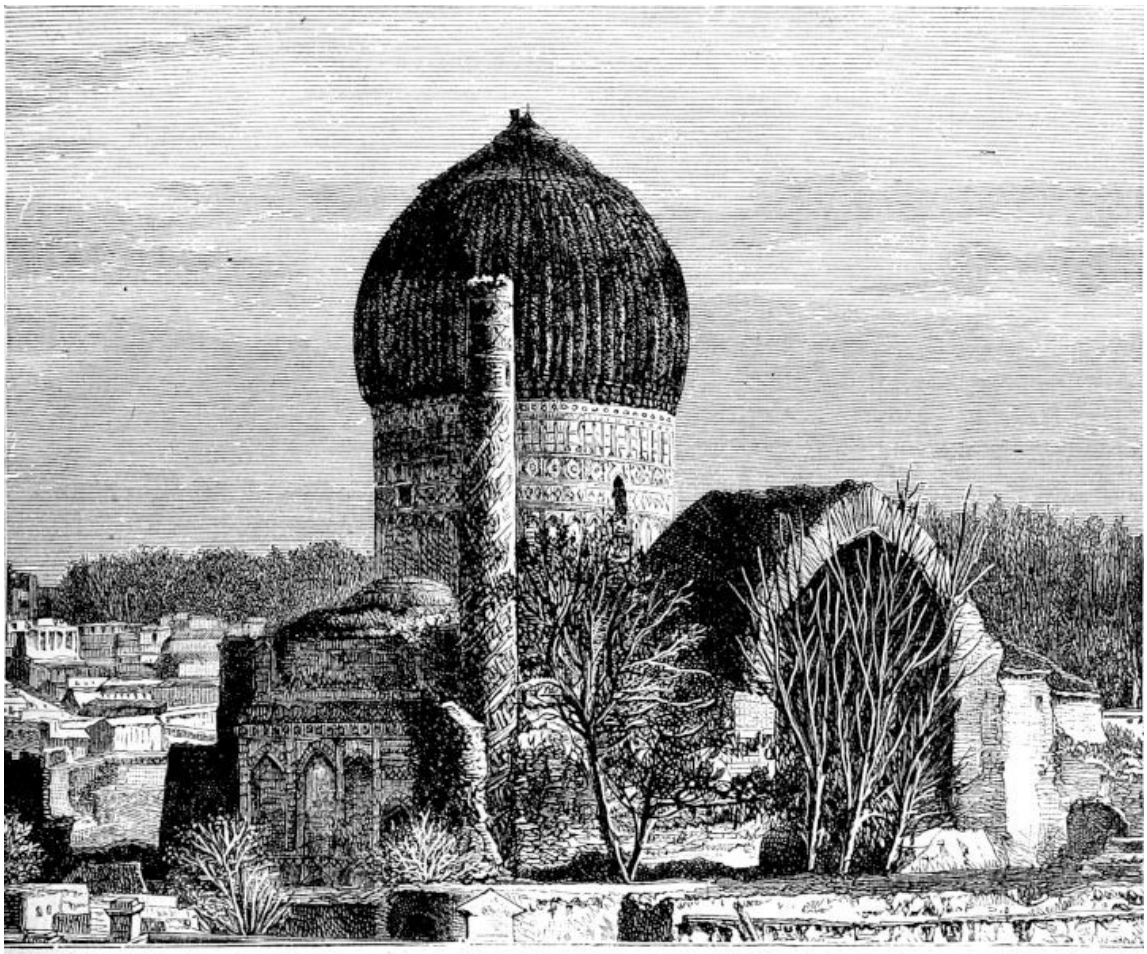


Самаркандъ.—Входъ въ цитадель.

канд во времена его величия. Есть ли во всем свете школы, которые могли бы сравниться, по колоссальности и богатству архитектуры, с самаркандскими мсдрессе? Впрочем, теперь это школы только по имени, и доходы, получаемые с земель «вакуфа», употребляются исключительно на содержание мулл и экономов или «мутевали». План этих зданий отличается замечательной простотой. Все они имеют впереди стрельчатый портик, широкий и глубокий, как бы приглашающий проходящие толпы и высоко поднимающийся над массой окружающих низеньких домов, над которыми он простирает свою широкую тень. Это преддверие, окаймленное рядом арабесок, обрамленным двумя столбами такой же высоты, как и портик, разделено выступами, испещренными узорами из косоугольников и кривых линий на три равных яруса, которые все орнаментированы с таким же изяществом и разнообразием, как персидские ковры; линии переплетаются и свиваются на разноцветных изразцах в виде фигур изумительного разнообразия; на некоторых памятниках среди бесконечной мозаики этих перевивок красуются там и сям изображения персидского льва, служащие указанием на происхождение первых зодчих здания, и стихи из Корана, начертанные куфическими буквами. В темной глубине стрельчатой паперти, окруженной своей блестящей рамкой, неясно виднеются другие узоры из фарфора, и отверстия или двери, ведущие во внутренность здания. Над ковчегами мечетей или медрессе высоко поднимаются круглые башни, из которых

многие уже без венчавшего их прежде пузатого купола, разрушенного всесокрушающей рукой времени; а с каждой стороны фасада, отделенные от строения маленькими аркадами или свободными пространствами, высятся круглые колонны, несколько съуживающиеся кверху до конечной капители и украшенные белыми и голубыми ромбами не менее, чем главный корпус здания. Это две символические колонны восточных памятников, которые лучше всякой аллегорической статуи представляют глазам порабощенного народа закон жрецов и силу земных владык.

Большинство дворцов эпохи Тимуридов находятся теперь уже в состоянии развалин, но есть и такие, в которых еще хорошо сохранилась та или другая часть здания, фасад, башни или куполы. Главная площадь города, Ригистан, постоянно оживленная толпой гуляющих и



Самаркандъ.—Гуръ-эмиръ, гробница Тамерлана.

многочисленными ходячими торговцами в пестрых одеяниях, обставлена с трех сторон самыми красивыми из самаркандских медрессе: это Шир-дар или «боги львы». Тилла-кари или «Одетая в золото» и медрессе Улугбега, названная так в честь государя, по повелению которого она была построена в 1420 году; эта последняя медрессе была та знаменитая школа математики и астрономии, которая сделала из Самарканда, в пятнадцатом столетии, один из священных городов науки. Самая великолепная мечеть Самарканда и всей центральной Азии—Шах-Зиндех или «Живущий шах», названная так по имени одного защитника ислама, который теперь покоится под одним из камней здания, но который когда-нибудь пробудится, говорят правоверные, чтобы снова покорить мир вере пророка. Медрессе, тоже красивая, но уже сильно поврежденная временем, которая была основана Биби-ханым, одной из жен Тамерлана, обращена теперь частию в конюшню, частию в рынок для торговли хлопком; в этом здании существует еще мраморная кафедра, под которой ползают больные и немощные, в чаянии получить исцеление, а в одном из дворов сохранилась маленькая мечеть, сооруженная над усыпальницей, где покоится прах государыни, основательницы медрессе.

Сам Тамерлан похоронен в склепе другой мечети, Гур-эмир, построенной на соседнем с цитаделью холме и еще увенчанной куполом редкой красоты. На гробнице грозного завоевателя лежит зеленоватый камень, как говорят из нефрита; со стороны, обращенной к Мекке, древко боевого знамени с привязанным к нему конским хвостом напоминает могущество этого человека, который, быть может, не имел равного себе как разрушитель, и на которого устрашенные народы смотрели как на бога. Вокруг него покоятся: его наставник, его внук Улугбег и некоторые другие из его потомков; в соседстве находятся могилы его жен, а на стенах красуются надписи, повествующие о его славе. Одна из этих надписей грозит еще: «Если бы я был жив, мир трепетал бы от ужаса!»[1].

В цитадели, которая одна заключает в себе целый квартал города и где теперь помещаются правительственные учреждения, гражданские и военные, тоже есть мечети, древние могилы и бывший дворец эмира, обращенный в госпиталь. По середине одного из дворов этого дворца лежит большой камень сероватого мрамора, в полтора метра высоты и в три метра длины, который, по преданию, Тамерлан велел привезти из Бруссы, и который служил ему троном; этот камень, называемый туземцами кок-таш, находился прежде в другом дворце, развалины которого еще видны в нескольких километрах от нынешнего города[2]. После Тимура, его преемники приходили воссесть на этот каменный престол, чтобы вступить в обладание империей, и палач перед кок-ташем отсекал голову несчастным претендентам.

Окруженные таким множеством мечетей и других религиозных памятников мусульманских святынь, жители Самарканда, между которыми более половины таджиков, выказывают большее усердие в исполнении правил и обрядностей своей веры, чем обитатели Ташкента и других городов русского Туркестана. Самарканд считает за честь заслуживать прозвище «Головы ислама», даваемое ему старинной мусульманской поговоркой, которая называет Мекку «Сердцем ислама», он носит также наименование «Лик Земли» или «Вертоград Блаженных», по причине многочисленных гробниц святых, рассеянных в окрестностях. Религиозная ревность не мешает населению Самарканда вести очень деятельную торговлю с русскими завоевателями; однако главные коммерсанты—иностранцы: евреи, индусы, афганцы. Промышленности в Самарканде нет никакой, кроме земледелия и садоводства (по Соболеву, годовая ценность сельскохозяйственных произведений, собираемых в Самаркандском оазисе, простирается до 8.330.000 рублей). Вся окружающая его равнина, которая до сих пор еще носит древнее имя Согд[3], представляет один обширный сад, и развалины древнего Самарканда или Мераканда покрылись растительностью. На западе, возвышения почвы, поднимающиеся над орошаемой равниной, носят еще следы построек и изрыты подземными галлереями, где при раскопках находили черепки глиняной посуды и монеты; там, по словам туземцев, имел местопребывание легендарный герой Афразиаб, которого одни считают основателем города, другие, напротив, его разрушителем. Старая стена Самарканда тянется еще далее за этими остатками древности, в 6 километрах от города.

Население зарявшанского города значительно возросло: со времени занятия края русскими, оно упятерилось: в 1834 году число его не превышало восьми или десяти тысяч душ[4], в настоящее же время по переписи 1897 г. в Самарканде значится жителей 58.531. Благодаря своему счастливому положению в соседстве гор и здоровых долин, Самарканд, без сомнения, сделается одним из главных центров европейской цивилизации, как он был некогда средоточием магометанской культуры. Поднимаясь вверх по долине «Золотоносной» реки через укрепленный город Пенджакент, мы вступаем в Когистан, эту чудную страну аллей с её живописными ущельями, серебристыми водопадами, снеговыми альпами. В этой длинной аллее гор, откуда постепенно поднимаешься к плоским возвышенностям цепи Кара-тегин,

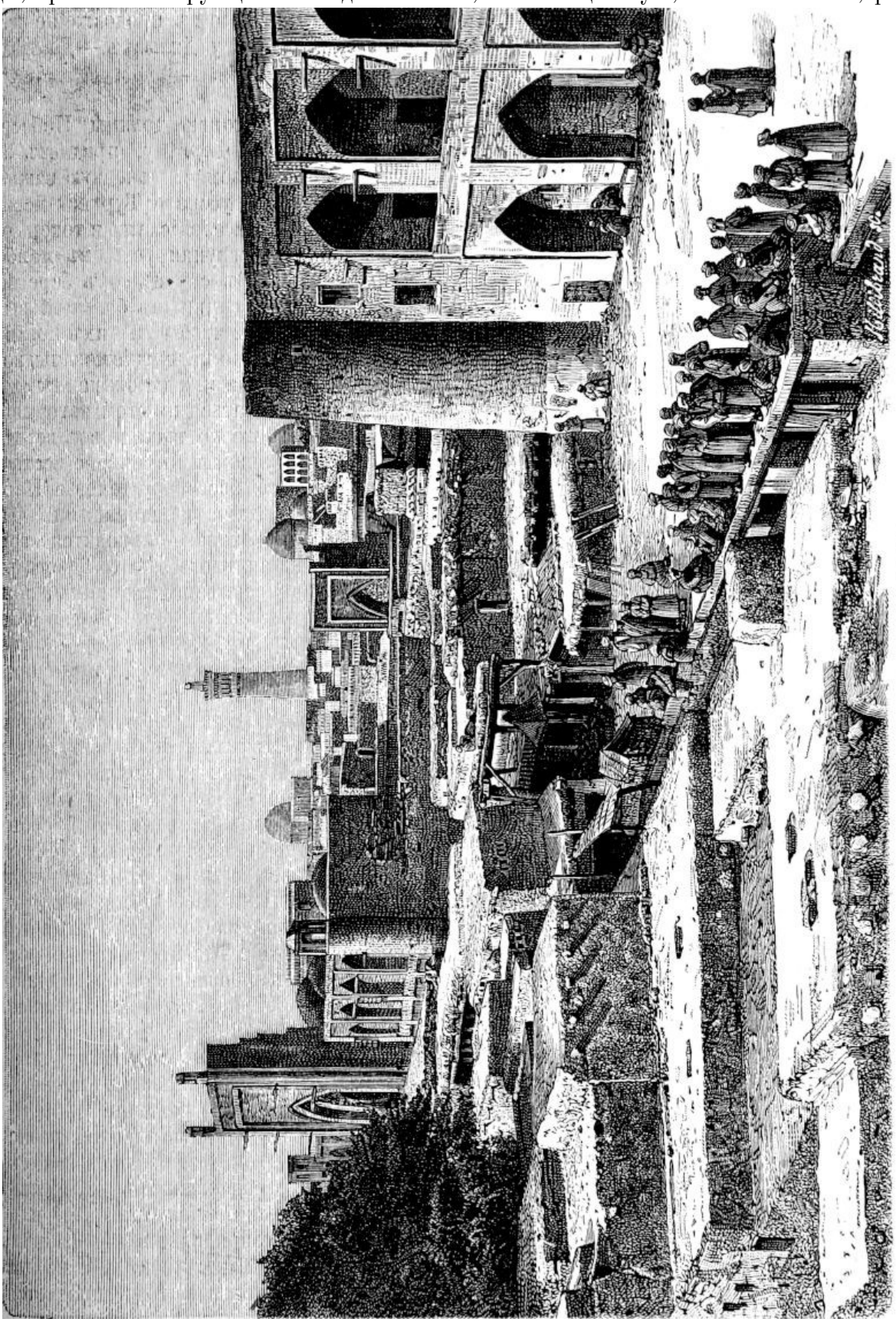
1 Schuyler, „Turkistan".

2 Хорошкин, „Сборник путешествий в Среднюю Азию".

3 Записки (султана) Бабера, во франц. переводе Паве-де-Куртеля; Соболев, „Записки Русск. Географ. Общества", т. IV, 1874 г.

4 Alex. Burnes, „Travels into Bokhara".

можно видеть, так сказать, резюме центральной Азии, со всем, что она заключает в себе приятного и грандиозного в картинах природы. При входе в долину раскинулись фруктовые сады, орошаемые струящимися водами. Выше, зеленеющие луга, засеянные поля, рощи и



Видъ города Хивы.

лески окаймляют течение реки, или как у Варзаминора, покрывают высокие аллювиальные террасы, оставленные исчезнувшими озерами. Сквозь ветви деревьев виднеются белые вершины гор, стоячия воды рассеяны в гранитных бассейнах, и с высоты цирков спускаются

ледяные реки. Когистан представляет также явления, сходные с явлениями, наблюдаемыми на вулканах в состоянии извержения. Одна из гор верхней долины Зарявшана, Кан-Таг, прорезана, в виде жил, мощными залежами каменного угля, которые давно уже горят; гора окутана атмосферой из дыма и удушливых газов, а по ночам отражение подземного пожара окрашивает небеса красным заревом[1]. Золотоносные пески Зарявшана разработываются в настоящее время лишь очень небольшим числом жалких золотоискателей. Золотая плотина, которую, по сказанию легенды, Александр Македонский построил поперек озера, носящего его имя (Искандер-куль), оставила после себя, как говорят, лишь кое-какие, утратившие всякую форму, обломки, и теперь дает потоку только редкия блестки драгоценного металла[2].

Самая населенная часть оазиса—та, которая составляет продолжение Миankаля или Бухарского «Междуречья»: в этой области, от Катты-кургана до Пеншамбе (Пейшамбе), деревни соединяются в один непрерывный город, утопающий в зелени фруктовых деревьев, которые издали придают ему вид леса; каждый сад как-бы стережется важными аистами, которые от времени до времени постукивают клювом; хивинцы в насмешку говорят, что это постукиванье аистов заменяет бухарцам и коканцам «пение соловья». Один из кишлаков этой плодоносной страны известен под именем Урус, то-есть «русский», в память беглых московских людей, которые поселились в этом месте лет двести или триста тому назад. Несчастные переселенцы, заподозренные в том, что они продолжали поклоняться своему прежнему Богу, чем навлекли напасть на свое новое отечество, были все перерезаны бухарцами.

Верстах в сорока на юго-восток от Самарканда, город Ургут, храбро сопротивлявшийся русским, группирует свои дома в тени чинар, на берегу ручья чистой воды, вытекающего из глубокой поперечной долины. На юге открывается ущелье, ведущее на перевал Самаркандских гор (Самарканд-тау), через который спускаются к садам Шехр-и-себса, тогда как на северо-востоке широкая брешь в цепи Кара-тау дает проход дороге из Самарканда в Ташкент и маленькой речке Джизак. Этот пролом носит название «Змеинаго» ущелья (Жиланути), которое он получил, вероятно, или от извилистого течения речки, или от пресмыкающихся, ползающих между его скалами. Этот важный горный проход, который прежде охранялся с северной стороны городом Джизак (Дизак), то-есть «Ключ», есть один из исторических путей Азии, и при нем происходило много кровопролитных битв из-за обладания Зарявшаном или Сыр-Дарьей. На запад от «Змеинаго» ущельи высятся крутые стены пирамидального сланцевого утеса, поднимающиеся на 120 метров и носящие название «Тамерлановых ворот»; две персидские надписи, вырезанные на скале, не упоминают, впрочем, имени этого завоевателя. Одна из них прославляет его внука Улуг-бега, «победителя царей и народов, тень Аллаха на земле»; вторая, относящаяся к 1571 году, говорит о победе другой «тени Всемогущего,—«хана ханов» Абдуллы, который, «благодаря счастливому сочетанию созвездий», нанес поражение армии из 400.000 бойцов и «пролил потоки крови, которые в продолжение целого месяца текли в реку Джизак.—Да ведает о том весь свет!»[3].

Обилие воды, которую долины Небесных гор изливают в Фергану, придает этому бассейну огромную земледельческую важность, и в этой области русского Туркестана, без всякого сомнения, население, уже и теперь относительно плотное, сгруппируется в наиболее густых массах. В сердце гор берега Нарына находятся на слишком большой высоте над уровнем моря, чтобы на них могли возникнуть города: только маленькие казачьи посты, посещаемые черными или дикокаменными киргизами, могли основаться в этой нагорной долине. Но тотчас же по выходе из верхних ущелий, при вступлении в северо-восточную часть Ферганского бассейна, течение Нарына окаймляется городами и деревнями. Один оазис, посреди которого находится город Уч-курган, идет вдоль левого берега реки. На севере, прекраснейшие равнины, лежат в некотором расстоянии от Нарына и Сыра, у которых, так же, как у Аму-

1 Федченко, „Geographical Magazine", май 1874.
2 Schuyler. „Turkistan".
3 E. Schuyler. „Turkistan".

Дарьи и у рек Европейской России и Сибири, правый берег возвышенный, а левый низменный. Долины, орошаемые водами потоков, спускающихся с гор Чоктал, более плодородны и покрыты более богатой растительностью, чем прибрежные террасы, возвышающиеся на северной стороне главной реки; они состоят преимущественно из фруктовых садов и огородов, тогда как на левом берегу оазисы засеваются хлебными растениями; между этими двумя поясами, по берегам Сыра там и сям залегают степи. Отсюда необходимый обмен земледельческих произведений между долинами юга и равниной севера: первые отправляют овощи и плоды, которые у них родятся в изобилии, вторая посылает пшеницу, которую она производит в количестве, превосходящем её собственное потребление[1].

Наманган есть главный центр оазисов, удаленных от реки. Это большой город, на базаре которого, содержащем около тысячи лавок, идет очень бойкая торговля, и который имеет, бумагопрядильни для фабрикации тканей, употребляемых туземцами; на наманганском рынке каждый год продается до 300.000 баранов и овец, привозимых из степей севера; кроме того, отсюда отправляют, на плотах вниз по течению Сыр-Дарьи грузы фруктов, кож, войлоков, в Перовск и Казалинск. Вокруг наманганской цитадели раскинулся русский квартал новейшей постройки, заменившей часть магометанского города, которая была разрушена бомбами во время войны, отдавшей край во власть России. Кроме произведений своей промышленности и плодов своих садов, Наманган имеет запас богатств, которые ему обеспечивают в будущем нефтяные источники и каменноугольные залежи страны. Город Кассан, на северо-запад от Намангана, обязан своим благосостоянием тенистым долинам соседних гор Чоктал, плодородным и превосходно обработанным; он гордится своей древностью, считая себя старейшим между городами Ферганы; жители его, таджики,—самые красивые во всем Туркестане[2]. Чуст, также лежащий далеко от Сыр-Дарьи, в долине, спускающейся с гор Чоктал, тоже торговый город, где фабрикуют ножи, почти столь же высоко ценимые, как и гиссарские изделия; с высоты своего холма он господствует над прекрасно возделанными полями, простирающимися во все стороны до линии горизонта, но он не утилизирует минеральных богатств, заключающихся в окружающих горах; правильно эксплоатируются только залежи каменной соли, от которых город Чуст и получил свое турецкое имя Тус. Город Ак-сы, бывший одно время столицей всего Коканского ханства, расположен на крутом яру правого берега Сыра. В своих «Записках» султан Бабер хвалит дыни этого города как «лучшие в свете».

Долина Кара-Дарьи или «Черной реки», которая занимает юго-восточный угол Ферганской области, и река которой соединяется с Нарыном, чтобы образовать Сыр-Дарью, ниже Балыкчи, тоже орошает своими водами сады многолюдных городов. Узгент, стоящий при выходе ущелий Тянь-Шаня, приобрел славу, благодаря находящейся в соседстве могиле, куда приходят пилигримы поклониться праху мусульманского святого Хаджи-Юсуфа. С этой стороны пограничным укреплением служит город Гульша, защищающий против китайцев горный проход Терек-Даван; человеческие кости, белеющие по краям дороги, напоминают бегство кашгарцев, прогнанных китайским завоеванием: большая часть этих беглецов погибла среди снегов[3]. По Куропаткину, годовое движение торговли между Ферганским краем и Кашгарией через проход Терек-Даван выражается следующими цифрами:

Вывоз из Ферганы (тканей)—50.000 р.; привоз в Фергану (шелков, материй, кож и пр.) —120.000 р.

Главный город бассейна, Андиджан, построен не на Кара-Дарье, но он получает воды этой реки посредством отведенных из неё ирригационных каналов. Это один из самых приятных городов Ферганской области, благодаря его тенистым садам и богатому дичью парку, который находится посреди самого города; этот пощаженный человеком уголок сельской

1 Kuhn, „Русское Обозрение", 1876 г., № 1.

2 M-me de Ujfalvy, „Tour du Monde", 1869, vol. XXXVII, № 6; Ch. de Ujfalvy, „Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja".

3 Ch. de Ujfalvy, „Bulletin de la Societe de Geographie", июнь, 1878 г.

природы, где угасает гул окружающих улиц, придает туркестанскому городу отдаленное сходство с некоторыми городами Англии[1]; на северо-востоке, в долине Кугарана, находятся пользующиеся известностью в крае Джалабад-аюпские минеральные воды, теплые и горячия, частию углекислые, частию сернистые, куда приезжают в большом числе лечиться сарты. Поля и равнины «Месопотамии» (междуречья), образуемой Кара-Дарьей и Нарыном, населены исключительно кипчакскими земледельцами, которые умеют превосходно пользоваться этими землями, отличающимися необычайным плодородием[2].

Город Ош на юго-восток от Андиджана, и на той же речке Ак-бура, притоке «Черной реки», занимает, на обоих берегах потока, выход плодородной и здоровой долины, по которой путешественники поднимаются на Алай и Памир. Прекрасные, поросшие лесом, горы окружают амфитеатр города, но самой громкой славой пользуется уединенная скала, с четырьмя остроконечными главами, профиль которой обрисовывается на горизонте с западной стороны: это знаменитый Тахт-и-Сулейман или «Соломонов трон», о котором говорят восточные легенды. Впрочем, рассказы об этой горе не согласуются между собой. В то время, как некоторые из пилигримов приходят сюда поклониться только могиле визиря Сулеймана или Соломона, другие становятся на колени перед этой святыней, видя в ней либо престол, либо гробницу великого царя. Тут говорят одни, он, восседая на вершине горы, вызывал бесплотных духов, чтобы передать им свои веления; на этом месте, сказывают другие, он был умерщвлен; воронкообразные углубления, которые видны там и сям в усеянной мелким камнем почве горы, служили убежищами его черным собакам, и эти верные псы, после смерти своего господина, выпили его кровь и пожрали его тело[3]. Чтобы получить исцеление от недугов, больные опускают голову в эти круглые ямы. С площадки *мазара* или надгробного памятника, стоящего на вершине четыреглавой горы, взорам наблюдателя открывается роскошнейшая панорама зеленеющей равнины, которую на юге ограничивают громады гор Алайского хребта, изрезанные брешами или проломами; на востоке, поперечная цепь Тянь-Шаня представляется в виде лазурного облака; у себя под ногами вы видите реку Ак-буру, извивающуюся серебристой лентой в ущелье, которое открылось ей по всемогущему слову Соломона[4]. Тахт-и-Сулейман, которого размеры и изолированность были преувеличены прежними путешественниками, есть один из пунктов центральной Азии, о которых всего чаще трактовалось в сочинениях по сравнительной географии; известно, что до недавних путешествий, предпринятых в область Памира с целью исследования страны, многие писатели видели в «Соломоновом троне» знаменитую в древности «Каменную Башню», которая служила главным местом роздыха греческим путешественникам, ездившим по так называемой «Шелковой» дороге.

К западу от долины реки Як-буры находим несколько важных городов, рассеянных в ферганском бассейне. Наукат, Араван, Ассаке, следуют один за другим по берегу ручья, воды которого теряются в равнине, на юг от Андиджана; далее Шарихан, город, пришедший в упадок с тех пор, как садовники города Ассаке отняли у него своими арыками необходимую для орошения воду,—находится теперь в соседстве бесплодной пустыни, покрытой мелким летучим песком, из которого образуются переносные бугры при малейшем ветре. Маргилан, окруженный садами, которые тянутся на многие версты во все стороны, поднимает куполы и минареты своих мечетей в том месте, где река Шах-и-Мардан, спускающаяся с высоких ледников Алайского хребта, разветвляется на многочисленные оросительные каналы, прежде, чем потеряться в песках. Этот город был выбран русскими властями, как будущая столица Ферганского края, благодаря здоровому климату занимаемой им местности. Однако, русский город в Маргилане построился не рядом с сартским; он расположился верстах в пятнадцати от этого последнего, и от одного города к другому новые строения выдвигаются в

1 E. Schuyler, „Turkistan".
2 Ch. de Ujfalvy, цитирован. сочинение.
3 Schuyler, цитированное сочинение.
4 Ch. de Ujfalvy, цитированное сочинение.

виде длинных улиц. По местному преданию, «Двурогий» Искандер, великий македонец, которого мусульмане признают также одним из святых пророков ислама, кончил жизнь в Маргилане, и по этой причине город до сих пор остается священным в глазах населения. После садоводства и огородничества, главный промысел маргиланских сартов составляет производство тканей из верблюжьей шерсти, а также шерстяных и шелковых материй, в особенности полосатых тканей из очень легкого шелка, в роде модных шелковых материй, какие выделываются в Дамаске и даже во Франции[1]. Шелководство производится там довольно оригинальным способом. Женщины завертывают яички шелковичного червя в сырую тряпку и выводят гусениц своей собственной теплотой, нося тряпку в продолжение двенадцати дней под поясом; затем, когда черви начнут ползать, они помещают их в корзинки, которые выставляют на солнце, наполнив их листьями шелковичного дерева и прикрыв мокрым бельем.

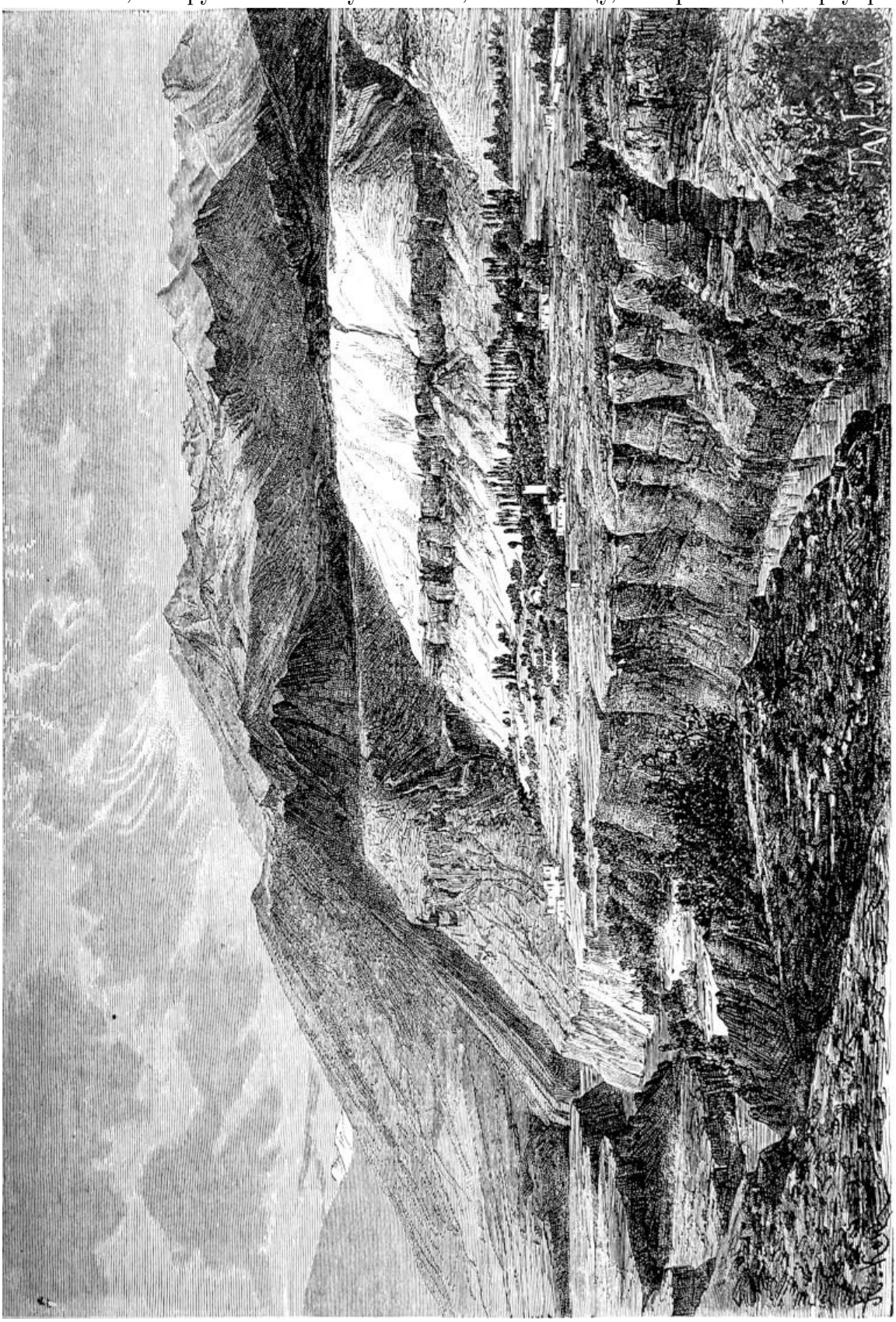
Маргилан один из тех городов, которые по справедливости могут гордиться красотой своих окрестностей, и, нет сомнения, современем еще откроют много великолепных пейзажей в горах, господствующих над главным городом Ферганской области. На юго-западе открывается прекрасная долина Исфайрана, грандиозный вход которой охраняется местечком, носящим название Уч-Курган, как и одноименный город на берегах Нарына. На юге, городок Вадиль, лежащий тоже при выходе долины, служит летом местом дачной жизни. Следуя вверх по течению реки Шах-и-Мардан, при которой стоит Вадиль, путешественник поднимается с уступа на уступ к городку того же названия (Шаг-и-Мардан), одному из наиболее чтимых и наиболее посещаемых пилигримами святых мест Ферганской области, благодаря находящейся будто-бы там гробнице Али; впрочем, на обладание этой святыней претендуют также разные другие места мусульманских стран. Название Шах-и-Мардан, то-есть «Царь людей», которое носят местечко и река, произошло от священных останков, покоящихся в храме Али. Здесь мы находимся уже в области водопадов, голубых горных озер, морен; затем, еще выше, идут вечные снега, ледники и вершины, более высокие, чем европейский Мон-Блан.

Из Вадиля в Кокан,—настоящее имя которого, по Соболеву, Хуканд,—дорога идет в северо-западном направлении, вдоль основания гор, до города Риштан, затем остается только перейти равнины, где река Сох делится и иссякает мало-по-малу в бесчисленных ирригационных каналах. Кокан, недавно столица государства того же имени, присоединенного теперь к русским владениям под названием Ферганской области, все еще может считаться главным городом края, как по численности населения, так по торговле и образованности своих жителей. Тамошние таджики говорят персидским языком гораздо более чистым, чем язык, употребляемый их бухарскими соотечественниками, несмотря на то, что последние живут в стране, лежащей ближе к Ирану. Кокан, город почти новый, так как он существует всего только около полутораста лет, имеет улицы более широкия и более правильные, чем в других городах арало-каспийской покатости; он даже довольно чистый город, и обширные сады придают некоторым его кварталам сельский вид: более сотни тысяч жителей могли бы легко поместиться в его черте. Как промышленный город, Кокан приобрел некоторую важность в Туркестане. Он имеет писчебумажную фабрику, которая производит большую часть бумаги, употребляемой мусульманами страны, даже за пределами Ферганского края; его фабриканты приготовляют ткани, мало уступающие достоинством бухарским изделиям; его медники тоже очень искусны в выделке котлов и другой медной посуды, а мастера, работающие на монетном дворе, умеют отливать пушки, сверлить ружья, делать инструменты, золотые и серебряные вещи, оправлять драгоценные камни. Разменный денежный знак, наиболее употребительный в Туркестане, и даже по ту сторону Небесных гор[2],—монета, известная под именем «кокан», средняя ценность которой составляет около 65 сантимов; как гласит выбитая на кокане надпись, эти монеты чеканятся в «Очаровательном Конане» (Хоканди Ля-

1 Ch. de Ujfalvy, цитированное сочинение.

2 Федченко, „Путешествие в Туркестан".

тиф). Жители города далеко не все могут похвалиться красотой: из трех купцов, торгующих на базаре, один наверно страдает зобом. Эта сильно распространенная там болезнь и была причиной того, что русские покинули Кокан, как столицу, и перенесли центр управления



Варзаминоръ въ долинѣ Зарявшана.

краем в другой город, так как в первое же время оккупации около трех сот русских солдат заболели зобом.

Коканский базар, очень обильно снабженный товарами, есть бесспорно самый богатый

рынок во всем русском Туркестане, и на нем можно найти не только все произведения современной промышленности страны и привозные товары из России, Англии, Персии и Индии, но также старинные вещи и настоящие произведения искусства. Замечательные памятники Кокана—несколько мечетей и в особенности дворец, построенный ханом Худояром, в котором теперь помещаются русские присутственные места. Если здания бывшей столицы коканских ханов не отличаются таким чистым стилем, как здания Самарканда, то они имеют то преимущество, что гораздо лучше сохранились, так что на них можно изучить во всех мельчайших деталях бесчисленные орнаменты фасадов и башен, придающие стенам блеск узорчатых тканей; начертанные там и сям арабские надписи благородными контурами своих букв еще более возвышают красоту этой пестрой мозаики эмальированных рисунков.

Различные города, рассеянные в окрестностях Кокана; Сох на юге, Исфара на юго-западе, Махрам на западе, не имеют сколько-нибудь важного значения в торговом отношении; когда Ферганская долина еще не была присоединена к Российской империи, Махрам был крепостью и местом стоянки гарнизона, по причине его положения на яру левого берега Сыр-Дарьи, близ границы Ходжентского края. В 1875 году происходила кровопролитная битва из-за обладания этим стратегическим пунктом, и земляные стены города, там и сям разрушенные и образующие широкия бреши, напоминают о победе, одержанной русскими.

Главные города Ферганской области, с числом жителей, по последней переписи 1897 г.

Кокан—82.054 жит.; Наманган—75.592; Маргилан—45.569; Андиджан—46.680; Ош—36.474; Наукат—15.582; Кассав—14.308; Чуст или Тус—12.631; Узгент—9.372; Ассаке—4.890; Шарихан—6.350; Балыкчи—7.020; Исфари—4.900, Вадиль—3.198 жителей.

Ходжент, город на Сыр-Дарье, ближайший к Ферганской области и служащий рынком для вывоза произведений этой провинции, состоит уже из двух городов; на юге магометанские кварталы, населенные почти исключительно таджиками, раскинулись на обоих берегах речки Ходжа-Багарган, спускающейся с Алайских гор; на севере, квартал русских жителей, постепенно разростающийся, наполняет пространство, отделяющее старый город от левого берега Сыра: в Ходженте, как и везде в других местах Средней Азии, туземцы, при основании города, селилась вдали от берега главной реки; это объясняется тем, что им нужно иметь под рукой не большую судоходную реку, а ирригационные каналы для орошения садов и полей, и понятно, что при отводе воды арыками легче справляться с маленькой реченкой, чем с быстрым потоком. Летом в Ходженте нестерпимая удушливая жара: пыль, приносимая ветром из степей, наполняет атмосферу, а белые скалы горы Могол-тау, возвышающейся к северу от города, на другой стороне главной реки, отражают на Ходжент знойные солнечные лучи. Часто река Ходжа-Бакарган, где жители берут воду для питья и домашнего обихода, совершенно пересыхает, и тогда женщины принуждены ходить за водой на Сыр-Дарью, спускаясь и поднимаясь по высокому берегу реки. Дороги, расходящиеся в виде радиусов, вокруг города, обставлены по сторонам шелковичными деревьями; плантации хлопчатника и виноградника, среди которых высятся там и сям сторожевые башни, простираются до края пустыни. Ходжент, один из древнейших городов Туркестана, построенный, говорят туземцы, дочерью Адама, имел недавно весьма важное стратегическое значение. Расположенный в соседстве бывшей границы и, так сказать, напротив Махрамской крепости, помещенный, сверх того, вблизи изгиба Сыр-Дарьи, которая перестает течь в западном направлении и поворачивает на северо-запад к Аральскому морю,—он находится в точке встречи армий, и много битв происходило пред его стенами и в окрестностях. В 1866 году русские одержали неподалеку от Ходжента, при Ирджаре, победу, отдавшую в их руки весь край. Укрепленный город Ура-тепе, на дороге из Джизака и Самарканда, тоже часто упоминается в истории войн. Тепе, как и Джизак, один из «ключей», которые некогда запирали Тамерлановы «Ворота», на северо-востоке от Самарканда.

Яны-Чиназ или Ново-Чиназ, при слиянии рек Чирчик и Сыр-Дарьи, представляет лишь небольшую группу домов, из которой русские надеялись сделать цветущий город, избрав его исходной точкой судоходства по Сыру и учредив там складочное место для товаров, идущих

в Ташкент и вывозимых оттуда; но в виду препятствий, встречаемых судами на этой реке в продолжение почти всего года, суда очень редко посещают пристани Яны-Чиназа, и до сих пор не возникло ни одной транспортной компании для перевозки грузов вверх и вниз по реке: Новый Чиназ остался по-прежнему простым местом остановки для путешественников, едущих по дороге из Ташкента в Самарканд, и старый город Эски-Чиназ, лежащий в нескольких верстах от нового, все еще самый многолюдный из двух. Нельзя того же сказать про «Старый Ташкент» или Эски-Ташканд (туземцы говорят Ташканд, русские же привыкли называть город Ташкентом), находящийся на северо-востоке, на той же дороге. Этот последний город, уже около полустолетия, не более как груда развалин, и жители его, гонимые разрушительным действием реки Чирчик, подтачивающей берега, переселились в новый

Ташкентъ.—Видъ улицы.

Ташкент.

Столица русского Туркестана сделалась самым значительным городом арало-каспийских стран и даже одним из первых городов во всей Российской империи. В громадных азиатских владениях русской державы, по численности населения, этот город не уступает даже Тифлису, и возрастание его шло не менее быстрыми шагами. Раскинутый на таком же обширном пространстве, как Париж, на 13 километров в длину и от 7 до 8 километров в ширину, Ташкент (имя которого буквально значит «Каменный замок») имеет, впрочем, еще небольшое число жителей в сравнении с протяжением занимаемой им площади; дома почти все низкие, скрыты зеленью, так что издали город кажется сплошным лесом; только крыши высоких зданий русской постройки да куполы некоторых мечетей поднимаются над тополями, ивами и другими деревьями, растущими по краям каналов.

Местоположение Ташкента выбрано очень удачно. Правда, город построен не на берегу большой реки; но снега цепи Ала-тау и источники гор Чокталь изливают достаточно воды в

речку Чирчик, для того, чтобы эта последняя могла питать городские каналы постоянным приливом. Ташкент расположен как раз около середины пояса земель, орошаемых, и, следовательно, плодородных и обитаемых который простирается от равнин Самарканда до долин «Семиречья», а удобные, легко проходимые дороги позволяют ему сообщаться с верхними долинами рек Сыра, Таласа и Чу. После победоносного приступа, совершенного Черняевым во главе немногочисленного отряда, состоявшего всего только из 1.950 человек после этого завоевания, которое стоило так мало человеческих жизней и так мало денег,—завоевания, которое удивило самих победителей,—воображение воспламенилось. Авантюристы, искатели быстрого и легкого обогащения, устремились толпой в новый город, сделавшийся столицей русского Туркестана, в 1865 году: петербургские и московские купцы видели в завоеванном крае своего рода Калифорнию, и состояния быстро наживались там войной и торговлей. Современная русская литература посвятила не мало страниц описанием этих «ташкентцев», которые бросились на сартов и таджиков, как на добычу, и, обогатившись всяческими способами, вернулись в Россию выставлять на-показ свое богатство и хвастать своей щедростью. Но красные деньки спекуляции прошли. Теперь большинство русских, имеющих постоянное жительство в Ташкенте, состоит из чиновников и военных; торговля находится в руках туземцев, сартов и евреев, к которым примешиваются в небольшом числе: бухарцы, афганцы и индусы из Ширкапура, страшные ростовщики. На улицах Ташкента сталкиваются пришельцы из всех стран Центральной Азии. Даже нагайские татары, выселившиеся из Кавказского края, довольно многочисленны в столице Туркестана, где им пришлось опять найти своих господ, русских, от которых они думали уйти. Впрочем, как люди смышленые и понатершиеся, благодаря сношениям, которые они имели на Кавказе с цивилизованными европейцами, эти татары умеют отлично устраивать свои дела в Азии и служат посредниками между завоевателями и туземцами[1]. Что касается киргизов, более или менее смешанных, которые населяют, в числе слишком 80.000 душ, долину Ангрена и почти всю страну, простирающуюся от окрестностей Ташкента до окрестностей Пекента и Ходжента, то это все потомки беглецов из трех орд, пришедших в край в давния времена, за шестьсот лет назад. Хотя они сохранили верную память о своей генеалогии, им обыкновенно дают прозвище курамов, т.е. «сволочи», и местные сарты смотрят на них с пренебрежением, вероятно потому, что эти грубые сельские жители, честные и добродушные, не обладают, как горожане, умением зашибать деньгу и изобретать прибыльные промыслы[2]; они населяют «семь городов», то есть семь больших деревень (главные из этих деревень—Пангас и Аш), состоящих из глинобитных домов, из тростниковых шалашей и даже из землянок, подобных логовищам диких зверей. В окрестностях Ташкента существует нечто в роде монастыря или приюта, населенного единственно прокаженными, которые живут подаянием[3].

Хотя русские составляют весьма небольшую часть общей цифры населения, однако русский квартал Ташкента занимает уже значительное пространство и заключает около пятой части домов, но только шестнадцатую часть всего числа жителей. Постоянное население азиатского квартала в 1871 году состоял из 78.126 душ; по национальностям оно распределялось следующим образом:

Сартов—75.176; русских—1.289; татар (узбеков)—708; киргизов—375; евреев—293; немцев—110; индусов — 93; афганцев—25; китайцев—3; жителей, национальность которых осталась неопределена—64.

Население русского города, без войска, в 1875 году, состояло из 4.860 жителей[4]. Широкия пыльные улицы, обставленные по сторонам рядами деревьев, белые домики, резко отличающиеся от маленьких построек с плоскими крышами сартских кварталов, большие площади, с клумбами цветов,—все это придает Ташкенту вид городов новой постройки в Соеди-

1 Верещагин, „Tour du Monde“, 1873 г.;—Терентьев, „Записки Русск. Географ. Общества,“, т. IV, 1874 г.
2 Хорошкин, „Сборник статей о Туркестане“.
3 Терентьев, „Вестник Европы“, окт. 1875
4 В настоящее время общая численность населения Ташкента определяется в 156.414 человек.

ненных Штатах и в Австралии[5]. В Туркестане дерево составляет редкость, и каменщики не имеют других материалов для построек, кроме кирпичей из глины, высушенных на солнце, похожих на adobes, употребляемые в Мексике, или на «carreaux», употребляемые в Шампани. Кровли делаются из ветвей ивы и из тростника, прикрытых сверху слоем глины и дерна, украшенных весной диким маком и другими цветами. Пока продолжается сухое время года, все идет хорошо, но во время сильных дождей, разбухшая земля иногда проламывает хрупкую ивовую и камышевую настилку, и все проваливается разом; осенью нужно наблюдать с величайшей заботливостью за исправностью крыши, иначе рискуешь в одну прекрасную ночь проснуться под проливным дождем. Дома вообще имеют только нижнее жилье или только один этаж; более высокие здания, палаты или мечети, подвергаются большой опасности в этой стране, где землетрясения часты, и в городе можно встретить много разрушенных этим явлением построек, поросших деревцами и цветами. Каналы извиваются, как естественные ручьи, в тени ив и тополей, между развалинами, обрушивающимися стенами и новыми домами, зачастую почти не менее развалившимися, как и старые. Летом, русские, владеющие садом в предместьях, отправляются туда на дачу, и по обычаю узбеков, обитают в палатке среди зелени, наслаждаясь чистым воздухом, благоуханием цветов, журчанием струящихся вод и пением птиц. На юг от Ташкента, на чиназской дороге, городок Зенги-ата и окружающие его сады служат главным сборным местом для любителей загородных прогулок.

Промышленность Ташкента, по развитию и размерам, не имеет столько важности, как можно бы было ожидать от города с 150-тысячным населением; город вырос быстрее, нежели его мануфактурные рессурсы. В Ташкенте, правда, существует «тридцать две» ремесленные корпорации, которые полагается иметь всякой восточной столице, и каждая из этих корпораций подразделяется, в свою очередь, на тридцать две специальности мастерства; но, за исключением фабрикации шелковых тканей и дубления кож, Ташкент не имеет сколько-нибудь значительных отраслей обработывающей промышленности. В последние годы там стали выделывать грубую фарфоровую посуду или «чини», названную так потому, что она представляет подражание китайским произведениям этого рода. Некоторые национальные промышленности, как например, приготовление войлока и выделка тканей из верблюжьей шерсти, остались монополией туземцев, но большая часть других мануфактурных изделий, фабрикуемых в крае, не могут выдерживать конкурренции произведений, отправляемых с Нижегородской ярмарки и из Троицка. Ташкент получает преимущественно из России бумажные ткани, за которые он платит невыделанным хлопком и шелком-сырцом; он покупает также шелковые материи, разные изделия из металла, кожи, дерева, колониальные товары. Совокупность его торговых оборотов, по ввозу и вывозу, возрастала из году в год: так, в 1871 году общая ценность торговли этого города с Россией и с соседними ханствами составляла 15.104.615 р., а в 1873 году она уже простиралась до 18.911.630 р. (торговое движение в 1873 г.: 82.502 навьюченных верблюдов; 4.296 навьюченных лошадей: 3.648 телег; так что в настоящее время ценность торговых оборотов не может быть ниже 25 миллионов металл. рублей). Русское правительство делало большие усилия, чтобы учредить в Ташкенте постоянный рынок, который бы соперничал, в отношении средне-азиатских владений, с ярмарками Нижегородской или Ирбитской. С этой целью в 1870 году были построены магазины и помещения для склада товаров на месте, выбранном в окрестностях, верстах в семи или восьми от городского базара: оставалось только заманить туда купцов. Но купцы ни за что не соглашались покинуть свои лавки в старом городе, чтобы идти торговать на указанной им ярмарочной площади. Напрасно прибегали к принудительным мерам, закрывая торговлю на базаре в продолжение двух месяцев, назначенных для ярмарки, напрасно налагали штрафы и насильно приводили торговцев в новые лавки,—торговый поток не захотел войти в приготовленное ему администрацией русло, и ярмарочное поле, открытое в 1870 году, было почти совершенно оставлено четыре года спустя.

5 Schuyler, „Turkistan“.

Большинство европейцев, живущих в туркестантской столице, смотрят на Ташкент, как на место ссылки, которое всякий спешить тотчас же покинуть, как только приведшее его туда служебное честолюбие или желание нажить состояние удовлетворено. Кроме прекрасного сада, окружающего генерал-губернаторский дворец, и парка с «тысячью абрикосовых деревьев», русские не знают, где провести время в часы досуга. Взоры их постоянно устремлены к Европе: оттуда они получают письма, газеты, журналы,—все. что составляет умственную и нравственную жизнь. Впрочем, Ташкент также имеет русский оффициальный орган печати, где можно встретить полезные сведения о Туркестане и соседних странах. Библиотека общественного собрания, содержащая 10,000 томов, богата сочинениями, относящимися к Средней Азии. Ташкент имеет также обсерваторию, школу шелководства, учительскую семинарию, две гимназии, мужскую и женскую. В 1879 г. там основался туркестанский отдел русского географического общества. Кроме того, в столице Туркестана устроились было два другие ученые общества; но одно из них, учрежденное под оффициальным покровительством, покончило свое существование от недостатка жизненной силы; другое, возникшее без разрешения власти, получило приказание прекратить свою деятельность.

Чимкент, на север от Ташкента, занимает географическое положение, во многом сходное с местоположением столицы края. Этот город тоже удален от Сыр-Дарьи и перерезан каналами, проведенными из многоводной реки; он также окружен зеленью, и самое его имя, полу-персидское, полу-турецкое, означающее «Зеленый город», вероятно, обязано своим происхождением поясу его садов. Положение его важно, как в стратегическом, так и в торговом отношении, ибо он занимает западный выход широкого пролома, который отделяет горную цепь Кара-тау от хребта Александровского, и через который бассейн озера Балхаш находится в непосредственном сообщении с равнинами Сыр-Дарьи. Цитадель, теперь разрушенная, господствует над городом с вершины крутой террасы. Кумыс, приготовляемый киргизами в окрестностях Чимкента, слывет лучшим во всем Туркестане, и жаждущие пользоваться этим драгоценным средством, слабые здоровьем русские избрали «Зеленый город» своим местопребыванием.

Следуя на северо-запад, через неровную степь, вдоль южного основания гор Кара-тау, изобилующих залежами каменного угля, свинцовой и железной руды, почтовая дорога из Ташкента в Оренбург проходит через древний город Туркестана, который принял имя всей страны, но который назывался Ясы, когда Тамерлан начал, в 1397 году, постройку знаменитой мечети. Это здание, посещаемое толпами мусульманских богомольцев, построено в честь Хазрета-Ясави, специального патрона киргизов. Возвышаясь посреди крепости, колоссальная мечеть, главная святыня центральной Азии, носит еще следы русской канонады, которая поколебала ее в 1864 году, и стены её, расшатанные также землетрясениями, дали во многих местах трещины сверху до низу. Впрочем, этот памятник Хазрет-султана, «седьмое чудо света», не был никогда вполне окончен строившим его персидским зодчим; в стене еще видны дыры, куда упирались балки лесов, и которые теперь служат приютом аистам,—птицам уважаемым, чтимым правоверными. Но даже в нынешнем своем виде эта громадная руина, почти совершенно потерявшая свою изразцовую обшивку и всякия наружные украшения, производит большой эффект, особенно когда увидишь издали, из степи, её величественную четыре-угольную массу, господствующую над серым городом и его полуразрушенными стенами. Паперть или портик, высотой более 30 метров, ведет в темную внутренность мечети, по средине которой стоит надгробный памятник святого, окруженный другими гробницами и «писанными камнями». Вообще эту область Татарии можно назвать страной развалин: путешественник находит здесь остатки многочисленных крепостей, некогда защищавших переход через Сыр и впоследствии покинутых, а также могильные курганы, рассеянные там и сям в равнине. Одна из этих груд обломков, на верху Сыра, к югу от г. Туркестана, указывает местоположение города Отрара, где умер Тамерлан. В Суране (Саврун) или Сауране, другом разрушенном городе, на запад от Туркестана, еще недавно стояли два высокие минарета очень красивой постройки: один из них обрушился несколько лет тому назад, другой тоже грозит скорым падением. При раскопках курганов этой страны находили грубо сделан-

ную глиняную посуду, медные монеты, кальцинированные кости; но до сих пор эти остатки старины еще не привели к каким-нибудь важным открытиям историческим или антропологпческим.

На нижнем течении Сыр-Дарьи бывшая коканская крепость Ак-мечеть или «Белая мечеть» обязана теперешним своим именем «Перовск» бывшему оренбургскому генерал-губернатору Перовскому, который овладел ею в 1853 году, после довольно продолжительной осады, выдержанной её комендантом Якуб-ханом, сделавшимся впоследствии кашгарским эмиром. Генерал Перовский устроил на месте взятого укрепления русский форт, окруженный теперь новым городом, где хивинцы и сарты встречаются с киргизами. Расположенный во главе старой дельты Сыра, в месте бифуркации реки Яны-Дарья, которая течет на юго-запад по направление к Аму-Дарье, Перовск находится на прямой дороге из Персии и Хивы в южную Сибирь, и, без всякого сомнения, он сделается современем важным складочным местом для торговли между этими странами; но в настоящее время он имеет еще менее деятельности, нежели Казалинск, построенный ниже на главном рукаве Сыр-Дарьи. Этот город наследовал в 1855 году Раимскому укреплению (переименованному впоследствии в Аральское), которое было построено при устьи Сыра, близ Аральского моря, посреди болот, оказавшихся очень нездоровыми, так что невозможно было продолжать держать там гарнизоны. Крепость, которую обыкновенно называют сокращенным именем Казала, носила сначала наименование форта № 1-й; она действительно была первая по порядку в целом ряде укрепленных мест, которые Россия имеет теперь вплоть до подножия Алтая и в самом сердце Небесных гор. Казалинск, расположенный в низменной местности, которую Сыр наводняет во время своих разливов, должен завоевывать мало-по-малу почву, на которой стоят его дома и ветряные мельницы; тем не менее он процветает, благодаря пересекающимся там торговым дорогам, из Оренбурга в Ташкент и Бухару, из Герата и Хивы в Троицк и Екатеринбург, и возделанные земли окружат его на пространстве нескольких верст.

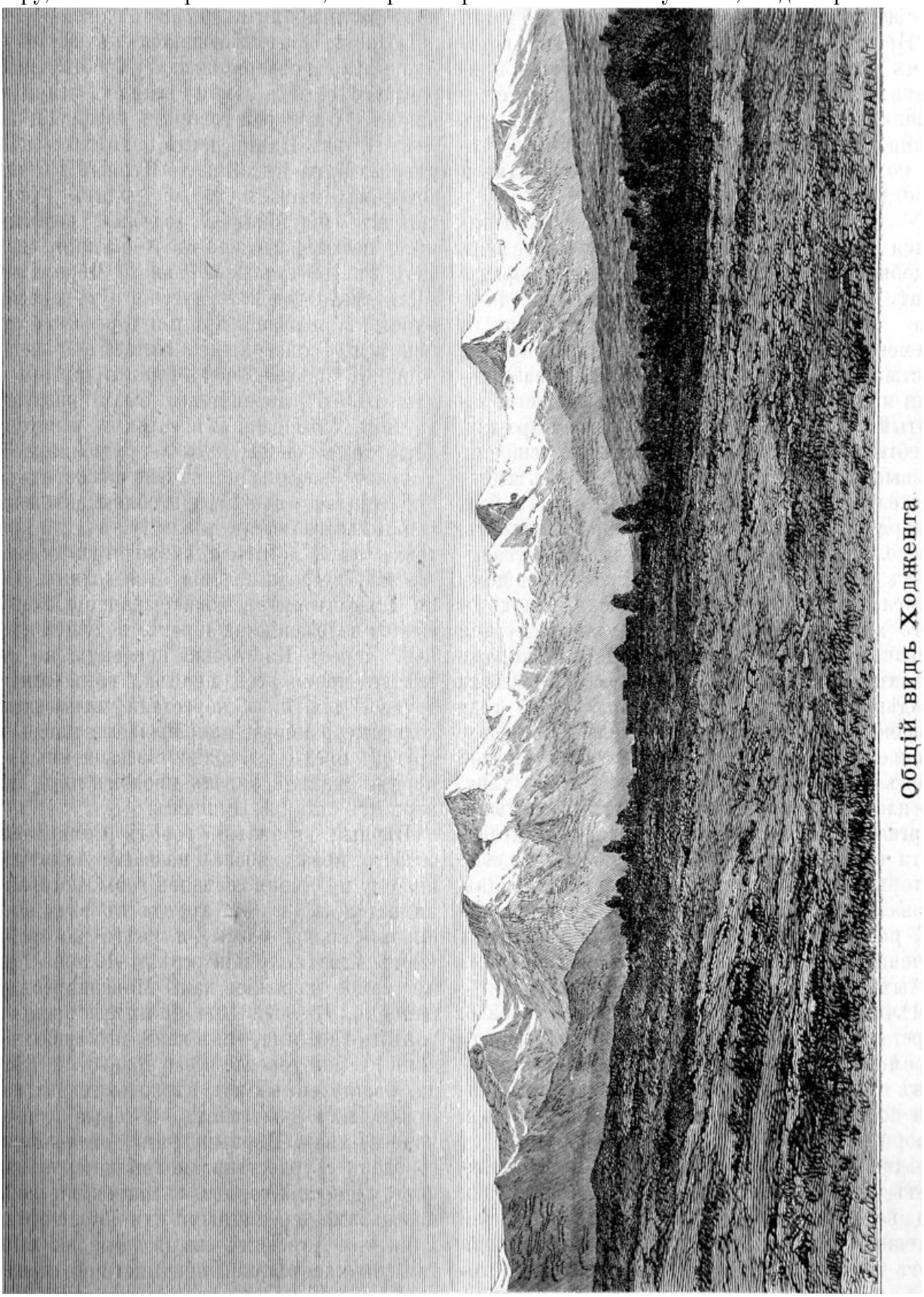
Город низовьев Яксарта, в одно и то же время базар и форт, не имеет соперника на нижнем Оксусе. Там находятся только местечки, как Чимбай, и военные посты, как Петро-Александровск и Нукус, которые командуют берегами реки: в летнее время эти населенные места почти совершенно пустеют, тогда как зимой стены их заключают в себе тысячи кибиток и палаток кара-калпаков. В прежния времена существовали многочисленные города в области, теперь почти пустынной, где воды Яны-Дарьи образовали общую дельту Сыра и Аму. На разстоянии дневного перехода к югу от Сыр-Дарьи еще в 1742 году, во время путешествия Гладышева, стоял город Яны-кенд или «Новая крепость», и кара-калпаки разбивали там свои юрты среди развалин; запустение этого города туземцы объясняют тем, что будтобы жители его были прогнаны змеями[1]. Некоторые селения дельты состоят из тростниковых хижин, поставленных среди болота на плотах из камыша, мерно качающихся по воле волн.

В киргизских степях, простирающихся на север от Аральского озера, города Тургай и Иргиз—незначительные местечки, которым только их административная роль придает некоторую важность. Однако, путешественники с радостью отдыхают там от длинного и утомительного переезда через степи по пескам, травяным пространствам и болотам.

У северного основания Небесных гор тянется пояс возделанных земель и городов, подобный поясу западного ската, но гораздо менее богатый и менее многолюдный: там уже не существует больших городов со времени кровавой резни, превратившей в пустыню почти все обработанные и населенные местности долины Или. Первый пост, занятый русскими к востоку от Кара-тау, хребта на реке Талас, Аулие-ата, еще не возвысился до степени города, хотя он ведет деятельную торговлю хлебом и скотом, благодаря живущим в долине кара-киргизам; несколько бараков—вот и все, что указывает, рядом с базаром и становищем аулиеатских туземцев, на город, для которого мечтали о высокой судьбе, давая ему имя Александрограда. Сначала предполагали даже сделать его главным городом всех русских владений в Туркестане: только в 1867 году решение было принято окончательно в пользу

1 Левшин, „Описание киргиз-кайсаков".

Ташкенту. Имя его Аулие-ата или «Святой отец», происходит от одного чтимого хана, могила которого посещается, как святыня, киргизскими пилигримами. Верстах в пятнадцати к северу, тоже на берегах Таласа, который теряется в песках пустыни, видны развалины



Общій видъ Ходжента.

древнего города, Тюмкента, вероятно, покинутого жителями вследствие набегов кочевников, или, быть может, по причине высыхания страны. Другие развалины, более замечательные, находятся выше по течению, верстах в пятидесяти: это остатки какого-то огромного здания,

покрывающего около 3 десятин своими плитами красного песчаника, длиной почти в 3 аршина; киргизская легенда говорит, что эти камни были набросаны с соседней горы князем духов. Лерх полагает, что они были иссечены для постройки буддийского монастыря[1]. Один китайский путешественник, Чан-Чун, посетивший этот край в 1221 году, рассказывает о городе из «красного камня» и упоминает в то же время о больших могильных курганах «расположенных на подобие звезд созвездия Большой Медведицы». Киргизы называют их Джитте-тепе, что значить «Семь холмов»; впрочем, всех горок там не семь, а шестнадцать: одна из них носит надпись на манчжурском языке, в которой прославляется победа, одержанная китайцами над джунгарами в 1758 году.

Область, продолжающаяся к востоку от Аулие-ата, по северному скату хребта Александровского, есть та самая страна «Тысячи источников», о которой говорит китайский пилигрим Гиуэн-Цанг, и где находилось некогда царство Кара-Китай или «Черный Китай», в котором многие ученые видят одно из царств «священника Иоанна», розыскиваемых последовательно в Абиссинии, на Кавказе, в Центральной Азии[2]. Через эту область проходил исторический путь переселения народов, движения армии и торговых сношений, между северным Китаем и западной Азией; но на этой дороге города, которые строил один завоеватель, были разрушаемы другим, следовавшим за ним, и потому теперь там видны только развалины. Так, Токмак, бывшая столица Кипчакского царства, представляет ныне груды обломков, лежащие близ левого берега реки Чу, в 27 километрах выше нового Токмака, где основалась главная русская колония этой долины. Недавно Токмак имел важное значение, благодаря своему положению на дороге, ведущей в Верный через Кастетский перевал; но в последнее время этой дорогой, как слишком трудной для езды, перестали пользоваться, и колесные экипажи направляются теперь чрез другой проход, более возвышенный, или, вернее сказать, через пролом гор, на север от станции Пишпек.

Верный, главный город Семиреченской области, прежде носил название Алматы, данное ему по имени соседней горы, которая поднимается к югу от города в виде высокой пирамидальной массы, и снега которой питают Алматинку или «реку Яблонь»: это то же самое название, как Мансанарес у испанцев. Верный еще не имел времени оправдать свое имя, так как он существует, как русский город, всего только с 1867 года. Составленный из нескольких в начале отдельных кварталов, которые сливаются мало-по-малу, Верный резко отличается от городов Туркестана: по внешнему виду это чисто сибирский город, с широкими улицами, низенькими деревянными или кирпичными домами, с русскими вывесками на лавках; там начинается, наконец, истинно славянский край. Тем не менее население Верного не исключительно русское: на улицах встречаешь представителей почти всех рас северной и центральной Азии: сартов и таджиков, кара-киргизов и киргиз-кайсаков, даже афганцев, а между переселенцами из Европейской России там есть: мордвины, чуваши и черемисы[3]. Чернорабочие по большей части калмыки, которых легко узнать с первого взгляда по их длинной висящей косе, а в их путешествиях—по быку или корове, которых они употребляют для езды. Торговля большей частию сосредоточена в руках китайцев, которым принадлежат также многие промышленные заведения города. Первые поселявшиеся в Верном китайцы приезжали туда покупать у местных звероловов драгоценное вещество, находящееся, в начале лета, в рогах оленя марала; но так как число этих животных с каждым годом уменьшается в Тянь-Шане, то этим негоциантам пришлось заняться более правильной торговлей, и долгое время они были единственными посредниками по привозу чая в Семиреченскую область[4]. Верный служит складочным местом для продажи металлических изделий русской фабрикации, которые употребляются всеми жителями Средней Азии до границ Тибета. Благодаря духу предприимчивости, которым отличаются верненские купцы, благодаря так-

1 Lerch;—Schuyler. „Turkistan".

2 Oppert, „Presbyter Johannes in Sage und Geschichte";—Yule, „The Book of sir Marc Palo, Cathay".

3 Костенко, „Туркестанский край".

4 „Русское Обозрение", 1876 г., № 10.

же административным привилегиям города и его значительному гарнизону, численность которого в 1879 году простиралась до 3.500 человек, Верный сделался мало-по-малу центром торговли страны. К северу от областного города, укрепление и местечко Илийск охраняют проход через реку Или и дороги, ведущие из Верного в Кульджинский край и в Семиреченскую область. На востоке, по течению Или, форт Борохудзир, вокруг которого основалась колония крестьян, переселившихся из Томской губернии, имеет казенный сад акклиматизации растений и охраняет границу Кульджинского края.

В области Семиречья самое многолюдное поселение—город Копал или Капал, лежащий у основания северных скатов Джунгарского Ала-тау, на берегу соименной ему реки, которая теряется в болотах, верстах в ста к югу от озера Балхаш. На северо-востоке от Копала, местечко Арасан замечательно своими горячими сернистыми ключами, где русские чиновники края находят гостиницу, парк и удовольствия дачной жизни, как на минеральных водах Европы. На севере, главный пункт местностей по течению реки Лепсы, Лепсинск—цветущий город, тогда как по ту сторону цепи озер Сухого, Сассык-куль и Ала-куль, станица Уджарская,—откуда путешественники поднимаются на перевалы хребта Тарбагатай,—ведет значительную торговлю с кочевниками, так же, как и город Сергиополь, носивший прежде татарское имя Ая-гуз: этот последний город занимает, на реке Ая-гуз, восточном притоке озера Балхаш, широкую брешь или долину между хребтами Тарбагатай и Денгиз-тау. Наконец, в сердце Тянь-Шаня, центром русской цивилизации является городок Караколь, лежащий верстах в пятнадцати от залива Кара-су, у восточной оконечности озера Иссык-куль. Бывшее казачье поселение, Караколь получил ныне важное и постоянно возрастающее значение, как станция торговых караванов, ходящих между двумя склонами Небесных гор.

До тех пор, пока славянское население края состояло лишь из отрядов линейных казаков, обязанных колонизовать страну военными поселениями, строить избы и обработывать землю, в роде того, как делается солдатское ученье,—каждая русская деревня была местом пьянства и разгула. Вместо того, чтобы возделывать свои сады, казаки опустошали чужия поля, срубали яблони для топки печей. Они не только не оказывали цивилизующего влияния на калмыков, но, напротив, сами, в конце концов, становились похожими на туземцев, не по честности, но по дикости нравов[1]. Чтобы придать себе важный вид, они говорили между собой по-татарски; как-будто их славянское происхождение было признаком низшей расы[2]. Добровольное переселение русских крестьян совершенно изменило характер колонизации, и земледелие с той поры сделало быстрые успехи: русский сельский мир проник в эти прекрасные долины Семиречья, где русская цивилизация постепенно сменяет монгольскую культуру; но пройдут еще многие годы, прежде чем страна будет опять культивирована и заселена так же, как она была прежде. О прежней населенности её свидетельствуют встречающиеся повсюду остатки городов и буддийских памятников, следы каналов, могильных курганов, из которых многие заключают в себе золотые сосуды, украшенные драгоценными камнями. Русское население Семиреченского края в 1872 году простиралось до 52.000 душ, в том числе было 28.000 солдат, 17.000 казаков-земледельцев и 7.000 других жителей. По последней переписи население Семиреченской области определено в 990.107 ч.

К востоку от Верного, река Или протекает по Кульджинскому краю, столь богато одаренному природой, что по исчислениям, которые, впрочем, не опирались на точные статистические данные, народонаселение его, до страшных событий 1869 года, доходило до двух с половиной миллионов душ, что составляло, в среднем выводе, около 40 жителей на квадратный километр; во всяком случае, не подлежит сомнению, что он тогда был в три или четыре раза гуще населен, чем в наши дни. После кровавой сечи, прекрасная страна превратилась в громадный некрополь[3]. Путешественник повсюду встречает оросительные каналы, занесенные илом, или превратившиеся в болота, заброшенные поля, опустошенные леса, города и

1 Северцов, „Тянь-Шань“.

2 Schtiyler, „Turkistan“.

3 Абрамов, „Записки Русск. Географ. Общества“, т. I. 1867 г.; Уйфальви, Шуйлер и т. д.

деревни, лежащие в развалинах. Когда он поднимается вверх по долине Или, за укреплением Борохудзир и за лесом низкорослых вязов, насаженных китайцами, взорам его последовательно являются груды камней, указывающие, где недавно стояли города: Тургень, Джаркенд, Аккенд, Хоргос, Алим-ту. У некоторых из бывших укрепленных городов сохранились еще стены и башни, но сквозь бреши видны внутри стен только развалины, наполовину скрытые высокими травами и корнями деревьев. Город, который манчжуры основали в 1764 году и из которого они сделали столицу китайской провинции, под разными именами, както: Или, Новая Кульджа, Манчжурская Кульджа, Гой-юан, представляет теперь в высшей степени печальное зрелище[1]: стены крепости существуют еще; местами высится еще зазубренная башня; уцелевшие кое-где двери, украшенные резьбой, стены домов, расписанные фресками, составляют резкий контраст с нагроможденными подле кучами обломков; в некоторых местах мостовая покрыта белеющими человеческими костями. После прохода жестоких истребителей, таранчей, до восьмидесяти тысяч трупов было рассеяно на улицах Или; два или три домика, обитаемых дунганами,—таковы были, в 1876 году, единственные признаки возрождения разрушенного города. На востоке, другой многолюдный город, Баяндай, имевший, как говорят, не менее 150.000 жителей, тоже был разрушен до основания, так что от него осталось только несколько обрывов городской стены; но на севере городок Суйдун еще обитаем.

Нынешняя столица была главным городом страны прежде Или: это Старая Кульджа, называемая также Татарской Кульджей, Нин-Юан и Курень. Так же, как Или, Старая Кульджа расположена на правом берегу реки; подобно всем городам китайской постройки, она имеет форму правильного четыреугольника, окруженного высокой зубчатой стеной, настолько широкой на верху, что по ней могут ездить запряженные экипажи. По середине каждой из сторон четыреугольника открываются городские ворота, защищаемые круглым бастионом с остроконечной башней на верхушке. Две главные улицы, оканчивающиеся у четырех ворот, пересекаются под прямым углом, образуя равные кварталы квадратной формы, которые в свою очередь, подразделяются на другие квадраты пересечением улиц и переулков. Хоти план города был, очевидно, начертан китайцами, Кульджа сохраняет, однако, внутренний характер туркестанского города, и только там и сям попадаются здания, архитектура которых напоминает русские постройки: дома, построенные из битой глины, покрытые глиняными кровлями, походят на жилища узбеков и сартов в средне-азиатских городах. Живущие в Старой Кульдже дунганы и китайцы производят довольно большую торговлю и даже основали кое-какие промышленные заведения, мельницы, фабрики разного печенья и пр.; но минеральные богатства окружающих холмов, залежи мрамора, железной руды и других металлов, месторождения серы, пласты каменного угля, разрабатываются еще в незначительном размере. Окрестные сады и поля, орошаемые частию водами, выходящими подземным путем из глубин озера Сайрам-Нор[2], производят в изобилии все необходимое для про довольствия жителей; а с 1878 года там разрешена и культура опиума (ценность опиума, вывезенного из Кульджинской территории в Китайскую империю в 1874 году: 332,350 рублей; площадь земель, засеваемых маком: 2.820 десятин)[3]. Население Старой Кульджи, в огромном большинстве, состоит из магометан: город имеет только две буддийские пагоды, между многочисленными мечетями, из которых две самые красивые, китайской архитектуры, были построены на средства пекинского правительства. Маленькая домовая церковь китайцев-католиков, которая существовала там до пришествия русских, свидетельствует о попытках распространения в крае христианства, сделанных французскими и итальянскими миссионерами; теперь в Кульдже строят также православные церкви с разноцветными куполами.

Так как русское правительство, после подавления восстания дунган, в июле 1870 г., заняло Илийскую долину только временно, в виду бессилия китайцев в деле поддержания по-

1 „Русское Обозрение", 1879, № 6.

2 Мушкетов, „Записки Минералогического Общества". 2-я серия. 11 том, 1877 г.

3 „Туркестанския Ведомости", 29 июля 1880 г.

рядка в пограничных областях, и обещало возвратить Кульджу Китайской империи, когда пекинское правительство окажется в состоянии управлять этой страной, то русские колонисты не получили разрешения селиться в крае: солдаты, купцы, приезжие,—единственные представители Европы в долине Или, среди всех этих восточных людей: татар и калмыков, таранчей, дунган и китайцев. Известно, что в силу недавно заключенного трактата, Китай снова вступил во владение частью территории, прилегающей к правому берегу реки Или, при чем Россия удержала за собой, на правах полной собственности, южную часть края и проход Небесных гор, которые позволяют ей господствовать в военном отношении над бассейном Тарима и над всей Кашгарией, точно так же, как и над бассейном Или. Каков бы ни был исход возможных в будущем, по поводу этой пограничной области, дипломатических пререканий, или даже вооруженных столкновений,—во всяком случае вероятно, что русские избы скоро появятся подле калмыцких юрт в очаровательных и богатых долинах, орошаемых притоками верхнего течения Или. В настоящее время нет более никаких городов, ни даже селений на берегах рек в этой области Небесных гор; но многочисленные остатки строений показывают, как многолюдна была некогда эта страна. На юго-запад от Кульджи, в долине реки Текес, видны развалины древней столицы монгольских ханов, известные теперь у киргиз под именем Ак-курган или «Белого кургана». Здания и памятники, принадлежащие к давнишним цивилизациям и эпохам, встречаются еще в разных частях края, свидетельствуя о борьбе, которая происходила здесь в разные времена и между разными народами из-за обладания этой роскошной страной. В долине реки Каш сохранились идолы и камни, носящие тибетские надписи. Близ Хорюса, на восток от Кульджи, стоит мечеть, построенная в том-же стиле, как мусульманские храмы Самарканда.

Население главных городов русского Туркестана, за исключением Ферганской области и Зарявшанского округа, по переписи 1897 г.

Сыр-Дарьинская область: Ташкент (1874 г.)—86.250 жит.; Ташкент (1897 г.)—156.414: Ходжент (1897 г.)—50.913; Ура-тепе (с предм.)—40.901; Джизак—16.041; Пангас—10.704; Туркестан—5.500; Чимкент—22.348; Пскент—6.413; Аш—5.000; Перовск—5.196; Аулие-ата —12.006; Казалинск—7.600.

Аму-Дарьинская область: Чимбай (летом)—7.000.

Семиречье: Верный с предместьями—22.837 жит.; Лепсинск—3.295; Копал—2.735; Караколь—4.416.

Кульджа: Старая Кульджа—10.000 жит.; Старая Кульджа (с предм.) 15.000; Суйдун—4.000.

Наибольшая часть русского Туркестана состоит из пустынь и пастбищ. Исчисляют, что площадь почвы, где в настоящее время может быть производима культура хлебных растений, составляет только пятидесятую часть всего пространства этой территории. По Костенко, земледельческая область русского Туркестана, по роду земель, представляет следующие цифры, в гектарах (гектар немного более девяти десятых десятины):

	Поля	Пастбища	Пустыни или необраб. земли	Всего
Семиречье	902.700 (2,2%)	19.800.000 (49,1%)	19.327.300 (49,7%)	40.600.000
Сыр-Дарьин. обл.	393.800 (0,8%)	19.430.000 (41,9%)	27.306.200 (57,3%)	47.130.000
Фергана	600.000 (8%)	3.300.000 (44,8%)	3.410.000 (46,2%)	7.370.000
Зарявшанск. окр.	210.800 (9%)	1.430.000 (54,2%)	999.200 (37,8%)	2.640.000
Аму-Дарьин. обл.	50.300 (0,5%)	1.430.000 (15,1%)	7.979.700 (84,4%)	9.460.000

Но хотя эта область Средней Азии в настоящее время менее богата водой, чем была прежде, протекающие в ней реки, которые теперь теряются в соляных озерах или в нездоровых болотах, могли бы, без всякого сомнения, разветвляться, в виде ирригационных каналов, на обширных пространствах, ныне бесплодных и пустынных. Исчисляя поверхность долин и равнин, которую можно было бы ныне же утилизировать для земледелия или получить посредством искусственного орошения, равной шестой части арало-каспийской покатости,—площадь производительных земель занимала бы пространство большее, чем вся Фран-

ция, и, следовательно, там могли бы жить в довольстве около сорока миллионов человек. При том же большая часть работ по устройству искусственной ирригации была бы только восстановлением прежнего порядка вещей: берега Сыр-Дарьи, северная и западная части Бухары, почти все пространство, разделяющее две главные реки арало-каспийской покатости, были некогда покрыты цветущими полями и садами. Голодная степь носит это имя только с того времени, когда засорились песком арыки, которыми прежде была изборождена её поверхность, и которые теперь пытаются заменить новыми каналами.

Земли, которые орошает туземный пахарь,—таджик, сарт или киргиз,—дают обильные урожаи. Земледельческие орудия там самые простые, первобытные, тем не менее вся почва вспахивается, насыщается водой, а сборы плодов земных щедро вознаграждали-бы труд земледельца, если бы лучшая часть его заработка не уходила на уплату податей и налогов. Хотя столь значительная часть земель Туркестана обречена на бесплодие по недостатку воды, но того, что остается, обыкновенно достаточно для содержания населения, и жители могут, сверх того, предаваться культуре промышленных растений для вывоза их в Россию. Каждый оазис, возделываемый как сад, питает своими произведениями один или несколько городов, и население края прокармливается главным образом не земледелием, а садоводством и огородничеством. В равнине площадь садов и огородов Бухары в семь раз превышает площадь полей в собственном смысле; последние встречаются обширными пространствами только по скатам холмов и гор. Культурные земли неорошаемые занимают гораздо более обширную площадь, чем земли, пользующиеся искусственным орошением.

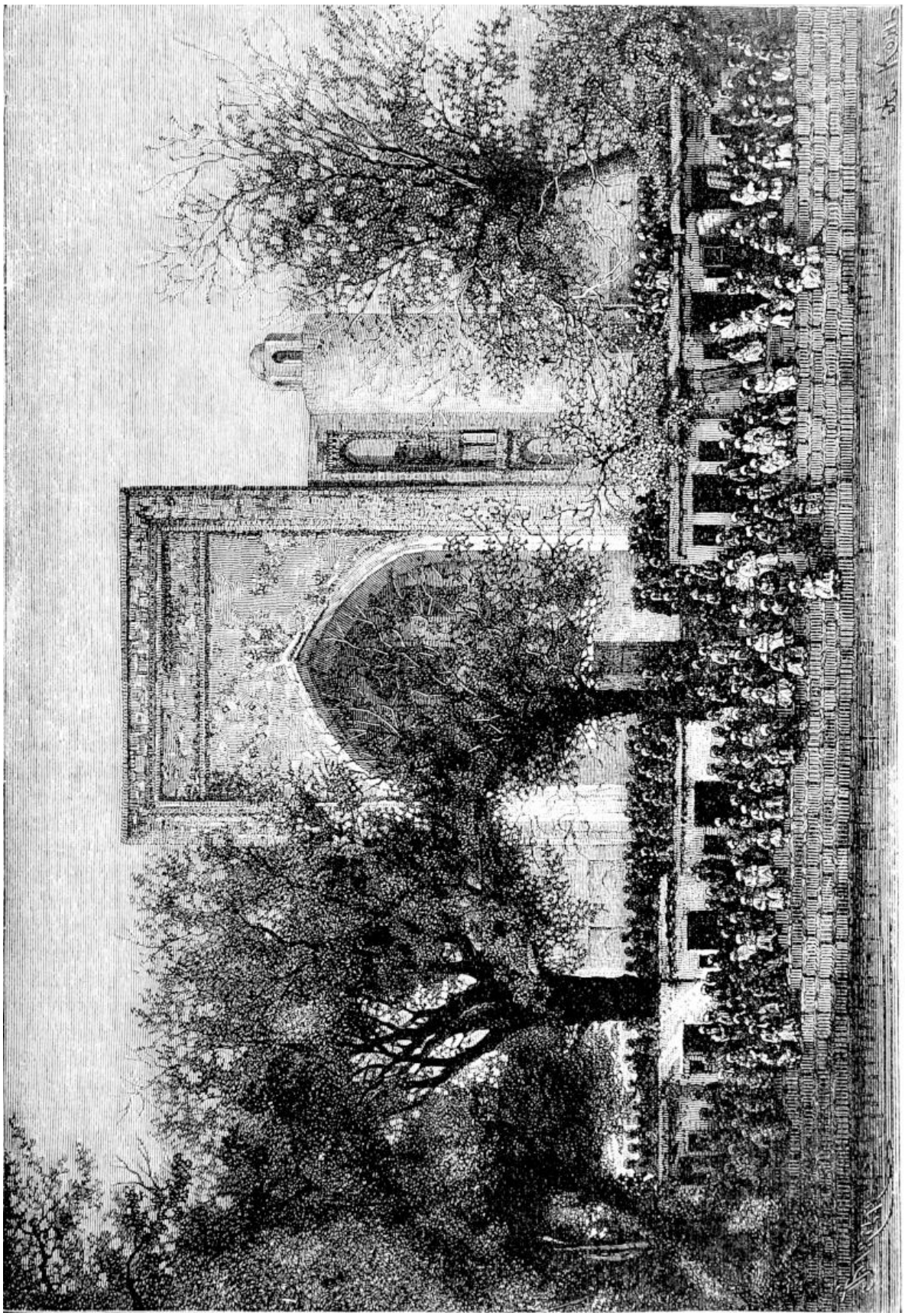
Кульджинскій китаецъ

Культура хлопчатника значительно увеличилась в Туркестане за последние десятилетия: так, в 1858 году из средней Азии было вывезено в Россию хлопка на сумму 677.000 рублей, а в 1867 году отпуск его простирался уже до 5.513.000 рублей. Производство хлопка исчисляется, для всей арало-каспийской покатости, в 50.000 тонн (слишком 3.000.000 пудов), из которых две трети приходятся на долю Бухарского ханства; хлопчатник можно возделывать до самого Казалинска, на нижнем течении Сыр-Дарьи: но волокно средне-азиатского хлопка гораздо грубее, чем волокно американского; к тому же первый очень грязен, так что он не нашел бы покупателей на рынках западной Европы. Производство шелка сделало, быть может, еще более значительные успехи в русском Туркестане (вывоз шелка из Средней Азии в Европейскую Россию: в 1858 г. на 69.000 рублей; в 1867 году на 1.273.900 руб.). Общий сбор шелка-сырца исчисляется для одной только Бухары в миллион килограммов[1]; в некоторых округах шелковица самое обыкновенное дерево и употребляется для всяких насаждений, для живых изгородей, для обсадки полей или дорог и т.п. Когда болезнь шелковичных червей начала производить опустошения в шелковичниках Франции и Италии, иностранцы стали приезжать толпой в Бухару за покупкой яичек шелковичного червя: но эта торговля, в начале терпимая, потом строго регламентированная, была, наконец, совершенно запрещена в 1871 году. Что касается овечьей шерсти, то она груба, худо вымыта, худо вычесана и может идти только на выделку низших сортов сукон. Но некоторые сорта ковров замечательны прочностью ткани и в особенности красотой и оригинальностью узоров. Ковры эти ткут туркменки под руководством какой нибудь матроны, которая чертит рисунок на песке, считает число ниток, указывает цвета и оттенки. Ткани из верблюжьей шерсти, тоже очень прочные, заме-

1 Петровский, Костенко.

нили парусину для приготовления солдатских блуз и мешков всякого рода.

Главное богат киргизов и других обитателей арало-каспийской покатости составляет до-



Бухара – Передъ мечетью.

машний скот, общую ценность которого определяют приблизительно в 99 миллионов рублей. По Костенко, количество скота в русском Туркестане выражается следующими цифрами:

	Верблюдов	Лошадей	Быков и коров	Баранов
Семиречье	97.412	892.007	523.200	6.296.000
Сыр-Дарья	242.130	395.563	293.550	3.183.000
Зарявшан	1.248	51.991	84.463	283.000
Фергана	38.294	213.760	220.717	1.260.000
Аму-Дарья	11.267	48.000	38.070	329.600
Всего	390.351	1.601.311	1.160.000	11.351.000

Курдючные бараны дают большое количество сала для местного потребления, и киргизы поставляют русским каждый год шерсти на сумму около 500.000 рублей; продажа самих животных на всей «линии» между Троицком и Семипалатинском, представляет ценность около 3.500.000 рублей. Доход, который киргизы получают ежегодно от своих лошадей, превышает 5 миллионов рублей; так,—например, в 1863 году этот догор выражался следующими цифрами:

Извозный промысел—3.000.000 р.; кобылье молоко—1.700.000 р.; конина—970.000 р.; кожа—80.000 р.; выделанная кожа—68.700 р.

Замечательно, что киргиз дает России больше товаров, чем сколько сам спрашивает от неё, так что «баланс» торговли между ними склоняется в его пользу[1]. Однако, количество скота в степи уменьшается: холод, бураны, особенно гололедица убавили число домашних животных; теперь даже не каждая юрта имеет верблюда. Ввоз хлеба в степь тоже уменьшился в последнее время, так как кочевники уже не настолько богаты, чтобы могли выкупать его в достаточном количестве. Говорят, что во время зимы 1879-80 годов число голов скота, которого было 860.000 в Тургайской области, упало до 50.000. Бураны и болезни погубили в эту жестокую зиму почти всех животных.

В принципе, земли в Туркестане не могут быть присвоены в полную и окончательную собственность. Право владения землей существует только в продолжение того времени, пока она находится в состоянии культуры: всякая залежь, оставшаяся три года без обработки, считается перешедшей в казенное владение, и государство может опять взять ее, чтобы отдать тому, кто пожелает пользоваться ею с обязательством платить установленный земельный налог. Что касается непахатных земель, то можно сказать, что они принадлежат всем: каждый имеет право пользоваться такими землями, каждый может пасти на них свой скот и рубить лес в каком угодно количестве. Возделываемая почва передается по наследству от отца к сыну, без вмешательства государства, исключая того случая, когда она была дана лишь в пользование, как например, земли вакуфа, доходы с которых принадлежат духовным учреждениям и учебным заведениям. Государство предоставляет владельцам земли право на известное количество воды для орошения полей, но при этом может требовать, чтобы земледелец занимался тем или другим родом культуры, смотря по большему или меньшему обилию имеющагося запаса воды.

Территория русского Туркестана, которая заключает в своих пределах так много пустынных местностей, тогда как обитаемые её области по большей части удалены одни от других, и городов в их очень мало,—представляет тем самым особенные трудности для русского господства; не имея нигде центра, народы этой обширной страны легко ускользают от непосредственного влияния управляющей ими власти, и еще недавно многие из них сохраняли свою независимость, благодаря кочевому образу жизни, и громадности пространства, которое их неприятели должны были пройти, чтобы добраться до них. Что касается оседлых населений, приученных к повиновению, то они живут именно в местностях, наиболее удаленных от центра империи, и если бы какое-нибудь событие предоставило их самим себе, они, вероятно, тотчас же вступили бы в новые политические группы, без сожаления о том, что судьба отделила их от славянской державы. Присоединение этих стран к России составляет факт чисто материальный: оно не имеет основания ни в симпатии жителей к своим победи-

1 Терентьев. „Вестник Европы", ноябрь, 1875 г.

телям, ни в сходстве происхождения, религии, нравов или обычаев. Во всех отношениях противоположность между двумя расами полная.

Вооруженная сила—вот, следовательно, главная опора русского владычества в этой татарской Азии. Понятно, как важно и необходимо было бы, при этих условиях, связать ар ало-каспийскую область с Европейской Россией удобными и быстрыми путями сообщения. Без сомнения, земледелие Зарявшанскаго округа, Ферганской долины, некоторых частей Сыр-Дарьинской и Аму-Дарьинской областей имеет некоторую важность для России, и произведения этих стран: хлопок, шелк, фрукты, направляются к рывкам восточной Европы, но эти произведения, представляющие в сложности годовую ценность никак не более пятидесяти миллионов рублей, далеко не так значительны, чтобы перевозка их могла оплачивать издержки сооружения и содержания железной дороги. Для торговых сношений, даже много превосходящих по размеру ныне существующее движение, вовсе нет надобности искать других перевозочных средств помимо верблюдов и других путей—помимо естественных дорог степи или пустыни. Новые пути будут иметь главной целию сблизить Татарию с Европейской Россией и обеспечить окончательно господство русских в Средней Азии. Моря и реки тех стран не представляют благоприятных условий для устройства этих путей сообщения. Аму-Дарья не изливается более в Каспийское море; Аральское озеро и впадающие в него реки неудобны в том отношении, что по их водам могут плавать лишь суда небольшой грузовместимости и то только в продолжение части года: издержки судоходства на много превышают выгоды, военные и торговые, которые можно из него извлечь. Поэтому пришли к мысли о постройке рельсового пути, который соединил бы Ташкент, Самарканд и Бухару с железнодорожной сетью Европы. Заранее даже дали этой предполагаемой линии название «главной центрально-азиатской», и этим путем направили, в надеждах, торговое движение между полуостровом Ганга и западной Европой.

Но к этому вопросу о будущей железной дороги в Индию примешиваются политические соперничества. Русские, с одной стороны, англичане, с другой, имеют, национальный интерес видеть и представлять вещи под различным углом зрения; начертания будущего пути избирают то северное, то южное направление, смотря по национальности инженеров, составляющих планы; проектам Лессепса и Барановского, благоприятным России, противопоставляются проекты Гохштеттера и Раулинсона, более соответствующие выгодам Австро-Венгрии и Великобритания. Для сравнения, приводим здесь относительную длину проектированных железно-дорожных линий и судоходных путей между Лондоном и Калькуттой:

Через Кале, Константинополь и Кандагар—9.120 кил.; через Остенде, Варшаву, Баку и Тегеран—9.800 кил.; через Остенде, Варшаву, Оренбург и Ташкент—10.800 кил.; через Бриндизи, Александретту и Бассору—11.475 кил.; через Бриндизи, Суэзский перешеек и Бомбей—12.000 кил.; мимо мыса Доброй Надежды—21.450.

Однако, если взглянуть на дело с точки зрения общего интереса народов, не заботясь о политическом равновесии государств, ведущих между собой борьбу из-за господства над Азией, то должно признать, что лучший план железной дороги между Европой и Индией тот, который, из самых многолюдных и торговых областей западной Европы, направляется к бассейну Ганга по линии, в одно и то же время кратчайшей и ближайшей к центрам населения и к приморским рынкам. Эта линия, очевидно, будет та, которая соединит, рано или поздно, железную дорогу из Кале и Остенде в Константинополь с железной дорогой из Курачи, Калькуты и Мадраса в Кандагар: к этой главной линии, без сомнения, примкнет ветвь из Кавказского края. На севере Россия тоже будет иметь один из главных путей для всемирной торговли, именно тот, который через историческую дорогу переселения народов и движения завоевателей, то-есть через порог Джунгарии, соединит бассейн Волги с бассейном Желтой реки. Железные дороги, которыя предполагают провести в Средней Азии и которые, без всякого сомнения, будут построены, могут быть лишь соединительными линиями между двумя большими магистральными путями из Европы в Индустан и из Европы в Китай.

Какова бы ни была польза предполагаемой туркестанской железной дороги с точки зре-

ния торговых сношений, во всяком случае несомненно то, что местности, по которым нужно будет пролагать этот путь, не представят непреодолимых трудностей. Главное препятствие находится в самом Оренбурге, в исходном пункте дороги: там нужно будет построить через реку Урал железнодорожный мост длиною около 200 сажен. Провести рельсовый путь через «Черные Пески» (Кара-Кум), вероятно, не будет так трудно, как это могло показаться первым путешественникам, ибо песчаные бугры, которые при том же легко было бы прикрепить насаждениями деревьев, отделены один от другого узкими длинными долинами или оврагами, идущими от северо-запада к юго-востоку, следовательно, в том самом направлении, в каком должна идти будущая железная дорога[1]. По другому плану предполагаемый рельсовый путь, пересекающий эмбенские болота, проходит в понижениях плоской возвышенности Усть-Урт и, направляясь через равнины Хивы, идет вверх по течению Аму-Дарьи, чтобы подняться через Бактриану к горным проходам индийского Кавказа[2]. Есть еще другие проекты, состоящие в том, чтобы обойти на севере пустыню «Черных Песков», что позволило бы построить, без особенно больших издержек, ветвь в направлении к будущей сибирской железно-дорожной сети через Троицк и Екатеринбург. Предполагая стоимость линии не более ста тысяч франков за километр, издержки устройства дороги, только на пространстве от Оренбурга до Ташкента будут простираться почти до 200 миллионов франков, (около 50 миллионов мет. рублей). Только далее, на дороге в Индию, встретились бы серьезные препятствия, и ни одно предварительное изыскание относительно условий местности не позволяет еще указать на место Бактрианы, где всего удобнее было бы сделать попытку продолжения рельсового пути через Гинду-Куш[3].

Как завоеванная страна, Туркестан управляется военным порядком. Туркестанский генерал-губернатор, которого туземцы называют Ярын-Падишахом или «полуцарем», действительно облечен почти царской властью над покоренными народами. Он в одно и то же время главный начальник гражданского управления края, главнокомандующий находящихся там военных сил, полномочный представитель верховной власти для всех дипломатических сношений Туркестана с соседними странами. Содержание его, весьма значительное, не определено законом, но назначается непосредственно Высочайшей волей. В видах увеличения его власти, к Туркестану были присоединены, по управлению, провинции, принадлежащие к Сибири по своим торговым сношениям, как Семиречье, или даже по своему географическому положению, как части областей Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской. Территория, в которой каждое желание ташкентского генерал-губернатора имеет силу повеления, не менее обширна, чем Европейская Россия, да и вассальные государства, Хиву и Бухару, можно рассматривать тоже, как составную часть этой громадной провинции.

Управление областей Туркестана организовано по образцу управления русских губерний, с теми изменениями, какие обусловливаются преобладанием военных порядков. Губернаторы областей назначаются из военных генералов, и при них состоит областное правление, члены которого определяются генерал-губернатором. Во главе управления округов или уездов, на которые делится область, стоит начальник, ответствующий за порядок и обязанный заботиться о поддержании его посредством административных уставов и при помощи военной силы. На обязанности его лежит также наблюдение за правильным и бездоимочным поступлением всякого рода налогов: десятины, общинной подати, таможенных пошлин, личных или семейных сборов (кибиточный сбор). Однако, самоуправление туземных инородческих племен не вполне уничтожено, и народные обычая уважаются, насколько они не окажутся противоречащими интересам русского государства. Киргизы, соединенные в аулы из

1 Joseph Barrande, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", 1879 г., № 4.

2 Барановский, „Известия Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 4.

3 Сооружение Закаспийской железной дороги доказало, как, при известной энергии, преодолеваются всевозможные трудности. Эта замечательная дорога, имеющая общей длины 1343,57 верст, соединяющая Узун-Ада, порт, на восточном берегу Каспийского моря, с Самаркандом, построена, несмотря на все инженерные трудности, в какие нибудь шесть лет (1880—1886 г.).

ста до двух сот семей, и в более значительные общины, носящие русское название волости, сами избирают своих старшин и судей для местных дел: точно также городские жители: узбеки, сарты, таджики, назначают из своей среды своих аксакалов или «белые бороды», либо всем городским обществом, либо по частям города; но это избирательное право приводится в действие не иначе, как под контролем генерал-губернатора или его представителей, и все народные выборные могут быть устраняемы по усмотрению начальства. Оттого выборы в большей части городов обратились в простую формальность, и можно сказать, что в сущности все власти: военная, административная, судебная, принадлежат русскому офицеру высшего чина, находящемуся в каждом городе Туркестана. Свобода вероисповеданий полная, и именно отсутствие всяких преследований за веру имело следствием ослабление в значительной степени религиозной ревности у мусульман[1]. Что касается народного образования, то оно еще очень мало ценится населением Туркестана. Общее число магометанских детей, обучающихся грамоте в школах этого края, вероятно, не превышает 5.000. По Костенко[2], в 1879 году число народных школ и учащихся в них, в главных городах было следующее:

Ташкент—118 школ, 2.360 воспит.; Самарканд— 80 школ, 1.600 воспит.; Ходжент—20 школ, 400 воспит.; Ура-тепе—17 школ, 280 воспит.; Джизак—7 школ, 140 воспитанников.

Средними учебными заведениями служат так называемые медрессе или духовные училища, где, впрочем, преподавание ограничивается чтением Корана. В некоторых начальных школах правительством уже введено обучение русскому языку.

Главный расход составляет содержание военной силы, численность которой в обыкновенное время не превышает 30.000 человек, но может возвыситься, как это было, например, в 1880 году, до 70.000 солдат, и которую нужно снабжать всем необходимым из России, с расстояния от 3.000 до 4.000 верст, дабы она всегда была готова к выступлению в поход и к действию в местностях трудно доступных, в горах и пустынях. Оттого бюджет Туркестана постоянно представлял дефицит, в размере от двух до десяти миллионов рублей, смотря по годам: расходы почти в четыре раза превышают доходы, и три четверти этих расходов идут на содержание армии. Тогда как последние простираются обыкновенно до восьми миллионов рублей в год, доходы составляют не более двух с половиной миллионов рублей. Поземельный налог, при сборе которого допускаются большие злоупотребления, дает ежегодно около 1.275.000 рублей. Доходы одного только Коканского ханства, до завоевания края русскими, простирались, по Куну, до 2.290.000 рублей в год.

Следующая таблица дает список областей и округов или уездов русского Туркестана, Закаспийского отдела, Уральской области, к востоку от реки Урала, и северных округов Средней Азии, составляющих часть арало-каспийской покатости:

Области	Округа или уезды		Постоянное население	В том числе в городах
Акмолинская	Акмолинский		184.297	9.800
	Атбасарский		85.189	2.662
	Кокчетавский		155.253	4.736
	Омский		99.548	37.234
	Петропавловский		154.670	19.637
		Итого	678.957	74.069
Закаспийская	Асхабадский		92.275	23.559
	Красноводский		53.858	6.359
	Мангышлакский		61.301	882
	Мервский		119.332	8.727
	Тедженский		45.427	2.904
		Итого	372.193	42.431

1 Schuyler. „Turkistan".

2 Костенко, „Туркестанский край".

Области	Округа или уезды		Постоянное население	В том числе в городах
Самаркандская	Самаркандский		341.348	58.531
	Джизакский		219.884	16.041
	Катты-Курганский		110.003	10.083
	Ходжентский		186.612	50.913
		Итого	857.848	135.568
Семипалатинская	Семипалатинский		156.838	26.248
	Зайсанский		95.893	7.560
	Каракалинский		171.558	4.416
	Павлодарский		157.215	7.616
	Усть-Каменогорский		103.698	9.253
		Итого	685.197	55.093
Семиреченская	Верненский		224.868	22.837
	Джаркендский		123.178	16.656
	Лепсинский		181.754	3.295
	Копальский		136.276	2.735
	Пишпекский		176.178	6.413
	Пржевальский		147.853	7.633
		Итого	990.107	59.569
Сыр-Дарьинская	Ташкентский		447.724	156.414
	Аулиеатинский		279.004	12.006
	Казалинский		140.598	7.600
	Перовский		133.784	5.196
	Чимкентский		285.180	22.348
	Аму-Дарьинский отдел		193.558	2.768
		Итого	1.479.848	206.322
Тургайская	Кустанакский		154.571	14.228
	Актюбинский		112.622	2.817
	Иргизский		98.891	1.594
	Тургайский		87.039	888
		Итого	453.123	19.527
Уральская	Уральский		291.375	40.901
	Гурьевский		87.376	9.200
	Калмыковский		170.132	2.973
	Темирский		95.118	640
		Итого	644.001	53.714
Ферганская	Маргеланский		326.149	45.569
	Андижанский		351.187	46.680
	Кокандский		365.410	82.054
	Наманганский		357.023	75.592
	Омский		158.204	36.474
	Памир		2.438	—
		Итого	1.560.411	286.369
		Всего по Средней Азии	7.721.684	932.662[1]

1 Таблица исправлена и составлена по переписи 1897 года.

Глава IV Сибирь

Сибирь—«страна севера». По мнению некоторых этимологов, название это то же самое, что «Северье», встарину применяемое к различным, странам Европейской России, лежащим на север. Город Сибир или Сибирь, наименование которого сделалось названием общим для северной Азии, был называем так только русскими; собственные его жители называли его Искером. Казаки, пришедшие с юга и из центра московского государства, естественно, должны было видеть «Север» по преимуществу в этих холодных областях Обского бассейна, лежащих по ту сторону снеговых гор, которые образуют «пояс мира», cingulus terrae, как назывался на древних картах длинный раздельный хребет, носящий ныне название Урала, имеющее тот же смысл.

Уже гораздо ранее завоевания Кучумова царства русскими казаками, эта «Земля мрака» была известна арабским купцам и миссионерам. Татары, господствовавшие в Сибири, исповедовали ислам, и этот город был средоточием обширной торговли шкурами пушных зверей. Сами русские имели постоянные торговые сношения с жителями азиатского ската Уральских гор. Новгородцам были известны страны, простирающиеся «за волоками», страны заволоцкия, и их торговые люди спускались по течению притоков Оби. В первые годы шестнадцатого столетия московские цари, наследовав могущество Великого Новгорода, стали именоваться властителями «Обдорские и Кондинские земли», то-есть всей области Обского бассейна, заключающейся между слиянием рек Канды и Иртыша и поселением Обдорск, находящимся под полярным кругом: следовательно, их владения, то-есть звероловные земли, по которым разъезжали русские агенты богатых промышленников Строгоновых, окаймляли великую сибирскую реку на пространстве около тысячи верст[1]. Но славянское могущество скоро должно было утвердиться за Уралом посредством завоевания, и так велико благоговение, которое люди питают к силе, что на победоносную экспедицию атамана казацкой разбойничьей шайки, ценою которой он поставил свою собственную голову, смотрели как на событие, приведшее к открытию Сибири, хотя ему предшествовали многочисленные мирные путешествия. И теперь еще многие видят в завоевателе Ермаке нечто в роде исследователя стран, лежащих по ту сторону Каменного пояса; на самом же деле этот отважный казак только утвердился в качестве господина там, где купцы Строгоновы гораздо ранее появлялись в качестве гостей. Карты реки Оби и Остяцкого края, составленные Себастианом Мюнстером и Герберштейном, вышли в свет уже за целое поколение раньше того времени, когда казаки вступили в город Сибирь. Самое название этого города находится на карте Мюнстера.

В 1579 году Ермак начал свою вторую экспедицию, которая кончилась, два года спустя, завоеванием столицы татарского царства. Хотя его отряд, вооруженный ружьями и даже легкими пушками, имел против себя неприятеля, действовавшего только стрелами и не имевшего понятия об огнестрельном оружии, однако, казакам приходилось много терпеть от беспрестанных нападений татар, выдерживать даже правильные сражения, и когда победители вступили в Сибир или Искер, они насчитывали в своих рядах не более 400 человек, так что в живых не осталось даже половины тех, которые перешли через Уральские горы. Но эта маленькая дружина представляла собою могущество московских царей; Ермак мог просить себе помилования у Ивана Грозного, ударив ему челом всем Сибирским царством, и хотя вскоре после того казаки, потеряв своего предводителя, погибшего в волнах Иртыша, принуждены были уйти обратно за Урал беглецами, Россия не думала отказываться от своих новых прав. Перед концом шестнадцатого столетия совершилось окончательное завоевание обширного зауральского края. Города: Сибирь, Тобольск, Тюмень сделались опорными пунктами власти, гораздо более могущественной и грозной, чем власть татарского хана, ниспровергнутая Ермаком. Столица этого хана, Искер или Сибирь, стоявшая на крутом яру высокого берега Иртыша, не существует более: река, постепенно подмывающая берег, вероятно,

1 Egli, „Zeitschrift fur wissenschaftliche Geographie“, 1880.

разрушила город[1]; но в 17 верстах ниже по течению, тоже на правом берегу Иртыша[2], возникала другая столица, Тобольск, откуда русское господство распространялось все далее и далее, и наконец, вся громадная территория северной Азии прибавилась к владениям московского царя. Искатели шкур пушного зверя, еще более, чем солдаты, были истинными завоевателями Сибири; в действительности, как говорить Коль, занятие этой обширнейшей страны было лишь «продолжительной звероловной экспедицией, охотой на соболя и куницу». Тем не менее, однако, русским пришлось выдержать не мало битв с туземными инородцами до половины семнадцатого столетия; буряты на берегах Ангары, коряки и другие инородческие племена долго сопротивлялись; но почти везде завоевание было мирным захватом, и туземцы, слишком малочисленные и рассеянные на громадном пространстве, должны были без сопротивления платить налагаемый на них ясак или дань шкурами пушных зверей. Впрочем, казаки никогда не отступали от своего правила— строить остроги при слияниях рек, которые служили им дорогами, на порогах волоков, между речными бассейными, в узких проходах между гор, и эти крепостцы, неодолимые для дикарей, вооруженных только стрелами, защищали их экспедиции от реки к реке и до берегов Великого океана. Во всемирной истории невозможно указать другой подобный пример завоевания столь обширной страны, совершенного окончательным образом в столь короткое время и такой ничтожной горстью людей, действовавших по своему собственному почину, без вождей и начальников, без приказов, исходящих от отдаленного правительства[3].

Даже Китай допустил казаков поселиться на берегах Амура и в продолжение полустолетия терпел существование их торговых постов в пределах его владений. Только в 1689 году Нерчинский трактат заставил русских очистить весь бассейн Амура, и это была небольшая потеря, пока единственная польза края для завоевателей заключалась в его богатстве пушными зверями; но в течение настоящего столетия обнаружились другие выгоды, вытекающие из обладания Амуром. Россия поняла, как важно и полезно было бы для неё иметь свободный речной выход в Тихий океан. Она не хотела более довольствоваться в Азии ролью исключительно континентальной державы и вознамерилась сделаться также морской державой, приобрести себе военные порты, которые позволили бы ей властвовать в морях, омывающих её берега. В этих видах русские, мало заботясь о постановлениях устарелого Нерчинского трактата, заняли позиции, соответствующие предположенной цели. В 1851 году, генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Муравьев-Амурский, сделал распоряжение об основании торговой фактории Николаевска, близ устья Амура, и факторий Мариинска и Александровска на двух оконечностях волока, соединяющего Амур с заливом Кастри. В 1854 году он сам спустился по течению реки во главе маленькой армии, и на энергические протесты китайских амбаней отвечал тем, что показывал им свой пароход, свою флотилию из барок, свои плоты, вооруженные пушками. Во время Крымской войны Россия окончательно овладела левым берегом Амура, учредив ряд укрепленных постов, и в 1859 году Высочайший указ утвердил присоединение к русским владениям занятой китайской территории. Наконец, в 1860 году, в то самое время, когда союзные англо-французские войска вступали победоносно в Пекин, русские без всякой войны, единственно посредством искусной дипломатии, добились уступки, на юге Амура и на востоке его притока Уссури,—сначала на правах общего владения, а вскоре затем в полную собственность,—областей морского прибрежья, которые простираются до границ Кореи.

Так совершилось на севере Азии то отливное движение, которое увлекает к востоку европейскую державу. В тринадцатом столетия монголы сделались, если не полными господами, то по крайней мере верховными повелителями или сюзеренами тогдашней Руси, а теперь

1 От Искера ила Сибира сохранились лишь бедные остатка, известные под именем Кучумова городища: следы валов, кое-какие признаки жилья, ямы, кирпичи, поросшие крапивой, засоренные колодцы, признаки бывших кладбищ; значительная полоса берега, на котором стоял город, уже обвалилась в Иртыш. *Прим. перев.*

2 Эгли, цитированное сочинение.

3 Erman, „Voyage en Siberie".

славяне занимают часть стран, откуда монгольские орды ринулись на завоевание западного мира; и в случае войны с Китаем, русским легко было бы найти себе союзников между потомками их бывших завоевателей. По громадности владений, занимаемых русскими армиями, «Белый Царь» справедливо может считаться преемником монгольских великих ханов, именовавших себя «царями царей». В одной только Азии русский император владеет территорией гораздо более обширной, чем Европа, так как уже одна Сибирь, не считая даже областей, которые были отделены от неё в последнее время для расширения пределов русской Средней Азии, превосходит пространством весь европейский континент. Правда, что во всех других отношениях нет никакого сходства между Европой и Сибирью. Этот особый мир, обнимающий весь север Азии, где есть еще много обширных пустынных пространств, доселе неисследованных, не имеет, на всей своей громадной окружности, длиною почти в 25.000 верст, внешней торговли, равняющейся оборотам одного из третьеклассных приморских портов западной Европы, каковы, например, Дувр или Булонь. Занимая тринадцатую часть всей континентальной поверхности земного шара, Сибирь далеко не заключает в своих пределах столько населения, сколько его имеет один город Лондон; она даже менее населена, нежели каждая из двух других частей Азиатской России, Кавказский край и Туркестан: в ней насчитывают всего только по одному жителю на 3 квадратных версты (пространство Сибири около 11.929.600 квадр. верст, вероятное население в 1880 году 3.900.000 душ[1].

Понятно, что карты, представляющей точным образом контуры и физические очертания Сибири, пока еще не существует. Только в самое недавнее время могло быть совершено вполне, без перерывов, кругосветное плавание вокруг Старого Света, и только теперь, в первый раз, видели, с Ледовитого океана весь профиль берегов Сибири. Во время охватившей западно-европейские народы страсти к географическим исследованиям, после открытия Нового Света, мореплаватели тщетно пытались обойти на севере Азиатский континент, чтобы найти прямой морской путь между западной Европой, Китаем и Индией. Корабли, посланные под начальством Уиллугби, Ченслера и Борро, следовали по тому пути, который был указан им Себастианом Каботом, как вероятная дорога к китайским берегам; но известно, что эти суда не добрались даже до морей, омывающих берега Сибири: Уиллугби замерз со всем экипажем у Мурманского (Норманского) берега, близ острова Некуева; его товарищ Ченслер должен был возвращаться домой сухим путем, и экспедиция его ограничилась тем, что он завязал торговые сношения между Англией и Московией: Борро, в 1556 году, тщетно старался проложить себе дорогу чрез льды Карского моря. Надеясь, что, быть может, для того, чтобы попасть в Китай, достаточно будет проникнуть в Обскую губу и затем подняться по реке Оби до воображаемого озера Китайского, изображенного на карте Герберштейна, англичане возобновили свои попытки к отысканию так называемого «северо-восточного прохода». В 1580 году два другие британские корабля, под командой Артура Пета и Чарльза Джекмана, направились к полярным морям России. Мореплаватели получили советы и наставления от величайших географов того времени: Гаклюйт уже рекомендовал им укрепить пролив, через который они должны были достигнуть Китая, и таким образом обеспечить Англии будущий сбор пошлины с проходящих судов, более прибыльный, чем сбор пошлины в Зунде для Дании. С своей стороны, Жерар Меркатор советовал осторожность, говоря, что за Обью корабли неминуемо должны удариться о мыс Табин, который он, основываясь на словах Плиния, начертил на своей карте, на севере Старого Света[2]. Но ни Пот, ни Джекман не ушли дальше Карского моря. Голландцы, которые тоже подумали о том, как-бы укрепить Югорский Шар, полагая, что это и есть «ворота в Китай», были не более счастливы, чем англичане, и ни одно из трех путешествий, в которых принимал участие знаменитый Баренц, не привело далее морей, окружающих Шпицберген и Новую Землю. В 1608 году, голландец Гендрик Гудсон, состоявший на английской службе, совершил экспедицию в полярные моря, но тоже не успел проникнуть далее тех вод, где остановились его предшественники.

1 По последней переписи население Сибири исчислено в 5.727.090 ч.

2 Hakluyt, „Principal Navigation...”; Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkonde”.

Это была последняя попытка, сделанная мореплавателями западной Европы, изыскания которых в этом направлении прекращаются затем более чем на два столетия: но беломорские рыболовы и купцы очень хорошо знали дорогу в Обскую и Енисейскую губы, как это доказывает одна грамота Бориса Годунова, данная в 1600 году. Правда, что шестнадцать лет спустя плавание в те воды было воспрещено под угрозой смертной казни, из опасения, чтобы русские кормчие не показали чужеземцам дорогу к берегам Сибири.

Запрещенное со стороны моря и признанное невозможным мореплавателями и географами западной Европы, исследование сибирского побережья должно было подготовляться в самой Сибири, при помощи ладей, построенных для речного плавания. В 1648 году, казак Дженев, выйдя из устья Колымы во главе флотилии, состоявшей из семи маленьких суденышек, успел обойти вокруг северо-восточной оконечности Азии, и задолго до рождения Беринга, прошел через пролив, носящий имя этого мореплавателя. Стадухин тоже пускался в плавание по этим восточным морям Сибири, отыскивая острова, изобилующие ископаемой мамонтовой костью, о которых ему рассказывали туземцы. В 1735 году Прончищев и Лазиниус отправились на ладьях из Якутска, с целью спуститься вниз по течению Лены, исследовать её дельту и затем пройти, насколько можно, вдоль берегов моря на восток и на запад от устьев реки. Прончищев действительно посетил часть морских берегов, простирающихся на восток от полуострова Таймур, и пробрался далеко в Ледовитый океан; но ему не удалось обогнуть земли, которые отделяют залив Ленский от залива Енисейского: ладья, возвратившаяся в Якутск, принесла его труп. Экспедиция Лаптева, начатая в 1739 году, должна была, после крушения судна, продолжаться до самого конца исключительно сухим путем; но она имела то важное значение, что привела к исследованию полуострова Таймурского и к открытию северного мыса Старого Света, мыса Табина по Плинию, Челюскина по нашим картам, названного так по имени неустрашимого кормчего, сопровождавшего Прончищева и Лаптева. Что касается западного прибрежья, между лиманами Оби и Енисея и западными берегами полуострова Таймурского, то оно было перед тем обследовано Овцыным и Мининым с 1737 по 1739 год.

Но в ту эпоху уже началось мореплавание через Тихий океан; корабли, которым льды закрывали вход в северные сибирские моря, могли подниматься по Великому океану, между двух континентальных масс Старого и Нового Света. В 1728 году, датчанин Беринг, состоявший на русской службе, проехал через всю Сибирь сухим путем, и отплыв на корабле с берегов Тихого океана, проник в знаменитый пролив, который теперь называется его именем; через него географы западной Европы узнали впервые о существовании этого морского прохода, который уже за восемьдесят лет перед тем был известен сибирским казакам. Но архивы якутской воеводской канцелярии хранили тайну этого открытия, и Петр Великий сам не знал о нем, когда давал Берингу поручение идти исследовать восточные берега Сибири. Впрочем, плавая вдоль азиатских берегов, датский мореходец не приметил берегов Нового Света и не знал в точности, где находится пролив, долгое время даже можно было сомневаться, действительно ли Беринг проникал в те воды. Нужно было, чтобы исследование Кука, в 1778 году, доказало неоспоримым образом, что пункты морского берега, снятые на карту Берингом, на северо-востоке Азии, были именно те, которые находятся на берегах пролива его имени[1]. Но и после путешествия знаменитого английского мореплавателя оставалось еще ознакомиться с морями, окружающими Сахалин, Иессо, Курильские острова. Лаперуз первый дал чертеж островов и берегов континента: он убедился в островном характере Сахалина и в существовании пролива, соединяющего Японское море с Охотским. С этого времени все контуры Сибири были известны в их главных чертах; впредь оставалось только указывать в их деталях второстепенные очертания.

Научное исследование внутренней Сибири началось только в восемнадцатом столетии, с поездки Мессершмидта и следовавшей за нею несколько лет спустя, экспедиции Гмелина, Миллера и Делиля-де-ла-Кроейра, которые во время путешествия, продолжавшагося девять

1 Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkonde".

лет, с 1733 по 1742 год, сделали драгоценнейшие наблюдения по части физической географии страны: еще и в наши дни труд Гмелина составляет весьма полезный источник для знакомства с Сибирью, хотя автор должен был воздержаться от сообщения публике результата своих точных географических наблюдений, ибо в те времена русское правительство ревниво оберегало от оглашения документы, относящиеся к рессурсам империи; часто канцелярская тайна хранилась в этом отношении чересчур усердно, так как многочисленные описания пройденных разными путешественниками путей, положенные в архивы, в конце концов утерялись бесследно[1]. Паллас, который путешествовал по Сибири с 1770 по 1773 г., с большей свободой, нежели его предшественник Гмелин, и которого сопровождало несколько студентов, связавших свои специальные маршруты с его главным исследованием, изучил, особенно в геологическом и естественно-историческом отношениях, страны, простирающиеся до Забайкальского края, и оставленные им путевые записки составляют один из драгоценнейших материалов между изданными в свет трудами исследователей Сибири. После Палласа ряд научных путешествий прерывается на долгое время: французская революция и большие европейские войны, в которые была вовлечена Россия, отвлекли внимание к Западу; научные экспедиции в Сибирь возобновились лишь много лет спустя после политических событий 1812 и 1815 годов. Норвежец Ганстен, сопровождаемый Эрманом, отправился в 1828 году в свое памятное в науке путешествие, которое имело капитальную важность для изучения земного магнетизма. Многочисленные астрономические определения Эрмана послужили также опорными точками для карт Сибири, которые с этого времени чертились уже с приблизительной точностью; сделанные им измерения положения различных точек страны относительно морского уровня, подтвержденные последующими измерениями, показали, кроме того, что высоты Сибири были значительно преувеличиваемы до тех пор; но Эрман опубликовал лишь часть своих обширных изысканий, обнимавших все поле человеческих знаний. Александр Гумбольдт, Эренберг, Густав Розе, посетившие Сибирь в то время, когда Ганстен и Эрман находились еще там, пробыли не долго в тех краях, но тем не менее их быстрая и непродолжительная поездка—одна из важнейших в истории науки, так как Гумбольдт вывез из своего путешествия материалы, послужившие ему источниками при составлении сочинения о центральной Азии. Путешествия Миддендорфа в северную и восточную Сибирь тоже имели важное значение для знакомства с этой страной и могут быть поставлены на-ряду с исследованиями Гмелина, Палласа и Эрмана. Вскоре после того, в 1854 году, Шварц, Шмидт, Глен, Усольцев, Брылкин и их спутники совершили большую «сибирскую экспедицию», которая обследовала громадную область, простирающуюся от Забайкалья до Лены и до северных притоков Амура. Так начался непрерывный ряд новейших путешествий, которые продолжаются последовательно и систематически во всех частях Сибири; скоро не останется более пробелов среди исследованных территорий; пройденные исследователями пути, которые пересекаются во всех направлениях, образуют полную сеть, и, распространяясь постепенно все далее и далее, покроют современем соседния области, всю северную часть Китайской империи.

Дело географического открытия в собственном смысле только-что окончено, благодаря кругосветному плаванию, столь счастливо выполненному Норденшильдом. «Северо-восточный проход», которого тщетно искали Баренц, Уиллугби, Борро и многие другие мореплаватели, теперь найден, благодаря мореходной опытности и настойчивости знаменитого финляндского шведа. Тот полуостров Таймурский, исследование которого стоило стольких человеческих жизней, и который в продолжение трех столетий был непроходимым рубежем между двумя морями, наконец, обойден, и это человеку, изгнанному из пределов её территории, Россия обязана окончательным вступлением во владение морями её сибирской империи.

Большая часть Азиатской России в общей форме своего рельефа столь же правильна, как и Европейская Россия. На востоке, как и на западе от Уральского хребта, обширные пология равнины, волнообразные возвышения холмов не представляют никакого препятствия

1 Von Middendorff, „Sibirische Reise".

для передвижения жителей; громадность пространств, суровость климата, дремучие леса, обширные тундры и болота—вот те затруднения, которые нужно было преодолевать человеку, чтобы пройти Сибирь. Что касается многочисленных рек, перерезывающих страну, то они не только не останавливали его движения, но даже, напротив, помогали ему в его путешествиях: это естественные дороги, которыми, то поднимаясь, то спускаясь по течению, казаки успели пройти, до самых берегов Великого океана, пустынные, повидимому, беспредельные пространства, отделявшие их от далекой метрополии. По причине незначительного возвышения почвы, большие сибирские реки текут в бассейнах, не везде резко разграниченных: во многих местах раздельный порог между притоками главных рек составляют болота, луговые пространства с неопределенным скатом, и можно легко перебраться от одной реки к другой через волоки. Отыскивая дорогу по следам человеческим или звериным, как краснокожие индейцы Северной Америки, сибирские туземцы и казаки старались прежде всего открыть реку, течение которой должно было вести их в желаемом направлении; при спуске, им оставалось только отдаться на волю потока; при подъеме, они гребли веслами до того места, где вода не имеет более достаточной глубины, необходимой для плавания их лодки, сделанной из древесной коры или из досок, затем они взбирались на высокий берег и с топором в руках прокладывали себе дорогу к другой реке, текущей в обратную сторону и, следовательно, составляющей продолжение их пути. Свои утлые ладьи они, смотря по обстоятельствам, либо перетаскивали через пороги бассейнов или волоки, либо бросали их, чтобы построить себе новые на том месте, откуда должно было возобновиться их путешествие водой. Таким образом, дороги для переселения, завоевания, колонизации были наперед ясно указаны русскими судоходными реками страны, и поселки, деревни, местечки выстроились двойным рядом вдоль возвышенных речных берегов[1] повсюду, где обилие хороших земель благоприятствовало поселению колонистов. От Урала до Якутска, на протяжении почти 10.000 верст, плывущие по сибирским водам должны перебраться только через два волока: первый между бассейнами Оби и Енисея, второй—между Енисеем и Леной.

Главный путь судоходства, который был в то же время путем сибирской истории, захватывает, по выходе из долин Уральских гор, течение Туры, затем течения Тобола, Иртыша, Оби, Кети, Енисея, Верхней Тунгузки или Ангары, Лены и Алдана[2]. На севере от этого большого судоходного пути, завоевателям Сибири открывались другие реки, тоже соединенные волоками; но между бассейном среднего течения Лены и бассейном Амура, пороги на реках, непроходимые леса, болота, скалы, недостаток рессурсов всякого рода—ставили путешественникам такия неодолимые препятствия, что многочисленные экспедиции казаков принуждены были воротиться с дороги, после месяцев или даже годов бесплодных усилий. При том же о положении мест существовали странные, самые сбивчивые представления, и в поисках за «источником белой воды» и за изобилующей золотой землей казаки нередко направлялись в противоположную сторону от края, которого они хотели достигнуть; так, они долгое время искали Байкал не в бассейне Енисея, но на востоке от Лены, в направлении к Тихому океану. Казачий атаман Поярков, первый из русских, проникший в долину Амура, в первой половине семнадцатого столетия, поднялся вверх по течению Алдана, затем, перевалив через Становой хребет, спустился на юг по течении реки Зеи; третья часть его партии, состоявшей из ста тридцати человек, погибла голодной смертью во время пути, и пережившие должны были питаться телами своих товарищей и туземцев, убитых в боях.

Путешествия водой, которые облегчили русским овладение Сибирью, могут быть совершаемы только в средней полосе, простирающейся с запада на восток страны. На юге плоскогорья, массивы и цепи гор разделяют речные бассейны один от другого; на севере реки, уже окончательно сформировавшиеся, получили ранее, в верхней и средней части течения, почти все свои значительные притоки, впадающие воды уже не переплетаются там своими истоками, и к тому же эти мерзлые пустыни, где разгуливают леденящие полярные ветры,

1 Венюков, „Этнографическая карта Сибири".

2 Von Middendorff, „Sibirische Reise", том IV, 1-я часть.

слишком негостеприимны, чтобы человек охотно пускался в их пределы. Впрочем, к востоку от Енисея сибирская равнина меняет свой характер: она не стелется там низменной степью, покрытой жирной землей или лужами стоячей воды, болотами и зыбкими лугами, но становится неровной, каменистой, пробитой там и сям выступающими скалами, и поднимается местами даже в виде массивов крутых, трудно доступных холмов; бассейн Лены отделен от бассейна Енисея настоящим плоскогорьем из древнейших каменных пород, которое заставляет путешественников сворачивать к югу для обхода его высот. Таким образом, административное деление Сибири на западную и восточную оправдывается физическим контрастом этих двух частей, контрастом, который замечается также в особенностях флоры, фауны и населений.

На крайнем севере Сибири тоже встречаются кое-где группы высоких холмов, прерывающие однообразие бесконечных равнин; Миддендорф даже дал название «гор» цепи Сыверма, которая тянется под полярным кругом, к западу от Енисея, и хребту Быррaнга, который занимает северную часть континента, между Енисеем и Хатангой, и который выдвигает далеко в Ледовитый океан двойной полуостров Таймурский; некоторые из горных вершин на восточном берегу этого полуострова имеют, говорят, не менее 900 метр, (около 3.000 фут) высоты[1]. Тем не менее Сибирь в целом может быть уподоблена правильной наклонной плоскости, покатой с юго-востока к северо-западу. Небесные горы и Джунгарский Ала-тау, Тарбагатай и Алтай, Саянские горы,—господствующие над бассейном Байкала, Витимское плоскогорье, параллельные хребты возвышенных областей, известные под общим названием Яблонового (т.е. поросшего яблонями) хребта, наконец, северо-восточная оконечность цепи, которая направляется к Берингову проливу, и которую обыкновенно называют Становым хребтом,—вся эта орографическая система составляет раздельную возвышенность между покатостями, воды которых направляются, с одной стороны, к Ледовитому океану, с другой—к бассейнам без истечения центральной Монголии и к Тихому океану.

Однако, эта водораздельная возвышенность делится на массивы, на плоскогорья, на группы хребтов, ясно разграниченных. На север от Тянь-Шаня, как известно, открываются ворота Джунгарии, где некогда извивался морской пролив. Верхняя долина Иртыша, между хребтами Тарбагатаем и Алтаем, образует широкия ворота, которые открываются к востоку от Киргизского края в страну монголов. Между Алтаем и Саянскими горами есть другие проходы, через которые производится сообщение между двумя покатостями. Далее на восток, около истоков Енисея и его западных притоков, возвышенные земли, средняя высота которых от 2.000 до 3.000 метров, составляют краевую цепь, ограничивающую плоскогорья Монголии, и каждая река представляет легкий путь из Сибири к Китайской империи. И самое Забайкалье представляет гористое плато, ограниченное на юго-западе двумя массивами: Хамар-дабаном, который возвышается у оконечности Святого моря, и Сохондо, который господствует, на границах Монголии, над одним из главных хребтов Яблоновых гор. Почти не поднимаясь в гору, можно достигнуть с этого плоскогорья перевалов, находящихся на высоте от 1.000 до 1.200 метров, и которые позволяют проникнуть из бассейна Селенги, то-есть с покатости, обращенной к Ледовитому океану, на покатость, спускающуюся к Великому океану. На северо-восток, гребни еще более понижаются: за массивом Сохондо, повидимому, ни одна из вершин Яблонового или Станового хребта не достигает такой же высоты, то-есть 2.815 метров[2], и на большой части пространства, где линия водораздела изображается картографами в форме высокого горного хребта, на севере от бассейнов Амура и Уды, водораздельный порог состоит в действительности из болотистых земель, с неопределенными скатами[3]. Но, начиная от берегов Охотского моря, вся восточная область Сибири гориста или по крайней мере очень неровна, холмиста, и рельеф почвы представляет наибольшие возвышения в непосредственном соседстве с морским берегом.

1 Nordenskjold, „Lettres a M. Daudree".

2 G. Radde, „Mittheilungen von Petermann", 1861 г., № 12.

3 Миддендорф; Шварц; Кропоткин.

На юг от раздельной возвышенности, выпуклость которой усажена параллельными выступами, образующими цепь гор Станового хребта, область, по которой протекают Амур и его притоки, есть в целом не что иное, как продолжение монгольского плоскогорья. Этот массив высоких земель направляется на север к оконечности азиатского континента, постепенно съуживаясь, и понижается со стороны Тихого океана рядом уступов, на которых вытянулись горные цепи, почти параллельные, Большой Хинган, Малый Хинган, Манчжурские горы, и цепь, идущая вдоль морского прибрежья на севере от полуострова Кореи. Известно, что прибрежные и морские горные цепи восточной Азии отличаются правильным расположением в виде кривых, обращенных выпуклостью к востоку или к юго-востоку. Между этими кривыми, из которых многие имеют почти с математической точностью равный радиус кривизны, они сомкнуты конец с концом, и форма их напоминает форму цепочки, подвешенной в нескольких точках, через известные промежутки; другие развертываются параллельно, как концентрические дуги; наконец важнейшие из них примыкают одною из своих оконечностей к предъидущей кривой. Так, полуостров Камчатка и цепь Курильских островов, наиболее геометрическая из всех по правильному очертанию её кривой, соединяется с холмами Чукотской земли. Впрочем, вулканические силы имели большую долю участия в образовании этих горных хребтов в форме дуг круга, которые окаймляют на востоке сибирскую плоскую возвышенность и ограничивают воды Охотского моря. В то время, как массивы южной Сибири и краевые цепи монгольского плоскогорья состоят из древних каменных пород, хребет Сихота-Алинь, равно как и различные горы Манчжурии, извергали некогда лаву, а вулканы (сопки) полуострова Камчатки, до сих пор находящиеся в полной деятельности, выстроили, вдоль восточного берега, ряд своих дымящих конусов, иногда красных от расплавленных веществ, но всегда белых от покрывающего их снега и изливающих ледяные реки в нижния ущелья. Камчатские горы, впрочем, совершенно отличные, обособленные от горных масс восточной Сибири и возвышающиеся в области, почти островной,—самые высокие в Азиатской России, после колоссов Тянь-Шаня: один из вулканов полуострова всего только на несколько метров ниже савойского Мон-Блана.

Реки, получающие начало в постоянных, никогда не растаивающих ледниках и фирнах систем Алтайских и Саянских гор и на склонах других горных цепей, где снег поочередно является и исчезает, смотря по времени года, замечательны большой правильностью их главного направления. Вследствие наклонения поверхности страны, воды текут преимущественно на север и на северо-запад, во всей части Сибири, ограниченной с юга дугой горных цепей, от Тянь-Шаня до Станового хребта. Не только три главные реки: Обь, Енисей и Лена, но почти и все другие потоки той же покатости спускаются таким образом к северу, следуя почти по линии меридиана. Однако, Лена, главный поток восточной Сибири, представляет в этом отношении некоторый контраст с двумя большими реками западной половины края, с Иртышем—Обью и Енисеем—Ангарой. Между тем, как эти два потока спускаются параллельно к той же области Ледовитого океана, Лена должна обойти на востоке, по длинной кривой, огромную горбину древнейших горных пород центральной Сибири, прежде чем получить возможность течь беспрепятственно к северу, параллельно соседним рекам, Оленеку и Яне.

Главные сибирские реки, как известно, принадлежат к величайшим в свете, не только по обширности их бассейнов, но также и по объему их водной массы. Ни одна из европейских рек, ни Дунай, ни Волга, не могут сравниться с Обью, Енисеем или Леной по пространству области истечения, ни по величине годового стока. Правда, что падение воды из атмосферы, в виде дождя или снега, относительно незначительно в Сибири, исключая, разве, местностей, подверженных влиянию дождливых муссонов. Средним числом, количество атмосферных осадков составляет не более 20 сантиметров в год по всей покатости Ледовитого океана; но вся вода, падающая из атмосферы, вся вода, тающая на почве северной Сибири, должна необходимо находить дорогу к притокам Ледовитого моря, ибо на глубине нескольких дециметров земля уже мерзлая, вода не может просачиваться в подземные слои, чтобы затем сно-

ва выступать на поверхность в виде источников, и должна стекать прямо в реки[1],—по крайней мере там, где почва имеет скат; в других местах она застаивается в виде луж, болот, мелких озер, образующих лабиринт земли и воды, который беспрестанно изменяет профиль своих берегов, смотря по обилию дождей и деятельности испарения. Таким порядком полуостров Таймурский превратился в обширную сеть стоячих вод.

Исчисляя только в половину годового падения дождей и снегов количество воды, которое Обь, Енисей и Лена уносят в Ледовитый океан, средний сток каждой из этих рек должен быть никак не менее 10.000 кубич. метров в секунду, следовательно, он в четыре раза превосходит объем, изливаемый в море Роной или Рейном; но этот сток распределен неравномерно в течение года: зимой ледяные плиты поверхности замедляют движение глубоких вод, и эти последние занимают тогда меньшую часть речного русла. Небольшие потоки даже совершенно останавливаются, жидкая масса замерзает до самого дна ложа: так как ледяной слой, на реках и озерах высоких широт, достигает толщины от 1 метра до 2 метров 40 сантиметров[2] (более сажени), то ручьи и даже значительные речки превращаются в твердые массы тем легче, что лед, поднимающийся со дна, громоздится на поверхности и образует запруды, на которые опираются верхние льды. Вода источников или ручьев, еще не замерзших, которая стремится уйти через речное русло, должна пробивать кристаллический свод и разливаться по поверхности, где она тотчас же замерзает, и таким образом, вследствие этих поверхностных разливов или наледей, отвердевшая вода выростает в целую гору, высотой в несколько метров. Многие большие реки, очень обильные летом, перестают течь зимой, прерываемые в разных местах течения льдами, залегающими на отмелях; они превращаются тогда в ряд скрытых под ледяной корой водоемов, неимеющих сообщения между собой; прибрежные жители иногда принуждены ходить очень далеко от своих становищ, чтобы найти воды под твердым слоем, покрывающим реку. Таким образом в зимнее время большие реки лишаются дани всех мелких и даже средних притоков. В других реках вода вытекла вся целиком, и верхняя ледяная плита провалилась над порожними руслом: неосторожные путники рискуют упасть в скрытые пропасти, когда они пускаются по этим неподдерживаемым снизу ледяным сводам речных лож. За исключением рек, питаемых большими озерами посредством подземных ключей, все реки, берущие начало на севере полярного круга, должны совершенно иссякать зимой, так как в этих областях, с почвой всегда промерзлой и обледенелой, нет никаких источников, которые бы их питали[3]. Эти реки имеют в то время, пропорционально их нормальному стоку, лишь весьма незначительное количество воды, которое, впрочем, еще не было измерено ни одним путешественником. Весной, во время таяния снегов, реки, сбросив с себя сковывающую их твердую кору, снова наполняют все русло до краев, часто выступают даже из берегов и разливаются на далекое пространство: они возрождаются и выходят на свет Божий, после того, как воды их в продолжение целого полугода текли в потемках. Как полупарализованные существа, вдруг возродившиеся к жизни, сибирские реки, с наступлением летнего тепла, вновь приобретают полную свободу движений; они опять становятся тем, чем реки менее холодных поясов остаются во всякое время года—жизненными артериями великого земного тела.

Разсказывают, что во время зимы вода нижних слоев, покрытая толстым слоем льда, «умирает» мало-помалу: рыбы не могут более жить в глубинах реки, где воздух постепенно делается негодным для дыхания. В конце осени, когда вода начинает портиться, они уходят массами либо в озера, либо в глубокие бассейны водоворотов, либо в залив, образуемый устьем реки. Чтобы наловить рыбы в значительном количестве, достаточно тогда разломать лед над теми местами, где вода осталась «живой»: все запертые животные устремляются к выходу, чтобы подышать свежим внешним воздухом, и их можно брать просто руками. Тотчас же после вскрытия реки, рыбы несметными стаями поднимаются вверх по течению и

1 Karl Weyprecht, „Die Metamorphosen des Polareises“.
2 Von Middendorff, „Sibirische Reise”.
3 Von Middendorff, „Sibirische Reise”.

идут на поиски пищи, как в естественные садки, в низменные местности затопленных прибрежных лугов или лесов: загороди, устраиваемые между рекой и этими боковыми разливами, позволяют береговым жителям делать обильные уловы. Иногда рыбаки могли бы собирать рыбу мириадами: когда, вследствие возврата холодов, вода по краям замерзает до самого дна, и когда она затем снова покрывается потоком разлива,—погруженные на дно льдины вдруг отрываются от речного ложа и плавают на поверхности, усеянные массой рыб, которые плавали в реке. Так образуются обширные ледяные поля, покрытые живым мясом, которое скоро предается гниению и служит пищей морским птицам.

Вскрытие больших сибирских рек представляет некоторые особенности, зависящие от ориентирования их по направлению меридиана. В то время, как на границах Татарии или у подножия Алтайских гор поверхность рек бывает замерзшей только три или пять месяцев в году, лед держится все долее и долее по мере того, как речной поток проходит под более северными широтами, и на крайнем севере: от 72 до 75 градуса широты, устья больших рек остаются открытыми лишь в продолжение от шестидесяти до ста дней; только с конца июля до половины сентября мореходы и рыболовы, когда они посещают Ледовитый океан, могут рассчитывать на свободный вход в реки Сибири. Миддендорф вычислил, что для каждого градуса широты, между 56-й и 72-й параллелями, продолжительность замерзания рек увеличивается средним числом на девять дней с небольшим; но замедление вскрытия не совершается правильным образом от юга к северу: в южной Сибири период замерзания не увеличивается даже на одну неделю на каждый градус широты, тогда как для того же пространства он возрастает более, чем на месяц для больших рек, в соседстве Ледовитого океана[1]. Одною из главных причин столь значительной разности во времени вскрытия следует считать отсутствие источников в северных областях Сибири, где в русле рек нет ни одной струйки ключевой воды, которая бы поднималась из глубины и способствовала более скорому таянию верхних льдов.

Реки северной Сибири никогда бы не освобождались от своей ледяной коры, если бы вскрытие их не подготовлялось в течение зимы движениями, происходящими в самой массе льда. Чем сильнее были зимние холода, чем глубже проникал мороз в нижние слои воды, тем более кристаллический пласт, сжимающийся вследствие охлаждения, раскалывался и трескался во всех направлениях; треск льдов, разрываемых действием мороза во время сильной стужи, особенно по ночам, походит иногда на шум сражения: кажется, будто слышишь частый треск ружейной перестрелки, покрываемый время от времени грохотом артиллерии. В то же время вода на глубинах, внезапно замерзающая, требует, по причине увеличения объема, более значительного пространства; она отталкивает верхний слой льдов и сгибает его в виде свода. Весной, когда река возобновила свое течение и делает уже усилия сбросить с себя и унести ледяную кору, она начинает тем, что затопляет оба свои берега, вследствие чего образуются две боковые реки, называемые по местному заберегами: в это время, чтобы совершить переправу через реку, нужно переплыть на лодке через один из боковых потоков, затем перетащить лодку через ледяной свод и опять начать плавание по другой забереге, идущей вдоль противоположного берега. Принимая постепенно все более выпуклую поверхность, растрескавшийся лед, наконец, делится неравномерно на огромные плиты, которые приходят в движение в постоянно прибывающей воде. Льдины, отрывающиеся со дна речного ложа, близ берегов, поднимают с собой тину, песок, камешки, даже большие каменные глыбы и пускаются в путь с этой ношей. Вся масса, мутная или прозрачная, начинает таким образом свое движение к морю; но, спускаясь в более холодные области, она встречает преграды в виде сплошного, еще не тронувшагося льда, который сдерживает напор ледохода; иногда бывает также, что полярные ветры, дующие с большой силой, замедляют движение разбитых льдин и останавливают их у какого-нибудь поворота реки: образуя плотину, ледяные глыбы громоздятся одна на другую поперек реки, задерживают воды вверху и в продолжение нескольких часов поднимают их уровень на аршин или на полтора аршина. Не нахо-

1 „Sibirische Reise", том IV, часть первая.

дя более выхода книзу, воды и льдины должны разливаться по сторонам; жидкая масса, покрытая кусками льда, устремляется на берега, переносит лежащие на них гальки далее от берега, в иных местах нагромождает кучи или валы из обломков, а в других вырывает огромные борозды на земле. Таким образом ледоход каждый год проводит новые берега для речного русла.

Подобно рекам Европейской России, и даже еще в большей степени, реки Азиатской России, протекая по части земной выпуклости, более близкой к полюсу, представляют замечательное явление постепенного перемещения всей массы вод в сторону правого берега. Вдоль этих могучих потоков, извивающихся по направлению от юга к северу, восточный возвышенный берег постоянно подтачивается волной, тогда как западный, низменный, покрытый аллювиальной почвой, пересекаемый там и сям старыми, засоренными речными руслами, все более и более покидается водами. Отсюда происходит тот резкий контраст рельефа, который представляют два берега реки: левый берег, над которым проходят течение, и который образовался постепенным отложением наносов и осадков—везде ровный и мало возвышающийся над уровнем разливов; напротив, правый,—о который постоянно ударяется масса вод, и который составляет первоначальную почву, еще не переделанную рекой,—поднимается в виде холмов, в виде обрывистых утесов или крутояров. Это различие между берегами составляет до такой степени общее и повсеместное явление, что туземцы, даже в том случае, когда они еще не видали какой-нибудь реки, с уверенностью называют правый её берег «высоким», а левый «низким»; здесь замечается точно такая же противоположность между берегами, какая существует между «лесным» или «нагорным» и «луговым» или «степным» берегом вдоль Волги и ее притоков. Так же, как в Европейской России, города в Сибири строятся преимущественно на правом берегу, более возвышенном и потому безопасном от наводнений; но эта выгода покупается дорогой ценой; многие города, хотя основанные в относительно недавнее время, каковы Тобольск, Семипалатинск, Нарым, должны были частию перестроиться, вследствие обвалов берега, подтачиваемого рекой[1].

Северные морские берега Сибири, омываемые более холодными водами, чем берега Норвегии и Шотландии, не изрезаны, однако, столь многочисленными фиордами. Иссечения сибирского побережья имеют некоторое сходство с вырезками Скандинавии только на пространстве между устьями рек Кары и Енисея. Карская губа, Обская губа, залив реки Таз, Енисейская губа и их различные иссечения, наконец, прибрежные озера, которые некогда были морскими бухтами, а теперь отделены от моря, придают совокупности этой области норвежский вид; там каждая земля—остров или полуостров, каждая водная площадь—бухта или пролив. Но к востоку от Енисея образование морского прибрежья становится гораздо более правильным; фиорды встречаются там лишь на больших расстояниях один от другого, и большая часть их врезываются далеко во внутренность материка. Причину этой редкости фиордов на сибирском прибрежье нужно искать, без сомнения, в постепенной наклонности, в отлогости континентальной почвы и скатов, которыми она продолжается под поверхностью моря. Настоящие ледники не могли образоваться на этом прибрежье и своим присутствием сохранить его первоначальные иссечения: реки, несущие землистые частицы и обломки, моря, катящие в своих волнах остатки бесчисленных организмов, регулировали из века в век очертание сибирских берегов, придавая им форму, напоминающую в общем контуры морских берегов умеренного пояса.

При том морское ложе, постоянно выравниваемое песком, илом, всякого рода обломками, падающими с поверхности, обыкновенно представляет гораздо более ровную поверхность, чем соседния континентальные пространства. Но весь северный берег Сибири есть старое морское дно, поднимающееся медленным движением над уровнем Ледовитого океана. Это явление постепеннаго возвышения сибирского прибрежья очень хороши известно, и путешественники приводят многочисленные свидетельства, доказывающие его существование. Эрман, Миддендорф, Врангель проследили линии берегов, начертанные далеко внутри зе-

1 Von Baer, „Kaspische Studien"; Bernhard von Cotta, etc.

мель, местами даже в расстоянии около 200 верст от моря и на высоте 330 и более фут над нынешним уровнем океана; они видели груды нанесенных волнами деревьев, известных у туземных жителей под именем «Адамова» или «Ноева леса» (адамовщина, ноевщина) и находящихся теперь в большом расстоянии от моря, видели многочисленные бухты, которые превратились в замкнутые озера, или даже совершенно обсохли, слои или мели замерзших и вполне сохранившихся морских раковин, которые ничем не отличаются от ныне живущих видов Ледовитого океана; они указывают также в разных местах мысы, которые были островами в эпоху посещения страны предъидущими путешественниками. Еще недавно, во время зимовки барона Норденшильда и его спутников в соседстве Берингова пролива, Бове констатировал многия явления этого рода, свидетельствующие о постепенном поднятии си-

Берега Енисея —Плотина, воздвигнутая льдомъ.

бирского берега[1]. Из сравнения всех наблюдавшихся фактов и сведений, полученных от туземцев, повидимому, нужно заключить, что движение поднятия берегов Сибири происходить довольно быстро; если кит исчез из этих областей Ледовитого океана, то это должно быть приписано, по мнению некоторых писателей, возвышению морского дна и обмелению вод[2]. Эрман и некоторые другие путешественники высказали мысль, что деревья, обломки которых видны на берегах Ледовитого океана, это остатки лесов, росших в этом месте в ту эпоху, когда климат Сибири был теплее, чем в наше время; но состояние, в каком находится так называемый Адамов лес, несомненно доказывает, что это принесенные водой деревья, облупленные и поломанные ударами льдин и посадками на мель. Этот сплавной лес состоит из хвойных пород и почти исключительно из лиственниц, подобных тем, которые и в наши дни во время разливов плывут во множестве вниз по течению больших сибирских рек. В продолжение длинного ряда веков эти наносы дерев были достаточно велики, чтобы

1 „Bollettino della Societa Geografica de Roma“, 1879

2 Howarth, „Journal of the Geographical Society“, XLIII, 1875.

окаймить почти все берега Ледовитого океана черной бахромой, которая позволяет во многих местах различить линию берега между льдом моря и снегом твердой земли; так постепенно накопились те «горы сплавного леса», которые мы видим на берегах, ныне поднятых, полуострова Таймур, Новой Сибири, Новой Земли, архипелага императора Франца Иосифа, Шпицбергена. Таким образом, остатки лесов южной Сибири уносятся реками и отлагаются от мыса до мыса, вдоль морского берега, на севере полярного круга[1].

Течение трех главных и промежуточных, менее значительных, сибирских рек, которые изливаются в Ледовитый океан, между Новой Землей и архипелагом Новой Сибири, несет в совокупности такую огромную массу воды, что она оказывает чувствительное влияние на нормальный порядок морских течений. Вступая в море, жидкая масса, которую изливает Обь, Енисей, Лена и другие реки, естественно обладает поступательным движением в восточном направлении: вращение земного шара на оси, которое направляет речное течение на правый берег его ложа, заставляет его уклоняться к востоку, как только поток выйдет из залива или губы. Но это направление есть то самое, по которому следуют воды, текущие из тропических морей, воды, которые, пройдя мимо скандинавских берегов и обогнув Новую Землю, движутся еще, хотя уже довольно медленно, вдоль берегов северной Сибири. Какая доля участия в этом движении вод принадлежит сибирским рекам и какая Атлантическому океану? Без сомнения, в большей части это течение речного происхождения, так как в соседстве сибирских берегов море гораздо менее солено, чем в Атлантическом океане: между фиордом Хатанга и устьями Лены содержание соли в Ледовитом океане выражается только одной сотой, следовательно составляет лишь треть нормальной солености, море в этих областях имеет столь малую глубину, что вода его на две трети сибирского происхождения. Следовательно, допуская существование этого течения, идущего вдоль морских берегов полярной Сибири в восточном направлении, проф. Норденшильд был прав, когда вверил ему свой корабль, в надежде, что движение вод откроет ему свободный путь на юг от сплошных ледяных пространств, до Берингова пролива.

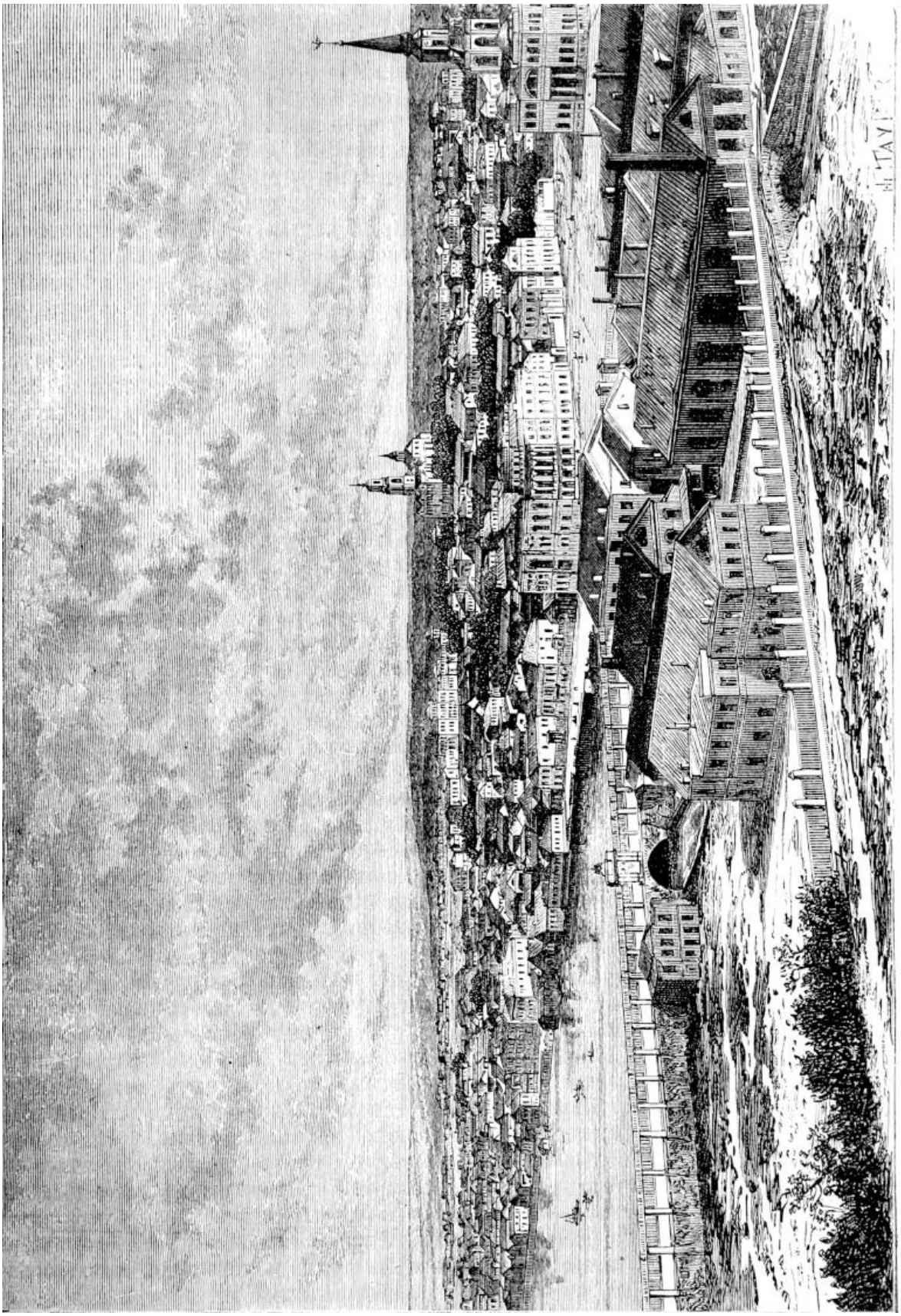
На покатости морей Берингова и Охотского скат материка слишком короток, чтобы там могли образоваться значительные реки. Хребет или горб земель, служащий в то же время линией раздела вод, лежит очень близко к берегу Тихого океана, и иной приток Лены, берущий начало менее чем в 100 верстах от Охотского моря, проходит около 3.000 верст, чтобы соединиться, через посредство своей главной реки, с Ледовитым океаном. Только один поток пресной воды, на севере от реки Амура, может быть сравниваем, по длине течения, но не по обилию воды, с большими реками западной Европы, в роде Роны или Рейна: это Анадыр, впадающий в залив того же имени (Анадырская губа), между Беринговым проливом и полуостровом Камчаткой. На на юге Охотского моря прибрежные возвышенности перерезаны проломом, через который могла вылиться в океан река Амур, служившая веной истечения для всех озерных бассейнов, которые некогда покрывали плоскогорье Даурии и Монголии.

Среднее течение этой реки, составляющей границу политического разделения между двумя империями Российской и Китайской, остается свободным от льдов в продолжение шести или семи месяцев в году; между тем нижняя часть Амура, текущего в направления на северо-восток и на север, представляет то же самое явление, как и реки северной Сибири: весеннее вскрытие и ледоход замедляются по направлению сверху вниз; льда, останавливаясь на порогах, в виде временных плотин или запруд, задерживают воды разлива и заставляют их искать себе выхода по сторонам в соседния равнины, при чем наводнение размывает берега, вырывает с корнем деревья в лесах и покрывает почву грязью и каменьями. В это время от высокого берега часто отрываются огромные стены и вдруг обваливаются в реку, образуя временные запруды и вздымая громадные волны, которые распространяются верст на 15 и на 20 от места обвала.

Область плоских возвышенностей, разделяющая бассейны Лены и Амура, кажется, лучше, чем всякая другая часть Сибири, сохранила тот вид, какой должна была иметь эта стра-

1 Middendort, „Sibirische Reise".

на после ледяного периода. Там каждая небольшая впадина земной поверхности наполнена болотом или озером; ручья, речки и реки представляют непрерывное сцепление бассейнов и водовместилищ всякой величины: морены, поросшие теперь сосновым лесом и кое-где обна-



Общій видъ Екатеринбурга.

женные размывом вод, напоминают пребывание древних ледников; природа, во всей её совокупности, носит на себе отпечаток недоконченности; переход от одного геологического пе-

риода к другому еще не завершился[1]: реки еще не успели окончательно вырыть свои долины и урегулировать скат своих русл. Эти сибирские нагорья, где преобладают граниты и сланцы, походят на Финляндию и Скандинавию, которые, как известно, тоже принадлежат к числу стран, образованных из кристаллических горных пород.

Если плоские возвышенности восточной Сибири еще усеяны мириадами маленьких озер, то обширные бассейны уже исчезли в этой стране, частию опорожненные проходящими через них реками, частию засоренные речными наносами. Однако, одно из этих больших озер, настоящее внутреннее море, еще сохранилось: это Байкал (или Святое море), занимающий две впадины, которые следует одна за другой в глубинах плоскогорья, между тремя покатостями Енисея, Лены и Амура. Прежде этот огромный озерный резервуар находился на гораздо большей высоте, чем в наши дни; он, так сказать, висел над упомянутыми тремя речными бассейнами, и направление его будущего выходного истока зависело от первой трещины или пробоины в его стенках. Благодаря пролому, образованному Ангарой, Байкал принадлежит теперь к бассейну Енисея. Но тем не менее, как по форме бассейна, в котором он замкнут, так по своей большой глубине и по происходящим в нем явлениям, он и поныне остается озером, географически отличным от речного бассейна, в состав которого он вошел как-бы случайно. Ориентирование долины, заключающей этот обширный озерный резервуар, пересекает почти под прямым углом направление низменности, чрез которую выливается излишек его водной массы, и ложе его спускается на несколько сот сажен ниже уровня океана: Ангара уносит только поверхностные воды Святого моря.

Столь обширная страна, как Сибирь, подверженная с одной стороны влияниям атлантического климата, с другой, действию Тихого океана, и простирающаяся от юга к северу на пространстве 29 градусов географической широты, то-есть почти на целой трети расстояния, отделяющего экватор от арктического полюса, должна, очевидно, иметь, от одной оконечности до другой на этом огромном протяжении, самые разнообразные климаты: холодная Сибирь также имеет свои умеренные области, которым славянские колонисты северных местностей с гордостью дают пышное название «Италии». Однако, в сравнении с Европой, Сибирь может быть рассматриваема в своей совокупности, как страна крайних температур, —жаров, относительно сильных и особенно холодов, чрезвычайно суровых. Слово «Сибирь» совершенно справедливо сделалось синонимом страны леденящих ветров и трескучих морозов, так как именно в восточной Сибири колеблется зимой полюс холода. Средняя годовая температура, в области, заключающейся между реками Анабарой и Индигиркой, на 12 градусов ниже точки замерзания. Полюс стужи, перемещающийся в различные точки, смотря по силе боковых давлений, от Якутска до устьев Лены, составляет метеорологический центр, вокруг которого уравновешиваются воздушные течения. В этом пространстве приготовляются в большей части элементы климата западной Европы. Вследствие общего движения атмосферы, которое направляется поочередно от северо-востока к юго-западу и от юго-запада к северо-востоку, приморская Европа и Сибирь находятся между собой в постоянном метеорологическом обмене: одна посылает влажность и теплую температуру, другая дает холода и ясную погоду.

В северной Сибири зимой термометр держится в продолжение целых недель ниже —30 градусов стоградусной скалы, а иногл опускается до —50 градусов. В 1871 году, 31 декабря, термометр показывал в Енисейске температуру —58°,6 Цельсия, холод, впрочем, гораздо легче переносимый, нежели стоявший за день перед тем мороз, который, хотя был на 13 градусов слабее, но зато сопровождался сильным северо-восточным ветром[2]. Неверов констатировал температуру —62 градуса в Якутске, а Гмелин рассказывает, что ему случилось испытывать холода еще более значительные[3]. В продолжение трех летних месяцев, средняя тем-

1 Кропоткин, рукописные заметки.

2 Базилевский, „Известия Русск. Географ. Общества", 1872 г. т. VIII

3 Middendorff, „Sibirische Reise".

пература +15 градусов; каждый год, во время теплых летних месяцев, термометр в Якутске часто показывает более 30 градусов в тени; в исключительных случаях ртуть подымается даже до 38 градусов, то-есть выше, чем в городах умеренной Европы; жители полюса холода выносят тогда жары, каких никогда не приходятся испытывать людям, живущим на три и четыре тысячи верст ближе к экватору. Подобно тому, как в Лапландии[1], высохшая земля сибирских тундр так сильно нагревается тогда солнцем, что ноги пешеходов едва могут выносить прикосновение к ней: кажется, что ступаешь по раскаленной лаве. Общая разность годовых наибольших и наименьших температур в Якутске обнимает, следовательно, сотню градусов в исключительные годы; обыкновенно она составляет около 90 градусов,—пропорция все еще гораздо более значительная, чем пределы колебания температуры во всяком другом климате на земном шаре: при переходе от зимы к лету и от лета к зиме суточное изменение возрастающей или уменьшающей температуры составляет, в среднем выводе, около половины градуса стоградусного термометра: во Франции суточное повышение или понижение температуры не достигает даже четверти градуса, и даже вне тропического пояса острова с постоянным климатом, как например, Фарерские, представляют между самой высокой и самой низкой температурой годовую разность, непревышающую 7 градусов: следовательно, среднее суточное изменение температуры составляет там всего только одну двадцать пятую градуса. Таким образом, климат Якутска, или, лучше сказать, северного бассейна Лены должен быть признан наиболее совершенным на всем земном шаре типом континентальных климатов, отличающихся крайностями тепла и холода.

Приводим средние температуры различных мест Сибири, в направлении с юга на север, по Миддендорфу, Воейкову и другим:

	Широта	Высота	Средняя температура	Самый холодный месяц	Самый теплый месяц	Разность
Владивосток (Приморье)	43°,07	15''	4°,1	—14°,4	20°,1	34°,5
Благовещенск (Амур)	50°,16	119''	0°,0	—26°,7	22°6,	49°,3
Нерчинский завод (Даурия)	51°,19	687''	—4°,3	—29°,5	17°7,	47°,2
Мариинск (Амур)	51°,41	10''		—18°,3	17°7,	36°,0
Иркутск (Ангара)	52°,17	460''	—0°,1	—20°,8	18°4,	39°,2
Петропавловск (Камчатка)	53°,00	15''	2°,8	—7°,9	14°5,	22°,4
Николаевск (Амур)	53°,08	30''		—18°,0	19°7,	37°,7
Барнаул (Алтай)	53°,20	111''	—0°,02	—20°,3	19°5,	39°,8
Каинск (Бараба)	55°,27	139''	—0°,7	—20°,0	20°4,	40°,4
Аян (Охотское море)	56°,27	20''	—3°,6	—20°,9	13°4,	34°,3
Томск (Обь)	56°,29	62''	—0°,9	—19°,2	18°5,	37°,7
Екатеринбург (Урал)	56°,50	270''	0°,6	—16°,5	17°5,	34°,0
Тобольск (Иртыш)	58°,12	108''	0°,2	—19°,7	20°0,	39°,7
Охотск (прибрежье)	59°,21	20''	—5°,0	—23°,2	12°6,	35°,8
Якутск (Лена)	62°,02	85''	—10°,9	—40°,8	17°4,	58°,2
Березов (Обь)	63°,56	91''	—4°,2	—23°,9	18°8,	42°,7
Туруханск (Енисей)	65°,55	15''		—31°,0		
Нижне-Колымск (Колыма)	68°,32	20''	—12°,5	—36°,4		
Таймур	70°,44				10°,7	
Усть-Янск (Яна)	70°,55	15''	—16°,2	—39°,3	11°,5	50°,8

В отношении климатических условий кажется нормальным тот факт, что область Сибири, где климат имеет по преимуществу характер континентальный, не находится в центре страны, в значительном расстоянии от морей. Всего естественнее было бы искать около истоков Енисея если не область самых больших холодов, то область наибольшей разности между температурами. Однако, можно сказать, что, по крайней мере по своей поверхности, северные и северо-восточные сибирские моря представляют моря только повидимому и скорее должны быть причислены к суше. Покрытыя льдом в продолжение большей части года, они продолжают собою на далекое пространство континентальную поверхность, соединяя ее на севере с архипелагом Новой Сибири и с Землей Врангеля, тогда как со стороны востока она

1 Wahlenberg, „Flora laponica".

соединяется посредством этих ледовитых морей с Северной Америкой, с полярными островами, с Гренландией. На юго-востоке параллельные кряжи Станового хребта, хотя мало возвышенные, образуют, однако, род экрана между открытыми морями северной части Тихого океана и плоскогорьями восточной Сибири. Понятно поэтому, что метеорологическое средоточие континентальной области должно было переместиться к северо-востоку, далеко за геометрический центр страны. В отношении климата восточная Сибирь приближается к Северной Америке, тогда как Сибирь западная, от Оби до Енисея, составляет еще часть Европы и находится в области юго-западных ветров[1]. Однако, полюс холода, который в то же время есть центр наибольшего барометрического давления во время зимы, был бы перенесен гораздо далее на юго-запад, если бы восточная Сибирь не имела поверхности гораздо более неровной, гористой, чем западная. В равнинах западной Сибири холодный воздух может свободно распространяться в ту и другую сторону: в области же холмов и долин востока истечение его замедляется трением неровностей почвы[2].

С первого взгляда можно бы было также подумать, что так как влияние географической широты уравновешивается влиянием высоты положения места над уровнем моря, то средняя годовая температура южной Сибири должна быть столь же низка, как и средняя температура северных её пространств. Вследствие явления, аналогичного тому, что мы видим во Франции,—где центральная плоская возвышенность, хотя лежащая южнее Фландрии, имеет, однако, точно такия же зимы,—и в Германии,—где баварские Альпы отличаются точно таким же климатом, как и берега Балтийского моря,—Алтай, Даурские горы, казалось бы, должны иметь столь же холодные зимы, как и равнины вокруг Якутска. В действительности, однако, этого нет. Натуралист Мюллер констатировал тот факт, что зимой температура сибирских равнин, вообще говоря, ниже температуры высот и гор: чем выше поднимаешься, тем холода становятся менее суровыми; температура возрастает с увеличением высоты мест до значительного возвышения, которое, впрочем, до сих пор еще не определено с точностью. Это факт, который замечают иногда, в исключительных случаях, и в странах западной Европы, когда посевы в равнине истребляются морозами, между тем, как культурные растения на косогорах и холмах без всякого вреда для себя переносят зимний холод. Известно также, что зимой 1879—1880 года вершины Пиренеев и Овернских гор долго были окружены более теплой атмосферой, чем та, которая стояла над равнинами, расстилающимися у их основания[3]. Но это метеорологическое явление, редкое в Европе, почти постоянно наблюдается в восточной Сибири. Так, например, нормальная температура в январе месяце, которая в Иркутске, на высоте 1.500 футов, составляет —25°,7, в Вознесенске, лежащем на 1.100 фут. выше, равна —25°, а на горе Алибера, которая поднимается на 7.300 фут., средняя высота термометра в том же месяце только —16°,6. Эта неправильность в порядке изменения климатов должна быть приписана, без сомнения, ясности неба, спокойствию, господствующему в атмосфере. Теплый воздух собирается в верхних пространствах, тогда как более холодные атмосферные слои, которые вместе с тем и самые плотные, спускаются вниз, в силу своей большей тяжести, и скопляются над поверхностью земли. В Европе, где небо зимой почти всегда бывает покрыто облаками, ненормальное расположение слоев воздуха не может долго продолжаться; но в Сибири все метеорологические условия зимы соединяются, чтобы возвышать температуру верхних воздушных пространств в ущерб температуре нижних, ближайших к земной поверхности слоев: сухость атмосферы, отсутствие ветров, продолжительность ночей, во время которых земная теплота уходит лучеиспусканием в верхния области воздушного пространства[4]. Притом же относительно теплые воздушные течения могут дуть в высших пространствах атмосферы, над холодным воздухом, облегающим равнины; замечено, что на горе Алибера господствующие зимой ветры дуют обыкновенно с запада, с северо-

1 Middendorff, „Sibirische Reise"; Воейков, „Известия Русск. Географ. Общества", 1871 г., № 5.
2 Воейков, „Mittheilungen von Petermann", 1878 г., № 7; Рыкачев; Hann и др.
3 De Nansouty; Alluard, etc.
4 „Zeitschrift fur Meteorologie", 1 января 1871 г.

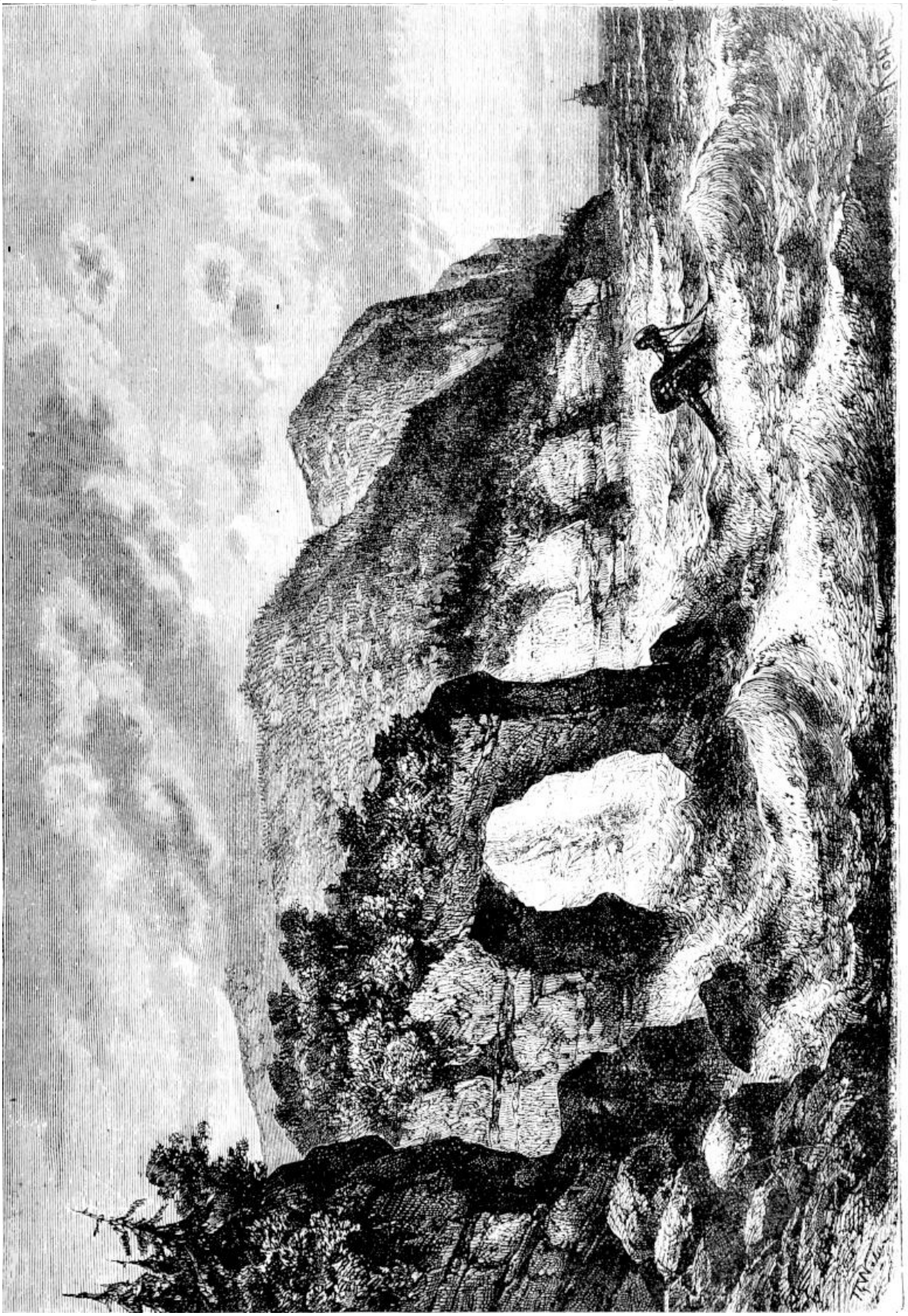
запада или с юго-запада[1]. Таковы, вместе с сухостью климата, причины, препятствующие образованию ледников на горах Даурии, на хребтах Становом и Алданском. Даже горы в 2.000 и в 3.000 футов, которые возвышаются на северных морских берегах Сибири, к востоку от полуострова Таймур, представляют только кое-где, в нескольких местах, фирновые поля, и барон Норденшильд не решается утверждать, что он видел там настоящие ледники. Эти высоты не достигает даже границы никогда нетающих снегов и летом являются совершенно голыми или только испещрены белыми полосами в оврагах[2].

Таким образом Сибирь, столь замечательная с метеорологической точки зрения, как страна, над которой совершает свои колебания полюс низкой температуры, не менее замечательна потоками холодного и густого воздуха, который изливается, как водопад, в её равнины. В этой стране находится средоточие наибольшего барометрического давления: в январе ртуть в барометре поднимается там обыкновенно до 774 миллиметров, то-есть на 20 или 25 миллиметр, выше, чем над западной Европой; холодный и сухой воздух, скопляющийся над этой областью Сибири, принужден, следовательно, разливаться по сторонам, преимущественно на восток, к Тихому океану, над которым залегает масса воздуха гораздо менее значительная. Но летом происходит обратное явление: барометрическое давление уменьшилось на 20 или 25 миллиметров в восточной Сибири, и воздух окружающих областей, приносящий облака и дожди, должен притекать к этим странам, чтобы пополнить пустоту, образовавшуюся вследствие атмосферного отлива[3]. Таким образом происходит периодическое чередование воздушных волн вокруг этой части земной выпуклости, которая является попеременно то притягательным фокусом, то центром распространения воздушных масс.

Путешественники, которым приводилось испытать сибирскую зиму во всей её суровости, говорят о ней с ужасом, смешанным с восхищением. Бесконечное безмолвие, мертвая тишина царствуют в пространстве. Вся природа кажется погруженной в глубокий сон: мхи, травы спрятались в снегу или уничтожены морозом; животные забились в свои логовища; реки перестали течь и вместе с своими берегами исчезли под ледяным или снежным покровом; земля, ослепительной белизны в центре пейзажа, окаймленная серой полосой в отдалении, не представляет ни одного предмета, на котором бы мог остановиться взор. Ни одной резкой линии, никаких ярких цветов, ничего, что прерывало бы подавляющее однообразие пространства. Единственный контраст с угрюмым видом беспредельной снежной равнины составляет вечно ясная, безоблачная лазурь небесного свода, где шествует солнце, поднимаясь едва на несколько градусов над горизонтом. Дневное светило восходит и закатывается, при трескучих морозах в 36 или 40 градусов Цельсия, отчетливо очерченными контурами, без того красноватого ореола, которым обыкновенно бывает окружен его диск на краю небосклона. Сила его лучей так велика, что снег тает на стороне крыш, обращенной к свету, тогда как в тени в то же самое время температура бывает от 24 до 30 градусов ниже точки замерзания[4]. Ночью, когда северное сияние не расстилает по небу своей разноцветной драпировки и не вспыхивает бесчисленными ракетами, звезды и зодиакальный свет блестят необыкновенно ярко; может быть, ни над какой другой частью земного шара не расстилается небо, столь благоприятное для астрономических наблюдений. В этой области полюса стужи, атмосфера отличается совершенной прозрачностью: нигде не увидишь ни малейшего облачка, разве только на берегу рек, где поднимается густой туман, состоящий из обледеневших водяных частиц, или в соседстве стад, скрытых в клубах пара, образующагося от дыхания животных; но воздух, содержащий тонкие кристаллики тумана, не менее сух, как и прозрачная атмосфера. Человек осмеливается выходить из своего жилья в эти страшные холода; но животные остаются безвыходно в своих норах и берлогах; только ворон отваживается по-

1 Кропоткин, рукописные заметки.
2 Middendorff, „Sibirische Reise"; Nordenskjold, „Lettres a M. Daubree".
3 Воейков, „Die atmospherische Circulation", Erganzungsheft, № 38, „Petermann's Mittheilungen".
4 Hansteen, „Astronomische Nachrichten", VIII.

кружить в воздухе, слабым и медленным полетом, оставляя за собою легкую полоску пара[1]. Впрочем, сибирские зимы не так уж страшны и трудно переносимы, как воображают иностранцы, прежде чем сами испытают их: человеку, даже вновь прибывшему в край, если он



Портъ Лаперуза въ заливѣ де-Кастри.

имеет достаточную и соответственную пищу, хорошо одет, закутан в меха, нечего бояться даже самых сильных морозов; мало найдется климатов более здоровых, чем климат холод-

1 Middendorff, „Sibirische Reise"; Wrangel, „Siberia and polar sea".

ной Сибири, где воздух так прозрачен, так спокоен, так совершенно сух и чист. Чахоточных никогда не видывали в Чите, в том холодном Забайкалье, где ртуть в термометре замерзает и остается в твердом состоянии по целым неделям[1].

Эта суровая зима, во время которой от страшных морозов трескается земля и береговые утесы рек рассекаются на правильные колоннады, напоминающие столбы базальтов[2], внезапно сменяется восхитительной весной: перемена происходит так быстро, что природа вдруг является совершенно обновленной; зелень распускающихся листьев на деревьях, благоухание нарождающихся цветов, опьяняющая теплота атмосферы, лучезарная ясность неба—все соединяется, чтобы сделать из радостного чувства жизни настоящее наслаждение; сибирякам, посещающим умеренные страны западной Европы, кажется, что вне их родины о весне и понятия не имеют. За этими первыми днями пробуждения природы от продолжительного зимнего сна наступает период холодной, ветряной, изменчивой погоды, как следствие пертурбации, которую производит в атмосфере внезапная оттепель и быстрое таяние снега на громадном пространстве: наступает возврат холодов, подобный возобновлению стужи, известному в приморской Европе под именем дней «ледяных святых»: только этот возврат в Сибири бывает позднее, именно около 20 мая; ночные морозы уничтожают цвет на яблонях: вот почему невозможно получить яблоки в восточной Сибири, хотя общее количество летней теплоты вполне достаточно для вызревания этих плодов[3]. Зимние холода скоро дают себя чувствовать после короткого лета: часто ночные заморозки начинаются уже с половины июля; с 10 августа листья на деревьях, пожелтевшие от холода. начинают опадать; десять дней спустя одна только лиственница сохранила еще кое-где пучки своих игол. Случается также, с первых чисел августа, что снег, насевший густым слоем на густолистые деревья, заставляет их гнуться под его тяжестью и даже ломает на них ветви[4].

Даже в летние месяцы зима продолжает царствовать в глубинах почвы; после самых сильных жаров заступ не может копать грунт более как на 3 аршина под поверхностью; ниже земля остается всегда замерзшей. В половине прошлого столетия Гмелин сообщил ученому миру этот необыкновенный факт постоянного замерзания почва до глубины 100 слишком футов; но это явление казалось противоречащим теории правильного возростания земной температуры в глубинах, и ученые недоумевали, каким образом мерзлая почва Якутска может покрываться растительностью, и как могут вызревать на ней посевы хлеба. Геолог Леопольд фон Бух отвергал наблюдения Гмелина, как неимиющие никакой цены; астроном Ганстен тоже объявил их ошибочными, в то самое время, когда путешественник Эрман, в 1832 году, засвидетельствовал совершенную точность указанного Гмелином факта. Наблюдения, произведенные Миддендорфом, согласно определенным указаниям петербургской академии наук, устранили все сомнения по этому вопросу. В Якутске существует буровая скважная почти в 380 футов глубины, предпринятая для устройства артезианского колодца; скважина эта еще не прошла слой земли, отвердевшей от мороза, и от дальнейшего бурения принуждены были отказаться, не достигнув искомого слоя воды, так как потеряли всякую надежду на успешное окончание предприятия. На глубине около 3 аршин, там, где уже не ощущаются происходящие на поверхности земля колебания тепла и холода, средняя температура, которая приблизительно представляет нормальный климат Якутска, оказалась равной —11,°25; на дне же буровой скважины средняя температура уже —3°,12. Следовательно, здесь, как и везде в других местах земного шара, существует возрастание температуры по мере нисхождения вглубь земли под поверхностный слой почвы, и это возрастание совершается в Сибири даже быстрее, чем в рудниковых шахтах и копях Европы, так как оно составляет один градус на каждые $6^1/_2$ сажен; вычисление указывает присутствие сырой почвы на расстоянии около 24 сажен ниже того места, где остановился буровой снаряд. Нельзя, одна-

1 Кропоткин, рукописные заметки.
2 Ermann, „Voyage en Siberie".
3 Миддендорф; Ледебург; Финш.
4 Кропоткин, рукописные заметки.

ко, допустить безусловно,—прежде чем будут сделаны сравнительные наблюдения во всей северной области Сибири,—что почва там совершенно мерзлая до глубины 530 или 560 футов. Возможно, что какие-нибудь исключительные обстоятельства способствуют, в одних местах нагреванию, в других охлаждению грунта, и ученые допускают, как весьма вероятное предположение, что соседство ключей и текучих вод должно влиять на повышение температуры почвы. В 7 верстах от Якутска один колодезь, глубиною всего только в 59 фут., достигает слоя земли, столь же близкого в точке таяния, как и якутский колодец, выкопанный до глубины 380 футов; к юго-западу, при слиянии рек Алдана и Майи, как говорят, совершенно пробуравили слой мерзлой почвы на расстоянии одного аршина от поверхности и проникли до слоя рыхлого песка[1].

В этих областях северной Сибири земные слои, температура которых постоянно ниже точки замерзания, заключают во многих местах площади окристаллизованной воды. Так, например, в золотоносных песках Енисея нашли, между гравием и торфом, слой льда, толщиною около 21 фута[2]. Пластинки кристаллического льда, разломанные льдины, рассеянные ледяные глыбы всякой формы и величины, более или менее чистые или смешанные с песком или грязью, встречаются везде в почве, и когда гуляешь по берегу моря или большой реки, часто случается присутствовать при образовании этих прозрачных ледяных жил. Морские волны выбрасывают на берега льдины и затем покрывают их песком. Подобно тому и реки отлагают на берегу один над другим ряды льдин и песку; там же, где почва потрескается, вода проникает в трещины и замерзает в виде пластинок. Точно также снега, скопляющиеся в оврагах и покрываемые кучами осыпающейся со скатов земли, превращаются постепенно в кристаллические массы. Так образуются эти ископаемые льды, из которых самые древние отложились, без сомнения, в предшествующие геологические эпохи[3].

В зимние месяцы атмосфера бывает обыкновенно спокойна в области холодного полюса; но нельзя того же сказать о странах, составляющих окраины этой области. От Уральского хребта до Енисея и от Саянских гор до берегов Ледовитого океана южные ветры, и преимущественно юго-западные, преобладают зимой, тогда как на юге этого пояса, в Киргизской степи, так же, как в степях Астраханских, господствующее влияние оказывают полярные ветры, спускающиеся с высот атмосферы[4]. Следовательно, общие законы климата западной Сибири походят на общие законы европейского климата; на востоке, как и на западе Уральских гор, воздушные течения, идущие одно из-под тропиков, другое от северного полюса, встречаются на половине дороги. К востоку же от Енисея, и особенно в бассейне Лены, движение воздушных токов совершенно иное. Там зимние ветры дуют, вообще говоря, с северо-запада, то-есть от Ледовитого океана к Тихому: от пояса высокого барометрического давления они направляются к поясу низкого давления, указанному Крузенштерном в 1805 году. На этом «отвратительном» Охотском море, как его называет знаменитый русский мореплаватель, по целым месяцам свирепствуют такия страшные бури, что часто сообщение между двумя берегами становится совершенно невозможным. В Удском, близ Охотского побережья, эти яростные сибирские муссоны, следующие в северо-западном направлении, дуют правильно в продолжение семи месяцев, с сентября до апреля, и воздушные массы, подобные водопадам, низвергаются, так сказать, с высоты Станового хребта в расстилающийся внизу морской бассейн. В эту бурную пору люди и вьючные животные тщетно пытаются по целым дням взобраться по скату гор против свирепого ветра, несущагося с вершин: путники и лошади опрокидываются порывами ветра, вьюки срываются и скатываются в пропасть[5]. Даже на нижнем течении Амура эти бурные ветры дуют с большой силой, хотя гораздо меньшей, чем на берегах Охотского моря. В океане они далеко отклоняют «Черную реку»

1 Middendorf, „Sibirische Reise".

2 Кропоткин, „Expedition de l'Olekminsk et du Vitim".

3 Лопатин, „Несколько заметок о ледяных слоях восточной Сибири".

4 Веселовский. „О климате России".

5 Рашевский, „Записки Сибирского отдела Русск. Геогр. Общ.", III, 1867 г.; Middendorf. „Sibirische Reise".

японцев, морское течение Куро-сиво, и тем самым заставляют корабли изменять свой маршрут между двумя континентами. На плоских возвышенностях Монголии этот ледяной северо-западный ветер дует также почти непрерывно в продолжение всей зимы, и все путешественники, отправляющиеся из Китая в Сибирь, говорят о нем с ужасом[1]. Проводники караванов, идущих против ветра, принуждены, под страхом отморозить себе лицо, носит войлочную маску, в которой сделаны только узенькие прорезы для глаз и для рта[2].

На берегах Ледовитого океана северо-западный ветер отличается гораздо более правильным характером: он дует почти без перерыва, но ровным дуновением и никогда не переходит в бурю; таким, по крайней мере, имели случай наблюдать его[3] барон Норденшильд и его спутники во время своей зимовки на этих берегах в 1878—1879 гг. Летом, полярные ветры тоже привлекаются в области сибирского побережья вследствие нагревания поверхности тундр: в это время на морском берегу образуется полоса правильных бриз. На восточной стороне континента летний муссон, притягиваемый к области низкого барометрического давления и, следовательно, разреженного воздуха, сменившей зимнюю волну высокого давления, дует с Тихого океана к внутренности земель: дуновение этих восточных и юго-восточных ветров нередко бывает ощутительно даже в соседстве Байкальского озера, куда они приносят в большом изобилии дожди[4]. Эти летние муссоны, дующие с моря, чрезвычайно насыщены водяными парами; все предметы покрываются плесенью под влиянием постоянных туманов. В период господства этих ветров, берега Охотского моря всегда окутаны облаками, которые беспрестанно разрешаются дождем и снова собираются массами: когда спускаешься с Алданских гор, к западу от которых солнце ярко блестит на безоблачном небе, внизу постоянно видишь, в эти летние месяцы, обширное море движущагося водяного пара. В морях, окружающих Курильские острова, часто случается, что туманы и мелкие дожди не позволяют разглядеть берег в продолжение целых недель. Какой контраст между этими сырыми областями архипелагов и морского побережья и внутренними странами, столь бедными дождем! На различных пунктах Охотского берега падение воды из атмосферы, почти целиком заключенное в пределах трех летних месяцев, наверно превышает 1 метр в год, тогда как в Якутске количество выпадающего дождя и снега в тот же период времени представляет 25 сантиметров.

Годовое количество атмосферной влаги, выпадающей в разных местах Сибири, выражается следующими цифрами (по Веселовскому, Воейкову, Гану):

Аян (при Охотском море)—0,89 метр.; Якутск—0,25 метр.; Кяхта—0,20 метр,; Барнаул—0,32 метр.; Нерчинский завод—0,40 метр.: Тобольск—0.46 метр.

Целые зимы проходят без снега и в некоторых частях южной Сибири, именно в равнинах Забайкалья. Посреди Удинской степи, между Верхне-Удинском, жители всю зиму ездят на колесах по замерзшему грунту, который звенит под ногами лошадей, словно асфальтовая мостовая[5]. В других местностях, например, в Красноярском округе, бури тоже сметают с равнин весь снег и наполняют им овраги окружающих гор: зерно, брошенное на землю осенью, уносится ветром, незащищенное снежным покровом, и лошади, запряженные в сани, то и дело принуждены останавливаться на голой почве[6].

Под влиянием правильных муссонов, падающий снег располагается параллельными дюнами, следующими одна за другой на подобие волн океана: в бесконечную зимнюю ночь прямолинейные ряды этих снежных сугробов, известных у туземцев под именем заструг, указывают чукчам направление, по которому они должны следовать, с такой же определен-

1 Pampelly, „Geological Researches in China"; Richthofen, „Chine".
2 Потанин, „Древняя и Новая Россия", 1879 г. № 6.
3 Bowe, „Bulletino della Societa geografica Italiana", Dec. 1879.
4 Воейков, „Известия Русск. Географ. Общества", 1875, № 5.
5 Кропоткин, рукописные заметки.
6 Ermann, „Voyage en Siberie"; Ровинский, „Древняя и Новая Россия", 1875 г.

ностью, как это сделал бы компас[1]. Но каждый год, в эпоху перемены времен года, сопровождающейся изменением направления муссонов в прямо противоположное, сильные бури ниспровергают весь этот прекрасный порядок расположения белых дюн: эти сибирские вьюги, называемые по местному буранами, еще страшнее, чем мятели, бушующие в придонских степях или на берегах Черного моря. Среда обширных равнин бураны яростно кружатся вихрем, как ураган тропических стран вместе с снегом, они увлекают всякого рода обломки, крупный песок, куски льда, поломанные ветви деревьев, часто даже людей, ослепляют их и предают их смерти, когда они заблудились в нескольких шагах от своего становища.

При громадном протяжении своей территория и при разнообразии своих климатов, Сибирь естественно делится на обширные области растительности, которые более резко отличаются одна от другой, чем растительные области Европы. В южной полосе Сибири степи имеют характеристическую, совершенно определенную флору, которая составляет продолжение флоры, свойственной равнинам Аральского озера, Каспийского моря и Волги. На севере полоса тундр, совершенно лишенная лесной растительности, также представляет особую растительную область, ясно ограниченную, как пустыня, тогда как между этими двумя поясами, степей и тундр, европейская область лесов продолжается от запада к востоку, но подразделяясь на второстепенные области. Бассейны Оби и Енисея, бассейн Лены, бассейн Амура могут быть разсматриваемы в общих чертах как подобласти древесной флоры.

Северная граница лесной растительности проводится обыкновенно картографами на слишком большом расстоянии от Ледовитого океана. В Сибири эта граница, везде образуемая лиственницей (larix daurica sibirica), представляет очень неправильную линию: вместо того, чтобы направляться от запада к востоку по одному и тому же градусу широты, она изгибается к северу, воспроизводя в общих чертах и длинными кривыми контуры морского берега, тогда как в бассейне Оби граница лесов приблизительно совпадает с полярным кругом; она пересекает Енисей почти под 70 градусом широты, а на полуострове Таймур, на берегах реки Хатанги, поднимается еще на 260 верст выше к северу. Далее, в восточном направлении, она спускается мало-по-малу к линии полярного круга, и весь конечный полуостров, выступающий в Берингов пролив, остается вне пояса лесной растительности[2]. При том скалы, болота, тысячи всяких особенностей рельефа почвы отклоняют границу во всех направлениях, и во всех речных долинах она выдвигается на подобие мыса к морю, благодаря защите, которую представляют деревьям возвышенные берега рек.

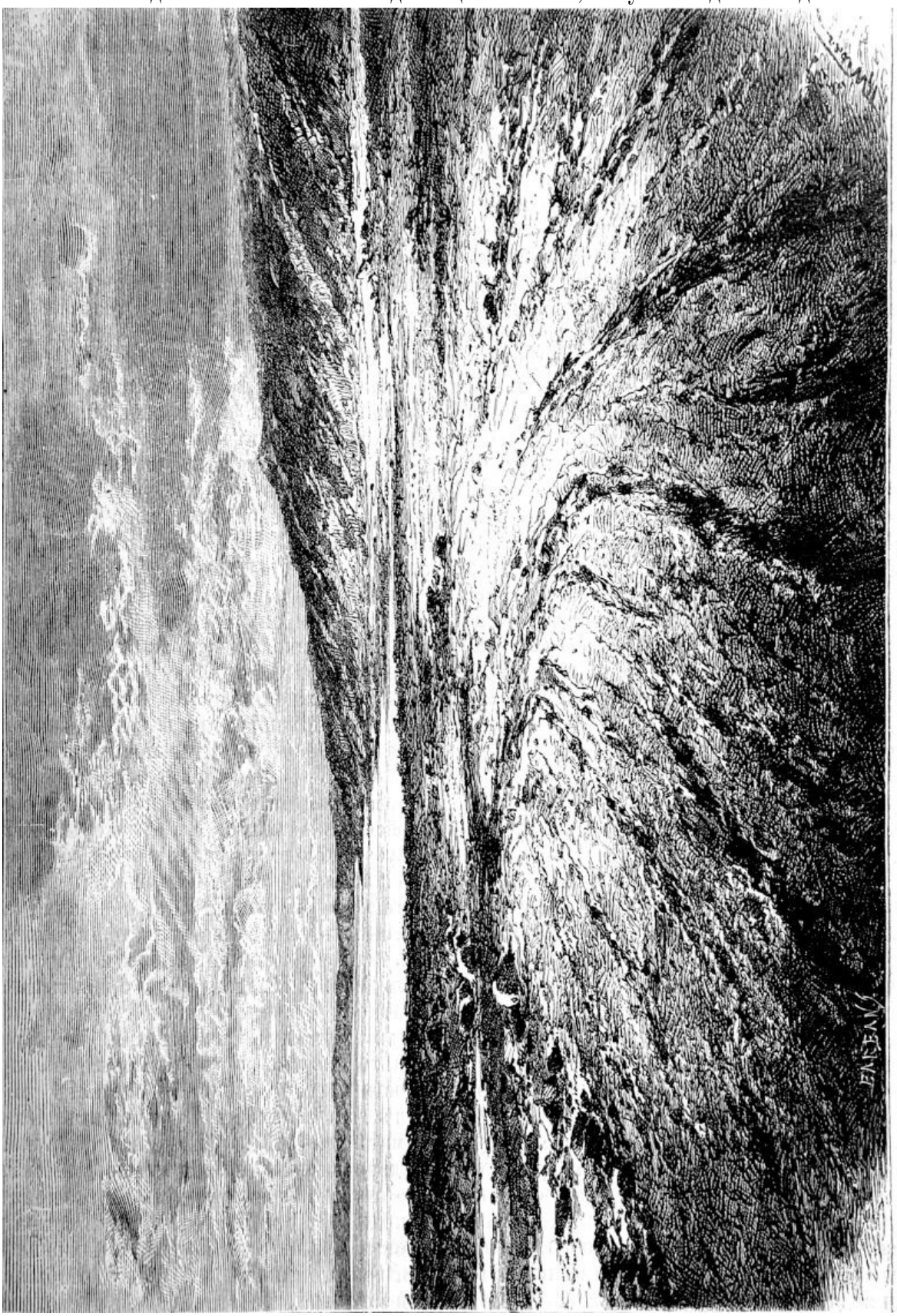
Уже гораздо ближе границы древесной растительности, по сю сторону северного фронта лесов, деревья, которым приходится бороться против сильного холода, ростут очень туго и медленно. К северу от 60 градуса широты уже не встретишь в девственном лесу дерев, имеющих более полутора аршин в толщину; к северу от 61 градуса деревья средним числом имеют не более 30 сантиметров; в соседстве же тундры древесные стволы обыкновенно не превышают полфута в диаметре. Издали эти леса крайнего сибирского севера, состоящие единственно из тонкоствольных дерев, походят на новые насаждения, и легко представить себе удивление путешественника, когда он, проникнув в чащу леса, убеждается, что эти растения, с ветвями, покрытыми мохом, точно бахромой, все старые деревья, живущие уже две или три сотни лет. Земля, постоянно мерзлая уже на незначительной глубине, не позволяет корням забираться далеко от поверхности, чтобы извлекать нужные для его питания соки; с другой стороны, в продолжение большей части года ветви гнутся под тяжестью снежных масс, которые прекращают сообщение дерева с атмосферой. В продолжение зимы дерево бывает совершенно замерзшим, и ствол и корни, так что топор, сам сделавшийся ломким от мороза, разбивается о древесный ствол, как о глыбу железа или камня; растение пробуждается из своего долгого зимнего сна только при первых лучах весеннего солнца[3]. Медленность роста придает этим деревьям необычайную твердость, но зато они менее гибки, более хруп-

1 Bowe, выше цитированное сочинение.

2 Von Middendorf, „Sibirische Reise"; Grisebach, „La Vegetation du globe", перев. Чихачева.

3 Миддендорф, цитированное сочинение.

ки, и, раз поваленные ветром или ударами топора, они могут быть заменены новыми особями лишь при помощи медленного усилия столетий. Последние лиственницы, у которых еще хватило силы подняться от земли в виде тощих стволов, не успели даже выделить из себя



Ледяныя борозды на берегахъ Енисея.

настоящих ветвей; они усажены лишь сучьями, на которых кое-где вырастают почки. В этой постоянной борьбе между жизнью и смертью большинство деревьев, прозябающих вблизи тундры, имеют такой вид, как-будто в них давно иссякли жизненные соки: сплошь покры-

тые мохом, лишенные ветвей, они кажутся умершими по крайней мере полстолетия тому назад, а между тем каждый год, весной, появляются там и сям маленькия почки, свидетельствующие об остатке движения в растении. Далее в северном направлении, за этими лиственницами, которые еще держатся в прямом положении, другие деревья ползут по земле, наполовину скрытые под мхом. Еще на расстоянии сотни верст к северу от пояса лесов, встретишь эти лежачие стволы, выросшие не более, как на аршин или полтора после ста пятидесяти лет существования; они кажутся скорее корнями, чем стеблями, и расползающиеся ветви их можно принять за сухой валежник, оставленный в тундре; однако веточки, торчащие из-под мха на подобие вороньих перьев, указывают на существование небольшого количества жизненного сока в этой лежачей растительной массе.

Мертвые деревья валяются в большом числе впереди опушки поля борьбы растительных организмов с суровым климатом. Во всей северной Сибири, так же, как и на скатах гор южной полосы, следы исчезнувшего лесного пояса переходят за нынешнюю границу древесной растительности: таким образом, здесь мы видим явление, подобное тому, которое констатировано на швейцарских и савойских Альпах. В некоторых местах севера Сибири отступление леса внутрь страны составляет не менее 20 или 25 верст; на таком расстоянии от опушки самых маленьких, приземистых теперешних лесов встречаются еще стволы и пни поваленных дерев. Миддендорф приписывает это понятное движение лесной растительности частым летним морозам, а не суровости зимнего холода, и в подтверждение справедливости своего мнения указывает на тот факт, что в нижних областях Лены, где климат холоднее, чем во всякой другой стране, деревья как нельзя лучше выносят зимнюю стужу. В самом деле, легко понять, что на крайнем севере, в таком климате, где деревья имеют только два с половиной или много-много три месяца сроку, чтобы развить свои почки и одеться листвой, несколько губительных ночных морозов в теплое время года могут окончательно остановить движение растительных соков[1]. Во всяком случае климат всей северной Сибири несомненно должен был измениться в последние несколько столетий, так как пояс лесов отодвинулся по направлению к экватору. Подобное же явление оскудения древесной растительности на крайнем севере обнаружилось и в других северных странах, в Исландии, в Скандинавии, на Урале, в британской Америке[2].

За пределами лесной области, вдоль берегов Ледовитого океана, и там и сям во внутренности земель, образуя как-бы острова и архипелаги, простирается тундра, где единственную растительность составляют травы, мхи и лишаи. Эта тундра состоит не из одних только низменных равнин: она заключает также холмистые местности, и, взятая в совокупности, она представляет преимущественно волнообразное пространство, где разности уровня между холмами и долинами достигают 330 футов; от одного горизонта до другого высоты тундры, с промежуточными долинами, следуют одни за другими, как большие волны.

Во многих отношениях тундра похожа на степь, хотя происхождение их различно. Недостаток влажности производит степь, недостаток тепла порождает тундру; но та и другая имеют одинаковый вид и оставляют в уме одинаковое впечатление угрюмого, подавляющего однообразия; роды растений, прозябающих близ Ледовитого океана, встречаются также на берегу Аральского моря, на расстоянии тридцати градусов ближе к экватору. В самом деле флора сибирских тундр заключает даже явнобрачные растения, составляющие еще, на одном только полуострове Таймур, десять родов и двадцать один вид; но этих растений не увидишь там соединенными в пределах одного и того же горизонта. Мхи преобладают и на громадном протяжении застилают землю сплошным ковром, так что кажется, что они одни и составляют всю растительность. Тундры, где господствует мох многовласник (polytrichum), наполняют поле зрения своей грязно-желтой окраской, тогда как тундры, где растет олений мох (ягель), имеют белесоватый колорит. На этом тусклом фоне, освещаемом лучами низко стоящего солнца, ничто не останавливает взора: это бесконечность моря, но без движения

1 Миддендорф, „Sibirische Reise"

2 Schrenk, „Reise nach dem Nord-Osten des Europaischen Russlands"; Ricardson, „Searching Expedition".

ударяющихся одна о другую волн; это царство безмолвия и смерти. Путешественник рад, когда приметит среди утомительного однообразия беловатой или желтоватой равнины маленький островок зелени, образуемый травой, которая покрыла почву вокруг прежнего становища самоедов или берлоги полярной лисицы (песца)[1]. Местами видны также небольшие зыбкие луга, но они встречаются только по берегам текучих вод; в других местах слой мерзлой земли начинается так близко от поверхности, что трава уже не может расти.

Между тундрами крайнего севера и степями южной полосы лесной пояс Сибири занимает самое обширное протяжение территории: от Урала до Камчатки можно бы было идти постоянно в тени лесов, в густой сплошной тайге, прерываемой только текучими водами, изредка небольшими естественными прогалинами, да полосами расчищенной под пашни земли. Название тайга, взятое в общем смысле, применяется ко всем пространствам, покрытым лесами, но его употребляют специально на востоке от Алтая для обозначения гористых местностей, где путешественник может пробираться лишь с большим трудом через переплетающиеся корни и ветви деревьев, по болотистой, топкой и трясущейся под ногами почве, где мари, то-есть торфяники и болота, чередуются с падями или узкими оврагами без малейшей полоски травы на дне, по берегу ручьев. Золотоискатели дают также название тайги специально лесистым горам, куда они ходят на поиски золотоносных песков: так, они говорят об Енисейской тайге, о тайгах по Оке и по Витиму. Тайга почти везде представляет безмолвный лес, без травяной растительности, без дерна и, следовательно, без насекомых и птиц: в сравнении с европейскими лесами, она имеет печальный, угрюмый вид, и путешественник испытывает некоторый ужас, углубляясь в чащу её[2]; под тенью её не увидишь ни одного живого существа; только ветер оглашает мрачную пустыню, когда он проносится над лесом и колышет ветви дерев; часто также он валит стволы, плохо укрепленные корнями, которые стелются по камням, покрытым мхом.

В сибирских лесах преобладают хвойные деревья, но все породы этих семейств те же самые, как и европейские виды, за исключением пихты, которая, кажется, есть единственная форма, специально свойственная восточной Сибири[3]. Это дерево тонкое, очень высокое, с гладкой корой: редко встретишь пихту, ствол которой имел бы более 5 или 6 вершков толщины, а между тем она достигает 12 или 13 сажен в вышину, и ствол её поднимается высоко над верхушками других, более толстых и более старых деревьев; в соседстве северной опушки лесного пояса пихта, почти голая, без ветвей, походит на столб, вкопанный в землю. Среди больших лесов центральной Сибири она выделяется своей синевато-зеленой листвой: это «благородная сосна» по преимуществу, но дерево её редко утилизируется; слишком хрупкое, чтобы служить материалом для построек, оно не дает даже хорошего топлива. Из хвойных пород особенно замечателен так называемый «сибирский кедр» (pinus cembra), лучшее дерево Сибири и наиболее охотно употребляемое для постройки речных судов, а также для столярных изделий; он не коробится, не гниет, кроме того случая, когда подвергается чересчур резким переменам температуры; древесина его не имеет узлов, не трескается и отличается необычной легкостью. Остяки строят из кедра свои барки и лодки; но ствол этого драгоценного дерева, даже когда он имеет сажень или полторы в обхвате, дает им только две плахи, так много топор откалывает щепок. Русские крестьяне некоторых округов, может быть, обращаются со своими лесными богатствами еще менее бережливо. На берегах Енисея не редкость увидеть огромные кедры, срубленные единственно для того, чтобы собрать с них шишки, содержащие вкусные орехи, которые услаждают и сокращают досужее время сибирячек в длинные зимние вечера[4].

Самое обыкновенное и распространенное дерево сибирской тайги—лиственница; это дре-

1 Миддендорф, цитиров. сочинение.

2 Кропоткин, рукописные заметки.

3 Grisebach, „La Vegetation du globe“.

4 Эрман, Миддендорф, цитиров. сочинение; Seebohm „Journal of the Geographical Society“, vol. XLVIII, 1878 г.

весная порода, которая всего лучше выносит страшные зимние морозы и летние ночные холода, и которая образует опушку леса на окраинах тундры; различные разновидности лиственницы занимают также наиболее значительную по протяжению область, так как их встретишь еще на юге Сибири, в верхнем бассейне реки Уссури. Но сибирские леса заключают, кроме того, большую часть деревьев умеренного пояса Европы, границы распространения которых пересекаются здесь различным образом, смотря по свойству почвы, высоте местности, положению её в отношении действия солнца и ветров: обыкновенная или боровая сосна (pinus sylvestrus) особенно любит песчаные земли; ползучая сосна, можжевельник, пихта прозябают на высоких скатах гор, в соседстве голых скал; в долинах и по откосам холмов растут: липа, клен, рябина, ольха, ивы, тополи, осины, черемуха,—эта сибирская вишня,—абрикосовое дерево, береза, дерево которой столь полезно тунгусам, приготовляющим из неё всю свою незатейливую домашнюю утварь. Веселая, кудрявая березка составляет как-бы символ родины для русских крестьян. Замечено, что это дерево часто заменяет хвойные породы в лесах, где сосна была повалена бурей, срублена топором или уничтожена огнем[1]. С юго-восточной стороны, около границ Китая, береза также мало-по-малу распространяется, вытесняя туземные виды. Жители страны видят в этом верное предзнаменование близкого наступления господства «Белого Царя». Уже двести лет тому назад, когда, вследствие многочисленых пожаров, береза стала заменять в лесах сосны и ели, между туземцами распространился слух, что появление «белого дерева» возвещает скорое пришествие русских[2].

Первобытные леса Сибири не заключают в себе исполинов растительного мира, как девственные леса тропических стран, или леса Австралии, Калифорнии, Орегона, или даже Ситхи, в бывших русско-американских владениях. Самый массивный ствол, виденный Миддендорфом во время его путешествия по Сибири, был тополь около двух с половиной аршин толщиною, который он встетил между 52 и 53 градусами широты. Большие деревья сибирского леса, достигшие, повидимому, всего своего роста, имеют средним числом только от 30 до 40 сантиметров в толщину и не более полутора аршин в окружности. Климат Сибири, в самою, деле, есть один из наименее благоприятный для развития древесной растительности. Этот климат, континентальный по преимуществу, попеременно то слишком холодный, то не в меру жаркий, бедный атмосферной влажностью, очень скупо уделяет жизненные соки деревьям, и, благодаря ему, кора на них трескается, листья вянут, ветви и корни побиваются морозом: все условия соединились для того, чтобы подвергать растения страданиям во время их жизни и чтобы ускорить их век. Кроме того, лесные пожары, или, по местному, палы, составляют в Сибири очень частое явление. Когда лес загорится, зажженный молнией, дровосеками или звероловами, пожар распространяется на огромное пространство во все стороны, и останавливается только тогда, когда встретит на пути озера, болота и реки. Распространенный в воздухе слабый запах гари от палов в дальних лесах составляет одну из характеристических черт, о которой не без удовольствия вспоминает сибирский путешественник.

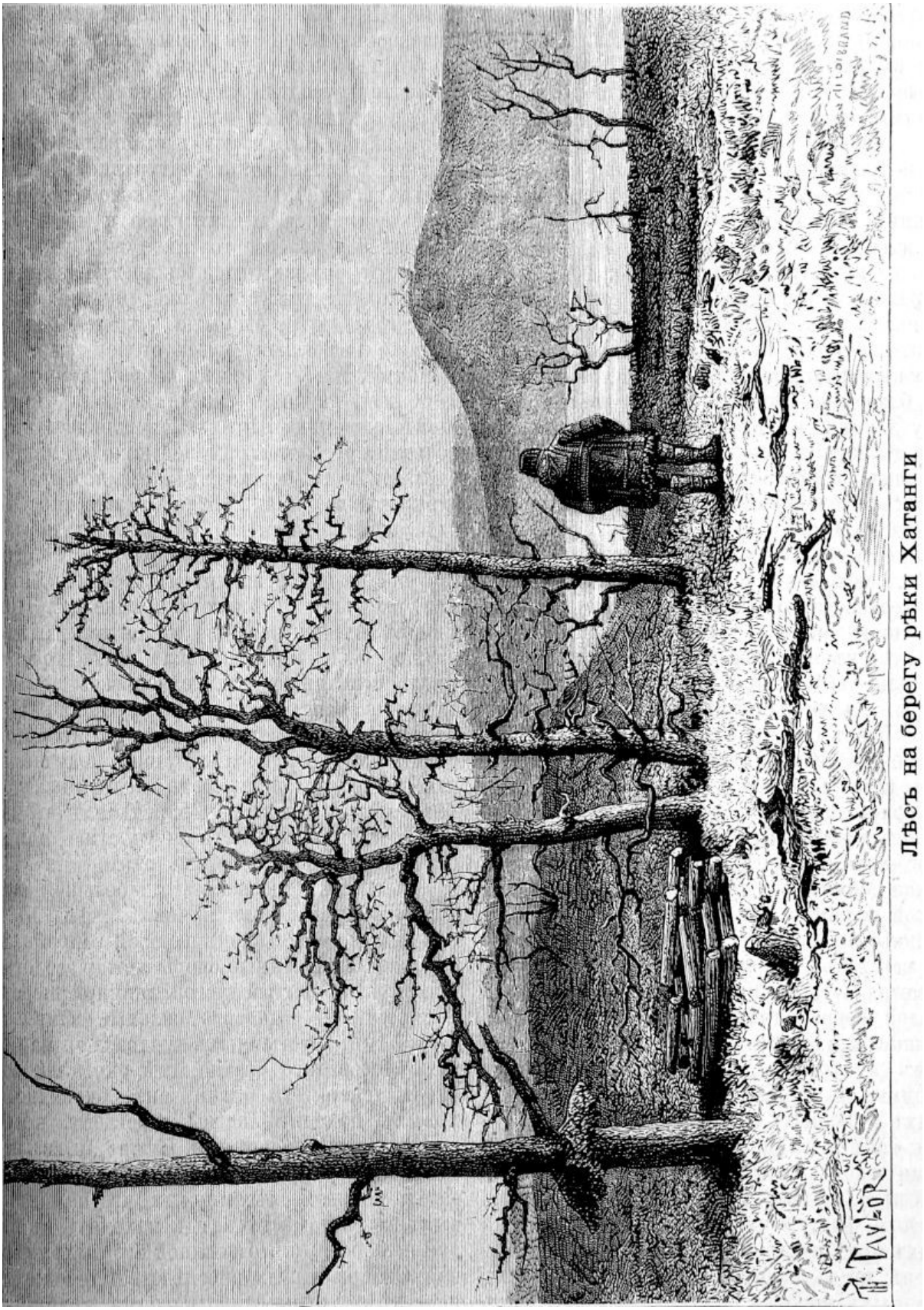
Сибирская флора чрезвычайно богата всякого рода ягодами, которые служат там пищей животным и людям. Из этих ягод, собираемых в огромных количествах в соседстве городов, приготовляют варенья, наливки и другие консервы, которые заменяют отчасти фрукты в продовольствии сибиряков. Ядовитые растения редко встречаются в лесной области Сибири, далее же, в северном направлении, они, наконец, совсем исчезают, или по крайней мере утрачивают свои вредные свойства. Какая-нибудь белая чемерица (veratrum), растение ядовитое на верховьях Енисея, составляет одну из самых любимых овощей в полярной области[3]. Что касается культурных растений, то человек может выводить некоторые из них даже в мерзлой бесплодной тундре и во всех становищах на берегу Ледовитого океана. Там, где северный олень находит себе пищу, откапывая копытами ягель, самоед или русский тоже

1 Булычев, „Записки Уральского общества естественных наук“, том IV, 1878 г.

2 Ermann, „Voyage en Siberie”; Gust. Radde. „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XXII; „Известия Сибирского отдела географ. общества“, за май 1877 года.

3 Миддендорф, цитированное сочинение.

умеют открывать питательные растения, могущие спасти их от голодной смерти. Почва этих холодных пространств сама собой производит противоцинготные растения: ложечную траву, кислицу (щавель), и во всех пресноводных озерах и прудах можно бы было в обилии соби-



Дѣсь на берегу рѣки Хатанги

рать те съедобные студенистые колобки, nostoc pruniforme, которые известны под именем «водяных слив». Как говорит покойный академик Бэр, житель тропических стран собирает свою пищу на деревьях; в умеренном поясе поселянин пожинает ее на земле; в соседстве же

полюсов ее нужно искать в воде. Однако, культура эмансипировала человека: на крайнем севере кое-какие овощи, южнее ячмень, затем некоторые другие зерновые хлеба, еще далее к югу пшеница и все питательные растения умеренной Европы, которые, благодаря летним жаром и большому свету длинных летних дней, развиваются здесь с изумительной быстротой, позволяют жителям Сибири селиться на почве, в числе все более увеличивающемся, по мере удаления их от полюса.

Естественная граница сибирской земной фауны совпадает с пределом древесной растительности, в соседстве Ледовитого океана; однако, мыши и другие грызуны, на которых летом охотится белый медведь, находят еще себе приют в мхах и лишаях тундры. К югу от этой границы простирается пояс европейских видов, который постепенно изменяется последовательными переходами, подвигаясь к востоку: пояс степей, пояс даурских горных цепей занимают южную область Сибири, тогда как на юго-востоке часть Амурского бассейна и русская Манчжурия принадлежит уже к китайской области.

Известно, что еще в недавнюю геологическую эпоху в Сибири жил большой носорог и мамонт,—слон, превосходивший величиной и силой современных нам слонов. Эти исполинские млекопитающие бродили также по лесам и лугам Европы, и кости их были находимы в новейшее время тысячами в гротах и речных аллювиях Франции и Германии; как и в Сибири, они были современниками человеку в западных странах Старого Света, и даже находили, в пещерах Перигора, фигуры мамонтов, вырезанные на костях предшественниками нынешних европейцев; но в европейской почве от этих громадных животных остались лишь часть скелета, отдельные кости, тогда как в Сибири часто находили цельные костяки мамонтов и носорогов, покрытые мясом и кожей. В 1771 году Паллас присутствовал, на берегах низового Вилюя, к западу от Якутска, при переноске трупа носорога, от которого куски мяса, от головы и ноги, хранятся теперь в Петербурге, рядом с другими останками того же рода, найденными в 1877 году, на речке Бытантай, близ реки Яны. В 1799 году огромная глыба льда, увлекаемая течением Лены, была выброшена на берег близ устья этой реки, и тунгузские звероловы увидели форму мамонта мало-по-малу выделявшуюся из ледяной массы, которая каждое лето частию растаивала. Они уже унесли бивни, когда натуралист Адамс приехал осмотреть труп, у которого еще висели куски мяса, и даже глаза и мозг остались в черепе: это то самое животное, скелет которого находится теперь в Петербурге, в зоологическом музее академии наук. В 1839 году другое открытие того же рода доставило московскому музею второй экземпляр мамонта, менее хорошо сохранившийся. В 1866 году научная экспедиция, под управлением академика Шмидта, отправилась на завоевание другой драгоценной находки мамонта, сделанной на берегах Таза, недалеко от губы того же имени; однако, животное оказалось уже не целым. С давних пор сибирские охотники «на слоновую кость» странствуют по прибрежным местностям Полярного океана и посещают архипелаг Новой Сибири в поисках за мамонтами, и так велико было некогда число этих толстокожих исполинов в северных странах азиатского континента, что ежегодные находки мамонтовой кости представляют, в средней сложности, около тысячи пудов, получаемых из останков двух сот неделимых; в 1840 году Миддендорф определял в двадцать тысяч число мамонтов, уже найденных в крутых берегах рек.

В эпоху, когда жил этот большой слон, климат страны был ли теплее, чем в настоящее время? Таков великий вопрос, будивший оживленные споры между геологами. Мамонт, покрытый густой, длинной шерстью, мог, конечно, выносить сильные зимние холода; но в пустынных тундрах и на берегах Ледовитого океана, где охотники собирают теперь его бивни, он, очевидно, не мог бы находить листвы деревьев, необходимой для его пропитания. Нужно ли из этого заключить, что полярный край был в ту эпоху покрыт лесами, или что мамонт не жил в тех местах, где находят в наши дни его кости, и что родиной его была умеренная Сибирь, откуда впоследствии течение рек перенесло трупы животного на крайний север?[1] Различные предания и легенды, относящиеся к мамонту и допотопному носорогу (rhinoceros

1 Акад. Ф. Ф. Брандт; акад. Бэр; Миддендорф и др.

tichorinus), распространены по всей Сибири и даже в Китае. По словам одной китайской истории, написанной в царствование Ханг-хи, мамонт («маментова»)—это большая крыса, величиной со слона, живущая и ходящая всегда под землей и тотчас умирающая, как только ей случится придти в соприкосновение с внешним воздухом[1]. Самоеды говорят, что мамонт и теперь еще существует, и что он постоянно бродит по краю берегов, питаясь трупами, выкидываемыми волной[2]. Что касается носорога, то, по их поверьям, это была исполинская птица, и рога, покупаемые искателями слоновой кости, были её когти; легенды рассказывают о страшных битвах, которые предки самоедов давали некогда этому пернатому чудовищу, исследуя под микроскопом остатки растительной пищи, собранные в бороздках коренных зубов сибирского носорога, хранящагося в иркутском музее, натуралисты признали в них волокна пихты, лиственницы, березы, ивы, очень близко похожия или совершенно подобные волокнам деревьев той же породы, которые и теперь еще растут в северных широтах. Это открытие подтверждает давно уже высказанное учеными мнение, что носорог и другие большие толстокожия, находимые в аллювиальных землях сибирского севера, жили в области средней Сибири, к югу от крайней границы полярных стран, где ныне собираются их кости.

Животные, обитавшие одновременно с мамонтом и носорогом на сибирской почве, вероятно, продолжают еще существовать там до настоящей минуты, так как вместе с костями этих допотопных толстокожих находят скелеты лошадей, быков и овец; но постепенная эволюция, совершившаяся в Европе, имела также место и в Сибири, и животные виды изменились там подобным же образом. Сибирская фауна богаче европейской по количеству видов: этот факт объясняется тем, что человек еще не исполнил своего дела истребления в северной Азии. По контрасту, довольно удивительному на первый взгляд, леса, в соседстве которых поселился русский колонист, богаче животными видами, чем местности, еще нетронутые земледельцем; это происходит, без сомнения, оттого, что человеческий труд ввел большее разнообразие в растительный мир и во всю совокупность природы. Обширные пространства тайги почти совершенно пустынны, не населены животными, тогда как в других местах последние скучены в огромном множестве. Само собой разумеется, наиболее богатые животными формами страны Сибири—бассейн Амура и русская Манчжурия, более плодородные, имеющие более влажный и менее холодный климат, чем другие части Азиатской России. Вообще говоря, сибирские животные виды: медведи, олени, косули, зайцы, белки, сурки, кроты, отличаются более крупными размерами,—почти на целую треть,—и весят гораздо более,—часто наполовину,—чем их европейские родичи. Подобно тому явлению, которое представляют большие млекопитающие Старого Света в сравнении с млекопитающими Нового Света, имеющими, вообще говоря, меньшие размеры, виды, населяющие обширный азиатский континент, превосходят ростом и величиной животных относительно, небольшого европейского материка. Какова бы ни была главная причина этого контраста, во всяком случае весьма вероятно, что изобилие пищи на морском прибрежье и на речных берегах Сибири играет немаловажную роль в приобретении большей величины и силы соответственными видами северной Азии. Нужно также принять во внимание то обстоятельство, что европейские виды, преследуемые человеком уже в продолжение целого ряда веков, живут в постоянной тревоге, и что большинство неделимых, убиваемых преждевременно, не достигают своего полного развития. Дикие звери нашей части света, которым почти всем грозит неминуемое истребление, родятся и умирают, так сказать, в полном бегстве[3].

Что касается морских животных, то воды Ледовитого океана, может быть, не менее изобилуют ими, как и воды Тихого океана. Профессор Норденшильд нашел, что полярные моря Сибири очень богаты моллюсками, равно как и другими низшими организмами, и это обилие животной жизни заставляет его думать, что рыбы тоже очень многочисленны в Арк-

1 Klaproth, „Memoires relatifs a l'Asie".
2 Ermann, „Voyage en Siberie".
3 Von Middendorf, „Sibirische Reise".

тическом океане. Рыболовство более, чем мореплавание, будет играть важную роль в грядущей промышленности сибиряков на морях, омывающих их северные берега. Китообразные, рыбы, мягкотелые и другие морские организмы выбрасываются волнами на берега моря, с обеих сторон Берингова полуострова, в столь значительных количествах, что медведи и другие всеядные животные прибрежья очень прихотливы в выборе пищи. Однако, есть также берега в Чукотской земле, где никто не помнит, чтобы волнами выбрасывались на берег трупы китов. Кости этих животных, находимые в большем числе в почве старых берегов, поднятых выше морского уровня, и которые во многих местах покрыты слоем песку и обломками недавнего образования, принадлежат уже довольно отдаленной эпохе истории нашей планеты[1].

Правда, что со времени прибытия русских в край, некоторые животные виды Сибири тоже подвергаются опасности исчезнуть с лица земли, как исчезла уже Стеллерова «морская корова» (rhytina Stelleri), которая миллионами населяла берега Берингова пролива, и порода которой была совершенно истреблена за двадцать семь лет беспощадной охоты, с 1741 до 1768 года. Всего больше опасности в будущем угрожает пушным зверям, преследование которых, как известно, увлекло казаков с Уральских гор к берегам Охотского моря. Многие из этих пород с дорого ценимой шкурой, которые были истинной причиной присоединения северной Азии к громадной Российской империи, стали теперь очень редки, и купцы, промышляющие пушным товаром, не могут достать их иначе, как употребляя туземных звероловов, которые подвергаются всевозможным лишениям и опасностям охоты, продолжающейся непрерывно по нескольку месяцев в лесных трущобах, среди скал и снегов. Сибирские меха отличаются между всеми другими не только превосходством в отношении удерживания теплоты тела, но также своей мягкостью и блеском шерсти: чем более место происхождения пушного зверя имеет характер альпийский или континентальный по своему климату, тем красивее и ценнее его шуба. В соседстве моря у всех пушных животных шерсть уже менее лоснящая, точно так же, как в западной Сибири, где господствуют юго-западные ветры. Шкуры соболя с северного Урала мало ценятся, тогда как шкурки соболей, живущих на верховьях Лены, то-есть 15 градусами южнее, стоят чрезвычайно дорого. Если мы перевалим за Становой хребет и станем спускаться к берегам Тихого океана, то опять заметим, что очень многие из животных видов Сибири принимают зимой белую окраску, так что издали их легко смешать с окружающим снегом: белый медведь, песец или ледяная лисица, полярный заяц, горностай, кулонок, часто даже волк и северный олень, а между птицами: золотой подорожник, сова, белая куропатка, также принимают колорит окружающей среды. Что касается видов, постоянно сохраняющих свой бурый или черный цвет, то это по большей части такия животные, которые не показываются при полном дневном свете[2]. Масть белок представляет различные оттенки, смотря по характеру леса: белка, живущая в сосновых лесах, имеет рыжеватую или красноватую шкурку; белка, водящаяся в тайгах, где растут кедры и ели, отличаете сплошь серым цветом, который бывает тем темнее, чем гуще лесная чаща[3].

И другие породы животных, кроме пушных зверей, тоже уменьшились в числе со времени прихода в край русских звероловов. Северный олень, который прежде жил в горных цепях южной Сибири, и область распространения которого, как замечает Радде, заходит в пределы области верблюда, теперь встречается только в домашнем состоянии у сойотов, на верхнем Енисее; дикое же животное исчезло из всех южных лесов, гонимое рудокопами, и в настоящее время дикого оленя можно найти только в северной Сибири, среди низких лесов и тундр. Каменный или дикий баран тоже перестал водиться в горах и равнинах Сибири, хотя он там был чрезвычайно распространен еще в конце прошлого столетия; лет сорок тому назад оставалось едва несколько видов, а теперь все каменные бараны удалились на юг в Монголию. Большинство диких животных, составляющих предмет охоты, без сомнения, тоже

1 Nordenskjold, „Lettres a M. Daubree“.

2 Миддендорф, цитированное сочинение.

3 Radde; Поляков, „Записки Русск. Географ. Общества”, 1874 г., № 3.

было бы давно истреблено, если бы стада их не пополнялись каждый год; антилопы и дикия лошади, гонимые из степей Гоби холодом и недостатком пищи, спускаются массами, в начале зимы, к равнинам Сибири. Тигры, волки и другие плотоядные хищника тоже эмигрируют, преследуя уходящую дичь: тогда наступает сезон охоты. Избиение продолжается до тех пор, пока весна позволить преследуемым зверям удалиться опять в пустыни Монголии. И животные отлично знают границы двух стран. Замечено, что те же самые птицы безбоязненно подпускают к себе человека, когда они находятся на монгольской территории, и быстро удаляются в бегство при малейшем шорохе, когда пребывают на сибирской почве. Особенно водяные птицы умеют различать политические границы, ибо монгол никогда не позволит себе стрелять по ним на воде, этой по преимуществу священной стихии в его глазах. «Если птичья кровь смешается с чистой водой, она неминуемо принесет смерть всем стадам, которые придут пить эту воду»,—таково общее поверье между этими кочевниками[1].

До сих пор преследования человека, как кажется, нисколько не уменьшили численности некоторых пород общежительных животных, которые населяют несметными колониями различные области южной Сибири. Степи по Иртышу и Енисею, степи Забайкалья и других местностей южной Сибири изрыты норами, простирающимися в виде подземных городов везде, где почва лишена древесной растительности, песчаная и в то же время достаточно крепкой консистенции, чтобы галлереи грызунов не подвергались опасности провалов при малейшей перемене температуры; в этих степях земля населена целыми массами роющих животных; все пространство, от одного горизонта до другого, покрыто правильными горками, похожими на высохшие грязные вулканы, и подпочва принадлежит миллионам зверков, выкапывающим свои подземные ходы в виде бесконечного лабиринта; здесь сурок табарган или байбак (arctomys bobac), в другом месте заяц свистун или пищуха (lagomys agostonas), или какая-нибудь другая порода, ведущая такой же образ жизни, овладели подпочвой. С наступлением вечерней прохлады на каждом бугорке, возвышающемся над подземной норкой, появляется маленький грызун, поднимается на задних лапках и боязливо осматривается кругом; он быстро убегает в свое жилище при малейшем шорохе, при всяком дуновении ветерка, при проходе какого-нибудь зверька, но тотчас же возвращается опять, чтобы внимательно рассмотреть напугавший его предмет. Иной раз ряды табарганов, стоящих у входа в свои подземные палаты, тянутся на необозримое пространство, точно часовые бесчисленной армии. Колонии этих сурков байбаков населяют также голые верхушки некоторых горных хребтов Камчатки, Прибайкальского края, Витима, выше области лесов. При этом естественно возникает вопрос: каким образом этот зверек мог пробраться чрез широкий, почти непроходимый пояс тайги, отделяющий степи от верхних хребтов гор? Нужно допустить, что было время, когда этот лесной пояс еще не существовал.

Вмешательство человека, впрочем, проявилось не только уменьшением численности или истребления диких животных, оно ввело также многия новые породы в крае и видоизменило их посредством приручения и скрещиваний. На севере самоеды, чукчи и камчадалы имеют северного оленя и собаку; лошадь, корова—постоянные товарищи человека во всей населенной области Сибири; як следует за сойотом верхнего Енисея, а в соседстве степей киргизских и монгольских появляется верблюд, представляющий в мире животном другую цивилизацию, отличную от европейской. Новые разновидности домашних животных образовались вследствие смешения пород, и можно сказать, что различные обитатели Сибири, инородцы и русские, придали особенную физиономию, особенные нравы и повадки животным, которых они содержат. Собака самоеда не походит на собаку казака, так же, как и собака казака резко отличается от собаки манчжура.

Все местные предания и многие остатки старины, найденные в древних могилах, свидетельствуют о народах, стоявших на известной степени цивилизации, которые некогда населяли Сибирь: эти народы обозначаются общим названием чуди, к какой бы, впрочем, группе

1 Gustav Rade, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, Bd. XXIII.

или национальности они ни принадлежали, к арийской, тюркской, финской или монгольской. На восточных скатах Уральского хребта, в долинах Алтайских гор, на берегах Енисея, и особенно в Минусинском округе, чудские курганы или могилы чрезвычайно многочисленны; в горнозаводских местностях покинутые древние копи известны у туземных жителей вообще под именем «чудских рудников»; на западных отрогах Алтая каменные межевые столбы, вышиной в рост человека, испещренные какими-то странными надписями, еще необъясненными, составляют для нынешних обитателей страны «границы» древнего народа чуди, и даже можно видеть до сих пор на берегу одного священного озера на Алтае, двух всадников, грубо иссеченных из гранита, которые как-бы надзирают за водами: это чудские «боги». Различные старинные предметы, и в особенности оружие и воинские доспехи из меди, найденные под слоями торфа, в древних приисках и золотопромывальных речных наносах, доказывают, что ремесленники этих древних народов обладали некоторым вкусом и большим искусством в исполнении своих работ. Мало того—остатки каналов в несколько верст длиною, подземные сооружения шлюзов, мельничные жернова свидетельствуют о довольно высокой степени цивилизации. Чудь культивировала также фруктовые деревья, которые после неё исчезли из края, по причине ли суровости холодов, или вследствие небрежности жителей; наконец, превосходная порода свиней, далеко превосходящая качествами ту, которая была привезена из России, до сих пор носит в крае название «чудской», так как народное предание считает ее наследием, оставленным прежними владетелями страны. Полагают, что главное средоточие туземной гражданственности находилось в горных цепях, соседних с Енисеем, потому что в старинных могилах этой области археологи собрали древности, самые богатые и сделанные с наибольшим вкусом; курганы Алтая и берегов Иртыша заключают оружие и домашнюю утварь более грубой работы и менее оригинального рисунка. Впрочем, замечается большое сходство между «чудскими» древностями Алтая и многими «скитскими» остатками старины, найденными на берегах Днепра и Черного моря. Весьма, вероятно, что цивилизованная чудь, которая, по общему мнению, была финского происхождения, была истреблена во время продолжительных войн, предшествовавших великому переселению азиатских варваров. Чудские народы долгое время были передовыми защитниками Запада от варварского нашествия; хотя неизвестные Риму, они, может быть, охраняли его в продолжение многих веков. Монголы, заменившие чудь, все знают, что они чужеземного происхождения; когда у них спросишь, где их первоначальная родина, они показывают пальцем в ту сторону горизонта, где юго-восток[1].

В настоящее время чудь утратила свое имя, но, без всякого сомнения, потомки её и теперь живут смешанные с туземными народцами, которые почти все пребывают в полу-варварском состоянии и которые сами должны неминуемо слиться с русскими, или исчезнуть перед ними. Хотя различные диалекты сибирских инородцев позволяют распределить аборигентов страны на особые племена и роды, однако, не подлежит сомнению, что смешения между отдельными расами были весьма значительны: от Уральского хребта до горных цепей корейской границы замечается постепенный переход между типами жителей; везде отдельные индивидумы могут быть рассматриваемы, как представители монгольских или тюркских народцев, живущих на расстоянии нескольких тысяч верст. Преимущественно у женщин можно наблюдать монгольский тип, характеризованный всего лучше; даже в северо-западной Сибири часто встречаешь молодых девушек, имеющих почти китайский облик, который в общих чертах напоминает кошачью физиономию, с её косо лежащими глазами, с выдающимися скулами, впалыми щеками и заостренным подбородком. Нравы и образ жизни сибирских кочевников благоприятствуют этим смешениям. Вынужденные передвижения целых родов приводят их в соприкосновение с другими племенами, отделяя их от соплеменников. Во время своих долгих странствований, продолжающихся через большую часть континента, туземные торговцы, якуты или буряты, покупают себе жен то в одном племени, то в другом; они даже имеют часто особенную семью в каждом из посещаемых ими краев и со-

1 Albin Kohn, „Sibirien und das Amur-Gebiet“.

глашаются на временную продажу своих супруг. Они уступают также своих детей иноплеменным купцам, и часто бывает, что сироты семейств, погибших от голода, принимаются людьми чужого племени или русскими, поселенцами и торговцами. Хотя славянский тип, особенно у малороссиян и раскольников, совершенно сохранился в некоторых колониях, может быть, даже лучше, чем в метрополии, можно, однако, сказать, в виде общего правила, что племенные смешения все ближе и ближе соединяют все народности, населяющие Сибирь: в то время, как русские эмигранты «объякучиваются», тунгусы мало-по-малу «обрусевают»; смотря по относительной важности приходящих в соприкосновение этнографических элементов, физиономия, нравы и обычаи тех и других видоизменяются таким образом, что приобретают все большее и большее сходство с окружающей средой. Так, финны и турки, живущие в Европе, приняли европейский тип, тогда как в Азии те же самые турки и финны до сих пор сохраняют азиатский тип[1].

Отныне численное превосходство так же, как и превосходство цивилизации, на всем пространстве территории, заключающейся между Уральскими горами и берегами Тихаго океана, принадлежит русским, чистокровным или происходящим от казаков, поженившихся на инородческих женщинах. Славяне в Сибири составляют свыше трех миллионов человек, и с присоединением к этой стране уральских округов, свыше четырех миллионов, между тем как инородцы, более или менее рассеянные, не имеющие между собой какой-либо национальный связи, не могут быть исчисляемы более, как в семьсот с небольшим тысяч душ, если не считать киргизов, степи которых принадлежат к так называемой «центральной Азии». Некоторые из сибирских народцев, кочевья которых обнимают пространство, превосходящее величиной всю Францию, состоят единственно из бродячих семейств, убегающих перед иноплеменными поселенцами. Русские занимают сплоченными массами восточную покатость Уральских гор, бассейны Тобола, Иртыша и верхней Оби; они имеют также большой численный перевес в области верхнего Енисея и Ангары, равно как в Забайкалье, и овладели всеми пригодными для культуры землями по берегам главных рек и их притоков: аванпосты русской колонизации врезываются узкими полосами в инородческую территорию, вдоль Енисея, Лены, Амура, а с 1865 года они подвигаются на завоевание Алтая, богатые долины которого были до того времени исключены из числа мест, дозволенных к свободному заселению.

Предполагаемое народонаселение Сибири и азиатского склона Уральских гор, распределенное по национальностям, выражалось в 1880 году следующими цифрами (по Венюкову, Миддендорфу, Риттиху и др.):

Финны: вогулы—4.500; самоеды—25.000; остяки—25.000; сойоты—8.000.

Монголы: тунгусы—50.000; буряты—250.000; калмыки—20.000; китайцы и манчжуры—10.000; корейцы—3.000; ккагиры—1.600.

Тюрки: якуты—200.000; долганы—500; татары—80.000.

Разных племен: чукчи—12.000; коряки—5.000; камчадалы—3.000; гиляки—5.000; айносы—3.000; цыгане—5.000.

Славяне—4.500.000.

II. Алтай

«Золотые горы»—ибо таков, вероятно, смысл названия Алтай, происходящего от монгольского слова «Алтын», синонима китайского выражения «Джин-Шан»—обнимают совокупность цепей и групп, которые возвышаются на север от ворот Джунгарии и составляют восточное продолжение хребтов Тянь-Шаня и Памира. Гораздо менее обширная и менее высокая, чем могущественная система Небесных гор, система Алтая может быть, однако, сравниваема с европейскими Альпами, не по высоте её вершин, ни по разнообразию её форм,

1 A. Castren, „Reiseberichte und Briefe“.

обилию покрывающих её снегов или богатству её растительности, но по протяжению её хребтов и длине её долин. Правда, собственно так называемый Алтай обнимает, на русской территории, только гористую область, ограниченную с запада долиной Черного Иртыша, а на востоке Суокским перевалом; но этот, часто посещаемый караванами проход через русско-китайскую границу составляет лишь чисто условную пограничную черту, ибо система Алтая продолжается на восток, чтобы образовать цепь Саянских гор, до пролома, сделанного долиной Енисея, и затем далее до горных групп Байкальского края. Со стороны Китая Алтай продолжается в виде небольших отрогов и предгорий, которые почти все еще не исследованы, гораздо южнее истоков Енисея и проникает на большое расстояние вглубь пустынь монгольских плоских возвышенностей. Впрочем, название Алтай употребляется в Сибири в самом обширном смысле, и часто его применяют не только к холмам, но, кроме того, и к равнинам основания, ко всей области, которая в административном отношении зависит от Барнаула, Бийска и Кузнецка.

Когда приближаешься к Алтаю, направляясь от Уральских гор по большой дороге южной Сибири, перед собой видишь только неправильные холмы, более голые, более дикие и печальные видом, чем степь. Леса, рассеянные по равнине, маленькия озера, отражающие в гладкой поверхности своих вод верхушки сосен, остались позади, и взор не встречает ничего, кроме обнаженных, сероватых пространств: на юге и на востоке горизонт ограничен профилем низких гор, без определенного характера, скрывающих более возвышенные вершины китайской границы. Некоторые макушки, покрытые зеленью, составляют приятный контраст с общей наготой гор, но ансамбль пейзажа, в западной области Алтая, почти везде один из самых неприветливых. Юго-западные ветры, которые приносят дождь в Европу и даже на скаты Уральского хребта и на склоны Небесных гор, обращенные к западу, становятся уже совершенно сухими, утратившими всю влажность, когда достигают Алтая: они не только не дают дождей этим горам, возвышающимся поперек их дороги, но даже быстро иссушают листву тощих деревец, покрывающих скаты, и позволяют существовать только скудной травяной растительности степей[1]. Гораздо более благодетельны северо-восточные ветры, которые, хотя приносят на Алтай полярную стужу, но зато наделяют его также дождями и одевают горы прекрасными пастбищами. В долине Ургудей, на севере Саянского хребта, не проходит дня без того, чтобы облака не собирались два или три раза на склонах и не покрывали их снегом, или не наводняли дождями, смотря по времени года[2].

В этих областях с сырым климатом струящиеся воды и леса придают горам вид совершенно отличный от того, какой имеет западный Алтай, составляющий простое предгорье монгольской степи: повсюду, где форма скал, крутизны гор, профили вершин принимают уже более или менее грандиозный характер, пейзаж Алтая, украшаемый водами и зеленью, напоминает ландшафт Альп центральной Европы. Узкая и глубокая долина верхней Чуи (или Чу), ведущая к Суокскому перевалу, главной тропе торговых караванов между Бийском и Монголией, есть нечто в роде знаменитого швейцарского оврага «Via mala», по контрасту деревьев с мрачным ущельем, на дне которого ревет вода потока[3]; но в самом сердце горной цепи верхний цирк, где соединяются ручьи, образующие вместе реку Чую, представляет настоящую степь, где дожди выпадают редко, где небольшое количество снега, приносимое облаками зимой, тотчас же разметается ветром[4]. Впрочем, даже в западном Алтае многие долины имеют всю прелесть своей первобытной красы. Во многих группах Алтайской цепи альпийская область имеет свою определенную границу, точно очерченную хребтом, который служит раздельной возвышенностью между Россией и Китаем. По обе стороны этого пограничного хребта разница во всем полная: на севере скаты гор покрыты хвой-

1 Веселовский, „О климате России“; Тепляков, „Klima und Vegetation im Altai“; Bernhard von Cotta, „Altai“.

2 Венюков, „Русско-азиатские пограничные страны“.

3 Потанин, „Древняя и Новая Россия“, 1879 г., № 6.

4 Радлов, „Briefe aus dem Altai“, Ermanŝ, „Archiv fur wissenschaftliche Kunde von Russland“, vol. XXI.

ными лесами, тогда как на юге тянутся на необозримое пространство каменистые пустыни. Воды бегут с обеих сторон в противоположных направлениях, и населения принадлежат к различным группам: со стороны Китая живут монголы, со стороны русской территории— теленгуты или калмыки[1].

Система Алтайских гор состоит из большого числа цепей, которые могут быть рассматриваемы в общих чертах, как расположенные по направлению от запада-северо-запада к востоку-юго-востоку, параллельно Тарбагатаю, некоторым второстепенным цепям Небесных гор и многим другим горным системам Азии, между прочим, и Гималайскому хребту. Эти цепи, по-местному «Белки» (название, означающее то же самое, что и «Альпы», т.е. «белыя»), соединены неправильными поперечными кряжами и нагорьями, совокупность которых дает линии водораздела между бассейном Оби и скатом возвышенности Гоби извилистое направление, идущее от юго-запада к северо-востоку: в толще системы открываются очень большие продольные долины, каковы, например, долины Бухтармы. Алтай не составляет совершенного водораздельного хребта, доказательством чего служит тот факт, что на западе один из притоков Иртыша, Улюнгур, сообщающийся с главной рекой посредством течения, частию подземного, берет начало на самом Гоби и затем обходит все западные горные массы. Средняя высота всей, рассматриваемой в совокупности, Алтайской системы, принимая в рассчет также промежуточные долины и южные плоскогорья, на которые опираются горы, исчисляется только в 4.000 или 5.000 футов, но главные хребты имеют от 6.000 до 8.856 фут. Центральный узел системы, с гидрографической точки зрения, горная масса, откуда вытекают на север многие притоки Катуни, на запад Бухтарма, на юг Ойгур, монгольский данник реки Икеэрал, перерезан проломом, который имеет не менее 9.250 фут. высоты, по Мирошниченко: это Улан-Дабас, или «Красный камень», получивший это название от входящих в состав его рыжеватых слоев железной руды. На северо-западе от этого страшного горного прохода поднимается самая высокая вершина Алтая, гора Белуха, две остроконечные макушки которой, почти равной величины, имеют около 11.000 фут. высоты. Горная масса, над которой господствует Белуха, и где возвышаются также крутые стены утесов, называемые «Катунскими колоннами», совершенно ограничена от остального Алтая с юга, с запада и с севера рекой Катунь или Катунья, которая может быть рассматриваема как истинная верхняя Обь, и к которой направляются многочисленные реки: одна из них, носящая тюркское название Кок-су, течет от запада к востоку в узкой расселине плоскогорья Коргон, поднимающагося почти на 6.560 фут. над уровнем моря. Горная масса Белухи или Катунских белок всего более имеет прав на титул «Большого Алтая», присвоиваемый обыкновенно области, еще мало известной, монгольского Алтая. Именно та цепь, которую большинство географов называют «Большим Алтаем», обозначается у Венюкова под именем «Малого Алтая» (эктаг-Алтай): это краевая западная цепь плоскогорья Кобдо, крутые скаты которого спускаются на юго-западе к долине Улюнгура и Черного Иртыша. Многие из вершин этой цепи поднимаются выше границы вечных снегов.

К востоку от различных групп русского Алтая, обозначаемых обыкновенно по имени рек, текущих у их основания или по имена ближайших поселений, цепь Танну-ола продолжает хребет в Монголию, между горными потоками верхнего Енисея и водами, спускающимися к озеру Убса-нор, тогда как далее на севере система Саянских гор развертывает амфитеатр своих лесистых вершин и оканчивается выше Енисея горной массой Шабин-дабаг. Менее высокие, небольшие цепи группы Кузнецких гор (Ала-тау), образующие водораздел между бассейнами Оби и Енисея, поднимаются еще своими верхушками, тоже покрытыми лесом, до высоты 4.000 или 5.000 футов над уровнем моря. Многочисленные маленькия озера рассеяны в возвышенных продольных долинах, соседних с горным узлом, где соединяются Алтай и Саян; но самый обширный и самый живописный озерный бассейн Алтайских гор находится уже в недалеком расстоянии от степей, хотя крутые высоты окружают его со всех сторон, и хотя он имеет совершенно альпийский вид: это озеро Телецкое, куда изливается

1 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1813.

р. Чулышман, и откуда выходить р. Бия, восточный приток Оби. По красоте своих берегов, Телецкое озеро напоминает швейцарский Леман и, подобно последнему, состоит из двух озер, принадлежащих каждое к отдельной системе изломов земной коры; но эти два озера не соединяются слегка изогнутыми кривыми, как бассейны Женевского озера. Пучины его, которые покрываются слоем льда только в чрезвычайно холодные годы, немного менее глубоки, чем пропасти Лемана. По Семенову[1], Телецкое озеро лежит на высоте 1.580 фут.: водная площадь его равна 250 квадр. верстам, а глубина достигает 800 фут. (930 фут. по Гельмерсену). Алтын-тау или «Золотая гора», снежная верхушка которой господствует над южной оконечностью Телецкого озера, и которая продолжается вдоль западного его берега рядом утесов Кара-корум (это название означает «Черные крутизны»), почитается у калмыков, как священная гора: они называют ее «отцом гор и озера» и говорят, что она всегда наказывала смертью дерзновенных, которые покушались осквернить святыню восхождением на вершину Алтына[2].

Белуха, как показывает самое имя её, покрыта никогда нетающпм снегом, и на ней существует даже ледник, длиною около двух с половиной верст; ледник этот, спускающийся в цирк, окруженный Катунскими белками, доставляет первые воды реки Катунь, текущей через древние морены, которые свидетельствуют о значительном отступлении льдов[3]. Несколько фирновых масс небольших размеров спускаются с соседних гор, попадаются сильно измельчавшие остатки глетчеров, которые некогда покрывали всю эту цепь гор, хотя известный геолог Бернгард Котта, основываясь на некоторых, чисто отрицательных признаках, считал себя в праве оспаривать существование ледяной эпохи на Алтае. Что касается границы постоянных снегов на склонах Золотых гор, то еще недавно положение её определяли на средней высоте от 7.400 до 7.550 футов; но г. Мирошниченко констатировал, что на двух скатах, и между прочим на южной стороне, выставленной не только непосредственному действию солнечных лучей, но также влиянию отраженной теплоты полуденного нагорья, линия полного таяния снегов переходит за 8.530 футов; хотя таким образом поднятая почти на 1.200 футов выше, граница вечного снега все-таки лежит ниже, чем соответственная линия на Альпах и Пиренеях.

Почти на всем своем протяжении Алтай состоит из горных масс и цепей, образующих плоскогорья с длинными хребтами и придавленными вершинами; ниже пояса постоянных снегов, высоты частию покрыты болотистыми пространствами, напоминающими, но в гораздо более значительных размерах, нагорные болота (hautes fanges) Арденнов, и усеянные глыбами гранита, отчего и происходит данное им название «каменных болот». Глубокия долины, с очень крутыми стенами, разделяют эти плоские, как-бы усеченные верхушки[4]; долины эти, как кажется, по большей части были вырыты действием размыва в слоистых породах, залегающих между более твердыми и лучше сопротивляющимися разрушению гранитными массами, которые образуют главные группы Алтайских гор[5]. Даже отроги Салаира и Кузнецкого Ала-тау, которые выдвигаются в виде мысов или предгорий в северные степи, состоят отчасти из гранита; порфиры, серпентины прорезывают там и сям кристаллические породы и сланцы Алтая, но нигде незаметно в этих горах следов какого бы то ни было вулканического действия. Алтай, очевидно, очень древняя система гор: на нем не найдешь ни одного слоя осадочных формаций диасовой, триасовой, юрской или меловой, ни одного третичного пласта. Со времени образования палеозойских (древнейших) каменных пород, Алтай всегда возвышался своими вершинами над расстилавшимися внизу морями или степями: залежи земляного угля, открытые в Кузнецких горах, на берегах реки Томи, и металлоносные жилы, которые дали Алтайской области столь важное экономическое значение, ве-

1 „Географ. Словарь Российской Империи"
2 Радлов; Гельмерсен; Семенов.
3 Gebler, „Uebersicht der Katunischen Gebirge".
4 Чихачев, „Путешествие на Алтай".
5 Bernhard von Cotta, цитированное сочинение.

дут свое начало, без сомнения, от тех отдаленных эпох геологической истории земли.

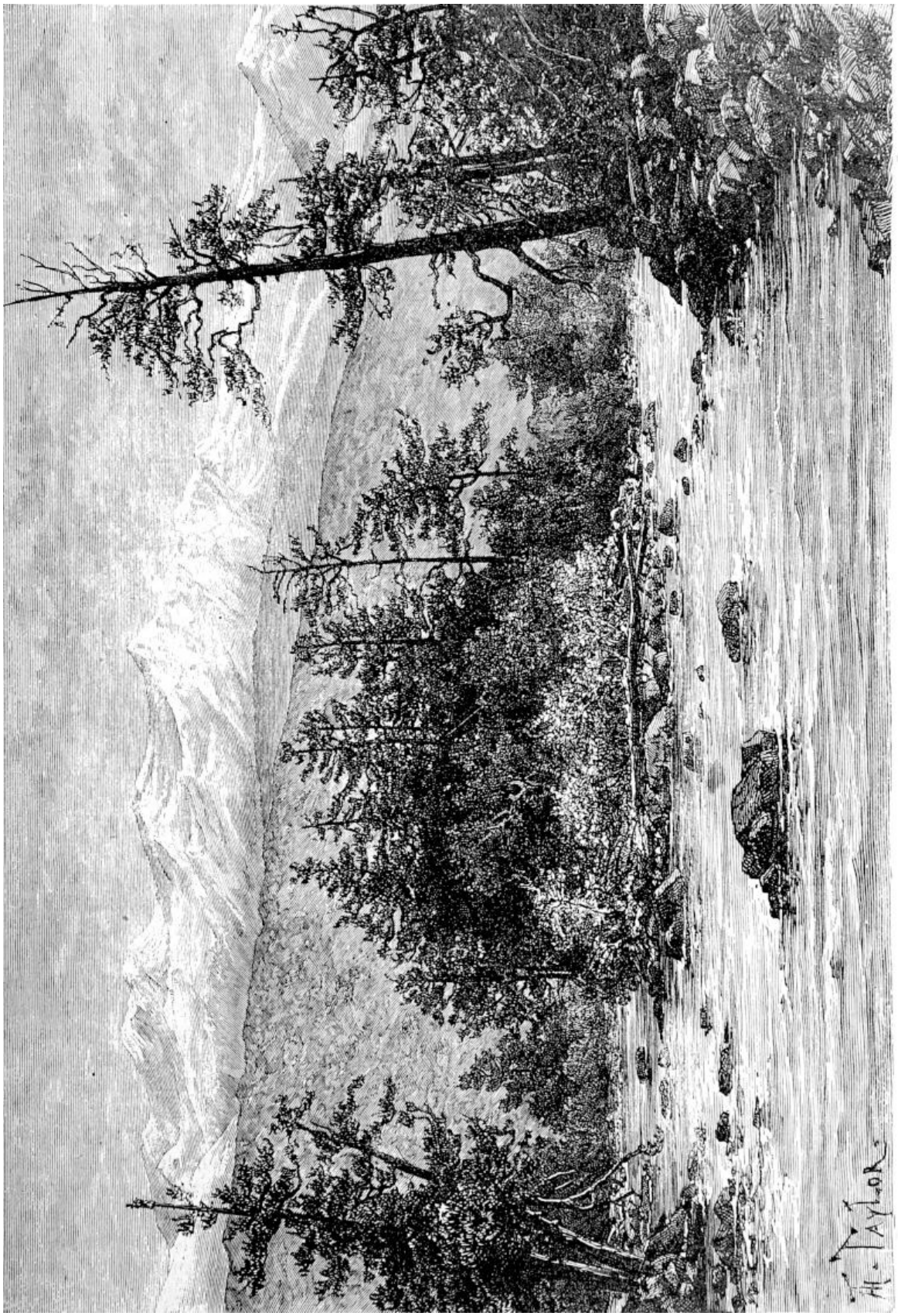
Растительное царство Алтая, в сравнении с флорой окружающих степей, отличается необыкновенным богатством; однако она уступает флоре центральной Европы по числу видов. Ледебур, собравший на Алтае около 1.600 явнобрачных растений[1], исчисляет в четыре седьмых общего количества туземных видов Германии число видов, составляющих дикую флору Алтая, который лежит под той же самой широтой, как Богемские горы, и так же, как они, подвержен попеременному действию юго-западных и северо-восточных ветров. Все семейства растений, исключая тех, которые произрастают по берегам соляных озер, представлены на Алтае меньшим числом видов, чем в центральной Европе: клена там совсем нет; липа встречается лишь отдельными кучками, очень отдаленными одна от другой[2], также и ольха—очень редкое дерево в этих сибирских лесах; но Алтай обладает некоторыми, свойственными исключительно сибирской флоре, древесными породами, какова татарская жимолость (lonicera tatarica) и гороховник (caragana arborescens), которого жесткия ветви и белесоватая листва, подрезанная, как у акации, виднеются на большей части пустынных, бесплодных скатов, в перемежку с дикими розами и таволгами, растущими среди мелкого кустарника[3].

Флора степей, которая продолжается по передовым скатам гор, и ограничивает по окраинам гористой области собственно так называемую «алтайскую» флору, поднимается не выше, как на 1.000 футов. Она довольно бедна, особенно в местностях, где почва насыщена солью, и общий колорит степного ландшафта серый или желтоватый, переходящий там и сям в бледно-зеленый оттенок. Зеленеющие луга занимают только хорошо орошаемые лощины, и говорят, что для жителя голых, однообразных степей, с их тусклым колоритом, с их неподвижными контурами, эти густые высокие травы, волнуемые ветром, как поверхность вод, в первое время представляют не очень приятное зрелище: движение злаков, которые беспрестанно наклоняются и снова выпрямляются, видоизменяя свою окраску, производит у непривычного степняка нечто в роде «морской болезни». По берегам рек степная флора прерывается древесной растительностью: сосны и ели появляются в некоторых местах, но они быстро исчезают, благодаря частым лесным пожарам, которым подвергает их соседство человека, и заменяются березами и другими породами дерев, отличающимися быстрым ростом. Между тополями и ивами, которые растут в наибольшем числе по близости рек, спускающихся с Алтайских гор, некоторые породы, как кажется, должны быть признаны уроженцами верхнего бассейна Оби.

Черная береза и кизильник или ирга поднимаются на верхних склонах гор до высоты 6.700 фут., тогда как лесной пояс в собственном смысле находится на Алтае в пределах пояса, заключающагося между 4.260 и 6.500 футов высоты[4]; но во всей обитаемой области Алтайских гор этот пояс был значительно съужен топором дровосеков; путешественники рассказывают, что им случалось там проезжать обширные пространства, в несколько сот квадратн. верст, не встречая на пути ни одного высокоствольного дерева. Вдали от горнозаводского округа, в долинах, не подверженных иссушающему дуновению юго-западных ветров, можно еще увидеть нетронутую тайгу, состоящую из сосен, а выше по скатам, из елей и пихт, более роскошную, чем европейские леса, по причине богатства и разнообразия растений подлесья: эти древесные породы, средним числом, в два раза превосходят величиной деревья лесов атлантического побережья, и цветы их поражают взор своим чудным блеском, яркостью красок: аконитy, шпорники (или кавалерийские шпоры) кажутся путешественнику, приехавшему с запада, новыми видами; так пышно раскинулись их цветки, густого синего цвета, на большой высоте, над кустарником. Альпийские растения, пояс которых простирается над поясом лесов до линии постоянного снега, также отличаются очень яркими

1 „Reise durch das Altai-Gebirge“.
2 Завалишин, „Описание Западной Сибири“.
3 Тепляков, цитированное сочинение.
4 Ледебур, цитированное сочинение.

цветами и распространяют в воздухе сильный запах. Эти растения вначале разсеяны между деревьями, которые постепенно мельчают, становятся все ниже, приземистее по мере того, как поднимаются вверх по склонам; затем, по прекращении древесной растительности, они



Чиндугутуй—Притокъ Иртыша въ Семипалатинской области.

покрывают все верхушки гор, в перемежку с лишаями и мхами, которые еще выше и сами исчезают под снежной пеленой. В одной калмыцкой песне воспеваются эти прекрасные горные пастбища «старого деда Алтая, нарядившагося в одеяние из лучших трав».

Животное царство Алтайских гор, так же, как и растительное, относительно очень богато: как поют калмыки, «белый Алтай, с четырьмя, с шестью долинами, дает приют шестидесяти птицам и бесчисленному множеству оленей»[1]. Ледебур, который мог исследовать только одну часть алтайской области, и который, без сомнения, оставил после себя не мало материала для последующих исследователей, собрал во время своего пребывания на Золотых горах, 21 вид млекопитающих, 64 вида птиц, 28 видов земноводных; из класса же рыб всего только семь форм. Уже на границе Китая алтайская фауна заключает нескольких животных, принадлежащих к фауне центральной Азии, но в целом животные те же самые, каких мы находим в области Небесных гор и в Сибири. Тигры, набитые чучела которых выставлены в барнаульском музее, были, без сомнения, гости, пришедшие, ради охоты, на чужую территорию; нет, кажется, основания полагать, что этот вид был уроженцем страны. Некоторые животные, некогда довольно распространенные в крае, теперь исчезли, или по крайней мере стали очень редки: таковы, например, речные бобры, ныне несуществующие на Алтае, разве только, может быть, еще на берегах Черного Иртыша. Лет сто тому назад, во времена Палласа, лоси водились здесь в таком множестве, что ясак часто уплачивался шкурами этого животного, которые ценились немногим дороже полтинника за шкуру[2]. Но если некоторые виды исчезли, истребленные охотниками, то другие породы были введены земледельцами русскими или татарскими. Тогда как непредусмотрительные жители Небесных гор и других областей центральной Азии убивают марали, для того только, чтобы отпилить у него рога и извлечь из них драгоценное студенистое вещество, так дорого ценимое китайцами, умные русские крестьяне Бухтарминской долины, из опасения уничтожить породу, если бы продолжалась такая беспощадная охота, ловят этих животных живыми и успевают приручить их. Таким образом отныне марали может быть прибавлен к тем сорока с чем-то домашним животным, которыя перечислены у Жофруа-Сент-Илера. В 1879 году Потанин исчислял приблизительно в двести голов число прирученных марали, и теперь увеличение стад этого животного происходит уже путем естественнаго приращения семейств. Крестьяне разведение марали даже предпочитают разведению лошади. Это жвачное животное послушнее, меньше ест сена, лишь бы только ему прибавляли соли в корм; при том рога самца, которые обыкновенно отпиливаются весной, приносят средним числом около 70 или 75 рублей в год, то-есть гораздо больше того, сколько представляет годовая ценность работы лошади: вдобавок, мясо и кожа марали также имеют большую экономическую цену. Туземные обитатели Саянских и Алтайских гор также держат в своих стадах домашних яков. Что касается баранов с жирными хвостами и бурдюками (ovis steatopyga), разводимых миллионами в Татарии, на южном склоне Кавказских гор и даже в Малой Азии, то они тоже произошли, как полагают, от восточно-алтайских горных овец или аргали (ovis argali), которые могут достигать роста небольших коров, и которые вооружены или, лучше сказать, обременены несоразмерно тяжелыми рогами[3].

По свидетельству Ледебура[4], пчелы были введены на Алтае русскими поселенцами в конце восемнадцатого столетия, после многих бесплодных попыток; однако, весьма вероятно, что эти насекомые находились и ранее в крае, именно в окрестностях Телецкого озера, так как они известны там под туземным названием, и их встречают в диком состоянии. Как бы то ни было, пчеловодство сделалось одним из главных промыслов алтайской страны, и крестьяне держат по тысяче и по две тысячи ульев вокруг своих жилищ; в некоторых деревнях ежегодный сбор меда доходит слишком до 3.000 пудов; вывоз из долины реки Бухтармы ежегодно простирается до 12.220 пудов меду и до 20.160 пудов воску[5]. Этот мед, чрезвычайно ароматичный, составляет одно из самых обыкновенных лакомств на Алтае, где его едят,

1 Радлов; „Volksliteratur der Turkischen Stamme Sud-Sibiriens“.
2 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.
3 Bernhard von Cotta, „Altai”.
4 „Reise durch das Altai-Gebirge“.
5 Семенов; Потанин, „Дополнение к Землеведению Азии Карла Риттера“.

как и везде в России, с засахаренными фруктами и со свежими огурцами[1]. Алтайский медведь, как и его родичи в других странах, не менее человека любит полакомиться медком, и опытные охотники всегда подкарауливают его около пчельников. Крестьяне, которые стараются только отогнать его от своих садов, умеют придавать своим пугалам, одетым в лохмотья, достаточно сходства с человеком, чтобы обмануть доверчивого простака Михайлу Иваныча, известного на Алтае более под кличкой «Мартына».

Доисторическое население Алтая оставило нам кое-какие следы своей цивилизации. Рудные месторождения этой страны уже со времен глубокой древности были разрабатываемы одним из тех таинственных народов, которые обозначаются общим именем «чуди»; до сих пор видны там и сям в горах и на соседней равнине относящиеся к той отдаленной эпохе многочисленные могилы, окруженные камнями и по большей части заросшие частым кустарником смородинника (ribes phylostybum), может быть, насажденного рукой человека, так как это растение редко встречается вдали от могильных курганов[2]. Когда русские снова открыли богатые месторождения металлов на Алтае, они везде нашли там старинные рудничные раскопки, заключавшие разные орудия из камня и меди. Паллас рассказывает, что из одной обвалившейся подземной галлереи вытащили даже полуогрызанный скелет одного из этих до-исторических рудокопов, подле которого лежал еще кожанный мешок, наполненный богатой минеральной землей. Во многих местах почва, изрытая во всех направлениях древней чудью, провалилась, образовав огромные воронкообразные углубления, отчасти наполненные водой. Вне горнозаводской области, в земледельческих округах, тоже находили, под верхним слоем чернозема, скелеты людей и лошадей, вместе с различными предметами из золота, серебра, меди и железа, отличающимися довольно искусной и отчетливой работой[3]. Вероятно, впрочем, древние рудокопы Алтая и Енисея, точно так же, как и их уральские собраты, были, по крайней мере, в значительной части, предками исчезнувших инородцев, которые обитали в долинах Алтая в эпоху прибытия русских, и которые принадлежат к урало-алтайскому корню. Под влиянием той обшей иллюзии, которая заставляет ученых обращать взоры к высоким горам, чтобы искать там колыбель народов, именами Урала и Алтая, как некогда именем Кавказа, пользовались для обозначения различных народностей северной Азии: татарских, финских и даже монгольских[4].

Монголы, разделенные, на многие племена и поколения, населяют всю южную покатость Алтая и соседния нагорья, но они также перешли за границу этой области и живут среди русских и татар в северных долинах. Однако, главные представители монгольской расы на Северном Алтае это—калмыки, число которых определяют различно, от 12.000 до 20.000 душ. Эти туземцы, которые сами себя называют теленгитами или теленгугами, и из которых многие даже не знают имени «калмыки», считаются, «самыми честными из обитателей Азии». Жители долины реки Чулышман, телецы, по имени которых и названо Телецкое озеро, составляют одну «братскую семью». Так называемая «цивилизация», конечно, сотрет их с лица земли, как отдельную нацию; но, тем не менее, они гораздо почтеннее и симпатичнее своих цивилизаторов своей простотой, своим прямодушием, своей приветливостью и радушием[5]. Еще не так давно эти мирные люди были в одно и то же время подданными Китая и России; для них как-будто не существовало политической границы, и они должны были платить подати зараз двум господам, пекинскому и петербургскому; только с 1869 года калмыки северного склона Алтайских гор перестали платить дань китайским губернаторам провинции Кобдо и Улясутая[6]. Еще в конце прошлого столетия теленгуты занимали гораздо бо-

1 Розе; Финш и др.
2 Ледебур, цитиров. сочинение.
3 Паллас; Ледебур; Рупрехт, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome IX, 1869 г.
4 A. Castren, „Die Volker des Altai".
5 Радлов, „Reise durch den Altai"; Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London" 1873 г.
6 Венюков, „Русско-азиатские пограничные страны".

лее значительную территорию, и граница их кочевьев переходила даже за Иртыш; в настоящее же время они живут только на восточном Алтае, в долинах и на плоскогорьях округов бийского и кузнецкого. Хотя калмыки принадлежат к монгольскому племени, они не говорят более языком своей расы; впрочем, их тюркское наречие очень богато монгольскими выражениями, тогда как они совсем не употребляют арабских и персидских слов, как тюрки, подпавшие влиянию ислама.

Чистые шаманисты, алтайские калмыки совершают еще свободно свои религиозные церемонии, а в торжественных случаях даже приносят жертвы, состоящие из живых животных. Их идолы, или вернее сказать, символические изображения состоят из чурбанов или кусков древесной коры, представляющих людей, с протянутыми руками, и несколько напоминают католические фигуры ex-voto (приношения по обету), которыми испрещрены стены церквей в Провансе, в Италии, в Испании, где толпятся богомольцы. Эти образы, разных цветов, форм и поз, олицетворяют добрых гениев и злых духов, обитающим между небом и землей, в горах, на дне рек и озер. Шкурки зайца, животного, на которое православные русские люди смотрят как на поганое, у калмыков, напротив, почитаются святыней и натягиваются на деревянные кресты, которые служат священными символами. Наконец, разноцветные ленты, повешенные на ветках деревьев, или развевающиеся на воткнутых в землю жердях, представляют собою души предков, и каждый калмык зовет ленту по имени одного из своих дедов или прадедов; он понимает речь, которую нашептывает ему лента, колыхаемая ветром; он слушает советы и наставления своего предка и почтительно беседует с ним, но он никогда не откроет чужому то, что ему сказал загробный голос. Когда он поет на ходьбе, то слова, которые он повторяет тихим и жалобным голосом, часто те самые, которые он слышал от мертвых.

Хотя калмыки последователи шаманства, тем не менее тысячи их причисляются оффициально к исповедующим Христову веру. Рассказывают, что будто палочные удары и побои, наносимые этими инородцами своим женам, составляют одну из главных причин тех обращений в христианство, которые, по оффициальным отчетам, совершаются между пограничными населениями. Часто случается, что побитая жена убегает к миссионеру и просит окрестить ее, надеясь этим средством избавиться от своего драчливого мужа; но последний вскоре сам является туда же, в свою очередь тоже принимает св. крещение, дабы получить право вновь вступить во владение своей супружницей: таким образом, две души завоеваны «истинной вере»[1]. Точно также, большая часть татар, живущих в русских долинах, окрещены и считаются оффициально христианами; но они также остались верными шаманству. Большинство из них даже забыли свои полученные при крещении христианские имена и знают друг друга только под татарскими прозвищами, заимствованными почти исключительно из естественной истории, каковы: Собака, Волк, Ворон, Ястреб. Но образ жизни, нравы и обычаи, положение туземцев различаются, смотря по месту, где они находятся. Чтобы видеть этих инородцев такими, каковы они есть в действительности, надо посетить их в их родимых лесах, а не в миссии, в Улале, селении, лежащем в верхней долине реки Катунь, верстах в ста выше города Бийска. Улала, центр православной миссии в Алтайском крае, обладает любопытной коллекцией всех документов и сочинений религиозного содержания, изданных на алтайском татарском наречии, а также коллекцией народных песен, собранных в этой стране Радловым и Чивалковым. Радлов встретил только двух теленгутов, умеющих писать не по-тюрски, но на калмыцком языке своих более цивилизованных предков[2].

Вообще говоря, татары, из всех не славянских народностей, представляют самую живую расу, которая всего лучше сохраняет свою самобытность против русских и которая с наибольшим успехом оказывает сопротивление тем разрушительным влияниям, какие приносит им гражданственность, смешанная из столь разнородных элементов. Однако из многих татарских племен осталось одно имя. Киргизы, живущие в верхней долине Катуни, совершен-

1 Поляков, „Древняя и Новая Россия", 1879 г., № 6.

2 Семенов и Потанин, „Дополнение к Землеведению Карла Риттера".

но отделенные от своих соплеменников казаков, населяющих степи на запад от реки Иртыша, сделались уже русскими по оседлому образу жизни и земледельческим нравам, но они говорят только турецким языком и монгольским наречием своих соседей калмыков[1]. Телеуты, обитающие в долине реки Бии, тоже мало-по-малу становятся русскими по нравам и обычаям, так же, как куманды и различные группы «черных» татар, названных так потому, что они живут в темном лесе. Гельмерсен и Радлов полагают, что телеуты финского племени, хотя они говорят тюркским диалектом, близко подходящим к наречию теленгутов. Что касается гассаков, пограничных инородцев, наводящих страх своим разбойничеством на монголов и калмыков, то они принадлежат к различным национальностям, и название их употребляется в общем смысле для обозначения всех бродячих мусульманских племен, пришедших с запада: смотря по надобности и удобствам грабежа, гассаки сказываются то русскими, то китайскими подданными[2].

Более девяти десятых населения Алтайского края состоит из русских, потомков купцов, чиновников, казаков, рудокопов, солдат, ссыльных. До 1865 года колонизация Золотых гор была воспрещена русским крестьянам, так как все земли этой области составляют особый удел, принадлежащий Императорскому Кабинету и предназначенный для разработки рудников. Однако, почва в алтайских долинах так плодородна и необходимость увеличения запашек так настоятельна, что тысячи переселенцев отваживались водворяться на этих землях, вход на которые им был запрещен. Крестьяне, пришедшие из России, преимущественно из губерний Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Уфимской, выстраивали себе избенки в какой-нибудь очень скромной долине, в каком-нибудь захолустье Алтая, где часто многие из них оставались по целым годам неизвестными начальству, продолжая уплачивать подати в местах своего рождения: благодаря кое-каким тайным контрибуциям и подаркам, полиция снисходительно игнорировала их пребывание в Сибири: потом, когда прошло порядочно времени, когда они обжились в крае, самая продолжительность их пребывания давала уже им достаточные права на владение землей. Особенно раскольники выказали большую ловкость в овладении заповедными землями; в настоящее время они имеют довольно большое число многолюдных селений, окруженных цветущими нивами, и составляют около пятнадцатой части всего населения Алтая. Они начинают обыкновенно тем, что, никого не спрашивая, селятся на месте, которое им всего больше полюбится; когда чиновник объявляет им приказ удалиться, они упрашивают его повременить до тех пор, пока получится ответ на прошение, посланное ими в Петербург на Высочайшее имя. В следующем году ожидаемый ответ оказывается все еще неполученным, а между тем домики выстроены, травы скошены, хлеб сжат и свезен на гумно. Благодаря своей изворотливости и настойчивости, они в конце концов успевают получить легальным порядком права, присвоенные сначала самовольно, и мало-по-малу превращаются в «старых сибиряков»[3]. В настоящее время колонизация в Алтайском крае идет очень быстро; тысячи переселенцев основали новые общины в Бийском округе и даже на землях калмыков. Вообще дома раскольников, поселившихся на Алтае, свидетельствуют о гораздо большем материальном довольстве и более развитом вкусе их владельцев, чем крестьянские избы в России: они больше походят на городские дома, чем на деревенские избы в метрополии; у большинства раскольников вы увидите в горницах чистенькую, красивую мебель, шелковые занавески на окнах, драпировки, даже произведения искусства. Некоторые из самых зажиточных и содержимых в наилучшем порядке раскольничьих деревень принадлежат потомкам беглых, которых народная молва называла скрывшимися преступниками, но которые, по всей вероятности, были, по крайней мере большей частию, раскольники-безпоповцы, ибо их потомки все принадлежат к этой секте староверов, не приемлющей священства. Они убегали при появлении рудокопов и жили прежде настоящими дикарями в самых отдаленных, глухих долинах; многие из их колоний даже проникли

1 Чихачев; Радлов.
2 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873.
3 Розе;—Ледебур;—Финш.

в степи Монголии, где, как полагают, они и поныне еще существуют. Эти маленькия славянские республики известны были под именем «каменщиков». Помилованные в 1791 г., каменщики, поселившиеся в долине реки Бухтармы, где они живут в наибольшем числе, должны были покориться власти русского правительства; они выстроили себе, по правильному плану, деревни, где и дают пример честной, трезвой и трудолюбивой жизни, но еще в 1862 году человек пятьдесят из этих каменщиков покинули край и отправились розыскивать таинственную «Белую воду», которая, может быть, есть нечто иное, как озеро Лоб-Нор, и на берегу которой будто-бы находится «колония счастливых русских, незнающих над собой никакой власти, неплатящих податей и неопасающихся посещения попов»[1]. Г. Пржевальский во время своих путешествий тоже слышал рассказы о существовании этой вольной общины.

Известно, что в прежнее время Алтайский край имел важное значение для России единственно своими богатыми рудниками, которые все без исключения были открыты на месте старинных копей, приписываемых народу чудь[2]. С начала восемнадцатого столетия русские принялись за промывание песка из ручьев в «Золотых горах». В 1723 году Акинфий Демидов присоединил к своим западным, то-есть уральским горным промыслам, металлоносную территорию Алтая, и два года спустя он основал первый в стране плавильный завод. В 1836 году открыли в Змеиногорске богатейшие месторождения сереброносной свинцовой руды, которые доставили славу горнозаводской области Алтая и которые были самые производительные рудники в свете в течение второй половины восемнадцатого столетия; в период с 1745 по 1860 год на Алтайских рудниках было добыто в общей сложности: серебра около 136.400 пудов, ценностью на 62.500.000 метал. руб.; золота около 900 пудов, ценностью на 12.500.000 метал, рубл. В 1747 году громадная территория сибирских гор между Иртышем и Енисеем, исчисляемая в 387.000 квадр. верст, увеличила собою удельные имения, и доходы от всех Алтайских рудников стали поступать в кассу Императорского кабинета. Немецкие рудокопы, приглашенные на Алтай русским правительством с половины восемнадцатого столетия, были учителями удельных крестьян в деле обработки руд и устройства шахт. Эти переселенцы с течением времени совершенно слились с славянским населением: только иногда встретишь, между нынешними жителями, лица, напоминающие тип рудокопов с саксонских Рудных гор; различные немецкия технические выражения до сих пор сохранились в языке местного горнозаводского населения.

На китайском склоне Золотые горы не разработываются; не существует также рудников и в восточной области Алтая: это, без сомнения, происходит не только оттого, что эта часть горной цепи вообще менее известна и менее населена, но также и оттого, что кристаллические каменные породы там менее многочисленны. В самом деле, большая часть рудных месторождений Алтая, на западе и на севере этой системы, находятся в палеозойских формациях, залегающих в соседстве с гранитами, порфирами, диоритами, серпентинами. Металлоносные жилы Алтая делятся главным образом на две категории рудников,—серебряные и медные; они содержат также золото, свинец, цинк, железо, а в одном из них встречается сверх того металл теллурий в соединении с серебром и свинцом. В настоящее время эксплоатация этих рудников ограничивается добыванием серебра, золота, меди, никкеля и железа. В 1876 году добыча на Алтайских рудниках представляла, по Скальковскому[3], следующие цифры:

Серебра—617 пуд.; золота—64 пуд.; меди—38.727 пуд.; никкеля—250 пуд.: чугуна и железа—42.250 пуд.

Общая ценность—2.000.000 рублей.

Издержки добывания руд, недостигавшие и половины общих расходов по содержанию рудников до 1861 года, то-есть до отмены крепостной зависимости, увеличиваются из года в

1 Попов, „Древняя и Новая Россия", 1879 г., № 6;—„Дополнение к Землеведению Азии Карла Риттера".

2 Ledebour, „Reise durch das Altai-Gebirge".

3 „Горный Журнал", за май 1878 г.

год с тех пор, как труд рабочих оплачивается, и во многих местах пришлось покинуть рудники, чтобы избавиться от необходимости копать землю на слишком больших глубинах, между тем, как относительная ценность металла постоянно понижалась, издержки производства возрастали вследствие того, что необходимо было предпринимать дорогостоющие работы по извлечению руды на поверхность, по предупреждению обвалов внутри рудников, по осушке и проветриванию шахт, работы, которыми не имели надобности заниматься первые рудокопы. Весьма вероятно, что важное экономическое значение Алтая, как области горных промыслов, будет постепенно уменьшаться, по крайней мере до той поры, пока залежи угля, находящиеся в верхнем бассейне реки Томи, близ города Кузнецка, не сделаются предметом серьезной эксплоатации, и пока не будет устроена железная дорога, по которой бы это минеральное топливо могло быть удобно доставляемо на горные заводы. Отныне земледелие и скотоводство составляют главные источники богатства для Алтайского края, свободная промышленность, не поддерживаемая вспомоществованиями правительства, не может развиться, пока население будет так рассеяно и малолюдно, каким мы находим его в настоящее время, и пока не будут созданы удобные сообщения из долины в долину. Только в 1804 году в первый раз воспользовались течением Иртыша для отправки металла в Россию, но судно 32 тонны вместимости, спускающееся в один день от порта рудников, называемого Верхней Пристанью, до города Усть-Каменогорска, не может подняться обратно вверх по реке, на этом пространстве около 130 верст, менее, как в три дня, а иногда, и довольно часто, это плавание продолжается более недели: таким образом, в продолжение периода судоходства одно судно сделает много-много что девять или десять оборотов. На северной окраине Алтая, между нижними долинами и степной областью, сообщения сухим путем, разумеется, очень удобны, но не безопасно пускаться в дорогу с той стороны гор, где тропинки теряются среди диких скал и снегов и где кочующие туземцы появляются, со своими стадами только во время летнего сезона. Так называемая «дорога», ведущая из Бийска в Кобдо через долину реки Чу и Суокский или «Холодный» перевал, есть самая важная из всех дорог, соединяющих Обский бассейн с Монголией, а между тем последний постоянный пост русских на этом историческом пути, Угодай, представляет жалкую деревушку, состоящую из каких-нибудь двадцати лачуг, которая лежит в 240 верстах от порога гребня. Только летом русские занимают небольшой лагерь в верхней долине Чу, у подножия перевала; но на зиму они покидают эту стоянку, отдавая ее под присмотр калмыков[1].

Пространство и население трех округов Алтайского края суть:

	Площадь, кв. верст	Население (по переписи 1897 г.) жителей	На 1 кв. вер. жит.
Барнаульский	110.200	585.344	5,3
Бийский	164.600	334.042	2,4
Кузнецкий	78.500	164.300	2,7
Вместе	353.300	1.083.686	3,2

Хотя область Алтайских гор очень слабо населена, даже в соседстве рудников и горных заводов, однако русские города, местечки и деревни относительно довольно многолюдны: население, которое отличается своим духом общительности, соединилось в небольшое число групп. Столица всех русских поселений на Алтае, Барнаул, город, построенный в равнине, куда часто спускаются горцы, есть один из самых веселых городов Сибири,—даже самый приятный, как говорят некоторые путешественники, и в то же время один из тех городов, где благосостоянием пользуется наибольшее число жителей и где материальная жизнь наименее дорога; в отношении промышленных рессурсов Барнаул уступает только Иркутску во всей обширной стране на восток от Уральских провинций, а через отправку драгоценного металла в Петербург, он находится в постоянных сношениях с столицей Империи. Барнаул, один из старинных городов Сибири, был, как показывает самое название его, простой киргизский аул, когда Демидов основал там свое горнозаводское селение, на левом берегу Оби; с 1771 года он сделался главным городом всего Алтайского горного округа и местопребыванием горного правления. Большой плавильный завод, принадлежащий Императорскому каби-

1 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1878.

нету, построен на плотине, удерживающей воды реки Барнаулки выше соединения её с Обью; но работы на этом заводе часто прерываются с тех пор, как деятельность рудокопов уменьшилась. Однако, в Барнауле существуют также вольные промышленные заведения: кожевенные и сыромятные заводы, фабрика охотничьих пуль, завод, на котором обрабатывается сода, добываемая из соседнего озера. Кроме того, в этом городе имеется метеорологическая и магнитная обсерватория, а также публичный музей естественной истории и древностей, замечательный в особенности своей богатой минералогической коллекцией и остатками рудокопной промышленности древнего народа чудь. Между горными заводами Барнаульского округа, первое место занимает Суксунский медноплавильный завод, расположенный на северо-западе при небольшом притоке Оби. Значительные лесные богатства окрестной страны заставили избрать это место центром обработки медных руд, которые привозятся сюда даже из отдаленных рудников, находящихся за несколько сот верст. В настоящее время годовая добыча меди на Сузунском заводе составляет около 33.000 пудов, ценностью на 250.000 рублей.

Город Змеиногорск (получивший это название от «Змеиной Горы», на которой он стоит), который некогда был соперником Барнаула по количеству населения и важности промыслов, теперь пришел в упадок; во времена наибольшего своего процветания он имел до 20.000 жителей, втрое больше, чем в наши дни. Построенный на высоте около 1.000 футов, на скатах голого, лишенного растительности холма, над речкой Корбалихой, воды которой утекают в реку Алей, западный приток Оби, Змеиногорск, боле известный в крае под сокращенным именем Змеева, был долгое время горнозаводским средоточием Алтая. Около половины всего серебра, извлекаемого из металлоносных жил Алтайского округа до половины девятнадцатого столетия, получалось из змеиногорских подземных галлерей, которые таким образом доставили правительству драгоценного металла на сумму свыше пятидесяти миллионов метал. рублей[1]. Огромные глубокия ямы, образовавшиеся вследствие обвала кровель рудников, открываются там и сям над старыми раскопками и выработками, воды наполняют шахты до половины высоты. Можно было бы, при помощи туннелей, удалить воду из подземных галлерей и привести их в сообщение одни с другими, принявшись за эксплоатацию новых, еще не тронутых жил[2]; но правительство отступило перед громадностью потребных для осуществления этого предприятия издержек, которые, может быть, не покрылись бы будущими доходами, и с 1869 года галлереи Змеиногорска окончательно покинуты; тем не менее, рудокопы продолжают разработывать кучи вынутой земли, отброшенные прежде, как слишком бедные металлом, но еще достаточно богатые, чтобы оплатить труд рабочего. Теперь Змеиногорск удерживает еще за собой некоторую важность в горнозаводской промышленности края, только благодаря своему большому плавильному заводу, где обрабатываются руды, привозимые из горных станций, лежащих далее на юге в верхних долинах Алтая. По всей вероятности, Змеиногорск постепенно утратит свое значение между городами этой области, так как, за исключением его подземных минеральных богатств, он не имеет никаких рессурсов, никаких специальных выгод, которые могли бы привлекать к нему переселенцев или иного родных купцов. Окружающие холмы и долины, бедные растительностью, представляют дикий и пустынный вид; юго-западные ветры дуют страшными бурями на террасе, где раскиданы дома жителей; естественные дороги, посредством которых производится сообщение между долиной Иртыша и долиной Оби, оставляют город в стороне. «Змеиная гора» до сих пор заслуживает данное ей прозвище: в несколько часов охоты там можно легко поймать гадюк, тригоноцефалов (halys) и других ядовитых змей[3].

В настоящее время самое деятельное горнозаводское селение или местечко—Зыряновск, лежащий в самом сердце Алтая, у подошвы «Орлиной горы», в долине нездоровой и безлесной, несмотря на имя протекающей на дне её речки Березовки, восточного подпритока Ир-

1 Субботин, „Курс политической экономии“.
2 Bernhard von Cotta, „Altai“.
3 Finsh, „Reise nach Ost-Sibirien“.

тыша, с которым она соединяется через реку Бухтарму; до сих пор Зыряновск доставлял почти четвертую часть всего серебра, добываемого на Алтайских рудниках; в период с 1796 по 1854 год на Зыряновских рудниках в сложности было получено:

Серебра—25.051 пудов, ценностью—21.860.090 руб.: свинца—619.248 пудов; ценностью —2.162.000 рублей.

Кроме того, Зыряновск, вместе с деревней Бухтарминском, есть самое важное место на Алтае по размерам пчеловодства. Риддерск, названный так по имени горного инженера Риддера, который первый исследовал здесь месторождения сереброносной свинцовой руды, находится на половине дороги из Змеиногорска в Зыряновск, в области истоков рек Ульбы и Убы.

Добыча на Риддерском руднике в период с 1783 по 1854 год, по Гернгроссу и Семенову, была:

Серебра—2.180 пудов, ценностью—1.960.600 руб.: свинца—1.753.140 пуд., ценностью—6.131.200 рублей.

Добыча на рудниках всей группы, с 1783 до 1818 года по Ледебуру:

Серебра—3.920 пудов, ценностью—3.484.600 руб.; свинца—1.926.660 пуд., ценностью—6.850.300 рублей.

Риддерск, даже не считая шахт, находящихся в ближайших его окрестностях, есть самый важный из алтайских рудников по производству свинца. Недалеко от этого горнозаводского селения возвышается Ивановская Белка, гранитная вершина без малого в две версты вышиной: из всех Алтайских гор на эту Белку всего чаще предпринимаются восхождения. Локтевский завод, названный так потому, что он находится на главном изгибе или излучине реки Алей, к западу от Змеиногорска, есть весьма значительное горное заведение, где прежде работали одновременно до 1.200 вольных рудокопов и мастеров и более 27.000 удельных горнозаводских крестьян, и которое владеет огромной лесной дачей, занимающей площадь в 625.000 десятин: около 1860 года локтевские рудники давали, средним числом, до 300 пудов серебра и до 14.000 пудов свинца. На юге от Локтевского завода возвышаются горы, очень богатые медной рудой, которым местные жители дали прозвище Золотарских по одному могильному кургану, где были найдены различные золотые украшения, любопытной работы, весившие вместе более 60 фунтов.

В долине реки Убы и в разных местах по близости Иртыша существуют другие рудники, также снабжающие своими продуктами змеиногорский плавильный завод, наконец, на северо-востоке от Барнаула, между Обью и Томью, находятся, вокруг Салаира, многочисленные месторождения серебряной руды, ежегодная добыча которых составляет по ценности около 50.000 металл. рублей. Каменный уголь и железная руда в Кузнецком округе, по реке Томи, мало эксплоатируются и дают едва несколько тысяч тонн в год: но, кроме своих металлоносных жил, Алтай содержит ценные горные породы, и некоторые из этих пород разрабатываются для правительства в Колыванском заводе (гранильная фабрика, приготовляющая изделия для двора), лежащем верстах в 30 к северо-востоку от Змеиногорска. Окрестности Колывани приобрели известность в науке, благодаря описаниям геологов. Может быть, нигде во всем свете не увидишь гранитных скал, рассыпавшихся в более причудливом беспорядке[1]: взорам путешественника представляются пирамиды, колонны, обелиски, наклонные, нависшие столбы, руины всевозможных форм и размеров, в одном месте образующие ряды горизонтальных и правильных каменных глыб, в другом—поднимающиеся в виде громадных монолитов в несколько сот метров вышиною; деревья всякой породы, сосны с темно-зеленой листвой и веселые, кудрявые березы растут среди разнообразных скал, прикрепляют свои корни между камней, покрывают своей густой тенью даже высокие утесы. Посреди этой живописной области гранитов в развалинах расстилается глубокое и прозрачное озеро, около 8 верст в окружности, в зеркальной поверхности которого отражаются фигуры деревьев и обрушивающихся скал. Крутые известковые бока долины Чараша, притока Оби, в который из-

1 Ледебур; Ренованц; Розе; Гельмерсен; Финш.

ливаются воды реки Колывань, изрыты многочисленными пещерами, где находятся в большом количестве кости исчезнувших животных, рядом с костями видов еще существующих[1]. Колыванские горные породы иногда доставляют шлифовальным мастерским великолепные каменные глыбы, в особенности яшмы, коричневые и дымчатые, мраморы, кварцы, порфиры, серпентины. Как в большей части заводов, принадлежащих казне, расходы по обделке этих ценных камней далеко превосходят доходы: иная порфировая или яшмовая ваза, над которой целые годы трудились десятков пять мастеров и которая стоила не менее 20.000 рублей, считая одно только жалованье рабочим, перевозилась сотнями людей на санях особенного устройства, до речных путей, по которым ее можно было направить к Петербургу, за пять тысяч верст от места её происхождения[2].

Главным рынком для верхних восточных долин Алтайских и Саянских гор служит город Бийск, построенный на высоком правом берегу Бии, недалеко от слияния её с Катунью, главной рекой Оби: окрестные татары называют ее Яш-тура, то-есть «Новым городом». Следовательно, Бийск занимает очень выгодное положение, чтобы вести торговлю, с одной стороны, с Барнаулом и степью, с другой—с долинами Алтая и, через Суокский перевал, с Монголией. Период обогащения для бийских купцов был для жителей окружающей страны эпохой опустошения и всеобщего разорения. Под предлогом взыскания каких-то долгов с туземцев, купцы приступили к описи и захвату в свое владение всего их скота: некоторые спекулянты этого рода вдруг оказались владельцами тысячи, а то и двух тысяч лошадей, да нескольких сот верблюдов и быков. Но, разумеется, при таких порядках край скоро был разорен в конец, и, когда не осталось более несчастных, которых можно было бы обирать, доходы кулаков стали быстро уменьшаться[3]. Каждый год бийские купцы съезжаются с китайскими торговцами в одном становище, расположенном среди болот в степи по реке Чу, где китайцы продают главным образом шкуры пушных зверей, рогатый скот и лошадей. С той поры, как Кашгария утратила свою независимость, движение этой меновой торговли сильно уменьшилось: в 1865 году обороты её простирались на сумму около 200.000 рублей[4].

Кузнецк или «Город кузнецов», лежащий в верхнем бассейне Томи, против впадения в нее реки Кондоры, мало-по-малу утратил свою важность. Названный так в начале семнадцатого столетия русскими казаками, нашедшими там туземных кузнецов, Кузнецк сделался важным торговым центром в последней половине восемнадцатого века; в ту эпоху в нем насчитывалось более 3.000 жителей, но впоследствии он пришел в упадок, так что население его убавилось наполовину, и только в новейшее время, как административный центр округа и местопребывание чиновников, он опять приобрел значение, равное тому, какое имел сто лет назад. Промышленность Кузнецка по-прежнему состоит в производстве слесарных и разных железных и медных изделий. Площадь кузнецкого каменноугольного бассейна, которым пока еще не пользуются для промышленных целей, исчисляется приблизительно в 4.500 квадр. верст.

Большие охотники до путешествий, любители перемены и увеселений, русские купцы и чиновники, живущие в городах равнины, у подножия Алтайских гор, не могли обойтись без того, чтобы не основать в очаровательных верхних долинах станций для летняго отдыха и сельских удовольствий. Самый важный из этих летних городов—Алтайская станица (у калмыков «Котон-карагай»), основанная в 1871 году в верхней долине реки Бухтармы, на высоте 3.480 футов; несмотря на возвышенное положение местности, там еще возделывают пшеницу, лен, коноплю; в других местах, овес и ячмень дают урожаи до высоты слишком 4.000 футов.

Главные города в округах Алтайского края с их населением по переписи 1897 г.:

Барнаул—29.529 жит.; Бийск—17.713; Змеиногорск—2.480; Сузунский завод—6.354;

1 Семенов и Потанин, цитиров. сочинение.

2 Finsh, „Reise nach West-Sibirien“.

3 Потанин, „Древняя и Новая Россия”, 1879 г., № 6.

4 Потанин, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера“.

Локтевский завод—6.100; Зыряновск—4.613; Кузнецк—3.124; Салаир—2.808; Риддерск—2.686 жителей.

III. Бассейн Оби

Области: Акмолинская, Семипалатинская, губернии: Томская, Тобольская, восточные уезды губерний Пермской и Оренбургской.

Громадная обская система, заключающая более трех миллионов квадратных верст, занимает всю западную часть Сибири, половину Киргизской степи, и распространяется даже на юг от Алтайских гор, в пределы китайской территории. Но вся эта обширная страна, в семь раз превосходящая пространством Францию, представляет еще, в северной своей части, сплошную мерзлую пустыню; население сгруппировалось на азиатской покатости Уральского хребта, и в центральном поясе бассейна, между южными степями и северными тундрами, и относительная важность его так незначительна, что, будучи распределено равномерно по всей области Оби, число жителей составит немногим более одного человека на квадратную версту.

Пространство и население обского бассейна:

	Пространство Кв. верст	Население по переписи 97 г. Жителей	На 1 кв. версту Жителей
Тобольская губерния	1.212.442	1.438.484	1,0
Томская	749.911	1.292.090	2,0
Семипалатинская обл.	429.152	685.197	1,0
Азиатская часть губ. Пермской и Оренбургской	133.950	1.350.000	1,0
Обская покатость в областях Тургайской и Акмолинской	603.677	321.830	0,5
Ачинский округ (Енисейской губ.)	51.250	110.806	2,0
Бассейн Черного Иртыша в Монголии	88.000 (?)	100.000 (?)	1,1
Всего	3.268.383	5.835.609	1,0

Воды, спускающиеся к Ледовитому океану через течение Оби, только в незначительной части вытекают из возвышенных снежных долин. На востоке водораздельная линия между системами Оби и Енисея во многих местах совершенно нечувствительна; тундра изливает свои поверхностные воды в ту и другую сторону, так что невозможно приметить порог, разграничивающий две водные области; даже болота занимают промежуточный пояс, и, смотря по направлению ветров или местному обилию дождей, способствуют питанию то одной, то другой из этих двух рек. На юге возвышения почвы, даже настоящие холмы, обозначают, правда, хотя и не везде правильно, раздельный порог между бассейном Оби и арало-каспийской покатостью; но этот водораздел во многих местах прерывается, и там тоже находятся болота, для которых достаточно было самых легких колебаний земной поверхности, чтобы заставить их изливать свои воды то к северу, то к югу. Гидрографическая область Оби совершенно определенно отграничена только с западной стороны цепью Уральских гор и с юго-восточной горными массами и плоскогорьями Алтая: в этих-то сибирских горах, прилегающих к китайской границе, находится единственный ледник Обского бассейна, ледник Белухи.

Главной ветвью реки, систему которой мы здесь рассматриваем, можно считать не Обь, спускающуюся с русского Алтая, а Иртыш, питаемый водами китайского Алтая. Да и сам Иртыш,—или вернее «Эрчис», ибо таково его монгольское название,—вытекающий из снежных долин западного ската Алтайских гор, в действительности есть лишь приток другой реки, частию подземной, которая берет начало на самом плоскогорье Кобдо и, обойдя выступ гор на юге, направляется на северо-запад, мало наклонным течением, к большому озеру Улюнгур, одному из самых обширных озер Азии. Небольшая цепь высот поднимается между восточным берегом озера Улюнгур и ручьем, носящим название Иртыша; но эти высоты

постепенно понижаются к северу, затем исчезают совершенно, и близ одного глинистого перешейка, где ручей уже находится от озера не далее, как на расстоянии трех верст, видно высохшее русло истока или выпускного канала, которое, по словам кочующих в той местности киргизов, наполняется водой каждую весну, во время разливов Улюнгура. Под этим поверхностным ложем, без сомнения, текут скрытые воды, как это доказали сравнительные наблюдения, сделанные над количеством протекающей в Иртыше воды выше и ниже порога, где проходить выпускной поток, образующийся в период весеннего разлива. Верстах в двадцати выше порога объем протекающей воды равняется 18 кубич. метрам в секунду, так как ниже, и не приняв в себя никакого видимого притока, река катит втрое большее количество воды, именно 59 кубич. метров. Откуда могла взяться эта огромная водная масса, если не из подземного притока, который составляет продолжение верхней реки Улюнгур, выливаясь из озера того же имени? На запад от упомянутого порога, где озеро очень глубоко, один маленький мыс, омываемый водами бассейна, недавно провалился в пропасть, и контуры берега, вследствие этого, значительно изменились[1].

Перед вступлением на русскую территорию, и даже до принятия большого притока Кальджир, который приносит ему излишек вод альпийского озера Марка (Марка-куль, бассейна слишком в 350 квадр. верст, лежащего на высоте около 4.480 футов), Иртыш, или «Черный Иртыш» (Кара-Иртыш), который по-настоящему следовало бы называть Улюнгуром, является уже значительной рекой, и воды его настолько глубоки, что небольшие суда могут там плавать в продолжение половины года; средняя глубина его в этом месте около 10 футов, а ширина изменяется от 50 до 80 сажен; количество протекающей воды, измеренное г. Мирошниченко летом 1873 года, то-есть в такое время, когда он бывает почти в своем среднем (меженном) уровне, оказалось равным 374 кубич. метрам в секунду: следовательно, он катит в этой части своего течения втрое больше воды, чем Сена под мостами Парижа. По соединении с р. Кальджир, Иртыш вступает в пределы русских владений, делится на несколько болотистых рукавов и медленным течением смешивается с водами озера Зайсан или Дзайсанг (Зайсан-нор), водной площади еще более обширной, чем Улюнгур: Зайсан долгое время считался сибирскими русскими лежащим где-то на краю света. Тобольский губернатор, отправивший в 1717 году первую экспедицию для открытия и осмотра Зайсан-нора, велел отпереть тюрьмы, чтобы найти в них сотню отчаянных удальцов, которые бы согласились пуститься в это страшное море[2].

Озеро Зайсан, представляющее бассейн треугольной формы, удлиненный в том же направлении, как горные массы Алтая и как цепь Тарбагатай, т.е. от востока-юго-востока к западо-северо-западу, имеет почти 100 верст в длину, по крайней мере в период разливов, ибо берега его почти везде довольно низкие, и малейшее изменение уровня увеличивает или уменьшает поверхность озера в значительных размерах. По Шванебаху, среднее его протяжение около 1.610 квадр. верст, следовательно в три раза превосходит поверхность Женевского озера, но он гораздо менее глубок: почти везде в Зайсане лот достает дно на глубине от 3 до 4 сажен, и даже в самых глубоких местах не находили более 5 с половиной сажен. Оттого вода в этом бассейне, волнуемая ветром до самой тины, покрывающей ложе, всегда мутная и желтоватая. Зайсан не похож на альпийское озеро; это скорее обширный степной пруд, хотя сквозь ветви растущих по берегам его тополей, ив и осин виднеются на севере снежные вершины Алтая, на юге тоже белые верхушки гор Сауру. Это озеро одно из самых богатых рыбой во всем свете: каждый улов, получаемый там киргизами или казаками, кажется баснословным иностранным путешественникам. Кроме видов, находимых также в озерных водах Европы, специальная фауна Зайсана заключает, между прочим, превосходный вид лосося, известный в крае под именем нельмы, как и другие сибирские породы из лососиного семейства; карпы этого озера также гораздо лучше соответственных европейских видов: очевидно, они здесь живут в своем настоящем отечестве, и европейские рыбоводы

1 Мирошниченко, „Известия Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 1.

2 Велиханов; Карл Риттер и друг.

могли бы посредством «скрещиваний» с зайсанской породой достигнуть усовершенствования своих озерных видов[1]. Название Зайсан-нор или «Благородное озеро» было, говорят, дано ему, вместо прежнего наименования Кизальпон[2], благодарными калмыками в память того, что необыкновенное обилие рыбы в озере спасло их от голода в 1650 году. Судя по цифре дохода, получаемого казною с местных казаков, которым предоставлено право лова, количество рыбы, добываемое из Зайсана, должно простираться ежегодно до 40.000 пудов. Водяная птица садится несметными стаями среди камышей и на песчаных мелях. Судоходства на Зайсане не существует; кроме как для целей рыбной ловли и охоты, на берегах редко где можно встретить человеческие жилища. Торговые сношения между Семипалатинском и Китаем производятся сухим путем; однако, пароход уже поднимался вверх по Иртышу в 1864 году, плавал по Зайсану, проникал в Черный Иртыш и заходил даже на китайскую территорию до поста Актюбе, ниже слияния этой реки с Кальджиром; в 1880 году занимались проектом установления правильного судоходства между Тюменью, Зайсаном и Кара-Иртышем, на пространстве около 4.200 верст.

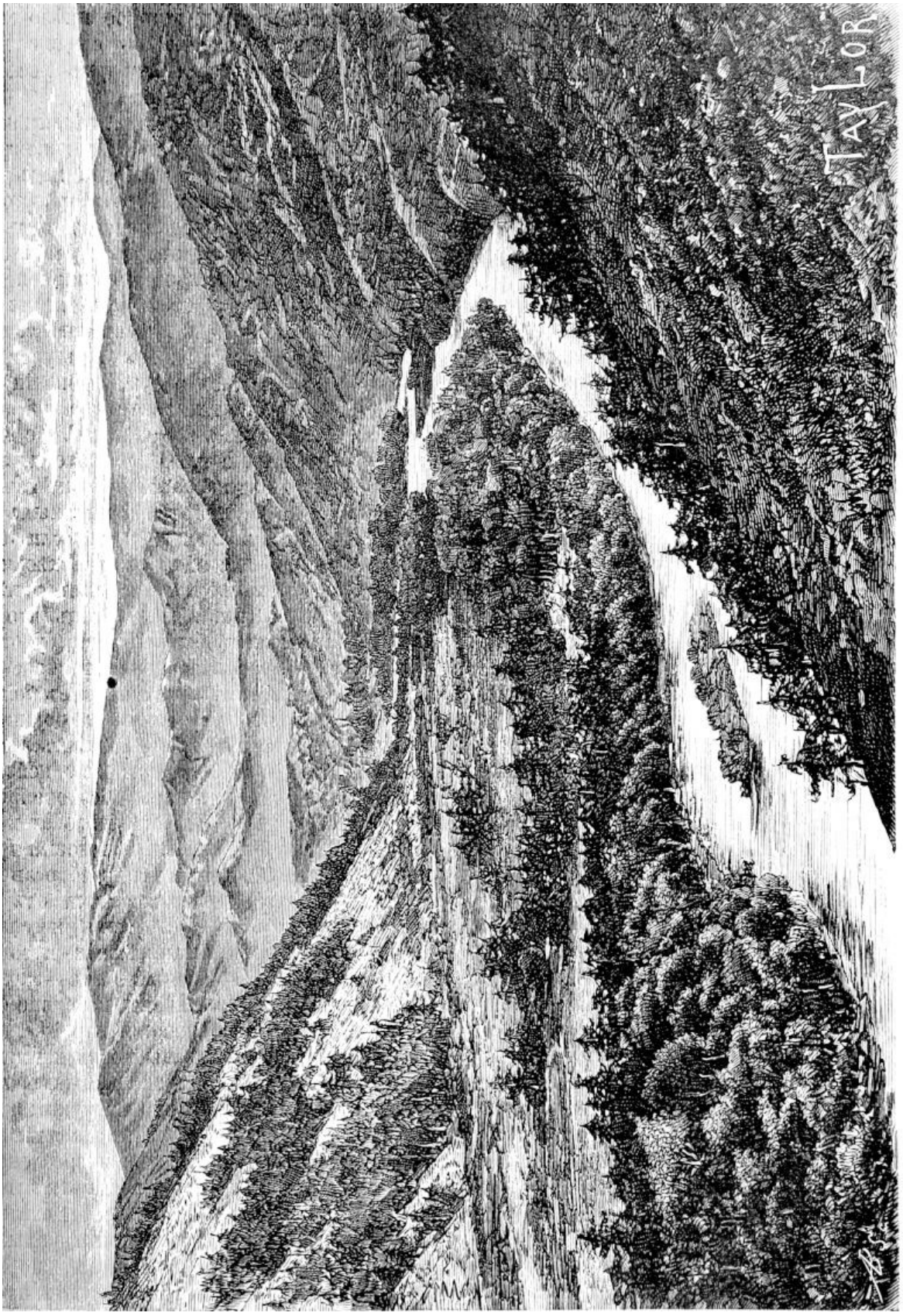
На высоте 1.344 футов начинается течение «Белаго» Иртыша, выходящего из озера Зайсан, не через западную оконечность бассейна, но через одну из бухт его северного берега. Спускаясь пологим скатом, Белый Иртыш принимает в свои мутные воды прозрачную волну алтайских рек: Курчума, Нарыма, Бухтармы, но ниже слияния с этим последним притоком он становится более быстрым и вскоре вступает в горное ущелье. Из всех рек, изливающих свои воды в Обский бассейн, один только Иртыш берет начало на юге Алтая и неровного водораздельного хребта, состоящего из гранита и древнейших каменных пород, который связывает эти горы с системой Тянь-Шань. Иртышу нужно пройти через этот естественный вал, и пролом, который он нашел, открывается как-раз через возвышенную горную массу, которую, по смелости её форм и свойству её каменных пород, можно рассматривать, как принадлежащую еще к системе Алтая. Ущелье Иртыша одно из самых живописных по величественному виду и разнообразию скал; во многих местах крутые аспидные горы, господствующие над рекой, поднимаются вертикально, иные даже наклонены вперед за отвесную линию, а с вершины одной из них громадная каменная глыба нависла над поверхностью потока; полосатые сланцевые стены увенчаны там и сям массами из табличного гранита. Но это дикое ущелье не имеет той красоты, которую дает контраст зелени с каменными скалами: на берегах реки не видно ни лесов, ни засеянных полей; только немногочисленные островки представляют на известных расстояниях группы тополей или ив; редкий кустарник покрывает зеленовато-серым колоритом верхушки утесов. Правильность течения прерывается там и сям стремнинами, которые, впрочем, неопасны, так что при спуске барки могут спокойно отдать себя на волю течения. Боковые террасы, футов на 20, на 30 более возвышенные, чем средний уровень нынешней реки, доказывают, что в предшествовавшую геологическую эпоху Иртыш протекал на более значительной высоте, потому ли что он углубил свое русло с того времени, или потому, что он катил тогда более значительную массу воды.

Ущелье Иртыша широко открывается в том месте, где построили город Усть-Каменогорск (названный так потому, что он лежит при устье ущелья), и река, вступив в равнину, принимает свое нормальное направление к северо-западу: высота этого пункта, обозначавшего прежде южную границу обского бассейна, исчисляется в 1.150 футов. Ниже Усть-Каменогорска Иртыш широко разливается в своем глинистом ложе и делится на множество рукавов, окружающих острова, из которых иные имеют площадь в несколько десятков или даже больше сотни квадр. верст, и которые дают прибрежным жителям обильные сборы сена. Во всем своем нижнем течении, от алтайского ущелья до слияния с Обью, Иртыш соединяется с тысячью рек, речек и ручьев; но на протяжении своего перехода через солончаковые и мало орошаемые степи он перестал получать сотни потоков, которые прежде притекали к нему справа и слева, и которые ныне теряются в болотах: там и сям по берегам

1 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

2 Muller, „Histoire russe“; Carl Ritter, „Asien“.

тянутся ряды подвижных дюн и преграждают путь водам, текущим из внутренности земли. Эти песчаные бугры прежде стояли неподвижно, благодаря сосновым лесам, которыми они были сплошь покрыты; но с тех пор, как деревья исчезли, поваленные топором лесорубов,



Долина Бухтармы.

горки пришли в движение, и некоторым селениям, даже городу Семипалатинску, грозит опасность быть засыпанными песком[1]. Здесь мы видим явление, подобное тому, которое

1 Von Middendorf, „Die Baraba“.

имело место во французских ландах в средние века, после истребления лесов, которые росли на дюнах морского побережья.

Большая часть пространства, заключающагося между Обью на востоке, Иртышем на западе и Обью на севере, известна под именем Барабинской «степи», хотя она только в редких местах представляет вид настоящей степи. Правда, это пространство совершенно ровное: выпуклости обширной равнины, которые русские поселенцы величают громким именем «гор», возвышаются всего только на несколько аршин над уровнем окружающих земель, и о существовании их догадываешься не по их рельефу, а по различию растительности; в почве нигде не видно ни одного камешка, и туземные жители, знающие о камнях лишь по наслышке, имеют об них очень смутное понятие. В южных своих областях Барабинская степь, если не покрыта, то по крайней мере усеяна хвойными лесами; в других же местах лес состоит преимущественно из берез, так что эта часть Барабы может быть названа, употребляя выражение Миддендорфа, «березовой степью». Деревья там не скучены в большие леса, они рассеяны группами и рощицами, как будто художник расставил их в живописном беспорядке. Разнообразие пейзажей в этом естественном парке бесконечно велико, а между тем единственные элементы этого разнообразия—березки, да луговые травы и цветки. Весной вид этих разбросанных редких лесков быстро изменяется от действия палов, которые зажигают поселенцы для того, чтобы трава была нежнее и сочнее, и чтобы устранить страшный бич—саранчу. Когда день пожара назначен, поселяне окрестных деревень оповещаются заранее, дабы они могли пустить встречные огни и тем защитить свои нивы от широко разливающагося моря пламени. Многочисленные группы берез погибают в этих палах, и различные растения всходят на месте истребленных огнем; но даже в ту пору, когда эти луговые пространства являются во всей своей свежести, они не похожи на луга западной Европы, они богаты деревянистыми растениями, неравномерного роста, и нигде не образуют настоящей муравы. Во многих луговых местностях Барабы кормовые травы слишком перемешаны с другими растениями, чтобы стоило тратить время и труд на косьбу их; крапива достигает там такого высокого роста, что человек не может достать рукой верхних листьев; даже всадник, сидящий на лошади, исчезает среди этого моря зелени.

Барабинская степь принимает вид собственно так называемых степей лишь в солончаковых землях, где бесплодная почва производит только кое-какие жесткия рыжеватые растения, и на болотистых берегах некоторых рек, которые разливаются широко через края, какова, например, река Омь. Там кое-какие древесные породы: береза, рябина, бузина, пытаются поддерживать борьбу за существование против мхов или камышей, которые лучше приспособляются к сырости почвы; но эти деревья встречаются густой чащей только на самых возвышенных местах, появляясь там и сям в виде островов древесной растительности, на почве, совершенно горизонтальной и более ровной, чем взборожденная волнами поверхность моря. Большая военная дорога Сибири, пересекающая Барабу, от Омска до Колывани, на протяжении около 600 верст, проходит по некоторым из этих болотистых местностей. Но земледелие делает мало-по-малу захваты в степи. Целые партии переселенцев из губерний Воронежской, Симбирской и Самарской направляются к этой «березовой степи», которая справедливо славится своим плодородием, хотя почва там состоит только из тонкого слоя чернозема, покрывающего подпочву из разложившихся слюдяных сланцев. На востоке области березовых лесов, на берегах реки Карасук, Миддендорф нашел одну деревню, по имени Кочки, где общее благосостояние развилось так быстро, что все хлебопашцы—пример почти единственный—объявили себя довольными своим положением. Но нельзя того же сказать о поселенцах, живущих в болотистых местностях Барабинской степи. Колонии русских крестьян, пытавшиеся было селиться в этих местностях, были прогнаны оттуда мошкарой. Комары, мошки и другие насекомые этого рода составляют истинный бич края, и жители стараются предохранить себя от этих мучителей при помощи капюшонов, снабженных маской из конского волоса[1]. В этой части южной Сибири, так же, как и в северных тундрах,

1 Куропаткин, рукописные заметки.

принуждены зажигать большие костры из коровьего кала и навоза (дымокуры), для того, чтобы животные могли пастись и немного охранить себя от мучительной мошкары, под защитой густого дыма.

С половины настоящего столетия Бараба в значительной степени утратила свою сырость, и некоторые местности этой равнины начинают уже страдать от засухи; многочисленные болота и озера исчезли[1]; однако, обширные водные площади и теперь еще занимают лощины Барабинской степи, но это все мелководные озера, гладкое ложе которых продолжает под поверхностью вод нечувствительную покатость равнин. Самые высокие берега не достигают даже 20 футов высоты над озерным уровнем, да и то нужно проехать сотни верст, прежде чем встретить один из этих возвышенных берегов, образовавшихся путем размыва. Озеро Чаны, самое обширное водовместилище в Барабинской степи, простирающееся на пространстве 2.800 квадр. верст, не имеет даже 25 футов глубины в самых впалых местах; во время путешествия по Сибири Палласа оно было очень богато рыбой, теперь же в нем почти совсем нет рыбы. Озеро Сартлам, гораздо менее обширное, чем Чаны, хотя туземцы и его также называют «морем», есть самый глубокий из озерных бассейнов Барабы, но и в нем лот достает дно уже на глубине 30 или 31 фута. Осматривая эти степные сибирские озера без глубоких впадин, без крутых скалистых берегов, без плоских песчаных и тальковых берегов, без мореновых плотин, путешественник с удивлением замечает, что они имеют форму подобную форме озер Швеции и Финляндии с их длинными азарами: так, все озеро Чаны разделено на второстепенные бассейны длинными параллельными полуостровами, из которых многие, в свою очередь, подразделяются на конечные ветви, похожия на клешни. Острова озера Чаны все расположены по одному направлению, именно от северо-востока к юго-западу, и маленькия озера, окаймляющие берег, вытянулись в том же направлении. В различных частях обширного резервуара озерные аллеи, разделяющие полуострова и сообщающиеся одна с другой посредством узких проходов, образуют настоящий лабиринт каналов, где барки могли бы плавать по целым дням, не находя выхода к собственно так называемому озеру. Реки, изливающиеся в Чаны, тоже текут от северо-востока к юго-западу; окрестные болота тянутся по линии той же оси; мало возвышенные хребты страны, служащие водораздельной линией между речными бассейнами, следуют в том же самом направлении. Какая геологическая причина этого прямолинейного и параллельного образования всех физических черт Барабинской степи, находящейся далеко от области ледников? Какой деятель мог так избороздить почву и окаймить ее бахромой из правильных полуостровов? Следует ли видеть вместе с Миддендорфом[2], в этом образовании действие большого морского течения, которое некогда направлялось к Аральскому морю? Или, может быть, льды Алтая, даже льды Урала спустились до этих равнин, где соединились в большие движущиеся площади, избороздившие почву параллельными глетчерными полосами, совершенно подобными тем, какие наблюдают в Финляндии и в губерниях Олонецкой и Архангельской? Слой рассыпавшихся слюдяных сланцев, покрывающий Барабинскую степь, образовал ли точно такую же глетчерную глину, какую мы находим на севере России[3]? Наконец, направление господствующих ветров, дующих от юго-запада к северо-востоку или от северо-востока к юго-западу, параллельно изборождениям Барабы, имело ли свою долю влияния в орьентировании ручьев и рек, мелей и полуостровных плотин из песку или глины, полос растений сухопутных и водяных, словом—всех поверхностных физических черт страны?

Озеро Чаны, так же, как и большая часть других озерных бассейнов Барабинской степи, не имеет видимого истечения к Иртышу. Обилие дождей не вознаграждает убыли воды, происходящей от испарения, и вследствие того должны были образоваться, там и сям, соляные резервуары. Бассейн Чаны, столь обширный, но вместе с тем имеющий столь незначительную глубину и разделенный на такое множество второстепенных резервуаров парал-

1 Ядринцев, „Отчет Русского Географического Общества", 1878 г.

2 „Die Baraba, Memoires de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome XIV, № 9, 1870 г.

3 Кропоткин, рукописные заметки.

лельными плотинами из островов и полуостровов, наполнен пресной водой в южной своей части, куда изливаются реки Каргаш и Чулым; в центральной области вода его сделалась уже солоноватой, и хотя люди и животные пьют ее, она не может быть употребляема для приготовления чаю; около западной оконечности бассейна вода уже совершенно соленая. Однако, Чаны и другие барабинские озера должны иметь подземные истоки к Иртышу, так как близ станицы Железинской, на правом берегу этой реки, из земли бьют обильные ключи, которые увеличивают заметным образом объем в Иртыше[1]. Нагорный берег, у подножия которого бьют струи этих естественных фонтанов, покрывает пропасти, куда часто проваливаются обширные куски земли, извергаемые далее в виде песку и грязи.

Усиленный притоком Омью, Иртыш описывает длинную кривую в восточном направлении, затем, повернув опять на северо-запад, идет на соединение с водами двух могучих рек, Ишима и Тобола. Ишим, называемый киргизами Изель, есть самый значительный из этих притоков, по крайней мере, по развитию его течения, длину которого определяют в 1.570 верст; многочисленные опорожненные озера, уменьшившиеся болота, которые прежде изливали свои воды в Ишим, свидетельствуют об общем осушении страны. Тобол, много уступающий Иртышу по объему водной массы, мог бы быть, однако, рассматриваем как главная река всего Обского бассейна, ибо общее направление его долины совпадает с направлением, по которому следуют ниже течение Иртыша, затем течение Оби. На всем своем протяжении, от истоков до слияния с Иртышем, Тобол течет вдоль восточного основания покатостей, спускающихся от Уральских горных цепей, и к нему именно присоединяются важнейшие притоки этого водораздельного хребта между системами Оби и Волги. Один из эти притоков, река Тура, по которой следовали первые завоеватели Сибири, остался, со времен Ермака, главным историческим путем между Европейской и Азиятской Россией. Прежде Тобол соединялся с Иртышем как-раз против высокого берега, на котором расположены здания верхней части Тобольска, и этому городу грозила опасность обрушиться постепенно, улица за улицей, вместе с обвалами крутого яра, подтачиваемого течением и водоворотами двух больших рек. Оборонительные свайные и фашинные сооружения были уносимы напором воды, и рано или поздно Тобольск разделил бы участь древней Сибири, построенной также на правом, нагорном берегу Иртыша, если бы слияние Тобола и его опасные водовороты не были отведены в другое место. В 1716 году сибирский губернатор Гагарин велел вырыть канал, длиною более 3 верст (для этой работы были употреблены пленные шведы), который перенес устье Тобола ниже города и успешно защитил от размыва тобольского нагорного берега.

Верхняя Обь, соединяющаяся с Иртышом почти в 500 верстах ниже Тобольска, может быть названа дочерью Алтая: её главная ветвь, Катунь, то-есть «Царица»,—таково значение её калмыцкого имени,—берет начало из льдов, покрывающих высочайшую вершину Золотых гор; однако, река получает название Оби только при слиянии Катуни с другой ветвью, Бией, в 610 верстах ниже ледника горы Белухи: по мнению некоторых этимологов, это наименование происходил от русского слова «Обе» (т.е. обе реки)[2]; но это толкование представляется мало вероятным, в виду того факта, что русские славяне знали Обь гораздо ранее того времени, когда они впервые посетили Алтай и два большие потока, соединяющиеся у Бийска в одну реку. Окончательно выйдя из области гор, Обь спускается по скату, который имеет не более 330 футов возвышения над уровнем моря, в месте слияния её с Барнаулкой, перед главным городом Алтайского горного округа. Там она течет уже по ровной степи, и многие реки, не находящие достаточной покатости и не имеющие довольно значительного количества воды, чтобы вырыть себе ложе, останавливаются в равнине и разливаются в виде озер и болот. Здесь мы наблюдаем явление, подобное тому, какое представляет на западе, на Иртышской покатости, Барабинская степь. Впрочем, весьма вероятно, что в предъидущую эпоху, когда климат страны был сырее, текучия воды, более обильные, могли пролагать себе

1 Pallas, „Voyages en diverses parties de l'empire Russe".

2 Ледебур, „Reise durch das Altai-Gebirge".

более правильный путь: иная река, некогда могучая, теперь оставила в своей долине только ряды маленьких озер. Многие из рек, направляющихся к Оби, в барнаульской области, являются ныне, так сказать, только намеченными; но одного дождливого года было бы достаточно, чтобы восстановить их течение. Каждый год они меняются в длине, и исток их передвигается вверх или вниз по течению, смотря по степени сырости времен года.

Сама Обь должна, по причине своего незначительного падения, принимать во многих местах озерный характер: она извивается несколькими рукавами, образуя многочисленные острова, разливаясь постоянными наводнениями. Средняя ширина её изменяется от 375 сажен до 3 верст, а в период весенних разливов река имеет не менее 40 верст в ширину: около Колывани она превращается тогда в настоящее море, так что нельзя видеть одновременно обоих берегов. Ниже впадения рек Томи и Чулыма, она делится на такое множество ветвей, что образует изменчивый лабиринт потоков, занимающий всю равнину. В продолжение пяти или шести зимних месяцев лед, покрывающий низкие воды этой части Оби, делит реку на бесчисленное множество бассейнов, отделенных один от другого, в которых вода, неимеющая течения, портится до такой степени, что прибрежные жители не могут употреблять ее для питья: так образуются временно речные озера, без всякого сообщения одно с другим, озера, подобные степным поверхностным лужам, какие оставляют после себя обедневшие реки.

Кеть, которая изливается в Обь выше Нарыма, не принадлежит к числу самых значительных притоков этой реки: со всеми своими излучинами, она имеет не более 1.020 верст протяжения, что, конечно, очень небольшая длина для сибирской реки: но она судоходна почти до самых болот, откуда берет начало (длина судоходного течения, по Сиденснеру и Вагнеру, около 960 верст), и представляет лучший естественный путь сообщения между системой Оби и системой Енисея. Во время первого похода казаков в Сибирь, пришельцы держали путь именно по течению этой реки. В начале семнадцатого столетия русские даже построили две крепостцы, одну при устье, другую при исходном пункте речного судоходства, чтобы поставить свои склады шкурок пушных зверей в безопасность от нападений туземцев. Между постом на верхней Кети и течением Енисея, ниже города Енисейска, остается волок менее, чем в 100 верст[1]: это единственный пробел, который представляется в обширной сети водяных путей, заключающейся между уральскими реками и Байкалом, на протяжении 50 градусов долготы, то-есть на протяжении, почти равном седьмой части земной окружности. Но уже давно заняты мыслью об уничтожении этого пробела посредством устройства судоходного канала, и с 1872 года снова приступили к научному исследованию всех рек территории, которая ограничена Обью и Енисеем в наиболее сближающейся части их течения. Река Чулым, по которой небольшие пароходы поднимаются до города Ачинска, на северо-западе от Красноярска, построенного на Енисее, есть один из путей, всего лучше изученных; точно также реки Тым и Ваг, по которым можно проехать соответственно на два притока Енисея, Сым и Елогуй, были тщательно исследованы. При выборе места для перехода из Обской системы в Енисейскую предпочтение, как кажется, должно остаться за Кетью; однако, вместо того, чтобы подниматься по этой реке до селения Маковского, лежащего недалеко от её истока, суда, по проекту 1875 года, будут вступать на северо-востоке от этого пункта в маленький приток Язеву, чтобы пройти каналом болотистую местность с неопределенным скатом и спуститься к Енисею рекою Большая Кас: в этом месте волок между двумя озерами, лежащими на одном уровне, имеет всего только около трех с половиной верст длины[2]. Соединительный канал, глубиною в аршин три четверти, при ширине в 7 сажен, мог бы давать доступ баркам, поднимающим до двух тысяч пудов груза; с той и другой стороны покатость так незначительна, что не было бы надобности устраивать шлюз[3]. С каждой стороны видимые озера, лежащие на водораздельной линии между бассейнами Оби и Енисея, продолжаются

1 Sedensner, „Известия Русск. Географ. Общества", 1878 г.

2 Сиденснер и Вагнер, „Известия Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 2.

3 „Известия Русского Географ. Общества", 1873 г., № 3.

под землей глубокими водами, одетыми сверху травяным ковром, похожим по виду на мокрую почву окрестных местностей, по поднимающимся и опускающимся, смотря по высоте вод, которые он прикрывает. Единственным затруднением для плавания судов, имеющих более 5 футов водоуглубления, были бы так называемые ломы, то-есть поломанные деревья, которые образуют запруду при поворотах ложа, и которые, впрочем, легко убрать, так как они везде лежат на тинистом дне. Когда канал будет окончен, издержки по перевозке товаров уменьшатся в значительной пропорции; купцы даже рассчитывают на уменьшение в размере пяти рублей с ящика чая[1]. В 1825 году, когда вся чайная торговля между Кяхтой и Нижним-Новгородом производилась по рекам и волоком, движение товаров, провозимых через село Маковское, исчислялось слишком в 10 миллионов рублей.

Ниже Нарыма, Обь, к которой присоединяются многие реки, почти столь же значительные, как и Кеть, каковы Тым и Ваг, продолжает развертывать свои переплетающиеся излучины, сначала в северо-западном, затем в западном направлении, до тех пор, пока её более прозрачные воды не смешаются с темно-бурыми водами Иртыша посредством целого лабиринта каналов, где только опытные и искусные кормчие могут безошибочно определять путь. По соединении, две могучия реки, из которых каждая может быть сравнена с Дунаем по объему жидкой массы, снова разлучаются, как будто одно русло слишком тесно, чтобы вместить это движущееся пресноводное море, и два потока, Большая Обь и Малая Обь, удаленные друг от друга в некоторых местах на 30 или на 40 верст, но везде связанные между собою излучинами бесчисленных притоков, текут извилистой линией до самого залива, куда изливаются их воды, и который носит название Обской губы. Малая Обь, более узкая и менее глубокая, составляет левый рукав, и барки, которым нужно идти вверх по реке, всегда выбирают этот меньший рукав, потому что течение там не так сильно. Большая Обь, которая и есть настоящая река, благодаря постоянному притоку вод к правому берегу, служит обычным путем для судов, спускающихся к низовьям; но плавание по ней иногда бывает довольно опасно, именно когда северный ветер вздымает высокие волны, бегущие в направлении, противоположном течению. При слиянии Иртыша с Обью мы уже перешли за черту пояса хлебопашества; но Обь остается до самого устья в пределах пояса лесов. Сосны, ели, лиственницы, березы, ивы сопровождают реку в нижнем её течении, затем, по мере приближения к Ледовитому океану, эти деревья постепенно мельчают, становятся приземистее, а в соседстве залива они являются уже только в виде узеньких полосок зелени. Осенью темная зелень сосен и елок, более нежный оттенок лиственниц составляют резкий контраст с зеленой или оранжевой листвой берез и багряно-красным цветом ясеней: менее блестящие, менее разнообразные окраской, чем леса Северной Америки, обские леса отличаются более ярким осенним колоритом, чем леса приморской Европы.

Нигде на берегах Большой и Малой Оби не увидишь настоящих скал; высокие или нагорные берега состоят из глин и песков, которые иногда осыпаются на подобие водопада, когда течение подточит их основание и собственная тяжесть увлекает их в реку. Но эти нагорные берега очень неодинаковы: берега западной стороны, у подножия которых течет Малая Обь, не высоки, и откосы их во многих местах скрыты под густой растительностью камышей, осоки и других водяных растений; полосы травы и древесных ветвей обозначают там разности уровней разлива среди деревьев, ростущих на берегу и на островах; завязшие в иле или выброшенные волнами стволы дерев лежат раскиданные на песчаных мелях. Высокий восточный берег, у основания которого проходит широкое и быстрое течение Большой Оби, поднимается своими крутизнами и откосами до высоты 28 сажен, и глубокие овраги, открывающиеся на известных расстояниях в боках яра, позволяют передовому кустарнику леса спускаться там и сям до самой реки. Поваленные деревья, прибитые водою к подножию крутого берега, обозначают уровень разлива, но на плоском песчаном берегу видны также груды камней, гранитов, сиенитов, порфиров, сланцев, конгломератов, приносимых каждый год льдами, которые в следующем году опять подхватывают их за нижнюю грань, когда они

1 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

вросли в берег, и переносят их далее при новом ледоходе[1].

Обь изливается в свой обширный лиман или губу одним устьем около 3 верст шириною и от 4 до 13 сажен глубиною. Часто рассматривают всю часть этого залива, орьентированную в направлении от запада к востоку, как продолжение реки; но в этой бухте, где расстояние от одного берега то другого 50 верст, воды не имеют уже никакого течения. Другие второстепенные заливы открываются при устье каждой реки и присоединяются к морскому пространству, которое тянется почти на 80 верст в направлении к полюсу. Обширный Обский залив, также, как залив реки Таз (Тазовская губа), который соединяется с ним на востоке, еще не исследованы во многих частях; однако, он был часто посещаем в прежния времена рыболовами из Холмогор и с реки Печоры, и в эти последние годы снова предпринимали плавания по его водам; в 1871 году Даль первый проник из Карского моря в Обскую губу, по которой спустился в самую реку, обойдя длинный полуостров Ялман, названный так по имени Иельмертса, повара одного голландского корабля[2]. Таким образом торговый путь из Сибири через Ледовитое море был открыт, и отныне можно отправлять прямо в порты западной Европы зерновый хлеб, шерсть, сало, кожи и пушной товар из бассейнов Оби и Иртыша.

Сама Обь, эта исполинская река, по берегам которой живет столько различных народов, обозначающих ее различными именами (у татар она называется Омар или Умор; у остяков—Ас, Яг или Кольта; у самоедов—Ку-ау), и которую древние географы считали прямым водным путем в восточный Китай, открыта для судоходства почти на всем протяжении своего течения. Включая Улунгур в бассейн Оби и рассматривая его, как главную ветвь реки, находим, что длина этого громадного потока может быть приблизительно исчислена почти в 5.350 верст; именно:

Течение Улунгура—470 верст (?). Черный Иртыш, от впадения Улунгура в о. Зайсан—560 верст (?). Иртыш, от о. Зайсан до слиянии с Обью—3.450 верст. Обь, от слияния с Иртышем до Большего Носа, при входе в губу—1.170 верст. Общая длина течения Иртыша—Оби—5.340 верст.

Но судоходная сеть Обской системы гораздо более значительна: летом все большие притоки и во все время, пока не спадут воды весеннего разлива, многие из второстепенных притоков дают доступ баркам и плоскодонным пароходам; таким образом совокупность судоходных путей этого бассейна, без всякого сомнения, простирается до 15.000 верст, и теперь с каждым годом увеличивается численность парового флота, рассекающего своими колесами желтоватые или темно-красные воды этих рек; первый пароход, который был пущен в бассейн Оби, в 1844 году, прошел сначала по реке Туре. Всех пароходов на реках Обского бассейна в 1877 году было 34, сила которых в сложности равнялась 2.655 паровым лошадям. Перевезено товаров в 1878 году 46.700 тонн. Ценность торговли водяным путем в двух губерниях Тобольской и Томской в 1866 году простиралась до 3.906.000 рубл.[3]. Различные проекты каналов были предлагаемы, чтобы соединить бассейн Оби с реками Европейской России, но проломы Уральского хребта слишком высоки и климат северной Сибири слишком суров, чтобы можно было приступить к осуществлению этих предприятий. Финш во время своего путешествия в западную Сибирь пришел к убеждению, что нечего и думать о прорытии морского канала между устьем Оби и Карской губой, который дал бы возможность избегнуть опасного и трудного плавания вокруг полуострова Ялмал; но, по мнению Струве, можно бы было прокопать речной судоходный путь длиною около 75 верст, между Кокпелой, соединяющейся с Печорой через Ленву, и Войкаром притоком Оби. В этой области Уральских гор одно понижение цепи заключает два озера, из которых одно имеет сток к

1 Finsch, цитированное сочинение.

2 Миддендорф, „Sibirische Reise“.

3 В настоящее время по Оби и её притокам ходят до 120 пароходов с 240 баржами: из них около 20 занимаются перевозкою пассажиров и ценного груза, другие буксируют баржи с различными товарами. Грузовое движение превосходит 10.000.000 пуд., общею ценностью в 20 миллионов руб.

Европе, другое к Азии. Еще гораздо легче было бы провести канал между течением Таза и течением Енисея, около 66 градуса широты, между деревней Тазовской и городом Туруханском[1].

Половина народонаселения Сибири распределена в южной области Обского бассейна в виде правильного пояса, который простирается именно по обе стороны первоначального исторического пути и его продолжения, нынешней большой сибирской дороги. Это население состоит почти исключительно из славянских элементов и образует собою настоящую азиатскую Россию по языку, нравам и гражданственности. В этом поясе русские совершенно заменили, как господствующая раса, татар, отныне рассеянных отдельными, несвязанными между собой группами в степях, на некотором расстоянии от городов и речных берегов. Некоторые из этих групп татар, более или менее обрусевших, встречаются еще в соседстве Тобольска, на западе от Иртыша, в том самом месте, где некогда находилось средоточие их царства. На берегах Иртыша можно также встретить русских крестьян, которым предание приписывает татарское происхождение, но которые, если и сохранили какое-нибудь сходство со своими предками, то разве только чертами лица[2]. Ачинские телеуты, те, которые живут отдельными коленами (аймаками), рассеянными между Кузнецком и Красноярском, тоже сделались русскими, хотя они говорят еще чистым теленгутским наречием[3]. На восток от Оби, между городами Томском и Енисейском, татары кизильцы (кизил) или «красные», названные так в отличие от бийских «черных» татар, занимают долину реки Чулыма: их особенное наречие, одно из самых чистых между тюркскими языками, в последнее время приняло в себя не малое количество русских слов и сверх того содержало много монгольских речений; но, подобно тюркскому диалекту теленгутов, или телеутов, оно отличается почти от всех языков тюркского корня совершенным отсутствием арабских и персидских выражений: это объясняется тем, что, не быв никогда обращены в ислам, красные татары, прежде придерживавшиеся шаманства, а ныне православные христиане, никогда не были в сношениях с магометанскими народами юга[4]. Что касается татар казаков или кайсаков, обыкновенно обозначаемых под именем киргизов, то они живут в южной части Обского бассейна и около истоков Иртыша и составляют одно этнографическое целое с киргизами арало-каспийской покатости. Большое число бродячих племен имеют пастбища и становища в том и другом гидрографическом бассейне. Впрочем, административные деления в этой стране русской Азии совпадают с этнологическими границами: территория киргизов причисляется к средне-азиатскому генерал-губернаторству, даже те части её, которые лежат за Иртышем. Число татар, живущих в бассейне Оби и в уездах Пермской и Оренбургской губерний, определяют следующим образом;

В Тобольской губернии 37.150 душ. В Томской губернии, без Алтая—9.750 душ. На Алтае—14.975 душ. Всего—61.875 душ.

Башкиры азиатского Урала, как и башкиры другого склона, включены в состав европейских губерний, Пермской и Оренбургской.

В северной части Обского бассейна туземцы, у которых обладание землей было отнято русскими поселенцами, принадлежат не к тюркской расе, а к финскому племени: это вогулы, остяки, самоеды. Вогулы,—уральцы по преимуществу, так как Уральские горы стали их родиной с той поры, как русские постепенно оттеснили их по направлению к востоку,—живут теперь главным образом по восточной покатости Уральского хребта, на север от Екатеринбурга; особенно много встретишь их в долине реки Конды, непосредственного притока Иртыша: те из них, которые попадаются там и сям на западном склоне гор, в Европейской России, не постоянные жители, за исключением нескольких семейств, а прохожие звероло-

1 „Mittheilungen von Petermann", 1880 г. № 8.

2 Щапов. „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества", том III.

3 Радлов, „Reise durch das Altai".

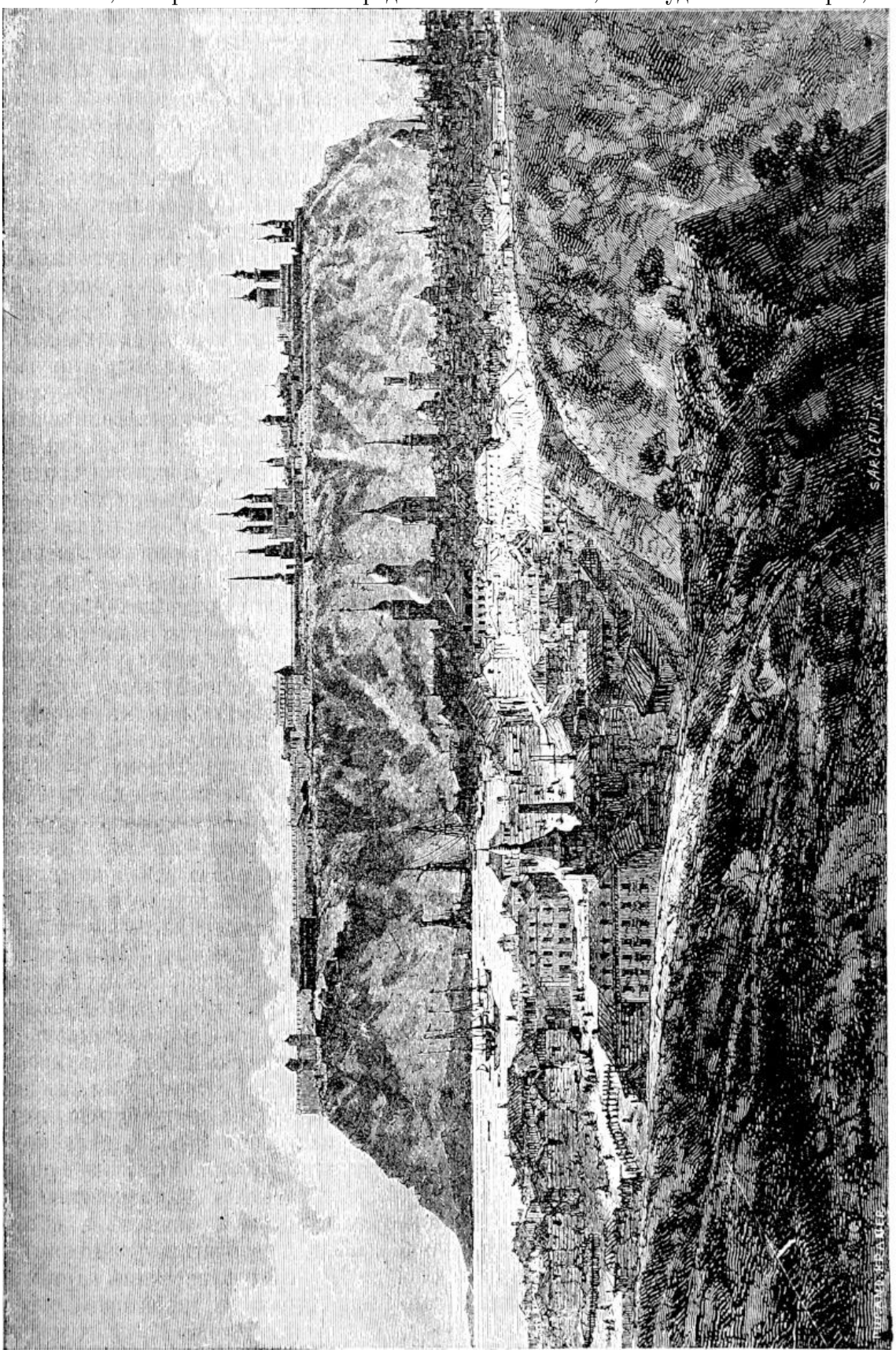
4 Кастров, „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества", том VIII. 1865 г.; Потанин, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера".

вы. Финны остяцкой группы, вогулы, еще недавно называвшие себя, подобно остякам, манзами (т.е. «людьми»), сохранили из отличительных признаков своей расы маленькие косо лежащие глаза и привычку говорить между собой своим старым наречием, более или менее испорченным; но по одежде, образу жизни и роду занятий, по нравам и обычаям, большинство их сделались такими же русскими, как крестьяне, переселившиеся с другой стороны гор[1]. Сами они, когда спросишь у них, какого они рода и племени, утверждают, что они русские, и с течением времени кончится тем, что и другие станут считать их таковыми; те из них, которые занимаются хлебопашеством и живут в избах, сливаются постепенно с массой окружающего населения. Поэтому довольно трудно определить с точностью число вогулов: его показывали различно, от восемнадцати до тридцати тысяч душ; оффициальная статистика насчитывает этих инородцев только четыре с половиной тысячи душ.

Вогульские звероловы всего лучше сохранили нравы и обычаи тех иноплеменных народцев, с которыми Ермак должен был вести войну прежде, чем добрался до Сибирского царства. Одетые в мохнатые малицы с капюшонами, украшенными с левой и с правой стороны ушами животных, они походят издали на лесных зверей; но выражение лица у них робкое, даже пугливое. Они бреют бороду и усы, которые в зимнюю службу превращались бы от дыхания в куски льда, и это открытое, безволосое лицо придает еще более добродушный вид их физиономии. Говорят, не бывало примера, чтобы вогулы ослушались приказаний купцов, которые эксплоатируют этих простодушных дикарей и своими вымогательствами обращают их в настоящих рабов. Вогулы добровольно, без всяких напоминаний, приносят положенные с них подати городским властям, и вперед обязываются делать все, что им прикажут. Само собой разумеется, что они дали, хотя и не без сопротивления, обратить себя в православную веру. Сделавшись христианами по приказу начальства с 1722 года, они научились ходить на исповедь и к причастию, венчаться в церкви, крестить своих детей по обряду православной веры. Но это обращение было лишь кажущееся. В действительности же и теперь еще, то-есть по прошествии более полутораста лет со времени крещения этих инородцев, каждая вогульская семья имеет своих домашних богов, своих пенатов, представляющих либо какое-нибудь четвероногое животное с хвостом, покрытым чешуей, либо человека, обвешанного звериными шкурами и с огромной шапкой на голове: эти грубые изображения бывают обыкновенно прикреплены к коре сосны, елки или березы, и многие лесные просеки обязаны им прозвищем «Шайтанка» или «Шайтанская» (то-есть «Чортова»), которое дано им русскими[2], тогда как с своей стороны вогулы обозначают черта именем «Господь», происходящим, вероятно, от русского слова Господь. Эти инородцы поклоняются также большому национальному идолу[3], без сомнения, «Золотой бабе», о которой говорит барон Герберштейн в своих записках о Московии[4]. Святилище этого идола находится, по рассказам охотников, в одной возвышенной долине Уральских гор, среди болот и дремучих лесов. Женщины, которым случится проходить по близости этого священного места, не имеют даже права смотреть на верхушки деревьев, под сенью которых укрывается божество: запрещенный взгляд стоил бы им жизни. В ночь праздненства, совершаемого в честь этого национального идола, мужчины племени собираются вокруг кумирни и зажигают помост из жердей, который горит словно гигантский факел; затем, когда мрак снова воцарится в священной ограде, один из вогулов подходит к лошади, привязанной к дереву, и наносит ей смертельный удар остроконечным ножем. Кровь жертвы бьет ключом в священную чашу, к которой поочередно подходят испить все присутствующие. Церемония считается неудавшейся, если лошадь умирает сразу и если каждый из участников торжества не успеет вкусить своей доли крови в то время, как бедное животное хрипит и мало-по-малу угасает. Говорят, что вогулы поклоняются также солнцу,—культ очень естественный в этой стране холодов и туманов,—и чтобы иметь

1 Сорокин, „Древняя и Новая Россия", 1878 г. № 3.
2 Pallas, „Voyages dans plusieurs provinces de la Russie".
3 Erman, „Voyage en Siberie".
4 „Rerum moscovirarum commentarii".

хорошую, ясную погоду, обращаются с мольбами к дневному светилу, или прямо, или через посредство своих шаманов, к которым они питают безграничное доверие. «Наши шаманы лучше попов», говорят они: «попы предсказывают нам то, что будет после смерти, шаманы



Общій видъ Тобольска.

же возвещают то, что случится в жизни».

Подобно многим другим финским народностям, вогулы имеют семейные клейма, которые они выкалывают себе на кистях рук, на руках и ногах. Эти фигуры, изображающие по

большей части лук, связанный со стрелами, квадраты, кружки, арабески, узоры, составляют не одно только украшение в глазах вогулов; они имеют в то же время священный характер; они представляют семейное предание, продолжение рода из поколения в поколение. В лесах вогул вырезывает свое клеймо на стволах деревьев, чтобы дать знать о своем проходе тем, которые пройдут после него. Тем же фамильным клеймом он делает рукоприкладство под документами церковными или гражданскими, которые дают ему к подписи русские чиновники или священники. Наконец, он старается вылечиться от вередов или ран, татуируя себе кожу непосредственно над больным местом: таким способом он заклинает болезнь. Несмотря, однако, на эти символические татуировки, свидетельствующие о существовавшем некогда духе национальной солидарности, вогулы, лишенные ныне всякой инициативы и самодеятельности по милости корыстолюбивых купцов, которые их беспощадно эксплуатируют, сделались, может быть, наименее общительным народом из сибирских туземцев. Летом они живут разрозненными семьями, из которых каждая сама по себе гоняется за дичью в лесу; зимой устраивают свои юрты на довольно большом расстоянии одна от другой: нигде эти зимние жилища (зимовья) не бывают сближены настолько, чтобы представлять вид соединенного селения. Семейный дух тоже, кажется, очень мало развит у этих инородцев. Вогул-зверолов может иметь одну или несколько жен, смотря по степени своих достатков, но малейшая размолвка между супругами расторгает брачные узы, и тогда мужчина живет совершенно одиноким, без всяких друзей, кроме своих оленей и собак. Большинство стариков, покинутых своей родней, умирают одинокими: голод или холод—таковы обыкновенные причины смерти для этих несчастных. Оттого и погребение умерших совершается, вообще говоря, без особенной торжественности. Обряд похорон ограничивается тем, что вогулы вырывают яму на том самом месте, где смерть сразила их родича, и, более великодушные, чем накануне, не забывают положить в могилу, вместе с оружием усопшего, запас тютюна и водки. Соли они не кладут, потому что вогулы никогда не употребляют этой минеральной приправы в приготовлении своих яств.[1]

Самым значительным туземным племенем на северо-западе Сибири являются те инородцы, которых русские и другие европейцы обозначают под именем остяков, и которые сами себя называют Кондиху (жители земли по реке Конде), Ас-Ху или Ас-Як (обитатели страны по реке Оби), или просто манзами, то-есть «людьми». Клапрот усматривает в наименовании Ас-Як происхождение того прозвища, которое дали им цивилизованные пришельцы, истребители их расы. Эрман, напротив, уподобляет это название «остяк» татарскому слову уштяк или «чужой» и русскому наименованию чудь, которое имеет тот же смысл и которое славяне давали первобытным жителям древней Сибири. По этнографическим картам, остяки занимают огромную территорию, от устьев Оби до среднего течения Иртыша, и от Уральских гор до Нижней Тунгуски; но эта область почти что в миллион квадр. верст, далеко не вся принадлежит им: это необъятная пустыня, в которой там и сям разсеяны их становища, и совокупность маленьких русских колоний, приютившихся по берегам рек, составляет более значительную группу населения. Как велико число остяков в этом громадном пространстве, которое, при других, более благоприятных климатических условиях, было бы населено сотней миллионов людей? Кастрен насчитывал их около 20.000 душ в 1845 году. С той эпохи переписи, может быть, более полные, дали для остяцкого населения общую цифру, простирающуюся до 23.000 или 25.000 жителей. Однако, мало вероятно, чтобы численность этого племени возросла в эти последние годы, за исключением, впрочем, березовского и сургушского округов, где увеличение населения было довольно значительно, если верить результатам переписи. При том многие названия колен, существовавшие еще в начале настоящаго столетия, теперь уже не упоминаются, и полагают, что эти народцы исчезли вместе с именем, которое они носили. Столь важные в научном отношении записки Кастрена и Радлова, касающиеся наречий этих азиатских народностей, их сравнительной грамматики и их места в ряду человеческих языков, тем более драгоценны, что они относятся к народам, существованию

1 Паллас, „Путешествия"; Сорокин, цитированное сочинение.

которых грозит серьезная опасность, и которые, по всей вероятности, в скором времени будут вычеркнуты из списка этнографических индивидуальностей: многие группы остяков, в следствие русских поселений, даже забыли свой природный язык, и только по преданию их причисляют еще к остяцкому племени. По свидетельству Щапова, обрусевшие остяки вообще отличаются более низким ростом, чем их сохранившиеся в первоначальной чистоте соплеменники, но зато рождаемость в их семьях, как кажется, более значительна[1].

Когда казаки предприняли покорение Сибири, остяки противопоставили завоевателям настоящие армии. Они имели в то время национальную организацию, жили правильно построенными городами. В продолжение только одной военной экспедиции, в 1501 году, русские разрушили 41 таких укрепленных мест; до сих пор видны еще остатки некоторых древних остяцких городков в обдорском округе. В настоящее время остяки, звероловы или рыболовы, живут в жалких низеньких землянках или юртах, покорно подчиняются своим господам, русским, и охотно платят ясак, когда это позволяет их крайняя бедность; достаточно показать сыну узел на веревке, сделанной его отцом, чтобы помнить про его долг, и сын почитает для себя священной обязанностью уплатить этот долг. Уменьшение численности этого инородческого племени идет в некоторых местностях в такой быстрой прогрессии, что его приписывают не только голоду, но также безплодию остяцких женщин; кроме того, две трети новорожденных обыкновенно умирают на первом году жизни; обычай многоженства, с одной стороны, и с другой—вынужденное безбрачие, происходящее от трудности заплатить калым за невесту, способствуют уменьшению пропорционального числа рождений[2]. Но каковы бы ни были перемены, совершившиеся в явлениях рождаемости, страшная нищета и голод уже сами по себе достаточно объясняют вымирание остяцкого народа. Сделавшись данниками русского правительства со времени покорения Сибири, эти инородцы прежде должны были платить ясак шкурами пушных зверей; но лесные пожары, топор лесоруба, порох охотника год от году уменьшают обилие добычи, животные исчезают и зверолов осужден на ту же участь, как и дичь, составляющая единственный источник его пропитания. Обязанные теперь платить дань не натурой, а деньгами, остяки не в состоянии нести лежащее на них бремя платежей, разделываться с купцами за забранную в долг муку и другой товар, уплачивать казне недоимки податей, и если им откажут в выдаче съестных припасов на зиму, они гибнут целыми семьями, падая жертвой голодного тифа. Привычка к пьянству также много способствует истреблению этой расы: при помощи одуряющей водки и крепкой махорки, несчастные дикари впадают в такое полное продолжительное опьянение, что всякая другая одурь, происходящая не от спиртных напитков, называется ими не иначе, как «полупьяным» состоянием. Положение некоторых остяцких колен до такой степени плачевно, и вымирание всех туземцев вследствие истощения от недостатка пищи предвидится с такою уверенностью при нынешних порядках, что предлагали даже отобрать у остяков детей и раздать их в русские семейства, предоставив стариков и вообще взрослых их роковой участи[3].

Не следует искать в нынешних остяках чистокровных представителей угорской семьи, то-есть близких родичей венгерцев, хотя на старинных картах земля их носит название Югрии. Южнее шестидесятого градуса широты мы не находим более чистых, несмешанных остяков[4]. Собранные до сих пор черепа этого племени представляют различные характеры, хотя все они принадлежат в большей или меньшей степени к типу короткоголовых (брахицефалов); некоторые из них приближаются к форме монгольских черепов, другие, напротив, напоминают форму черепа лопарей[5]. Точно также остяцкия наречия, которые из всех финских языков по корням и даже по грамматическому строю наиболее походят на мадьяр-

1 „Записки Сибирского Географ. Общества“, III
2 Поляков, „Письма о путешествии в долину Оби”.
3 Von Middendorff, „Sibirische Reise”
4 Ermann, цитированное сочинение.
5 Virchow, „Berliner Gesellschaft fur Anthropologie”, 21 июля 1877 г.—Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

ский диалект[1], имеют очевидную связь с одной стороны с турецким, с другой с монгольским языками, и даже, на основании этого двойного лингвистического сродства, Кастрен приписывает остякам алтайское происхождение, так как только на Золотых горах они могли находиться в соприкосновении с турками и монголами. Остяцкий язык, так же, как и другие финские диалекты, отличается большой звучностью и очень приятен для уха; между его согласными есть одна шипящая, похожая на английский звук th, но он не имеет буквы *ф*. Вологодский, Эрман, Лерберг, Альквист, Кастрен изучили остяцкое наречие и составили его словари и переводы с него.

Обыкновенно путешественники принимают за типических представителей известной расы первых индивидуумов, которых им случалось изучать: этим объясняется значительная разница портретов, которые они нам рисуют. До сих пор сибирские туземцы не соглашались дать мерять себя, воображая, что эта операция была бы первым шагом к распространению на них воинской повинности[2]. Однако, остяки были посещаемы и наблюдаемы достаточно большим числом ученых исследователей, чтобы можно было определить их тип среди разнообразия индивидуумов, сделавшихся по виду русскими, самоедами или монголами. В среднем выводе, они ростом немного пониже русских, но, когда имеют пищи в достаточном количестве, не слабее их телосложением. Лицо у них круглое, лоб выпуклый, скулы выдающиеся, подбородок короткий и круглый, рот большой и толстогубый, глаза черные, сделавшиеся от постоянного прищуривания слегка скошенными и светящиеся каким-то особенным блеском под пересекающимися ресницами: в стране ослепительных снегов, докучливых мошек, едкого дыма внутри юрт, русские, как и туземцы, принуждены постоянно щурить глаза, оставляя между сдвинутыми веками лишь проход для узкого луча света. Нос остяка, приплюснутый при основании, представляет, особенно у детей, подобие широкой пуговицы или большой бородавки по середине лица. Волосы у них черные, гладкие и жесткие: борода редкая, как у большинства азиатцев. Тип молодых девушек, так же, как у других финских инородцев, заметно более приближается к монгольской физиономии, чем тип мужчин и старых женщин, у которых щеки потеряли округлость и пухлость[3].

Как замечает г. Поляков, Обдорский край, главное средоточие остяцких колен, в точности, представляет, как с точки зрения антропологии, и с точки зрения физической географии, те условия, в которых, по всей вероятности, находилась западная Европа в эпоху северного оленя. Остяка едят, как это, без сомнения, делали и европейцы тех дальних времен истории человечества, плотоядных животных так же охотно, как и травоядных; лисицы, песцы и другие родственные им виды составляют любимую пищу остяков, они пожирают сырое мясо, как пожирали его древние пещерные обитатели берегов Везера, и всегда начинают с куска, который кажется им самым деликатным, самый вкусным,—с внутренностей животного: зимой любят полакомиться стружками сырой и мороженой рыбы. Камень, но в особенности рога и кости животных, и теперь еще служат им материалом для приготовления большей части орудий и домашней утвари, совершенно похожих на те, которые выделывали для себя древние обитатели европейских пещер. Медвежий зуб составляет для них амулет, символ данного слова, целебное лекарство от болезней. Татары или рогожи, которые плетут остячки, не менее похожи на плетеные из камыша, находимые между остатками древних озерных селений Швейцарии, как и на плетенья, приготовляемые современными нам камчадалками; точно так же снаряды, употребляемые ими для тканья волокон дикой крапивы, совершенно одинаковы с теми, которые и теперь еще можно видеть в северной России, и происхождение которых, без сомнения, относится к предъидущим векам человечества.

Порабощение и бесконечные, неоплатные долги ловким эксплоататорам-купцам привели к тому, что остяки утратила свою национальную связь и должны были покинуть города, в которых они жили до прихода русских; но семейные или родовые группы состоявшие из со-

1 Klaproth, „Asia polyglotta";—Castren. „Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre";—Ermann и другие.
2 Finsch, „Reise nach West-Sibirien".
3 Middendorff, „Sibirische Reise".

тен, иногда даже из тысяч душ, сохранили прежний дух солидарности, члены такой семейной федерации или рода смотрят друг на друга как на родных, охотно помогают друг другу и живут между собою, как братья; хотя право собственности признается и хотя территории охоты определенно разграничены, счастливый зверолов всегда делится продуктом своей охоты с теми, которые вернулись с промысла с пустыми руками: при этом последним даже нет надобности ждать, пока им дадут: они имеют право сами брать известную долю добычи. Когда возникнет какой-нибудь спор между двумя членами родового союза,—что вообще редко случается, так как все остяки в высшей степени честны и миролюбивы,—они обращаются к старейшине, который решает дело в последней инстанции и без всяких юридических формальностей; в окрестностях Обдорска, когда произойдет несогласие между несколькими семействами, нужно идти на суд к князю, наследнику того, который был утвержден в княжеском достоинстве грамотой Екатерины II, в 1768 году. Ни князь, ни старейшины не получают от народа никакого содержания, но так же, как и шаманы, они не отказываются от подарков, подносимых им подданными.

С незапамятных времен каждый остяцкий родовой союз имеет своих особенных богов, покровителей племени, которых хранят шаманы, представляющие в одно и тоже время жрецов, прорицателей, знахарей и волшебников. Священные рощи состоят из богов, расставленных целыми сотнями, из столбов, грубо изваянных в виде фигур самой разнообразной формы, из которых многие напоминают идолов полинезийских дикарей[1]. Кроме того, каждое семейство имеет своих домашних божков, всего чаще одетых в красное платье, с приделанной наверху головой из белой жести, иногда даже вооруженных кольчугой и мечем. Но над всеми этими семейными и родовыми богами, в «седьмом мире», царит главный бог, облеченный в свет утренней зари и возвещающий свою волю голосом грома и бури: это Турм или Турум, имя которого напоминает названия бога Тора скандинавов, Таранна галлов[2]. Никто не смеет молиться этому высочайшему богу; он не внимает даже молитвам шамана и руководится в своих действиях только непреложными законами справедливости или велениями неумолимого рока. Остяк знает, что он не должен совершать в честь его жертвоприношений; только его сынам, к которым причисляется также русский святой, Николай угодник, только низшим божествам остяк приносит в жертву оленей или баранов, даже в церквах[3]; только им он может делать подарки, состоящие из пушнины, отростков оленьих рогов и других драгоценных вещей; в жертву этим божествам он иногда приносит и самого себя. Однако, один только шаман своим посредничеством может склонить божество к принятию этих даров, только он один своим пением и продолжительными ударами в бубен может достигнуть того, что бог выслушает просьбу: привязанная к концу длинной палки лента, которую держат против рта идола, указывает своими колыханиями божественный ответ. Точно также один только шаман может совершать чудеса, которые, впрочем, считаются таковыми не только туземцами, но даже и живущими в крае русскими; в мнении последних «черная вера», то-есть шаманство, не менее действительна, как и их собственная, хотя она действует в силу дьявола. В глазах большинства коренных сибиряков, так же, как и в глазах инородцев монгольской, тюркской или манчжурской расы, шаманы представляются чем-то в роде полубогов, управляющих таинственными силами природы; они заклинают стихии, исцеляют недуги, знают секреты будущего, фамильярно разговаривают с добрыми и злыми духами земли и неба. «Богатырю свойственна грубая сила, шаману присущи слова, которые дают силу; богатырь владеет луком и стрелой, но только шаман может сделать, что стрела попадет или не попадет в цель, что рана будет смертельна или несмертельна. Богатырю принадлежат шум и трубный глас, то, что видно и слышно, шаман же обладает тем, чего нельзя ни видеть, ни слышать,—безмолвной, сокровенной наукой, знанием вещей и пониманием причин[4]. Врангель призна-

1 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.
2 Ermann, „Voyage en Siberie”; E. Desjardins, рукописные заметки.
3 Поляков, цитированное сочинение.
4 Elisee Reclus, „La literature turkmene“.

ется, что он никогда не мог видеть настоящего шамана без некоторого ужаса. Но это сверхчеловеческое могущество не передается по наследству. Шаман не выбирает своего сына себе в ученики: если он приметит в своем племени мальчика или молодого парня худого, бледного, болезненного, подверженного припадкам бешенства или падучей болезни, ищущего одиночества, часто убегающего в лес, бодрствующего во время ночи,—это и есть преемник, на которого падает его выбор. Сначала он старается урегулировать его болезненные припадки своими чародейскими средствами, потом заставляет его пройти школу послушничества, обучает его искусству совершать чудеса. Кудесничество шаманов есть настоящая наука в том смысле, что она научает познавать известные физиологические явления, чтобы пользоваться ими для своих целей[1].

Иногда боги одной семьи или одного племени отправляются в гости к другим богам: в этих случаях устраиваются торжественные церемонии, остяки исполняют старинные воинственные пляски, теперь лишенные смысла, представляют мимикой различные сцены охоты, наигрывают на самодельной домбре, инструменте с металлическими струнами, похожем на томбору, которой Эрман ошибочно приписывает мадьярское происхождение, так как венгерцы заимствовали ее у своих соседей южных славян[2]. Пляски оканчиваются пиршеством, в котором всегда принимают участие и боги, ибо шаман угощает их (мажет им лица) кровью или рыбьим жиром. Но надо, чтобы бог чувствовал это чествование, чтобы он отблагодарил за делаемое ему приношение; с ним договариваются насчет цены подарка, торгуются, и иногда удается убедить его быть более умеренным в своих требованиях, более снисходительным в своем торге. Есть также и злые боги[3]: таков бог вод, которого иногда пробуют умилостивить, принося в жертву оленя, то-есть утопляя его в реке. Понятия о святости, о волшебстве приурочиваются ко всему, что в природе отличается величием, силой, уединенным положением. Кедр, который высится одиноко среди соснового леса, есть священное дерево; медведь, на которого тоже смотрят как на «сына Турума» и представителя справедливости на земле,—почитается священным у остяков, как почитался он в былое время у зырян и пермяков; когда охотник убивает зверя, он делает это не иначе, как попросив у него прощенья за совершаемое им преступление, и в продолжение пяти дней, следующих за убиением, он обязан исполнять перед трупом разные церемонии, к которым, у некоторых остяцких колен, примешиваются, по странному контрасту, ругательства и даже побои[4]. Ни одна клятва не считается более страшной, чем та, когда остяк клянется «челюстью медведя», ибо медведь, живой ли, мертвый ли, все видит, все знает. Подобно большей части финских народцев, остяки благоговейно чтут память своих усопших братьев и заботятся о том, чтобы у схороненного покойника было все, в чем нуждаются живые: санки (нарты), стрелы с железным набалдашником, острога, топор, нож, камень от очага или чувала, дрова и по крайней мере подобие пищи. Кроме того, родственники держат в юрте куклу из полена, представляющую покойника; они одевают и раздевают ее, усаживают за стол, укладывают на ночь в постель; но по прошествии трех лет они считают смерть окончательно наступившей, так как труп уже совершенно разложился, и кукла погребается рядом с костями умершего, в могиле, которую украшают оленьими рогами, вырезанными из дерева фигурками, бубенчиками, развевающимися лоскутками. В третьем мире нет более ни болезней, ни печалей, нет ни русских чиновников, ни податей и недоимок; но увы! остякам не суждено войти в этот рай, они навеки останутся во втором мире, который находится по ту сторону океана за Обской губой[5].

Жена у остяков покупается, как скот, и всегда считается существом нечистым, поганым; она не имеет даже имени[6]. Так же, как у самоедов, одна часть юрты всегда остается запрет-

1 Радлов; Миддендорф; Врангель; А. Лефевр и др.
2 Paul de Kiraly, рукописные заметки.
3 Поляков, цитированное сочинение.
4 Ermann, „Voyage en Siberie".
5 Поляков, цитированное сочинение.
6 Костров, „Собрание записок о Сибири".

ной для неё, именно тот угол, где сложены съестные припасы; в некоторых коленах доходит даже до того, что её муж и её собственные дети имеют привычку делать окуриванья, чтобы очистить место, где она сидела[1]. Женщина никогда не наследует ни малейшей доли имущества, напротив, она сама составляет часть наследства. Однако, общая мягкость нравов предохраняет ее от всякого насилия, и в отношении любви и согласия между супругами многие остяцкия семьи могли бы послужить образцом для семейств их соседей, русских поселенцев. В южных областях и вдоль всего течения Оби, где влияние татар, прежних властителей края, предшествовало влиянию русских, обычай требует, чтобы женщины завешивались покрывалом, как магометанки, или отворачивались в присутствии мужчин, тогда как во внутренних пустынях они ходят с открытым лицом, как самоедки, и одеваются подобным же образом. Впрочем, все остяки, которые ведут такой же образ жизни, как самоеды, содержа стада оленей (оленные остяки), сделались и сами настоящими самоедами, по нравам и обычаям, по одежде и даже по языку[2]. Нечувствительные переходы типа, нравов, религиозных обрядов, от семьи к семье, смотря по народцам, с которыми остяки приходят в соприкосновение, и с которыми они вступают в брачные союзы, совершались постепенно. В тобольском округе, татары, известные под именем Заболотных, и ачаирские, исповедующие ислам, как кажется, те же остяки, только отатарившиеся[3].

Самоеды, обитающие на крайнем севере Сибири, вокруг устьев Оби и Таза и по берегам Енисея, принадлежат к поколению юраков, а, следовательно, соплеменники самоедов, кочующих в северной Европе; это такие же самые люди, нисенькие ростом, боязливые, уныло выглядывающие, гостеприимные и смирные, но практикующие еще религию крови и втыкающие куски сырого мяса в зубы своим идолам. Восточные сибирские самоеды, которые встречаются там и сям на юг от Таймурского полуострова, до залива реки Хатанги, составляют другую группу, группу тагвинцев, которая у русских часто обозначается под именем «дикой орды», не потому, чтобы эти инородцы были менее цивилизованы, чем другая самоядь, а потому, что они не крещены, как их родичи, и остались более независимыми. Они держатся в стороне от русских купцов, священников и чиновников; но нигде в своем шествии к северу, далеко от славян, тунгусов и якутов, эти самоеды «дикой орды» не подвинулись до самого моря. Они считают всю область прибрежья принадлежащей по праву «народу» белых медведей, и пресерьезно рассказывают, что неоднократно пытались было завоевать эту приморскую страну, но каждый раз были прогоняемы медведями, которые всегда выставляли по двенадцати бойцов в шеренгу против восьмерых самоедских воинов[4].

Некоторые другие племена рассеяны гораздо далее на юге, и даже в верхнем бассейн Енисея, за пределами территории русской колонизации. Эти самоеды, впрочем, очень малочисленные, которые живут по берегам рек Кана и Маны, на юго-востоке от Красноярска, известны под именем камассов или камассинцев. Кастрен видит в них самых чистых представителей расы, тех, которые остались на своей первоначальной родине, в соседстве Алтайских гор; некоторые из окружающих народцев, отатарившиеся или омонголившиеся, рассказывают, что их предки говорили другим языком, отличным от их нынешней речи, и Кастрен полагает, что этот язык был самоедский. Прогнанные тюркскими завоевателями из своих родимых долин, самоеды спустились на север и северо-запад вдоль по течению Енисея и Оби, оставляя по дороге там и сям свои поселения, в местностях, наиболее подверженных вражеским нападениям, но принужденные во многих местах переменить имя, нравы и наречия, соответственно тем народностям, с которыми они находились в соприкосновении[5]. Прежде во времена татарского владычества, большинство из этих инородцев смешались с тюркскими народностями. На правом берегу Оби и в долинах восточных её притоков: Чулыма, Кети,

1 Ermann, „Путешествие в Сибирь".
2 A. Castren, „Die Volker des Altai".
3 „Список населенных мест Российской империи, Тобольск".
4 Von Middendorf, „Sibirische Reise".
5 „Die Volker des Altai".

Тыма живут около 4.000 самоедов, которых обыкновенно причисляют к остякам, и которые, может быть, в близком будущем сделаются русскими.

Славянское население относительно очень плотно в той части Пермской губернии, которая находится на восточной покатости Уральского хребта, и которая образует треугольное пространство, с условными границами, орошаемое различными притоками Тобола и Иртыша. Эта область Азии, соединенная еще с Европейской Россией в административном отношении, была колонизована первая, и в настоящее время заключает слишком миллион жителей, то-есть населена пропорционально от двадцати до тридцати раз плотнее, чем Сибирь. Она, конечно, воспользовалась выгодами, которые дает ей близость европейских городов, но своей относительной важностью, в ряду других провинций империи, она обязана собственным рессурсам, своим природным богатствам. Средний Урал есть главная горнозаводская страна России, и азиатский склон еще богаче европейского ската, где добывают в изобилии драгоценные металлы, железную руду, каменный уголь, соль. Точно так же, как на европейской покатости, кристаллические горные породы, силурийские, девонские, триасовые пласты верхних хребтов и боковых кряжей были частию разрушены атмосферными деятелями и рассеяны у восточного основания гор, в виде груд каменных обломков большой мощности, где находятся драгоценные руды, скрытые в недрах земли сокровища, которые и привлекли в эту страну славянское население. Фискальные соображения побудили русское правительство сгруппировать в одну провинцию горнозаводские округи той и другой покатости Каменного пояса, тогда как естественная граница должна бы была следовать либо по направлению водораздельной линии, либо по низменности Иртыша, которая представляет впадину древнего пролива, соединявшего Каспийское море с Ледовитым океаном. Административные границы, начертанные между двумя континентами, проходят через страну почти случайно, пересекая наискось реки бассейна и перерезывая без всякого соображения с географическим законом область озер, болот, лесов, неопределенных покатостей, которая простирается на восток от Уральских гор.

Только около начала восемнадцатого столетия начали оценивать важное значение подземных рудных залежей, и были основаны первые плавильные заводы на восточном склоне среднего Урала, построенные на месте старых копей жившего здесь прежде народа чудь, который разрабатывал все встречающиеся в стране руды, за исключением одного железа[1]. Возростающая важность уральского горнозаводского округа, значительные бюджетные доходы, которые получало из этого источника русское правительство, и в особенности баснословные богатства, которые съумели приобрести некоторые горнопромышленники, сделавшиеся основателями княжеских домов в силу обладания золотой жилой или залежью малахита, все более и более привлекали внимание к этим горам, которые теперь стали одной из классических областей геологии, и по которым путешествовали многочисленные ученые: до сотни тысяч рабочих работали одновременно на рудниках и заводах Урала. Со времени открытия «золотых полей» Калифорнии и Австралии относительная важность Урала, как страны производства драгоценных металлов, значительно уменьшилась; точно также медные руды екатеринбургского округа не могут оспаривать европейские рынки у продуктов медных рудников Австралии, Боливии, Чили: но железные руды Урала, столь же высокого качества, пользующиеся таким же предпочтением, как лучшие руды Швеции, всегда будут иметь для России капитальную ценность, а по некоторым дорогим каменным породам, особенно по своим великолепным малахитам, Урал и теперь еще занимает первое место между рудными горами. Железная дорога, соединяющая ныне два главные центра Пермской губернии, Пермь, город административный, бедный и печальный, и Екатеринбург, город промышленный и горнозаводский, город европейского вида, позволит более деятельно эксплоатировать эти богатства, которые до сих пор утилизировались только для дворцов государей, да для некоторых привилегированных музеев. Именно эти месторождения малахита находятся неда-

1 Паллас; Лопатин и др

леко от железной дороги и от станции, которая носит имя «Азии», чтобы напомнить едущим из Европы путешественникам, что они вступают в другую часть света. В Нижне-Тагильске, обогатившемся от своих рудников золотых, платиновых, железных, открыли на глубине 42 сажен чистую массу великолепного малахита, занимающую несколько сажен по всем трем измерениям и весящую около 2.000 пудов[1]. Вообще Нижне-Тагильский чугуноплавильный завод самый важный из горных заводов Сибири (среднее годовое количество чугуна, выплавляемого на этом заводе, простирается, по Субботину, до 2.450.000 пудов). Холм, называемый Высокой горой, который питает рудой, с 1720 года, плавильные заводы Тагильские и Невьянские, представляет громадную глыбу железа, разрабатываемую в виде каменоломни и заключающую по меньшей мере 367 миллиардов пудов железной руды, которая на две трети состоит из чистого металла; выемки, сделанные до сих пор в боках этой металлической горы рудокопами, наглядно показывают относительную маловажность приложенного до сих пор человеческого труда в сравнении с теми богатствами, которые еще лежат непочатыми в недрах Урала.

Прежде главным городом этого горнозаводского округа был Верхотурье, названный так по причине его положения в долине верхней Туры. Он был построен, с 1598 г. на месте древнего Нером-Кура, «чудского или вогульского городища», и, в продолжение более, чем полутораста лет, служил средоточием торговли для всей области горной промышленности; в этом городе находится древнейший монастырь русской Азии[2]. С открытием, в 1763 году, новой дороги из Перми в Екатеринбург, проходящей гораздо южнее, Верхотурье утратил всю свою важность, как торговый город; ту же участь испытал и сосед его Пелым, лежащий на реке Тавде. Этот последний представляет теперь бедную деревушку, и путешественник отыскивает в нем место, где стояли дома, в которых Минин, Бирон и многие другие изгнанники прошлого столетия провели свои годы ссылки. Все рудники и металлургические заводы верхней долины Туры составляют один округ, Гороблагодатский. Гора этого имени, Благодать, есть огромная глыба магнитного железняка, поднимающаяся на границе Европы с Азией до высоты 1.540 футов. По преданию, один вогул открыл русским рудокопам существование этой замечательной горы, и чтобы наказать его за то, что он привлек в страну толпу чужеземцев, его соотечественники сожгли его живого: часовня, которая высится на одной из двух вершин горы Благодати, была сооружена, говорят, ради искупления этого преступления. Теперь уж не находят сильных естественных магнитов в гороблагодатской руде: лучшие экземпляры получаются с другой более высокой горы(2.770 футов), называемой Кашканар, которая господствует над городом Нижне-Туринском[3].

Долина реки Тагиль, которая соединяется с Турой в пределах Пермской губернии, еще богаче горными заводами, чем верхния бассейн Туры; но промышленная деятельность направилась также в верхнюю долину реки Нейвы, которая получает начало в небольшом расстоянии к востоку от потоков Тагиля, в той же самой группе гор. Там, в верховьях Нейвы, ниже одного прекрасного альпийского озера, находится знаменитый Невьянский или Нейвинский завод, который считают,—однако ошибочно,—самым старым из всех горных заводов азиатского Урала: основание его относится к 1699 году. Спустя три года Петр I отдал его в «вечное» владение горному промышленнику Демидову, прибавив к заводу пространство земли, исчисляемое в 1.275.775 десятин. Подобно Пизе, Невьянск тоже имеет свою наклонную башню; но эта массивная постройка страны вогулов не представляет и тени того изящества стиля, каким отличается итальянское здание.

К востоку от Невьянска и на той же реке Нейве находим другой город с железноплавильными и медеплавильными заводами, Алапаевск, где тоже собираются тысячи рабочих и рудокопов. Но для этих мануфактурных горнозаводских городов и для окружающих их промышленных селений нужен был экспедиционный рынок, лежащий уже в области равнины

1 Murchison, „Russia and the Ural mountains“.

2 Ermann, „Voyage en Siberie”.

3 Эрман, цитиров. сочинение.

и легкодоступный как для барок, так и для телег. Таким рынком сделался город Ирбит. Расположенный при слиянии, речки Ирбити с Ницей, которая принимает в себя Нейву и далее соединяется с Турой, этот город, как полагают, татарского происхождения, название которого произошло, вероятно, от имени Ирбейск, данного ему туземцами, был, в первые времена русской колонизации, простой слободой, окруженной пустынными, необитаемыми пространствами: там со всех сторон тянулись на большое расстояние леса, хвойные на северо-западе, лиственные и преимущественно березовые на юге и юго-востоке[1]. Колонизация началась только с половины семнадцатого столетия. В 1775 году Ирбит возведен был на степень города, в награду за то, что он остался верным императрице во время пугачевского бунта. Как город, Ирбит немного увеличился; но каждый год он приобретает на известное время первостепенную важность между сибирскими городами: в продолжение всего февраля месяца он становится Нижним Новгородом азиатской России. Дома, пустые в остальное время года, наполняются тогда иногородными гостями, приезжающими из всех частей Империи: смотря по более или менее благоприятному ходу торговли, на ирбитскую ярмарку съезжается от 12.000 до 20.000 посетителей. Несмотря на суровость температуры, несмотря на сильные морозы и леденящий ветер, который иногда поднимает снежные вихри и бураны, сибирский тракт ни на минуту «не отдыхает» во все продолжение ярмарки. Дома, стоящие по краям дороги, превращаются в эту горячую пору в гостиницы и постоялые дворы, где постоянно кипит пузатый самовар, чтобы приготовить чай приезжающим, и лошади во всей упряжи, поставляемые крестьянами ближайших к тракту селений, стоят наготове в ожидании повозок и обозов с товаром. С начала текущего столетия торговля ирбитской ярмарки, снабжающей товарами почти всю Сибирь, более чем удесятерилась по своим оборотам. В 1809 году общая ценность привезенного на ярмарку товара превышала три с половиной миллиона рублей: в 1829 году ее исчисляли почти в 11 миллионов; в 1849 г. она достигала уже 32 миллионов; а в настоящее время эта ценность простирается слишком до 50 миллионов рубл. в хорошие годы: так, в 1879 году было привезено на ирбитскую ярмарку разных товаров на сумму 50.373.000 рубл., из этого числа продано на сумму 48.890.150 рублей. Европейская Россия, через посредство ирбитского годового торга, доставляет сибирякам всех местностей, вплоть до берегов Тихого океана, всякого рода ткани и материи, отечественного или иностранного производства, орудия и инструменты, металлические изделия, сахар, пшеничную муку, виноградные вина, даже крупичатые сухари, и в обмен за эти мануфактурные произведения и колониальные товары купцы её запасаются здесь сибирскими продуктами, преимущественно пушным товаром и кожами. Как только ярмарка кончилась и громадный базар опустел, на улицах Ирбита снова воцаряется тишина и безмолвие: в продолжение одиннадцати месяцев этот торговый центр территории, равной пространством всей Европе, представляет не более, как угрюмый и сонный провинциальный городишко, жители которого обращают взоры к Екатеринбургу, Тюмени или Тобольску, как к столицам, центрам человеческой деятельности. Что касается железных рудников, которые первоначально вызвали к жизни город Ирбит, то они утратили свою важность. Главный завод этой местности, называемый Ирбитским, хотя он лежит в шестидесяти слишком верстах к юго-западу от города, производит средним числом до 735.000 пудов железа[2].

По соединении с ирбитской Ницей, река Тура протекает через округ Тобольской губернии, административный пункт котораго город Туринск (древний Епанчин), и затем спускается на юго-восток к Тюмени, одному из значительнейших городов Сибири. Этот город славился уже до прибытия русских в край, и на карте Герберштейна, относящейся к 1549 году, он представлен обнесенным каменной оградой: сибирские татары до сих пор еще знают его под именем Дженгис-тора или «города Чингис-хана», и приписывают основание его знаменитому азиатскому завоевателю[3]. Как место соединения многочисленных дорог, как

1 Булычев, „Записки Уральского общества естествоиспытателей", том IV, 1878 г.

2 Семенов, „Географ. Словарь Российской Империи".

3 Ermann, „Путешествие в Сибирь".

западная конечность главного судоходного пути Сибири, как конечный пункт громадной березовой аллеи, которую Екатерина II велела насадить на всем пространстве от Нижнего Новгорода до горных заводов Урала, и которую она пыталась защитить от топора русских и

Остяки.

башкирцев угрозами ссылки и смертной казни, Тюмень сделался, несмотря на близкое соседство Ирбита, одним из важнейших торговых городов Обского бассейна. Здесь тоже бывает каждый год значительная ярмарка, где производится торговля чаем и другими товарами,

и обороты которой превышают миллион рублей; но своим важным значением город обязан главным образом своей мануфактурной промышленности, которая год от году все более увеличивается. Тюмень имеет претензию быть сибирским «Манчестерем», и из его мастерских выходят, между прочим, ковры, употребляемые почти по всей Азиатской России. В 1871 году в этом городе насчитывали уже более сотни различных фабрик и заводов, а в наши дни между его промышленными заведениями существуют такия значительные, как мастерская для изготовления паровых машин, обширный кожевенный завод, выделывающий кожаного товара на сумму около миллиона рублей в год, и, в окрестностях города, строительная верфь для парового флота Обского бассейна; леса, растущие по Туре, доставляют этой верфи дерево, считающееся лучшим в Сибири. Город и окружающие его селения выделывают также в большом количестве разную домашнюю утварь и посуду из липы и деревянные ящики разного рода; в тюменском округе каждый год приготовляется около 50.000 штук телег и саней. Тюмень есть вместе с тем главный складочный пункт для пароходов, плавающих по Оби, хотя он бывает соединен с сетью речного судоходства только в период весеннего половодья; летом пароходы обыкновенно не могут проникать в реку Туру; они принуждены останавливаться на Тоболе, на половине дороги из Тюмени в Тобольск, у пристани села Артамонова.

Екатеринбург, лежащий у восточного основания Уральских гор (порог которых, впрочем, находится всего только на 656 футов выше местоположения этого города), не пользуется такими же временными выгодами, как Тюмень, для речного судоходства; но он поставлен в столь же благоприятные условия в отношении сухопутных сообщений и до устройства сибирского рельсового пути составлял конечный пункт железных дорог из Европы в Азию; он занимает центральное положение между двумя горнозаводскими областями, между северным и южным Уралом, и в ближайшем его соседстве, верстах в десяти к северо-востоку, находится Березов или Березовский завод, который еще недавно имел столь важное экономическое значение, благодаря своим золотым и платиновым рудникам, открытым в 1820 году; в 1827 году общая ценность этих благородных металлов, добытых из Березовских рудников, простиралась до 15 миллионов рублей[1]. Горные заводы Верх-Исетские, составляющие предместье города, на северо-западе, и Нижне-Исетские, на юго-востоке, также представляют значительную важность по своему производству, в особенности по отливке чугуна. Екатеринбург, который величается тем, что он еще европейский город, есть один из красивейших городов России. Он расположен наклонно, по отлогой покатости, спускающейся к берегу реки Исеть, которая в этом месте расширяется и образует судоходное озеро, окруженное деревьями. Высокие белые каменные дома с зелеными крышами из листового железа, похожего на плиты малахита, поднимаются над живописными деревянными домиками, и над всей массой строений господствуют колокольни и позолоченные куполы церквей; вдали на горизонте виднеются волнообразные очертания Уральских гор. Первый домик Екатеринбурга был построен в 1722 году, и город стал быстро развиваться, благодаря соседству богатых рудников. Промышленность этой азиатской столицы, резиденции горнозаводских властей, составляющих своего рода правительство (главное управление Уральских горных заводов), зависит, как и прежде, от богатств, заключающихся в недрах земли. Екатеринбургская гранильная фабрика пользуется большой известностью. Здешние шлифовальщики драгоценных и полудрагоценных камней отправляют в Европейскую Россию порфировые вазы, столы и другую мебель из малахита, из родонита, и тысячу различных изделий из дымчатого топаза, из яшмы, из горного хрусталя, превосходно вырезанных и отполированных, но не отличающихся разнообразием рисунков. Существовавший прежде в Екатеринбурге монетный двор, где чеканилась медная монета, иногда также золотая и платиновая, упразднен несколько лет тому назад; но взамен того промышленная деятельность города увеличилась несколькими частными фабриками, в том числе механическим заводом. Добыча разных металлов из уральских рудников, на обоих склонах гор, представляет приблизительно следующие цифры:

1 Эрман, цитированное сочинение.

Золота 400 пудов. Платины 90 пуд. Железа 29.908.117 пуд. (3.745.100 пудов на казенных заводах остальное количество на частных). Меди 121.025 пуд. Никкеля 248 1/2 пуд.

В Екатеринбурге существует метеорологическая обсерватория, и с 1872 года этот город сделался местопребыванием ученого общества, «уральского общества естествоиспытателей», которое издает интересный сборник, содержащий статьи на русском и даже на французском языке по геологии, ботанике, зоологии и этнографии уральских стран. Это общество устроило, с 1876 года, в разных частях Урала, около 70 метеорологических станций, сравнительные таблицы которых очень полезны для изучения местного климата. Уже ближайшие окрестности Екатеринбурга представляют множество любопытных предметов наблюдения в подземных галлереях рудников и на поверхности земли. В особенности замечательны, верстах в четырех к югу от озера Шарташ, многочисленные горки из слоистого гранита, прозванные, по причине их сходства с палатками, «каменными шатрами»[1]. Один из утесов, окаймляющих течение реки Пыжмы, покрыт какими-то надписями на неизвестном языке, которые отличаются от надписей, находимых на Алтае и Енисее, гораздо большим изяществом букв[2].

К востоку от Екатеринбурга встречаем другие города, Камышлов на Пыжме, Далматов и Шадринск на Исети, которые зависят еще в административном отношении от Перми. На юге также есть города, которые, хотя находятся в Обском бассейне, тем не менее принадлежат к европейским губерниям. Троицк, на реке Уй, приток Тобола, самый важный из этих новых городов, благодаря своему положению, в качестве промежуточной станции, между Оренбургом и Омском, при соединении двух плодородных долин и на окраинах степи, которая простирается на юг и на восток, к арало-каспийским странам и к Небесным горам. Окруженный разноплеменными населениями: русскими, башкирами, мещеряками, киргизами, Троицк был прежде одним из главных рынков западной Азии; в нем образовались, некогда, многие из купеческих караванов, перевозящих европейские товары в Ташкент, в Хиву, в Бухару, в Челябинск или Челябу, город, лежащий на дороге из Троицка в Екатеринбург. Но с тех пор, как дорога из Оренбурга в Ташкента сделалась главным путем из Европы в Туркестан, Троицк в значительной степени утратил свое прежнее торговое значение; деятельность его сосредоточена теперь главным образом на торговле скотом. Ярмарка в селе Крестовом считается самым важным годовым торгом на азиатской стороне Урала: в 1893 году привоз товаров на эту ярмарку по ценности простирался до 10.000.000 рублей.

Город Курган, который находится уже в пределах административной территории русской Азии, на левом берегу Тобола, напоминает своим именем существование древней искусственной горки, но этот холм «Царской крепости», который имел 80 сажен в окружности и был обнесен каменной стеной и обведен рвом, перестал существовать уже около двух сот лета тому назад: русские, раскопав курган, где ими было найдено множество драгоценных украшений, сделанных из золота и серебра, построили на нем крепостцу, которую, однако, они принуждены были впоследствии покинуть, по причине постоянных обвалов берега, подтачиваемого водами Тобола. Военная колония, находившаяся у подножья бугра, переселилась верст на девять ниже по реке и мало-по-малу разрослась в торговый город, который мы видим ныне на месте её; в окрестных селениях главный промысел жителей—выделка бочек для сала. Курган—самое значительное городское поселение выше Тобольска; однако Ялуторовск, лежащий также на левом берегу Тобола, построенный в 1641 году, на развалинах прежнего татарского городка, представляет довольно оживленный пункта, по крайней мере во время происходящей в нем ежегодно конской ярмарки; это город с черными домами, с широкими улицами, окруженный ветряными мельницами, высящимися на срубах пирамидальной формы. Окружающая страна одна из самых хлебородных местностей Сибири, а большинство населения живет в довольстве благодаря продаже скота, сала, кож, пшеницы и других зерновых хлебов. Ялуторовский округ также один из тех округов Сибири, куда правительство в недавнее время посылало наибольшее число ссыльных, осужденных за кражу,

1 Рогов, „Записки Уральского общества естествоиспытателей", том I, 1873 г.

2 Спасский, „De antiquis quibusdam sculpturis"; Эрман и друг.

и куда сельские общества европейской России отправляли своих ленивых членов, от которых они хотели отделаться; цыган там тоже больше, чем во всякой другой части страны. Преступления довольно часты в этой области, самой населенной во всей Сибири.

Ишим, приток Иртыша, как и Тобол, и сохраняющий направление, параллельное этой последней реке в большей части своего течения, также омывает несколько важных городов. Акмолинск (от татарского слова Ак-молы, означающего «Белую могилу»), главный город области того же имени (Акмолинской), лежит недалеко от истоков Ишима, среди киргизской степи, и близкое соседство кочующих киргиз-кайсацких племен сделало его значительным рынком. Далее на западе, при слиянии Ишима и реки его имени, Атбасар, бывшая казачья станица, основанная для наблюдения за кочевниками окрестной местности, сделался мало-по-малу городом мирных землевладельцев и торговцев. Петропавловск, на правом берегу Ишима, лежит уже за пределами киргизской территории, и вся окружающая его местность населена славянами более или менее чистого происхождения; тем не менее он служит местом меновой торговли с номадами, которые приходят сюда толпами сбывать свои продукты, продавать свой скот, и в свою очередь запасаются здесь всем необходимым; более трех тысяч этих сынов степи поселилось в годе рядом с русскими в качестве оседлых жителей. Петропавловск самый многолюдный город во всем бассейне Ишима; сверх того он имеет то преимущество над большей частью сибирских городов, что представляет живописную картину, благодаря скалам, на которых лежат развалины старинной крепости, на высоте 14 сажен над уровнем реки. Ишим, который получил имя омывающей его реки, когда был возведен на степень города, не может соперничать с Петропавловском ни по красоте местоположения, ни по числу жителей; но он производит более обширную торговлю в дни ежегодной ярмарки, продолжающейся с 1 по 20 декабря: в это время сюда собирается около десяти тысяч иногородних посетителей, и торговые обороты простираются до 5 миллионов рублей. Окружающая область, называемая Ишимской «степью»,—одна из богатейших стран Сибири: это волнообразная территория, покрытая черноземной почвой, изрезанная оврагами и пересеченная грядами холмов, слегка покатых к северу, круто обрезанных на южной стороне, и постепенными переходами сливающаяся с Киргизской степью. В ишимском округе многочисленные бассейны бывают попеременно то мелководными озерами, изобилующими, однако, рыбой, то луговыми равнинами, где крестьяне косят траву. В 1841 году в округе насчитывали более трехсот высохших озер. Затем в 1859 году они опять начали наполняться, и пять лет спустя вода везде снова приняла свой нормальный уровень.

Будущие города верхнего бассейна русского Иртыша, каковы Зайсан, близ озера того же имени, Кокбектинск или Кокбекты, на боковом притоке этой реки, и Каркаралинск, в небольшом замкнутом бассейне, едва отделяющемся от Обской покатости, представляют пока еще только казачьи посты, вокруг которых сгруппировались русские поселенцы хлебопашцы, татарские торговцы и киргизы, меняющие свою кочевую жизнь на оседлое существование. Первый город на Иртыше, заслуживающий этого названия,—Устькаменогорск, лежащий, как показывает его имя, при выходе из горного ущелья и недалеко от области рудников. На северо-востоке, в маленькой долине речки Глубокой, около тысячи рабочих разрабатывают залежи медной руды в Белоудовском руднике. Ниже Семипалатинск, возведенный ныне на степень областного города, расположен на возвышенном правом берегу Иртыша; впрочем, он должен был часто переменять место по причине обвалов берега, подтачиваемого водами реки, и нашествия дюн, и одна из подгородных деревень, окруженная со всех сторон сыпучими песками, выстроилась на прежнем местоположении города, под именем «Старого Семипалатинска». Это наименование Семи Палат, данное русскому городу, обязано своим происхождением семи домишкам, которые некогда находились в окрестностях и служили капищами туземным калмыкам; во время путешествия Гмелина по Сибири, одна из этих лачуг заключала еще двух идолов, изображавших медведей, а в другой видны были на стенах какие-то неясные очертания, похожия на человеческие фигуры. Недалеко оттуда, в Аблайкитской долине, находятся развалины другого языческого храма, очевидно буддистского происхождения. Семипалатинск, населенный преимущественно татарами, прежде поддер-

живал деятельные торговые сношения с китайским городом Чучучаком, которые, вследствие событий в Кашгарии, ныне почти совершенно прекратились; но взамен того он ведет теперь торговлю с Ташкентом и Бухарой, и в лавках его мы найдем те же самые товары, какие продаются на базарах этих двух среднеазиатских городов. Что касается движения торгового обмена с Россией, то оно иногда приостанавливается летом вследствие большего спада вод в Иртыше: в этом месте, вниз по течению реки, показываются последние ряды камней или пороги на дне речного ложа. Пески некоторых притоков Иртыша дают каждый год золотопромывальщикам небольшое количество золота.

Следующий за Семипалатинском ниже по Иртышу городок Павлодар есть не более, как промежуточная станция и пристань на половине дороги из Семипалатинска в Омск, нынешнюю столицу Западной Сибири. Омск построен в степи, на обоих берегах Оми, при слиянии этой реки с Иртышем; кроме того он находится на главном сибирском тракте и в поясе русской колонизации, разделяющем киргизов на юге и татар на севере. Крепость его, которая существует еще на правом берегу Оми, сделалась резиденцией высшей военной и гражданской администрации края (главное управление Западной Сибири), и местная торговля извлекла выгоды из этого обстоятельства. В Омске, который добивался чести сделаться современем местопребыванием сибирского университета, главное учебное заведение—военная гимназия, где учится около 350 воспитанников; при этой школе имеется музей естественной истории. В 1877 г. в этом городе основался один из отделов русского географического общества (западно-сибирский), имеющий задачей научные исследования во всей Западной Сибири.

На восток от Омска, главная сибирская дорога следует вверх по долине реки Оми, где находится, почти на половине пути от Иртыша до Оби, город Каинск, на берегу Оми, в центре Барабинской степи. В числе его жителей насчитывается несколько сот евреев, сосланных на поселение и водворенных в этой части Сибири за контрабанду. На берегах Иртыша, между Омском и Тобольском, на расстоянии около тысячи верст по извилинам реки, в настоящее время существует только один город, Тара, лежащий на левом берегу Иртыша, напротив впадения реки его имени. Будучи гораздо более древним русским поселением, чем Омск, так как основание её относится к концу шестнадцатого столетия. Тара пользовалась прежде выгодами, которыми впоследствии овладел Омск, как пограничный военный город, и отсюда в прежнее время отправлялись все военные экспедиции против киргизов. Между постоянными жителями города находятся еще магометане бухарцы, потомки купцов из Татарии, которые поселились в Таре, когда она была главным рынком окружающей страны. При Петре Великом здесь было перебито, по приказанию царя, около семи сот жителей раскольников, отказавшихся принести присягу на верноподданство. С той эпохи Тара, которая, впрочем, стоит в стороне от главного сибирского тракта, принадлежит к числу городов, наиболее медленно возраставших.

Тобольск, бывшая столица всей Азиатской России, а в наши дни простой губернский город, также пришел в упадок; он теперь стоит уже только восьмым между городами Сибири по числу жителей, и при том многие другие города, как кажется, должны скоро опередить его в этом отношении. А между тем он занимает географическое положение одно из самых важных и выгодных, при соединении долин двух больших рек—Иртыша и Тобола, и следовательно в центре судоходной сети Западной Сибири: но он находится севернее 58 градуса северн. широты, правда, ближе к экватору, чем Петербург, но под изотермическими линиями, менее благоприятными, недалеко от границы произрастания хлебов. Кроме того, Тобольск, город развенчанный, перестал быть одною из главных станций большого торгового пути Сибири, который прежде делал крюк к северу, чтобы пройти перед губернаторским дворцом, и который теперь из Тюмени направляется прямо в Омск через Ялуторовск и Ишим; но он все еще служит сборным местом для партий арестантов, пригоняемых из России, и распределением их по разным частям Сибири заведует тобольский приказ о ссыльных. Во время путешествия Фалька, в 1772 г., Тобольск имел более 15.000 жителей, немного

менее, чем в наши дни. От татарской эпохи не сохранилось никаких остатков: Бицик-Тура или «Женский город», существовавший в этом месте во время нашествия Ермака (которому в Тобольске поставлен памятник на высоком холме—мраморный обелиск на гранитном пьедестале с надписью «покорителю Сибири Ермаку»), был совершенно разрушен казаками. Не уцелела также ни одного здания от первых времен занятия края русскими, так как в восемнадцатом столетии два большие пожара опустошили город. Тем не менее Тобольск, с его церквами, высоко поднимающими свои разрисованные куполы, с его старинным кремлем господствующим с горы над нижними кварталами, расположенными на берегу широкого Иртыша, все еще по красоте вида один из самых величественных городов Сибири. Его рыбный рынок—один из самых богатых, наиболее обильно снабжаемых во всеми свете. Барки и досчаники привозят на тобольский рынок ежегодно до 500.000 пудов разной рыбы, продажа которой производит в городе торговые, обороты на сумму, по меньшей мере миллиона рублей, но за которую, вероятно, было заплачено никак не более 10.000 рублей остяцким рыболовам[1]. Ниже Тобольска на Иртыше нет ни одного города, но большая деревня Самарова, построенная на холме, который господствует с южной стороны над двумя аллювиальными равнинами Иртыша и Оби, соединяющимися ниже в виде взаимно переплетающихся каналов или рукавов, замечательна, как бывшая столица остяцкого царства. Туземцы покинули это поселение, чтобы отправиться на жительство в отдаленные становища; на их место пришли и водворились русские ямщики, занимающиеся извозным промыслом. Эти низменные страны, где соединяются Иртыш, Обь и их притоки, составляют одну из наименее доступных частей Сибири, именно по причине их малого возвышения. Огромные пространства, обнимающие многие тысячи квадр. верст, представляют болота, неприступные для зверолова и даже для рыболова. Вообще можно сказать, что за исключением земель, прилегающих близко к большим рекам и вследствие того пользующихся естественным дренажем, все пространство, которое простирается на север от 57 градуса широты, между Тоболом и Обью, представляет собою одно обширное болото. Огромные леса, совершенно непроходимые и напоминающие в некоторых местах тропические чащи корнепусков, так как по ним можно пробираться не иначе, как в лодке, занимают все пространство, заключающееся между Обью и Уральскими горами: эти леса составляют совершенно особенный мир с своеобразным характером природы, мир—дико суровый, угрюмый, безмолвный. Область, отделяющая Обь от Иртыша, и по которой протекают две реки Юган, перерезана по середине незначительным возвышением почвы, образующим тундру, длиною около 600 верст, которая у окрестных татар известна под именем Урмана. Этот хребет, поднимающийся над лесами и над равниной, сплошь состоит из растительных остатков, и почва его трясется под ногами человека, хотя последний не рискует увязнуть в ней; кое-где холмики, покрытые кривыми, приземистыми березками, ростущими на этой тундре, превращаются в островки во время дождей.

К северу от Алтайских гор и Барнаульских равнин нет ни одного большого города на берегах Оби. Колывань, который еще лет пятьдесят тому назад был простой крепостцой или острогом, приобрел некоторую важность, как место рыбной ловли и как рынок земледельческих продуктов; но главным торговым центром этой страны сделался Томск, лежащий близ правого берега Томи, верстах в ста от слияния этой реки с Иртышем. Из всех городских поселений Сибири Томск, может быть, наиболее походит на город Европейской России по архитектуре домов, роскоши магазинов, оживлению главных улиц; вместе с тем это город, жители которого выказывают в сильной степени коммерческую инициативу и предприимчивость; уже около двух столетий он находится в непосредственных торговых сношениях с Бухарой, и татарские торговцы имеют в нем свой особенный квартал; томские казаки, самые предприимчивые колонизаторы, были истинными завоевателями Сибири, и услуги, которые они этим оказали распространению русского могущества, были признаны и награждены в семнадцатом столетии титулом «боярских детей», пожалованным им царем. Сотни рабочих

1 Поляков, „Письма путешественника в долину Оби".

заняты розысками золота в южных и юго-восточных золотоносных округах, которые хотя не так богаты металлом, как золотые прииски восточной Сибири, но где зато издержки по искáнию россыпей гораздо менее значительны. Томск современи открытия сибирского университета стал населеннейшим городом Сибири, он сделался умственным центром всей Азиатской России, куда вслед за молодежью устремился и торговый люд. К университетскому зданию прилегает обширный парк, пожертвованный одним томским гражданином, и обращенный в ботанический сад при университете. Как все города Азиатской России, Томск, «сибирская Москва», занимает огромное пространство, и предместья его, где бараки чередуются с грудами развалин, продолжаются на несколько верст. В 1876 году пароходная пристань находилась на расстоянии почти 7 верст от центра города[1].

К востоку от Томска два города, Мариинск и Ачинск, лежащие в бассейне реки Чулым, по которой теперь поднимаются пароходы (с 1866 года), имеют некоторую важность, как станции на главной сибирской дороге; но ниже, по течению Оби, города, отстоящие один от другого на сотни верст, представляют не что иное, как группы невзрачных домишек. На всем пространстве от Томска до слияния Иртыша с Обью, то-есть на расстоянии более 1.500 верст, мы встречаем только два бедных городка или вернее местечка—Нарым (по-остяцки значит «Болото»), Томской губернии, ниже впадения р. Кеть в Обь, и Сургут, Тобольской, при устье небольшого притока того же названия, откуда вывозятся в большом количестве кедровые орехи; чтобы достать шишки, содержащие эти орехи, туземцы карабкаются высоко на деревья, при помощи железных крючьев, привязанных к рукам, к ногам и груди. Верстах в 660 ниже, на реке Сосве, уральском притоке Малой Оби, находится Березов, самое северное поселение Обского бассейна, носящее еще название города. Березов прославился в истории как место ссылки: там кончили жизнь Меншиков, Остерман, Долгорукие, и со времен этих знаменитых изгнанников многие осуждены были умирать медленной смертью на этой мерзлой земле, вдали от друзей и врагов, оторванные от всех радостей жизни и от волнующих страстей! Березов лежит на рубеже обитаемого мира: там с трудом можно разводить только кое-какие огородные овощи, и большинство животных, повсюду сопровождающих человека, не могут следовать за ним далее. Так, например, воробей не переходит за Березов в своих странствованиях к северу, и с наступлением зимнего времени обыкновенно переселяется в более южные местности. Своим важным значением этот город обязан торговле шкурами пушных зверей, которая, впрочем, теперь гораздо менее деятельна, чем была в прежнее время; ныне главный предмет её составляют беличьи шкурки. Севернее Березова нет никаких поселений, кроме рыболовных станций. Самое значительное из этих поселений, Обдорск, близ устья Оби, входный порт этой могучей реки, состоит из шестидесяти домишек и одной часовни. В этой области снегов и леденящих ветров, где средние зимние морозы колеблются между —25 и 35 градусами, климат слишком холоден для того, чтобы можно было предпринять какие-либо попытки в видах разработки рудных месторождений золота, платины, железа, существующих в окрестных холмах[2]. Земля там оттаивает в летние месяцы средним числом только на 5, на 7 вершков. Обдорская ярмарка, где остяки и самоеды продавали свои шкуры пушного зверя, в наши дни гораздо менее посещается против прежнего времени; туземные инородцы стали предпочитать ей другую ярмарку, происходящую в городке Туруханске на Енисее, где они менее рискуют уступить добычу всей своей годовой охоты за несколько полуштофов дрянной водки[3].

Селение Мангазея, которое было основано казаками звероловами на восток от Обдорска при реке Таз, не существует более; его сменила другая деревушка, Тазовка.

Города и главные селения обского бассейна, без округов Алтайского края с населением, показанным по цифрам последней переписи 1897 г.:

1 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.

2 Эрман, „Путешествие в Сибирь“.

3 Тем не менее обороты Обдорской ярмарки, продолжающейся с 15 декабря по 25 января, определяют в 100 тысяч рублей

Пермская губерния: Нижне-Тагильск (зав.)—37.563 жит.; Екатеринбург—54.459 жит.; Невьянск—16.048 жит.; Шадринск—15.968 жит.; Алапаевск—6.486 жит.; Далматов—5.068 жит.; Ирбит—6.851 жит.; Верхотурье—10.827 жит.; Камышлов—7.137 жит.;

Оренбургская губерния: Троицк—23.205 жит.; Челябинск—18.454 жит.

Тобольсная губерния: Тобольск—19.802 жит.: Тюмень—29.706 жит.; Тара—7.081 жит.; Курган—0.306 жит.; Ишим 6.976 жит.; Ялуторовск—3.335 жит.; Туринск—3.022 жит.; Березов—1.071 жит.; Сургут—1.110 жителей.

Томская губерния, без Алтая: Томск—63.861 жит.; Мариинск—8.742 жит.; Каинск—5.534 жит.: Колывань—3.628 жит.; Нарым— 1.080 жит.

Енисейская губерния: Ачинск—6.577 жит.

IV. Бассейн Енисея и Байкал

С гидрографической точки зрения, воды, которые Енисей несет в Ледовитый океан, принадлежат так же, как воды Оби, к двум различным бассейнам. Улюнгур и Черный Иртыш—реки Монголии, которым пролом в окружающих горах позволил изливаться на северную покатость азиатского континента. Подобно им, Селенга получает начало в горах, окаймляющих возвышенную пустыни Гоби или Шамо, и бежит, делая крутые повороты, по впадине или долине холмистого плоскогорья, откуда вытекают на восточной и северо-восточной сторонах потоки, спускающиеся к Амуру и к Лене. Селенга впадает в большую поперечную долину, которую наполняют воды Байкала, и точно так-же через поперечную ложбину, перпендикулярную к этому обширному озерному бассейну, выходит река Ангара. Направление этого байкальского истока в начале параллельно направлению Лены, и весьма возможно, что в предшествующую эпоху Ангара соединялась с этой исполинской рекой через какой-нибудь боковой пролом: но русло, еще не вполне сформировавшееся, по которому Ангара бежит стремнинами, увлекает ее теперь на север; усиленная другими потоками, она принимает название Верхней Тунгузки, как будто бы это в самом деле была другая река, и, описывая большой изгиб к северу и к западу, течет по ровной покатости равномерным падением к Енисею. Что касается этой последней реки, одной из главных рек Сибири, то она берет начало в цепи гор, составляющих на востоке продолжение Алтайской цепи; затем, по выходе из верхнего бассейна через ряд следующих одно за другим горных ущелий, перерезывающих параллельные кряжи Саянского хребта, она спускается правильно с юга на север к Ледовитому океану, не встречая на пути тех многочисленных неровностей почвы и других геологических случайностей, которые прерывают нормальное течение его главного восточного притока. Оттого эта могучая река по справедливости сохраняет одно и то же имя, от своего вступления на русскую территорию до впадения в Ледовитый океан: она может быть уподоблена главному стволу дерева, к которому присоединяется боковая ветвь, более крепкая, более длинная и более богатая ветками и сучьями.

Вероятная длина Енисея—4.000 верст; вероятная длина Селенги—Ангары—Енисея—5.100 верст; вероятная площадь бассейна—2.595.000 кв. верст.

По истории населяющих их народностей два бассейна западного Енисея и Прибайкальского края также разнятся между собою и потому должны быть изучаемы каждый отдельно.

1. Бассейн западного Енисея

Енисей получает свои первые воды из китайской территории, заключающейся в обширном амфитеатре, который образуют на севере различные отрасли Саянских гор, на юге краевая цепь хребта Танну-ола, на востоке плоская возвышенность, усеянная озерами, с которой текут в восточном направлении верхние притоки Селенги. Ни одна из рек, которые зарождаются в этом амфитеатре гор, не получила от туземцев имени Енисея; но, насколько можно судить по рассказам местных жителей и описаниям русских путешественников, пробирав-

шихся в эту страну, среднее возвышение которой около 4.000 футов, главной рекой должна быть признана река Бей-кем, которую питают многочисленные ручьи, спускающиеся с восточного Саяна, более известного под именем тайги (леса) Ергик-Таргак: Бей-кем есть та самая река, которую некоторые путешественники называют «Большим Енисеем». «Малый Енисей» или Хуа-кем берет начало южнее, на высотах, прилегающих к обширной впадине или котловине Косоголь, и принимает в себя с левой стороны воды, посылаемые ему долинами горной цепи Танну-ола. Соединенные в один поток, который принимает наименование Улу-кем, реки Бей-кем и Хуа-кем образуют вместе истинный Енисей, на встречу которому, в той же самой впадине, бывшей некогда дном озера, течет другая кем, река Кемчик, получающая начало в горном узле, из которого расходятся большие хребты: Алтайский, Танну-ола и Саянский. Кажется, что с окружающих гор не спускается ни одного ледника к бассейну верхнего Енисея; но там и сям гребни расположенных на его окраинах хребтов достигают границы никогда нетающих снегов, и большая часть вершин остаются белыми в продолжение восьми месяцев в году. Верхушки хребта Ергик-Таргак, наиболее известной из горных цепей этой области, поднимаются, по всей вероятности, до 9.850 футов, а перевалы, ведущие через этот хребет, с русского склона на китайский, имеют не менее 7.300 футов высоты[1].

Занимая покатость, наклоненную к северу, бассейн верхнего Енисея составляет в действительности часть Сибири по своему климату, по виду природы, по растительности и животному царству, но не по жителям, которые принадлежат к монгольскому племени и к которым еще не примешались русские поселенцы. Сибирские кедры, лиственницы растут лесами по скатам гор; выше тянутся чащи рододендронов и других альпийских растений; внизу, на дне долин и лощин, тополи и ивы осеняют воды речек и озер. Охотники гоняются за красным оленем в лесах верхнего Енисея, и табарганы живут мириадами в дерновых бугорках. Рыбы, свойственные сибирским рекам, населяют также воды этой страны, и с некоторого времени минусинские рыбаки стали ездить на промысел к озерам, рассеянным по берегам верхнего Енисея, и на обратном пути спускаются по этой реке на плотах, с грузом наловленной рыбы. Однако, переход от одного климата к другому наблюдается во многих местах, в особенности на востоке, там, где водораздельная граница, довольно неопределенная, между Енисеем и Селенгой, усеяна озерными бассейнами. Некоторые из этих бассейнов наполнены соленой водой, тогда как другие содержат в растворе магнезию и минеральные вещества в различных пропорциях.

По вступлении в пределы русских владений, на расстоянии около версты ниже своего слияния с Кемчиком, Большой Кем или «Большая Река»,—ибо таков, кажется, смысл тунгузского слова Иоансси [по Кривошапкину[2], истинное название—«Еханес»], которое русские переделали в Енисей,—проходит через бом или очень узкую теснину, пробивая ряд параллельных цепей, расположенных по направлению от юго-запада к северо-востоку на Саянском плоскогорье, вершины которого, состоящие из протогина и из сланцев[3], поднимаются, с той и другой стороны, до высоты более 8.100 футов. Верстах в пятнадцати от границы река вступает в тесное ущелье, стены которого отстоят одна от другой не более, как на 15 сажен: в этом проломе, около полуверсты длиною, через который некогда вытекла вода озера, наполнявшего весь верхний бассейн гор, течение так быстро, что оно редко замерзает зимой; но непосредственно ниже этого ущелья, там, где вода разливается по бассейну с незначительным падением, поверхность реки бывает покрыта толстой ледяной корой в продолжение слишком пяти месяцев. Ниже другие пороги и стремнины прерывают течение реки во всех местах, где открываются проломы для прохода вод через параллельные кряжи, отделенные один от другого глубокими долинами, которые прежде были наполнены озерами. Многие из этих стремительных потоков опасны для проходящих плотов и барок; однако, ни один из них не представляет непреодолимого препятствия для судоходства. Так называемый

1 Крыжин; Потанин, „Дополнение к Землеведению Карла Риттера“, т. IV, 1887 г.

2 Кривошапкин, „Енисейский округ“.

3 Шварц; Чвиачфв; Потанин.

«Большой порог», ниже впадения реки Ус, самый опасный; волны кружат и перевертывают задом наперед плывущие плоты, и неопытные и боязливые люди между гонщиками велят привязывать себя к бревнам плота. По выходе реки из гор, в Саянском, вид местности вдруг изменяется совершенно: дикия скалы исчезли, и на далекое пространство расстилается зелень степей[1]. Между Красноярском и Енисейском тоже есть несколько порогов, которые считаются более опасными, потому что они находятся в такой части реки, где чаще плавают суда; эти стремнины покрывают весь Енисей кипящей пеной, и беспорядочное столкновение их волн производит такой оглушительный шум, что матросы на судах не могут слышать друг друга. Длина главного порога около 10 верст, и барки или суда, спускающиеся вниз по течению, пробегают это расстояние менее, чем в полчаса[2]. Но в целом среднее и нижнее течение Енисея представляет тихую реку, благодаря незначительности падения воды: уклон его немногим более уклона Оби. В Красноярске, где он находится еще на расстоянии 2.000 верст от моря, высота его среднего уровня около 520 футов; в Енисейске, ниже порогов, эта высота уже уменьшилась до 220 футов[3].

Енисей, подобно Оби, проходит в своем течении несколько областей, где почва уже настолько обсохла, что им по справедливости может быть дано название степей; кочевые татары располагают в этих местностях свои становища так же свободно, как в степях Туркестана. Так, вдоль левого берега Енисея, выше Минусинска, Абаканская степь тянется на пространстве около 50 верст; ручьи там иссякают прежде, чем достигнут реки, и соляные озера занимают старые речные ложа. Точно также на западе от Минусинска, Качинская степь обнимает большую часть равнины, ограниченной с южной стороны рекой Абакан, и даже переходит с левого берега Енисея на правый возвышенный, где захватывает небольшую полосу береговой земли[4]. Но такия обсохшие области составляют исключение в бассейне Енисея. Многочисленные притоки, спускающиеся большею частию с восточной покатости, усиливают этот могучий поток и делают его одною из величественных рек Азии гораздо ранее, чем он соединится с Верхней Тунгузкой. Средняя ширина его, в этой части течения, от полутора до двух верст; во время весеннего полноводья он разливается верст на шесть в ширину, а глубина его, которая обыкновенно равна $5^1/_2$ саженям, превышает тогда 8 сажен; суда, плывущие вниз по течению, спускаются со скоростью от 10 до 15 верст в час, смотря по высоте воды: из всех этих данных можно заключить, что по количеству протекающей воды Енисей по меньшей мере равен Дунаю. Верхняя Тунгузка более, чем вдвое, увеличивает объем этой жидкой массы. Под давлением этого могучего потока, Енисей, изменяя направление, изгибается к западу, и на пространстве нескольких верст, два течения, одно мутное и желтоватое, течение Енисея, другое темно-синее, почти черное, течение Тунгузки, катят свои воды в одном и том же русле, соединяясь по бокам большими водоворотами, представляющими смешанные оттенки цветов. Под конец обе реки сливаются так, что их уже невозможно различать, содержание землистых частиц уравнивается в той и другой. Замечательно, что линия слияния есть в то же время граница между животными видами: у осетров и стерлядей Тунгузки спина черная, тогда как те же рыбы, живущие в верхнем и низовом Енисее, имеют сероватый цвет[5]. Отчего происходит этот контраст—от различия в степени чистоты вод, или от предъидущего разобщения двух бассейнов?

Ниже соединения с Верхней Тунгузкой Енисей течет нормальным образом, как почти все сибирские реки, между низменным или «луговым» берегом, по левую сторону и высоким берегом по правую, обыкновенно называемым местными жителями «каменным берегом». Однако, ниже впадения притока Сим, оба берега становятся возвышенными: длинный ряд утесов, на которых все выступы кажутся черными от бесчисленного множества ласточкиных

1 Кропоткин, „Записки Русск. Географ. Общества", том V.
2 Кривошапкин; Сиденснер, „Известия Русск. Географ. Общества", 1878 г., № 3
3 Семенов, „Географический Словарь Российской Империи".
4 Семенов и Потанин, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера", т. IV.
5 Кривошапкин, „Енисейский округ".

гнезд, перерезывает русло, останавливает течение реки и заставляет ее разливаться, по направлению к верховью, в бассейн более 15 верст шириною, заключающий более пятидесяти островов, образуемых её переплетающимися рукавами. При узких воротах этой естественной запруды гранитный порог продолжается через всю реку, и когда вода стоит на низком уровне, некоторые проходы представляют судам глубину не более 2 аршин; это единственное препятствие, которое может внушать опасения большим пароходам на всем нижнем течении Енисея. Во многих местах реки лот достает дно только на глубине около 20 сажен.

После Большой или Верхней Тунгузки, с Енисеем соединяются еще в области лесов две другие Тунгузки: Подкаменная и Нижняя, а также многие другие реки, почти столь же многоводные: Бахта, Елугуй, Курейка; Нижняя Тунгузка, развернутая длина которой исчисляется в 2.530 верст, имеет около версты в ширину при впадении в Енисей. Под широтами менее близкими к полюсу этот могучий приток сделался бы отличным судоходным путем для перехода из одного речного бассейна в другой; он получает начало в небольшом расстоянии от Лены, и сначала кажется, что течение его должно направиться к этой реке, так как некоторое время он следует вдоль её западного берега, на незначительном расстоянии, и близ Киренска подходит к ней на расстояние менее 20 верст, отделенный линией водораздела, которая находится на высоте 815 футов над уровнем Лены, на высоте 560 фут. над уровнем Нижней Тунгузки[1]. Но в тот момент, когда последняя, повидимому, готовится пробить себе путь через этот невысокий водораздельный хребет, чтобы соединиться с Леной, она вдруг круто поворачивает на северо-запад и направляется к Енисею, описывая длинные извилины и усиливаясь по дороге принятием в себя Плимши и сотни других речек и ручьев. Один из этих притоков, река Таймура, протекает через область, очень богатую залежами каменного угля, из которых одна объята подземным пожаром. В местности, известной под именем «Горелая», верстах в ста выше слияния Таймуры с Тунгузкой, земля постоянно дымится, точно в глубинах её горит неугасающий вулкан. Тогда как окружающая страна представляет безлесную равнину, деревья растут кругом по окраинам каменноугольного бассейна, благодаря теплой температуре, которую дает их корням нагреваемая извнутри почва[2].

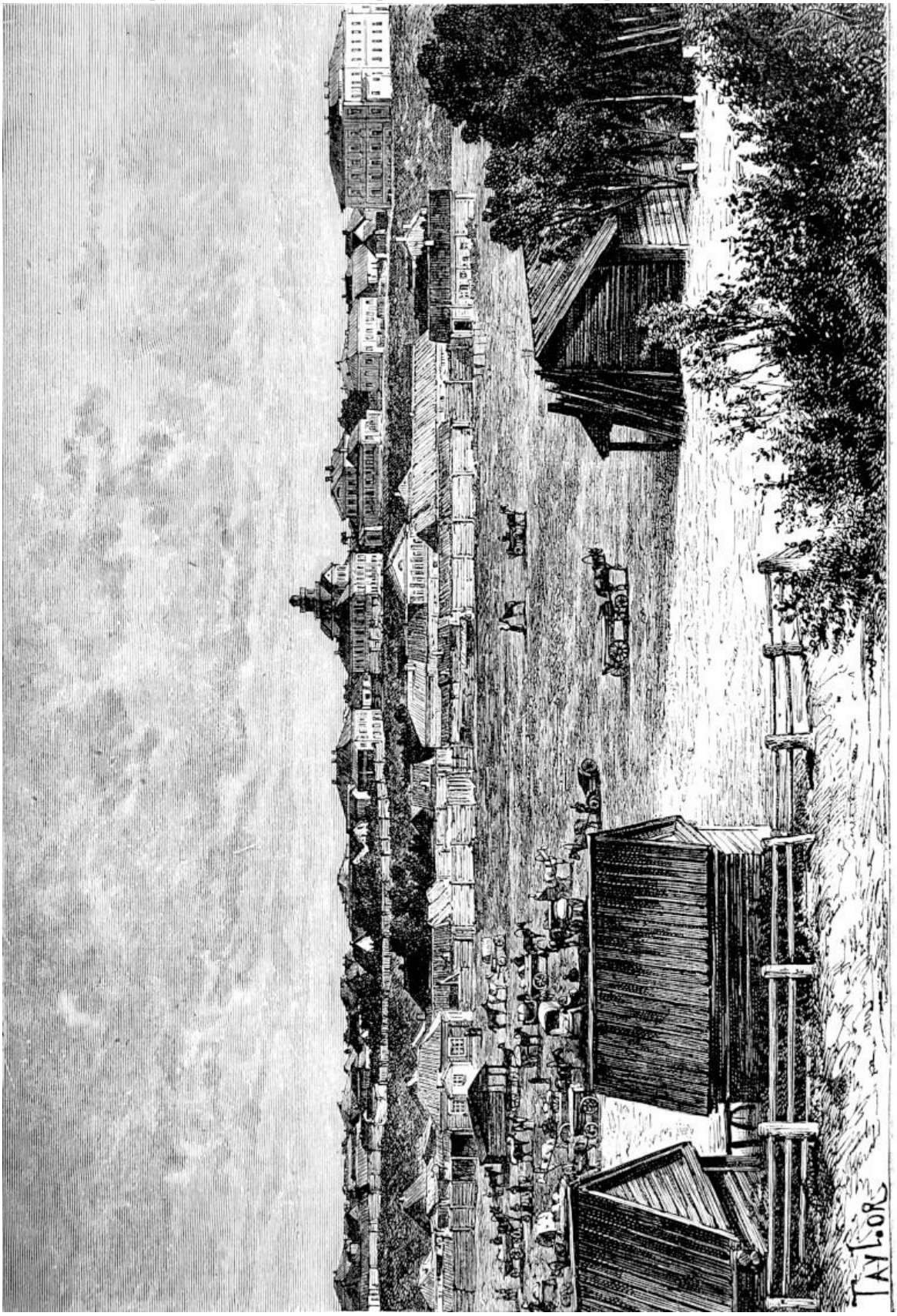
В нижней части своего течения, там, где исполинская река протекает через мерзлый пояс тундр, Енисей не получает более притоков. Впрочем, в этой области он уже походит скорее на морской залив; он пытается образовать дельту во внутренности континента. Когда дует северный ветер, воды речного течения поддерживаются приливом с моря верст на 500 от устья в собственном смысле. Берега реки удалены один от другого верст на 50, местами даже на 60 слишком; правда, что речные воды, начиная смешиваться с водами океана, окружают множество низменных островов, образовавшихся по большей части из древесных стволов, завязших в тине дна, которые постепенно сгнили и смешались с землистыми наносами. В этом обширном пресноводном фьорде, совершенно открытом действию ветров, которые беспрепятственно разгуливают по гладкой, безлесной поверхности тундры, плавание очень опасно для обыкновенных плоскодонных судов, и русские рыболовы не любят пускаться далеко от берегов. Но перед тем, как соединиться с морем, река снова съуживается, и устье её имеет всего только от 19 до 20 верст в ширину. В холодные годы это устье бывает открыто для судоходства только в продолжение около пятидесяти дней, с 10 июля до конца августа: морские льды, гонимые ветром, и речные льдины, увлекаемые ледоходом, иногда сталкиваются и образуют громадные запруды, движущиеся ледяные горы, которые разрушают берега и срывают со дна песчаные мели, чтобы перенести их на другое место.

Воды Енисея менее богаты рыбой, нежели воды Оби, хотя и здесь некоторые области реки изобилуют животною жизнью, преимущественно в устье. Различные рыбьи породы, очень ценимые в Европе, как: линь, налим, окунь, плавают массами; но рядом с осетрами, стерлядями, нельмами, сигами различных форм, эти рыбы считаются малоценными, и их ло-

1 Чекановский; Миллер; Штубендорф; Большев.

2 Третьяков, „Туруханский округ“.

вят только как корм для собак[3]. Почти все прибрежные жители занимаются рыболовством, тогда как хлебопашество и скотоводство составляют еще весьма незначительный источник пропитания для русского населения края, за исключением разве минусинских степей; оттого



Общій видъ Омска.

и судоходство на Енисее до сих пор ограничивается ловлей и перевозкой рыбы. Нельзя не удивляться, что такая огромная и судоходная река, оживляющая столь обширный бассейн,

3 Шмидт; Г. Тель, „Шведская экспедиция 1876 года на Енисей“.

еще так мало утилизируется человеком. Область, орошаемая Енисеем и его притоками, изобилует металлами, лесами, рыбой, дичью, а южная часть её могла бы прокармливать произведениями почвы миллионы людей: между тем на всей судоходной сети Енисея, общая длина, на которой никак не менее 7.500 верст, не считая Байкала, существовало в 1876 г. только 4 парохода, да два парусных судна, поднимающие более 3.000 пудов груза. Большая часть енисейских судов состояла из плашкоутов, буксируемых пароходами, и барок, построенных из отесанных четыреугольных бревен. Нагруженные зерновым хлебом в южной области реки, эти суда спускаются по течению до низовых пристаней, где выгружаются продукты, а самые плашкоуты и барки разбираются, и дерево, из котораго они сделаны, продается на дрова или на постройки. Теперь, когда проф. Норденшильд отыскал морские пути, ведущие из западной Европы к устью Енисея, когда он открыл превосходную якорную стоянку, находящуюся на восточном берегу, при входе в залив, и названную им, в честь своего друга, «Диксоновой гаванью» (Dicksonshavn), нужно надеяться, что торговля разовьется и на главной реке центральной Сибири, на Енисее, который, по размерам судоходства, еще так далеко отстал от Оби, своей западной соседки. Уже некоторые попытки торговых экспедиций на этот берег Сибири были сделаны негоциантами английскими, скандинавскими и сибирскими.

Правда, что бассейн Енисея, более удаленный от Европейской России, чем бассейн Оби, гораздо более гористый в своей южной области, незаключающий плодородных черноземных пространств и не простирающийся на такое же значительное расстояние к югу, не может содержать в себе столь же плотного населения, как соседний Обский бассейн; именно самые плодоносные равнины, Минусинские степи, заняты кочующими инородцами, которых еще не заменило оседлое население. Однако, вся часть бассейна, заключающаяся между северным скатом Саянских гор и слиянием Енисея с Ангарой, уже колонизована почти повсеместно группами русских поселенцев, рассеянных вдоль рек и по краям главной сибирской дороги; древности, оставленные в крае, доказывают, что в давния времена жители были скучены там значительными общинами. В 1733 году, во время проезда Гмелина по Сибири, старинные золотые, серебряные и медные вещи, вынутые из древних могил, были так обыкновенны, что их можно было найти в каждом доме[1]. В Абаканской степи, на обоих берегах реки Абакан, так же, как на берегах самого Енисея, на всем пространстве верст на двести вниз от города Абакана, могилы сгруппированы сотнями и тысячами, особенно в плодородных местностях. Некоторые части этой степи походят на обширные кладбища; могильные курганы возвышаются там в таком множестве, что издали кажется, будто видишь города, состоящие из палаток, или стада каких-то гигантских животных. Между этими могилами есть также могилы недавнего происхождения, да и в наши дни иногда, во время больших религиозных церемоний, выкапывают ямы и делают потом насыпи, не для того, чтобы положит туда тела умерших героев, но только для того, чтобы зарыть какие-нибудь древности, относящиеся к героическим временам: панцыри и кольчуги, каменные топоры, медные орудия, серебряные монеты. Большая часть могильных холмов состоит из древних курганов, имеющих до 4 и 5 сажен в вышину и прикрывающих или останки начальников племени, погребенных вместе с их оружием и конями, или останки целых семейств, или наконец, целые груды человеческих костей, без сомнения, принадлежащих покойникам, которые были свалены в одну общую могилу после какой-нибудь битвы: эти погребальные горки известны под именем «черных» курганов. Но самые замечательные между древними могилами—это ограды из сложенных камней, из которых иные отесаны таким образом, что представляют некоторое подобие людей—мужчин, женщин или детей; русские обыкновенно называют эти изваянные камни «каменными бабами»,—то же самое название, которое дается грубым фигурам, встречающимся на могильных курганах южной России. Впрочем, большая часть этих грубых изображений уже исчезла, вероятно, растаскана. Насколько можно судить по уце-

1 Эрман, „Путешествие в Сибирь".

левшим еще надгробным изваяниям, они, повидимому, представляют монголов, и некоторые из вырезанных камней, как кажется, изображали верблюдов, их путевых товарищей[1]. Впрочем, народы, останки которых погребены под этими курганами, стояли несомненно на более высокой степени цивилизации, чем европейцы соответственного бронзового века, ибо между их драгоценностями нередко находили настоящие произведения искусства, украшения из плющенного золота (бити), фарфоровые сосуды, бронзовые вазы, украшенные барельефами, изображающими фигуры животных, отчетливо сделанные и узнаваемые с первого взгляда, как-то: фигуры каменного барана (аргали), красного оленя, орла, волка, и кроме того изображающие крылатых чудовищ, грифов или летучих драконов[2]. Металлические зеркала, подобные тем, какие употребляют в наши дни буряты и монголы при своих буддистских обрядах, также встречаются часто в этих древних могилах; но изделия из железа до сих пор были находимы только в курганах недавнего происхождения. Изображения утки,—птицы, почитавшейся священною у древних финнов,— тоже очень обыкновенны на предметах, извлекаемых из могильных холмов. По общему преданию, люди, погребенные в этих древних могилах, были та самая «чудь», которая, заметив в своих лесах появление березы, предвестницы господства белого человека, испугалась и заживо похоронила себя в вырытых ею самою ямах.

Туземное население в верхнем бассейне Енисея, на китайской территории и в пределах Сибири состоит из монголов, финнов, тюрков, представляющих разнообразное смешение племен, которые при том смешиваются одно с другим почти всеми путешественниками. Большая часть народов, живущих в Обском бассейне, встречаются также в разных частях области Енисея. Так, татары подвинулись на восток до самых ворот Минусинска, Каинска и Красноярска; они располагаются в этих степях становищами (летом в обычных кочевых юртах, зимой—в низеньких срубах, называемых зимовьями) и ведут там такой же образ жизни, как древние киргизские населения[3]. Остяки бродят, по обе стороны, в лесах, которые тянутся на севере от слияния Ангары с Енисеем; самоеды разбивают свои чумы в тундрах, прилегающих к Енисейскому заливу. Даже в долинах верхних притоков главной реки, на северном скате хребта Ергик-Таргак-Тайги, есть несколько семейств самоедов, как полагают, потомков тех инородцев, которые остались в своей первоначальной родине в эпоху переселения их единоплеменников в северные области. В 1847 году, во время путешествия Кастрена, эти представители древней расы, известные в крае под именем моторов и называвшие сами себя тубаларами, казалось, были очень близки к исчезновению. Натуральная оспа производила между ними страшные опустошения, и большая часть переживших эпидемию переселилась на китайскую территорию[4]. Другие слились с окрестными татарами и сойотами. Старый самоедский язык перестал существовать ранее исчезновения самого племени.

Сойоты, которых ныне насчитывают приблизительно от семи до восьми тысяч, принадлежат, как и моторы, к финской расе и говорят диалектом, близко подходящим к наречию самоедов[5]. Подразделенные на различные колена, каждое с своим особенным именем, они живут в двух или трех долинах русской территории, но племя их гораздо многочисленнее в китайской части страны, в бассейне реки Улу-Кем и в бассейне Селенги. Прежде эти инородцы были подвластны одновременно двум соседним державам, России и Китаю, и должны были приносить каждый год свой ясак или дань мехами русским сборщикам и китайским чиновникам, но потом они догадались отойти подальше от границы, чтобы избавиться от необходимости платить двойную подать, и таким образом обширные пространства, некогда населенные, обратились в пустыни. Сойоты, которые, как кажется, представляют помесь финской расы с тюркской, имеют по большей части довольно правильные черты лица, тон-

1 Костров, „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества“, том VII, 1864 г.
2 А. Кастрен; Спасский; Радлов; Попов; Степанов; Скороговоров; Дезор и друг.
3 Семенов и Потанин, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера“.
4 „Reiseberichte und Briefe“; Семенов и Потанин; цитированное сочинение.
5 А. Кастрен, цитированное сочинение.

кий и прямой нос, небольшие, проницательные глаза под едва заметно изогнутыми ресницами, широкий лоб, острый подбородок; выражение лица у них смелое и осмысленное. Они обнаруживают большую ловкость и сноровку в разных искусствах и ремеслах, для которых у них имеются лишь самые первобытные снаряды и орудия: так они умеют добывать железо из рудников, выплавлять из него полосы чугуна, отливать пули, приготовлять порох, поправлять ружья. Они очень искусно плавают по рекам и озерам, употребляя для этой цели плоты из бревен, связанных конским волосом. Но хлебопашеством они не занимаются: почти все кочевники, они не имеют других богатств, кроме своих стад овец, коров, яков, табунов лошадей; их верховые кони, отличающиеся стройностью и красотой форм, очень ценятся минусинскими покупателями. Молоко и все молочные продукты, сыр, масло, кумыс, составляют главную пищу сойотов, но они с особенным наслаждением и слишком часто пьют молоко в форме *айрака*, перебродившего напитка, имеющего то свойство, что выпивший его в приличной дозе скоро впадает в состояние глубокого опьянения.

Другой туземный народ, более многочисленный, чем сойоты, известен под именем урианхов. Эти инородцы, которые сами себя называют «донва», считаются принадлежащими к тюркской расе: они имеют тюркский тип лица, и большинство их говорит татарским наречием; хотя различия религии, вообще говоря, совпадают с различиями расы, урианхи по своим верованиям должны быть причислены и к тюркам, и к буддистам[1]. Их племена или колена смешиваются с коленами сойотов, но главная масса их обитает восточнее, в долине реки Бей-Кем, по берегам озера Косогол и на верхних притоках Селенги и Ангары. Некоторые группы урианхов живут звероловами в лесах; но большая часть их занимается скотоводством, питаясь, подобно сойотам, молоком, при чем употребляют в пищу даже молоко свиней[2]. Более искусные хлебопашцы, чем сойоты, они сеют преимущественно ячмень и просо, и на их землях можно встретить оросительные каналы, очень остроумно проведенные по склонам гор. Но феодальный порядок в сильной степени способствовал обеднению народа. В то время, как *дайнан* или князек, которому принадлежит верховная ленная власть в стране, обладает многочисленными стадами, в то время как его богатые подданные имеют по тысяче голов скота, простой народ терпит нужду во всем и живет и рабстве. Каждый богатый урианх, каждый «господин» окружен толпой слуг, которые постоянно ухаживают за ним, одевают и раздевают его, поднимают его на руках, чтобы посадить его на лошадь, даже кладут ему пищи в рот. При таких условиях быта урианхская нация естественно разделилась на две враждебные одна другой политические партии: бедняки, побуждаемые своими интересами, клонят больше в сторону русских, тогда как дворяне и ламы, принадлежащие по большей части к одним и тем же семействам и пользующиеся одинаковыми привилегиями, опираются на китайских и монгольских чиновников страны. Русские путешественники вообще встречают очень недружелюбный прием в земле урианхов, и дайнан старается выпроводит их как можно скорее из своих владений, хотя и не смеет сделать им ничего худого. Монгольское влияние еще продолжает преобладать во всей этой области: дархаты или «вольные», которые живут к югу от урианхов, но принадлежат к той же этнографической группе, до такой степени омонголились, что перестали даже говорить на своем природном тюркском наречии. На западе и юго-западе, сойоны, другой тюркский народ, отличный от урианхов и дархатов, но более или менее смешанный с киргизами, также усвоили себе образ жизни монголов и выучиваются их языку. Шаманские верования и обряды так называемых «желтых» сойонов, обитающих в китайской Монголии, далеко от границы, мало-по-малу складываются в правильное учение и изменяются в правоверный ламайский культ. Среди этих кочевников там и сям воздвигнуты капища и монастыри. У дархатов, численность которых определяется в семь тысяч душ, и которые представляют почти треть общего числа восточных урианхов, насчитывают не менее 1.400 монахов, составляющих, следовательно, пятую

1 Попов, „Известия Сибирского отдела Русск. Географ. общества“, май 1874 г.

2 Веселков, „Известия Русск. Географ. Общества”, том VII.

часть населения[1]. «Черные» сойоны, живущие на территории более близкой к русской границе, лучше сохранили старые нравы и обычаи. Так же, как сойоты и калмыки, они употребляют для верховой езды быка и даже предпочитают его лошади, потому что он сильнее, выносливее, идет более верным шагом и не так скоро устает. Даже на охоту они ездят на быках, и, как говорят, по быстроте бега могут поспорить с конными наездниками[2].

Территория, населенная исключительно русскими колонистами, отделяет земли сойотов и урианхов от области, где живут енисейские татары: это, так сказать, клин, который все далее и далее врезывается в середину дерева. Карагассы, на северной покатости Саянских гор, так уменьшились в числе, что теперь их осталось только несколько сот душ: говорят даже (не подкрепляя, впрочем, этого уверения статистическими данными), что будто их жены утратили способность деторождения. По крайней мере, этот вымирающий народ оставит по себе добрую память: как поклонники солнца, карагассы хотят, чтобы его свет не озарял дурных дел; они честны и гостеприимны, дают приют беглым и делят с ними свою пищу. Другие татары, нагайцы и качинцы, которые живут, в числе от четырнадцати до пятнадцати тысяч душ[3], в бассейне реки Абакана, западного притока Енисея, мало-по-малу принимают черты русской народности. Большая часть тех из этих инородцев, которые кочуют в степях, простирающихся на запад от Енисея, живут в большом довольстве: между ними есть даже много таких, которые считают свой скот не головами, а стадами, и встречаются богачи, имеющие до 70 стад, из которых каждое заключает, средним числом, около пятидесяти штук скота[4]. Почти все енисейские татары крещены в православную веру, но первоначальный языческий культ продолжает существовать под внешней оболочкой новой религии, и злой бог, то-есть дьявол, все еще призывается в молитвах: еще не так давно некоторые татары имели обыкновение в известный час обращаться лицом к востоку и произносить краткую, но горячую молитву: «не убей меня»[5].

На севере от енисейских русских и татар, инородческие населения, обитающие на покатости Ледовитого океана, имеют еще в своем распоряжении обширные пространства земли. Тунгусы, господствующий народ восточной Сибири, упоминаемый уже в 1612 году голландцем Массой[6], занимают почти всю область, ограничиваемую с западной стороны течением Енисея, именно бассейны трех рек, называемых по имени этого народа Тунгузками (Верхняя, Подкаменная, Нижняя) и наибольшую часть бассейна Амура. Соплеменники манчжуров, которые завоевали Китай, тунгусы, вышедшие, как и манчжуры, из приамурских стран, тоже овладели Сибирью вплоть до Енисея, если не порабощая другие народности, то по крайней мере присвоивая себе пригодные для охоты территории, на пространстве от берегов Китайского моря до берегов Ледовитого океана. Самоеды называют их айями, то-есть «молодыми братьями», и это прозвище, повидимому, указывает, с одной стороны, на недавнее прибытие тунгусов в край, с другой на их миролюбивые отношения к старым владетелям земли[7]. Около середины его течения тунгусы перешли за Енисей и подвинулись, на левом берегу реки, в этнологическую область остяков; но около центра их территории, между Байкалом и Леной, они стеснены с севера якутами, с юга бурятами и русскими: в этом месте связь тунгусской расы прерывается. Почти все кочевники, тунгусы пропорционально очень немногочисленны, во всей Сибири их, может быть, наберется не более пятидесяти или семидесяти тысяч душ (у разных писателей цифра показана различно; в 1820 году Штраленберг насчитывал их около 75.000 душ); но их мужество, их инициатива и предприимчивость, их смышленость и находчивость дают им нравственное первенство над другими сибирскими

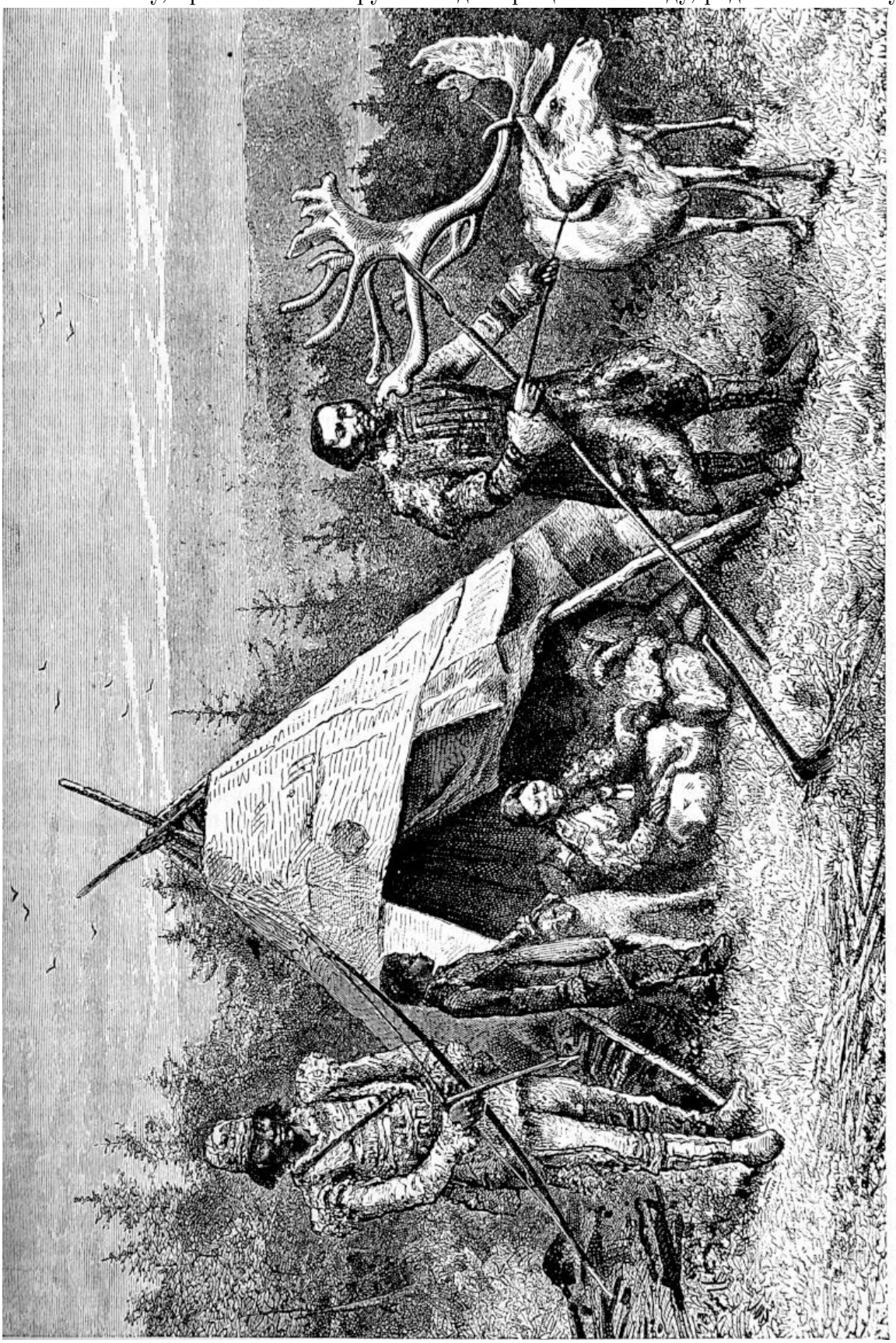
1 Шишмарев, „Известия Сибирского отдела Географ. общества“, т. II, № 5.
2 Радлов, „Ermann's Archive“, том XXIII.
3 Венюков, „Русско-азиатская граница“.
4 Потанин, „Древняя и Новая Россия”, за 1877 г., № 8.
5 Гмелин, „Путешествие в Сибирь”.
6 Von Baer, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg”, tome X, 1872.
7 A. Castren, „Nordische Reisen und Forschungen”.

инородцами. Впрочем и сами они принимают, как большая часть наций, имена, указывающие на их умственное превосходство: так, наименования донки и бойе, из которых первое применяется ко всей нации, тогда как второе отличает лишь одно из их племен или колен, означают то же, что «люди», как бы желая выразить, что тунгусы—люди по преимуществу[1]. Русское название их, как полагают, татарского происхождения, и буквальный смысл его —«озерные жители»; Паллас, напротив, видит в этом названии бранную кличку на тюркском языке; по Клапроту, слово тунгу или тунгху должно быть понимаемо в смысле «восточных варваров», названных так китайцами[2].

Смотря по роду занятий и образу жизни тунгусов, русские обыкновенно подразделяют их на тунгусов «конных» или «скотоводных», «оленных» или «собачьих», «степных», «лесных» или «береговых». Некоторое число оседлых семейств приняли также русские нравы и обычаи и почти ничем ужи не отличаются от коренных русских, кроме происхождения. Те из тунгусов, которые стали заниматься хлебопашеством, весьма немногочисленны, и приучить себя к этой новой жизни им очень трудно; но, благодаря своей природной смышлености и ловкости, они и тут успевают лучше, чем другие сибирские инородцы[3]. Однако, за этим незначительным исключением, почти вся нация состоит из звероловов, живущих в лесах: в сравнении со всеми другими обитателями Сибири, тунгусы могут считаться идеалом бродячего народа, и тысячи из них даже не дают себе труда носить с собой жерди, бересту, кожи и тому подобные предметы, необходимые для сооружения чума или ураса: покинутый шалаш в лесу, пещера в скале, дупло в старом дереве, выгрызенное временем, достаточны одинокому охотнику; маленькие санки вмещают все его пожитки, и с таким легким багажем он странствует, от границ Китая до берегов Ледовитого океана, на расстоянии тысяч верст. И однако, несмотря на всю свою страсть к кочевой жизни, тунгус умеет безошибочно находить, через горы, равнины и реки, обратный путь к звероловной территории, которую он оставил за собою, и где расставлены его охотничьи снаряды—силки, капканы, западни и самострелы, уважаемые всеми его родичами, как его неприкосновенная собственность. Малейшие приметы, оставленные звероловом в диком лесу, тотчас же узнаются людьми его племени. Порезка на стволе дерева, сломанная ветвь, указывают направление, которого нужно держаться; хворостина, брошенная поперек тропинки, означает, что не следует идти дальше в эту сторону; стрелы, повешенные на деревьях в разных положениях, имеют язык, хорошо понятный кочевникам: это их письмена. Но и сама природа говорит с ними тысячью знаков, которые они истолковывают с изумительной проницательностью: по приметам, непонятным европейцам, они угадывают присутствие дичи, соседство прогалины в лесу или близость ручья, и направляются к месту, где наверно найдут ягод, чтобы утолить голод, или воду, чтобы утолить жажду. Очень суеверные, как все охотники, они видят также во многих ничего незначащих явлениях предвещание хорошей или худой охоты, и очень остерегаются, как-бы не совершить какого-нибудь «греха», который мог бы навлечь им неудачу в ловитве или иное злоключение: так, они боятся перешагнуть через очаг или занести на ногах или одежде свежего снегу в юрту; на всех трудных переходах через горы или болота они пробираются молча, с чувством религиозного благоговения, и не приминут предложить возлияния злым духам, хотя-бы принесение этой жертвы стоило им последней капли драгоценной водки[4]. Никогда женщина, как ни хорошо с ней обращаются вообще, не может рожать во внутренности жилья; почувствовав первые родовые боли, она немедленно убегает в лес, и там одна, без помощи мужа, рискуя умереть в снегу или под дождем, разрешается от бремени. Так требует обычай. Новорожденный, когда его принесут из лесу, получает имя чужого человека, мужчины или женщины, который первый придет в юрту, и который должен при этом перешагнуть через горящую головню, как-бы для того, чтобы очистить только-что вступив-

1 Carl Hiekisch, „Die Tungusen".
2 A. Castren, „Volker des Altai"; Klaproth, „Tableaux historiques"; Rittich, „Ethnographie Russlands".
3 Von Middendorff, „Sibirische Reise".
4 Миддендорф, цитированное сочинение.

шего в жизнь младенца от грехов его племени. Традиционные обряды соблюдаются также и при похоронах. Тело умершего не зарывается в землю, а вешается на ветвях деревьев, зашитое в оленью кожу, при-чем голова трупа всегда обращена к западу; рядом к высокому столбу привязывают ружье, котел, лук со стрелами, чтобы и по смерти душа тунгуса тешилась



Тунгусы.

любимым лесным промыслом[1].

Монголы по виду, с их широкой головой, круглым лицом, выдающимися скулами, узенькими, вкось лежащими глазами, тунгусы отличаются в особенности четырехугольной формой их лба. Между ними не встретишь жирных толстяков, как между их соплеменниками: бродячая жизнь, беспрестанное скитанье, крайняя воздержность и умеренность в пище, не позволяют им толстеть. Худощавые и гибкие телом до самых преклонных лет, они быстро скользят по снегу на своих лыжах и стрелой мчатся по тонкому льду, на который не рискнул бы ступить тяжелый остяк. Они отличаются замечательной ловкостью во всех телесных упражнениях, и когда им случается сойтись на каком-нибудь празднике или пиршестве, они любят побороться и побегать взапуски. Они охотно поют, всегда сопровождая оживленными жестами свои импровизации, обращенные на тот предмет, который попался на глаза, все равно, будет ли то лес или болото, трава или снег. До пляски они тоже страстные охотники, пляшут с каким-то бешеным увлечением, и их беспорядочный галоп принимает такой оживленный характер, что иногда даже зрители другой расы не выдерживают и тоже пускаются в пляс: забавно видеть, как неуклюжий остяк с медвежьей походкой грузно скачет в круге возле ловких тунгусов с красивой и благородной поступью. Стройный телом тунгус из всех сибирских инородцев самый щеголеватый, самый изобретательный в украшении своей особы. Особенно у тех, которые кочуют в бассейне Тунгузки, костюм поражает богатством и вкусом и замечателен как красотой общего рисунка, так и удивительным совершенством деталей отделки, состоящей из вышивок и бахромок; один только тунгус может наряжаться в подобную одежду, под которой всякий другой туземец имел бы шутовский вид[2]. Удивительное сходство в рисунке материй наводит на мысль, что, вероятно, когда-нибудь существовали продолжительные сношения между тунгусами и японцами[3]. Обычай ношения кольчуги и щита, некогда общераспространенный между сибирскими туземцами, не существует более у тунгусов; в настоящее время обыкновенное оружие тунгуса—пальва, длинная палка, на которую он опирается, чтобы управлять санками, и которая оканчивается острым клинком. Что касается узоров, которыми многие туземцы татуируют себе лицо, то они не могут сравниться в отношении удачного расположения линий с подобными же узорами большинства полинезийцев: у тунгусских женщин, которые еще татуируются, главный мотив украшения состоит из четырех параллельных дуг круга, нарисованных на каждой щеке, от угла глаза до угла рта; с внутренней и с наружной стороны кривой проводятся поперечные линии, несколько похожия на маленьких мотыльков со сложенными крыльями[4].

Начиная с Бранта, посетившего Сибирь в конце семнадцатого столетия, все путешественники наперерыв друг перед другом восхваляют качества тунгусов. Живые, полные инициативы и увлечения, всегда веселые, даже в самой глубокой нищете, неунывающие ни перед какими бедами и невзгодами, уважающие собственную личность и личность других, щеголеватые манерами и поэтичные в речи, услужливые без раболепства, гордые без чванства, презирающие ложь, страдание и самую смерть,—тунгусы просто героический народ. Тунгусы не требуют от обидчика цены крови и не знают обычая кровавой мести, свойственного большинству народцев, пребывающих еще в состоянии варварства; но как люди, вступившие в век рыцарства, они вызывают друг друга на дуэль, и правила поединка определены строго соблюдаемым церемониалом[5]. Обитая под тем же самым климатом, как коварные, мстительные якуты, толстые, неповоротливые бурята и молчаливые самоеды, которые живут чисто внутренней жизнью, подобно деревьям их родины, приземистым стволам, прячущимся в лишаях и мхах, тунгусы представляют замечательный пример упорного сохранения присущих расе качеств в самых разнообразных средах. Взятые в массе, тунгусы не изменили своего ис-

1 Георги; Миддендорф. Кастрен и др.
2 Миддендорф, цитированное сочинение.
3 Raphael Pumpelly; Крапоткин.
4 Паллас; Кастрен; Ганстен; Радде; Миддендорф и друг.
5 Hieckisch, цитированное сочинение.

конного образа жизни и не усвоили себе новых потребностей и привычек, сделавшись соседями русских. Приняв по виду христианскую религию, они сохранили свою лесную, языческую веру, свои нравы и свою дикую свободу. «Наша вера велит нам жить и умирать в лесу», говорят они. Довольные малым, до крайности воздержанные, они привыкли терпеть голод и жажду по целым дням; никогда не жалуясь, даже не теряя своей обычной веселости, они переносят все лишения и невзгоды продолжительной зимы. Единственное домашнее животное, северный олень, единственное дерево—береза, удовлетворяют все их немногосложные потребности. Олень дает им мясо, шкуру, из которой приготовляют одежду, сухия жилы и кишки, которые служат нитками, кости, из которых вырезывают орудия; береза доставляет кору, бересту, которую употребляют на приготовление коробок, корзин, детских люлек и на обшивку юрт или урасов[1]. Если тунгусы сопровождают иногда, в качестве ямщиков и проводников, в продолжение нескольких дней и недель экспедиции русских охотников или землемеров и обыкновенно принимают участие в их трапезе, то они следует в этом случае своему национальному обычаю, по которому гостеприимство считается первой и главной обязанностью человека, и который позволяет всем разделять пищу каждого. Прежде между ними не было ни богатых, ни бедных, хотя частная собственность, состоящая в праве охоты в известном округе или местности, существовала уже в ясно определенной форме[2]. Каждая семья имеет свое стадо оленей и свою кредитную или вернее долговую книжку, по которой забираются припасы у русского или якутского купца.

Несмотря на всю эластичность своего характера и силу сопротивления внешним влияниям, тунгусы, сдавленные, так сказать, между русскими и якутами, подвергаются серьезной опасности, которая грозит их искоренению, как самостоятельного народа. Детей у них родится много, и они воспитывают их с большой заботливостью, но смертность весьма значительна в их семействах; разные повальныя болезни, каковы: оспа, корь, скарлатина, часто истребляют немалую долю населения лесов, а голод, этот главный враг тунгусского народа, иногда уносит в могилу всех обитателей юрты: тунгусы, приготовленные к этому роду смерти, говорят о ней с удивительным спокойствием духа, как-будто это самый естественный конец. Во многих лесах, где прежде находились становища тунгусов, теперь увидишь только остатки хижин да кожаные гробы, висящие между двумя деревьями, на высоте нескольких аршин от земли. Тунгусское колено, которое всегда долее оказывало сопротивление русским, исчезло совершенно: от него осталось только имя, сохранившееся в названии селения Тасеевского, построенного на реке Усолке, к северу от Каинска.

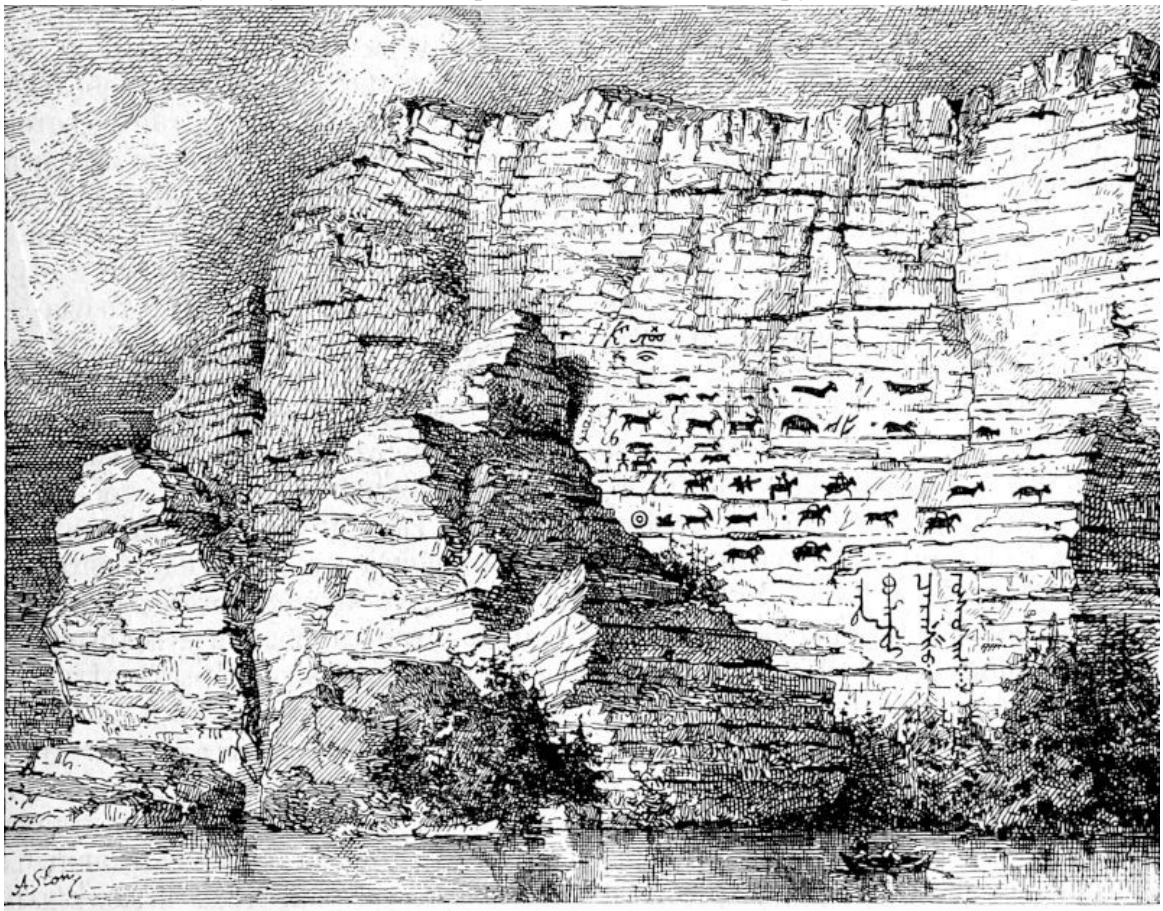
Географическое положение, климат, относительно теплый, и плодородие почвы обеспечивают в будущем значительную важность некоторым областям Енисея: но в настоящее время там существует лишь весьма небольшое число городов, да и эти города, за исключением двух или трех, представляют в действительности простые местечки. Самый южный из них, Минусинск, величающий себя столицей «Италии»,—правда, Италии сибирской,—и приобретший некоторую важность, как средоточие довольно значительной торговли с верхним бассейном рек Кем или Кхем и с Монголией, возрастает очень медленно. В 1863 году он имел уже около 4.000 жителей, а десять лет спустя население его не увеличилось даже до 4.500 душ[3]. Занимая прекрасное местоположение на правом берегу Енисея, в виду живописного амфитеатра гор, Минусинск вместе с тем является одним из тех городов Сибири, которые обладают наиболее обильным запасом минеральных богатств в окружающей территории. С 1835 года здесь были найдены золотые россыпи, и с тех пор производятся поиски блестков золота в наносных песках долин, впадающих в долину Енисея, преимущественно долин, которые открываются на востоке в соседстве гор Ергик-Таргак-Тайга. В период с 1845 по 1859 год на этих приисках общее количество промытого золота составляло около

1 Redde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, том XXIII.

2 Крапоткин, рукописные заметки.

3 За то в настоящее время, как видно из предъидущей таблицы, население этого города удвоилось (9.984).

680 пудов, на сумму 8.775.000 рублей; средняя же годовая добыча равнялась 48 пудам, ценностью на 600.000 рублей. Кроме того в соседних горах были открыты месторождения серебро-свинцовых и медных руд, но эти руды не разработываются более со времени отмены принудительного труда, так как внимание вольных горнопромышленников направлено главным образом на поиски драгоценного металла. Залежи ископаемого угля в настоящее время не имеют никакой цены по причине обширного протяжения лесов, слабого развития промышленности и недостатка удобных путей сообщения. Соляные озера в окрестностях Минусинска пока еще утилизируются только для местного продовольствия. Железную руду ищут и разрабатывают только сойоты, так как уральские горные заводы в изобилии доставляют железо и чугун, нужные для потребления енисейских русских; но в некоторых частях



Гіероглифы на береговой скалѣ Енисея.

этой области нет ни одной горы, где бы не встречались старые подземные галлереи и копи каменного угля, куски наполовину проплавленного колчедана и груды шлаков[1],—свидетельство деятельности древних туземных рудокопов. К северо-востоку от Минусинска, в долине реки Убы, находится глыба самородного железа, весом в 40 слишком пудов, которой Паллас приписывал метеорическое происхождение.

Верстах в 75 ниже Минусинска по течению Енисея, селение Абаканское (или Абаканск), бывшее важной крепостью в прошлом столетии, когда еще не существовало Минусинска, сохранило некоторое движение как место переправы с одного берега на другой[2]. Утесы левого берега покрыты надписями, очень хорошо сохранившимися, которые почти все составлены на монгольском языке; впрочем, Паллас видел там две надписи на татарском наречии. В соседстве с этими береговыми утесами сотни могил, покрытых камнями и расположенных по две рядом, занимают значительное пространство: может быть, надписи рассказывают о бит-

1 Паллас, „Voyage dans l'empire de Russe"; Goebel. „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg". tome X, 1866.

2 В настоящее время Абаканск, в торговом отношении, имеет немаловажное значение для всего Минусинского округа; обороты его ярмарки определены в 60.000 р.

ве, где погибли воины, похороненные в этих могилках. Ниже по реке, близ деревни Новоселово, одна скала на берегу Енисея тоже покрыта древними надписями, а в долине реки Сизим, часто посещаемой золотоискателями, крутой скалистый берег в одном месте испещрен гиероглифическими рисунками, представляющими птиц, диких зверей и наездников. Точно также, против впадения реки Бирюсы, близ Красноярска, видны человеческие фигуры, разрисованные красной краской на скале, господствующей над течением Енисея.

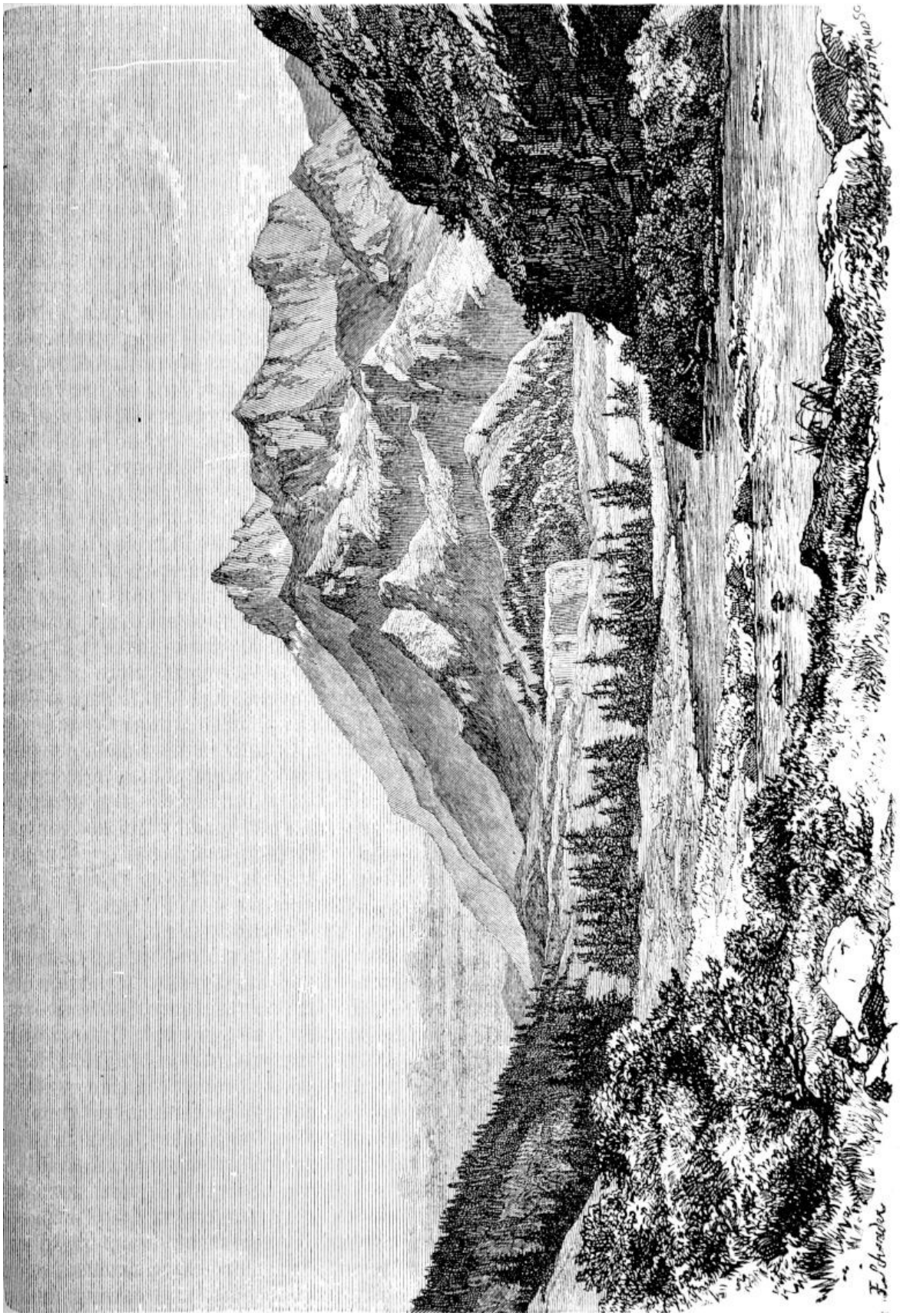
Красноярск, главный город Енисейской губернии, построен, как показывает его имя, происходящее от слова «Красный яр», при основании красноватых крутых утесов, на глинистом полуострове, образуемом слиянием рек Енисея и Качи. Занимая благоприятное положение при большой и всегда судоходной реке, в месте пересечения её главным сибирским трактом, и пользуясь, сверх того, выгодами административного центра, Красноярск, естественно, должен был быстро развиться, население его более чем удвоилось с половины настоящего столетия, так что теперь он самый значительный город между Томском и Иркутском; но зимой путешественники и обозы избегают его по причине недостатка снега на окружающей равнине, выметаемой до-чиста ветрами. Красноярск служит средоточием торговли для приисков, рассеянных в окрестных долинах, но сам он не эксплоатирует находящихся в соседстве залежей минерального угля, и одни только татары извлекают небольшое количество железной руды из гор, состоящих из красного мергеля, которые возвышаются по берегам Енисея. В окрестностях города, на берегах реки Качи, из земли бьют минеральные ключи, железистые и серные.

Енисейск, по значению, только второй город на берегах Енисея, хотя он носит название этой реки. Повидимому, он занимает великолепное местоположение, на левом берегу, ниже слияния двух больших рек, Енисея и Верхней Тунгузки. Это, без сомнения, важные выгоды; но Енисейск находится почти вне пояса русского населения, среди озер и болот, на низменном берегу, который часто заливается водами и покрывается льдами во время весеннего вскрытия рек. Много раз, при сильных разливах, городу грозила опасность быть снесенным водой. В прошлом столетии, когда перевозка товаров производилась исключительно водным путем, енисейская ярмарка, на которой главный предмет обмена составляли меха и железные изделия, была одним из важнейших годовых торгов Сибири; постройка большой сибирской дороги, проходящей южнее, через Красноярск, отвлекла торговое течение в другую сторону. Окрестности Енисейска изобилуют месторождениями железа; все окружающие холмы, бассейны озер наполнены железной рудой; повсюду бьют из земли железистые источники, и каждое болото подернуто на поверхности радужной пленкой, образующейся от примеси железа[1]. На северо-востоке от города многочисленные золото-промышленники ищут золото в песках речек, текущих в Енисей, между Верхней и Подкаменной Тунгузками; в этой местности собирают более двух третей золота, добываемого в Енисейской губернии; но добыча его значительно уменьшалась в эти последние годы. В 1875 году на приисках этой губернии было добыто около 450 пудов золота, на сумму 4.950.000 рублей; число рабочих в этом году было 16.450. Положение приисковых рабочих, работающих в воде, не пользующихся хорошей пищей, незнакомых ни с какими правилами гигиены, в высшей степени печальное; более четверти этих несчастных заболевают на работах, и из шестнадцати тысяч работников каждый год более тысячи стараются уйти с приисков. В Каинском округе, так же, как в Нижне-Удинском, орошаемых многочисленными реками и речками, протекающими в гористой области, которая ограничена течением Енисея и Ангары, эксплоатация золотоносных песков также составляет главную горную промышленность. На север от города Каинска утилизируют, для добывания соли, соляные источники, вода которых содержит от 11 до 12 частей чистой соли.

Ниже Енисейска река протекает уже по пустынным пространствам. Там и сям на берегах показываются бедные деревушки с полуразвалившимися хижинами, да и те встречаются все реже и реже, по мере того, как лодка спускается вниз по реке. Однако, одна из этих дере-

1 Кривошапкин, „Енисейский округ".

вень, Туруханск носит еще имя города, и живущие в нем чиновники, в сущности такие же ссыльные, как и несчастные, осужденные на невольное пребывание в этом страшном месте, управляют семействами кочевых инородцев: тунгусов, остяков, самоедов и якутов, и много-



Группа горъ Мунку-Сардыкъ.

численными поселенцами, торговцами и рыболовами, которые называют себя русскими, но которые в действительности имеют смешанное происхождение и от времени до времени при-

носят еще жертвы древним языческим богам, состоящие из соболей и белок[1]. Туруханск, главный город округа, в котором насчитывается 11.117 оседлых жителей на пространстве втрое большем, чем Франция, имеет всего 219 жителей. Домишки этого городка рассеяны на острове, при слиянии реки Турухан с Енисеем, сообщающимся в этом месте с обширными озерами: пристань, живые мосты на сваях, складочные амбары ожидают торговли, которая должна со временем открыться между Сибирью и западной Европой через Енисейский залив; ярмарка, на которой выменивают у инородцев шкурки пушных зверей, привлекает в Туруханск самоедов и остяков, кочующих в северной Сибири, между Обью и Леной. Что касается огромных залежей графита, открытых на востоке от Туруханска, между реками Курейкой и Нижней Тунгузкой, и из которых одна, как полагают, содержит по меньшей мере 12.000.000 пудов камня, то до сих пор эти богатства остаются непочатыми, так как разработка их оказалась слишком убыточной по причине суровости климата и твердости мерзлой почвы. На лондонской всемирной выставке 1851 года графит с реки Курейки был признан лучшим в свете.

Города Енисейского бассейна, без Ангары, в 1897 году:

Красноярск—23.538 жителей; Енисейск—11.487; Минусинск—9.984; Каинск—7.200; Туруханск—219 жит.

Маленькая пристань Дундинко, на нижнем Енисее, была посещена профессором Норденшильдом; недалеко оттуда находится поселение сосланных из России скопцов, которые все финляндские уроженцы.

2. Байкал и Ангара

Подобно Иртышу и Енисею, Селенга главная река верхнего бассейна Ангары, получает начало на южной стороне гор, ограничивающих с юга равнины Сибири, и излишек вод этого бассейна находит себе путь к северу также через пролом в горной цепи. Но в то время, как Енисей спускается правильным скатом от своего истока до устья, нигде не разливаясь в озерный резервуар, а Иртыш наполняет только неглубокую впадину озера Зайсан прежде, чем продолжает свое течение, Селенга теряется в бездонной котловине Байкала, окруженной со всех сторон горными хребтами, и река, выходящая из этого озера, Ангара, есть лишь исток его, который, может быть, образовался относительно в недавнюю эпоху: он не имеет никакой связи с Селенгой в смысле её непосредственного продолжения. Словно море, Байкал явственно отделяет сибирскую покатость от южной области, известной под именем Забайкалья.

Горные цепи, возвышающиеся на западе обширного моря, называемого также Святым морем, и которые дают начало на южной стороне притокам Селенги, на северной—притокам Ангары, принадлежат к системе Саянских гор, которые сами составляют продолжение Алтая. Хребет Ергик-Таргак-Тайга, гребень которого служит границей между Россией и Китайской империей, соединяется с горами Прибайкалья цепью высоких вершин, которая поднимается до пояса постоянных снегов, и которая тем не менее оставалась неизвестной географам до недавнего времени. В 1832 году Карл Риттер не знал даже о существовании этой цепи, и хотя Александр Гумбольдт упоминает о ней под китайским именем Мондоргон-оола, но он смешивает ее с другими группами и дает ей только треть её действительной высоты; первое восхождение на эти горы было совершено в 1859 году натуралистом Радде. Цепь Мунку-Сардык, имя которой означает «Серебряную гору», представляет высокую горную массу, покрытую на верхушке вечным снегом и льдом (отчего произошло название), тогда как все другие вершины страны показывают летом свои голые скалы, что можно объяснить только существованием теплого воздушного течения, идущего с запада, в верхних областях атмосферы[2]. Монголы никогда не взбираются на Серебряную гору; они останавливаются на месте поклонения, находящемся у основания полуденного ледника, и, помочив виски в

1 Щапов, „Записки Русск. Географ. Общества", том III.

2 Кропоткин, рукописные заметки.

струе воды, льющейся из хрустальной массы льда, кланяются несколько раз перед невидимым горным духом, бормочут свои молитвы и брызгают несколькими каплями водки на все четыре стороны горизонта. Эта ледяная река, единственная, которая спускается с хребта Мунку-Сардык на монгольской покатости, занимает пространство почти в 9 квадр. верст; но скат, обращенный на север, изливает к Сибири двойной ледник, гораздо более значительный, выдвинувший свои конечные морены, смешанные со льдом, на расстоянии 4 верст от вершины и запрудивший своей обрывистой массой воды истечения озера Ехой, пропасти, наполненной лазурной водой и плавающими льдинами. С узкой площадки на вершине хребта Мунку-Сардык открывается обширный вид к западу, к северу, к востоку, на целый мир гор, скал, лесов, тогда как на юге взор теряется в бесконечном пространстве пустыни, сливающейся с основанием небесного свода: синяя поверхность большого озера Косио (Косогол) и зеленеющие леса лиственницы, покрывающие нижний пояс гор, составляют резкий контраст с ярко-красным цветом голых утесов и с белизной снегов[1]. Посреди бассейна Косогол, который продолжается с севера на юг на протяжении около 112 верст, и площадь которого исчисляют в 2.900 квадр. верст, виднеются блистающие, как беловатое облако, скалы острова, почитаемого священным буддистами, которые прозвали его Далайкуй, то-есть «пупом моря».

Пирамидальная масса Мунку-Сардыка составляет центр рассеяния вод; на юго-западе, различные ручьи, переходя последовательно из притока в приток, достигают, наконец, Енисея. На северо-западе река Ока, первые воды которой собираются в озере Ехой, течет сначала вдоль основания хребта Ергик-Таргак, потом поворачивает на север и северо-восток, и образует вместе с Ангарой Верхнюю Тунгузку. На востоке две реки Иркут, Черный и Белый, также получают начало в соседстве, на горе Нуку-Дабан, почитаемой туземцами, которые приносят в это священное место различные дары божеству, шкуры зверей, лоскутки материи, ружейные кремни, старые монеты. Наконец, на юге озеро Косогол служит главным резервуаром вод для верхней Селенги. Но обилие рек, вытекающих из этого горного узла, не всегда одинаково: оно изменяется в весьма значительной степени, так как годовое падение снега и дождя представляет большие неравенства в этой области, смотря по положению гор и направлению ветров. По счастливой случайности, метеорологические наблюдения могли быть производимы правильно на одном из самых высоких мысов этой гористой области, благодаря жилам графита, которые были открыты французом Алибером, около 1850 года, выше пояса лесной растительности, и которые вскоре сделались предметом деятельной разработки. Рудник Алибера, заложенный в сиенитовой скале с крупными кристаллами, содержит миллионы килограммов превосходного графита, уже хорошо известного художникам и приобретенного в собственность обширной карандашной фабрикой, находящейся в соседстве Нюренберга. Однако, суровость климата не позволила поддерживать эту прибыльную эксплоатацию: построенные для рудника здания, складочные сараи, дороги—все было покинуто.

Горы, составляющие непосредственное продолжение горного узла Мунку-Сардык на востоке, и которые опускаются на берегу реки Иркут, недалеко от западной оконечности Байкала, принадлежат к той-же самой орографической системе. Это так называемые Тункинские «Гольцы» (голые, безлесные скалы), на севере которых тянутся другие возвышения почвы в виде параллельных гряд, между долинами рек Оки и Ангары. Цепь гольцов представляет совершенный контраст с Саянскими горами. Если смотреть из долины Иркута, разделяющей эти две горные системы, то на севере увидим разорванные пики гольцов, нагроможденные одна на другую остроконечные пирамиды, тогда как на юге тянутся Саянские горы в форме длинных округленных хребтов. А между тем обе цепи состоят из одних и тех же кристаллических и палеозойских казенных пород, и у основания той и другой некогда происходили излияния лавы. Из трещин, открывающихся у подножия горной массы Мунку-Сардык, вышел базальтовый поток; по краям долины Иркута, на значительной части её

1 Gustav Radde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, Band XXIII.

протяжения, залегают слои лавы, и некоторые из горок этой долины были признаны,—может быть ошибочно—за настоящие конусы извержения. Равным образом лавы выступили на поверхность земли в Тункинской долине, недалеко от Байкала, так же, как на берегах Селенги, в Забайкалье. Введенные в заблуждение относительно свойства некоторых горных пород, путешественники преувеличили важность вулканических явлений в этой области Сибири; но во всяком случае существование огнедышащих отдушин на далеком расстоянии от моря, вблизи пресноводных бассейнов Байкала и Косогола, составляет весьма замечательный факт. Единственные конусообразные горки с кратером, которые до сих пор были открыты в этом крае, и о которых имеются достоверные сведения,—это две «Чашки», находящиеся близ китайской границы, в Саянских горах, около истоков реки Джун-Булак, левого притока Оки. Эти маленькия горки, высота которых не достигает 410 футов, хотя они стоят на плоскогорье, поднимающемся почти на две версты над уровнем моря, кажутся незначительными буграми среди окружающих высоких гор, но поток лавы, вылившийся из главного кратера, имеет не менее 20 верст в длину; на лаве лежат большие глыбы гранита, что дает повод предполагать, что излияния её последовали в эпоху, предшествовавшую послеледяному периоду[1]. Область Иркута, Ангары, Байкала, Мунку-Сардыка, представляет в геологическом отношении ту особенность, что землетрясения там бывают всего чаще и проявляются с наибольшей силой. Город Иркутск стоит на главном вибрационном центре Сибири, так же, как Ходжент помещается на главном туркестанском центре колебания почвы. Многие признаки указывают на то, что в долинах Селенги и Ангары имели место большие провалы земли.

На Тункинских горах растут такие же леса, как и на Саянских, также и животные, населяющие эти две горные системы, принадлежат к одним и тем же видам[2]. Но другая, менее высокая цепь, которая ограничивает с южной стороны долину Иркута, уже отличается в этом отношении от Саянских гор: сплошь покрытая лесами, она тянется в виде длинных хребтов и отличается некоторыми особенностями своего геологического состава и своей фауны. Она начинает собою систему Байкальских гор, которая опять поднимается у юго-западного угла обширного озера, где образует горную массу Камар-Дабан (или Хамар-Дабан), самую высокую из всех цепей байкальского прибрежья. Эта группа достигает высоты 7.000 футов и покрывается зимой огромным количеством снега: полярные ветры, которые проносятся над Иркутском, не оставляя в нем гонимых ими хлопьев, приносят значительные массы снега на Камар-Дабан[3].

Различные высоты горной цепи Мунку-Сардык, по Радде: главная вершина—3.490 метр.; основание южного ледника—3.231 метр.; верхняя граница явнобрачных растений 3.205 метр.; верхняя граница лесов—2.225 метр.: рудник Алибера—2.241 метр.: Нуку-Дабан—2.161 метр.; Косогол—1.645 метр.

Средним числом, горы и холмы, окаймляющие воды Байкала на севере и на юге, имеют только от 3.000 до 4.000 футов высоты. По причине контраста, который представляет их рельеф с ровной поверхностью озернаго бассейна, они кажутся как-бы отдельными цепями, параллельными одна другой; но их скорее следует рассматривать, как части плоской возвышенности с волнообразной поверхностью, складки и возвышения которой тянутся от юго-запада к северо-востоку, между бассейнами Лены и Аргуна. Байкал частию наполняет своими водами две борозды этого плоскогорья: это двойное озеро; большой остров Ольхонский на западном берегу водной площади, и мыс или полуостров Святой, на восточной её окраине, суть отрывки горной цепи, которая некогда разделяла озеро на два бассейна[4], почти равной величины. Впрочем, огромная глубина Байкала, вертикальные стены его береговых утесов, продолжающиеся так же отвесно под водой, свидетельствуют о значительных провалах поч-

1 Кропоткин, „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества“, томы IX и X.
2 Густав Радде, цитированное сочинение.
3 Эрман, „Путешествие в Сибирь”.
4 Кропоткин, рукописные заметки.

вы, которые имели место в этой части земной поверхности. Большинство ученых полагали прежде, что Байкал образовался путем наполнения водой трещины вулканического происхождения; но геологическое исследование берегов озера доказало, что извержения лавы могли иметь лишь самое незначительное влияние на профиль берегов: вулканические извержения констатированы только в равнине, расстилающейся близ западной оконечности озерного резервуара, на северо-западе от цепи Камар-Дабан. Почти все высоты, окружающие озеро, состоят,—как и высоты южного плоскогорья до гор Яблонового хребта,—из крупнозернистых гранитов, сиенитов, кристаллических сланцев и порфиров, чередующихся там сям с древними известняками, песчаникам и очень мощными слоями конгломератов.

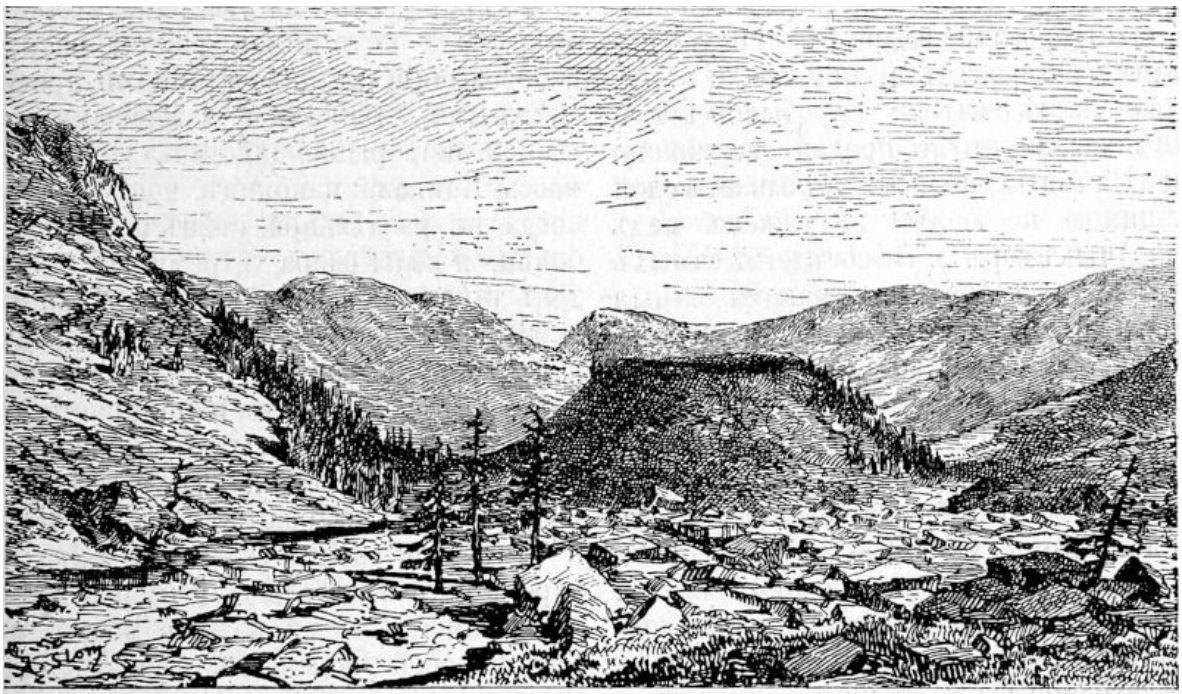
Байкал, название которого произошло, вероятно, от якутских слов Бай-хай, означающих «Богатое» или «Счастливое море», известен у монголов под названием Далай, Нор или «Священного моря»: сами русские прибрежные жители, дают ему преимущественно это наименование «Святого моря»—утверждая, что «никогда еще не было случая, чтобы на нем погибла христианская душа», разве только в состоянии смертнаго греха. Все местные жители: монголы, урианхи, буряты и русские приходят в негодование, когда услышат, что Байкал называют озером: в их глазах—это пресноводное море, почти равное по достоинству морю соленой воды. Тамошние рыбаки рассказывали Гмелину, что «море» гневается, когда его называют озером, и говорили о нем всегда в самых почтительных выражениях. Так, во всех странах мира, дикие народы, пребывающие во власти неукрощенных сил природы, привыкли трепетать и благоговеть перед ними. Многие из опасных подводных камней почитаются священными, и прибрежные жители часто ходили поклониться им и принести приличныя жертвы, когда ветер позволял пристать к камню: близ выхода Ангары из озера одна из этих скал слывет у туземцев престолом «Белого Бога». Полуостров или мыс священный по преимуществу, который выступает далеко в озеро, на восточном берегу, оканчивается утесами «Шаманскаго» носа, которые поднимаются сажен на 25 над поверхностью вод, в виде колонн или грубо изваянных статуй. В глазах тунгусов эти утесы—боги, властители вод, которые омывают их ноги, покровители птиц, которые несметными стаями кружатся в огромной полости их рта.

«Море» или «озеро», Байкал во всяком случае есть самый обширный бассейн азиатского континента, и во многих русских сочинениях по географии ему еще дают первое место между всеми озерами земного шара, как-бы игнорируя существование озер, образующих «пресноводное Средиземное море» Северной Америки и как бы не зная об открытии больших африканских озер Нианца (Виктория) и Танганийка. Тем не менее, если Байкал уступает по протяжению обширным озерным пространствам Африки и Нового Света, то он превосходит большинство их по массе воды, ибо глубина его громадна и самые низкие его впадины лежат гораздо ниже уровня океана. Для сравнения приводим размеры самых больших пресноводных озер Старого и Нового Света:

	Площадь, кв. км	Наибол. глубина, метр	Средн. глубина, метр	Прибл. объем воды, куб. кил
Байкал	34.975	1.375	250	8.743
Нианце (Укереве)	83.900	?	?	?
Танганийка	39.000	?	?	?
Верхнее	81.000	313	220	17.820
Мичиган	57.000	263	90	5.130
Эрио	24.600	62	15	369
Женевское	578	354	150	87

Средняя глубина Байкала превышает 117 сажен. У основания крутых береговых утесов лот находит скалы дна лишь на глубинах, превышающих 50 сажен, а для обыкновенных канатов, которыми располагают рыболовы, озеро почти везде представляет пучины неизмеримой глубины. В 1859 году, когда были произведены первые правильные промеры дна Байкала, от одного берега до другого, для укладки телеграфного кабеля между иркутским берегом и дельтой Селенги, Кононов, как ему показалось, нашел дно на глубине почти 600

сажен, а впоследствии новое подводное исследование этой области дало ему почти 700 сажен (1.491 метр.), как наибольшую глубину в южных пространствах Байкала; но новейшее, гораздо более подробное, исследование дна, произведенное, в продолжение зимы 1876 года, учеными ссыльными поляками Дыбовским и Годлевским, которые располагались со своими измерительными снарядами на льду озера, у края трещин или прорубей, позволило исправить эти первые измерения. Наибольшая измеренная глубина, которая, по всей вероятности, соответствует самой глубокой впадине ложа, оказалась равной 643 саженям (1.373 метрам); на пространствах в несколько верст длиною, дно представляет правильные равнины, залегающие на расстоянии 513, 560 и 607 сажен от поверхности вод. Самый замечательный факт, обнаруженный промерами,—это существование подводного горного хребта высотою более



Кратеръ «Чашка» близъ истоковъ сибирской Оки.

1.000 метров, параллельного берегам Иркутска и Забайкалья, который тянется по середине бассейна и делит его на две второстепенные впадины[1]. С давних пор судовщики, плавающие по Байкалу, говорили о существовании в озере подводных скал или мелей, на которых они будто-бы даже бросали якорь в дурную погоду; но этим рассказам не придавали веры. Упомянутые исследователи гг. Дыбовский и Годлевский доказали, что это предание не лишено основания; действительно, лот указывает слой воды толщиною не более 28 сажен над цепью подводных гор[2]. В соседстве самых глубоких мест озера поднимаются самые высокие горы прибрежья: в «Святом море», как и в океане, почти везде промеры обнаруживали, что глубина вод соответствует крутизне берегов. Часть озера, лежащая к северу от острова Ольхонского и Святого мыса, окружена менее обрывистыми берегами, и воды её имеют меньшую толщину. В «Малом море»,—так называют залив, образуемый островом Ольхонским и противолежащим берегом,—глубина достигает 30 сажен. Благодаря громадному объему водной массы, правильно смешиваемой действием тяжести, которая увлекает ко дну более плотную воду, температура Байкальского озера представляет лишь весьма незначительные разности: на поверхности изменения её не превышают 10 градусов сто-градусного термометра: на глубине 70 сажен амплитуда колебаний температуры составляет всего только 2 с половиной градуса: тогда как на дне температура воды постоянно держится на 3 с половиной градусах[3].

Байкал, как он ни обширен и как ни глубок, есть, однако, только остаток бассейна, го-

1 Дыбовский и Годлевский, цитированный мемуар.

2 „Известия Сибирского отдела Географ. общества“, т VIII, октябрь. 1877 г.

3 Struve, „Mittheilungen von Petermann”, 1880 г., № 8.

раздо более значительного. Везде на его окраинах, где скалы не высятся непосредственно над поверхностью вод, и где покатость твердой земли довольно отлога, чтобы могли образоваться плоские берега, можно заметить лежащие одна над другой линии старых берегов, которые покрыты совершено такими же гальками, как и нынешние берега, находящиеся в известных расстояниях кругом всего теперешнего берега и в долинах притоков, доказывают, что в недавнюю эпоху озеро поднималось по меньшей мере на 3 сажени выше уровня, который оно занимает в наши дни. В предшествовавшую геологическую эпоху водная масса Святого Моря была еще больше и сообщалась с древним озером долины Иркутска посредством пролива, не имеющего ничего общего с проломом, через который ныне вытекает Ангара. Часть этой реки, заключающаяся между Байкалом и слиянием Иркута, была прежде незначительным ручьем, впадавшим в Иркут: вал из песчаниковых скал отделял её истоки от впадины, занимаемой громадным озером. Но в то время, как на северной стороне этих скал шла неустанная работа размывания и изборождения скатов рытвинами, производимая снежными лавинами и дождевыми водами, на южной непрерывно действовал натек жидкой массы Байкала; наконец, наступил момент, когда в раздельной стене образовалась пробоина, и воды озера устремились в отверстие, дав таким образом начало одной из могучих рек земного шара. Самое имя Ангары, как говорят, означает по-тунгузски «бегство воды» и, может быть, напоминает внезапное истечение водной массы через пролом, образовавшийся в северной закраине Байкала[1]. Канал этого истока постепенно расширился и углубился под тяжестью вод, которые через него изливались, и озеро, избавившись от излишка своей водной массы, могло сохранять свой уровень в тесных пределах: разность между уровнем летних вод, поднимающихся вследствие таяния снегов, и уровнем зимних вод, неполучающих, по причине, мороза, дани от текущих в озеро ручьев, не превышает, средним числом 1 метра[2]; но в некоторые исключительные годы прибыль воды в Байкале достигала почти 2 метров выше нормального уровня. Годовая разность между самым высоким и самым низким стоянием воды значительнее в альпийских озерах, особенно в Лаго-Маджиоре, где она может достигать 7 метров при больших разливах. Правда, что на скатах Альп годовое падение атмосферной влаги гораздо значительнее, пропорционально протяжению бассейна, чем на покатостях высот, окружающих сибирское пресноводное море; разливы притоков Байкала, каковы: Селенга, Баргузин, верхняя Ангара и сотни других рек и речек, успевают значительно уменьшиться прежде, чем воды вступят в общий резервуар, и таким образом Байкал получает менее наносов всякого рода, чем альпийские озера, хотя Селенга катит мутныя воды. Вода в Святом море гораздо прозрачнее, чем в Лого-Маджиоре или в Женевском озере: на глубине 5 сажен можно совершенно ясно различить все находящееся на дне до малейшего камешка; только на глубинах более 7 сажен перестаешь распознавать большие камни дна; даже после сильных дождей вода остается прозрачной в соседстве плоского берега и впадающих в озеро ручьев.

Это незначительное содержание твердых землистых частиц в воде, текущей в Байкал из окружающих гранитных долин, объясняет отчетливость излома, правильность углов и граней, которую еще представляют контуры берегов озера: края Святого моря как-будто сохранили свою первоначальную архитектуру, и это придает им еще более величественный вид; плавая у подножия высоких береговых утесов, которые с отдаленных, неизвестных нам эпох, стоят несокрушимо, еще не уничтоженные всеразрушающим временем, невольно воображаешь себя перенесенным за тысячи веков назад, в первобытную природу. Однако, нельзя сказать, чтобы на берегах Байкала совершенно не было новейших геологических образований; наносные формации тоже встречаются, особенно около северной его оконечности, где бассейн имеет меньшую глубину. В этом месте верхняя Ангара и некоторые соседния с нею реки соединяются в болотистую дельту, отделенную от свободной поверхности озера грядами дюн, которые, впрочем, поднимаются от земли не более, как на несколько сажен (от 1 до 5)

1 Меглицкий, „Verhandlungen der Mineralogischen Gesellschaft in St. Petereburg", 1856 г.

2 Radde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches"

и по большей части скрыты под кустарником, состоящим из ползучих сосен и разных других деревянистых растений. В южном бассейне дельта Селенги тоже прерывает выпуклой линией своей аллювиальной равнины первоначальное очертание берега.

Наиболее грандиозный и живописный вид имеют береговые утесы вдоль западных берегов Байкала, преимущественно вдоль крутых откосов острова Ольхонского, у выхода Ангары. Над самой поверхностью вод поднимаются высокие мысы в форме неравных башен, высотою до 650 и 1.000 футов, с выступами, покрытыми там и сям сосновым лесом и кустарником. Между этими мысами, осаждаемыми волнами и изрезанными гротами, куда с шумом низвергается вода, некоторые, более рыхлые и мягкие пласты скал частию обрушились, и через эти бреши виден весь амфитеатр прибрежных гор, поднимающихся над террасами на подобие ступенек исполинской лестницы. Несмотря, однако, на всю их грандиозность, эти байкальские пейзажи обыкновенно оставляют в уме путешественника не веселое впечатление. На берегах нигде не видно никакого жилья, ни одной нивы, везде только дикая природа и пустыня. Когда едешь вдоль берегов озера, вид гор изменяется очень мало, едва заметно: один мыс сменяется другим подобным же выступом суши; за окруженной скалами бухтой открывается другая такая же бухта, потом опять бухта и так далее; постоянно имея перед глазами одинаковый пейсаж, наконец, начинаешь спрашивать себя, не кружит ли возница на одном и том же месте. Леса, покрывающие скалы гор и узкия полосы прибрежья, состоят исключительно из сибирских пород хвойных дерев, сосен, елок или лиственниц; нигде не видно ясени, вяза, дуба, которые, в европейских странах, сообщают такую прелесть ландшафту обилием своей листвы, разнообразием оттенков зелени, величественным видом высоких стволов. Под конец этот однообразный темнозеленый колорит соснового бора наводит на душу не меньшее уныние, как и черноватые крутизны скал, на которых рододендроны, с их красными цветками и коричневыми стеблями, кажутся издали какими-то пятнами ржавчины. Одно только дерево из ростущих на берегах Байкала напоминает своим видом и обилием ветвей густолистые деревья Европы: это душистая осокорь или сибирский тополь (populus balsamifera), простирающий над ручьями свои широкия ветви, похожия на ветки орешины. Между низкими растениями самые обыкновенные на берегах Байкала—разные виды таволги (spireae): с середины озера гребцы видят во многих местах синеву воды, отделенную от черной линии лесов белой полосой, которую образуют миллионы спирей в цвету[1].

Байкал слишком обширен, чтобы впадающие в него притоки могли образовать в нем заметное течение: воды на поверхности озера движутся от одного берега к другому, смотря по направлению атмосферных течений. Общее движение водной массы от северо-востока к юго-западу, движение, о котором говорит Гесс[2], продолжается лишь под влиянием полярных ветров: в южной части озерного бассейна этот ветер известен под именем «баргузина», потому что там он кажется выходящим из бухты, в которую впадает река Баргузин, на юге от мыса Святого. Противный ветер, тот, который дует с запада и юго-запада, прибрежные жители называют обыкновенно «култуком», по имени деревни, расположенной у западного угла озера. Под влиянием этих чередующихся ветров, воды Байкала движутся то в ту, то в другую сторону и повышают уровень озера. Но, кроме этих общих ветров, внезапные бризы и бури, спускающиеся через боковые долины и ущелья, часто изменяют движение волн, и нередко поверхностные борозды пересекают в виде полос пены могучее волнение зыби.

Поверхность Байкала постоянно замерзает зимой, в конце ноября или в начале декабря, и снова освобождается от льда только в мае месяце. Ледяная кора на этом пресноводном море не образуется из кристаллических пластинок, поднимающихся со дна, как в реке Ангаре и в большей части других быстрых потоков Сибири, но появляется сначала на краях бассейна в виде тонкой пленки, окаймляющей берег, и к которой затем прилипают льдины, приносимые притоками. Замерзание постепенно распространяется от краев все далее к середине, пока, наконец, вся поверхность вод покрывается ледяной скатертью; но внезапные

1 Радде, цитированное сочинение.

2 Карл Риттер, „Землеведение Азия".

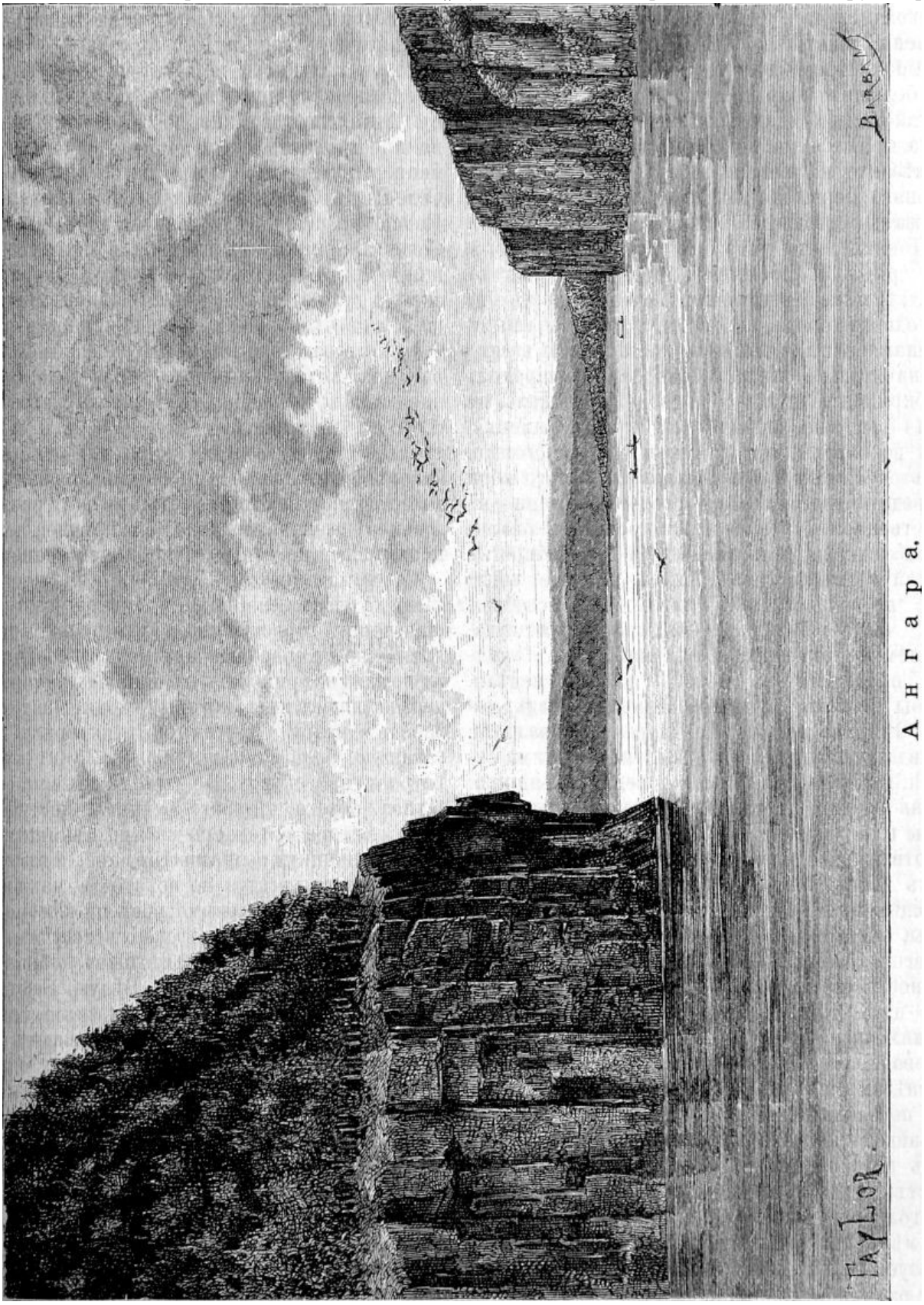
бури ломают хрупкий кристаллический слой и смешивают его в беспорядочную массу с кусками льда, оторванными от берегов. Даже когда лед на всем своем протяжении приобретает нормальную толщину, достигающую 1 метра или 1 метра 25 сантиметр., и когда лихия почтовые тройки, мчащиеся со скоростью товарного поезда, переезжают озеро без всякой опасности, даже и тогда ледяная площадь не перестает колебаться под жидкой массой, которая ее поддерживает. Проезжающие явственно слышат глухой шум воды, перекатывающейся под твердым сводом и заставляющей его изгибаться в виде длинных волн. Иногда от внезапного удара лед приходит в сотрясение, сопровождающееся металлическим звуком, похожим на жужжание шмеля[1]; иногда протяжный треск, как бы стон, возвещает, что лед раскололся, и в массе его появляются узенькия, почти незаметные трещинки, продолжающиеся на протяжении нескольких верст; эти трещинки либо опять смыкаются вскоре, либо расширяются в зияющие щели с краями неравной высоты[2]: лошади тогда с разбегу перескакивают через трещину, при чем иногда бывают, несчастные случаи, и кибитка проваливается в мерзлую воду; но обыкновенно это невольное плавание оканчивается благополучно, и кибитку успевают вытащить на лед[3]. Вероятно, через эти-то трещины льда воздух проникает от времени до времени в глубины озера, благодаря чему рыбы и тюлени могут жить зимой, несмотря на толстую кору, сковывающую поверхность вод. Но эти временные щели скоро опять замерзают; под влиянием морозов от 20 до 40 градусов, вода, находящаяся в соприкосновении с атмосферой, замерзает почти мгновенно: на стенах скал, окаймляющих Святое море, часто можно видеть полосы отвердевшей пены, остаток бурных волн, схваченных морозом на-лету и частию замерзших[4].

За зимними льдами следуют весенние и летние туманы. Как только холодная вода, освобожденная бурями от твердого слоя, отделявшего ее от воздуха, получит возможность свободно распространять свои испарения в пространстве, озеро тотчас же начинает дымиться, словно громадный котел. Каждое утро, весной, густой туман застилает поверхность Байкала и скрывает берега от взоров гребцов: но после полудня, когда поверхностная часть воды достаточно нагрелась, туман рассеевается. По той же причине атмосфера снова приобретает чистоту и ясность в конце лета и в начале осени: в эту пору года температура воды приближается к температуре воздуха и наконец даже превосходит ее.

Фауна Байкала относительно бедна видами. Недостаток аллювиальных земель на берегах озера, чрезвычайно крутой скат береговых утесов к пучинам в несколько сот аршин глубины, не позволили ракообразным и другим прибрежным животным расплодиться в большом числе, и, вследствие того, водяные птицы довольно редки: за исключением бакланов-рыболовов и различных пород чаек, которые кружатся многочисленными стаями над некоторыми подводными скалами, и из которых одна была прежде известна только в Исландии и в западной Европе, не увидишь летом никакой птицы на Байкале; но весной и осенью леса, окружающие Святое море, временно оживляются стаями странствующих птиц, перелетающих из центральной Азии в Сибирь и обратно[5]. Воды озера изобилуют преимущественно видами осетрового семейства и лососями или нельмами, в особенности той породой, которая в крае известна под именем омуля. Но рассказы Палласа и предъидущих путешественников о «мириадах» рыб, поднимающихся из озера в текущие к нему реки, уже не соответствуют действительности: истребление яичек (икры) производится рыболовами в таких широких размерах, что скоро придется принять серьезные меры к сохранению существующих видов, и некоторые из них сделались уже редки. Есть также породы, которые исчезли в самом Байкале, неизвестно в какую эпоху, но которые еще встречаются в маленьком озере, лежащем недалеко от северной оконечности Святого моря, в углублении плоской возвышенности:

1 Russel-Killough, „Seize mille lieux a travers l'Asie et l'Oceanie".
2 Karl Ritter, „Asien".
3 Кропоткин, рукописные заметки.
4 Russel-Killough, цитированное сочинение.
5 Pallas, „Voyage dans l'empire de Russe"; Радде, цитированное сочинение.

это Форелиха или «Форелевое озеро» (по-тунгузски Давачанда амут)[6]. Это водовместилище, необыкновенно глубокое, очень богато форелью, которой до сих пор еще не находили ни в Байкале, ни в его притоках; его особенная фауна заключает, кроме того, много других ры-



бьих пород. Что касается байкальских тюленей, то они тоже водятся не во всех частях Святого моря. На западных берегах они совсем не встречаются: летом их увидишь преимуще-

6 Ermann, „Voyages en Siberie“

ственно на восточных подводных скалах острова Ольхонского, тогда как осенью они всего чаще посещают южные берега, между устьями Баргузина и Селенги. Принадлежат ли они к океанской фауне или составляют особенный вид? Во всяком случае, их невозможно отличить от тюленя, живущего на Шпицбергене (phoca foetida). Преследуемые рыболовами, которые с большим барышем продают их шкуры китайским купцам, байкальские тюлени редко показываются на поверхности озера; они не вылезают на плоские берега, как тюлени полярного моря, и колыбелью новорожденным служат плавающие льдины.

Понятно, что в этом внутреннем море, где рыбный промысел находится уже в упадке, и на берегах которого не существует ни одного города, ни одного важного промышленного места, судоходство должно быть весьма незначительно. Правда, что первый пароход Сибири был пущен по водам Байкала, в 1844 году, но для местной службы, именно, для переправы между иркутским берегом и дельтой Селенги. В этой части Святого моря сосредоточивается все торговое движение в собственном смысле: там проходят товары и пассажиры, направляющиеся из Сибири в Китай и в бассейн Амура. Прежде, когда еще не существовало пароходного сообщения, часто случалось, что парусные суда, гоняемые ветром, блуждавшие в тумане, проводили в дороге по две недели, чтобы сделать этот небольшой переезд, менее чем в 100 верст, через Байкал[1]; правда, что управлять этими неуклюжими судами, похожими на большие деревянные ящики, очень трудно, и байкальские «мореходы», буряты или русские мужики с восточного берега, не отваживаются плыть иначе, как при попутном ветре. В промежуток времени, отделяющий период навигации от периода санной езды, товарные обозы пользуются сухопутной дорогой, которая идет вокруг западной оконечности озера, следуя вдоль основания горной цепи Камар-Дабан. Прежняя дорога поднималась зигзагами по скатам этих гор, переваливала через их хребты и вершины по снегам и болотам и затем спускалась на юге по направлению к Селенге.

Байкал получает воды с территории, площадь которой исчисляют в 281.600 квад. верст, и на которой бассейн Селенги, в Монголии и в Забайкалье, занимает по крайней мере две трети пространства. Полукруг, образуемый окраиной этого бассейна, обширная равнина, покрытая коричневым и пористым порфиром, похожим на лаву, имеет не менее 2.350 верст длины, а главный поток, тот, который выходит из озера Косогол, у подошвы хребта Мунку-Сардык, и который, после получения разных имен, принимает, наконец, название Селенги, развертывает свою длинную кривую на протяжении около 1.030 верст. Эта река судоходна для плоскодонных судов на всем своем нижнем течении, вниз от слияния её с Орхоном, и кяхтинские негоцианты пользуются ею для отправки грузов чая: таким образом от китайской границы до Ледовитого океана, на пространстве около 4.500 верст, идет непрерывный судоходный путь, сначала из Селенги в Байкал, затем из Ангары в Енисей и, наконец, по Енисею до самого моря. Селенга принимает в себя несколько больших притоков, между прочим забайкальскую Уду, которой широкая долина, спускающаяся с Станового хребта, начинается в небольшом расстоянии от Амура. Аллювиальная равнина, которую Селенга образовала своими наносами при впадении в Байкал, окаймляет озеро на протяжении около 30 верст, и река делится при устьях на восемь или десять рукавов, величина и относительная важность которых изменяется, смотря по силе размыва и высоте разлива; недавно почва речной дельты провалилась на значительном пространстве.

Селенга, Баргузин, с берегами, населенными бурятами, и Верхняя Ангара, протекающая через гористую страну тунгусов, а также другие менее обильные притоки, в соединении с дождями, приносят в Байкал значительный излишек вод, который уходит из озера через Ангару, одну из могучих рек Азии, катящую, без сомнения, более 3.000 кубич. метров в секунду. По выходе из широкого залива, берега которого осенены лиственницами, Ангара обтекает своими пенящимися, словно кипящими волнами «Шаманский камень», стремительно несется по покатости, наклоненной от 30 до 40 сантиметров на километр, и вскоре поглощает в своем могучем потоке, не увеличиваясь заметным образом, реки Иркут, Куду, Китай, Белую.

1 Густав Радде, цитированное сочинение.

Быстрота течения так велика, что темносиния, почти черные воды Ангары еще продолжают бежать перед высокими берегами Иркутска в то время, когда все её притоки уже покрылись толстым слоем льда. Зима давно уже наступила со своими постоянными десяти и двадцатиградусными холодами, а река все еще остается свободной от ледяного покрова; но воды её постоянно дымятся: над рекой стелется густой туман; с высоты крутого яра едва можно различить кое-где быстрое клокотанье или беловатые полосы, показывающие, что вода еще не перестала течь. Ангара начинает замерзать только после 30-ти градусных морозов, продолжающихся несколько дней сряду. Но тогда замерзание совершается очень быстро: со дна, охлажденного вследствие лучеиспускания теплоты, происходящего сквозь прозрачную воду, поднимаются льдинки, которые соединяются одна с другой, слипаясь своими иглами, и двенадцать часов спустя после появления на поверхности реки первых кристаллических пластинок, проезжающие могут уже переправляться через Ангару по льду[1]. Во время весеннего вскрытия, разломанныя льдины, уносимые быстрым течением, ударяются о ледяные мосты, которые еще держатся на более тихих водах ниже по реке, и, скопляясь у входа в теснины, образуют иногда целые ледяные горы, поднимающиеся сажен на 20 и более над уровнем речной воды: когда эта масса нагроможденного льда обрушивается, река уносит ледяные глыбы, смешанные с обломками камней, оторванными от крутых откосов береговых скал[2].

Между этими теснинами Ангары самая знаменитая та, в которой река катится стремнинами и даже образует, между подводными камнями или порогами, настоящие водопады, где не отваживаются проходить обыкновенные суда. На пространстве около 70 верст, вниз от слияния Оки и Ангары, из которых последняя получает от этого места новое название—Верхней Тунгузки, следуют один за другим девять порогов (по местному падунов, или шиверов) между гранитными и сиенитовыми скалами; рев волн, ударяющихся о каменистые островки, слышен за несколько верст, в виде постоянных раскатов грома.

Названия, данные порогам прибрежными жителями, свидетельствуют об ужасе, который они внушали. Но пароходы проходят эти пороги без всякой опасности, и быстрое движение, шум сталкивающихся волн вызывают в пассажирах только мимолетное волнение; ниже слияния с Илимом, Ангара протекает у основания других скал, серпентиновых и базальтовых масс, поднимающихся почти на 600 футов над уровнем воды. Это последния крутизны берега; однако, река не в силах пробить себе дорогу через плоскую возвышенность, поднимающуюся на севере, и, повернув к западу, идет на соединение с Енисеем; недалеко от слияния её с этой рекой-соперницей, она принимает в себя большой приток Чуну, который приносит ей воды обширного бассейна, орошаемого золотоносными потоками, спускающимися с Саянских гор. Между притоками Ангары есть также «Соляныя» речки, и даже на одном острове этой реки, верстах в семидесяти ниже Иркутска, соляные источники бьют фонтаном из скал, окруженных со всех сторон пресной водой. В соседстве многих из береговых утесов Ангары залегают пласты земляного угля, непочатые запасы минерального богатства для будущего.

Так же, как на Енисее, русские составляют господствующее население в долине Селенги, на Байкале и по берегам реки, которая обязана одним из своих имен туземной нации—тунгусов; но эти последние и буряты являются еще единственными обитателями многих лесных местностей.

Два названные народа, тунгусы и буряты, составляют совершенную противоположность один другого. В то время, как тунгус смел и весел, скромен, почтителен и прямодушен, бурят обыкновенно боязлив, угрюм, груб, ко всему равнодушен, плутоват и, главное, страшно ленив, ленив,—как табарган, и даже больше, чем табарган, потому что зимой ворует у последнего запасы кореньев, сложенные в норках[3]. Его широкое скулистое лицо редко озаряется открытым взглядом; его маленькие прищуренные глаза, оттененные узенькими приподд-

1 Сиверс; Паллас; Миддендорф; Ровинский, „Древняя и Новая Россия", 1876 г. № 3.

2 Семенов, „Географ. Словарь Российской Империи".

3 Кропоткин, рукописные заметки.

нятыми ресницами, еле высматривают из-под широкого плоского лба через коротенький приплюснутый нос, под которым оттопырены толстые губы. Сильные, коренастые и широкоплечие, буряты по большей части не отличаются стройностью и гибкостью стана, тело у них дородное, отяжелевшее от жира, походка тяжелая, как у их соплеменников монголов. Главный их порок—пьянство, и так как хмельные напитки действуют на них гораздо сильнее, чем на русских, то чарка самой слабой сивухи, несколько глотков кумыса достаточны, чтобы повергнуть бурята в опьянение. Бурят, если только крайняя бедность не вынуждает его обходиться без всякого убранства жилья и облекаться в рубища, в грубую кожаную одежду, доставшуюся ему по наследству от родных, любит похвастать роскошью: юрта его убрана внутри коврами, которые разостланы на полу или развешаны по стенам; сам он щеголяет в шелковом халате (зимой в длинной бараньей шубе, покрытой шелковой материей, с опушкой из дорогих мехов), стянутом поясом, к которому привязаны кисет с табаком, китайская трубочка—ганза, нож, огниво и чайная чашка; его жена и дочери носят вышитые наряды, испещренные металлическими украшениями, и прядки их кос, закинутые на грудь, увешаны перламутром, золотыми монетами, кусками малахита, и продолжаются серебряной бахромой[1].

Буряты, которые сами себя называют гуннами, то-есть «людьми», принадлежат к монгольской расе, как их соплеменники калмыки, и в соседстве китайской границы ничем не отличаются от коренных монголов. Эти инородцы говорят различными наречиями монгольского языка, и очевидно, свою цивилизацию они получили, да и теперь еще получают отчасти, с юга, из китайских пределов[2]. Мужчины по-прежнему бреют голову, оставляя на затылке длинную косу, которая от маковки спускается на спину, как у китайцев, и украшают свою шапку китайской шелковой кистью; самые ученые между ними имеют книги духовного содержания, переведенные с тибетского языка на монгольский и на тунгузский, и религиозные верования и обряды их ничем не отличаются от культа заграничных буддистов. У них тоже есть ламы, которые облекаются в красные халаты или шубы, на голове носят желтые шапки и подпоясываются разноцветным кушаком; они также имеют религиозные процессии, празднества с музыкой, многочисленные церемонии. В Забайкалье едва-ли найдется хоть одно бурятское семейство, в котором бы не имелось по крайней мере одного священника или ламы; обыкновенно каждый третий ребенок делается духовным лицом[3]. На берегах Байкала, и особенно в соседстве Иркутска, буряты более или менее обрусели; тысячи из них крестились в христианскую веру; кое-где происходило смешение племен, и в то время, как буряты делались русскими, русские, в свою очередь, становились бурятами: во многих селениях трудно распознать истинное происхождение жителей, и все они, казаки и буряты, говорят двумя языками; в деревнях мужик хвастает своим уменьем говорить по-монгольски, подобно тому, как в городе цивилизованный русский щеголяет своим прекрасным французским диалектом. В бассейне Байкала самое чистое, беспримесное бурятское население находится, как кажется, на острове Ольхоне, где туземцы редко видят у себя путешественников или купцов.

Тунгус—исключительно зверолов; бурят, пришедший из степей Монголии,—по преимуществу скотовод, а на берегах озер он занимается также рыбной ловлей. Подобно калмыкам, он употребляет для верховой езды быка, но предпочитает, однако, лошадь, и животные этой породы, которыми он владеет, едва-ли не самые замечательные во всей Сибири не по красоте, но по неприхотливости и умеренности в пище и силе выносливости, по-истине изумительных. Малорослые бурятские лошадки легко делают переезды в пятьдесят и даже в сотню верст, постоянно сохраняя свою обычную рысь и не требуя ни корму, ни питья; в конце такой огромной станции они кажутся еще бодрыми, неутомленными. Зимой бурят имеет обык-

1 Эрман, „Путешествие в Сибирь".

2 Струков, „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества", 1865 г., № 8; Albin Kohl und Richard Andree.

3 Эрман, цитированное сочинение.

новение оставлять своего коня на ночь в совершенно открытом дворе, чтобы приучить его таким образом к перенесению 40 и 50-ти градусных морозов, от которых, конечно, погибли бы в короткое время лошади всякой другой породы[1]. Зато буряты очень ценят этих товарищей, которые переносят их с такой быстротой через степи или леса; обычай запрещает им убивать или продавать лошадей, употреблявшихся для верховой езды: они убивают, для употребления в пищу только тех животных, которые никогда не носили на себе всадника. По религиозному предание, верховой конь должен сопутствовать своему хозяину при переселении его на тот свет; но лукавые буряты стараются обойти это предание и надуть своего бога, привязывая возле могилы, куда зарыт покойник, какую-нибудь старую, никуда негодную клячу или молодого жеребенка, да и то при помощи тоненькой, некрепкой веревки: испуганное животное скоро разрывает свои узы и присоединяется к табуну. «Мы отдали его Богу, Бог возвратил нам его назад!»—таково обыкновенное извинение наследников умершего. В некоторых округах буряты также научились от русских косить сено, пахать землю и сеять хлеб, и даже, в Иркутской губернии, они сделались более искусными земледельцами, чем их учителя: они лучше удобряют и орошают свои пашни и луга и держат больше скота[2]. Вообще в ведении хозяйства и промышленности их превосходят только поселенцы-старовеpы, известные в крае под именем «семейских», самые трудолюбивые и смышленые из сибиряков.

Со стороны тунгусов территория, занимаемая бурятами, определенно ограничена: северная оконечность Байкала принадлежит тунгусам, тогда как все большое озеро, от острова Ольхонского и мыса Святого до залива Култук, составляет бурятское море. Буряты делятся на племена или колена, носящие различные названия, большею частию по имени местности, где живут,—селенгинские, баргузинские, ольхонские и проч.; колена подразделяются на аймаки, из которых каждый имеет своего князька или тайшу и старшин, и управляется согласно своим обычаям: некоторые аймаки составляют между собою союз и сходятся на общие собрания, устраиваемые где-нибудь в лесных просеках или на берегу озер, для обсуждения общих дел. Администрация не вмешивается в их внутреннее управление и в их частные споры, кроме того случая, когда возникает какое-нибудь столкновение между тайшами. Правительство еще не требовало от них рекрут, и хотя у них отбирают от времени до времени, для отдачи русским поселенцам, кое-какие земли из огромной области, которая была уступлена этим инородцам при Екатерине II на «вечныя» времена, но им все еще остается земли больше, чем сколько они могут обработывать. Что касается религиозных верований, то на севере буряты еще придерживаются шаманства, которое от севера к югу постепенно переходит в ламайскую веру. Влияние русского православия тоже проявилось, особенно введением в бурятский пантеон св. Николая, сказание о житии которого совершенно сходно с легендой монгольского святого Цаган-Убукгун, или «Белого Старца»: в то время как буряты ходят в русский храм делать приношения Николе угоднику, русские, с своей стороны, почитают изображение ламайского Белого Старца[3]. Северные буряты, хотя очень религиозные, держат, однако, очень ограниченное число шаманов, потому что слишком бедны и не могут давать приличного вознаграждения этим посредникам богов: но это не мешает им самим совершать все нужные церемонии перед своими домашними божками (бурханами), сотканными из верблюжьей шерсти, так же, как перед уединенными скалами и мысами, на берегу источников, рек и озер, и располагать в свою пользу добрых и злых гениев посредством приношений, состоящих из звериных шкурок, лент и лоскутков материи, зеркальцев, конских грив и хвостов. В окружающей их природе всякий предмет им кажется живым, все видит и слышит их и относится к ним дружелюбно или враждебно. Оттого бурят проходит с благоговением и трепетом мимо всех этих страшных богов, утесов, лесов или ручьев; по его верованию, иногда достаточно одного слова, громкого смеха, бормотанья, чтобы разбудить

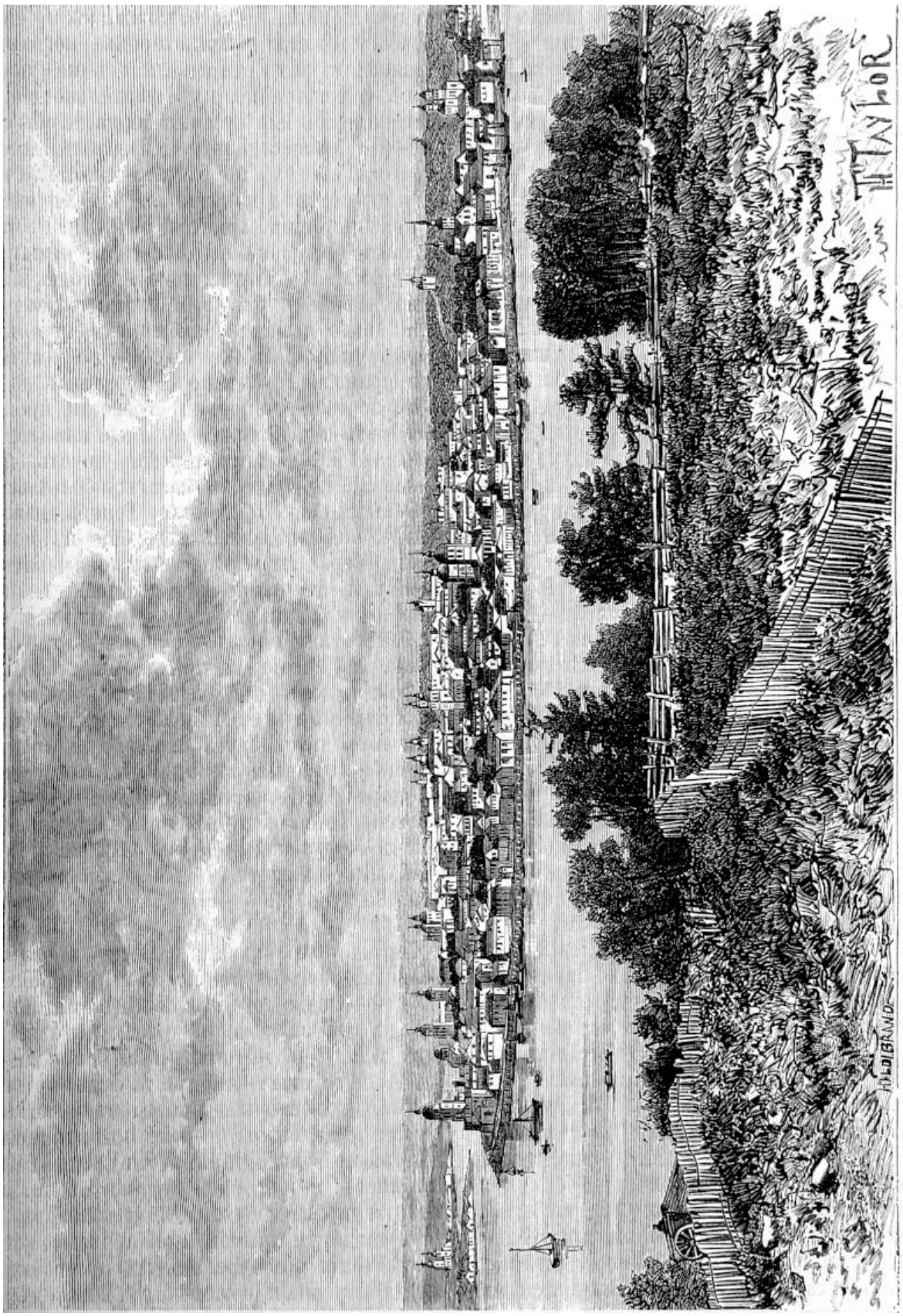
1 Кропоткин, рукописные заметки.

2 Ровинский, „Древняя и Новая Россия", 1875 г..

3 Кропоткин, „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества", том IX 1867 г.

уснувшую бурю[1].

Буряты долгое время были известны под именем «братских» (в ед. числе—«братской»),



Видъ Иркутска до пожара въ 1878 году.

которое им дали поселившиеся на Байкале русские колонисты, и происхождение которого можно объяснить игрой слов, без сомнения, невольной. Укрепление, которое было постро-

1 Кропоткин, рукописные заметки.

но, чтобы держать этих инородцев в повиновении, при слиянии Ангары с Окой, и которое в наши дни сделалось маленьким местечком, до сих пор носит название Братского острога, также и равнина, разстилающаяся между Байкалом и отрогами Яблонового хребта, сохранила имя Братской степи. Но эти инородцы, покоренные двести лет тому назад сибирскими казаками, которые заставили их платить ясак московскому царю, давно оставили всякую мысль о возмущении, и теперь они принадлежат к числу самых мирных подданных русского государства: они даже принуждены были подчиниться чрезвычайно строгим полицейским правилам. В силу договоров, заключенных между Россией и Китаем, в 1727 и 1768 годах, относительно размежевания границ двух империй были приняты величайшие предосторожности, чтобы воспрепятствовать переходу кочевников с одной территории на другую, и особенно строгий надзор был установлен в пограничных землях, населенных бурятами и монголами, по причине торговых сношений, которые производились через границу у Маймачина. Промежуточный нейтральный пояс был отмерен в 10, 20 или 60 метров ширины, смотря по свойству местности, и обозначен межевыми столбами, поставленными на известном расстоянии один от другого. Каждый день эта демаркационная линия объезжалась и осматривалась, с той и другой стороны, пограничной стражей, и когда открывали где-нибудь следы человеческих ног, их тщательно обкладывали камнями или кусками дерна, чтобы сохранить это «вещественное доказательство» преступления до тех пор, пока виновные не будут отысканы и наказаны. В тех местах, где граница пересекается ручьями, поставили с каждой стороны высокие сваи, между которыми были протянуты, поперег воды, канаты, сплетенные из конского волоса: таким образом никто не мог перейти запрещенный рубеж и утверждать, что он его не заметил[1]. Это правила неуклонно соблюдались до 1852 года, но с того времени строгости прекратились: сваи подгнили, и волосяные канаты попадали в воду, императорская печать, приложенная к столбам, сломалась, и большая часть межевых знаков исчезли. Теперь дважды в год конные казаки ездят еще к монгольским пограничным постам показывать свои паспорты, состоящие из дощечек, которые совершенно приходятся к другим кускам дерева, отпиленным монголами от той же доски. Две половинки прикладываются одна к другой, и когда все оказывается в порядке, казаки и монголы обмениваются приветствиями, осыпают друг друга благословениями и делают приличные возлияния, во славу свои государей[2]. В настоящее время всех бурят насчитывается около четверти миллиона: именно: в Иркутской губернии 113.922 и в Забайкальской области 135.460, в обеих вместе 249.382 души[3].

Город, охраняющий границу в бассейне Селенги, долгое время держал в своих руках монополию торговли с Китаем. В 1728 году, после заключения дружественного трактата между двумя империями основались, на расстоянии каких-нибудь ста сажен одна от другой, две конторы негоциантов китайских и русских: на южной стороне пограничной черты Май-мейчен (Маймачен) или «Склад» китайцев; на северной русская Кяхта, защищенная укрепленным постом казаков. Между этими двумя торговыми местечками, которые оба состоят из деревянных построек, контраст полный, и, может быть, во всем свете не найдется другого столь замечательного примера противоположности во внешнем виде городских поселений. Кяхта походить на красивый квартал европейского города, и главная её церковь, увенчанная блестящим позлащенным куполом, принадлежит к числу богатейших храмов Сибири. Маймачен есть, так сказать, предместье Пекина, гораздо более красивое и лучше содержимое, чем другие города Северного Китая; ворота покрыты скульптурными украшениями, на стенах наклеены полосы красной бумаги, во всех жилищах поют птицы, и загнутые кверху углы крыш увешаны колокольчиками, которые постоянно звонят при малейшем ветерке[4].

1 Klaproth, „Memoires relatifs a l'Asie".
2 G. Radde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XXIII.
3 Венюков, „Известия Русск. Географ. Общества", 1874 г., № 1.
4 Russel-Killough, „Seize mille lieux a travers l'Asie et l'Oceanie".

Между двумя слободами китайцы воздвигли высокую досчатую стену в форме ширм, чтобы предохранить свои дома от пагубного влияния русской атмосферы; прежде на этих ширмах была нарисована буква, означающая «Счастье». Таким образом всякое вредное веяние, исходящее из Кяхты, равно как богохульство, произнесенное русскими, задерживались на пути китайским экраном и отражались в пустыню[1]. В этом пограничном рынке между русскими или «о-ло-ло се» и китайцами или «пикандзи» выработался особенный коммерческий «язык», один из самых элементарных: это жаргон, состоящий из смеси русских и китайских слов.

Процветание Кяхты и Маймачена много изменялось, смотря по ходу политических событий. Иногда торговля прерывалась на целые годы; но огромные барыши, которые монополия позволяла извлекать из этой торговли, скоро возвращали кяхтинским негоциантам их богатство и роскошь. Китай, который продает России гораздо больше, чем сколько сам покупает у неё, вывозил сначала на русские рынки только золото, серебро, ревень и шелковые ткани. Но мало-по-малу главным предметом китайской отпускной торговли сделался чай, и русские долго хвастались тем, что они получают лучший в свете чай, благодаря «кяхтинскому каравану», который употреблял полтора года, чтобы совершить путь из Китая до Нижегородской ярмарки. Нет сомнения, чай первого сбора, привозимый в Кяхту, и который могут вкушать, по особенной милости, высокопоставленные лица и гости купцов, дает отменный, ароматический напиток. Эти отборные чаи доставляются непосредственно с чайных плантаций, находящихся в областях, где растет лучшее чайное дерево, и принадлежащих самим русским негоциантам. Но при перевозке чай неоднократно подвергается фальсификации на главных станциях, по дороге из Кяхты в Россию, сначала в Иркутске, потом в Томске, далее в Нижнем Новгороде и в Москве[2]. Тяньцзинский трактат 1858 года положил конец торговому первенству Кяхты; на Нижегородской ярмарке 1880 года кяхтинский чай представлял лишь десятую часть всего количества привезенных чаев. Теперь Россия получает морским путем и из-за границы наибольшую часть товаров, которые прежде она покупала непосредственно у маймаченских китайцев; кроме того ей открылись другие дороги к Пекину и Янтсекиангу через разные пункты её китайской границы, в особенности через Кобдо, и русские купцы не имеют более надобности останавливаться перед мистическими ширмами Маймачена; они могут проникать далее к внутренним рынкам Небесной империи. Обороты кяхтинской торговли значительно уменьшались в последнее время, как показывают следующие цифры.

Торговое движение Кяхты, по средней годовой ценности:

С 1824 по 1830 г.—13.680.450 руб. С 1849 по 1859 г—13.313.410 руб. С 1830 по 1849 г.—13.039.510 руб.

Торговля Кяхты и всей Амурской области в 1872 г.—10.840.000 руб. Тем не менее в Кяхте и теперь еще производится в больших размерах розничная торговля, и маймаченская ярмарка «белого месяца», то-есть февраля, привлекает множество китайских и монгольских купцов. Вместе с соседним городом Троицкосавском, который лежит верстах в двух к северу и служит местопребыванием для большей части чиновников, Кяхта есть самый многолюдный город Забайкальского края и самый богатый во всей Восточной Сибири; она имеет свой порт на Селенге, Усть-Кяхту, названную так по имени ручья, впадающего в эту реку.

Два Селенгинска, «Старый» и «Новый», построенные в небольшом расстоянии один от другого, не имеют той важности, какая, казалось бы, должна принадлежать центральным городам столь значительного бассейна, как бассейн Селенги: это происходит оттого, что окружающие равнины не отличаются плодородием, за исключением земель, окаймляющих реку Чикой и её золотоносные берега; обширные пространства этого края состоят из песчаных и солончаковых степей, и между озерами, наполняющими их впадины, некоторые содержат соленую воду. На юго-западе от Селенгинска, недалеко от полуденного берега «Гусиного

1 Klaproth, „Memoires relatifs a l'Asie".

2 Кропоткин, рукописные заметки.

озера», находится главный бурятский храм, где живет хамба-лама, подчиненный непосредственно ургинскому ламе, называющемуся кутухтой; при этом храме есть монастырь, в котором число монахов доходит до двухсот. Слоновые бивни, исполинские раковины тридакны или «кропильницы», получаемые с Индийского океана, шкуры тигров и леопардов, свидетельствуют о частых сношениях, существовавших некогда между байкальскими ламами и индийскими буддистами через посредство Тибета[1].

После Кяхты главный город всей Забайкальской области, в бассейне Селенги,—Верхнеудинск, лежащий при слиянии Уды и Селенги, по которой пароходы поднимаются до этого места. Портом на Байкале для этого города служит село Посольское, дома которого группируются вокруг богатого монастыря, на западной стороне устьев Селенги, изливающейся в озеро многими рукавами. Ни одно из населенных мест на берегах Святого моря не возвысилось еще на степень города. Деревня Лиственничная, на берегу залива, откуда выходит Ангара, служит пристанью, где едущие из Иркутска садятся на суда, чтобы переправиться через Байкал; Култук, на западной оконечности озера, рыболовная гавань; Душ-Качан, у северного конца бассейна, тоже пристань, где тунгусы должны уплачивать свой ясак шкурами пушных зверей; деревня Турка, на восточном берегу моря, напротив острова Ольхонского, замечательна только своими минеральными водами, сернистыми и железистыми, которыми пользуются несколько больных, приезжающих из Иркутска. Что касается Баргузина, лежащего в некотором расстоянии от восточного берега, в долине, по которой протекает река того же имени, то он имеет только административное значение, как уездный город. Тунка, в долине Иркута, большое село, дома которого раскиданы среди полей и лугов на обширном пространстве.

Столица Восточной Сибири, Иркутск, вероятно, самый многолюдный город Азиатской России к северу от Ташкента, стоит не на берегу реки Иркута, как можно бы было подумать, судя по названию. Правда, в 1652 г., девять лет спустя после открытия Ангары казаком Ивановым, была основана, на левом берегу этой реки, при впадении в нее Иркута, контора для выменки у туземцев шкурок пушного зверя; но с 1669 года эта торговая колония переместилась на другую сторону Ангары, к устью её притока, речки Ушаковки, где мало-по-малу выстроился большой город, занимающий теперь пространство в несколько квадр. верст. Иркутск быстро развивался: в 1735 году, во время путешествия Гмелина, он имел уже 6.500 жителей; но большинство, состоявшее из мужчин, чиновников, солдат, торговых людей, работников, не могло основывать семейств, и население должно было беспрестанно пополняться новыми, пришлыми элементами (в 1875 году в Иркутске насчитывалось 32.514 жителей, в том числе чиновников, военных, священнослужителей, лиц монашествующего духовенства, ссыльных, мужской прислуги было 12.880 человек; по последней же переписи 1897 г. в нем значится 49.344 ж.); во все времена смертность в Иркутске была гораздо значительна, чем число рождений, как показывают следующие цифры:

Население Иркутска в 1838 г.—16.569 жит.; население Иркутска в 1857 г.—23.989 жит. Перевес смертности над рождаемостью с 1830 по 1857 г.—1.425 жит. Иммиграция—8.845 жит.

Зимой население города увеличивается тысячами золотоискателей, возвращающихся из окрестных возвышенных долин.

Восточно-сибирская столица, с широкими и прямыми улицами, с низкими домами, не имеет любопытных памятников. Она, правда, гордится тем, что в стенах её находится древнейшее здание, какое существует в Сибири, но это здание есть не что иное, как остатки крепостцы или острога, на котором виден год постройки (1661-й). На иркутских триумфальных воротах, воздвигнутых в 1858 году, после заключения айгунского трактата, красуется горделивая надпись, оправданная завоеванием: «Дорога к Великому океану». Отдел русского географического общества, основанный в Иркутске в 1869 году, издает свои записки, заключающие важные материалы и исследования, но он лишился некоторых из своих наибо-

1 Эрман, „Путешествие в Сибирь"

лее ценных документов во время пожара, бывшего в 1878 году, который истребил вместе с тем значительную часть города. Иркутск—промышленный центр, и число его фабричных заведений, между которыми винокуренные и водочные заводы занимают первое место, как и в других городах Европейской и Азиатской России, быстро возрасло (в 1877 году состояние фабричной и заводской промышленности в Иркутской губернии выразилось следующими цифрами: 169 фабрик и заводов; 34.080 рабочих; ценность произведений, 355.386 рубл.; производство винокуренных заводов 1.897.455 рубл.). В восьмидесятых годах в иркутском округе основалась фарфоровая и фаянсовая фабрика, имеющая в своем распоряжении глину превосходного качества, и произведения этой фабрики находят сбыт даже в Забайкальскую область[1]. Различные мелкие промышленности и ремесла, введением которых край обязан ссыльным полякам, много способствовали промышленному прогрессу Иркутска и вообще Восточной Сибири. Но что отличает этот город между всеми сибирскими городами—это то, что он сделался центром умственной жизни: там много читают, обсуждают события и идеи, интересуются всякою новинкою в области науки и энергично следуют за прогрессивным движением. В Иркутске выходит единственная независимая газета Сибири[2].

Страна так редко населена, что ниже Иркутска. на пространстве без малого 1.500 верст, на Ангаре нет ни одного городского поселения, хотя местечко Балаганск и носит название города. Единственный город всего бассейна, Нижнеудинск, находится далеко от главной реки, при её притоке Уде и на большом сибирском тракте, посреди области золотых приисков и железных рудников, для которых он служит складочным местом. Еще более половины губернии остается совершенно необитаемой, и различные группы населения: русские, буряты, тунгусы, татары, карагассы, рассеяны там на подобие островков. Константировано, что зоб составляет очень обыкновенную болезнь в некоторых частях Иркутской губернии, особенно в той её части, которая орошается Леной. В сравнении с совокупностью народонаселения, зобастые и кретины представляют, правда, не более одной сотой части числа жителей, но в некоторых округах их насчитывают по одному на десятерых человек; в некоторых деревнях они составляют треть или даже половину общего числа крестьян[3]. Все эти несчастные русского происхождения: ни один из них не принадлежит к так называемым «инородческим» племенам. Причину этой неуязвимости бурят и тунгусов следует искать не в какой-либо привилегии или особенности расы; она должна быть приписана просто тому обстоятельству, что они при выборе мест для кочевки или поселения всегда избегали таких местностей, где свирепствует болезнь. В ближайшем соседстве Иркутска открывается великолепная долина, одна из самых плодородных в крае и наиболее защищенных от холодных ветров, где русские охотно стали селиться, удивляясь, что находят такой благодатный уголок совершенно пустынным[4]. Все деревни этой долины носят русские названия и таким образом составляют, среди других селений, нечто в роде глоттологического острова, но в то же время и остров патологический: страдающие зобом там очень обыкновенны.

Города бассейнов Селенги и Ангары с населением, по переписи 1897 года:

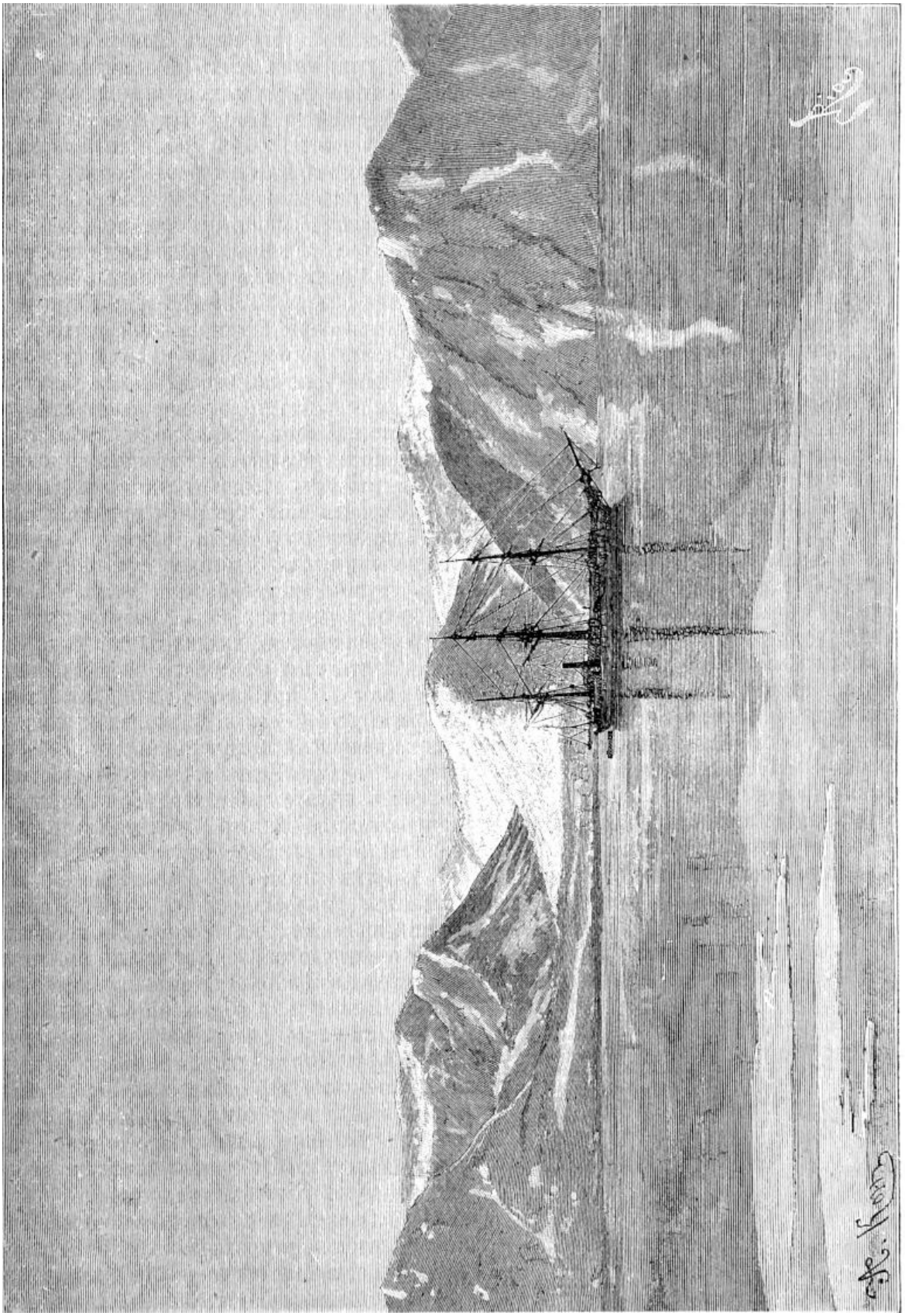
Забайкальская область: Кяхта, Троицко-Савск и Усть-Кяхта, 32.476 жит.; Верхнеудинск —5.881 жит.; Ново-Селенгинск—1.093 жит.; **Иркутская губерния**: Иркутск— 49.344 жит.; Нижнеудинск—5.696 жит.

V. Бассейн Лены, берега Ледовитого океана

На восток от Енисея несколько значительных рек получают начало на возвышенных землях, ограничивающих с северной стороны бассейн Нижней Тунгузки, и, спустившись в

1 „Русское Обозрение", 1879, № 3.
2 Преувеличение автора.
3 Кашин, „Зоб и кретинизм в долине Лены".
4 Ровинский, „Древняя и Новая Россия", 1875 г.

равнину, протекают по пустынным пространствам тундры и изливаются в широкие заливы Ледовитого океана. Эти реки и большие озера, через которые они проходят, известны еще только в их главных чертах, хотя они с давних пор, уже более двух с половиной столетий,



„Вега" въ бухтѣ Коньямъ въ Арктическомъ морѣ.

посещаются звероловами и русскими чиновниками, которым остяки, самоеды, тунгусы и якуты обязаны выплачивать ясак мехами. Малочисленные туземцы этой страны называются большею частию по именам этих рек, ледяная поверхность которых служит им удобным пу-

тем в зимнее время. Имена Пясины (в документах, хранящихся в сибирских архивах, встречаются также равнозначащие с этим именем названия Пясида и Пясинга; самоедское название Пясина, имеющее тот же смысл, что и слово тундра, перешедшее в русский язык, применяется к мерзлым равнинам крайнего севера), Таймыры или Таймыра, Балахны, Анабары, Хатанги и её притока Боганиды часто упоминаются звероловами в сибирской истории; но хотя многие из этих рек имеют около 1.000 верст в длину, они не представляют никакого значения в экономическом отношении: перепись не насчитывает даже 500 туземцев в громадных территориях Пясины и Хатанги, принадлежащие к Енисейской губернии, и русские «деревни», обозначаемые на картах, суть нечто иное, как группы, состоящие из двух или трех зимних жилищ, так называемых зимовьев, имеющие, средним числом, от 5 до 10 обитателей. Столица всей этой обширной области, село Хатангское, на реке Хатанге состояло, в 1865 году, из маленькой деревянной церкви и пяти лачуг, в которых жили девять человек. Если когда-нибудь судоходство получит некоторую важность на сибирском прибрежьи Ледовитого океана, Хатанга, без сомнения, увидит на своих берегах несколько новых поселений, благодаря её заливу почти в 300 верст длиною, который представляет превосходное убежище для кораблей, и в котором должны были искать пристанища первые исследователи полярных морей. Сравнение прежних изображений морского прибрежья с картой, составленной Бове, спутником проф. Норденшильда, показывает, как мало еще известна Таймурская Земля, несмотря на исследование Миддендорфа и путешествия скупщиков шкур пушных зверей; разногласие между различными картами доходит иногда до нескольких градусов.

Река Оленек, которая по всей нижней части своего течения, на протяжении более 5 градусов широты, сохраняет направление параллельное Лене, есть, после Оби, Енисея, Лены, Амура, одна из значительнейших рек Сибири. Со своими извилинами она имеет без малого 2.000 верст в длину и соединяется с морем посредством устья, около 10 верст шириною и от 3 до $3^1/_4$ сажен глубиною, представляющего хорошую гавань, непосредственно на западе от низменного аллювиального полуострова, образовавшагося из наносов Лены. Исследованный почти на всем его течении Чекановским и Миллером в 1874 г., Оленек оказывается не только рекой, протекающей по пустынным тундрам и окаймленной там и сям приземистыми деревцами: он берет начало среди больших лесов, и воды его сплавляют до самого моря многочисленные поваленные стволы деревьев, которые выкидываются волнами на плоские берега материка и соседних островков. Кроме лесов, долина Оленека заключает в себе также минеральные богатства, между прочим нефтяные источники, а воды реки изобилуют рыбой. Становища рыбаков и звероловов чаще встречаются на Оленеке, чем на западных реках, текущих на мерзлом Таймырском полуострове; на берегу речного устья существует даже настоящая деревня, Болкалак (селение Усть-Оленское): в 1863 году там насчитывали до 62 метисов, происходящих от якутских женщин и русских ссыльных и совершенно забывших славянский язык своих отцов. Напротив селения Болкалак, на правом берегу Оленека, Анжу отыскал, в 1822 году, следы становища, где члены экспедиции Прончищева провели зиму 1737 года, и могилы, где похоронено большинство их. Наблюдения, произведенные Миллером для определения силы земного магнетизма, во время экспедиции Чекановского на Оленек, показали, что полюс магнитной напряженности находится приблизительно между 64 и 65 градусами широты и около 110 градуса долготы, к востоку от парижского меридиана, между реками Оленек и Вилюй.

Лена, соперница Оби и Енисея по обилию воды и самая многоводная река Восточной Сибири, принадлежит всем своим течением покатости Ледовитого океана: истоки её находятся не на южной стороне краевых горных цепей монгольской плоской возвышенности, как истоки Иртыша, Енисея, Селенги, и она не проходит, подобно этим рекам, через глубокия ущелья, прежде чем вступить в равнины Сибири: долина, в которой некогда, как кажется, протекала большая река, соединяет её бассейн с бассейном Ангары, в соседстве Иркутска. Лена получает свои первые воды с возвышенностей относительно незначительных, так как самые высокие хребты прибрежной цепи Байкала, питающие её истоки, поднимаются

всего только от 3.000 до 4.000 футов над уровнем моря; тем не менее берега верхней Лены очень живописны. Река, еще узкая, проходит сначала между сланцеватых скал, затем, у Качуги, она вырывает себе ложе в пластах красного песчаника, принадлежащих, вероятно, к пермской формации. Изборожденные рытвинами крутые откосы берегов возвышаются на сотни футов, местами даже сажен на 50 над потоком, и оканчиваются на верху зубчатыми выступами, похожими на зубцы стены: стоя внизу, можно подумать, что эти разрезанные скалы суть не что иное, как передовые отроги гор; но когда взберешься на их вершину, оказывается, что они составляют закраину почти ровного плоскогорья. Между тем как утесы левого берега почти все лишены растительности, утесы правого покрыты в углублениях и на террасах лиственным и хвойным лесом. Вода течет быстро между этими высокими скалистыми берегами, однако, река везде судоходна вниз от деревни Качуги, находящейся в расстоянии около 150 верст от истока. На севере от области песчаников начинается ущелье, известное в крае под названием «Щек»; в этом месте известковые утесы, изрытые по бокам пещерами, господствуют с высоты 14 сажен над быстро убегающими водами Лены; глубина фарватера здесь не меньше 10 сажен, но крутые извилины реки, быстрота течения и подводные камни у берегов могут поставить судно в опасное положение. Одну из скал этого ущелья живущие в том краю буряты почитают за своего главного бога.

Ниже теснины «Щек», Лена соединяется с Витимом, который удвоивает объем потока и увеличивает его ширину до 280 сажен. Витим может считаться главной рекой по развитию его течения и, без сомнения, также по массе его вод, так как он течет в области, более подверженной действию дождливых муссонов Тихого океана; но течение его менее правильно и менее удобно для судоходства, и потому нет ничего удивительного, что для прибрежных жителей Лена осталась главною ветвью. Витим получает начало на востоке от Байкала, в гористом плато, которое простирается от этого озера до Яблонового хребта, и которого параллельные выступы продолжаются от юго-запада к северо-востоку. Река и её многочисленные притоки текут сначала в бороздах этой плоской возвышенности, потом соединяются посредством расселин, открывающихся в поперечном направлении от одной борозды или впадины до другой. Даже в той части бассейна, где Витим уже определенно принял вид реки, главная долина и долины притоков следуют попеременно то в нормальном направлении плоскогорья, от юго-запада к северо-востоку, то в направлении боковых разрезов, от юго-востока к северо-западу. Быстрый и извилистый, с крутыми поворотами, Витим становится судоходным только ниже порогов, прерывающих его течение в разстоянии 550 верст кверху от слияния его с Леной. Впадины, по которым протекает Витим, были некогда заняты озерами, расположенными одно над другим уступами: большая часть этих озерных бассейнов были последовательно заменены аллювиальными равнинами: однако некоторые существуют до сих пор: таково большое озеро Орон, соединяющееся с Витимом посредством короткого истока. На западе от Витима путешественники проезжали по обширным площадям лавы, потоки которой вылились по направлению к Байкальскому озеру: одна из этих площадей застывшей лавы имеет не менее 115 верст в длину[1].

Начиная от полуострова, образуемого слиянием Витима, Лена течет между низменными берегами; но ниже снова появляются высокие скалистые берега, даже крутые утесы: песчаники и известняки поднимаются в некоторых местах сажен на 25 или еще выше и отражают в поверхности вод деревья, растущие наклонно на их краях. Самые знаменитые пейзажи на берегах этой могучей сибирской реки—это так называемые «Колоннады Лены», похожия на замки в развалинах, стены и башни которых высятся на пространстве нескольких миль, вдоль правого берега; известковые пласты, неравномерно расколотые сверху до низу береговых утесов, представляют разнообразнейшие виды: овраги и рытвины, вырытые дождями и снежными лавинами, обвалы; пещеры, деревья, сгуппированные на выступах или приютившиеся в углублениях между скал, извилины реки и тысячи других деталей берега разнообразят до бесконечности постоянно меняющуюся картину ленских колоннад.

1 Лопатин, „Экспедиция на Витим"; Кропоткин, рукописные заметки.

В этой части своего течения Лена уже усилилась принятием в себя вод могучей Олекмы, быстрое течение которой ощутительно на расстоянии 30 верст от места слияния. Ниже к Лене присоединяются еще более обильные реки: с правой стороны Алдан, с левой Вилюй. Здесь прекращается среднее течение Лены. Она кончила обходное движение к востоку вокруг возвышенных земель центральной Сибири и принимает свое нормальное направление по океанской покатости: русло её, усеянное островами, имеет не менее 7 или 8 верст средней ширины, а в некоторых местах она разливается как настоящее море. При слиянии её с Алданом, расстояние от берега до берега около 20 верст. Рассматриваемая в целом, долина Вилюя составляет восточное продолжение долины Нижней Тунгузки и продолжается к Тихому океану долиной Алдана. Следовательно, течение Лены пересекается в этом месте поперечной впадиной, которая во все времена имела значительную важность для переселений туземцев и для их торговых сношений, и которая приносит также некоторую пользу русским, так как долина Алдана представляет кратчайший путь из бассейна Лены к берегам Великаго океана. В климате менее суровом столь благоприятное географическое положение вызвало бы к жизни первоклассный город.

По принятии в себя Алдана и Вилюя, главная река Восточной Сибири имеет уже всю свою жидкую массу и более не увеличивается: её съуженный бассейн посылает ей лишь незначительные притоки. Растущие по берегам её деревья постепенно мельчают, понижаются, и число растительных видов уменьшается: устилающие тундру ковры мхов и лишаев подступают к самым берегам Лены, острова покрыты лишь маленькими приземистыми деревцами; впрочем, последний из островов реки в собственном смысле, Тит-Ари, называемый русскими «Лиственничным», заключает, кроме деревьев, от которых получил свое имя, небольшой лесок, состоящий из елок, берез и тополей. Ниже этой группы зелени начинается обширная дельта Лены, обнимающая пространство приблизительно в 20 000 квадр. верст. Но эта огромная область, окруженная водой, не вся состоит из аллювиальных земель. На северо-западе, Халангат, ограниченный, с одной стороны, крайним западным лиманом дельты, с другой одним из рукавов реки, представляет неровную землю, усеянную холмами и озерами: это бывший морской остров или целый архипелаг, который наносами Лены, а также действовавшим одновременно медленным поднятием почвы, был постепенно приближен к материку. Землистые частицы, приносимые течением реки, не находят себе свободного выхода к морю в северо-западном направлении: с этой стороны скалистые крутые утесы сибирского прибрежья и возвышенные земли Халангата образуют естественную границу речной дельты. Вследствие этого, главные течения Лены и приносимые ими твердые частицы должны были отклоняться к востоку, и потому с этой стороны контуры островов, излучины и бифуркации речных рукавов изменяются всего чаще и всего заметнее. В море перед устьями Лены вода имеет очень слабую соленость, и мореходы могут пробираться через эту соседнюю с дельтой мелководную область лишь с величайшей осторожностью и не иначе, как с лотом в руках, потому чти глубина тут не превышает 14—21 аршина[1]. Очертания дельты должны видоизменяться из года в год от действия речных наносов, пловучего леса, бурь и в особенности льдов, которые, в период вскрытия реки, под напором ледохода срывают целые острова и уносят их далеко на другое место. Карты ленской дельты, начерченные в разные времена, на основании съемки берегов более или менее суммарной, поверхностной, много разнятся одна от другой, и эти разногласия слишком значительны, чтобы их можно было приписывать исключительно личным ошибкам составителей карт. Тем не менее, с тех пор, как русские познакомились с дельтой Лены, главным судоходным фарватером остается все тот, который идет вокруг восточного мыса континента, и который открывается на юго-востоке, подле треугольного полуострова. Под давлением берегового морского течения, которое направляется от запада к востоку, составляя продолжение теплого течения Атлантического океана, весь аллювиальный полуостров, образовавшийся из наносов Лены, отклонился к востоку и отбрасывает воды реки на восточные берега. На северной стороне дельты, другое устье, впро-

1 Palander, „Письма Норденшельда".

чем, загражденное песчаными мелями, так называемый Туматский рукав, тоже сохранилось возле сигнального столба, поставленного Лаптевым на берегу, в 1739 г. У западной оконечности области дельты мореходы узнают вход не по грудам камней, сложенных рукой человека, но по выступу твердой земли, по Ледяному мысу, названному так по причине снега и льда, который держится круглый год у основания скал, никогда не освещаемого солнечными лучами.

Долина Лены, вверх от слияния с Витимом—1.370 вер. Долина Витима вверх от слияния с Леной—2.000 вер. Долина Витима вверх от слияния Лены до Ледовитого океана—5.300 верст. Площадь речного бассейна—2.200.000 квадр. верст.

Известно, что громадный бассейн Лены был в первый раз соединен с Европой путем, пройденным судном только спустя два с половиной столетия после занятия страны русскими. В 1878 году пароход «Лена», под командой норвежца Иогансена, проник в эту реку и поднялся по ней до города Якутска. Таким образом дорога проложена, и надеются, что суда будут ею иногда пользоваться, несмотря на значительные препятствия, которые могут противопоставить льды при обходе Таймырского полуострова и при самом входе в устья Лены. Ледоход начинается в рукавах дельты только в конце июня или даже в первых числах июля, и, говорят, что иногда льдины, скопляющиеся сплошной массой при устьях и гонимые ветром с моря во внутренность, вверх по течению, совершенно преграждали вход в продолжение всего лета. Вообще правильное судоходное сообщение между западной Европой и рекой якутов может установиться только тогда, когда будут учреждены околополярные обсерватории, предложенные австрийским мореплавателем Вейпрехтом, и когда в европейских портах будут своевременно получаться сведения о ходе общих передвижений ледяных пространств в Ледовитом океане. Лена гораздо менее доступна для судов, нежели Обь или Енисей, и никогда не будет иметь такой же важности для международной торговли, как эти две реки, но тем не менее она представляет удобства для движения внутренней торговли, и судоходство может разветвляться в её бассейне на пространстве около 10.000 верст.

Судоходное течение: Лены—4.340 верст; Витима—535; Олекмы—937; Алдана—1.410; Амги—468; Маи (притока Алдана)—468, Вилюя—1.128 верст.

Естественные богатства ленского бассейна, все население которого не превышает 300.000 душ, также равняются природным рессурсам Западной Сибири. Лена не менее изобильна рыбой, чем Обь, а леса её даже обширнее обских; по берегам её тянутся плодородные равнины и плоские возвышенности с превосходными пастбищами; золотоносные пески Витима и Олекмы бесспорно богатейшие золотые россыпи во всей Азии; месторождения свинцовой и серебряной руды, меди, железа встречаются в разных частях бассейна, хотя до сих пор еще не было произведено систематического исследования этих минеральных сокровищ; озера, соляные источники, целые горы, состоящие из кристаллических хлористых соединений, доставляют в изобилии поваренную соль; ключи сернистой воды бьют из земли на берегу реки и теряются в её потоке; наконец, пласты каменного угля, принадлежащие к той же формации, как и залежи бассейна Нижней Тунгузки, выходят на самую поверхность земли, на берегах Вилюя, и тянутся, почти без перерыва, вдоль течения Лены, на пространстве около 1.500 верст, вниз от «Колоннад». Некоторые из этих выступающих наружу слоев ископаемого угля, охваченные лесными пожарами, горели в продолжение нескольких лет, и дым, постоянно поднимавшийся из земли, породил местные предания о существовании вулканов в северной Сибири[1].

Хараулахские холмы, почти горы, поднимающие там и сям свои белые, или по крайней мере покрытые полосами снега, верхушки до высоты 1.320 футов, отделяют нижнюю Лену от другой большой реки, Яны, которая течет прямо на север, и воды которой тоже изливаются в океан посредством обширной дельты, развертывающей свои низменные берега от запада к востоку на пространстве около 150 верст. Водораздельная линия высот, которая принимает на большой части своего протяжения вид настоящей цепи гор, Верхоянский хребет, соеди-

1 Норденшельд, „Sibirische Reise".

няется с южной оконечностью Хараулахских гор и, направляясь на восток к плоскогорьям Станового хребта, господствует на севере над нижней долиной Алдана. Чтобы проехать из Якутска в Нижне-Колымск, городок на нижнем течении Колымы, нужно перевалить через

Чукчи, мужчина и женщина.

хребет в 2.140 футов высоты, по обе стороны которого поднимаются вершины высотою от 825 до 1.000 футов[1]. Горный проход, через который пролегает дорога в город Верхоянск, на верхней Яне, имеет не менее 4.600 футов возвышения и идет по вырезке гребня глубиною

1 Врангель, Анжу, „Sibiria and the Polar Sea“.

около 650 футов[1]. Индигирка и Колыма, получающие начало, как и Яна, на северной покатости Верхоянского водораздельного хребта, представляют замечательное сходство с этой рекой по длине и направлению их течения, по обилию их вод, по стремнинам и порогам, которые они образуют в верхней части своего ложа, по островам их дельт. Все эти реки берут начало в гористой области лесов и протекают на севере по гладким равнинам тундры; хотя все они судоходны, но по ним плавают пока только рыбачьи лодки якутов, юкагиров и немногочисленных русских поселенцев. «Самая обильная рыбой из этих трех рек—Колыма; две реки Анюй, которые присоединяются с восточной стороны к Колыме и образуют с ней одну общую дельту, также очень богаты животной жизнью.

Некоторые ближайшие к морскому берегу островки с незапамятных времен известны туземцам, которые, без сомнения, и показали их первым русским исследователям; таковы «Медвежьи острова», лежащие в море на севере от Колымского залива, и на которых, с прошлого столетия находятся зимния хижины (зимовья), построенные рыболовами[2]. Один из этих островов, так называемый «остров Четырех Столбов», упоминается всеми посетившими те воды мореплавателями, внимание которых приковывают четыре отдельно стоящие базальтовые колонны, почти столь правильные, как-будто они были вытесаны и воздвигнуты рукой человека: матросы экспедиции проф. Норденшильда приняли их за маяки, поставленные русским правительством, чтобы указывать путь исследователям Ледовитого океана. Другой остров Медвежьего архипелага содержит такое множество мамонтовых костей, что про южный его берег составилось понятие, будто он весь состоит из бивней исполинского допотопного толстокожаго[3]. По всей вероятности, и другие большие острова сибирского Полярного моря, открытие которых относят обыкновенно к прошлому столетию или даже к более близкой к нам эпохе, тоже были посещаемы туземцами гораздо ранее. Так, в Ляховском архипелаге, остров, называемый «Ближним» или «Первым», не мог быть совершенно неизвестен, так как юго-западная оконечность этого острова, мыс Киселяк, образуемый величественными базальтовыми колоннадами[4], и высокая гора Каптагай, поднимающаяся на несколько сот метров, находятся всего только на расстоянии 70 верст от мыса Святой Нос, и следовательно всегда, в ясную погоду, показываются острому зрению тунгусов и якутов. Дикие олени переходят по льду с материка на остров, так же, как белые медведи и другие животные, даже мелкие грызуны[5]: значит, охотникам нужно было только идти по следам дичи, чтобы открыть «Первый» остров. С этого острова на «Второй» переход тоже был не труден; но «Третий», Котельный остров, который находится уже среди моря, далеко от берегов континента, равно как многие островки, лежащие на западе, вероятно, были осмотрены впервые долгое время спустя после открытия южных островов; однако, там нашли русскую могилу в 1811 году; Геденстрем видел там юкагирские санки и каменный нож, доказательство древнего посещения, ибо юкагиры уже с давних пор употребляют железные ножи, выменяваемые ими у русских торговцев. Котельный остров очень обширная земля, площадь которой, по определению Анжу, не менее 18.000 квадр. верст, и которой Геденстрем приписывал пространство по крайней мере втрое большее: полоса, состоящая из подводных камней и обширных мелей, обыкновенно соединяет ее с лежащим восточнее большим островом, носящим название Фаддеевского; между этими двумя землями остается только узкий проток (около 80 сажен шириною), через который стремительно текут морские воды то в ту, то в другую сторону, сообразно изменению направления прилива. Во время бури песчаная плотина, соединяющая два острова, Котельный и Фаддеевский, покрывается пенящимися волнами

Позже всех открыт, или, вернее сказать, отыскан в этих водах остров, которому дали имя

1 Neuman, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г., № 11.
2 Кропоткин, „Экспедиция в северные моря".
3 Neumann, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г. № 12.
4 Bove, „Bolletino della Societa geografica Italiana", 1879 г № 12.
5 Wrangel „Siberia and the Polar Sea"

Новой Сибири, хотя, впрочем, название это часто применяется ко всей группе островных земель, лежащих на севере от азиатского континента, между устьями Лены и Индигирки. Купец Сыроватский первый осмотрел его в 1806 году, и вскоре после того, в 1809 и 1810 годах, Геденстрем, Санников, Кожевин тщательно исследовали новую землю. Затем ее посетил Анжу, в 1820—1823 годах, во время экспедиции Врангеля, и с тех пор звероловы постоянно проводили там зиму, поселяясь в зимовьях, построенных Санниковым. Так же, как соседние острова, Новая Сибирь довольно богата животными видами, благодаря ледяному мосту, который соединяет ее каждый год с материком Азии; фауна её заключает белых медведей, северных оленей, белых лисиц или песцов, россомах, мелких грызунов и многочисленные породы птиц. Кроме того, охотники находят там остатки исчезнувших животных, кости мамонтов и носорогов, рога буйволов, лошадиные копыта; Геденстрем открыл там топор, сделанный из мамонтового бивня. Плоские берега усеяны стволами лиственниц и тополей, выброшенных волнами; но главную достопримечательность острова составляет гряда холмов, которая тянется вдоль полуденного берега, на пространстве около 5 верст: эти холмы заключают, в слоях песчаника и гравия, значительные скопления обугленных деревьев, которые, по мнению одних, принадлежат к юрской эпохе, тогда как другие видят в них просто слои наносного, выброшенного волнами леса, принадлежащего к новейшей эпохе. Хотя эти холмы, или, как их называют, «Лесные горы» поднимаются всего только футов на сто, на двести над уровнем моря, их, однако, иногда можно, благодаря действию миража, разглядеть с сибирского берега с расстояния 260 верст[1].

Во время своих многочисленных путешествий, предпринятых для исследования полярного моря на восток от Новой Сибири, известный русский мореплаватель Врангель постоянно стремился пробраться к северной земле, о которой ему рассказывали туземцы, и к которой, как он сам видел, направлялись стаи перелетных птиц; при том и на карте 1765 года, хранящейся в московском архиве ведомства иностранных дел, показан остров в тех водах, где его искал Врангель. Однако, в три последовательные поездки на санях по сибирским льдам, он каждый раз был останавливаем полыньей, чистым от льда пространством, какие находили другие мореплаватели в полярных морях, и русское название которых перешло и в Новый Свет, где дали имя Polynia «свободному морю», встреченному Гэйзом в американском Полярном океане, на севере от Смитова пролива. Лед на краях полыньи был так тонок, что отказывался поддерживать сани, и путешественники не могли продолжать путь далее на Ледовитый океан: они явственно чувствовали, как под ними море поднимается длинными волнами. Таким образом Врангель достиг лишь отрицательного результата во всех своих разведках, и из самых его изседований можно было вывести заключение, что искомая земля не существует. Она, однако, существует и нашлась в том самом месте, где Врангель наперед очертил на карте её предполагаемые контуры, основываясь на рассказах туземцев: большой остров, поднимающийся из моря высокими берегами, который, в память тщетно искавшего его покойного мореплавателя, назвав, по его имени, «Землей Врангеля», лежит на севере от Чукотской Земли, недалеко от входа из Ледовитого океана в Берингов пролив. Эта новая полярная земля, открытая в первый раз в 1849 году Келлетом и после того опять виденная китоловом Лонгом в 1867 году, пока еще обозначается на картах лишь неопределенными очертаниями, и неизвестно даже, на какое расстояние она продолжается на север, и составляет ли замеченная Лонгом в 1867 году земля часть её: гора Лонг, поднимающаяся на самой полуденной оконечности острова, достигает 2.475 футов высоты, и её правильная конусообразная форма подала повод причислить ее к потухшим вулканам. Льды помешали Норденшильду и Паландеру посетить эти острова. До сих пор все морское пространство на север от Новой Сибири и от Земли Врангеля, между архипелагом Франца-Иосифа на западе и полярными архипелагами Америки на востоке, остается неисследованным, и не известно, продолжается ли Гренландия в ту сторону каким-нибудь полуостровом, как это предполагает Петерманн, или воды омывают там только острова или архипелаги. Как бы то ни было, на

1 Hedenstrom, „Fragments sur la Siberie", 1830 г.

северных берегах Сибири нигде не найдено эрратических камней: это обстоятельство доказывает, по мнению барона Норденшильда, что в ледовитых морях Сибири не существует больших земель, или вернее, что пловучие льды не переносят каменных обломков, как это допускало до сих пор большинство геологов. На северо-западе от Таймырского полуострова, норвежский мореплаватель Иогансен открыл, в 1878 году, остров, которому он дал вполне справедливое название Ensomheden или «Пустыни». Эта уединенная земли, затерянная среди ледяных пространств океана, занимает площадь в 175 квадр. верст и оканчивается на западе высокими береговыми утесами, над которыми господствует гора, имеющая около 510 футов высоты; низменный и песчаный восточный берег усеян древесными стволами, принесенными туда морскими течениями. Может быть, этот остров был уже виден Лаптевым в 1741 году[1].

Буряты очень многочисленны в южной части областей, лежащих по течению Лены. Из всех сибирских туземцев эти инородцы всего лучше сохранили формы древней общины, к великому удивлению русских крестьян, у которых влияние мира гораздо менее дает себя чувствовать в частной жизни членов сельской общины. Бедный бурят считает себя в праве требовать пищи и приюта у богатого; когда убивают животное, все приходят взять себе за трапезой равную долю, и хозяин между ними тот, кто последний прикладывается к яствам; даже железные украшения, которые молодые девушки заплетают себе в волоса, берутся без церемонии и без всякого вознаграждения у кузнеца общины, который продает свои изделия только посторонним людям. Сбор хлеба на полях производится в пользу всех, и каждый берет, сколько ему надо, из общественного амбара. Каждые пять или десять лет буряты одного округа соединяются, чтобы предпринять сообща охоту на лесного зверя: для этой цели они выбирают временных начальников или атаманов, и, разбившись на партии, человек по двадцати в каждой, расходятся в разные стороны по лесным чащам; но добыча охоты делится равномерно между всеми членами абы[2].

Господствующее население в бассейне Лены составляют якуты. Территория, на пространстве которой кочуют эти инородцы, и которая по крайней мере в два раза обширнее Франции, обнимает большую часть среднего бассейна Лены, берега этой реки в её северном течении, в низовьях и прибрежье Арктического океана, между Хатангским заливом и дельтой Лены. Якуты обитают также, на востоке, по берегам Яны, Индигирки, Колымы и живут там и сям группами на подобие островов, среди других народностей, в нескольких сотнях верст от страны, где они являются преобладающей расой. Так, в западной Сибири, мы находим несколько якутских семейств на Енисее, ниже города Туруханска; на востоке они располагаются своими становищами на нижнем течении Индигирки; на юго-востоке их встретишь даже в бассейне Амура. Впрочем эти области северной Сибири не составляют наследственного владения их племени; они здесь тоже пришельцы: в этом отношении предание их отличается большой точностью. Они жили прежде в странах, окружающих Байкальское озеро, но, вытесненные оттуда бурятами, принуждены были переселиться на север и покориться тяжелым невзгодам жизни в суровом полярном климате: татарские названия мест в прибайкальской территории до сих пор напоминают о их пребывании в том крае. В начале семнадцатого столетия они очутились лицом к лицу с другими врагами, с русскими авантюристами, сибирскими казаками, и их отступательное движение продолжалось к Ледовитому океану. В половине восемнадцатого столетия их увидели в первый раз на Таймырском полуострове, и только в нынешнем столетии они появляются на берегах верхней Колымы. Во время этого перемещения, продолжавшагося несколько веков, якутам пришлось не только акклиматизироваться, приспособиться к условиям новой физической среды, но еще изменить и самый образ жизни: быв прежде пастушеским и наездническим народом, как их соплеменники киргизы, они должны были на новых местах сделаться также рыболовами, зверо-

1 Mohn, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г.

2 Щапов, „Известия Русск. Географ. Общества", 1874 г., примечания

ловами, оленоводами. Некоторые слова их языка и традиционные обычаи свидетельствуют о разнице, существующей между старыми и современными нравами этого многочисленного сибирского племени[1].

Впрочем, нынешние якуты далеко не сохранили свою расу в первоначальной чистоте, напротив—с той эпохи, когда их предки покинули берега Святого моря, кровь их сильно смешалась с кровью народов, которых они встречали в своих переселениях. Всего более и чаще происходило смешение с кочевниками тунгусами, которые во многих местностях странствуют по той же звероловной территории, как и якуты, и с которыми последние находятся в постоянных торговых сношениях. При существовании обычая, даже религиозного закона, обязывающего якутов выбирать себе жен вне своей родни, а в некоторых обстоятельствах даже вне своего рода или клана, такия смешения с иноплеменниками были неизбежны: благодаря этому обычаю вступления в брак с людьми чужого рода и племени, большое число якутских семейств превратились в настоящих монголов; в Алданских горах на юго-востоке от Якутска, они сделались истыми тунгусами по наружности и чертам лица. В других местах якуты обрусели; однако чаще можно наблюдать обратное явление. Русские, которые женятся на якутских женщинах, мало-по-малу «объякучиваются». Во многих становищах встречаешь звероловов славянского происхождения, но по чертам лица и нравам совершенных якутов. Здесь татарская цивилизация берет верх над цивилизацией русской.

По описанию Миддендорфа, якут чистой расы имеет овальный облик, нос прямой, скулы мало выдающиеся, веки чуть скошенные, волосы черные: он гораздо больше походит на киргиза, чем на монгола. По росту он занимает середину между русским и тунгусом (средний рост русских в Якутске 1,83, якутов 1,74, тунгусов 1,63 метра). Костюм его не отличается от одежды его северных соседей; единственное отличие составляет высокий головной убор, похожий на колпак киргизов и хивинцев: эта меховая шапка, очевидно, скроена по образцу малахая, какой носили его предки, прежде, чем разлучились со своими соплеменниками, южными татарами. Якутский язык, изученный Бетлингом, Арминием Вамбери и другими учеными, свидетельствует, так же, как тип и костюм, о сходстве этой нации с различными народами тюркского и татарского племени; без сомнения, фризу из Ганновера и саксонцу из Трансильвании труднее будет объясняться друг с другом, чем якуту понимать разговор османлиса из Анатолии или из Константинополя[2]. Конечно татары и якуты с трудом могли бы разговаривать между собой, но малейшее знакомство с грамматикой сделало бы беседу легкой. Якутские названия мест несколько разнятся от имен, употребляемых в Туркестане, но между теми и другими легко признать семейное сродство, и по многим выражением географическая номенклатура представляет сходство, от берегов Босфора до устьев Лены. Якутский язык чрезвычайно богат терминами, означающими различные формы гор, лесов, рек, ручьев и вообще всех физических черт земной поверхности. Большое число выражений синонимных составляет даже одну из главных трудностей, на которые наталкивается русский, когда он хочет выучиться по-якутски. Несмотря на то, многие русские и тунгусы чаще и охотнее употребляют якутский язык, чем свой природный, и даже в городе Якутске, главном центре русского господства в стране, язык туземцев был, лет двадцать назад, модным диалектом, языком светской беседы в гостиных многих русских чиновников. Правда, что в туземное наречие вошло много слов славянских, преимущественно таких, которые относятся к бюрократии, к приказному слогу и к современным техническим искусствам и ремеслам; но заимствования, сделанные русским языком из якутского, были еще значительнее. В отношении языка, как и в отношении расы, якуты одержали верх над славянами, и указывают даже семейства русских священников и дьячков, которые отатарились по языку и обычаям, сохранив лишь свои славянские имена да религиозные верования.

Якутов по справедливости можно бы было назвать «сибирскими жидами». Они одарены в высокой степени коммерческим гением, но, к несчастию, непредусмотрительность, легко-

1 Von Middendorff, „Sibirische Reise".

2 A. Vambery, „Die primitive Cultur des Turko-tatarischen Volkes".

мысленная беспечность тунгусов предали им в жертву этих простодушных дикарей: якуту наперед принадлежат олени тунгуса и куницы, которые попадутся в его капкан. Но не над одними только туземными обитателями Сибири якут изощряет свой дух спекуляции и торгашества, он также ловко и успешно надувает и казака, и многие местные поговорки выставляют в смешном виде глупые притязания русского, который хочет поспорить в хитрости с якутом: «как он ни хитер, говорит г. Уваровский, а всегда кончается тем, что якут перехитрит его». Полный уверенности в превосходство своего торгового гения, якут не встречает достойных себя противников, по части меркантильного надувательства, кроме как в китайских даурцах забайкальского края. Эти последние не уступают ему в недоверчивости, в изворотливости, в знании людей, в притворной наивности, в уменьи приводить в движение тайные пружины тщеславия; и сверх того, они превосходят его в воздержности, в любви к порядку и бережливости. В самом деле, якут не заботится о будущем, как только имеет возможность наслаждаться настоящим; в такия блаженные минуты он только повторяет местное присловие: «хорошо есть, хорошо разжиреть—вот самое лучшее, что может сделать человек»[1]. Пока ему необходимо трудиться, он делает это с такой же стойкостью и неутомимостью, как еврей или китаец; он переносит все невзгоды и терпит голод с такой же безропотностью и покорностью судьбе, как тунгус; никакая опасность не пугает его, никакое препятствие не останавливает его. Но когда настает час отдыха, он предается лени не хуже любого животного: если он меняет шашки на карты или пускается в какую-нибудь другую азартную игру, то это для того, чтобы рискнуть своей работой целого года или даже целой жизни. Разоренный несчастливым оборотом игры, он опять становится искусным звероловом или плутоватым торговцем и снова начинает свою бродячую жизнь, полную труда и лишений.

Несмотря на свои недостатки, якут, между всеми обитателями Сибири, наиболее благоденствует, благодаря своему замечательному таланту ассимиляции или приспособления. Он умеет прилаживаться к окружающей среде, к природе и людям. В продолжение длинной ночи полярного круга он проводит время в сне, как белый медведь, зарывшийся в снег: но во все время, пока летнее солнце описывает полный круг над горизонтом, он работает без устали. Он так же удобно располагается в самоедском чуме, как и в русской избе, построенной из положенных горизонтально одно на другое бревен. Оседлый житель или кочевник, смотря по требованиям промысла, он всегда готов, какое бы дело ему ни представлялось. С самоедом или тунгусом он и сам делается самоедом или тунгусом, но сохраняя при этой метаморфозе свой природный гений, который позволяет ему быть первым между его новыми товарищами. Среди русских он так же скоро становится русским и усвоивает с изумительной легкостью бюрократические порядки и формальности. В борьбе за существование якуты до сих пор не имели причины опасаться, что им придется исчезнуть перед русскими; в очень многих деревнях они более, чем другие поселяне, пользуются достатком и довольством, опрятно содержат свои дома, и русские парни добиваются руки их молодых девушек[2]. Хотя тысячи якутов обрусели, однако, число их более, чем удвоилось, может быть учетверилось с начала настоящего столетия, если правда, что их было тогда только около пятидесяти тысяч душ; все новейшие статистики единогласно определяют цифру якутского народа слишком в двести тысяч душ[3]. Вне городов эти инородцы сохранили независимое внутреннее управление; они имеют еще собственных князьков или тойонов, содержание которых оплачивается посредством добровольных взносов.

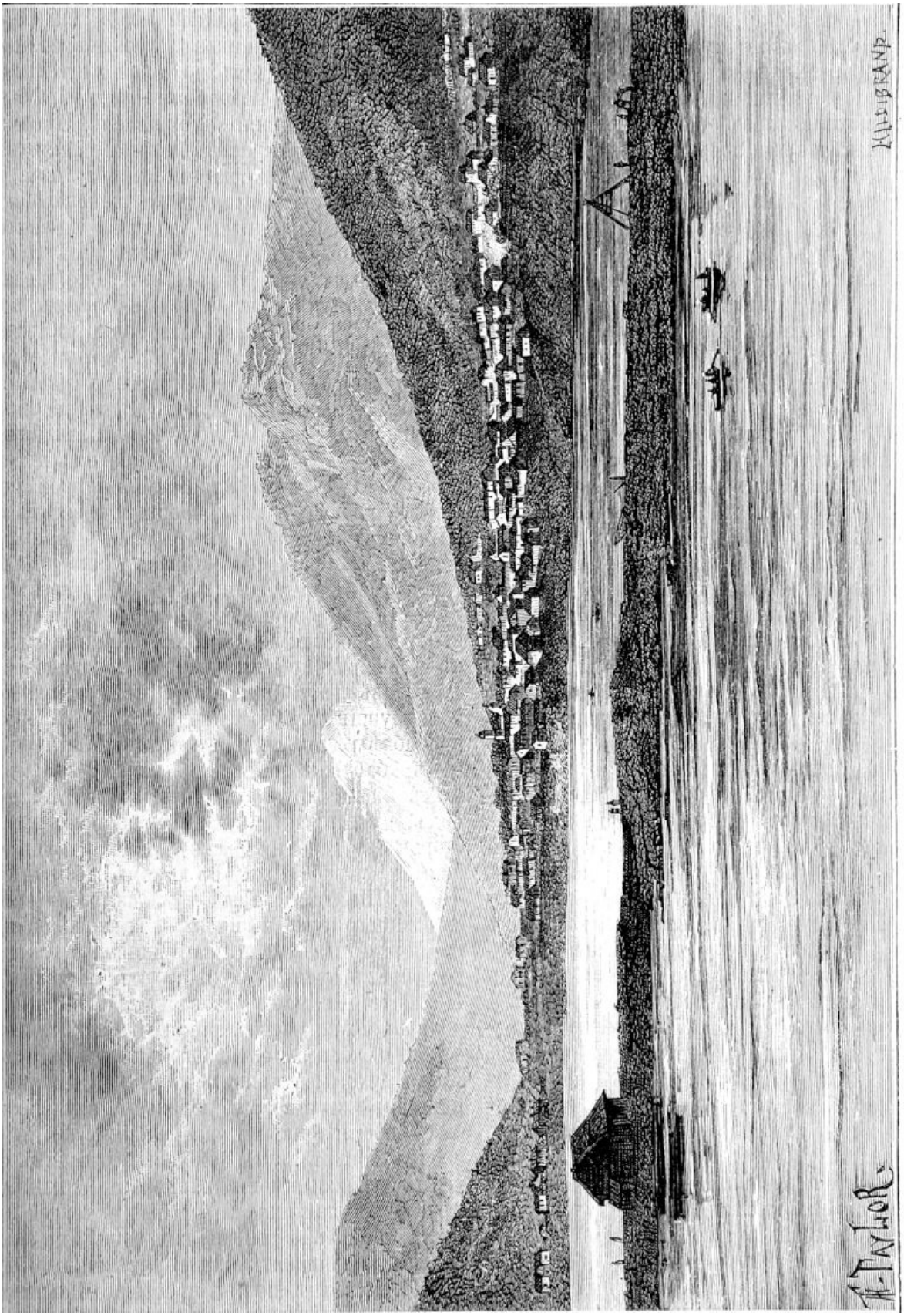
В суровом климате северной Сибири якуты не во всех округах могут заниматься хлебопашеством, но как скотоводы они и там успели сделать то, чего русские еще и не пробовали: они съумели развести у себя рогатый скот и лошадей даже по ту сторону полярного круга (только коровы защищены у них навесом и в сильные вьюги загоняются даже в юрты, лошади же всегда на дворе и на морозе), и не затруднятся тем, что им иногда приходится ез-

1 Эрман, „Путешествие в Сибирь".

2 Эрман, цитированное сочинение

3 Венюков. „Этнографическая карта Азиатской России".

дить добывать сено для этого скота за сотни верст; они успели даже развести особую породу молочных кобыл, которые дают столько же молока, как коровы, и которых можно доить несколько раз в день; маленькия лошади, которых они продают на золотые прииски, высоко



Общій видъ Петропавловска.

ценятся за их силу, выносливость (вместо овса, якутская лошадь ест кору ивы, лиственницу, старую траву, а между тем скачет 30 верст без отдыха). Якуты едят мясо и предпочитают конину; но они очень бережливы насчет жизни своих домашних животных и убивают их толь-

ко в большие праздники. Как ремесленники, они почти не имеют равных себе и успевают во всех мастерствах и художествах. Ловкость, которую они обнаруживают в ручных работах, позволяет им выделывать, при помощи самых примитивных средств, орудия и драгоценные вещи из накладного золота и серебра, вырезывать из кости всякия поделки; они добывают руду из железистой скалы, выплавляют железо и приготовляют из него инструменты лучше тех, которые привозят русские купцы. В Якутске все рабочие и мастеровые: печники, плотники, столяры, живописцы, даже скульпторы, из якутов[1]; якутские женщины хорошие кухарки, швеи; все няньки—якутки. Там можно видеть самовары, даже ружья якутской фабрикации; переимчивый туземный ремесленник умеет всему подражать, но с оригинальным талантом: одно из любопытных произведений его промышленности—род корзинки, сплетенной из ивовых прутьев, промежутки которой замазаны глиной, и которую они обмакивают в холодную воду, чтобы покрыть ее прозрачным слоем льда; таким образом в продолжение более чем половины года корзинка имеет вид хрустальной вазы.

Большинство якутов, окрещенных в христианскую веру, по крайней мере, для формы, носят имена чиновников, русских, поляков или немцев, впрочем, до такой степени искаженные, что их невозможно узнать. Обычай детоубийства, именно умерщвления девочек, некогда общераспространенный у якутских племен, теперь совершенно вышел из употребления; прежде младенцев женского пола, от которых родители хотели избавиться, клали в корзинки и относили в лес, где вешали корзинку на сук дерева: еще недавно можно было встретить старух якутов, которые в детстве были подобраны в лесу и воспитаны чужими людьми[2]. Старые обряда шаманского культа еще не совсем оставлена: якуты по-прежнему верят в чародейство, взывают к добрым духам и заклинают демонов. Без сомнения, со времен путешествия Гмелина, относящагося к первой половине прошлого столетия, произошли весьма значительные перемены в нравах нации, но религия в сущности осталась та же самая. И теперь, как прежде, при переходе через горные хребты совершаются самые торжественные религиозные церемонии, и шаман впадает в самое сильное исступление, произнося свои заклинанья, обращенные к божествам вод и воздушных пространств, к «маленькой прабабке речке, существующей от вечности», и к «бабушке горе», к «карликам», которых ищешь по правую руку в восьми долинах, и которые вдруг появляются на левой стороне в девяти горах». Затем он обращается к злому духу с таким воззванием: «А ты, Шандай, старый, как камни, не замедляй нашего пути, не поражай наших юношей, не моргай глазами, не устремляй на нас твоего взора, и пусть безмолвствует твой язык!» После того шаман разбрасывает по воздуху полные ложки растопленного коровьего масла, чтобы возблагодарить богов и умилостивить злых духов, и привязывает конские хвосты или гривы к стволам деревьев или к столбам, поставленным на скалах. Ко всем своим богам якуты прибавили русских святых, в особенности Николая Угодника, и к своим шайтанам—русских чертей и леших: таким образом пантеон их значительно увеличился. Они говорят также о боге, всеобщем отце, но он пребывает слишком высоко и далеко от них, чтобы поклонение ему могло сложиться в определенный культ. Этот-то высочайший бог и сотворил землю, в начале маленькую и ровную; но злой дух стал рыть почву, раскапывать ее, как собака, отчего и образовались долины и горы; так как земля постоянно увеличивалась, то долины с течением времени сделались ложами рек и морей, и материки выступили наружу среди вод[3].

Долганы, живущие, в числе нескольких сот душ, в лесах и тундрах севера Сибири, между реками Пясиной и Хатангой, многими причисляются к тунгусскому племени: однако, их тип и наречие свидетельствуют, что это тоже якуты, как и обитатели бассейна Лены[4]; но они разнообразно смешались с тунгусами, самоедами и русскими, и, без сомнения, дальность расстояния была причиной того, что мало-по-малу совершенно прекратились их сношения с

1 F. von Wrangel, „Siberia and the Polar Sea“.
2 Врангель, цитированное сочинение.
3 Von Middendorff, „Sibirische Reise”.
4 Кастрен; Миддендорф

другими якутами, от которых, может быть, их отделили некогда эпидемии, оспа и тиф, истребившие часть племени и заставившие остальных удалиться на крайний север[1]. Что касается юкагиров, юрты которых сгруппированы маленькими деревушками в ледяной тундре, там где ее прорезывают реки Яна, Индигирка, Колыма, то Гмелин причисляет их к якутам; Биллингс и Миддендорф видят в них тунгусов, тогда как Шифнер полагает, что они составляют особый народ среди сибирских племен. В самом деле, юкагиры говорят особым языком, совершенно отличным от наречий других инородцев Сибири[2]; но несомненно, что они представляют сильную помесь и смешиваются со всеми своими соседями, туземцами и русскими. Многочисленные прежде, по их выражению, «как звезды на ясном небе»[3], они теперь уменьшаются в числе и вымирают; скоро от них останутся только курганы да развалины укреплений или острогов, построенных из бревен. По Венюкову, число их в настоящее время не превышает 1.600 душ; другие писатели насчитывают их еще менее, и только какой-нибудь десяток юкагиров умеют еще говорить своим природным языком[4]. Другой народец, некогда тоже очень могущественный, чуванцы, состоял в 1860 году всего только из 267 человек.

Малочисленное население бассейна Лены и северных тундр почти везде рассеяно деревнями и поселками очень удаленными друг от друга, и за исключением Якутска, все группы домов или лачуг, носящие громкое имя городов, не были бы удостоены даже названия местечек в многолюдных странах. Эти города занимают значительное пространство, по причине большой ширины улиц, обширности площадей, дворов, садов и огородов; но исключая праздничных и базарных дней, они всегда безлюдны, безмолвны, пустынны и почти совершенно исчезают, когда снег покрывает однообразной белой пеленой землю, растения и крыши домов: они сливаются тогда с окружающим пространством.

Верхоленск, находящийся, как показывает его имя, на верхней Лене, есть одна из этих административных деревень, получивших название городов; населенный несколькими сотнями русских, окруженный бурятскими и тунгусскими становищами, он имеет некоторое значение только как первая торговая станция между Иркутском и Якутском, при начале судоходства по Лене. Киренск, при слиянии Киренги и Лены, также обязан кое-каким торговым движением своему положению близ волока, посредством которого бассейн Лены соединяется с бассейном Нижней Тунгузки. Олекминск, в округе которого, в мореновых отложениях, находятся богатейшие в Сибири золотоносные россыпи[5], представляет еще менее значительное местечко, чем два предъидущие «города», хотя он построен при выходе длинной долины реки Олекмы, которая дает доступ, кратчайшим путем, из Якутска к северной ветви Амура. От этого поселения, состоящего из двадцати четырех домишек, до ближайшего города, Якутска, расстояние около 600 верст, и на всем этом протяжении речной долины существуют лишь рыбачьи деревушки, да постоялые дворы для судовщиков.

Областной город Якутск, занимающий очень выгодное местоположение, близ левого берега реки, на той части течения Лены, которая наиболее приближается к Тихому океану, и недалеко от слияния главной реки с Алданом и Вилюем, сделался настоящим городом, если принять во внимание трудную борьбу, которую в этих негостеприимных странах человек должен выдерживать против чрезвычайно сурового климата. Правда, два более многолюдные города, Архангельск и Трондгьем, находятся в еще меньшем расстоянии от полюса, но стужа в этих населенных местах далеко не так жестока, и почва там не остается круглый год замерзшей. Якутск—самый холодный город в свете, и средняя температура его климата та же самая, как на вершине Мон-Блана; несмотря на то, там постоянно около пяти тысяч че-

1 Кривошапкин, „Енисейский округ".

2 Акад. Шифнер, „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg", tome III, IV.

3 Врангель, цитированное сочинение.

4 Венюков, „Этнографическая карта Азиатской России"; К. Нейман, „Записки Сибирского Отдела Географ. Общества".

5 Кропоткин, рукописные заметки.

ловек, а во время ярмарки, на которой производится меновая торговля шкурами пушных зверей и съестными припасами на сумму более миллиона рублей, туда приезжают из других мест тысячи звероловов, купцов, судовщиков. Правда, что между обитателями Якутска есть много таких, которые живут там против воли, это—солдаты, чиновники и ссыльные. В царствование императора Николая этот город был одним из главных мест ссылки для политических преступников; впоследствии туда стали водворять на жительство преимущественно ссылаемых по делам, касающимся религии.

Вилюйск, жалкая деревушка, главный населенный пункт большой долины реки Вилюя и место ссылки государственных преступников; Верхо-Янск на Яне, Средне-Колымск, на Колыме, и Нижне-Колымск, основанный в 1644 году на той же реке, также причисляются оффициально к городам. Булун или Булани, пристань на нижней Лене, еще не возведен на степень города, а Жиганск, местечко на берегу Лены, на половине дороги из Якутска в Булун, был исключен из числа штатных городов.

«Города» бассейнов Лены и восточных рек с населением в 1897 г.: Якутск—6.382 жит., Верхоленск—1.275, Киренск—820, Средне-Колымск—500, Олекминск—1.157, Вилюйск—627, Верхоянск— 350, Нижне-Колымск—305.

VI. Берингов полуостров, бассейн Анадыря и Камчатки; чукчи, коряки и камчадалы

Северо-восточный угол Сибири и полуостров Камчатка в некоторых отношениях отделяются от континентальной массы Азии; они обращены к Америке, и даже некоторые из их бухт лучше известны и чаще посещаются американскими мореходцами, чем русскими судами; различные пункты морского прибрежья в соседстве Берингова пролива носят английские названия, которыми они обязаны китоловам, приходящим из Новой Англии и из Сан-Франциско. Некоторые из инородческих племен, населяющих эту страну, по своей родственной связи, тоже, кажется, ближе стоят к американским аборигенам, нежели туземным народцам Азии. Словом, из всех частей Сибири ни одна не осталась более чуждой славянскому миру, несмотря на давнее завоевание края русскими.

Цепь гор, известная под именем «Станового хребта», соединяется с горными массами Чукотской земли и полуострова Камчатки лишь неправильными отрогами и неопределенными плоскогорьями. Гряда высот, более других представляющая вид правильной цепи, направляется от востока к западу, на юге от полярного круга, и служит разделительной линией между северными притоками реки Анадыр и Ледовитым океаном; самые возвышенные верхушки этой гряды достигают, как говорят, 4.920 футов высоты[1]. Можно сказать вообще, что гористая плоская возвышенность, заключающаяся между двумя краевыми цепями Станового и Верхоянского хребтов, оканчивается на западной стороне Анадырского бассейна длинной стеной, в роде мола, имеющей около 2.000 средней высоты и поднимающей свои высочайшие вершины почти на 3.000 футов[2]; это, так сказать, оконечность континентального остова. Далее горные массы имеют уже островной характер. Фьорды, которыми изрезана восточная часть Берингова полуострова, представляют остатки проливов, отделявших когда-то острова от материка. Так, Берингов полуостров в собственном смысле делится на два второстепенные полуострова, соединенные с твердой землей узкий полосой или перешейком, имеющим не более 100 верст ширины. При том вся эта полуостровная область отличается очень неровным рельефом почвы. Сердце-Камень, последний выступ материка на морском берегу, обращенном к северу, имеет более 1.000 футов высоты; Восточный мыс, азиатский пилон Берингова пролива, поднимается верхушками своих утесов до высоты 2.320 футов; Чукотский нос, который выдвигается уже в Тихий океан, напротив острова св. Лаврентия,

1 Karl Neumann, „Globueu, 1874 г.

2 Karl Neumann, цитированная статья.

возвышается на 2.720 футов над поверхностью моря; другие мысы достигают еще большей высоты[1]. На северной оконечности бухты Этелькунем, открывающейся на северной стороне Анадырского залива, виднеется даже огромная гора; эта гора, Макачинга, с черными выступами, разделенными белыми, наполненными снегом, оврагами, достигает 8.800 футов высоты[2]: под северным полярным кругом это самая высокая вершина Старого и Нового Света.

Горные цепи, соединяющие полуостров Камчатку с твердой землей, также составляют отдельную орографическую систему. В общем своем направлении они тянутся, повидимому, параллельно последним отрогам Станового хребта, то-есть от юго-запада к северо-востоку. Так, цепь высот, начинающаяся вдоль западного берега, с самой широкой части полуострова, продолжается вдоль берегов Берингова моря и оканчивается при входе в Анадырский залив; однако этот хребет должен быть рассматриваем преимущественно, как краевая цепь гористой плоской возвышенности, которою продолжается на западе плоскогорье Верхне-анадырское, и которая представляет во многих местах вид настоящей степи: на этих пространствах пасутся летом многочисленные оленьи стада коряков[3]. В общем рельефе полуострова Камчатки западные высоты, господствующие над Охотским морем, более возвышенны, чем правильные цепи и горные массы восточного берега, омываемого Тихим океаном; но к хребтам из гранита, порфира и палеозойских сланцев, составляющих древний остов полуострова, впоследствии прибавились вулканические горные породы, трахиты, базальты, лавы, шлаки новейшей формации, которые поднялись на высоту гораздо большую сравнительно с возвышением других горных цепей. Эти конусообразные горы недавнего образования иззубрили мысами восточный берег Камчатки, изливая свои потоки лавы в море; тогда как кривая береговая линия полуострова, обращенная к западу, отличается замечательной правильностью, сторона, обращенная к востоку, изрезана бухтами и бухточками самых разнообразных форм. Один из этих маленьких заливов, открывающийся недалеко от полуденной оконечности Камчатки, есть знаменитая губа Авачинская, одна из бухт, оспаривающих у Рио-де-Жанейро и у Сан-Франциско право на название «лучшего порта в свете».

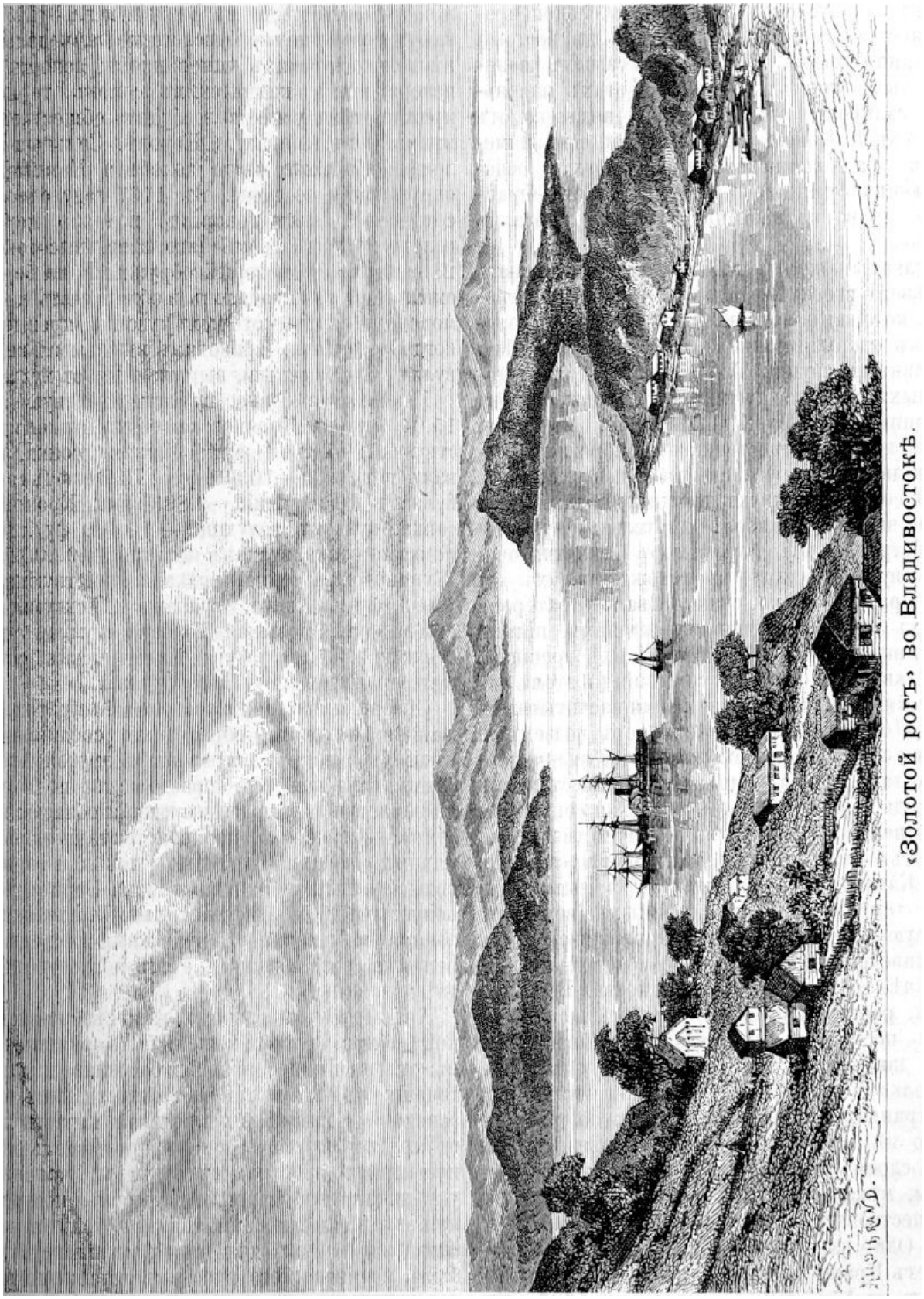
Вулканы полуострова Камчатки оканчивают на севере изогнутую цепь Курильских островов, которая обращена своей выпуклой стороной к открытому морю, как и другие цепи островных групп Тихого океана, расположенных в виде дуги круга, каковы острова Филиппинские, Лиу-Киу, Японские, Алеутские. Около половины восточного прибрежья Камчатки две дуги круга смыкаются, и именно в точке соединения двух трещин поднимаются самые высокие и наиболее деятельные вулканы полуострова. Около сорока гор Камчатки очевидно вулканического происхождения: их конусообразная форма, существование кратеров на их вершинах или на склонах, потоки лавы, вылившиеся когда-то из их трещин, не оставляют никакого сомнения в этом отношении; но в настоящее время насчитывают не более десятка или дюжины гор, подземный очаг которых еще выбрасывает вулканические шлаки, пепел или пары. Колосс всех этих дымящихся гор, Ключевская сопка, высится недалеко от моря, непосредственно на юге от большой долины, по которой протекает река Камчатка; он окружен несколькими рядами террас и второстепенных вершин, образующими как бы громадный пьедестал исполинской горы, основание которой имеет не менее 310 верст в окружности. Вершина сопки, растрескавшаяся по всем направлениям, постоянно дымится и выбрасывает пепел, даже по два и по три раза в год: взрывы мелких каменных обломков иногда распространяли вулканическую пыль на расстояние до 300 верст и покрывали снежные равнины слоем в несколько сантиметров толщины, мешая таким образом камчадалам путешествовать на собаках, запряженных в сани. Одно из извержений, о котором рассказывает Крашенинников, продолжалось четыре года, с 1727 до 1731; извержение 1727 года, гораздо более сильное, сопровождалось излиянием огромных потоков лавы и таянием ледников, при

1 Bove, „Bolletino della Societa geografica Italiana", декабрь, 1879 г.

2 Bove, цитированная статья.

3 G. Kennan, „Tent-Life in Siberia".

чем окружающие долины были залиты водяными лавинами, образовавшимися из растопленного льда[1]. В 1854 году другая огненная река спустилась с вершины Ключевской сопки; но очевидцами и наблюдателями этих явлений, равных или даже превосходящих, по энер-



«Золотой рогъ» во Владивостокѣ.

гии действия, подобные же явления, имеющие место на Везувии и на Этне, бывают только

1 Alexis Perrey, „Annales des Sciences philosophiques et naturelles de Lyon", 1864, tome VIII.

немногочисленные камчадалы да несколько русских чиновников; новость об извержениях камчатских сопок теряется прежде, чем успеет возбудить общественное внимание в Америке и Европе. Сильные землетрясения тоже часто колебали Камчатку и окружающие ее воды. В 1737 году одно из сотрясений, как говорят, подняло морские волны в виде громадного вала, высотою в 28 сажен (?), который обрушился на берега, смыл юрты камчадалов и обнаружил на дне морском скалы, которых туземцы прежде никогда не видали. Приводим высоты главных вулканов Камчатки, выраженные в метрах.

Ключевская сопка, вулкан действующий—15.040 футов; Коряковская сопка, вулкан действующий—11.090 фут,; Ушкина сопка, вулкан потухший—10.998 фут.; Шевелюч сопка, вулкан действующий—9.898 фут.; Кроноцкая сопка, вулкан потухший—10.600 фут.; Крестовская сопка, вулкан потухший—9.000 фут.; Жупановская сопка, вулкан действующий—8.496 фут.; Авача, вулкан действующий—8.360 фут.; Большая Толбача, вулкан действующий—7.800 фут.; Вилючинская сопка, вулкан потухший—7.000 футов.

Северная часть полуострова Камчатки, лежащая вне очага, образуемого соединением цепи Курильских островов с другой Алеутских, как кажется, гораздо менее подвержена землетрясениям, чем южная область; подземная деятельность проявляется там лишь горячими ключами. Впрочем источники горячей воды бьют из земли также и на Беринговом полуострове: они во многих местах пробиваются на поверхность ручейками посреди перешейка, разделяющего этот полуостров на две половины.

Анадыр—единственная река северо-восточной Сибири, которая может быть сравниваема, в отношении поверхности бассейна и длины течения, с реками той же важности, как реки западной Европы; но, протекая отчасти под полярным кругом, она прорезывает лишь пустынные пространства тундры: маленькое укрепление или острог Анадырск, построенный в начале восемнадцатого столетия, как складочное место для шкур пушного зверя, был покинут его русским гарнизоном, и чукчи предали его пламени; это укрепление заменено теперь четырьмя небольшими деревнями, общее население которых не превышает 200 душ и состоит из чуванцев, юкагиров и казаков, имеющих одинаковые полудикие нравы, хотя все они говорят русским языком[1]. Анадыр, так же, как большая часть других рек и речек Чукотской земли и Камчатки, до такой степени изобилует рыбой в период восхождения её для метания икры, что вода речная кажется живой и буквально кишит рыбами. Когда несметные стаи нельмы плывут вверх по течению, вода выше этой движущейся массы поднимается на подобие бара; рыбы так густо скучены, что их можно брать рукой, даже собаки сами ходят ловить рыбу, и медведь таскает ее лапой прямо из воды. Случается, что вода становится на некоторое время совершенно негодной для питья по причине невыносимого запаха и вкуса, которые сообщили ей миллионы мертвых и разлагающихся животных организмов.

Река Камчатка, от которой полуостров получил свое название, не имеет и половины длины Анадыра; но, протекая гораздо южнее, через равнины, отличающиеся большим природным плодородием и сверх того еще удобряемые вулканическим пеплом, она орошает местности, кое-где покрытые возделанными полями, и на берегах её мы находим около двадцати селений, камчадальских и русских. Это в действительности главная река Камчатки, хотя название «Большая Река» было дано русскими поселенцами другой реке, изливающейся на запад в Охотское море, недалеко от поолуденной оконечности полуострова.

Моря, омывающие северо-восточные полуострова Сибири, не глубоки. Если оконечность азиатского материка, обращенная к Америке, изрезана на отрывки фьордами, которые, так сказать, стремятся сделаться перешейками, то, взамен того, дно моря лежит настолько близко к поверхности, что может быть рассматриваемо, как часть континентальной почвы. Мелкия морские воды, простирающиеся вдоль прибежья северной Сибири, от мысов Таймырского полуострова до Земли Врангеля, продолжаются до конечной точки Берингова полуострова, затем по ту сторону пролива, вдоль берегов Северной Америки. Туземным жите-

1 Kennan, „Tent-Life in Siberia".

лям, чукчам, не безъизвестно, что Азия и Америка соединены между собой подводными мелями; они говорят даже, что эти два материка прежде соединялись перешейком, и два зверолова рассказывали путешественнику Нейману, как этот перешеек провалился в море во время страшной битвы, происходившей между одним богатырем и белым медведем. Наибольшая глубина воды, найденная до сих пор лотом, между двумя крайними, противолежащими полуостровами Старого и Новаго Света, оказалась 27,2 сажен; но средняя глубина, данная промерами, сделанными во всех азиатских и американских водах, заключающихся между Беринговым проливом, островом св. Лаврентия и дельтой реки Юкона, не достигает даже 19 сажен. Настоящий океан, с его пучинами, начинается, с одной стороны, лишь на севере от Земли Врангеля, с другой—лишь в открытом море на широте Камчатки, между этим полуостровом и Алеутскими островами, где открывается впадина, глубиною около версты. Но на юге от гряды островов ложе Тихого океана понижается и образует, на широте Японии, самую глубокую пропасть, какая до сих пор была найдена под массой морских вод: в этом месте свинцовая гиря лота опускается на 8 верст (8.573 метра). В почти замкнутом бассейне Охотского моря наибольшая глубина 652 метр.[1].

Узкия Беринговы ворота, ведущие из Ледовитого океана в Тихий, хотя они представляют простую царапину земной коры, получили капитальную важность в истории географических открытий. Однако первое путешествие, совершенное с целью исследования этой области моря, путешествие Дежнева, было долгое время забыто; прошло восемьдесят лет прежде, чем были предприняты, по совету Лейбница, новые путешествия в этом направлении и прежде чем Беринг объехал, от Анадырского залива до Сердце-Камня, сибирский полуостров, носящий его имя. В 1741 году он во второй раз пустился по этим морям, чтобы исследовать американские берега; но это плавание окончилось несчастливо: на обратном пути корабль его, гонимый противными ветрами, сел на мель у самого большого из островов, названных в честь его «Командорским» архипелагом: могила отважного мореплавателя, недавно совершенно разрушенная, видна еще на «Беринговом острове», длинном выступе из высоких скал вулканического происхождения, который, очевидно, составляет западный столб образуемого Алеутскими островами кривого моста, перекинутого через море от вулканов Аляски к большой дымящейся горе полуострова Камчатки, к Ключевской сопке. Кук тоже объехал Берингово море и осмотрел, лавируя, всю северную воронку пролива, но не доходил до Земли Врангеля. После него другие знаменитые мореплаватели, как Литке, Коцебу, также посетили Берингов пролив и соседния моря, не говоря уже о постоянном плавании многочисленных китоловных судов, которых иногда в один год видели до четырех сот в тех водах. Наконец, Мак-Клюр, пройдя через Берингов пролив, объехал, в 1850 году, вокруг Америки, а профессор Норденшильд, в 1879 году обогнул мыс Восточный, доказав таким образом, что «северо-восточный проход», столь долго отыскиваемый мореплавателями, стал возможным с той поры, как судоходство начало пользоваться услугами пара.

Как срединный пролом огромного полукруга земель, который развертывается на протяжении почти 40.000 верст, от Мыса Доброй Надежды до мыса Горн, Берингов пролив естественно является одною из тех океанских областей, которые имеют наиболее важное значение для системы воздушных и морских течений. Ветры, которые на материках Азии и Америки ударяются о плоские возвышенности и цепи холмов или гор, находят свободный проход на проливе. Массы теплого воздуха, залегающие над Тихим океаном, и массы холодного воздуха, приходящие от северного полюса, движутся в противоположном направлении в этом узком проходе, стараясь вытеснить одна другую. В морских воротах образуются противоположные течения и вследствие различной плотности воздуха располагаются правильными слоями одно над другим, как маленькие воздушные токи, какие можно наблюдать, если приотворить дверь из теплой комнаты в холодные сени. Во время зимовки, проведенной в 1879 году близ северного входа в Берингов пролив, барон Норденшильд констатировал, что

1 Старицкий, „Известия Сибирского отдела Географ. общества“, VIII, 1872 г., № 5; „Известия Русск. Географ. Общества”, IX, 1873 г., № 9.

ледяной ветер, идущий с севера-запада и скользящий по поверхности вод, постоянно дул с Ледовитого океана по направлению к Тихому, пригоняя к берегу ледяные площади и груды разломанного льда, вздымающиеся в виде холмов, тогда как вверху полосы облаков, беспрестанно движущиеся с юга на север, доказывали существование встречного воздушного течения. Подобно тому, два противоположные океанские течения направляются на встречу одно другому, но узкое и мелководное пространство, которое им отмеривают Беринговы ворота, не позволяет этим морским рекам свободно развиваться. Масса тропических вод, направляющаяся из Южного моря к северной части Тихого океана, течет из Японских морей к Берингову морю, через многочисленные пробелы гряды Алеутских островов; но ударяясь о подводные высокие берега мелей, соединяющих Азию с Америкой, она должна почти вся течь обратно к югу, чтобы следовать вдоль морских берегов Нового Света. Студеные воды Полярного океана низвергаются в северное воронкообразное углубление Берингова пролива, но от действия вращательного движения земного шара они уклоняются вправо и следуют главной своею массой параллельно азиатскому берегу, над бороздой наибольших глубин, которая проходит между Беринговым полуостровом и островом св. Лаврентия. С другой стороны, небольшое количество теплой воды, которое японское течение Куро-Сиво или «Черный Поток» гонит к Алеутским островам, направляется на север и утекает через Берингов пролив. Г. Онацевич убедился в существовании течения относительно теплой воды, направляющагося от Восточного мыса к Сердце-Камню[1]. Таким образом в проходе, соединяющем Тихий океан с Ледовитым, установляется нечто в роде водоворота, с мая до сентября, в продолжение короткого летнего сезона, разламывающего ледяной мост между Старым и Новым Светом. В это время можно видеть, как большие ледяные глыбы спускаются длинными вереницами вдоль азиатского берега, тогда как меньшие льдины несутся в противоположном направлении, от юга к северу, у берегов Америки. Впрочем, ни одна из кристаллических масс, увлекаемых течением в ту или другую сторону, не заслуживает названия «ледяной горы»; так как погруженная и воду часть средним числом представляет семерную толщину наружной, выступающая из-под воды, части, то всякая ледяная глыба, возвышающаяся над поверхностью моря более, чем на 5 метров, садится на мель на каком-нибудь подводном берегу прежде, чем достигнет пролива. В бассейнах почти замкнутых Охотского и Японского морей воды движутся подобным же образом. Каждому течению, идущему с юга, соответствует встречное течение, направляющееся в противоположную сторону[2].

Вид растительности на обоих берегах Берингова пролива свидетельствует о противоположности климатов. В то время, как американский берег покрыт лесами даже на довольно большом расстоянии к северу от мыса Принца Валлийского, азиатский берег не имеет другой растительности, кроме мхов и лишаев да кое-каких маленьких приземистых деревцов, приютившихся в лощинах. Издали это прибрежье кажется совершенно голым. Пояс, лишенный древесных пород, обнимает весь Берингов полуостров, берега Анадырского залива, и даже продолжается на юг от последнего вплоть до самаго основания полуострова Камчатки. Но эта последняя земля, хотя она почти вся лежат на севере от изотермической линии точки замерзания, очень богата лесами и доставляет даже хороший корабельный лес для флота. Камчатская флора заключает большую часть сибирских дерев, лиственницу и различные породы других хвойных, березу, рябину, тополь, иву; многочисленные ягодные кусты растут в подлесье и составляют один из источников продовольствия для местных жителей. Последние выкапывают из земли коренья и клубни, которые служат им пищей или употребляются для приготовления опьяняющих напитков; они едят также молодую, еще зеленую кору березы, смешанную с икрой[3]. В некоторых долинах, особенно в долинах реки Камчатки, где почва необычайно плодородна, травы часто превышают рост человека, и русские поселенцы косят сено до трех раз в год. Культура хлебных растений, предпринимавшаяся в разные времена,

1 „Mittheilungen von Petermann", 1879 г., № 4.

2 Schrenk, „Stromungsverhaltnisse im Ochotskischen und Japanischen Meere".

3 Крашенинников, „Описание земли Камчатки".

до сих пор не удавалась; хотя климат довольно равномерный, благодаря соседству моря, окружающего страну со всех сторон, но туманы и изморозь, совпадающие с временем цветения злаков, почти всегда убивали растения, даже в долинах наилучше защищенных от действия холодных ветров; из зерновых хлебов овес всего чаще достигает полного вызревания. Конопля сеется и родится, но не в таком количестве, чтобы пенька могла заменить, в фабрикации камчадальских рыболовных снастей, дикую крапиву, растущую на равнинах и достигающую двух аршин в вышину. Огородничество имело больше успеха, чем земледелие в собственном смысле, и теперь туземцы возделывают, в тысячах огородов, капусту, картофель, свеклу, репу, морковь и другие овощи, введенные из России в прошлом столетии. Однако, эти растительные продукты, в соединении с древесной корой, ягодами или корнями растений, дают камчадалам лишь незначительную часть того, что необходимо для их существования и для прокормления их собак, без которых им почти невозможно было бы выходить зимой из своих хижин. В четыре летних месяца им нужно сделать запас сушеной рыбы на восемь месяцев, когда земля и воды покрыты снегом и льдом; нормальный корм одной камчадальской собаки в продолжение зимы состоит из нескольких тысяч штук рыбы, а запас, потребный для содержания шести собак, составляющих обыкновенную упряжку одних санок, может превышать сотню тысяч сельдей[1]. Кроме того, нужно прокормить семью, и если природа оказывается враждебной, если рыбная и звериная ловля не доставляют необходимых запасов, голодная смерть является неизбежной; зима и голодовка—слова синонимические для большинства туземных обитателей Камчатки.

Животное царство северо-восточной Сибири богаче фауны западных арктических областей: вероятно, причину этого следует искать в форме континента, который, съуживаясь к Берингову проливу, сближает животных, переселяющихся с запада, с животными, приходящими с юга; кроме того, некоторые американские виды, птицы, перелетающие через пролив, четвероногия, переходящие его зимой по льду, прибавились к азиатской фауне Чукотского полуострова[2]. В этой земле из млекопитающих альпийский заяц встречается всего чаще, даже в соседстве юрт, и несмотря на стаи голодных собак, рыскающих в окрестностях человеческих жилищ. Из других четвероногих этой стране свойственны медведь, сурок, ласка, выдра, а дикие олени бродят, стадами в несколько тысяч голов[3], в гористых местностях верхнего бассейна Анадыра. Змеи, лягушки, жабы не водятся ни в северо-восточной Сибири, ни в Камчатке; но фауна этого полуострова заключает один вид пресмыкающихся—ящериц, на которых туземцы прежде смотрели как на зловещих зверей, как на соглядатаев злых духов земли; приметив ящерицу, туземцы старались догнать ее и изрубить на куски, дабы она не могла донести, на кого был направлен её фатальный взор[4].

Благодаря своим относительно благоприятным климатическим условиям, Камчатка, естественно, гораздо более богата животными видами, чем Берингов полуостров и бассейн реки Анадыр. Пеструшки или лемминги (myodes torquatus) и другие виды мелких грызунов водятся там в несметном множестве, и нередко можно видеть, как они миллионами переплывают по прямой линии через реки, озера, даже через морские заливы и проливы, преследуемые и пожираемые стаями хищных рыб; на берегах путешественники иногда должны были стоять по целым часам, выжидая, пока перед ними продефилирует громадная армия маленьких зверков. Эти великия переселения продолжаются несколько месяцев, и проходимые животными пространства превышают тысячу верст. Так, камчатские пеструшки отправляются весной, потом, обойдя вокруг Пенжинского залива, на северной стороне Охотского моря, они достигают своих летних становищ на западном берегу около половины июля, и обыкновенно возвращаются в Камчатку не ранее октября месяца. Впрочем, странствования не

1 F. von Wrangel, „Siberia and the Polar Sea“.
2 „Известия Русск. Географ. Общества”, 1853 г.
3 Врангель; Норденшельд, „Северо-восточный проход”.
4 Крашенинников, цитированное сочинение.

предпринимаются регулярно каждый год, а на берегах Чукотской земли, по словам спутника Норденшильда, Бове, пеструшки—животные оседлые и живущие уединенно[1]. Камчадалы очень радуются, когда видят, что пеструшки не приготовляются, в обычную пору, покинуть свои зимния становища; у них это считается верной приметой, что лето будет счастливое, урожайное, и что они будут иметь в изобилии все земные блага. Пеструшки, очень промышленные и экономные, собирают свои запасы зерен и корней в большие подземные склады, которые они, говорят, прикрывают, отправляясь в дальнее странствование, ядовитыми травами, для того, чтобы воспрепятствовать другим породам грызунов расхищать их запасы: таков рассказ, передаваемый, со слов туземцев, Крашенинниковым, который, впрочем, сам не вполне верит этому. Камчадалы, во время голодовки, тоже приходят черпать из этих запасов, но всегда кладут, на место взятого, икру или рыбьи остатки, чтобы не довести пеструшек до отчаяния и сохранить при себе этих благодетельных поставщиков.

Многие животные виды уменьшились в числе на полуострове Камчатке и в Чукотской земле, с тех пор, как явились русские промышленники-звероловы и систематически принялись за дело истребления. Пушные животные, доставляющие драгоценные меха: соболи, горностаи, россомахи, лисицы, теперь уже редко встречаются в северных областях, и многие звероловные посты пришлось совершенно покинуть по причине отсутствия дичи; но в Камчатке еще убивают ежегодно от шести до девяти тысяч соболей, шкурки которых отправляются в Россию американскими купцами, поселившимися в Петропавловске и на берегу Охотского моря. Лисицы различных пород и в особенности песцы были в прошлом столетии самым обыкновенным диким животным на полуострове; камчадалы отгоняли их палками от своих юрт и несмотря на то, когда давали корм собакам, лисицы всегда являлись принять участие в собачьей трапезе. Днем и ночью эти хитрые грабители пробирались в хижины дикарей и овладевали всем съестным, грызли обувь, разрывали шубы спящих камчадалов; с изумительной изобретательностью и ловкостью они умели доставать съестные припасы, положенные на столбах или повешанные на бревнах сруба избы[2]. Теперь это животное сделалось редким в Камчатке, да и те представители его, которые еще остались в крае, кажется, не носят уже дорогой синевато-черной или черно-бурой шубы своих предков, но белый мех, не имеющий большой цены[3].

Но всего сильнее и заметнее было истребление животных видов в области моря: там некоторые виды, еще недавно существовавшие в большом числе, теперь совершенно исчезли. Около половины нынешнего столетия Берингово море изобиловало китами, которые играли там в огромном множестве, и американские китобойные суда, приходившие преимущественно из Нью-Бедфорда и других портов Новой Англии, направлялась сотнями к этим водам Тихого океана. В настоящее же время в Беринговом море, подобно тому, как в водах, окружающих Шпицберген и другие области Атлантического океана, попадаются лишь случайно заблудившиеся китообразные животные, и китоловы должны идти искать свою добычу гораздо далее на север, в заливы Ледовитого океана. Говорят, на западе от Сердце-Камня теперь уже не встретишь ни одного кита[4]. Предсказывают, что уже недалеко то время, когда отважные мореходы, почти исключительно американцы, принимающие участие в опасном китоловном промысле, не захотят более подвергаться риску в виду незначительной и неверной прибыли. Главная опасность, которой подвергаются китоловные суда, предпринимающие экспедицию в широты полярного пояса, заключается в возможности быть запертыми льдами: несколько лет тому назад четырнадцать судов американского китобойного флота были окружены и раздавлены плавающими ледяными горами.

Морские выдры, мех которых, известный под именем камчатского бобра, чрезвычайно

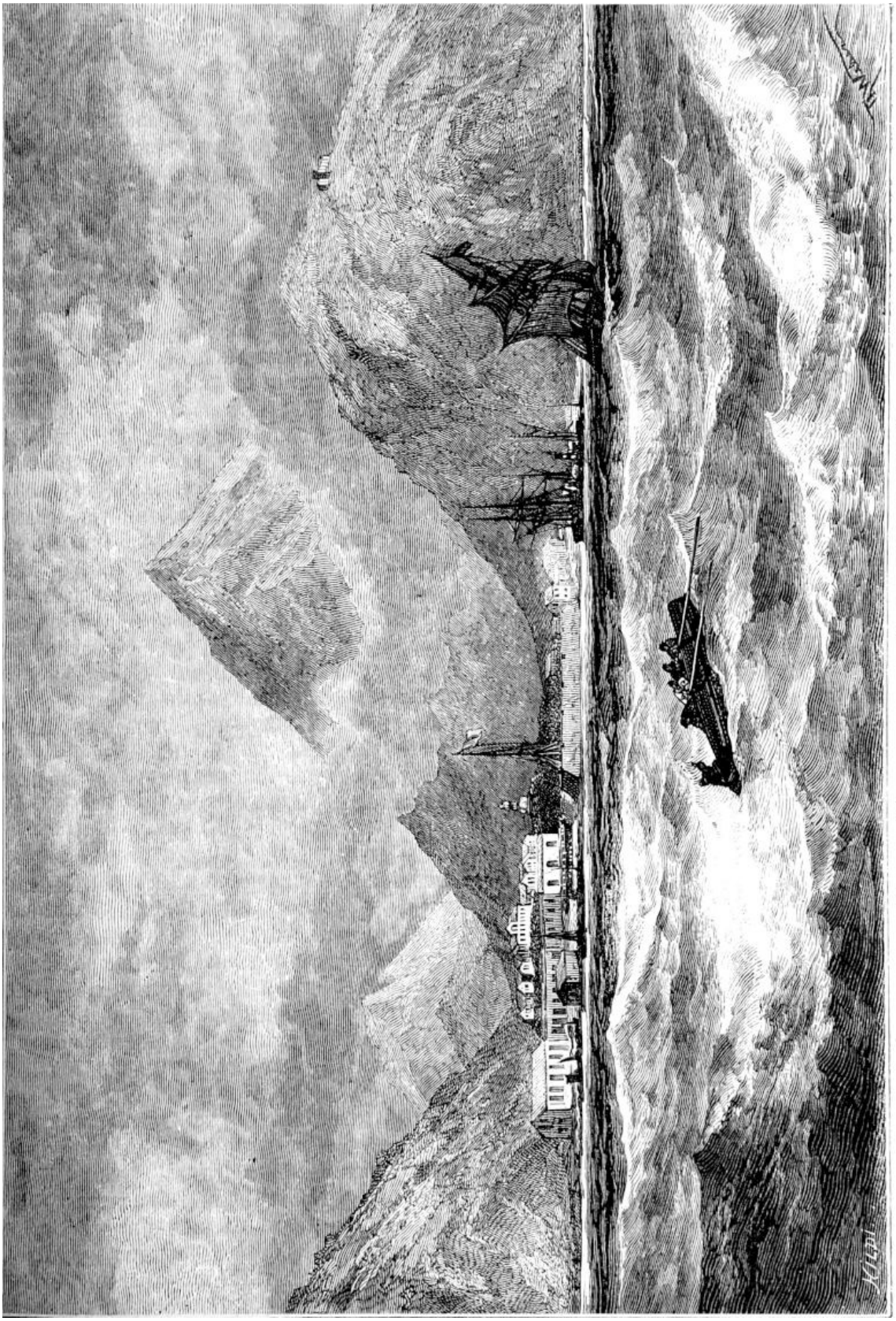
1 Bove,—„Bolletino della Societa geografica Italiana", декабрь, 1879 г.
2 Steller; Von Middendorff, „Sibirische Reise".
3 G. Kennan, цитированное сочинение.
4 Онацевич, „Mittheilungen von Petermann", 1879 г, № 4.

дорого ценится, не попадаются более на плоских берегах Берингова острова, где Стеллер и его спутники убили 800 штук этих животных в продолжение восьмимесячного пребывания. Морской лев, или сивуч (otaria Stelleri). животное китовой породы, страшное видом, но пугливое, которого прежде можно было видеть на всех подводных и береговых камнях твердой земли и островов, и который во время туманов, столь частых в тех областях моря, издали извещал мореплавателей своими криками о близости земли, теперь редко встречается там и сям на каком-нибудь уединенном утесе прибрежья. Наконец, большая Стеллерова морская корова (rhytina Stelleri), млекопитающее из семейства травоядных китов, которая имела много сходства с манатом или ламантином Караибского моря, и которую некоторые натуралисты называли этим именем[1], была совершенно истреблена. Первое известие об этой породе китообразных были сообщено ученому миру Стеллером в 1741 г., а в 1768 году она, как говорят, уже окончательно исчезла[2]; однако, сведения, собранные бароном Норденшильдом у туземцев, позволяют ему утверждать, что отдельные особи морской коровы были еще встречаемы и убиваемы до 1779 или 1780 года[3]. Как бы то ни было, можно сказать положительно, что животное более не существует, и теперь с большим трудом удается еще находить, как редкость для музеев, кое-какие кости его в обломках на плоских берегах моря. Впрочем, морская корова заранее была обречена на истребление самым образом своей жизни. Это огромное животное, имевшее в длину не менее 8 или 9 метров (слишком 4 сажени) и весившее более 180 пудов, не убегало при приближении охотников; когда звероловы заставали его врасплох щиплющего водоросли на берегу, оно спокойно продолжало есть, медленно поматывая головой, как корова, жующая жвачку, но не тревожа длинноногих журавлей, приютившихся на его шее, которые избавляли его от паразитов. Самец в минуту опасности не покидал своих и давал себя убить подле них; случалось видеть нераненых самцов, остававшихся по целым дням у трупа убитой самки. Морских коров били острогой в роде якоря, и тридцать человек, стоявших на берегу, тащили пронзенное гарпуном животное из воды, затем убивали его дубинами, когда оно ослабевало от потери крови. В половине восемнадцатого столетия на морских пастбищах Берингова острова водилось такое множество Стеллеровых коров, что мяса их с избытком хватило бы на прокормление всех обитателей Камчатки, а кожей их, «похожей на кору старого дуба», легко можно бы было обтянуть все байдары (лодки, сложенные из тонких жердей и обшитые тюленьими кожами), которые плавали поводам Берингова моря[4]. Но область, обитаемая этим животным, не простиралась за архипелаг Командорских островов, где дно моря покрыто лесами водорослей. достигающих в вышину от 28 до 42 аршин: этим и объясняется истребление целой породы морской коровы в такой короткий промежуток времени, менее чем в полстолетие.

Другому виду морских млекопитающих этой страны, морскому коту (otaria ursina), тоже грозила опасность исчезнуть с лица земли, и мягкий, теплый мех его, известный под именем котикового, приносил уже звероловам ничтожную годовую прибыль, когда американская компания, уже овладевшая островами Прибылова, на берегу Нового Света, приобрела от русского правительства исключительное право охоты на этого зверя, на островах Беринговом и Медном, с обязательством уплачивать в казну по два рубля за каждого убитого кота: для правильного ведения котикового промысла была построена, в северо-западной части Берингова острова, необитаемого в ту эпоху, когда туда пристал знаменитый мореплаватель, деревня, населенная 300 алеутами, привезенными с острова Ачи. Воспитываемые стадами, почти как домашния животные, а не убиваемые случайно, как делалось прежде, морские коты удивительно расплодились в каких-нибудь двадцать лет: между тем, как прежде на всех Алеутских островах и на Командорском архипелаге охота на этого зверя доставляла

1 Крашенинников, „Описание земли Камчатки".
2 Бэр; Брандт; Миддендорф.
3 „Lettres de l'expedition a la decouverte du passage Nord-Est".
4 Стеллер; Крашенинников.

бывшей русской компании всего только около 3.200 котиковых шкур ежегодно[1], в настоящее время на одном только Беринговом острове убивается от 12.000 до 13.000 голов[2]. Но теперь при бое всегда соблюдаются известные правила: самок, котят, старых котов и самцов, у



Аянскій портъ въ Охотскомъ морѣ.

которых шкура попорчена ранами, не трогают, и охотники последовательно выбирают для

1 Семенов, „Географический словарь Российской Империи".

2 Карл Нейман; Норденшельд.

боя различные части громадного стада, заключающего около полмиллиона голов. У этих животных замечательно развит инстинкт собственности. Каждый глава семейства выбирает на скалах место становища, по местному лежбища, где и поселяется на житье со своими самками и детенышами, составляющими целое стадо в сто и до ста двадцати голов. Если чужое животное осмелится переступить за границы этого семейного лежбища, самец с яростью накидываеся на дерзкого нахала, завязывается страшная битва, со всех сторон сбегаются зрители, затем, увлеченные пылом борьбы, сами принимают участие в драке, как отмстители обиженных. Таким образом иногда сражение распространяется все далее и далее и охватывает пространство в несколько сот сажен. Вспыльчивый и нежный, морской кот зорко наблюдает с какого-нибудь возвышенного места за своим многочисленным семейством: когда самка уронит своего котенка, самец набрасывается на нее, толкает ее на камни и беспощадно бьет и кусает ее, потом, когда гнев пройдет, оба супруга проливают обильные слезы. Но при малейшей тревоге, все коты, старые и молодые, стремглав бросаются к морю, при чем маленькие падают, смятые и раздавленные массой бегущих, и груды трупов остаются, рассеянный там и сям на морском берегу[1].

Рыболовы, звероловы или скотоводы, все обитатели Берингова полуострова, Камчатки и островов азиатского прибрежья, безусловно зависят от климата и окружающей природы в отношении своего образа жизни и рода занятий; почти везде самое место жительства меняется с переменой зимы на лето и лета на зиму. Одежда, пища, жилье и местопребывание—все разнится, смотря по времени года.

Чукчи или чаукту, то-есть «люди» (по Гуперу[2]), настоящее их имя—туски, то-есть «братья» или «союзники»), которые составляют самый многочисленный туземный народ северо-восточной Сибири, бродят, со своими стадами северного оленя, по всему Берингову полуострову, в бассейне реки Анадыра и по ту сторону последних отраслей Станового хребта, в тундрах, по которым протекают Колыма и Индигирка: указом 1869 года определены границы областей, присвоенных чукчам, на юге от земли, занимаемой юкагирами. Совокупность чукотской территории обнимает площадь приблизительно в 704.000 квадр. верст; но на этом громадном пространстве, равном по величине Франции и Апеннинскому полуострову, взятым вместе, насчитывают всего только 12.000 жителей[3]. Спутник проф. Норденшильда, Бове, полагает даже, что численность этой нации не превышает 3.000 или 5.000 душ[4]; но он не имел возможности делать дальние экскурсии во внутренность края и ознакомился лишь с туземцами, живущими на морском берегу. По мнению его, первоначальную родину этого племени следует искать в бассейне Амура, тогда как Нейман полагает, что чукчи пришли из северных стран Нового Света.

Тип чукчей чисто монгольский, с круглой головой, с широким и плоским лицом, с выдающимися скулами; нос у многих так глубоко вдавлен между оттопыренными щеками, что можно бы было приложить линейку к лицу, не дотронувшись до переносья; губы толстые, а волосы, черные и гладкие, ниспадая на лоб, и без того низкий, еще более суживают его. Шея у чукчей толстая, мышцы замечательно сильные, мускульные связки тонкия и деликатные; большинство их малорослы, однако, встречаются также индивидуумы высокого стана. Между азиатскими чукчами и северо-американскими эскимосами существует большое этнографическое сходство. Благодаря тем и другим, переход типов между аборигенами Нового Света и коренными жителями Старого совершенно нечувствителен: от краснокожего американца до якута и бурята, смешения племен создали все промежуточные степени, все градации, и последовательными переходами установилось сродство рас, каково бы, впрочем, ни было

1 Стеллер: Крашенинников; Норденшельд.
2 Hooper, „Ten months among the tenst of the Tuski".
3 Венюков, „Этнографическая карта Российской Империи".
4 Bowe, „Bolletino della Societa geografica Italiana", дек. 1879 г.

первоначальное различие, и хотя языки различных народцев разнятся между собой. Можно встретить чукчей, имеющих совершенное сходство с американскими сиуксами, исключая одежды: это замечательные представители дикого индейца Америки[1]. Очевидное сходство типа между чукчами и эскимосами, одинаковость их обычаев и образа жизни, употребление ими орудий и снарядов, сделанных из тех же материалов и с тем же рисунком, подобных древним орудиям, находимым в различных доисторических гротах, европейских и американских, и относящимся к каменному веку, привели некоторых антропологов к заключению, что эти две нации крайнего севера континентов суть представители предшествовавшего человечества или племени, постепенно оттесненного к северу и вынужденного давлением народов-завоевателей искать себе убежища на берегах Ледовитого океана. По мнению этих антропологов, предков чукчей и эскимосов нужно искать не в тундрах, на которых они ныне обитают, но гораздо южнее, в тех странах, где находят ископаемые остатки промышленности и искусства, подобные произведениям этих народцев.

Как бы то ни было, нынешние чукчи не похожи на народ, находящийся в состоянии упадка, вымирающий,—они, напротив, занимают очень видное место между другими инородцами сибирского поморья. Славяне слишком редко вступают в сношения с этим инородцем, чтобы господство их давало себя сильно чувствовать, и многие из чукчей, которые едва умеют сказать несколько слов по-русски, в роде «здравствуй» да «прощай», не знают даже о существовании Белого Царя, о котором говорят с таким благоговением и трепетом монголы, живущие на китайской границе; благодаря своим сношениям с американскими китоловами, они лучше знакомы с Соединенными Штатами, нежели с Россией, и в своей речи они употребляют много английских слов. Они платят русским ясак шкурами лисицы или другого пушного зверя, и знают, что, переходя из рук в руки, эта дань в конце концов будет положена к ногам важной особы, которая царствует в Иркутске; но они не подозревают даже, что этот владыка сам есть не более, как слуга другого более могущественного властелина[2]. Впрочем, если какой-нибудь образ, завезенный китоловом из Америки, случайно попадает в руки чукча, последний с радостью повесит его в своей юрте, сделанной из выброшенных морем бревен или китовых ребер, обтянутых оленьими шкурами (внутри юрты делается вторая нисенькая палатка из двойных шкур, в которой в холодное время устраивают чувал), и потом будет набожно креститься пред этим изображением, сделавшимся для него священным[3].

Чукотская нация естественно делится на две группы колен: на внутренних или оленных и береговых или рыболовов, резко отличающиеся одна от другой не только образом жизни, но также наречиями[4]. Тундровые чукчи, питающиеся мясом и молоком северных оленей, живут, вообще говоря, в большем довольстве, чем рыболовы, хотя и у них тоже существует большое неравенство состояний. По свидетельству Бове, у оленных чукчей и теперь еще можно встретить стада в 20.000 и 30.000 голов, принадлежащие одному хозяину: Крашенинников же рассказывает о коряцких старшинах, владевших стадами до сотни тысяч голов[5]. Оленные чукчи—постоянные путешественники, и, странствуя от берегов Колымы до берегов Анадыря, с тундры на тундру, они проезжают на оленях, запряженных в санки, сотни и тысячи верст: эти бродячия привычки развивают у них, между прочим, замечательный талант, которым обладают также и американские эскимосы,—уменье чертить на песке или на земле карты с изумительной точностью; многие путешественники рассказывают с удивлением об этих чертежах, которые часто позволяли им с уверенностью направлять свой путь через пустыню. Оленеводы умеют приобрести любовь своих животных: Паландер рассказывает, как чукча при выходе из юрты, после ночного сна, находит перед жилищем все свое стадо оленей, выстроенное в правильном порядке, под предводительством старого самца с большими

1 G. Kennan „Tent-Life in Siberia".
2 Kordenekjold, „Expddition an paseage dn Nord-Eet".
3 George Kennan, „Tent-Life in Siberia".
4 Karl Neumann „Globus", 1874.
5 „Описание земли Камчатки".

ветвистыми рогами, и как каждый олень поочередно проходит перед своим хозяином и трется мордой об его руки.

Оленный чукча обыкновенно презирает чукчу-рыболова, более оседлого, но менее храброго, менее сильного и менее заботящагося о своей особе[1], и вместе с тем менее богатого, вынужденного просить у него оленьих шкур для постройки своей юрты и для приготовления себе одежды; впрочем, может быть, эти две главные группы чукчей, оленные и береговые, не принадлежат к одной и той же расе, ибо тип лица и язык у них различные. Рыболов более подвержен опасности голодовок во время продолжительной зимы и должен больше заботиться о собирании запасов на все время прекращения его промысла. Он сушит рыбу, собирает молодые побеги приземистой ивы и многих других видов растений, которые, будучи заквашены, потом заморожены, дают ему зимний салат или щи. Кроме того он также выкапывает из земли разные коренья и клубни, а старухи вынимают из внутренностей убитых или павших оленей зеленые вещества (остатки ягеля), еще не переварившиеся в желудке, чтобы консервировать их как овощи: для чукчей, как и для эскимосов, это одно из самых любимых блюд[2]. Но основу пищи составляют: рыба, мясо тюленье и моржовое, и запах этой снеди, в соединении с дымом и смрадом от животного жира, употребляемого для освещения и отопления жилищ, делает пребывание в них почти невыносимым для непривычного человека.

Встарину чукчи были народом воинственным, покорявшим другие племена; они храбро защищались, во главе других народцев, против русских, и когда согласились вступить с ними в торговые сношения, то предлагали свои товары на острие своих копий: русские торговцы, зная, с кем имеют дело, поняли, что лучше не обижаться таким оригинальным способом мены[3]. Еще недавно одно племя, онкилоны. обитавшие на берегах Северного мыса, было прогнано чукчами: проф. Норденшильд и его спутники, во время памятной экспедиции корабля «Веги», видели селение, покинутое этим побежденным племенем, остатки которого, удалившиеся на юг от Берингова пролива, к устьям Анадыря, известны у большинства русских писателей под именем анкалов и памолло; они отличаются своим «агглютинативным» (полисинтетическим) языком от окрестных чукотских колен, которые, по свидетельству Бове, говорят наречием монгольского происхождения[4]. Чукчи носили прежде латы из китовой кожи или кольчугу из дерева и моржовой кости, похожую на воинские доспехи японцев[5]; употребление этой брони прекратилось с тех пор, как исчезли воинственные нравы. В настоящее время чукчи самые мирные люди в свете, всегда живущие во взаимном согласии и дружбе, преданные друг другу, всегда добродушные и веселые, не смотря ни на какие беды и невзгоды, выказывающие необыкновенную кротость и ласковость во всех своих семейных отношениях. Они не убивают более своих стариков, как того требовала прежде сыновняя любовь, ради избавления этих несчастных от непосильной борьбы с холодом и голодом, которая часто составляет их удел; по рассказам, передаваемым г. Онагацевичем, большинство стариков сами себя убивают, чтобы избавить своих детей от печальной обязанности наносить им смертельный удар[6]. В 1848 году Гупер видел еще одного сына, который незадолго перед тем умертвил свою мать по её просьбе, и которого все родичи очень хвалили за его послушание[7].

Сделавшись христианами и «цивилизованными» людьми, благодаря частым сношениям с американскими китоловами, чукчи оставили некоторые из своих старых обычаев, но и теперь они все еще сжигают труппы покойников или выставляют их на деревянных помостах

1 Гупер, цитированное сочинение.
2 Норденшельд, „Открытие Северо-Восточного прохода“; Гупер, цитированное сочинение.
3 G. Kennan, „Tent-Life in Siberia”.
4 Bove, „Bolletino della Societa geografica Italiana”, дек. 1879 г.
5 Биллингс и Зауер, „Expedition to the northern paris of Russia“.
6 „Mittheilungen von Petermann”, 1879 г., № 4.
7 Karl Neumann, „Globus”, 1874; Hooper, „Ten months among the tenst of the Tuski”.

на съедение хищным птицам[1], они попрежнему приносят животных в жертву духам гор, рек, минеральных источников, по-прежнему покупают себе двух или несколько жен, когда обладают достаточным количеством оленей, чтобы сделать это дорогостоящее приобретение. Благодаря труду своих жен, которые воздвигают палатки, приготовляют пищу, шьют и украшают одежду, прилаживают санки, запрягают оленей, чукчи не знают других забот, кроме занятия рыболовством, охотой и торговлей: женщины по виду как-будто рабыни, но в действительности это они командуют, а мужчины повинуются. Что касается детей, то они всегда пользуются самым внимательным и нежным уходом. Отец и мать поочередно носят их на плече и очень заботятся, чтобы им не приходилось терпеть от голода или холода: эти маленькия существа так плотно закутаны в оленьи шкуры, что походят на шар с продетым сквозь него бруском, так как их вытянутые руки не могут более складываться в мешке из мехов, в которые они завернуты[2].

Из всех инородческих племен тунгусы, повидимому, имеют наибольшее влияние на чукчей. Костюм тех и других очень похож по покрою и украшениям; многие чукотские женщины татуируются по-тунгусски, двумя полосами темно-синего цвета, проведенными от глаз к подбородку и служащими как-бы стеблями для целого разветвления маленьких узоров, которое направляется к носу и ко рту; у других женщин рисунок на лице расположен в обратном порядке, именно главные линии следуют от виска к подбородку по передней округлости щеки, тогда как второстепенные черты, кружки и овалы, идут к мочке уха[3]. С тех пор, как чукчи окрещены, некоторые мужчины рисуют себе на щеке черный латинский крест, заменивший зуб морского коня, который их предки продевали в дыру на щеке, и который в то время считался самым почетным украшением воинов; чукчи, отличившиеся на охоте или в какой-нибудь битве, тоже татуируют себе на груди грубое изображение своего подвига[4]. Раскопки, произведенные профессором Норденшильдом и его спутниками в кухонных отбросах чукчей, привели к открытию украшений, домашней утвари и снарядов, сделанных из камня, из кости или из зубов рыб или мамонтов. Большая часть этих предметов представляет поразительное сходство с подобными же изделиями, употребляемыми гренландцами, сходство до того полное, что его невозможно приписать одному только действию одинаковых условий окружающей природы, которая доставляет обоим народам одни и те же источники пропитания и заставляет их вести точно такой же образ жизни: в этом совпадении нужно видеть также следствие торговых сношений, которые ведутся последовательно от одного племени к другому, через посредство эскимосов, на всем пространстве крайнего севера, от полуострова Беринга до полуострова Лабрадора. Не странно ли слышать на Босфоре, в гренландских фьордах и в Антильском море одно и то же турецкое слово, примененное к маленьким лодкам туземцев, впрочем весьма различным по внешнему виду[5]? С одной стороны, якут, чукча, эскимос передали гренландцу слово, которое они употребляют для обозначения своего челна, называемого ими «каяком»: с другой, путешествуя в противоположном направлении по шарообразной поверхности земли, испанец дал название «каюко» пироге американского индейца, столь отличной, впрочем, от грациозного «каика», плавающего по водам Константинополя.

Посредники торгового обмена между Америкой и Сибирью, чукчи, повидимому, были прежде очень могущественны на берегах Берингова пролива; они играли первенствующую роль между купцами, эскимосами или представителями других народностей, собиравшимися в местах меновой торговли, преимущественно на одном из островов группы Диомида или Гвоздева, посреди пролива[6]. Но преобладающее значение в торговле тех стран принадлежит

1 Hooper, цитированное сочинение.
2 Von Middendorff, „Sibirsche Reise“.
3 Nordenskjold, „Lettres a M. Daubree“.
4 Бове, цитированный мемуар.
5 Гмелин, „Путешествие в Сибирь”.
6 Hooper, „The tents of the Tuski”.

ныне американцам: американские торговцы привезли чукчам железные орудия, чтобы заменить ими туземные изделия из камня или из кости; они же приводят этих инородцев в соприкосновение с промышленным миром: на берегах Берингова пролива можно уже встре-

Гольды.

тить механические приборы американского происхождения, усовершенствованные рыболовные снаряды, револьверы, ружья, заряжающиеся с казенной части. Те же американцы привозят фатальную водку, и за рюмку дрянного подкрашенного напитка, которой достаточно,

чтобы повергнуть их в опьянение, чукчи охотно отдают чужестранным коммерсантам всю добычу своей охоты или рыбной ловли. В трезвом состоянии они, напротив, очень тонкие и хитрые коммерсанты, едва-ли уступающие в ловкости своим соседям якутам.

Кажется, что этнографическая область чукчей распространяется за Берингов пролив, на американскую территорию, тогда как, с другой стороны, группы эскимосов живут на азиатском континенте, если верно, что племя анкали или намолло принадлежит к этой этнологической группе, как это допускает общепринятое мнение. Коряки, живущие на юге бассейна Анадыря, при основании полуострова Камчатки, в долине реки Пенжины и на северо-западных берегах Охотского моря, повидимому, суть родичи чукчей и говорят наречием, очень близко подходящим к чукотскому языку. Эти инородцы, которых насчитывают более 5.000 душ, делятся, как и чукчи, на оседлые семейства, занимающиеся главным образом рыболовством, и на кочующих оленеводов и звероловов. Южную границу их территории в Камчатке составляет деревня Тигильская, близ реки Седонки, куда они приходят раз в год для обмена своих произведений камчадалам и русским торговцам. Вообще эта деревня есть главный торговый пункт западного берега полуострова[1].

Путешественники, которым приводилось иметь сношения с оседлыми коряками, обитающими по большей части на берегах северных бухт Охотского моря, дают далеко нелестные отзывы о нравственных качествах этих инородцев. Потомки разоренных кочевников, лишившихся своих стад северного оленя, эти коряки не имеют теперь других источников пропитания, кроме рыбной ловли и меновой торговли с иностранными моряками и с русскими коммерсантами. Первые приучили их к пьянству и разгульной жизни, вторые научили обману и воровству[2]; они совершенно погрязли в нищете и пороках, так что в Сибири не знают более развращенных инородцев, чем оседлые коряки. Напротив, коряки кочевые, еще владеющие большими стадами оленей, привыкшие к вольной и независимой жизни и сохранившие полное сознание своего равенства, не уступают тунгусам по смышлености, прямодушию, природному достоинству, благородству осанки и обращения. Они не признают ни правительства, ни законов, навязанных извне; всякий человек, владеющий хотя-бы только десятком оленей, сам себе господин и закон. Отдельные семьи вообще соединяются группами по шести или семи, в маленькия республики, но они вступают между собой в союз по доброй воле, и каждый имеет в этой федерации равный голос. С тайоном, как вообще называют самого богатого члена общины, другие члены обыкновенно советуются на счет выбора места для становища, или на счет времени перекочевки; но он не имеет никакой фактической власти. Не признавая над собой никаких властей и не повинуясь никому, оленные коряки, однако, самые услужливые, самые гостеприимные из всех сибирских инородцев, а в семейной жизни это лучшие мужья и отцы: во время двух с половиной лет пребывания среди этих кочевников, Кеннан ни разу не видал, чтобы коряк ударил женщину или ребенка. С такой же любовью и лаской они воспитывают своих домашних животных, и из привязанности к своему стаду они отказываются продавать живых оленей, как бы ни была высока цена, предлагаемая чужим покупателем; но они без малейшего колебания соглашаются продать мясо животного, когда настала пора убить его. Впрочем, только в случае крайней необходимости коряки решаются убить скотину из стада: оттого-то они, пропорционально их численности, самые крупные владельцы оленьих стад, какие существуют в Сибири.

Обычаи коряков естественно приближаются к обычаям чукчей и камчадалов, между которыми они живут, и с которыми они имеют частые торговые сношения. Они тоже питают большое доверие к своим шаманам, ловким кудесникам и скоморохам, которые под открытым небом проделывают самые удивительные фокусы и кунстштюки. Коряки приносят жертвы только злым духам, так как им кажется бесполезным заискивать благосклонность добрых божеств, и головы убиваемых животных обыкновенно кладутся на большие камни,

1 George Kennan, „The Tent life in Siberia".

2 Кеннан; Нейман; Норденшельд.

обращенные в сторону восхода солнца. Подобно камчадалам, они обязаны, в силу обычая, завоевывать себе жен посредством отрабатывания в продолжение одного года или даже двух-трех лет в доме будущего тестя, и до самого дня свадьбы, которая имеет подобие похищения невесты, молодая девушка бдительно охраняется старухами, которые пускают в ход веревки, плети и палки, чтобы удалить от неё претендента[1]. Наконец, у коряков сохранился еще в полной силе исконный обычай умерщвлять стариков и больных, чтобы избавить их от страданий продолжительной агонии. Этот обычай, редко исполняемый у чукчей, до сих пор остается общераспространенным у их южных соседей. Все коряки считают этот род смерти естественным концом своего существования, и когда им кажется, что пришла пора умереть, они сами говорят, каким способом должно быть дано им последнее свидетельство привязанности: одни просят, чтобы их побили камнями, другие избирают смерть посредством удара топором или ножем. Все молодые коряки учатся искусству наносить роковой удар, не причиняя страданий жертве[2]. Тотчас же после смерти, труп сжигается, дабы душа могла уйти в воздух. В эпоху, к которой относится путешествие Крашенинникова, детоубийство также было общераспространенным обычаям: из двух близнецов один всегда приносится в жертву.

До сих пор существует еще некоторое число коряков, которые съумели сохранить вполне свою независимость, и которые не платят ясака русским чиновникам. Но нет также между инородческими племенами Сибири народа, который бы боролся с большим мужеством против русских ради сохранения своей свободы. В различных войнах, которые корякам пришлось выдержать против казаков, они всегда являлись более страшными противниками, чем другие инородцы, потому что они по-истине бились на жизнь и смерть. Когда они видели себя окруженными неприятелем слишком многочисленным и слишком хорошо вооруженным, чтобы можно было надеяться одолеть его, они клялись «погубить солнце»; убивали своих жен и детей, чтобы избавить их от рабства или пыток, сжигали все свое имущество, затем бросались в самую середину сечи: ни один из них не искал спасения в бегстве, все падали на месте битвы один подле другого, окруженные трупами[3].

Камчадалы или ительмены, называемые коряками «кончало», вероятно, обязаны своим русским наименованием реке Камчатке, по имени которой был назван и весь полуостров. Явно отличаясь от чукчей и коряков, они принадлежат к другой этнографической группе, хотя климат заставил эти различные племена вести одинаковый образ жизни. Камчадалы вообще ростом пониже коряков, на которых они, впрочем, походят круглым и широким лицом, выдающимися скулами, маленькими, глубоко сидящими глазами, приплюснутым носом, черными гладкими волосами, смуглым цветом кожи. Язык их, очень богатый гортанными звуками, отличается от коряцкого наречия словосочинением и состоит из неизменных корней, смысл которых изменяется посредством присоединения приставок[4]. Но этот характеристический диалект быстро теряется, как исчезает и сама раса. В некоторых частях полуострова, и преимущественно в долине реки Камчатки, население почти совершенно обрусело, и старый язык вышел из употребления. Сделавшись по вере «православными» и часто смешиваясь посредством брачных союзов с русскими поселенцами, камчадалы сливаются там и сям со своими прежними властителями; оригинальный тип их уже изгладился. Южные камчадалы или курильцы, живущие в полуденной части полуострова, на берегах «Большой Реки» и на полуденной оконечности, на мысе Лопатка (плечевая кость), названном так по причине его формы,—еще не совсем забыли свой язык. Северные или пенжинские камчадалы из всех коренных обитателей края наименее подверглись обрусению, и наречие их приняло в себя лишь незначительное число русских слов.

В настоящее время число жителей полуострова, которые еще имеют, право называться

1 Крашенинников; Ед. де-Лессепс; Грего; Кеннан.

2 Крашенинников, „Описание Камчатской земли"; G. Kennan, „The Tent-Life in Siberia"; Семенов, „Географ. Словарь Российской Империи".

3 Ed. de Lesseps, „Du Kamtchatka a Paris".

4 G. Kennan, цитированное сочинение.

камчадалами, по приблизительному исчислению, не превышает трех тысяч душ. Это по большей части люди в высшей степей смирные, очень честные, исключая тех, которые живут оседло в деревнях, где русские, постоянно обманывая простодушных дикарей, научили и их хитрить и обманывать; их дом, летний и зимний, всегда гостеприимно открыт чужеземцу; они никогда не устают оказывать всяческие услуги и быстро забывают нанесенные им обиды; несмотря на крайнюю бедность и другие невзгоды жизни, они всегда сохраняют удивительно ровное настроение духа. Не зная над собой никаких господ до прибытия русских в край, они должны были так много терпеть от первых завоевателей, от притеснений чиновников и обманов купцов, что дважды открыто бунтовали, в 1731 и 1740 годах; но с той эпохи они оставили всякую мысль о восстании, и теперь малейший представитель власти принимается ими с глубоким почетом, чуть не с благоговением. Консерваторы в высшей степени, крепко привязанные к старине, они никогда не покидают тропы, проторенной их отцами, и прокладывают новую дорожку только в таком случае, если старая от выбоин сделалась совершенно непроходимой. В них нет ни капли героического темперамента коряков, и их жалобные, тоскливые песни, которые первоначально, как кажется, были простым подражанием крикам морских птиц[1], не прославляют каких-либо битв или военных подвигов; любовь, работа, странствования в санях на собаках, охота и рыбная ловля—вот единственные темы их народной поэзии. В своих подражательных плясках они очень искусно воспроизводят телодвижения разных животных: так, они прыгают, как олень, бегают, как лисица, даже кидаются в воду и плавают как тюлень. Что касается обрядов прежней, языческой религии, то они почти совсем вышли из употребления; теперь услышишь разве только, да и то очень редко, рассказ о собаке, принесенной камчадалами в жертву злым гениям, которые удаляют рыбу или дичь; многие церемонии, которые прежде были совершаемы как религиозный акт, превратились мало-по-малу в драматическое представление. Суеверия их ничем не отличаются от суеверий других сибиряков всякого рода и племени—славянского, финского или манчжурского: так, например, подобно всем сибирским звероловам, они, когда преследуют какого-нибудь зверя, больше всего заботятся о том, чтобы не произнести его имени, из опасения неудачи или несчастия.

Для езды камчадалы употребляют собак, без которых их жизнь в продолжение длинной, девятимесячной зимы должна бы была совершенно измениться. Летом, когда езды не требуется, эти животные, которые величиной, шерстью и физиономией больше похожи на волка и даже воют по-волчьи, ходят по воле, отыскивая себе пищу в лесах, и на берегу рек, где сами ловят рыбу; но как только выпадает первый снег, они, как верные слуги, возвращаются в балаган хозяина. Нет животных более крепких и бодрых, более выносливых и легче переносящих усталость и голод, как ездовые собаки камчадала: они иной раз везут свою нарту двое суток подряд, не кормясь, не получая никакой пищи, кроме разве кусков кожи, оторванных ими самими от сбруи. Упряжка из одиннадцати собак пробегает обыкновенно от шестидесяти до семидесяти пяти верст в день, везя одного человека и до 10 или 11 пудов клади; но нередко бывало, что собаки пробегали в день пространство в два или три раза более значительное[2]. В продолжение длинной зимы, когда реки скованы льдом, когда море неприступно по причине непроглядных туманов и бурь, езда на собаках составляет единственное средство сообщения и поддержания общественной жизни между деревушками камчадалов; без этих животных каждая группа семейств оставалась бы совершенно изолированной, почти запертой в своих подземных жилищах.

В громадной территории, простирающейся от камчатского мыса Лопатки до Чукотского полуострова, не существует ни одного сколько-нибудь значительного центра населения; едва несколько становищ кочующих инородцев заслуживают название деревень. Однако, город Петропавловск недавно имел некоторое значение, как военный порт и крепость, хотя и в то

1 Эрман, „Путешествие в Сибирь".
2 Neumann, „Globus", 1875 г., № 4.

время число его жителей не превышало населения какого-нибудь малолюдного европейского местечка: расположенная на восточном берегу великолепной Авачинской губы, эта столица Камчатки совершенно защищена от ветров, и суда, проходящие в её гавань, могут бросать якорь у самого берега. Под более умеренными широтами, в соседстве с густо населенными странами, этот город, без сомнения, сделался бы одним из важнейших рынков в свете; но с тех пор как китоловный промысел в окружающих морях утратил свою важность, а торговля шкурами пушного зверя была монополизирована несколькими негоциантами, Петропавловск пришел в упадок и обезлюдел; в настоящее время он имеет не более 500 жителей, тогда как прежде население его простиралось до тысячи душ; из этого порта американская компания шкурки морских котов, убиваемых на Командорских островах, отправляет в Сан-Франциско, где они подвергаются специальной выделке. Столица Камчатки с гордостью показывает свои монументы, воздвигнутые в честь Беринга и Лаперуза, двух знаменитых мореплавателей, имена которых остались—одно за проливом, отделяющим Азию от Америки, другое—за проходом, посредством которого Охотское море сообщается с Японским, Старые укрепления Петропавловска, теперь покрытые дерном и цветами, напоминают поражение англо-французов, которые во время крымской войны предприняли атаку этой камчадальской деревни, стоящей на конце Старого Света.

VII. Становой хребет, бассейн Амура, русская Манчжурия

Из всех естественных областей Сибири бассейн Амура и соседнее морское прибрежье суть страны, которые обещают достигнуть со временем наиболее важного политического значения. Омываемые водами Японского моря, выдвинутые на юге между Монголией и Кореей, и граничащие с Китаем, как раз в соседстве той «великой стены», которую Срединная империя воздвигла некогда, чтобы оградить себя от северных варваров, долины Амура, долины его южных притоков и берега русской Манчжурии являются представителями, перед лицом народов крайнего азиатского Востока, военного могущества стомиллионной державы. При том там находится единственная часть морского прибрежья, посредством которой громадное Российское государство соприкасается с морем, открывающимся свободно, почти в продолжение всего года, на океанские пространства. Корабли, выходящие из портов Манчжурии, не должны проходить через чужой пролив в роде Босфора или Зунда, и не обязаны лавировать в течение восьми месяцев среди ледяных гор и полей, как суда, отплывающие из Архангельска. Хотя лежащие под одинаковой широтой с берегами Прованса и Каталонии, внутренние бухты Посьета и Петра Великого бывают, правда, заперты льдами в середине зимы; но их эскадры, которые могут зимовать южнее, в портах какой-либо дружественной державы, представляют, тем не менее, грозную морскую силу. Если чего недостает русской Манчжурии, прежде чем она будет иметь возможность завоевать первенствующее политическое значение, на которое Россия претендует для неё, то это—населения цивилизованного, обогащенного земледелием, торговлей и промышленностью. Страны Нижнего Амура и Приморской области не заселились так быстро, как надеялись русские патриоты; пути сообщения еще не устроены в этой огромной территории: расстояние еще не побеждено. Связь, соединяющая Владивосток с Кронштадтом, существует более в воображении, чем в действительности; цепь русских городов и деревень, которая впоследствии соединит эти два крайние порта империи, прерывается еще широкими пробелами во всей своей восточной части, пробелами, которым, кажется, не суждено скоро пополниться, потому что горы, голые скалы, озера, болота занимают почти весь бассейн низового Амура, и на этом обширном пространстве многие местности, еще неисследованные, ожидают путешественников, которые опишут их поверхность и откроют богатства, сокрытые в их недрах. Можно сказать, что в Азии русский царь владеет еще только кадром своей империи.

Высоты, холмы, горы и плоскогорья, ограничивающие с севера бассейн Амура, состав-

ляют, в своей совокупности, одну из тех малоизвестных областей, которые изображают на картах без достаточной точности, соединяя промежуточными хребтами отдельные горные группы и возвышенности, уже исследованные более или менее подробно. В действительности эта извилистая цепь, проводимая на карте от плоских возвышенностей Забайкалья до Чукотского полуострова, на протяжении около 4.000 верст, есть не более, как водораздельная линия: поэтому Миддендорф предлагает называть ее Становым Водоразделом, чтобы заменить присвоенное ей ныне неточное наименование Станового хребта. Известно, как много разнятся водораздельные высоты или грани от горных цепей, которые они во многих странах пересекают под прямым углом; обвал земли, перемещение одного камня, засорение болота мохом или камышем могут изменить линию раздела между двумя покатостями, тогда как большие колебания почвы, сгибы, разрывы или поднятия, начертывают направление горных хребтов на целые века жизни планеты. Эти горы, правда, изменяются под непрерывным влиянием метеоров и всех геологических деятелей, но ось их от этого не переменяет своего направления; она обнаруживается подземными каменными породами, там, где сама горная цепь исчезла и продолжается под реками или ручьями, перерезывающими ее с той или другой стороны; положение её можно угадать даже под морскими проливами или заливами. По нерчинскому трактату, условная граница между Китайской империей и русской Сибирью была определена таким образом, что она должна проходить по гребню Станового хребта: но это всегда была не более как фиктивная раздельная черта. Естественные границы образуются не гипсометрическими линиями, но поясами различных произведений природы. На полуденных склонах Станового хребта, так же, как в бассейне Лены, скаты и низа гор покрыты хвойными деревьями, мхами и лишаями; это, следовательно, естественная область северных оленей. Оттого-то, несмотря на дипломатические трактаты, «оленные» тунгусы спускались гораздо южнее Станового хребта, по крайней мере на 4 градуса к югу от фиктивной границы, до мест соседних с Амуром. Но долины Зеи, Буреи и других притоков этой большой реки представляют обширные луга, которые гораздо более пригодны для коневодства, чем для оленеводства. Соответственно различию физических условий, изменяются нравы и цивилизация. На этих лугах живут «конные» тунгусы, население оседлое, которое с неудовольствием принимало посещения кочевых тунгусов, и которое исправно платило подать, требуемую китайцами. Последние, впрочем, не имели желания воздвигать межевые знаки своей границы в лесах верхнего пояса Станового хребта; они ставили их при слияния рек, около естественных границ луговой области, между конными тунгусами с одной стороны и оленными с другой[1].

Изыскания Миддендорфа, Шварца, Усольцева, Крапоткина и других исследователей доказали несомненным образом, что Становой хребет не имеет той извилистой формы, какую придали ему в своих описаниях первые путешественники, которые поднимались по течению рек и затем спускались по другую сторону порогов или других речных долин. Совокупность высот, образующих «позвоночный хребет» восточной Сибири, состоит скорее из широкой выпуклины или горба, на котором возвышаются кряжи, в иных местах параллельные, в других слегка сходящиеся. Вся плоская возвышенность Монголии, от озера Косогол до хребта Большого Хинганского, образует общий ствол, на котором возвышаются хребты, из которых искусственное соединение на картах сделало цепи гор более или менее извилистой формы. Совокупность этих возвышенных земель направляется к северо-востоку, постепенно съуживаясь и уменьшаясь. Реки, получающие начало на этом плато, между различными хребтами, расположенными на его поверхности, сначала следуют общему направлению плоской возвышенности, от юго-запада к северо-востоку, или от северо-востока к юго-западу, затем уходят через какой-нибудь пролом в горных кряжах и либо направляются в бок, к Лене или к Амуру, либо спускаются непосредственно к Ледовитому океану или к Охотскому морю. Цепи гор, следующие одна за другой на восток от Станового хребта, на перерез долины Амура, затем, еще восточнее, вдоль морского прибрежья, принадлежат к той же самой орографиче-

1 Middendorff, „Sibirische Reise".

ской системе и следуют в том же направлении с юго-запада на северо-восток.

Гористая область, простирающаяся на юге от Байкала, ограничена, близ китайской границы, самой высокой цепью Станового хребта, известной у жителей Даурии под именем «Яблоноваго» хребта, которое, вероятно, произошло от растущих там рощицами диких яблонь: это продолжение монгольского хребта Кентей. В действительности, эта цепь есть не что иное, как закраина плоскогорья и представляется в виде гор только с восточной своей стороны, над реками Ингодой и Шилкой. На западе дорога, идущая от Святого моря к Чите, поднимается до самой вершины Яблонового хребта по отлогой покатости, которая могла бы служить для устройства железной дороги, и которая оканчивается на востоке озерами и болотами[1]. Верхняя часть краевой цепи состоит из гранитных и палеозойских горных пород, одетых хвойными деревьями и усеянных на вершине глыбами гранита, нагроможденными в хаотическом беспорядке. Дождь, падающий в изобилии на вершины, тотчас же исчезает между этими гранитными глыбами и течет под камнями и под корнями деревьев до основания гор, где подземные ручьи показываются на поверхности, разливаясь в виде обширных болот, которые очень затрудняют путешественникам доступ к скатам хребтов. Впрочем, верхушки Яблоновых гор тянутся однообразно, нигде не представляя живописных пейзажей, какие свойственны известковым горам; на склонах растительность тоже имеет однообразный характер: только березы более светлыми оттенками своей листвы местами прерывают темную зелень соснового бора[2].

Горная масса Сохондо или Чохондо, которая возвышается на юге и вне Яблоновой цепи, близ монгольской границы, заключает самую высокую вершину всей системы Станового хребта. Эта двуглавая вершина высится своей отвесной гранитной стеной над террасой, усеянной двумя огромными глыбами и содержащей два озера, где скопляются воды, образующиеся от таяния снега; можно подумать, что в этом месте обрушилась целая плоскость горы. Летом на верхних скатах цепи Сохондо виднеются кое-где полосы снега, но высшая её вершина, хотя она поднимается почти на две с половиной версты, не достигает границы никогда не тающих снегов; вообще ни одна из вершин Станового хребта, не исключая даже вершин северной оконечности этой системы, не бывает покрыта снегом в продолжение всего лета. Однако, группа Сохондо получает зимой очень большое количество снега: она почти всегда бывает окружена облаками, так что редко можно видеть её верхушку сквозь разорванные массы паров. Живущие в соседстве тунгусы и бурята смотрят на эту гору со страхом и трепетом, как на грозное божество, без сомнения, потому, что она почти всегда является им угрюмой, угрожающей, ниспосылающей на землю бури и грозы. Даже звероловы редко отваживаются взбираться по её скатам.

Хребет, начинающийся в горной массе Сохондо, также, как Яблоновые горы, продолжается на северо-восток к Витимскому плоскогорью, тогда как на востоке другие цепи тянутся в том же направлении, к слиянию рек Шилки и Аргунь. Одна из этих цепей, Адон-чолон, круто возвышающаяся над подернутой паром равниной, так что кажется, как-будто она поднимается из моря, ограничена у своего полуденного основания областью, которую можно рассматривать, как отрывок монгольской степи Гоби или Шамо на русской территории: это плоская возвышенность, которую русские поселенцы называют обыкновенно «даурскими степями», но не потому, чтобы местность там походила на низменные равнины Приднепровья или арало-каспийской покатости: она обязана этим названием единственно своим голым, лишенным растительности, скатам и солености своих вод; искусственная земляная насыпь, от которой еще видны, там и сям, кое-какие остатки, перерезывала некогда эти степи на всем их протяжении от Станового хребта до цепи Хинган: подобно большой китайской стене, этот вал защищал оседлые населения против набегов кочевников[3]; сооружение его приписывают Чингис-хану. Эта «степная» область, средняя высота которой от 2.140 до 2.952

1 Кропоткин, рукописные заметки.

2 Radde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XXIII.

3 Шишмарев; Кропоткин; Попов; Васильев.

футов, отделена от реки Онон, главной ветви Шилки, обширными сосновыми лесами, которые задерживают влажные ветры; на самой степи воздух отличается большой сухостью, и влажность недостаточна, чтобы везде поддерживать растительность пионов, аконитов и лилий, которые придают столько прелести нерчинским степям. Во многих местах нужно пройти пространства верст в десять, пятнадцать и даже более, прежде чем найдешь источник, где можно утолить жажду. Единственные водные площади, которые встречаешь в углублениях плато,—это озера, наполненные соленой водой: там и сям почва покрыта белым налетом соли и магнезии, словно снегом, недавно выпавшим. Один из бассейнов этой страны, Тарей, обыкновенно изображается на картах как двойное озеро, разделенное узкой полосой земли. Но самый большой из этих резервуаров, поверхность которого обнимает почти тысячу квадр. верст, часто пересыхает совершенно. Таким видел его Паллас в 1772 году; во время посещения края путешественником Радде, в 1856 году, он тоже был высохшим уже пять лет подряд. Старый соединительный канал между двумя озерами, многочисленные острова, вокруг которых еще видны знаки, оставленные волнами, свидетельствовали об изобилии воды, которая некогда находилась в бассейне; в настоящее время малое озеро или Дзун-Тарей, вода которого насыщена солью, берега же покрыты красноватыми растениями, очень уменьшилось в размерах, а большое озеро или Барун-Тарей состоит лишь из луж стоячей гнилой воды, из пластов соли и громадных пространств, поросших камышем, откуда и произошло монгольское название русского поста Хулюсутай или Улясутай, означающее «город камышей». Мы видим здесь густые чащи растений, сильно разростающиеся на слоях земли, которые прикрывают древние льды[1].

Почва даурских степей во многих местах сплошь усеяна мелкими голышами, камешками из белого кварца, яшмы, агата, происходящими от выветривания и распадения соседних горных пород, песок которых улетел в виде пыли, тогда как глина была унесена потоками. Тем не менее скудная травяная растительность расстилается по степи, и стаи птиц, принадлежащих, правда, к небольшому числу видов, перелетают по стране. Это единственная область Даурии, где встречается антилопа gutturosa: тигры тоже иногда заходят туда, а на лугах бродят многочисленные табуны джигетаев или диких лошадей. Казаки еще не научились укрощать и приручать этих прекрасных животных, как это умеют делать китайцы, живущие по Желтой реке; но местные охотники с жаром преследуют джигетая ради его мяса, которое они употребляют в пищу, а также ради шкуры, продаваемой ими монголам, у которых существует поверье, что волоса дикой лошади, особенно длинные волоса хвоста, сжигаемые на горячих угольях и вдыхаемые домашними животными, обладают свойством исцелять их от всяких болезней. Постоянные странствования диких животных происходят с юга на север, чем охотники и объясняют тот факт, что дичь каждый год являете под их пули. Замечено, что у всех водяных птиц, совершивших длинный перелет через пустыню Гоби, желудок бывает наполнен гравием из белого кварца, проглоченным во время путешествия: они снова принимаются за настоящую пищу только отдохнув при конце своего пути[2]. С другой стороны Амура происходят подобные же переселения животных, вызываемые также климатическими переменами. Косули очень хорошо знают, будет ли предстоящая зима суровая и особенно выпадет ли большое количество снегу. Предчувствуя холодную и снежную зиму, они переселяются массой на правый берег Амура; в 1867 году, когда леса по реке Бурее вдруг покрылись обильным снегом, косули эмигрировали в Манчжурию: в то время Амур нес уже большие льдины, на которые и садились отдыхать отощавшие от усталости животные, и жители прибрежных станиц убивали их палками на этих пловучих островах. Мех косуль дает превосходные шубы (даха), которые в большой моде в Сибири, и которых густая шерсть, всегда оставляемая снаружи, на лицевой стороне, отлично защищает от холода и особенно от ветра[3].

1 Радде, цитированное сочинение.
2 Радде, цитированное сочинение.
3 Крапоткин, рукописные заметки.

Горные цепи Даурии, ограничивающие область пустыни, не имеет растительности на своих скатах, обращенных на полдень. Это явление подобно тому, которое мы наблюдаем на Алтае, на Тянь-Шане и даже в некоторых местностях Кавказа; влажность, необходимая для древесной растительности, лучше держится на теневой, чем на солнечной стороне; сверх того палы (пожары), пускаемые весной пастухами, производят гораздо более опустошительное действие на полуденных отлогостях: так как с этой стороны распространение огня не задерживается снегом, то сухая трава и низкий кустарник выгорают до самой вершины гор. Но на севере Даурии и пролома, через который выходит река Шилка, кряжи Станового хребта одинаково покрыты лесной растительностью на обоих склонах: там влажность достаточно велика, чтобы поддерживать с той и с другой стороны леса почти непроникаемые, по причине топей и болот, остатков бывших озер, которые некогда залегали вдоль основания гор. Только над поясом лесов высятся сероватые гранитные куполы, перерезанные там и сям глубокими брешами; это те гребни без зелени, вид которых заставил казаков дать горам Станового хребта и всей восточной Сибири название «Гольцов», то-есть «голых скал».

На севере от Амура главные группы Станового хребта поднимаются между бассейном р. Зеи и и бассейном р. Алдана; там различные вершины достигают двух верст высоты, уступая, однако, в этом отношении цепи Сохондо; ручьи и реки в изобилии текут с этих горных масс к Амуру, Лене и другим главным рекам, непосредственным притокам Тихого океана. По ту сторону болотистых плоскогорий, отделяющих бассейн Алдана от бассейна Уды, горная цепь, гораздо более крутая на склоне, обращенном к Охотскому морю, чем на противоположном скате, принимает наименование Алданского или Джугджурского хребта; самые высокие её вершины не превышают тысячи метров (3.280 футов). Эта часть Станового хребта, хотя одна из наименее возвышенных, есть одна из самых богатых по разнообразию геологических формаций; граниты, гнейсы, порфиры покрыты там древними сланцами, а в некоторых местах даже юрскими пластами; на севере, там, где Алданский хребет приближается к новейшим образованиям Верхоянских гор, простираются слои каменно-угольной формации, а в соседстве Охотского моря, напротив вулканического полуострова Камчатки, видны вулканические породы, базальты и трахиты. Месторождения железа, свинца, серебра и золота, найденные в этих горах, столь значительны, что в другом, более благоприятном климате, сделались бы предметом деятельной и обширной разработки.

К западу от Охотска и к северу от пролома в горах, через который проходит дорога из Якутска к морю, высится гора Капитан, которой тунгусы дали это название, может быть, в память какого-нибудь русского капитана, или, может быть, как главной вершины всей этой гористой области; она едва переходит за пояс лесов лиственницы, чтобы вступить в область лишаев и оленьего мха. Ледников там нигде не видно, и даже вершины никогда не бывают покрыты снегом; но по замечательному контрасту, который свидетельствует о противоположности климатов между Европой и Сибирью в отношении атмосферного давления, количества выпадающего дождя и снега, направления ветров,—эти горы Станового хребта, не имеющие глетчеров, господствуют, однако, над долинами, совершенно наполненными постоянным, никогда не тающим льдом. Снег, уносимый ветром с соседних вершин, скопляется у подножия Капитана; там, в этих впадинах, куда редко заглядывает солнце, он постепенно превращается в лед и с течением времени занимает обширные бассейны; даже источники и ручьи, текущие в окружающих долинах, замерзают, разливаясь по огромной кристаллизованной площади. Эти лощины с ледяным дном служат естественным сборным местом для северных оленей, которые укрываются туда от назойливой мошкары[1].

На востоке от Станового хребта, другая горная цепь, которая начинается на манчжурской территории, и которую китайцы, монголы, гольды и русские знают под разными наименованиями, тянется с юго-запада на северо-восток и оканчивается на юге Охотского моря выступами, изрезанными глубокими бухтами и архипелагом Шантарских островов: эта цепь Даус-Алинь есть та самая, которую Миддендорф назвал в своем описании Бурейскими

1 Эрман, „Путешествие по Сибири“.

горами, по имени значительного притока Амура, реки Буреи, текущей на запад, параллельно хребту; русские обыкновенно дают ей наименование «Малого Хингана». Леса, растущие на покатостях этих гор, принадлежат к другой области растительности, нежели леса остальной Сибири; дуб, неизвестный в долинах Лены и Енисея, составляет во многих местностях Бурейских гор, господствующую древесную породу, и вообще в этой стране деревья с опадающей листвой преобладают над хвойными породами, постоянно сохраняющими листья; вообще, что касается флоры, то мы находимся уже в настоящей Манчжурии. В лесных чащах рыскает тигр, царь зверей, как называют его местные жители: здесь начинается область его обитания.

Все пространство, ограниченное на западе течением Уссури и нижнего Амура, занято до самого моря холмами и горными цепями, которые обыкновенно обозначаются под общим именем «Манчжурских гор»; в действительности эта плоская возвышенность, разрезанная на бесчисленное множество ветвей и снова поднимающаяся на востоке в виде выступов, которые тянутся вдоль берегов Японского моря, представляя со стороны этого моря свои самые крутые скаты. Так же, как Алданский хребет, на который он походит своей высотой, видом своих верхних макушек, лишенных растительности и господствующих над лесистыми склонами, и, наконец, своим направлением от юго-запада к северо-востоку, хребет Манчжурских гор или Сухоте-Алинь (Сихота-Алинь, то-есть «Цепь Господня») представляет лишь небольшое число проходов; болота и леса западной покатости делают очень затруднительным сообщение из долины Уссури к морскому прибрежью[1]: только на юге, широкий порог, где скопляются дождевые воды, поддерживает сообщение между большим озером Ханкай и береговой рекой Суйфун, впадающей в Японское море, на севере залива Петра Великого. Многие утверждали, что хребет Сихота-Алинь отчасти вулканического происхождения, и что потоки базальта, вылившиеся из кратеров этой цепи, выдвинулись в Татарский пролив крутыми скалистыми мысами, возвышающимися сажен на 50 и на 100 над поверхностью вод[2]; но кажется, что горы в соседстве залива де-Кастри, которые принимали за вулканы, в действительности суть обыкновенные высоты, состоящие из пластов песчаника.

Различные высоты Станового хребта, Бурейских и Манчжурских гор:

Сохондо (по Радде)—8.300 фут.; Становой хребет, между Алданом и Зеей—6.888 фут.; средняя высота Алданского хребта—2.952 фут.; гора Капитан—4.260 фут.; перевал на Капитане—4.200 фут.; Лагар-аул (Бурейские горы)—3.450 фут.; средняя высота Сихота-Алиня—2.952 фут.; Голая гора, главная вершина—5.660 фут.

Из четырех больших рек Сибири Амур есть наименее значительная по протяжению своего бассейна, но она обещает сделаться современем самой важной рекой для судоходства, хотя в наши дни она далеко уступает в этом отношении рекам Обского бассейна, на которых все прибрежные города имеют частые сношения друг с другом посредством пароходов. В то время, как Обь, Енисей, Лена текут с юга на север, наперерез движению населений, и впадают в Ледовитый океан, Амур развертывает свои излучины в восточном направлении, по линии исторических путей, и изливает свои воды в море, где суда могут плавать в продолжение большей части года. Мало есть рек, которым бы нужно было пройти столько гористых возвышенностей, чтобы спускаться с уступа на уступ: получая начало на Даурском плоскогорье, Амур должен пробить себе дорогу через восточную краевую цепь этой возвышенности, чтобы вступить в равнины своего среднего течения, возвышающиеся на 2.000 футов над уровнем океана. Затем он пробирается в расселину хребта Малый Хингал, по выходе из которой течет по низменным раввинам, отделенным от моря хребтом Сихота-Алинь. Подойдя к этой приморской цепи, река следует вдоль её основания в северо-восточном направлении; наконец, пробив этот последний вал, вступает в океан; но и тут она встречает перед собою остров Сахалин, и её фарватер должен обходить его двумя рукавами, из которых один про-

1 Гельмерсен, „Известия Русск. Географ. Общества", IV, 1868.

2 Большев, „Географическое Обозрение", май 1878 г.

ходит на севере острова, а другой проникает на юг в Татарский пролив[1]. Амур, столь же обильный водою, как три другие главные реки северной Сибири, всегда имел, как исторический путь, первостепенную важность: встарину он служил дорогой монголам, манчжурам, всем приходившим в движение народам восточной Азии, а теперь он сделался продолжением южного сибирского тракта, по которому следовали, в противоположном направлении, русские завоеватели и колонисты. Нижнее течение Амура дополняет естественный путь, который начинается, на расстоянии почти 10.000 верст, устьем Невы. Вместе с тем приамурские страны представляют для человека ту важную выгоду, что они находятся в более умеренном климате, сравнительно с климатом остальной Сибири; даже некоторые из притоков его южного бассейна, в пределах Китайской империи, получают начало под 40-м градусом широты, следовательно, ближе к экватору, чем к полюсу.

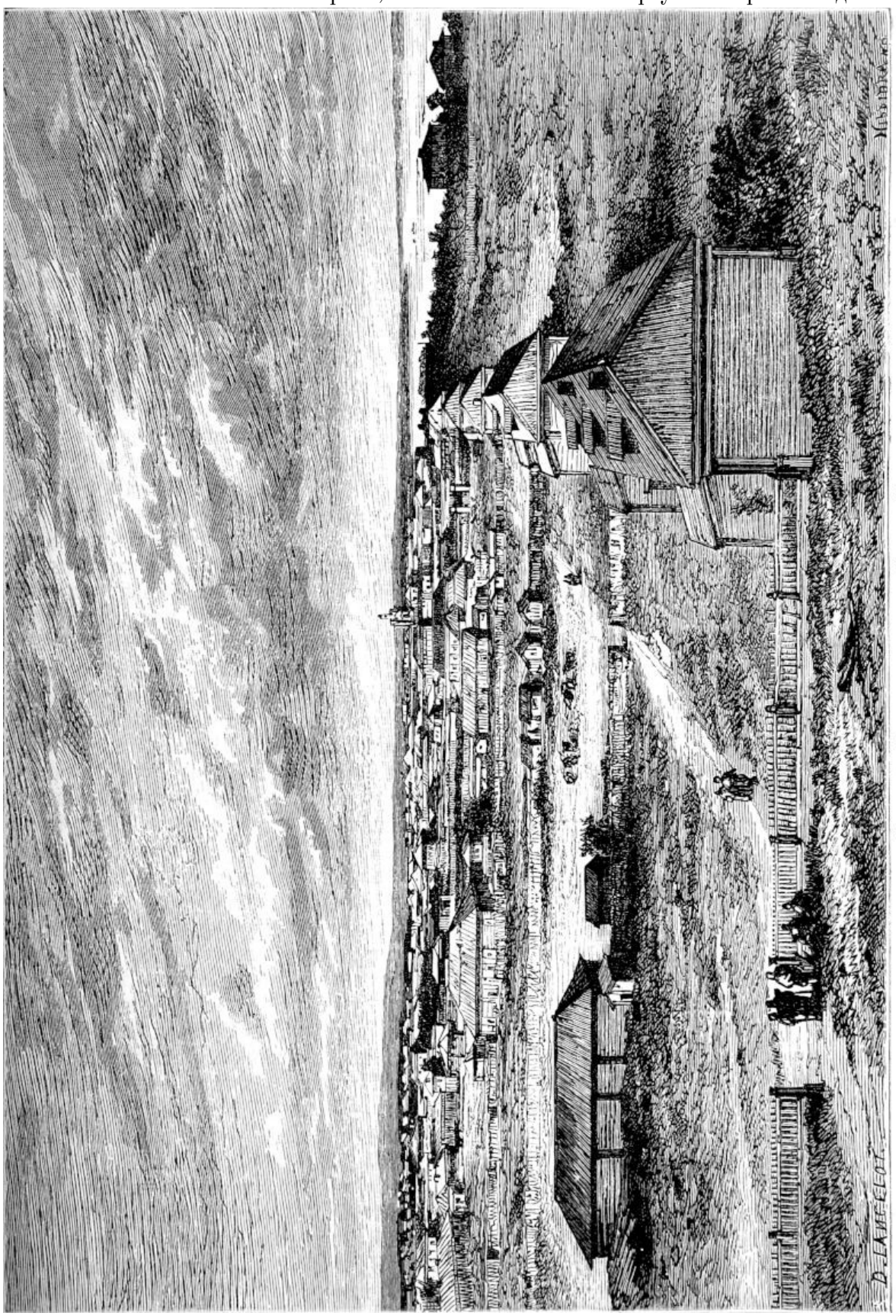
Так как более половины Амурского бассейна находится еще на недостаточно исследованных территориях Монголии и Манчжурии, то невозможно вычислить с точностью поверхность земель, которые изливают в эту реку излишек своих вод; приблизительным образом ее определяют в 1.750.000 или в 1.800.000 квадр. верст, что составит пространство, в четыре раза превосходящее площадь Франции. Если рассматривать реку Керулен или Курулун, как составную часть Амурского бассейна, хотя она не принадлежит к нему постоянным образом, то общее протяжение реки Амура и её притока, самого отдаленного по месту происхождения, составляет около 4.685 верст. Река Керулен получает начало на полуденной покатости гор Кентей, монгольского продолжения Яблонового хребта, и течет на север, вдоль основания одной из террас плоскогорья Гоби или Шамо, затем изливается в озеро Далай. Это «Святое море»—ибо таково значение монгольского слова «Далай»—принимает в себя также реку Урсунь, исток озера Буир-нор; но эти притоки, приходящие из пустыни, приносят ему незначительное количество воды, которое почти все и уходит, путем испарения, из озерного резервуара. Из озера вытекает лишь узкий и ленивый поток мутной воды, Далай-гол, который соединяется с быстрой речкой Хайлар, составляющей живой исток реки Аргунь. Во время весенних разливов этого потока, который спускается с возвышенных долин хребта Большой Хинган, часть его вод течет обратно в Далай-гол и через этот канал вступает в озеро Далай-нор, откуда рыба выходит тогда многочисленными стаями и проникает через Аргунь на русскую территорию. Таким образом, хотя «Святое море» находится в пределах Монголии, русские рыболовы косвенно пользуются его рыбными богатствами, которых монголы еще не надумались утилизировать[2].

Речка Хайлах, по соединении с речкой Далай-гол, принимает название «Аргунь» и направляется на северо-восток, параллельно различным цепям Станового хребта, образуя политическую границу между Китаем и Сибирью. Что касается Шилки, реки, которой воды, соединенные с водами Аргуни, образуют остроконечный мыс, называемый «Стрелкой», принимая с этого места имя «Амур», то бассейн её почти весь находится на русской территории; только река Онон, которая вместе с Ингодой, составляет главный приток Шилки, получает начало в пределах Монголии и вступает в русскую Даурию не прежде, как обойдя издали, с южной стороны, горную массу Сохондо. Которая из этих двух рек, Аргун или Шилка, должна быть рассматриваема, как главная ветвь Амура? Аргун превосходит Шилку в отношении длины бассейна, но Шилка, протекающая по более сырой области, катит, вероятно, большее количество воды, и эта вода содержит в себе менее землистых частиц. В историческом отношении прозрачная Шилка тоже является более важной рекой, так как воды её носили ладьи казаков, которые столько раз пытались утвердиться на берегах Амура или поддерживать там свои поселения, уже основанные, прежде чем Муравьев-Амурский не овладел окончательно всем течением главной реки, в 1853 году. Между тем как на юге, для монголов, проводящих все время на коне, излюбленной дорогой служит звонкая почва степей, русские предпочитали спускаться или подниматься по течению рек, и Шилка, судоход-

1 Крапоткин, рукописные заметки.

2 Radde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“. vol. XXIII

ная во всей своей нижней части, представляла им прямой путь, чтобы направляться на восток, по другую сторону Хинганских гор. Тунгусы, кочующие по Шилке, тоже обозначают этим именем все нижнее течение реки, вниз от слияния её с Аргунью. Происхождение име-



Благовѣщенскъ на Амурѣ.

ни Амура неизвестно в точности: одни производят его от гилякских слов «Я-мур», означаю-

щих «Большую Реку»[1]; по мнению других, оно есть не что иное, как измененное название «Маму», употребляемое прибрежными туземцами, обитающими по нижнему течению реки; третьи, наконец, полагают, что это слово произошло оттого, что первые русские, укрепившиеся в верховьях Амура, в городке Албазине, на берегах ручья Эмури, стали впоследствии придавать долине этого маленького потока, столь храбро оспариваемой ими, легендарную важность, так что прозвище Эмур или Амур сделалось наименованием всей страны и протекающей через нее главной реки. Как бы то ни было, каждый из народов, которые встречаются в долине Амура, дает этой реке различное наименование. Гольды называют ее Манго, якуты—Кара-Туран или «Черной Рекой»; манчжуры—Сахалин-ула или «Рекой черной воды»; китайцы—Гелонг-Кианг или «Рекой Черного дракона», без сомнения, по причине темного цвета её вод.

У мыса Стрелки, в месте слияния Шилки с Аргунью, Амур имеет уже от 8 до 10 аршин глубины, а ширина его без малого полверсты. Стесненный между выступами гор Большого Хингана и боковыми отрогами Станового хребта, он направляется на восток через ряд ущелий, по выходе из которых спускается на юго-восток, следуя вдоль подошвы высот вулканической цепи Илькури-Алинь. Ниже, по обе стороны его течения, но особенно на левой стороне, между притоками Зеей и Буреей, расстилаются обширные равнины, которые Миддендорф сравнивает с «прериями» Нового Света; хотя поверхность их там и сям перерезана оврагами и рытвинами, но эти равнины не покрыты злаками, как американские травяные степи, а поросли на обширных пространствах чащами мелкого дуба, орешника и других кустарников; подобно прериям, они дают обильные жатвы земледельцу, который расчищает их под пашни.

Так же, как другие большие реки Сибири, Амур представляет нормальный поток, то-есть правый его берег, вообще говоря, выше левого. По принятии в себя с левой стороны притоков Зеи и Буреи, Амур ударяется о цепь гор, известную под именем «Малого Хингана» и должен пройти через нее ущельем в 160 верст длины, более величественным, чем рейнские теснины между Бингеном и Кобленцом, но, конечно, неимеющим той красы, которую придают пейзажам на Рейне города, приютившиеся на узком берегу, зеленеющие нивы на косогорах и замки, лежащие в развалинах или заново отстроенные—на вершинах скал. Никакой дороги еще не проложено вдоль реки в этом проломе гор; существует только тропинка, да и та исчезает под водой во время разливов: всадники, желающие попасть с одной стороны хребта Малый Хинган на другую, должны удалиться от берега Амура и пробираться с большим трудом через леса, чтобы объехать выступы гор или мысы в несколько сот метров высоты, омывающие скалы своего основания в глубокой воде речного потока. По выходе из этого ущелья, которое тянется по направлению с севера на юг, Амур изгибается к востоку, затем к северо-востоку, следуя таким образом толчку, который сообщает ему могучий Сунгари или Куэн-Тонг, считаемый китайцами главной рекой. Как Обь—Иртыш, Енисей—Ангара, Амур или Аргунь—Шилка, Сунгари тоже образуется из двух рек почти равных по обилию, Верхнего Сунгари и Ноньи[2].

Сунгари действительно может быть рассматриваем, как главная ветвь речного ствола, не по развитию или длине его течения, ни, вероятно, по количеству воды, но по ориентированию его долины, развертывающейся параллельно хребту Хинган, горам Манчжурии и самой оси всей северо-восточной Азии. При слиянии с Амуром мутные воды Сунгари, то зеленоватого, то молочного цвета,—откуда и произошло манчжурское название «Молочной реки», данное Сунгари,—занимают около двух третей общего ложа. Выше впадения Сунгари, Амур и его притоки имеют очень изменчивую высоту воды, и уровень их быстро понижается в летние месяцы. Этот факт доказывает, что различные группы гор, окружающие верхний бассейн Амура, не настолько высоки, чтобы вершины их могли быть покрыты большими пространствами постоянных снегов; таяние фирновых полей недостаточно, как на Альпах, для

1 Carl Ritter „Asien“.

2 Carl Ritter „Asien“.

поддерживания уровня вод в период мелководья; оттого судоходство среди порогов сопряжено с большими опасностями. Горные цепи, окружающие бассейн Сунгари, еще недостаточно известны, чтобы можно было вычислить, в стоке реки, количество воды, доставляемое таянием их снегов; тем не менее вероятно, что хребет Шан-Алинь или «Белые горы», составляющие восточную границу этого бассейна, достигают, как показывает самое их название, пояса постоянных снегов, следовательно от трех до четырех тысяч метров высоты, и таким образом способствуют увеличению речных разливов. Но главная причина выступления из берегов Сунгари и других рек восточной Сибири—это обилие дождей, приносимых летними муссонами, которые дуют с северо-востока по направлению к нагорьям Монголии. Ниже слияния с Сунгари Амур принимает тогда вид моря в движении; острова покрываются водой; все ветви реки, разветвляющиеся на протяжении 10, даже 20 верст, сливаются в один безбрежный поток; деревни уносятся вместе с крутоярыми берегами, на которых они были построены, и вырванные с корнем деревья, целые леса плывут длинными вереницами, увлекаемые течением. С тех пор, как низовье Амура колонизовано русскими, часто приходилось переменять местоположение прибрежных станиц, чтобы перенести их на террасы, более возвышенные или менее разрываемые водой при основании.

Сунгари, находящийся всем своим течением в пределах Китайского царства, принадлежит исторически и социально к совершенно другому миру, чем Амур. В то время, как эта последняя река, сделавшая русской по праву завоевания, извивалась недавно вне области цивилизованных народов и носила на своих водах лишь барки полудиких тунгусов и гольдов, Сунгари, напротив, орошает бассейн, где города многочисленны, где возделанные равнины занимают значительные пространства, и где пути сообщения пересекают страну в разных направлениях. Бассейн Амура в собственном смысле представляет, почти на всем своем протяжении, безлюдную, мало исследованную пустыню, тогда как на китайском Сунгари сотни тысяч жителей скучены в деревнях, выше города Сянь-Син-Чен. Приамурский край и страна по течению Сунгари, хотя и составляет часть одного и того же гидрографического бассейна, имеют, однако, противоположные центры притяжения. На Амуре движение людей и товаров совершается по направлению от запада к востоку, из Иркутска в Хабаровку и на берега Тихого океана; население сунгарийского края устремляет взоры на юг, к Мукдену, Желтому морю и Пекину. Сообщения между китайским Сунгари и русскими владениями редки, и русским путешественникам Максимовичу, Усольцеву, Крапоткину, Хилковскому не без труда удалось проникнуть через эту реку в пределы Небесной империи.

Но река Уссури, составляющая, после Сунгари, главный приток низового Амура, принадлежит отныне к русскому миру. Выбранная, в 1860 году, границей между двумя империями, эта река течет с юго-запада на северо-восток в борозде или продольной впадине, разделяющей два параллельные хребта Шан-Алинь и Сухоте-Алинь, и долина её сделалась стратегическим и торговым путем, который ведет с берегов Амура к южным портам русской Манчжурии. Уссури принимает это название только в средней части своего бассейна, ниже впадения всех верхних притоков, из которых один, река Сунгача, выходит из «средиземнаго» моря, ибо таков смысл китайского слова Хан-кай или Хан-хай, из которого русские сделали наименование Ханка или Хинка. Это обширное озеро, изменчивая поверхность которого обнимает, средним числом, около 3.000 квадр. верст, может быть рассматриваемо, несмотря на его громкое китайское прозвище, просто как постоянное наводнение, ибо глубина его, как кажется, ни в одном месте не превышает 14 аршин: можно идти по озеру на расстояние целой версты, не находя более 30 сантиметров воды[1]. Но в эпоху летних муссонов, приносящих столь значительное количество дождевой воды в область нижнего Амура, Ханка выступает из берегов и разливается на далекое пространство в низменной равнине, которую оно некогда занимало, образуя тогда настоящее «внутреннее море». В обыкновенное время Ханка делится на два резервуара, «Большое озеро» и «Малое озеро», отделенные один от другого песчаной косой замечательно правильного очертания, которое закругляется к севе-

1 Будищев, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", янв. 1868.

ру, так что составляет точное продолжение кривой берегов, восточных и западных: этот береговой кордон, развертывающий свою дугу круга с геометрической отчетливостью, походит на тысячи других песчаных кос подобной же формы, следующих одна за другой по берегам океана; но мало известно примеров этого рода образований на берегу относительно необширных озерных бассейнов. Это объясняется тем, что внутренние водные площади, по большей части, защищены от ветров, и что последние не приходят на них регулярно из одной и той же стороны горизонта. Озеро Ханка, напротив, совершенно выставлено действию полуденных ветров, которые дуют в продолжение большей части года, низвергаясь в пролом, открывающийся на западе горной цепи Сухоте-Алинь; таким образом на поверхности бассейна образуется правильная зыбь, которая направляется с юга на север и очерчивает с замечательной отчетливостью кругообразный контур плоских берегов. «Средиземное море» Уссурийского края очень богато рыбой, а в первые времена занятия края русскими и сама река Уссури отличалась необычайным обилием рыб всякой породы, в особенности стерлядей, карпов и лососей. Переходя в брод потоки, посредством которых река сообщается с озерами своих берегов, в период ежегодного поднятия лососей вверх по течению, для метания икры, путешественники просто руками ловили рыбу десятками. В некоторых местах рыба кишела в таком множестве, что слышен был глухой шум от её плавников. По соединении с Уссури, Амур течет отныне целиком на русской территории. В него, правда, еще впадают справа и слева важные реки, но он уже достиг своей полной ширины, и новые притоки его, по видимому, ничего не прибавляют к его водной массе. Дробясь на многочисленные рукава вокруг травянистых островов, он извивается в своей широкой долине, описывая излучины и ударяясь через известные промежутки об основание холмов своего правого берега; озера и обширные болота сопровождают его течение, преимущественно на левом берегу, и служат ему водоотводными резервуарами во время наводнений: изменчивые каналы, в которых течение часто меняет свое направление в прямо противоположное, сообразно колебаниям речного уровня, соединяют Амур с этими скоплениями стоячих вод. Одно из этих озер, Кизи занимает на восточной стороне реки большую часть поперечной впадины, направляющейся к заливу де-Кастри. В этом месте долина нижнего Амура напоминает своей формой долину низовьев Дуная, который направляется к Кюстенджийскому перешейку, как будто для того, чтобы прямо броситься к Черное море, и который, однако, должен вдруг повернуть под прямым углом, чтобы обойти с западной и северной стороны полуостров Добруджу. Точно также и Амур, хотя наполняет на половину перешеек Кизи боковым потокам, направляется, однако, главным своим течением к северу, где и находит, наконец, пролом в приморских высотах, позволяющий ему вступить в Тихий океан. Простой водоотводный резервуар Амура, озеро Кизи имеет всего только около трех четвертей аршина глубины, в зимние месяцы, в период мелководья реки, как летом, во время разливов, уровень его поднимается до 10 футов. Невысокий и некрутой хребет, около 15 верст шириною, отделяет озеро от берега Тихого океана, но туземцы могут пользоваться для своих лодок маленькой речкой Тобой, спускающейся с этого хребта, и от одной покатости до другой, волок, который им нужно пройти, не имеет даже двух верст в длину. С 1857 года инженер Романов производил исследование этого волока, в видах устройства железной дороги, длиною около 50 верст, которая избавила бы путешественников от необходимости делать крюк почти в 500 верст по опасному для плавания устью Амура: но осуществление подобного проекта не принесло бы почти никакой пользы, пока русские колонии того края будут иметь столь маловажное значение, какое они имеют в наши дни. В 1878 году не существовало даже хорошей колесной дороги через перешеек Кизи.

Отброшенный к северу, Амур, сообщается еще, на правой и на левой стороне, с несколькими озерами, которые напоминают то время когда эта река искала себе выхода к морю. В этой части своего течения Амур является еще, так сказать, недоконченным, не вполне сформировавшимся: воды его образуют целый лабиринт живых рукавов, ленивых потоков и озер, в котором еще резвятся кашалоты, заходящие из открытого моря. Большая река Амгунь, спускающаяся с Бурейских гор, соединяется с Амуром и образует нечто в роде внутренней

дельты, где движение вод перемещается сообразно разливам, беспрестанно изменяя форму островов и песчаных мелей. Напротив этой дельты Амгуни, близ гилякской деревни Тыр, высятся, на одной скале правого берега, три колонны, из мрамора, порфира и гранита, покрытые монгольскими надписями: это пограничные знаки Срединной империи, воздвигнутые династией Иоан, в эту эпоху, когда ей был подвластен Китай, в конце тринадцатого и в четырнадцатом столетиях. На карте Ремезова, появившейся в семнадцатом веке, в этом месте показан город, как предел завоеваний царя Александра Македонского, который «спрятал там свое оружие и оставил колокол»: таково предание, распространенное между казаками[1]. Впрочем выбор скалы Тыр, как границы империи, как нельзя более удачен, потому что тотчас же ниже этого утеса Амур изгибается к северо-востоку, затем к востоку, и наконец находит пролом, через который может изливаться в океан или, вернее сказать, в мелководный, усеянный песчаными мелями лиман, образуемый Татарским проливом. На всем пространстве от берегов континента до острова Сахалина море занято подводными мелями, между коими извиваются судоходные фарватеры, излучины которых перемещаются во время каждой бури, и по которым лоцманы должны каждый раз следовать с лотом в руке. Эти затруднения при входе, а также продолжительное замерзание и скопление льда, запирающее устье Амура в продолжение шести месяцев в году, составляют большие препятствия для торговли и отчасти уничтожают выгоды, которые представляет эта река и её притоки развитием своих судоходных путей, исчисляемых в 10.000 верст. В озерном лабиринте нижнего течения Амура, еще весьма недостаточно известном, плавание сопряжено с большой опасностью в бурную погоду: во время одной бури более сорока русских барок, нагруженных хлебом, потерпели крушение на середине реки, вследствие того, что в подводной их части, между кормой и носом, образовались пробоины, в которые и хлынула вода; три четверти продовольствия, предназначенного для Николаевска и постов Уссурийского края, были поглощены волнами[2].

На севере от Амурского лимана несколько рек, получающих начало в холмистой области, которую ограничивают с северо-запада Становой хребет, с юго-востока—продолжение Бурейских гор, изливают свои воды в фьорды Охотского моря. Многочисленные острова гористого Шантарского архипелага рассеяны в открытом море, впереди всех этих заливов; во всяком другом, более благоприятном климате, в соседстве населенных морских берегов, эти острова имели бы большую важность, торговую и стратегическую, как защита внутренних бухт и их бесчисленных бухточек; но среди холодных туманов, господствующих в Охотском море, все эти великолепные гавани, так хорошо защищенные от ветров, приносят пользу только немногочисленным рыболовам. Поэтому русские естественно должны были обращать взоры на юг от Амура, к более удобным для судоходства берегам, чтобы найти там порты, которые могли бы вступить в торговые сношения с целым светом. Такова побудительная причина дипломатической деятельности, выказанной русским правительством, чтобы добиться сначала, в 1858 году, совместно с Китаем владения всей областью морского прибрежья, заключающейся между Амуром и Кореей, затем, в 1860 году, чтобы приобрести ее в исключительную собственность России и наконец фактически овладеть незамерзающими портами (1898 г. приобретение Порта Артура и Тлиенвана[3]).

Уже весь скалистый берег, расположенный напротив острова Сахалина, представляет несколько хороших гаваней, которые могли бы иметь некоторую пользу в торговом отношении, если бы окружающие местности были колонизованы, и если бы открылись удобные средства сообщения через горы и леса прибрежной полосы. Так, бухта де-Кастри, которую первый посетил Лаперуз, в 1787 году, и которой он дал носимое ею ныне имя, может служить пристанищем для целых флотов судов, неглубоко сидящих в воде; нет сомнения, что её положение в соседстве Амура доставит ей рано или поздно действительную важность, и что

1 Von Middendorff, „Sibirische Reise".

2 Крапоткин, рукописные заметки.

3 Примеч. перевод.

её нынешний рейд и её бухточки, защищенные песчаными мелями и островками, покроются со временем многочисленными барками. На юге бухта Старк, Императорский порт, залив Пластун, заливы св. Владимира и св. Ольги следуют один за другим вдоль морского берега, и, несмотря на туманы и бури, царствующие на этом опасном Японском море, купцы китайские и русские узнали туда дорогу и посылают свои суда, главным образом для покупки там «морской капусты», водорослей, отправляемых в Китай и Японию, где они служат пищей для бедного люда и употребляются для приготовления клея[1].

Берега заливов св. Владимира и св. Ольги многие путешественники сравнивали с берегами Финляндии, по причине многочисленных иссечений побережья, подводных гранитных скал, которыми оно окаймлено, и очевидных следов медленного поднятия материка, которое там наблюдали: линии старых берегов видны на различных высотах над уровнем моря. Но даже независимо от того, находится или не находится она в поясе постепенного поднятия почвы, часть прибрежья, поворачивающая от мыса Островного прямо на запад и продолжающаяся до самого основания полуострова Кореи, вполне представляет вид одного из берегов Финляндии или Скандинавии, иссеченных и разрезанных на бесконечное множество заливов, бухт и бухточек, с бесчисленными архипелагами островов, островков и подводных скал или шхер. Часть этих иссечений, занимающая от востока к западу около 200 верст протяжения, образует большой залив, которому англичане дали имя Виктории, тогда как русские посвятили его памяти Петра Великого; но этот залив сам по себе представляет целое море, где завоеватели могли затрудниться разве только в выборе, чтобы найти удобный военный и коммерческий порт. На востоке расположена полукругом бухта Америка, в которую впадает судоходная река Сучан, и которая врезывается справа и слева в материк, чтобы образовать два порта—Врангель и Находку. В центре находятся два залива Уссурийский и Амурский, между которыми выдвинулся полуостров Муравьева, где на берегу бухты Золотой Рог, построен Владивосток, лучший русский порт в Японском море; наконец, на западе находим извилистые бухты залива Посьет, еще лучше защищенные, чем Тулонская бухта, скалистыми полуостровами, узкими полосами земли и песчаными косами, изогнутыми на подобие «клешней рака». Этим-то военным постом, с пушками, всегда обращенными дулом к югу, и оканчивается со стороны Китая и Японии, громадная Российская империя[2].

Даже в самой южной части русской Манчжурии зимний климат очень суров. Хотя залив Петра Великого круглый год не замерзает на некотором расстоянии от берега, но в маленьких бухтах прибрежья, начиная с декабря месяца, расстилается сплошная ледяная кора; в порте Владивосток суда остаются запертыми льдом в продолжение ста слишком дней в году. В этом месте годовая температура почти на десять с половиной градусов ниже, чем под той же широтой в западной Европе; для сравнения приводим средние температуры Владивостока и Марселя: Владивосток (43°07' с. ш.)—4°,1. Марсель (43°17'50" с. ш.)—14°36.

Озеро Ханка тоже бывает покрыто целых пять месяцев слоем льда, который достигает полутора аршин толщины[3]. В бассейне Амура зимой термометр нередко показывает —40 градусов, а в Нерчинском заводе даже случалось наблюдать 45 градусные морозы. Зато летние жары там почти так же сильны, как в жарком поясе, даже на берегу моря, в порте св. Ольги, температура поднимается до 36 и более градусов. Эта часть Сибири, хотя она лежит на берегах Тихого океана, находится, однако, в области континентального климата, что зависит от направления течений атмосферных и морских. Теплые воды, распространяющиеся в Великом океане вдоль восточных берегов Японии, направляются на северо-восток, оставляя в стороне Сахалин и Курильские острова, затем текут обратно на юг, следуя вдоль берегов Ванкувера, Орегона и Калифорнии. Таким образом азиатское побережье находится

1 Большев, „Экспедиция 1874 года“, „Географическое Обозрение“, июнь, 1879 г.

2 Так было до нынешнего 1898 г., когда Россия приобрела у Китая еще два важнейших порта: Порт Артур и Талиенван.

3 Пржевальский, „Вестник Европы”, 1873 г., т. III.

вне сферы теплотворного влияния южных морских течений, и льды, образующиеся зимой в Охотском море, и на подводных мелях Татарского пролива, охлаждают в продолжение нескольких месяцев атмосферу прибрежных местностей. Сверх того, зимой на эту страну постоянно дуют холодные ветры, летом, напротив, теплые, вследствие чего нормальная температура увеличивается в том и другом направлении: в сезон холодов она делается более низкой, в сезон жаров более высокой, чем бы следовал. Климатическая противоположность между внутренней областью, около верховьев Амура, и областью морского прибрежья амурского и манчжурского происходит главным образом оттого, что нагорья центральной Азии и воды Тихого океана оказывают отклоняющее влияние на ход ветров. В то время, как на верхнем Амуре полярный северо-восточный воздушный ток, или зимний ветер и юго-западный противо-пассат, или летний ветер всегда сохраняют свое нормальное направление, атмосферные течения, господствующие на восточных берегах Сибири приходят с северо-запада и с юго-востока. Известно, какие огромные количества дождевой воды приносят эти юго-восточные муссоны в бассейн Амура и на берега аянский и охотский; в период их прохождения целое море облаков, сквозь которые редко когда проглянет светлый клочек неба, постоянно висит сводом над волнующейся поверхностью моря. Но если климат восточной Сибири отличается своими крайностями тепла и холода, сухости и сырости воздуха, то он по крайней мере имеет за собой преимущество большой правильности в ходе его годовых изменений. Он не представляет тех резких переходов температуры, какие свойственны климату западной Сибири. Сухие холода зимы, сырые жары лета держатся там правильно, без внезапных и быстрых перемен. В наименее сыром месяце, в феврале, выпадение атмосферных осадков, в виде дождя или снега, представляет в Нерчинском заводе только пятьдесят восьмую часть дождевой воды, выпадающей в месяце проливных дождей[1]. Во Владивостоке разность между зимними снегами и летними дождями еще более значительна; первые представляют количество почти в 840 раз меньшее, нежели вторые. В 1858 году г. Венюкову пришлось выдержать на берегах Уссури дождь в продолжение 45 дней под ряд. От чрезмерно обильных дождей гниют посевы казаков Уссурийского края и южного Амура, которые еще не научились подражать китайцам, умеющим приспособлять различные роды культур к переменам времен года[2].

Особенностям климата, свойственного восточной Сибири, естественно соответствуют и отличительные черты растительного и животного царств. Леса, через которые путешественнику приходится проходить в бассейне Амура, не состоят, как тайга на покатости Ледовитого океана, сплошь из одних и тех же пород хвойных дерев. Формы древесной растительности в Амурском крае очень разнообразны, но распределение их довольно однообразно[3]. К соснам, елям, кедрам, лиственницам там примешиваются лиственные деревья, не только русская береза, но также дуб, вяз, грабина, ясень, клен, липа, осина, и между этими деревьями есть такия, которые поднимаются сажен на 14 в вышину и ствол которых имеет более полутора аршин в толщину. В южной части местностей по течению Уссури и на скатах хребта Сихоте-Алинь лиственные леса преобладают над хвойными. Лианы дикого винограда обвиваются вокруг стволов сосен в лесах Амурского края, и ягоды их вызревают, хотя до сих пор еще не удалось развести с пользой домашний виноград. На верхней Уссури китайцы имеют плантации джиншеня или стосила (panax ginseng), драгоценного растения, корень которого, якобы обладающий свойством «исцелять от всяких болезней», покупается на вес золота; дикия плодовые деревья ореховое, персиковое, грушевое растут в лесах, и сделанные вокруг деревень попытки насаждения фруктовых садов доказывают, что Уссурийский край может сделаться современем одною из богатейших в свете стран, по производству садовых плодов[4]. В целом растительное царство Амурского края приближается к флоре Китая и даже к флоре

1 Воейков, „Die atmospherische Circulation", „Erganzungsheft zu den Mitthei von Petermann", № 38.
2 Крапоткин, рукописные заметка
3 Маак, „Уссурийский край"; Максимович, „Primit. Flor. Amurens".
4 Th. von Busse, „Mittheilungen von Petermann", 1871 г., № 3.

Индо-Китая; вместе с тем по многим из свойственных ему видов оно может быть рассматриваемо, как переходная флора между Старым и Новым Светом.

Главную достопримечательность флоры восточной Сибири составляют чащи травянистых растений, густо разростающихся на аллювиальных землях, на берегах и островах Амура и его больших притоков. Зонтичные растения, чернобыльники, тростники, хлебные злака различных видов перемешиваются там до высоты 10 футов своими стеблями, листьями, цветками и плодами, которые при том еще и лианы связывают друг с другом своей бесконечно переплетающейся сетью. Между этими роскошными лугами есть такие, по которым можно пробираться не иначе, как с топором в руке, и обыкновенно люди, которые отваживаются пускаться через эти травяные дебри, должны следовать по тропинкам, проторенным дикими зверями. Кабаны, красные олени, косули прячутся в этих высоких травах еще лучше, чем в

Травяная растительность на островахъ Амура.

лесу[1]. Тигр, не менее великолепной породы, чем его королевский родич, обитатель бенгальских джунглей[2], живет, так же, как и пантера, в чащах Уссурийского края и встречается там вместе с медведем и соболем. Таким образом южные типы животных смешиваются с северными формами в этой богатой фауне, принадлежащей в одно и то же время к фауне Сибири и к фауне Китая.

По племенному составу обитателей его берегов, Амур еще может считаться тунгузской рекой. За исключением цивилизованных китайцев и русских, все прибрежное население, на пространстве от «Стрелки» до впадения Уссури, состоит из тунгусов; только гиляки, живущие в низовьях Амура и в области морского прибрежья, принадлежат к другой расе, родственной курильцам и камчадалам.

Тунгусы Амурского края делятся на различные колена, из которых иные мало имеют сношений или даже живут в явной вражде между собой. Одно из этих поколений, ламуты, имя которых означает то же. что «поморяне»[3], кочуют со своими оленями на западном бере-

1 Radde, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches“, vol. XXIII.

2 Пржевальский, „Вестник Европы”, 1870 г., т. III.

3 Casren; Klaproth; Kiekisch, „Die Tungusen”.

гу Охотского моря; обманы и надувательства торговцев, русских или якутских, не успели еще испортить их характер, и путешественники все еще не нахвалятся их безукоризненной честностью[1]. Орочи или орочоны, которых в 1875 году насчитывали уже только около 260 душ, живут отдельными семьями на берегах Шилки и верхнего Амура; эти инородцы ничем не отличаются от своих восточных соседей, манегров, кроме, разве, сохранившагося у них доныне традиционного обычая употреблять оленей для верховой езды. Орочоны и манегры, хотя большая часть их окрещена в православную веру, тем не менее сохранили своих шаманов и своих домашних идолов, а также зубы и когти животных, употребляемые ими вместо амулетов. До сих пор китайцы имели на них больше влияния, чем русские; костюм этих тунгусов, их украшения, очевидно, скопированы с образцов, занесенных с юга, да и черты лица также свидетельствуют о смешениях между тунгузскими женщинами и китайскими колонистами. Процесс ассимиляции, который мало-по-малу преобразовывает тунгусов, заметен в особенности на правом или китайском берегу Амура, в соседстве города Айгуна, который составляет центр цивилизации для всей страны. Даурцы, потомки кочевников того же имени, живших западнее, в нынешней Даурии, сделались оседлыми и занимаются земледелием; большинство их имеют домики, построенные на китайский лад, сады, где они возделывают овощи и фруктовые деревья, и отлично обработанные поля, а их религиозные церемонии по большей части заимствованы из буддийской веры. Они смотрят, как на низшие существа на тунгусов бирар, то-есть «прибрежных жителей», коневодов и скотоводов, которые еще кочуют на северной стороне Амура, против даурских колоний.

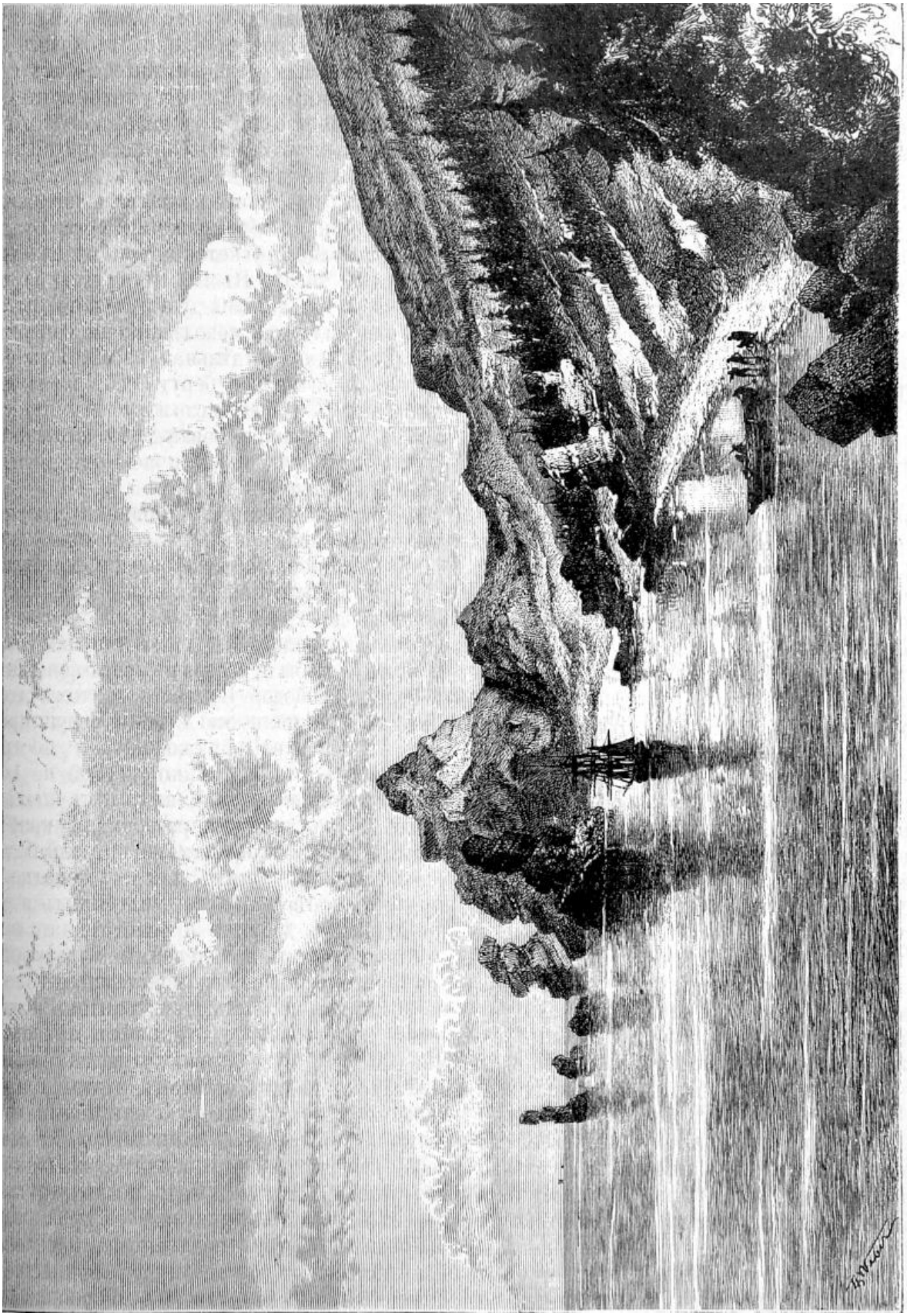
Гольды, другое тунгузское племя, которых встречают преимущественно на правом берегу Амура и на берегах Сунгари и Уссури, населяют также несколько деревень на левом или русском берегу, между мысом, образуемым впадением Уссури, и устьем Горина, левого притока Амура. Народ робкий и боязливый, они редко входят в сношение с китайцами, манчжурами или русскими; однако, и они приняли кое-какие обычаи у своих цивилизованных соседей, так, например, подобие китайцам, они заплетают волосы в косу, которая спускается по курме (куртке) на спину. Гольды питаются почти исключительно рыбой, которую доставляют им в изобилии текучия воды; отличные пловцы, они проводят столько же времени на поверхности воды, как и на твердой земле: когда на реке сильное волнение, они плавают на больших лодках с обрубленным, четыреугольным носом, тогда как в тихую погоду они быстро скользят по гладкой поверхности вод на своих легких челнах из березовой коры. Хлебопашеством они не занимаются, даже не разводят огородных овощей; только выменивают иногда у манчжур рис и мед на собольи шкуры. Гольды очень любят животных, и хижины или юрты их всегда окружены множеством собак и свиней, которые кормятся, как и хозяева, рыбой, свежей или вяленой (юколой). Тут же на дворе, в низеньких хлевушках, заперты медведи, волки, лисицы; гольды держат также в клетках диких гусей, уток и орлов: различные религиозные суеверия, относящиеся к этим пернатым хищникам, были даже причиной того, что манчжуры прозвали это тунгузское колено «орлятами»[2]. В полуостровной области, заключающейся между Сунгари, Амуром и Уссури, тигр делает частые визиты в селения гольдов, которые не всегда осмеливаются вступать в бой с этим, как они его величают, «господином», представителем одного царственного колена, над которым господствует Горный Дух, известный у китайцев Манчжурии под именем Шань-Шеня. Один путешественник рассказывает, что зимой 1857 года один тигр приходил каждую ночь брать свой рацион, состоявший из двух собак, которых гольды привязывали для него за оградой селения. Несчастные, когда у них истощился запас собак, не имея больше ничего предложить страшному посетителю, собирались уже приносить ему в жертву своих собственных детей, когда казаки, случайно проходившие через деревню, избавили ее, наконец, от докучливого гостя.

К северу от гольдов, другие тунгузские колена, мангуны, самагиры, игатконы, нигидалы и других наименований, живут на берегах нижнего Амура и его притока Амгунь. Мангуны

1 Karl Neumann, „Globus“, 1875 г., № 4.

2 „Древняя и Новая Россия”, 1878 г., № 12.

походят на гольдов по языку, религии, нравам и обычаям, по привычке держать в клетке орлов и других животных; но они более цивилизованы, благодаря манчжурскому влиянию, которое теперь сменяется влиянием русских; домики, которые они воздвигают на могилах



Мысъ Жонкіеръ на Сахалинѣ.

своих умерших родных, украшены любопытными изваяниями, исполненными с большим вкусом. Что касается нигидалов, живущих особняком, на одном из притоков реки Амгунь, то они, повидимому, составляют остаток народа, стоявшего на более высокой ступени циви-

лизации, чем на какой стоят нынешние их потомки. Люди этого колена, может быть, самые честные, самые правдивые представители благородной расы тунгусов; чтобы избегнуть по возможности всяких сношений с купцами якутскими, русскими, манчжурскими, они должны были удалиться в трудно доступные местности. Обладая большим числом драгоценных вещей и дорогих материй, вышитых в китайском вкусе, что свидетельствует о влиянии, которое некогда имела на них мода цивилизованных народов юга, они ни за что не соглашаются продать эти драгоценности, которые у них берутся для украшения невест и покойников[1]. Каменный век прекратился в этих странах, даже гораздо южнее, на морском побережье Манчжурии, только в относительно недавнюю эпоху: он продолжался там до начала христианской эры. Племена, населявшие Уссурийский край, посылали корейцам сотни тысяч стрел своего изделия, высоко ценившихся вследствие превосходного качества камня, который доставляли их каменоломни, для фабрикации оружия[2].

Прибрежье океана, между устьем Амура и заливом Петра Великого, тоже населено инородцами тунгузского племени, орочонами и гольдами, которых китайцы называют Ю-пи-тацe, то-есть «Людьми, одетыми в рыбьи кожи», а русские сократили это прозвище и стали называть их тазами. Те из прибрежных инородцев, которые еще сохранили старые моды, действительно носят одежду, сделанную из кожи лососины и очень красиво вышитую разными узорами: но в горах и на западной отлогости хребта Сихоте-Алинь, ю-пи-та-це теперь уже не заслуживают более этого национального наименования и одеваются, как другие тунгусы, в костюм, приготовляемый из кож животных и из материй русских и китайских. Тазы вообще честны и прямодушны, очень гостеприимны, как большая часть тунгусов, но они не съумели сохранить своей свободы; они по большей части попали в зависимость к манзам, китайским переселенцам, которые сделались господами страны с экономической точки зрения, и которые еще недавно имели свое собственное правительство, очень грозное и наводившее страх, потому что начальники приказывали обрезывать уши провинившимся или даже живьем зарывали их в землю. Это они научили тазов хорошим способам земледелия, но они же пользуются и плодом их труда, как заимодавцы и купцы: те же манзы—обладатели рудников и копей, хозяева рыболовных судов, и это для них промывается песок ручьев на золотых приисках, для них собирается «морская капуста» и трепанг. При вступлении в брак, тазы обязаны, в силу установившагося обычая, просить особенного разрешения у китайского купца, и последний продает за дорогую цену оффициальную желтую бумагу. Купец председательствует также и на похоронах, и украшает, конечно, за приличное вознаграждение, жилище таза обоями, изображающими бога Будду[3]. Живя в полном угнетении, тазы быстро уменьшаются в числе. В 1874 году их насчитывали всего только 250 душ; может быть через одно или два поколения они совершенно исчезнут, как отдельная раса, тем более, что манзы почти все берут себе жен между туземками[4]. Общее число жителей тунгузских колен всех наименований в юго-западной Сибири исчисляют различно—от десяти до тринадцати тысяч душ[5].

Путешественники и чиновники правительства насчитывали, в 1873 году, от 3.000 до 7.000 китайцев, и даже больше, на русском побережье Тихого океана; но это население вырастает довольно быстро, и, нет сомнения, оно увеличивалось бы десятками или сотнями тысяч, если бы переселение могло совершаться с полной свободой. В шестнадцатом столетии китайцы занимали всю страну, сгруппированные в значительные колонии, и построили там города и крепости; но с 1605 по 1607 г. манчжуры произвели на них пять последовательных нападений и разгромили край: они выжгли города и деревни, перерезали большую часть жителей, других увели в неволю; остались только беглецы, успевшие скрыться в непроходи-

1 Von Middendorf, „Sibirische Reise".
2 Палладиус, „Известия Русск. Географ. Общества", 1871 г., № 6.
3 Большев, „Географическое Обозрение", июнь 1879 г.
4 Большев, цитированный мемуар
5 Пржевальский, „Вестник Европы", 1870 г. т. III

мых дебрях и болотах, да китайские переселенцы, привлеченные культурой драгоценного джиньшеня и поисками за золотым песком: потомки этих эмигрантов и живут ныне в стране под именем манзов или мандзов, то-есть «вольных людей»; однако г. Палладиус видит в этом названии презрительную кличку, даваемую китайцами изгнанным из отечества; сами манзы называют себя пао-туи-ци, что значит «ходоки» или «бегуны»[1]. В 1861 году, после уступки побережья русским, китайское правительство разрешило своим подданным переселяться колонистами в эту страну со своими женами. Самые богатые вернулись в метрополию, остались только бедняки, к которым впоследствии присоединились бродяги и разбойники из Манчжурии: таковы главные элементы китайского населения в Приморской области. Корейские эмигранты тоже нередко укрывались на русскую территорию, не взирая на издание строгого закона, грозившего им смертной казнью. В 1868 году насчитывали уже более 1.400 этих беглецов из Кореи, все трудолюбивых земледельцев[2]; но когда в следующем году наводнения заставили удалиться с полуострова массы несчастных, которые приходили просить убежища в русских владениях, то корейская эмиграция была временно воспрещена; даже высылали обратно за границу беглецов, которые и были обезглавлены по возвращении в отечество; другие были отправлены в порты Татарского моря и на берега Амура[3]. В 1873 г. число корейцев, поселившихся в Приморской области, было около 3.500, из которых более половины дали себя окрестить в православную веру.

До прибытия русских в край, обитателями нижнего Амура были гиляки или киле, единоплеменники тех, которые живут на острове Сахалине, и родичи тех таинственных айносов, происхождение которых составляет предмет оживленных споров между этнологами. Гиляки не имеют той открытой и ясной физиономии, какая свойственна большинству тунгусов, и их маленькие глазки светятся мрачным блеском; лицо у них плоское, нос приплюснутый, губы толстые, скулы выдающиеся, волосы черные, борода довольно густая. Более удаленные от манчжуров, чем амурские тунгусы, они остались и гораздо более дикими, хотя и между ними есть также кузнецы, механики, даже искусные скульпторы. Путешественники, которым случалось иметь сношения с ними, не хвалят их характера: они описывают их лживыми, злопамятными, мстительными, нечистыми на руку. По крайней мере гиляки отличаются большой любовью к свободе: они не признают над собой никаких властей и повинуются только обычаю. Предание определяет у них все правила, относящиеся к празднествам, все обряды, пополняемые при отправлении на охоту или рыбную ловлю, все церемонии, совершаемые на свадьбах и похоронах. Невесты, покупаемые отцом еще маленькими девочками четырех или пяти лет, воспитываются вместе со своим будущим мужем до совершеннолетия. У некоторых колен тела покойников сожигают; в других местах гробы вешают на деревьях, или ставят на особо устроенном помосте в соседстве хижин. Душа гиляка, по их верованию, переходит в тело его любимой собаки; оттого это животное, когда его откормят порядком, приносится в жертву на могиле его хозяина[4].

Огонь составляет у гиляков предмет не менее глубокого почитания, чем у памирских таджиков. Они ни за что на свете не согласятся перенести горящую головню из одной юрты в другую: она не должна выходить из домашнего очага, который сделался священным, благодаря ей. Медведь или Котр, представитель Кура, властителя небес, есть одно из главных божеств, но вместе с тем и такой бог, которого гиляки иногда бывают вынуждены употреблять в пищу, как и остяки. Они изловляют Мишку зимой, в самой его берлоге. Удостоверившись, что медведь лежит в своем убежище, они делают в берлоге отверстие и овладевают животным, при помощи ременного аркана, затем тащат его к себе в деревню, испуская крики, чтобы оглушить бедного зверя, еще полусонного, но все-таки страшного. Пойманный медведь держится пленником, кормится и откармливается рыбой, затем в день праздника, справляе-

1 Палладиус, „Изв. Русск. Географ. Общества", VII, 1873 г.
2 Пржевальский, „Изв. Русск. Геогр. Общ.", V, 1869 г.
3 Степанов, „Древняя и Новая Россия", март 1880 г.
4 Sachot, „La Siberie orientale et l'Amerique russe".

мого в честь его, зверя убивают, после битвы, в которой все туземцы соединенными силами нападают на него без оружия. Подобно гольдам, гиляки держат орлов в клетке и дают им тот же корм, как и медведям; но они никогда не охотятся на волка, которому приписывают пагубное влияние[1].

Гольды и гиляки, орочоны и манегры, нет сомнения, должны исчезнуть перед русскими. Хотя колонизация в собственном смысле подвигается очень медленно, и даже из основанных поселений очень многие, по причине неудачного выбора места в соседстве болот или лесных чащ, слишком трудных для расчистки под пашни, пришлось покинуть впоследствии, однако военные посты, рыболовные станции, склады съестных припасов дают славянскому населению твердые точки опоры. Порты морского побережья и местности, где введена культура почвы, составляют своего рода, «Новые России», из которых каждая постепенно, шаг за шагом, присоединяет к себе всю окружающую территорию. Амурские травяные степи около Благовещенска и южные области, орошаемые рекой Уссури, принадлежат к числу стран, где русское население возрастает и благоденствует, тогда как казаки, поселенные на нижнем течении Уссури, колониями, удаленными одна от другой на расстояние от 25 до 32 верст, пришли в крайне бедственное положение и терпят недостаток в скоте и в хлебе[2]: в 1867 году каждая «душа» в этих колониях едва имела возможность обработывать кусок земли величиной менее трети десятины[3]. Несколько финляндских семейств, которым правительство предоставило земли на верхнем Уссури, принуждены были покинуть их и удалиться во Владивосток. Чехи тоже предлагали колонизовать долину Уссури и манчжурское побережье, но с условием, чтобы им предоставлено было право пользоваться свободными муниципальными учреждениями; правительство отвергло эти предложения колонизации, так как сопровождавшее их условие было признано опасным. Можно сказать вообще, что сделанные до сих пор попытки колонизации в бассейне Амура не имели успеха. Чтобы занять во что бы то пи стало «линию» от Забайкалья до Владивостока в два года, были основаны станицы через правильные промежутки, но все выбранные места оказались непригодными для земледелия. Вообще колонии тем лучше прививаются и преуспевают, чем менее они подвергаются стеснительному вмешательству и надзору со стороны властей[4]. Большое число русских поселений, основанных в бассейне Амура, были названы по имени путешественников, прославившихся своими исследованиями в Сибири.

Русские города, рассеянные в стране тунгусов и гиляков, на прибрежьях Охотского моря, Татарского пролива и Японского моря, еще редки и слабо населены: едва два или три из них могли бы быть признаны поселениями, превосходящими, по числу жителей, простые деревни, если бы их перенести в многолюдные местности Европейской России; однако, они обязаны некоторою историческою важностью своему географическому положению, делающему их передовыми постами русского могущества на берегу Тихого океана, в виду Нового Света.

Город Охотск, который, подобно Венеции, дал свое имя целому морю, никогда не имел более нескольких сотен жителей; но его плохой порт, расположенный на лимане, при слиянии рек Охоты и Кухтуи, представлял, тем не менее, некоторую деятельность. До 1807 года, эпохи, в которую впервые был послан корабль прямо из России в Охотск, мимо мыса Доброй Надежды, вся провизия и все предметы необходимые для русского тихоокеанского флота, должны были быть отправляемы из Якутска сухим путем: правительство и бывшая российско-американская торговая компания употребляли каждый год по тринадцати тысяч лошадей для перевозки этой клади через Алданские горы[5]. В 1844 году американская компания для рыбной ловли и торговли мехами пушного зверя перевела свои конторы и

1 „Древняя и Новая Россия", 1878 г.. № 12.
2 Пржевальский, „Изв. Русск. Геогр. Общ.", т. VI, 1870 г.
3 Крапоткин, рукописные заметки.
4 Венюков, „Русская Старина", №№ 1 и 2.
5 Шемелин; Ф. Миддендорф.

верфи из Охотска в порт Аян, занимающий более благоприятное положение на том берегу моря, но тремя градусами ближе к экватору, в климате менее суровом, хотя не менее сыром и обильном бурями. Другой город, состоящий из нескольких десятков домов, стоит недалеко оп юго-западного угла Охотского моря, на реки Уде: это Удской-Острог один из древнейших укрепленных постов, построенных казаками. Гижига или Гижигинси, Пенжина или Пенжинск, группы домишек, приютившиеся на северной оконечности Охотского моря, каждый при одном из заливов, которыми оканчивается это море, также носят имя «городов».

Русские городки в бассейне Амура, хотя основанные долгое время спустя после Охотска, превзошли, однако, по важности древний город, державший в своих руках монополию русской торговли на Тихом океане. Чита, столица Забайкалья, построенный в равнине, открытой всем ветрам, имеет административную важность, которую дают ему его ранг областного города и его местоположение, как центрального этапа между Байкалом и Амуром; но река его, Ингода, которая вступает ниже Читы в горное ущелье, становится судоходной только во время весеннего разлива, и в этот-то непродолжительный промежуток времени по ней отправляются партии барок, нагруженных хлебом, солью, солониной и мануфактурными товарами, предназначенными для всех колоний Амурского края включительно до Николаевска; суда эти строятся в громадных лесах, которые тянутся выше Читы. Нерчинск стоит не на речном пути: перенесенный с 1812 года, по причине наводнений, опустошавших его на прежнем месте, он теперь построен на левом берегу Нерчи, в 4 верстах от Шилки, по которой могут плавать лишь мелкие суда, хотя она образуется из двух значительных рек—Онона и Ингоды; начальный пункт настоящего судоходства находится верстах в 150 ниже, в Стретенском, цветущем селе, где существуют склады и механические мастерские; в этой пристани зимует большая часть русских судов, плавающих на Амуре. Однако, Нерчинск—торговый город, где встречаются для меновых сделок русские и тунгусы, и который сделался рынком всей области. Многочисленные рудники Нерчинского округа, где добывают содержащую серебросвинцовую руду, ртуть, медь, железо, олово, даже цинк, далее золотые прииски, залежи ископаемого угля, месторождения драгоценных камней, наконец, минеральные источники—таковы богатства, которые обеспечивают окружающей стране особенную важность. В историческом отношении имя Нерчинска напоминает трактат, который был заключен там в 1869 году между Россией и Китаем, и к выгоде этой последней державы; он напоминает также пребывание декабристов и многих других политических ссыльных, осужденных на работы в рудниках. Главная карательная колония страны находится в Карийских золотых приисках, расположенных на берегу Шилки, верстах в ста с небольшим ниже села Стретенского; там содержится более 2.000 преступников, приговоренных к каторжным работам, и между ними есть некоторые число политических ссыльных[1]. Эти золотопромывальные заводы, так же, как и все золотопромывальни в бассейнах Аргуни и Шилки, часто обозначаются под именем Нерчинских приисков. В 1878 году в бассейне Амура было добыто около 172 пудов золота, на сумму 5.075.000 руб.; на работы было употреблено 39.250 человек, из которых 1.935 убежали. Наименование Нерчинск часто применяется также, в сочинениях по метеорологии, к Нерчинскому сереброплавильному заводу, находящемуся в 277 верстах к востоку от города, на небольшом притоке Аргуни. На этом заводе сделаны были важные метеорологические наблюдения, послужившие ученым главной опорной точкой для изучения климата восточной Сибири: вокруг металлургических заведений выстроился хорошенький городок.

Со времени первых русских вторжений в край, берега Амура имеют уже города, лежащие в развалинах; таков древний Албазин, крепость, которая была основана в 1651 году казачьим атаманом Хабаровым, и которую китайские войска принуждены были осаждать и брать три раза прежде, чем русские отказались, наконец, от этой позиции по Нерчинскому трактату; в новейшее время большая станица выстроилась тремя рядами домов у подножия разрушенной крепостцы, которая обросла деревьями и кустарником и превратилась в зеле-

1 H. Landsell, „Proceedings of tbe Geographical Society", октябрь, 1880 г.

неющую горку. Нынешняя столица отвоеванной у китайцев территории на среднем Амуре есть город Благовещенск, основанный на полуостровной террасе, образуемой соединением Амура и Зеи, в 28 верстах от места слияния. Новый русский город, с его широкими улицами, обставленными низкими домами с красными крышами, которые все построены по одному плану солдатами, с его голыми, безлесными окрестностями, представляет печальный вид в сравнении с многолюдным китайским городом Айгуном, стоящим на другом берегу Амура, в 35 верстах ниже Благовещенска; тем не менее последний ведет довольно деятельную торговлю с Манчжурией; с 1869 года обороты этой торговли простирались, средним числом, до 500.000 руб. в год. Даже на русской территории живут более десяти тысяч китайских подданных, платящих подати чиновникам правого берега. Окрестная страна Благовещенска это —будущая обильная житница Амурской области. Большинство колонистов, принадлежащих к раскольничьей секте духоборцев, состоит из добровольных переселенцев, выбравших места для своих деревень на реках Зее и Завитой, без вмешательства военного начальства края. При переселении их из России первыми пришли, весной, молодые люди, снабженные запасами провизии и в сопровождении лошадей, которых они выменяли у манчжур на рабочих быков. Когда прибыли семейства, несколько месяцев спустя, избы были уже выстроены, и упряжки в шесть, семь, или восемь пар волов расчистили чащи мелкого дубняка. Теперь деревни переселенцев достигли цветущего состояния и своим хорошим видом составляют резкую противоположность с печальными становищами, устроенными по приказу, среди мелкого кустарника, скал или болот[1]. Одна из самых богатых станиц—Михайло-Семеновская, расположенная при выходе из ущелья р. Буреи.

Нынешнюю столицу всей области нижнего Амура и морского прибрежья составляет Хабаровск, названный так в честь неустрашимого казачьего атамана Ерофея Хабарова, который первый спускался вниз по течению Амура почти до самого устья. Хабаровск, построенный на скате холмов, даже крутых утесов, господствующих над правым берегом Амура, при впадении в него Уссури, состоял недавно из небольшого числа казарм и военных складов; но его счастливое географическое положение в точке разделения трех больших судоходных путей, образуемых средним и нижним Амуром и его притоком Уссури, в местности, имеющей климат один из наименее суровых в Сибири, повидимому, приготовляет новому городу широкую будущность и торговое процветание, хотя окрестности его покрыты болотами и лесами, которые очень трудно превратить в культурные земли; и теперь уже там, средним числом, продается каждый год около 20.000 собольих шкурок.

Что касается русских колоний на низовьях Амура, то они оказались наименее удавшимися из всех поселений Сибири; некоторые из основанных там колоний пришлось даже совсем покинуть, так как крайне неблагоприятные условия местности, дождливый климат и неблагодарная почва, болотистая в низинах, каменистая на покатостях высот, покрытых большими деревьями, окончательно обманули надежды русских земледельцев. Софийск и Мариинск имеют некоторую важность, благодаря своему положению на Амуре, при входе в долину, ведущую к заливу де-Кастру. Николаевск, бывший «Чербах» гиляков, есть порт устья Амура и, как таковой, проявляет некоторую деятельность в летние месяцы. Там существуют даже конторы американских негоциантов; но почти все местное население города состоит из солдат и чиновников: даже вольные жители смотрят на себя как на ссыльных, и большинство их имеют лишь временное пребывание в Николаевске; женщины составляют незначительное меньшинство в этом лагере, состоящем из деревянных домиков. Затруднительность прохода через бар и неудобства внешнего рейда, лед, сковывающий воды в течение пяти зимних месяцев, совершенное прекращение сношений с остальным миром в продолжение двух промежуточных периодов, осени и весны, между навигацией и санным путем —все это мешает Николаевску пользоваться выгодами, принадлежащими ему. как входному порту одной из больших сибирских рек. Сверх того, мало найдется мест, более неприятных по климату и более печальных для обитания, чем Николаевск: жители его проводят целые

1 Крапоткин, рукописные заметки.

месяцы, не видя солнца: с неба постоянно моросит мелкий дождик, сопровождаемый туманом; зимой снежные вьюги или пурги прекращают всякое сообщение, так что иной раз невозможно пробраться из одного дома в другой. Эти причины привели к упадку Николаевска и к замене его Хабаровском. Движение судоходства в Николаевском порте в 1876 году было:

Прибыло: 16 морских судов, с грузом на—500.000 руб.; амурских судов 9, с грузом на—400.000 руб.

Порты манчжурского прибрежья извлекли для себя пользу из неблагоприятных условий, в которые поставлен Николаевск, и эмигранты с низовьев Амура поселились в Императорском порте, во Владимире, в порте св. Ольги, в портах залива Петра Великого, особенно во Владивостоке, куда были переведены военные заведения из Николаевска. Самое имя Владивосток, означающее «Властитель Востока» и напоминающее Владикавказ, «Властитель Кавказа», построенный на другой оконечности Азии, свидетельствует о важном политическом назначении, о котором основатели этой пристани, в 1860 году, мечтали для неё. Пролив, соединяющий Амурский залив с заливом Уссурийским, был назван «Восточным Босфором»; гавань, в которую ведут проходы пролива, врезывающагося полукругом в полуостров Муравьева-Амурского, получил наименование «Золотого Рога»; из этого видно, что Владивостоку предназначалась роль второго Константинополя. Осуществятся или нет эти честолюбивые планы, во всяком случае несомненно, что Владивосток уже поднялся на степень главного города русской Азии, к востоку от Иркутска, и, по всей вероятности, сохранит за собой это значение, по крайней мере до тех пор, пока русские не займут других портов под более южной широтой. Равным образом предполагают сделать этот город зимней станцией для иностранных негоциантов, приезжающих из Шангая и Нингпо. В 1880 году, опасения войны с Китаем, по поводу кульджинского вопроса, были причиной того, что Владивосток сделался самой оживленной станцией крайнего Востока, и в первый раз, благодаря вооружениям этого военного порта. Россия оказалась более сильной, чем Великобритания, в морях Китая и Япония. Но Владивосток имеет важность гораздо более к военном, нежели в торговом отношении, и расходы по возведению всех больших работ, предпринятых на берегах «Золотого Рога», плотин, верфей, арсеналов, были оплачены не частной предприимчивостью, а средствами государственного бюджета. Половина населения города состоит из солдат, чиновников, освобожденных каторжников и ссыльно-поселенцев, а другую половину составляют: манзы, китайцы, корейцы, которых джонки, деревянные домики, сараи и вся домашняя обстановка придают городу своеобразную физиономию, совершенно отличную от типа славянских городов; добровольно поселившийся русский элемент представлен только несколькими ремесленниками, и женщины встречаются здесь в очень небольшом числе; вообще Владивосток имеет еще вид военного лагеря, где правильные привычки семейной жизни составляют исключение. Отпускная торговля, состоящая из оленьих рогов, трепанга, съедобных грибов и дубленых кож, незначительна и находится всецело в руках китайцев. Внешняя торговля Владивостока в 1879 году выразилась следующими цифрами:

Привоз:—2.184.950 рублей; вывоз:—104.520 руб.; движение торгового судоходства, в 1872 г.:—2.787 тонн; в 1873 г.:—12.724 тонн.

Некоторые из портов манчжурского прибрежья, в особенности порты бухты Америки, на востоке, и бухт залива Посьет, на западе, легко могли бы приобрести более значительную торговую деятельность. Так, например, вывоз морской капусты из бухты Посьета в три последовательные года представлял, по Гельмерсену, следующие, быстро увеличивающиеся цифры:

В 1864 г.—4.000 р.; в 1865 г.—135.000 р.; в 1866 г. 400.000 р.

Владивосток еще не соединен хорошими путями сообщения с странами внутренней части континента. Летом все движение, направляющееся из этого города в долину Уссури, производится по Амурскому заливу и по реке Суйфун, судоходной для маленьких пароходов на протяжении около 50 верст. Но зимой «Восточный Босфор» бывает заперт льдами, хотя воды залива остаются открытыми со стороны моря, и Владивосток временно делается узни-

ком. «Владетель Востока» ласкает себя надеждой сделаться современем конечной станцией железной дороги, опоясывающей весь Старый Свет, как он давно уже сделался крайней точкой «датскаго» телеграфа, центральный пункт которого находится в Копенгагене, и который протянул свои проволоки на половине поверхности земного шара.

«Города» бассейна Амура и восточного прибрежья Сибири с населением в 1897 г,:

Бассейн Амура: Нерчинск—6.419 жит.; Нерчинский завод—5.908; Чита—11.106; Благовещенск—20.183; Николаевск—10.806; Хабаровск—14.933 жит.

Приморская область: Охотск—197 жит.; Аян—200; Гижигинск—435; Владивосток—28.896 жит.

VIII. Сахалин

Этот большой остров, один из самых обширных на земном шаре, так как он занимает пространство почти в 56.000 квадр. верст, принадлежит к действительно знакомому европейцам миру лишь с недавнего времени, не более ста лет. Голландский мореплаватель Мартин Герриц де-Фрис проходил, в 1643 году, вдоль восточных берегов этого острова и бросал якорь в заливе Терпения, но он полагал, что плывет около берегов японской земли Иессо. Даже на карте капитана Кука, изданной в Лондоне, в 1784 году, Сахалин представлен в виде простого островка, лежащего близ Амурского залива; из всех прежних географов один только Бюаш съумел придать северной части Сахалина контуры, довольно сходные с истинным её очертанием, но и он все еще причислял гораздо более половины острова к Иессо[1]. Самое имя Сахалина свидетельствует о полном неведении, в котором находились тогда относительно этой земли, которую географы, так сказать, заставляли путешествовать на картах. Вероятно, что манчжурское название «Сахалан-андахада», то-есть «Скала в Амурском лимане»,—название, от которого произошло имя Сахалина,—применялось к какому-нибудь островку речного устья, а не к большой островной массе, которая тянется против манчжурского побережья на пространстве почти 900 верст от севера к югу. Японцы и айносы Курильских островов называют этот остров Крафто (Карафту, Карафуто): это имя и следовало бы сохранить за ним; японский мореплаватель Мамиа-Ринцо обозначает его просто как северный Иессо, «Кита-Иезо»[2]. Другие наименования, как-то: Таракай, Чока, Сизам, повидимому, относятся только к отдельным частям острова или к его жителям[3].

Уже в 1787 году Лаперуз, проходя через пролив, носящий ныне его имя и отделяющий Сахалин от Иессо, проник в Татарский залив и осмотрел, до бухты де-Кастри, все берега острова и континента: островной характер Сахалина казался неподлежащим сомнению; однако рассказы, слышанные французским мореплавателем от туземцев относительно волока, через который они перетаскивали свои сани, применялись, по мнению некоторых тогдашних географов, к перешейку, соединяющему Сахалин с материком, ибо в то время еще не знали о существовании порога Кизи между Амуром и заливом де-Кастри; впрочем, этот рассказ относился, может быть, к ледяному перешейку, который каждую зиму соединяет Сахалин с твердой землей. В 1797 году англичанин Броутон, в 1805 году русский немец Крузенштерн, из которых первый посетил западные берега, а второй объехал на корабле вокруг северной части острова, тоже полагали, что Сахалин соединяется песчаной мелью с берегами Старого Света. До половины настоящего столетия на большей части европейских карт Сахалин изображался в виде полуострова, хотя японский кормчий Мамиа-Ринцо уже несколько лет спустя после путешествия Крузенштерна поднимался вверх по Татарскому проливу и проникал этим путем в лиман Амура[4]. Наконец гидрографические работы Невельского, произведенные

1 Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde".
2 „Geographical Magazine" 1877 г.
3 Шмидт; Семенов, „Географ. Словарь Российской Империи".
4 Von Siebold, „Nippon".

в период с 1849 по 1852 год, обнаружили точную форму берегов Сахалина и пролива Мамиа-Ринцо: суда, имеющие до 5 метров водоуглубления, могут безопасно лавировать в этом проливе между песчаными мелями. Правда, что в продолжение четырех месяцев в году воды этого прохода бывают сплошь покрыты толстым слоем льда, соединяющим оба берега; плавающие льдины встречаются там до июня месяца.

С 1875 года весь остров принадлежит России до Лаперузова пролива, так как южные части Сахалина были уступлены в этом году Японией в обмен на Курильские острова. Но исследование острова началось уже ранее: Бошняк, Орлов, Рудановский, Шренк, Шмидт, Глен, Брылкин, Шебунин, Лопатин, Добротворский объехали Сахалин в разных направлениях или посетили его берега с целью изучить его рельеф, климат жителей, рудные месторождения и гавани. Уже русские имена мест оспаривают поверхность острова у туземных прозвищ, употребляемых айносами и гиляками, и многие из французских наименований, данных Лаперузом мысам, островкам, бухтам, прибрежным горам, были искажены или постепенно приходят в забвение.

По устройству поверхности Сахалин походит на континентальную Манчжурию. Если-бы почва вдруг осела на несколько сот метров, горная цепь Сихота-Алинь тоже сделалась бы островной землей, хребет которой тянулся бы на пространстве нескольких градусов широты; с другой стороны, если бы дно моря внезапно поднялось, Сахалин образовал бы длинную закраину азиатского континента. Холмы и горы острова, принадлежащие, повидимому, к более близкой к нам геологической эпохе, чем возвышенности соседнего материка, расположены в виде длинных меридиональных цепей. Западная цепь, самая высокая из сахалинских гор, которая окаймляет все прибрежье, от севера к югу, поднимается там и сям в виде настоящих пиков, высотою от 3.280 до 5.000 футов; но в других частях хребта есть места, где верхушки не превышают 600 фут., и через которые переходят с одного склона на другой без малейшего затруднения. На восток от этой главной гряды гор, состоящей из меловых и третичных формаций, тянутся параллельно другие цепи или отрывки цепей, среднее возвышение которых исчисляется всего только в 660 футов, и вершины которых по большей части имеют округленную форму: только немногие из этих высот заслуживают названия гор. Одна только Тиара, которая господствует над восточной цепью, оканчивающейся длинным полуостровом, ограничивающим с восточной стороны залив Терпения, представляет довольно величественную вершину, которая по высоте может быть сравниваема с вершинами западной цепи. Горы Сахалина нигде не достигают пояса постоянных снегов: но многие из них переходят за верхний предел растительности, и их голые сероватые скалы сливаются с дождевыми облаками.

Различные высоты гор, по Шмидту и Глену: средняя высота западной цепи (Шмидт)—2.970 футов; пик Ла-Мартиньер (Ктеуспал), в центре цепи (Глен)—4.950; Бернизет, на юге острова (Глен)—3.960; Аркайпал, перевал на востоке от Дуэ (Глен)—690: перевал между Кусунаем и Мануэ (Глен)—740; Тиара, пик восточной цепи (Глен)—1.980.

Горные цепи, расположенные по линии меридиана с севера на юг, ограничивают равнины или долины, открывающиеся в том же направлении, по которым текут реки, либо с севера на юг, либо с юга на север. Так, самая большая река Сахалина Поронай (Баранай), или Плий, изливается в залив Терпения, пробежав извилистой линией широкую равнину, расстилающуюся у основания западной цепи, и в той же самой борозде поверхности острова, на севере от низкого порога, берут начало истоки реки Тым, которая спускается на север к Охотскому морю. В этих же промежуточных углублениях рельефа рассеяны озера, и правильные кривые заливов и бухт, ограниченные справа и слева полуостровами и мысами, образуемыми выступами меридиональных цепей, тоже открываются в эти низменные земли. Подобно тому, как на берегах озера Ханка, непрерывное действие зыби, гонимой южными ветрами, проявляется также и на берегах Сахалина. Так, плоский песченый берег, развертывающийся в виде правильного полукруга вокруг залива Терпения, отделил от моря несколько озер и болот, которые напоминают прежния очертания берега и в которые изливаются

воды река Поронай. Образование берегового кордона было, вероятно, облегчено медленным поднятием берега, ибо находили кучи морских обломков на землях, лежащих ныне на 7-10 футов выше поверхности моря[1].

Как сибирский остров, Сахалин находится в области климата восточной Сибири: вокруг восточных его мысов скопления обломков льда держатся до июля месяца, и в продолжение всего апреля можно еще ездить на санях вдоль морского берега в заливе Терпения. В январе месяце часто случается, на берегах этого залива, что ртуть в термометре стоит на 34 градусах Цельзия ниже точки замерзания, тогда как на западном берегу, хорошо защищенном меридиональной цепью гор, температура на 12 градусов теплее. Но даже и на этом берегу, несмотря на то, что он пользуется относительно гораздо более благоприятными условиями, климат очень суров; хотя южная оконечность Сахалина находится под 46-м градусом широты, в таком же расстоянии от полюса, как ломбардские города, приютившиеся у подножия Альп, температуря там почти столь же низкая, как в Архангельске и в Гапаранде. Пост Кусунай, лежащий под 48 градусом широты, на берегу Татарского залива, находится, по словам г. Добротворского, под изотермой 2°,23, то-есть средняя температура там ниже даже, чем в норвежском городе Тромсе, лежащем почти на 22 градуса ближе к северному полюсу. Средняя температура июля, самого теплого месяца в году, не превышает в Кусунае 16 или 17 градусов, а самые сильные жары достигают только 25 градусов по Цельзию. Даже берега залива Анива, столь красиво расположенные в форме полумесяца, так что они получают всю силу полуденных лучей солнца, имеют очень суровый климат, по причине северных ветров, которые проходят через широкия понижения или долины, открывающиеся между цепями гор. Неприятности климата Сахалина еще увеличиваются чрезвычайной сыростью воздуха, постоянными туманами, дождями и снегом. В Кусунае, занимающем сравнительно привилегированное положение, благодаря ветрам с континента, которые часто очищают его атмосферу, число дней с дождем или туманом доходит до 253; следовательно, не остается даже трети года для хорошей погоды; а на восточном берегу пропорция ясных солнечных дней еще гораздо менее значительна[2]. В громадной Российской Империи, где правительство открыло столько печальных мест ссылки, нет более страшных мест, чем Сахалин, затерянный среди леденящих дождей и снежных бурь.

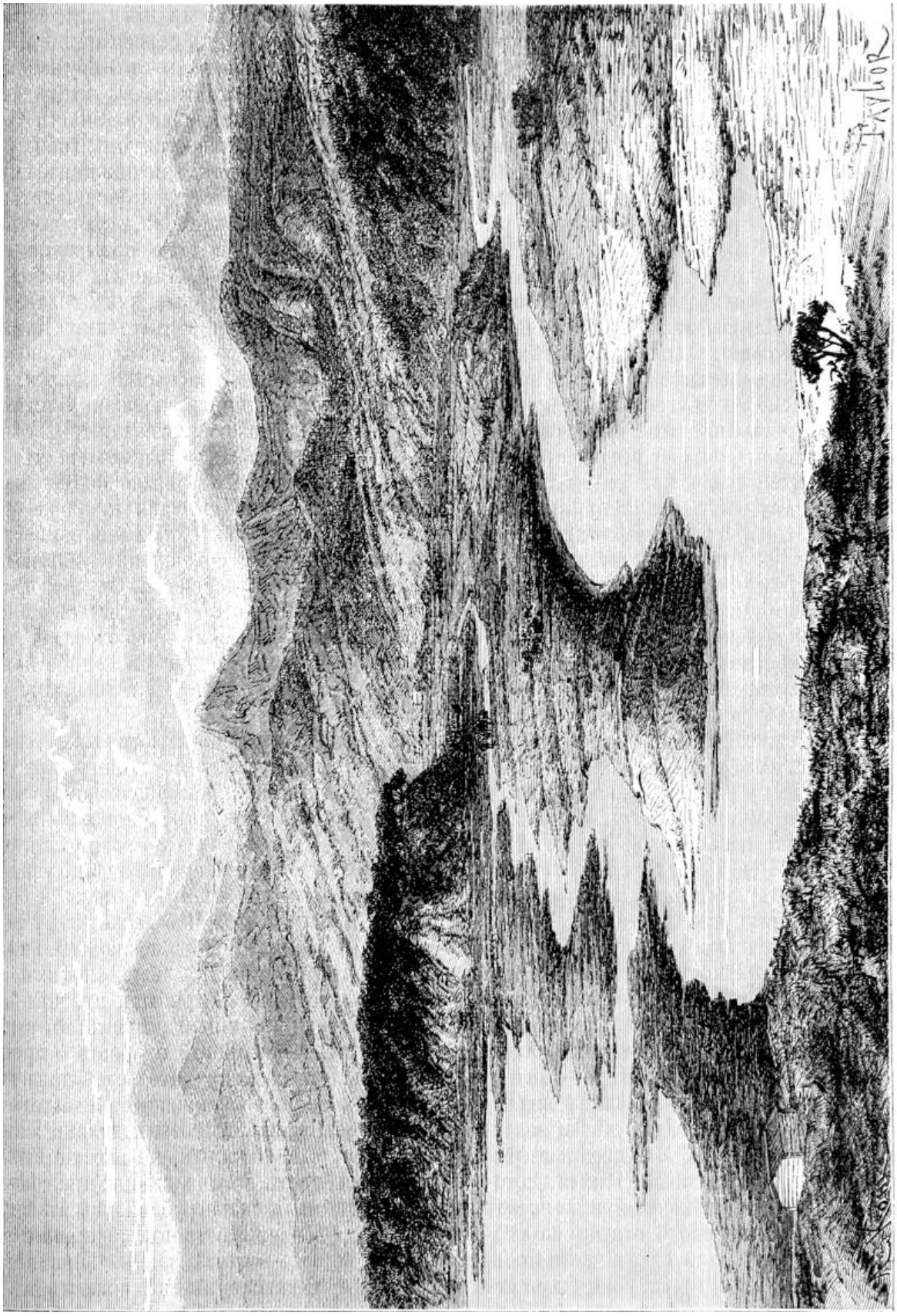
Растительное царство этого сибирского острова естественно походит на флору берегов Манчжурии, от которых оно отделено лишь узким проливом Мамиа-Ринцо. Большая часть деревьев, покрывающих сплошными лесами покатости гор, принадлежат к флоре сибирской и манчжурской: но некоторые древесные породы Японского архипелага тоже распространились на острове, где существует даже род бамбука (arundinaria kurilensis), достигающего в вышину роста человека и покрывающего целые горы, где на верхних склонах он ростет рядом с приземистой, камчатской березкой; наконец, и некоторые американские породы примешались к азиатской флоре острова; в миоценовую эпоху Сахалин, по мнению Шмидта, составлял часть Нового Света. Таким образом, здесь встречаются и соединяются, в виде самобытных групп зелени, растения, происходящие из самых противоположных стран земного шара. На 700 видов явнобрачных растений насчитывают всего только около двадцати форм, принадлежащих специально сахалинской флоре. Лесные растения и растения подлесья, прозябающие у подножия гор, составляют, по своим формам, продолжение, по ту сторону Татарского залива, лесов противоположного берега. Выше, пояс растительности, который поднимается до высоты почти полверсты по склонам гор, состоит, главным образом, из хвойных пород. Третий пояс, еще более возвышенный, заключает преимущественно березу и вербу; далее, около вершин виднеются густые и почти черноватые ветви ползучих растительных видов[3]. Животные, рыскающие в этих лесах, те же самые, которые водятся на соседнем континенте: по обе стороны пролива одинаково охотятся на медведя, дикого оленя, соболя.

1 Венюков, „Границы России".

2 Hehn, „Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches", vol. XXV.

3 Шмидт;—Шренк, цитированный сборник.

Тигр часто посещает северную часть острова, благодаря ледяному мосту, который предоставляет ему в зимнее время пролив Мамиа-Ринцо; но его никогда не видали около южной оконечности Сахалина, и говорят, что до прибытия русских в край айносы не знали этого зверя



Долина Дуэ на Сахалинѣ.

даже по имени.

Население острова, исчисляемое в 28.166 человек (так что, следовательно, приходится почти по одному жителю на две квадр. версты), состоит единственно из переселенцев, при-

шедших с континента и с окружающих островов. Гиляки, живущие в числе около 2.000 человек во всей северной части Сахалина, ничем не отличаются от своих соплеменников, обитающих на нижнем Амуре. Орочи, населяющие восточный берег острова, это тунгусы того же племени, как амурские мангуны и орочоны, и даже называют себя тем же именем—ольча. Айносы, эти бородатые и смирные люди, которые, как полагают, были первоначальными обитателями Курильских островов и всего Японского архипелага, составляют коренное население южных областей Сахалина, но принадлежащие им названия мест, встречающиеся даже в северных частях острова, доказывают, что эта раса некогда занимала гораздо более значительное пространство. Гиляки и орочи оттеснили их к югу, затем, с половины настоящаго столетия, оспа совершенно обезлюдила некоторые из их деревень. С другой стороны, рабство, в которое почти все айносы были обращены японскими рыболовами, тоже способствовало уменьшению численности аборигенов, равно как и нравственному их упадку.

Представителями «цивилизованных» народов на Сахалине являются японцы и русские. Первые занимаются преимущественно рыболовными промыслами; они основали на морском берегу, в некотором разстоянии одна от другой, колонии и конторы, где не увидишь других жителей, кроме временных и безсемейных пришельцев. Что касается русского элемента, состоящего почти исключительно из чиновников, военных, полицейских или ссыльных, то все они прибыли против воли на этот негостеприимный остров, в страну дождя, снега и туманов, и забота о прокормлении их лежит на правительстве, так как рессурсы острова совершенно недостаточны для их содержания. Айносы и гиляки живут продуктами рыбной ловли, но русские имеют другие потребности, чем туземцы; при том же, морские животные сильно убавились в водах Сахалина, и Тюлений остров, обширная мель, лежащая на юго-востоке залива Терпения, не кишит уже безчисленным множеством китообразных, как бывало прежде, когда несколько человек рыболовов могли набить тысячи зверей в одну экспедицию. Культура хлебный растений и овощей, равно как разведение домашнего скота, не получили еще серьезной важности на острове и вообще могли достигнуть сколько-нибудь значительных успехов только в небольшом числе долин, наилучше защищенных от холодных ветров; вследствие этого, муку, необходимую для продовольствия населения, приходится привозить с континента, даже из России. Правда, Сахалин обладает в своих многочисленных залежах каменного угля значительным естественным богатством, которое все более и более деятельно разрабатывается русскими ссыльными и очень ценится мореплавателями Тихого океана; но это ископаемое топливо стоит дороже, чем уголь из Японии и Австралии, да к тому же и количество его, добываемое ежегодно, недостаточно велико, чтобы продажа этого продукта могла покрыть расходы по содержанию жителей[1]. Смертность между эмигрантами много превосходит число рождений. До сих пор Сахалин не сделался еще колонией: для русских это не более, как тюрьма, место ссылки.

Русские посты на Сахалине все расположены на берегах моря. Дуэ, при бухте Жонкьер, около середины западного берега, есть самое важное поселение; около 2.000 ссыльных, отдаваемых администрацией в работу к частным предпринимателям, за плату от 30 до 70 к.[2] в день, работают в окрестных каменоломнях и каменноугольных копях, первых, которые были начаты разработкой на этом острове. Другие два порта, Кунусай и Мануэ, имеют то преимущество, что они соединены дорогой, пролегающей через остров в самой узкой его части, и обязаны этому положению большим облегчением для своих торговых сношений. Южнее, на восточном берегу, около семи сот китайцев, под управлением нескольких японцев, занимаются в маленькой бухте Маука ловлей трепанга и морской капусты; на другой стороне полуострова, на берегу залива Анива, высятся казармы поста Корсакова, главного военного пункта на Сахалине: гарнизон этого укрепления состоит из 500 человек. Муравьев, или Муравьевский, на том же берегу, при озере, сообщающемся посредством узкого канала с заливом Анива,—тоже один из военных постов Сахалина и стережет воды Японии. Несмотря на

1 Венюков, „Границы России".

2 Тальберг, „Вестник Европы", май 1879 г.

затруднительность прохода через бар, его порт, может быть, лучший из портов острова. На все своей окружности, без малого в 2.000 верст длиною, Сахалин не имеет ни одной гавани, где суда могли бы найти безопасное пристанище.

Население Сахалина:

Гиляки, по Шмидту—2.000 душ; айносы—2.500; орочи, по Венюкову—400; японцы, по Шмидту—400; русские—5.000 душ.

Население по переписи 1897 г.:

Александровский округ—11.152 души; Тымовский—8.401; Корсаковский—8.553 души; Итого—28.166 душ.

Молодая дѣвушка племени айносъ.

XI. Материальное состояние и управление Сибири

Известно, что русские составляют уже, по крайней мере, сто лет, самый значительный элемент сибирского населения. Те, которые называют себя русскими и которых действительно можно признать таковыми, или потому, что их происхождение дает им право считать себя славянами, или потому, что смешения с русской кровью, язык, нравы и обычаи сделали их единоплеменниками завоевателей края, представляют около семи восьмых сибиряков, и эта пропорция быстро увеличивается к их выгоде, не только вследствие собственного их размножения, но также вследствие численного уменьшения или «обрусения» инородцев. В настоящее время господствующее население Сибири, где великорусский элемент является совершенно преобладающим, почти совсем утратило отличия и особенности, характеризующие малороссов и великороссов, литовцев, эстов, немцев балтийских провинций; оно может быть рассматриваемо, как гораздо более однородное, чем население русской империи в Европе.

Славяне всякого происхождения,—за исключением поляков,—немцы и финны, говорящие русским языком, одинаково русские перед лицом якутов и тунгусов.

Первоначальное происхождение большинства сибиряков хорошо известно. Первые русские, вступившие в торговые сношения с сибирскими народами, были звероловы или промышленные люди, приходившие из новгородских колоний северной России; затем следовали казаки, сопровождавшие Ермака при завоевании им Сибири; но только небольшое число тех и других привели с собой своих жен: большая часть брачных союзов совершалась с туземными девушками. Почти все те, которые прибыли в край впоследствии, до половины девятнадцатого столетия, были невольные колонисты, либо как солдаты или чиновники, либо как ссыльные; эти последние составляли, может быть, самый многочисленный элемент пришлого населения; но смертность между ними была гораздо сильнее, чем между другими жителями страны, и большинство их умирало, не успев основать семьи. Если даже взять среднее число ссыльных, показываемое оффициальными документами, именно, от восьми до девяти тысяч в год[1], то выходит, что в течение двух сот пятидесяти лет более миллиона человек было отправлено против воли в Сибирь, не считая лиц, высылаемых на жительство. По оффициальным данным, в период с 1823 по 1858 г. сосланных было: мужчин 236.489, женщин 42.844; кроме того, 23.285 женщин и детей, следовавших добровольно за главой семейства, всего 304.618 человек; следовательно, средняя годовая цифра составляла 8.700. Первые добровольные поселенцы,—если не считать нескольких отдельных групп, пришедших в прежнее время,—были крестьяне, устремившиеся из России на нижний Амур тотчас после присоединения северной Манчжурии к Российской Империи. При существовании крепостного права, понятно, не могло быть никакого добровольного переселения. Помещики и вообще владельцы крепостных берегли своих крестьян для обработки земель и посылали в Сибирь, по крайней мере, в округи, не имеющие рудников или приисков, только тех несчастных, от которых хотели отделаться; правда, что эти изгнанники, перестав быть рабами, скоро достигали на поселении большего материального довольства, чем каким пользовались у себя на родине. Страны северной Азии населились русскими колонистами, подобно тому, как населились губернии Вятская, Пермская, Оренбургская; но к каторжным, к преступникам всякого рода, к лицам ссылаемым, по приговору общества, за порочное поведение, были прибавлены раскольники и мятежники. Утомительность продолжительного пути, эпидемии, цынга, трудность приспособления к новому климату, тяжелая подневольная жизнь, строгости вынужденного местопребывания, постоянный полицейский надзор, тоска по родине—все эти причины объясняют большую смертность среди ссыльных, а незначительная пропорция женщин между ними допускает лишь медленное восстановление семейств. Русское население Сибири более чем утроилось за последние сто лет, но в сравнении с некоторыми колониями, Азиатская Россия заселилась в очень слабой степени в продолжение почти трех столетий, протекших со времени присоединения Сибирского царства; бывали даже, если верны показания оффициальных переписей, временные убыли в цифре народонаселения некоторых областей: так, в то время, как население Томской губернии возрастает каждый год, вследствие избытка рождений, слишком на 20.000 душ, Иркутская губерния имела в 1873 году жителей на двенадцать тысяч менее, чем за двенадцать лет перед тем (в 1861 году насчитывали 370.455, а в 1873 г. только 358.700 жителей), так что средним числом население этой губернии уменьшалось на тысячу душ в год[2]. В большей части городов население уменьшалось бы, если бы равновесие не восстановлялось постоянным приливом новых эмигрантов; но в деревнях число жителей увеличивается. В целом, не подлежит сомнению, что размножение славянской расы с излишком вознаградило по числу людей убыль, которую туземные племена, за исключением якутов, испытали во многих областях сибирской территории.

Народонаселение Сибири в разные эпохи, без азиатского склона Урала:

1 Максимов, „Сибирь и каторга“.

2 „Russian Revue“, 1876 г., № 10.

1796 г.—1.193.145 жит.; 1816 г.—1.540.424; 1869 г.—3.327.627; в 1870-73 гг.—3.440.362; в 1880 г. (вероятн. цифра)—3.900.000; 1880 г. (с азиатск. Уралом)—5.200.000 жит.

Пропорция мужчин естественно более значительна, чем пропорция женщин, так как Сибирь есть в одно и то же время страна изгнания и добровольного переселения; однако, разность между полами здесь гораздо меньше, нежели в Австралии и в землях дальнего запада (Far West) Северной Америки: в восточной Сибири считают средним числом 10 мужчин на 9 женщин[1].

Имя Сибири сделалось синонимом «страны ссылки». Каждый успех, каждый шаг вперед русского господства в Азии был отмечен линией тюрем: при каждом новом присоединении территории партии ссыльных, медленно тянувшиеся через степи и леса, шли свидетельствовать в отдаленных окраинах империи о могуществе России. Едва только основывался где-нибудь на громадном пространстве сибирской территории острог, монастырь, крепостца, как тотчас же открывались и кельи для ссыльных; колонии Полым, Березов, Селенгинск, Албазин уже при самом рождении были предназначены служить местом заключения: как только донесение об открытии новой земли достигало Петербурга, тотчас же направляли в это новое владение партию каторжников. Таким образом, история страны сливается со скорбной историей ссылки.

Первый указ об изгнании постиг набатный колокол города Углича, виновный в том, что он созвал народ во время убиения царевича Дмитрия клевретами Бориса Годунова, в 1591 году. Он был осужден на «урвание языка и уха», подобно обыкновенным уголовным преступникам и сослан в Пелым[2], куда за ним вскоре последовали граждане его города, затем все лица, казавшиеся подозрительными Борису. В первое столетие русской колонизации Сибирь не получала других ссыльных, кроме государственных преступников, но в конце семнадцатого века малороссы из побежденной Украйны должны были направиться по той же дороге, как и ссыльные из Великороссии: эти малороссийские изгнанники, посылавшиеся небольшими партиями, всего лучше сохранили нравы родной стороны. Затем ссыльные раскольники увеличили собой число сибиряков; но сколько из них погибло в дороге от утомления, от голода, от всякого рода пыток! Сколь многие должны были повторять то, что говорит раскольничий поп Аввакум в своих записках: «Плоты трудно тащить против течения; начальники и конвойные неумолимы, палки их больно бьют, кнуты их режут кожу, а пища наша—падаль, которую и волк не станет есть»! «И эти мучения долго продлятся?» спрашивала жена попа, падая в изнеможении.—«До самой смерти», кротко отвечал Аввакум.—«Да будет воля Божия», говорила она с новым мужеством. В этих сибирских раскольниках легко узнать людей, первое испытание которых, при вступлении в общину, состояло в том, что они давали себе класть горячие уголья в уши.

Стрельцы, тоже раскольники, были сосланы Петром Великим, который велел отправить их в качестве гарнизона в самые отдаленные крепостцы или остроги империи до Охотска и Камчатки: и теперь еще можно встретить прямых потомков этих стрельцов в поселениях на берегах Лены. После царствования Петра придворные интриги привели в Сибирь других невольных колонистов, вельмож и временщиков, Меншиковых, Долгоруких, Бирона, Минихов, Толстых, Бутурлиных. «До свидания на том свете», могли они сказать своим друзьям, отправляясь в Сибирь, как и все ссыльные, ибо большинство их были забыты; другие бесследно пропали в сибирских пустынях, и когда поворот фортуны снова доставлял власть их друзьям, тщетно искали несчастных изгнанников в лесах и тундрах Сибири; один из них, Соймонов, с трудом отысканный, был назначен сибирским губернатором. С 1658 года началась ссылка поляков в Сибирь, но ссылки их массами относятся к царствованию Екатерины II, когда этой участи подверглись барские конфедераты, затем товарищи Косцюшко. Далее, около девяти сот поляков, служивших под знаменами Наполеона I, тоже были посланы в Сибирь. Особенно многочисленны были партии политических преступников, отправлен-

1 „Russian Revue“, 1876 г., № 10.

2 Колокол этот до сих пор находится в Тобольске. *Прим. перев.*

ные после революции 1830 года и различных восстаний, имевших место в Польше с той эпохи. Ссыльные поляки много способствовали прогрессу страны; они улучшили управление рудниками, создали многие местные промышленности, научили садоводству и развили образование в семействах. Поляков, сосланных прямо в Сибирь в 1863 году, насчитывают 18.023[1].

Ссыльные, имя которых возбуждает наиболее симпатий между русскими,—«декабристы», прибывшие в Сибирь в 1826 году. Вначале им действительно приходилось много терпеть, но мало-по-малу судьба их улучшилась, благодаря преданности их жен, пожелавших разделить изгнание мужей, благодаря также нравственному превосходству декабристов над их тюремщиками и выказанному ими духу солидарности: они были соединены между собой в братскую общину, заботившуюся о том, чтобы никто из них не терпел нужды, и чтобы все одинаково могли пользоваться книгами, журналами и другими, возможными в их положении, выгодами цивилизованной жизни. Влияние их до сих пор еще заметно в городах восточной Сибири. Впоследствии и другие политические ссыльные присоединились к сибирскому населению: но им уже не оказывают такого снисхождения и не дают таких льгот, какими пользовались декабристы: они идут пешком, как и арестанты, осужденные за обыкновенные преступления, и работают, наравне с последними, в тюрьмах, рудниках или казенных заводах, не имея права читать, соединяться в товарищества, ни выбирать себе род занятий по своему вкусу.

В прежнее время партии ссыльных осужденных за обыкновенные преступления или по политическим делам, должны были пройти пешком, привязанные рукой к длинной железной палке, пространство почти в 6.000 верст, отделяющее тюрьмы Европейской России от Забайкалья. Это путешествие продолжалось целых два года. И теперь еще ссыльные совершают пешком переход от Томска до Читы: когда партия на пути вступает в деревню, арестанты затягивают, с дозволения начальника конвоя, жалобную песню или, вернее, протяжное завывание, взывающее к милосердию жителей, и крестьяне несут подаяние «несчастным», ибо таково обыкновенное название, которое дают им все сибиряки, отказываясь видеть в них преступников. Каторжные, то-есть осужденные за тяжкия уголовные преступления, везде находят хороший прием, и по водворении их на поселение, возстановление их честного имени облегчается им некоторого рода уважением, которое питают к ним, как к людям с характером, но ссыльно-поселенец, то-есть водворенный в Сибири за воровство или другие менее важное преступление, довольно часто возбуждает к себе презрение в местном населении. Побеги во время следования партии легко осуществимы, но между ссыльными искони установилось не бегать с дороги, дабы их товарищам не пришлось терпеть из-за них. Даже во время пути арестанты соединяются в артели и выбирают из своей среды старосту[2].

Сибиряки, ряды которых пополняются элементами, вербуемыми в одно и то же время между худшими и между лучшими из русских, естественно составляют во многих отношениях резкий контраст с жителями метрополии. С одной стороны, наследственность, с другой, влияние новой среды должны были действовать на них в такой степени, что они образовали собою особенную группу в большой семье народов Российской империи. Их природный ум, который, впрочем, редко бывает развит образованием, может быть, еще более сметлив, чем у жителей Европейской России. Счастье осыпать заезжего человека вопросами играет не последнюю роль в удовольствии, которое испытывает сибиряк, когда ему случится чествовать гостя в своей избе, обыкновенно просторной и опрятно содержимой, где пол лучше выскоблен и вымыт, чем стол в жилище иного горемычного мужика Европейской России. Никогда не испытав на себе крепостной зависимости (за исключением тех, которые были приписаны к казенным рудникам и заводам), располагая большим пространством земли, чем русский крестьянин, и не столь часто приходя в соприкосновение с чиновниками всякого рода, сиби-

1 Совершенно неверно: в каторгу 972 чел. и на поселение 1.427 чел. *Прим. ред.*

2 Все это относится к прежнему времени; ныне, как известно, ссыльные перевозятся морским путем на остров Сахалин. *Прим. ред.*

ряки обладают более сильным чувствам равенства: у них нет ничего раболепного ни в голосе, ни в манерах, но, с другой стороны, они не отличаются и природной кротостью нрава, наивным добродушием славян Европейской России. Вообще говоря, они не походят на россиян ни нравами и обычаями, ни качествами характера и деятельности. Главный их недостаток—равнодушие, индифферентизм: очень практичные и разсчетливые, они никогда не увлекаются ни религиозным рвением, ни политическими идеями; между ними не встретишь ни поэтов, ни музыкантов. Они любознательны, но не хотят дать себе труда учиться: они любят удобства жизни, но не умеют добыть себе их посредством труда; они называют себя равными друг другу, но им не приходит мысли сделаться свободными. Однако, примеры великого самоотвержения, которыми так богата история сибирских ссыльных, не пропадали даром, и, подобно золотым жилам в гнилой горной породе, достойные удивления характеры проявляются там и сям среди общей посредственности. Если Сибири суждено когда-нибудь приобрести значительную важность в цивилизованном мире, как можно надеяться в виду природных богатств большой части её территории, то она не приминет оказать свое действие в смысле развития местной автономии и свободы.

Точно так же, как в Европейской России, масса сибирского народонаселения сгруппирована в сельские общества. Вся земля Сибири, за исключением нескольких земельных владений, уступленных в особенных условиях, остается до сих пор достоянием государства, и обществам принадлежит только право пользования ею: так, например, в Енисейской губернии существует всего только один землевладелец, права которого восходят ко временам царствования Екатерины II. Но частная земельная собственность уже создается сама собой косвенным образом, именно путем долгосрочных аренд, заключаемых на восемьдесят лет, подобно тому, как это мы видим, например, в Англии. В Сибири, как и в России, совокупность мира ответствует круговой порукой, за исправный взнос в казну податей и распределяет земли соответственно числу «душ», то-есть способных к работе лиц мужского пола, которые, в свою очередь, должны уплачивать обществу долю податей и сборов, падающую на данную семью. Средним числом, сибирский мир или сельское общество состоит из нескольких деревень, имеющих каждая свою долю земли, соответствующую приблизительно числу её жителей, так что каждая «душа» располагает участком около пяти десятин,—пространство, которое, при хорошей обработке, было бы вполне достаточно для содержания нескольких семейств. Но практикуемая ныне система земледелия есть не что иное, как хищничество: сибирский крестьянин не употребляет удобрения и придерживается переложного способа хозяйства; он утилизирует только треть своих земель, и, собрав три или четыре жатвы с данного участка, переходит к другой части своего поля. При таком порядке, пахатная земля может быть распределяема вновь только по прошествии длинного периода лет, в эпохи ревизий или народных переписей, тогда как луга, регулярно производящие получаемый с них продукт, сено, подвергаются переделу каждый год. Лес остается в общем пользовании; однако, всякий крестьянин может поселиться в лесу, вырубить себе там просеку и расчистить землю под пашню, но он не делается собственником занятого им участка, и управление государственных имуществ может во всякое время отобрать у него эту землю, выдав ему вознаграждение в размере нескольких рублей за десятину.

Сельское общество обязано принимать в свою среду всех ссыльно-поселенцев или каторжных, перешедших в разряд ссыльно-поселенцев по истечении срока каторги. Они получают место для постройки дома, полдесятины земли для разведения огорода и пропорциональную долю полей и лугов; но есть много несчастных, которые остаются вне всякого сословия и не пользуются ни землей, ни правами. Это изменчивое население состоит из бродяг, число которых, разумеется, неизвестно чиновникам, производящим перепись, но которые, по приблизительному исчислению, составляют около четверти осужденных на каторжные работы; с 1848 по 1849 год из одних только нерчинских тюрем бежало 3.104 человека. Бродяги убегают от тяжелой работы в рудниках или от тоски тюремного заключения, подвергая себя образу жизни, который показался бы ужасным для всякого другого человека, кроме арестанта. Да и это счастье пожить на воле, где сам себе господин, продолжается лишь

несколько месяцев, ибо во время жестокой зимы беглым в большинстве случаев не остается иного исхода, кроме как явиться к властям и дать себя запереть, под вымышленным именем, в каком-нибудь остроге, отдаленном от того, где они содержались до бега. Чтобы воспрепятствовать побегам, русские власти Забайкальской области и других стран Сибири в прежнее время приказывали вырывать ноздри всем осужденным на каторгу; затем с 1861 года им клали клейма на лбу и на щеках, то-есть буквы, выжженные на теле; теперь ограничиваются тем, что ставят вне закона всех бежавших с каторжных работ, и таким образом дали тунгусам и бурятам право безнаказанно стрелять по несчастным. Благодаря этому, нравы туземцев ожесточились, и человеческая жизнь теперь ценится очень дешево в тех краях: свист пули скоро теряется в безмолвии тайги[1]. В Забайкале существует повсеместное поверье, что бурят в этом случае думает про себя так: «худенький беглый, лучше доброй козы, потому что на козе одна шкура, на чалдоне (бродяге) три: рубаха, кафтанишко и кое-какой полушубок»[2]. Тем не менее нет недостатка в беглых даже в этих странах; они скоро научаются избегать опасных мест, угадывают направление, по которому нужно следовать в девственном лесу, и узнают знаки, оставленные тунгусами и другими, прежде их приходившими бродягами. От одной оконечности Сибири до другой все бродяги покрыли страну приметами таинственными или даже невидимыми для других, но совершенно ясными для них всех. Притом же им покровительствуют крестьяне, которым выгодно употреблять их на работу в своих хуторах, не давая им другого жалованья, кроме пропитания. В отдельно стоящих домах бродяги всегда находят хлеб, молоко, соль, какую-нибудь старую одежонку, оставленные крестьянами для своих несчастных братьев. Есть множество деревень, где бродяги могут жить без опаски, даже заниматься хлебопашеством и основывать собственную семью, будучи вполне уверены, что никто из жителей не выдаст их начальству; кое-где они даже построили целые деревни. Иногда случалось, что сами власти в непредвиденных обстоятельствах, когда нельзя было найти в достаточном числе обыкновенных рабочих, делали призыв к «бродягам», с молчаливым обязательством не спрашивать у них вида на жительство, и сотни беглых из окрестных лесов тотчас же являлись для исполнения требуемой работы. Замечено, что, по оффициальцым статистическим сведениям, число стариков, достигших столетнего возраста, гораздо значительнее в Сибири, чем в Европейской России, где, однако, средняя смертность менее велика; именно оказывается, что один столетний старик приходится в Сибири на 103, а в России на 2.702 жителей[3]. Но многие из этих якобы столетних сибирских стариков не бродяги ли, принятые сельскими обществами в свою среду на место умерших крестьян? «Непомнящий родства» беглый, какой-нибудь «Иван Безъимянный» или «Михайло Ничегонезнайкин»; получил бумаги, которые делают его в глазах всех представителем известной семьи. Что за беда, если эти документы прибавят лишние два или три десятка лет к его возрасту.

Бродяги, убежавшие из своей тюрьмы или с места водворения, не единственный бродячий элемент среди сибирского населения. В этой беспредельно обширной стране самая громадность пространства располагает человека к бродячей жизни. Так, секта «странников» имеет много представителей в Сибири, где они беспрестанно бродят по лесам и горам, в поисках за той чудодейственной «Белой водой», которая очищает их от всех грехов и в то же время доставляет им бесконечные сокровища[4]. В большей части городов и деревень они находят друзей, которые, принадлежа втайне к той секте, ведут оседлую жизнь и по наружности соблюдают обряды православной веры: единственная их миссия состоит в том, чтобы давать приют своим странствующим братьям и укрывать их от глаз полиции. Когда странника откроют и засадят в острог, он благодарит Господа за посланное ему испытание, долженствующее очистить и укрепить его веру. Тем не менее раскол находит, вообще говоря, менее

1 Von Middendorf, „Sibirische Reise".
2 Крапоткин, рукописные заметки.
3 „Русский Временник", II, 1872 г.
4 Albin Kohn und Richard Andree, „Sibirien und das Amur-Gebiet".

благоприятную почву в Сибири, чем в Европейской России; индифферентизм сибиряка в деле религии, в конце концов, оказывает свое действие на самих раскольников. За исключением староверов, живущих в долинах Алтая, и колоний на Амуре, основанных духоборцами, огромное большинство славянского населения края состоит из православных; во всей Сибири существует только пять протестантских церквей, и по данным оффициальных переписей, насчитывается только 6.990 протестантов на всем пространстве от Тобольска до Владивостока[1]. Миссионерское учреждение, основанное в Иркутске, занимается обращением сибирских инородцев в православную веру.

Земледельческая производительность Сибири, находящаяся еще в первобытном состоянии, едва достаточна для прокормления жителей страны, хотя в южной полосе её много превосходных земель, которые могли бы давать в изобилии все продукты умеренной Европы. В одном описании России, переведенном Клапротом[2], китайский автор говорит с удивлением о том, что русские, хотя и умеют сеять хлеб, «незнакомы с искусством выпаливать сорные травы, выростающие на нивах». Это замечание китайского писателя сохранило всю свою справедливость до сего дня, и сибиряки все еще повторяют поговорку, слышанную от них Гмелиным: «Все, что дает труд, дурно, потому что исходит не от Бога». Некоторые русские раскольники и переселенцы китайские и корейские в Приморской области подают, правда, пример выдержанного труда сибирским земледельцам, но они не находят подражателей; почти везде поля и огороды имеют вид запустения. Но луга, разумеется, очень хороши, богаты сочной травой и прокармливают большое количество скота. Лошади, впрочем, не пользующиеся заботливым уходом, живущие табунами почти дикими, тоже очень многочисленны в Сибири; там насчитывают почти по лошади на каждого жителя. «Сибирская язва», которая производит большие опустошения между стадами, зародилась первоначально, как говорят, в Барабинской степи.

Звероловство, которое некогда играло капитальную историческую роль, так как оно привело к открытию и колонизации Сибири, до сих пор остается одним из главных промыслов Азиатской России, и, как было двести лет назад, так и теперь все те же якуты и тунгусы доставляют своим победителям дань шкурами пушного зверя или ясак, подающий повод к стольким жестокостям и бесчестным спекуляциям; однако, и ныне еще есть целые деревни промышленников, занимающихся охотой на пушного зверя: эти охотники самые благородные из сибиряков, самые прямодушные и самые храбрые[3]. Около пятидесяти видов животных преследуются ради их более или менее дорогого меха, и количество особей, убиваемых в течение промыслового сезона, нужно считать миллионами. Ежегодный вывоз из Сибири мехов всякого рода, не включая сюда шкур морских животных, представляет валовую ценность от 4 до 5 миллионов рублей. Соболий мех служит регулятором цен для всех родов сибирского пушного товара; он стоит средним числом, от 8 до 10 рублей за шкуру, но лучшие меха, с густой черной остью, черной подпушкой и белым кончиком, достигают, в самой Сибири, цены 60 рублей; а так как соболь маленький зверек, меньше европейской куницы, и брюшки не употребляются на выделку дорогих мехов, то требуется до 80 шкурок для одной шубы, вследствие чего цена такой шубы доходит до 5.000 рублей. Мех чернобурой лисицы ценится еще дороже, чем соболий, так что за одну шкуру высшего качества платят 300 руб. и больше. Шкурки белок одни доставляют около третьей части дохода, получаемого Сибирью от продажи мехов: случалось, что до десяти миллионов, даже до двенадцати и пятнадцати миллионов этих грызунов были убиваемы в один год во время их переселений несметными стаями, когда выгонит их лесной пожар, или неурожай кедровых орехов. Китай получает через Кяхту значительную часть этих мехов, но Европа получает их гораздо больше: на ирбитской ярмарке приезжие купцы, русские, польские, немецкие, оспаривают друг у друга

1 Finsch, „Reise nach West-Sibirien“.
2 Memoires relatifs a l'Asie.
3 Радде;—Крапоткин.

драгоценные шкуры пушного зверя, цена которого увеличивается вдесятеро, при переходе из страны лова в страну потребления. В 1676 году на ирбитскую ярмарку были привезены следующие количества пушного товара[1].

Белки (сплошь серой)—5.000.000 шкур; горностая—215.000 шкур; зайца—300.000 шкур; лисицы разных пород—82.000 шкур; куницы разных пород—750.000 шкур; соболя—12.000 шкур; другой пушнины—200.000 шкур.

Известно, что многие виды пушного зверя, особенно из самых дорогих и потому наиболее ревностно преследуемых, значительно уменьшились в числе с тех пор, как сибирские тайги и урманы вошли в круг притяжения европейских рынков. Однако, ни один из сухопутных видов, за которыми гоняются сибирские охотники, еще не исчез совершенно. Леса представляют им более безопасные убежища, чем какие могут дать берега океана морским животным.

Рыболовство имеет первостепенную экономическую важность для сибиряков, так как оно доставляет главную пищу целым населениям, не только между инородцами, но также между жителями русского происхождения. Но большой рыболовный промысел значительно уменьшился, по крайней мере на Байкале. Русские не гоняются более за китами в полярных морях, а что касается ловли других морских зверей китовой породы, то русских промышленников сменили американские рыболовы в северном Тихом океане и норвежские в Карском море. Совокупность сибирских рыболовных промыслов, имеющих целью не местное потребление,—которое громадно,—но вывоз продуктов в другие места, представляет ежегодно весьма незначительную ценность. В этом отношении, громадная Сибирь с её тысячами верст протяжения морских берегов, с её большими озерами, её исполинскими реками и бесчисленными их притоками, менее важна, нежели одни только бассейны Кубани, Терека и Куры, на обоих склонах Кавказа.

Горная промышленность тоже значительно уменьшилась, по размерам добывания, с половины настоящего столетия, но, тем не менее, богатства рудных месторождений Сибири обеспечивает этой стране высокое место между государствами, производящими драгоценные металлы. Средним числом, Российская империя доставляет торговле восьмую часть золота, собираемого каждый год во всем свете, и три четверти этого количества, то-есть около одиннадцатой части всемирной добычи, приходится на долю Сибири. В первой четверти текущего столетия были произведены первые промывки золота в ручьях и речках сибирского Урала, и уже ранее алтайские рудники обогащали казну Императорского кабинета, которому они принадлежат; но период процветания начался около 1825 года и продолжался до половины нынешнего столетия. С этой эпохи число рудников и золотопромывальных заводов возрасло, правда, но выгоды, даваемые этими предприятиями, стали гораздо меньше против прежнего времени. Это объясняется, во-первых, тем, что люди, заправляющие этими предприятиями, почти все без исключения не обладают необходимым образованием, они не знают уже горных пород, доставляющих золотоносные пески. С другой стороны, пески в большей части речек, несущих золото, действительно оскудели с тех пор, как тысячи золотоискателей бросились на поиски драгоценного металла. Среднее содержание золотоносных песков в Енисейской губернии постепенно понизилось с 3 тысячных чистого золота до пятой и даже десятой доли этого количества[2]. Сверх того, владельцы рудников и приисков лишились монополии, которая так обогащала их в прежния времена; они не располагают более тысячами подневольных работников, которых им давала казна. Труд сделался свободным, и между тем, как ценность золота постепенно уменьшалась на рынке, соразмерно изменению цен на жизненные припасы и произведения обработывающей промышленности, плата рабочим возрастала. Однако, эти последние по-прежнему остаются в самом бедственном положении: работая в холодной, полурастаявшей воде ручьев, постоянно подверженные резким переменам и непогодам чрезвычайно сурового климата, мучимые комарами и мошками,

1 Субботин, „Курс промышленной экономии“.

2 Субботин, „Курс политической экономии“.

принужденные проводить ночь в грязных, вонючих сараях, они, вдобавок ко всему этому, получают недостаточную и недоброкачественную пищу, запиваемую отравленной водкой, которые, т.е. пищу и водку, они должны покупать в лавочках хозяев приисков, платя в три или четыре раза дороже против действительной цены товара. В конце приискового сезона, когда мороз снова превратит песок в камень, большинство рабочих оказываются такими же бедными, какими они были, отправляясь на прииски, да и те, которым удалось сберечь кое-какие деньжонки, тотчас же пропивают их в кабаках, ближайших к прииску деревень, каковы, например «Париж» и «Лондон» в Олекминском округе. Средним числом, насчитывают тысячу золотопромывальных заведений, или приисков, добывающих около двух пудов золота в год, может быть, около двух с половиною пудов, если принять в рассчет количество металла, которое удается скрыть от чиновников фиска, чтобы не платить установленной пошлины. С 1726 года, эпохи, когда началась эксплоатация золотых рудников в Сибири, количество собранного золота не должно быть, по ценности, менее 750 миллионов металл. рублей (добыча золота во всей России, как Европейской, так и Азиятской, в период с 1820 по 1876 год: 76.337 пудов; ценность 1.105.000.000 металл. рублей). После Урала и Алтая, самыми производительными золотоносными местностями должны считаться области в бассейнах верхнего Енисея и Ангары, а также в бассейнах Витима и Олекмы. В 1877 году в восточной Сибири насчитывали золотоискателей 51.272 челов. В настоящее время ежегодная добыча золота в Сибири исчисляется, по ценности, в 7 с половиной миллионов металл. рублей.

Добывание серебра в Сибири пропорционально гораздо менее значительно; тем не менее, однако, Забайкальские серебряные рудники, самые важные и разрабатываемые уже с начала восемнадцатого столетия, доставили смешанную с свинцом массу серебра, весом около 200.000 пудов, представляющую ценность более 125 миллионов металл. руб.; средняя годовая ценность простирается до 1.250.000 металл. руб. Медь тоже составляет предмет довольно значительной разработки на Урале и на Алтае, но главной металлической промышленностью края должно считаться добывание железа. Первый железоплавильный завод, основанный на сибирской покатости Уральского хребта, существует уже около двух с половиной столетий; в настоящее время занимается около ста тысяч рабочих в различных металлургических заведениях Екатеринбургского горного округа, и железо, которое они утилизируют, принадлежит к лучшим известным до сих пор сортам этого металла. Ежегодное производство утроилось на Урале с начала нынешнего столетия; но нужно заметить, что в тот же период времени возрастание этой отрасли промышленности было гораздо значительнее в большей части цивилизованных государств. Ежегодная добыча железа на Урале европейском и азиатском:

С 1797 по 1867 г. 169.000 тонн. С 1867 по 1877 г. 492.000 тонн.

Графит тоже разрабатывается на Урале, и недавно разрабатывался на горе Алибера, близ Иркутска. Сибирь извлекает из своих соляных озер, соляных источников и копей все количество поваренной соли, необходимое для местного потребления. Что касается угля, то она имеет его в значительных количествах, в Кузнецком округе, в бассейне Лены, в бассейне Амура, на острове Сахалин; но до сих пор эти минеральные богатства остаются почти без всякого употребления. Да и какую пользу могли бы принести эти обильные запасы ископаемого топлива в стране без промышленности, почти без жителей?

Мануфактурныя заведения, в роде фабрик, какие мы видим в Европе, могут, само собой разумеется, возникать лишь в южной полосе Сибири, где поселилось русское население, но и там они еще редки, и совокупность их производства представляет только незначительную часть различных предметов фабричной промышленности, из которых Сибирь нуждается каждый год. Предприимчивые люди искание счастья в разработке золотоносных россыпей предпочитают занятию серьезной промышленностью, и, благодаря этому, золотые прииски поглощают почти все мелкие капиталы сибиряков. Железные изделия привозятся с Урала, фаянсовая посуда, разного рода материи, кожаный товар получаются из Европейской Рос-

сии; предметы роскоши, настоящие или поддельные, также приходят с запада: жители восточной Сибири покупают все продукты этого рода до самых малоценных, даже свечи, чашки, гвозди, писчую бумагу, на рынках, лежащих к западу от Иртыша и Тобола. Большая часть сибирских фабрик и заводов, основанных в прежнее время, располагали трудом каторжников, и, не имея надобности платить жалованье рабочим, могли, благодаря этому обстоятельству, выдерживать, в отношении некоторых предметов производства, конкурренцию с российскими или иностранными фабриками, но в наши дни ручной труд оплачивается в Сибири столь же дорого, как и в других частях Российской Империи, а в некоторых местах, как например, в бассейнах Енисея и Амура, заработная плата даже выше, чем в России. Мануфактурная промышленность Сибири в собственном смысле имеет действительную важность только по одной отрасли—по части винокуренного производства: в Азии, как и в Европе, зерновой хлеб и картофель массами превращаются в водку и продаются в бесчисленных кабаках; однако пьянство может быть, менее распространено в Сибири, нежели в Европейской России. Считая эти винокуренные и водочные заводы вместе с мануфактурами, оказывается, что общее число промышленных заведений, на всем пространстве от Оби до Амура, превышает тысячу. По исчислению г. Субботина, в 1876 году фабрик и заводов во всей Сибири было 1.100; рабочих на них 4.000; годовое производство около 8.000.000 рублей следовательно, на каждого жители приходится по 1 р. 80 копеек.

Впрочем, страна, очень бедная городами, то-есть притягательными центрами для всякого рода деятельности, удовольствий для умственной жизни и школьного образования, понятно, не может иметь промышленности, кроме самой первобытной, так сказать, зачаточной. Громадная Сибирь, превосходящая по протяжению весь европейский континент, содержит, вместе с горнозаводской областью восточного Урала, всего только семнадцать городов, имеющих свыше 5.000 жителей; следовательно, там приходится по одному городу на пространство, равное Франции и Апеннинскому полуострову, взятым вместе. Да и эти немногие города походят скорее на деревни, а большая часть их жилищ состоят из простых деревянных строений. Каменные дома еще очень малочисленны в Сибири: в 1875 году более половины городов, именно 18 из 31, не имели ни одного здания, построенного не из дерева, да и в тех городах, где существовали каменные или кирпичные постройки, их насчитывали не более, как десятками[1]. В некоторых частях восточной Сибири опасение землетрясений способствует, повидимому, в некоторой степени, поддержанию обычая строить дома из дерева; но главную причину этого способа постройки следует искать, без сомнения, в первобытном состоянии сибирской цивилизации вообще[2]. Замечательно, впрочем, что сибирские города населяются очень медленно; почти все приращение народонаселения приходится на долю деревень. Число городских жителей увеличивается гораздо менее от перевеса рождений над смертными случаями, чем от прибытия новых поселенцев из России. Некоторые важные ярмарки до сих пор еще происходят в чистом поле, и иная лесная просека на берегах Амура или Лены, становится, в известное время года, сборным местом, куда сходятся для мены тысячи якутов, тунгусов, русских; знаменитая ирбитская ярмарка первоначально тоже собиралась на открытом поле в лесу. Сибирские купцы почти все из уроженцев российских губерний, либо из владимирских офеней, вязниковцев, которые, переходя с рынка на рынок, добрались, наконец, до страны якутов и бурят, либо из приказчиков, уроженцев северной России, которые еще детьми были отданы внаймы или, лучше сказать, проданы своей семьей. Один только город Чердынь, Пермской губернии, поставляет этой торговле каждый год от двадцати до сорока мальчиков, которых извозчики отвозят, за условленную плату, на ирбитскую ярмарку, и которые поступают, в качестве учеников без жалованья, к какому-нибудь патрону, хозяину заведения или купцу[3].

Торговля Сибири с Европейской Россией, естественно, должна быть значительна, так как

1 Ровинский, „Древняя и Новая Россия”, 1875 г., № 2.

2 Потанин, „Древняя и Новая Россия”, 1879 г., № 6.

3 Потанин, цитированная статья.

большая часть мануфактурных произведений и все предметы роскоши привозятся в Сибирь из-за Урала; но торговые сношения с Китаем, страной сопредельной с сибирской территорией на протяжении нескольких тысяч верст, все еще представляют очень небольшую относительную важность и даже уменьшились в последнее время пропорционально общей торговле империи. В торговом обмене между двумя государствами Китай играет первую роль, так как он является страной отпуска; но потребление чая, который китайцы отправляют через сибирские таможни, возростает довольно медленно; притом же морской путь через Суэзский канал противодействует дорогам через Сибирь, и конкурренция его все более и более усиливается с каждым годом. Что касается произведений мануфактур российских и сибирских, то они лучше расходятся между киргизами и монголами, чем между обладающими более утонченным вкусом и более требовательными китайцами, которые, при том же, получают через свои приморские порты все нужные им европейские товары. Русская Приморская область доставляет, правда, «морскую капусту», трепанг и рыбу соседним территориям Китая; но пока население русской Манчжурии будет состоять всего лишь из нескольких десятков тысяч жителей, эта торговля, понятно, не может иметь сколько-нибудь важного экономического значения.

Торговля России с Китаем, по Субботину:

		Отпуск рубли	Привоз рубли	Общая сумма рубли	Отношение ко всей внешней торговле России
Средняя цифра за	1827-1831 гг	12.000.000	200.000	1.400.000	1%
	1842-1846	6.500.000	6.500.000	13.000.000	8%
	1864-1868	5.800.000	4.500.000	10.300.000	2,5%
За 1876 г		2.500.000	14.100.000	16.600.000	2%

Слабое развитие торговых сношений между Сибирью и странами крайнего азиатского Востока обнаруживается, между прочим, малочисленностью телеграфических депеш, передаваемых из России в Китай и Японию; общее число их немногих превышает тысячу штук, именно:

Движение депеш между Россиею и Китаем в 1878 году—595; движение депеш между Россиею и Японией в 1878 году—515; всего—1.110.

Депеши, передаваемые транзитом между Западной Европой и Китаем и Японией, через Владивосток, гораздо более многочисленны, чем телеграммы из России (в 1878 году транзитом через Владивосток было передано по телеграфу 246.332 слова, что составит около 20.000 депеш).

Пути сообщения, которыми Сибирь обогатится мало-по-малу, будут, без сомнения, способствовать, как увеличению народонаселения края, так и развитию его торговых сношений. Уже существующая ныне большая дорога из Перми в Кяхту, или «сибирский тракт», как ее обыкновенно называют, более сделала для цивилизации Сибири, чем даже водяные пути, представляемые большими судоходными реками. Жители сгруппировались преимущественно вдоль этой дороги и до некоторого расстояния с каждой стороны её; партии телег или саней с кладью тянутся по ней длинными вереницами в эпоху ярмарок, проходя, средним числом, от 70 до 100 верст в день, несмотря на то, что летом местами приходится с большим трудом пробираться через топи и болота. Лошади, принадлежащие к особой породе, едят на ходу из яслей, привязанных к предшествующему возу и часто на половину наполненных снегом, который смешивается с овсом; во главе обоза идет телега старшины или главного восчика, украшенная маленькой часовенькой, походной церковью, заключающей св. икону. Извоз, то-есть перевозка кладей, вызвал к жизни, вдоль сибирского тракта, богатые, цветущие деревни, состоящие обыкновенно из одной улицы, которая тянется на версту и на две и обставлена красивыми, двух-этажными домами, украшенными балконом и составляющими резкий контраст с теми бедными, невзрачными лачугами, в каких живут крестьяне центральной России. Некоторые из мест остановка, следующих одно за другим по

краям этого пути, через известные, отдаленные промежутки, поднялись на степень городов, и те из них, которые находятся на берегу значительной реки, и, следовательно на перекрестке дорог, получили, понятно, особенно важное значение. Перемены в направлении тракта каждый раз сопровождались упадком оставшихся в стороне от дороги городов, быстрым возростанием приобретших выгодное положение мест, появлением новых поселений в лесу или в степи. Железные дороги, к которым присоединятся побочные ветви, будут, без сомнения, иметь подобные же следствия, а недалеко то время, когда открытие этих усовершенствованных путей сообщения оживит этот пока еще малонаселенный край. Рельсовый путь проложен уже через Уральские горы, и две станции, следующие одна за другой по обе стороны порога, носят названия «Европы» и «Азии»: но этот путь еще не связан с европейский железнодорожной сетью. Ветвь, долженствующая соединить железные дороги Европы и центральной Азии с трансазиатской линией от Екатеринбурга до Пекина, пройдет, как кажется, через Оренбург. Расстояние от Урала до столицы Китая исчисляется генералом Богдановичем в 5.800 километров, из которых немного более 1.100 километров находятся на китайской территории[1].

Первый участок этой магистральной линии, между Екатеринбургом и Тюменью, уже начат: расходы на сооружение его исчислены в 25 миллионов рублей, для расстояния около 350 верст; устройство же всего пути на протяжении от Урала до Тихого океана потребует не менее 500 миллионов метал. рублей. Когда Сибирь, так долго остававшаяся вне пути наций, сделается обязательным местом проезда для большей части путешественников между Европой и крайним Востоком, это событие, без всякого сомнения, повлечет за собой настоящий переворот в истории народов[2]. Китай только с одной стороны легко доступен для постройки международных железных дорог, именно со стороны сибирской территории. На юге, на западе Срединной Империи высокие плоскогорья, горные цепи поднимаются до пояса постоянных снегов, тогда как на северной границе, открывающиеся в хребтах проломы и пороги, с правильными, более или менее отлогими скатами, делают возможным во многих местах переход из бассейнов Иртыша и Амура в бассейн Желтой реки. Дорога, по которой происходили в древности воинственные переселения гуннов и монголов, легко может снова открыться, но на этот раз она будет служить средством для движения локомотивов и вагонов. Какие нации, какие расы извлекут наибольшие выгоды из этого пути, долженствующего соединить две противоположные покатости Старого Света? Это одна из самых серьезных проблем будущего.

Сибирский народ не приготовляется сильным общественным образованием к предстоящим ему высоким судьбам в цивилизованном мире. Сибирь стоит еще гораздо ниже Европы в отношении пропорционального числа школ и учащихся. В некоторых сибирских городах едва насчитаешь десяток детей, посещающих школу. В 1870 году во всей восточной Сибири существовало только 283 учебных заведений с 8.610 воспитанниками, для населения, простиравшагося до полутора миллиона человек. В 1876 году общественное образование в Сибири, без азиатского склона Урала, представляло следующие цифры:

Народных школ—600, с 16.200 учащ. (14.000 мальчиков и 2.200 девоч.); высших школ—96, с 3.800 воспитанниками.

Известно, что во многих округах русские колонии, затерянные среди якутского населения, забыли свой родной язык и даже славянские нравы до такой степени, что там мужчины покупают себе жен, уплачивая калым, как туземцы. Тем не менее многие сибиряки, очень замечательные своими познаниями и трудами, уже выдвинулись из толпы, и между современными учеными и литераторами России найдется не мало сибирских уроженцев, даже та-

1 „Congres international des Sciences geographique de Paris“, aout 1875.

2 Все это относится к давно прошедшему. В настоящее время открыть уже прямой железнодорожный путь из Сибири в Европу, вследствие чего изменился весь внешний и внутренний строй сибирской жизни. *Прим. перев.*

ких, в жилах которых есть примесь бурятской или якутской крови. Но молодые люди Азиатской России, желающие приобрести серьезное научное образование, принуждены еще отправляться в Европу. Сибирский университет, так давно ожидаемый и заранее обеспеченный в своем существовании значительным капиталом, пожертвованным еще полстолетия тому назад, теперь только приступает к сооружению своего здания и едва выводит первые ряды камня над уровнем почвы: основание его было решено Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета только в 1878 году[1]. В этом же году во всей Сибири для населения в 4 миллиона человек, живущих на пространстве, более обширном, чем Европа, существовало только два журнала, один еженедельный, другой ежемесячный, если не считать оффициальных листков, Губернских или Областных Ведомостей, издаваемых в каждом губернском или областном городе.

В административном отношении Сибирь разделена на два генерал-губернаторства: Западную Сибирь, главное управление которой находится в Омске, и Восточную Сибирь, где главный город Иркутск; эти части подразделяются на губернии и области, которые, в свою очередь, делятся на округи и уезды. Амурская область, управление которой имеет более военный характер, чем управление других частей этой громадной территории, разделена на казачьи «полки» и «батальоны». В целом, можно сказать, что администрация Сибири организована по образцу управления Европейской России. Учреждения муниципальные, судебные, религиозныя—все установлено по тому же плану, и различия, происходящие от громадности пространств и местных обычаев и особенностей, мало-по-малу сглаживаются. В прежнее время настоящими господами этого обширного края, вне городов, были купцы: пользуясь монополией торговли мехами пушного зверя, они располагали жизнью целых населений. И теперь еще купцы имеют большую силу; однако, в наши дни власть генералов и высших гражданских чиновников правительства берет перевес над значением купечества. На практике эти представители верховной власти имеют все права, и их воля или их каприз всегда исполняются. Страна изгнания и тюрем, населенная ссыльными и сыновьями невольных поселенцев, которые слишком малочисленны, слишком разбросаны, чтобы образовать группу солидной оппозиции, Сибирь никогда не домогалась автономии. Но если бы даже она и приобрела ее когда-нибудь, жители ее слишком тесно связаны с европейскими русскими, узами общего происхождения и общей гражданственности, чтобы будущее этих двух стран могло быть разделено. От Дуная до Амура Россия и Сибирь имеют одни и те же политические судьбы, и одна и та же цель всегда будет соединять две нации, если бы даже одна и та же воля когда-нибудь перестала направлять руки, наводящие пушки Севастополя и Владивостока.

Какова будет в истории человечества роль, долженствующая выпасть на долю этого колоссального государства, уже столь могущественного, хотя его народы еще так мало утилизировали свои громадные естественные богатства? Без сомнения, держава, владения которой раскинулись на половине земной окружности и которая считает сотню миллионов подданных, два миллиона солдат, имеет большой вес в делах мира; но не толпой вооруженных людей измеряется влияние наций в общем ходе человеческого прогресса: оно измеряется степенью осуществления ими принципов справедливости, их труда и жертвами в пользу общей цивилизации и свободы.

Нижеследующая таблица дает список губерний, областей, округов и уездов Сибири и азиатской покатости Уральского хребта, равно как тех административных делений и «центральной Азии», которые составляют часть Обского бассейна.

Губернии и области	Уезды и округи	Квадр. кило-метр	Жителей в 1897 году
Уезды, причисляемые к Европейск. России			
Азиатский склон	Верхотурский	63.415	263.955

1 В настоящее время, как известно университет уже открыт и дело народного образования в Сибири значительно развилось.

Губернии и области	Уезды и округи	Квадр. кило-метр	Жителей в 1897 году
	Екатеринбургский	28.380	418.905
	Ирбитский	10.120	152.934
	Камышловский	15.290	254.723
	Шадринский	17.985	319.286
	Вместе	135.190	1.409.803
Азиатский склон Оренбургской губ.: 4 уезда	Троицкий	18.525	203.599
	Челябинский	39.050	417.037
	Орский	43.955	208.561
	Верхнеуральский	58.625	224.739
	Вместе	155.155	1.053.936
Центральная Азия (Покатость Оби)			
Тургайская область	Николаевский	84.993	90.000?
Акмолинская обл.: 4 уезда	Акмолинский	125.772	184.297
	Кокчетавский	72.479	155.253
	Омский	46.713	99.548
	Петропавловский	69.366	154.670
	Всего	314.330	593.768
Семипалатинская обл.: 4 уезда	Семипалатинский	75.145	156.838
	Каркаралинский	200.255	171.558
	Кокбетинский	98.263	103.693
	Павлодарский	116.011	157.215
	Вместе	487.674	589.304
Западная Сибирь			
Тобольская губерния: 10 округов	Тобольский	121.330	127.968
	Березовский	1.010.625	20.644
	Сургутский		7.752
	Ишимский	41.140	270.463
	Курганский	23.450	262.072
	Тюкалинский (Омск)	66.330	207.716
	Тарский	80.080	159.572
	Туринский	86.955	70.370
	Тюменский	19.415	121.831
	Ялуторовский	22.440	190.096
	Вместе	1.471.745	1.438.484
Томская губерния: 6 округов	Томский	298.760	275.489
	Барнаульский	128.536	585.344
	Бийский	187.385	334.042
	Каинский	76.450	186.561
	Кузнецкий	97.845	164.300
	Мариинский	73.865	139.866
	Вместе	862.840	1.685.602
Восточная Сибирь			
Енисейская губерния: 6 округов	Красноярский	20.497	94.313
	Енисейский	454.084	65.214
	Каинский	83.064	93.656
	Ачинский	58.240	110.806
	Минусинский	106.402	182.649

Губернии и области	Уезды и округи	Квадр. кило-метр	Жителей в 1897 году
	Туруханский	1.849.141	11.117
	Вместе	2.571.428	557.753
Иркутская губерния: 5 округов	Иркутский	79.854	158.737
	Балаганский	43.676	143.736
	Нижнеудинский	121.539	80.603
	Верхоленский	88.080	69.078
	Киренский	467.619	54.363
	Вместе	800.768	506.517
Якутская область: 5 округов	Якутский	866.899	143.799
	Олекминский	361.654	34.080
	Вилюйский	1.032.893	67.418
	Верхоянский	804.924	12.182
	Колымский	762.283	4.314
	Вместе	3.929.193	261.731
Забайкальская обл.: 6 округов	Читинский	28.589	141.154
	Нерчинский	26.590	90.817
	Окр. Нерч. завода	36.056	75.625
	Верхнеудинский	41.468	165.654
	Селенгинский	38.910	102.307
	Баргузинский	42.968	23.695
	Вместе	623.596	599.252
Амурская область		282.122	118.570
Приморская обл.: 6 округов	Николаевский		10.000
	Софийский		9.870
	Петропавловский		8.325
	Охотский		4.766
	Гижигинский		7.496
	Удинский		18.183
Уссурийская обл.: 6 округов	Южно-Уссурийский		124.306
	Уссурийский		19.565
	Суйфунский		1.196
	Ханканский		4.779
	Аввакумовский		1.175
	Сучанский		656
	Вместе (Приморская и Уссурийская обл)	1.858.488	328.877

Оглавление

Том VI. АЗИАТСКАЯ РОССИЯ....4
Глава I Общий взгляд на Азию....4
I....4
II....7
III....9
IV....16
V....17
VI....22
VII....25
Глава II Кавказ....33
I. Горы Понто-Каспийского перешейка....33
II. Западный Кавказ, бассейн Кубани, абхазцы, черкесы, Черноморские казаки....48
III. Центральный Кавказ, бассейны Кумы и Терека....64
IV. Дагестан. Восточный Кавказ....76
V. Бассейны Ингура, Риона, Чоруха....85
VI. Бассейн Куры....99
VII. Русская Армения....127
VIII. Общий обзор и администрация Кавказского края....148
Глава III Арало-Каспийский склон....160
I. Общий взгляд....160
II. Памир и Алай....164
III. Тянь-Шань....173
IV. Горы Тарбагатай и бассейн озера Балхаш....190
V. Покатость Аральского и Каспийского морей....197
VI. Народы, населяющие арало-каспийскую покатость....226
VII. Государства Арало-Каспийской покатости....249
1. Бактриана или Афганский Туркестан....249
2. Мерв, независимые туркмены....262
3. Бухара....265
4. Хива....276
5. Русский Туркестан....282
Глава IV Сибирь....312
II. Алтай....345
III. Бассейн Оби....360
IV. Бассейн Енисея и Байкал....389
1. Бассейн западного Енисея....389
2. Байкал и Ангара....405
V. Бассейн Лены, берега Ледовитого океана....422
VI. Берингов полуостров, бассейн Анадыря и Камчатки; чукчи, коряки и камчадалы....437
VII. Становой хребет, бассейн Амура, русская Манчжурия....455
VIII. Сахалин....478
XI. Материальное состояние и управление Сибири....483